

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

C-NRLF

3 215 730

UCD LIBRARY

1844

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

21

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 л., № 12.)

1881.

KRAUS REPRINT LTD.

Mendelntriedtstein

66

UCD LIBRARY

Digitized by Google

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Май 1881 г.
Непреѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весселовскій*.

Printed in Germany

Lessing-Druckerei — Wiesbaden

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Извлечения из протоколов Отделения русского языка и словесности:

За сентябрь — декабрь 1879 г.	I — IV
За январь — май 1880 г.	V — X

Приложения к протоколам:

Записка об ученых трудах профессора И. В. Ягича, составленная академиком Я. К. Гротом....	XI — XIX
Записка об ученых трудах адъюнкта Академии Наук А. Н. Веселовского, составленная академиком Я. К. Гротом.....	XX — XXII
Русско-Нищенский словарь, составленный из разговора нищих Слуцкого уезда, Минской губернии мѣстечка Семежова. Законоучителя Мирского уездного училища, священника Ф. Сцепуро... XXXIII — XXXII	
Отзывъ А. Ф. Бычкова о Словарѣ Сцепуро.....	XXXIII — XXXIV

Старообрядческій синодикъ. А. Н. Пыпина	№ 1. 1 — 17
Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. А. Н. Веселовскаго.....	№ 2. 1 — 228
Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ въ первой половинѣ XVIII столѣтія И. А. Чистовича.....	№ 3. 1 — 82
Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья вторая. Я. К. Грота.....	№ 4. 1 — 300
Фриульскіе Славяне. И. И. Срезневскаго	№ 5. 1 — 56
Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю И. И. Носовича. № 6.	1 — 22

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1879 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ и читанный имъ въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1879 года. № 7.	1 —	24
Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова И. И. Срезневскаго..... № 8.	1 —	28
—		
Алфавитный указатель	1 —	21

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Сентябрь — Декабрь 1879 года.

Читано письмо П. В. Шейна къ академику Гроту, въ которомъ объясненъ порядокъ расположенія доставленныхъ въ Отдѣленіе Бѣлорусскихъ пѣсень, и испрашиваются дальнѣйшія по этому предмету указанія. По выслушаніи этого письма академикъ Бычковъ изъявилъ готовность пересмотрѣть присланныя г. Шейномъ тетради.

Академикъ Гротъ доложилъ, что, продолжая въ теченіе глѣтныхъ мѣсяцевъ печатать біографію Державина, онъ въ то же время занимался, для приложенія къ ней, изслѣдованіемъ о языкѣ поэта и составленіемъ по особому плану указателя замѣчательныхъ словъ и оборотовъ, встрѣчающихся въ его стихотвореніяхъ. Трудъ этотъ будетъ въослѣдствіи представленъ Отдѣленію.

Академикъ Бычковъ, возвращая взятыя имъ на просмотръ тетради г. Шейна, прочелъ слѣдующій отзывъ: «Собранные г. Шейномъ матеріалы должны быть, по моему мнѣнію, расположены: а) по говорамъ Бѣлорускаго нарѣчія, а не по губерніямъ, и б) въ каждомъ говорѣ въ извѣстной системѣ, то есть сгруппированы въ опредѣленные отдѣлы. Изъ этого слѣдуетъ, что Отдѣленію прежде всего нужно имѣть въ рукахъ тѣ выводы о говорахъ Бѣлорускаго нарѣчія, которые г. Шейнъ извлекъ изъ личныхъ наблюденій и изъ собраннаго имъ матеріала. Затѣмъ было бы весьма желательно, чтобы г. Шейнъ сообщилъ, относятся ли присланные имъ матеріалы по Минской губерніи къ одному говору. Если будетъ полученъ отъ него положительный отвѣтъ, въ такомъ случаѣ распредѣлить матеріалы въ систему будетъ нетрудно. При этомъ

при каждой пѣснѣ, сказкѣ и т. п. можетъ быть указана мѣстность, гдѣ онѣ записаны. Хорошо было бы получить также свѣдѣніе, нѣтъ ли между собранными матеріалами въ другихъ уѣздахъ такихъ, которые принадлежать къ говору, употребляемому въ Минской губерніи, если въ этой губерніи господствуетъ одинъ. Представленные и сгруппированные такимъ образомъ матеріалы дадутъ возможность нанести на карту границы употребленія говора, а это во многихъ отношеніяхъ весьма важно. Отдѣленіе, вполне одобряя этотъ отзывъ, положило сообщить оный г. Шейну.

По поводу заявленія академика Грота въ одномъ изъ предыдущихъ засѣданій о трудѣ его надъ языкомъ Державина, М. И. Сухомлиновъ, считая полезнымъ возвратиться къ занимавшей нѣкогда Отдѣленіе мысли о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ, прочелъ слѣдующую составленную имъ съ этою цѣлью записку: «Исторія литературнаго языка находится въ неразрывной связи не только съ исторіею литературы, но и съ судьбами народной образованности вообще. Движеніе, совершающееся въ умственной жизни народа, неизбѣжно отражается и на его литературномъ языкѣ. Сообразно съ этимъ движеніемъ увеличивается запасъ словъ, многія слова получаютъ новое значеніе, измѣняется складъ рѣчи, и т. п. Въ литературномъ языкѣ проявляется своего рода творчество, подобное тому, какое замѣчаютъ въ языкѣ устномъ. По замѣчанію лингвистовъ, одно и то же слово могло быть создано и впервые произнесено въ одно и то же время въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ той внутренней силы, которая врожденна человѣку и составляетъ существенное свойство человѣческой природы. То же самое возможно и въ литературномъ языкѣ: одно и то же слово можетъ явиться подъ перомъ писателей, удаченныхъ другъ отъ друга и мѣстомъ и временемъ, и руководимыхъ единственно чувствомъ языка и потребностію дать мысли своей наиболѣе точное выраженіе.

«Независимо отъ постепенной измѣняемости смысла словъ исторія языка должна обращать вниманіе на свойство и количество иностранныхъ словъ, употребляемыхъ писателями различныхъ эпохъ, на выраженія образныя, на любимыя эпитеты и другія особенности, рисующія талантъ писателя и литературный вкусъ его времени. Исторія русскаго литературнаго языка слагается изъ данныхъ, добываемыхъ изученіемъ языка отдѣльныхъ писателей. Съ этого и надобно начать». Вслѣдствіе этого академикъ Сухомлиновъ считалъ полезнымъ составить программу для разсмотрѣнія языка

отдѣльных писателей. Вслѣдъ затѣмъ М. И. Сухомлиновъ изложилъ планъ представленнаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Отдѣленіе труда надъ языкомъ Жуковскаго и прочелъ отрывки изъ рукописи этого труда.

Отдѣленіе, находя и съ своей стороны осуществленіе такой мысли весьма желательнымъ, опредѣлило, по дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса, приступить на первый случай къ составленію предполагаемой программы.

Академикъ Срезневскій прочелъ слѣдующую замѣтку: «Въ одномъ изъ предшешихъ засѣданій предъявля свое переработанное общее повременное обзорѣніе древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка, я выразилъ А. Ѳ. Бычкову, какъ товарищу, содѣйствовавшему мнѣ своимъ добрымъ участіемъ съ самаго начала моего труда, просьбу предварительно пересмотрѣть этотъ трудъ въ настоящемъ его видѣ и гдѣ что найдетъ опущеннымъ или подлежащимъ поправкѣ, дополнить и исправить. А. Ѳ. не только не отказался взять на себя эту мелочную работу, но уже сдѣлалъ много важныхъ дополненій и обѣщалъ продолжать свои замѣчанія. Считаю по этому долгомъ заявить ему предъ Отдѣленіемъ свою душевную признательность за его научное радушіе. вмѣстѣ съ тѣмъ представляю Отдѣленію свой трудъ для изданія: во 1-хъ, листы изъ Извѣстій 2-го Отдѣленія, гдѣ были помѣщаемы части этого труда, съ поправками и дополненіями, и во 2-хъ, тетрадь вставокъ въ 40 листовъ мною писанныхъ». Положено представленный И. И. Срезневскимъ трудъ препроводить въ типографію.

Академикъ Гротъ читалъ выдержки изъ своего труда надъ языкомъ Державина. По связи съ вопросомъ о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ, который занималъ Отдѣленіе въ предыдущее засѣданіе, академикъ Срезневскій представилъ рукопись подобнаго труда къ баснямъ Крылова, составленнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ Вяч. Изм. Срезневскимъ. Рукопись эта была передана на разсмотрѣніе Я. К. Гроту, который, возвращая ее, отозвался, что, по его мнѣнію, напечатаніе этого труда было бы весьма полезно, тѣмъ болѣе, что онъ явился бы первымъ опытомъ подобнаго рода въ нашей литературѣ, при печатаніи же могъ бы еще быть усовершенствованъ и пополненъ, составителемъ. Положено возвратить рукопись В. И. Срезневскому для окончательнаго приготовленія ея къ печати.

Адъюнктъ А. Н. Веселовскій, представивъ доставленную А. Н. Пыпинымъ рукопись: «Старообрядческій Синодикъ», прочелъ нѣко-

торые отрывки изъ нея, съ тѣмъ не признаеть лѣ Отдѣленіе полезнымъ напечатать эту рукопись въ академическомъ изданіи. Положено принять ее для напечатанія.

Академикъ Гротъ доложилъ, что при окончательной обработкѣ біографіи Державина ему встрѣтилась надобность просмотрѣть журналы Комитета Министровъ за первое время существованія онаго. Положено просить г. Президента исходатайствовать Я. К. Гроту Высочайшее разрѣшеніе на доступъ въ означенный архивъ.

Академикъ Бычковъ заявилъ, что профессоръ Черновицкаго университета Калужняцкій, занимаясь изслѣдованіемъ о патриархѣ Евфиміи, просить о доставленіи ему VI и VII томовъ Извѣстій Отдѣленія. Положено выдать эти томы.

Читано переданное въ Отдѣленіе, по распоряженію г. Президента, письмо къ его сѣтельству сенатора С. И. Заруднаго, въ которомъ онъ, представляя экземпляръ своего труда: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ», просить обратить вниманіе Академіи на эту попытку доказать, устраненіемъ иностранныхъ терминовъ, гибкость и отчетливость русскаго языка въ выраженіи понятій, и высказываетъ желаніе, чтобы Академія Наукъ почтила его переводъ какимъ-либо съ этой точки зрѣнія отзывомъ. Разсмотрѣніе труда г. Заруднаго поручено академику Гроту, отзывъ котораго впоследствии былъ одобренъ и напечатанъ въ отчетѣ о дѣятельности Отдѣленія.

По поводу возбужденнаго въ Отдѣленіи вопроса, не наступило ли теперь время дать ходъ представленной года 1¹/₂ тому назадъ запискѣ А. Н. Пыпина, принятой въ Академіи съ полнымъ сочувствіемъ о предположеніи снарядить ученую экспедицію въ Болгарію, опредѣлено передать эту записку на предварительное обсужденіе въ Императорское Русское Географическое Общество.

Академикъ Гротъ доложилъ, что въ Отдѣленіи получены переданные изъ Общаго Собранія два рукописные тома «Матеріаловъ для русскаго Корнеслова», собранныхъ покойнымъ академикомъ Павскимъ и приведенныхъ въ порядокъ профессоромъ Духовной Академіи Н. И. Барсовымъ. Положено выразить г. Барсову благодарность Отдѣленія за трудъ его надъ этими рукописями, составляющими дорогой памятникъ учености и трудолюбія знаменитаго составителя; самыя же рукописи принять для храненія въ академической Библіотекѣ.

Январь — Май 1880 г.

Адъюнктъ А. Н. Веселовскій доложилъ, что переселившійся въ Петербургъ изъ Болгаріи румынскій уроженецъ г. Сырку предлагаетъ составить, для напечатанія въ *Сборникъ* Отдѣленія, подробное описаніе семи болгарскихъ сборниковъ апокрифическихъ сказаній о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ событіяхъ съ приложеніемъ хромофотографированныхъ образцовъ и съ извлеченіями изъ сборниковъ цѣлыхъ сказаній неизвѣстныхъ доселѣ или представляющихъ значительную разницу съ редакціями изданныхъ уже апокрифовъ. Отдѣленіе, находя такой трудъ весьма полезнымъ опредѣлило, прежде окончательнаго рѣшенія вопроса, просить г. Сырку представить образцы означенныхъ сборниковъ на просмотръ Отдѣленія, при чемъ однакожь сообщить ему, что такъ какъ рукописи относятся ко времени не ранѣе XVII столѣтія, то едва ли нужно будетъ прилагать хромофотографированные снимки.

Затѣмъ А. Н. Веселовскій довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ продолжаетъ свой трудъ объ источникахъ русскихъ духовныхъ стиховъ и приготавливаетъ къ изданію третій отдѣлъ — объ источникахъ стиха о Голубиной книгѣ.

Академикъ Гротъ представилъ переплетенные по опредѣленію Отдѣленія въ двухъ большихъ томахъ и книжкѣ малаго формата рукописные «Матеріалы Павскаго для объясненія коренныхъ словъ посредствомъ иностранныхъ», недавно принесенные въ даръ Академіи Наукъ наследниками знаменитаго филолога и приведенные въ порядокъ професоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи Барсовымъ. Положено рукопись эту препроводить, для храненія и общаго пользованія, въ 1-е Отдѣленіе академической Библіотеки.

Академикъ Гротъ, доложивъ, что занимающій нынѣ въ Берлинскомъ университетѣ кафедру славянскихъ нарѣчій профессоръ Ягичъ въ письмѣ на имя его окончательно изъявилъ свое согласіе на избраніе его въ члены Отдѣленія р. яз. и сл. на мѣсто недавно умершаго И. И. Срезневскаго, прочелъ составленную вслѣдствіе того записку объ ученыхъ трудахъ Игнатія Викентьевича Ягича. Положено, по произведенной въ Отдѣленіи балотировкѣ, представить эту записку въ Общее Собраніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено: составить записку о трудахъ адъюнкта Академіи А. Н. Веселовскаго для представленія его въ кандидаты на званіе экстраординарнаго академика.

Сентябрь — декабрь 1880 года.

Академикъ Я. К. Гротъ прочелъ отзывъ свой о напечатанныхъ въ Воронежскихъ «Филологическихъ Запискахъ» и присланныхъ въ Отдѣленіе, въ видѣ особыхъ оттисковъ, статьяхъ учителя Корочавской гимназіи А. А. Дмитревскаго подъ заглавіемъ: «Практическія замѣтки о русскомъ синтаксисѣ» и «Еще нѣсколько словъ о второстепенности подлежащаго», при чемъ объяснилъ, что эти брошюры доставлены авторомъ уже съ годъ тому назадъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы Отдѣленіе почтило его своимъ отзывомъ объ этомъ трудѣ и что тогда Я. К. Гротъ, поблагодаривъ г. Дмитревскаго отъ имени Отдѣленія, сообщилъ ему, что хотя въ кругъ обязанностей Отдѣленія не входитъ рассмотрѣніе постороннихъ напечатанныхъ трудовъ, но онъ не отказывается впоследствии, когда ему позволятъ другія занятія, ознакомиться съ присланными брошюрами и высказать о содержаніи ихъ свое мнѣніе. — Самый отзывъ г. Грота уже напечатанъ въ «Филологическихъ Запискахъ» г. Хованскаго.

Читана переданная въ Отдѣленіе Общимъ Собраніемъ рукопись Русско-нищенскаго словаря, составленнаго священникомъ Сцепуро изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губерніи мѣстечка Сеमेжова, и присланнаго въ Академію при отношеніи директора Минскихъ народныхъ училищъ, къ которому рукопись эту препроводилъ штатный смотритель Мирскаго уѣзднаго училища, объясняя, что собранныя названнымъ священникомъ слова изъ разговора семежовскихъ нищихъ имъ однимъ только извѣстны и составляютъ ихъ потаенный языкъ. Рукопись эта передана А. Ф. Бычкову на просмотръ для сообщенія о ней Отдѣленію отзыва.

Академикъ А. Ф. Бычковъ представилъ присланный ему г. Владиміромъ Качановскимъ сборникъ образцовъ болгарскаго народнаго языка, начиная съ XVII вѣка, и прочелъ часть приложеннаго къ нему предисловія собирателя. Рукопись взята на просмотръ А. Н. Веселовскимъ.

Академикъ И. В. Ягичъ заявилъ о своемъ предположеніи издать въ русскомъ переводѣ, съ такими измѣненіями, какія окажутся нужными, собраніе нѣкоторыхъ изъ своихъ филологическихъ изслѣдованій, напечатанныхъ въ иностранныхъ сборникахъ. Изложенный академикомъ планъ этого изданія принятъ съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ.

Академикъ Бычковъ, представивъ свой отзывъ о переданномъ ему нищенскомъ словарѣ, полагалъ, что было бы не бесполезно, очистивъ этотъ трудъ отъ вкравшихся вѣроятно при перепискѣ ошибокъ, напечатать его въ сборникѣ Отдѣленія, что и одобрено; самый же отзывъ А. Ф. Быčkova опредѣлено приложить къ протоколу.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ рукописи трудъ профессора С.-Петербургскаго университета Дестуниса: подлинный текстъ, съ русскимъ переводомъ и объясненіями греческой, трапезунтской былинны византийской эпохи. Положено трудъ этотъ напечатать въ Запискахъ и Сборникѣ.

Академикъ Ягичъ представилъ полученные имъ изъ Загреба книги: 1) изданные въ Прагѣ гг. Гаттала и Патера «Zbytky gútownanusch Alexandreid Staročeskusch» и 2) первый выпускъ изданнаго въ Загребѣ Югославянскою Академіею, подъ редакціею Даничича, словаря хорватскаго нарѣчія, заключающій въ себѣ слова отъ начала буквы А до имени Vesjeda. Отдѣленіе, обративъ особенное вниманіе на этотъ важный для славянской филологіи трудъ, привѣтствовало его съ полнымъ сочувствіемъ и выразило желаніе, чтобы это обширное предпріятіе продолжалось съ тѣмъ успѣхомъ, какого оно по прекрасному началу своему заслуживаетъ.

Академикъ Гротъ доложилъ, что во время пребыванія его въ Москвѣ нынѣшнимъ лѣтомъ знаменитый нашъ драматическій писатель А. Н. Островскій заявилъ ему, что давно занимается составленіемъ матеріаловъ для словаря русскаго народнаго языка и готовъ представить свой сборникъ въ Отдѣленіе, если оно того пожелаетъ. Положено просить г. Островскаго о доставленіи означенныхъ матеріаловъ, которые конечно не могутъ не заслуживать вниманія какъ трудъ такого талантливаго знатока нашей народной рѣчи.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ заявилъ, что при составленіи Исторіи Россійской Академіи онъ встрѣтилъ надобность пользоваться Архивами Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, такъ какъ нѣкоторые изъ членовъ Россійской Академіи были въ то-же время членами обохъ этихъ высшихъ учреждений. Положено сдѣлать зависящее распоряженіе для исходатайствованія М. И. Сухомлинову разрѣшенія заниматься въ означенныхъ архивахъ.

Академикъ Ягичъ, возвращая переданныя ему на разсмотрѣніе двѣ рукописи покойнаго И. И. Срезневскаго, доложилъ, что одна изъ нихъ подъ заглавіемъ «Пятикнижіе Моисеево въ спискѣ

XIV вѣка» составляетъ продолженіе Свѣдѣній и замѣтокъ о мало-извѣстныхъ памятникахъ, а о другой «Тактиконъ Никона Черногорца въ спискѣ 1397 года», слѣдуетъ навести ближайшія справки.—Положено первую напечатать въ Запискахъ и Сборникѣ Отдѣленія, а вторую, какъ составленную на основаніи рукописи, принадлежащей Императорской Публичной Библиотекѣ, передать А. Ф. Бычкову для соображенія и повѣрки при печатаніи 2-го изданія «Древнихъ Памятниковъ письма и языка».

Относительно печатанія оставшагося въ рукописи послѣ И. И. Срезневскаго словаря древне-русскаго языка возникъ въ средѣ Отдѣленія вопросъ: не будетъ ли всего цѣлесообразнѣе издать его совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ оставленъ покойнымъ, подъ заглавіемъ: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Но такъ какъ для ближайшихъ при этомъ соображеній необходимо имѣть всю рукопись въ распоряженіи Отдѣленія, то обратиться къ семейству И. И. Срезневскаго съ предложеніемъ, не признаетъ ли оно возможнымъ весь рукописный матеріалъ словаря передать теперь же въ собственность Отдѣленія и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить, на какихъ условіяхъ оно согласно предоставитъ Академіи право изданія его.

При этомъ академикъ Ягичъ, изъявивъ готовность, въ случаѣ если такое предположеніе осуществится, принять на себя наблюденіе за печатаніемъ и корректурую словаря.

Академикъ А. Н. Веселовскій прочелъ слѣдующій конспектъ стоящаго у него на ближайшей очереди послѣдованія:

1) Илья и Соловей Будимировичъ въ письмѣ 1574 года (свидѣтельство Лассоты отъ 1594 г.) Имена: Ильи Моровлянинъ, Моровлянинъ, Муровецъ; сопоставленіе именъ Ильи и Соловья указываетъ, быть можетъ, на сводную былину XVI вѣка.

2) Содержаніе былины о Соловьѣ Будимировичѣ. Критика пѣсенной рецензій Кириши Данилова, какъ пинтерполированной (Запава и Алеша Поповичъ, Запава и Давидъ Поповъ).

3) Образы былины о Соловьѣ Будимировичѣ: законъ земли шаханой, неораной, зеленый садъ Запавы, вишенье, желаніе Соловья: повырубить садъ, построишь терема; игра на гусяхъ и въ шахматы. Параллели изъ символикъ брачныхъ пѣсенъ. Былина о Соловьѣ Будимировичѣ, какъ пѣснь о брачной поѣздкѣ богатыря. Леденецъ и Веденепкая земля?

Чтано письмо И. В. Юшкевича къ академику Гроту съ увѣдомленіемъ о послѣдовавшей 20-го минувшаго октября въ Ка-

зани кончинѣ родного брата его, Антонія Васильевича. Принято съ искреннимъ сожалѣніемъ объ этой чувствительной для науки утратѣ почтеннаго труженника.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ рукописи два новыя изслѣдованія свои: 1) *Groissans Crescens* и средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, и 2) южно-русскія былины, причѣмъ сообщилъ слѣдующій конспектъ первыхъ двухъ главъ послѣдняго, подъ заглавіемъ: «Былина о Михаилѣ Даниловичѣ и младшіе богатыри»:

1) Малорусскія легенды о кіевскихъ золотыхъ воротахъ. Ихъ схема.

2) Былины о Михаилѣ Даниловичѣ и побывальщина о немъ по ркп. XVIII вѣка. Ихъ схемы; сравненіе съ предыдущей и выводы.

3) Повѣрка этихъ выводовъ по другимъ былинамъ: а) пѣсни о Ермакѣ и Василии Пьяницѣ; б) Илья и Калина, отношеніе этихъ пѣсенъ къ былинамъ о младшихъ богатыряхъ; в) Илья и Идолище; Илья и голы кабацкія.

Тотъ же академикъ представилъ сообщенную ему Е. В. Барсовымъ по рукописи XVII вѣка былинну, извѣстную подъ заглавіемъ: «Повѣсть о семи богатыряхъ» и при ней свое изслѣдованіе. Трудъ этотъ переданъ на разсмотрѣніе А. Ф. Бычкову и изслѣдствіе отзыва его будетъ напечатано въ Запискахъ и Сборникѣ.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ представилъ окончаніе отпечатаннаго имъ, въ теченіе послѣдняго полугодія, 5-го выпуска Исторіи Россійской Академіи.

Доставленный г. Шейномъ рукописный сборникъ Духовныхъ стиховъ, имъ же записанныхъ, переданъ на разсмотрѣніе А. Н. Веселовскому.

Академикъ Ягичъ прочелъ составленную имъ записку о своемъ намѣреніи заняться составленіемъ сравнительнаго словаря славянскихъ языковъ, какъ труда, входящаго въ кругъ обязанностей Отдѣленія, согласно съ его уставомъ, и принадлежащаго къ специальности академика Ягича. Главныя пѣзъ изложенныхъ въ этомъ проектѣ основаній заключаются въ слѣдующемъ:

1) Сравнительный словарь славянскихъ языковъ (*Linguarum slavicarum lexicon comparativum*) будетъ содержать всѣ славянскія нарѣчія, съ церковно-славянскимъ во главѣ.

2) Словаръ будетъ имѣть характеръ этимологическій, т. е. слова подходящія по яснымъ законамъ словопроизводства подъ одинъ ко-

Х ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ОТДѢЛЕН. РУССКАГО ЯЗ. И СЛОВЕСНОСТИ.

рень, должны быть помѣщены подъ тѣмъ же словомъ или тою формою его, которая считается для нихъ коренною или основною.

3) Несмотря на этимологическую группировку, отдѣльные славянскія языки съ ихъ нарѣчіями останутся обособленными, такъ что семь словъ каждаго отдѣльнаго нарѣчія будутъ помѣщаться отдѣльно, языки же должны слѣдовать одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ: Древнеславянскій или церк. сл.—Русскій съ малорусскимъ и бѣлорусскимъ нарѣчіями—Болгарскій—Сербско-хорватскій—Словинскій—Чешскій съ словацкимъ нарѣчіемъ—Верхне-и Нижнелужицко-сербскіе—Польскій съ нарѣчіемъ кашубскимъ—Остатки полабскихъ нарѣчій—Матеріалъ словъ, заключающійся въ именахъ личныхъ и названіяхъ мѣстностей.

4) Каждый отдѣльный языкъ долженъ быть представленъ въ видѣ историческомъ, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ.

5) Для передачи главныхъ значеній словъ предназначается языкъ латинскій.

6) Академикъ Ягичъ, принимая на себя непосредственное веденіе труда, приглашаетъ въ сотрудники лицъ извѣстныхъ въ славянской наукѣ своими учеными трудами, и имена ихъ будутъ напечатаны въ заглавіи словаря.

7) Сначала матеріалъ будетъ собираться на отдѣльныхъ карточкахъ одинакой величины. Каждое слово, заимствованное изъ сочиненія или текста вошедшаго въ число источниковъ для этого словаря, должно на карточкахъ быть снабжено цитатою, т. е. довольно полною фразой и ссылкой на источникъ.

Отдѣленіе, принявъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ проектъ академика Ягича и выразивъ полную готовность содѣйствовать къ осуществленію его на изложенныхъ въ немъ основаніяхъ, опредѣлило предоставить Игнатію Викентьевичу приступить къ приготовительнымъ мѣрамъ для приведенія въ дѣйствіе его предположеній.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I.

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ ПРОФЕСОРА И. В. ЯГИЧА,

составленная академикомъ Я. К. Гротомъ.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности, желая вознаградить потерю, недавно понесенную имъ въ лицѣ И. И. Срезневскаго, остановило свое вниманіе на извѣстномъ своими учеными трудами по славянской филологіи хорватскомъ уроженцѣ г. Ягичѣ, нынѣ ординарномъ профессорѣ славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ университетѣ и издателѣ журнала: *Archiv für slavische Philologie*.

Игнатій Викентьевичъ Ягичъ родился въ 1838 году въ городѣ Вараждинѣ (въ Хорватіи). По окончаніи полного курса наукъ въ Вѣнскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, гдѣ онъ, между прочимъ, слушалъ Миклошича, Боница и Фалена и выдержалъ полный учительскій экзаменъ по обоимъ древнимъ языкамъ, онъ въ 1860 году занялъ мѣсто преподавателя этихъ языковъ въ Загребской гимназіи.

Уже въ 1861 году вступилъ онъ и на ученое поприще своими «Замѣчаніями о сербской народной поэзіи» съ формальной точки зрѣнія, то-есть о красотѣ изложенія, о языкѣ и поэтическихъ выраженіяхъ. Этотъ трудъ былъ напечатанъ въ програмѣ Загребской гимназіи; въ слѣдующемъ году г. Ягичъ помѣстилъ въ такой же програмѣ статью о склоненіи существительнаго имени, какъ оно развилось историческимъ путемъ въ церковно-славянскомъ, сербскомъ и хорватскомъ языкахъ. Въ 1863 году появилось въ книгѣ «Тысячелѣтіе св. Апостоловъ Кирилла и Меѳодія», его изслѣдованіе о славянскомъ переводѣ евангелія. Къ 1864 году относятся нѣсколько трудовъ професора Ягича: 1) Въ обширномъ обзорѣ исторіи и литературы южныхъ Славянъ, вошедшемъ въ составъ

Чешскаго энциклопедическаго словаря, ему принадлежит все относящееся къ исторіи языка и литературы Хорватовъ и Сербовъ и до сихъ поръ еще не имѣется болѣе подробнаго изложенія этого предмета въ полномъ обзорѣ. 2) По порученію австрійскаго правительства, составлена и издана г. Ягичемъ грамматика хорватскаго языка на основаніи церковно-славянскаго, ч. I, въ которой хорватская фонетика впервые разсмотрѣна исторически. Эта грамматика еще и теперь служитъ учебникомъ въ высшемъ класѣ гимназическаго курса. Въ дополненіе къ этому труду онъ же издалъ, частію въ томъ же году, частію въ 1865 и 66, два тома образцовъ древне-хорватскаго языка по памятникамъ глаголической и кирилловской письменности; во второмъ томѣ большая часть примѣровъ извлечена изъ рукописей; текстъ снабженъ введеніями и примѣчаніями. Кромѣ того въ 1864 году г. Ягичъ принялъ участіе въ основаніи литературнаго журнала *Knjževnik* и сдѣлался главнымъ редакторомъ его, завѣдывая филологическою частью. Съ этихъ поръ, въ теченіе трехъ лѣтъ, и здѣсь стали часто появляться труды Игнатія Викентьевича, въ числѣ которыхъ замѣтимъ: *Наша орфографія; Изъ прошлаго хорватскаго языка, гдѣ между прочимъ помѣщенъ самый подробный разборъ дѣятельности Вука Стеф. Караджича, а также разсмотрѣны сочиненія многихъ сербскихъ ученыхъ. Далѣе: разборъ эпоса «Сирена», графа Зриньскаго, съ обширными извлеченіями и подробнымъ анализомъ его языка;—обозрѣніе хорватско-сербской литературы за послѣдніе годы;—обозрѣніе археологическихъ памятниковъ Загребскаго музея съ изложеніемъ относящихся къ этой отрасли вѣдѣнія научныхъ вопросовъ;— разборъ сочиненія Пыпина и Спасовича, и многія другія статьи, которыя для краткости здѣсь не исчисляются.*

Въ то же время къ изданію Ассеманова Евангелія, напечатанному глаголическимъ шрифтомъ подъ редакціею д-ра Рачкаго, профессоръ Ягичъ написалъ обширное введеніе, въ которомъ текстъ этого памятника разобранъ съ грамматической, лексической и критической точкою зрѣнія.

Столь многочисленныя труды глѣдича не могли остаться незамѣченными въ ученоемъ мірѣ. Въ 1866 году онъ былъ утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ учрежденной въ Загребѣ Югославянской Академіи наукъ и искусствъ, оставаясь при этомъ въ званіи профессора; затѣмъ сдѣлался членомъ разныхъ ученыхъ обществъ въ славянскихъ земляхъ; въ 1868 году избранъ членомъ корреспондентомъ нашей Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго

языка и словесности, а въ 1870 году удостоенъ отъ С.-Петербургскаго университета степени доктора славянской филологіи.

Между тѣмъ дѣятельность г. Ягича болѣе и болѣе развивалась: въ 1867 году онъ издалъ отдѣльно исторію древняго періода сербско-хорватской литературы, которая вскорѣ была переведена на русскій языкъ и издана въ 1871 году въ Казани.

Съ 1867 по 1870 годъ продолжалось сотрудничество его въ изданіяхъ Юго-славянской академіи, при которой онъ одно время состоялъ вторымъ секретаремъ, бывъ прежде секретаремъ илирійской матицы. Почти въ каждой книгѣ «Ряды» Юго-славянской академіи, особенно въ первые годы этого изданія, находятся болѣе или менѣе обширныя статьи г. Ягича, преимущественно критическаго и библиографическаго характера, какъ напримѣръ разборъ исторіи сербской литературы, Новаковича, разборъ новѣйшихъ трудовъ Миклошича, некрологъ Шлейхера. Тутъ же появились и нѣкоторыя изслѣдованія г. Ягича, какъ то: Сравнительная мифологія, по поводу сочиненія Афанасьева; — Новѣйшая вокализация въ сербско-хорватскомъ языкѣ (сочиненіе, вышедшее также отдѣльнымъ изданіемъ); — Паралель между лирикой трубадуровъ и древнѣйшими произведеніями лирической поэзіи въ Рагузѣ; — Паралель между удареніемъ сербо-хорватскимъ и греческимъ, латинскимъ, литовскимъ и латышскимъ; — Матеріалы для исторіи славянской народной поэзіи (вышли также отдѣльнымъ изданіемъ и переведены на русскій языкъ въ Славянскомъ Ежегодникѣ Задерацкаго, въ Кіевѣ).

Профессоръ Ягичъ участвовалъ также въ издаваемомъ Юго-славянской академіей сборникѣ «Старины» съ самаго основанія его въ 1869 году, помѣстивъ въ немъ тексты нѣкоторыхъ древне-хорватскихъ памятниковъ, а также описанія и извлеченія изъ разныхъ южно-славянскихъ рукописей, трудъ, который появился я отдѣльнымъ изданіемъ. Онъ принималъ кромѣ того участіе въ изданіи томъ же академіей древнихъ писателей сербско-хорватской литературы, предпріятіи, для котораго ему поручено было составить програму. Первый томъ былъ напечатанъ подъ его надзоромъ, и ему принадлежитъ критическій отдѣлъ этого тома; II и III томы изданы исключительно имъ; части IV и V томовъ вышли подъ его редакціей.

Наконецъ и въ Бѣлградскомъ «Гласникѣ» есть два памятника, изъ которыхъ одинъ отчасти, а другой вполне приготовлены къ печати г. Ягичемъ.

Въ 1871 году, по избранію совѣта Императорскаго Новороссійскаго университета, Игнатій Викентьевичъ занялъ въ немъ, въ званіи экстраординарнаго профессора, кафедру сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ, и въ томъ же году командированъ былъ на годъ въ путешествіе по Россіи и за границу для усовершенствованія себя въ санскритскомъ и русскомъ языкахъ, и вскорѣ по возвращеніи, въ 1872 году, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Новороссійскаго университета.

Въ отношеніи къ русскому языку профессоръ Ягичъ, уже прежде изучившій его, достигъ цѣли своего путешествія въ такой степени, что могъ уже совершенно свободно владѣть этимъ языкомъ не только на письмѣ, но и въ устномъ употребленіи. Однакожъ въ этотъ разъ ему не суждено было прочно водвориться въ Россіи. Въ предыдущіе годы замѣчательная дѣятельность его по славянской филологіи обратила на него вниманіе и германскихъ ученыхъ. Еще въ 1871 году онъ удостоенъ былъ Лейпцигскимъ университетомъ степени доктора филологіи; а въ 1874 г., по учрежденіи въ Берлинскомъ университетѣ кафедры славянскихъ нарѣчій, приглашенъ занять ее въ званіи ординарнаго профессора, вслѣдствіе чего въ октябрѣ помянутаго года и испросилъ увольненіе отъ службы въ Новороссійскомъ университетѣ. Вскорѣ послѣ того начинается новая и наиболѣе видная дѣятельность профессора Ягича въ области филологической литературы. Издавъ еще въ 1871 году въ Загребѣ изслѣдованіе «Das Leben der Wurzel *dê* in den slavischen Sprachen», онъ съ 1875 года предпринялъ изданіе журнала «Archiv für slavische Philologie», который, продолжаясь уже 4 года, доставилъ ему почетное имя въ европейской наукѣ.

Было бы слишкомъ долго поименовывать всѣ многочисленныя его изслѣдованія, критическіе разборы, краткія замѣтки и библиографическія обзорѣнія, появлявшіеся въ каждомъ выпускѣ этого изданія, и свидѣтельствующіе о многостороннемъ филологическомъ образованіи автора, о его критическомъ умѣ и обширности охватываемаго имъ круга изслѣдованій. Болѣе крупныя изъ статей его, помѣщенныхъ въ «Архивѣ», исчислены въ перечнѣ, приложенномъ къ настоящей запискѣ. Уваженіе, заслуженное имъ чрезъ это изданіе въ ученомъ мірѣ, выразилось между прочимъ избраніемъ его: въ 1877 году членомъ Королевскаго Общества наукъ въ Прагѣ, въ 1878 г. ординарнымъ академикомъ Краковской Академіи наукъ и почетнымъ членомъ Археологическаго Общества Siscia въ Краціи.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть о двухъ памятникахъ, въ недавнее время критически изданныхъ профессоромъ Ягичемъ: одинъ съ изслѣдованіемъ на латинскомъ языкѣ—*Зографское Евангеліе* (Берлинъ 1879), другой—*Законъ Винодомскій* съ русскимъ переводомъ, критическими и филологическими замѣчаніями на русскомъ языкѣ. Последнее напечатано въ Петербургѣ Обществомъ любителей древней письменности.

По роду дѣятельности г. Ягича, по его основательному знакомству съ русскимъ языкомъ и предшествовавшимъ обстоятельствамъ его жизни, давно сблизившимъ его съ Россією, естественно было, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности увидѣло въ немъ ученаго, имѣющаго всѣ данныя, чтобы сдѣлаться въ Академіи достойнымъ преемникомъ И. И. Срезневскаго, и потому поспѣшило войти въ сношенія съ Игнатіемъ Викентьевичемъ, который и изъявилъ полное свое согласіе на это избраніе. Нынѣ, по произведенной въ ономъ 4 сего апрѣля балотировкѣ, приведшей къ единоголосному положительному результату, Отдѣленіе имѣетъ честь предложить г. Ягича кандидатомъ на избраніе въ экстраординарные академики и при этомъ позволяеть себѣ надѣяться, что Общее собраніе въ такомъ отступленіи отъ обычной постепенности, которому въ академической практикѣ было уже не мало примѣровъ, не усмотритъ препятствія къ обогащенію силъ Академіи приобрѣтеніемъ столь заслуженнаго и полезнаго сочлена.

Списокъ ученыхъ трудовъ и изданій И. В. Ягича.

1861. Pabirci po svieću našega porodnoga pjesništva, въ Извѣстіи Загребской гимназіи 1861, 4^о. 21 стр.
1862. Deklinacija imena samostavnoga kako se razvi u staroslovenskom-srbskom-hrvatskom jeziku, въ Извѣстіи той же гимназіи 1862, 4^о. 15 стр.
1863. Evangelije u slovenskom prievodu. Historičkofilologički nacrt, въ книгѣ Tisučnica slovenskih apostolah sv. Cirila i Metoda 4^о, 29—66.
1864. Статья Jihoslované въ чешскомъ словарѣ Naucny slovník (тоже отдѣльно, 16^о, XV, 419).
- Gramatika jezika hěrvatskoga, osnovana na starobugarskoj slovenštini. Dio pèrvi. Glasovi. U Zagrebu 1864, 8^о, IV, 89.

- 1864—1866. Priměri starohrvatskoga jezika iz glagolskih i cirilskih književnih starinah, sastavljeni za sedmi i osmi gimnazijalni razred. Dio pèrvi. Uvod i priměri staroslovenski, u Zagrebu 1864, 8°. 101, IV. Dio drugi. Uvod i priměri starohrvatski, u Zagrebu 1866, 8°. XXVI, 192.
1865. Assemanov ili Vatikanski Evangelistar, iznese ga na svjetlo D^r. Franjo Rakći, u Zagrebu 1865. lex. 8°. Uvod. I—CXIX. Въ этомъ изданіи введеніе проф. Ягича стр. XII—XCIХ.
- 1864—1866. Въ трехъ томахъ журнала Književnik, издававшагося подъ редакцію г. Ягича, появились статьи его:
- Годъ I, 1864. Naš pravopis. 1—34, 151—180.
 Primjetbe na Odgovor na Naš pravopis, 186—187.
 Iz prošlosti hrvatskoga jezika, 332—58, 447—85.
- Годъ II, 1865. Slovjensko jezikoslovje. Kratak historičko-filološki nacrt, стр. 78—95, 348—379, 506—537.
 Primjetbe k našoj sintaksi, стр. 176—196.
 Разборъ соч. Вебера (300—1), Миклошича (437—441), Даничича (441—449), Эрбена (449—50), Любича (567—572), Старчевича (572—94), изданія нар. пѣсенъ Матицы Далматинской (574—5).
 Въ библиогр. извѣстіяхъ переведено путешествіе Коларжа въ Москву (143—146), новѣйшія данныя о Босніи (308—9), составл. статья о положеніи триединаго королевства въ европ. статистикѣ (455 — 7), сообщена замѣтка о древне-сербскомъ текстѣ Александра В. (459).
- Годъ III, 1866. Adrianskoga mora Sirena, hrvatski epos XVII vieka priopćio V. Jagić 336—407. (Разборъ эпоса «Сирена» графа Петра Зриньскаго).
 Cirilski zbornik XVI—XVII stoljeća 121—131.
 Stari spomenici pisma i jezika jugozapadnih Slovjena, 293—297: извлечение съ примѣч. изъ «Древнихъ памятниковъ письма и языка югозападныхъ Славянъ», соч. Срезневскаго.
 Štampana hrvatska knjiga XVI vieka. 306—9.
 Kratak priegled hrvatskosrbske književnosti od posljedne dvie—tri godine. 552—585.
 Starine i njihovo znamenovanje. 48—74.
 Разборъ сочиненія Пыпина и Спасовича (152—156), статей помѣщенныхъ въ программахъ хорв. гимназій (310—316), серб. перевода Бартенштейна (157—160).

1867. Historija književnosti naroda hrvatskoga u srbskoga. Knjiga prva; Stara doba, u Zagrebu 1867. 8°. 204. Русскій переводъ: Исторія сербско-хорватской литературы В. Ягича. Казань 1871, 8°. 243.
1868. Prilozi k historiji književnosti naroda hrvatskoga i srbskoga, na sviet izdao V. Jagić, u Zagrebu 1868. 8°. 84. Первоначальн. напечат. въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku, кн. IX и X.
- 1867—1870. Прочитавъ публичную лекцію въ первомъ публичномъ засѣданіи новоучрежденной Юго-славянской академіи наукъ, Н. В. Ягичъ помѣстилъ въ «Радъ» слѣдующія свои статьи:
- Кн. I. Разборъ Исторіи сербской литературы Ст. Новаковича. 236—242.
- Кн. II. Gradja za glagolsku paleografiju. 1—36.
- Кн. V. Novija djela Miklošičeva. 209—229.
- Кн. VI. August Šljaher, nekrolog. 180—204.
- Кн. VIII. Komparativna mitologija (по поводу соч. Афанасьева) 188—200: Najnovija izdanja slovinakih književnih starina trudom I. I. Sreznevskoga. 200—210.
- Кн. IX. Podmladena vokalizacija u hrvatskom jeziku. 65—156 (Вышло и отдѣльнымъ изданіемъ).
Trubaduri i najstariji hrvatski lirici, 202—234.
- Кн. XI. Разборъ сербской библиографіи, изданной Ст. Новаковичемъ, 260—265.
- Кн. XII. Извѣстіе о путешествіи въ Далмацію съ научной цѣлью, 227—229.
- Кн. XIII. Paralele k hrvatsko-srbskomu naglasivanju, 1—17.
- Кн. XIV. Napredak slovinske filologiju posljednjih godina. 169—189. (Продолженіе въ книгѣ XVII. 172—208).
- Кн. XVIII. Критическій разборъ біографіи Крижанича, написанной Безсоновымъ, 164—205.
- Кн. XXXVII. Gradja za historiju slovinske narodne poezije. 33—138. (вышло также отдѣльнымъ изданіемъ, переведено на русскій языкъ).
Въ Starine помѣщены слѣдующіе труды проф. Ягича:
- Кн. I (1869): Ogladi stare hrvatske proze (три текста, писанные на чакавскомъ нарѣчій). 216—236.
- Кн. III (1871) Život Aleksandra Velikoga (сербско-хорватскій текстъ средневѣковаго перевода, по разнымъ спискамъ) 208—33. (Вышло также отдѣльнымъ изданіемъ).

Кн. V (1873). Opisi i izvodi iz nekoliko juznoslovinskih rukopisa 1—109.

Кн. VI (1874) и кн. IX (1877). Продолженія Opisi. 60—157 и 91—172. (Три части описаній вышли и отдѣльно под тѣмъ же заглавіемъ, и Zagrebu 1873—1877. 8°. 281).

Кн. X (1878). Новый рядъ opisi i izvodi (81—157), вышедшій и отдѣльно.

Къ изданію древнихъ сербско-хорватскихъ писателей (Stari pisci) составлена г. Ягичемъ программа (см. I. Predgovor) и подъ его надзоромъ вышелъ:

Томъ I, — сочиненія Марка Марулича, приготовленный для печати И. Кукулевицемъ, но, какъ видно изъ предисловія, критическая часть принадлежитъ проф. Ягичу. О томахъ II и III см. записку о его трудахъ. Въ IV томѣ стр. 1—79, въ V томѣ стр. 1—109 вышли подъ его редакцію.

Съ Бѣградскомъ Гласникѣ, кн. XL (1874) издано имъ: Још нешто о животу светога ђурђа Краковца. 121—132. (Прибавл. къ изданному въ XXI кн. Гласника тексту).

Въ кн. XLII (1875) Гласника: Константинъ философъ и ѡегов живот Стефана Лазаревича деспота српскога, подвѣема српско-словенскимъ рукописима издао В. Јагичъ 223—328. Исправци и додатци 372—377.

На нѣмецкомъ языкѣ издагъ пр. Ягичъ:

Въ 1871 году Das Leben der Wurzel de in den slavischen Sprachen. Agram. 1871, 8°. 73.

Съ 1875 г., въ 4-хъ томахъ Archiv für slavische Philologie, помѣщены слѣдующія его изслѣдованія, не считая болѣе мелкихъ статей:

Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium. I. 1—56. II. 201—269.

Die christlich mythologische Schicht in der russischen Volksepik I. 82—134.

Eine serbische Kuhhautsage (mit Anmerkungen von R. Köhler) I. 153—155.

Aus dem südslavischen Märchenschatz (mit Anmerk. von R. Köhler). I. 267—280, II. 614—642.

Dunav-Dunaj in der slav. Volkspoesie. I. 229—334.

Über einige Erscheinungen des slav. Vocalismus I. 337—412.

- Bibliographische Übersicht der Erscheinungen auf dem Gebiete der slav. Philologie. I. 465—608.
- Condemnatio uvae. Ein serb.-sloven. Text verglichen mit der griech. Originalerzählung I. 611—617.
- Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit literaturgeschichtl. Einleitung. II. 1—110.
- Die südslavischen Volkssagen von dem Grabancijaš dijak und ihre Erklärung II. 437—482.
- Zum litoslavischen Sprachschatz II. 396—399.
- Zur Frage über den Rhinesmus im Neubulgarischen II. 399—400.
- Über einen Berührungspunkt des altslövenischen mit dem litauischen Vocalismus III. 95—108.
- Die Fälschungen in der Mater Verborum des Prager Codex III. 112—124.
- Wie lautete ж bei den Bulgaren? III. 312—358.
- Das Datum des Statutes Vinodol IV. 78—86.
- Die neuesten Forschungen über die slav. Apostel Cyril und Methodius IV. 97—128. 297—317.
- Die südslav. Volksepik vor Jahrhunderten IV. 192—243.
- Zur Frage über den Übergang des silbenbildenden l in ѡ IV. 386—397.
- Woher das secundäre a? IV. 397—412.
- Mythologische Skizzen. IV. 412—427.
1879. Quattuor evangeliorum Codex glagoliticus. Berolini. 4°. XLV, 174.
1880. Законъ Винодольскій. С.-Петербургъ. 4°. 152.

II.

ЗАПИСКА ОБЪ УЧЕНЫХЪ ТРУДАХЪ АДЪЮНКТА АКАДЕМИИ НАУКЪ А. Н. ВЕСЕЛОВСКАГО,

составленная академикомъ Я. К. Гротомъ.

Въ 1877 году, послѣ кончины академика Никитенко, членомъ Отдѣленія русскаго языка и словесности избранъ былъ, въ званіи адъюнкта, профессоръ С.-Петербургскаго университета Александръ Николаевичъ Веселовскій, уже тогда пріобрѣтшій въ ученое мѣръ заслуженную извѣстность своими изслѣдованіями и открытіями въ области западно-европейской, преимущественно средневѣковой литературы, которыми онъ при всякомъ случаѣ пользовался для освѣщенія исторіи отечественной словесности сличеніемъ русскихъ сказаній и памятниковъ съ иностранными. Таковъ былъ главный характеръ ученой дѣятельности нашего новаго сочлена, подробно развитый покойнымъ И. И. Срезневскимъ въ составленной имъ тогда запискѣ о трудахъ г. Веселовскаго.

Съ тѣхъ поръ эта дѣятельность Александра Николаевича продолжалась съ тою же энергіею и въ томъ же господствующемъ направленіи, съ тою только разницею, что онъ еще болѣе прежняго руководствовался въ ней заботою о примѣненіи добытыхъ изученіемъ западной литературы результатовъ къ объясненію явленій духовной жизни славянскихъ народовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе изъ изслѣдованій г. Веселовскаго за послѣдніе годы, какъ можно видѣть изъ приложеннаго къ настоящей запискѣ исчисленія трудовъ его, напечатанныхъ въ 1878 и 1879 годахъ. Изъ нихъ достаточно будетъ здѣсь указать на слѣдующіе: 1) Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ; 2) Хорватская пѣсня о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо (оба въ Ж. М. Н. П.); 3) Слово о 12-ти снахъ Шахашши по ркп. XV в.; 4) О славянскихъ редакціяхъ одного апо-

лога Варлаама и Иоасафа; 5) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ о св. Ѳеодорѣ (въ Зап. Ак. Н.); 6) Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos (въ Archiv für slav. Philologie). Кромѣ того, для Исторіи Литературы г. Галахова г. Веселовскимъ составленъ и уже отпечатанъ очеркъ исторіи русскихъ повѣстей до Петра Великаго.

Во вниманіи къ столь неутомимой и плодотворной дѣятельности своего почтеннаго сочлена, Отдѣленіе, по произведенной въ немъ 4 сего апрѣля балотировкѣ, приведшей къ единогласному избранію, считаетъ безотлагательнымъ долгомъ справедливости нынѣ же предложить А. Н. Веселовскаго къ повышенію въ званіе экстраординарнаго академика.

Списокъ ученыхъ трудовъ А. Н. Веселовскаго съ 1878 года.

(Продолженіе напечатаннаго въ XVIII томѣ «Сборника Отдѣленія русск. яз. и слов.» списка прежнихъ трудовъ его).

1. Критическія и библиографическія замѣтки о разныхъ западно-европейскихъ изданіяхъ по народной литературѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. Январь 1878 года.
2. Раблѣ и его романъ. Вѣстникъ Европы. Мартъ 1878 г.
3. Phol als aethiopischer König. Archiv für slav. Philologie. Т. II, вып. 3, 1878 г.
4. Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ. Журн. Мин. Народн. Просв. Апрѣль 1878 г.
5. Un nouveau texte des Novas del Paragay. Romania, 1878. Avril, № 26.
6. Хорватская пѣсня о Родославѣ Павловичѣ и итальянскія поэмы о гнѣвномъ Радо. Журн. Мин. Народн. Просв. Январь 1879 г.
7. Слово о 12-ти снахъ Шаханши по ркп. XV вѣка. Зап. Имп. Ак. Наукъ, 1879. Т. XXXIV.
8. О славянскихъ редакціяхъ одного аполога Варлаама и Иоасафа, тамъ же, кн. II.
9. Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos. Archiv f. slav. Philol. III. 1879 г.
10. Робертъ Гринъ и его изслѣдователи. Вѣстникъ Европы. Августъ 1879 г.

11. Критическія и библиографическія замѣтки. Felix Liebrecht, Zur Volkskunde, Alte und Neuere Aufsätze. Журн. Мин. Народн Просв. Сентябрь 1879 г.
12. Огѣмеченное славянское поселеніе въ Тироли, тамъ же.
13. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. I. Греческій апокрифъ св. о Теодорѣ. Зап. Академіи Наукъ.
14. Очеркъ исторіи русскихъ повѣстей до Петра Великаго (отпечатанный въ 1879 г., но еще не вышедшій).

III.

Русско-Нищенскій словарь, составленный изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи мѣстечка Семежова.

(Законоучителя Марскаго уѣзднаго училища, священника Ф. Спенуры).

А.

арбузъ — бѣлюзникъ.

Б.

баба — кѣба.
 бессмертный — безхалемный.
 берегъ — цѣра, дѣлька.
 братъ — андрусь.
 братъ — анерить.
 биться — кѣлаться.
 благодарить — шакувать.
 богатый — стадырный.
 богатство — стадырство.
 близкій — нешалѣкій.
 близко — нешалѣко.
 близнецы — андрусмы.
 богъ — ахвэсь.
 бокъ — бакулясь.
 болото — шалото.
 болотистый — шалотистый.
 большой — трунѣшь.
 большой — галѣмный.
 богѣть — трунѣть.
 борода — мѣле.
 бояться — шкудраться.
 бртва — махѣчка.
 брить — склѣвить.
 бумага — рѣсанка.
 буду — бѣтлѣть-му.
 бутылка — шлѣхтѣнка.

бураки — батурго
 бобы — бѣкнѣшь.
 богатство — порѣство.
 бывать, быть — бѣтлѣть.
 быкъ — явмѣдокъ.
 быстро — маргѣмъ.
 бѣгать — бѣгѣть.
 бѣлый — плѣнный.
 бѣсъ, дьяволъ — хаушѣнь.

В.

варить — курѣть.
 вашъ — танѣскій.
 вдругъ — маргѣмъ.
 веду и везу — ванцѣру.
 великій — галѣмный.
 вельможа — каврукъ.
 вернуться — курнѣться.
 веселиться — шхтѣться.
 весна — снѣжа.
 вечеръ — кувечерь.
 вечерать — пакучѣрить.
 взглянуть — уленѣуть.
 взлѣзать — взлѣксать.
 взять — вецѣрить.
 видно — виннино.
 видѣть — уленѣвать.
 вина — склѣва.
 виноватый — склѣвный.
 висѣть — вихѣрить.
 вмѣстѣ — курезамъ.

водить — вандэ́рнить.
 вода — дэ́лька.
 воевать — ку́латься.
 военный — бо́тусь.
 возвращать — курну́ть.
 война — ку́лапка.
 возъ, экинажъ — ко́цэнь.
 волкъ — лггачъ.
 волосъ — чэ́месь.
 волчица — лггачиха.
 волчята — лггаченята.
 ворота — скри́цуты.
 воръ — кнймъ.
 воспитывать — кармасать.
 вспоминать — вспоми́рать.
 воскъ — шудрэй.
 вредный — неклёвнй.
 вставить — устичвать.
 встрѣтить — кустречить.
 встрѣча — кустреча.
 выбирать — выспёрвать.
 выводить — вывандэ́рвать.
 выговаривать — гаври́дить.
 выгонять, гнать — выкурго́нывать.
 выдавать — выдэ́вать.
 выдерживать — выкудэ́рживать.
 выжигать — выду́львать.
 вызывать — вызыво́рвать.
 выкупить — вылапу́вить.
 внимать — выкли́жвать.
 вносить — вытаго́нывать.
 выпускать — выпу́щрять.
 вырастать — вырасто́мнить.
 вырывать — адепёрить.
 выскочить — выбо́гггъть.
 выстроить — выскла́вить.
 высѣять — змаглава́ть.
 выучить — науко́рнить.
 выходить — выла́чвать.
 въ́рннй (тоже что добрый) — кле́внй.
 визать — бату́знить.

Г.

гдѣ — кандэ́.
 голова — гла́уда.
 глаза — уле́пки.
 глухой — шуму́рнй.

гнѣваться — кува́рдяться.
 горѣть — ду́ляться.
 говорить — гаври́днить.
 годъ — киндэ́нь.
 голосъ — пса́лмъ.
 голый — гали́ннй.
 гонять — выкурго́нывать.
 гора — ку́гора.
 гарнецъ — ко́туръ.
 горшокъ — ко́туръ.
 горбатый — горбато́чнй.
 горохъ — гаври́жъ.
 городъ — барда́вскъ.
 горькій — несала́дкнмнй.
 гость — гас́тнмнкъ.
 государь — цыры́зннкъ.
 готовить — курля́ть.
 грабить — уаде́рять.
 грошь — хабо́нь.
 грибъ — багла́й.
 грубый — таустн́мнй.
 груша — грустау́на.
 грѣхъ — крэмъ.
 гулять — скла́вить, (не скла́вить).
 грѣшу — крэмлю.
 губить — стубо́рнить.
 гусь — гэрбу́тка.
 грудь (сосцы) — вхталка.

Д.

давать — угу́рить.
 давно — шавно́.
 дарю — шарю́.
 дверь — скри́цуты.
 день — кудень.
 деньги — хаби́н.
 деревня, село — хо́ро.
 дерево — кудрево.
 деревянный — кудрева́ннй.
 держать — кудержа́ть.
 дочь — іо́муска.
 длинный — даугн́мнй.
 добрый — кле́внй.
 добро — кле́во.
 докторъ — ляко́бннкъ.
 дождь — ракцѣ́й.
 доля, счастье — ку́счастье.

домъ — по́хость.
 дрова — абрудки.
 дорого — аша́рно.
 дорогой — дараги́нный.
 доносить — даякучивать.
 дорога — страка́.
 доходить — даякучивать.
 дрожать — калато́ниться.
 другой — дѣтний.
 дядя — цюхдѣй.
 думать — нѣмать.
 душа — духаука.
 дѣвица — каривона́.
 дѣдъ — шкредѣй.
 дѣлать — скла́вять.
 дѣло — склау́та.
 дѣлить — дѣльво́нить.
 дѣтя — фиренѣя.
 дѣти — фиренѣята.

Е

его — бѣго.
 еврей — гудлѣй.
 еврейка — гудлѣйка.

Ж

жаръ — дѣлнсь.
 жарко — жалво́шно.
 жарко — духморо́но.
 жарить — сцену́рять.
 жажьть — жалво́шить.
 жать — махлавать.
 ждаль — ждмкоро́нить.
 желать, хотѣть — во́леть.
 желѣзо — кѣйзо.
 жена — раха.
 живой — живѣнный.
 жито, рожь — зитко́.
 женщина — раха.
 жить — рыво́гать.
 желудокъ — хирро́.

З

зерно — зитко́.
 забывать — заботлѣвать.

завтра — кузавтра.
 завязывать — забату́зывать.
 задерживать — закудѣрживать.
 зажигать — наду́львать.
 закрывать — закрыво́шивать.
 занимать — заялѣрять, немотаго́нить.
 запахъ — ныхъ.
 запира́ть — заканло́нивать.
 записатьъ — зарѣ́псать.
 заплакать — заплаву́нить.
 заслужить — заслуго́нить.
 заставить — засты́мвать.
 зацѣпить — засту́порить.
 звать — зворо́ть.
 здоровый — кѣздоровый.
 здоровье кѣздоровье.
 зерно — куѣлие.
 земля — цѣра.
 зима — снворка.
 злодѣйство — кинмовство́.
 злой — неклѣвый.
 змѣя — хаушнѣя.
 знакомый — кѣзнаемный.
 знать — сѣврать.
 зубъ — лоскатень.

И

игра — кугра́.
 играть — кугра́ть.
 иду — яку́чу, пнаю.
 или — альбо́.
 имѣть — ѣнить.
 имущество — поха́ство.
 испортить — неклѣво, сасклавить.
 исправить — поправо́нить.
 искать — шукоро́нить.
 исповѣдь — уснаемкранѣя.

К

какой — бѣекий.
 камень — пѣтрусь.
 кастель — шацдзѣнь.
 каюсь — жалво́шу.
 квась — буклѣй.
 квартира — ставѣрка.
 каша — лѣмша.

мудрость — сэвра.
 мужъ — мусень.
 музикантъ — куграчь.
 муза — трусна.
 мучить — думбортъ.
 мыслить — шумать.
 нѣрить (тоже что давать).
 нѣмать — нѣничть.
 мягкй — магкѣнный.
 нѣсточко — нусто.
 масло — крѣасо.
 мять — дѣргутить.

Н

набожность — ахвѣсность.
 набожный — ахвѣснй.
 награждать (тоже что дать).
 нацѣвать — склѣжывать.
 навиваться — зивѣряться.
 наваживать (тоже что бить).
 навошецъ — навашиецъ.
 навадать — навацѣнчать.
 наивать — рѣнсать.
 напоминать — споминать.
 наполнять — нацѣнть.
 напрасно — нарно.
 народъ — хвѣране.
 наследникъ (тоже что сынъ).
 наставлятъ — настѣчивать.
 наставникъ — настѣчникъ.
 наставница — настѣчница.
 наступать — настѣчивать.
 натягивать — надегибѣвать.
 наука — наубора.
 научать — науборвать.
 находить — знахѣрнить.
 начало (тоже, что конецъ).
 начальникъ господень — коврѣгъ.
 нашъ — маѣскй.
 невинный — несклѣвный.
 невинность — несклѣвность.
 невѣства — юбущая.
 недавно — нешавно.
 недѣля, воскресенье — мирула.
 несть — таганить.
 низкй — мѣрмй.
 никто, ничто — никѣнты.

новый — новѣнный.
 нога — хадѣрка.
 нора, дыра — ширка.
 ночь — кѣмвса.
 ножъ — махиръ.
 ночевать — кѣмса.
 носъ — чхкасъ.
 нѣмой — нѣмаѣскй.
 нужно, нужда — нагребѣще.
 нужный — нагребѣщй.

О

обжечь — накривѣнить.
 обманывать — анудоривать.
 обвинять — аблѣкнть.
 обрабатывать — склѣвать.
 образъ, икона — ахвѣсникъ.
 обрывать — абаривѣнть.
 объявлять, объяснять — абговрѣдть.
 обладать, завтравать — трѣнъ.
 обцѣвать, — угурить.
 овца — мѣрхи.
 огонь — дулѣсъ.
 огненный — дулѣснй.
 одинъ — юбднъ.
 одинокий (тоже что одинъ).
 одаживать — наивѣрять.
 одажинъ — юбднъ кѣраъ.
 одѣвать — склѣжывать.
 оживать — оживѣннать.
 ожидать — ждѣборть.
 оказываться — оживѣрваться.
 оковать — укубать.
 около — калѣ.
 окронять — крапѣнть.
 окно — зекрѣ.
 онъ — бѣюнь.
 опасаться, бояться — шкудрѣться.
 опять — бѣтлевъ.
 орѣхъ — лѣскотень.
 освободять — пуцѣрнить.
 осень — нацѣворка.
 ослѣпнуть — окалѣпнть.
 оставлять — остѣчивать.
 остерегаться — ошеримѣваться.
 острый — астривный.
 осуждать — абгаврѣживать.

ось (тоже что возъ) — ко́рнь
отборный — кле́вый.
отводить — атвандзёрить.
отворить — аткапю́нвати.
отвѣчать — атгаврѣжвать.
отдавать — атдзекать.
огурецъ — ахму́ръ.
отдыхать — паклю́жить.
отедъ — банта́й.
отзывать — атзвѣ́рвати.
отказывать — атгаврѣжвать.
откладывать — аткю́жвати.
открывать — аткрыво́швати.
откуда — азбѣ́куъ.
открытый — аткрыво́шный.
отмѣнить — атмѣ́нчить.
отнимать — адепѣ́рять.
отправлять — атправо́швати.
отрѣзывать — атмахлѣ́увать.
отснять — атсло́швати.
отсѣвать — атмахлѣ́вать.
оттуда, отсюда — атбѣ́туль.
офицеръ — ёршій.
охотиться — во́литься.
охранять (тоже что закрывать).
охриплость — немо́жнѣму гаврѣ́дять.
ошибаться — ашукор́ваться.

II.

надать — пандѣ́нчить.
папка — бнштѣ́ръ.
палець — шале́ць.
памятовать — шумать.
пастухъ — лалстѣ́ръ.
перебирать — переопѣ́рвати.
переводить — перевендзёрвать.
передавать — передзекáць.
перемѣнять — перемѣ́нчить.
печь — стѣ́пра.
нить — кѣ́рить.
пьяный — кѣ́рный.
переносить — перетаго́нвати.
перешивать — перешлѣ́нчивать.
перепрыгивать — перескаку́рить.
переставать — астѣ́нчиться.
переходить — переханджѣ́вывать.
писать — ре́псать.

письмо — ре́псане.
нить — кѣ́рень.
платить — плаву́нить.
плакать — плѣ́шати.
платокъ — хвилю́стка.
плести (тоже что дѣлать).
плѣсть, плусть — мѣчуга́.
плисать — скаку́рять.
побросать — курѣ́нчить.
повалить — покато́мничь.
повелѣть — сконта́вать.
погибать — пропандѣ́нчить.
погребать — пахатра́ть.
погребеніе — похатра́ніе.
подать — паде́кнуть.
поддерживать — падузергу́лять.
подкладывать — подкю́жвать.
подкупать — апу́лять.
поднимать — подѣ́хчивать.
подступить — подстунѣ́рить.
подходить — подѣ́лчывать.
пожаръ (тоже что горѣть).
позади — ку́заду.
подушка — пухтовня́.
пуховикъ — пухтовнѣ́.
поздній — нешуранны́й.
поздо — нешуро́но.
поздравлять — паку́здравать.
показывать — пакантѣ́увать.
покидать — покурѣ́чивать.
покончить — саскля́нчить.
покрывать — скля́ннить.
поле — трѣ́поле.
полночь — посередкі́мосць.
полюный — лѣ́пный.
половина — лахтаві́на.
полтора — лѣ́нна съ лахтаві́ною.
получить — паде́кнуть.
польза — кармсто́мка.
помнить — сѣ́врить.
помогать — помаго́рить.
понимать (тоже что помнить).
приказывать — прикантѣ́увать.
попадать — унандѣ́нчить.
поправляться — поправѣ́нчиться.
пора — патра́бцяе.
послать — посмо́шнить.
посѣять — паца́ннить.

потерять — згубѣрить.
 ноть (тоже что вода).
 почему — набоито.
 наска — галенитникъ.
 правда — кѹправда.
 носъ — звиваръ.
 преступникъ — крѣмникъ.
 прибить — приакудить.
 приводить — привандѣрнить.
 привыкать (тоже что жить).
 привязывать — прибатѹзвать.
 приготовить — пригатѣмнить.
 придумать — пришумать.
 признаваться — присѣваться.
 призвать — призывѣрнить.
 приказать — прикантовать.
 принимать — приѣхитъ.
 приносить — приагонить.
 принуждать — приаисѣрнить.
 припоминать — спамкратъ.
 приступить — приаунарить.
 прислать — прислѣшнить.
 приходиться — приакудить.
 приучать — приучѣрнить.
 приятно — клево.
 пробуждаться — приокиматься.
 пробѣгать — пробѣглатъ.
 продавать — пропулатъ.
 прозывать — прозвѣрнить.
 всаломникъ — всальникъ.
 пчелы — бѹркатни.
 пѣть — псалить.
 пятавица — пендѣтанца.

Р.

работа — склавѣта.
 работать — склавѣтитъ.
 радостный — радѣмный.
 радоваться — радѣмиться.
 рожать — радѣмить.
 разбивать — раскѹловать.
 разбойникъ — раскѹлванникъ.
 разбудить — набуджѣрнить.
 разговоръ — гавридка.
 разводить — развендѣрнить.
 разгѣдывать — разсѣривать.
 развязывать — разбатѹжвать.

различный — разлитѣмный.
 разрушать — раскурѣвать.
 рассказывать — раскантѣвать.
 рассудить — рассудѣмнить.
 разъ — кѹразъ.
 ракъ — склавѣтникъ.
 рана — кѹрана.
 ранѣ — шуранѣй.
 раненый — кувѣрный.
 ранний — кѹраный.
 ранить — кувѣрнить.
 распускать — раснуѣрвать.
 расти — вырастѣмнить.
 расходиться — разъакутъваться.
 решето — трухлѣ.
 рваться — депѣряться.
 ровный — равнинный.
 ровъ — шѹрка.
 ротъ — хвайло.
 родственникъ — куприѣтъ.
 родство — куприѣнство.
 родиться — урадѣмиться.
 роскошь (тоже что добро).
 рубить (тоже что дѣлать топоромъ).
 рука — фѣрка.
 рубашка — манатка.
 рыба — псалка.
 рѣдкий — рѣдѣмный.
 рѣдко — рѣдѣмно.
 рѣдка — горчѣнна.
 рѣка — сплавѹта.

С.

садъ — садѣмникъ.
 самъ — сабѣсный.
 свинья — кѣрка.
 свадьба — веѣѣико.
 свой — сабѣскій.
 свѣтъ — савъ.
 свѣча — шудрѣйка.
 свѣтить — сѣнить.
 священникъ — кархвѣлъ.
 святой — сѣнный.
 священнодѣйствіе — слугѣмка.
 сдавать — сдзекнѹтъ.
 сдается — сдзекѣется.
 сдерживать — кудзержулатъ.

себя, меня — нашьё.
 сегодня — кúсегодня.
 сей, этотъ, онъ — ббiонъ.
 секретно — нисёвро.
 село — хора.
 семья — хвирья.
 семейство — хвиряне.
 среда — скирогница.
 серебро, монета — игънные хаби.
 сердитый — кувердзйтый.
 сердиться — кувердзйтъся.
 сестра — андруска.
 серпъ — махличка.
 сидеть — накачить.
 сильно — духморно.
 сильный — духморный.
 сказать — скантавать.
 скверный — наклывый.
 скамейка — трёпезникъ.
 склониться — начунйтъся.
 сколько — ббъкулько.
 скоро — наргоумъ.
 сковорода — кувъница.
 скринка — куграчка.
 скрипеть — кугратъ.
 скрывать — накрывошнить.
 скупой — неклёвый.
 слабый — труяйщый.
 слабеть — трунитъ.
 слава — кúслава.
 славный — кúславный.
 сладкий — сладкийный.
 слишкомъ — нбсо.
 слово — кúслово.
 слуга — слугонникъ.
 служанка — слугонница.
 служить — слугонить.
 слышать — слыхтавать.
 слъпой — калъпный.
 смерть — хала.
 смертный — халаанный.
 смотреть — утъпвать.
 смывать — щанить.
 смѣяться — лыхтатъся.
 смѣхъ — лыхтане.
 спать — изъюхчвать.
 свѣгъ — игънникъ.
 собака — скяцъ.

собирать — зепёрвать.
 солдатъ — ббтузъ.
 следка — гáрусникъ.
 солнце — ссаяо.
 соль — гáласць.
 соха — алъвинца.
 сохранить — схатратъ.
 сермяга — сицьага.
 стѣно — вихрб.
 сало — крбасо.
 сапоги — бнуки.
 спать — киматъ.
 спорить — лабунйтъся.
 справа — сиравошно.
 спрашивать — палитошнить.
 спускаться — зъбчить.
 сравнивать — зравинитъ.
 сражаться — кулатъся.
 сражение — кулане.
 середина — кúсередина.
 ссориться — лабунйтъся.
 ставить — стичить.
 стаканъ — жулбйка.
 старий — iорный.
 старость — iбрость.
 староста — iброста.
 старший — iоршый.
 столъ — трáпезъ.
 столько — ббъкулько.
 сторожить — стерегомить.
 стоять — стичить.
 сторожъ — стерегомникъ.
 странникъ, нищый — любоб.
 страхъ — страхонникъ.
 страшный — страхонный.
 строить — склэвить.
 ступать — накúцять.
 стыдливый — карамотный.
 стыдъ — карамотъ.
 стыдно — карамотно.
 стыдиться — карамотитъся.
 судъ, судья — судонникъ.
 судьба, счастье — кúчастье.
 судить — судонить.
 суровый — неклёвый.
 сухой — сухморный.
 счастливый — кúсчастливъ.
 считать — литреть.

снѣгъ — іонусъ.
 сѣверъ, полночь — наукиносъ.
 сидѣть — кичить.
 сѣять — чанить.
 сюда, во мнѣ — къ маньку.
 субота — базатка.
 сумно — веино.
 сумка — наня.

Т.

тайно — никонто.
 также — бѣтакже.
 такъ — бѣтакъ.
 тамъ — толтумъ.
 твердый — тверузинный.
 твой — табъскій.
 течь — теклонить.
 тележокъ — еланденя.
 темный — каленный.
 теперь — кудперъ.
 теплота — смаллена.
 теплый — сибонный.
 тепло — сманно.
 терять — кудерить.
 темно — каленно.
 терять — сгубрять.
 тещь (тоже что отецъ).
 тихій — цимборный.
 тихо — цимборно.
 ткань — ласкотникъ.
 товарищъ — андрусъ.
 товаръ — клеватя.
 только — бѣтулько.
 тонкій — тонкимный.
 тоноръ — мармуля.
 торговецъ — анульщикъ.
 торговля — праволана.
 тетя (тоже что оня).
 трава — вихратанца.
 требовать — надрабичить.
 трезвый — некарный.
 трогать — чанурать.
 трудно — неклево.
 трусливый — калатонный.
 туда — бѣтуда.
 ты — табѣ.
 тѣнь — кудънь.

тѣло — кудѣло.
 тѣсто — кудѣсто.
 тѣсный — кудѣсный.
 тяжело — кудяже.
 тяжелый — кудъзний.

У.

убѣгать — набѣгять.
 увеличивать — унасувать.
 угадывать — атмантовать.
 ударить — кулнѣть.
 удивиться — дзивомиться.
 узнать — усѣврать.
 умершій — нахмѣвнйй.
 умирать — хмѣть.
 умный — клѣвнйй.
 умѣть — скумѣть.
 управлять — управѣвать.
 уступать — устанѣвать.
 утверждать — крикантавать.
 утро — шурано.
 ухо — слѣкто.
 ученикъ — уборникъ.
 ученіе — убора.
 учиться — убориться.
 ученый — уборный, клѣвнйй.
 училище — уборане.
 учитель — уборникъ.
 учительница — уборница.

Х.

хвалить — хвалѣнить.
 хитрый — клѣвнйй.
 хлѣбъ — сунѣха.
 хата, домъ — похосъ.
 холстъ — лѣскаць.
 ходить — ханджевать.
 хозяйка — манѣская раха.
 хозяинъ — нахазникъ.
 холодъ — сибѣръ.
 холодный — сибѣриннйй.
 холостой — ливейѣчаннйй.
 хороший — клѣвнйй.
 хотѣть — волѣть.
 храбрый — клѣвнйй.
 хвать — клѣсѣ.

хранить — хатрать.
христосъ — ахвеса іоуусъ.
хрибъ — гарчѣнникъ.
хригѣть — гругнѣть.
худой — чаклѣвнй.

Ц.

царь — цырѣнникъ.
царица — цырѣнница.
цариковь — клюса.
цѣлнй — цалѣннй.
цмбуля, лувъ — бардзуля.

Ч.

часто — кучасто.
часть — куматочекъ.
часть — кугодзина.
человѣкъ — логъ.
чернй — чарнѣннй.
чернить — чарнѣннѣть.
честнй — члѣвнй.
чистнй — клѣвнй.
чтеніе — рѣсане.
что, кто — копто.
чужой — чужамѣрнй.
чуткй — слѣхтнѣй.
чѣмъ — коптнѣмъ.

Ш.

шагъ — куразъ ступѣрнѣтѣ
широкй — широкѣннй.
шкура — шкурѣмѣ.
шанга — камуха, камѣд.
штани — настѣзнѣнѣнѣ.

Ъ.

ѣсть — трѣбѣть.
ѣхать — ѣрчѣть.

Э.

этотъ (тоже что онъ).

Я.

я — манько.
язнѣтъ — лѣмекъ
ялицо — явратко.
яблоко — вислѣтко.
яснй — куяснй.
яма — шмѣрка.

Счетъ.

1 — іодѣнѣтъ.
2 — дѣвнѣя.
3 — сѣкрѣя.
4 — сѣсаръ.
5 — янджѣ.
6 — шѣндра.
7 — сѣнтнѣтъ.
8 — ахтѣнѣръ.
9 — дзевѣнджѣ.
10 — дзѣканѣтъ.
11 — дзѣканѣтъ јодѣнѣтъ и т. д.
20 — дѣвнѣя дзѣканѣтъ и т. д.
100 — дзѣканѣтъ курѣзѣвѣтъ надзѣ-
канѣтъ.
дагѣ 100 счету нѣтъ.

Монета.

рубль — хрущъ.
гривна — дзевѣя дзѣканѣтка.
15 коп. — русѣновѣка.
20 коп. — сѣсаръ дзѣканѣтка.
30 коп. — дзевѣя русѣнѣя.
Названія нѣкоторыхъ селеній.
Семезово — Лухнѣнѣскѣтъ.
Бучатно — Вншгѣрово.
Лѣшня — Крѣмнѣца.
Тнмѣовнчн — Звннарѣвнчн.
Боннѣя — Канцѣнѣскѣтъ.
Слудѣкъ — Бордѣаусѣкъ.
Клѣцѣкъ — Крамѣцѣкъ.
номѣнѣцнѣчѣя усадѣба — хвѣртъ.

IV.

ОТЗЫВЪ А. Ф. БЫЧКОВА О СЛОВАРЬ О. ЩЕЩУРО.

Разсмотрѣвъ «Русско-нищенскій словарь», составленный изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда Минской губернии мѣстечка Семезова, я нашелъ, что онъ состоитъ:

а) изъ словъ Русскаго языка съ приставкою къ нимъ слоговъ *бѣ* и преимущественно *ку* въ началѣ или въ срединѣ, если слово сложное съ предлогомъ, наприм.:

встрѣча — кустреча.
 завтра — кузавтра.
 задерживать — закудерживать.
 здоровье — куздоровье.
 сегодня — кусегодня.
 сколько — бѣкулько и т. д.

б) изъ словъ, употребленныхъ офенями Владимирской губернии. наприм.:

	офен.	нищен.	
баба	куба	куба	к = ц.
ворота	скрини	скрипуги	} звукоподраж.
дверь	скринота	скрипуги	
рубль	хрусть	хруць	ст = щ.
годъ	киндриѣ	киндзиѣ	д = дз.
человѣкъ	лохъ	логъ.	
мужъ	мусень	мусень.	
лапти	верзни	верзень (лапоть).	
хорошій	клевиѣ	клевиѣ	} област.
холодъ	сивонъ	сиворъ	
спать	внмать	внмать.	
мясо	красо	красо.	
соль	ялость	галасць.	

	офен.	нищем.	
топоръ	мамора	мармула.	
одинъ	іоний, іовъ	іодвинъ.	
четыре	тисеро	сэсаръ.	
пять	пенда	пенджа.	
шесть	шонда	шандро.	
десять	деконъ	дзеконъ	д = дз.

и мн. др.

в) Изъ словъ (ихъ число небольшое), въ которыхъ видно вліяніе Польскаго языка, какъ напр.

пятница	неджатница.	
темно	каленно	зіерне — очи.
глаза	уленки.	

г) Изъ словъ, измышленныхъ самими нищими; послѣднія во многихъ отношеніяхъ любопытны, и поэтому я полагаю, что было бы не бесполезно доставленный сборникъ словъ напечатать.

СВОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXI, № 1.

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ СИНОДИКЪ.

А. Н. ПЫШЕНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1880.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1880 г.
Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.**

СТАРООБРЯДЧЕСКІЙ СИНОДИКЪ.

(А. Н. Нынина).

Въ нашей бытовой и литературной старинѣ есть еще много областей, ожидающихъ изслѣдованія; одна изъ нихъ, и одна изъ наиболѣе требующихъ вниманія, есть, безъ сомнѣнія, литература старообрядчества - раскола, къ которой принадлежитъ и сообщаемый далѣе памятникъ. Существующія книги о расколѣ доставили, правда, не мало данныхъ и объ его литературѣ, но она все еще не выяснена и, главное, доселѣ не описана, — потому что ни книга Павла Любопытнаго, ни трудъ Александра Б., ни каталоги рукописныхъ собраній не представляютъ всего объема литературы раскола. Словарь Павла Любопытнаго давно уже указывалъ на необходимость такого описанія: самъ расколъ старался привести въ извѣстность свой литературный матеріалъ; давно бы пора научно-историческому изслѣдованію довершить начатое имъ дѣло. Въ прежнее время эта задача, быть можетъ, была бы затруднительна для исполненія: изученіе раскола было возможно почти только съ точки зрѣнія церковнаго обличенія или административно-судебнаго преслѣдованія. Теперь, возможность изслѣдованія чисто-научнаго значительно возросла. Книга Александра Б., хотя далеко неполная, была замѣчательнымъ образчикомъ подобнаго изслѣдованія; въ 1860 годахъ могъ быть изданъ цѣлый рядъ раскольничьихъ книгъ — въ качествѣ истори-

ческаго матеріала (изданъ, кажется, не безъ содѣйствія самого раскола). Сколько мы знаемъ, существуетъ обширное собраніе раскольничьей литературы, составленное извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей народной старины, Е. В. Барсовымъ (въ Москвѣ), который готовитъ, или уже изготовилъ, и обстоятельное описаніе своего собранія. Надо желать, чтобы это описаніе увидѣло наконецъ свѣтъ: для историческаго изученія дѣломъ первой важности было бы имѣть полный инвентарь матеріала — преимущественно, почти исключительно рукописнаго, рѣдко собираемаго и потому мало доступнаго.

Нѣтъ надобности разъяснять необходимость историческаго изученія, о которомъ говоримъ. Это изученіе пріобрѣтаетъ особенную важность тѣмъ, что расколъ не есть только прошедшій, историческій, но понынѣ живущій фактъ. Настоящее связано здѣсь съ прошедшимъ не одной преемственной смѣной историческихъ событій, но прямымъ непосредственнымъ продолженіемъ того же самаго явленія. Современное старообрядчество не только ищетъ сохранить, но и дѣйствительно сохраняетъ старое преданіе XVII-го вѣка: оно держится до-Никоновскихъ книгъ, до-Никоновскаго обычая, отвергая всѣ позднѣйшія «новшества», какъ съ другой стороны на немъ продолжаетъ тяготѣть проклятіе, наложенное въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ понятіяхъ, литературѣ, нравахъ старообрядчества мы очень часто можемъ очутиться въ самомъ XVII-мъ вѣкѣ, увидѣть его во-очію.

Вопросъ, важный исторически, столько же важенъ въ отношеніи этнографическомъ и народно-образовательномъ. Численность раскола и старообрядчества доходитъ до десятка милліоновъ самаго подлиннаго русскаго народа. Такимъ образомъ, если заходить рѣчь о «народѣ», имя котораго безпрестанно теперь повторяется людьми всевозможныхъ различныхъ взглядовъ, то, опредѣляя «народъ», нельзя же упускать изъ виду этотъ огромный процентъ русскаго племени, который съ XVII-го столѣтія (или еще далѣе) и понынѣ ведетъ свою особую жизнь, который своими преданіями удаленъ отъ насъ до крайней обществен-

ной и образовательной отчужденности. Государство съ тѣхъ поръ бесплодно боролось съ сопротивленіемъ раскола войти въ общую церковную жизнь, и оставило его внѣ общаго теченія жизни гражданской. До послѣднихъ десятилѣтій расколъ разсматривался у насъ только какъ отщепенство, упорное удаленіе отъ общей (?) народной жизни, исключеніе, почти какъ измѣна; съ точки зрѣнія исторической онъ долженъ представляться не только въ этихъ отрицательныхъ чертахъ, но и какъ положительный фактъ: это — многомилліонная часть нашего племени, которой двухвѣковая исторія и бытъ должны считаться выраженіемъ, съ извѣстныхъ сторонъ, того же русскаго народнаго характера — и не въ ущербъ послѣднему, потому что многія черты раскольниковьяго быта внушали и нашимъ знатокамъ его и наблюдателямъ иноземнымъ положительное сочувствіе...

Въ настоящемъ случаѣ мы хотимъ обратить вниманіе на одинъ памятникъ литературы старообрядчества, до сихъ поръ, сколько помнимъ, не отмѣченный въ исторической литературѣ, но очень любопытный относительно церковности и историческихъ преданій раскола. Это — «Синодикъ», или «Помянникъ», «Помяніе», какъ онъ называется въ самой рукописи. Въ заглавіи его сказано, что онъ составленъ по благословенію «великаго господина и первонастоятельнаго отца нашего святѣйшаго Іова патріарха московскаго и всея Россіи», но любопытная своеобразность его заключается именно въ томъ, что «Синодикъ» примѣненъ спеціально къ кругу лицъ, памятныхъ для раскола и имъ поминаемыхъ: кромѣ лицъ священной и церковной исторіи, это — или историческія лица тѣхъ временъ, когда въ русской жизни, по мнѣнію раскола, еще не было нарушено «древнее благочестіе», или прямо дѣятели и подвизники самого раскола, память которыхъ онъ желалъ сохранить и почитать. Русская исторія, признаваемая расколомъ, по этому «Синодику» оканчивается половиной XVII-го вѣка: послѣдній патріархъ, упомянутый здѣсь, есть Іосифъ; послѣдній царь московскій — Михайлъ Ѳеодоровичъ. Подвизники раскола составили цѣлый мартирологъ, съ обозначеніемъ

ніемъ лицъ поименно, или въ общихъ числахъ, и съ указаніемъ мѣстъ, гдѣ подвижники пострадали. Названныя здѣсь мѣста простираются отъ Пустозерска и Холмогоръ до Дона и отъ «Питера» до Сибири. Самое раннее хронологическое показаніе — 1676 г., самое позднее — 1738.

Экземпляръ, въ которомъ мы читали «Синодикъ», есть новая рукопись, небольшого формата, писанная (повидимому, въ 1825 году) раскольниковымъ полууставомъ, на 66 помѣченныхъ и 17 непомѣченныхъ листахъ, въ кожаномъ переплетѣ.

Заглавіе: «Бжїею мѣтїю составися сей Синодикъ'. По бггословенію великаго гднна и первонастоятельнаго бца нашего стѣйшаго Іова патріарха московскаго и всея Россїи.

«Сей Помянникъ сложенъ бысть на подобство вселенскаго канона. Иже сотворенъ бысть по усопшихъ в'мясопустную субботу».

Нач. «Статїя а. Помяни гди дша усопшихъ рабъ своихъ и рабынь, яже отъ твоея бжїи руки созданнаго члѣка отъ земли, прадѣда нашего Адама, и его супруги прабабы нашея Евы, отъ нихъ же народившихся и познавшихъ тебѣ (sic) творца всѣхъ» и проч.

Затѣмъ слѣдуютъ двѣ поминальныя статьи: «статїя вселенская большая» и «статїя вселенская малая», не имѣющая никакого спеціальнаго примѣненія къ расколу. Наконецъ, на л. 34—66 идутъ статьи, ниже приводимыя вполнѣ.

На послѣднихъ непомѣченныхъ 17 листкахъ: «мѣца декабря въ б днѣ. Зачатїе стѣя Анны, зачатъ (sic) егда зачатъ стѣю бѣу» и проч.

Въ самомъ концѣ помѣта владѣльца съ датой: «1825. Рига».

Заглавія и отмѣтки на поляхъ писаны, по обыкновенію, кинноварью.

Текстъ приводимъ безъ всякихъ перемѣнъ, кромѣ распредѣленія нѣкоторыхъ абзацовъ, слитно или неправильно поставленныхъ въ рукописи.

Для историко-литературнаго изслѣдованія этого памятника прежде всего необходимо, конечно, опредѣленіе его текста или

текстовъ. По самому содержанию его можно думать, что онъ былъ въ значительномъ, быть можетъ, обычномъ употребленіи въ расколѣ; при этомъ онъ могъ подвергаться передѣлкамъ *). Изъ личныхъ сообщеній мы знаемъ, что этотъ памятникъ извѣстенъ Н. С. Тихонравову по рукописямъ московскимъ, и г. П. Владимірову, внимательно изучавшему рукописи Соловецкой библиотеки въ Казани. Историкъ провѣритъ и приурочитъ данныя о преслѣдованіяхъ, давшихъ раскольникъему «Синодику» такой обширный мартирологъ; историкъ литературы между прочимъ обратитъ вниманіе на одну подробность стilia: въ одномъ мѣстѣ оригинально слышится народно-поэтическій складъ.

*) Ср. показаніе Павла Любопытнаго объ Алексѣѣ Родіоновѣ, «апостатѣ, бывшемъ знатномъ членѣ Доморской церкви», умершемъ въ 1780 г., 70 лѣтъ. Этотъ Родіоновъ — «преобразовалъ въ сокращенной формѣ на вселенской папикидѣ большую и малую статью, употребляемая нынѣ во всѣхъ церквахъ старообрядчества». Раскольниковская библиографія, М. 1861 (изданіе «Библиограф. Записокъ»), стр. 50—51.

Статія вселенская о оусопшихъ.

Помяни гди дшѣ оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь, прежде почившихъ вѣка сего отъ адама и до сего дне.

Помяни гди дшѣ иже во блгочестивѣй вѣрѣ преставльшихся рабъ своихъ; стѣйшихъ вселенскихъ патріархъ. и московскихъ патріархъ, Іова, Ермогена, Филарета, Іоасафа, Іосифа. Православныхъ и блговѣрныхъ црѣй, и царицъ, и чадъ ихъ. Преобщенныхъ митрополитовъ, и блговѣрныхъ великихъ кнзей, и великихъ кнгинь, и чадъ ихъ, и бголюбивыхъ всѣхъ архиепѣповъ, и епѣповъ, и прѣбныхъ архимандритовъ, и игуменовъ. Архiereовъ, и іереовъ, архидіаконовъ, и діаконовъ, и всего мерейскаго, и иноческаго и діаконскаго чина, и весь причетъ црковный.

Помяни гди дшѣ усопшихъ рабъ своихъ и рабѣ всякъ возрастъ, и всяко достояніе. старыя и младыя, отроки и отроковицы, и млѣнцы, всякою смертію, или смертоносною язвою, скончавшихся, в' правовѣрной и в' православной вѣрѣ.

Помяни гди дши оусопшихъ рабъ своихъ и рабынь. праоцъ і оцъ и братію нашу, и иже здѣ лежащїи, и повсюду православныхъ хртїанъ мужескїи пол' и женскїи; во всяко^ю возрастъ и родѣ, и во всяко^ю чину преставльшихся на всякомъ мѣстѣ вѣчества твоего; а имена ихъ ты гди милосердын бже са^и вѣси.

Статїя ѡ-я.

За блгочестїе пострадавшихъ.

Сщєннопротопопа аввакума, сщєнно-пустозерскїа. іерея лазаря сщєннодіакона ееодора, инока епифанїа; кипрїана оуродиваго, ееодора, луки, димитрїа;

Инока авраамїа, исаїа, максима, носамоско^ѡфа инока. инока филиппа. сщєнноіерея никиты, сщєннопротопопа данїла, миханла, никиты, блгвѣрныя кнїгини ееодосїи во инокиняхъ ееодоры. евдокїи, марїи, иноки іоустины схимницы; евдокїма, козмы, прокопїа, самуїла. кїрика, іоанна, полїекта. инока ееодора, иноки евдокїи сожженныя, иноки евдокїи со^ѡжеи. иноки іоустины. инока тимоея. алексїа, лазаря, іоанна, инока варлаама, тимоея, родїона, ееодора оутопшаго. георгїа. инока спїридона, инока саватїа, инока трїанїїа. Андрея, григорїа, донскїа. савы, и прочїи^и седмидесяти четырехъ. на моск^ѡ замученїи.

Инока прохора, инока вавилы схимни- вязниковскія.
ка. сщ҃еннопротопопа логина, инока леонида
схимника, симеона, иродіона, никиты сож-
женнаго, еедора сожжѣ. михаила, инока
капитона, инока іякова схимника.

Феклы, симеона, іоанникія, инока еѣла- нижегородскія.
рета, алексія. еѣлиппа, никеора, никиты,
андрея, инока ееодосія, и иже снѣ^м, ино^а
александра.

Инока гедеона, и иже съ' нимъ, инока в' каза^а помноги^а
корнилія и прочихъ, м̄ (40). инока иларіона. мука^а со^а.

Аванасія, еедота, инока кирилла. ино- астраха^а и донскія.
ка лаврентія; харитона, максима, и всѣ^а иже
сними, рпѣ. (189).

Ееодора сожженнаго.

в' рыльскѣ.

Статія Б-я.

Сщ҃енноепѣпа павла, симеона, поликар- новгорѣскія.
па, андрея, марка, тѣта. матроны дѣвицы,
в^а. *) александра, гавріила, инока еѣлиппа,
іякова. инока варлаама, василія, е^а. пара-
сковіи дѣцы в^а. іякова, никеора, кондрата.
григорія, іоанна в^а. ксенія, марѣы, софро-
нія. григорія. таціаны в^а. лаврентія, ава-
насія, еедора, димитрія, логина, епимаха,
іосифа, татіаны, воуліанія, сампсона, аки-
лины, симеона, евсевія, іова, дионисія;

Инока пахомія, инока варлаама, Григо- псковскія.
рія и оучениковъ ихъ, герасима, петра, іо-

*) Т. е. дважды, два лица того же имени. Такъ и далѣе.

анна, евфросиніи, меланіи, марѣи, евфиміи, симеона, гавріїла, трофима, савы, афанасія.

Сщ҃енноархимандрита никанора. игна- соловецѣ в'лѣѣ зрѣд*)
тія, іоанна, іоакима, инока харитона, ео- генѣ в' кѣ в' суб' мяѣ
дора, инока маркела, инока епифанія. инока поутру.
макарія. самуїла, хрисанѣа. инока іякова,
инока іоасафа. іякова, кирилла, симеона,
стефана, трофима, инока еомы, инока ми-
трофана. стефана, іоанна. іова. иларіона.
инока димитрія. еаддѣя, инока тихона, ино-
ка симеона, инока гурія, инока герасима,
инока іоны, инока гурія. и прочих' иже в' со-
ловѣдскоѣ обители пострадавшихъ пяти сотѣ.

Іоанна, мавры, мартина, іоанна.

кольскія.

Тимѣея, алексія, макарія, андрея, ино-
ка еодосія, іеремія, захаріи, акилины, мав-
ры, татіаны, еодора, инока андроника, іо-
анна юроднѣ. мемнона, ануфрія, инока іоа-
сафа. луки, акилины, февроніи, сергія, іере-
мія. іеремія. меланіи, марины, каптелины.

холмогорскія и
градскія.

Іякова, іякова, еодосіи дѣцѣ, свщ҃енно-
дїякопа еодота, петра, діомида, порѣирія,
прокопія бл҃гоюродиваго, іоанна; іоанна, зо-
тика, иларіона, игнатія, еодора, еодора, ми-
ханла, мартиніана, іоанна, ксеніи, григорія.

в' сибіри.

Стефаниды, ирины, іоанна, никиты, па-
раскевіи, іерофея.

вологодскія.

Аванасія, іоанпа, неонилы, василія, ав-
раамія, василія, андрея, леонгтія, андрея,
гилкеріи, іоанна.

каргапольскія.

Артемія, потапія, іоанна, елсазара, ни-
киты, в^н; инока трифілія, никифора, васи-

олонецкія.

*) 7184=1676 г.

лія. симеона, іоанна, александра, іерооєя, евдокія, наталін, григорія, марка, тимоєя, парамона, іякова. анны, ксенія, мамельфы двѣцы, акилины, іякова оутопшаго, гаврііла, кондрата. агаєія. софронія, неофита.

Іоанна, симеона, еодота, василія. Ино- въ питерѣ.
ка пафноутія, инока корнилія, маркела, игна-
тія, андреяна.

Статія Г-я.

Сожженных' бл҃гочестія ради.

Въ палье островѣ во рѣче-мѣ (195=1687) году. марта к' д'м числу. Инока игнатія, и иже снимъ терентія. и прочихъ двѣ тысящи, сед'сотъ. На бѣрѣзоѣ, на волокѣ, во рѣче-мѣ (195=1689) го'м, августа в' б' днѣ. Инока пимина, и иже снимъ, георгія, и проч'. на палье островѣ, во рѣз-мѣ (197=1689) году. ноября к' кѣ-мудню; Инока германа. инока ефрема, емеліана, и иже с' нимъ. иноки іоуліанія, иноки екатерины, иноки евфимія, евфимія, татіаны, владимира, с'тефана, павла, парфенія, гавріі- в' горах' под' олон-
ла, и прочихъ тысяща пятьсотъ. Иларіона, цомъ.
іоанна и иже с' нимъ, д' (1000). Евстафія на галье озери.
и иже с' нп' сожженных', кс.

Симеона, іоанна, и иже с' нимъ ѱп. (480). въ корѣлы.

Филиппа, и иже с' нимъ, андрѣя, еодо- на совдозери.
ра, и прочихъ сп. (280).

Агафоника, прокопія, памфла, и иже в' вонь горахъ.

сними сожженыѣ ск. (220). И рабъ твоихъ
 іже в' дорахъ (sic) скончавшихся: михаила,
 іоанна, и прочих' сними. Петра, и іже с' нимъ на шелонѣ рецѣ.
 сожженныхъ триста. В' пудугѣ лобз'ми-
 ской дека к' д' числу. Инока іосифа, и іже
 с' нимъ сожжѣ. В' пудугѣ в' году сѣ^м
 (201=1693) авгу^{ст} бѣ. Инока іосифа оу-
 біеннаго, и іже с' нимъ сожжѣ, василія, ино-
 ка селивѣстра, и прочихъ с' ними: Григо- оуморяв' рѣ^{чѣ}(199=
 рія, и іже с' нимъ. афанасія оубіеннаго и 1691)гѣ.
 прочих' сожжѣ с' ни^{мъ}.

Сщєнноинока даніла, и іже с' нимъ в' тобольско^{мъ} оуез-
 сожженныхъ ,а (1000) семь сотъ. дѣ в' пустыни.

Инока ефрема, инока пимина, и іже с' ни- в' тюмѣ оуездѣ на
 ми сожженныѣ двѣстѣ. и василія оутопшаго. рѣчкѣ тѣгенѣ.

Инока матѣя, михаила, и іже сними в' другановѣ.
 сожженныхъ рѣ. (150).

Василія, іоанна, и іже сними сожженыѣ в' кошущ' пустыѣ.
 ѣ (50).

Феодота, и іже с' ни^{мъ} сожженныхъ ѣс. (36). на ишимѣ.

Даніла, іоанна, и іже сними сожженыѣ в' сибирѣ.
 ѣ (50).

Сщєннодіякона конона, и іже с' нимъ со- в' перми.
 жженныѣ шестидесяти.

Іоанна, и іже с' ни^{мъ} сожженныѣ, братіи в' кошущ' пу^{ст}, в'
 і сестр', рѣи (148). В' сибирѣ. Іоанна. сибирѣ.

Артемона, іоанна, феодота, и прочих' в' сибирѣ на евѣ.
 сожженъ сними, бѣ. (78).

Терентія, зотика, петра, і іже сними в' сибирѣ.
 сожженныхъ, шести сотъ. Филиппа, проко-
 пія, симеонова, іоанна, константина, и сними
 сожженыѣ р' (100).

4 Марка, даніла, димитрія, никиты, ва- в' перми сожж ,зсѣмѣ

силія, емеліана, дноміда, кондрата, іякова, (7246=1738) мар. стефана, лазаря, филиппа, акилины, мареакѣ. мін, матроны, маріи, марѣи, евдокіи, и прочихъ ѿд (34).

Инока кирила, инока іоны, георгія и порѣвскія апрѣ вѣнчичи^т сним'и со^т ск (220). сожѣ бы^т.

Исаакія, ксенія, еодоры, ксенія дѣцы. в'скрайвыгом'гладом' сконча^т.

Сщ҃енноинока іова и чадъ его дѣвны^т; сщ҃енноіерея игумена досвеея, инока зосимы, григорія и миханла оубіенныхъ, сщ҃енноіерея исидора, инока пафнутія, инока никандра.

Сщ҃енноинока дороея, сщ҃енноинока арсенія, инока нифонта, инока никандра, инока іосифа, инока евфимія, сщ҃енноинока павла, сергія, индка филарета. издревле в' руски^т поу^т оусоп^т.

Инока филимона, тарасія, іоанна, миханла, георгія, парасковіи, анны, евфимія, до^т сконч^т. на выгуб' поу^т глахаха, георгія, парасковіи, анны, евфимія, до^т сконч^т. акилины; марѣи, феодоры, матроны, ксенія, ксенія, евдокіи, евдокіи, екатерины, и прочих' сними сожженныхъ. инока филиппа, и сн^т сожжены^т.

Павла и прочихъ сн^т сожжены^т. на волозѣ.

Іоанна, инока игнатія, иноки александры, и прочих' сними сожжены^т. инока іосифа оубіен'. инока феодосія. на печерѣ декабрѣ.

Іоанна, артемія, артемія, артемія, артемія, аверкія, аверкія д. евфросинія, феверонія, маріи в^т. ирины, анastasіи, фотинія, в^т, елены, маріи, маріи, макрины, и прѣ^т. линдозерскія дѣка^т б̄.

Іоанна, ферапонта, миханла, георгія, парасковіи, анны, евфимія, акилины, марѣи, еодоры, матроны, ксенія, в^т. евдокіи, в^т. екатерины, в^т. и прочихъ иже сними сожжен^т. в' чаженіи со^т.

Помяни гдѣ дѣи стѣишихъ патріархъ москоу. Іова, Ермогепа, Филарета, Іоасаа, Іосифа.

Помяни гдѣ дѣи преосщєнныхъ митрополитовъ кїевскихъ и всея россїи. Михаїла, леонтїа, іоанна, еопента, пларїона, георгїа, іоанна. іоанна скопца, ефрема, никола, никифора, никиты, Михаїла, климента, константина, феодора, иванна, никифора, матея, кїрила в^ъ, іосифа, максима.

Преосщєнныхъ митрополитовъ московскихъ и всея россїи. Петра, еогнаста, алексїа, кїпрїана, еотїа, пїмина, іоны, ееодосїа, филиппа, геронтїа, зосима, симона, варлама, данїла, іоасаа, макаріа, аанасїа, филиппа колычева, кїрила, антонїа, діонсїа.

Блговѣрныхъ црѣй и хртолюбивыхъ великихъ кнзєй россїйскихъ. Великаго кнзя владимїра, нареченнаго во стомъ крщєніи василїа. кнзя бориса оубїенна. великаго кнзя глѣба убїенна. великаго кнзя георгїа ярославича. великаго кнзя всеволода. велика князя владимїра монамаха. велика кнзя георгїа долорукаго, великаг кнзя мстислава. княг всеволода, наречєн во стомъ крщєніи гаврїила псковскаго. вєг кнзя димитрїа всеволодича. велї кнзя андрея бголюбскаго. оубїеннаго. велика кнзя ярослава. вє кнзя георгїа оубїєн отъ батыя црѣ. вє кнзя Михаїла чернигос оубїєн отъ батыя. велика кнзя александра нѣвска. вє кнзя данїла москов. вє кнзя Михаїла тверскаго оубїєн. кнзя еедора смоленскаго, ярославскаго. вє кнзя иванна калиты. вє кнзя димитрїа донска, вє кнзя василїа; вє кнзя василїа; вє кнзя иванна. вє кнзя василїа, во инокахъ варлаама.

Црѣй московскихъ.

Црѣ и вє кнзя иванна во иноцѣхъ іоны, црѣ и вє кнзя феодора, црѣвича иванна, црѣвича димитрїа оубїеннаго. црѣ и вє кнзя бориса во иноцѣхъ боголѣпа, црѣвича феодора нарицаемаго црѣ. кнзя Михаїла шуйскаго скопца. црѣ и вє кнзя василїа. црѣ и великаго кнзя Михаїла.

Блговѣрныхъ црїцѣ и хртолюбивыхъ велика кнѣгинь и чадъ ихъ. Великія кнѣгини ольги, наречєнныя во сто крщєніи

елѣны. великі кѣгини елены, великія кѣгини анны. великія кѣгини оуліянїя. великі кѣгини иноки марїи. великі кѣгини александры. великі кѣгини евѣросинїи, великі кѣгини софїи, великі кѣгини иноки марѣы. великі кѣгини марїи, великі кѣгини софїи литовскїя; великі кѣгини елены. цѣвны анны. великі княгини елены. великі кѣгини анастасїи. цѣвны анны, цѣвны анны, цѣвны марїи. великі иноки софїи. цѣвнїча димитрїя. цѣвны евдокіи. блговѣрныя цѣвны и великі кѣгини марїи. блговѣрныя цѣвны и великі кѣгини марѣы. кѣгини иноки александры. кѣгини иноки евдокіи. кѣгини евдокіи. княжны марїи; блговѣрныя цѣвны и великі княжны оеодосїи, блговѣрныя цѣвны и великі княжны ірины, во инокиняхъ александры. цѣвны марїи, цѣвны и великі кѣгини марїи.

Сѣтя горы игуменовъ и ихъ братїю.

Антонїя, оеодосїя печерскихъ и ихъ братїю. помяни гдѣ, игумена авраамїя, и пономаря ефрема и ихъ братїи. игумена варлаама хутынскаго. Антонїя римлянина игумена и его братїю. игумена сергїя радонежскаго, и никона и ихъ братїи.

Покой гдѣ евѣросина псковскаго зъ братїю.

Покой гдѣ; михаїла клопскаго и его братїю.

Покой гдѣ игумена зосимы соловецкаго, и саватїя и германа и ихъ братїю; покой гдѣ, игумена александра сви́скаго съ братїю. покой гдѣ игумена кирїла бѣлоезерскаго зъ братїю; помяни гдѣ игумена димитрїя прилуцкаго зъ братїю. помяни гдѣ пафнутїя боровскаго зъ братїю. игумена макарія колязинскаго зъ братїю. авраамїя ростовскаго зъ братїю. никиты переаславскаго зъ братїю. діонисїя глушицкаго зъ братїю. игумена корнїлїя зъ братїю. іосифа волокаламкаго зъ братїю. евфїмїя и іоанна суждальскїхъ, сергїя обнорскаго зъ братїю. александра ошевенскаго зъ братїю. трїѣона печерскаго зъ братїю, антонїя сїйскаго зъ братїю.

Помяни гдѣ дѣшї, иже отъ цѣлей нечестивыхъ замученыхъ, и мѣнцѣ избѣенныхъ отъ ирода въ вїсїломѣ четырехъ на десять тысящ. Помяни гдѣ иже отъ князя гнѣва избѣенныхъ по винѣ, или не по винѣ. Помяни гдѣ игуменїи женскаго пола, и всѣхъ чернорїцѣ. Помяни гдѣ блгоуродивыхъ андрея, максима, васїлїя, иси-

дора, прокопія, никола, симеона, и всѣхъ оуродивыхъ мужескаго полу, и жей.

Помяни гди столпни^ювъ, и столпницъ, пустынноко^ю, и пустышницъ. мѣнко^ю и мѣнцъ, и стѣхъ дѣвъ. Помяни гди всѣхъ архимандритовъ, и игуменовъ, и весь сщеническій и иноческій чинъ, и дѣяконскій и вѣ причетъ црковный.

Помяни гди прародителей и родителей нашихъ, по плоти оцѣ и мтрей нашихъ, и братіи и сестрѣ мужеска пола и женска. старцы и млнцы, і оцѣ нашихъ. сиротъ и вдовицъ и оубогихъ, и плачущихъ и немущихъ, гдѣ глвы подклонити в' храмнѣ. Помяни гди кнзей и бояръ, хотѣвши добра стѣмъ бжїимъ црква^ю твоимъ, и велики^ю кнземъ всея россїи.

Помяни гди посадниковъ новгородски^ю и тысяцки^ю и бояръ и всѣхъ православныхъ хртїанъ, хотѣвшихъ добра стѣмъ бжїимъ црквамъ и кнземъ всея россїи.

Помяни гди, кнзи, и бояры и братїи наши^ю единовѣрныхъ хртїанъ, избѣнныхъ за стѣя бжїя цркви. и за рускихъ кнзей, и за православную вѣру, и за кровь хртїянскую. отъ татар' отъ лтвы и отъ немѣцъ и отъ своей братїи отъ крещеныхъ и отъ иноплемѣнныхъ. За доно^ю и на москвѣ, и на бѣрѣгѣ, и на бѣлѣвѣ, и на калкахъ, и на езерѣ галицко^ю и в' ростовѣ, и по^ю казанью, и по^ю резанью и по^ю тихою сосною.

Помяни гди, избѣнны^ю братїи нашихъ, за очество свое, и за вся стѣя твоя цркви, и за все православное хртїянство, на югѣ, и на печерѣ в' волоцкой земли, и на мурманахъ, и на нѣвѣ и на гѣдовом' побоищи. и на ракборѣ, и оу вѣнца города, и оу выборха и на наровѣ рѣкѣ, и на иванѣ городѣ, и подъ ямою городкомъ, и по^ю язбою, и на роусѣ, и на шелонѣ, и по^ю арешко^ю и под' корѣльски^ю горо^юкомъ, и под' псково^ю, и по^ю торжкомъ, и под' тверїю, и на дону, и въ в' ново^ю горо^юкѣ, и за волоко^ю, и на мори, и на рѣкахъ, и на пустыняхъ, и всяко^ю мѣстѣ избѣнены бранїю. на мори, и по^ю велики^ю ново^ю городо^ю избѣнены, бояръ и всѣхъ православныхъ хртїанъ. и в' велико^ю новѣградѣ избѣненныхъ, і иныхъ братїю нашу по плоти в' полону с'кончавшихся.

Помяни гди, на пути избіенныхъ и измершихъ, и в' скудѣльницахъ лежащихъ, голодомъ и жаждою, и наготою скончавшихся, и во огни сгорѣвшихъ, и молніями сожженныхъ, и громомъ зашибенныхъ, и отъ разбойникъ избіенныхъ, и на водахъ оутопшихъ, и отъ звѣрей и гадъ ползающихъ, и отъ птицъ и рыбъ морскихъ из'яденныхъ, и возомъ затертыхъ, и на древѣ висящихъ, и древа побитыхъ, и со древа свалившихся, и кусомъ подавившихся, и зелями истомлены, оудавленіемъ оумершихъ, и в' темницахъ скончавшихся; и ножемъ зарѣзанныхъ и каменіемъ и копіемъ побитыхъ, и секирою смертную язвоу приѣмшихъ и испустившихъ дша своя, и плоти своя даша на раны, и кровь свою проліяша, яко воду тебѣ ради, чающе отъ тебѣ пріяти великія мѣти.

Помяни гди работниковъ, рабъ и рабынь послужившихъ оцемъ и братіямъ нашимъ, ихъ же нѣсть кому помянути.

Помяни гди, в' нѣдузѣ претерпѣвшихъ свѣтъ сей мужскаго полу и женскаго, ихъ же тѣлеса не гребѣны суть, и кости ихъ по путемъ и по пустынямъ разорены, и в' полону скончавшихся и в' сякую смертію почившихъ отъ вѣка и до нѣшняго днѣ. мужскаго полу и женскаго, не приѣмшихъ покаянія, и твоихъ таннъ гди.

Помяни гди пустотныхъ и бе'памятныхъ ихъ же нѣсть кому помянути. Помяни гди претерпѣвшихъ свѣтъ сей і жившихъ в' православнои вѣрѣ, в' скорби и в' болѣзни, и всякою нуждею и язвою скончавшихся мужскаго полу и женскаго. вѣровавшихъ в' тя во стѹю трѣцоу, оца и сѣа, и стѣа дѣа, во едино бѣтво, влѣчествія твоего. и повсюду православныхъ хрѣтіанъ, ты самъ гди вѣси имѣна ихъ.

СИНОДИКЪ

ИЖЕ ВО ОСМОЙ ТЫСЯЧИ СКОНЧАВШИХСЯ.

Помяни гди дши оусоишихъ рабъ своихъ и рабынь иже в' самое нужное время, сея осмыа тысящи скончавшихся, иже и не сподобившеса видимо пріяти стыхъ и пречтыхъ и животворящихъ тавнъ тѣла, и кровѣ твоея изливаемой во оставленіе грѣховъ и в' поданіе живота вѣчнаго. но токмо в' сокрушеніи срѣца, в' вѣрѣ и надежди и оупованіи отыдоша. ты сам' гди блгодатию своею невидимо совершвѣ и оупокой. такожде же и не исповѣданіе пріемчихъ, предъ олтаремъ и верей, но пред' простыми и не осщѣнными, тебѣ творцу своему исповѣдаша своя согрѣшенія. Но аще и пред' худыми, и не осщѣнными исповѣдашася. но милосердія ради своего, прости имъ вся согрѣшенія ихъ. и сподоби ихъ деснаго твоего стоянія, со всѣми стыми, всегда ннѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

СВОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 2.

РАЗЫСКАНІЯ

ВЪ

ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

Академика А. Н. Веселовскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1880.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ. Сентябрь 1880 г.**

Императорскій Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.

РАЗЫСКАНІЯ ВЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ.

II.

СВ. ГЕОРГІЙ ВЪ ЛЕГЕНДЪ, ПѢСНЬ И ОБРЯДЪ.

(Академика А. Н. Веселовскаго.)

I.

Каждое новое изслѣдованіе въ области средневѣковой литературы и словесности современныхъ европейскихъ народовъ болѣе и болѣе выясняетъ намъ, какое важное мѣсто предстоитъ занять въ подобнаго рода изысканіяхъ русскому и славянскому матеріалу. Наиболѣе цѣнные выводы, добытые г. Кирпичниковымъ въ его книгѣ: *Св. Георгій и Егорій Храбрый. Изслѣдованіе литературной исторіи христіанской легенды* (С. Петербургъ 1879), — объясняются именно привлеченіемъ такого матеріала. Важно не только расширеніе круга сравненій и достигаемая такимъ путемъ ббольшая прочность выводовъ, открытіе новыхъ точекъ зрѣнія (ср. въ этомъ отношеніи результаты, добытые г. Кирпичниковымъ изъ изученія мингрельской легенды стр. 78 и слѣд.), но и возможность возстановить при помощи славянскихъ и древне-русскихъ текстовъ такіе литературные источники, которыхъ прототипы нынѣ утрачены или не найдены, тогда какъ отзвуки ихъ продолжаютъ раздаваться въ народной европейской словесности, необъяснимые для тѣхъ, кто не заглянулъ въ славяно-русскую древность.

Въ томъ и другомъ отношеніи легенды о Георгіи обѣщали изслѣдователю богатую жатву. Онѣ не даромъ обратили на себя

вниманіе филологовъ, орьенталистовъ, миеологовъ. Вопросы, ими поднимасмые, разнообразны: Георгій перешелъ не только въ народныя повѣрья, но и въ обряды; съ другой стороны его каноническое и апокрифическое житія возбуждали догадки объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и, дагѣе, объ ихъ основѣ и ея конечныхъ источникахъ, теряющихся въ зыбяхъ какого нибудь малоазіатскаго или египетскаго культовъ. Г. Кирпичниковъ счелъ долгомъ сосчитаться съ различными мнѣніями, высказанными по послѣднему вопросу (Гутшмидта, Клермонъ-Ганно и др.); какъ не орьенталистъ, онъ не могъ отнестись самостоятельно къ той сторонѣ этихъ мнѣній, которая выходила изъ его компетентности; какъ человекъ, подробно ознакомившійся съ текстомъ легенды въ ея различныхъ редакціяхъ, онъ нашелъ въ этомъ знакомствѣ почву для критики, и ея результаты будутъ приняты во вниманіе будущими орьенталистами, которые возьмутся за изученіе источниковъ житія.

Оставляя въ сторонѣ его восточную «праисторію», перейдемъ на менѣе колеблющуюся почву самого житія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ рядомъ текстовъ, распадающихся на нѣсколько редакцій, сохранившихся въ рукописяхъ, которыя легко приурочить хронологически. Это даетъ прочныя основы для критической работы, подъ условіемъ, разумѣется, чтобы древность текста не приравнивалась древности сохранившейся въ немъ редакціи легенды. Въ этомъ отношеніи г. Кирпичникову можно поставить въ упрекъ, что древность текста и древность редакціи нерѣдко идутъ у него одна за другую, хотя, случайно, такого рода смѣшеніе не отозвалось въ ущербъ его изслѣдованію. Такъ онъ утверждаетъ, что французское прозаическое житіе Георгія, сохранившееся въ Лондонской рип. Брит. Муз. 20, D, VI, 16, не можетъ служить источникомъ французской поэмы, напечатанной Люзаршемъ, уже потому, «что она (т. е. рукопись) писана позднѣе» (стр. 22); точно также существованіе апокрифическаго житія Георгія въ палимпсестѣ V вѣка выставляется (стр. 49) какъ аргументъ въ пользу древности этой редакціи, въ сравненіи съ другими, а тотъ

фактъ, что въ палимпсестѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на дракона, является въ числѣ доказательствъ, что чудо Георгія съ змѣемъ сложилось позднѣе разсказа о его мученіяхъ (стр. 114). Г. Кирпичниковъ, разумѣется, не станеть отрицать возможности, что иной разъ древняя редакція сказанія могла сохраниться въ рукописяхъ болѣе позднихъ, чѣмъ тѣ, которыя представляютъ сравнительно поздній его пересказъ. Я потому остановился на опасности этого критическаго приѣма, что онъ связывается для меня логически съ другимъ, стоимость котораго представляется мнѣ столь же подозрительной: какъ г. Кирпичниковъ даетъ излишнее значеніе хронологіи рукописи, такъ, говоря о народныхъ духовныхъ стихахъ, онъ увлекается черезъ мѣру количественными отношеніями варьянтовъ (174, прим. ¹⁾; стр. 180): изъ того, напримѣръ, что въ ббльшемъ количествѣ варьянтовъ стиха сохранилась подробность, отсутствующая въ меньшемъ, едва-ли возможно какое либо прочное заключеніе о составѣ начального стиха; заключенія могутъ быть разнообразныя, и есть полная вѣроятность, что редакція стиха, удержавшаяся случайно въ одномъ варьянтѣ, всего болѣе подходитъ къ первичной духовной пѣснѣ. Сличеніе иной быльни у Кирши съ варьянтами, представляемыми новѣйшими сборниками, можетъ привести къ подобному же выводу.

Разбирая легенды о Георгіи, г. Кирпичниковъ останавливается 1) на его житіи, т. е. на сказаніи о его мученіяхъ, и 2) на его чудѣ съ змѣемъ. Матеріаломъ изслѣдованія послужили печатные и рукописные тексты того и другаго памятника. Последними г. Кирпичниковъ воспользовался въ значительныхъ размѣрахъ: не только русскими рукописями сказанія о Георгіи (стр. 2), но латинскими и французскими. Это дало ему возможность внести новое и свое въ объясненіе памятниковъ западной литературы, посвященныхъ легендѣ популярнаго святого. Съ этой точки зрѣнія обращаетъ на себя вниманіе попытка г. Кирпичникова установить болѣе правильное пониманіе одного мѣста въ старонѣмецкомъ *Georgsleich*'ѣ (стр. 23, прим. ³⁾), источникѣ французскаго

стихотворенія, изданнаго Люзаршемъ (почему этотъ источникъ предполагается французскій — я не понимаю, сл. стр. 22), в обширной нѣмецкой поэмы, авторомъ которой называетъ себя Рейн-ботъ фонъ Дюрнъ (сл. стр. 31); наконецъ — открытіе, что не Яковъ de Voragine явился для запада первымъ редакторомъ чуда Георгія съ змѣемъ, такъ какъ оно встрѣчается уже въ латинской рукописи XII вѣка¹⁾. Было-бы желательно для пользы дѣла и для крѣпости убѣжденія, чтобы нѣкоторыя изъ этихъ открытій были изложены доказательнѣе, и новыя рукописныя данныя, приведшія г. Кирпичникова къ его выводамъ, чаще являлись на страницахъ его книги, и въ болѣе подробныхъ извлеченіяхъ²⁾. Дѣло идетъ о текстахъ, которыми, кромѣ г. Кирпичникова, не пользовался никто изъ изслѣдователей житія и чуда; читателю предлагаются почти одни выводы, не матеріалы, давшіе къ нимъ поводъ; кто пожелае-бы ихъ провѣрить и распространить, поблагодарить автора за его рукописныя указанія, но принужденъ будетъ продѣлать снова его нелегкую работу. Такія коротенькія извѣстія, какъ нѣсколько строкъ старофранцузской легенды на стр. 22, прим. 1³⁾, едва-ли отвѣчаютъ цѣли документальной работы: доказательности.

¹⁾ Сл. стр. 51 слѣд. и Acta Sanct. April. III p. 106 a, § 17: quod haud dubie J. a Voragine totum accepit ex aliquo Ms.

²⁾ Г. Кирпичниковъ любезно предложилъ мнѣ латинскій текстъ чуда о змѣѣ, списанный имъ съ упомянутой выше ркп. XII вѣка. Этотъ текстъ помѣщенъ въ приложеніи къ этой статьѣ, подъ № VI.

³⁾ Г. Кирпичниковъ воспользовался для своихъ извлеченій рукописью Британск. Музея 20, D, VI, 16. Совершенно такую-же редакцію французскаго прозаическаго житія св. Георгія, но въ болѣе исправномъ чтеніи, предлагаетъ ркп. С. Пб. Импер. Публ. библиотеки, Mss. Franc. Théologie F. v. 4, D. XIII вѣка, содержащая Vies des saints. Житіе св. Георгія по этой рукописи напечатано нампъ въ VII-мъ приложеніи къ этой статьѣ. — Укажу кстати на стихотворную обработку Георгіева житія въ пар. ркп. fonds franç. anc. 902 f. 108 v. c. 1 — f. 117 v. c. 2: Passio beati Georgii militis et martiris. Inc. Sages est qui sen escrist —

Вообще надо замѣтить, что на западно-европейскія сказанія о Георгіи авторъ обратилъ гораздо менѣе вниманія, чѣмъ-бы слѣдовало: отъ специалиста по исторіи западныхъ литературъ можно было ожидать большаго интереса къ такому, напр., памятнику, какъ поэма Рейнбота, которая, по словамъ г. Кирпичникова (стр. 29 — 30), «можетъ дать темы нѣсколькимъ нѣмецкимъ диссертациямъ». Почему бы не русской? Именно русскаго и славянскаго изслѣдователя поэма могла навести на нѣкоторыя близкія ему точки зрѣнія, которыя должны были отозваться и на методической сторонѣ его работы. Остановлюсь на нѣкоторыхъ подробностяхъ.

Какъ въ русскихъ духовныхъ стихахъ о Егоріи его отецъ названъ Θεοδοροῦ Стратилатомъ, такъ въ поэмѣ Рейнбота у него два брата: Θεοδορῦ и Διμητρίῦ, очевидно свв. Θεοδορῦ (Тиронъ или Стратилатъ) и Διμητρίῦ Солунскій. Это — только иное, эпическое выраженіе связи, въ какой представляются эти святые на фламулахъ византійскихъ императоровъ, и въ разсказѣ Тудебода объ осадѣ Антіохіи въ 1098 году, гдѣ свв. Георгій, Θεοδορῦ и Διμητρίῦ являются на помощь христіанамъ во главѣ небеснаго воинства, — и въ похвальномъ словѣ Неофита, называющаго святыхъ соратниками и сопричастниками ¹⁾, и въ живущемъ южнославянскомъ преданіи: по болгарскому повѣрью свв. Георгій и Διμητρίῦ были товарищами и истребляли всё нечистое и злое, какъ-то змѣевъ, ламій, разбойниковъ; у Сербовъ свв. Георгій и Διμητρίῦ — юнаки, ѣздятъ всегда верхомъ и носятъ длинныя копьа; таково болгарское представленіе и о св. Τοδορῦ ²⁾.

Il fait a plusurs profit — Mult poet profiter a genz — Un escrit u senz est enz — N' i ad rens en cest romanx — Dñt li profit ne seit granz.

¹⁾ χαίροις μάρτυς Δημήτριος ἄμα Γεωργίῳ καὶ Θεοδώρῳ τοῖς συνάδελφοις καὶ συμμέτεροις σου. Изъ похвального слова Димитрію, по ркп. нарижск. національн. библ. cod. 1189 (сообщ. проф. Васильевскимъ).

²⁾ Каравеловъ, Памятники народн. быта болгаръ, стр. 260, 261, 193. — Представленіе святыхъ всадниками внушено, вѣроятно, иконо-

Любопытно прослѣдить это сопоставленіе въ народныхъ обычаяхъ, преимущественно южнославянскихъ. Мы ограничимся выборомъ общихъ чертъ, рассчитывая впоследствии вернуться съ большими подробностями къ георгіевской обрядности.

Всѣ три святые представляются въ одинаково покровительственныхъ отношеніяхъ къ животнымъ. Извѣстно такое именно представленіе о св. Георгіи въ Греціи и южномъ славянствѣ; но въ той-же роли является въ Греціи¹⁾ и Болгаріи²⁾ и св. Дмитрій; въ мѣстахъ, ему посвященныхъ, собирается въ день его праздника (26 окт.) болгарская молодежь и скачетъ верхомъ, какъ въ Червонной Руси такой же обычай соблюдается въ Юрьевъ день³⁾. — Св. Тодоръ⁴⁾ любитъ лошадей; на Тудорицу⁵⁾ бол-

пшею. Въ бѣлорусской пѣснѣ (шеякъ, № 147) одинъ Юри среди святыхъ оказывается на конѣ: «я коника маю». Сл. въ старонѣмецкихъ вопросахъ и отвѣтахъ слѣдующіе: Ein frag: welches die edelsten und achtbarsten heiligen sein. Ant. Sandt Martin und sant Iörg, die reitten, müssen die ander zu fuss geen (W. Wackernagel, Sechzig Räthsel und Fragen, Haupt's Zs. III p. 29, № 8).

1) Bernhard Schmidt, Das Leben der Neugriechen I, 39.

2) Каравеловъ, I. с. р. 260 — 3, откуда заимствованы и дальнѣйшія сообщенія объ обычаяхъ на день св. Дмитрія.

3) Терещенко, Бытъ Русск. народа VI, 29.

4) Каравеловъ, I. с. р. 193 — 4

5) Сербск. Теодорова Субота, Теодоровица, въ Малороссіи Феодоровица; русск. Феодорова недѣля — первая недѣля великаго поста; болг. Тудорица, Тударовденъ, Тударова сѣбота — суббота на этой недѣлѣ, день, издревле посвященный св. Теодору Тирону; въ пятницу той-же недѣли наша церковь освящаетъ колтво въ память извѣстнаго чуда, совершеннаго святымъ при Юліанѣ. Собственно память святому полагается 17 февраля. Сл. Martinof, Annus ecclesiasticus graecoslavicus, подъ 17 февр.; Архим. Сергіѣ, Полный мѣсяцословъ востока II, ч. II, стр. 55 (подъ 17 февр.); Калининскій, Церковно-народный мѣсяцословъ на Русь (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнографіи, т. VII, стр. 450). — О нѣкоторыхъ румынскихъ суевѣріяхъ, привязанныхъ къ Теодоровой суботѣ, см. Schmidt, das Jahr und seine Tage in Meinung und Brauch der Rumänen Siebenbürgens, p. 6. — Древнее смѣшеніе актовъ св. Теодора

гаре, какъ только придуть изъ церкви, берутъ миску краснаго вина и богувницу или боговицу (круглый хлѣбъ, какъ коровай, но только безъ углубленія въ серединѣ), на которой сдѣланы изъ тѣста: лошади, бычки, рога, хвосты и т. п. Боговицу крошатъ въ миску съ виномъ, берутъ ложки и начинаютъ ѣсть, крича: му-у-у-му-у-у, бе-е-е-бе-е-е, ха-ха-ха-ха! Всѣ это ради здоровья скота. Въ этотъ день, у кого есть лошадь, садятся верхомъ и скачутъ; чья лошадь побѣжитъ дальше, тому, значитъ, покровительствуетъ Тодоръ, и эту лошадь не продаютъ. — Въ Имеретин, въ субботу на первой недѣлѣ поста, гадаютъ: дѣлаютъ изъ тѣста фигурки на подобіе лошадей, молотка, подковы, гвоздей, сѣдла, яслей и т. п.; пекутъ ихъ, потомъ наполняютъ большую глубокую чашу виномъ съ водою, бросаютъ туда эти фигурки, ставятъ вокругъ чаши свѣчи, молятся св. Теодору, чтобъ онъ умножилъ у нихъ число лошадей; потомъ каждый подходитъ съ заложеными за спину руками, наклоняется и ртомъ ловить плавающія въ чашѣ фигурки, и какъ только чтò поймаетъ, тотчасъ же бѣжитъ, подражая ржанію лошади¹⁾.

Животная жертва составляетъ черту общую всѣмъ тремъ народнымъ празднествамъ. Въ кавказскихъ и южнославянскихъ обрядахъ на день св. Георгія она является существеннымъ, реальнымъ элементомъ обряда; въ Болгаріи въ праздникъ св. Дмитрія ѣдятъ жаренаго (жертвеннаго?) барашка. Смягченіе жертвеннаго обычая я усматриваю и въ изображеніяхъ на еедоровской боговицѣ, и въ гаданіи имеретинцевъ, и въ русскомъ и ли-

Тирона и св. Теодора Стратилата (8 февраля) обусловлено не только перенесеніе на того и другого святого одного и того-же чуда со змѣемъ, но и русское народное повѣрье, приуроченное къ 8-му іюня, дню перенесенія мощей св. Теодора Стратилата: колодезники считаютъ этотъ день важнымъ срокомъ въ своихъ занятіяхъ (оттуда народное прозвище святого: колодезникъ) — вѣроятно, въ связи съ апокрифомъ о св. Теодорѣ Тиронѣ и змѣѣ, залегавшемъ воду. Сл. Балнскій I. с. р. 407.

¹⁾ Дубровниъ, Исторія войны и владчества русскихъ на Кавказѣ, т. I, кн. II, стр. 286.

товскомъ обычаяхъ готовятъ ко дню св. Георгія изображенія лошадей, коровъ, овецъ — изъ тѣста, воска и глины¹⁾ — и въ барельефахъ одной сванетской церкви св. Георгія, представляющихъ звѣринныя головы²⁾.

Замѣтимъ еще мотивъ гаданія, связывающей еедоровскую обрядность съ георгиевской. Въ западной Болгаріи дѣвушки и парни собираютъ на тудорци упавшіе на полъ зерна пшеницы и крошки хлѣба, кладутъ ихъ на ночь подъ подушку и во снѣ видятъ суженаго. — На Георгія также гадаютъ о суженомъ или суженой; въ русскомъ народѣ св. Георгій покровитель невѣстъ, которыя молятся ему о дарованіи жениховъ и въ его день ходятъ разубранныя: наряжается, говорятъ, словно баба на Юрья. У Чеховъ и Нѣмцевъ въ этотъ день дѣвушки привораживаютъ себя молодцовъ; въ Греціи преимущественно играютъ свадьбы.

Въ связи съ параллелизмомъ обрядовъ стоятъ, вѣроятно, и народно-календарный. Въ Болгаріи время считаютъ отъ Георгія по Дмитрія: Свѣти Герги лѣто носи, а св. Димитаръ зима; тоже въ иныхъ мѣстностяхъ Россіи: Если Митрей на конѣ, то Егорій въ лодкѣ; коли Дмитровъ день не въ снѣгу, и Егорьевъ будетъ не въ снѣгу; услышавъ первый громъ галицкій малороссы говорятъ, что св. Дмитрій св. Юрью ключи отдалъ. — У шоповъ (Болгарія) ко дню св. Дмитрія собираютъ послѣдній виноградъ, изъ котораго дѣлаютъ красное вино: «кой-то лѣтось работилъ, на свѣти Димитаръ си пик сладко винце». На Паросѣ празднуютъ Георгія *μεθύστης*, названнаго такъ потому, что въ праздникъ перенесенія его мощей, 3 ноября, починаютъ бочки новаго вина и бываютъ попойки³⁾.

¹⁾ Аванасьевъ, Поэт. возрѣнія II 255; Ефименко, О Яригѣ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. II, стр. 101, 105; Калининскій I. с. р. 891.

²⁾ См. о значеніи подобныхъ изображеній Liebrecht, zur Volkskunde, Altes und Neues. стр. 294 — 5, 436 — 9.

³⁾ Bernhardt Schmidt, I. с. р. 40.

Я остановился на этихъ обрядныхъ сопоставленіяхъ съ цѣлью указать, что при изученіи народно-поэтическихъ преданій о св. Георгіи полезно было-бы распространить работу и на тѣхъ святыхъ, которые до сихъ поръ объединяются съ нимъ въ повѣрья и обряды; особенно на св. Феодора. Это объединеніе могло быть позднимъ, т. е. совершившимся на почвѣ календарнаго отложенія и народно-мисологическихъ аналогій; но не слѣдуетъ забывать, что сопоставленіе святыхъ «сопричастниковъ», сравнительно древнее, могло и воспитать чувство аналогій, и что это обстоятельство необходимо принять въ расчетъ при изученіи Георгіевской обрядности.

Возвращаясь еще разъ къ поэмѣ Рейнбота, отмѣтимъ другой ея эпизодъ, дающій поводъ къ подобнымъ-же методологическимъ замѣчаніямъ. Я разумѣю рассказъ о томъ, какъ Георгій побѣдилъ подъ Каппадокіей властителя Солуна (der Salneckere) съ помощью знамени, которое снесъ ему съ неба ангель, и небесной, никому не вѣдомой дружины (сл. особенно vv. 1284 слѣд. и 5358 слѣд.)¹⁾ — рассказъ, связывающійся не только съ легендами о Георгіи тропайофорѣ²⁾, о св. Феодорѣ, явившемся на бѣломъ конѣ на помощь Цимисхию при осадѣ Доростола (971), но и съ чудомъ св. Дмитрія при осадѣ Солуна Аварами (597) и Болга-

¹⁾ Знамя св. Георгія извѣстно въ средневѣковой легендѣ; такъ оно является въ рассказѣ о крестовомъ походѣ ландграфа Людвига. Перекрестное вѣнослѣдствіе въ Вартбургъ, и далѣе въ Тарахъ, оно таинственно исчезло; но въ Римѣ оно хранится въ S. Giorgio in Velabro, и еще въ концѣ XVI вѣка магистратъ города направился 28-го апрѣля изъ Квинтолія къ храму святаго, считавшагося вождемъ христіанъ, чтобы принести ему кубокъ и освятить во имя его знамя римскаго народа.

²⁾ Древнѣйшій изъ западныхъ рассказовъ о Георгіи тропайофорѣ относится къ побѣдѣ Норманновъ при Сегаме въ Сициліи, 1068 г. (Anst. Magdal. p. 34 слѣд.). — Изъ относящихся сюда русскихъ легендъ замѣтимъ рассказъ Арханг. гѣтон. (изд. 1819 г. Москва, 182 — 192) о новгородскихъ новольникахъ XII вѣка, осажденныхъ Чудью и спасенныхъ заступничествомъ святаго, явившагося на кровлѣ часовни, гдѣ колись новгородцы, въ образѣ воина, на бѣломъ конѣ, и конемъ своимъ угрозившаго осаждавшимъ (Калинскій I. с. 394).

рами (1040): въ первомъ случаѣ святаго помощника видѣли на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ, сражавшимся впереди войска. Приуроченіе свв. Георгія и Дмитрія и сходнаго чуда къ названію Солуна (гдѣ издревле стояли храмы тому и другому святому) знаменательно и можетъ пролить нѣкоторый свѣтъ на источники того круга средневерхнеѣмецкихъ поэмъ, который почему-то продолжаетъ называться ломбардскимъ. Какъ у Рейнбота Георгій связанъ съ властителемъ Солуна, такъ Wolfdietrich (у продолжателя А и въ D) рожденъ въ Salneske, т. е. въ Солуни; въ другихъ пересказахъ поэмы его крестный отецъ, — какой-то рыцарь Георгій (В), или даже, св. Георгій (D), съ которымъ его сближаетъ змѣеборство. Уже въ первой половинѣ XIII в. (ок. 1225 г.) циклъ Вольфдитриха представляется въ сплоченіи съ легендой объ Ортингѣ, поглощенномъ змѣемъ; отомстителемъ является Вольфдитрихъ. Ортингъ нѣмецкой поэмы — сынъ демоническаго Альбериха, Aubegon'a французской *Chanson de geste* о Huon de Bordeaux; въ прологѣ къ послѣдней, присочиненномъ въ XIII в. по неизвѣстнымъ намъ источникамъ, братомъ Оберона названъ — св. Георгій, битва котораго съ змѣемъ рассказывается эпизодически и будетъ рассмотрѣна нами далѣе. Связь Георгія съ Оберономъ интересна по отношенію къ поэмамъ о Вольфдитрихѣ; о воздѣйствіи послѣднихъ въ данномъ случаѣ говорить трудно: мы имѣемъ передъ собой отрывки какой-то неразъясненной пока генеалогіи.

Предъидущія сопоставленія могутъ быть обобщены на пользу средневѣковаго эпоса вообще и Георгіевской легенды въ частности: въ томъ и другомъ смыслѣ внимательное изслѣдованіе географическаго распространенія культа въ связи съ мѣстными рассказами о св. Георгіи дастъ поводъ къ любопытнымъ наблюденіямъ. Разумѣется, на одномъ Георгіи нельзя остановиться: Георгій змѣеборецъ вызоветъ вопросъ о другихъ лицахъ, которыхъ мѣстное сказаніе выводитъ въ той-же роли.

Вотъ напр. греческая легенда, рассказанная Политомъ¹⁾:

¹⁾ Πολίτου, *Νεοελληνική μυθολογία* I р. 185; см. тамъ-же о *στοιχείαι* р. 126 слѣд.

Οὐ μακρὰν τοῦ χωρίου Γιάννιτσας, πλησίον τῶν Καλαμῶν, ἐπὶ τοῦ Καλαΐδιου ὄρους κειμένου (νῦν βουνὸ τῆς Σελίτσας), ὑπάρχει παρακλήσιον πρὸς τιμὴν τοῦ ἁγίου Γεωργίου ἀνδρουμένου. Οἱ χωρικοὶ δηγοῦνται ὅτι τελουμένης ἐτησίως ἐκεῖ πανηγύρεως κατὰ τὴν 23 Ἀπριλίου, ἐξήρχετο ἐκάστοτε ἐν στοιχειῷ ἐκ παρακειμένης ὀπῆς καὶ κατέτρωγεν ἓνα τῶν πανηγυριζόντων. Ἐν διαστήματι πολλῶν ἐτῶν βλέποντες οἱ χριστιανοὶ ὅτι θεραπεία τοῦ κακοῦ δὲν εὐρίσκατο, ἀπεφάσισαν νὰ μὴ ὑπάγωσι πλέον εἰς τὴν πανήγυριν. Ἀλλὰ μίαν ἐβδομάδα πρὸ τῆς ἑορτῆς ἐπιστὰς εἰς ὄλους ταυτοχρόνως ἐν ὄνειρῳ ὁ ἅγιος, τοὺς ἐβεβαίωσε ὅτι δὲν δεῖ ἐκακοποιεῖντο οὐδόπως εἰς τὴν πανήγυριν, διότι ἐβούλωσε τὸ στοιχειῷ. Καὶ τῷ ὄντι μεταβάντες ἐκεῖ εὗρον τὴν ὀπὴν πεφραγμένην μὲ ὀγκώδη λίθον, ἐφ' οὗ ὑπῆρχεν ἐντετυπομένον πέταλον Ἰπκου. Διότι ὁ ἅγιος Γεώργιος θέλων νὰ μὴν διὰ παντὸς πεφραγμένη ἡ ὀπὴ ἐπάταξε μὲ τὸν ἓνα πόδα τοῦ Ἰπκου τὸν λίθον. Ἐξέτοτε ὁ ἅγιος πεταλώτης προσεπικαλεῖται, καὶ μέχρι τοῦ νῦν δεύκονται ἐπὶ τινος κλαχὸς τὰ ἴχνη τοῦ πετάλου.

Подобная-же легенда приурочена была въ древности къ мѣстности у Парнасса и теперь еще разсказывается на Парнасѣ у Араховы: въ классическомъ мифѣ (у Antoninus Liberalis) героємъ являлся Эврибать, въ современномъ — анонимный паликаръ; чудовище названо ламіей (λαμία Ant. Lib.; λάμια въ Араховѣ): это мифическое существо, питавшееся, по древнегреческому повѣрью, человѣческимъ мясомъ, и теперь еще играетъ видную роль въ мифологіи грековъ и болгаръ; сура лама, съ которой встрѣчается Георгій въ болгарской пѣснѣ на 23-е апрѣля — отвѣчаетъ маύρη λάμια греческихъ пѣсенъ¹⁾.

Въ греческихъ сказкахъ²⁾ попадаетъ не разъ тотъ-же сю-

¹⁾ Bernhard Schmidt, Griechische Märcchen, Sagen und Volksheder p. 142 (№ 10) и прил. на стр. 246 — 7. Сл. Πολίτης l. c. I p. 192 слѣд. (о Ламіяхъ).

²⁾ Hahn, Griechische u. albanesische Märcchen № 70 (сл. ib. албанскую сказку № 98) и Buchon № 3 p. 277 слѣд. (у Schmidt'a l. c. p. 247).

жеть, съ такими видозмѣненіями: чудовище, змѣй залегаетъ во-ду, ему въ жертву приносится дѣвица, которую спасаетъ герой. Это, какъ извѣстно, сюжетъ чуда св. Георгія съ змѣемъ, нашед-шій себѣ выраженіе, между прочимъ, и въ греческихъ народныхъ пѣсняхъ. Мы далеки отъ мнѣнія, чтобы сказка стояла въ какой-нибудь непосредственной связи съ упомянутымъ чудомъ и его народно-поэтическими отраженіями: одинъ и тотъ-же древній мо-тивъ (битва съ змѣемъ) лежитъ въ основѣ тѣхъ и другихъ, но между ними могли происходить сближенія — и перенесеніе именъ; Георгій могъ замѣнить въ Гіанницкой мѣстной легендѣ какого-нибудь анонимнаго героя, какъ по тѣмъ-же причинамъ храмъ Те-зея далъ убѣжище калпадокійскому святому¹⁾.

Для изслѣдователя его легендъ болѣе интереса могутъ пред-ставить тѣ случаи, когда въ одномъ и томъ-же сказаніи или съ однимъ и тѣмъ-же типомъ чередуются съ Георгіемъ другіе свя-тые. Укажу пока на немногое. Въ Эпирѣ рассказываютъ о св. Донатѣ, *Ἀϊδωνάτος*, что онъ освободилъ страну отъ страшнаго дракона²⁾; разумѣется, быть можетъ, драконъ — «язычество», не эпизодъ о змѣеборцѣ³⁾? Но на Критѣ *ὁ ἄγιος Νικήτας* пред-ставляется какимъ-то Беллерофонтомъ: онъ носится по воздуху на конѣ о бѣлыхъ крыльяхъ, и о немъ повѣствуется слѣдующее⁴⁾: наканунѣ его праздника жители окрестныхъ деревень собрались въ часовню святаго, у мыса Судсуро. Огни, разложенные палом-никами, привлекли корсаровъ; приставъ незамѣтно ночью, они заперли двери и окна часовни, чтобы добыча не ускользнула изъ ихъ рукъ. Когда положеніе выяснилось, тѣ, чтѣ были въ церкви, обратились съ усердной молитвой къ святому Никитѣ — и чудо совершилось: священникъ открылъ въ задней части пещеры, гдѣ

¹⁾ В. Schmidt, Das Leben der Neugriechen, p. 45 и прим. 3.

²⁾ В. Schmidt, l. c. 44; Πολίτης l. c. II, 298 — 300.

³⁾ Кириичниковъ l. c. стр. 111; архим. Сергій, l. c. II, часть вторая, стр. 119 — 120, подъ 30-мъ апрѣля.

⁴⁾ Spratt, Travels and researches in Crete I, 345 — 7.

погибала часовня, проходъ въ соседнюю пещеру, черезъ которую всё присутствовавшіе успѣли спастись. Забыта была въ углу часовни одна спавшая дѣвочка, которую и похитили разбойники. Но святой не оставилъ её: въ годовщину похищенія, когда плѣнница подавала чашку кофе своему хозяину-корсару, она вспомнила о своемъ плѣнѣ и расплакалась. Гнѣвно набросился на нее корсарь, но не успѣлъ онъ окончить своей рѣчи, какъ дѣвочка изчезла изъ виду: св. Никита увѣсь её и вернулъ въ семью; еще и теперь показываютъ слѣды копытъ его коня тамъ, гдѣ святой сплѣнился.

Какой святой разумѣется въ данномъ случаѣ? Извѣстное пелагоновское чудо св. Георгія напомнило мнѣ выраженіе монаха Иларіона, пересказавшаго въ 1472 году мученіе святого: *Georgius Melitinae Cappadociae urbe exortus ex eo pugnatorum illustrium numero fuisse traditur, quos Graeci Ἀνικήτους, Latini invincibiles vocant*¹⁾. Антикты Иларіона отвѣчаютъ Анкилямъ текста I (по cod. theol. граес. вѣнской библ. № 123: *ἐν νομῆρῳ ἐπιστήμῳ τῶν ἀνικίων*), Метафраста (*κόμης τοῦ νομῆρου τῶν ἀνικίων ἐπιφανεί προχυρίζεται*)²⁾ и греческаго житія особаго состава, на которое указали Болландисты (*ἐν τῇ ἐπιστήμῳ τῶν ἀνικίων νομῆρῳ τριβοῦνος καλλάμης πρότερον μεγαλοκρεπῶς διαπρέψας*)³⁾.

1) *Acta Sanctorum, Aprilis III, p. 106, a.*

2) Тоже въ греческомъ житіи (редакція I) парижской рик. № 1447 (olim 2080): *ἐν νομῆρῳ ἐπιστήμῳ τῶν ἀνικίων*. Выписками изъ этой рукописи, равно какъ изъ сод. 1178 (olim 148) и 1584 я обязанъ неистощимой любезности о. Мартиннова, которому приношу глубокую благодарность.

3) *AASS. Aprilis III p. 120 b*, прим. d и e къ тексту Линована и *Commentar. graevius § 11*. Рукопись, на которую ссылаются Болландисты, найдена о. Мартинновимъ въ Парижской національной библиотекѣ, подъ № 1178 (olim 148). — Въ греческомъ житіи Георгія, напечатанномъ Болландистами (b), о Георгіи говорится: *τριβοῦνος ἐχρημάτισεν ἐπιστημῶτάτου νομῆρου*; у Андрея Критскаго: *βασιλέως δορυφόροις συνέταττεν*.

Или разумеется, быть можетъ, Никита апокрифическаго житія, на связь котораго съ житіемъ Георгія указалъ г. Кирпичниковъ¹⁾? Стиль обоихъ памятниковъ тождественный, тѣ-же мученія и та-же чудесная обстановка; видно, что они принадлежать одной и той-же агиографической школѣ, хотя мы пока не въ состояніи точно опредѣлить ихъ взаимныя хронологическія отношенія. Греческій текстъ Никитиныхъ мученій пока не изданъ²⁾; русскіе пересказы относятся къ очень позднему времени³⁾. Въ одномъ изъ нихъ говорится, между прочимъ, что тѣло мученика перенесено было ангелами во святой градъ, «идеже виситъ камень, идеже суть мощи святыхъ мученикъ Харлампія, Евлампія и Вонифатія»⁴⁾. — Русскіе тексты не обозначаютъ города, гдѣ

¹⁾ I. с. р. 47 — 8.

²⁾ Боландисты (AASS. Sept. IV, подъ 12 сентября) указываютъ на существованіе греческаго житія въ амвросіанской бібліотекѣ; другіе списки находятся въ вѣнской: hist. graec. № LVII и CXXVI.

³⁾ Сл. Тихонравовъ, Пам. Отреч. русск. литер. II, 112 слѣд. по ркн. XVI в.; по той-же ркн. въ Пам. стар. русск. лит. III, 146 — 149.

⁴⁾ Сообщ. Н. С. Тихонравовымъ изъ принадлежащаго ему сборника № 85, въ 4-ку, конца XVIII или начала XIX вѣка. Сборникъ этотъ содержитъ, между прочимъ: Повѣсть о чудесахъ св. отца нашего Ниволы о Агриковѣ сыне Васили, Страсть св. мученицы Порасковѣи не пролога, Страданіе св. мученикъ Кирилы и Улитты, матери его; Мѣся сѣтабра въ .ѿ. днѣ страд(аніе) ст҃аго мѣчѣнника (Никиты). Последнее оканчивается такъ: «И смѣ о' небси аг҃лъ не даша тѣлу егѡ на зѣли лѣзати в'зана и носѡна егѡ во свѣтнѣ гдѣ идеже висѣ камѣ идеже суть мощи ст҃н мѣчѣ харлампіа нулантіа и вонифатіа и тѣ по конѣць мощи ст҃аго града. аще кто ст҃аго мѣчѣа никитѣ налѣше мѣчѣ и житіе егѡ или кто налѣше ѿ житіа и' страсти и мѣчѣа егѡ то члѣв'къ будетъ ѿ всакаго зла и причастникъ будѣ праведнаго суда живѣн вѣчнѡ. сѣва ѡку и снѡ и стѡму дху нѣнѣ і' вѣно и во веки вѣкомъ аминѣ». Миниатюра изображаетъ на лѣвой сторонѣ вверху — градъ, подъ нимъ внизу лежатъ тѣла свв. Харлампія, Нулантіа и Вонифатія, одно надъ другимъ въ перекрестіи, головами къ лѣвому краю миниатюры. На правой сторонѣ: вверху камень, повисшій въ воздухѣ, ниже ангелъ и тѣло св. Никиты, положенное также, какъ и предыдущія. — Греческое житіе св. Ни-

пострадалъ и погребенъ Никита; греческій текстъ называетъ Никомидію¹⁾; но уже въ XIV вѣкѣ его мощи покоились въ Венеціи, гдѣ ему праздновали 12 сентября и совершились чудеса, записанныя анонимнымъ авторомъ въ 1466 году: первое чудо отнесено къ 1344 году. Въ числѣ прочихъ поминается слѣдующее, рассказанное какимъ то грекомъ, о спасеніи св. Никитиноу плѣннаго мальчика:

Fuit quidam Graeculus, qui cum videret solemnizari festum hujus sancti, sciscitari voluit. Cui dictum fuit, quod festum gloriosi Nicetae (cum in hac ecclesia sancti Raphaelis requiescat ejusdem devotissimum corpus) ageretur. Qui gaudio repletus dixit presbyteris: sciatis domini, quod in territorio extra Coro-

внты въ вѣнск. ркп. Hist. gr. № LVII (Μαρτύριον τοῦ ἁγίου μάρτυρος Νικήτα f. 10 r — f. 14 v.) кончается его смертью; cod. hist. gr. № CXXVI, также содержащій f. 3 r. — 10 v. Никитино мученіе, предлагаетъ дагѣ нѣкоторыя подробности, приближающія насъ къ русскому пересказу: архистратигъ (Михаилъ) не позволилъ тѣлу угодника лежать на землѣ, «ἀλλ' ἐκέλευσε ἀγγέλοις μεν νεφέλης καὶ ἔλαβον τὸ τίμιον λείψανον καὶ ἀπήγαγον αὐτὸ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει ἐν τῇ πέτρᾳ τῇ κρεμαμένῃ ἐκεῖσε ὑπὸ τοῦ ἁγίου πνεύματος. ἔνθα ἀποκεῖνται καὶ τὰ λείψανα τοῦ ἁγίου Παφνουτίου καὶ Χαραλάμπου καὶ τοῦ ἁγίου Παρακλήτου καὶ Βονιφατίου καὶ τῶν ἁγίων Ἀλεξίου καὶ Εὐθυμίου. ἡ δὲ τιμία κατάθεσις εἰς τὴν ἄκραν Νικομηδείας ἐτελειώθη. — Зависимость известныхъ намъ текстовъ Никитина житія отъ Георгіева, предположенная г. Кирпичниковымъ, между прочимъ, на основаніи словъ Максиміана: «О чадо, кто тя потвори? Цп Егорій тя потвори, его-же умучи братъ мой Дадьянъ?» — подтверждается чтеніемъ греческаго текста: «τέκνον, τίς ἐμάγευσεν σε; μὴ Γεώργιος ὁ ἀδελφός μου (?) Δαδιάνος ἐβασάνισεν, ἢ Κήρυκος ὁ νῆπιος ἢ Βλάσιος ὁ βουκόλος;». Иначе указанная выше ркп. № LVII: «τέκνον γλυκύτατον, τίς ὁ μαγεύσας σε, μὴ Γεώργιος, μὴ Κήρυκος, μὴ Βλάσιος ὁ ἐπίσκοπος, ὁ ἀδελφός ἡμῶν Δαμιάνος ἐβασάνισεν;». — Δαμιάνος объясняетъ Демьянице русскихъ духовныхъ стиховъ о Георгіи; но Власій пострадалъ ἡγεμονεύοντος Ἀγριχολάου (сл. житіе св. Власія въ той-же ркп. f. 177 verso, с. 1): текстъ, очевидно, спутанъ, и чтеніе cod. CXXVI слѣдуетъ предпочесть.

¹⁾ Сл. AASS. подъ 12 сентября.

num¹⁾ ibi esse ecclesiam aedificatam ad honorem ejus in uno casali. Ob devotionem ejus quidam dives et praepotens in die occurrenti clericos solennizantes ad domum in mensa invitabat, et erat absque liberis. Visitabat devote eandem ecclesiam, rogando quod sibi praestaret filium, et in hoc sacerdotes rogabat, ut et ipsi orarent. Ut Domino placuit, uxor sua peperit pulcherrimum filium, ex quo omnes sibi congratulabantur. Puer autem crescebat moribus et prudentia; qui cum esset annorum duodecim vel circa, venerunt Teucri et invaserunt territorium, capientes multos, inter quos fuit puer iste, transportando ad multum distans ab illo territorio. Pater vero ejus dolentissime ferens continuo lamentabatur, dicendo, o sancte Niceta, rogavi pro filio, et concessisti, et nunc abstulisti: pro certo nolo esse amplius tibi devotus, nec volo plus clericos invitare in mensa. Sacerdos autem principalis ipsum confortabat, et compatiebatur ei, et nihil proficiebat, sed magis ac magis lamentabatur de sancto. Fiebant autem continue orationes ad sanctum pro recuperatione filii. Prorumpere autem, quod coram Deo peteret vindicari de hac injuria, a sancto commissa, ut assolet fieri ab afflictis, quibus nulla subest spes. — Tandem orationes fuerunt exauditae. Quare cum exercitus inimicorum esset in quiete cum tentoriis suis, et puer serviret uni barono ex principibus in cratera mensali, cum esset decorus et expertus; sanctus autem Niceta equitando per exercitum accepit per capillos dictum puerum et posuit eques a parte posteriori, et portavit quodammodo in ictu oculi ad domum presbyteri et ibi puerum dimitit et evanuit ab eo. Presbyter autem hec sentiens, ostium aperuit et amplexatus est eum dicens: O fili mi, bene veneris. Quem quam primum ad patrem conduxit; et cum vidisset pater, subito exanimis effectus est super collum filii sui: et narravit seriem rei, et si ante fuit devotus dicti sancti,

¹⁾ Корона въ Пелопоннесѣ, въ Мессеніи? (сл. Forbiger II Aufl. 1877. р. 677). Существовать и другія мѣстности того-же названія.

postea effectus est devotissimus et statuat fieri fecit et ipsa obtulit ipse sancto¹⁾.

Критская легенда о Никитѣ — только народный пересказ этого чуда, повторяющаго въ свою очередь, лишь съ небольшими отиѣнами — известное чудо Св. Николая съ Агриковымъ сыномъ Василюемъ, сохранившееся въ церковнославянскомъ торжественникѣ XII вѣка: Агрикъ живетъ въ странѣ Антиохійской близъ Сарацинъ, во вся лѣта творя память угоднику; когда Сарацины похитили его сына и увели на Критъ въ услуженіе Амиру, отецъ оставляетъ благочестивый обычай, но на третій годъ возобновляетъ его — и святой чудеснымъ образомъ возвращаетъ ему сына: «не вѣдѣ кто ма сынъ въ незапоу похити», говоритъ мальчикъ восхищенный въ то самое время, какъ онъ предстоялъ эмиру, держа въ рукѣ склянницу съ виномъ²⁾. — Но таково же содержаніе чуда св. Георгія съ мальчикомъ, котораго сарацины похитили на Лесбосѣ (въ Митиленѣ) и увели на Критъ, или съ пафлагонскимъ мальчикомъ, котораго святой при тождественныхъ обстоятельствахъ спасаетъ отъ болгарскаго плѣна (γέγονεν ἡ τῶν δουτικῶν ἐθνῶν πρὸς ἡμᾶς χριστιανούς σφοδρότατη ἐπανάστασις, λέγω δὴ Βουλγάρων καὶ Οὐγγρῶν καὶ Σκύθων καὶ Μήδων καὶ Τούρκων. Сл. Теусгі венеціанской легенды), когда тотъ несъ своему господину похлебку въ сосудѣ, ἔπερ εἶωθεν ἡ ἐπιχώριος διαλέκτος κουχούμιον³⁾ καλεῖν. — Святой представляется мальчику на конѣ:

¹⁾ AASS. I. c. p. 8 — 9.

²⁾ Срезневскій, Свѣд. и замѣтки, № XXXII.

³⁾ Съ этимъ пафлагонскимъ (?) словомъ (сл. Epirhanii Adv. Naeg. въ разсказѣ объ обращеніи Іосифа компта: κακούριον δὲ τοῦτο οἱ ἐπιχώριοι καλοῦσι) сл. мѣстное названіе общежительнаго монастыря въ Пафлагоніи, ἢ οἱ ἐπιχώριοι Βόνυσσα προσαγορεύουσι (изъ житія Георгія Амастрискаго. Сл. Васильевскаго, Русско-византійскіе отрывки. Житіе Георгія Амастрискаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Мартъ, стр. 141 прим.). — Въ известномъ чудѣ св. Теодора Тирова при Юлианѣ солуба является эвхантискимъ словомъ. Подборъ такого рода мѣстныхъ реченій изъ житій святыхъ той-же малоазіатской мѣстности былъ-бы желателенъ. — Вліянію пафлагонской легенды подверглись, вѣроятно, иконографическія

εἶρον τινα ἔφιππον ὅπλοφόρον ἐν σχήματι στρατηλάτου, ὑπὲρ τὴν λαμπρότητα τοῦ ἡλίου αὐγοειδέστερον διαλάμποντα¹⁾.

Не настаявая долѣе на этихъ сближеніяхъ²⁾, ограничусь однимъ общимъ замѣчаніемъ.

Сказанія о св. Георгіи стоятъ въ центрѣ небольшого круга житій, объединенныхъ аналогією типовъ и, можетъ быть, одной

изображенія св. Георгія, о которыхъ говоритъ Clermont Ganneau (Horus et St. Georges, Rev. Archéologique 1876, стр. 393, прим. 2): Dans l'iconographie byzantine Saint Georges à cheval, combattant le dragon, porte toujours en croupe une petite figure de femme tenant une amphore; sur les représentations plus modernes la jeune fille est remplacée par un garçon parfois coiffé du fez ottoman. (Сл. греч. пѣсню у Саккаларія: Τὰ Κυπριακά III р. 62—65: Георгіи бьется съ змѣемъ, дѣвушка сидитъ позади его на конѣ). — Подобное-же чудо (только безъ характеристическаго сосуда, являющагося въ чудесахъ св. Никиты, Николая и Георгія) приписывается св. Теодору Тирону Иерусалимскимъ пресвитеромъ Хрисиппомъ: у одного человѣка, большаго почитателя святаго, ежегодно чествовавшаго его память пришествіями, сонъ обманно проданъ Измаильтянамъ. Какъ и въ предыдущихъ легендахъ, отецъ сѣтуетъ на святаго и не празднуетъ ему слѣдующую за тѣмъ годовщину. Настала и вторая, и тотъ человѣкъ опять поступилъ также. Мальчикъ тѣмъ временемъ пасъ стадо въ пустынѣ, гдѣ святой является ему ὡς στρατιώτης ἔκων δυάδα ἐπαγόμενος, сидитъ его на одного изъ коней и черезъ нѣсколько дней доставляетъ въ отеческому дому, а самъ исчезаетъ. (Χρυσόπλου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων ἐγκώμιον εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα Θεόδωρον τὸν Τήρωνα, καὶ μερικὴ τῶν ἀπείρων αὐτοῦ θαυμάτων διήγησις, изъ рик. Парижск. Национальн. библ. № 1452, XI вѣка; сообщеніемъ чуда, помѣщеннаго на л. 143 verso — 144 recto, я обязанъ проф. Васильевскому).

¹⁾ AASS. III Aprilis въ концѣ тома, стр. XXIX — XXXIII; сл. ib. р. 144 а (изъ греческихъ Миней); въ русскихъ пересказахъ (Погод. рик. 818, л. 180 об.) Митиленъ замѣнена Мелитеной житія.

²⁾ Укажу на подобныя же сближенія въ области народнаго вѣрованія. Никита въ апокрифическомъ мученіи названъ «врачемъ»; русский народъ считаетъ св. мученика Никиту покровителемъ дѣтей отъ роднища (Калинский I. с. 296). Врачами являются и свв. Георгіи и Харлампій у Грековъ (В. Schmidt, Volksleben р. 37 — 8), св. Георгіи у Хевсуровъ (Radde, Die Chewsuren und ihr Land. Cassel 1878 р. 110).

и той-же мѣстностью. Свв. Никита, Николай и Георгій чередуются въ одномъ и томъ-же чудѣ съ св. Теодоромъ Тирономъ, какъ, съ другой стороны, св. Теодоръ раздѣлялъ съ Георгіемъ славу заѣборца. Эллинскій міръ, боровшійся въ Малой Азіи съ Сарацинами, воспѣвавшій своихъ эпическихъ бойцевъ, Дигениса, Акритя, Армури и др., долженъ былъ питать особое уваженіе къ святымъ, побѣдно отражавшимъ змінную силу, спасавшимъ отъ вражяго плѣна. Свѣтскій гѣсенный эпосъ становился о бокъ съ религіознымъ эпосомъ житій. Ихъ совмѣстное изученіе могло бы доставить изслѣдователю легендъ о св. Георгіи опоры и выгоды — и, вмѣстѣ, опасности — широкаго обобщенія. Г. Кирпичниковъ избралъ другой путь, обратившись къ изслѣдованію текстовъ Георгіева житія, его различныхъ редакцій и ихъ взаимныхъ отношеній.

II.

Для уясненія этой стороны дѣла изслѣдователь потратилъ не мало труда и времени. Онъ пересмотрѣлъ значительное количество рукописей, относительное значеніе которыхъ могло опредѣлиться лишь при окончательной работѣ свода и построенія. Иной текстъ могъ, напримѣръ, показаться важнымъ при началѣ изслѣдованія и снизойти въ концѣ къ значенію второстепенной данной; и наоборотъ, достоинство другого могло выясниться лишь при общей повѣрочной работѣ, тогда какъ прежде на него не было обращено надлежащаго вниманія. Къ такому тексту слѣдовало во всякомъ случаѣ вернуться, прежде чѣмъ пытаться установить генеалогію редакцій.

Г. Кирпичниковъ выдѣляетъ въ текстахъ житія три редакціи: А — каноническое житіе, В — апокрифъ, С — особая версія апокрифа, извѣстная главнымъ образомъ по славянскимъ рукописямъ. Къ редакціи А г. Кирпичниковъ относитъ греческое житіе, изданное Папebroхомъ = b, и латинскую легенду Липомана, переведенную съ греческаго = l. Ея подлинникъ не из-

давѣ, но онѣ, либо его варьянты, найдутся въ рукописяхъ, судя по отрывкамъ вѣнской, описанной Ламбеціемъ (сл. Кирп. стр. 4, прим. 1)¹⁾. Съ этимъ текстомъ слѣдовало бы познакомиться, въ виду вопросовъ, поднимаемыхъ текстомъ I и не достаточно разъясненныхъ г. Кирпичниковымъ. Что такое I? Это не есть текстъ древній и подлинный (?): онѣ составленъ изъ двухъ варьянтовъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ сличенія его съ русскими текстами (стр. 6); I, стало быть, сохранился въ варьянтахъ русскихъ — и, можетъ быть, греческихъ — пересказовъ, которые надо было попытаться изучить совместно, возведя ихъ къ прототипу L, еслибы это оказалось возможнымъ, и за тѣмъ уже указать имъ мѣсто въ редакціи A, либо въ такихъ отношеніяхъ къ ней, которыя представились бы наиболѣе вѣроятными. Безъ этой предварительной работы помѣщеніе I подъ рубрикой A вызываетъ рядъ частныхъ и методологическихъ сомнѣній. Начать съ того, что и текстъ вѣнской рукописи — сводный²⁾, потому ли, что и онѣ представляетъ слитіе двухъ варьянтовъ, какъ липомановскій, мы пока не знаемъ; но его заключеніе заимствовано изъ редакціи C (I. с. стр. 34). Съ другой стороны легенда Липомана кончается, говоритъ г. Кирпичниковъ (стр. 4), припиской псевдо-автора, Пасикрата, обличающей въ писателѣ легенды знакомство съ этой спеціальной чертою редакціи B. Текстъ Липомана, стало быть, вдвойнѣ сводный?

Но что такое сводныя или слитныя редакціи? (сл. стр. 25 слѣд.). И какъ отличить ихъ отъ тѣхъ, которыя слѣдуетъ призвать основными? Какъ бы ни понимать отношенія A, B, C, несомнѣнно, что онѣ выработались одна изъ другой, путемъ выдѣленій или приращеній, обусловленныхъ опредѣленными цѣлями редакторовъ. Такая взаимная зависимость достаточно объясняетъ, почему въ A B C есть общія черты; но когда о текстахъ A (b

¹⁾ Рукопись эта значится въ каталогѣ вѣнской бібліотеки: Theol. gr. 123; житіе св. Георгія занимаетъ f. 37 v. — 43 v.

²⁾ Кирп. стр. 4 прим. 1, гдѣ ошибочно напечатано: свободный.

и 1) говорится, что въ иныхъ случаяхъ *b* ближе сходится съ *B*, въ другихъ *l*, невольно подсказывается вопросъ: идетъ ли здѣсь дѣло объ основномъ сходствѣ между текстами *A* и редакціею *B*, или же о позднѣйшемъ вліяніи *B* на писателей или составителей этихъ текстовъ? Еслибы послѣднее предположеніе оказалось вѣрнымъ, мы получили бы право назвать *b* и *l* сводными текстами.

Вообще для того, чтобъ имѣть право говорить о редакціяхъ основныхъ и смѣшанныхъ или слитныхъ, необходимо прежде всего установить филологическій типъ первыхъ, уяснить ихъ основныя сходства, опредѣленныя ихъ взаимной зависимостью, и типическія отличія, т. е. тѣ, въ силу которыхъ онѣ и могутъ быть обособлены, какъ отдѣльныя редакціи. Когда эти типы установлены, ихъ механическое смѣшеніе легко опредѣлить, въ какихъ бы сочетаніяхъ оно не явилось — выражаясь рядомъ сводныхъ, слитныхъ, интерполированныхъ редакцій. Г. Кирпичникову всѣ эти вопросы метода должны были представиться сами собою, и онъ не могъ не имѣть ихъ въ виду, разбираясь въ массѣ просмотрѣнныхъ имъ рукописей. Слѣдуетъ предположить, что, опредѣляя нѣкоторые тексты, какъ составные, онъ руководился указаннымъ выше критеріемъ, но доказательства тому у него отсутствуютъ, и читатель недоумѣваетъ, почему напримѣръ текстъ *l*, съ припиской Пасикрата и чертами изъ *B*, разсматривается въ основной группѣ *A*, почему родственнѣй *l* греческій текстъ вѣнской рукописи, съ окончаніемъ изъ *C*, отнесенъ въ ту же рубрику, тогда какъ «одна изъ распространенныхъ позднѣе на западѣ составныхъ греческихъ редакцій», стоящая «въ близкой связи съ редакціею *C*» (стр. 37 и прим. 1), — разбирается въ отдѣлѣ текстовъ сводныхъ. Жаль, что именно эта «составная» редакція осталась неизученной, равно какъ и греческій подлинникъ *l*: она намъ интересна по своей связи съ *C*, т. е. съ тѣмъ особымъ видомъ отреченнаго житія, который извѣстенъ былъ доселѣ лишь изъ славянскихъ пересказовъ и для позднѣйшей исторіи апокрифа представляется мнѣ особенно важнымъ.

Для редакціи *B* и главнымъ образомъ для его латинскихъ

изводовъ (Gallicanus, S. Gallensis) собранъ былъ западными изслѣдователями кое-какой матеріалъ, которымъ г. Кирпичниковъ воспользовался, присоединивъ къ нему, съ своей стороны, много новаго и цѣннаго¹⁾. Для критики древнѣйшаго текста этого извода, т. е. греческаго палимпсеста IV — V вѣковъ, изданнаго Детлефсеномъ, изслѣдователь воспользовался указаніями проф. Дестуниса, во многомъ исправившаго чтеніе и толкованіе перваго издателя. Точно также и для С по тексту Тихонравова г. Кирпичниковъ приводитъ остроумную поправку проф. Лескина, предложившаго, вмѣсто непонятнаго: «Сѣдъ же на соудищи съ атропомъ пришедшемъ траро^в въ илину и магнентію» и т. д., читать: «Сѣдъ же на соудищи сатрапомъ пришедшемъ». Непосредственно слѣдующія слова: «траро^в въ илину и Магнентію и Феогию» остаются непонятными, говоритъ г. Кирпичниковъ (стр. 34 — 35 прим. 3 на стр. 34). По позднѣйшему указанію проф. Дестуниса вм. «трарокъ въ илину» слѣдуетъ читать: Транквилину: царь этого имени является въ редакціи В (Gallic.) рядомъ съ царемъ Магненціемъ и императоромъ Дадіаномъ. Та и другая конъектура подтвердились чтеніемъ хлудовскаго житія (по торжественнику XIV в., № 195), исправляющаго еще одно непонятное мѣсто Тихонравовскаго текста: «И бѣ в то врѣмя князь родомъ отъ прьсъ именемъ Дадіанъ, мѣстный князь, татрокъ А'нкіи, Персаменіи и Палестинскія страны» (Тихонравовъ II стр. 100); вмѣсто: татрокъ А'нкіи, слѣдуетъ читать: Тавроликіи. — Дадіанъ тихонравовскаго текста — «мѣстный князь» т. е. топархъ; въ одной изъ смѣшанныхъ редакцій житія св. Георгія²⁾ Дадіанъ названъ топархомъ Сиріи.

Славянскіе тексты В предлагаютъ, сравнительно съ латинскими, нѣкоторыя отличія, источника которыхъ слѣдуетъ, быть

¹⁾ См. напр. стр. 16 и слѣд.: отчеты о сирійскомъ и эеіонскомъ пересказахъ, о мюнхонскихъ текстахъ латвійскаго апокрифа и т. п.

²⁾ AASS. Aprilis III, p. 104.

можетъ, искать въ ихъ греческомъ подлинникѣ. Такъ Георгій является въ нихъ не вошномъ, а купцомъ, какъ въ хроникѣ Табари¹⁾; черту хлудовскаго текста, что тѣло святого сжигаютъ, а прахъ пускаютъ по вѣтру, легко сблизить съ такой-же подробностью сирійскаго житія, гдѣ пепель сожженаго мученика разбросанъ по горамъ, и съ рассказомъ Табари и Масуди: пепель отъ сожженаго тѣла брошенъ въ море или въ рѣку Тигръ²⁾. Не то же-ли бросаніе въ море упомянуто и въ похвальномъ словѣ Аркадія, архієпископа Кипрскаго, «на обновленіе храма святаго и славнаго и побѣдоносца и великоученика Георгія»? Слово это, встрѣчающееся въ греческихъ³⁾ и русскихъ спискахъ⁴⁾, сколько извѣстно, до сихъ поръ не издано; его списателя проф. Васильевскій склоненъ отождествить съ Аркадіемъ Кипрскимъ, извѣстнымъ изъ исторіи моноелитскихъ споровъ (625 — 6), къ которому отправленъ былъ декретъ Ираклія противъ еретика Павла и о которомъ упоминаетъ его преемникъ, митрополитъ Кипрскій Сергій въ посланіи къ папѣ Сиксту IV отъ 643 года⁵⁾. Въ ряду архієпископовъ Кипра извѣстенъ всего одинъ Аркадій, котораго помѣщаютъ обыкновенно между 600 и 638 годами⁶⁾. — Слѣдующая далѣе выдержка изъ его риторическаго слова можетъ послужить не только къ опредѣленію времени, когда оно могло быть написано, но и къ уясненію того круга представленій, въ

¹⁾ Кипр. стр. 13.

²⁾ Гр. стр. 14, 15, 16.

³⁾ Ms. in Bibl. Coisliniana p. 211 у Фабриція Bibl. graeca v. 9 p. 80 (1-го изданія).

⁴⁾ Я пользовался текстомъ, помѣщеннымъ въ Торжественникѣ Моск. Рум. Муз. № 435, конца XV вѣка, л. 120 об. — 125 обор. (Сл. № 434 того же Музея, рлп. XVI вѣка).

⁵⁾ См. также Guil. Cave, *Scriptorum ecclesiasticorum historia literaria*. Basilae 1745, t. II, Dissert 1^a (въ концѣ книги) p. 4. — Указаніемъ этикъ я обязанъ проф. Троицкому.

⁶⁾ Gama, *Series episcoporum ecclesiae catholicae*. Ratisbonae 1873, p. 488 — 9.

которомъ сложился взглядъ на св. Георгія, какъ на чудеснаго помощника.

«Како члци по достоинству почтемъ и паче же мчкы и паче Георгія вселенскою похвалоу, црковное скровище, кртнаго проборца, георгіе воинномъ оружје непобедимое, георгіе цртвіа проборецъ, георгіе възделаннымъ совъзделанныкъ и поутникомъ наставникъ, георгіе плавающимъ кормычи, георгіе озлобленнымъ о'м'ститель и лжоущи' обличитель; георгіе плающа'са оутѣшитель и крѣпкихъ благолѣпіе; георгіе сирымъ пре'статель и вдовицамъ питатель; георгіе пристанище иже в поучинѣ влауща'ся и иже в поустыняхъ скитаюхв'са пастырь; георгіе болаущимъ врачъ и прибѣгающимъ просвѣтитель; георгіе паствамъ стражъ и гоумномъ благословеніе; георгіе боримымъ стѣна, мочнымъ оутѣха, алчущимъ питатель і нагихъ одѣтель; георгіе искоушаемымъ мость и миру утверженіе; георгіе бесомъ губитель и еллиномъ разрушитель и вѣры правитель; георгіе мченъ бывъ побѣди и вверженъ побѣди и оумеръ въ истинноу живе, дивѣство преславныхъ чюдесъ. Которыми словесы похвалю мчнка, кими похвалами изрекоу страдания, кими образы въспою чюдеса? Разделися мчнчское тѣло но не разделися отъ него Христось, раздраса ество и не разориса вѣра, падеса храмъ и скровище скраниса, в мѣстѣ есть и в мирѣ пребывая, всѣхъ посѣщаа, тамо Христу предстоитъ и соущихъ сде николже отъстуетъ, тамо молитса и сде с нами лкоуетъ, тамо служитъ и zde чюдодѣствуетъ. Оуспоша мощи и проповѣдуютъ вещи, языкъ оумолче и чюдеса вопиють. Кто таковаа видѣ или кто таковаа слыша? Огнемъ сожжены быша и огню отгонять мощи, в поучиноу ввержени быша и дшю отъ поучинъ спасають, уды скроушишаса и скрушенаа стазоуютъ, смрти осуждены быша и оумршыхъ въставляютъ, на земл запдоша и на нбси восняша. Да постыдатся еллістин отроци зращен бѣсы служаща мчкомъ, да посрамитса идол'скаа прелесть слышащей дхмъ нечистымъ боящимса мчкъ мощен, ибо иже иногда пооспраощен члкы мочити бѣгають и вопиють многое твое дръзновенне и свѣдѣ-

тельство, Георгіе. Что глаголеши? Дѣи нечистиі всеокааніи мрътвыхъ мощи и бездоушныхъ боатса, си рѣ Иисуса Христа ради и мѣкы почитаютъ. Что реку(ть) о сихъ намъ иже Христа ради отметающеса? что прочее не оумолкнууть? Разоумѣте языци и покаратеса. Видите о іоудей, еи посрамитеса. Да оумолкнууть елѣинскіа басни и престаноуть, тѣмъ-же оубо оумолкоша и престаша. Где Плутонъ сверепѣайся, где Аполонъ посоупленный, где Диева дръжава, где Иракліева гордына, где Фрігомъ скопления и сверѣпіа и бѣснованія, где прочая съгрѣшенія восклицующихъ? Они бо всі посрамышаса, ници на землі лежать и пребыша мѣтви. Христу бо явльшюса и крѣтоу въдрозившюса и мѣнникомъ показавшимса смѣрть убо ради Христа пренебрежена бысть, адъ побѣжденъ бысть, прелестъ попраша и капища разоришаса і елѣини умѣртившаса; і идеже оубо въ вселеннѣй проидеши, не к тому тако ми бѣвъ Аполоніа и Діа и Асклипіа обращеши глаголема, но богъ георгіевъ и иже с нимъ всѣхъ славится и бл҃гочѣтѣй воспѣвается и жѣрты бескверныа томоу ради мѣнскихъ жѣртвъ и мѣнені възсылаютса». Слово обращается за тѣмъ къ великомученику: «ты боуди молятвенникъ о мѣхъ грѣшнемъ и о всѣхъ молиса людехъ христіанскихъ оумленѣ казнимыхъ, и да не презриши съ стѣми всѣми немолчно глаголати: пощади, господи, люди своа, владыко, прочее спаси достоинне свое, пощади стадо свое, молиса, пастырю добрын; помилоуи цѣрковь свою, чѣколюбче, яко лютѣ колеблетса, яко лютѣ разсѣвается; оущедри чада своа, ако прочее оумалишаса; призри, владыко, на люди своа, яко исполнихомса уничиженія; виждь ноужду и створи чѣколюбіе, виждь наготу и дароуй одѣяние, виждь рыданіе и створи щедроты.... покажи васъ благодію своею. Расточилъ еси, сбири; ѿвергъ еси, помилоуй; предагъ еси, възврати; заточилъ еси, пакы помани.... к тебѣ бо прибѣгаемъ. Помилоуи насъ и възврати плѣненіе наше, яко рыдающѣ славимъ отца и сына и сватаго дѣа нынѣ і присно и в вѣкы».

Если авторъ Слова, дѣйствительно, современникъ Ираклія,

то указанія на казнимыхъ христіанъ, на колеблющуюся и разсѣвающуюся церковь, на расточеніе и плѣненіе вѣрующихъ, нашли-бы естественное объясненіе въ обстоятельствахъ времени. Я разумѣю нашествіе Хосроя: событія, его сопровождавшія, годились въ обстановку мученическаго житія и обновляли его память.

Перейдемъ къ третьей изъ установленныхъ г. Кирпичниковымъ редакцій житія, именно къ С. На нее слѣдовало, по нашему мнѣнію, обратить большее вниманіе, чѣмъ это было сдѣлано. Здѣсь упрекъ обращается не къ специалисту по исторіи западныхъ литературъ, а къ русскому изслѣдователю, которому памятники древнеславянской письменности должны быть особенно дороги. Ограничусь пока немногими замѣчаніями. Въ русскихъ пересказахъ С отецъ Георгія названъ Геронтомъ, Геронтіемъ и т. п.; мать — Полихроніей и Полифроніей; Полихроніей-же она названа въ отрывкахъ греческаго текста С. — Г. Кирпичниковъ заключаетъ, что аналогія съ Геронтіемъ заставляетъ предположить форму: Полихронія древнѣйшею (стр. 35); но вѣдь, говоря апріорно, исканіе аналогіи могло дѣйствовать и поздиѣе, приравнявъ Полифронію къ значенію Геронтія. — «Сперва я думалъ настаивать на формѣ Полифронія, многомудрая, которую легко замѣнить Премудростью — Софією нашихъ стиховъ. Можетъ быть, впоследствии и найдется славянскій, вышедшій изъ греческаго, или греческій текстъ, гдѣ ошибочное чтеніе Полифронія породило Софію. Тогда уяснится литературный источникъ этого эпизода стиха» (стр. 35 прим. 2). — Въмѣсто этого искомаго текста можно-бы сослаться на художественное преданіе, на которое указываетъ самъ г. Кирпичниковъ (стр. 171): «Съ VI вѣка по всей Византійской имперіи строятся соборные храмы Софій Премудрости Божіей, и что замѣчательно, въ очень многихъ случаяхъ такой соборный храмъ поминается рядомъ съ другимъ уважаемымъ храмомъ — св. Георгія». Появленіе въ русскихъ духовныхъ стихахъ матери Георгія, Софій, могло быть обусловлено совмѣстностью ихъ культа; въ народномъ представленіи три сестры его могли быть сопоставлены съ тремя дочерьми другой Со-

ФИН (сл. стр. 48 — 9), — хотя уже эоипская легенда (и ея предполагаемый сиро-греческій подлинникъ, сл. стр. 172 и 18 — 19) знаетъ о двухъ сестрахъ мученика, мать котораго называетъ Тѣобеста, т. е. Теопистой. — Не бесполезно, быть можетъ, указать на возможность и другого объясненія Софія: на наивное отвлечение собственныхъ именъ отъ нарицательныхъ, нерѣдкое въ русскихъ народныхъ и литературныхъ воспроизведеніяхъ припльихъ сюжетовъ. Въ отрывкахъ текста С по парижской ркп. гаес. 1534 мать Георгія названа Полихроніей; въ разговорѣ съ мученикомъ дукъ Варданъ говоритъ ему: «ὄρω σε ἐν τῇ πολυλογίᾳ σου πολλὴν σοφίαν ἔχοντα». Святой отвѣчаетъ: «αὐτῆ ἡ σοφία, ᾧ δικαστῆ, οὐκ ἔστιν ἐξ ἐμοῦ, ἀλλ' ὁ Θεός μου ἐχαρίσατό μοι αὐτήν, ὁ παρέχων τοῖς εὐδέσι τῇ καρδίᾳ καὶ τοῖς φυλάσσοσι τὰς ἐντολάς αὐτοῦ σοφίαν καὶ μετοχὴν ἀγαθῶν ἐκ τοῦ πλοῦτου αὐτοῦ. Οἱ γὰρ ἐκ καρπῶν ἀγαθῶν τὰς καλὰς ἀρετὰς κατορθώσαντες . . . ὡς κλάδους ἔχουσιν εὐδαλεῖς τὴν σοφίαν προηγουμένην αὐτῶν Θεοσέβειαν καὶ πίστιν ὀρθήν. Οὗτοι γὰρ ζήλω μυστικῶ βαδίζοντες καὶ ὡς ἄγχιραν ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν τὴν τιμίαν πίστιν κατέχοντες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσιν». Подобныя выраженія могли легко повести къ реальнымъ образомъ Софіи Премудрости, Вѣры, Надежды и Любви; въ такомъ случаѣ источникомъ русскаго духовнаго стиха оказался бы какой-нибудь изъ пересказовъ С.

Къ вопросу о немъ и о соотношеніи различныхъ редакцій житія между собою мы попытаемся подойти ближе, на сколько то позволить собравшійся у насъ матеріалъ.

Редакція В и А называютъ Георгія Каппадокійцемъ: Καππαδόκης τὸ γένος (по парижск. ркп. гаес. 1447); genere Sarpadogus (Gallicanus); ex genere Cappadotie et nutritus est in Palestine patriae (S. Gallensis); Gallicanus заставляеть святого прибавить о себѣ: fui et in provincia Palestina; отношенія къ Палестинѣ упоминаеть и h: τῆς μὲν τῶν Καππαδοκῶν χώρας ὀρώμενος . . . Ἀπάρας δε τῆς Καππαδοκίας σὺν τῇ μητρὶ πρὸς τὴν Παλαιστίνην μετοίκησεν, ἐκεῖθεν αὐτῷ τῆς μητρὸς τυγχανούσης. —

Тоже и въ С, по Хлудовскому тексту: «рода же кападокииска... въздон же ме и възпитѣ палестиньскага страна». — Древнія связи каппадокійскаго христіанства съ Палестиной указываютъ, быть можетъ, на среду, въ которой создался апокрифъ св. Георгія. Родомъ изъ каппадокійскаго города Коластры или Clastrata'ы была св. Нина, просвѣтительница Грузин: она провела свою юность въ Іерусалимѣ; грузинскія свидѣтельства зовутъ ея отца Завулова «сопричастникомъ» св. Георгія и даютъ ей въ дяди Ювеналія, іерусалимскаго патріарха¹⁾. Исторія не знаетъ Ювеналія, современника св. Нины, но она знаетъ патріарха Ювеналія (428 — 458), современника императрицы Эвдокии и Эвеміи; послѣдній былъ родомъ изъ каппадокійской Мелитены, провелъ ббль-

¹⁾ Brosset, Histoire de la Géorgie I, 90—2; сл. Addit. et éclaircissements à l'hist. de la Géorgie: Chronique arménienne p. 20. — Рассказъ о дѣятельности Нины начинается упоминаніемъ св. Георгія: «Въ то время, когда св. Георгій Каппадокійскій пострадалъ за Христа, властитель одного каппадокійскаго города, по имени Заблонъ и т. д.» — Проф. Цагарели сообщилъ мнѣ, что житіе св. Нины (по грузински: Нино) встрѣчается въ спискахъ X—XII вв., отдѣльно и вмѣстѣ съ другими житіями, въ краткой (древнѣйшей) и пространной редакціяхъ. На сколько можно заключить, житіе это и легло въ основу гѣтописнаго разсказа объ обращеніи въ христіанство грузинскаго царя Миріана въ началѣ IV вѣка, а оттуда проникло въ исторію Вакушта и другіе пересказы. — Въ Азіатскомъ музеѣ Имп. Акад. Наукъ находятся два списка житія св. Нины: одинъ пергаменный, никакъ не позже XIV-го вѣка (по грузинскому каталогу азіатскаго музея № 39), другой — копія со списка 1736 года (№ 40). Проф. Цагарели я обязанъ извлеченіями изъ того и другого. Вотъ начало житія по № 39: «Въ то время, когда былъ замученъ всехвальный и всеславный великомученикъ Георгій Кападукскій въ томъ-же городѣ (въ № 40: въ городѣ Кападукѣ) жилъ человекъ ивѣкій, соучастникъ (сообщникъ, буквально: сопричастникъ) и другъ святаго мученика Георгія». Его имя Забулонъ; у него и Сусанни, сестры патріарха Ювеналія, дочь св. Нино. — У Иоселиани (Краткая исторія грузин. церкви. Спб. 1848) св. Нина является родственницей, у Габрона Сабинана (Исторія грузин. церкви, стр. 27) двоюродной сестрой по отцу св. великомученика Георгія (?).

ную часть своей жизни въ пустынѣ на берегу Мертваго моря, оставивъ въ Палестинѣ своихъ учениковъ, св. Θεодосія Киноиарха и св. Савву, такихъ-же, какъ и онъ, каппадокійцевъ.

Paltene patria сангалленскаго текста не стоитъ-ли вмѣсто *Palaestina*? Или это *Militine*, *Melitena*, *Melitona*, *Mellina* другихъ текстовъ житія, куда къ Даціану является св. Георгій, откуда онъ родомъ? ¹⁾ Въ эіопскомъ текстѣ городъ названъ *Mitelja*. Мелитена — городъ на Евфратѣ, въ Малой Арменіи (Каппадокіи легенды), у Арабовъ *Meledni* и *Molouteni*; *Malatia* западныхъ писателей.

Къ указаннымъ географическимъ отношеніямъ В и А, С присоединяетъ и новое: она не только ввела въ житіе эпизодъ о родителяхъ святого, Геронтія и Полихронія, но и мученіе святого приурочило специально къ Діосполю - Лиддѣ: «въ Діосполь-же ѿ Галилею посла повелѣнии» Даціанъ (или Діоклетіанъ); тамъ святой пострадалъ и погребенъ: «положише и . . . въ Діосполѣи». То-же приуроченіе встрѣтится намъ и въ нѣкоторыхъ греческихъ сводныхъ текстахъ житія, воспользовавшихся редакціей С. — Лидда-Діосполь находится въ получасѣ пути отъ Рамлы, въ двадцати верстахъ отъ Іерусалима по дорогѣ въ Яффу. — Развитие мѣстнаго культа въ Діосполѣ, выразившагося построеніемъ знаменитаго храма и празднествомъ перенесенія мощей (3-го ноября) — не можетъ-ли дать намъ приблизительный *terminus a quo* составленія редакціи С?

Болландисты не касаются вопроса о началѣ культа св. Георгія въ Діосполѣ, вопроса, предрѣшеннаго для нихъ показаніемъ греческой Миннеи: о существованіи Діоспольскаго храма при Константинѣ Великомъ ²⁾. Самое раннее упоминаніе Георгія въ Діос-

¹⁾ AASS. I. c. p. 102 b; 103 a (по валицельянскому тексту); 105 a (изъ легенды Петра Партенопейскаго). Сл. Кирпичн. I. c. 20, 22.

²⁾ Оттого они переносятъ Георгія изъ легендарной Мелитены въ Никомедію, откуда легче было доставить тѣло святого моремъ до Яффи. *Vidit hoc actorum graecorum, quae in Mss. Regis Franciae ha-*

погѣ встрѣтился мнѣ пока у путешественника первой половины VI вѣка, Теодора или Теодосія: De Emmao usque in Diospolim millia XII, ubi sanctus Georgius martyrizatus est; ibi et corpus ejus est et multa mirabilia fiunt¹⁾.

Въ 570 году (по разсчету Тоблера) посѣтилъ Палестину Антонинъ изъ Пляченцы. Говора о базиликѣ въ честь св. Стефана, построенной императрицей Эвдокией, онъ сообщаетъ слѣдующее: et ipse sanctus Stephanus requiescit foris portam sagitte jactu, ad viam, et illa porta ex nomine ipsius vocatur. Et est ad viam, quae respicit ad occidentem, que descendit ad Joppen et Caesaream Palaestine vel Diospolim civitatem, que antiquitus dicebatur Azotus: in qua requiescit sanctus Georgius martyr²⁾.

Діосполь-Лидда, дѣйствительно, лежитъ на пути къ Яфѣ, но онъ не назывался Азотомъ: Azote (Asdoud, Echdod) находился значительно южнѣе³⁾ и не памятенъ культомъ Георгія. — Положеніе церкви св. Стефана определено точно: она находилась между Дамасскими (отъ VII до XV в.: св. Стефана) и Яфѣскими воротами и открывалась путнику, приходившему со стороны Яфѣ и Діосполя⁴⁾.

beri diximus, auctor recentior, aut in Actis quibusdam antiquioribus, perfectioribusque nondum ad nos perlatis (nam quae habemus, nomen loci non expriment) sic forte reperit. I. c. p. 108 a, 104 b. Сл. Архим. Сергія, Полный мѣсяцесловъ востока, II, ч. 2, стр. 348—9, годъ 3-мъ ноября.

¹⁾ T. Tobler, Palaestinae Descriptiones ex saeculo IV, V et VI (St. Gallen, 1869): Theodori liber de situ terrae sanctae, p. 40 (сл. стр. 115: половина VI вѣка; стр. 117: около 530 года). Сл. его же: Itinera et descriptiones terrae sanctae lingua latina saec. IV—XI exarata. Genevae, 1877: Theodosius de Terra sancta, p. 71.

²⁾ T. Tobler, De locis sanctis quae perambulavit Antoninus martyr. A. D. 570. St. Gallen 1868, с. XXV, p. 28, и его же Itinera I. c. p. 105. Сл. Tuch, Antoninus martyr. Leipz. 1864 и Delpit, Essai sur les anciens pèlerinages à Jerusalem. Paris, 1870, p. 175 — 232.

³⁾ Сл. атласъ Spruner-Menke и карту у Клермонъ-Ганно, Horus et St. Georges, Rev. archéologique 1876, p. 202.

⁴⁾ Сл. Путешествіе игумена Данила, изд. Норова, стр. 18.

болѣе, чѣмъ этому подозрительному смѣшенію Азота и Лидды, я придаю значеніе показаніямъ житія св. Θεодора Сикеота. Я разумѣю *argumentum a silentio*.

Св. Θεодоръ родился при Юстиніанѣ (527 — 566), въ Сикеонѣ, въ первой Галатіи; умеръ при Иракліи въ 613 году. Еще мальчикомъ онъ особенно чтитъ великомученика Георгія и, бывало, тайкомъ отъ матери пробирался изъ школы на сосѣднюю крутую гору, гдѣ уже тогда стоялъ храмъ святому. Память о немъ, рассказы о его чудодѣйственной помощи и явленіяхъ — наполняютъ всё житіе св. Θεодора. Св. Георгій является ему во снѣ, руководитъ его, спасаетъ отъ демонскихъ козней; его именемъ Θεодоръ совершаетъ чудеса, ставитъ монастырь во имя своего любимого святого, и когда церковь оказалась слишкомъ тѣсною, строитъ возлѣ нея храмъ Михаилу Архангелу. — Авторъ житія знаетъ иконописное изображеніе Георгія: *adolescentem valde formosum, splendidis vestimentis ornatum, aurea fulgentem coma, et illi similem, quem pro S. Georgio in ejus historia pictum cernimus*¹⁾ — и бьется чаръ языческаго искусства (*vas cum tabernaculis veterum Graecorum videram, quae a daemonibus observabantur*)²⁾. — Цѣнность этихъ свидѣній стоитъ въ прямой зависимости отъ довѣрія, съ которымъ мы отнесемъ къ писателю житія, называющему себя ученикомъ святого, Элевсіемъ, котораго св. Θεодоръ называлъ иначе — Георгіемъ, тогда какъ другой братъ Элевсія принялъ имя Θεодора³⁾. Это чередованіе именъ останавливаетъ вниманіе: какъ впоследствии Θεодору Сикеоту праздновали въ константинопольскомъ храмѣ св. Георгія⁴⁾, такъ въ житіи Сикеота, проникнутомъ воспоминаніями о

1) AASS. Aprilis III, подъ 22 Apr. p. 40, b.

2) I. c. p. 56, b, § 102.

3) I. c. p. 61, b, § 124.

4) Сл. Путешествіе Новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ, изд. П. Саввантовичъ, стр. 137 — 8. Сл. ib. стр. 140 — 1: «О страну же того монастыря святаго Георгія: и ту лежатъ святой Феодоръ Сикиотъ въ тѣлѣ, въ серебрянѣ гробѣ; и ту крестъ его на желѣзѣ»

каппадокійскомъ святомъ, встрѣчаются: Theodorus cognomento Latzeas, изъ Гераклеи въ Понтѣ, Theodorus, жившій in monte Draconis и др.

Св. Феодоръ Сикеотъ дважды былъ въ Константинополѣ и совершилъ три раза путешествіе къ св. мѣстамъ Палестины. Уваженіе, которое онъ питалъ къ св. Георгію, и слава Діоспольскаго храма должны были бы привлечь къ себѣ странника. Но о Діосполѣ мы ничего не узнаемъ; когда вполнѣдствіи Феодоръ пожелалъ имѣть отъ мощей св. Георгія, онъ получилъ отъ Эмилиана, епископа Гермій (во второй Галатіи), часть головы святого, его пальцевъ, одинъ зубъ и еще одну частицу его тѣла¹⁾. — Замѣтимъ, что во время своего послѣдняго путешествія къ святымъ мѣстамъ св. Феодоръ возымѣлъ намѣреніе тамъ остаться, но св. Георгій явился ему во снѣ, говоря: Иди скорѣе, намъ надо вернуться въ отечество (ut in patriam revertamur); тебѣ не слѣдуетъ оставаться здѣсь, покинувъ родину²⁾.

Въ Константинополѣ святой истолковалъ патриарху Оумѣ (607 — 610) чудесное помаваніе и столкновеніе крестовъ, бывшее передъ тѣмъ въ Галатіи во время крестнаго хода: оно пророчило большія напасти, отпаденіе многихъ отъ христіанства, вторженіе варваровъ, пролитіе крови, опустошеніе церквей, паденіе вѣры, гибель монархіи и близкое пришествіе антихриста. Святой провелъ зиму въ Константинополѣ по просьбѣ того-же патриарха, смущеннаго другою молвою: «civitatem haud multo post absorptum iri». Части этихъ пророчествъ, напоминающихъ извѣстные откровенія псевдо-Мессодія, суждено было осуществиться два года спустя по смерти Феодора: я разумѣю нашествіе Хосроя на Палестину и Галилею въ 615 г., взятіе Іерусалима, избіеніе (17000 или 90000) христіанъ и разрушеніе свя-

лососѣ, съ нимъ же ходилъ на гору ко святому Георгію молиться и т. д.

¹⁾ AASS. I. c. p. 63, a, § 87.

²⁾ I. c. p. 46 b, § 59.

тынъ, при чемъ Персы нашли дѣятельную помощь въ фанатизмѣ еврейскаго населенія. — Выше мы предположили, что подобныя событія могли дать краски для слова Аркадія Кипрскаго въ память «обновленія» храма великомученика Георгія. Разумѣется ли храмъ діоспольскій — мы не знаемъ. Для исторіи послѣдняго укажемъ еще на слѣдующія данныя.

Около 670 года¹⁾ французскій епископъ Аркульфъ посѣтилъ святыя мѣста Палестины; по его рассказамъ составилъ трактатъ Адамнана *De locis sanctis*²⁾. Хотя Діосполисъ всего въ 20 верстахъ отъ Іерусалима³⁾, Аркульфъ не говоритъ о немъ въ связи съ своими палестинскими воспоминаніями; въ Константинополѣ ему рассказали «*de quodam confessore, Georgio nomine*», и рассказали между прочимъ слѣдующее: «*In Diospoli civitate cujusdam confessoris Georgii in quadam domo statua marmorea in columna, contra quam alligatus persecutionis tempore flagellatus est, formulaeque depicta est; qui tamen post flagellationem, e vinculis absolutus, multis vixit annis*». Г. Кирпичниковъ выводитъ изъ этого свидѣтельства заключеніе, что существовала особая версія житія св. Георгія, по которой онъ умиралъ естественною смертію⁴⁾. Но такой выводъ еще не слѣдуетъ изъ словъ Аркульфа: послѣ бичеванія Георгій могъ жить долгіе годы — для новыхъ мученій; важенъ здѣсь не хронологическій гиперболизмъ, а заявленіе, что Георгій жилъ, какъ-бы въ противорѣчіи съ апокрифомъ В, гдѣ святой нѣсколько разъ умираетъ, чтобы снова воскреснуть. Редакція С (съ Діосполемъ,

¹⁾ T. Tobler, *Bibliographia Palaestinae* p. 8 — 10.

²⁾ Migne, *Patrologiae Latinae* t. 88, p. 779 — 814. — Tobler, *Itinera* I. c. 143 — 202.

³⁾ Такъ показано разстояніе у игумена Данила: сл. Tobler, *Descriptiones Terrae sanctae*, p. 300, прим. къ путешествію Willibald'a § XXV: Діосполь «*est decem milliariis ab Jerusalem*»; Тоблеръ разумѣетъ подъ милями — Stunden.

⁴⁾ Въ параллель приводится рассказъ, слышанный въ Мосулѣ Оттеромъ, путешественникомъ XVIII вѣка. Сл. стр. 15.

как мѣстомъ дѣйствія, и отсутствіемъ смертей) зарождалась, — но Аркульфу она могла быть неизвѣстна. — Другое заключеніе г. Кирпичникова, внушенное приведеннымъ выше показаніемъ Аркульфа, столь же невѣроятно: «не смотря на монастыри, построенные Георгію въ землѣ Франковъ, на стихи Венанція Фортуната и латинскій гимнъ, приписанный Амвросію, Аркульфъ, по видимому, въ первый разъ услыхалъ о Георгіи въ Константинополѣ, гдѣ святой пользовался уже обширною извѣстностью»¹⁾. Едва-ли такое заключеніе не основано лишь на одной сторонѣ Аркульфова разсказа: что о чудесахъ св. Георгія онъ слышалъ въ Константинополѣ. Что онъ зналъ о нихъ уже въ Діосполѣ — на это есть его собственное показаніе: своими руками онъ осязалъ слѣды, оставленные руками святотатца на колоннѣ, на которой находилось изображеніе святого. Важны въ свидѣтельствѣ Аркульфа названіе св. Георгія исповѣдникомъ, не великомученикомъ, и такія выраженія, какъ *cujusdam confessoris*²⁾. Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: Аркульфъ зналъ Георгія за мученика каппадокійскаго, какимъ представляютъ его В и А, и не спѣшилъ отождествить его съ Георгіемъ исповѣдникомъ въ Діосполѣ, о которомъ ему разсказали и тамъ и въ Константинополѣ. Діоспольская легенда только что начинала слагаться, обставляясь чудесами, мученіе святого положительнѣе приурочивалось къ Діосполю, но выраженіе «*in quadam domo*» стоитъ, тѣмъ не менѣе, въ противорѣчій съ храмомъ, о которомъ

¹⁾ l. c. стр. 16.

²⁾ Замѣтимъ въ этомъ отношеніи разногласіе между текстомъ въ Патрологіи Мниа и у Тоблера и приведеннымъ у Болландистовъ. Отрывку, выписанному выше, отвѣчаетъ у послѣднихъ слѣдующій: *In Diospoli civitate, in quadam Martyris Georgii domo, in columna marmorea, ad quam persecutionis tempore est flagellatus, formula depicta est* (AASS. April. III p. 148 b, § 56). Точно также и въ передачѣ другого чуда святого, гдѣ въ текстѣ Мниа и Тоблера стоитъ *confessor* (Patrol. lat. t. 88, p. 811 — 13; Itinera p. 197 — 9), у Болландистовъ поставленъ *Martyr* (l. c. p. 144 b — 145 a, §§ 37 — 40)

свидѣтельствуютъ греческія мѣнен. Арсеній Сухановъ, также видѣвшій образъ св. Георгія на столбѣ, помѣщаетъ его уже въ церкви, но не въ Лиддѣ, а въ Рамлѣ: смѣшеніе, довольно обычное, объясняющееся тѣмъ, что храмъ св. Георгія находился на полупути между двумя сосѣдними мѣстностями: «тутъ четыре столба мраморныхъ, бѣлыхъ, цѣльныхъ, на нихъ верхъ церковный. На столбѣ образъ великомученика Георгія»¹⁾.

Въ началѣ VIII вѣка (около 728 г.) св. Виллибальдъ²⁾ говоритъ о культѣ св. Георгія въ Діосполѣ: *et venit in locum Diospolim ad Sanctum Georgium*. — Далѣе Діосполь попадаетъ въ мартирологи IX вѣка и къ Ноткеру Balbulus († 912); въ 1009 году, по свидѣтельству Глабра Радульфа³⁾, діоспольскій храмъ былъ разрушенъ Сарацинами и лишь въ концѣ вѣка возстановленъ крестоносцами; его то поминаютъ русскіе путешественники, колеблясь между Лиддой и Рамлой, либо смѣшивая одну съ другой⁴⁾.

¹⁾ Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, ч. VIII, стр. 203.

²⁾ T. Tobler, *Descriptiones*, p. 36.

³⁾ AASS. I. c. стр. 110 § 35.

⁴⁾ Зосима говоритъ о Лиддѣ: «ту ему (св. Георгію) главу усѣкли», но церковь св. Георгія помѣщаетъ вблизи Іерусалима. Маршрутъ, въ которомъ она упоминается, слѣдующій: отъ Сехима Арабскаго и Хеврона (сл. Норова I. c. стр. 97 прил. 1) къ Адовымъ вратамъ и палатѣ Діоклетіана, оттуда въ домъ Захарьинъ и къ горѣ, гдѣ св. Елисавета скрылась отъ Иродовыхъ слугъ; далѣе къ Виллеему. О діоклетіановой палатѣ сказано: «идѣже Святаго великаго мученика Георгія Діоклетіанъ мучилъ и съ горы спущалъ на острія желѣза» (сл. такую именно подробность о мученіяхъ святаго въ краткихъ греческихъ житіяхъ и прологахъ. Кпр. I. c. р. 5 и прил. 3). На томъ мѣстѣ построена церковь во имя святаго, въ ней цѣль желѣзная, «въ чемъ мучили его, велика, въ стѣну вдѣлана; сею цѣлію болящіе знаменуются и исцѣленіе приемятъ» (Сахаровъ I. c. р. 66 и 67). Крайняя неясность маршрута не даетъ понятія о положеніи адовыхъ вратъ; не разумѣются-ли врата св. Стефана? «И ту-же гора каменная, плоская, простѣлася въ распятіе Христово», говоритъ пр. Давидъ по поводу церкви св. Стефана: «и то мѣсто зовется адъ; и то есть близъ стѣны города, яко довержетъ

Мы не будем слѣдить за позднѣйшими упоминаніями Діосполя. Если преданіе о мученіи тамъ святаго Георгія слѣдуетъ признать относительно древнимъ, то неясности въ показаніяхъ Аркульфа (или, что тоже, его редактора Адаманана) едва ли говорятъ въ пользу уже сложившагося литературно сказанія, какимъ намъ представляется С. — Обратную повѣрку добытыхъ результатовъ можетъ представить разборъ текстовъ житія, соприкасающихся съ этой редакціей.

Греческаго текста С, который отвѣчалъ бы вполне по изложенію и содержанію извѣстнымъ намъ славянскимъ, я не знаю. Встрѣтились пока лишь отрывки его, вошедшіе въ разнообразныя сочетанія съ текстомъ I. Съ содержаніемъ послѣдняго легко познакомиться въ латинскомъ переводѣ, изданномъ Липоманомъ и перепечатанномъ у Сурія; греческій подлинникъ I, на сколько я могу судить по отрывкамъ пар. ркп. граес. № 1447 (olim 2030) и поименованнымъ далѣе своднымъ текстамъ, представляетъ тотъ же распорядокъ, разнствуя отъ латинскаго между прочимъ тѣмъ, что приводитъ *in extenso* эдиктъ Діоклетіана. Отличительными чертами I представляются: а) риторическое введеніе: Ἦ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεία... εἰς τὴν ἄμικτον καὶ σωτήριον Θεοσέβειαν (Lipom.: *Nostri quidem Salvatoris J. Ch. regnum... ad veram ac salutarem religionem convertere*); б) изложеніе житія начинается словами: ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκείνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν (Lipom.: *Accedit autem, ut tempore illo, quo satanae ipsius superstitionis et idolorum servitus in hominibus dominabatur, Diocletianus romanorum imperio potiretur*); в) упоминаніе въ текстѣ раба Георгія, называющаго себя въ концѣ Пасикратомъ (какъ въ В).

Перейдемъ къ извѣстнымъ намъ своднымъ текстамъ I + С.

мужъ камень (Норовъ I. с. р. 18; сл. *sagittae jactu* Антонина, помѣщающаго храмъ первомученика на пути въ Діосполь). Замѣтимъ обратный путь Давіила: отъ дому Захарыина, горы, гдѣ скривлась Елисавета, другой горы, гдѣ скривался отъ преслѣдованія Давидъ — на Рамлу и Лядду.

1. Вѣнская рукопись Theol. graec. № 123 представляет особый пересказъ редакціи I, съ новыми чертами изъ В (Схολастика); въ концѣ упоминаетъ матеря Георгія, Полихроніи, и Діосполя; эвнухъ Евтропій также извѣстенъ лишь изъ славянскихъ пересказовъ С¹).

2. Парижская рукопись graec. № 1178 (olim 148) открываетъ житіе святаго разсказомъ о Максиміанѣ, женатомъ на дочери Діоклетіана и царящемъ въ Никомедіи. Разбитый персидскимъ царемъ Нарсесомъ, онъ проситъ помощи у Діоклетіана, и тотъ является въ Никомедію, «συνεπαγόμενος καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύζυγον — Ἀλεξανδρία τῇ γυναικὶ ὄνομα — ὡς ἂν ἀμφότεροι τὴν ἑαυτῶν θυγατέρα θεάσωνται γαμετὴν ὑπάρχουσαν Μαξιμιανοῦ. συνείπον τῷ δ' αὐτῷ καὶ οἱ τοῦτου ἀδελφίδοι Μαγνέντιος, Θεόγνης τε καὶ Δαδιανός, τοπάρχαι τυγχάνοντες ὁ μὲν Λιβύης, ὁ δὲ Αἰγύπτου, καὶ Συρίας ὁ Δαδιανός. — Съ ихъ помощью Максиміанъ разбиваетъ Нарсеса, послѣ чего онъ отправляется къ Діоклетіану въ Діосполь, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ въ Никомедію²). Діосполь, ненужный въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа, навѣянъ, вѣроятно, тектомъ С, влияние котораго обнаруживается и въ концѣ житія: тѣло святаго, замученнаго въ Никомедіи, перенесено въ Діосполь. — Той-же редакціи принадлежитъ и имя Θεогнида, не знакомаго другимъ, и Геронтій, упоминаемый далѣе. Родственныя отношенія Максиміана къ Дадіану — племяннику, ἀδελφιδοῦς, переносятъ насъ на точку зрѣнія Никитина житія, въ которомъ Дадіанъ является братомъ, ἀδελφός, Максиміана.

Съ Максиміаномъ Діоклетіанъ держитъ совѣтъ относительно христіанъ; въ греческомъ текстѣ I (по пар. ркп. graec. 1447) послѣ извѣстнаго намъ введенія (Ἦ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν и т. д.) и упоминаетъ Діоклетіана (Ἐγένετο), послѣдній также совѣтуется съ Магненціемъ, который былъ вторымъ послѣ него въ царствѣ.

¹) Вѣвскій текстъ печатается нами въ приложеніи № II.

²) Псевдонсторическое введеніе въ 1178 напечатано въ приложеніи № IV. Сл. введеніе въ житіе, находящееся въ пассионалѣ Британскаго музея, Harl. 2800 I л. 56 и слѣд. (Кири. стр. 26).

I (πο ρεπ. 1447¹⁾).

1178.

τούτῳ συμβουλευσάμενος, τί ἂν δέοι ποιήσαντας αὐτοὺς ἐξῆραι παντελῶς τὴν τῶν χριστιανῶν θρησκείαν, καὶ ἅπαντας πείσαι ἀνθρώπους ὑποκύψαι καὶ σέβασθαι σὺν αὐτοῖς τοὺς θεοὺς αὐτῶν· ἦν γὰρ ἐκτεθνηκὼς τῇ ψυχοφθόρῳ τῶν εἰδώλων πλάνη, μάλιστα τῷ Ἀπόλλωνι τῷ τῆς ἀπολείας ὀδηγῷ· σκεψάμενοι οὖν ἅμα γράφουσιν ἐπιστολὰς ἐκ προσώπου αὐτοῦ Διοκλητιανοῦ τοῦ βασιλέως κατὰ πᾶσαν ἐπαρχίαν καὶ χώραν τοῖς ἄρχουσι, στρατηλάταις τε καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν, ἐχούσας τὸν τύπον τοῦτον.

ἐσκόπει σὺν αὐτοῖς, ὅπως ἂν ἡ μὲν τῶν χριστιανῶν ἐκ ποδῶν γένηται λατρεία, ὑποκύψωσι δὲ πάντες σέβασθαι καὶ τιμᾶς προσφέρειν τοῖς ἀψύχοις εἰδώλοις· ἦν δὲ μάλιστα τῇ ψυχοφθόρῳ τοῦ Ἀπόλλωνος ἀπάτη προστεθνηκὼς, ὁ τῆς ἀπολείας ὄντως υἱὸς καὶ τῶν τιμωμένων ξοάνων ἀναμισθιτότερος· ἐπὶ κακῷ γοῦν τὴν συμφωνίαν, ὡς εἴρηται, ποιησάμενοι καὶ σκεψάμενοι ἅμα, γράφουσιν ἐκ προσώπου αὐτοῦ τοῦ τῆς ἀσεβείας πρωτοστάτου κατὰ πᾶσαν χώραν τε καὶ ἐπαρχίαν, ἄρχουσι τε καὶ σατράπαις καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὖσιν ἐπιστολὰς ὧδεπως περιεχούσας.

Слѣдуетъ въ обонхъ текстахъ эдиктъ Діоклетіана, представляющій существенно одну и ту-же редакцію.

1. τῶν δὲ τοιούτων γραμμάτων κατὰ πᾶσαν πόλιν προτιθεμένων, καὶ διωγμοῦ μεγάλου ἐπικρατοῦντος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ ποίμνης, ὡς καὶ πολλοὺς τῶν ἐπισημοτάτων μετὰ πλείστοις βασάνοις ἐνδοῦναι,

3. καὶ παντοίων βασανιστηρίων ἐπινοουμένων κατὰ τῶν εὐρι-

τῶν οὖν τοιούτων γραμμάτων κατὰ πᾶσαν χώραν τε καὶ πόλιν προτιθεμένων καὶ διωγμοῦ φρικώδους κατὰ τῆς Χριστοῦ ποίμνης σφοδρῶς ἀναρριπισθέντος, παντοίων δὲ βασανιστηρίων ὀργάνων κατὰ τῶν εὐσεβῶν ἐπινοουμένων, καὶ πολλῶν δὲ ἐχθρῶν καὶ μίσος κακούργως τοὺς πισ-

¹⁾ Отличія вѣнскаго текста (см. приложение № II) нами не отмѣчены въ слѣдующемъ сопоставленіи.

σκομένων χριστιανῶν, πολλῶν τε ὄντων ἐχθρῶν, τῶν θηρευόντων, ὡς ἐν εὐζέτῳ αὐτοῖς καιρῷ, εἴ τινα εὖρον χριστιανόν, τὸ τηνικαῦτα ἀπολέσωσιν,

τοὺς θηρευόντων, καὶ τοῖς παρὰ νόμοις ἄρχουσιν εἰς θάνατον παραδιδόντων, καὶ τινῶν μὲν σιδήρῳ καὶ πυρὶ καὶ παντοίαις βασάνων ἰδέαις μέχρι τέλους νεανικῶς ἀντιτασσομένων, τινῶν δὲ περὶ τὰ μέσα που τῶν ἀγόνων πρὸς τοὺς αἰκισμοὺς ἀπαγορευόντων, καὶ τῆς ἀμώμου πίστεως ἀγεννῶς ἀπορρηγνυμένων,

ἀνέλαμψε ὡς ἐν σκοτομηνῇ νυκτὶ ἀστὴρ διαφανῆς καὶ λαμπρός, τοῦ Χριστοῦ τίμιος μαργαρίτης, Γεώργιος τις ὀνόματι, ὁ ἐμὸς δεσπότης καὶ τοῦ Χριστοῦ γενναῖος στρατιώτης, ἀφανῆσαι μὲν τὴν ἀχλὺν τῆς πολυθεοῦ καὶ ἀθεοῦ πλάνης τῶν εἰδώλων ἐν τῷ τελείῳ καὶ οὐρανῷ φρονήματι, φωτίσαι δὲ τὴν ἡμέραν τοῦ σωτηρίου κηρύγματος πᾶσι τοῖς ἀξίοις διὰ τῆς οἰκείας ἀθλήσεως.

τηνικαυτα, καὶ ἄπερ ἐν ζοφώδει νυκτὶ, ὁ παμφανῆς φωστὴρ ἐξέλαμψε καὶ πύρσος διαυγέστατος, ὁ τῆς μακαρίας τριάδος διαπρύσιος κήρυξ Γεώργιος καὶ τῶν Χριστοῦ παθημάτων ἀκρίβεστατος μιμητής, τῆς μὲν ἀθεοῦ τῶν εἰδώλων ἀπάτης τὴν πολυτάραχον ἐξελάσων ἀχλὺν, τὴν δὲ σωτήριον πίστιν ἀνακηρύξων οὐ λόγοις μόνον, πολλῶν δὲ μᾶλλον ἰδρῶσι καὶ ἀγωνίσμασι.

4. ὑπῆρχεν δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος Καππαδόκης τὸ γένος, εὐγενῆς μὲν τὸν τρόπον καὶ τῇ περιουσίᾳ λαμπρός καὶ συνέσει θεῖα κεκοσμημένος, τριβουνᾶτα τε πλείστα πράξας ἐν νομῆρῳ ἐπισήμῳ τῶν Ἀνικιῶρων ὀνόματι κόμης χρηματίζων διὰ τὴν πολλὴν εὐδοκίμησιν.

Τούτῳ τοίνυν τῷ Σαυμασίῳ πατρὶς μὲν ἡ Καππαδοκῶν ὑπῆρχε χώρα, πατὴρ δὲ Γερόντιος ἐκεῖνος ὁ περιφανῆς καὶ περιβλεπτός, καὶ τῇ τοῦ στρατηλάτου ἀξίᾳ τετιμημένος, καὶ μήτηρ οὐκ ἀποδέουσα τοῦ συζύγου. Οὗτος περιουσίᾳ λαμπρός ὢν καὶ τὸν τρόπον θεοφιλῆς, ἐν τῷ ἐπισήμῳ

τῶν Ἀρκίων νομῆρω τριβούνος
πολλάκις πρότερον μεγαλοπρε-
πῶς διαπρέψας, τοῦ τῶν σχολῶν
μετὰ ταῦτα πρώτου τάγματος
κόμης κατ' ἐκλογὴν προεκλήθη,
μεγέθει γὰρ σώματος καὶ ἡλι-
κίας ἀκμῇ καὶ δυνάμει διέπρεπε,
δύο πρὸς τοὺς εἴκοσι τυγχάνων
ἑτῶν.

2. ἐπεὶ πλεῖόν τε ἐμμαινόμενος
ὁ Διοκλητιανὸς προσεκαλέσατο
πρὸς ἑαυτὸν τὴν σύγκλητον πᾶ-
σαν καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ
ὄντας σὺν τοῖς στρατεύμασιν. Καὶ
πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ γεγονότων,
συμβούλιον ἐποιεῖτο πάλιν, ὅπως
ἂν τὸ κατ' ὄλου ἐξολοθρεύσῃ ἐκ-
τῆς αὐτοῦ βασιλείας τὸ τῶν χρι-
στιανῶν γένος. Πάντων δὲ τῶν
συγκαταστημένων τῷ βασιλεῖ ἐμφό-
βων ὄντων καὶ τὸ παριστάμενον
ἐτοίμως πράττειν λεγόντων, ὁ Διο-
κλητιανὸς ἐδημηγόρησε λέγων·
Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μη-
δὲν εἶναι τιμιώτερον τῆς εἰς τοὺς
θεοὺς ἡμῶν εὐμενείας, ἐπειδὴ
δι' αὐτῶν ἡμῖν μὲν ἡ βασιλεία,
ἀνθρώποις δὲ πᾶσιν ἡ σωτηρία,
δεδώρηται, δίκαιον τοίνυν ἡγού-
μεθα τοὺς μὲν θεοὺς ταῖς συνε-
χέσι θυσίαις ἀμείβεσθαι, τοὺς
δὲ εὐρισκομένους χριστιανούς καὶ
τοὺς θεοὺς ἐνυβρίζοντας παν-

ἐπεὶ οὖν ὁ σχολιὸς ἐκεῖνος Διο-
κλητιανὸς ἔτι μᾶλλον οἰσθηλα-
τούμενος καὶ ζῶν τῷ θυμῷ κατὰ
τῶν χριστιανῶν ἠρεθίζετο σφο-
δρότερον, ἐνοσήψαντος αὐτῷ τοῦ
φθόρου, καὶ τὴν θεομάχον αὐτοῦ
κατεμπιμπρώντος ψυχὴν, προσ-
καλεσάμενος καὶ αὐτίς τὴν τε
σύγκλητον καὶ πάντας τοὺς ἐν
ὑπεροχῇ ὄντας σὺν τοῖς στρατεύ-
μασι, οὓς ἂν τις εὐφρονῶν μῶρον
λαὸν καὶ οὐχὶ σοφὸν εἴποι, συμβού-
λιον ἐποιεῖτο πάλιν, ὅπως ἂν παν-
τάπασι τῆς ἑαυτοῦ βασιλείας
τὸ τῶν χριστιανῶν ἐξολοθρεύσειε
γένος. πάντων δὲ τῶν συγκατα-
στημένων τε καὶ παρεστηκότων τῷ
βασιλεῖ ἐμφόβων ὄντων, καὶ τὸ πα-
ριστάμενον αὐτῷ ἐτοίμως πράτ-
τειν ἀνομολογουμένων, αὐτὸς μέ-
γα τε καὶ ἀλαζονκὸν ἐπαρθεῖς
ἐδημηγόρησεν λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ,
προσφιλέστατοι, μηδὲν εἶναι τι-
μιώτερον τῆς εἰς τοὺς ἀθανά-

τοίαις ἐπινοίαις βασάνων ὑποβάλλειν, μέχρις ἂν ἡ τούτων δυσσεβῆς ἑρησκεία καταλυθῆ καὶ τὸ μνημόσυνον αὐτῶν διὰ κακίστων βασάνων ἀποσβεσθῆ. Πρὸς ταῦτα δὲ συμφώνως πάντες ἀπεκρίναντο, λέγοντες· Ὑμεῖς πρόθυμως ἀποδεχόμεθα, μέγιστε, καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θεϊότητος διὰ πάντων πρόνοιαν καὶ τιμᾶσθαι βουλούμεθα τοὺς ἀθανάτους θεοὺς, ὥσπερ καὶ τὸ ὑμέτερον κράτος. εἴ τις δὲ τοῦ λοιποῦ εὐρεθῆσεται ὡς μέχρις ἐνδυμήσεως Χριστὸν ὀνομάζων, παντοίαις εἶδεσι θανάτων ὑποβληθῆσεται. — Τούτον τὸν ἀσεβὴν καὶ παράνομον τρόπον βουλευσαμένης τῆς ἀσεβοῦς τῶν τυράννων συγκλήτου, καὶ διαταγμάτων προστιθεμένων,

τοὺς θεοὺς ἡμῶν εὐσεβείας, ἐπειδὴ βασιλεία τοῖς ἀνθρώποις δι' αὐτῶν καὶ σωτηρία δεδωρῆται, δίκαιον τοίνυν ἡγοῦμαι τούτους μὲν ταῖς ὀφειλομέναις θυσίαις καταγεραίρειν, τοὺς δὲ εὐρισκομένους χριστιανούς δειναῖς κολάσεσιν ὑποβάλλειν, μέχρις ἂν ἀφανισμῷ τελείῳ παραδοθῆ ἡ τούτων δυσσεβεστάτη ἑρησκεία. — Πρὸς ταῦτα συμφώνως ἅπαντες ἀπεκρίθησαν· ἡμεῖς, ὦ μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θεϊότητος διὰ πάντων πρόνοιαν ἀσμένως ἀποδεχόμενοι τοὺς μεγίστους βουλούμεθα τιμᾶσθαι θεοὺς, παραπλησίως τῷ ὑμετέρῳ κράτει, εἰ δέ τις εὐρεθῆι τοῦ λοιποῦ Χριστὸν ὀνομάζων, χαλεπωτάταις βασάνοις παραδιδόμενος ἀναιρέισθω. — Τούτων οὕτω θηρευομένων ὑπὸ τοῦ ἀκάθαρτου ἐκείνου καὶ παράνομου βουλευτηρίου, ὁ Καϊάφα τις συνέδριον προειπὼν ληστῶν ἄθροισμα, ἢ δαιμόνων σύλλογον, οὐχ ἁμαρτήσεται τοῦ προσήκοντος,

5. Παρῆν δὲ τὸ τηνικαῦτα ἐν τῷ στρατοπέδῳ πρὸς τὸν βασιλέα....

παρὼν τηνικαῦτα καὶ ὁ γενναῖος οὗτος στρατιώτης Γεώργιος ἐν τῷ στρατοπέδῳ παρὰ τῷ βασιλεῖ....

Номера, выставленные при отрывкахъ текста I, означаютъ ихъ послѣдовательное, если и не связанное появленіе въ текстѣ; редакторъ 1178 либо имѣлъ передъ собою иначе расположенный подлинникъ I, либо разбилъ его самъ по своему плану. Оттого въ 1447 Георгій выводится на сцену лишь по вторичномъ совѣщаніи Диоклетіана, тогда какъ въ 1178 онъ упоминается тотчасъ послѣ эдикта и первыхъ преслѣдованій и затѣмъ во второй разъ, по совѣщаніи. Въ первомъ эпизодѣ редакторъ воспользовался подробностью изъ С, назвавъ отца святого Геронтіемъ; 22-лѣтній возрастъ Георгія напоминаетъ текстъ b, принадлежащій къ семейству А: ὁ εἰκοστός αὐτῷ χρόνος τῆς ἡλικίας τότε συνεπεραίετο; Анкии I остались и являются въ житіи Метафраста — съ другими чертами I или нашего своднаго текста? Я обращаю вниманіе на такія выраженія какъ: ἀστὲρα τινὰ τῶν διαφανῶν εἰκονίζων ἐν σκοτει τῆς ἀσβεστίας (1447: ἐν σκοτομηνίῳ νυκτὶ ἀστὴρ διαφανής; 1178: ἐν ζοφῶδει νυκτὶ ὁ παμφανής φωστῆρ); τοῦτο πατρὶς μὲν ἢ Καππαδοκῶν, πατέρες δὲ τῶν ἐπιφανῶν (1447: ὑπῆρχεν δὲ ὁ ἅγιος Γεώργιος Καππαδόκης τὸ γένος, εὐγενῆς μὲν τὸν τρόπον; 1178: πατρὶς μὲν ἢ Καππαδοκῶν ὑπῆρχε χώρα, πατῆρ δὲ... ὁ περιφανής). — Замѣтимъ въ заключеніи, что по словамъ Болландистовъ ни въ одномъ изъ древнихъ текстовъ житія не говорится о мученіи святого въ Никомедіи; слѣдуетъ-ли заключить виѣсть съ ними, что, упомянувъ еѣ, редакторъ своднаго парижскаго текста слѣдовалъ болѣе вѣрнымъ и древнимъ свидѣтельствамъ?

3) Наибольшее количество эпизодовъ, отвѣчающихъ славянской редакціи С, представляетъ пар. рка. graec. 1534. Текстъ начинается риторическимъ введеніемъ I: Ἦ μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν... Θεοσέβειαν; въ слѣдующихъ за тѣмъ строкахъ упоминаются императоры Галліанъ (253 — 68), Клавдій (268 — 270) и Аврелианъ (270 — 5), при которыхъ жилъ въ Севастополѣ, въ Арменіи¹⁾, нѣкій синклитикъ, именовъ Геронтіи, родомъ Каппадо-

¹⁾ Разумѣется, вѣроятно, Σεβαστοπόλις въ Pontus Cappadocicus или позднѣйшей Αἰμιλία prima, на пути отъ Тавіи къ Севастіи. Къ окрест-

киецъ, язычникъ; у него жена Полихронія, тайно исповѣдующая Христа и воспитывающая въ христовой вѣрѣ сына Георгія. Дальнѣйшее развитіе разсказа совершенно отвѣчаетъ содержанію славянскихъ текстовъ С, иногда исправляя ихъ ошибочное чтеніе¹⁾: тамъ и здѣсь Геронтій напрасно убѣждаетъ сына принести жертву идоламъ, тамъ и здѣсь онъ впадаетъ въ тяжкую болѣзнь и обращенъ въ христіанство, послѣ чего вскорѣ умираетъ. — Далѣе тексты расходятся: у Тихонравова синклитикъ именемъ «Силванъ» (Хлуд. схоластикъ.... Сил'ванъ) обвиняетъ Георгія передъ царемъ Дадіаномъ, который и остается до конца мучителемъ святого. Иначе въ греческой легендѣ: схоластикъ Сильванъ (Σιλῶνος) доноситъ на Георгія дуксу Вардану (Οὐαρδανίῳ τῷ δουκί; арм. Вартанъ?), который велитъ привести къ себѣ святого и принимается усовѣщивать его, ссылаясь на повелѣнія императоровъ (προστάγματα.... τῶν βασιλέων; позднѣе: τὰς διατάξεις τοῦ βασιλέως). Бесѣда Георгія съ Варданомъ лишь отчасти отвѣчаетъ разговору его съ Дадіаномъ въ соотвѣтствующемъ эпизодѣ русскаго апокрифа, непосредственно переходящаго къ мученію святого — отъ Дадіана. Въ греческомъ текстѣ Варданъ отпускаетъ Георгія съ совѣтомъ — остерегься и соблюсти императорскую заповѣдь. Таковы юношескіе подвиги Георгія, объясняетъ сказатель, относя его мученіе къ Діоклетіану и принимаясь пересказывать его по тексту I: Ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκείνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατοῦσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσα Διοκλητιανὸν и т. д. Въ концѣ житія эпизодъ о мученіи Полихроніи еще разъ сближаетъ греческую легенду съ текстомъ С, но затѣмъ снова являются черты сходства съ I²⁾.

ности Севастополя приурочено мученіе св. Михаила и съ нимъ 36 подобномучениковъ, усѣченныхъ сарацинами при Константиплѣ и Иринѣ (780 — 790).

¹⁾ Такъ въ текстѣ Тихонравова читаемъ (II стр. 101): «ѡць же єго геронъ оубѣди (?) цр̄а ѣ постави кумирь»; кумирь, вѣроятно, искажено, изъ комить, комисъ, кумьсъ = comes. Сл. греч. «Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γ.... ἐστράτευσεν αὐτὸν κόμῃτα». Хлуд.: створи ѣ вокмъ коум'са.

²⁾ Огрызки пар. реп. 1534 напечатаны нами въ приложеніи № III.

Краткія сообщенія о греческихъ рукописяхъ С или его сочетаній далеко не достаточны для выясненія вопроса о происхожденіи и первичномъ составѣ этой редакціи; съ другой стороны, работа г. Кирпичникова, сообщая рядъ рукописныхъ указаній на славянскіе тексты С, болѣе возбуждаетъ вопросъ, чѣмъ разрѣшаетъ его. Положеніе дѣла представляется слѣдующимъ: въ цѣломъ рядѣ славянскихъ текстовъ¹⁾ мучителемъ святого является Діоклетіанъ; такъ уже въ древнѣйшей версіи этой редакціи, хлудовской № 193²⁾, гдѣ царь Діоклетіанъ, «родомъ отъ Персиды», названъ: «мѣстный князь Тавроликін и Персарменін и еще-же и Палестинсыцѣй странѣ». Титулъ мѣстнаго князя, топарха, при Діоклетіанѣ не можетъ не возбудить сомнѣнія, и представляется болѣе вѣроятнымъ показаніе тѣхъ списковъ С, гдѣ въ той-же роли и съ тѣмъ-же обозначеніемъ является Дадіанъ. Такъ напр. въ спискѣ, напечатанномъ Тихонравовымъ³⁾, сознательно проводящемъ по всему разсказу имя Дадіана и съ тѣмъ-же опредѣленіемъ — топарха. Было-ли такъ въ его подлинникѣ? Въ этомъ позволяетъ усумниться слѣдующее обстоятельство: Дадіанъ названъ въ началѣ «мѣстнымъ княземъ», впоследствии «царемъ»; но какъ объяснить, что-онъ же ссылается на царево повелѣніе: «Сѣдъ-же царь заповѣда о немъ, глаголя: Георгій, учитель галилейскій, противится повелѣнію цареву» (Тихонрав. I. с. II, 110). Едва-ли умѣстнѣе тѣ-же слова въ устахъ Діоклетіана въ хлудовскомъ апокрифѣ. Ссылка на повелѣніе царево напоминаетъ греч.

¹⁾ Кири. I. с. стр. 34 — 5 и прим. 1 на стр. 35: погод. рки. 808; Рум. Муз. Пск. № 560; Унд. №№ 622 и 1109; Публ. Библ. изъ вновь описанныхъ № 86 и др.

²⁾ Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ исправить указавіе г. Кирпичникова стр. 34, прим. 2. Спискомъ хлудовскаго житія (приложеніе № I) я обязанъ А. Н. Попову, которому приношу здѣсь мою глубокую благодарность.

³⁾ Г. Кирпичниковъ указываетъ еще стр. 34 прим. 2 на рки. Унд. 1296, Спвод. 553 и др. Ссылка на хлудовскій текстъ должна быть устраниена (см. предъидущее примѣчаніе).

1534, гдѣ Варданъ такимъ именно образомъ указываетъ на δια-
τάξεις τοῦ βασιλέως. Можетъ быть, въ подлинникѣ Тихонр. Да-
діанъ являлся мѣстнымъ княземъ, рядомъ къ какимъ-то царемъ?
Не Діоклетіаномъ-ли? Такъ именно въ ркп. Имп. Публ. библ.
XVII вѣка № 243: царь родомъ отъ Персиды именовъ Дадіанъ
шлетъ въ Галилею повелѣніе «всѣмъ жрети идоломъ мерзкимъ»;
впослѣдствіи-же Георгій обвиненъ идольскимъ жрецомъ Силва-
ніемъ — передъ царемъ Діоклетіаномъ. — Такъ было и въ одномъ
изъ источниковъ Рейнбота, на сколько позволено судить по слу-
чайнымъ противорѣчіямъ между основнымъ планомъ поэмы и ея
исполненіемъ. Отецъ Георгія — палестинскій маркграфъ; цар-
ствуютъ императоры Діоклетіанъ и Максиміанъ (v. 411 — 412),
первый на востокѣ, другой на западѣ; имъ доносятъ на Георгія;
Діоклетіанъ посылаетъ въ Каппадокію Даціана, говоря ему
(v. 497 слѣд.):

Wir woln uch machen undertan
Alle riche und die lant
Die da steen in unser hant,
Der solt ir pflegen sieben jar,
Unde gelobin uch das vorwar,
Das ir der hoeste noch uns sit.

Даціанъ, называемый то könig, то keiser, является мучителемъ
святого, но казнь его откладываетъ (v. 4838 слѣд.):

Bis Dioclecianus
Und sin geselle komme, Maximian,
Ich bin ir beider undertan,

(сл. v. 5038: myne meister). Такъ было, вѣроятно, въ источ-
никѣ Рейнбота, котораго, однако, овъ не придержался до конца,
потому что ни Діоклетіанъ, ни Максиміанъ не являются болѣе въ
поэмѣ, и слѣдующія мученія и смерть св. Георгія претерпѣваетъ
отъ Даціана.

Такого рода постановка вопроса можетъ видоизмѣнить взглядъ,
предложенный г. Кирпичниковымъ, на взаимныя отношенія

трехъ редакцій житія. Исслѣдователь ¹⁾ склоняется вмѣстѣ съ Гутшмидтомъ и Царнке въ пользу первичности В (Дадіанъ); редакція А (b и l: Діоклетіанъ) представляется ему каноническимъ смягченіемъ В; С — независимая отъ А и болѣе рѣшительная попытка удалить изъ В всё, что не внушало довѣрія читателямъ и вызывало запрещеніе номоканона. Состоятельность этой генеалогіи редакцій можетъ быть упрочена или отмѣнена, когда тексты Георгіева житія будутъ изучены и сличены въ большей полнотѣ и въ большемъ количествѣ списковъ, чѣмъ это сдѣлано было донинѣ. Но уже и тѣ данныя, какія собрались у насъ, возбуждаютъ рядъ сомнѣній: греческіе списки даютъ намъ С лишь въ смѣшеніи, и именно съ l; съ другой стороны, извѣстные намъ русскіе тексты также не производятъ впечатлѣнія цѣльности. Критикъ предстоитъ отвѣтить на вопросъ: имѣемъ-ли мы здѣсь дѣло съ позднѣйшей контаминаціей двухъ самостоятельныхъ редакцій, или самое происхожденіе С стоитъ въ извѣстной зависимости отъ А, С по существу — сводный текстъ, А ← В, самостоятельно разившій эпизодъ о Геронтіи и Полихроніи (съ колеблющейся локализацией: то въ Діосполѣ съ Дадіаномъ, то въ Севастополѣ съ Варданомъ) и приурочившій мученіе къ Діосполю. Замѣтимъ, что В, въ древнихъ латинскихъ пересказахъ, не знаетъ родителей Георгія, которыхъ поминаетъ древнѣйшій свидѣтель существованія А, Андрей Критскій; отца святого знаетъ и житіе (или семья житій) той-же редакціи, b. — Теоретически мыслимо и такое построеніе: В — древнѣйшее мѣстное житіе съ Дадіаномъ; X: попытка ввести его въ связь съ Діоклетіановымъ гоненіемъ (Діоклетіанъ и Дадіанъ); А и С — различныя развитія этого первичнаго свода.

Древность С засвидѣтельствована немногими фактами: существованіемъ указаннаго нами церковно-славянскаго текста въ Хлудовскомъ торжественникѣ XIV вѣка, обличающемъ, не смотря на сербское правописаніе, болгарскій изводъ; источникомъ Рейнбота и, быть можетъ, словомъ патріарха Григорія Кипрскаго (1283

¹⁾ l. c. стр. 37 — 9.

— 1290), если принять, какъ вѣроятное, что выраженіе γέρας, при отцѣ Георгія, слѣдуетъ возвести къ памяти о Геронтіи С¹). Подробности, сообщаемыя Словомъ, указываютъ, кромѣ того, на легендарную основу, продолжающую отзываться въ преданіи русскаго духовнаго стиха: отецъ Георгія представляется мученикомъ (какъ и въ текстѣ b редакціи А: ἐν τοῖς τῆς εὐσεβείας ἀγῶσι τοῦ πατρὸς τελευτήσαντος), мать — безкровной подвижницей. Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ Слова: πατὴρ μὲν γέρας τῆς κατὰ θεὸν πολιτείας, εὐράμενος τὸ τὸν βίον σφραγίσαι τέλει μαρτυρικῶ. μήτηρ δὲ τῶν ἴσων τῷ ἀνδρὶ στεφάνων ἐπιτυχοῦσα, εἰ καὶ ἀναίμακτος ἦν στεφανίτις, τὴν αὐτὴν μὲν προθυμίαν τῷ ἀνδρὶ ἔχουσα, ἀποτυχοῦσα δὲ ὅμως τῆς ἀσλήσεως, τῆς τοῦ θελήως ἀσθενείας φεισαμένων τῶν διωκτῶν.

Какъ далеко въ древность восходитъ появленіе редакціи С — рѣшить трудно. Память мученика Геронтія съ опредѣленіемъ «отца св. Георгія», находится уже въ мѣсяцесловѣ при греческомъ синайскомъ евангеліи IX вѣка²). Въ началѣ девятаго вѣка (806 — 815) константинопольскому патріарху Никифору Омолотету извѣстны были два апокрифическихъ мученія св. Георгія. Не разумѣлась-ли подъ однимъ изъ нихъ редакція С? Мы ограничимся указаніемъ на канонъ³): τὴν Ἀποκάλυψιν Ἑσδρα καὶ Ζωσιμαῖ, καὶ τὰ δύο μαρτύρια τοῦ ἁγίου Γεωργίου, καὶ τῶν ἁγίων μαρτύρων Κηρύκου καὶ Ἰουλίττης, καὶ τὴν βίβλον Μάρκου καὶ Διαδόχου οὐ χρὴ δέχεσθαι. ἀπόβλητα γάρ, καὶ οὐ δεκτά. — Слѣдуетъ, замѣтить, различіе, приведенное у Питра: τὰ τοῦ ἁγίου Θεόδωρου δύο μαρτύρια; сопоставленіе мученія Георгія съ апокрифомъ

¹) Я имѣю въ виду аллегорическое толкованіе именъ, не рѣдкое въ житіяхъ святыхъ. См. такую игру словами по поводу имени Діоклетіана (въ хлуд. текстѣ): царю неправды, противу имени твоюмоу (Δισκλητιανός) подгнивающимъ ѿцдемъ твоимъ дьяволомъ.

²) Въ Агіологіи архим. Сергія: Син. I. Ст. I. с. II ч. 1-я подъ 1 (р. 83), 12, 13 и 14 апрѣля.

³) Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ, Σύνταγμα IV, 431; Pitra, Spicilegium Solesmense, IV: Nicephori Constitutiones ecclesiasticae § 46.

о Кирикѣ и Юлитѣ, встрѣчающееся уже въ индексѣ Геласія, указываетъ, быть можетъ, на то, что Георгій принадлежитъ подлиннику.

Если г. Кирпичниковъ¹⁾ возлагаетъ большія надежды, для разрѣшенія запутаннаго вопроса о житіяхъ Георгія, на изданіе его восточныхъ текстовъ, то наши ожиданія не выходятъ пока изъ круга латинскаго и греко-славянскаго преданія. Извѣстно, какъ старательно изучаются памятники средневѣковыхъ литературъ запада: изслѣдователь не минуетъ ни одной рукописи, не отмѣтивъ ея мелкихъ отличій и не указавъ ея мѣста въ родословной. Почему-бы не достаться такой филологической работѣ и на долю житія, интереснаго для насъ не только какъ памятникъ церковно-историческій, но и какъ народно-литературный?

III.

О древнихъ, до-христіанскихъ источникахъ апокрифической легенды о св. Георгіи высказано было нѣсколько гипотезъ, рѣшавшихъ вопросъ въ разныя стороны, потому что окончательный синтезъ еще невозможенъ — за недостаткомъ матеріала для общенія. Настоящая глава назначена отчасти восполнить его — собраніемъ нѣкоторыхъ данныхъ о кавказскомъ культѣ св. Георгія. Точкой отправленія будетъ географія древнѣйшаго житія: Каппадокія и сосѣднія съ нею мѣстности.

Храмы св. Георгію возвышались уже при Константинѣ Великомъ и его ближайшихъ наслѣдникахъ: такова круглая церковь св. Георгія въ Солуни (Техіер), храмы, недавно открытые въ южной Сиріи²⁾. Въ VI—VII вв., когда слава святого начинаетъ особенно сильно распространиться на западѣ, подъ вліяніемъ Вн-

¹⁾ Стр. 39.

²⁾ Кирпичниковъ, 64 — 66; нѣкоторыя другія надписи, касающіяся древняго культа св. Георгія въ Сиріи, указаны были мнѣ проф. Помяловскимъ въ собраніи Le Bas и Waddington'a III № 2498 (515 p. Chr.), 2261, 2412, 2158, 1981.

зантін¹⁾ и папъ греческаго происхожденія, и являются свидѣтельства о діоспольскомъ культѣ, юный св. Θεοδoρῆς Сикеотъ уже посѣщаетъ церковь св. Георгія на горѣ у Сикеона (въ первой Галатїи), а Юстиніанъ ставитъ храмъ великомученику въ Бизаняхъ, въ малой Арменїи²⁾, или Каппадокіи, гдѣ до сихъ поръ въ Потамїи, близъ Кара-Гиссара, существуетъ преданіе, что это — родина св. Георгія, и сохранилась древняя церковь его имени съ годовымъ праздникомъ святому, 3-го ноября³⁾. Къ Каппадокіи приурочивается легендой и извѣстное чудо Георгія съ змѣемъ, о которомъ мнѣ придется говорить впоследствии, и чудо съ крестьяниномъ Теобистомъ и его воломъ, которое г. Кирпичниковъ нашелъ въ отраженїяхъ мингрельской легенды и надписи одной грузинской церкви⁴⁾ — тогда какъ Аркульфу его рассказывали, съ измѣненїями, о Георгїи въ Дїосполѣ⁵⁾. — Другое, болѣе извѣстное чудо святого съ мальчикомъ, спасеннымъ отъ болгарскаго плѣна, относится къ событіямъ 918 года и привязано къ Пафлагонїи (по другой редакціи, къ Лесбосу), о жителяхъ которой говорится, что они издревле *μεγίστην πίστιν καὶ πόζον διάπυρον εἰς τὸν πανένδοξον καὶ μεγαλομάρτυρα Γεώργιον κέκτηνται*⁶⁾. Въ Пафлагонїи находились ему храмы: одинъ «quam incolae Phageum nominant⁷⁾», другой по сосѣдству съ Амастридой въ мѣстечкѣ, именуемомъ Потаму или Икіаконъ⁸⁾. Извѣстна гора св. Георгія близъ Амастриды⁹⁾ и названіе brachium S. Georgii, обо-

1) Кпрп. стр. 63.

2) Procopii, ed. Dindorf II 254.

3) Васильевскій, Русско-византїйскіе отрывки, VIII: Житїе Георгія Амастридскаго, Журн. Мин. Нар. Просв. за Мартъ 1878 г. стр. 163 — 4, прим. 1; Ρίζου, Καππαδοκικά (1856), р. 83.

4) Кпрп. стр. 78 — 84.

5) AASS. April. III р. 144 — 5, § 36 — 40.

6) I. с. Прибавленїя стр. XXIX, а.

7) I. с. стр. 144 а, § 36.

8) Васильевскій I. с.

9) Васильевскій, Русско-византїйскіе отрывки: VIII: Житїе Георгія Амастридскаго, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, Февраль стр. 283.

значавшее въ средніе вѣка Босфоръ и Геллеспонтъ и Пропон-
тиду¹⁾.

Для праисторіи Георгіевской легенды всё эти указанія мо-
гутъ служить лишь побочнымъ свидѣтельствомъ, не рѣшающимъ
вопроса о происхожденіи: чудеса могли плодиться и пересказы-
ваться вслѣдъ за утвержденіемъ культа какого-нибудь святого,
и на нихъ нельзя построить предположенія о его туземности. Ин-
тересно во всякомъ случаѣ это накопленіе чудесъ и памятей св.
Георгія въ мѣстностяхъ, близко отвѣчающихъ кругозору древ-
нѣйшаго житія: Малой Арменіи и Каппадокіи, сосѣднихъ Гала-
тіи и Пафлагоніи, освященныхъ памятью еще другихъ святыхъ
змѣеборцевъ. Въ Эвхатѣ, на разстояніи одного дня пути отъ
Амазев (въ древней Галатіи, позднѣйшемъ Hellenorontus), погре-
бенъ былъ св. Θεόδωρὸς Τυρόν and сомненный ему мученикъ св.
Θεόδωρὸς Στρατιλάτ, пострадавшій въ Гераклеѣ (въ Пафлагоніи).
Къ Эвхатѣ приурочено извѣстное чудо св. Θεοδώρα съ змѣемъ.
Свв. Θεόδωρὸς Τυρόν and Θεόδωρὸς Στρατιλάτ такіе же змѣеборцы,
какъ св. Георгій, и подобно ему принадлежать къ народнымъ свя-
тымъ восточнаго христіанства: Дигенису-Акриту, эпическому ге-
рою Каппадокіи и также змѣеборцу, его тесть даритъ, въ числѣ
другихъ свадебныхъ подарковъ,

δύο εἰκόνας χρυσεύτας ἁγίων Θεοδώρων,
εἶχον λιθάρι ἀτίμητα, λυχνίας, ὑακίνθους²⁾.

Подвигъ св. Θεοδώρα лишь внѣшнимъ образомъ связанъ съ
его житіемъ, которое имъ и начинается; но и чудо св. Георгія
съ змѣемъ стоитъ внѣ связи съ его мученіемъ: русскіе тексты при-
урочиваютъ его то раньше смерти Георгія (въ Ласіи), то послѣ
его кончины (въ Гевалѣ, въ странѣ Палестинской)³⁾. Это мо-
жетъ дать поводъ заключить о непервобытности Георгіева чуда:

¹⁾ Ducange, Constantinopolis christiana 1680, l. 4, c. 6.

²⁾ Sathas et Legrand, Les exploits de Digenis Acrita, p. 116,
vv. 1402 — 3.

³⁾ Кирп. стр. 50 — 60, 107 слѣд.

но я не повторилъ за г. Кирпичниковымъ слова, высказанныя имъ при другомъ случаѣ¹⁾: что чудо съ змѣемъ, приуроченное къ Θεодору Тирону или Θεодору Стратилату, подчинилось вліянію популярнаго чуда о Георгіи Болландясты²⁾ выразили совершенно противоположное убѣжденіе.

Указанному выше древнему распространенію культа св. Георгія отвѣчаетъ народное поклоненіе ему и понынѣ живущее въ сосѣдней мѣстности: у Лазовъ, Мингрельцевъ, Гурійцевъ, Грузинъ, Ингилойцевъ, Кахетовъ, Имеретинъ, Сванетовъ, Хевсуровъ, Абхазовъ и Осетинъ. Лазы, родственные Мингрельцамъ, Грузинамъ и Сванетамъ (?) — древніе Колхи, уже при Геродотѣ и Страбонѣ распространявшіеся до р. Галиса (Кизиль-Эрмакъ), съ городомъ Трапезунтомъ, который Ксенофонтъ считаетъ колхійскимъ, а Гаджи-Кальфа населяетъ Лазами, называя лазскимъ именемъ: Дчаникъ или Дчанетъ горный хребетъ, идущій отъ Трапезунта къ Амазеѣ. Какъ въ древности Колхида-Лазика приютила мифъ о Язонѣ и драконѣ, стерегущемъ золото, и колхійскимъ же является драконъ, побѣжденный Діомедомъ въ Дауніи, — такъ въ наше время Лазское населеніе чтитъ своимъ народнымъ святымъ Георгія-змѣеборца. Церкви и развалины церквей, образа и обряды, нерѣдко полуязыческаго характера, мѣстныя преданія и надгробные памятники, распространенность имени среди грузинскаго населенія, имя мученика, знаменательно выставленное въ началѣ старыхъ грузинскихъ актовъ³⁾ — все говоритъ о

¹⁾ Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Октябрь, стр. 144.

²⁾ AASS. I. с. р. 107, § 23.

³⁾ Актъ Гуріели Кайхосро I: «Ты, славный и побѣдоносный воинъ, совершившій многія чудеса, познавшій одно изъ трехъ лицъ Божества, Христа Господа Бога нашего, посрамившій невѣрныхъ и принявшій мученичество за Христа, даровавшаго тебѣ 365 чудесныхъ дѣяній, славный на моряхъ и на сушѣ мучениковъ глава, св. Георгій Аучскій, молю тебя» и т. д. Сл. Д. Бакрадзе, Археологич. путешествіе по Гуріи и Адчарѣ 1878 г. стр. 193; сл. стр. 237, 238, 251.

живучести культа, удержавшагося нерѣдко въ двоевѣрной средѣ, въ которой язычество и мусульманство заслонили собою христіанскую основу.

По словамъ царевича Вакушта¹⁾ не было въ Грузіи почти ни одного холма или горы, на которой не стоялъ-бы храмъ, посвященный мученику; онъ самъ указываетъ на чудотворную церковь св. Георгія въ Телетебѣ къ востоку отъ Соуміа, по направленію къ Мтсвар. — Сванетскія церкви²⁾ полны изображеній св. Георгія: въ церкви св. Варвары, въ селеніи Муркмели (общ. Ушкули), есть икона св. Георгія на конѣ, поражающаго поверженнаго вѣнценосца; въ Кальскомъ обществѣ, въ знаменитѣйшей въ цѣлой Сванетіи церкви бывшаго монастыря Кирика и Улиты — икона Георгія Гискаго, съ мечемъ въ одной рукѣ, съ щитомъ въ другой; въ томъ-же обществѣ, въ с. Халде, на южной стѣнѣ церкви Спаса, представлены ряды святыхъ: нѣкоторые на коняхъ, съ вѣнцами святости, другіе съ ружьями; на мушкетерахъ и женщинахъ черныя покрывала и вѣнцы; идетъ битва. Грузинская надпись гласитъ, между прочимъ, что св. Георгій здѣсь посѣтилъ Теопаста. Того-же Кальскаго общества въ церкви Архангеловъ, въ селеніи Испрари, Бакрадзе списалъ надпись съ двухъ образовъ съ изображеніями св. Георгія, съ мечемъ и щитомъ: по надписи — св. Георгій Илорскій. — Въ Ипарскомъ обществѣ, въ селеніи Накипари (по Бартоломею) или Богрешки (по Бакрадзе), церковь св. Георгія украшена снаружи грубыми барельефами бараньихъ головъ и другихъ животныхъ съ рогами (по Бартоломею: львиныхъ и оленьихъ): въ ней большая икона Георгія Ифарскаго, на конѣ, поражающаго цесаря

¹⁾ Description de la Géorgie par le Tsarevitch Wakhoucht, p. 53, 177.

²⁾ Филимоновъ, Сванетія въ археологическомъ отношеніи, Вѣстникъ Общ. древн. русск. искуc. 1876, № 11, 12: Изслѣдованія стр. 85, 87, 88, 90, 93. Къ литературѣ предмета, приведенной г. Филимоновымъ, слѣдуетъ присоединить еще: Стоянова, Путешествіе по Сванетіи, въ Зап. Кавказскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. X вых. 2-й (1876 г.).

Диоклетьяна, который изображенъ въ коронѣ Арзакидовъ. — Въ церкви св. Георгія въ с. Загари, въ Црюмійскомъ обществѣ, мѣстная икона изображаетъ св. Георгія Кашуэтскаго, также поражающаго человѣка въ зубчатомъ вѣнцѣ съ длинными привѣсками, какъ на византійскихъ монетахъ XII вѣка. — Другія изображенія представляютъ иконы св. Георгія въ Спасской церкви с. Жамши (Мулахскаго общ.), Георгія Сетійскаго (въ Сетійской церкви св. Георгія, Местійскаго общ.), Илорскаго (въ с. Угвали, общ. Ецери, въ церкви св. Георгія); въ обществѣ Чуби-Хеви, въ селеніи Супи, въ церкви св. Георгія, великомученикъ изображенъ на иконѣ стоящимъ, съ сердцеобразнымъ щитомъ въ лѣвой рукѣ, правая поднята, какъ бы держала копье; снаружки церковь украшена баснословными сюжетами, представляющими, между двумя рядами коней, обращенныхъ одинъ къ другому, человѣка со щитомъ въ рукѣ.

Нѣсколько новыхъ данныхъ для иконографіи и легенды св. Георгія въ сванетскихъ церквахъ сообщилъ недавно Стояновъ. На фрескахъ Курашской церкви (Ецерской общины) изображено чудо св. Георгія: святой поражаетъ копьемъ дракона; какая-то женская фигура съ короной на головѣ, со щитомъ, держитъ дракона на цѣпи. Въ углу церкви стоитъ много деревянныхъ палицъ, трехгранныхъ, съ деревяннымъ-же остриемъ на концѣ въ видѣ копья. Это — орудія св. Георгія; ихъ готовятъ каждую недѣлю; ими стрѣляетъ Богъ (такъ называютъ Сванеты св. Георгія) въ стѣны и въ куполь церкви, когда предвѣщаетъ чью-либо смерть. Всѣ стѣны, куполь и иконостасъ, дѣйствительно, испещрены ударами. — Такія-же стрѣлы святого показываютъ и въ его церкви въ селеніи Супи, упомянутой выше, и о нихъ ходитъ такая-же легенда. — Въ Адишской общинѣ, въ церкви св. Георгія, фрескъ на сѣверной сторонѣ: св. Георгій сражается съ чудовищнымъ змѣемъ, около него стоитъ царица съ жезломъ; изъ башни выглядываетъ нѣсколько головъ. — Въ монастырѣ во имя Спаса въ Лагами (Местійская общ.) на западной сторонѣ въ первой аркѣ вверху — изображеніе св. Георгія, поражающаго копь-

емъ челоѣка, одѣтаго въ панцырь; внизу — св. Елисавета, вѣроятно, византийская святая, сопоставленная съ св. Георгіемъ, какъ на иконѣ въ лафехальской церкви во имя Архангеловъ (общ. Цхомари) изображены: Б. Матерь, св. Марина, св. Георгій, поражающій поверженнаго нагого челоѣка, и св. Іоаннъ. — Къ церкви св. Георгія въ Бечойскомъ ущельѣ (Ленджерская общ.) приурочено такое сказаніе: когда Осетины съ сѣвернаго склона напали на Сванетію и стали грабить и избивать жителей, одна сванетка убѣжала отъ нихъ въ церковь Георгія, и обернувъ метлу, ударила по его иконѣ, со словами: Э! недобрый св. Георгій, твоихъ людей усурманъ какъ избиваетъ! Помоги немного! — Какъ только сказала она это, святой выскочилъ изъ церкви, верхомъ на конѣ, пробилъ въ крышѣ отверстіе и перебилъ всѣхъ Осетинъ. Конь святого умиралъ отъ жажды и сталъ просить воды; тогда св. Георгій ударилъ копьемъ по камню, и изъ него брызнулъ источникъ, который показываютъ до сихъ поръ¹⁾.

Изъ Гурійскихъ церквей, недавно описанныхъ Бакрадзе²⁾, нѣкоторыя обращаютъ вниманіе изображеніями св. Георгія: на храмовомъ образѣ Адчской церкви онъ поражаетъ дракона; на кивотѣ образа св. Георгія въ Дзимити надпись взываетъ къ нему какъ къ «освободителю хорасанскихъ плѣнныхъ»; на Джуматской иконѣ великомученикъ представленъ во весь ростъ, волоса на головѣ курчавые, одѣтъ въ кольчугу, въ лѣвой рукѣ щитъ, въ правой пика, позади виситъ длинный мечъ; въ Баилетской церкви образъ свв. Феодора и Георгія во весь ростъ въ воинскихъ костюмахъ съ пикою въ рукахъ и шлемомъ.

Народное чествованіе св. Георгія у кавказскихъ племенъ выразилось наиболѣе ярко — въ легендахъ и обрядахъ, заслужи-

¹⁾ Стояновъ I. с. стр. 321, 440, 426, 393, 381 — 2 (сл. 470 — 2). Сл. также стр. 394, 430. — Бакрадзе, Сванетія, Зап. Кавказск. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. VI (1861) стр. 71.

²⁾ Д. Бакрадзе, Археолог. Путешествіе по Гуріи и Адчарѣ (1878). Сл. стр. 105, 126, 127, 128, 201, 211, 217, 226, 227, 230 — 1, 234, 243, 247, 252, 260, 272, 273, 279.

вающихъ внимательнаго изученія. Осетины чествуютъ св. Уастырджи — Георгія, какъ божество скота, хлѣба и вообще всякаго богатства; онъ считается божествомъ исключительно мушницъ («Лагты — Дзуара» — «святой всѣхъ мушницъ» называютъ его Осетинки), вступаетъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ побратимство и доставляетъ умершему побратиму лошадь, ружье, шашку и пистолеть; онъ — покровитель дорогъ и путешественниковъ, спасаетъ охотниковъ отъ козней лѣснаго духа, и сопутствуетъ каждому что нибудь предпринимающему¹⁾. Въ образѣ всадника на бѣломъ конѣ онъ является тремъ братьямъ-бѣднякамъ и въ награду за ихъ гостепрѣимство исполняетъ ихъ желанія: у одного явился токъ полный скирдами разнаго хлѣба, у другого стадо барановъ; третьему онъ даетъ хорошую, умную жену. Много лѣтъ спустя св. Уастырджи идетъ навѣстить братьевъ и въ наказаніе за скаредность двухъ старшихъ превращаетъ полный токъ въ груду камней, стадо барановъ въ муравьиныя кучи, а у гостепрѣимной хозяйки третьяго оживляетъ умершаго ребенка: уже ангелы смерти увлекали его, но св. Уастырджи помолился Богу, и Господь сдѣлалъ такой знойный день, что ангелы смерти пришли въ изнеможеніе. Погнавшись за ними, святой предлагаетъ имъ — отдать ему того блага барашка (душу умершаго ребенка), котораго они гнали передъ собою, — «а я обѣщаюсь въ знойный день укрыть васъ подъ тѣнью деревъ и утолить вашу жажду холодными струями ручья». Густой лѣсъ и источникъ явились по молитвѣ святого²⁾. — Въ Дигоріи, близъ перевала Дамахъ-

¹⁾ Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ III: Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскія народ. сказанія, стр. 39; Дубровинъ, Истор. войны и владчества русскихъ на Кавказѣ т. I, кн. I, стр. 291, 293, 346 — 8. Представленія о загробномъ странствованіи (сл. стр. 346 — 8) входятъ въ обширную литературу видѣній, о которой см. мою замѣтку: Слово о двѣнадцати снахъ Шахалши (въ Прилож. къ XXIV т. Зап. Им. Ак. Наукъ, № 2).

²⁾ Сборн. свѣд. о Кавказск. горцахъ VII: Гуцыръ Шанаевъ, Сказаніе о св. Уастырджи стр. 22 — 31. Сл. Труды Этногр. Стат. Эксп. въ

авцаегъ, есть одна высокая скала, называемая Ахсадръ зоаръ (дзуаръ?). Тамъ, по преданію, жилъ св. Георгій. Около этой скалы находилось соленое озеро, которое было охраняемо св. Георгіемъ. Въ 40 верстахъ отъ скалы, въ Стуръ—Дигоріи, на горѣ Вайныхта, св. Георгій построилъ часовню, куда онъ ходилъ молиться Богу. Недалеко отъ Ахсадръ-зоаръ—другая отвѣсная скала, называемая Дигорезетъ; тамъ, по преданію, жилъ св. Николай. Когда св. Георгій уходилъ въ свою часовню молиться Богу, то всегда поручалъ св. Николаю стеречь озеро. Разъ онъ возвращается домой и не видитъ озера; онъ спрашиваетъ св. Николая: гдѣ-же озеро, куда оно ушло? Не знаю, отвѣчалъ св. Николай, ничего не видѣлъ, видѣлъ только, что пробѣжала какая-то бѣлая собака. — Эхъ, возразилъ св. Георгій, эта собака и было озеро. — Въ гнѣвѣ онъ ударилъ своимъ мечемъ по скалѣ такъ сильно, что она треснула, пырнулъ въ нее копьемъ, отчего образовалась пещера. Жители до сихъ поръ указываютъ эту трещину и пещеру въ скалѣ¹⁾.

Св. Николай и Георгій, Илья (Тубау-ваццла) и Теодоръ Тиронъ (св. Титоръ, которому празднуютъ въ пятницу первой недѣли Великаго поста: Тутуроба), св. Марія и арх. Михаилъ — принадлежатъ къ наиболѣе чтимымъ святымъ Осетіи²⁾, но къ Георгію простой народъ питаетъ не только уваженіе, а и благоговѣйное обожаніе. По вѣрованію туземца, если человѣкъ за-

западн. русск. край, Юго-зап. Отд. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, II, Малорусскія сказки № 94. Обращеніе стада въ груди камней слѣдуетъ сблизить съ такой же подробностью «Повѣсти о дѣвцахъ смоленскихъ, какъ игры творили», также привязанной къ имени св. Георгія. См. Буслаевъ, О народной поэзіи въ древ. русск. литературѣ, Приложенія, № 1 (изъ Цвѣтника 1865 г.). См. также замѣтку Кирпичникова въ Archiv f. Slavische Philologie III, p. 715 — 717.

¹⁾ Сборникъ I. с. V, Пфафъ, Матеріалы для исторіи Осетинъ стр. 91 — 2. Къ осетинскимъ сказаніямъ о св. Георгіи прибавимъ еще сказку: Двѣ жены Уастырджи, Сборникъ III, Джантемиръ Шанаевъ, Осетинскія народныя сказанія р. 19 — 23 (Уастырджи воскрешаетъ мертвыхъ).

²⁾ Дубровинъ, I. с. I, I, стр. 293, 301 — 4.

бываетъ Бога и впадаетъ въ грѣхи, то великомученикъ принимаетъ строгія мѣры къ его исправленію, избирая орудіемъ для того кадаги (вѣщунa). Кадаги, по преимуществу, больной, получившій невидимымъ путемъ призваніе свыше, проповѣдуетъ, среди судорожныхъ движеній и кривляній, всеобщее покаяніе, паломничество и кровавыя жертвы—подъ страхомъ наказанія отъ святого Георгія. Народъ жадно слушаетъ вѣщанія кадаги, безпрекословно исполняя его приказанія. Тѣ, кого онъ обязалъ сдѣлать путешествіе или покаяться передъ какимъ либо образомъ, надѣваютъ бѣлую одежду и отправляются босикомъ къ мѣсту назначенія; на шею надѣваютъ бѣлыя проволоки, унизанныя просверленными монетами и прилѣпленными къ нимъ кусками воску. Достигнувъ мѣста покаянія, закалываютъ жертвы, а священники читаютъ надъ пришедшими очистительныя молитвы, стригутъ крестообразно волосы на головѣ и снимаютъ съ молящагося знаки обѣта, какъ доказательство, что онъ выполненъ. — Грузинскіе и осетинскіе кадаги, мушны и женщины, отвѣчаютъ нашимъ порченнымъ и кликушамъ. Съ именемъ одной изъ такихъ кадаги, Марине, связана особая секта «георгіанцевъ», образовавшаяся въ 1840 г. въ карталинской Осетіи. Марина, молодая женщина, была бездѣтна; видя въ этомъ испытаніе, ниспосланное ей Богомъ, она стала до крайности религіозной, прилежно посѣщая церковь и молясь о ниспосланіи ей потомства. Занятая одной и той же мыслью, она увѣрила себя, что такое наказаніе ниспослано ей Господомъ за грѣхи людей, и что она до тѣхъ поръ останется безплодною, пока не поведетъ ихъ на путь истины. Она надѣла бѣлое платье, опоясала себя веревкой и предалась еще большимъ молитвамъ; днемъ жила въ пещерѣ, ночью бродила по лѣсамъ и горамъ. На праздникъ 23 апрѣля къ храму св. Георгія, неподалеку отъ селенія Дзагинъ, явилась и Марина. Обѣдня подходила къ концу, какъ вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала въ корчахъ. «Грѣхи ваши, кричала она, обращаясь къ присутствующимъ, грѣхи ваши оскорбляютъ Бога! Вы челоуѣкоубійцы и воры, вы забыли Господа и св. Георгія и уже не при-

носите имъ тучныхъ воловъ и овецъ! Покаянія, покаянія требуетъ отъ васъ небо! Иначе, если не послушаетесь, вы погибнете: мечъ Божій уже изощренъ! Скоро голодъ и всякія язвы распространятся между людьми, земля съ ревомъ раскроетъ свою пасть и извергнетъ огненные потоки, горные ручьи образуютъ потопъ. Кто избѣгнетъ всего этого, того поразитъ свой-же ближній....». Народъ, испуганный подобными словами, обратился къ св. Георгію съ мольбою о прощеніи: Сдѣлаемъ всё, что отъ насъ потребуетъ св. Георгій, говорила толпа. — Нѣтъ, вы обманщики, слышался голосъ Марины: вамъ не вѣрить св. Георгій, вы должны дать ему писменное обязательство. — Это обязательство, подписанное Осетинами и переданное на храненіе священнику, сохранилось: въ немъ Осетины обѣщались св. Георгію, если онъ проститъ ихъ грѣхи, воздержаться отъ пороковъ; клялись не заниматься убійствомъ, разбоемъ, воровствомъ, не дѣлать набѣговъ, не портить чужихъ сѣнокосовъ, не воровать скота, хлѣба и овощей; въ посты не ѣсть ничего мяснаго, а въ великій постъ говѣть и приобщаться св. Таянъ; не только соблюдать праздники, но и не работать по понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ; не ѣсть падали; любить ближняго и не жаловаться ни на кого. Кто измѣнитъ клятвѣ, на того народъ призываетъ строжайшее наказаніе святого.

Марина стала народной проповѣдницей: съ крестомъ въ рукѣ она переходила изъ деревни въ деревню, проповѣдуя покаяніе. Ея примѣръ подѣйствовалъ заразительно: явилось множество другихъ кадаги. Одной изъ нихъ св. Георгій видѣлся на бѣломъ конѣ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и живымъ дракономъ на привязи; другой мерещились черти; одинъ проповѣдывалъ истинное покаяніе и отрѣшеніе отъ плоти, другой — удовольствіе и любовь¹⁾.

Я остановился на подробностяхъ движенія георгіанцевъ, не только какъ на интересномъ фактѣ религіознаго переживанія:

¹⁾ Дубровнѣзъ I. с. I, I, стр. 307 — 311; сл. ib. I, II, стр. 168.

нѣкоторые факты пригодятся намъ впоследствии, при объясненіи вопросовъ, возбужденныхъ легендами о св. Георгіи.

Св. Георгій пользуется особымъ уваженіемъ и между Абхазцами, какого-бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждого хозяина есть въ стадѣ лучшая корова съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ, винограднымъ сокомъ. Вино это и приплодь отъ коровы назначаются для жертвы св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка. Жертвоприношеніе совершается почти всегда въ первый день Пасхи, у христіанъ послѣ обѣдни, у магометанъ и язычниковъ рано утромъ. — Абхазцы всѣхъ исповѣданій вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія не избѣгнетъ наказанія; на этомъ основана клятва и присяга, произносимая въ важныхъ случаяхъ. — Св. Георгію посвящался бѣлый конь, который сжигался на кострѣ при ружейныхъ выстрѣлахъ и пѣніи молодыхъ джигитовъ¹⁾.

Сванеты чествуютъ св. Георгія (Чыграк, Джыгырак) вмѣстѣ съ прор. Ильей, Кирикомъ и Улитой. Апокрифы о свв. Георгіи, Кирикѣ и Улитѣ, стоятъ именно въ этой связи въ индексѣ папы Геласія²⁾.

¹⁾ Дубровникъ I, II, стр. 23 — 25, 75.

²⁾ Въ этомъ отношеніи особое чествованіе свв. Киррика и Авиты у Сванетовъ и Грузинъ является вдвойнѣ интереснымъ. Храмы, посвященные этимъ святымъ, окружены священными рощами; такой священный гѣсъ находится около извѣстнаго монастыря въ Кальскомъ обществѣ: изъ него нельзя и прута вырубить, иначе навлечешь на себя божью кару, въ видѣ напр. града небывалаго размѣра; рубить деревья позволено только въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется покрыть церковь, построить мельницу или мостъ. Храмовому образу приписываютъ цѣлебныя дѣйствія: на немъ приносятъ присягу; его нельзя взять изъ церкви, но вмѣсто него служить вода, которою его обмываютъ. Праздникъ св. Киррика и Авиты бываетъ два раза въ годъ: въ субботу на св. недѣлѣ и 15 іюля. Первый изъ этихъ праздниковъ въ особенномъ уваженіи у ту-

Грузины знаютъ Георгіа подъ 63 различными названіями: Каппадокійскій, Внолеемскій, Кашуэтскій и проч.: «*Alii sunt Georgiani sanctum Georgium venerantes*», говоритъ о нихъ путешественникъ XIII вѣка Титмаръ (1217 г.)¹⁾. — Обращаясь съ молитвою къ святому Грузинъ произноситъ: Да управитъ Богъ руку нашу, и да сопутствуютъ намъ всегда шестьдесятъ три святыхъ Георгіа. — Всѣ названія этого святого прописываются въ авгорозѣ — большомъ листѣ бумаги, на которомъ по краямъ изображенъ святой и пишется первая глава Евангелія Іоанна и разныя молитвы. Чаще же всего на такомъ лоскутѣ бумаги пишется письмо, по преданію, будто-бы посланное Іисусомъ Христомъ къ Авгарю, царю Эдесскому. «Кто его имѣть будетъ при себѣ, сказано въ письмѣ, къ тому не осмѣлится прикоснуться духъ и какія-бы то ни были опасности»²⁾.

Хевсуръ чтутъ Бѣлаго Георгіа (Тетри-Георгій), чествуютъ его иконы, присягаютъ его именемъ³⁾. Хевсурская легенда, приуроченная къ алтарю въ *Chachmati*, наиболѣе уважаемому во всей странѣ, рассказываетъ слѣдующее. Одлажды св. Георгій преслѣдовалъ чертей, угнавшихъ стадо; онъ успѣлъ ихъ настичь, привелъ стадо назадъ и поручилъ охранять его своей гончей собакой. Самъ онъ ушелъ, а собака сторожила стадо. Оттого св.

земцевъ: въ этотъ день въ Кагу стекается чуть-ли не вся Сванетія. Многіе въ суевѣрномъ страхѣ боятся войти въ самую ограду; почти всѣхъ приноситъ что нибудь въ даръ святой обители: араку, хлѣбъ, крупный и мелкій скотъ. — Священную рошу, также, какъ и въ Сванетіи, около церкви свв. Квирика и Авлты, находимъ и въ Грузіи, въ 2¹/₂ верстахъ отъ Душета. Праздникъ бываетъ 15 іюля; огромное дерево, осѣняющее вѣтвями своими церковь и часовню, унизивается множествомъ горящихъ свѣщей. Въ старину іюль мѣсяцъ назывался мѣсяцемъ Квирика. Сл. Вейденбаумъ, Священныя рощи и деревья у кавказскихъ народовъ, Изв. Кавк. Отд. русск. географ. Общ. 1878, т. V, № 3, стр. 169 — 171; Дубровинъ I, II, 97 — 8.

¹⁾ Mag. Thietmari peregrinatio, ed. Laurent, p. 51.

²⁾ Дубровинъ I. с. I, II, стр. 167 — 8.

³⁾ I. с. 291, 295, 298, 301.

Георгію дважды приносятъ жертву, а собакѣ однажды. Собакѣ приносятъ ягнятъ и козъ, чтобы волки не трогали скота, у матерей было-бы вдоволь молока, кобылы-бы жеребились и утраченные вещи находились. Двойная жертва св. Георгію назначена умолишь его — излѣчить недужныхъ и даровать обильныя жатвы. — Въ одномъ варьянтѣ той-же легенды св. Георгій, пускаясь въ погоню, влѣзъ въ ротъ лошади, которая быстро примчала его, невидимаго, къ чертямъ; онъ настигаетъ ихъ врасплохъ и отбиваетъ стадо¹⁾.

Любопытно опредѣлить отношеніе этихъ народныхъ легендъ о св. Георгіи къ извѣстнымъ намъ рассказамъ о совершенныхъ имъ чудесахъ. Какъ осетинская сказка о свв. Георгіи и Николаѣ является какъ-бы народнымъ приспособленіемъ извѣстнаго чуда съ змѣемъ, гнѣздившимся въ озерѣ, залегавшимъ воду, такъ хевсурскія отвѣчаютъ рассказу о крестьянинѣ Теопистѣ, которому святой помогъ отыскать пропавшихъ воловъ²⁾. Г. Кирпичниковъ приводитъ, въ параллель къ нему, празднованіе Мингрельцами чуда св. Георгія съ быкомъ, отнесенное къ 21 октября³⁾. Такъ у Шардена; въ с. Илоръ, въ Самурзакани, на берегу Чернаго моря, оно приурочено къ 10 ноября, дню, посвященному св. Георгію и въ обрядности Ингилойцевъ, Осетинъ и Сванетовъ. Въ день своего праздника самъ святой приводилъ къ себѣ свою жертву — неукротимаго быка; послѣ присоединенія Самурзакани къ бывшему кутаисскому генералгубернаторству чудо, говорятъ, прекратилось. Оно совершалось такимъ образомъ⁴⁾: ограда церкви запиралась на замокъ, ключи отъ котораго

¹⁾ Radde, I. с. стр. 110 — 111.

²⁾ ААСС. Арг. III, приложенія стр. XXXIX слѣд. Г. Кирпичниковъ не нашелъ этого чуда въ русскихъ прологахъ и сборникахъ. Знакомствомъ съ церковнослав. пересказомъ легенды, въ текстѣ сербской редакціи, я обязанъ В. И. Ламанскому.

³⁾ Кирп. стр. 78 — 80.

⁴⁾ Слѣдующія подробности о празднованіи Георгію въ Грузіи заимствованы изъ газеты Кавказъ 1878 г. №№ 229 и 230: Грузинскіе на-

бралъ къ себѣ игумень. Къ утру, какъ разъ передъ заутреней, когда игумень отправлялся отпирать ворота каменной ограды, внутри ея онъ заставлялъ быка съ позолоченными рогами, предназначавшагося въ жертву св. Георгію. Народная молва говоритъ, что разъ одинъ именитый Молла, желая, во что бы то ни стало, уничтожить вѣру въ это чудо св. Георгія, сталъ утверждать, что святой не въ состояніи привести его (моллы) неукротимаго быка; для опроверженія всенародной вѣры въ св. Георгія, онъ самъ рѣшился остаться на ночь въ оградѣ церкви до утра, не смыкая глазъ. На другой день увидѣли моллу, пронзеннаго по волѣ св. Георгія его-же собственнымъ ятаганомъ, а его неукротимаго быка гуляющимъ въ оградѣ церкви. Обыкновенно закалывалъ быка послѣ утрени одинъ изъ Дадьяновъ, и его мясо раздавали по кусочкамъ, какъ святые мощи. За кусочками мяса быка св. Георгія Илорскаго слали въ Абхазію гонцевъ цари имеретинскіе, владѣтельные князья Мингрелин, Гурин и Сванетин¹⁾.

14 августа празднуютъ Бѣлому Георгію (Тетри-Гіорги) въ д. Ацхури, въ Кахетин, куда народъ стекается со всѣхъ сторонъ

родные праздники. Сл. Сборн. Свѣд. о кавк. горахъ V: А., Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ, стр. 5 прим., и Дубровинъ, I. с. I, II, 16.— 17.

¹⁾ Кстати будетъ упомянуть здѣсь суджунскій обычай, о которомъ сообщилъ недавно проф. Цагарелл (Ж. М. Н. Пр. 1877 Декабрь стр. 217). Суджуна — деревня на юго-западѣ отъ уѣзднаго города Ново-Севаки, близъ слиянія рѣкъ Тсхуры и Абата и впаденія ихъ въ р. Ріонъ. Она извѣстна своей старинной церковью, куда ежегодно въ день св. Георгія, 23 апрѣля, стекалось множество народа изъ всей Мингрелин. Наканувъ праздника выбирали старца, извѣстнаго святостью своей жизни, заключали его на ночь въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ провести все время въ молитвѣ и созерцаніи будущаго; утромъ, до обѣдни, въ день праздника, выводили его оттуда и поднимали на какое нибудь возвышенное мѣсто, откуда онъ предвозвѣщалъ собравшемуся народу все, что должно было случиться съ владѣтелемъ Мингрелин и народомъ въ теченіи всего предстоящаго года до слѣдующаго праздника. — Этотъ обычай существовалъ еще въ первой четверти текущаго столѣтія.

Карталини, Кахети, Тушетин и Кизикин. Наканунѣ праздника, какъ только раздастся вечерній звонъ, всѣ спѣшаютъ въ церковь; въ это время какая нибудь особа, обрекая себя на служеніе св. Георгію, расprostирается у порога церкви, и народъ переходитъ черезъ неѣ; она силится не издавать стона, когда на неѣ наступаютъ ногою, и лишь изрѣдко вскрикиваетъ порывисто отъ чрезмѣрной боли. У церкви столпилась масса жертвователей: священнику подають деньги, подводятъ къ нему овцу: онъ поджигаетъ ей на лбу шерсть и произноситъ: Прими въ жертву отъ раба твоего Андрея или Петра и т. д. Тутъ-же стоитъ и діаконъ: къ нему подходятъ люди съ тоненькими желѣзными обручами на шеѣ, такъ называемыми шарна. Люди съ такими мѣтками считаются добровольными слугами избраннаго святого, связавшими себя въ теченіи извѣстнаго періода времени какимъ нибудь обѣтомъ; по прошествіи года или болѣе они отправляются на храмовой праздникъ, чтобы отмолиться и освободиться отъ плѣненія. Послѣ совершенія ими пожертвованія въ образѣ овцы или быка, дьяконъ отрѣзываетъ у нихъ ножницами пучекъ волосъ, снимаетъ съ нихъ шарна и отпускаетъ на волю. Послѣ этого давшіе зарокъ уже свободны отъ всякихъ обѣтовъ Бѣлому Георгію. — Около церкви группа женщинъ, одѣтыхъ въ бѣлое, составили родъ процессіи. Каждая носитъ на шеѣ желѣзную цѣпь, принадлежащую церкви, вѣсомъ не менѣе пуда. Женщины на колѣняхъ подвигаются впередъ медленно и время отъ времени прикрѣпляютъ къ стѣнѣ церкви зажженные свѣчки; онѣ обходятъ церковь; одна изъ нихъ обматываетъ вокругъ нея бумажную нить, раскручивая веретено въ рукахъ. — Въ это время раздается крикъ: дорогу, дорогу! Къ священнику приводятъ быка съ двумя зажженными свѣчами на рогахъ. Священникъ пріянялъ жертву, по обычаю обжогъ свѣчею на лбу шерсть и отпустилъ. При этомъ устроилось настоящее шествіе къ мѣсту закланія быка, освѣщеннаго свѣчами.

Уже за полночь. На необъятномъ пространствѣ вокругъ церкви, въ лѣсахъ, на прогалинахъ, въ равнинѣ зажглись безчис-

ленные костры; по временам раздаются выстрѣлы. Во дворѣ церкви толпа образовала большой кругъ: всѣ съ обнаженными головами и богобоязненно, стоя, смотрять на одну женщину, одѣтую въ бѣлое. Она съ особеннымъ усердіемъ пляшетъ лезгинку; ея движенія изящны, но она по временамъ нарушаетъ стройныя тѣлодвиженія корчами и стопами. Всѣ поражены; многіе, смотря на нескончаемые танцы, благословляютъ Бѣлаго Георгія. Пляшущая молодая, красивая дѣвица, есть избранница святого, который и заставляетъ ее совершать свадебныя пляски.

Если провести линію по теченію рѣкъ Ріона и Куры, говоритъ авторъ, у котораго мы заимствовали предъидущія свѣдѣнія, то къ сѣверу отъ этихъ рѣкъ, включая сюда также Гурію и приморскій Лазиставъ, преобладаютъ храмовые праздники въ честь св. Георгія и животворящаго деревяннаго креста; между тѣмъ какъ къ югу отъ упомянутой черты, въ древней Каппадокіи, южной части Понта и по южному склону Малаго Кавказа распространено поклоненіе Мену или Маин¹⁾ — богинѣ производительности земли или жатвы. Это поклоненіе Маин перешло впоследствии, кажется, въ христіанское поклоненіе св. Маріи. Тотъ, кто путешествовалъ по мѣстамъ древняго Понта, имѣлъ не разъ случай находить развалины древнихъ языческихъ храмовъ въ честь божества Ма, празднованіе котораго продолжалось, по мнѣнію Тексье, въ разныхъ мѣстностяхъ Каппадокіи и средняго Понта въ періодъ между 15 мая и 15 августа. Христіанское міровоззрѣніе, какъ видно, перенесло впоследствии это празднованіе на 15 августа — день Успенія Пресвятой Богородицы. Въ верхней Имеретіи, въ Сакчерскомъ отдѣлѣ Кутаисской губерніи, считаются храмовыми лишь праздники двухъ національных святыхъ по преимуществу: праздники Георгоба и Маіоба или Маріоба (въ честь св. Георгія и св. Маріи или Маин).

Опредѣлить точно значеніе адхурскихъ обрядовъ, какъ —

¹⁾ Разумѣется Мен или Ма, формы Анагиты. Сл. Texier, *Asie Mineure* p. 511, 598 — 600.

георгиевскихъ, мы пока не въ состояніи. Для этого необходимо было бы совмѣстное изученіе полу-языческихъ, полу-христіанскихъ вѣрованій, доселѣ окружающихъ народныя праздники кавказскихъ горцевъ. Извѣстно, какую первенствующую роль играютъ въ нихъ животная жертва, общее пиршество и элементъ любви и освѣщенія. Все это повторяется, какъ видно, и въ ацхурскомъ праздникѣ, и не можетъ быть истолковано въ связи съ его специальнымъ значеніемъ. Если, тѣмъ не менѣе, я пытаюсь связать его обрядность съ легендой о Георгіи и именно съ его побѣдой надъ змѣемъ, то дѣлаю это въ видѣ предположенія, опираясь на орнаменты древнихъ крестовъ и статуй, о которыхъ скажу далѣе. — Женщина, распростертая у порога ацхурской церкви, и вѣроятно, принадлежащая къ извѣстному намъ типу кадаги, не тождественна-ли съ той, которая въ концѣ обряда является избранницей Бѣлаго Георгія? Если первый актъ толкуется, какъ добровольное обреченіе ея святому, то, быть можетъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ позднимъ толкованіемъ, и въ началѣ разумѣлось обреченіе другого рода, отъ котораго Георгій освобождаетъ свою избранницу? Желѣзные цѣпи на шеѣ женщины, обходящихъ церковь, легко приравнять къ обручамъ шарна, символамъ обреченія, служенія святому. Можетъ быть, народный обрядъ разработалъ съ своимъ обычнымъ символизмомъ нѣсколько данныхъ изъ легенды о змѣѣ: освобожденіе Георгіемъ обреченной дѣвicy — избранницы и послѣдовавшее за тѣмъ обращеніе язычниковъ въ христіанство. Для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы познакомиться съ обрядами Маіобы и ея календарными отношеніями къ празднествамъ св. Георгія. Приуроченіе послѣднихъ, на сколько намъ извѣстно, крайне разнообразится: Георгія чествуютъ 23-го апрѣля (Мингрельцы¹⁾, Сванеты²⁾, Осетины³⁾, въ первый день Пасхи (Абхазы), 14 (въ Ац-

¹⁾ Дубровинъ I, II стр. 288.

²⁾ Ib. I, II, 98.

³⁾ Ib. I, I, 305.

хури, въ Кахетин) и 22 августа (въ Карталинн¹⁾), 21 октября (въ Мингрелин), 10 ноября у Ингилойцев²⁾, Сванетовъ³⁾ и Осетинъ⁴⁾.

Обращусь къ нѣкоторымъ даннымъ изъ реальныхъ древностей Кавказа. Я имѣю въ виду каменные надгробные кресты (у черкесовъ скорѣ, повидимому, отъ грузинскаго схуари) и статуи съ греческими надписями и изображениями, авторами которыхъ были, быть можетъ, Армяне или Грузины. Сюжетомъ ихъ является, между прочимъ, святой Георгій. Такъ на крестѣ, видѣнномъ Гюльденштедтомъ, на восточномъ берегу Кунбелы, около 40 верстъ выше ея впаденія въ Терекъ, на широкой, обращенной къ сѣверу сторонѣ, изображены одинъ надъ другимъ три воина всадника, изъ которыхъ среднїй вдвое больше, а нижнїй вдвое меньше верхняго. Вѣроятно, эти три всадника изображаютъ Георгія, говоритъ Гюльденштедтъ; на узкой западной сторонѣ — конный Георгій съ длиннымъ извивающимся внизъ дракономъ. — Точно такіе-же орнаменты украшаютъ другой крестъ, стоявшїй еще въ 1771 году между источниками Осекаемъ и Мондахомъ въ Малой Кабардѣ, а нынѣ находящїйся въ Пятигорскѣ: тѣ-же три всадника, верхнїй замахнулся надъ головою саблей, двое другихъ сдерживаютъ, повидимому, своихъ коней; передъ двумя послѣдними стоитъ на колѣнахъ по человѣческой фигурѣ, съ чашею въ поднятой правой рукѣ; лѣвая рука у груди, какъ-бы выражая покорность. Ниже изображено жертвоприношеніе: человекъ ведетъ быка, взявъ его за рога лѣвою рукою; правѣе — другой человекъ обѣими руками замахнулся топоромъ на того-же быка; еще правѣе стоитъ большая кубовастая ваза съ двумя ушками, послѣ значительнаго расширенія къ верху оканчивающаяся узкимъ горломъ. По одну сторону вазы на лѣво — чело-

¹⁾ Ib. I, II, 167 — 8.

²⁾ Сборн. свид. о кавк. горцахъ IV: Фонъ Плотто, Природа и люди Закавказскаго округа, стр. 21.

³⁾ Дубровинъ I, II, 96.

⁴⁾ ib. I, I, 305.

вѣкъ съ поднятой въ лѣвой рукѣ кружкой, направо — другой, большаго размѣра, занесъ правой рукой молотъ, въ лѣвой у него что-то въ родѣ клещей. На противоположной плоскости памятника замѣтитъ внизу изображеніе лани, съ головой, обращенной назадъ; въ ея спину вонзилась стрѣла, а сама она кормитъ дѣтеныша. На одной изъ узкихъ сторонъ креста — всадникъ, копьемъ поражающій въ глазъ одну изъ трехъ главъ кольцеобразно извивающагося дракона. — Тотъ же циклъ изображеній повторенъ на каменномъ надгробномъ истуканѣ, завезенномъ въ Пятигорскъ съ одной могилы на берегу р. Этока: люди толпятся около огромнаго кубовастаго сосуда; одна фигура, стоящая прямолично, запустила въ этотъ сосудъ правую руку; съ лѣвой стороны подходитъ другая, преднося что-то въ родѣ стакана; съ правой такой-же стаканъ протягиваетъ человекъ, стоящій на колѣнахъ. На задней сторонѣ статуи человекъ несетъ на плечахъ палицу, впереди его бѣжитъ олень; на лѣвой мужская фигура замахнулась правою рукою мечемъ, лѣвою-же тянетъ на цѣпи огромнаго пятиглаваго дракона, занимающаго своимъ туловищемъ всю сторону статуи и извивающагося въ нѣсколько колець¹⁾.

Едва-ли можно сомнѣваться, что эти памятники принадлежатъ христіанской порѣ. Кресты²⁾ и всадникъ Георгій, говоритъ Гюльденштедтъ по поводу этокскаго истукана, ясно указываютъ на то, что они исполнены, греческими христіанами. Если всадникъ, дѣйствительно, св. Георгій, убивающій змѣя, то смыслъ изображеннаго совместно съ нимъ жертвоприношенія уяснился бы георгіевскими обрядами, донинѣ живущими въ Грузіи и Сванетіи.

Очень вѣроятно, что эта обрядность примкнула къ Георгію,

¹⁾ Филимоновъ, Древнія каменныя изображенія въ Пятигорскѣ, Вѣст. Общ. Др. русск. искусства 1876, 11 — 12, стр. 67 — 78.

²⁾ Проф. Минаевъ указалъ мнѣ на интересное сходство крестовъ, встрѣчающихся въ орнаментациі этихъ памятниковъ, съ индійскимъ пагараа, змѣйнымъ узломъ.

когда послѣдній замѣнилъ въ народномъ представленіи какое-нибудь другое языческое божество. — Далѣе этого мы пойдѣмъ уже путемъ гаданій.

Извѣстно иранское вліяніе на религиозное міросозерцаніе древней Грузин. Во главѣ ея Олимпъ занялъ первенствующую роль — Агмаз¹⁾, праздникъ котораго чествовали особенно торжественно животными жѣртвами, пиршествомъ, гѣсными и плясками²⁾. Армазъ — это Арамаздъ Моисея Хоренскаго, зендск. Ahura-Mazda, враждебный Аримазу и чудовищному змѣю Aji-dahāka'ъ, съ которымъ борется его сынъ Âtar. — Въ другомъ мѣстѣ Уаѣна'ы побѣдителемъ этого треглаваго чудовища является Thraëtaona — Феридунъ Шахъ-намэ, груз. АФридунъ, арм. Руденъ; Феридунъ борется съ Зохакомъ (зендск. Aji-dahāka), полужмѣемъ-получеловѣкомъ, который убилъ чудесную корову Rur-shāueh, вскормившую Феридуна, и похитилъ двухъ дочерей Yima'ы; въ ихъ присутствіи и происходитъ побоище. Грузинская летопись поминаетъ, ссылаясь на персидскія преданія, АФридуна, приковавшаго желѣзной цѣпью на горѣ, недоступной людямъ, страшнаго Bēwgasph'a. Bēwgasph — это Бюраспъ Аджакъ Моисея Хоренскаго, передающаго о немъ «безсмысленныя сказки Парсовъ», зендск. Aji-dahāka; его-то побѣждаетъ Руденъ, связываетъ мѣдными цѣпями и уводитъ на гору Дэмбавендъ; по до-

¹⁾ Brosset, Hist. de la Géorgie I, 43.

²⁾ Сл. Wakiucht ed. Brosset p. 25. — Подробно описано чествованіе Армаза у Габрона Сабинина, Истор. Груз. церкви (1877) стр. 32—4, 30 — 1, — безъ показанія источниковъ: Армазу приносились въ жертву животныя, птицы, драгоценности; на жертвенникѣ бога, представлявшагося первоисточникомъ пресвѣтлѣйшаго свѣта, зажигались въ огромномъ количествѣ свѣчи. Помимо того приносили ему отъ всѣхъ хлѣбныхъ произведеній: нарочно приготовленные длинные бѣлые хлѣба, именуемые шоти; чистый бѣлый медъ, фрукты, вино, цвѣты, которыми украшались пьедесталы идоловъ и самыя жертвенники; молоко кислое и прѣсное, густыя сливки. — Чудо св. Нины съ идоломъ Армазомъ см. у Brosset, Hist. d. l. G. I, 100 — 103, и въ житіи св. Нины по списку XIV в. въ Азіат. Муз. Им. Акад. Наукъ № 39.

рогъ онъ засыпаетъ, Бюраспъ пытается встать на холмъ; пробужденный Руденъ ведетъ его въ пещеру, заключаетъ въ оковы, а самъ становится скалою у входа. — Такова парсійская сказка, сообщаемая Моисеемъ Хоренскимъ; приурочивая её къ исторіи Арменіи, онъ слѣдуетъ еггемерастическому приему: у него побѣдителемъ Аджахака является Тиграгъ I-й, «который убилъ Аджахака, въ полонъ взялъ весь домъ его и мать Драконовъ, Алуишь». Тотъ-же еггемеризмъ прилагается и далѣе къ роду Тиграна, которому дается въ сыновья Вахагъ, божество, чествовавшееся у древнихъ Армянъ: армянскія легенды говорятъ о немъ, что онъ боролся съ драконами и очищалъ отъ нихъ всю землю; по этому его и называли *вашапак'ах'*, т. е. истребителемъ драконовъ. Вахагъ — зендск. *Verethraghna*, *δρακοντοκίχτος* *Ἠρακλῆς* Агавангела; о немъ ходили эпическія гѣсни; Моисей Хоренскій сообщаетъ, что въ странѣ Иверовъ, т. е. въ Грузіи, ему воздвигнута была статуя, которой приносили жертвы; въ Кархарскихъ горахъ надъ Евфратомъ, противъ Тавра, находился его храмъ, мѣсто поклоненія армянскихъ властителей.

Еще другое божество, воспринятое въ систему Заратустры и нашедшее сильное распространеніе въ позднѣйшихъ фазахъ иранскаго культа, слѣдуетъ, быть можетъ, принять во вниманіе: зендск. *Anâhita*, *Ἀναΐτις* древнихъ, отождествлявшихъ её то съ Артемидой, то съ Афродитой, Армян. *Anahit* (груз. *Alnina*, *Alian*?). Ея культъ распространенъ былъ въ Персіи, Бактріи, Мидіи, Элимадѣ, Каппадокии, Понтѣ и Лидіи. Въ представленіяхъ Армянъ *Anahit* являлась дочерью Арамазда; отъ него богатство, отъ царицы Анагиты помощь, отъ Вахагна сила, говоритъ одинъ эдиктъ Тирidata. Въ зендск. Анагитѣ видятъ олицетвореніе небесной оплодотворяющей влаги, отъ которой зависить производительность растительнаго и животнаго царствъ. Ей приносятъ въ жертву тысячу жеребцовъ, тысячу коровъ; персидской Артемидѣ — Анагитѣ посвящены были особыя коровы, отмѣченныя тавромъ, свидѣтельствовавшимъ о принадлежности ихъ богинѣ: знакомъ факела. Она очищаетъ сѣмя мужей,

плодъ родильницъ, которымъ даруетъ молоко; дѣвушки молятся ей о женихахъ, беременныя и родильницы о счастливыхъ родахъ. У Армягъ она называлась матерью, маѣг, всякой мудрости, μη-τηρ γάρ ἐστι πάσης σοφροσύνης¹⁾.

Мы попытались собрать вмѣстѣ нѣкоторыя данныя иранской мѣологии, съ которыми остается сблизить данныя сванетскихъ обрядовъ, надгробныхъ истукановъ, кавказскихъ крестовъ, — и память парсизма, державшуюся въ той мѣстности. Битва съ змѣемъ (чудовищемъ, челоуѣкомъ) изъ за дѣвицы, жертвоприноше- ние, роль быка — объясняются наглядно въ этой связи. — Исслѣ- дователи мѣологической основы отреченныхъ легендъ о св. Геор- гии едва-ли не найдутъ болѣе прочный матеріалъ въ представ- леніи о немъ, какъ о змѣборцѣ, чѣмъ въ рассказахъ о его му- ченіяхъ, чудесныя подробности которыхъ столь-же легко объяс- нить накопленіемъ, развитіемъ немногихъ первичныхъ очертаній, какъ и отраженіями древняго мѣа.

IV.

Вопросъ о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ не только хроноло- гическій, но и методологическій. Если оно дѣйствительно явилось позже мученія, то въ какихъ отношеніяхъ къ нему? Г. Кирич-никовъ указываетъ, по слѣдамъ Болландистовъ, на посредство живописныхъ изображеній. Символизмъ первыхъ вѣковъ хри- стианства широко воспользовался старою семито-арійскою фи-гурою дракона-змія и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ діавола, ада и всего враждебнаго благочестивымъ людямъ: язычества,

¹⁾ Сл. Brosset, Hist. de la Géorgie I стр. 84, прим. 5, и стр. 26; Исторія Арменіи Монсея Хоренскаго пер. И. Эмиля, г. XXXI пер-вой книги, стр. 69 — 70 и 72 — 4; Darmesteter, Ormazd et Abriman, стр. 125, 102 — 7; объ Аваргѣ: Windischmann, Die persische Ana- hita oder Anaitis, въ Abhandlungen der philosoph. philolog. Cl. der kön. bayer. Ak. der Wiss. VIII B. (1858) p. 67 — 128 (сл. Brosset l. c. стр. 44 и прим. 5).

ереси (сл. стр. 110—113). Георгій выходилъ побѣдителемъ изъ борьбы съ языческимъ царемъ, онъ побѣждалъ его силою вѣры, и этотъ подвигъ представлялся въ чертахъ реальности: во многихъ сванетскихъ церквахъ Георгій изображается поражающимъ чловѣка или вѣнценосца, ближайшее значеніе котораго иногда указывается надписью: это царь, мучившій Георгія (ib. стр. 114). вмѣсто вѣнценосца легко было подставиться змѣю, символу язычества. «Чудо возникло подъ вліяніемъ изображенія, имѣвшаго символическій смыслъ, и только на позднѣйшую локализацию нѣкоторыхъ версій у Бейрута и на ихъ литературную обработку имѣло вліяніе сказаніе о Персеѣ» (l. c. ib.).

Съ этимъ построеніемъ можно согласиться, если имъ хотять объяснить — появленіе символа и нѣкоторыя общія очертанія чуда, переименованныя изъ житія: такъ уже Болландисты говорили, что женщина въ царскомъ одѣянніи, которую святой спасаетъ отъ змѣя — царица Александра житія, обращенная св. Георгіемъ, т. е. спасенная имъ отъ дракона — язычества (стр. 115). За всѣмъ тѣмъ въ легендѣ о чудѣ остаются безъ объясненія тѣ именно черты, которыя составляютъ его существенную особенность, побуждая насъ ощущать её не какъ символическую перелицовку данныхъ житія, а какъ цѣлое опредѣленнаго народно-поэтического типа. Возможно двоякое предположеніе: либо данныя житія, выраженные символически-образно (борьба съ змѣемъ-язычествомъ), разработаны были далѣе подъ вліяніемъ народныхъ представленій о змѣеборцахъ и реальной борьбѣ съ змѣями; либо самое обособленіе чуда изъ житія условлено было существованіемъ подобнаго рода мѣстныхъ представленій и рассказовъ. Тотъ и другой процессъ одинаково мыслимы въ исторіи взаимодѣйствія литературно-церковнаго и народнаго преданій.

Чудо съ змѣемъ сохранилось намъ въ нѣсколькихъ рукописныхъ и народно-поэтическихъ пересказахъ, представляющихъ отличія въ подробностяхъ, именахъ и географическомъ приуроченіи. — Мы обратимъ вниманіе на двѣ важнѣйшія, по нашему мнѣнію, рецензіи сказанія.

1. Чудо приурочено къ Ласіи, Лаосіи; царь — Сельвій, Селевкѣ и т. п.; имя его дочери не названо ни въ латинскихъ, ни въ извѣстномъ мнѣ греческомъ текстѣ легенды.

1) Греческій текстъ чуда по рип. амвросіанской бібліотекѣ¹⁾ не знаетъ ни страны, ни мѣстности, гдѣ оно совершилось; сличеніе съ латинскими и славянскими его пересказами и сходное во всѣхъ имя царя позволяетъ предположить, что и греческой легендѣ названіе мѣстности было первоначально извѣстно. Латинское чудо называется еѣ *Lasia*; это главный городъ Каппадокіи, которой мы не обязаны придавать значенія точнаго географическаго термина; въ русскихъ пересказахъ: Лаосія; страна не обозначена; въ легендѣ кардинала Стефанески: *Lusia*²⁾. — Нѣчто подобное' могло стоять въ источникѣ Якова de Voragine; оттуда, вѣроятно, его *Lubia*.

2) Царь; дочь котораго спасаетъ Георгій отъ змѣя, носить въ латинской легендѣ имя *Sevius*, въ греч. амврос. *Σελβιος*, въ русск. Селевій, Селевей, Соловей; Селевннъ; Селевкій, Селѣвкѣй и т. п.³⁾. Въ литературѣ легендарно-апокрифическихъ повѣстей мнѣ извѣстенъ еще «благовѣрный» царь Селевкій богоуильскаго отреченнаго сказанія, наслѣдовавшій Августу и чаевшій видѣть Христа въ дому своемъ; Семиклей поздняго русскаго пересказа. — Въ одной нѣмецкой повѣсти, представляющей, по мнѣнію г. Кирпичникова⁴⁾, сводный рассказъ изъ поэмы Рейнбота и чуда о змѣѣ (введеннаго въ исторію Георгія и его братьевъ), говорится о какомъ-то «*gerecht künig*», царствовавшемъ въ Индіи, въ городѣ Силесе. Онъ издалъ законъ, что всякій, обидѣвшій женщину, долженъ лишиться обоехъ глазъ. Въ такомъ преступленіи оказался виновнымъ его сынъ, наслѣд-

¹⁾ Онъ напечатанъ нами въ приложеніи № V.

²⁾ *AASS*. April III, p. 106, b.

³⁾ Кирпичниковъ I с. стр. 51.

⁴⁾ I с. стр. 32 и 56 — 7, прим. 1: изъ рип. Британскаго музея Add. 19, 462, XV в. Волѣе подробныя извлеченія изъ этой рукописи были желательны.

никъ царства, и отецъ, не задумываясь, присудилъ и его къ тому-же наказанію. Народъ въ отчаяніи: какъ имъ будетъ управлять слѣпой царь? Тогда «der gerecht künig» рѣшилъ дѣло такъ: одинъ глазъ пусть выколуютъ виноватому, а другой ему, царю. — Къ этому разсказу примыкаетъ пришествіе въ Силене Георгія и его побѣда надъ змѣемъ, котораго умилостивляли жертвами по совѣту божества, «abgot»; ему обречена и дочь праведнаго царя-язычника, избавляемая святымъ. — Источникомъ эпизода о чудѣ былъ, по мнѣнію изслѣдователя, распространенный разсказъ, часто приурочивавшійся къ Залевку; въ легенду о Георгіи «онъ вышелъ по ассоціаціи представленій: царь, жертвующій на равнѣ съ гражданами, въ силу своего слова, однородною дочерью, напомнилъ писцу справедливаго царя». Я предложу съ своей стороны и еще догадку: приуроченіе разсказа о Залевкѣ къ царю-правдолюбцу легенды не было-ли вызвано созвучіемъ именъ: Залевка и Селевка, Сельвія георгіева чуда? Замѣтимъ формы, въ которыхъ имя Залевка встрѣчается въ позднѣйшихъ разсказахъ о его правосудіи: Seleucus, Zeleukos; въ Gesta Romanorum: Zaleucus, Zalengus, Zelongus. — «Праведный царь» властвуетъ въ Silene, что могло-бы повести къ предположенію, что здѣсь оказалось вліяніе Золотой Легенды, гдѣ такъ именно названа мѣстность чуда. Но въ грузинскомъ его текстѣ, сообщаетъ мнѣ проф. Цагарели, мѣстность названа Ласіей, царю же дано имя Селиносъ, что приводитъ насъ къ Силене, и съ другой стороны, быть можетъ, къ Сельвію и его отнѣнамъ.

Такимъ образомъ составъ нѣмецкой повѣсти выясняется: въ легенду о чудѣ Георгія съ змѣемъ притянуть былъ, по созвучію именъ Залевка и Селевка, разсказъ о праведномъ судіи. Было-ли это соединеніе дѣломъ нѣмецкаго пересказчика, какъ полагаетъ г. Кирпичниковъ, или его слѣдуетъ предположить болѣе древнимъ? Я не рѣшаю этого вопроса — въ виду слѣдующихъ. Типомъ праведнаго судіи былъ въ средніе вѣка императоръ Траянъ: уже въ VI в. разсказывали, какъ рассудилъ онъ бѣдную вдовцу, у которой убили ея единственнаго сына. Преданіе говорило, что

папа Григорій Великій такъ умалился его поступкомъ, что пролилъ о немъ молитвенныя слезы и освободилъ душу императора отъ загробныхъ мукъ, постигшихъ его, какъ язычника. Эта легенда, поэтически воспроизведенная въ Божественной Комедіи, видоизмѣнялась въ пересказахъ: убійцей сына вдовицы явился сынъ императора, — что не остановило его правосудія; наконецъ, въ половинѣ XIII в., въ хроникѣ Эненкеля, рассказъ о Траянѣ представился въ чертахъ преданія о Залевкѣ и «*gegeschicht künig*» нѣмецкой повѣсти¹⁾. — Съ другой стороны болгарскія пѣсни о Георгіи приурочиваютъ его чудо къ какому-то Трояну-граду, гдѣ царитъ невѣрный царь Латинъ, т. е. Латининъ; его-то дочь, выведенную на пожраніе змѣю, спасаетъ Георгій, а царя и народъ креститъ. Троянь-градъ, можетъ быть, какой-нибудь Траянополь: извѣстенъ былъ городъ такого имени во Фракіи, въ провинціи Родопѣ, слѣды котораго доселѣ видны у Деде-Агача²⁾; сохранились развалины Троянова града у Татаръ-Пазарджика и въ Сербіи, въ лѣсу у Шабца. Имя императора Траяна стало въ южно-славянскомъ и румынскомъ преданія собирательнымъ, на носителя котораго переносилось всё необычайное, волновавшее народную фантазію; сводитъ во одно эти черты, выѣняя ихъ одной народно-миѳической личности, потому опасно, что приуроченіе могло быть случайнымъ, опредѣляясь не внутреннимъ единствомъ типа, а вѣшнимъ единствомъ имени. Отсюда разнообразіе трояновскихъ повѣрій: какъ на царя Траяна — Трояна греческой и сербской саги перенесена была легенда объ ушахъ Мидаса³⁾, такъ

¹⁾ G. Paris, *La légende de Trajan*. Paris 1878; сл. Oesterley, *Gesta Rom.* № 50 и примѣч.; Massmann, *Kaiserchronik* III 751 слѣд.

²⁾ Другой Траянополь находился во Фригіи; Селинунтъ (Киликія) также носилъ некоторое время названіе Траянополя, по имени Траяна, скончавшагося въ его стѣнахъ, когда онъ собирался въ походъ противъ возставшихъ Евреевъ; по другимъ извѣстіямъ его смерть послѣдовала въ Киликійской Селевкии.

³⁾ Такъ уже у Тцетдеса, *Chil.* II Hist. 34 v. 95 sqq. Сл. Tomaschek, *Zs. für die oesterr. Gymn.* 1877, стр. 679.

по имени великаго строителя назвался цѣлый рядъ градовъ, переходовъ, дорогъ, мостовъ, что объясняетъ поводъ, по которому привязалось къ нему «береговое» преданіе о юномъ героѣ (Англии), погибшемъ отъ свѣта солнца¹⁾. Подобнаго рода мѣстные мотивы могли повліять и на появленіе властителя «Трояна-града» — если разумѣть подъ нимъ имп. Траяна — въ пѣсняхъ о Георгіи: двѣ изъ нихъ записаны въ южной Болгаріи, одна — въ Кукушѣ, выше Солуны, гдѣ древняя церковь св. Георгія была первоначально языческимъ храмомъ, посвященнымъ, какъ полагаютъ, императоромъ Траяномъ «великимъ богамъ». — Далѣе могутъ повести слѣдующія сопоставленія: какъ св. Георгій являлся въ чудѣ съ дочерью праведнаго царя Залевка, такъ въ болгарскихъ пѣсняхъ онъ спасаетъ дочь Траяна, праведность котораго могла быть затемнена представленіемъ царя «Латина» и невѣрнаго Трояна-града. Римская легенда, мотивированная праведностью Траяна и молитвой св. Григорія о душѣ его, пришла послѣдовательно, богословскимъ путемъ, къ нѣкоторому уравненію съ болгарской, — и Вильгельмъ Оксеррскій († 1230) заставляетъ душу Траяна снова переселиться въ его тѣло, чтобы удостоиться св. крещенія, — какъ Георгій креститъ краля отъ Трояна. — Соотношеніе обѣихъ трояновскихъ легендъ, съ именами Георгія и Григорія, заслуживаетъ внимательнаго изученія²⁾.

3) *Regiae virginis nomen nemo expressit*, говорятъ Боландисты о царевнѣ чуда по поводу его греческаго и латинскихъ текстовъ, *sed vulgus, more suo cuncta permiscens, S. Margaritam, nominat*³⁾. Святая змѣборица Антиохійская могла быть сопоставлена съ св. Георгіемъ на такихъ-же основаніяхъ, на какихъ у насъ св. Елисавета и св. Марина на сванетской иконѣ.

¹⁾ В. Schmidt, Griech. Märchen, I стр. 30 — 1 и прим. 2. Сл. R. Köhler, въ Jen. Literat. Zeit. 1878, Art. 298.

²⁾ Сл. Журн. Мин. Нар. Просв. 1880, Іюль: Легенды о Вѣчномъ Жидѣ и объ императорѣ Траянѣ.

³⁾ AASS. April. III, p. 106, b.

Текстовъ чуда или пошедшихъ отъ нихъ легендъ съ именемъ Маргариты я не знаю; тѣмъ не менѣе намекъ Болландистовъ мнѣ показалось полезнымъ прослѣдить. Къ тому вела меня и широкая популярность житія одной изъ святыхъ, носящихъ имя св. Маргариты, и появленіе этого имени въ весеннихъ пѣсняхъ и обрядахъ, въ которыхъ играетъ такую роль и св. Георгій. — Въ русскомъ чудѣ «до мученія» царевна то названа Лаодаміей (можетъ быть, подъ литературнымъ вліяніемъ мифа о Беллерофонтѣ, сынѣ Нептуна, отцѣ Лаодаміи и побѣдителя Химэры), то наречена въ крещеніи Маріей; въ ркп. Погодянской 808: Маріей Самаряныней, что объясняется, по мнѣнію г. Кирпичникова, уподобленіемъ ея разговора съ Георгіемъ — бесѣдѣ Христа съ Самарянкою¹⁾; или вліяніемъ Маріи-Магдалины²⁾. Въ одномъ болгарскомъ стихѣ царевна также носитъ имя Марія, которое изслѣдователь связываетъ съ книжнымъ чудомъ «прежде мученія»³⁾, хотя своеобразные мотивы пѣсни едва ли не указываютъ на особый ея источникъ. — Я предполагаю соединить имена Маріи и Маргариты посредствующей формой: Марина, не потому чтобы имѣлъ въ виду водворить это имя въ древней редакціи чуда, а съ цѣлью указать на древнія, быть можетъ, мѣстныя причины его сближенія съ именемъ Георгія.

Церковь знаетъ нѣсколько святыхъ имени Марины съ различными календарными пріуроченіями, на соглашеніе которыхъ Болландисты потратили не мало труда: 22-го февраля память св. Марины въ Никомедіи; 28-го свв. Мараны или Марины и Клары (лат. 3-го августа); 10—11 марта: свв. Марины и Агапы въ Антиохіи; архим. Сергій показываетъ въ числѣ святыхъ, не находящихся въ мѣсяцесловахъ греко-россійской церкви, св. Марину еще подъ 27 апрѣля и 27 мая. — Двѣ наиболѣе чествуемыя святыя этого имени отнесены Болландистами къ іюлю:

¹⁾ Кирпичниковъ I. с. стр. 51, 57 — 9.

²⁾ Ibid. стр. 115.

³⁾ Ibid. стр. 181 и 185.

подъ 17-ымъ іюля они говорятъ о св. Маринѣ или Марин, подвизавшейся въ монастырѣ въ мужскомъ образѣ Марина, терпѣливо сносившей напрасныя обвиненія въ блудѣ, вѣжно воспитывавшей приписаннаго ей ребенка, пока смерть не обнаружила ея святой дѣвственности. Греческая церковь помнитъ ея 12-го февраля, но ея памяти разнообразились въ календаряхъ: 8-го и 11-го февраля, 31-го мая, 8-го августа и 8-го декабря.

Другая святая, чтимая у Грековъ подъ именемъ св. Марины, у Латинянъ — св. Маргариты, отнесена Болландистами къ 20-му іюля: ея память совершается на западѣ 12, 13, 15 и 20 числа этого мѣсяца; у Рабана Мавра, Ноткера и до позднѣйшаго времени во Франціи — 18 іюня; у Грековъ 17 іюля, когда западная церковь помнитъ св. Марину — Марину¹⁾. — Маргарита — означаетъ «жемчужная», украшенная жемчугомъ; эпитетъ принятъ за имя собственное; въ этомъ смыслѣ Маргарита была прозвищемъ и св. Пелагіи антиохійской²⁾. Что до имени Марины, то уже Болландисты сблизжали его съ сирійскимъ *Mar* или *Magi* = *dominus*; *Marina*, или вѣрнѣе, *Magna* = *dominus postea*; сл. выше *Marina* — *Marinus*; въ имени *Marina* заключено понятіе: *domina*, какъ такое-же значеніе отмѣчено Дюканжемъ для Марин: *Μαρία ἀντί τοῦ κυρίου*³⁾. Это объяснить, быть

¹⁾ Сл. AASS. Julii IV и V, подъ 17 и 20 Іюля; Архим. Сергій, Агиология II; Martinof I. c. Index: *Marina*, *Marinus*, и подъ указанными числами.

²⁾ Сирійское житіе св. Пелагіи было недавно издано Gildemeister'омъ (Acta S. Pelagiae syriace. 1879), греческое Узенер'омъ: *Legenden der Pelagia*. Bonn, 1879.

³⁾ Такое толкованіе представляется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ обычное: *Marina* = морская, поддержанное недавно Узенеромъ, сблизившимъ не только по значенію именъ, но и по житіямъ, св. Марину съ Пелагіей. Оттуда его увѣренность: *wir freuen uns die zur Zeit römischer Herrschaft nicht auffallende Uebersetzung der Pelagia in Gebrauch zu finden* (I. c. стр. XIV). Изъ матеріала житій, подобранаго Узенеромъ для доказательства своего положенія, выбираемъ лишь то, что можетъ служить подтвержденіемъ его этимологии. Чередованіе именъ Марины

можетъ, имя Регины (т. е. царицы; франц. *St° Roine, Reine, St° Rogne* бельгійскаго народнаго суевѣрія) въ ея легендѣ, главнымъ плагиатъ Маринина житія, удержавшемъ или только слегка измѣнившимъ его собственныя имена и перенесшемъ мѣсто дѣйствія изъ Антиохіи писидійской въ писидійскую Алесію — потому что мѣстомъ особаго чествованія святой была Алесія — въ Бур-

и Маргариты въ житіи святой, чествуемой 12, 13, 15 и 20 іюля, мы уже знаемъ; выше было сказано и о другой св. Маринѣ или Марин, подвизавшейся въ монастырѣ подъ именемъ Марина, — но существенно то-же повѣствуется и о святой Маргаритѣ, укряншейся въ иноческомъ образѣ подъ именемъ Пелагіа (AASS. Julii IV, 287 слѣд.). Если присоединить къ тому и Пелагію — Маргариту греческаго житія, издавнаго Узеверомъ, также являющуюся въ кающемся образѣ Пелагіа, то уравненіе: Марина = Пелагіа представится вѣроятнымъ и этимологія не вызывающую сомнѣній. Сомнѣніе возбуждаетъ то обстоятельство, что изъ двухъ именъ, подъ которыми извѣстна св. Марина — Маргарита, именно первое распространено на востокѣ, тогда какъ второе упрочилось на западѣ. Къ этому можно присоединить еще слѣдующее: Узеверь обратилъ вниманіе на житіе еще одной антиохійской св. Пелагіи (лат. 9 іюня, греч. 9 и 10 іюня и 8 октября), бросившейся съ высоты дома, чтобы сохранить свою дѣвственность, тогда какъ ея мать и сестры, убѣгая отъ преслѣдовавшихъ ихъ воиновъ, кинулись въ рѣку. На отношенія этой легенды къ житію антиохійской св. Домнины или Домны и ея дочерей (AASS. Oct. II подъ 4-мъ октября, стр. 393 — 407; сл. iv. подъ 9 іюня: о св. Пелагіи) уже давно было обращено вниманіе: Домна и ея дочери, Вереника или Веринна и Продока, также спасаются отъ погони, бросившись въ рѣку; св. Амвросій даже называетъ въ числѣ дочерей — св. Пелагію; Вероникъ, Пелагіа и 49 мучениковъ антиохійскихъ поминуются у Болландистовъ подъ 19 октября. — Домна = Domina, Курѣа: значеніе, предположенное нами и для Марин; сл. свв. Марану или Марину и Биру (Курѣа = Курѣа), сирійскихъ святыхъ, чествуемыхъ греческою церковью 28 февраля (сл. AASS. Aug. I, 3 августа, стр. 226 — 7), когда намятается и св. Domnica или Domnina. (Martinoſ, Ann. Eocl. a. d. XXVIII. Februarii) — Я склоненъ заключить изъ этого, что имя Марин, въ основѣ сирійское, было приложено къ значенію лат. Marina, что дало возможность перевести её греческой Пелагіей.

гунди! ¹⁾ Въ слѣдующей краткой передачѣ содержанія мы воспользуемся тѣмъ и другимъ житіями, лишь отмѣчая въ скобкахъ особенности, представляемыя апокрифомъ о св. Реги-нѣ. — Отцемъ св. Маргариты - Марины называютъ Θεοδοσία (въ текстѣ, допущенномъ Болландистами въ ихъ собраніе: Aedesius; въ житіи св. Регины: Климентъ); онъ — язычникъ, ненавидитъ свою дочь-христіанку и удаляетъ пятнадцатилѣтнюю красавицу изъ своего дома — къ ея кормилицѣ. Тамъ она посетъ овецъ, когда префектъ Олибрій, прельщенный ея красотой, обратилъ на неѣ вниманіе. Онъ хочетъ жениться на ней, но она объявляетъ себя христіанкой и ввержена въ темницу. Здѣсь діаволь являеть ей въ образѣ змѣя съ золотыми волосами и бородой, съ желѣзными зубами; его глаза блестятъ, какъ жемчугъ, изъ ноздрей пышетъ пламя и дымъ; языкъ высунулся, вокругъ шеи обвилась змѣя, въ рукѣ огненный мечъ. Онъ заразилъ воздухъ, отъ его дуновенія исходитъ огненное облако, озаряющее темницу. Бросившись на святую, онъ поглащаетъ еѣ, но распятіе, которое она держала въ рукахъ, растеть, ширеться, распираеть пасть чудовища, и святая выходитъ невредимой изъ его чрева. Тогда ей представляется другой демонъ, въ образѣ чернокожаго,

Разборъ мнѣологической гипотезы Узенера (Пелагія = Афродита), привлешаго къ Пелагіи и Маринѣ цѣлый рядъ другихъ святыхъ, устраниеть ближайшей цѣлью этой работы. Въ житіяхъ святыхъ, объединенныхъ именемъ Пелагіи — Марины, образы дѣвственности и чувственности, искушенной покаяніемъ, чередуются и могутъ быть привлечены къ объясненію обще-европейскихъ повѣрій о Маринѣ — Маргаритѣ, какъ помощницѣ при родахъ (сл. въ концѣ предъидущей главы замѣтку объ Анагитѣ). — Укажемъ въ заключеніи на смѣшеніе св. Пелагіи-блудницы съ Маріей (-Магдалиной?) въ хожденіи діакона Игнатія: гробъ св. Пелагіи находится въ церкви на Элеонской горѣ, «тое Пелаген, которая ноги муромъ помазала Господа и власы свои отерла». (Сахаровъ, Сказанія русск. нар. ч. VIII, стр. 105, b); это объясняетъ Марѳу, Марію и Пелагею, трехъ сестеръ Лазаревыхъ, въ народномъ заговорѣ у Чубинскаго, Матер. и изслѣдованія I, I, стр. 124.

¹⁾ AASS. Sept. III, 7 Sept. p. 24 слѣд.

съ руками, привязанными къ колѣнамъ; святая попираетъ его ногами. — Рядомъ съ этимъ новое, небесное знаменіе: двоякое появленіе голубя, то сядящаго на крестѣ, то приносящаго святой вѣнецъ побѣднаго мученичества¹⁾. Апокрифъ кончается молитвой, напоминающей подобныя-же въ апокрифическихъ житіяхъ: кто отъ труда своего приобрѣтетъ списаніе монахъ мученій, говоритъ святая, исполни того, Господи, Духа Свята, и да не родится въ его домѣ дитя хроное, слѣпое или нѣмое, и да избудетъ онъ демонскаго наважденія и т. п. — Свидѣтелемъ-очевидцемъ мученій св. Марины-Мargarиты является Θεοτίμης (Theotimus; Continus, Testinus), въ апокрифѣ о св. Регинѣ — Θεοφίλης²⁾.

Св. Марина приурочивается обыкновенно къ писидійской Антиохіи, нынѣшней деревнѣ Ялбачъ къ сѣверу отъ озера Эгдиръ или Эгердиръ, на югозападной сторонѣ котораго небольшой городокъ того-же имени занимаетъ, по мнѣнію Риттера, мѣсто древней Seleucia Sidera³⁾; Limenae, Limnopolis у того-же озера не объясняютъ-ли заглавія житія св. Марины въ эскуріаль-

¹⁾ См. подобное-же видѣніе въ одной греч. пѣснѣ о чудѣ св. Георгія, Киринчя. стр. 187.

²⁾ Греческое житіе св. Марины находится въ cod. Laur. 9, 93; латинское напечатано Момбриціемъ, и Суріемъ. — Старая популярность житія св. Margarиты на западѣ засвидѣтельствована цѣлымъ рядомъ народныхъ пересказовъ. Слич. Holland, Die Legende der hlg. Margarete, alt franz. und deutsch, 1863; A. Scheler, Deux redactions diverses de la légende de St^e Marguerite en vers français. Anvers 1877 (сл. Romania, XXVI, p. 339 — 41); Joly, La vie de St^e Marguerite, Paris 1879 (сл. Romania XXXII p. 275 — 6) — Noulet, Vie de St^e Marguerite en vers romans. Toulouse, 1875. — Die Martir der heiligen Margarete ed. M. Haupt, Zeitschr. f. deutsch. Alterth. I, 151 — 93; другая обработка издана Bartsch'емъ, Germania IV, 440 — 71 (сл. ib. VI, 376 — 79; VII, 268 — 70), третья имъ-же въ Germanistische Studien I, p. 1 — 30. — О нѣмецкихъ, англосаксонскихъ, англійскихъ и нидерландскихъ пересказахъ см. Vogt, Ueber die Margaretenlegenden, въ Paul und Braune's Beiträgen I, p. 263 слѣд.; особенно p. 284 — 5.

³⁾ Texier, Asie Mineure, p. 717 а.

скої рукописи, приурочивающее ея мученіе «in campo Limiae, quae est sub urbe Armeniae¹⁾? У Рабана Мавра не ясно, какая разумѣется Антиохія; поздніе акты о перенесеніи мощей св. Маргариты въ Тоскану и Вильбрандъ Ольденбургскій (1212) называютъ Антиохію сирійскую, что на Оронть: «in medio vero monte.... est castrum in medio aedificatum. Sub cujus pede vidimus clusam, in qua beata Maria Magdalena egit per tempus penitentiam, et, sicut ipsa animo celestia concupivit, ita et tunc corpore terrena transcendit. Juxta illam esciam est parva capellula, ex qua beata Margarita, cum ad martyrium duceretur, fuit extracta²⁾. Вниманіе обращаетъ сосѣдство именъ Маргариты-Марины и Маріи-Магдалины; извѣстна локализациа послѣдней и сестры ея Марѳы въ южно-французскомъ преданіи, представляющемъ ихъ змѣборщицами: Маріи-Магдалинѣ является драконъ-демонъ, грозящій поглотить её, ангелъ её освобождаетъ, и драконъ уносится въ пустыню, «гдѣ его побѣдила сестра моя Марѳа», говоритъ святая: указаніе на легенду о св. Марѳѣ, поборовшей змія знаменіемъ креста и связавшей его своимъ поясомъ³⁾.

Къ сирійской Антиохіи привязаны и нѣкоторыя памяти св. Георгія: по свидѣтельству Raimond d'Agiles (172, 55) его мощи покоились тамъ въ храмѣ св. Леонтія; извѣстно его чудесное явленіе при осадѣ города въ 1098 г.; поэма Рейнбота, опираясь, быть можетъ, на неизвѣстные намъ источники сказанія, называетъ Георгія и его братьевъ — антиохійцами, по матери; сл. vv. 147—8:

Waren muterhalb geboren
Vorwar von Anthyoche⁴⁾.

¹⁾ AASS. Jul. V, ad d. 20 Jul., p. 32 a.

²⁾ Laurent, Peregrinatores medii aevi quatuor, p. 173. О другой антиохійской св. Маріи (вмѣстѣ съ Агапой) см. AASS. Mart. II p. 31—2.

³⁾ Сл. житіе Маріи-Магдалины у Сурія, подъ 22 іюля; житіе св. Марѳы въ *Legenda Aurea*.

⁴⁾ Сл. v. 4972: Von Antioch der ohem mup. — Упомянутое св. Мар-

Легенда, сообщенная Феодоромъ Дафнопатомъ, приурочиваетъ къ Антиохіи и чудо съ змѣемъ: мощи св. Іоанна спасаютъ дѣвцу отъ чудовища, котораго антиохійцы почитали какъ бога, принося ему въ жертву дѣвственницъ¹⁾. — Подобнаго рода чудо съ именемъ св. Георгія является не однажды локализованнымъ по сиро-финикійскому побережью: укажу лишь на Беритъ²⁾, на Ге-

гарити, по поводу мученія Александры (v. 4668), можетъ быть, случайное.

¹⁾ Въ старонѣм. *Johannisminne*, изданной Hofmann'омъ (*Zeitschr. f. deutsch. Alterth.* XXII, p. 243) читаемъ: *Und daz wir heivt alle als wol gesegnet sein — Als der heilig gît herre sand iohannes gesegent den heiligen herren sand iorgen da miten ein — Mit den heiligen worten die da hie geschriben stant — Da mit er den lintwvrmе vber want.* См. сказанное выше о составѣ грузинской асгоровъ: первая глава евангелія отъ Іоанна и изображение св. Георгія.

²⁾ Эта локализация встрѣтилась мнѣ у итальянскихъ путешественниковъ XIV вѣка: Frescobaldi, Sigoli, Gucci (*Сл. Viaggi in Terra santa di Lionardo Frescobaldi e d'altri del secolo XIV*, ed. C. Gargioli стр. 146, 246, 414—416; болѣе позднія свидѣтельства у Волландистовъ, I. c. April. III, 106, b); двое послѣднихъ присоединяютъ къ этому и другое свидѣніе: что св. Георгій усѣченъ былъ недалеко отъ Дамаска (I. c. стр. 245, 397), хотя, замѣчаетъ Sigoli, «i Greci dicono che fu martirizzato fuori della città di Rama, la quale è una delle città de' Filistei». — Интересно для иконографіи чуда описание его мѣстности у Giorgio Gucci: Не далеко отъ Бейрута «si trova uno pedale di torre, alta circa di braccia VI, e sali su per una scala, che è fuori della torre, in sul quale luogo gli uomini della città mandavano la preda, che il drago dovea mangiare.... E quando il re della città mandava per preda del detto drago la sua propria figliuola, d'età da marito, che santo Giorgio liberò, istava il detto re in alto sul monte alle finestre del suo palagio, del quale luogo di passo in passo si vede insino alla detta torre. E presso a detto luogo, forse a una gittata di mano, è la tana (напечатано: torre) grandissima sotterra, dove detto drago stava; e quando sentiva la preda. in su detta torre, di detta tana usciva e andava a divorare detta preda. Poi di lungi a questo luogo meno d'uno mezzo miglio, fuori di strada forse una balestrata, è dove san Giorgio uccise il drago, ed è in una chiesa non troppo grande, bene accocchia, che si chiama la chiesa San Giorgio.... Là poi di lungi a questa

вагь нѣкоторыхъ пересказовъ русскаго чуда: Gibelet, Gobeil = Biblith, выше Бергга, — либо Gabulum, Gebele, южнѣе Лаодикей? — Названіе: Ласія, Лаосія, если его позволено искать въ этой связи, остается по прежнему загадочнымъ: средневѣковыя наименованія Лаодикей (нынѣ: Латакія): Lichia, Likka, Liça, Lice (въ *chanson d'Antioche*) напоминаютъ такое-же колебаніе: Лаосія, Ласія, Лусія.

Предъидущія сопоставленія, какъ бы они ни были отрывочны, выясняютъ, какъ мнѣ кажется, существованіе мѣстной малоазіатской легенды о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ; если бы имя царевны засвидѣтельствовано было не одними русскими пересказами и болгарской пѣснью, можно было-бы надѣяться прійти къ болѣе точному мѣстному опредѣленію.

II. Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ изводѣ чуда, спеціально извѣстномъ на Руси. — Погодинская икона XIII вѣка изображаетъ всё житіе Георгія и посрединѣ «св. Гѣргія, змія и «лисаву», ведущую змѣя за рогъ¹⁾. Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о чудѣ царевна названа Алисафой, Алексафеей, Лисафетой, Елисафеей; ея отецъ — Адей, Агей, Агапій, Агафинъ, Огапить, Агапигъ. Эти имена не встрѣтились пока ни въ одномъ книжномъ сказаніи о чудѣ, и едва-ли въ немъ найдутся; они объясняются въ иной связи и принадлежатъ разновременнымъ наслоеніямъ иконописи и народной пѣсни. Причина появленія имени Елисаветы уже указана, говоритъ г. Кирпичниковъ²⁾: ей празд-

chiesa per meno d'uno mezzo miglio è uno fiume, che mette ivi in mare: e quando è presso al mare, per circa a una balestrata, è una isoletta; la quale isoletta il detto fiume mette in mezzo. E in questa isoletta gran parte del tempo, dicono, dimorava questo drago; e al lato della chiesa detta è la fossa, dove detto drago fu sotterrato». — Сл. Вейрутскую локализацию у Дмитрія Ростовскаго (Кирпичн. стр. 60) и въ греческой пѣснѣ у Савелларія, Та Кукраха III стр. 62 — 66.

¹⁾ Кирпичниковъ I. с. стр. 51; сл. выше изображеніе св. Елисаветы въ Лафехальской церкви въ Сванетіи.

²⁾ I. с. стр. 177 — 8.

нують 24-го апрѣля, и о ней говорится: «бысть-же чудесь дѣлательница, змя лютаго молитвою умертвѣ». Св. Елисавета чудотворица чествуется, главнымъ образомъ, греческою церковью; память ея встрѣчается въ менологѣ императора Василія и лишь значительно поздѣе на западѣ; къ какому времени относится арабско-египетскій мартирологъ съ ея памятью, о которомъ говорятъ Болландисты¹⁾, — я не знаю. Время жизни святой неизвѣстно съ точностью; архим. Сергій²⁾ опредѣляетъ его VI—IX вѣками и говоритъ, что святая чудотворица была настоятельницей обители свв. Космы и Даміана, построенной императоромъ Юстиномъ (518—527) и супругой его Софіею³⁾. Мошамъ ея поклонялись русскіе паломники: новгородецъ Стефанъ около 1350 года и іеродіаконъ Зосима въ 1420 г. — Св. Елисаветѣ праздновали 24-го апрѣля, и на тотъ-же день полагалась память св. Георгія въ Константинопольскомъ храмѣ его имени ἐν τῷ Κουκκιστῷ⁴⁾. Это совпаденіе не указываетъ-ли на среду, въ которой совершилось специальное сопоставленіе, давшее сюжетъ погоднической иконѣ? Русскій духовный стихъ могъ понять его реально, что объяснило-бы внесеніе новаго имени въ древнюю пѣснь о чудѣ.

Объединеніе св. Елисаветы съ Георгіемъ объясняется какъ согласіемъ ихъ символическаго атрибута — змѣя, такъ и совмѣстностью ихъ празднованія. Въ первомъ отношеніи св. Маргарита-Марина отвѣчала тѣмъ-же условіямъ объединенія; су-

¹⁾ AASS. April. III подъ 24-имъ апрѣля, f. 275.

²⁾ Полный мѣсяцословъ востока II, ч. II, стр. 116, подъ 24 апр.

³⁾ Болландисты ограничиваются замѣткой: quae videtur Constantinopolitanum aliquod monasterium fuisse (т. е. palaestra virtutum).

⁴⁾ Martinof, l. c. подъ XXIV апрѣля. Въ той-же церкви память св. Георгія совершалась и 26 ноября, какъ въ Кіевѣ, въ память освященія кievской церкви св. Георгія на Золотныхъ Воротахъ въ 1087 г. (l. c. подъ 26 ноября). — Замѣтимъ, что Георгію праздновали 24-го апрѣля и въ Миланѣ, Павіи, Аквилѣ, Зальцбургѣ, Прагѣ, Гнѣзнѣ, Краковѣ и Аутобургѣ. Сл. Weidenbach, Calendarium p. 168; Grotefend, Handbuch der Chronologie p. 109.

ществовало-ли и второе, т. е. календарный синхронизмъ? Народная обрядность можетъ дать на это приблизительный отвѣтъ, раскрывая отношенія, проливающія нѣкоторый свѣтъ на развитіе георгіевскаго культа. Марину-Мargarиту мы встрѣтимъ въ цѣломъ рядѣ народныхъ воспоминаній; Елисавета въ нихъ не оказалась: свидѣтельство меньшей, сравнительно, древности ея народнаго чествованія.

1. Лѣтнее приуроченіе: Марія-Мargarита и Илья. Память св. Марины совершается 17 и 20 іюля¹⁾; къ послѣднему дню относятъ нѣкоторые старинные мартирологи и памятованіе свв. мучениковъ Георгія (не великомученика) и Феодора²⁾. Нельзя придавать значенія этому совпадению и лишь второстепенное слѣдующимъ извѣстіямъ о культѣ Чеченцевъ: 5-го іюля Кистины собираются на гору Матхохъ, на вершинѣ которой находятся три памятника, обращенные фасадами на востокъ и называемые у туземцевъ церквями. Въ одномъ изъ нихъ они совершаютъ празднество въ честь св. Георгія, въ другомъ въ честь Божьей Матери, а въ третьемъ св. Маринѣ³⁾. — Подобное сопоставленіе: Маріи, Марины и Георгія уже встрѣтилось намъ въ сванетской иконописи; Марина — имя той поклонницы святого, съ которой связано движеніе Георгіанцевъ.

Большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующіе факты.

20-го іюля церковь празднуетъ пророку Ильѣ. Въ славянскихъ, греческихъ и кавказскихъ вѣрованіяхъ онъ является громовникомъ. Молнію русскій народъ считаетъ за стрѣлу, кидаемую Ильей пророкомъ въ змѣя или дьявола, который старается укрыться отъ нея въ разныхъ животныхъ и гадахъ; на Ильинъ день волки и змѣи выходятъ изъ своихъ норъ, бродятъ по полямъ и лѣсамъ, жальятъ и терзаютъ домашнюю скотину, и только

¹⁾ Въ Чехіи её помнятъ 13-го іюля, но народное празднованіе ей подъ Прагой отбывалось, по замѣчанію Гануша, недѣлю спустя, т. е. 20 іюля, стало быть, въ Ильинъ день.

²⁾ Martinof, l. c. подъ 20 іюля.

³⁾ Дубровинъ, l. c. I, I, 385.

одинъ громъ въ состояніи разогнать ихъ. — Въ апокрифической бесѣдѣ Эпифанія съ Андреемъ (Юродивымъ) первый спрашиваетъ: «по праву-ли сіе глаголють, яко Илья пророкъ есть на колесницѣ ѣзда гремитъ, молнія пушаетъ по облакамъ и гонитъ змія? Святый-же рече: не буди то, чадо, ему тако быти, велико бо безуміе есть, еже слухомъ прѣимати»¹⁾. Представленіе демона-змія, поражаемаго Ильей, принадлежавшее уже средне-греческому суевѣрію, сохранилось и среди Сербовъ и Болгаръ: въ западной Болгаріи громъ приписывается Ильѣ, гонящему ламью, молнія — его копье; огонь, появляющійся въ воздухѣ отъ жаровъ — это змѣй, который отправляется къ любимой имъ дѣвушкѣ²⁾. — По повѣрью жителей Ріонской долины змѣи, представители зла на землѣ, бываютъ трехъ родовъ: красные, черные и крылатые; они стерегутъ зарытыя въ землю сокровища и пожираютъ каждаго, кто къ нимъ приближается. Съ ними могутъ сражаться лишь неустрашимые витязи, преимущественно святые, которые и побѣждаютъ ихъ. Такъ, по понятію туземцевъ, гроза есть ни что иное, какъ преслѣдованіе змѣя св. Георгіемъ на летящемъ конѣ; громъ — это звуки отъ его ударовъ, молнія — стрѣлы, которыми онъ поражаетъ врага³⁾. То-же представленіе о Георгіи въ связи съ явленіями грозы извѣстно и въ русскомъ суевѣрїи⁴⁾.

Такое сближеніе типовъ свв. Ильи и Георгія повело съ одной стороны къ совмѣстному ихъ празднованію, какъ напр. у

¹⁾ Πολίτης I. с. I стр. 22 — 24, цитуетъ отрывки бесѣды ἐκ τινος βυζαντινῆς χειρογράφου, не узнавъ ихъ принадлежности къ житію Андрея Юродиваго.

²⁾ Аѳанасъевъ, Поэт. воззрѣнія I, 419 слѣд.: Илья громовникъ и огненная Марія; сл. стр. 737 и II, 516 — 517; Каравеловъ I. с. подъ 20 іюля; Калининскій I. с. подъ 20 іюля.

³⁾ Дубровинъ I. с. I, II, стр. 234.

⁴⁾ Аѳанасъевъ I. с. I, 704; II, 517; Труды Этногр. стат. эксп. въ Западно-русской край. Юго-западн. отд. Матеріалы и т. д. собр. Чубинскимъ т. I, вып. 1, стр. 19, 21.

Абазиновъ, сливавшихъ день св. Георгія со днемъ св. Ильи въ одинъ праздникъ¹⁾; съ другой — къ слиянію ихъ въ одинъ образъ, совершившемуся, по всей вѣроятности, гораздо ранѣ XIV-го вѣка и не въ мусульманской средѣ. Я имѣю въ виду легендарнаго Хызра или Кидра мусульманскихъ сказаній, т. е. зеленого, котораго иные отождествляютъ съ Ильею; смѣшеніе съ послѣднимъ обличаетъ форма слитнаго имени для Хызра: Khidrellez. Уже въ XIV-мъ вѣкѣ, по свидѣтельству Іоанна Кантакузина, существовало дальнѣйшее уравниеніе: мусульмане, говоритъ онъ, чтутъ св. Георгія, котораго называютъ *Χετῆρ Ἠλλάς*, т. е. Кидромъ-Ильею, — Ильею зеленымъ, что напоминаетъ зеленого Юрія Словенцевъ. Едрелесь-Георгію празднуютъ въ Болгаріи цыгане-магометане²⁾.

Смѣшеніе Георгія съ Ильей (20 іюля) не объяснитъ-ли намъ имя Маріи въ чудѣ со змѣемъ? Въ Маріи сербскихъ и болгарскихъ пѣсень слѣдуетъ-ли видѣть народное приуроченіе Богородицы³⁾, или Маріи Магдалины (22 іюля), хранительницы молній по сербскому повѣрью, грозящей громомъ русскому крестьянину за непочтеніе къ ея празднику⁴⁾? И не возможно-ли допустить еще одинъ моментъ въ объясненіе образа и имени: Марину-Марію, которой праздновали 17 — 20 іюля? Эпитетъ «огненной» Маріи у сербовъ и болгаръ можно-бы объяснить изъ отраженія Ильи-громовника; замѣтимъ, во всякомъ случаѣ, что въ числѣ мученій св. Марины большую роль играетъ истязаніе огнемъ.

Сравненіе южнославянскихъ пѣсень о Георгіи — и Ильѣ и

¹⁾ Дубровинъ I. с. ib. стр. 25.

²⁾ Кирпичниковъ, I. с. стр. 98—100 и прим. 4 на стр. 98 (ссылка на Памятники Каравелова должна быть исправлена: чит. стр. 69) и 4-ое на стр. 100.

³⁾ Такъ поняты были эти отношенія въ моихъ Опытахъ, по исторіи развитія христіанской легенды: Берта, Анастасія и Пятница, Журн. Мин. Нар. Просв. 1877, Февр. стр. 189 слѣд.

⁴⁾ Калининскій I. с. подъ 22 іюля.

огненной Маріи укажетъ намъ на нѣкоторыя другія точки соприкосновенія.

Король отъ Трояна, Латинъ, язычникъ, велитъ троянскимъ христіанамъ разорить единого Бога и написать Бога серебрянаго. Въ наказаніе за это изсякли въ городѣ всѣ источники, кромѣ одного, въ которомъ поселилась стихійная змѣя. Её каждый день снабжаютъ живой пищей; король посылаетъ ей въ жертву младшую дочь — Марію, христіанку (съ прекрѣсти, богу съ помоли)¹⁾. Въ другомъ вариантѣ той-же пѣсни²⁾ всѣ троянскіе христіане представляются невѣрующими, и ихъ постигаетъ такое-же наказаніе; христіанкой является одна царская дочь:

Ела она, брате, вѣруваше
Господа Исуса Христоса.

Обреченная ламія, она ждетъ ея появленія изъ озера; на вопросъ св. Георгія, она клянеть своего отца, троянскаго царя:

Онъ к кадаръ, брате,
И сосъ нари друга да купе,
Таннъ да си пуще, и зорбалогъ та чинить,
Таннъ да не даде;
А ела нелл не вѣрува
Вистински госнода,
Язе си вѣрувамъ Исуса Христоса,
Мене таннъ ме пущи
На сура-га Ламіа.

Когда святой поразилъ чудовище, царь встрѣчаетъ его не съ радостью, а обвиняетъ въ волшебствѣ, и лишь угроза заставила его и народъ увѣровать въ истиннаго Бога.

Въ третьемъ вариантѣ болгарской пѣсни, сообщенномъ мнѣ г. Сырку (Запис. въ Радомиръ, въ западной Болгаріи) змѣй («недрага аждера») поселился у Трояна-града и каждый день губить по дѣвушкѣ. Дошла очередь до единственной дочери «Троянскаго краля»:

¹⁾ Братъя Миладниовци, Бѣлг. народ. пѣсни № 38.

²⁾ I. с. № 31.

Наквти я Бог' ме времени я,
 Като ка че у сватове да иде,
 Та я прати сама по друмове да иде.

На встрѣчу ей пресвятой Георгій; на его вопросъ она рассказываетъ ему объ ожидающей её участи:

У жалби ме лено наквти(х)а,
 Наквти(х)а свило времени(х)а,
 Испрати ме сама по друмове,
 Да ме глжта недрага аждера.

Георгій уговариваетъ её покреститься, она убеждаетъ его уйти, чтобы и ему не погибнуть. Между тѣмъ явился и змѣй, а Георгій еще разъ тихо уговариваетъ дѣвушку увѣровать въ его Бога:

А она се тогай покръстила.

Георгій поражаетъ змѣя, велитъ дѣвушкѣ связать его поясомъ (тавки потелици) и вести передъ нимъ (поведи я прѣдъ крилата коня. Сл. № 38 Милад.) Троянскій король и кралица встрѣчаютъ ихъ, сулятъ награду (въ № 38 Милад. король предлагаетъ Георгію руку дочери), но святой требуетъ только, чтобы король покрестился, иначе онъ напуститъ на нихъ чудовище. Царь и кметы вкрестятся.

Главное отличіе этого, пока не напечатаннаго, варианта пѣсни отъ предъидущихъ состоитъ въ отсутствіи религіозной розни, раздѣляющей отца и дочь уже въ началѣ разсказа. — Городъ Троянь является и въ сербскихъ пѣсняхъ о раздѣлѣ земли и природы между святыми, въ числѣ которыхъ главная роль предоставлена Маріи и Ильѣ. Первой достается Троянь:

Дадоме јој проклетог Тројана
 У коме се безакове ради,
 Да умрпн и закон постави.

Но она не можетъ направить грѣшниковъ на путь истины, жалуется на ихъ беззаконье и грозитъ карой:

Молиу се Богу истинноме
 Нека пусте од небеса муње,
 Нек обори граде и бедеме,
 Нек понали села и вароши.
 Не-би-ли се Тројан сјетовао ¹⁾.

Въ другихъ вариантахъ той-же пѣсни вмѣсто Трояна является Индія проклятая ²⁾, или просто проклятая земля ³⁾; въ болгарскихъ пѣсняхъ того-же содержанія «земя Легенска» ⁴⁾, «Паливянска» ⁵⁾ или «Каравлашка» ⁶⁾. Значеніе Легенской земли, города Ледьяна въ сербской (и болгарской) народной поэзіи выяснено было недавно Новаковичемъ ⁷⁾; какъ-бы ни разнообразилось названіе въ приведенныхъ выше пѣсняхъ, ясно, что разумѣется страна язычниковъ или невѣрующихъ христіанъ, и что «троемскіе христіане» пѣсенъ о св. Георгіи отвѣчаютъ «проклятому Трояну» пѣсенъ о дѣлѣжѣ. Въ первыхъ грѣшники наказаны тѣмъ, что у нихъ изсякли источники; въ послѣднихъ Илья затворяетъ семь небесъ, кладетъ печать на облака, такъ что на грѣшную землю не падаетъ ни дождей, ни росы; тамъ и здѣсь кара прекращается съ обращеніемъ невѣрныхъ, тамъ и здѣсь ихъ обличительницей является Марія. — Эти сравненія, выясняютъ, какъ мнѣ кажется, почву, на которой совершилось сближеніе мотивовъ «о дѣлѣжѣ земли» и о Георгіи въ одной (сводной?) сербской пѣснѣ у Петрановича (№ 1): святые дѣлятъ промежъ себя міръ, невѣрный городъ Троянъ достается Божьей Матери (Маріи); послѣ напрасныхъ усилій обратитъ жителей къ истинному Богу,

¹⁾ Петрановић, Срп. нар. пј. из Босни и Херцеговине № 1.

²⁾ Караџић, Срп. нар. пјесме II № 1.

³⁾ Ibid. II № 2.

⁴⁾ Младеновци, I. с. № 80.

⁵⁾ Ib. № 53; въ послѣднемъ стихѣ вм. Паливянской: «земя Палевянска».

⁶⁾ Верковичъ, Нар. песме Македон. Бугара, № 218.

⁷⁾ Ueber Legjangrad (Ledjan-Stadt) der serbischen Volkspoesie, въ Archiv f. slav. Philologie III p. 124 — 130.

она насылаетъ на нихъ змѣя, поселяющагося въ озерѣ и требующаго человѣческихъ жертвъ. Черезъ семь лѣтъ жертвенная очередь доходить до царевны и ея спасителемъ является Георгій.

Что подъ Маріей Ильинскаго повѣрья слѣдуетъ понимать Марію-Марину, на это указываютъ еще слѣдующія, объединяющія ихъ черты: какъ въ сербской жатвенной пѣснѣ являются «громовит Илија» и «огњена Марија», а по бѣлорусскому при словью Илья зажинаетъ жито, или: «св. Илья Божія жнея»¹⁾, — такъ въ чешскомъ на 13-ое іюля является св. Маргарита:

Svatá Markyta
Vodí žence do žita²⁾.

Связи Ильи съ небесной влаги извѣстны; онѣ даютъ содержаніе цѣлому ряду примѣтъ; нѣкоторыя изъ нихъ приурочены и къ Маринѣ-Маргаритѣ: «Если будетъ громъ въ день Ильи, то орѣхи будутъ пусты», говорятъ въ Болгаріи³⁾; коли на св. Маргариту дождь, то онъ будетъ лить всю недѣлю, говорятъ нѣмцы; «wenns St. Margreten regnet, werden die Nüsse faul»; «pršili na den sv. Markéty, bývaji liskové orěchi prázdné a červivé»⁴⁾. Эта болгарская, чешская и нѣмецкая примѣта перенесена у насъ на св. Макрину Каппадокійскую, сестру св. Василя Великаго, чествуемую 19 іюля; таково малорусское повѣрье: если на день св. Макрины будетъ дождь, вся осень будетъ дождлива и не будетъ орѣховъ⁵⁾. Макрина замѣнила, вѣроятно, Марину-Маргариту, засвидѣтельствованную западнымъ повѣрьемъ. Въ этомъ отношеніи интересно показаніе наніанскаго календаря X — XI вв., смѣшавшаго св. Макрину съ Мариной, поминаемой имъ подъ предъидущемъ днемъ⁶⁾. Фран-

1) Крачковскій, Бытъ западно-русскаго селянина стр. 149; Петрушевичъ, Обще-русскій дневникъ р. 62 — 3.

2) Erben, Prostonárodní české písně стр. 85.

3) Каравеловъ, I. с. стр. 241.

4) Haniš, Bajeslovní kalendař стр. 195.

5) Чубинскій I. с. Народный дневникъ стр. 223.

6) Martinof, I. с. подъ XIX іюля.

цуская поговорка, наоборотъ, перенесла примѣту, только измененную, на день св. Маріи Магдалины (22 іюля): *A la Madeleine — Les noix sont pleines.*

II. Весеннее приуроченіе: Марія-Маргарита-Марина (и Георгій?). Предположенное нами сближеніе Марины-Маргариты съ Георгіемъ-Ильей объясняютъ, быть можетъ, значеніе нѣкоторыхъ славяно-германскихъ весеннихъ обрядовъ, въ которые имя первой проникло — на основаніи-ли совершившагося сближенія, или вслѣдствіи одного изъ календарныхъ приуроченій Марины — мы не знаемъ. Встрѣтивъ имя *Graite, hillige, sūnte Graite*, т. е. св. Маргариты, въ одномъ нѣмецкомъ майскомъ заговорѣ на телятъ, *Woeste*¹⁾ обращаетъ её въ древне-нѣмецкую богиню земля и домашняго очага, *Griate* или *Graite*. «Какъ *Fría* (*Фрѡва*) нерѣдко замѣнялась Маріей, такъ св. Маргарита могла заступить мѣсто какой-нибудь другой нѣмецкой богини», говоритъ онъ; «что-же можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, общаго между святой, чествуемой 13-го іюля, — и первымъ маемъ и заговоромъ на коровъ и телятъ?» Вольфъ²⁾ отождествилъ Маргариту нѣмецкихъ повѣрій съ Гелой, Маннгардтъ³⁾ съ богиней судьбы, *Wurth*, и въ самомъ имени святой искалъ фонетическій образъ скрывшагося за нимъ туземнаго божества: *Markreiterin*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ славянскія повѣрья о Маргаритѣ не были приняты во вниманіе, а это могло-бы предупредить иныя, слишкомъ одностороннія обобщенія — въ смыслѣ той или другой народной мнѣологіи⁴⁾.

Существуетъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ пѣсенокъ, вѣрнѣе, заговорныхъ формулъ, въ которыхъ чередуются имена Маргариты и Маріи, и указаны какія-то ихъ отношенія къ дождю къ замы-

1) *Zeitschr. f. deutsche Mythologie*, II стр. 84 — 8.

2) *Wolf, Beiträge I*, 203.

3) *Mannhardt, Germanische Mythen* p. 382 слѣд.

4) Сообщая нѣмецкія повѣрья, относящіяся къ дождю, въ которыхъ чередуются имена Маргариты и Маріи Магдалины, *Mannhardt l. c.* стр. 146 прим. 2 не рѣшается сказать — славянскія-ли онѣ или нѣмецкія!

канію и отмыканію влаги. Въ одной ютской пѣснѣ Маргарита (Meta) представляется живущей на перелазѣ, она молить Господа, чтобы прекратился дождь — и дождь пересталъ, туманъ разсѣялся, засвѣтило солнце, корова побѣжала ¹⁾). Въ другомъ вариантѣ той-же пѣсни рядомъ съ Маргаритой (Meta) является и Malén, т. е., вѣроятно, Марія Магдалина ²⁾), какъ въ голыштинской — Марія:

bāwen sitt Margrēten,
lett dat water flēten,
ūnner sitt Maria и т. д. ³⁾),

Отношенія Маргариты къ дождю проходятъ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ примѣтъ и присловій ⁴⁾), какъ съ другой стороны въ голыштинскомъ и фарейскомъ заклинаніяхъ на дождь въ той-же роли является Марія ⁵⁾).

Чтобы точно опредѣлить мифологическое содержаніе этихъ формулъ, слѣдовало-бы знать, когда и по какому поводу онѣ поются. Я полагаю ихъ въ связи съ другой группой формулъ, на истолкованіе которой Маннгардтъ ⁶⁾ потратилъ не мало остроумія: въ ней являются три Маріи, три золотыя дѣвы и т. п., выглядывающія изъ дома, замка; одна изъ нихъ прядетъ шелкъ, другая вьетъ веревки, третья отмыкаетъ небо, выпускаетъ солнце, замыкаетъ дождь, — либо идетъ къ роднику, гдѣ находитъ ребенка. Одинъ символическій образъ могъ подставиться на смѣну другого; въ этомъ отношеніи можно согласиться съ Маннгардтомъ ⁷⁾), полагающимъ, что подробность о родникѣ и ребен-

¹⁾ *Zeitschr. f. deutsch. Mythologie* IV: Mannhardt, Nachträge und Berichtigungen zu den «Germanischen Mythen» стр. 431.

²⁾ Mannhardt, *Germ. Myth.* стр. 423 прим.; сл. выше прим. ¹⁾.

³⁾ Mannhardt l. c. стр. 381.

⁴⁾ l. c. стр. 382.

⁵⁾ l. c. стр. 375 — 6.

⁶⁾ l. c. стр. 524 слѣд.; 656 слѣд.; 703 — 708; сл. стр. 388 № с.

⁷⁾ l. c. стр. 537, 706 — 7.

къ принадлежитъ первичному преданію, а не привилось изъ другой пѣсни. Связующимъ мотивомъ являлось представленіе ключей, отмыкающихъ небо, землю для новаго роста, женскую утробу для новаго плода, какъ въ русскихъ наговорахъ при родахъ, гдѣ съ восточной стороны съ небесъ стоитъ серебряная лѣстница, а по ней ползетъ мать пресвятая Богородица съ золотыми ключами — отпирать мясной ларецъ и т. п.¹⁾ — Другая группа пѣсенокъ, которую Маннгардтъ также привлекъ къ сравненію, съ предыдущими, едва-ли сюда относится, хотя между тѣми и другими могли происходить внѣшнія смѣшенія: три сестры сидятъ въ саду, либо на деревѣ; одна изъ нихъ бросила камень въ другую, попала ей въ ногу, та заплакала; два варианта этого заклинанія (№№ 6 и 13), кончающіеся излѣченіемъ ноги, указываютъ на первоначальное значеніе цѣлаго и на отсутствіе видимой связи этой группы съ помянутой выше. — Одна, къ сожалѣнію, искаженная пѣсенка, записанная въ Бременѣ, начинается мотивомъ предыдущей группы: изъ дома выглядываютъ три дѣвицы (три Маріи?), мѣсяць свѣтитъ, кабанъ бросился на Маргариту (Metje), повредилъ ей ногу; Марія спускается по лѣстницѣ, на ней пестрое платье, увѣшанное колокольчиками; колокольчики зазвѣгли, Марія запѣла и т. д. Сл. русскій заговоръ руду унимать: Въ чистомъ полѣ на восточной сторонѣ стоитъ серебряная лѣстница, по серебряной лѣстницѣ идетъ Мать Пресвятая Богородица. . . . своими ризами рану затыкаетъ и т. д.²⁾ — и содержаніе одной французской «*formulette que chantent les enfants en jouant à la balançoire*»: A la pinte à l'huile! — D'où viens-tu, Marguerite? — Je viens du bois. — Quoi faire? — Faire un petit fagot. — Qu'a tu rencontré dans ton chemin? — Un petit marmouset. — Que t'a-t-il fait? — Il m'a mordu à la jambe. — Où est-il le sang? —

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, часть 2: Народная Словесность стр. 197—8; сл. № г.; Майковъ, Великорусскія заклинанія № 49.

²⁾ Ефименко l. c. стр. 212 № 67.

Au milieu des champs. — Les os? — Au milieu des bois¹⁾. Едва ли не безопаснѣе, въ виду возможности новыхъ откровеній народнаго обряда, отдѣлить другъ отъ друга двѣ группы заговорныхъ формулъ, изъ которыхъ послѣдняя представляется мнѣ заклинаніемъ отъ увѣчья или ушиба (съ именемъ Маргариты не случайнымъ?), другая, съ именемъ Маріи, указываетъ на образы замыканія и отмыканія влаги, съ которыми мы встрѣтимся вновь въ славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Чешскія пѣсни на «смертной недѣлѣ» (пятое воскресенье великаго поста) поминаютъ св. Маркиту = Маргариту:

A ty svatá Markyto
Dej nam pozor na žito²⁾

—
Svatey Petr voře
na zelený hoře,
Markyta mu pohoní,
utekla mu od koní;
on ji dostal u vrátek,
roztrhal jí kabátek.
Proč ty mně ho trhaš?
ty jsi mně ho nešil:
šila mně ho Barborka,
co vykouká z vokýnka³⁾.

Св. Петръ представляется въ другой весенней пѣснѣ того-же цикла гремящимъ: Svatý Petr hřimá⁴⁾. Не явился-ли онъ замѣной Ильи-громоулика (сл. сербск. Илья и огненная Марія), или

¹⁾ Mélusine, p. 319.

²⁾ Erben, Prostonárodní české písně p. 59 № 9 и варианты, съ которыми сл. пѣсенку на 13 июля, l. c. p. 85. Сл. Sušil, Moravské národní písně p. 769: Smrtolenko (сл. варианты) и 772' (Smrtná neděla dnes nám nastala).

³⁾ Erben l. c. стр. 59 № 11.

⁴⁾ Erben l. c. стр. 59, № 10: ze staršího rukopisu; въ новѣйшемъ переплѣтѣ: Svatej Petře z Říma!

вѣроятнѣе мнѣніе Гануша¹⁾, что образъ гремящаго Петра могъ возникнуть изъ символа ключей, которыми, по повѣрью, онъ замыкаетъ или отмыкаетъ небо²⁾? Въ сербско-болгарскихъ пѣсняхъ ключи отъ неба являются у Петра либо у Ильи; или Илья пускаетъ молнію и громъ, а св. Петръ кину³⁾. — Такъ или иначе, но образы ключа, замка, отпирания повторяются въ тѣхъ-же чешскихъ и моравскихъ весеннихъ пѣсняхъ, только при имени не Маркиты-Маргариты, а Марин и Моѣна'ы, Маѣна'ы:

O Maria! o Maria!
 kde's tak dlouho byla?
 U studýnky, u rubínky
 ruce jsem si myla,
 zámečkem, zámečkem
 jsem se zamykala,
 lístečkem, lístečkem
 jsem se odmykala⁴⁾.

¹⁾ Hanuš, Vaj. Kal. slov. str. 193; Аванасьевъ, Поэт. возр. II 401 — 404.

²⁾ См. нѣсколько дѣтскихъ пѣсенокъ у Mannhardta, Germ. Myth. p. 389 № γ и p. 390, прим. 3.

³⁾ Интересенъ образъ Петра-громовника въ одной южно-итальянской пѣснѣ (Basilicata), представляющей замѣчательное, нигдѣ болѣе не встрѣтившееся мнѣ сходство съ сербскими пѣснями вообще и пѣснями о недѣлѣ въ особенности (слич. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды: Берта, Анастасія и Пятница, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1877 г. Февр. p. 191): въ лѣсу стоитъ часовня, въ ней служить обѣдню самъ І. Христосъ, св. Петръ прислуживаетъ, слушаетъ св. Доменика (Vincenzo). Спрашиваетъ еѣ Петръ: что съ тобой мой Доменика, что ты всё плачешь? — Какъ мнѣ быть? Праздники стали теперь поведѣльниками, мѣсятъ хлѣбъ и бѣлье золать, брызги летятъ мнѣ въ лицо. — Успокойся моя Доменика, пусть ихъ дѣлаютъ, сдѣлаемъ и мы: побдемъ на синее небо, пустимъ громъ и бурю («пушти, Петре, кину изъ облака»), будетъ неурожай и голодь у тѣхъ, что работаютъ по праздникамъ. — Не дѣлай того, не надо, чтобы праведные плакались за грѣшниковъ (Casetti e Imbriani, Canti delle provincie meridionali II p. 186 — 7).

⁴⁾ Erben I. c. стр. 57 № 2 и вариантъ.

Вмѣсто Маріи чешскій вариантъ приведенной пѣсни, поющей на «смертной недѣлѣ», называется: Smrtonoško-Velkonoško, моравскіе: Smrtná neděla, Smrtničko, Lidíčko¹⁾. — Другая чешская пѣсня обращается къ Моřена'ѣ:

Mořena! Mořena!
kam jsi klíče děla?
Děla jsem je, děla
svatýmu Jiří,
aby nám otevřel
do ráje dveří;
děla jsem je, děla
svatýmu Jánu,
aby nám otevřel
do nebe bránu.
Svatey Jiří vstává,
zem odemykává,
aby tráva rostla,
travička zelená,
růžička červená,
fjala modrá²⁾.

Въ одной волынской пѣснѣ на Юрьевъ день Урай = св. Юрій просить ключа у матери:

Та подай, матко, ключа,
Одмікнути небо,
Випустити росу,
Дівочькую красу и т. д.,

какъ въ бѣлорусскомъ повѣрьѣ онъ является «божьимъ ключникомъ», отмыкающемъ землю золотыми ключами³⁾.

Въ моравскихъ пѣсняхъ и здѣсь та-же замѣна Моржены — «смертной недѣлей», Smrtolenko, smrtolo, передающей ключи

¹⁾ Sušil l. c. стр. 768 — 9 (сл. стр. 769, сверху, и варианты).

²⁾ Erben l. c. стр. 57, № 1.

³⁾ Чубинскій l. c. Народный дневникъ стр. 30 — 31. (Сл. Головацкій, Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, стр. 177 — 9, Галики №№ 1 и 2). Сл. бѣлорусскія юрьевскія пѣсни съ тѣми-же образами отмѣчания, ключа, у Кирпичникова l. c. р. 136 и прим. 5.

св. Юрію, либо «цвѣтной недѣлѣ» (Вербному воскресенью), отъ которой они переходятъ къ чистому понедѣльнику, великому четвергу и, далѣе, къ св. Юрію ¹⁾. — Одна изъ этихъ пѣсенъ сохранила имя Маѣна'ы, но далѣе развивается иначе:

Mařena, Mařena,
kde's kluče poděla?
Dala sem ich, dala
tej květněj neděli,
aby odmykala
ze země koření.
Mařena, Mařena,
pro kehos umřela?
Pro teho, pro teho
šohaja švarného ²⁾.

Такимъ-же вопросомъ:

Má milá Mařeno,
pro kohos' umřela?

начинается другая моравская пѣсня ³⁾, и Маѣна отвѣчаетъ: про тоho syněcka nekterého; на томъ полѣ ягнята, продолжаетъ далѣе пѣсня, черные, обгорѣлые, на той полянѣ овечки, бѣлыя, разбѣлыя. То не ягнята, а парни, то не овечки, а дѣвушки. — Иначе у Словаковъ:

Morena, Morena,
Za koho sy umriela?
Ne za nas, ne za nas,
Než za ty nevolně krišťány ⁴⁾.

¹⁾ Sušil l. c., стр. 768 — 9 (Smrtná neděla — Kams klče poděla?), 769 (Smrtolenko, smrtolo), 769 — 770 (Smrtná neděle) и варианты; стр. 772 (Smrtná neděla), 773 (Smrtná neděla). — Сл. «поведілокъ, господвіиш шп божіи ключникъ» въ шапопутскихъ молитвахъ у Драгоманова, Малорусс. народ. предан. и рассказы, стр. 36 — 9.

²⁾ Sušil l. c. p. 771 in fine: Mařena, Mařena; сл. ib. p. 769 in fine: Smrtná neděle, kdes klče dala? — Dala sem je dala květně neděli.

³⁾ Sušil, l. c. p. 771, въ началѣ.

⁴⁾ Tablyc, Poesyе. Wasow, 1806, I стр. IX (у Срезневскаго, Чешскія глоссы къ Mater Verborum, стр. 135).

Смерть Маѣна'ы относится къ довольно распространенному славянскому обряду: сожженію, потопленію и разрыванію Моржены, Маржены и т. п. Въ Хрудимскомъ краѣ, въ Чехіи, въ такъ называемую *Smrtnu nedeli*, дѣвушки одѣваютъ соломенное чучело въ женскую одежду и, взявши подъ руки или поднявши на жерди, выносятъ изъ деревни, а потомъ гдѣ-нибудь у воды или оврага раздѣвъ бросаютъ въ воду. Чучело носитъ названіе *Moĕna*, въ Моравіи *Maĕna*; обычай разнообразится такъ, что чучело либо бросается въ воду, либо сжигается, разрывается на части, забрасывается камнями, или зарывается. У Словаковъ имя Маржены является въ формахъ: *Mogena*, *Muriena*, *Mamugiena*; у древнихъ Поляковъ: *Marzanna*, по свидѣтельству Длугоша, сообщившаго намъ подробности и о соотвѣтствующемъ обрядѣ: изображенія (чучелы, *simulachra*) «*Dzievanne et Marzanna*» поднимались на жерди и повергались въ воду «*in dominica quadragesimae laetare*»¹⁾. — Въ Малороссіи Мареню называлось чучело изъ черноклёна, одѣтое въ женское платье, вокругъ котораго дѣвушки пѣли и плясали въ Семикъ (и на Купалу)²⁾; тамъ-же при встрѣчѣ весны носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены), одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ его на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ; пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями весну³⁾. Съ сжиганіемъ Мары можно сопоставить юрьевскій обычай Гуцуловъ и Подгорянъ — палить «Юрика»⁴⁾ — Въ соотвѣтствующихъ нѣмецкихъ обрядахъ кукла, красующаяся на майскомъ деревѣ и потомъ бросаемая въ воду, называется *Gretl*, т. е. Маргаритой; иногда этихъ фигуръ является двѣ, мужская и женская, *Hans* и *Gretl* — и тѣ-же названія даются въ Австріи чучеламъ, прикрѣпленнымъ на жерди, которая

1) Срезневскій, I. с. стр. 133 — 136; сл. примѣчанія въ пѣснямъ Эрбена и Сушила.

2) Снегиревъ, Русскіе простонародные праздники I, 170 и III, 11.

3) Аванасьевъ, Поэт. возр. III, 696 (источникъ не указанъ).

4) Кирпичниковъ I. с. р. 139.

водружается средь костра и сжигается на Ивановъ день, при чемъ парни и дѣвушки скачутъ поварно черезъ огонь¹⁾. — Съ Hans и Gretl нѣмецкаго майскаго обряда я могъ-бы сопоставить упоминаніе св. Яна въ чешскихъ весеннихъ пѣсняхъ о Морженѣ; съ тѣми-же именами австрійскаго обычая на Иванову ночь — Ивана да Марью русскаго повѣрья, Купалу (т. е. Ивана Купалу) и Марену малорусскаго купальскаго обихода. Марья и Gretl — Маргарита связываются въ одно — посредствующей формой имени: Маргариты-Марины (-Мараны), къ которой восходятъ, быть можетъ, и Марена²⁾, Mařena, Maržana, Mořena и т. п. — Вспомнимъ, кстати, что чествованіе св. Марины 18-го іюня отмѣчено уже у Рабана и Ноткера.

Рядомъ съ указанными нами отношеніями Марины-Маргариты къ небесной влагѣ, къ ея замыканію или отмыканію, развивается другая ея роль въ народныхъ повѣрьяхъ, предусмотрѣнная въ заключительной молитвѣ ея апокрифическаго житія. Если иногда она замѣнила Діану³⁾, то съ другой стороны преобладаетъ представленіе о ней, какъ о покровительницѣ женской плодности и помощницѣ при родахъ. Таковою является и въ средневѣковомъ и въ современномъ народномъ вѣрованіи Богородица⁴⁾; но рядомъ съ ней на западѣ св. Маргарита⁵⁾, въ Греціи (напр. въ Аѣнахъ) Марина. Какъ въ Сициліи надъ родильницей причитаютъ:

¹⁾ Mannhardt, Wald- und Feldkulte I p. 429; 464.

²⁾ У Снегирева I с. IV стр. 47 и 50 (также у Сахарова) я нашелъ форму: Марина.

³⁾ Wolf, Beiträge zur deutschen Mythologie I, 188: Wagenseil о нюрнбергскомъ храмѣ Діаны, который «pro Diana sanctae Margarethae sacrum esse voluit posteritas». Сл. у Длугоша: Dziawanna et Marzanna.

⁴⁾ Сл. мон Олмы по исторіи развитія христіанской легенды: Свѣтъ Богородицы и сводныя редакціи эпистоли, въ Журн. Мнн. Нар. Пр. 1876, Апрель, стр. 345 и прим.

⁵⁾ Сл. Von der Hagen, Grundriss, p. 279; Haupt's Zs. I, 144, 187 слѣд.; Wolf, Beiträge I, 103; Vogt, Ueber die Margaretenlegenden, I. с. 263, 266 — 7, 276 и ин. др.

Santa Margarita, libbra e sbrogghia
 Chist' animuzza ccu' n' autra dogghia п т. д. ¹⁾,

такъ аѳинскія дѣвушки молятъ св. Марину о дарованіи жениховъ, женщины о легкихъ родахъ и о прекращеніи безплодія; неплодныя спускаются ползкомъ со скалы, находящейся возлѣ ея церкви въ Аѳинахъ; въ церковь приносятъ и больныхъ ребятъ, по окончаніи службы снимаютъ съ нихъ одежду, въ которой они присутствовали на литургіи, и одѣваютъ новую: это помогаетъ ²⁾. Въ одной кипрской колыбельной пѣсенкѣ св. Марину призываютъ уложить ребенка, а св. Софію его убаюкать и прогулять: пусть увидитъ, какъ цвѣтутъ деревья, услышитъ, какъ поютъ птички ³⁾. Другая пѣсенка обращается съ такой-же молитвой къ Ἀγία Μαρία καὶ Κυρά (м. б. κυρία = Марія?) ⁴⁾ — Русскіе заговоры при родахъ призываютъ главнымъ образомъ Богородицу, при чемъ знаменательнымъ является образъ ключей, отмыканія, — но въ причтаніи отъ бессонницы младенца несомнѣнно всплываетъ, хотя и въ искаженномъ формахъ, имя Марины: «подъ восточной стороною ходитъ матушка утренняя заря Марія, вечерняя заря Маремьяна»; либо: заря Дарья, заря Марья, заря Катерина, заря Маремьяна (т. е. вѣроятно: Марина); либо: Ариды, Марида и Макариды. Слѣдуетъ полагать, что эпитетъ «заря» ни что иное, какъ народное приуроченіе какого-нибудь другого, можетъ быть, ненароднаго и полуповятаго (κυρά?); перенесеніе именъ Маріи, Маремьяны въ другія заговорныя формулы повятно и принадлежитъ къ обычнымъ явленіямъ этой литературы: Сл. «зарю вечернюю Дарью, утреннюю Марею, полувочную Макариду» въ заговорѣ отъ (неопредѣленной ближе) не-

¹⁾ Pitre, Usi natalizii, nuziali e funebri del popolo siciliano (1879) p. 22.

²⁾ А. Mommsen, Athenae christianae, p. 52 и прим. О св. Маріи, какъ изгоняющей демоновъ въ повѣрьяхъ Закинѳа см. Schmidt, Volksleben p. 38 и 80; см. ib. p. 62.

³⁾ Passow, Popularia carmina, № 282.

⁴⁾ Σακελλάριος, Τὰ Κυριακά III p. 121 — 122.

мочи; «утренню зарю Марію, вечернюю Маремьяну» съ камнемъ златыремъ и Егоріемъ храбрымъ въ заклѣтіи отъ ногтя; «утреннюю зарю Марею, вечернюю Маремьяну» въ заговорѣ отъ жабы; «четыре зорницы, четыре сестрицы: первая Марія, вторая Марфа, третія Марина, четвертая Макрида» въ наговорѣ, чтобъ «присушить дѣвокъ»¹⁾.

Иное смѣшеніе обнаруживаютъ нѣкоторыя русскія заклинанія, въ которыхъ имена святыхъ покровительницъ противъ змѣй перенесены на нихъ самихъ и являются: змѣя Марѣя (: а другая Наталея); Марья, Марина и Катерина; Ирина и Катерина²⁾. — Имена Маріи-Марины понятны въ этой связи; Ирина, Негина или Катерина — имя святой, дочери Ликинія, называвшейся въ миру Целелопой; въ ея апокрифическомъ житіи не разъ говорится о поправіи ею змѣя, иносказательно и реально: «ты бо возможе попраши змію, юже пріа ева въ свѣтъ»; ея спускаютъ въ змінный ровъ: «всаже зміа стѣнахъ прилепше оумроша»; «зміа во рвѣ оумртви, водоу оустави». ³⁾ — Святая этого имени, надревле чтившаяся въ Константинополѣ, была, какъ полагаютъ, мученица Фракійская, хотя ни географическія, ни личныя имена ея житія не укладываются, безъ натяжки, въ это опредѣленіе. Несомнѣнна, во всякомъ случаѣ, ея популярность на юговосточныхъ окраинахъ Европы: на это указываетъ и генеалогія сербскихъ лѣтописей, дѣлающихъ жупана Неманю потомкомъ Ликинія, отца св. Ирины, — и новая локалізація святой въ Лессе,

¹⁾ Майковъ, Великорусскія заклинанія №№ 56, 57, 102, 194, 236; сл. Рыби. Пѣсни IV, р. 262: отъ зубной боли и щипоты и отъ грижи; Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи. Часть II. Народная словесность (Москва 1878) стр. 141, № 7; стр. 141 — 2, № 10; стр. 199, № 7.

²⁾ Другія имена змѣй: царица Елица, сударыня Хевра и др. Сл. Майковъ I. с. №№ 174 — 176, 179, 182; Драгомановъ, Малор. нар. предавія и повѣрья стр. 23 — 30: отъ гадыки; Чубинскій, Матеріалы и т. д. I, I, стр. 121 слѣд.

³⁾ Тихомировъ, Пам. отр. русск. лит. II стр. 146 — 163.

въ Terra d'Otranto ¹⁾). Последнюю слѣдуетъ, быть можетъ, поставить въ связи съ греческими колоніями VI — X вв., съ вліяніемъ греческихъ монастырей и калугеровъ, обновившихъ здѣсь и память о св. Георгіи и его чудесахъ: чудо святого о пропавшемъ быкѣ, другое — объ исцѣленіи быка, чѣмъ объясняли древній обычай: на 23-е апрѣля пригонять скотъ къ монастырю въ Corigliano для благословенія его монахами; обычай, давшій поводъ къ установленію ярмарки, перенесенной впоследствии въ самый Corigliano, съ уничтоженіемъ греческихъ обитателей ²⁾).

«Змѣя Марина» русскаго заговора является продуктомъ перенесенія: Марина, побѣждающая змѣя (легенда) понята была, какъ властвующая надъ нимъ; оттого её призываютъ противъ змѣй: отсюда «змѣя Марина» заговора. Далѣе она могла явиться въ новомъ примѣненіи, какъ вѣдающаяся съ змѣемъ, если не предположить въ данномъ случаѣ простое перенесеніе уже осмысленнаго имени на готовый типъ: я разумѣю Марину въ былинахъ о Добрынѣ.

Предложенное здѣсь толкованіе нѣкоторыхъ мифическихъ подробностей народно-славянскаго обряда значительно расходится съ обычной ихъ экзегезой. Не затрагивая ихъ возможныхъ основъ, заложенныхъ въ языческомъ міросозерцаніи, оно выяснитъ, мнѣ кажется, общую идею, руководившую мною въ моихъ послѣднихъ работахъ: что исторія народнаго суевѣрія въ Европѣ не мыслима безъ углубленія въ христіанскіе источники, отчасти опредѣлившіе его матеріалъ ³⁾. Трудность вопроса заключается

¹⁾ Подобное перенесеніе замѣчено было Болландистами относительно житія св. Христинъ, вѣроятно, восточной святой, приуроченной къ Италіи (сл. AASS. подъ 24 Іюля). Обратимъ кстати вниманіи на сходство житій свв. Ирины и Христинъ, въ ихъ первой частп.

²⁾ Morosi, Studi sui dialetti greci della Terra d'Otranto p. 208 — 9 прим. 3 на стр. 208.

³⁾ Христіанскіе элементы въ *Völuspá* давно были указаны; сближеніе *Völva*'мъ съ Сивиллой, намѣченное Vigfusson'омъ, уже давно навело меня на мысль — поискать источниковъ сѣверной пѣсни въ Сивилли-

въ томъ, что эти источники должны быть еще предварительно раскрыты въ самомъ матеріалѣ народнаго обычая и повѣрья, что они восходятъ къ двоевѣрной христіанской порѣ, сохранившейся лишь въ народной памяти и не попавшей въ записи житій и чудесъ, при чемъ элементъ язычества въ этомъ двоевѣрїи могъ быть и не туземнымъ-европейскимъ. — Можно сказать вообще, что мотивы народнаго обряда, на сколько онъ обусловленъ христіанскимъ содержаніемъ, всегда древнѣе мотивовъ соотвѣтствующихъ духовныхъ пѣсенъ, въ которыхъ легче услѣдить связи съ опредѣленными текстами легенды, апокрифа, съ древнимъ пѣсеннымъ преданіемъ, — хотя и его нерѣдко приходится возстановлять изъ намековъ и отголосковъ, отзывающихся съ разныхъ концовъ европейскаго литературнаго міра. — Опытъ такого возстановленія мы думаемъ предложить въ слѣдующей главѣ.

V.

Легенда о чудѣ св. Георгія съ змѣемъ наша богатое отраженіе въ литературѣ, искусствѣ, въ народной поэзіи запада¹⁾. Главнымъ источникомъ западной пѣсни и драмы послужила редакція житія и чуда, принадлежащая Якову de Voragine; на это указываетъ принятая имъ локализція чуда: въ Силене, въ Ливїи. Но помимо этихъ воспроизведеній существуютъ и другія, съ инымъ приуроченіемъ и особенностями, происхожденіе которыхъ пока не разслѣдовано. Иныя изъ этихъ отличій, не подтверждающія сохранившимися текстами чуда, можно объяснить произволомъ автора, забвеніемъ или искаженіемъ древняго преданія; другія должны быть объяснены иначе. Къ такимъ особымъ пересказамъ чуда св. Георгія слѣдуетъ отнести и тотъ нѣмецкій, о которомъ была рѣчь выше: Георгій приходитъ къ «праведному

ныхъ пророчествахъ. Недавно это сближеніе было сдѣлано Bang'омъ въ его: *Völuspa og de Sibyllinske orakler*. Christiania, 1879.

¹⁾ Нѣкоторыя относящіяся сюда указанія собраны г. Кирпичниковъ на стр. 54 — 57.

царю», въ Силене, въ Индію, которую мы встрѣтимъ и въ слѣдующемъ эпизодѣ пролога къ *Huon de Bordeaux*, указанномъ мною при другомъ случаѣ. — Вотъ его содержаніе¹⁾:

S. Iorge и Auberon — близнецы, дѣти Юлія Цесаря и Морганы (*Morgue, Morguain*); оба они посвящены въ рыцари въ одинъ и тотъ-же день; впоследствии Георгію достается изъ отцовскаго наслѣдія — Индія и Романія, Оберону — *Honguerie, Osterrice* и *Monmur*. — Когда Иродъ воздвигъ гоненіе на младенцевъ,

v. 1822. En cel tans ier(t) Gorges en Inde ales;
Anchois qu'il fust a Romme retournes
En Perse ala, u mult fu honores
Du roi persant qui sousdans ert clames
De Babilone et en ert couronnes.

Li rois persans Gorge moult honora.
Une fille ot que Iorges enama
Pour la biaute que en li esgarda.
Con plus le vit amours plus l'embrasa;
Par biau parler la pucelle acointa;
Tant fist et dist qu'ele li otria
L'amour de li.

О соперникѣ (какъ далѣе въ англійскомъ романѣ и французской легендѣ) нѣтъ рѣчи. — Вскорѣ дѣвушка почувствовала, что она станетъ матерью, и со слезами рассказываетъ о томъ Георгію; онъ обѣщаетъ увезти еѣ въ Римъ и тамъ жениться на ней. Ночью онъ увозитъ еѣ тайкомъ изъ Вавилона.

v. 1852. Tout seul s'en uont, fortune les mena
En .I. haut tertre c'on mont Noiron nomma.

На вершинѣ горы находился источникъ; путники чувствуютъ жажду:

¹⁾ Graf, *I complementi della chanson d'Huon de Bordeaux*, testi francesi inediti, tratti da un codice della biblioteca nazionale di Torino. I. Auberon (Halle, 1878).

v. 1863. Gorges tout droit a la fontaine ala,
 La descendi, s'amie desmonta,
 Auoecques li illuec se repoza:
 Folie fist, trop s'i asseūra.
 Il s'endormi, la bele le garda;
 Vit .I. serpent uenir, qui manoit la:
 Grant paour ot, son ami esuilla,
 Le grant serpent qui uenoit li moustra:
 Gorges tantost en estant se leua,
 Le serpent uit qui uers lui s'adrecha,
 Qui fu et flame par sa goule ieta.

Георгій бьется съ змѣемъ, котораго поражаетъ, но самъ сильно раненъ; когда красавица стала перевязывать его раны, она упала въ обморокъ; затѣмъ, прійдя въ себя, начала сѣтовать, потому что настали муки родовъ. По ея просьбѣ Георгій удаляется въ сторону и начинаетъ молиться. Его молитва была услышана: въ то самое время пришла на Mont Noiron Богородица и св. Иосифъ съ божественнымъ младенцемъ, удалявшіеся отъ гоненія Ирода. Богородица слышитъ вопли женщины:

v. 1924. A li ala, telement li aida
 Qu'ele tantost d'un bel fil deliura.
 La uierge prist l'enfant, bien l'atourna.
 Quant ot ce fait sa mere le liura;
 Puis prist Ihesu, en l'iauve le bouta.
 Quant baigniet l'ot, Gorge lues apella
 Et si li dist tant qu'il se despoulla
 Et dedens l'iane par son commant entra.
 Lors fu plus sains que poissons qui noa.
 Dont se uesti et puis s'agenoulla
 Deuant Ihesu et de cuer l'aoura.
 Car il sot bien de uoir qu'il le sana
 Et que s'amie de son mal alega.
 Puis le serui de cuer, si gaaigna.
 Car Ihesucris s'ame saintefia
 Et le sien cors de tous perix ieta.

Оправившись отъ ранъ Георгій ѣдетъ искать пищи, встрѣчаетъ разбойниковъ, которые не только отказываютъ ему въ ней,

но и хотять отнять у него коня. Георгій побиваетъ ихъ, только трое убѣжали на mont Noiron, гдѣ находятъ спящими жену Георгія съ сыномъ и святое семейство. Одинъ изъ нихъ обрѣзалъ у св. Іосифа бороду, другой унесъ его посохъ, третій похитилъ сына Георгія. Георгій возвращался назадъ, навьючивъ припасами четырехъ лошадей, когда встрѣтилъ хищниковъ, у которыхъ отнимаетъ сына и добычу; борода Іосифа, приставленная къ его лицу, чудесно прирастаетъ. — А Георгій отправляется далѣе съ женою и сыномъ; въ Римѣ совершена свадьба:

v. 2079. D'Inde maiour fu la dame douee,
Gorges fu rois et elle couronnee.

По смерти Юлія Цесаря онъ становится римскимъ императоромъ:

v. 2105. Corones fu Iorges li adures;
Moult fu preudons, aumosnes fist asses,
Par quoy il est en paradis sauues.

Сообщенный нами эпизодъ можетъ служить образчикомъ свѣтской обстановки, въ какой явятся намъ не разъ сюжеты духовной легенды; поэма пошла въ этомъ отношеніи далѣе Рейнбота. Забыта благочестивая мысль чуда со змѣемъ и замѣнена мотивомъ увоза, что дало совершенно иное мѣсто борьбѣ съ чудовищемъ. Такъ въ греческихъ пѣсняхъ (отвѣчающихъ сходному эпизоду древней поэмы) о Дигенисѣ Акритѣ — онъ увозитъ свою жену, отдыхаетъ съ нею у источника и также вынужденъ биться съ дракономъ. Измѣнились-ли основныя очертанія легенды подъ вліяніемъ какого-нибудь подобнаго романическаго разсказа, какъ распространились заимствованіями изъ матеріала апокрифовъ? Оттуда взято врачевное дѣйствіе воды, въ которую погружено было тѣло младенца Іисуса¹⁾; встрѣча св. семейства, во время

¹⁾ Сл. исцѣленіе Георгія послѣ битвы съ змѣемъ въ мусульманской легендѣ о «Chederles, délivrant une jeune fille exposée à la fureur d'un dragon, et se sauvant après avoir bu les eaux d'un fleuve qui l'ont rendu immortel». (Сл. Maury, Essai sur les légendes pieuses, p. 145, прим. 4)

бѣгства въ Египеть, съ разбойниками; изъ матеріала древняго, знакомаго намъ повѣрья — представленіе Богородицы помощницей при родахъ.

Содержаніе сообщеннаго нами отрывка изъ туринскаго *Non de Bordeaux* повторено въ одной старо-французской поэмі о Богородицѣ и Спасителѣ, указанной Graf'омъ¹⁾, съ той новой подробностью, что дѣвушка, ставшая потомъ женою Георгія,

De Babylone ert couronnee,
L'amustans l'auoit demandee,
Mais onques n'en eut ses delis:
Or l'en amaine ses amis.
Che fu St. Iorges li dansiaus.

На сцену выводится соперникъ Георгія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выясняются, какъ древнія — нѣкоторыя черты старо-англійскаго романа, принадлежащаго перу Ричарда Джонсона, жившаго при Елисаветѣ и Іаковѣ I-мъ. Я разумѣю: *The renowned history of the seven champions of Christendom*²⁾. Идея — тѣснѣе связать между собою замысломъ общаго подвига нѣкоторыхъ изъ любимыхъ святыхъ ратующаго христіанства — не новая; вспомнимъ соединеніе именъ: свв. Георгія, Феодора и Димитрія; у Джонсона св. Георгій англійскій также является во главѣ христіанскихъ ратоборцевъ, но ихъ имена другія: это — св. Діонисій французскій, св. Іаковъ Испанскій, св. Антоній Итальянскій, св. Андрей Шотландскій, св. Патрикъ Ирландскій и св. Давидъ Уэльскій. Эпитеты заимствованы отъ странъ, особымъ покровителемъ которыхъ считается тотъ либо другой святой. Это опредѣляетъ точку зрѣнія автора и нѣкоторые приемы его пересказа: Георгій не только называется постоянно «англійскимъ», но и родится

Разумѣется, быть можетъ источникъ безсмертія, охраняемый Хизромъ (объ отношеніи его къ Едрелесу см. выше стр. 87).

¹⁾ I. c. Prefazione p. XVI.

²⁾ Я пользовался для слѣдующихъ сообщеній экземпляромъ книги (London, T. Davison, Whitefriars, 1824), любезно доставленнымъ мнѣ др. Рейнгольдомъ Кёлеромъ.

въ Coventry; чудныя знаменія, съ которыми онъ является на свѣтъ, поняты какъ намѣки на георгіевскую эмблему ордена Подвязки. — Извѣстно, что оксфордскій соборъ 1212 года возвелъ день св. Георгія въ праздникъ, обязательный для всей Англіи, гдѣ St. Georges или Spardragon долгое время былъ любимымъ типомъ рождественскихъ и майскихъ празднествъ.

Собственно легендарной основы въ разсказахъ о Семи подвижникахъ Христіанства осталось весьма мало; вліяніе романовъ её преобразило: угодники очутились рыцарями, идея христіанскаго подвига постоянно забывается за эпизодами чисто-свѣтскаго содержанія и увлеченіями сердца. Въ особенности на обработкѣ легенды о Георгіи сказалось вліяніе такого популярнаго романа, какъ Sir Bewis (Beuves d'Hanstone, Nuovo d'Antona) и друг. Но за этимъ литературнымъ наслоеніемъ не трудно угадать содержаніе болѣе древнихъ источниковъ, старую пѣснь о Георгіи, тождественную въ нѣкоторыхъ чертахъ съ тѣмъ, что разсказываютъ о немъ указаные выше старофранцузскіе тексты.

Изъ трехъ частей, на которыя распадается The Seven Champions, лишь двѣ первыя могутъ быть приписаны самому Джонсону; но уже во второй Георгій является эпизодически, и главная роль принадлежитъ его сыновьямъ. Слѣдующія далѣе извлеченія сдѣланы изъ первой части; я начинаю съ разсказа о чудѣ съ змѣемъ (ch. III). Георгій отправляется на подвигъ; въ Египтѣ пустынный разсказываетъ ему объ опустошеніяхъ, которыя производитъ въ странѣ ядовитый драконъ: каждый день ему приносятъ въ жертву по дѣвственницѣ; теперь во всемъ Египтѣ осталась одна дѣвушка, дочь царя Птолемея (Ptolemy), по имени Сабра (Sabra): завтра её поведутъ на пожраніе чудовищу; кто побѣдитъ его, тому обѣщана рука царевны.

Руководимый отшельникомъ Георгій направляется по долинѣ, куда должны были привести царскую дочь, встрѣчаетъ печальное шествіе; красавица Сабра одѣта вся въ бѣлое. Георгій проситъ её возвратиться домой и обѣщаетъ постоять за неё. Слѣдуетъ подробное описаніе его битвы съ дракономъ, послѣ чего

онъ идетъ ко двору, гдѣ всё ликуетъ по случаю его побѣды. Георгій и Сабра влюбились другъ въ друга.

Между тѣмъ руки царевны долго и напрасно добивался король Марокко, Almidog. Уже ранѣе того, опечаленный рѣшеніемъ Птолемея — отдать руку дочери побѣдителю дракона, — онъ рѣшился отдѣлаться отъ Георгія, поставивъ засаду на его пути съ поля битвы. Когда эта мѣра не достигла цѣли, онъ подаетъ Георгію чашу греческаго вина, насыщеннаго ядомъ; но алмазь, подаренный Георгію Саброй, потускнѣлъ, предупреждая объ опасности, и козни Альмидора снова оказались безуспѣшными (сл. эпизодъ съ Аванасіемъ въ житіи св. Георгія). Тогда онъ передаетъ Птолемею разговоръ влюбленныхъ, подслышанный имъ въ саду: будто Сабра поклялась Георгію оставить ради него и отца и вѣру отцевъ. Разгнѣванный царь посылаетъ ненавистнаго ему христіанскаго витязя съ письмомъ къ персидскому султану (= Дадьянъ?), въ которомъ проситъ его, во имя родства и дружбы, умертвить посланнаго. Георгій отправляется съ посланіемъ, содержаніе котораго не подозреваетъ; при вѣздѣ въ столицу султана встрѣчаетъ священную процессію, устроенную въ честь лжепророка Магомета, нападаетъ на неё, срываетъ значки и знамена и топчетъ ихъ ногами. Онъ посаженъ въ темницу, изъ которой освобождается лишь по прошествіи семи лѣтъ. — Изъ его приключеній на обратномъ пути упомянемъ лишь эпизодъ въ очарованномъ саду волшебника Ормандина (ср. X): Георгій вытаскиваетъ безъ усилій мечъ, засаженный въ скалъ, и такимъ образомъ освобождаетъ отъ семилѣтняго усыпленія одного изъ своихъ христіанскихъ сподвижниковъ, св. Давида, прежде него покусившагося на этотъ подвигъ.

Между тѣмъ Сабра вынуждена была отцемъ выйти за нелюбимаго ей Альмидора, но въ теченіи семи лѣтъ успѣла сохранить свою дѣвственность при помощи золотой цѣпи, семь дней вымоченной въ крови тигра, семь ночей — въ молокѣ дракона, и семь разъ обверченной вокругъ шеи (ср. III). — Георгій является въ одеждѣ паломника, которую вымѣнялъ на свои дорогіе доспѣхи,

открывается Сабрѣ и увозитъ её тайкомъ. — Всѣ это положеніе, какъ и многія изъ предъидущихъ и послѣдующихъ, разработаны чертами, перенесенными изъ *Sir Bewis*.

По дорогѣ Сабра почувствовала голодъ и попросила остановиться на отдыхъ въ дремучемъ лѣсу. Пока Георгій отправился охотиться за дичью, два голодныхъ льва напали на эвнуха, сопровождавшаго путниковъ, разорвали его и его коня и улеглись спокойно, положивъ головы на колѣна трепетавшей Сабры. Георгій, до тѣхъ поръ сомнѣвавшійся въ ея дѣвственности, усмотрѣлъ въ этомъ чудѣ опроверженіе своихъ сомнѣній. — Средневѣковые физиологи не говорятъ ничего о какихъ-бы то ни было отношеніяхъ льва — къ дѣвственности; обыкновенно въ роли ея показателя является баснословный инорогъ. Эпизодъ со львами перенесенъ, очевидно, изъ романа о *Sir Bewis*, но представляется вѣроятнымъ, что онъ явился замѣной болѣе древняго, указаннаго приведенными выше старофранцузскими легендами о Георгіи: боя съ дракономъ, который авторъ не захотѣлъ повторить, такъ какъ предпослалъ эпизодъ о чудѣ съ змѣемъ всему послѣдующему разсказу.

Изъ него я выбираю лишь нѣсколько подробностей, примыкающихъ къ сообщеннымъ выше. Дѣло идетъ объ отместкѣ Георгія: Альмидоръ казненъ (ch. XIV), Птоломей, отецъ Сабры, принужденъ смириться передъ побѣдителемъ (ch. XV); побѣжденъ и персидскій султанъ (ch. XIX). Въ Персіи, въ дикомъ лѣсу, Сабра почувствовала приближеніе родовъ; она проситъ Георгія отойти въ сторону: «forsake my presence for a time, and let me, like the noble queen of France, obtain the favour of some fairy to be my midwife, that my babe may be as happily born in this wilderness, as was her valiant sons, Valentine and Orson, the one of them was cherished by a king, and the other by a bear, yet both of them grew famous in their deeds». Исторія Валентина и Орсона кстаті припомнилась автору, потому что по ея типу онъ разработалъ нѣкоторыя части ближайшаго разсказа: сыновья Георгія похищены, по рожденіи, львицей, тигрицей и

волчицей — но тотчасъ-же найдены отцомъ. (Сл. во франц. поэмѣ эпизодъ съ разбойниками). Въ остальномъ авторъ слѣдовалъ древней легендѣ о Георгіи, сходной съ упомянутымъ выше отрывкомъ изъ туринскаго *Huon de Bordeaux*: ему лично принадлежить лишь риторическое изложение и классическая перелицовка. Георгій, по просьбѣ жены, отошелъ въ сторону и молится; Сабра сътууетъ. «At last, her pitiful cries pierced down to the lowest vaults of direful Dis, where Proserpine sits crowned amongst her fairies, and so prevailed, that in all haste she ascended to work this lady's safe delivery, and to make her mother of three goodly boys; who no sooner arrived in Sabra's lodging, but she practised the duty of a midwife, eased the burden of her womb and safely brought her babes into the world (ch. XVII).

Изъ послѣдующихъ судебъ Георгія, рассказанныхъ во второй части книги Джонсона, упомянемъ другую его битву съ змѣемъ (ch. VIII) и его смерть отъ дракона (ch. XXIV).

Уже Percy, von der Hagen и за ними Graf указали, что англійская баллада, напечатанная въ собраніи перваго¹⁾, почерпнула свое содержаніе изъ романа Джонсона. Въ общемъ, это указаніе вѣроятно; баллада воспріяла изъ романа самые яркіе факты: бой съ змѣемъ, предательство Мароккискаго короля, заключеніе въ тюрьмѣ, месть Георгія и эпизодъ со львами — послѣ чего она направляла Георгія въ Англію, гдѣ

They many years of joy did see,
And led their lives at Coventry.

¹⁾ *Reliques of ancient english poetry etc. by Thomas Percy. (London 1845), series the third, book III, № II, p. 252 — 4.* Можетъ быть, эта баллада дала содержаніе и англійской святочной игрѣ, еще недавно обывавшейся въ Корнуэльсѣ. Дѣйствующія лица: Св. Георгій, родомъ изъ Британіи, Египетскій король, дочь котораго, прекрасную Сабру, св. Георгій спасъ отъ дракона; Драконъ, Турецкій рыцарь, исполнитъ Туринскъ, докторъ и *Father Christmas*. Сл. Sandys, *Christmas Carols*, p. 174 и *Édéléstand Du Mériel, Histoire de la Comédie, Période primitive* p. 428—431.

Но для первой своей половины (бой съ змѣемъ) баллада воспользовалась еще какимъ-нибудь другимъ изъ обычныхъ легендарныхъ пересказовъ чуда съ змѣемъ. Георгій приходитъ въ Египетъ, гдѣ дракона умилостивляли, принося ему въ жертву дѣвushекъ. Очередь доходить до дочери Птоломея, Сабры; отецъ готовъ пожертвовать собою за нее, но дочь не соглашается: кто знаетъ, говоритъ она, быть можетъ, эта напасть нпослана изъ-за меня! Опечаленная мать одѣваетъ её, какъ подобаешь дѣвственницѣ: въ бѣлыя одежды и съ цвѣтами на головѣ; выведенная на пожраніе змѣю, она плачетъ; въ это время пробѣзжаетъ св. Георгій. Битва происходитъ въ присутствіи дѣвushки, которая, увидѣвъ чудовище, просить Георгія удалиться и т. д.

Другая пѣснь о Георгіи, непосредственно предшествующая въ сборникѣ Перси, указанной нами ¹⁾, цѣлкомъ воспроизводитъ первую главу первой части книги Джонсона, разумѣется, выбирая изъ нея лишь существенное содержаніе. Содержаніе это — чудесное рожденіе Георгія. Вопросъ о возможныхъ источникахъ этого разсказа побуждаетъ меня сообщить его въ общихъ чертахъ.

Мать Георгія была бездѣтной въ теченіи 21-го года, когда ей приснился сонъ, что она зачала дракона, который будетъ причиною ея смерти. То-же сновидѣніе повторилось въ теченіи 30-ти ночей: будущая мать Георгія сообщаетъ о томъ мужу, который идетъ искать разгадки вѣщаго сна къ *Kalub, the wise lady of the woods*. Отвѣтъ подтвердилъ его худыя предзнаменованія: въ отсутствіе отца родился мальчикъ, но его пришлось вырѣзать изъ утробы матери, пожертвовавъ ея жизнью. Онъ родился съ чудными знаменіями: на груди образъ дракона, на правой рукѣ крестъ, цвѣта крови, на лѣвой ногѣ золотая повязка. Его назвали Георгіемъ и три кормилицы ходили за нимъ: одна кормила его грудью, другая убаюкивала, третья приготовляла пищу. Нѣсколько дней спустя по рожденіи, когда отецъ еще не успѣлъ вернуться домой, волшебница *Kalub* похищаетъ ребенка, летѣтъ и

¹⁾ I. c. № I, p. 249 — 52.

Сборникъ II Отд. II. А. II.

воспитываетъ его до 14-лѣтняго возраста (сл. Вивіану и Ланцелота), добываясь его любви, когда онъ стремится къ подвигамъ славы. Ему удается перехитрить ее ея-же чарами, заключивъ въ скалу, и освободить при этомъ случаѣ другихъ подвижниковъ христіанства, которые вмѣстѣ съ нимъ являются героями слѣдующаго за тѣмъ романа. Первый подвигъ Георгія, послѣ освобожденія, — битва съ египетскимъ змѣемъ.

Нѣкоторыя выдающіеся и нигдѣ болѣе не встрѣтившіеся мнѣ мотивы англійской баллады о рожденіи Георгія соединены въ румынской сказкѣ о Георгіи витязѣ¹⁾: долгая бездѣтность родителей, вѣщій сонъ матери, рожденіе отъ дракона, исчезновеніе мальчика, ожерелье, по которому онъ узнанъ впоследствии; бой съ чудовищемъ. Цѣльному развитію сказки помѣшало ея сліяніе съ сказочной схемой о «*hürnen Sigfried*»: сліяніе, внесшее цѣлый рядъ подробностей, живо напоминающихъ извѣстную нѣмецкую сагу. Въ концѣ легенда какъ-бы снова входитъ въ свое старое ложе: освобожденіе матери отъ разбойниковъ отвѣчаетъ, быть можетъ, прежнему освобожденію ея отъ чудовища; къ довершенію всего, атаманъ разбойниковъ обращенъ, въ наказаніе за свои злодѣянія, въ медвѣдя, и мать Георгія ведетъ его на цѣпи, какъ въ другихъ пѣсняхъ о чудѣ дѣвица, спасенная Георгіемъ, ведетъ дракона на своемъ поясѣ.

Императрицѣ, матери Георгія, видится во снѣ, что на неѣ

¹⁾ Она помѣщена въ *Columna lui Traian* за 1876 годъ, стр. 425 — 32: *George cel Viteaz* (сообщено Р. Ispirescu). Этими указаніемъ я обязанъ проф. Хиждеу. По его мнѣнію, выраженному мнѣ писменно, Георгій является и въ румынской пѣснѣ о *Herculean* (въ сборникѣ *Alexsandri, Poesii populare ale Românilor*, ed. II, Bucuresci, 1866, p. 14 — 16): она записана въ Банатѣ, въ окрестностяхъ Мехадіи и сосѣдствѣ съ древними термами Геркулеса: отсюда и названіе *Herculean*. Въ другихъ пѣсняхъ Георгій названъ увеличительнымъ отъ своего имени: *Iorgovan*. Сл. *Marienesscu, Poesia populară. Balade*. Viena. 1867, p. 9 — 22. Сообщеніемъ (сводной) баллады изъ сборника *Marienesscu* и обязанъ г. Сырку; я разберу еѣ далѣе.

набросился драконъ (balaugul)¹⁾. Дотогѣ бездѣтная, она зачала, и черезъ девять мѣсяцевъ родился ребенокъ; отецъ велить ему сдѣлать бусы изъ драгоцѣнныхъ камней, на которыхъ было написано имя новорожденнаго. Въ то время новорожденныхъ крестили въ колодезѣ у подошвы горы, гдѣ гнѣздились разбойники. Когда крестили Георгія, они напали на императорскую стражу, всѣхъ перебили, а императрицу взяли въ плѣнъ и посадили въ пещеру, на хлѣбъ и на воду. Ребенка она успѣла передъ тѣмъ бросить въ цвѣточный кустъ, гдѣ его пятаетъ своими сосцами коза одного пустынника. У него-то вырастаетъ мальчикъ Георгій. По смерти своего благодѣтеля онъ идетъ, куда глаза глядятъ, одѣтый въ лисьи шкуры; въ городѣ, куда онъ прибѣлъ, его ошеломляетъ непривычный шумъ толпы, которая ходитъ за нимъ, будто за медвѣдемъ. Сабли и палицы приглянулись ему у одного кузнеца; его приглашаютъ выбрать; онъ выбираетъ и хочетъ уйти: о платѣ и деньгахъ онъ не имѣетъ понятія, и за отказомъ кузнеца просится къ нему въ ученье: будетъ служить у него годъ изъ-за сабли и палицы. Ловкость онъ показывалъ непомѣрную и черезъ полгода работалъ какъ старый подмастерье, что возбудило зависть въ старшемъ. — Когда прошелъ годъ и еще другой, и Георгій потребовалъ себѣ, по условію, желѣза и углей, чтобы сдѣлать саблю и палицу по своему вкусу, старшій подмастерье отвѣчалъ, что желѣза хватить, а за углемъ пусть отправится въ черный лѣсъ (rādugea pégrā). Онъ посылалъ его на смерть: въ томъ лѣсу гнѣздилося чудовище, о скоріѣ, убивавшее всѣхъ²⁾. Георгій отправляется въ путь, захвативъ въ лавкѣ

¹⁾ Balaugul, сербск. блор, блаор; сл. Балачка - воеводу въ сербск. плѣнѣ о женьдѣ Душановой (Караѣѣ II № 29), треглаваго: изъ одной бѣеъ сплвее пламя, изъ другой холодный вѣтеръ.

²⁾ Скоріѣ замѣнила традиціоннаго змѣя, какъ въ малорусской сказкѣ объ Ивалѣ Богодавѣ (Сборн. Чубинскаго, Отд. I, № 64) вмѣсто него является Ракъ Вѣръ или Віра. Сл. въ нашихъ былинахъ Идола Скоропита и Тугарина Змѣевича, и въ заговорахъ отъ укушенія змѣи названія змѣи: скорпѣя, скороспѣя, скоропѣя, шкуропѣя, шпрокоперяя,

хозяина заветную саблю¹⁾ и нѣсколько мѣховъ изъ буйволовой кожи подъ угли. Въ лѣсу, запаливъ ворохъ нарубленныхъ деревьевъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что его тянетъ, всасываетъ назадъ сильнымъ теченіемъ воздуха. Обернулся: это была скорпія. Георгій удержался за саблю, воткнувъ её въ землю, и ждалъ, что будетъ. Скорпія налетѣла на него, разметала огонь, но Георгій выхватилъ саблю и разсѣкъ её пополамъ. Слышитъ: красивая птичка чиркаетъ ему съ вѣтки, называется по имени, благодарить за то, что избавилъ её и ея птенцовъ отъ чудовища, пожиравшаго ихъ, и велитъ Георгію искупаться въ его крови: тогда ничто злое къ тебѣ не пристанетъ, никакой страхъ не будетъ тебѣ вѣдомъ, кромѣ страха Божьяго. Георгій купается въ крови, только одно мѣсто осталось не омоченнымъ, тамъ, гдѣ ему на спину упалъ древесный листъ. Птичка предупреждаетъ его о томъ: пусть бережется и не страшится. — Ясно, что это мотивъ Сигфридовой саги, оставшійся далѣе не развитымъ.

Положивъ въ одинъ мѣхъ голову скорпіи, другой наполнивъ угольемъ, Георгій возвращается въ кузницу и принимается за изготовленіе сабли и палицы. Сковалъ саблю, ударилъ ею о желѣзную полосу — сабля пополамъ; бросилъ палицу подъ небеса (*in slava segului*) — упавъ на землю она смялась. Вспомнилъ тогда Георгій, что въ дремучемъ лѣсу, гдѣ онъ росъ, онъ видѣлъ полосу желѣза, выходящую изъ земли; отправился онъ туда, но полоса оказалась рудной жилой. Онъ выдернулъ ее (сл. такой-же эпизодъ у Джонсона: о мечѣ, заложенномъ въ скалу), изготовилъ изъ нея саблю и палицу, и ту и другую окрестилъ въ родникѣ, гдѣ крестили его самого: саблю назвалъ «*Balmut ajutătorul теи*» (Балмутъ помощникъ мой), палицу: «*Omoritorul vrăj-*

шереснерь, скрпія. Сл. Л. Майковъ, Великорусскія заклинанія №№ 174 — 178, 185, 186, 189 и Зап. Им. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. II стр. 746.

¹⁾ «*O Sabiă remasă dela Novaci, pe care o păstra în prăvălia sa pe môte*». Сл. Hărdeu, Baba-Novac, въ Columna lui Traian 1876, p. 145 — 165.

mašilor mei» (Умертвитель моихъ враговъ). Они стали его неразлучными товарищами. — Непонятное Balmut само собою набивается на сближеніе съ названіемъ извѣстнаго меча Сигфрида: Balmung.

На кузницѣ, между гѣмъ, всѣ перемерли, потому, вѣроятно, что неосторожно заглянули въ мѣхъ съ головою скорпіи: кто её видѣлъ, умиралъ. Горько стало Георгію, но дѣлать было нечего: онъ отправился въ путь — искать своихъ родителей. По дорогѣ онъ случайно спасаетъ отъ вепря одного охотника; признанъ, по бусамъ, за сына умершаго императора. Георгій воцаряется и, узнавъ о событіяхъ своего дѣтства и что его мать въ плѣну, посылаетъ письмо къ атаману разбойниковъ съ требованіемъ, чтобъ онъ отпустилъ её. Но тотъ издѣвается надъ письмомъ: если императору дорога жизнь, то пусть успокоится; коли нѣтъ, пусть выходитъ съ нимъ биться. Но чудное видѣніе настраиваетъ иначе разбойника: тѣнь велитъ ему освободить плѣнницу, отыскать въ такомъ-то углу медвѣжью кожу и цѣпь. Въ шкуру онъ облечется, и она такъ прильнетъ къ его тѣлу, какъ будто по немъ сдѣлана, онъ очутится медвѣдемъ и такъ и останется, пока не искупитъ свои преступленія; а на той цѣпи поведетъ его императрица. — Такъ всё и дѣлается: Георгій самъ отправляется за матерью, когда встрѣтилъ её на пути, ведущую диковиннаго звѣря.

Въ заключеніи обращу вниманіе на вступительные строки сообщенной нами сказки, такъ сказать, на ея запѣвку. У императора и императрицы не было дѣтей, хотя они десять лѣтъ жили вмѣстѣ. Наконецъ императоръ и говоритъ женѣ, что если черезъ годъ она не принесетъ ему сына, онъ перестанетъ дѣлиться съ нею хлѣбъ-соль. — Подробности, напоминающая начало славянской Александріи. — Смутилась императрица, обращается къ знахарямъ, ворожкамъ и бабкамъ, перепробовала всякія снадобья. Однажды ночью ей пригрезилось нѣчто страшное: казалось ей, что она гуляетъ по прекрасной зеленой полянѣ, всѣ стебельки точно спарились, одна травка обнимается съ другой, будто цѣ-

луются, даже бабочки летаютъ парами. Откуда ни возьмись — змѣй, гонится за голубкой; не зная куда укрыться отъ вражяго звѣря, она устремилась къ императрицѣ и спряталась у ней за пазухой; но тогда змѣй бросился на послѣднюю, и она проснулась.

Мнѣ припомнилось по этому поводу загѣвка былины о Волхѣ (у Кирши Данилова):

По саду, саду по зеленому ходила, гуляла
Молода княжна Марса Всеславьевна,
Она съ камня скотила на лютаго на змѣя....
А втаорм княгиня поносъ понесла.

Когда Волхъ родился:

Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисницы по ельникамъ,
Соболи, кунницы по островамъ.

Что это: знаменія «для ради рожденья богатырскаго», какъ въ иныхъ редакціяхъ былины о Добрынѣ появленіе стада звѣринаго — змѣйнаго съ лютымъ звѣремъ Скименомъ или Скиперомъ (Кир. II №№ 1 и 2) — или знаменія при рожденіи богатырей въ одной камаонской легендѣ у Минаева (№ 2): «Въ преисподней родился змѣй Вайсинги, на небѣ родился царь Индра, на землѣ родились черви, муравьи, звѣри, птицы — въ Калинакауликотѣ родились Виринаула, Айтинаула — пара братьевъ»? — Въ поэтической картинкѣ, которой открывается румынская сказка, знаменія имѣютъ особый смыслъ: вся природа полна вождѣлѣній, травка мигуетъ съ травкой, бабочка съ бабочкой (рыба къ рыбамъ и т. д.?). Вмеѣстѣ съ тѣмъ получаетъ для насъ реальное значеніе одинъ эпизодъ поэмы Рейнбота, который иначе мы склонны были бы отнести на счетъ его — реторики. Братья Георгія такъ поражены его доблестями, что рѣшили искать бранныхъ подвиговъ на чужбинѣ, предоставивъ ему Палестину; но ему мало и всей римской имперіи, Константинополя и Греціи. Такъ го-

воритъ Теодоръ, и Димитрій подтверждаетъ его слова, в. 202
слѣд.:

Ich hans davor sunder spot,
 Das yemant lebe, an got,
 Der das pruefen kunde,
 Wie suze were die stunde,
 Da sin von irsten wart getacht
 Und die liebe zusamen bracht
 Da gesewet wart sin same.
 Da was mit foller ame
 Die wernt mit frouden obirsat;
 Ich han es davor, das da wat
 Der suze wint von westen,
 Under kuenden und under gesten
 Mit frouden were gebende
 Allen Cristen, die da waren lebende:
 Die schieden sich da von leide;
 Und das ouch uff der heide
 Sich frauweten die rosen,
 Die stoltzen und die losen,
 Beyde, ritter und die frauwen;
 Und das man in den auwen
 Die blümen sehe lachen
 Und sich tzu frouden machen.
 Krang was da umgemuede,
 Der walt da alles bluede,
 Darin die fogel sungen
 Und sich tzu frouden twungen;
 Czitig war der tzoekerror,
 Von deme hymmel viel der tror
 Und obirsuzet die werlt gar,
 Das sie nach frouden wart gefar:
 Gorge was da donne
 Aller menschen konne,
 Was der frouden soldier.
 Dartzu fische, vogel und tier,
 Das frauwete sich da obir all,
 Sich frauweten in des hymmels sal
 Die engel syner kunfte

Und mancher sigennunfte
 Der der werde hilt wiert
 Und hoen pris bis her behilt.

Никто, кромѣ Бога, не вѣдаетъ, какъ блаженно было мгновение, когда онъ былъ зачатъ въ любви: полной мѣрой пролилась радость въ свѣтъ; мнится мнѣ, что мягкій вѣтеръ повѣялъ тогда съ запада, расточая веселье и правду между своими и чужими, всѣхъ христіанъ, какіе тогда жили, избавляя отъ печали. Радовались на лугу розы, горделивыя и игривыя, рыцари и дамы; въ долинахъ улыбались, казалось, цвѣты; миновалось горе, гдѣсь развился и птицы тщились выразить пѣснями свое веселье; сахарный тростникъ созрѣлъ, съ неба пала роса, проливая сладость на весь миръ, одѣвшійся въ веселыя краски: (родился) Георгій, утѣха, ближній всѣмъ людямъ. Рыбы, птицы, звѣри — все ликовало, ликовали ангелы въ небесныхъ покояхъ о его рожденіи и будущихъ побѣдахъ. — Если всякая вещь носить печать своего происхожденія, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Рейнботъ (v. 4752 слѣд.), то матерью Георгія была роза, отцемъ утреннее солнце, воспитался сынъ розы не у женской груди, а вскормленъ былъ кровью пахучей гвоздики и медовымъ сокомъ фіалки. Рейнботъ требуетъ, чтобы эти образы поняты были иносказательно: что не было еще никого, рожденнаго отъ человѣка, краше Георгія. Выраженіе: «прекрасное дитя розы» употреблено о Георгія и далѣе (v. 5848). Нѣмецкіе лексикографы приводятъ *gosenkint* исключительно изъ нашей поэмы, съ толкованіемъ: цвѣтущее, прекрасное дитя. Встрѣчается-ли оно въ другихъ памятникахъ? Напомнимъ эпизодъ румынской сказки: о Георгія, заброшенномъ въ кустѣ цвѣтовъ, чудесно рожденномъ, воспитаннымъ не матерью, а вздоенномъ молокомъ козы. — Не извѣстна-ли была Рейнботу именно такая легенда?

Выше мы замѣтили, что румынская сказка представляетъ черты, общія съ сказочной темой о Сигфридѣ, на сколько она намъ извѣстна изъ показаній сагъ о Вельсунгахъ и Тидрекѣ Бернскомъ, изъ нѣмецкой пѣсни и сказокъ о *Hürnen Sigfried*. Въ

этомъ смыслѣ румынская легенда можетъ быть съ бѣльшимъ правомъ причислена къ такъ называемымъ Sigfriedmärchen, чѣмъ многія нныя¹⁾. Черты сходства являются на той и другой сторонѣ чрезвычайно яркія. Въ Титрексагѣ ребенокъ Сигурдъ покинуть въ лѣсу, вскормленъ ланью; въ одной нѣмецкой сказкѣ онъ похищенъ еще будучи ребенкомъ²⁾; то-же, съ небольшими отиѣнами, въ румынской сказкѣ, гдѣ младенца Георгія питаетъ коза. Онъ не знаетъ своихъ родителей; въ пѣснѣ о hürnen Sigfried онъ допрашиваетъ цверга Euglin'a: скажи мнѣ, какъ звали моего отца и мать? — Слѣдуютъ далѣе, тамъ и здѣсь: наука у кузнеца, кованіе и проба чудеснаго оружія, бой съ чудовищемъ, вѣщія рѣчи птицъ, купанье въ крови, дѣлающее тѣло неуязвимымъ, за исключеніемъ одного мѣста, на которое случайно упалъ древесный листъ и т. д.³⁾.

¹⁾ Сл. напр. Edzardi, Ein litauisches Sigfriedmärchen, въ Germania XX p. 317 — 20.

²⁾ Razzmann, Ein neues Siegfriedmärchen, Germania VIII, 373 — 80.

³⁾ Еслибы мы пожелали привлечь къ сравненію и то, что въ сагѣ о Вальсунгахъ рассказывается о предкахъ Сигфрида, аналогіи представлялись-бы еще болѣе, и онѣ обнялись-бы, вмѣстѣ съ румынской сказкой, и нѣкоторыя подробности англійскаго романа. Мать Вальсунга, дѣда Сигфридова, забеременнла отъ чудеснаго яблока (какъ въ русскихъ сказкахъ мать змѣборца — Покатигорошка отъ горошины); ребенка, ею зачатого, пришлось вырѣзать изъ ея чрева. Если, какъ полагаетъ Мюленгофъ (Die alte Dichtung von den Nibelungen, въ Zeitschr. f. deutsch. Alterthum, XXIII, p. 119) древнее франкское преданіе о Нибелунгахъ рассказывало о звукѣ то-же, что о дѣдѣ, то романъ Джонсона предлагаетъ параллели: въ чудесномъ рожденіи Георгія, который также вырѣзанъ изъ чрева матери. Оставаясь въ той-же области широкаго сравненія мы могли-бы припомнить рассказъ Völsungasaga'и объ Одиновомъ мечѣ, всаженномъ по рукоятъ въ строило; вытащить его удается лишь Сигмунду, отцу Сигфрида; сл. подобныя же подробности въ румынской и англійской версіяхъ Георгіевой легенды и въ цѣломъ рядѣ другихъ народныхъ и литературныхъ рассказовъ (Артуръ; Петръ Муромскій; герой одной мингрельской сказки въ сборникѣ проф. Цагарели и т. п.). — Я потому не настаиваю на этихъ сходствахъ, что многія изъ нихъ не трудно-бы объяснить общими мотивами народной эпикн.

За вычетомъ всего, что могло превзойти со стороны по смышленію съ сходными сказочными сюжетами, сообщенные выше западные пересказы легенды о Георгіи представляютъ черты, которыя слѣдуетъ вѣннить древнему поэтическому преданію о немъ, заглохшему въ современной духовной пѣснѣ, но, быть можетъ, не совсѣмъ забытому народной поэзіей. Чудесное рожденіе Георгія, похищеннаго или заброшеннаго вскорѣ послѣ рожденія, принадлежитъ къ этому преданію, потому что встрѣтилось намъ въ источникахъ, взаимная независимость которыхъ едва-ли можетъ возбудить сомнѣніе: въ румынской сказкѣ и романѣ XVI вѣка. — Долгая бездѣтность матери передъ рожденіемъ Георгія въ румынскомъ и англійскомъ преданіяхъ не объясняется-ли въ связи съ названіемъ родителей Георгія въ С: Геронтіи и Полихронія, старикъ и старуха? — Братъ или брать Георгія относятся къ такимъ-же стариннымъ чертамъ: если Рейнбогъ называетъ ихъ именами извѣстныхъ святыхъ, и братьевъ является двое (сл. трехъ всадниковъ на кавказскихъ крестахъ съ сюжетами изъ чуда св. Георгія), то въ Прологѣ къ *Huon de Bordeaux* у Георгія одинъ братъ, и одного лишь знаетъ авторъ второго Титуреля, когда говоритъ о Каппадокіи и Греціяхъ:

Die lant braht zu touff Jeori und sin bruder
(str. 4746, ed. Hahn).

Древнее поэтическое преданіе, восходящее къ XIII вѣку (прологъ къ *Huon de Bordeaux*; франц. легенда о Богородицѣ), сходилось съ церковнымъ чудомъ — въ боѣ съ змѣемъ: вмѣсто схемы «освобожденія» явился мотивъ увоза (французская и англійская легенды). На сколько онъ былъ распространенъ — сказать трудно; коротенькая болгарская пѣсенка, сообщенная Чолаковымъ¹⁾ указываетъ черты, далеко не гармонирующія съ обычными народными пересказами сюжета: «Свѣтъ Георгій» куеть коня въ темнотѣ, безъ лучины; подковы золотыя, гвозди сере-

¹⁾ Българский нар. сборн. № 87.

бреные; передъ нимъ стоитъ Стана, а онъ говоритъ ей: Не стой Стана, супротивъ меня, какъ погляжу я на твои черные очи, на бѣлое лице и т. д. — закую коня,

Отъ дружина че останемъ,

Отъ мон-гѣ дѣлги друми.

(сл. начало болгарской егорьевской пѣсни у Безсонова, Кал. вып. VI, № 545). Это, быть можетъ, отрывокъ какого-нибудь утраченнаго поэтического цѣлаго, какъ и галицкая колядка у Головацкаго (Нар. пѣсни галицкой и угорской Руси II стр. 56 — 7, № 6): подъ яворомъ на постели лежитъ «Святъ Юрій», къ нему прилетѣли «три зазулейки: то — его мать, сестра, и милая. Онъ говоритъ:

Мамойцѣ дайте конѣчка въ сѣдлѣ,
 Конѣчка въ сѣдлѣ, копытца въ среблѣ!
 Сестройцѣ дайте вѣнокъ трепѣтокъ,
 Вѣнокъ трепѣтокъ, ней ся трепоче,
 Ней ся трепоче, на кого хоче!
 Милейшій дайте цѣлый свѣточекъ.

Но и сказочное преданіе о рожденіи и юности Георгія восходитъ къ XIII вѣку, если не ранѣе. Косвенное доказательство тому представляютъ, по моему мнѣнію, поэмы о Вольфдитрихѣ: я разумѣю упоминаніе св. Георгія въ редакціяхъ В и D, на которое я указалъ уже выше. Вѣшнее объясненіе такого сближенія, не устраняющее возможности другого, построеннаго на генетической связи обѣихъ сагъ, было-бы слѣдующее: сказанія о Вольфдитрихѣ напомнили пересказчикамъ такія-же легенды о Георгіи. Я выберу изъ первыхъ лишь то, что само-собою напрашивается на параллели, оставляя пока въ сторонѣ, что могло бы быть добыто путемъ предположительныхъ построений. Въ Вольфдитрихѣ А онъ — сынъ константинопольскаго императора-язычника; у него два старшихъ брата; мать родитъ его, когда отецъ былъ на войнѣ, въ долговременной отлучкѣ. Не задолго до родовъ она услышала ночью голосъ, повелѣвавшій ей окрестить ребенка; она тайкомъ несетъ его къ пустынноку, который и со-

вершает надъ нимъ христіанскій обрядъ. «Видѣла она надъ водою сіяніе свѣчей, не видѣла тѣхъ, кто помогаль при крестинахъ». — Мы знаемъ уже, что редакція В называетъ крестнаго отца *Wolfdietrich'a* — Георгіемъ, текстъ D — св. Георгіемъ. — Пустынникъ велитъ матери беречь крестильную сорочку мальчика: она будетъ охранять его отъ опасностей, когда онъ возмужаетъ, и всегда будетъ ему впору. — Текстъ D представляетъ *Wolfdietrich'a* владѣльцемъ такой-же неуязвимой сорочки св. Георгія, которую онъ, впрочемъ, отнимаетъ у одного язычника. — Ребенокъ проявляетъ съ малыхъ лѣтъ такую необычайную силу, что всѣ открещиваются: онъ не можетъ быть сыномъ простаго смертнаго, онъ — порожденіе демона. Отцу невѣрный Сабене подсказываетъ, будто однажды ночью его жена помянула злаго духа («und wolte der tiuvel immer bi mir sin»): оттого и родился ребенокъ. Императоръ рѣшается погубить сына, но Берхтунгъ, которому это поручено, не рѣшается поднять на него руки и оставляетъ мальчика на краю родника (*über den brunnen*), посреди котораго выросъ кустъ розъ: ребенокъ потянется къ нимъ и погонеть. Но тотъ сидитъ спокойно; волки, пришедшіе ночью къ источнику, не трогаютъ его, онъ съ ними играетъ; въ редакціи В *Wolfdietrich* унесенъ волкомъ въ логовище, гдѣ его находятъ невредимымъ; тоже въ отрывкахъ С, гдѣ похищеннаго мальчика золки питають «mit wilder nature».

Дальнѣйшія сравненія повели-бы къ вопросу, до сихъ поръ мало выясненному, объ отношеніяхъ поэмъ о Вольфдитрихѣ къ Ортинту и первыхъ къ циклу Дитриха Бернскаго. Для насъ важенъ пока одинъ возможный результатъ — по отношенію къ Георгіевой легендѣ: если внесеніе указаній на него обусловлено, какъ мы предположили на первый разъ, близостью двухъ сагъ, и указанія принадлежатъ не оригиналу поэмы, а редактору В (ок. 1225 г.¹⁾), то пришлось-бы допустить во всякомъ случаѣ для XIII вѣка существованіе такой легенды о Георгіи, какая до сихъ

¹⁾ Deutsches Heldenbuch III Einl. LXX.

поръ отзывается въ румынской сказкѣ и разсказѣ Джонсона о рожденіи святого.

Какъ видно, старыя книжныя сказанія, дошедшія до насъ черезъ вереницу пересказовъ и передѣлокъ, сохранили намъ больше откровеній, освѣщающихъ начала народнаго эпоса, чѣмъ мы обыкновенно склонны допустить. Въ общемъ не трудно повторить за г. Кирпичниковымъ ¹⁾, что народную редакцію, развивающуюся по извѣстнымъ законамъ, необходимо отличить отъ произвольныхъ измышленій книжниковъ, старавшихся придать достовѣрность своей легендѣ фантастическими собственными именами и т. п. Но какъ опредѣлить границы личнаго произвола? и много-ли у насъ «извѣстныхъ законовъ» народно-поэтическаго развитія? Можно-ли сказать утвердительно, что народныя редакціи не обусловлены книжными и наоборотъ? Въ нашихъ отношеніяхъ къ тѣмъ и другимъ, въ пріемахъ изысканія нѣтъ существенной разницы: тамъ и здѣсь приходится вскрывать пласть за пластомъ, выдѣляя черты смѣшенія и поздняго вліянія, болѣе разчленяя сложившееся вѣками единство, чѣмъ добраясь до единства первичнаго. Къ такому выводу приводитъ насъ и разборъ русскихъ духовныхъ стиховъ о Егоріи, къ которымъ мы и обратимся.

VI.

Они распадаются на двѣ группы: 1) стихи о чудѣ съ змѣемъ и Елисаветой; 2) стихи о мученіяхъ святого. Остановимся на каждой изъ нихъ.

I. Духовные стихи о чудѣ съ змѣемъ. Мы уже довелись однажды высказаться о важности такого изученія явленій народной поэзіи, обряда и пѣсни, которое приняло-бы за основу извѣстныхъ областей, выдѣленныхъ не въ силу географическаго момента, а историческими и культурными отношеніями, связывав-

¹⁾ I. с. стр. 115, прим. 1.

шими обитавшія въ нихъ народности. Малорусскія пѣсни слѣдуетъ, напр., изучать не только въ связи съ галицкими, но и съ польскими, чешскими, словацкими и румынскими. Великорусскія пѣсни предполагаютъ такое-же изученіе въ связи, опредѣленіе и границы которой и являются въ данномъ случаѣ главнымъ вопросомъ метода. Когда не только малорусскія, но и великорусскія пѣсни поютъ о виноградѣ, виноградъ зеленомъ, мы невольно переносимся на югъ, если и не къ крымскимъ *κλήματα* Бруна. Эротическій образъ потоптаннаго винограда въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ («виноградъ щипала въ твою шапочку» и т. п.), очевидно, не свой; онъ понятіе у малоруссовъ:

Ой ходила Марисенька по саду,
 Та посадила садъ-виноградъ до ряду,

 Прийде Ивасенько зъ боярами
 Та-й витонче садъ-виноградъ коникамп.

Это напоминаетъ южную природу и — анекдотъ Iacopo d'Acqui о Петрѣ delle Vigne, образно выразившаго свое подозрѣніе, что Фридрихъ II нарушилъ его супружеское счастье:

Una vigna ò piantà, per travers è intrà
 Chi la vigna m'ò guastà; an fait gran peccà
 Di far ains che tant mal ¹⁾).

Если въ вариантахъ пѣсни, разнообразно поющей въ Болгаріи и у насъ, встрѣчается одна и та-же подробность пейзажа, не отвѣчающая условіямъ русской мѣстности, — какія заключенія сдѣлаемъ мы относительно первоначальной родины пѣсни? Я не указываю на примѣры, которые лучше будетъ разобрать по другому поводу; примѣры дасть намъ г. Кирпичниковъ. Раз-

¹⁾ Сл. народныя пѣсни изъ Lecce: Chiantai le igne e nu pruai lu vinu, — Ca' n'autru quantu inne e bindema; изъ Истрия: E s'i' t'ò fato dagno in la tu veigna — Ciama lu cataver, manda la steima. Сл. Imbriani, XII canti pomiglianesi p. 209 — 217, въ примѣчаніяхъ къ № VI.

бирая русскіе, болгарскіе и греческіе стихи о Георгіи¹⁾ онъ спрашиваетъ себя: какъ объяснить дословное сходство нѣкоторыхъ русскихъ редакцій съ болгарскими и, за невозможностью доказать литературную связь между ними, довольствуется предположеніемъ, что и въ Болгаріи и на Руси поэтическая логика пѣвцовъ дѣйствовала одинаково²⁾. — Далѣе — та-же воздержность или гиперкритицизмъ, никогда, впрочемъ, не лишній въ вопросахъ народной мнѣологии и поэзіи. Въ болгарскомъ народномъ стихѣ и въ одной греческой пѣснѣ Георгій засыпаетъ передъ битвой съ змѣемъ. Если этотъ эпизодъ принадлежитъ старинной греческой поэмі, говоритъ г. Кирпичниковъ³⁾, трудно удержаться отъ искушенія усмотрѣть въ этой поэмі источникъ стараго болгарскаго стиха, который въ свою очередь послужилъ источникомъ сербскаго и русскаго. Но до такихъ «крайнихъ предѣловъ смѣлости» изслѣдователь не доходитъ, ограничиваясь заключеніемъ, что литературная связь болгарскаго стиха съ греческимъ не можетъ быть ни доказана, ни отвергнута, что и греческая пѣснь и русскій стихъ независимо другъ отъ друга заимствовали эпизодъ о снѣ изъ народной сказки; что, наконецъ, признать литературную связь болгарскаго стиха съ русскимъ мѣшаютъ — отличія ихъ книжныхъ источниковъ⁴⁾.

Противъ этихъ заключеній можно замѣтить многое. Прежде всего трудно говорить о различіи источниковъ русскаго и болгарскаго стиховъ, — разумѣя подъ ними, вмѣстѣ съ г. Кирпич-

¹⁾ Къ греческимъ пѣснямъ, указаннымъ г. Кирпичниковымъ, слѣдуетъ еще присоединить напечатанную Саккеларіемъ, Та Куприянѣ III, р. 62 — 65. Другая греческая пѣснь о Георгіи и гречанкѣ сообщается въ вариантахъ у Пассова № 587, Январики № 126 и Саккеларія I р. 94 № 29.

²⁾ I. с. р. 184.

³⁾ I. с. р. 188 — 9. Въ греческой пѣснѣ у Пассова № 440 (Дигенисъ) — Акрить увозитъ свою, похищенную у него жену. На дорогѣ онъ засыпаетъ; погоня въ виду, и жена будитъ его своими слезами.

⁴⁾ Стр. 189, 190.

никовымъ извѣстныя намъ книжныя редакціи чуда, — когда типическія черты, сближающія эти стихи между собою, не найдутся ни въ одной изъ нихъ. Въ такихъ обстоятельствахъ естественно предположить существованіе особой версіи чуда — книжной или полународной, я сказать не рѣшусь, — въ которой находились эти общія черты. Я разумѣю подъ ними сонъ Георгія и пробуждающія его слезы царевны. Г. Кирпичниковъ предполагаетъ, что эта подробность внесена въ стихъ изъ народной сказки, и независимо другъ отъ друга, болгарскими и русскими сказателями — по сходству темы ¹⁾. Это сочувствіе душъ, простирающееся и на автора извѣстнаго намъ пролога къ *Huon de Bordeaux*, кажется а priori подозрительнымъ; не во всѣхъ-же народныхъ сказкахъ герои непременно засыпаютъ передъ битвой съ змѣемъ! Такого рода тема могла подсказаться народнымъ пѣвцомъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ основномъ рассказѣ уже существовали элементы, возбуждавшіе къ подобному развитію. Припомнимъ, по этому поводу, хотя бы эпизодъ сна передъ битвой въ житіи св. Теодора. Я недоумѣваю, почему, открывая въ русскихъ стихахъ о Георгіи влияніе житія св. Теодора и духовныхъ стиховъ о немъ ²⁾, изслѣдователь не припомнилъ, по поводу сказочнаго сна, такую-же или сходную подробность въ Эвхаетской легендѣ. Такъ какъ греческій текстъ ея еще не изданъ, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ нея по рукописи XI вѣка ³⁾:

Καὶ δὴ ἐπιζητούμενων πανταχοῦ τῶν ἐνδοξοτέρων, ἐμηνύθη αὐτῷ (императору) περὶ τινος ἀνδρὸς Θεοδώρου, πάνου εὐμέρφου τῇ βλέψει καὶ σοφοῦ τῇ διαλέξει, ὅστις γέγονε συνήγορος βασιλικῶς σχολα-

¹⁾ Стр. 189.

²⁾ Сл. напр. стр. 156, § 2, 158 § 7, 162 in fine, 177.

³⁾ Ркп. парижск. національн. библ. № 1452 содержитъ, между прочимъ, житіе св. Теодора Стратилата. Приведенный въ текстѣ эпизодъ (f. 44 verso — f. 45 verso) доставленъ мнѣ проф. Васильевскимъ. Чудо съ змѣемъ приписывается въ рукописяхъ то св. Теодору Стратилату, то св. Теодору Тирону.

στωικός· βρυορήτωρ δὲ οὗτος προσηγορεύετο. νέος μὲν τὴν ἡλικίαν, παλαιὸς δὲ περὶ τὸ φρόνημα, ὅστις καὶ τὸν δράκοντα ἀνείλεν ἐν Εὐχαΐτοις. ἐκεῖ γὰρ ἦν τὸ δεινὸν Σηρίον ὁ δράκων, καὶ οὐδεὶς ἴσχυεν ἀντιστῆναι αὐτῷ. ὅταν γὰρ ἐσαλεύετο τοῦ ἐξελεῖν, ἔτρεμεν ἡ γῆ ἐπὶ τῇ κινήσει αὐτοῦ. ὅταν δὲ ἐξήρχετο καὶ εἴτε κτῆνος, εἴτε ἄνθρωπος ὑπήντα αὐτῷ, βρώσει ἐτελεοῦτο ὑπ' αὐτοῦ. τοῦτο ἀκούσας ὁ γενναῖος τοῦ Χριστοῦ στρατιώτης Θεόδωρος, μὴ ποιήσας τινα δόρυβον ἐν τῷ στρατοπέδῳ αὐτοῦ, μόνος ἐπορεύθη τῇ σοφίᾳ αὐτοῦ, βασταζὼν τὸν τίμιον σταυρὸν καὶ τὰ ὄπλα τῆς συμμαχίας αὐτοῦ, λέγων ἐν ἑαυτῷ· πορεύσομαι καὶ ἐλευθερώσω τὸ πατρικὸν μου κτῆμα ἐκ τοῦ δεινοῦ Σηρίου, τοῦ δράκοντος. Παραγενόμενος δὲ ἐν τῷ τόπῳ καὶ ἰδὼν χλόην χόρτου, ἔστηκεν ἑαυτὸν καὶ ἀφύπνωσεν μὴ ἐπιστάμενος, ὅτι ἐκεῖ ἦν παραμένον τὸ Σηρίον εἰς τὸ κατὰ βορρᾶν μέρος τῶν Εὐχαΐτων. γυνὴ δέ τις εὐσεβῆς, ἣ ὄνομα Εὐσεβία, πιστεύουσα εἰς τὸν Χριστόν, ἰδοῦσα τὸν ἅγιον τοῦ Θεοῦ Θεόδωρον καθεύδοντα, μετὰ φόβου ἀπελθούσα καὶ κρατήσασα αὐτόν, ἤγειρεν λέγουσα· ἀνάστα, ἀδελφέ, καὶ πορεύου ἐκ τοῦ τόπου τούτου ἐν τάχει· οὐ γὰρ ἐπίστασαι τὸν ὑπάρχοντα φόβον ἐνταῦθα, ἀλλ' ἀναστὰς πορεύθητι ἐν τάχει τὴν ὁδὸν σου. ὁ δὲ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Θεόδωρος εἶπεν πρὸς αὐτήν· τίς γὰρ ἐστὶν ὁ φόβος, ὦ μήτηρ; ἀποκριθεῖσα δὲ ἡ δούλη τοῦ Θεοῦ εἶπεν· τέκνον, οὐδεὶς δύναται διοδεῦσαι τὸν τόπον τοῦτον. δράκων γὰρ κατοικεῖ ἐνταῦθα καὶ ἐξερχόμενος, εἴτε ἄνθρωπος, εἴτε κτῆνος εὐρεθῆ ἔμπροσθεν αὐτοῦ, ἀναλίσκεται ὑπ' αὐτοῦ. — Ὁ δὲ ἅγιος Θεόδωρος λέγει τῇ γυναικί· πορεύου, μήτηρ, καὶ στῆθι ἀπὸ μακρόθεν καὶ εὐχου ὑπὲρ ἐμοῦ, καὶ ὄψει τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ. ἡ δὲ ὑποχωρήσασα μικρὸν, ἔρριψε ἑαυτὴν ἐπὶ πρόσωπον ἐπὶ τὴν γῆν, κλαίουσα καὶ λέγουσα· ὁ Θεὸς τῶν χριστιανῶν βοηθὸς αὐτῷ γενοῦ. τότε ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Θεόδωρος, ποιήσας τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα, τύψας τὸ στήθος καὶ ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν· Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ, ὁ ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ πατρὸς ἐκλάμψας, μὴ βραδύνης ποιῆσαι τὸ αἴτημά μου, ὃ αἰτοῦμαι παρὰ σοῦ. Ὁ ἐν τοῖς πολέμοις παριστάμενός μοι καὶ διδούς μοι νίκην κατὰ τῶν ὑπεναντίων, καὶ νῦν ὁ αὐτός εἰ, Χριστέ ὁ Θεός· ἀπόστειλόν μοι νίκην, ἵνα νικήσω τὸν πολέμον διάβολον. τότε ὡς ἀνθρώπῳ διαλεγόμενος τῷ ἑαυτοῦ ἵππῳ λέγει·

οἶδα ὅτι ἐν παντὶ εὐδοκεῖ ὁ Θεὸς καὶ ἐν ἀνθρώποις καὶ ἐν κτήνεσιν· διὸ συναγωνίζου μοι τοῦ Χριστοῦ ἐνδυναμοῦντος, ἵνα κηήσωμεν τὸν ὑπεναντίον ἐχθρόν. ἀκούσας δὲ ὁ ἵππος τοῦ ἰδίου δεσπότητος τοὺς λόγους, ἴστατο ὡς ἐν ἀνθρωπίνῃ φύσει, ἐκδεχόμενος τὴν τοῦ δράκοντος κίνησιν. τότε λέγει ὁ μάρτυς πρὸς τὸν δράκοντα· σοὶ λέγω καὶ ἐπιτάσσω ἐν τῷ ὀνόματι τοῦ Κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ μου, τοῦ σταυρωθέντος διὰ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων, ἔξελθε ἐκ τοῦ τόπου σου καὶ ἔλθε πρὸς με. τότε ἀκούσας ὁ δράκων, ἐκίνησεν πρὸς τὸν ἅγιον. κινουμένου δὲ αὐτοῦ, αἱ πέτραι τοῦ τόπου συνετρίβοντο καὶ ἡ γῆ ἔτρεμεν. ὁ δὲ ἅγιος Θεόδωρος ἐπέβη ἐπὶ τὸν ἑαυτοῦ ἵππον, καὶ εὐθὺς ἔστη ὁ ἵππος ἐπάνω τοῦ δράκοντος τοῖς τέσσαραις αὐτοῦ ποσίν. τότε ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Θεόδωρος τὴν ἑαυτοῦ ῥομφαίαν πῆξας ἐπάταξε τὸν δράκοντα καὶ εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι ὑπήκουσάς μου ἐν τῇ ὥρᾳ ταύτῃ, ἵνα κηήσω τὸν ὑπεναντίον ἐχθρόν. καὶ ἐπορεύετο τὴν ὁδὸν αὐτοῦ, χαίρων καὶ αἰνῶν τὸν Θεόν.

Искомый мотивъ сна находится, какъ видно, и въ Эвхейтскомъ сказаніи, нѣкоторыя положенія котораго отвѣчаютъ такимъ-же въ легендахъ-пѣсняхъ о Георгіи ¹⁾. Если въ первообразѣ послѣднихъ этотъ мотивъ существовалъ въ такихъ-же простѣйшихъ очертаніяхъ, то развитіе его общими мѣстами сказки представляется вполне естественнымъ. Неестественнымъ кажется, что и греческіе, и болгарскіе, и русскіе пѣвцы самостоятельно додумались до такого развитія: гораздо проще допустить прямую зависимость напр. болгарскихъ пѣсенъ отъ греческихъ, при чемъ мѣриломъ сходства не должны служить лишь данные, случайно записанные экземпляры пѣсенъ, съ случайно выпавшими эпизодами и нарощеніями мѣстнаго характера. — Русскіе стихи становятся въ извѣстномъ смыслѣ особо, выдѣляясь именемъ Елисаветы. Выше мы объяснили его появленіе вліяніемъ иконописнаго сопоставленія, совершившагося, вѣроятно, въ Византіи, но

¹⁾ Замѣчу, мимоходомъ, что въ эпизодѣ объ Евсеіи, которую святой называетъ матерью, собраны данныя, связывающія его житіе съ апокрифической легендой о святомъ, спасшемъ свою мать отъ змѣи.

возможнаго и на Руси: имя константинопольской угодницы явилось въ разсказѣ о чудѣ, сходномъ по типу съ тѣмъ, который легъ въ основу греческаго и болгарскаго стиховъ. Къ такому виду легенды восходятъ русскія пѣсенныя отраженія чуда; посредство болгарскаго стиха между той и другими будетъ — лишней гипотезой.

До сихъ поръ точкой отправленія, объединявшей греческіе, болгарскіе и русскіе стихи, являлся для насъ мотивъ сна. Другая черта, встрѣтившаяся пока лишь въ русскихъ и болгарскихъ стихахъ: враждебное отношеніе отца-язычника къ дочери-христіанкѣ, которую онъ потому и предоставляетъ въ жертву змѣю — позволяетъ приобщить къ болгарской и русской версіи легенды еще и слѣдующую польскую:

«*Śty Jerzy, za żywota swego na ziemi był husarem i wojował przy wojsku z łaski Boskiej. W jedném mieście, kajtota było we świecie — pojawił się smok wielgośny, co cedźkaj wszystko zjadał. Cy bydle, cy prosie, kaj ino co było, zarła bestyja, i nikt mu nie nie mógł (poradzić): az ci juz brakło bydła, i do ludzi się chycił. Juz niejednego cłeka chycił w gardziel, harknął, — chrupło mu w zębach, i po wszyćkim. Ludzie tez z miasta uciekali, i tylko pustki stały po świecie. Był carnoksiężnik bardzo wierze katolickiej przeciwny, i miał córkę podlotkę (młodziutką), którą dla jój pobożności nie lubił. Panienska ta modliła się do Matki Boskiej skrycie przed ojcem — ale on to pomiarkował i własne dziecko chciał zgubić — i smokowi dać na pożarcie. Wtém z rozkazu Boskiego jedzie konno husar Jerzy. Jak konia rozpedził, gdy smok juz blisko panny, on hyc! bez niego (przezeń przeskoczył) okraczył go koniem i dzidę mu do gardziela wepchał, a smok wypuczył się i upadł. Na ten widok Najświętsza Pannienka rzekła Jerzemu św.: «kiejeśmi pięknie, ładnie obronił niewinne stworzenie, dziewicę tę czystą, to za to, mój rycerzu, po niebie na gwieździstym wozie jeździć będziesz — i mój miśiączek ci odstepuje na mieszkanie». — Odtąd św. Jerzy mieszka na miśiączku, i ku czci Boskiej gra na lutni. Można go widzieć*

osobliwie na widku (na pełni) jak gra, przy stoliczku siedzący, tylko niedobrze jest w to patrzeć; bo jakby św. Jerzemu nagle pękła struna w lutni, toby narazie (wówczas) patrząc do miesiączka mógł oślepnąć; lepiej unikać tego i przestrzegać dzieci małe żeby tego nie robiły»¹⁾. — Связь луны съ Юріемъ извѣстна и въ малорусскомъ повѣрьѣ²⁾: будто измѣненія луны происходятъ отъ того, что тамъ находится заслонка, которою завѣдываетъ св. Юрій; онъ постоянно то опускаетъ, то поднимаетъ эту заслонку, отчего и происходятъ переменны мѣсяца³⁾. — Существованіе суевѣрія даетъ поводъ поставить вопросъ — не извѣстна-ли была и въ Малороссіи такая же форма Георгіевой легенды, какая представляется польскимъ сказаніемъ, воспроизводящимъ, какъ мы видѣли, одну изъ типическихъ особенностей русскаго и болгарскаго стиховъ? — Другая параллель, объединяющая вмѣстѣ съ польскимъ и малорусскимъ преданіемъ и одну болгарскую сказку⁴⁾, можетъ дать поводъ къ разбору славянскихъ (?) представленій о какихъ-то загадочныхъ отношеніяхъ

¹⁾ Kolberg, Lud, zęgu VII, p. 29 — 30.

²⁾ Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Югозападный отдѣлъ. — Матеріалы п изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ. Т. I, вып. 1, стр. 9 — 10.

³⁾ Другое совпаденіе повѣрій представляетъ польское сказаніе, близженное съ лужицкимъ: и тамъ и здѣсь пятна на лунѣ приводятъ къ представленію челоука, играющаго на струнномъ инструментѣ (лютнѣ или скрипкѣ); въ польской легендѣ это Георгій, въ лужицкой — Давидъ. Сл. Haupt a Smoler, Pjesnički hornych a del'nuch Łužiskich Serbow, I стр. 273 — 4; Haupt, Sagenbuch der Lausitz II p. 191. Въ ряду обычныхъ повѣрій о пятнахъ на лунѣ польское и лужицкое стоятъ пока особо. См. J. Grimm D. Myth, 4-е Ausg. (von E. H. Meyer) II стр. 597 — 600. Обратимъ кстатн вниманіе на Краинское сказаніе (I. с. стр. 600 прим. 3 и III стр. 209), будто лунныя пятна — пастухъ Котар, любимецъ богини Триглавы (?), перенесенный ею на мѣсяць, который онъ поливаетъ водою и тѣмъ заставляеть расти.

⁴⁾ Каравеловъ, I. с. стр. 299 — 300: Мать, сынъ п мѣсяць.

Георгія — къ лунѣ. Болгарская сказка рассказываетъ: Одна злая женщина разсталась съ мужемъ, жила нехорошо, и родился у нея мальчикъ, такой-же злой, какъ и она, ругавшій всѣхъ проходящихъ, странниковъ и нищихъ, даже мать свою. Однажды она вынесла его на дворъ, а онъ её и спрашиваетъ: Что, мамо, слышишь-ли мѣсяцъ, когда я браню тебя и другихъ? — А въ то время мѣсяцъ ходилъ такъ невысоко, что можно было поймать его рукою; бывало, ходилъ даже по землѣ. — А если и услышишь, такъ что-жь изъ этого? сказала мать; пусть себѣ сердится. — Разсердился мѣсяцъ, проклялъ мать и сына; въ отместку за проклятіе та женщина, подстороживъ мѣсяцъ, когда онъ остановился на улицѣ, набросила на него грязную пелену. Съ тѣхъ поръ онъ поднялся такъ высоко, какъ и теперь стоитъ, а мать и сынъ превратилъ въ змѣевъ; они долго жили и много людей поѣли, пока не убили ихъ св. Георгій и Феодоръ. Тѣ змѣи, что теперь ходятъ по свѣту — ихъ внуки.

Для генеалогіи разобранной нами группы легендъ необходимо замѣтить, что въ житіи св. Елисаветы нѣтъ ничего, что-бы могло дать поводъ къ развитію эпизода: о нелюбви отца язычника къ иновѣрной дочери. Такой поводъ представляетъ житіе св. Марины-Мargarиты (Регины). Если такъ, то въ русскихъ духовныхъ стихахъ или въ ихъ источникѣ относительно новымъ является лишь имя Елисаветы («почитающая Бога»), содержание-же восходитъ къ прототипу болгарскаго, съ именемъ Маріи-Марины и отцемъ-язычникомъ.

Имена послѣдняго въ русскомъ стихѣ не даютъ никакихъ разъясненій относительно его генеалогіи, потому что трудно рѣшить, какое изъ нихъ основное, какія слѣдуетъ признать его видоизмѣненіями. Г. Кирпичниковъ ¹⁾ полагаетъ, что имя Агея вторглось въ стихъ изъ извѣстной повѣсти о «гордомъ царѣ»; но въ

¹⁾ Стр. 177, прим. 1; увазаніе на «Римскія Дѣянія» должно быть устранено; легенда объ Агее будетъ рассмотрѣна нами при другомъ случаѣ.

ней оно само явилось поздней замѣной имени царя Асы. Вариантъ: Адей напомнилъ мнѣ русскій заговоръ отъ руды и ломоты: «какъ царь Адей крѣпокъ, такъ и заговоръ мой крѣпокъ»¹⁾.

Легендъ и стиховъ о чудѣ Георгія съ именемъ Елисаветы на западѣ я не знаю. На западѣ эта святая была вообще мало извѣстна; быть можетъ, въ благочестивомъ введеніи къ нѣмецкому житію св. Маргариты, XII вѣка, сохранилась память византийской «змѣборицы». Vogt, изслѣдовавшій недавно легенду первой изъ названныхъ святыхъ, склоненъ отнести упоминаніе послѣдней на счетъ перескащика XIII вѣка, имѣвшаго въ виду св. Елисавету тюрингенскую (канонизованную въ 1235 году). Мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ предположить св. подвижницу константинопольскую, имя которой чередуется съ Маргаритой въ чудѣ Георгія; обузданіе змѣя, приписанное той и другой святой, могло вызвать молитвенное обращеніе къ Елисаветѣ:

Des bite wir die richen
 In dem hohen himelriche
 Daz wir kumen al dâ hin.
 Daz tuo der goteliche sin
 Und frowe Elspet ûz der schar:
 Des wunsche ich von herzen gar²⁾.

Такъ или иначе, намъ извѣстно пока одно лишь русское пѣсенное преданіе, сохранившее въ легендѣ о Георгіи имя Елисаветы, рядомъ съ которымъ отзывается, случайно, другое: имя Маріи. Можетъ быть Марины-Маргариты? Остановимся на его слѣдахъ.

Въ русскихъ духовныхъ стихахъ о мученіи Георгія его мать названа Софіей; въ пѣсняхъ о чудѣ съ змѣемъ царевна носитъ обычное имя Елисаветы, но въ одномъ вариантѣ (Безсон. № 117) — имя Софіи. Г. Кирпичниковъ³⁾ объясняетъ его заимствованіемъ

¹⁾ Сл. Майковъ I. с. № 152.

²⁾ M. Haupt, Die Marter der hlg. Margarete, Zs. I p. 156 — 7 v. 79 — 84; сл. Vogt, I. с. p. 264.

³⁾ Стр. 177 прим. 2.

изъ большаго стиха о мученіи, называющаго такъ мать святого; но заимствованіе можетъ быть объяснено въ свою очередь сближеніемъ стиха о чудѣ св. Георгія съ зміемъ съ стихомъ о св. Ѳеодорѣ, спасающемъ свою мать отъ похитившаго ее змія (припомнимъ кстати роль матери въ румынской сказкѣ о Георгіи вигтязѣ). Въ одномъ русскомъ, сильно, впрочемъ, попорченномъ разсказѣ о Егоріи Храбромъ онъ также спасаетъ свою мать, которая названа Маріей. Набѣжалъ на Русь злой Татаринъ, заполонилъ всю землю мещерскую, выстроилъ себѣ городъ Касимовъ. А въ той сторонѣ жилъ-былъ мужичекъ Антипъ, а жена его Марья была такая красавица, что не перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. Прижили они сына красоты невиданной и назвали его Егоріемъ. Услыхалъ объ его умѣ-разумѣ схимникъ Ермогенъ ¹⁾ и выпросилъ его у родителей — учить слову Божьему. — А былъ въ то время въ Касимовѣ ханъ какой-то Брагимъ, и прозвалъ его народъ Зміемъ-Горюнычемъ; и не было отъ него православнымъ житья: выѣдетъ на охоту, дикаго звѣря травить, а молодлицъ да красныхъ дѣвицъ тащить въ свой городъ Касимовъ. Полюбилась ему Марья, онъ утащилъ её къ себѣ, а Антипа предалъ злой смерти. — Узналъ о томъ Егорій, горько заплакалъ и сталъ усердно Богу молиться за мать за родную — и Господь услышалъ его молитву. Какъ подростъ Егорій, пошелъ въ Касимовъ, подходитъ къ палатамъ Брагимовымъ, видитъ: стоятъ злые нехристи и нещадно бьютъ мать его бѣдную. Напрасно проситъ онъ хана за мать; онъ самъ подвергается мученіямъ, которыя противъ него безсильны: его пилятъ пилами, рубятъ топорами — у пилъ зубы посшибались, у топоровъ лезвія выбивались; его варятъ въ смолѣ кипучей — а онъ поверхъ ея плаваетъ. Посадили его въ глубокой погребъ; тридцать лѣтъ сидѣлъ онъ тамъ и томился; вотъ поднялась буря страшная, разнесла доски дубовыя, вышелъ святой Егорій на вольный свѣтъ, видитъ — стоитъ конь осѣдланый, возлѣ лежитъ мечъ-кладе-

¹⁾ Сл. Ермолая въ житіи св. Пантелеймона.

нецъ. Егорій ѣдетъ въ лѣсъ, встрѣчаетъ волковъ, которыхъ напустилъ на Брагима, хана грознаго. Тѣ сладли съ нимъ, Егорій приколотъ его копьемъ, а мать освободилъ изъ неволи¹⁾.

Легенда, сообщенная нами, представляетъ пересказъ духовнаго стиха о мученіяхъ св. Георгія съ вѣроятнымъ вліяніемъ стиха о Теодорѣ Тиронѣ (спасеніе матери отъ змѣя: Горыничча). Такое-же вліяніе представляетъ и непосредственно слѣдующій у Аонасъева²⁾ вариантъ, начинающійся словами:

Егорій святой Богу молился
За мать за родную!

Послѣ 32-хъ лѣтняго заключенія въ погребѣ глубокомъ онъ встрѣчаетъ свою мать въ церкви. Она велитъ ему отмстить за «материнскую кровь». Егорій спрашиваетъ её:

Стбитъ-ли, мать, мое рожденіе
Всего моего похождения?
«Вдвое стоитъ твое рожденіе
За меня претерпѣнна мученія!»

Тотъ-же разговоръ матери съ сыномъ въ стихѣ о Теодорѣ Тиронѣ:

Охъ ой еси, родна матушка!
Будеть-ли мое похождение
Супротивъ твоего рожденія?
— Охъ ты мое чадо милое?
Не будетъ твое похождение
Супротивъ моего рожденія!³⁾

II. Кромѣ стиха о Егоріи и Лизаветѣ Прекрасной русская народная поэзія знаетъ еще стихъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ его житія съ мученіями.

«Что составитель стиха зналъ о Георгіи? спрашиваетъ г.

¹⁾ Аонасъевъ, Народн. русск. легенды, стр. 132 — 4 (прилож. къ № 9).

²⁾ I. с. стр. 134 — 136.

³⁾ Безсоновъ, Календ. т. I стр. 527 № 121 и разсказ.

Кирпичниковъ (стр. 168). Одно-ли мученіе его, при которомъ порокъ оставался торжествующимъ? Нѣтъ, кромѣ того онъ видѣлъ его икону, гдѣ онъ побѣждалъ змѣя не кротостью, а оружіемъ, и спасалъ отъ него какую-то женщину (самаго чуда о змѣѣ, послужившаго источникомъ второго стиха¹⁾ онъ, по видимому, не зналъ). Кромѣ того, церковныя пѣсни, да и самое прозваніе побѣдоносца вели къ тому, чтобы закончить стихъ не гибелью, а побѣдою героя. Объединеніе Діоклетіана гонителя и поражаемаго Егорьемъ змѣя — фактъ не только естественный, но и необходимый; въ этомъ пѣвецъ былъ связанъ преданіемъ, но отъ него зависѣло помѣстить побѣду надъ змѣемъ Демьянищемъ немедленно послѣ освобожденія или удлинить промежутокъ, наполнивъ его новыми подвигами. Какъ человекъ со вкусомъ, онъ предпочелъ послѣднее». Яснѣе выразился взглядъ изслѣдователя на составъ разбираемаго стиха въ слѣдующихъ итогахъ (стр. 173): авторъ стиха зналъ св. Георгія «по житію, какъ мученика, и на иконахъ видалъ его въ образѣ коннаго воина, побѣдителя змѣя, часто вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Стратилатомъ. Какъ слить эти два представленія? Онъ слагаетъ стихъ изъ двухъ половинъ: первая вкратцѣ излагаетъ мученіе по памяти, на основаніи одной изъ краткихъ и смѣшанныхъ редакцій..... Во второй половинѣ авторъ былъ несравненно болѣе предоставленъ самому себѣ; изъ художественнаго преданія онъ могъ заимствовать только основной фактъ, а изъ церковныхъ пѣсенъ — неясные намеки, что герой «томителя врага побѣдивъ низложи», «разсыпалъ идольскія службы», что онъ былъ «хранитель церкви», «плѣнныхъ освободитель».

И такъ, «авторъ» стиха зналъ житіе съ мученіями — по памяти, не зналъ чуда Георгія съ змѣемъ; иконописное изображеніе, прозваніе «побѣдоносца», церковная пѣснь и собственная фантазія досказали ему остальное.

Мнѣ кажется, что этому объясненію можно противопоставить

¹⁾ Т. е. стиха о Егоріи и Елисаветѣ.

другое, болѣе цѣльное, упрочивающее корни стиха въ легендѣ, къ даннымъ которой приурочиваются и его народно-эпическія распространенія. Можетъ быть, пѣвецъ или пѣвцы были предоставлены самимъ себѣ не совсѣмъ такъ, какъ представляетъ себѣ г. Кирпичниковъ.

Я попытаюсь предположить въ основѣ нашего стиха легенду о мученіи, въ редакціи, сходной съ СА, и въ сплоченіи съ легендой о чудѣ особаго состава. Я не намѣренъ утверждать, что прямымъ источникомъ стиха былъ какой-нибудь литературный сводъ — потому что не увѣренъ, не было-ли между тѣмъ и другимъ болѣе древней посредствующей, пѣсенной или народно-сказочной формы. Полнота народно-эпической переработки, какой подверглись въ стихѣ данныя легенды, нерѣдко претворившіяся до неузнаваемости, служитъ свидѣтельствомъ, что стихъ о «мученіи» пережилъ гораздо больше пересказовъ и перепѣвовъ, чѣмъ напр. стихъ о Егоріи и Елисаветѣ.

Чудо съ змѣемъ предполагалось въ различныхъ отношеніяхъ послѣдовательности къ житію съ мученіями. У Якова de Vogaigne отдѣлъ о св. Георгіи открывається его побѣдой надъ дракономъ, поселившимся въ *stagnum instar maris*¹⁾, крещеніемъ спасенной имъ царевны, царя и народа. Царь ставитъ церковь *in honorem beatae Mariae et beati Georgii*. Святой удаляется — и слѣдуетъ непосредственно разсказъ о его мученіи отъ Дациана. «*Dacianus autem cum de loco, in quo decollatus est, ad palatium rediret, ignis de coelo cecidit et insum cum ministris suis consumsit*».

Такую-же послѣдовательность предполагаетъ и та изъ русскихъ редакцій чуда, которая считаетъ его совершившимся до мученія св. Георгія²⁾. Царевна наречена Маріей.

Другая русская редакція приурочиваетъ чудо по смерти ве-

¹⁾ Забѣтимъ, что и латинское чудо, напечатанное нами въ Приложеніи № VI, называетъ себя Прологомъ (къ житію?).

²⁾ Кирпичниковъ I. с. стр. 57 — 9.

ликомученика; мѣсто дѣйствія — Палестинская страна; царь отдаетъ свою дочь на пожраніе змѣю. «Святѣй-же и великій мученикъ и страсотерпецъ Христовъ Георгій, почтенный отъ небснаго царя воинъ, иже въ жизни сый и по смерти сія великими чудесы, по смотрѣнію убо Божію, спасти насъ погибающихъ и избавити града нашего отъ толкія бѣды, въ той убо часъ пріста на мѣстѣ томъ, якоже нѣкій воинъ, грядый отъ рати» (или: отъ вратъ?)¹⁾. — Чудо кончается постройемъ церкви.

Первосточникомъ русскаго духовнаго стиха могла быть такая-же легенда, гдѣ чудо помѣщалось послѣ мученія, съ тою разницею, что послѣднее кончалось не смертью угодника, а однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ обмираній или успеній, которыя въ апокрифѣ В являются, какъ рядъ настоящихъ смертей, перемежающихся дѣйствительными воскресеніями. Такимъ образомъ чудо притягивалось въ житіе, составляя вмѣстѣ съ нимъ вѣчто цѣлое. Я уже выразилъ мнѣніе, что житіе это могло принадлежать къ типу СА. Текстъ Хлудовскаго торжественника и сходный съ нимъ, изданный проф. Тихонравовымъ, дали мнѣ матеріалъ для слѣдующихъ извлеченій.

1. Св. Георгій, родомъ Каппадокіецъ, воспитанъ и живетъ въ Палестинской странѣ. У него отецъ Геронтъ (Геронтій), язычникъ, мать Полихронія (или Полифронія), «хрѣтианины соущи, не прѣсташе выноу мѣщисе и жрътву пѣнига всилающа таи Хоу боу не гвляющесе яко хрѣтианины ѿ». — Георгій обращаетъ въ хрѣстіанство отца своего, который вскорѣ послѣ того умираетъ (по А: мученическою смертью).

2) Дадіанъ или Діоклетіанъ, мѣстный князь Тавроликів, Персарменіи и Палестинскія страны, требуетъ, чтобы Георгій принесъ жертву языческимъ богамъ. Получивъ отказъ, онъ подвергаетъ святого различнымъ мукамъ: Георгія бьютъ сырыми жилами, ввергаютъ въ «окринь мѣдѣнь», бьютъ по головѣ «роублемъ мѣденомъ». — «Видѣвъ же глыбокы змѣи Діоклетіанъ (Да-

¹⁾ I. с. стр. 59.

діанъ; βύζιος δράμων сказано о Діоклетіанѣ въ вѣнскомъ апокрифѣ) тако не прикоснушесе кму муки, повелѣ коло створити и выбити въ нѣ желѣза ѡстра, и ноже ѡбоюдоу ѡстры, и възложити мнка на нк... възложиша на нь коло и оуспе стѣш». — Царь увѣренъ, что онъ умеръ (такъ оумрѣть), но голосъ съ неба говоритъ мученику: «въстани ѿ сына своєго». — Начинается новый рядъ мученій: царь велитъ повѣситъ святого, «и гвоздикъ ражѣжены възбвати по всемоу тѣлоу кго»; «пакы же повелѣ прѣтрыти ѿ (пилю)»; Георгія ввергають въ «конобъ» съ кипящимъ масломъ; «пакы повелѣ мучитель разварити лон и пькыль и смрьдещи камень и смѣлоу и вроуцемъ ѡбланти ѿ». — Георгій посаженъ въ темницу.

3. Діоклетіанъ-Дадіанъ рѣшилъ предать мечу «учителя галлеяскаго». Его выводятъ на казнь: «Мти ѿе кго видѣвши тако юже заповѣдь прикъ възрѣвши на нбо молѣшесе глѣщи: бѣе прикмыи жрътвоу авраамлю ѿ исаака сна кго на ѡлокавтось, такожде приими и сна мѣкго Георгія въ цртѣви твоємъ. и сиде помлѣшисе рѣ к' нкмоу моли за ме чѣдо прѣжѣ бо тебе оумроу». Апокрифъ кончается смертью матери и Георгія; святой молится передъ кончиной: кто «будеть въ страсть ѿли въ бѣдѣ ѿли въ напастѣ и призоветъ тебе мѣрдааго ѡца ѿ сна и стго дха ѿменемъ (твоимъ) раба твоєго, да спсень боудеть».

Послѣдній отдѣлъ апокрифическаго разсказа вошелъ въ русскій стихъ лишь отдѣльными своими чертами, отвѣчавшими его общему замыслу: стихъ не знаетъ смерти Георгія, ни смерти его матери; остановившись на послѣднемъ заключеніи святого, онъ удержалъ лишь молящійся образъ Софїи, который приурочилъ къ своему плану. Молятвенныя слова святого о ниспосланіи помощи всѣмъ, его призывающимъ, послужили, быть можетъ, поводомъ ввести въ эту связь — его чудо съ змѣемъ. Кара надъ Дадьяномъ, «глубокимъ змѣемъ», извѣстная по другимъ апокрифамъ, явилась естественнымъ завершеніемъ цѣлаго; исполнителемъ ея могъ быть самъ Георгій, такъ какъ пѣснь представляла его себѣ

еще въ живыхъ. — Очертанія стиха готовы. Обратимся къ его подробностямъ.

А. Мученіе св. Георгія.

1. Георгій родился въ Иерусалимѣ (Безсон. Кал. I №№ 101, 103, 108; Варенцовъ стр. 100) или Внолеемѣ, Хлеемѣ (Безсон. № 111, гдѣ живеть и Демьянице; сл. одинъ изъ эпитетовъ грузинскаго Георгія: внолеемскій). У него отецъ Θεодоръ; мать Софія Премудрая. Софія Премудрая отвѣчаетъ Полифроніи (Полихроніи) апокрифа; припомнимъ, по этому поводу, названіе матери Георгія въ эіопской легендѣ: Тійобеста, т. е. Θεописта = боговѣрная; сл. эпитетъ «благовѣрной» при Софій русскихъ духовныхъ стиховъ. — Та-же легенда даетъ святому двухъ сестеръ; ихъ знаетъ и русскій стихъ: ихъ двѣ, либо три. Трудно рѣшить, сохранилась-ли въ этой чертѣ подробность, утратившаяся въ дошедшихъ до насъ греческихъ апокрифахъ, или слѣдуетъ признать воздѣйствіе легенды о св. Софій (честв. 17 сентября) и ея трехъ дочеряхъ. — Въ экономіи русскаго стиха сестры Георгія являются эпизодомъ, значеніе котораго намъ придется разъяснить.

2. Преслѣдованіе Дадьяна изображено по приѣмамъ эпоса, какъ вражеское нашествіе на Иерусалимъ¹⁾. Припомнимъ, что и стихъ о св. Θεодорѣ Тиронѣ начинается нашествіемъ жидовской силы, и мы можемъ еще услѣдить, при помощи текстовъ апокрифа, какія его черты дали поводъ къ своеобразному пѣсенному развитію. Можетъ быть, эта подробность существовала уже въ первоисточникѣ Георгіевскаго стиха; замѣтимъ, что въ русскихъ текстахъ чуда «до мученія» св. Георгій возвращается съ войскомъ «отъ перскія брани». — Насильникъ названъ: Демьяницею, Одемяницею, Даміаницею, Дектіаномъ; это, несомнѣнно, Дадіанъ, Дацианъ; вспомнимъ Дамьяна = Дадьяна Никитина житія; Діоклитіанище (Безсон. вар. къ № 105; Якушкинъ

¹⁾ Исключеніемъ является № 110 у Безсопова, гдѣ отецъ Георгія, «Татарскій державецъ», мать «Премудрая», и мучителемъ представляется собственный отецъ святого — какъ въ отреченномъ житіи Никиты.

№ III) говоритъ за себя; Кудрянище, Мартемьянище (Максимянъ?) принадлежать, можетъ быть, народному пересказу. — Демьянище — басурманъ, злодѣй, шипитъ по змѣнному, «яко змѣй летитъ» (Безсон. I. с. № 102); въ приведенной выше легендѣ у Аѳанасьева Брагимъ, отвѣчающій ему, названъ змѣемъ Горыничемъ: это «глубокій змѣй» апокрифа. — Онъ полонитъ Егорья и его сестеръ; по нѣкоторымъ вариантамъ (Безсон. № 101, 105, 107, 114; Якушкинъ № I, III; Варенцовъ, стр. 95 слѣд.) убиваетъ либо закладываетъ въ столбъ отца Георгія. Такъ должно было быть въ обстановкѣ вражескаго нашествія; въ апокрифѣ отецъ Георгія умираетъ раньше его мученія; тексты A(b) и Слово Григорія Кипрскаго дѣлаютъ мученикомъ за вѣру и отца святого — и мы въ состояніи указать, откуда взялась эта подробность и самое имя Θεодора, смѣшаннаго въ русскомъ грѣсенномъ преданіи съ Θεодоромъ Стратилатомъ (Стратилаторъ и т. п.)¹⁾. Память св. мученика Геронтія чествовалась 1, 12, 13 и 14 апрѣля; мы знаемъ, что уже въ Синайскомъ мѣсяцесловѣ IX в. онъ памятуется, какъ отецъ Георгія; греческій прологъ клермонской иезуитской коллегіи X—XI вв. и другіе древніе греческіе синаксари помѣщаютъ подъ 13 и 14 апрѣля памяти Θεодосія, Василида и Геронтія; славянскій пергаменный прологъ за мартовское полугодіе (Моск. Синод. библ. № 240) XIII—XIV вѣка: Θεодосія царя Гернота (вѣроятно: Геронта), т. е. опять-же Θεодосія, Василида, Геронтія; Василидъ понятъ, какъ нарицательное (царь); оставалось понятъ въ томъ-же смыслѣ и имя Геронтія, Геронта — и Геронтій, Василидъ, Θεодосій легко обратятся въ народномъ пересказѣ въ стараго царя Θεодосія, вмѣсто котораго имя Θεодора подставилось само собою. Мученіе или усѣченіе св. Θεодосія упоминается въ апрѣлѣ и отдѣльно; память Θεодота (т. е. Θεодосія) и Василия (т. е. Василида) и ниже

¹⁾ Имя Геронтія въ бѣлорусскомъ егорьевскомъ стихѣ у Безсон. Калѣки I стр. 744 — 5, какъ и весь стиль стиха указываютъ на его нѣвольное происхожденіе.

съ ними стоитъ подъ 2 апрѣля въ греческомъ мѣсяцесловѣ XI вѣка.

Мученіе св. Георгія стихъ описываетъ подробно: главную роль играютъ топоры, пилы, кипящая смола, гвозди и т. п.; всё это развито изъ мотивовъ апокрифа; послѣднее заключеніе въ темницу выражено заключеніемъ въ погребахъ, засыпанныхъ песками рудожелтыми. Пребываніе въ погребахъ представляется долговременнымъ: три или тридцать три года. Демьянище увѣренъ, что Георгію не бываетъ въ живыхъ: это увѣренность Дадіана: іако оумрѣтъ. Но чудомъ развѣваются пески, Егорій выходитъ на Божій свѣтъ,

3. встрѣчаетъ мать, стоящую въ церкви на молитвѣ и просить у нея благословенія — отплатить Демьянищу дружбу прежнюю, утвердить вѣру христіанскую. — Въ одной редакціи стиха (Безсон. № 98) онъ спрашиваетъ, гдѣ его сестры? Я полагаю, что въ слѣдующемъ отдѣлѣ стиха освобожденіе ихъ являлось въ центрѣ дѣйствія, не его эпизодомъ, какъ въ дошедшихъ до насъ пересказахъ.

В. Чудо съ змѣемъ. Въ предлагаемой здѣсь попыткѣ возстановленія я пользовался, главнымъ образомъ, матеріаломъ собраннымъ г. Безсоновымъ, и именно №№ 98 — 106 и 108 — 109 стиха о Егоріи храбромъ.

Егорій выѣзжаетъ на подвигъ; первая застава на его пути — горы толкучія (№№ 98, 102, 107), которыя расходятся по его просьбѣ; въ большей части вариантовъ (№№ 99, 100, 103, 104, 106, 108) къ нимъ присоединены и гѣса; въ № 105: гѣса, рѣки, горы (въ № 101: гѣса, рѣки), въ № 109: гѣса, горы, рѣки и моря: онѣ расходятся, растекаются, чтобы было гдѣ «Егорію проѣхать». — Именно потому, что подобнаго рода заставы могли легко плодиться въ воображеніи пѣвца, можно предположить, что этотъ эпизодъ поѣздки подвергся значительнымъ наслоеніямъ. Основною чертою могли быть «горы толкучія».

Труднѣе поддается анализу слѣдующій эпизодъ стиха.

Егорій наѣзжаетъ на «стадо волчиное», «звѣриное» (№№ 98,

99, 101, 102, 104, 105, 106, 108, 109) и велитъ звѣрямъ разойтись по землѣ; въ нѣкоторыхъ вариантахъ (№№ 100, 102, 105; сл. 99 и 106) пастырями стада являются три родныхъ сестры Георгія; въ другихъ, за встрѣчей съ звѣрями, слѣдуетъ еще стадо змѣиное: его-то пасутъ сестры (№ 98; сл. вариантъ къ № 101, а также №№ 108 и 109); Егорій побиваетъ змѣй (№№ 101, 108 — 9). — Древнѣйшая послѣдовательность, сохранившаяся въ нѣсколькихъ стихахъ (№№ 99, 100, 104, 105 и вариантъ; 106) была, вѣроятно, слѣдующая: Егорій наѣзжаетъ на стадо, которое пасутъ его сестры; «ему та застава миновалася»; вторая — встрѣча и бой съ змѣемъ:

Наѣзжалъ Ягорій на люта змѣя,
 (На люта змѣя), люта огненна,
 Какъ изъ рота огонь, зъ ушей полцма,
 Изъ глазъ въ ней скоры снпять огнлнма,
 Вотъ хотить Ягорья погрѣбати.
 Ягорій-свѣтъ проглаголивалъ:
 Во люта змѣя, люта огненна!
 Хотъ съѣшь меня, да не смта будень,
 Не ровѣнь кусокъ, змѣй, подавншься.

Онъ раскрошилъ его на мелкія части; вариантъ къ № 105 (сл. Якушинъ № III) называетъ змѣю Горюницею, она о 12-ти головахъ, 24-хъ хоботахъ; въ №№ 104, 105 является нѣсколько огненныхъ змѣевъ: несомнѣнно, амплификація позднѣйшей гѣсни.

Сестры Георгія, увлеченныя въ плѣгъ нечестивымъ царемъ, обасурманились: онѣ сидятъ по звѣриному, спятъ, лопятъ по змѣиному (№№ 98, 99 и разити),

Волоса на нихъ какъ ковыль трава,
 А тѣло на нихъ какъ скоро лвовая
 (Сл. №№ 99, 100, 102, 103, 105, 106).

Егорій велитъ имъ искупаться въ Иорданъ-рѣкѣ, омытъ вѣру латинскую, басурманскую (№ 101), «наростеть на васъ тѣло христіанское» (№ 100). — Выраженіе «латинская вѣра» не должно бы останавливать насъ, еслибы въ болгарскомъ стихѣ о чудѣ Ге-

оргія невѣрный царь также не носилъ имени латина; онъ — властитель Троема или Трояна. — Обрастаніе тѣла является вѣшнымъ выраженіемъ внутренней нечистоты, мрака невѣрія. Въ болгарской пѣснѣ о «дѣлажѣ земли» такъ наказаны невѣрные христіане:

И страшна ся коса пораснала,
Изъ коса-га змѣи пораснале¹⁾.

Интересную параллель представляетъ въ *Wolfdietrich's* В эпизодъ, отвѣчающій въ редакціи А разсказу о встрѣчѣ героя съ *megwir*: дикая Эльза (*die rühe Else*) обросла волосами, ходитъ во звѣриному; окрестившись въ источникѣ, она становится красавицей. Она — царица старой Трон.

Встрѣча съ сестрами и змѣемъ принадлежитъ къ существеннымъ элементамъ чуда, воспринятаго въ русскій стихъ о Егоріи, быстро приближающійся затѣмъ къ своей развязкѣ: еще одна застава — встрѣча съ чудовищной птицей (Нага, Нога, птицы Нагайщны; Черногонъ, Черногоръ; Нага-Астрахиръ, Остра-филъ, Стратимъ), сидящей на вратахъ города, гдѣ царитъ Демьянище — и Егорій убиваетъ насильника. Я не берусь объяснить явленіе чудесной птицы въ связи съ начальнымъ планомъ стиха, потому что не увѣренъ въ ея принадлежности къ его древнѣйшимъ очертаніямъ. Стихъ дошелъ до насъ въ двоякой переработкѣ, одинаково затемнившей значеніе его второй половины, а въ ней элементъ чуда. Первую переработку я назвалъ бы былинною: стихъ кончался казнью Демьянища, и она стала эпической цѣлью, къ которой устремилось всё дѣйствіе. Это не могло не повліять на переработку элементовъ чуда, вошедшихъ въ составъ стиха; они утратили характеръ личности, эпизодической цѣльности, подчинившись новому плану: чудо обратилось въ поѣздку къ Демьянищу, поѣздку съ заставами, въ которой стерлись первоначальные очертанія легенды. Заставой очутился и бой съ змѣемъ, и звѣри, которыхъ пасутъ сестры Георгія, и Черногонъ-птица. —

¹⁾ Миладниовци № 53.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

Но на этомъ пародная фантазія не остановилась, и дошедшіе до насъ варианты стиха отразили еще другое представленіе о Егоріи, внушенное его житіемъ, его предсмертной молитвой, словомъ Аркадія Кипрскаго и т. п.: представленіе о Георгіи, какъ о чудесномъ помощникѣ, пособникѣ на сушѣ и на водахъ. Заставы въ стихѣ-былинѣ о Георгіи поняты, какъ чудеса его устроенія; въ этихъ границахъ позволено говорить о немъ, какъ о деміургѣ. Крайней точкой отправленія, за мотивами заставъ, была легенда о чудѣ, какъ въ извѣстной болгарской пѣснѣ, поющейсѣ на Юрьевъ день¹⁾:

Рано утромъ, на Юрьевъ-день, тронулся въ путь св. Георгій:

На срѣшту му сура лама,
 Сура лама съсъ три главы.
 Свѣти Георги отговара:
 Ой та тебе, сура ламѣ!
 Назадъ, назадъ, сура ламѣ!
 Че штж извадж златъ буздуганъ,
 Штж отсѣкъ до три главы
 Та ште текнѣтъ до три рѣки,
 До три рѣки чърни кръви!
 Не са врънѣ сура лама.
 Той извади златъ буздуганъ,
 Та отсѣче до три главы.
 Текнѣли сѣ до три рѣки,
 До три рѣки чърни кръви:
 Перва рѣка по орачи —
 Вашъ ишеница;
 Втора рѣка по овчѣря —
 Прѣсно млѣко;
 Трета рѣка по коначи —
 Ройно вино.

Очень вѣроятно, что новый пѣсенный матеріалъ, привлеченный къ сравненію, и пристальный анализъ мелочей прольетъ еще болѣе свѣта на составъ «большаго» русскаго стиха. Я останов-

¹⁾ Безсоновъ I. с. № 116; Каравеловъ I. с. стр. 212 — 213; Dozon, Chants pop. bulgares № 14.

люсь лишь на румынской балладѣ собраніи Marienescu, о Йованѣ-Йоргованѣ и змѣѣ (Iovanŭ Iorgovanŭ si Sierpele), на сколько она представляется мнѣ разъясняющей нѣкоторыя черты нашей пѣсни.

Въ зеленомъ лѣсу три сестры-красавицы собираютъ цвѣты; имена ихъ разнообразятся въ вариантахъ: Gagafina (Графина, Gagofan'a = Агриппина, Аграфена), Ieliti'a Maria и An'a Girozana, что красивѣй Sandiana'ы (иначе: An'a, Stan'a и Sandian'a). Меньшая заснула отъ усталости, а старшія, когда насталъ вечеръ, ушли домой, оставивъ её въ лѣсу. Проснувшись на зарѣ, она принимается пѣть: «Кукушка, кукушка, услышь меня, красивый молодецъ, выведи къ селу, на дорогу, чтобы найти мнѣ сестеръ — а я буду тебѣ племянницей». Второй и третій разъ она поетъ, предлагая птичкѣ быть ея сестрицей, супругой; но той пѣть до того дѣла: «я вѣдь не молодецъ, а птичка, и не знаю женской любви».

Тогда съ утеса змѣѣ погнался за дѣвушкой; какъ ни старалась она укрыться отъ него, онъ захватилъ её въ кольца своего хвоста, и лѣсъ огласился ея крикомъ.

Тамъ подъ надъ Черной (рѣкой) много храбрецовъ погибло (отъ змѣѣ?), остался еще одинъ румынъ-витязь, съ желѣзными мышцами (Bratiu de buzduganu): на лошадиѣ, быстрой какъ ястребъ, онъ гарцуетъ на горѣ, при немъ двѣ собачки. То Йованъ Йоргованъ; какъ услышалъ онъ вопль, несшійся изъ лѣса, пришелъ въ недоумѣніе, проситъ Черну-рѣку остановиться: на твою зыбь я брошу серебряную мурену, золотой ларчикъ, украшенный змѣиными глазами (cu ochi de balauca). И Черна остановилась, Йованъ-Йоргованъ погналъ коня, перескочилъ рѣку и достигъ змѣѣ, старавшагося отъ него укрыться. «Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Не думаешь-ли убить меня? Коли убьешь — будетъ хуже: изъ моей мертвой головы зароятся мухи, онѣ укусятъ твоего коня, ужалятъ вола, и плугъ будетъ стоять въ тунѣ»¹⁾. — Но

¹⁾ Въ концѣ пѣсни рассказывается, что изъ разложившейся головы змѣѣ вышли черви и мухи, которыя никогда не переводились, жалили

Иованъ-Йоргованъ обѣщаетъ научить людей, какъ избавиться отъ этихъ мушекъ, и продолжаетъ грозить змѣю: ты погибнешь, потому что погубилъ женщину. — Не повредилъ я дѣвущкѣ, оставь меня въ живыхъ, говоритъ змѣѣ. Иованъ-Йоргованъ разрубилъ его на мелкія части. Тогда дѣвушка заговорила: Выведи меня къ деревнѣ, чтобы мнѣ найти сестеръ, я буду тебѣ супругой. — Диву дался Иованъ-Йоргованъ, увидѣвъ, какая она молодая и красивая; согласился; тутъ они обнялись и поцѣловались. — Въ одной вариантѣ этой пѣсни, записанномъ въ Трансильваніи, послѣдній эпизодъ развитъ своеобразно: Иованъ-Йоргованъ обнялъ дѣвущку, а она говоритъ ему: «Не будемъ спать, можетъ быть не хорошо это, и тебѣ грѣшно будетъ, что ты поцѣловалъ меня. Мы похожи одинъ на другого, спросимъ-ка другъ у друга: какого мы роду-племени, можетъ быть, мы и знаемъ. Я дочь царя, избавленная». — Иованъ-Йоргованъ пришелъ въ ужасъ: «Грѣшно мнѣ, что я тебѣ поцѣловалъ: и я сынъ царя, избавленный. Закляли насъ родители въ горячихъ слезахъ: тебѣ быть на востокѣ блуждающимъ оленемъ, мнѣ-же скитаться, что раненый левъ»¹⁾.

копей, отравляли воловъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что Георгіѣ конилъ за головой нѣ Дунаю, но она скрылась въ дырѣ подъ утесомъ «Baba Saja», гдѣ онъ не могъ еѣ достигнуть своими стрѣлами. (См. прим. Marienessu къ приведенной балладѣ). — То-же преданіе, въ связи съ чудомъ Георгія, приурочено къ Голубатскимъ высотамъ на Дунаѣ. Сл. Mednyánszky, Erzählungen, Sagen und Legenden aus Ungarn's Vorzeit (Pesth, 1829), p. 457 — 60: Sanct-Georgs Felsensprung; Arth. u. Adalb. Schott, Walachische Mährchen стр. 284 — 5: Ursprung der Golumbatscher Fliegen. Въ одномъ вариантѣ русскаго стиха о чудѣ Егорія, № 118 Вес., змѣя разсмыкается «на гаденшии, на червеншии».

¹⁾ Въ жизнеописаніи св. Герарда, одного изъ первыхъ христіанскихъ просвѣтителей Венгріи, разсказывается о воеводѣ св. Стефана, Chanadъ, что передъ битвой онъ молилъ о помощи св. Георгія великомученика. Въ свидѣніи «arraguit ei in sompnis forma leonis stans ad pedes ejus dicens ei: o homo qui dormis, surge velociter, cane taba, egredere in prelium et superabis tuum inimicum». Когда Канадъ проснулся, почув-

Вторгся-ли въ пѣсню о чудѣ Георгія посторонній сюжетъ (братъ и сестра не признали другъ друга), нашедшій выраженіе въ русскихъ былинахъ (Михайло Казарянинъ и Марѳа Петровна; Алексѣй Поповичъ и сестра) и особую разработку въ циклѣ балладныхъ и обрядовыхъ (купальскихъ) пѣсенъ и легендъ — объ Иванѣ да Марьѣ? Вспомнимъ двойное имя Йована-Йоргована, т. е. Ивана-Георгія, и приведенное нами выше обрядовое сопоставленіе: Ивана да Марьи русскаго и Ивана и Маргариты австрійскаго купальскаго обихода. — Намъ интереснѣе соотношеніе двухъ вариантовъ румынской пѣсни, изъ которыхъ одинъ говоритъ о сестрѣ Георгія, другой даетъ дѣвушкѣ, имъ спасенной, еще двухъ сестеръ. Это приводитъ насъ къ тремъ сестрамъ Егорія въ русскомъ «большомъ» стихѣ. Проклятіе родителей, можетъ быть, поздняя черта; важно то, что и Георгій, и его сестра представляются блуждающими, послѣдняя — гдѣ-то на востокѣ, какъ въ русскомъ «большомъ» стихѣ сестры Егорія являются полонянками Демьянища. Царственное происхожденіе Георгія встрѣтилось намъ и въ нѣкоторыхъ западныхъ памятникахъ, и въ русскомъ стихѣ. — Дальше намѣченныхъ нами аналогій проникать было-бы тѣмъ небезопаснѣе, чѣмъ тѣснѣе оказываются связи между благочестивой легендой и народной сагой, чѣмъ неуловимѣе между ними переходы и смоченія, сдѣлавшія Георгія героемъ международной сказки о змѣборцѣ, заставив-

ствовавъ, какъ будто въ немъ прибыло силъ двухъ человекъ. Въ слѣдующей за тѣмъ битвѣ онъ собственноручно убиваетъ противника св. Стефана, Achatam'a, и когда Gyula сталъ хвалиться этимъ подвигомъ, представивъ въ доказательство отрубленную имъ голову врага, Chanad удцпгъ его, показавъ языкъ, вырванный имъ у убитаго. — Какъ известно, это эпизодъ, специально встрѣчающійся въ легендахъ о змѣборцѣ и лишь перенесенный здѣсь на историческія отношенія. — Гора, близъ которой Канаду было сновидѣніе, получила названіе «львиной». Irotyi (Ungarische Sagen und Märchenzüge, въ Zeitschr. f. d. Myth. II p. 167) замѣчаетъ, по этому поводу, что мадьярское orozslán = левъ означаетъ «похититель дѣвицъ», и что въ мадьярскихъ сказаніяхъ онъ потому нерѣдко заступаетъ мѣсто дракона, змѣя.

шія историческаго Траяна не только креститься отъ руки Георгія, но и стать ревностнымъ подвижникомъ Христова имени — въ борьбѣ съ невѣрными ¹⁾).

VII.

Интересъ, возбуждаемый въ изслѣдователѣ стихомъ о Георгіи, связанъ съ общимъ вопросомъ: объ отношеніяхъ народнаго творчества къ даннымъ литературы, церковнаго и художественнаго преданія, внесеннымъ извнѣ въ народную жизнь. Эти отношенія могутъ быть различныя. Въ иныхъ случаяхъ мы склонны допустить одностороннее влияніе: русское представленіе о Егоріи свѣтло-храбромъ, по локоть руки въ красномъ золотѣ, по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, очевидно внушено иконописью; образъ св. Георгія-воина, поражающаго змѣя, отразился и въ греческой пѣснѣ, гдѣ клефть Димось молить Господа, Панагію и св. Георгія излѣчить его руку, чтобы онъ могъ снова опоясаться мечемъ, — и въ южно-русскомъ представленіи св. Юрка, казака, съ копьемъ и саблей, расправляющагося съ пьянымъ бѣсомъ. — Иное дѣло — народные обряды на день св. Георгія: здѣсь слѣдуетъ предположить а ргіогі взаимодѣйствіе своего и чуждаго преданія: на народное чествованіе святаго могли быть перенесены изъ готовой обрядности многія черты, по аналогіи и календарной смежности. Нельзя не 'отнестись сочувственно къ пріемамъ г. Кирпичникова при разборѣ обрядовъ и вѣрованій, которыми до сихъ поръ живетъ и руководится не только русское, но и европейское простонародье. Только подобное отношеніе къ дѣлу можетъ оградить насъ отъ миеологіи «дѣланной», отъ широкихъ обобщеній, въ которыя въ безмятежномъ безразличіи укладывается всякій бытовой или обрядовой фактъ, записанный въ народѣ, и свое и чужое не считается родствомъ, а вопросъ

¹⁾ Такъ въ неизданныхъ пока румынскихъ пѣсняхъ, о которыхъ говоритъ А. Graf, *Dell' epica neo-latina primitiva, parte I* (Roma, 1876), стр. 41.

объ историческомъ генезисѣ каждаго явленія порознь не поднимается, — чтобы не нарушить спокойствія системы. Если бы мы попытались охарактеризовать пріемъ, пока единственно возможный въ этой области, намъ пришлось-бы ограничиться двумя словами: выдѣленіе и сравненіе; выдѣленіе изъ массы матеріала, съ виду односторонняго, тѣхъ элементовъ, которые привнесены извнѣ и лишь вѣншимъ образомъ пріурочены къ народной основѣ; сравненіе съ аналогическими фактами и процессами, въ нихъ происходящими, въ другихъ народныхъ особяхъ.

Въ томъ и другомъ отношеніи изслѣдованіе г. Кирпичникова можетъ вызвать нѣсколько замѣчаній.

Какими-бы ни были первичныя основы сказаній о св. Георгіи, къ намъ онѣ пришли не только въ формѣ установившагося житія, но и съ готовымъ календарнымъ пріуроченіемъ. Георгію праздновали 23—24 апрѣля; его праздникъ приходился, стало быть, весною, къ которой языческое міросозерпаніе издавна привязало цѣлый рядъ обрядовъ и повѣрій. Егорьевъ день вошелъ въ уже готовый циклъ; то, что въ житіи и чудѣ шло навстрѣчу укоренившимся въ народѣ представленіямъ, тотчасъ-же претворялось по ихъ образцу и согласно съ ихъ образностью. Св. Георгій сталъ весеннимъ Егорьемъ; отсюда могъ начаться уже чисто механическій процессъ сопоставленія и отождествленія, который слѣдуетъ точно отдѣлить отъ предъидущаго. Если Егорій вступилъ въ циклъ весеннихъ празднествъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ обряды, пріуроченные къ 23 апрѣля или его кануну, относились именно къ нему. Какую связь имѣеть съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ, копаніе дѣрна въ Буковинѣ, овсяный кисель, который варять на Юрья въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и т. п.? Все это, быть можетъ, языческіе обряды, которые слѣдовало попытаться выдѣлить изъ специально-юрьевскихъ. Я не рѣшусь предложить здѣсь-же опытъ такого выдѣленія, а пока не знаю, какіе именно «обряды и повѣрья, соединенные съ Юрьевымъ днемъ, могутъ пріурочиваться и къ другимъ христіанскимъ праздникамъ» (стр. 149).

Въ подобнаго рода вопросахъ критическимъ мѣриломъ могло бы послужить г. Кирпичникову сравненіе съ обрядностью другихъ народовъ, и остается только пожалѣть, что изслѣдователь добровольно связалъ себѣ руки, ограничившись «одной Россіей, или точнѣе, однимъ славянскимъ элементомъ ея», а къ другимъ народностямъ обращался лишь для указанія параллелей и разъясненій (стр. 127). Болѣе подробное и обстоятельное сравненіе было-бы желательно именно въ виду большей прочности ожидаемыхъ результатовъ. Въ циклѣ обрядовъ и повѣрій, обставившихъ Егорьевъ день, оно позволило бы выдѣлить, съ большей или меньшей вѣроятностью, тѣ изъ нихъ, которые вообще относятся къ празднованію весны, а съ Егорьемъ спаены въ силу календарной случайности. Я разумѣю такую напр. возможность, что одни и тѣ же обряды одинаково связаны съ празднованіемъ весны у народовъ славянскаго и германскаго племени, а специальное приуроченіе ихъ къ 23 апрѣля является лишь на одной сторонѣ. — Сравненіе было, наконецъ, необходимо и для опредѣленія внѣшнихъ вліяній одной обрядности на другую. Говоря о Юрьевскихъ повѣрьяхъ у Чеховъ, Словенцевъ и Мораванъ, г. Кирпичниковъ замѣчаетъ: «родственные повѣрья находимъ мы и у Нѣмцевъ, откуда они, вѣроятно, и перешли къ западнымъ славянамъ» (стр. 140). Но эта вѣроятность чисто личная: заимствованіе могло идти и обратнымъ путемъ, или его не было и вовсе, и сходныя повѣрья развились самостоятельно изъ сходныхъ основъ при аналогическихъ условіяхъ культуры и однородности міросозерцанія. Ясно опредѣлить область самостоятельнаго развитія отъ внѣшняго вліянія помогло-бы лишь всестороннее приложеніе сравнительнаго метода.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выборъ между тѣмъ и другимъ рѣшеніемъ усложняется, такъ сказать, механическимъ факторомъ: сосѣдствомъ. Въ Буковинѣ, напр., наканунѣ 23 апрѣля копаютъ дѣрнъ и кладутъ его по два куска при воротахъ и колодцѣ; на зданіяхъ дѣлаютъ кресты дегтемъ, а дверь, за которою находятся коровы, закладываютъ боровами: въ эту ночь вѣдьмы

пользуются особенной свободой и могут обобрать у коровъ молоко (стр. 139). Тоже въ Седмиградіи: ночь наканунѣ Юрьева дня — праздникъ вѣдьмъ; чтобы защитить отъ нихъ свой скотъ хозяева бодрствуютъ и обкладываютъ хлѣва дерномъ (стр. 141). Тѣ же обряды существуютъ, стало быть, у сосѣдей Валаховъ и Славянъ. Какъ объяснить ихъ сходство? Еще большее затрудненіе представляютъ случаи сходства, не покрывающіеся одинаковымъ календарнымъ приуроченіемъ. Примѣры дадутъ егорьевскія празднества.

Выше разсказаны были грузинскіе обычаи на день св. Георгія, 14 августа и 10 ноября. Въ нихъ выдѣлялись особенно слѣдующія черты: приношеніе въ жертву животныхъ, напр. быка съ зажженными свѣчами на рогахъ; паленіе костровъ; наконецъ, въ Апхурскомъ праздникѣ, избранница Георгія, которую я пытался объяснить въ связи съ легендой о борьбѣ съ змѣемъ, легшей въ основаніе всего обряда.

Въ Болгаріи Георгію празднуютъ 23 апрѣля: выбираютъ самаго красиваго ягненка, связываютъ ему ноги, завязываютъ глаза, на его рожкахъ зажигаютъ свѣчку; домохозяйинъ, если онъ грамотный, беретъ святцы, читаетъ тропарь святому Георгію и другія молитвы и начинаетъ рѣзать ягненка. Подниметъ ножъ кверху и скажетъ: св. Герги ва ти ѣгне; а вокругъ ходятъ старухи, кадятъ ладономъ и мажутъ медомъ ротъ барашка. У Шоповъ, въ Пиротскомъ округѣ, приношеніе жертвы на Джуржевденъ совершается такимъ образомъ. Выносятъ барашковъ изъ cadaго дома на чистое поле, завязываютъ имъ ноги и глаза платками, головки убираютъ вѣнками и ставятъ ихъ въ кружокъ. Вокругъ барашковъ дѣвушки и парни пляшутъ и поютъ, и, поплясавъ, становятся въ кружокъ около барашковъ. Старцы начинаютъ ихъ колоть; кровь течетъ по травѣ, дѣвушки собираютъ кровь и траву, а старухи разводятъ огонь и сожигаютъ веревки и платки, которыми были связаны барашки. Старцы уносятъ барашковъ домой, жарятъ на вертелѣ и потомъ выносятъ ихъ на гору св. Георгія, а старухи несутъ боговицу (хлѣбъ),

дѣвушки-же лукъ, чеснокъ, и, собравшись на горѣ, дожидаются попа. Попъ, прочтя молитвы, беретъ съ каждаго хозяина по четверти барашка, особенно переднюю лѣвую ногу, вмѣстѣ съ головою и шкуру, беретъ четверть боговицы, немного луку, чесноку и кислаго молока, а потомъ уже позволяет ѣсть всѣ эти вещи. — Въ Видинской «казѣ» (епархіи) въ этотъ день закаляютъ общественнаго, священнаго быка, на котораго никто не смѣетъ поднять руки въ другое время года, и отъ всей деревни приносятъ въ жертву св. Георгію.

Въ этотъ день рано утромъ дѣвушки ходятъ повалиться по росѣ, чтобъ не болѣли кости; собираютъ цвѣты, полевые травы, кладутъ ихъ въ бѣлый мѣдникъ и кипятятъ, потомъ на отварѣ мѣсятъ хлѣбъ, который и называется боговица; собирая травы и мѣся хлѣбъ поютъ приведенную выше пѣснь: про побѣду Георгія надъ трехъглавымъ змѣемъ. — Послѣ обѣда дѣвушки пляшутъ, другія качаются на люлку (на качеляхъ), а сзади качающихся стоятъ парни и, ударяя ихъ розгами, спрашиваютъ: кой-ти ѣ годеникъ-тъ? (кто твой суженый). Дѣвушка отвѣчаетъ: азъ самъ още маничка (я еще мала). Но парень продолжаетъ ее бить до тѣхъ поръ, пока она не назоветъ своего суженаго. Тоже дѣлаютъ и дѣвушки съ качающимися парнями. При этомъ поютъ качальныя пѣсни:

Залуля са нова люлка, 2
 Нова люлка Букурешка,
 Люляла са два дни три дни, 2
 Два дни, три дни, три недѣли.
 Люляло са Марийче-то, 2
 Марийче-то момиче-то и т. д.
 Отдолу идатъ кргене-те, 2
 кргене-те лудп-мади;
 Шибале-го, пптале-го:
 Кого сцѣшъ, Мико, да земешъ?
 — Азъ ща зема Стоянче-то,
 Стоянче-то кргенче-то и т. п. ¹⁾.

¹⁾ Каравеловъ I. с. подъ 23 апрѣля. Другая подобная пѣснь напечатана Верковичемъ, Нар. песне Макед. Бугара стр. 33. Сл. Чолакова,

Сходные обычаи существуют и у Сербовъ¹⁾: тотъ-же элементъ жертвоприношеній, гаданій о суженомъ и т. п. «Око Тимока, говоритъ Караджичъ, сваки домаћин дотјера на ђурђев дан к пркви по мушко јагње, и ондје му на сваки рог прилијепи по воштану свјећницу, па поп послѣје летурђије изиђе међу јагаѣце, којима се онда свијеће на розима запале, те им чати молитву и благослови их (да се кољу и јаду); други дан зађе поп с ђаком од куће до куће те купи коже од онијех јагаѣца, које њему припадају као плата за молитву и за благослов. Тако онамо и кад је завјетина у коме селу, сваки испече по јагње и донесе га на оно мјесто гдје ће ручати, по том зађе поп те од свакога јагњета отсијече плечу и метне је у врећу, која се за њим носи». — Дѣвушки молятся св. Георгію о женихахъ — какъ и въ Россіи, въ иныхъ мѣстностяхъ которой готовятъ на Юрьевъ день пирогъ въ видѣ барана, который разрѣзываетъ главный пастухъ²⁾, и существуетъ еще слѣдующій Юрьевскій обычай: выбираютъ красиваго парня, одѣваютъ его въ зелень и кладутъ ему на голову большой круглый пирогъ, убранный цвѣтами. Съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ онъ несетъ этотъ пирогъ въ поле, а слѣдующая за нимъ толпа дѣвиць поетъ въ честь Юрія — обрядовыя пѣсни. Трижды обошедши нивы, зажигаютъ костеръ, съ пустымъ мѣстомъ посрединѣ, куда кладутъ принесенный пирогъ. Всѣ усаживаются возлѣ огня, пируютъ и дѣлятъ

1. с. стр. 38 и болгарское празднество св. Георгію, описанное Дриновымъ, у Ефименка, О Ярилѣ, въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. II, стр. 102 — 105. Другіе георгіевскіе обряды болгаръ см. у Милоевича, Путонис дела Праве Старе Србије, I, 184; Стефана Захаріева, Географико-историко-статистическо описаніе на Татаръ-пазард-жишкѣ-тѣ каазѣ (Вѣна 1870), стр. 74 — 75.

¹⁾ Караџић, Живот и обичаји народа српскаго р. 28 — 9; сл. Милићевич, Живот срба сельака, Гласник срп. учен. друштва, кн. V. св. XXII старога реда (1867) стр. 93 — 7.

²⁾ Аѣанасьевъ П. В. II 255; тоже у Карпаторуссовъ. Сл. также румынскій обычай у Schott'овъ, Walachische Märchen, стр. 300.

между собою пироги, такъ чтобы каждому досталось по куску ¹⁾. — Парень русскаго обряда, одѣтый въ зелень, напоминаетъ зеленого Юрія Словенцевъ, съ ногъ до головы окутаннаго зеленью (Аван. I. с. 706), и Лелю или Лялю мало- и бѣлоруссовъ. Первые празднуютъ ей наканунѣ Юрьева дня: водятъ хороводъ, выбираютъ самую красивую дѣвушку, перевязываютъ ей шею и грудь, руки и ноги разною зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ сажаютъ дѣвушку на дерновую скамью, на которую также ставятъ кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло и проч. У ногъ Ляли кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ свѣжей зелени; хороводницы танцуютъ вокругъ неѣ и поютъ пѣсни. Когда окончатся пѣсни, Ляля раздаетъ своимъ подругамъ сыръ, масло и проч., затѣмъ бросаетъ имъ вѣнки, которые дѣвушка стараются схватить на лету ²⁾. Румыны чествуютъ особымъ празднествомъ Лелю, говоритъ Аванасьевъ ³⁾, и смѣшиваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Дѣвою; холостые парни и дѣвицы обращаются къ Лелѣ съ просьбой послать имъ ровню. — Отвѣчаетъ-ли Леля древней Ладѣ, богинѣ весенняго плодородія и любви, какъ полагаетъ Аванасьевъ, я не знаю: церковнослав. лѣла = *μττραδελφη*, болг. леле — *amita*, рум. *léle* — *sorog natu maioг*, македоно-рум. *λάλα* — *patruis*; румыны обращаются съ кличкой *léle* ко всѣмъ женщинамъ, которыя старше возрастомъ: родовое значеніе ослаблено, и въ пѣсняхъ *léle* при собственномъ имени тоже, что *amita*, *amasia*, *chaga*; въ этомъ смыслѣ мы встрѣтили въ румынской балладѣ о Георгіи: *leliti'a Mari'a*.

Въ Греціи на 23 апрѣля земледѣльческія семейства собира-

¹⁾ Аванасьевъ, Поэт. возрѣнія I, 706; о юрьевскомъ короваѣ у Бѣлоруссовъ см. Крачковскаго, Бытъ западно-русскаго селянина, р. 117, 119.

²⁾ Труды Этногр. стат. Эксп. въ зап. русск. край и т. д. Югозапад. отдѣлъ. Матеріалы къ изслѣдованію, собран. Чубинскимъ, т. II: Народный дневникъ, изд. подъ наблюденіемъ Н. П. Костомарова, стр. 29 — 30.

³⁾ Аванасьевъ I. с. III 679 — 80 и прим. 1) на стр. 680.

лись на поля и здѣсь, заколовъ какое нибудь новорожденное животное, устраивали пиршество. Крестьяне и крестьянки пляшутъ и поютъ на Рапигуі св. Георгія; содержаніе пѣсни сводится къ тому, что молодцы и дѣвушки призываются пользоваться жизнью, причемъ въ мрачныхъ образахъ является напоминаніе о смерти, всё уничтожающей, безъ различія возраста и состоянія¹⁾.

Аналогіи грузинскихъ и славяно-греческихъ обрядовъ, при различіи ихъ календарнаго приуроченія, заставляютъ отнестись осторожно къ попыткамъ извлечь изъ послѣднихъ ихъ народно-мифологическое содержаніе, истолковавъ ихъ — какъ обряды весенніе. Но какъ объяснить эту аналогію? Заимствованіемъ, перенесеніемъ и новой календарной локализацией, при чемъ поводомъ могло служить событіе, обновлявшее память святого: памятованіе чуда, перенесеніе мощей, освященіе церкви и т. п.? Самостоятельнымъ ли развитіемъ обряда и символа изъ того-же матеріала легенды? Или первичнымъ мифическимъ представленіемъ о Baumseele, о Vegetationsdämon, δύναμις ἀνστήσει, то обмирающей, то возникающей къ новой жизни (Маннгардтъ), представленіемъ, выразившимся въ сходныхъ формулахъ обряда — и нашедшимъ одинаковое приуроченіе къ имени христіанскаго святого? Я склоняюсь къ убѣжденію, что при изученіи народнаго повѣрья и обряда слѣдуетъ выдѣлять въ томъ и другомъ то, что я назвалъ бы общими мѣстами культа, жертвоприношенія и т. п., повторяющимися, въ сходныхъ чертахъ, при разнаго рода празднествахъ и внѣ связи съ мѣстомъ, занимаемомъ ими въ земледѣльческомъ годѣ²⁾. Къ этому элементу обряда едва ли приложима непосредственно натуръ-мифологическая экзегеза.

¹⁾ Снегпревъ I. с. III, 70; Терещенко, Бытъ русск. народа VI, стр. 27; Schmidt, Volksleben p. 87. Сл. Le comte De Marcellus, Chants populaires de la Grèce moderne p. 221 (Le jour de Saint-Georges).

²⁾ Съ закланіемъ, въ честь Георгія Илорскаго, быка, мясо котораго раздавалось какъ святня, сл. слѣдующіе русскіе обряды на Ильинъ день: къ церкви пригоняютъ рогатый скотъ; послѣ обѣдн выбираютъ одно животное, за которое и платятъ міромъ хозяину деньги; потомъ

Громадная популярность св. Георгія въ поэзіи и религіозныхъ представленіяхъ европейскихъ и, преимущественно, славянскихъ народовъ, всецѣлое усвоеніе его легенды народной пѣснью, рассказомъ и обрядомъ — дѣлають его житіе и примкнувшія къ нему чудеса особенно привлекательнымъ матерьяломъ изученія. Мнѣ уже случилось указать, что плодотворность такого изученія стоитъ въ прямой связи съ широкой постановкой вопроса, имѣющаго обнять, вмѣстѣ съ Георгіемъ, и житія родственныхъ ему по типу святыхъ. Такимъ путемъ могутъ получиться не только обобщенія теоретическаго характера, обѣщающія внести новый свѣтъ въ «физиологію» и исторію народнаго міросозерцанія, но и фактическія данныя для развитія народнаго эпоса. Я разумѣю, главнымъ образомъ, русскій былинный эпосъ, къ разработкѣ котораго предложенныя розысканія въ области духовнаго стиха являются естественнымъ введеніемъ. Я позволю себѣ нѣсколько замѣтокъ, намекающихъ на вопросъ, интересующій меня издавна, не предрѣшающихъ всего, что я имѣю сообщить въ моихъ изслѣдованіяхъ въ области русскихъ былинъ.

Свв. Георгій и Феодоръ перешли въ русскую духовную поэзію, какъ змѣборцы. Апокрифъ и духовный стихъ говорятъ о томъ, какъ св. Феодоръ спасъ свою мать отъ похитившаго еѣ змѣя; св. Георгій также освобождаетъ отъ змѣя царевну, которая въ нѣкоторыхъ редакціяхъ чуда и въ болгарской пѣснѣ названа Маріей; въ одномъ русскомъ прозаическомъ пересказѣ чуда спасенная — мать Георгія и также носитъ имя Маріи. — Припомнимъ въ этой связи эпитеты аникитовъ, аникіевъ, которымъ чествовались у Грековъ, по свидѣтельству Иларіона, св. Георгій и родственные ему святые; въ русскихъ пересказахъ 1 Георгій

закалываютъ его, варятъ мясо и раздаютъ по кускамъ за деньги, которыя идутъ въ церковь. Не быть на этомъ праздникѣ и не получить священнаго мяса — считается за большой грѣхъ (Ананасъевъ, Поэт.ч. Возрѣнія, I 475 и II 255 — 6).

названъ: аникитъ именемъ кумсь, отъ ан'кирскаго имени комисъ и т. п.

Въ русскомъ былинномъ эпосѣ спеціальность змѣборства принадлежитъ Добрынѣ. Его былины относятся къ наиболѣе смѣшаннымъ и запутаннымъ. Я выдѣляю изъ нихъ лишь нѣкоторыя черты. Отечество Добрыни: Никитичъ; отецъ его Никита является въ былинахъ съ блѣдными очертаніями, естественно ведущими къ догадкѣ, что онъ — отвлеченъ отъ прозвища сына (Никитичъ — Никита) и едва-ли пользовался когда-бы то ни было болѣе реальнымъ бытіемъ. — По нѣкоторымъ пересказамъ былинь Добрыня Никитичъ спасаетъ отъ змѣя свою родную тетку Марью Дивовну. Обыкновенно имя спасенной имъ дѣвушки другое (Запава; Марюда Всеславьевна, Гильф. № 59); тѣмъ интереснѣе вторженіе въ былину имени Марьи, рядомъ съ которой знаменательно становится Марина, обольщающая богатыря, вѣдающаяся съ змѣемъ. — Выше было указано, что Марина-Мargarита отразилась въ Маріи Георгіева чуда. Никитичъ не есть ли греческое ἀνικήτος? Замѣтимъ, что въ одномъ вариантѣ стиха о Ѳеодорѣ Тиронѣ (Безсон. I, № 122) мать святого названа Ѳеодорисса и Микитишна¹⁾.

Стихъ о Ѳеодорѣ уже привелъ насъ однажды къ вопросу о мотивахъ былинь: отецъ Ѳеодора, Константинъ Сауйловичъ или Самойловичъ, властвующій въ Цареградѣ или Іерусалимѣ; Константинъ Сауйловичъ или Самойловичъ въ особомъ циклѣ пѣсенъ о Саулѣ (Самуилѣ) Леванидовичѣ — нашлись въ царѣ Самуилѣ греческаго апокрифа о Ѳеодорѣ — и въ царѣ Константинѣ болгарскаго пересказа той-же легенды, недавно общеннаго мнѣ г. Сырку.

Я не утверждаю, чтобы русскіе стихи о Добрынѣ стояли въ непосредственной связи съ духовными легендами о змѣборцахъ.

¹⁾ Слѣдуетъ-ли приписать одному внѣшнему сближенію «Никитича» съ «Аникой» замѣну послѣдняго Добрыней въ одномъ вариантѣ былины объ Аникѣ-воинѣ? (Сл. Рыбниковъ, II № 9, стр. 36 — 7).

Та-же почва, которая осложнила чудесными элементами народной саги рассказы о святыхъ, могла сохранить и самыя саги о змѣборцахъ и змѣяхъ и спасенныхъ отъ нихъ красавицахъ. Къ этимъ первоисточникамъ восходятъ, быть можетъ, и русскія былинны о Добрынѣ. Я пока ставлю вопросъ: отвѣта можно ожидать отъ новаго изслѣдованія легенды на почвѣ данныхъ и результатовъ, собранныхъ въ интересномъ трудѣ г. Кирпичникова. Предъидущія замѣтки назначены были выяснить границы этого изслѣдованія и лишь предусмотрѣть ожидаемые отвѣты.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

І.

(Изъ Торжественника б-ки А. И. Хлудова № 195, л. 327 об.—
332 об.).

Мѣа апрѣла въ кѣг днѣ моученик стѣго георгѣа. бѣ. ѿ.

Ненавидей испрѣва члѣкы злыя свѣтнык диваволь. боренсе съ хотещѣими жити блговѣрно ѿ хѣ ісѣ. поставлѣють на нѣ царѣ и кнѣзе, ꙗко звѣри дивнѣ. всхыщати проповѣдники блгын вѣры. въ тѣ оубо врѣме царь бѣ етерь рѣдомь ѿ персиды, именемь дѣоклитѣань. мѣстнын кнѣзь тавроликѣи и пер'сарменѣи¹⁾. и ꙗще же и палестиньскѣи странѣ. въ дѣосполь же и галилею посла повелѣннѣ. въ власт'на кнежѣа своѣа, в'сѣмь пожрѣти мрз'кымь идоломь. моужь же ктерь бѣ въ дѣосполи сунклитикь, именемь герон'тъ поганинѣ съи. жрѣтвы же мрз'кыѣ приношаше, по в'се дѣи идоломь. жѣна же ꙗго именемь полихронѣа. хртѣанины соущи. не прѣсталаше выноу мѣещѣсе. и жрѣтвоу пѣннѣа въз'силающѣи тап хоу боу. не гвѣлающѣсе ꙗко хртѣанины иѣ. ѿдрѣжѣщааго ра' гнѣва тог'а идолослужитель. зачѣн'ши же, роди отрока стѣго. и хѣа мѣка георгѣа. рож'евоу же бывшоу стѣмоу ѿтрокоу. и възпитѣвоу въ в'сакоѣ моудрѣсти и цѣломоудри. и наоученоу быв'шоу своѣю мѣрѣю. спѣблн'ноу же бывшоу стѣмоу крѣченнѣу, тап свѣкго ѿца. стѣма моужема. епѣкономь и презвптеромь. по-

¹⁾ Ркп. пер'сараловнѣи.

слоужи же гоу боу нашему съ своєю мѣрию. ѡцѣ же кго гер-
 ронты оубѣди царя, и створи ѿ вокмы коум'са. Въ кдннь же (ѡ
 днн, рѣ к нѣмоу ѡцѣ. чѣдо. идѣва въ црковь великихъ бѣгѣ.
 и прinesi ѿмь съ мною жрътвой и кадило, да ти животь дадѣтъ.
 тѣ бо створише ти тѣло и чѣсть снѣю, не вѣды гко хрѣтианинъ иѣ.
 Слышав' же стѣи георгіе словеса сѣ ѡ оца своего, и въздых-
 ноувъ рѣ. не могу ти ити въ црковь бѣгъ твои. ни жрътвы имъ
 привести. не блуди ѡчѣ. ни послушан бѣсовъ. нѣ послушай
 мене, и азъ ти покажоу бѣ жива истин'на. кмоуже се поклон'ша,
 и спсена [л. 328] боудевѣ. тѣ бо створи словомъ нбо и землю.
 и моря и в'са гже въ нѣхъ. и животь дактъ в'сакоу твари своиѣ,
 и творещимъ волю кго. гко же оучетъ ны книги пррѣцкыѣ.
 гко бѣзи иже не створише ни нбесе ни землѣ, да погыбноуть.
 тѣлеса оубо соуть бѣсовьска роукотворена. глѣши къ нимъ и не
 слышетъ. помаваши имъ, и не зреть. падають и не встають.
 ѡ сего разоумѣи ѡчѣ. да оубѣживѣ лѣсти идольскыѣ. да спсѣтъ
 ны иѣ хс. оувѣжъ оубо ѡчѣ. гко паулъ бывъ иногда гонитель
 црквамъ. пришъши же блг'ти на нь, бы аплъ. и добрыи свѣт-
 никъ. и оучитель дѣломъ блгомъ. гко възлюби гѣ нашего иѣ хѣ.
 рѣ ѡцѣ иѣго. ѡ люте мнѣ чѣдо мое сладкоу. кто те иѣ наоучилъ
 бледи тоѣ. не вѣси ли гко оуродство иѣ наказаниѣ хрѣтианѣ.
 досаж'акми бо моуками оумирають. пристоупи оубо чѣдо. и при-
 несѣвѣ имъ жрътвой и кадило. и животь тебѣ дав'ше пощедѣтъ
 те. аще ли разгнѣваши иѣ, тѣ свести имали скръбнѣю въ адъ мою
 старость и мѣре твоѣ. Бѣ же члѣколюбѣцъ. хоте виною пока-
 зати свое члѣколюбнѣ. и хоте и ѡбратити въ блг'оразоумнѣ,
 выложи и въ тоу нощъ въ недоугъ. ѡгнемъ жѣгомъ лотомъ. въ
 оутрѣи же призвѣвъ сѣна своего георгіа, рече кмоу. чѣдо мое
 сладкоу. добрѣ ми глѣ ѡ вѣрѣ хрѣтианѣ, да би ми показаль бѣ
 ихъ. и не послушахъ тебе. нѣга же распаленъ иѣсмъ ѡгнемъ
 неѡславнннмъ. потыщисе и р'ци хрѣтианомъ да оумолеть бѣ
 своего, да избоу ѡ бѣды ѡгня сего. велии бо иѣ бѣ ихъ. гко же
 ми се гави въ снѣю нощъ. Рече же къ нѣмоу стѣи георгіе. аще
 вѣроуѣши въ гѣ нашего иѣ хѣ в'сѣмъ срѣцемъ своимъ. и в'сею

дшею своєю. не тъкмо ѿ ѿгна сего избавить те. нѣ и ѿ всѣхъ грѣхъ ꙗже створилъ єси ѿ юности твоєѣ. и жизни нбснѣи споубить те. ѿць же възопи [л. 328 об.] великъмъ глсомъ глкъ. вѣроую въ бѣ чтомы христїаны. испльнь же се геургїе радостїю великою ѿ обращени ѿца своѣго, възрѣвъ на нбо рѣ. хвалю те гї іс хѣ и ннѣ и в'егда. ꙗко не оудалилъ єси млти твоѣ, ѿ бокщїихсе тебе. нѣ близь ѿбрѣтаѣшисе соущїимъ далече твоѣго разоума. текъ же скоро призва приоубна моужа. и пришъша створиста млтвоу надъ нимъ. и абикъ ѿстоупи ѿ него ѿгнь. и наоучъша ѣ, крѣста въ име ѿца и снѣ и стго дха. испльнь же бывъ стго ѿбщениѣ. пожить же днїи. єт. и тако сконча житїиє свон. вѣровавъ въ бѣ живъ.

Геургїе же испльнь сѣ дха стѣ. в'се идолы ѿца своѣго ꙗже имѣаше въ домѣ своѣмъ златыє же и сребрныє шь ськроуши. и в'се богатство іѣго разда нищїимъ. поспѣшьствоующи мтери іѣго. нѣ не тъкмо же сѣ творѣше. но и цркви єллинскимъ начеть разарѣти, и идолы ськроушати. Схоластикъ же ктерь. именовъ сїлванъ. видѣвъ падениє црквъ. и ськроушениє соуетныхъ идолъ и мрз'кыхъ бѣгѣ, раз'жали сѣ зѣлѣ. и поимъ жрѣце идольскимъ, пристоупи къ царю дїоклитїану. соушоу тогѣ въ дїосполиѣ. и рѣ кмоу. молимъ ти се царю. геургїе коум'сь. снѣ герон'тїа схоластика. ѿ оучениѣ іѣ галилейска. и бѣгы намъ ськроуши. и цркви разори. и єрєѣ прогна. Царь же дїоклитїанъ повелѣ привести стго геургїа, ѡтрока бжїиѣ и воина. и сѣдъ на соудищи и сатрапомъ пришъшемъ. тран'квилиноу. и магнетїоу. и теогнию. и всѣмъ людемъ стоѣщїимъ, повелѣ прѣложити в'се ими же моучити ѣ. и възрѣвъ на мнѣка и запрѣщъ ꙗко лъвъ сверѣпъ, рече къ нкмоу. коѣ землїє єси и како же име твоѣ іѣ. Геургїе рѣ изредно и прьвоѣ хрѣтианъ. члвч'скимъ же именовъ геургїе наричюсе. рѣда же кападокїйска. снѣ же герон'тїа сунклитїка. въздоѣ же ме [л. 329] и вспитѣ палестинскаѣ страна. царь же рѣ. ѿць твоѣ гдѣ живеть. геургїи рѣ. въ вышнїи іеросалимъ ѿшль іѣ, къ нбсномуу ѿцоу. царь рѣ. въ котороѣ воинство вычтєнь єси. геургїи рѣ. азъ на землїи нѣсмъ воинъ. ѣстлѣн-

номоу и врѣменномуу цароу. воишь же ꙗко смь бес'мртномуу и
 небсномуу црѡу. ѡже помагашь ми на противешаго ми се врага.
 рече же царь к' нѣмоу. злы главы зло рашение ꙗси и многамь
 моукамь доиде. како смель ꙗси ѡслушати мойхъ повелѣнїи.
 и цркви разорил ꙗси. и жрце прогнахъ ꙗси. и все раздалъ
 ꙗси нищїимь, златыи же и сребрныи бѡгы, пристоупи оубо и
 пожри мнѣ прѣ в'сѣми, да возбудеши ѡ многѡ моукѣ. Георгїе
 рече. азъ цароу ꙗко же рѣхъ, хртїанїи ꙗсмь. и на бѣ моуко
 оуповаю. знаменав' же се рече. ѡ повелѣнїи не брѣгохъ. и цркви
 ꙗже глѣши разорихъ. їереи прогнахъ. да не многы дше члвче
 блудеть, нѣ паче да разуумѣють бѣ жива истїнна. творца нбоу
 и земли. и томоу да поклонет' се. и да не чтоутъ идѡль демонь-
 скыи. царь рече. виждоу те георгїе, ꙗко много прѣмоудрѡ
 оумѣши. Георгїе рече. сѣ прѣмоудрѡ нѣсть ѡ мене. нѣ бѣ мои
 дасть ми ѡ богатства своѣго. исправльши бѡ плѡды добрыхъ
 дѣлѣ. добродѣнїи же и славы небснымъ не ѡпад'ше, тї соутъ
 вѣтви цвѣтныи, живоуще въ рвени бжїи. славою и вѣроу крѣп-
 коую чтно дръжеще, црствїю бжїю наслѣдници бывають. тогѡ
 царь рече к' нѣмоу. георгїе. прѣстани ѡ бледи ток. и пожри бѡ-
 гомь, да дша твоѡ не выпадеть въ напасть. Георгїи рече. цароу
 неправды. противоу имени твоѣмоу. подыгнѣшакмь ѡдемь твоимь
 дїаволомь, ноудиши ме пожрѣти не соущїимь бѡгомь. нѣ азъ
 тыцоусе жртвоу принести себе боу моумоу. [л. 329 об.]. Ви-
 дѣв'же царь. ꙗко побѣж'ень ꙗ мнѡкомь. разгнѣвавьсе, повелѣ
 въ тьмицоу ѡ всадити. бѣ бѡ юже година ѡбѣдана. Вьлѣзь же
 стѣи въ тьмици, погаше ѡло сѣ. Вьскоую шеташесе ꙗзыци.
 и люте поучишесе тыщетнымь. присташе црїи земльсци. и кнези
 събрашесе вькоупѣ. на гѣ и на хрта нго. и пакы погаше. Гѣ
 просвѣщенїи моѣ и спсїтель мой кого се оубою. и кончавъ
 ѡло сѣ. и на конци рече ѡминь. Ютроу же быв'шоу, повелѣ царь
 привести ѡ прѣ сѣ. ведом' же погаше. бѣ бѣ мой вь'ми ми. гѣ
 не ѡстави оуп'вающїхъ на тѣ. прѣстав'шоу же нмоу, рече царь.
 георгїе. не ѡстанеши ли се ѡ боуштва слѡвесѣ твоихъ. и по-
 жреши бѡгомь, доиде же не оузриши тѣло своѡ погыбающее.

Георгіе ре. незаконниче и враже истинѣ. юже рѣхъ яко хрѣ-
 тиянъ ѣсмь, и не жроу идоломъ, ни кланяюсе бѣсомъ. разгнѣвав' же
 се царь, повелѣ протег'ше ѿ бити безымѣтно, четырьми моужи,
 жилами соуровами. мнѣ же бинемъ, възрѣвъ на нбо ре. бѣ въ
 помощь мнѣ вни. гдѣ помощи мнѣ потыщисе. и сѣ рекъ, не
 чюгаше моуки. пакы же повелѣ вврѣщи ѿ въ окринъ мѣдѣнъ.
 и рублимъ мѣденомъ бити ѿ по главѣ ѣго. Стыи же выпияше.
 гдѣ ис хѣ оукрѣпи ме, трыпѣти имени твоѣго ра. слоугы же изне-
 могоше. видѣвъ же глыбокыи зми дѣоклитіанъ. ѣко не прикосу-
 шесе кмоу мыкы, повелѣ коло створити. и въбити въ нѣ желѣза
 ѡстра. и ноже ѡбоюдоу ѡстры. и възложити мнѣ на нк. и кг'а
 приде стын. ѿ видѣвъ коло, оубоивъсе ре. георгіе. разоумѣи въ
 которы ж'рѣбни вычень ѣси. и чюи ѣко гѣ нашъ ис хѣ вѣчныи
 црѣ не ѡставитъ тебе. нѣ поможетъ ти въздѣ. ѿ ннѣ ли боишисе,
 да рѣтъ врагъ оукрѣпих'се нанъ. ѿ възрѣвъ на нбо молѣшесе
 гдѣ. вл'ко в'седръжителю гдѣ нбоу и земли и в'сеи твари. помощ-
 нице боищимъсе тебе. и подвизающим'се имени твоѣго ра стго.
 помози ми и гдѣи ме [л. 330] свршена мнѣ твоѣго. ѣко про-
 слависе ѣме твоѣ в'вѣи в'ѣкомъ ѡминъ. ѿ кончав'шоу кмоу
 мѣтвоу, възложише на нь коло, и оуспе стын, слоужещемъ кмоу
 ѡгтломъ. царь же мнѣвъ ѣко оумрѣтъ, въз'виже гдѣсь свой къ
 прѣ'стокцимъ кмоу кнеземъ и рече. ви'те ѣко ничто же ѣ бѣ
 галилейскы. нѣ бѣзи наши силни соуть. почто оубо не приде хѣ
 ѣго избавити. и снети кго ѡ колесе сѣго. сѣ же рѣкшоу моучи-
 телю. гдѣсь бѣ къ мнѣкоу гдѣ. рабе мой георгіе. встани ѡ сына
 свогго и не оубоисе. моужаисе ѿ крѣписе. бывш' же гдѣсоу сѣмоу
 къ мнѣкоу, ѡбѣ коло распадесе. и мнѣкъ воста выпикъ ѿ гдѣ. ви'те
 оубѣ коло. великъ ѣ бѣ хрѣтианьскъ. и ничто же соуть бѣзи ѣл-
 ливнѣспци. разгнѣвав' же се царь, повелѣ ѡдръ мѣдѣнъ принести,
 и възложити ѿ на нь. храстинъ же по'гнѣтати ѿ. ѿ шестию
 моужѣ бити ѿ по хрѣ'тоу батогы. прѣ'трыпѣ'шоу же кмоу моу-
 коу свю, повелѣ повѣсити ѿ. и гвоздикъ раж'ежены въбивати по
 в'семоу тѣлоу ѣго. мнѣ же трыпѣаше мѣсе. ѿ ѡбиѣ гвозди ѣспа-
 доше из' нѣго. пакы же повелѣ възложити ѿ на лѣсоу желѣзною

чрѣвомь. оугли же горющѣи по^асыпати. и палицами соуровами бити ѿ по хрѣб^атоу. и ѡцѣть лють съ солию смѣшше, кропити и по строупомь. и платномь соукнѣномь трѣтѣ и по нимь. Мнѣ же трѣпе, мѣшшесе глѣк, гѣ помози ми ѣко оустрашаюсе. бѣи же глѣсь къ нѣмоу глѣк. моужансе геѡргіе, ѣко ѡзь ксмь с тобою. пакы же повелѣ прѣтрѣти ѿ. пилѣ же притоупив^ашисе, ѿ слоугамь изнемог^ашимь. и ничто же не оуспѣв^ашимь, повелѣ црѣ принести конобь. и вылигати же вьнь масло. и подьгнѣтати же и зѣлѡ. и выложити вь нь мѣнка. геѡргіе же възрѣвь на нѣбо. молѣшесе глѣк. гѣ бѣ мои. пославьи рѣсоу нбснѡую надь трѣ ѡтрокы и оугашь пламень. помози [л. 330 об.] ми и посрами дѣлавола. сътвор^а же знаменнѣ хѣво, вьврѣженъ бѣи вь конобь. и абіе ѡгнь оугасе. и конобь оустыде. и в^аси видещен дивншесе. и мнозин вѣрѡваше вь гѣ. Пакы повелѣ моучитель разварити лон и пькль и смрѣдещи камень и смѣлоу. и вroupцѣмь ѡблѣти ѿ. и шлѣмь раж^аженъ възложити на нь. и свѣщама же двѣма под^ажигати рѣбра кго. Вьпити же проповѣ^аникоу и глѣати. ѡ повелѣни царин не мозѣте не родити. чѣстным^а же бѣгомь не досаж^аште. Хѣв же мнѣ възрѣвь на нѣбо, рече. гѣ іс хѣ. призри на ме и ѡблѣчи ме ѿ моукѣ снхь. помѣ же се, не чюаше моукѣ. видѣв^а же царь ѣко ничесо же оуспѣ, начеть словесы кроткыми глѣати кмоу. геѡргіе. тако ми вл^акы слѣнца и милостивѣ бѣгѣ. мироую те ѣко чедо моу. нѣ послушан мене ѣко ѡца своѣго. дающаго ти добрь свѣтъ. и пристоупль пожри бесмыртнымь бѣгомь. и створеть те втора вь царьствѣи моѣмь. Геѡргіи рѣ. нѣга кротко оубѣж^аень тобою, пожроу богомь твоимь. нѣ слыши цароу. днѣ юже на заходѣ слѣнца іс. и не могоу пожрѣти. нѣ повели да ме затвореть вь тьмници до ютра. оутрѣи же пожроу бѣгомь твоимь. царь же радъ бывъ, рѣ к^а нѣмоу. не боуди мнѣ тебе на моукоу прѣдати. нѣ и раны кже ти ксмь даль, ѿдаждь ми ѣко своѣмоу ѡцоу. нѣга же вьвиди вь вноутрѣвюю полатоу, и тоу почи. вьлѣз^ашоу же кмоу. кг^а вѣрь бѣи, поклонь колѣнѣ. в^асоу ноць мѣшшесе пон снѣце. кто бѣ вѣлен ѣко бѣ нашъ. тѣи ісѣи бѣ творей чю^аса ѣдннь. и пакы глѣаше. на тѣ гѣ оуп^авахъ, да не постыж^аоу се в^а вѣкы. и

на концѣ ѱалма рѣ аминь. Еоутропѣи же каженикъ рѣ къ прѣци. георгіе оучитель галилеиски, в'соу но́щъ не ѡстави мене почити, бледын, и бѣ свонго призыванъ. прѣца же хотещи слышати и видѣти. призвав'ши мнѣка рѣ к' нѣмоу. рѣци ми что ѣ бледь юже нѣси бледиль въ снѣ но́щъ, тако же слыша², в'сако [л. 331] наоучи ме. кто ѣ бѣ нѣго же призываеши. Георгіе рѣ. бѣ мой велии ѣ. тѣ бо сътвори нѣбо и зѣмлю. и море и члѣва. и в'соу тварь. слѣпыимъ свѣтъ да. хож'еник хромимъ. блондещек наставляекъ на свою истинуоу. Црѣца рѣ. како бѣ хртѣаньскѣ ѣ. Георгіи рѣ. послушан прѣце. како приде бѣ на землю, и члѣвк гависе. прѣкъ бо рѣ ѡ нѣмъ. въз'вигни силуоу твою, и приди да ны спсѣши. и мѡуси рѣ. да с'нидетъ тако дѣжъ на роуно. и аввакоумъ рѣ. гѣ оуслышахъ слоухъ твои и оубогах'се. разоумѣ² дѣла твои и дивих'се. Црѣца рѣ. кто ѣ дѣжъ. и кто ѣ роуно. и кто слыша и оубогае. и кто виде и дивиса. Мнѣкъ рѣ. роуно ѣ двѣ мрѣна. дѣжъ ѣ хс съшь'шии съ нѣсѣ. тако дѣжъ слово бѣжик. и вселисе въ чрѣво двѣ мрѣнк. и изыде безъ истлѣнигѣ. и гависе члѣвк да спсѣтъ члѣва блондеща. Црѣца рѣ. что оубѣ бѣзи наши. ничто ли же соуть. Мнѣкъ рѣ. ничто же соуть. идоли бѣ соуще демонъ. ѡчи имоуть и не видетъ. оуши имоуть и не слышетъ. нѡздри имоуть и не ѡбонгають. оуста имоуть и не глѣють. роуцѣ имоуть и не ѡсежоуть. нѣзѣ имоуть и не поидоуть. и не въз'глѣсетъ грѣтаномъ своимъ. по'бни имъ да боу²тъ творещи ѣ. и в'си надѣющеисе на нѣ. Црѣца же оумильшисе, рѣ к' нѣмоу. добрѣ оучиши гѣ. нѣ мѣтвоу ми створи, да ѡбѣгнетъ ѡ мене льсть идѣольскагѣ. Мнѣкъ рѣ. вѣроуи въ гѣ нашъ іс хс. и не имать тобою ѡбла²ти льсть идѣольскага. и сѣ рекъ оумльче. Оутроу же быв'шоу приведе и царь ирѣдъ сѣ. пришь'шоу же нѣмоу, рѣ к' нѣмоу. идѣвѣ въ црѣковъ великихъ богъ. и привнеси имъ жрѣтвоу, тако же ѡбѣщаль нѣси. Георгіе рѣ. азъ идоу и принесоу имъ жрѣтвоу. царь же повелѣ проповѣдникоу выпити. в'си сънидѣтеса и съберѣте. сѣ георгіи оучитель галилеиски пожрѣти хочетъ ѣполовоу. пришь² же въ црѣковъ, глѣаше. бѣжите ѡ мене бѣзи ѣллиньспѣи. [л. 331 об.] тако съ многомъ гнѣвомъ приидохъ на вѣ. и разрѣшь

погасъ свои, и въскочи въ црковь. и ѡбложъ ѡ идогѣ пракинкѣ, с'кроуши ѿ тако прахъ. видѣвъше же іерешк погыбеник богъ своихъ. и км'ше свезаше ѿ. и приведоша ѿ къ пароу. и повѣдаше кмоу в'са быв'шаа. рече же моучитель. трѣврѣсть ѡкаанне. не ѡбѣща ли ми се пожрѣти богѡмъ. тѡ почто смѣль кси створити ѿмъ таковаа. занк ти би пожрѣти ѿмъ. ѿли не вѣси како кровь твоа подь крѣпкою роукою мою к. Георгіе рѣ. ѡкаанне. аще себѣ не могоше помощи. р'ди ми что тѣи оубо створиши. кг'а хс' придетъ, соудити живымъ и мртьвымъ. царь же повелѣ ѡковати ѿ и въсадити ѿ въ тѣмници. и влѣзъ къ црци александріи рече. ѡ лютѣ мнѣ александріе. оуныхъ юже ѡ кзыка хртіаньска. изрѣднѣк же ѡ гоубителя свогго. Црца же рѣ. ѡстани оубо рода хртіан'ска. бѣ бо ѿхъ велии к. и азъ въ нь вѣроую. Тог'а царь възоупи. ѡ лютѣ мнѣ александріи. и тебе ли постигоше вльшпвкнни хртіаньска. и кмъ ю за власы, изведе вьнь. и повѣда в'са бывшаа кю прѣ'стокнщимъ. тог'а повелѣ стрѣгати. строужемѣ же ки, ни кдиногго же г'са бѣ ѡ кне. и повелѣ принести мелицоу. и вьложити въ ню сьса ке, и стрѣгати ѿ. она же изнемогши тою моукою, възрѣвши на мнѣ рѣ. створи мѣтвоу стѣи георгіе за ме, іако изнемогахъ, вѣровавше словесемъ оучениа ти. Георгіе же рѣ. мало прѣ'трьпи, и примеша вѣн'цъ ж'изни. царь же видѣвъ трѣпѣник ке, повелѣ оусѣкноути ю. она же г'лаше къ мнѣкоу. стѣи георгіе. что створю, іако нѣсмъ прик'ла кр'щения. онъ же рѣ ки. иди александріи и не стои. прик'ти ѿмаши кр'щеник кр'вию. она же възрѣвши на нѣбо, рѣ. истинныи бѣ познаныи мнѣ георгіемъ, прими мирно дпшо мою въ цр'тви твоимъ. и сѣ рек'ши ки, оусѣкновена бѣ въ добрѣ исповѣданни. мѣа априла въ .к. днѣ въ .с. чѣ [л. 332]. царь же рѣ къ мнѣкоу. георгіе. юже и црцоу погоубилъ кси. тѡ и ѡ насъ пощисе юже. мнѣк же рѣ. сѣ прѣ' тобою стою. твори кже хоцеша. тѣломъ моимъ владеша. а дпшою мою бѣ кдинъ сѣдъ же царь заповѣда ѡ кнѣмъ г'лн. георгіе оучитель галилейскъ. противе повелѣнню царевоу. и не поклоньсе непобѣдимымъ бѡгомъ, прѣданъ да боудеть м'чю. онъ же прикмъ заповѣдъ тоу, тѣщашесе

на с'врьшеник вѣица. Мѣи же кго видѣвши, ꙗко юже заповѣдъ
 приѣтъ, възрѣвши на ꙗбо молѣшесе глѣощи. бѣ приѣмыи жрътвою
 ꙗвраамлю. и ѿсаака сѣа кго на ѡлокавтось. такожде прими и
 сѣа монго георгѣа въ прѣви твоѣмъ. и сице помѣшисе, рѣ к'
 нѣмоу. моли за ме чѣдо. прѣжѣ бо тебе оумроу. царь же слыша
 ю глѣощоу къ мѣкоу. призвавъ ю рѣ. како ти ꙗ име. ѡна же рѣ.
 полѣхронѣа. хрѣтианина ксѣмь, ꙗко же и сѣѣ мон георгѣе. царь же
 рѣ къ нѣи. да ты ли и ꙗси наоучила досаждати богѡмъ, а не
 поклонятисе имъ ни жрѣти. она же рече къ нѣмоу. вѣ ксѣвѣ на-
 оучена цароу. боу живуо и истинному слоужити, а не идоль бѣ-
 совьскихъ чѣсти. царь же рѣ. полѣхроникъ. прѣстани ѿ своихъ
 боуѣхъ словесѣ, и пожри богѡмъ. ѡкаанны бо сѣѣ твои. много
 прѣрицавъ м'чю прѣданъ бѣ. Полѣхронѣа рѣ. прѣжѣ вар'ши рѣхъ.
 ꙗко хрѣтианина ксѣмь. и демономъ не жроу. нѣ тѣло свѡи при-
 ношоу къ гѣи хѡу. царь же разгнѣвав'се повелѣ жилами соуро-
 вами говеж'ами протег'шю ю бити. и пакы повелѣ повѣшыше
 стрѣгати ребра ꙗе. и свѣщами гороущами подъжигати. и въ сапо-
 гахъ желѣзнахъ раж'еженахъ ѡбоути ю. Мѣца же хѣа страж-
 доущѣи и призывающѣи хѣа, прѣда дѣхъ свѡи въ мирь. зрещоу и сѣа
 ꙗе. възьмѣше же хрѣтиани тѣло кѣ, погребѡше ю тамъ. Мѣкъ же
 хѣѣ видѣвъ мѣтерь свою оумьр'шоу, радъ бѣ. видѣвъ же народъ
 [л. 332 об.] ѡкрѣтъ стоѣще. възрѣвъ на ꙗбо помѣисе глѣкъ. гѣи бѣ
 нѣсе и землѣ вл'ко. послоушанъ глѣсъ молѣннѣи монго. и даждь,
 ꙗже боудеть въ страѣ. ꙗли въ бѣдѣ. ꙗли въ напасти. и призоветъ
 тебе мѣрдаѣго ѡца и сѣа и стѣо дѣа. именемъ твоимъ раба тво-
 кго, да спсѣнь боудеть. ꙗко тебѣ ꙗ слава въ вѣи вѣкомъ ѡминь.
 и рек'шоу ѡминь. бѣи глѣсъ к' нѣмоу съ нѣсе глѣкъ. георгѣе рабе
 мон. оуслышахъ мѣлѣтвую твою. приди и прими покои и вѣнѣць
 свѡи. ѡбращъ же се стѣи георгѣе, рѣ къ мѣчнику. пристѡупи
 чѣдо, кон'чанъ слоуж'боу свою. и пристѡупѣ мѣчникъ, ѡсѣче
 чѣтноую кго главою. и абикъ ꙗбо ѡблѣчно бѣи и троусъ велѣи
 и мѣлѣникъ и тоуча вѣлѣи. възьмѣше же хрѣтиани тѣло кго
 стрѣблѣше положише съ полѣхронѣи мѣтерю кго. въ чистѣ
 мѣстѣ въ дѡспѡлѣи. оусѣк'новень же бѣ. стѣи георгѣе мѣа

ἄπριλῃ, κτ̄ δñ̄ β̄ 5̄ ча̄. пр̄т̄воующоу г̄ñ̄ нашемоу ῑς̄ χ̄οῡ. κ̄μοу
же слава ч̄сть д̄р̄жава и поклонянӣк. н̄ñ̄а и пр̄ñ̄о и в̄ б̄ñ̄ы
в̄̄ко̄. ἄμñ̄ь.

II.

(Cod. Vindob. Theolog. graec. № 123, f. 37—43).

Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγάλου μάρτυρος καὶ
θαυματουργοῦ (Ἰ Γεωργίου ¹).

Ἡ] μὲν τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασι-
λεῖ[α οὔτε ἀρχὴν ἢ]μερῶν, οὔτε τέλος ζωῆς ἔχει, ἢ δὲ πανεύφημος
καὶ πανύμνητος διὰ τῆς ἀειπαρθένου καὶ θεοτόκου Μαρίας ἐν-
ανθρ[ώπησις καὶ ἐ]πὶ γῆς παρουσία ἐπέλαμψεν ἤδη κατὰ πάσης τῆς
οἰκ[ουμένης] διὰ τῆς τῶν ἀποστόλων διδασκαλίας τοῖς καταξιωθείσι
τοῦ κ[λήρου] ἁγίων, ὡς ἐξάϊσιον πρᾶγμα καὶ παράδοξον, καὶ πάσης
ἐπέκεινα φύσεως καὶ σοφίας· ἠπιστεῖτο οὖν τοῖς πολλοῖς διὰ τὸ τῆς
σοφίας ἀπόρρητον καὶ παράδοξον, καὶ ἠπιστεῖτο δὲ τοῖς τῇ πλάνῃ
δεδουλωμένοις. ἔθεν πάντες οἱ τῇ γῆτι καὶ ματαίᾳ δόξῃ καὶ πλάνῃ
δεδουλωμένοι τοῦ κόσμου τούτου κατακρατούμενοι ὕβριν ἠγοῦντο
καὶ μῦθον τὸ τῆς οἰκονομίας μυστήριον καὶ σωτήριον κήρυγμα τῆς
τοῦ κυρίου ἐνανθρωπήσεως καὶ βασιλείας, Ἰουδα[ί]οις μὲν σκάνδαλον,
ἔθνεσιν δὲ μωρίαν νομιζόμενον εἶναι. καὶ διὰ τοῦτο ταῖς τῶν δούλων
αὐτοῦ παραδόξοις ὑπομοναῖς εὐδόκησεν ὁ θεὸς τὸ τῶν ἀνθρώπων
γένος εἰς τὴν ἀληθινὴν καὶ σωτηριᾶν θεοσίβειαν γενέσθαι.

Ἐγένετο δὲ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον, τῆς σατανικῆς εἰδωλολα-
τρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων, βασιλευσαὶ Διοκλητιανὸν

¹) За конію съ текста приношу благодарность студенту вѣнскаго
университета г. Кунгу, за исправленія въ текстѣ — о. Мартиниову, свѣ-
рившему его съ варіантными рукописями С., и проф. Достунису. —
Слова, поставленныя въ [] въ вѣнскомъ спискѣ поблекли.

τόν παράνομον· καί ὀρμησεν κατά τῆς ποιμένης Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν πάνυ ἠττώμενος σφόδρα τῇ τῶν δαιμόνων πλάνῃ· εἶχεν δέ καί φίλον αὐτοῦ ὁμόφρονα Μαγνέντιον ὀνόματι, ὃς δεῦτερος ἦν αὐτῷ τῇ βασιλείᾳ καί ζέων τῇ τῶν χριστιανῶν μανίᾳ καί τῇ τῆς ἀσεβείας εἰδωλολατρεία. τούτων οὖν συμβουλευσαμένων τό τί ἂν ποιήσωσιν, παντελῶς οἱ κακόφρονες ¹⁾ ἐξᾶραι τήν τῶν χριστιανῶν λατρείαν, ἅπαντας δέ τοὺς ἀνθρώπους ὑποκῦψαι καί σέβεσθαι σὺν αὐτοῖς τοὺς θεοὺς αὐτῶν· καί γάρ ἦν ἐκτεθεικῶς ὁ τρισάθλιος τῇ τῶν εἰδώλων πλάνῃ, τῇ ψυχοφθόρῳ καί ματαίᾳ, μάλιστα τῷ Ἀπόλλωνι τῷ τῆς ἀπολείας ὁδηγῷ· καί ἐκπεψάμενοι ²⁾ ἅμα γράφουσιν ἐπιστολάς ἐκ προσώπου τοῦ βασιλέως κατά πᾶσαν ἐπαρχίαν καί χώραν τοῖς ἄρχουσιν περιεχούσας οὕτως καί τοῦτον τύπον ³⁾:

Ἐγὼ Διοκλητιανός, μέγιστος, αἰσιβάστος, αἰώνιος βασιλεὺς τοῖς κατά πᾶσαν ἐπαρχίαν τῆς Ῥωμαίων ἀρχῆς στρατηγοῖς τε καί ἡγεμῶσιν καί τοῖς ἐπ' ἐξουσιῶν καί καθ' ὑπεροχὴν πᾶσιν χαίρειν. Ἐπειδὴ περ ἦλθεν εἰς τὰς ἀκοάς τὰς θείας ἡμῶν φήμη, οὐ μετρίως ταρασσουσα ἡμᾶς, ὡς αἰρέσεώς τινος ἐπικρατούσης ἀσεβεστάτης τῶν λεγομένων χριστιανῶν, οἵτινες λέγουσι, ὅτι γυνή τις Ἰουδαία ἔτεκεν υἱὸν λεγόμενον Χριστὸν Ἰησοῦν Ἐμμανουήλ, τοῦτον ὡς θεὸν προσκυνοῦσιν, Ἀπόλλωνα δὲ τὸν μέγαν καί Ἑρμῆν, Διόνυσον, Ἡρακλῆν τε καί Δία, δι' ὧν τῇ οἰκουμένην εἰρήνην δεδώρηται, ὑβρίζοντες βλασφημοῦσιν, αὐτὸν δὲ Ἰησοῦν τὸν Χριστὸν ὡς θεὸν σέβονται καί προσκυνοῦσιν, ὃν οἱ Ἰουδαῖοι ὡς κακοῦργον καί μάγον ἐσταύρωσαν. τούτου χάριν θεσπιζόμεν πάντα χριστιανὸν εὐρισχόμενον, [ἄνδρας τε καί γυναῖδας], κατά πᾶσαν πόλιν τε καί χώραν τιμορῖ[αις ὑποβάλ]-λεσθαι πικροτάταις, πρὸς τὸ τοῖς θεοῖς ἡμῶν θύειν αὐτοὺς [καί

¹⁾ Передъ ἐξᾶραι, вѣроятно, пропущенъ глаголѣ въ родѣ προσέταξεν.

²⁾ Пар. ркп. 1447: σκεψάμενοι; 1178: id.

³⁾ Ркп.: (ἄρχουσιν) περιεχούσης οὕτως καί τοῦτον τύπον; 1447: τοῖς ἄρχουσι, στρατηλάταις τε καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὗσιν, ἐχούσας τὸν τύπον τοῦτον; 1178: καὶ πᾶσι τοῖς ἐν ὑπεροχῇ οὗσιν ἐπιστολάς ὠδεπως περιεχούσας. Вѣроятно, въ наш. текстѣ читалось: περιεχούσας τὸν τύπον τοῦτον или же ἐχούσας οὕτως.

ἀρνεῖσθαι] την πλάνην ἐκείνην. καὶ εἰ μὲν πείθοιντο, ἀξιοῦσθαι συγγνώμης, [εἰ δὲ] μὴ γε, πονηρῶ θανάτῳ διὰ πυρὸς καὶ ξίφους τούτους παραδίδοσθαι προστάσσομεν. Ὡς εἰ τις κατὰ τῶν ἡμετέρων τούτων ἀποφάσε[ων ἀμε]λήσεται, τὰς αὐτὰς ἐκεῖνος¹⁾ τιμωρίας ὑφέξεται.

Τῶν τοιούτων οὖν προσταγμάτων κατὰ πᾶσαν πόλιν προτιθεμένων, καὶ διωγμοῦ μεγάλου ἐπικρατοῦντος κατὰ τῆς τοῦ Χριστοῦ πρίμνης, ὥστε πολλοὺς τῶν ἐπισημοτάτων ἀνδρῶν ἐνδοῦναι. ἐπὶ πλεον δὲ θυμούμενος ὁ Διοκλητιανὸς προσεκάλεσεν πρὸς ἑαυτὸν τὴν σύγκλητον πᾶσαν καὶ πάντας τοὺς ἐν ὑπεροχῇ ὄντας, σὺν τοῖς στρατεύμασιν· καὶ πάντων ἐπὶ τὸ αὐτὸ γεγονότων, Διοκλητιανὸς ὁ²⁾ ἀσεβέστατος ἐδημηγόρησε λέγων· Ἐμοὶ δοκεῖ, προσφιλέστατοι, μὴδὲν εἶναι τιμώτερον τῆς τῶν θεῶν εὐμενείας καὶ πεποιθήσεως, ἐπειδὴ δι' αὐτῶν μὲν ἡμῖν ἡ βασιλεία, πᾶσι δὲ ἀνθρώποις ἡ σωτηρία δεδωρήται· δίκαιον τοίνυν (τοῦτον)³⁾ ἡγούμεθα τοὺς μὲν θεοὺς ταῖς συνεχέσι θυσίαις ἀμείβεσθαι, τοὺς δὲ εὐρισκομένους χριστιανούς, καὶ τοὺς θεοὺς παροργίζοντας, παντοίαις ἐπινοίαις ὑποβάλλειν βασάνων, μέχρις ἂν ἡ τούτων δυσσεβῆς θρησκεία καταλυθῇ καὶ [τὸ]⁴⁾ μνημόσυνον αὐτῶν διὰ κακίστων βασάνων κατασβεσθῇ. — Πρὸς ταῦτα δὲ εὐφώνως πάντες ἀπεκρίναντο, λέγοντες· Ἡμεῖς προθύμως ἀποδεχόμεθα, μέγιστε καὶ ἀήττητε βασιλεῦ, τὴν τῆς ὑμετέρας θεότητος διὰ πάντων πρόνοιαν, σέβεσθαι καὶ τιμᾶσθαι βουλόμεθα τοὺς ἀθανάτους θεοὺς, ὥσπερ⁵⁾ καὶ τὸ ὑμέτερον κράτος περιφρουρῶσιν. Εἰ τις δὲ τοῦ λοιποῦ εὐρεθῇ μέχρις καὶ μόνης ἐνδυμήσεως τὸν Χριστὸν ὁμολογῶν⁶⁾ ἢ ὄλως αὐτὸν θεὸν ὀνομάζων, παντοίαις ἰδέαις βασάνων θανάτῳ ὑποβληθήσεται. — Τοῦτον γὰρ τὸν ἀσεβῆ καὶ παράνομον τρόπον βουλευσαμένης τῆς πονηρᾶς καὶ ἀσεβοῦς συγκλήτου, καὶ [διαταγμάτων] προτιθεμένων, καὶ παντοίων ἐπινοουμένων βασανι-

¹⁾ Не ἐκείνοισι λη?

²⁾ Въ ркп. ὁ нѣтъ.

³⁾ τούτων лишнее.

⁴⁾ τὸ вставлено.

⁵⁾ Ркп. οὐς; 1447: ὥσπερ. Не ѣπωє λη? (въ виду соплаг. περιφ.).

⁶⁾ Ркп. ὁμολογήσει, но даѣе ѳнємѣζων; въ 1447 этихъ словъ (ὁμολ. τ' ὄλ. αὐτ.) нѣтъ, но раньше: εὐρεθήσεται ὡς.

στηρίων κατὰ τῶν χριστιανῶν, εἴ τινα ἂν ἠύρισκον, τοῦτον ἀνήλο-
 σκον, τηνικαῦτα ἀνέλαμψε ὡς ἐν σκοτομηνίῳ¹⁾ νυκτὶ ἀστήρ δια-
 φανής, ὁ λαμπρὸς τοῦ Χριστοῦ τίμιος μαργαρίτης Γεώργιος, ὁ ἐμὸς
 δεσπότης, καὶ τοῦ Χριστοῦ ἑγενναῖος στρατιώτης, ἀφανίσαι μὲν τῆς
 πολυθέου πλάνης τὴν ἀγλὺν καὶ ματαιότητα ἐν τελείῳ φρονήματι,
 φωτίσαι δὲ τὴν ἡμέραν τοῦ σωτηρίου κηρύγματος πᾶσιν τοῖς ἀξίοις
 διὰ τῆς ἀθλήσεως, μὴ δειλιάσας τὰς ἀπειλάς τοῦ μισητάτου βασι-
 λέως Διοκλητιανοῦ, μηδὲ τὴν μανίαν τῶν τοσοῦτων ἀρχόντων, οὔτε
 τοῦ στρατοπέδου, οὔτε τῶν προκειμένων βασανιστηρίων λόγον παν-
 τελῶς ποιησάμενος, ἀλλὰ τούτοις πᾶσιν ἐνατενίζων τοῖς δοκοῦσιν
 εἶναι δεινοῖς, τὸ φιλόθεον τῆς καρδίας φρόνημα ἐλογίζετο, λέγων·
 Γεώργιε, τί ἔστηκας ἀργὸς τοῦ Κυρίου καλοῦντος τοὺς βουλομένους²⁾
 εἰς τὸν ἴδιον [γάμον; ἡνέ]ωκται ὁ νυμφών, ὁ δεῖπνος ἡτοίμασται πρὸ
 τὸ [κεκλεισμένοι? εἰ]σιν³⁾ αἱ θύραι, εἴσελθε. Πάρεστι [καὶ νῦν]
 Ἰησοῦς ὁ οὐράνιος, [κρά]ζων καὶ λέγων· μὴ φοβηθῆτε ἀπὸ τῶν
 [ἀποκτεινόντων] τὸ σῶμα, τὴν δὲ ψυχὴν μὴ δυναμένων ἀποκτεῖν[αι]⁴⁾.
 μνήσθητι, Γεώργιε, τῶν εὐαγγελικῶν μαθημάτων τῆς δεσποτικῆς
 διδασκαλίας, λεγούσης· ὅς τις⁵⁾ ὁμολογήσει ἐν ἐμοὶ ἔμπροσθεν τῶν
 ἀνθρώπων, ὁμολογήσω καὶ γὼ αὐτὸν ἔμπροσθεν τοῦ πατρὸς μου τοῦ
 ἐν οὐρανοῖς. μὴ προκρίνης, Γεώργιε, τὴν πρόσκαιρον ταύτην καὶ
 παρερχομένην τοῦ βίου τούτου σκιάν, μηδὲ τὴν ματαίαν δόξαν τοῦ
 κόσμου τούτου, ὅτι πᾶσα δόξα ἀνθρώπου ὡς ἄνθος χόρτου· ὀλίγον
 ὑπόμεινον καὶ μετὰ ἀγγέλων ἀγαλλιάσει. Ταῦτα πρὸς αὐτὸν λαλήσας
 καὶ συμβουλευσάμενος ὁ μεγαλομάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος,
 ἀκουσμένης τῆς φωνῆς αὐτοῦ, οὐκ ἐφοβήθη τὰς ἀπειλάς τῶν τυράννων,
 ἀλλὰ τὴν ἀλήθειαν ἔργῳ καὶ λόγῳ κηρύξας, καὶ τῶν προκειμένων
 κολαστηρίων τὸ πλῆθος καταγελάσας, διδασκαλίαν μεγίστην σὺν τῇ
 ἀθλήσει τῇ ἀγίᾳ τοῦ θεοῦ ἡμῶν τῇ ἐκκλησίᾳ κατέλειπεν⁶⁾. Ὑπῆρ-

1) Ркп. σκοτομήνι.

2) Ркп. βουλευομένους; 1447: βυλομένους.

3) Порча текста.

4) Ев. κατὰ Ματθ. 10, 28.

5) Ркп. ὅς ἂν; Ματθ. 10, 32: ὅς τις.

6) Ркп. διδασκαλία μεγίστη ... ἡ ἐκκλησία.

χεν οὖν ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος τῆς τῶν Καππαδόκων χώρας, εὐγενῆς τὸν τρόπον καὶ τῇ περιουσίᾳ λαμπρὸς· τριβουνᾶτα πλείστα πράξας ἐν νομῆρῳ ἐπισήμῳ τῶν Ἀνικίων¹⁾, κόμης χρηματίσας διὰ τὴν πολλὴν αὐτοῦ εὐδοκίμησιν, παρῆν τηνικαῦτα ἐν τῷ στρατοπέδῳ παρὰ τῷ βασιλεῖ. Θεασάμενος οὖν τὴν τοσαύτην κατὰ τοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν γενομένην μαρίαν παρὰ τῶν θεραπόντων τῶν εἰδώλων, ἐν τάχει τὰ τε χρήματα καὶ τὴν περιουσίαν λαμπρῶς διανείμας πτωχοῖς τε καὶ πένησιν, ἀθλητικῶς ἀπεδύσατο. καὶ στὰς προθύμως ἐν μέσῳ τοῦ βασιλικοῦ βήματος καὶ τῆς συγκλήτου καὶ πάντων τῶν στρατιωτῶν καθημένων καὶ τῶν ἐπεξουσιῶν²⁾ παρεστῶτων, ἔκραξε λέγων· Ἐγὼ χριστιανὸς εἰμι, βασιλεῦ³⁾, ἰδοὺ ἐγὼ θαρρῶν εἰς τὸν ἀληθινὸν καὶ ἐπουράνιον βασιλέα Χριστὸν ἔστηκα μέσον ὑμῶν, δαυμάζων ὑμῶν τὴν τοσαύτην πλάνην, ἣν περὶ τὰ εἰδῶλα ἔχετε, ἀγνωοῦντες τὸν μόνον ἀληθινὸν θεὸν ἡμῶν, τὸν τῶν ἀπάντων δημιουργόν, ὃς καὶ] τὴν βασιλείαν σοὶ δέδωκεν· διό, βασιλεῦ καὶ πάν[τες οἱ συγκα]θήμενοί σοι, μὴ οὖν πλανᾶσθε τῇ τῶν δαμιόνων ἀ[πάτη, γέγραπτ]αι γάρ· οἱ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν οὐ ποιήσαντες ἀπολέσθω[σαν· ἡμεῖς γάρ οἱ χριστι]ανοὶ σεβόμεθα τὸν ποιήσαντα τὸν οὐρανὸν [τὸν πατέρα καὶ ἓνα Κύριον] Ἰησοῦν Χριστὸν προσκυνοῦμεν, δι' οὗ ταῦτα πάντα [ἐγένετο, καὶ] ἐν πνεῦμα ἅγιον σεβόμεθα, τριάδα τελείαν ἐν μιᾷ θεότητι. διό καὶ ἐνταῦθα ζῶμεν εὐσεβῶς καὶ μετὰ θάνατον δεχόμεθα ζωὴν αἰώνιον· τὰ δὲ ἡμέτερα σεβάσματα ὄντως χλευῆς ἄξια· μῦθοι γάρ εἰσιν καὶ οὐδὲν ἐπ' αὐτοῖς ἀληθές, ἐφεύρεσις γάρ ἐστίν τοῦ διαβόλου, βυθίζουσα τοὺς πρὸς αὐτὰ προστρέχοντας εἰς ὄλεθρον καὶ ἀπόλειαν. — Ἀτενίσας εἰς αὐτὸν ὁ Μαγνέντιος, ὁ δεῦτερος τοῦ βασιλέως καὶ φίλος, εἶπεν· Τί τὸ ὄνομά σου καὶ τίς εἶ σύ, ὅτι τοιαύτην ἔσχηκας τόλμην; Ὁ ἅγιος Γεώργιος εἶπεν· τὸ μὲν πρῶτον καὶ ἐξαίρετον ὄνομά μου, χριστιανὸς εἰμι. τὸ δὲ ἐν ἀνθρώποις Γεώργιος λέγομαι, οὕτως εὐδοκήσαντος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ μου. δεῖ

1) Рен. ἀνοικῶν. Читаѣ Ἀνικίων.

2) Рен. στρατιωτῶν. Вѣроятнѣе, στρατηγῶν. Рен. ἐπεξουσιῶν. Вѣроятнѣе, ὑπεξουσιῶν.

3) Вѣ рен. за словомъ βασιλεῦ еще разъ повторено слово: λέγων.

γάρ με καρποφορῆσαι τῷ ἐμῷ δεσπότῃ τὸν πολυπλασίονα τῆς εὐσεβείας καρπὸν. — Ἐμβλέψας δὲ εἰς αὐτὸν ὁ Διοκλητιανὸς ὡς βύθιος δράκων, εἶπεν· Γεώργιε, μανθάνομεν τὰ περὶ σοῦ, ὅτι ἐν φρονήσει καὶ ἀνδρίᾳ εὐδόκιμῶν ¹⁾ αἰεὶ τιμῶν ἠξιώθης ἐκ τῆς βασιλικῆς ὑμῶν προνοίας· πρόσελθε τοίνυν καὶ θύσον τοῖς θεοῖς ἡμῶν, ἵνα μὴ κακῶς ἀποθάνῃς, ἀλλὰ καὶ τῆς ἡμετέρας φιλανθρωπίας ἀπολαύσῃ, καὶ τιμῆς καὶ πλοῦτου περισσωτέρου τύχῃς παρ' ἡμῶν· αὕτη γάρ σου ἡ ματαία παρρησία οὐδὲν σε ὠφελήσει. — Ὁ ἅγιος Γεώργιος λέγει· εἶθε, βασιλεῦ, σὺ μᾶλλον ἀνασχόμενός μοι, ἐπίγνως ἂν τὸν μόνον ἀληθινὸν θεόν, ἵνα καὶ τῆς ἐπουρανίου βασιλείας τύχῃς, ἢ καὶ ἀξιώθῃς· αὕτη γάρ σου ἡ βασιλεία πρόσκαιρός ἐστιν, καὶ αἱ ἐπαγγελίαι καὶ αἱ κολακίαι, οὐκοῦν οὐδόλως τὸ σταθερὸν μου τῆς εἰς Χριστὸν ὁμολογίας παρασαλεύσειαν· ²⁾ αἱ οὖν τιμαὶ σου σὺν σοὶ ἔσονται καὶ αἱ ἐπαγγελίαι σου τοῖς πειθομένοις σοι. Ἐγὼ γάρ ἔχω τὸν ἐν οὐρανοῖς βασιλέα Χριστὸν, παρέχοντά μοι δόξαν καὶ νίκην κατὰ σοῦ, σατανᾶ, καὶ τῶν ὑπηρετῶν σου. — Τότε θυμωθεὶς ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσεν ἀναρτηθῆναι αὐτὸν καὶ ξέσθαι κατὰ τῶν σπλάγγων αὐτοῦ (καὶ) ³⁾ κοντῷ κρουσθῆναι, πρὸς τὸ τὰ σπλάγγνα αὐτοῦ χαμαὶ ριφῆναι. Τοῦτου δὲ γενομένου, μολύβδου δίκην εἰς τὰ ὀπίσω ἐστράφη, καὶ ὁ μάρτυς ἔφη· εὐχαριστῶ σοι, κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὅτι τοῦ ὑπηρετοῦ τοῦ διαβόλου ἀπέστρεψας τὴν βομφαίαν εἰς τέλος, καὶ τὰ κατ' ἐμὲ φρυάγματα αὐτοῦ καθεῖλες. — Ὅργῃς δὲ πλησθεὶς ὁ Διοκλητιανός, ἐκέλευσεν αὐτὸν κατενεχθῆναι ἀπὸ τοῦ ξύλου, καὶ ἀσπυλισθῆναι αὐτὸν ἐν τῇ φυλακῇ καὶ ἐκτανθῆναι τὰς χεῖρας καὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ ἐν τῷ ξύλῳ δεινῶς, καὶ [ἐπὶ τὸ] στῆθος αὐτοῦ τεθῆναι λίθον παμμεγέθη. Ἐπιτιθέντος δὲ τοῦ λίθου ἐπ' αὐτὸν ὑπὸ ἀνδρῶν τεσσάρων μόλις βασταχθέντος ⁴⁾, εἶπεν ὁ ἅγιος μεγάλην τῇ φωνῇ· εὐχαριστῶ σοι, κύριε, ὅτι κατηξιώθην βάρος ἐπιτεθῆναι τῇ καρδίᾳ

¹⁾ Ркп. еудόκιμων.

²⁾ Ркп. παρασαλεύσειαν.

³⁾ Въ ркп. 1178: προσέταξε πάλιν ὁ βασιλεὺς ξύλῳ τοῦτον ἀναρτηθέντα κοντῷ κρουσθῆναι. После αὐτοῦ въ ркп. καὶ нами ветавлено.

⁴⁾ Ркп. — ἐντων. Ср. ркп. 1178: ὑπὸ πολλῶν τοίνυν ἀνδρῶν μηχανῆ τινὲ βασταχθέντος τοῦ λίθου.

μου, τὸ ὄφειλον στηρίζαι αὐτὴν εἰς τὸ ἀμετάθετον εἶναι τῆς εἰς σέ ὁμολογίας¹⁾. — Πρωίας δὲ γενομένης κελεύει γενέσθαι τροχὸν παμμεγέδη, καὶ τῷ τροχῷ ἐμπαγῆναι ἦλους καὶ τρυπανίσκους, καὶ ἀπηρτίσθαι²⁾ ὁ τροχὸς ὡσεὶ τεκτονικὸν πιεστήριον, ἄνωθεν μὲν ἔχων ξίφη, κάτωθεν δὲ δυστόμους μαχαίρας. — Προστάττει δὲ . . .³⁾ Εἰσελθὼν δὲ ὁ ἅγιος καὶ ἰδὼν τὴν τέχνην τοῦ τροχοῦ, ἄνωθεν μὲν ξίφη ἔχοντας, κάτωθεν δὲ δυστόμους μαχαίρας, ἐθαύμασεν τὴν κακομήχανον τοῦ διαβόλου κατασκευήν, εἶτα κινήσας τὸν ἑαυτῷ τοιαῦτα γινῶθι, ὁ κύριος ἐν μέσῳ δύο ληστῶν ἐσταυρώθη⁴⁾. Ἐπειτα ἀναβλέψας τὸ ὄμμα εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν.

Εὐχὴ τοῦ ἁγίου Γεωργίου. Ἀδιάδοχε σταδιάρχα, μαρτύρων καύ-
γμα, στέφανος ἀγαλλιάσεως, Κύριε ὁ Θεός, ὁ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν
γῆν ποιήσας, καὶ πάντα τὰ ὀρατὰ καὶ τὰ ἀόρατα, ὁ ἐπὶ τῶν ὑδάτων
ἀναπαυόμενος, οὐ τὸ γένος τῶν ἀνθρώπων οὐκ ἔγνω τὴν σὴν ἀνά-
παυσιν, ὁ ἐν ὑστέροις καιροῖς ἀποστείλας τὸν μονογενῆ σου παῖδα
ἐν λαγόσι παρθενικοῖς, ὡς ἠθέλησας, τὸ γέννημα τὸ ἀληθινόν, οὐ⁵⁾
οὐδεὶς τὴν αὐτοῦ γέννησιν περιεργάσασθαι δύναται, ὁ ἐπὶ τῶν ὑδά-
των περιπατήσας καὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ μὴ μολύνας, ὁ ἀνέμοις ἐπιτι-

¹⁾ Ркп. τὸ ὄφειλον. Ср. Cod. 1178: τὸ ὄφειλον ἐν ἐμοὶ στηρίζαι τὸ ἀμετάθετον τῆς εἰς σέ ὁμολογίας.

²⁾ Ркп. ἀπιτίσθη. Въ ркп. 1178: ἀπαρτισθέντος.

³⁾ Въ текстѣ, очевидно, пропускъ. Сл. Cod. 1178: Ἀπαρτισθέντος τοίνυν τοῦ τοιοῦτου ὄργανου, προσέταξεν ὁ ἀσεβέστατος βασιλεὺς ἀχθέντα τὸν ἅγιον βληθῆναι ἐν αὐτῷ. Ὡς δὲ κατὰ τὸν τόπον, ἐν ᾧ περὶ ἡν ὁ τροχός, αὐτὸν ἤγαγον, θεασάμενος η τ. λ.

⁴⁾ Текстъ неспорченъ. Cod. 1178: θεασάμενος τέχνην σατανικῆν κατεσκευασμένον τὸ ὄργανον, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανὸν εἶπεν· Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, ὁ ὑπεράγαθος θεός μου, εὐχαριστῶ σοι ὅτι με τὸν ἀνάξιον εἰς τὴν παρόντα κληρὸν ἐκάλεσας, αὐτὸς οὖν ὁ ἐν μέσῳ δύο ληστῶν σταυρωθεὶς καὶ ὑπὲρ τῆς τῶν ἀνθρώπων σωτηρίας θανάτου γευσάμενος ἀθάνατος ὑπάρχων, δός μοι τῆς εἰς σέ πίστεως ἀκλινῆ τὴν ὁμολογίαν ἐν τῇ ᾧρα ταύτῃ, διαφύλαξόν μου τὴν ψυχὴν ἐκ τῆς τοῦ διαβόλου μηχανουργίας. Ταῦτα τοῦ δικαίου προσευχομένου, οἱ τοῦ ἀντικειμένου ὑπερέται η τ. λ.

⁵⁾ Ркп. δ.

μήσας, και πάντα σοι ὑπήκουσαν τρόμῳ. Καὶ νῦν, δέσποτα Κύριε, ἐλθέ ἰλεως και εὐμενῆς ἐπ' ἐμοὶ τῷ ἁμαρτωλῷ και κούφησόν με ἀπὸ τῶν μενόντων ¹⁾ με πόνων· ὅτι σὺ εἶ δεδοξασμένος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων, ἀμήν.

Καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν ἐνεβλήθη εἰς τὸν τροχόν και μεγάλως πιεσθεὶς εἰς μέρη δέκα ἐκόπη. ἰδὼν δὲ ὁ τύραννος-τοῦτο, ἤρην αὐτοῦ τὴν φωνὴν εἰς ὕψος και εἶπεν τοῖς λαοῖς· "Ἴδετε, ὅτι οὐκ ἔστιν ἄλλος θεός, εἰ μὴ Ἀπόλλων και Ἀθηνᾶ, Ἡραϊστος, Σκάμανδρος και Ἡρακλῆς, οἵτινες τὰ τρία κλίματα τοῦ οὐρανοῦ συνεκρότησαν, δι' ὧν βασιλεῖς βασιλεύουσιν και τύρανοι γῆς κρατοῦσι. ποῦ νῦν ἔστιν ὁ θεός Γεωργίου, ὁ ἑσταυρομένος Χριστός, οἶον ²⁾ βαβδούχοι οἱ Ἰουδαῖοι ἀνεῖλον; διατί οὐκ ἤλθεν και ἐρύσατο αὐτόν ἐκ τῶν χειρῶν μου; Ἐυθύς οὖν κελεύει ὁ βύθιος δράκων ἀκοντισθῆναι τὰ ὅστ' αὐτοῦ εἰς λάκκον ξηρόν, λέγων, ὅτι μὴ τις τῶν χριστιανῶν ἀψηται τῶν ὀστέων αὐτοῦ. ἤδη γὰρ ἦν λοιπὸν και ἡ ὥρα τοῦ ἀρίστου. Καὶ ἐπορεύθη ὁ βασιλεὺς και οἱ συγκαθέδροι αὐτοῦ εἰς τὸ ἄριστον, και εὐθέως γίνεται ἔγγος περὶ ὥραν δεκάτην και φωνὴ ἐκ τῶν οὐρανῶν λέγουσα· Ἀνδρίζου, Γεώργιε, ἰσχυε και ἀδίστακτος ἔσο. πολλοὶ γὰρ πιστεύουσιν ³⁾ διὰ σοῦ εἰς ἐμέ. Καὶ ἐλθὼν ἄγγελος κυρίου ἔλυσεν αὐτόν ἐκ τοῦ βασανιστηρίου ἐκείνου ὀργάνου και ὑγιᾶς ⁴⁾ ἀποκαταστήσας τὸ σῶμα αὐτοῦ, ἠσπάσατο λέγων· Χαῖρε σφόδρα, Γεώργιε. Ἀνέστη δὲ ὁ ἅγιος Γεώργιος, χαίρων και εὐχαριστῶν τῷ οἰκείῳ δεσπότη, και περιπάτη ψάλλων· ὑψώσω σε ὁ Θεός μου. και πάλιν κατεύθυνον τὰ διαβήματά μου, Κύριε ⁵⁾. — Καὶ ἐλθὼν ἐπὶ τινὰ τόπον, ἔνθα τοῦ Ἀπόλλωνος ἑστήκεν ἄγαλμα, εὗρεν ἐκεῖ τὸν βασιλέα και τὸν Μαγνέντιον και πάντας τοὺς τοῦ βασιλέως φίλους. προσεγγίσας ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, ἔκραξεν λέγων· ἐπίγνωθί μοι, βασιλεῦ, και τὸν παρ' ἐμοῦ σοι εὐαγγελιζόμενον θεόν, ὃς ἐξείλετό με ἐκ τῶν χειρῶν σου και ἐκ τοῦ

¹⁾ Ркп. менушῶν.

²⁾ Ркп. οἶον. Не читать-ли он?

³⁾ Ркп. πιστεύουσιν.

⁴⁾ Ркп. ὑγιᾶ.

⁵⁾ Ps. 144, 1; 118, 133.

θανατοφόρου ὄργανου, οὐ κατεσκέυασας εἰς ἀπόλειαν ἐμοῦ. Ἐμβλέψας δὲ ὁ βύθιος δράκων εἰς αὐτόν, ἔλεγεν, ὅτι εἰδωλόν ἐστιν, ἄλλοι ἔλεγον, ὅτι ὁμοιος αὐτοῦ ἐστιν. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος λέγει· Ἐγὼ εἰμι ὁ ὑφ' ὑμῶν κατακοπεῖς. καὶ διατί ὀνειδίζετε τὸ ὄνομα κυρίου τοῦ θεοῦ μου, ὅστις καὶ ὑμῶν τὴν βασιλείαν δέδωκεν; Ἰδὼν δὲ Ἄνατόλιος ὁ στρατηλάτης, ὅτι ἀνέστη ὁ ἅγιος τοῦ θεοῦ μάρτυς Γεώργιος, ἐπίστευσεν εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, καὶ ταῦτά ¹⁾ ἢ τὰξιν αὐτοῦ· θεασάμενος δὲ ταῦτα ὁ βασιλεὺς ἐκέλευσεν αὐτούς ²⁾ ἐκβληθῆναι ἔξω τῆς πόλεως καὶ διὰ ξίφους τελειῶσαι αὐτούς. Καὶ ἐποίησαν οὕτως καὶ ἐτελειώθη αὐτῶν ἡ μαρτυρία.

Καὶ πάλιν κελεύει ὁ παράνομος γενέσθαι κράββατον χαλκοῦν καὶ τὸν ἅγιον τανθῆναι ἐν αὐτῷ, καὶ ἐνεχθῆναι τρύβλιον, καὶ ἐμβληθῆναι τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ καὶ λυθῆναι μόλυβδον εἰς τὰς ραγμαὶς τοῦ λίθου, καὶ οὕτως κυλισθῆναι τὸν λίθον σὺν τῷ κραββάτῳ ³⁾ ἐπὶ ἱκανοῦ τόπου, ἵνα κυλιομένου αὐτοῦ διασπασθῶσιν πάντα τὰ μέλη καὶ τὰ ὀστέα αὐτοῦ. ὡς δὲ καὶ ταύτην τὴν βάσανον γενναίως ὑπήνεγκεν, ἐκέλευσεν αὐτὸν πάλιν λυθῆναι, καὶ λίθον παμμεγέθη κρεμασθῆναι ἐπὶ τὸν τράχηλον αὐτοῦ, καὶ καπνῷ δρυμητάτῳ πνιξασθαι αὐτόν. καὶ μετὰ τοῦτο κελεύει γενέσθαι βοῦν χαλκοῦν καὶ ἐν αὐτῷ ἐμπαγῆναι ἤλους εὐμήχεις καὶ ὀγκίνους καὶ ἐν αὐτῷ ἐμβληθῆναι τὸν δίκαιον. καὶ πάλιν κελεύει ὁ ἀνομώτατος καὶ βύθιος δράκων διὰ μαγικῆς τέχνης στρέφασθαι τὸν βοῦν, ὡς καὶ τὰς σάρκας τοῦ δικαίου διαλύεσθαι. ὡς δὲ καὶ ταύτην τὴν βάσανον γενναίως ὑπήνεγκεν, πάλιν κελεύει ἀσφαλισθῆναι αὐτόν ἕως ὄρθρου, ὅπως σκέψηται ποία κολάσει ἀναλώσεται αὐτόν. ἐπεφάνη δὲ αὐτῷ ὁ κύριος ἐν τῇ φυλακῇ, καὶ λέγει αὐτῷ· Ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου, Γεώργιε, μετὰ σοῦ γὰρ εἰμι. ἰδοὺ γὰρ ἀπέθανες ἀπαξ, καὶ ἀνέστησά σε. τὸ δὲ τρίτον ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι καὶ παραλήψομαι τὴν παρακαταθήκην. ἦν παρεθέμην τῷ

1) Ркн. таῦτα.

2) Ркн. αὐτούς и тотчасъ даѣте αὐτῶν ὀνομα, вѣроятнo, къ мучению Анатолия и Протогeона. Послѣднiй, опущенный въ вѣнскомъ текстѣ, стоить въ его подлинникѣ.

3) Ркн. τοῦ κραββάτου.

σκηνώματί σου. ἴσχυε οὖν καὶ ἀνδρίζου. ἐγὼ γάρ εἰμι κύριος ὁ θεός σου ὁ ἐνισχύων. καὶ ἀσπασάμενος αὐτὸν ἀνῆλθεν ἐν τοῖς οὐρανοῖς. — Πρωίας δὲ γενομένης κελεύει αὐτὸν ὁ βασιλεὺς εἰσελθεῖν ἐπὶ τοῦ βήματος αὐτοῦ, τοῦ ἁγίου δὲ παραγενομένου κελεύει γενέσθαι πρίωνα καὶ διχοτομισθῆναι τὸν μάρτυρα εἰς δύο. καὶ τούτου γενομένου, παρέδωκεν τὴν ἁγίαν αὐτοῦ ψυχὴν τῷ κυρίῳ. καὶ ἐκέλευσεν γενέσθαι λεύητα καὶ ρητίνην καὶ κηρίον, ὥστε τὰ ἀπορραντίσματα ρίπτειν ἀπὸ πηχέων δέκα. καὶ μὴ φέροντες οἱ ὑπηρέται τὴν τῆς πυρᾶς ἀνάγκην, ἐδήλωσαν τῷ βασιλεῖ, λέγοντες, ὅτι ἐξεκαύθη κατὰ ἀλήθειαν ὁ τρισάθλιος. οἶδε ἀντεδήλωσαν, ὅτι καὶ τὸν λεύητα χλωσθῆναι ἐπὶ τῆς γῆς ¹⁾), ἵνα μὴ εὐρεθῇ μέλος τι ἀπ' αὐτοῦ· ὡς δὲ ἐποίησαν οἱ ὑπηρέται τὸ κελευθὲν αὐτοῖς, ἀπῆλθον. ἐν αὐτῇ δὲ τῇ ὥρᾳ ἐγένετο σεισμὸς μέγας, καὶ ἦλθεν ὁ κύριος ἐπὶ τὸν λεύητα καὶ ἐφώρησεν τὸν ἅγιον, λέγων· ἐγὼ εἰμι Ἰησοῦς Χριστὸς ὁ τὸν Λάζαρον ἐκ νεκρῶν ἐγειρας. καὶ σε προστάσσω, Γεώργιε· ἐξέλθε ἐκ τοῦ λεύητος καὶ δεύρω πρὸς με. καὶ αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀνέστη ὁ μάρτυς, καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ κύριος· ἀνδρίζου, Γεώργιε, ὅτι πολλὴ χαρὰ γίνεται ἐν τῷ οὐρανῷ ἐπὶ τῇ ἀδλήσει τῇ σῆ. λοιπὸν ὅταν θάνῃς ²⁾) τὸ τρίτον, ἐγὼ αὐτὸς ἐλεύσομαι καὶ παραλήψομαι σε. καὶ εὐθὺς ἀνῆλθεν εἰς τοὺς οὐρανοὺς μετὰ τῶν ἁγίων ἀγγέλων αὐτοῦ. — Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος εἰσελθὼν ἐν τῇ πόλει ἐδίδασκε τοὺς λαοὺς τὸν λόγον τοῦ κυρίου. οἱ δὲ ἐδήλωσαν τῷ βασιλεῖ, ὅτι Γεώργιος ὁ ἐν τῷ λεύητι κατακαεῖς τὸν λαὸν ἐπὶ τῆς πλατείας διδάσκει. ὁ δὲ βασιλεὺς καὶ οἱ σὺν αὐτῷ ἀκούσαντες ἐκέλευσαν κρατηθῆναι αὐτὸν καὶ ³⁾) ἄγεσθαι αὐτὸν εἰς ⁴⁾) τὸ βῆμα. Καὶ ἀγομένου αὐτοῦ, γυνὴ τις ὀνόματι Σχολαστικὴ ἔκλαιεν πρὸς τὸν μάρτυρα λέγουσα· κύριέ μου, Γεώργιε, ἰδοὺ ὁ υἱός μου ἐξευξεν ἐν τῷ πεδίῳ, ἐμαλακίσθη δὲ ὁ βροῦς καὶ ἀπέθανεν, ἀλλ' εἴ τι δύνασαι, βοήθει μοι, ὅτι οὐκ ἔστιν ὑπόστασις ἐν τῷ οἴκῳ μου. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος λέγει πρὸς αὐτήν· δέξαι τὴν βακτηρίαν μου ταύτην

1) Можно бы ждать дат. пад. безъ ἐπί.

2) Реп. θανατῆς.

3) Въ ркп. καὶ нѣтъ.

4) εἰς прибавлено противъ ркп.

καὶ ἐξελθε εἰς τὸ πεδῖον καὶ ἐπίθες ταύτην ἐπὶ τὸν βούν σου καὶ εἶπέ, ὅτι τάδε λέγει Γεώργιος· ἐν τῷ ὀνόματι Ἰησοῦ Χριστοῦ ἔγειρε καὶ περιπάτει. Καὶ ἀπελθοῦσα, ἐποίησεν οὕτως· καὶ αὐτῇ τῇ ὥρᾳ ἀνέστη ὁ βούς, καὶ ἐδόξασεν ἡ γυνὴ τὸν θεόν. Ἐπανελθὼν οὖν ὁ ἅγιος πρὸς τὸν βασιλέα, λέγει πρὸς αὐτόν· Γεώργιε, ἔστιν οὖν ἐν ἡμῖν λάρναξ λελατομέ[νη]¹⁾, καὶ οὐδεὶς εἶδεν τὸν ἐκεῖ κατακείμενον, οὔτε
 τει.²⁾ ἐάν γὰρ διὰ τῆς προσευχῆς ἀνασταθῆ, πιστεύσομεν τῷ θεῷ σου. ὁ δὲ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ λέγει πρὸς αὐτόν· ἐγὼ ἔχω τὴν αὐτόλεκτον φωνὴν τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου τὴν λέγουσαν, ὅτι «ἐὰν ἔχητε πίστιν ὡς κόκκον σινάπεως, ἐρεῖτε³⁾ τῷ ὄρει τούτῳ· μεταβῆθι ἐντεῦθεν ἐκεῖ, καὶ μεταβήσεται. καὶ οὐδὲν ἀδυνατήσῃ ὑμῖν». — Ἄναστας οὖν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ περὶ αὐτόν, ἀπεστέγασαν τὴν λάρνακα καὶ ὁστέον οὐχ εὔρον. τὸν δὲ χοῦν συλλέξαντες, ἤνεγκαν αὐτόν. Ὁ δὲ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ, θείς τὰ γόνατα αὐτοῦ, προσηύξατο. καὶ μετὰ τὴν εὐχὴν γίνεται ἤχος ἐκ τοῦ οὐρανοῦ καὶ ἀστραπαὶ πυρός, καὶ ἔλαμψεν φῶς ἐπὶ τὸν κείμενον χοῦν, καὶ ἀνέστη ἐκ τοῦ χόδς ἀνὴρ εἰς. Καὶ λέγει αὐτῷ ὁ βασιλεὺς· τί τὸ ὄνομά σου; ὁ δὲ λέγει· Ἰοβὴλ καλοῦμαι. Καὶ ὁ βασιλεὺς· πόσα ἔτη ἔχεις ἀποθανόνων; καὶ λέγει ὁ νεκρός· πλείονα ἢ ἐλάσσω τετρακόσια ἔτη. λέγει πρὸς αὐτόν ὁ βασιλεὺς· Χριστός ἦν ἐπιδημήσας τότε, ἢ οὐ; ἀπεκρίθη ὁ νεκρός λέγων· οὐδὲ ἦν τὸ ὄνομα Χριστός. Ὁ βασιλεὺς λέγει· ἐν τῇ ζωῇ σου τί ἦν τὸ σέβας σου; λέγει αὐτῷ· Ἀπόλλων. καὶ ὅτε ἐξῆλθον ἐκ τοῦ βίου τούτου γέγονα ὑποβρύχιος. ἐκεῖ εὐθύς ἐπέστη μοι ὁ πύρινος ποταμὸς καὶ ὁ ἀκοίμητος σκώλυξ. ἐκεῖ γὰρ εἰσιν ἐνὸς ἐκάστου τὰ ἔργα πρὸ ὀφθαλμῶν ἰστάμενα. ἐπεφώνει δὲ ὁ ἀρχιστράτηγος Μιχαήλ· δείξατε ἔργα καὶ λάβετε μισθόν· πᾶς γοῦν ἄνθρωπος, ὃς γεννᾶται ἐπὶ τῆς γῆς καὶ οὐχ ὁμολογήσῃ⁴⁾ τὸν ἐσταυρωμένον Χριστόν τοῦτον εἶναι θεόν, ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς καὶ πάσης ὀρω-

¹⁾ Рен. λελαττομέ[τ. η].

²⁾ Испорчено. Gallie: et nemo hominum novit introitum eorum, qui ibidem positi sunt.

³⁾ Ев. κ. Ματθ. 17, 20. Внѣсто ѳреѳте въ рен. λέγεται ἀν.

⁴⁾ Рен. ὁμολογήσει δάν.

μένης και ἀοράτου κτίσεως, εἰ και πολλαῖς ἀμαρτίαις καταμιάνῃ τὸ σῶμα αὐτοῦ, ἐξέλθῃ δὲ ἐκ τοῦ ματαιοῦ βίου τούτου, ὑποβρύχιος γίνεται. μόνον δὲ ἐν τῇ ἡμέρᾳ τῆς ἀγίας κυριακῆς τυγχάνει ἀνέσεως διὰ τὸ παθεῖν τὸν ἐσταυρωμένον. — Καὶ ἐμβλέψας εἰς τὸν ἅγιον μεγαλομάρτυρα λέγει· ὁ λύχνος τοῦ φωτός, φώτισόν μου τὴν ψυχὴν, και δός μοι τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα, και μὴ κελεύσης με ἀπελθεῖν εἰς τὸν τόπον ἐκεῖνον τὸν ὑποβρύχιον. — Ὁ δὲ ἅγιος ἰδὼν τὴν πίστιν τοῦ ἀνδρός, ἐλάκτισεν εἰς τὸ πρόσωπον τῆς γῆς, και ἐξῆλθεν πηγὴ ὕδατος, και ἐβάπτισεν αὐτὸν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς και τοῦ υἱοῦ και τοῦ ἁγίου πνεύματος, και λέγει αὐτῷ· ἀπελθε λοιπὸν και ἀναπαύου. Καὶ εὐθέως ἀφανῆς ἐγένετο. Ἐν δὲ τοῖς [τοιούτοις με]γίστοις¹⁾ και ἀπείροις θαύμασι, μὴ πιστεύσας ὁ παμμίαρος βασιλεὺς, μᾶλλον δὲ θυμοῦ πλησθεὶς, λέγει πρὸς τοὺς σὺν αὐτῷ· οἶδα ὅτι δαίμονα παρέστησεν ἡμῖν, και λέγει· νεκρὸν ἤγειρα. και εὐθέως προστάττει κρατηθῆναι τὸν μάρτυρα και βουνεύροις ξηροῖς τὰς σάρκας αὐτοῦ ξαίεσθαι ἀφειδῶς και κασιδαν πεπυρωμένην τεθῆναι ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ και ἔλαιον βράζων²⁾ προσάπτεσθαι αὐτοῦ. και πάλιν κελεύει κρεμασθέντα ξαίεσθαι αὐτόν. Ξαιομένου δὲ αὐτοῦ, τὰ ἐντὸς αὐτοῦ ἀπεφάνθησαν. ὁ δὲ μὴ φέρων τὰς πικρὰς ὀδύνας, ἀπέδωκεν τὴν ψυχὴν τῷ κυρίῳ. κελεύει δὲ ὁ βασιλεὺς κατενεχθῆναι τὸ σῶμα αὐτοῦ και ἀπενεχθῆναι εἰς τὸ ὄρος και ριφῆναι εἰς ἀνάλωσιν θηρίων και ὀρνέων. ὅτι ἔλεγεν ὁ τύραννος· οὐ μὴ εἰάσω ἐκ τῶν λειψάνων αὐτοῦ τι. ἀπενεχθὲν δὲ τὸ σῶμα τοῦ μάρτυρος, ἔρριψαν αὐτὸ οἱ στρατιῶται εἰς τὸ ὄρος και κατήρχοντο. ἐγένετο δὲ κατερχομένων αὐτῶν, γίνεται ἀστραπὴ και βροντὴ φοβερά, ὥστε και τὸν τόπον σαλευθῆναι. και ἦλθεν ὁ κύριος ἐπὶ νεφέλῃς φωτός, και ἐφώνησεν λέγων· Γεώργιε, ἀνάστα ἐν τάχει. και εὐθέως ἀνέστη και κατεδίωξεν ὀπίσω τῶν στρατιωτῶν κράζων και λέγων· ἐχδέξασθέ μοι³⁾ μικρόν, ἀδελφοί. ἰδόντες δὲ αὐτόν οἱ στρατιῶται προσέπεσον αὐτῷ, κλαίοντες και λέγοντες· δοῦλε τοῦ ὑψίστου θεοῦ, δός ἡμῖν τὴν ἐν Χριστῷ σφραγίδα.

1) Реп. τοῖς γίστοις. Дополнено по догадкѣ.

2) Реп. δῆλα βράζων.

3) Реп. μοι. — Нужно-бы ме.

καὶ ἀναστήσας αὐτούς ὁ ἅγιος, ἐβάπτισεν αὐτούς εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. καὶ οὕτως ἐπορεύθησαν πρὸς τὸν βασιλέα. καὶ ἐλθόντες, ἐκήρυξαν, λέγοντες· καὶ ἡμεῖς, βασιλεῦ, χριστιανοὶ ἐσμεν. ἐκέλευσεν ὁ βασιλεὺς τῷ ξίφει τούτους ἀναιρεθῆναι. — Γλυκερίου δὲ τινος ἀγροίκου ἀροτριῶντος ἔπεσεν ὁ βοῦς, ὁ εἰς αὐτοῦ, καὶ ἀπέθανεν. καὶ ἐλθὼν προσέπεσεν τῷ ἁγίῳ καὶ εἶπεν· κύριε, βοῦν εἶχον χρήσιμον, καὶ ἐξέγυυον αὐτόν¹⁾ σὺν τῷ ἐτέρῳ, καὶ τὴν γῆν εἰργαζόμεν, καὶ ἐτρεφόμενη καγὼ καὶ ὁ οἶκός μου. νῦν οὖν ἄρτι πεσὼν εἰς τὸ ἄροτρον ἀπέθανεν. καὶ δέομαί σου, ὅπως εὗξῃ²⁾ ἵνα ἀναστῇ. εἶπεν δὲ ὁ ἅγιος· εἰάν πιστεύης, ἐγερωθήσεται ὁ βοῦς σου. Καὶ ὁ Γλυκερίος εἶπεν· πιστεύω, κύριε, ὅτι οὐκ ἔστιν ἕτερος, εἰ μὴ ὁ τῶν χριστιανῶν θεός. καὶ λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος· ἄπελθε, καὶ εὕρης ζῶντα τὸν βοῦν. καὶ εὐθέως ἦλθεν κράζων καὶ λέγων· μέγας ὁ θεὸς τῶν χριστιανῶν. καὶ συλλαβόμενοι αὐτόν οἱ στρατιῶται ἀνήγγειλαν τῷ βασιλεῖ περὶ αὐτοῦ. θυμωθεὶς οὖν ὁ μαρτώτατος Διοκλητιανός, μὴδὲ τὴν προσωνομίαν αὐτοῦ ἐρωτήσας, ἐκέλευσεν αὐτόν μεληδὸν κατακοπῆναι. καὶ οὕτως τὸν τῆς μαρτυρίας στέφανον ὁ Γλυκερίος ἀνεδύσατο. τὸν δὲ μεγαλομάρτυρα Γεώργιον ἐκέλευσεν ὁ Διοκλητιανός παραστῆναι ἐπὶ τοῦ βήματος καὶ ἤρξατο παρακαλεῖν αὐτόν, λέγων· μὰ τοὺς θεοὺς ἅπαντας, εἰ εἰσακούσῃ³⁾ μου, Γεώργιε, καὶ προσελθὼν θύσεις τοῖς θεοῖς, χαρίσομαί σοι χρήματα πολλά, καὶ δεύτερος [ἔση ἐν τῷ] ἐμῷ παλατίῳ. καὶ γὰρ φείδομαί σου καὶ σφόδρα ἀνέχομαί σου, ζεῖν σε μᾶλλον βουλόμενος ἢ ἵνα ἀποθάνῃς. Ὁ δὲ ἅγιος λέγει· καλῶς λέγεις, βασιλεῦ, ἄρτι καὶ μετὰ τοσαύτας κολάσεις ποῦ ζητήσω τὴν ὑβρίν μου⁴⁾; Ὁ δὲ βασιλεὺς λέγει· χάρισαί μοι ὡς πρὶν σοῦ τὸ ἐγκλημα, καὶ θύσον⁵⁾ τοῖς θεοῖς, καὶ μετ' ἐμοῦ ἔση ἐν τῷ παλατίῳ. Ὁ δὲ ἅγιος λέγει· ὅλως⁶⁾

1) Ркп. αὐτῷ.

2) Ркп. εὗξης.

3) Ркп. εἰσακούσῃ. — Ей прибавлено.

4) Читанъ: ἄρτι καὶ μ. τ. κ. ποῦ ζ. τ. ὕβ. μου; Ркп. ставитъ тогѣу послѣ ἄрτι и послѣ μου.

5) Ркп. θύσω.

6) Ркп. ὅλως. — Не ѣπως ли?

ἀπελογήσω μοι, βασιλεῦ, τοῦτο καὶ ποιήσω. ἡ ἡμέρα ἤδη συνήχθη πρὸς ἡλίου δυσμᾶς, καὶ οὐ δύναμαι θῦσαι. ἀλλὰ κέλευσον ἀσφαλίσθῃναι με ἐν τῇ φυλακῇ, ἕως τὸ πρωί, ἵνα τῷ πρωί ἐνώπιον πάντων τοῖς θεοῖς θῦσω. Ὁ δὲ βασιλεὺς, χαρᾶς πλησθεὶς, λέγει τῷ μάρτυρι· μὴ, μὴ γένοιτο εἰς κόλασίν σε παραδώσω, ἀλλὰ καὶ ἄς ἐπήνεγκά σοι πληγᾶς, ὡς πρῶην σου, συγχώρησόν μοι. νῦν δὲ εἰσελθε εἰς τὸ ἐσώτερον παλάτιον καὶ ἀναπαύου ἐκεῖ. Εἰσελθόντος δὲ αὐτοῦ, ἡνίκα ἐσπέρα ἐγένετο, κλίνας τὰ γόνατα, διὰ πάσης τῆς νυκτός προσήχητο, ψάλλων οὕτως· τίς θεὸς μέγας, ὡς θεὸς ἡμῶν; σὺ εἶ ὁ θεὸς ὁ ποιῶν θαυμάσια. Καὶ πάλιν ἔλεγεν· ἐπὶ σοι, κύριε, ἤλπισα, μὴ κατασχυνθῆσωμαι εἰς τὸν αἰῶνα. Εὐτρόπιος δὲ ὁ εὐνοῦχος λέγει τῇ βασιλίσσῃ Ἀλεξάνδρᾳ· Γεώργιος ὁ μύστης τῶν Γαλιλαίων οὐκ εἶπασε δὴ με ἀναπαυῆναι φλυαρῶν καὶ τὸν θεὸν αὐτοῦ ἐπικαλούμενος. ἡ δὲ βασίλισσα ἀκοῦσαι θέλουσα ἅμα δὲ καὶ θεᾶσαι αὐτόν, προσκαλεσαμένη τὸν ἅγιον μάρτυρα, λέγει αὐτῷ· εἰπέ μοι, τίς ἡ φλυαρία αὕτη, ἣν ἐφλυάρησας δι' ὅλης τῆς νυκτός, καθὼς ἔμαθον; ὁμῶς διδάξόν με, τίς ἐστὶν ὁ θεὸς σου, ὃν ἐπικαλεῖσαι; Γεώργιος λέγει· ὁ θεὸς μου μέγας ἐστίν. αὐτὸς γὰρ ἐποίησεν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν, τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτῇ, καὶ πᾶσαν τὴν κτίσιν, τυφλοῖς τὸ φῶς ἐχαρίσατο, χωλοῖς τὸ περιπατεῖν, τοὺς δὲ πλανωμένους ὁδηγεῖ πρὸς τὴν ἀλήθειαν αὐτοῦ. ἡ βασίλισσα λέγει· πῶς λέγουσιν, ὅτι ὁ θεὸς τῶν χριστιανῶν ἀνθρωπὸς ἐστίν; Γεώργιος λέγει· ἄκουσον, βασίλισσα, πῶς παρεγένετο ὁ θεὸς ἐπὶ τῆς γῆς καὶ ἀνθρωπος ὤφθη. ὁ προφήτης ὁ θεοπάτωρ Δαβὶδ λέγει· ὁ καθήμενος ἐπὶ τῶν χερουβὶμ, ἐμφάνηθι. ἐξέγρου τὴν δυναστείαν σου καὶ ἐλθὲ εἰς τὸ σῶσαι ἡμᾶς. καὶ ὁ θεόπτης Μωϋσῆς ἔφη· ἴδετε, ἴδετε, ὅτι ἐγὼ εἶμι θεὸς καὶ οὐκ ἐστὶν θεὸς πλὴν ἐμοῦ.¹⁾ καὶ πάλιν ὁ προφήτης Ἀββακούμ λέγει· κύριε, εἰσακήκοα τὴν ἀκοήν σου καὶ ἐφοβήθην, κύριε, κατενόησα τὰ ἔργα σου καὶ ἐξέστην.²⁾ καὶ ὁ θεὸς Δαβὶδ καταβῆσεται ὡς ἕτερός ἐπὶ πόκον³⁾. ταῦτα γὰρ οὕτως προεφήτευσαν

¹⁾ Exod. 20, 2—3.

²⁾ Habac. 3, 1—2.

³⁾ Psalm. 71, 6.

οι θεοφόροι προφήται ἐξ ἁγίου πνεύματος κινούμενοι. ἡ βασίλισσα λέγει· Γεώργιε, τί ἤκουσεν ὁ Ἀββακούμ και ἐφοβήθη; ἢ τί κατενόησεν και ἐξέστη; Ὁ μάρτυς τοῦ Χριστοῦ λέγει· ἀκουσον, βασίλισσα Ἀλεξάνδρα. ἤκουσεν γάρ, ὅτι ὁ θεὸς ἐπὶ ἀνθρώπων παραγίνεται, και ἐφοβήθη, κατενόησεν ὅτι μετ' αὐτῶν συναναστραφήσεται, και ἐξέστη. ἡ βασίλισσα λέγει· τί ἐστιν πάλιν, ὃ εἶπεν ὁ Δαβίδ, ὅτι καταβήσεται ὡς ἱετός ἐπὶ πόκον; ὁ μάρτυς λέγει· πόκος ἐστίν, βασίλισσα, ἡ παρθένος Μαρία, ἱετός δὲ ὁ Χριστός ἐστιν. κατήλθεν γάρ, ὡς ἱετός ἐπὶ πόκον, ὁ λόγος τοῦ θεοῦ, και ἐνοίκησεν ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς παρθένου Μαρίας, και προῆλθεν ἐν ἀφθαρσίᾳ και ἐδείχθη ἀνθρώποις, ἐνα σώσῃ τὸν πλανώμενον ἀνθρωπον. ἡ βασίλισσα λέγει· τί οὖν οἱ θεοὶ ἡμῶν; Ὁ μάρτυς εἶπεν· οὐδὲν ἐστίν· εἰδῶλα γάρ ὄντα δαιμόνων, μετ' αὐτῶν και τὴν μερίδα ἔχουσι. ὀφθαλμοὺς ἔχουσι και οὐ βλέπουσι, ῥίνας ἔχουσι και οὐκ ὀσφρανθήσονται, στόμα ἔχουσι και οὐ λαλήσουσι. ὅμοιοι αὐτοῖς γένοιτο οἱ ποιοῦντες αὐτὰ και πάντες οἱ πεποιδότες ἐπ' αὐτοῖς. λέγει αὐτῷ ἡ βασίλισσα κατανουγείσα· καλῶς διδάσκεις, κύριέ μου Γεώργιε. εὖξαι οὖν ἐπ' ἐμοί, ἐνα φύγη ἀπ' ἐμοῦ ἡ πλάνη τῶν εἰδώλων. ὁ μάρτυς λέγει· πιστευσον εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν, και οὐ μή σου κατακαρισεύσει ¹⁾ ἡ πλάνη τῶν εἰδώλων, ἢ ἡ κίτσα αὐτῶν. — Τῇ δὲ ἐπ' αὐριον προσέταξεν ὁ ἡγεμῶν ἀχθῆναι πᾶσαν τὴν σύγκλητον και τὸ στρατόπεδον σὺν τῷ δήμῳ, κηρύξας, ὅτι ὁ μύστης τῶν Γαλιλαίων, Γεώργιος, προσέρχεται θῦσαι τοῖς θεοῖς. και πάντες οἱ ὄχλοι ἔκραζον· ὁ Ἀπόλλων ἐνίκησεν, βασιλεὺς ὁ Διοκλητιανός ζήτω εἰς τοὺς αἰῶνας. εἰσελθόντων δὲ εἰς τὸ ἀγαλμα, και σιγῆς γενομένης, σταθεῖς ὁ ἅγιος Γεώργιος και ἐμβλέψας τὸν βωμόν τῶν εἰδώλων, τῷ ²⁾ Ἀπόλλωνι εἶπεν· σύ εἶ θεὸς και σὲ χρῆ σέβειν τοὺς ἀνθρώπους. και εὐθέως τὸ πνεῦμα τὸ παραμένον τὸ ἀγαλμα τοῦ Ἀπόλλωνος ἐβόησεν, λέγον· οὐκ εἰμι ἐγὼ θεός, οὐδὲ οἱ μετ' ἐμοῦ, ἀλλ' ἐστίν θεός ἀληθινός ὁ ποιήσας τὸν οὐρανόν και τὴν γῆν, και ὁ τούτου υἱός ὁ Χριστός, δι' οὐ τὰ πάντα ἐποίησεν. ἡμεῖς δὲ ἄγγελοι αὐτοῦ ὄντες ἀποστάται γεγόναμεν, και δαίμονες ὀνομα-

¹⁾ Рев. тапъ. М. 6. κατακαρώση.

²⁾ Рев. και τῷ.

ζόμεθα. και πλανῶνται εἰς ἡμᾶς οἱ ἄνθρωποι. Γεώργιος εἶπεν· και εἰ οὐκ ἐστε θεοί, διὰ τί πλανᾶτε¹⁾ τοὺς ἀνθρώπους; πῶς δὲ τολμᾶτε ὑπομένειν ἐμοὶ τῷ δούλῳ τοῦ θεοῦ ἐστῶτα ὧδε; και σὺν τῷ λόγῳ τάραχος ἐγένετο μέγας, και ἐβόησεν τὸ δαίμόνιον λέγον· οὐαὶ μοι, οὐαὶ μοι. και εὐθύς πάντα συνέπεσον τὰ εἰδῶλα ὑφὲν ἐπὶ τὴν γῆν και συνετρίβησαν, τὸ σημεῖον τοῦ τιμίου σταυροῦ ποιήσαντα τὸν ἅγιον.²⁾ εἰδῶτες δὲ οἱ ἡμέτεροι τὴν συντριβὴν τῶν εἰδώλων, κατέδραμον κατὰ τοῦ ἁγίου, λέγοντες· αἶρε τοῦτον, βασιλεῦ, αἶρε τὸν γόητα και μάγον, ὅτι ἡ μαγία αὐτοῦ πάντας ἐπλάνησεν, και τοὺς μεγίστους και καλλινίκους θεοὺς συνέτριβεν.³⁾ θυμωθεὶς οὖν ὁ βασιλεὺς ἐκ τῆς τῶν δαιμόνων ἐργασίας και τῆς πληθῆς τῶν ἀνιέρων ἱερέων και βοῆς, λέγει τῷ μάρτυρι τοῦ Χριστοῦ· κακὴ κεφαλὴ και πάσης γοητείας πεπληρωμένη, οὐκ ἐμοὶ συνέδου τοῖς θεοῖς θῦσαι τῷ Ἀπόλλωνι και Ποσειδῶνι⁴⁾; λέγει αὐτῷ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος· ἀνόητε και ἀναίσχυντε, ἐγὼ τὴν ἐμὴν θυσίαν ἐτέλεσα πρὸς Χριστὸν τὸν θεόν μου, τὸν ὄντως ἀληθινόν θεόν. διὰ τοῦτο πάντες οἱ θεοὶ ὑμῶν ἠφανίσθησαν. γινῶθι οὖν και ἰδέ, ὅτι καὶ ἑαυτοῖς δύνανται βοηθῆσαι, οὔτε τινα ἕτερον.⁵⁾ εἰδῶλα γὰρ εἰσιν ἀναίσχυντα και δαιμόνια πλανῶντα τοὺς ἀναισθήτους ἀνθρώπους, ὑπὸ δὲ τῶν τοῦ Χριστοῦ δούλων μόνον καταργούμενα. ἀκούσασα δὲ ἡ βασίλισσα Ἀλεξάνδρα τὰ γενόμενα, ἐδραμεν πρὸς τὸν βασιλέα και ἐβόησεν, λέγουσα· ὁ θεὸς Γεωργίου τοῦ ἀηττήτου μάρτυρος και στρατιώτου σου βοήθησόν μοι τῇ ἁμαρτωλῷ⁶⁾, και μὴ μνησθῆς τῶν ἁμαρτιῶν μου, κύριε, ἀλλὰ μνήσθητι τῆς τελευταίας μου ταύτης μεταβολῆς, και δός μοι μέρος μετὰ τῶν χριστιανῶν και μετὰ τοῦ θεράποντός

1) Реп. κλανᾶται.

2) Реп. ποιήσαντα τὸν ἅγιον, т. е. ποιήσαντος τοῦ ἁγίου.

3) Реп. αἶρε... αἶρε... ἐπλάνησεν... συνέτριβεν. — Скопѣе: ἄρον, συνέτριψεν.

4) Реп. Ποσιδόνι.

5) Реп. τινα ἕτερον. — Либо пропущенъ глаголъ, отъ котораго зависи т. ἕτερον, либо чнтаюсъ тилъ ἕτέρω.

6) Реп. τὴν ἁμαρτωλόν.

σου Γεωργίου. Ἐπίστευσαν δὲ πλήθη πολλὰ τῷ κυρίῳ. Ὁργισθεὶς δὲ ὁ βασιλεὺς, ἔδωκεν τὴν κατ' αὐτοῦ ἀπόφασιν καὶ τῆς βασιλίσσης, εἰπὼν πρὸς τὸν μάρτυρα· ἰδοὺ, παγκάκιστε Γεώργιε, καὶ τὴν βασιλίσσαν ὑποπλανήσας θανάτῳ ὑποβάλλεις. ¹⁾ ἀπέρχου οὖν καὶ σὺ σὺν αὐτῷ, ἀξίαν τοίνυν τὴν εἰς τοὺς θεοὺς βλασφημίας δίκην εἰσπράξασθε. καὶ ἀπεφώνησεν οὕτως· Γεώργιον τὸν μύστην τῶν Γαλιλαίων, ὡς μὴ προσκυνήσαντι τὸ κράτος τῶν μεγίστων θεῶν, ἀλλὰ τὴν βασιλείαν ὑποφθείραντι, δίδωμι τὴν κατ' αὐτοῦ ἀπόφασιν, ξίφι τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθῆναι σὺν τῇ βασιλίσῃ αὐτῷ ἀποπλανηθείῃ. Καὶ λαβόντες αὐτοὺς οἱ στρατιῶται ἐξήγαγον ἔξω τῆς πόλεως. πορευόμενοι δὲ προθύμως ἐπὶ τὸ σπουδαζόμενον αὐτοῖς βραβεῖον σὺν τῷ μάρτυρι, καὶ εὐχόμενοι κατὰ διάνοιαν τῷ κυρίῳ, ὡς ἡ κίνησις τῶν χειλέων αὐτῶν ἐδήλου, καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἡ βασίλισσα εἰς τὸν οὐρανὸν ἀτενίζουσα, ἀπέδωκεν τὴν ψυχὴν τῷ κυρίῳ. Ὡς δὲ ἤγαγον τὸν ἅγιον μάρτυρα Γεώργιον ἐπὶ τὸν τῆς τελειώσεως τόπον, εἶπεν πρὸς τοὺς στρατιώτας· ἐκδέξασθέ με, ἀδελφοί, μικρόν, ὅπως προσεύξωμαι. ἀφέντων δὲ τὸν ἅγιον μικρόν, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ τὰς χεῖρας ἐκτείνας, ἤρχετο, λέγων· Κύριε ὁ θεὸς οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς δεσπότης, ἐπάκουσον τῆς φωνῆς τῆς δεήσεώς μου, καὶ δός μοι τὰ αἰτήματά μου, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος, γενόμενος ἐν ὑπνῷ φοβερῷ ἢ ἐν ἀνάγκῃ, καὶ ἐπικαλέσῃται τὸν εὐσπλαγχνον πατέρα καὶ ἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα, μνησθεὶς δὲ τοῦ ὀνόματός μου τοῦ δούλου σου Γεωργίου, ποιήσῃ τὴν δυσκληρίαν αὐτοῦ εἰς ἀγαθόν. καὶ ῥῦσαι αὐτὸν ἀπὸ πάσης ἀνάγκης καὶ θλίψεως καὶ διωγμοῦ καὶ ἀρρωστίας καὶ λιμοῦ καὶ βασκανίας καὶ φθόνου καὶ χειμασίας θαλάσσης καὶ δυσχερίας πραγμάτων. καὶ ἐν δικαστηρίῳ φοβερῷ παράστα αὐτῷ καὶ σῶσον, κύριε ὁ θεὸς μου. καὶ δός, κύριε, τοῖς μνημονεύουσιν τὴν μνήμην τῆς ἀδελήσεώς μου, τοῦ μὴ ἐπιλθεῖν αὐτοῖς ἀφορίαν καρπῶν, μήτε ἄλλην πληγὴν οἷαν δήποτε, ἀλλὰ σύντριψον τὸν σατανᾶν ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτῶν. οἶδας γάρ, δέσποτα, ὅτι σὰρξ καὶ αἱμᾶ εἰσιν, καὶ τὸ ὄνομά σου δοξάσουσιν εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

¹⁾ ὑποβάλλει?

Ἄυτῆ δὲ τῆ ὥρᾳ φωνὴ ἐγένετο πρὸς αὐτόν ἐκ τῶν οὐρανῶν, λέγουσα· Γεώργιε, ὁ παῖς μου, εἰσήκουσα οὖν τῆς φωνῆς τῆς δεήσεώς σου. δεύρω ἀπολάμβανε, ἃ ἠτοίμασά σοι. δώσω χάριν τῷ ὀνόματί σου, ἵνα πᾶς ὁ μνημονεύων σου τῆς ἀθλήσεως, ῥύσωμαι αὐτόν ἀπὸ πάσης θλίψεως, ἀνάγκης καὶ δικαστηρίου καὶ ὀράματος δυσχεροῦς, οἶδας γὰρ ὅτι σὰρξ καὶ αἱμά εἰσιν. — Ἦνίκα δὲ ὁ κύριος ἐπαύσατο λαλῶν πρὸς αὐτόν, στραφεὶς ὁ ἅγιος Γεώργιος, λέγει τῷ σπεκουλάτορι· δεύρω, τέκνον, πλήρωσόν σου τὴν οἰκονομίαν. καὶ προσελθὼν ὁ σπεκουλάτωρ ἀπέτεμεν τὸν γενναῖον αὐτοῦ αὐχένα. Καὶ εὐθέως ἐγένετο ὁ ἀήρ συννεφής, καὶ σεισμός, καὶ ἀστραπαί, καὶ βρονταί, καὶ ὑδάτων πληθος. Λαβόντες δὲ οἱ χριστιανοὶ τὸ ἅγιον αὐτοῦ λείψανον, κηδεύσαντες, ἔθαψαν σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Πολυχρονία ἐν τόπῳ ἐπισήμῳ, ἐν Διοσπόλει. ἐτελειώθη δὲ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μεγαλομάρτυς Γεώργιος μηνὶ Ἀπριλίῳ κγ', ἡμέρᾳ παρασκευῆ, ὥρᾳ ἐνάτῃ, βασιλεύοντος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

III.

Извлеченія изъ житія св. Георгія по парижской рукописи № 1534.

(f. 107 v.—124).

Γέννησις, ἀνατροφή καὶ μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. Κἔ εὐ^σ.

Ἦ μὲν τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ προαιώνιος βασιλεία οὔτε ἀρχὴν ἡμερῶν, οὔτε ζωῆς τέλος ἔχει... εἰς τὴν ἀληθῆ καὶ σωτήριον θεοσέβειαν. (см. стр. 36 и 42).

(f. 107 v.—111 r.) Ὅθεν καὶ κατ' αὐτοὺς καιροὺς Γαλιηνοῦ τοῦ Ῥωμαίων ἐπὶ ἐξαετίαν βασιλεύσαντος καὶ Κλαυδίου τοῦ μετ' αὐτόν τῆς αὐτῆς βασιλείας ἐπὶ διετίαν κρατήσαντος, καὶ τὸν κοινὸν πᾶσιν ἀνθρώποις θάνατον τελευτήσαντος, Αὐρηλιανοῦ δὲ μετὰ καὶ

ετέρων πινῶν ὀλιγοχρονίων γεγονότων τῆς Ῥωμαίων βασιλείας καὶ κατάρξαντος ἐπὶ ἕξ καὶ δεκαετῆ κύκλον καὶ πολλὰ τρόπαια κατὰ τῶν ἀντιδικούντων Ῥωμαίους ἀναδεξαμένου, ἐν τοῖς καιροῖς αὐτῶν ἦν τις συγκλητικός οἰκῶν ἐν Σεβαστοπόλει τῆς Ἀρμενίας ὀνόματι Γερόντιος, Καππαδόκης τὸ γένος, ἔχων στρατηλάτου ἀξίωμα. τὸ δὲ ὄνομα τῆς γυναικὸς αὐτοῦ ἑκαλεῖτο Πολυχρονία. Οὗτος οὖν ὁ Γερόντιος Ἕλλην ὑπάρχων τῇ θρησκείᾳ, θυσίας καὶ σπονδὰς καθ' ἑκάστην προσέφερε τοῖς μὴ οὔσι θεοῖς, ἀλλὰ ξοάνοις ἀψύχοις. ἡ δὲ τούτου σύμβιος Πολυχρονία εὐσεβῶν γονέων θυγάτηρ γενομένη καὶ χριστιανὴ τυγχάνουσα οὐ διέλειπεν νυκτὸς καὶ ἡμέρας διὰ νηστειῶν καὶ δεήσεων προσευχομένη τῷ θεῷ, καὶ τὰς θείας γραφὰς ἀνάγιγνωςκουσα καὶ ζῶσα εὐσεβῶς καὶ μὴ φανεροῦσα ἑαυτὴν χριστιανὴν, διὰ τὴν ἐπικρατοῦσαν μανίαν τῶν θεραπευτῶν τῶν εἰδώλων. — Ὅθεν συλλαβούσα ἢ μακαρία Πολυχρονία ἐν γαστρὶ, ἔτεκεν τὸν ἅγιον Γεώργιον, ἀντρέφειν δὲ αὐτὸν ἐν πάσῃ εὐσεβείᾳ καὶ σωφροσύνῃ. καὶ διδαχθεὶς τὰ ἱερὰ γράμματα ὁ κάλλιστος νεανίας, ἀξιώθει δὲ καὶ τοῦ ἁγίου καὶ σωτηριώδους βαπτίσματος, ἐλάτρευεν τῷ κυρίῳ, διδασκόμενος λάδρα ὑπὸ τῆς τιμίας αὐτοῦ μητρὸς. Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, μηδὲν ἐκ τούτων πάντων γινώσκων, πρὸς ἑαυτὸν βουλευσάμενος ἐστράτευσεν αὐτὸν κόμητα καὶ λέγει αὐτῷ· Τέκνον φίλτατον, πορευθῶμεν ἐν τῷ ναῶ τῶν μεγίστων θεῶν καὶ προσάγαγε αὐτοῖς θυσίαν καὶ λίβανον, ἵνα ζῶῃν σοὶ καὶ ῥώμην σώματος χαρίσωνται· αὐτοὶ γάρ σε ἐν τῷ αὐτῇ ἡλικίᾳ καὶ τιμῇ κατέστησαν. Ταῦτα δὲ ἔλεγεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, μὴ γινώσκων ὅτι ἐστὶν δούλος τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ὁ δὲ ἅγιος παῖς καὶ πιστὸς δούλος τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος ἀκούσας τοὺς λόγους τούτους ἐμειδίασεν, καὶ μέγα στενάξας σφόδρα λέγει τῷ πατρὶ αὐτοῦ· Πάτερ, οὐ δύναμαι νῦν ἔλθειν εἰς τὸν ναὸν τῶν θεῶν σου καὶ θυσίας αὐτοῖς προσάγαγεῖν, ἐπειδὴ οὐκ εἰσὶν θεοί, ἀλλ' εἰδῶλα κωφὰ καὶ τυφλὰ καὶ ἀναίσθητα. ὥστε μὴ πλανῶ, πάτερ, ὑπὸ εἰδώλων ἀψύχων, πειδαρχῶν δαίμονις ἀκαθάρτοις, ἀλλ' εἰ βούλει¹⁾ ἀκουσόν μου, πάτερ, καὶ γὰρ σοὶ ὑποδείξω θεὸν ζῶντα καὶ ἀληθινόν, ὅστις ἐποίησεν τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν

¹⁾ Рен. βούλει

καὶ τὴν θάλασσαν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς. ἐγὼ γὰρ ἔμαθον ἀπὸ τῶν ἁγίων γραφῶν, ὅτι¹⁾ θεοί, οἱ τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν οὐκ ἐποίησαν, ἀπολοῦνται, καὶ πάντες οἱ πεποιδότες ἐπ' αὐτοῖς· εἰδῶλα γὰρ εἰσι δαιμονίων· λαλεῖς αὐτοῖς καὶ οὐκ ἀκούσουσι, διανεύεις καὶ οὐ βλέπουσι, πίπτουσι καὶ οὐκ ἐγείρονται. ὥστε ἐκ τούτου γινώθι, πάτερ, ὅτι οὐκ εἰσι θεοί. ἐπειδὴ λαλεῖς αὐτοῖς καὶ οὐκ ἀκούσουσι, καὶ πῶς δύνανται ἄλλοις βοηθῆσαι; Ἄλλ' εἰ θέλεις πεισθῆναί μοι, πάτερ, καὶ ζῆσαι τὴν ὄντως αἰώνιον καὶ μακαρίαν ζωὴν, φύγωμεν τὴν τῶν εἰδώλων πλάνην καὶ μανίαν, καὶ σώσει ἡμᾶς ὁ Κύριος Ἰησοῦς Χριστός, ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ τοῦ ζώντος· ἀγαπᾷ γὰρ πάντας τοὺς ἐλπίζοντας ἐπ' αὐτόν. Μάθε οὖν, πάτερ, ὅτι καὶ Παῦλος ὁ ἀπόστολος βλάσφημος καὶ διώκτης ἦν τῶν ἐκκλησιῶν· ἐλθούσης δὲ ἐπ' αὐτόν τῆς θείας χάριτος γέγονε τῶν καλῶν σύμβουλος καὶ διδάσκαλος ἀγαθῶν ἔργων, ὅτι ὀλοφύχως ἠγάπησε τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν. Καὶ ἡμεῖς οὖν, καλὲ πάτερ, μαθητεύσωμεν αὐτῷ, εἰ βούλει, ἵνα εὐρωμεν χάριν παρ' αὐτῷ καὶ τὴν ἀγάπην ἐκεῖνην τὴν ἀληθινὴν εἰς ὅλους αἰῶνας.

Ἡ δὲ μακαρία Πολυχρονία ἡ μητὴρ τοῦ ἁγίου παιδὸς Γεωργίου ἀκούσασα τὰ ῥήματα ταῦτα ἠγαλλίασατο σφόδρα, ὅτι ἔσπευδεν σῶσαι ψυχὴν ὑπὸ δαιμόνων ἀπολλυμένην.

Ὁ δὲ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος ἀκούσας ταῦτα μετὰ μεγάλης λύπης, ἀποκριθεὶς λέγει αὐτῷ· οἴμοι, τέκνον γλυκύτατον, τίς ἐδίδαξε τὴν φλυαρίαν ταύτην; οὐκ οἶδας, ὅτι μωρία ἐστὶν ἡ νοουθεσία τῶν χριστιανῶν; καὶ οἱ θεοὶ ὀργιζόμενοι διὰ τὸ ἐνουβρίζεσθαι αὐτοὺς ὑπ' αὐτῶν, βασάνοις πικραῖς παραδίδωσιν αὐτούς; Πρόσελθε οὖν, τέκνον φίλτατον, εὐμενῶς, καὶ προσάγαγε αὐτοῖς θυσίαν καὶ σπονδήν, ἵνα μὴ ὀργισθέντες θανάτῳ σε πικρῷ παραδώσωσι, καὶ ἐμοῦ καὶ τῆς μητρὸς σου τὸ γῆρας ἐν θλάψει πολλῇ εἰς ἄδου καταγάγῃς. Ὁ δὲ πάνσοφος καὶ φιλόνητος θεός, ἵνα δείξῃ τὴν ἑαυτοῦ ἄφατον εὐσπλαγχίαν καὶ ἀγαθότητα, διὰ ποίας προφάσεως ἠθέλησεν ἐπιστρέψαι τὸν πατέρα τοῦ παιδὸς Γεωργίου εἰς τὴν ἀληθινὴν καὶ ὀρθόδοξον πίστιν τῶν χριστιανῶν, εἰσακούσατε. Ὑπέβαλεν αὐτόν

¹⁾ Рен. ὅτε.

διὰ μιᾶς νυκτός πυρετῶ λαβροτάτῳ σφόδρα, καὶ δεινῶς βασανιζόμενος ἐκάλεσε τὸν ἠγιασμένον παῖδα ὑπὸ θεοῦ Γεώργιον, καὶ λέγει αὐτῷ· Τέκνον γλυκύτατον, ὡς ὄρω, μεγάλη ἐστὶν ἡ πίστις τῶν χριστιανῶν, καὶ ὁ θεὸς αὐτῶν μέγας ἐστὶν πάνυ· ὠφθη γάρ μοι ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ καὶ ἔμφοβός εἰμι σφόδρα. Δέλησον οὖν, τέκνον φίλτατον, ταχέως πορευθῆναι καὶ ἐπιζητήσαι τοὺς χριστιανούς, ἵνα παρακαλέσωσι τὸν θεὸν αὐτῶν καὶ ῥυσθῶ τῆς βασάνου ταύτης¹⁾, ὅτι δεινῶς βασανίζομαι. Ὁ δὲ τοῦ Χριστοῦ θεράπων Γεώργιος, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανόν, εἶπεν· εὐχαριστῶ σοι, κύριέ μου Ἰησοῦ Χριστέ, νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας, ὅτι οὐκ ἐμάκρυνας τὸ ἔλεός σου ἀπὸ τῶν ἐν ἀληθείᾳ ἐπικαλουμένων σε, ἀλλ' ἐγγύς εὐρίσκη, κύριε, πάντοτε τῶν πόρρω καὶ μακρὰν ὄντων. Καὶ ἀποκριθεὶς ὁ τοῦ Χριστοῦ δούλος Γεώργιος, λέγει τῷ πατρὶ αὐτοῦ· Πάτερ, εἰ ἐξ ὅλης τῆς καρδίας σου καὶ τῆς ψυχῆς σου πιστεύεις εἰς τὸν σωτήρα τοῦ κόσμου, οὐ μόνον ἐκ τῆς βασάνου ταύτης λυτρώσεται σε, ἀλλὰ καὶ ἐκ πάντων τῶν ἁμαρτιῶν ὧν ἔπραξας ἐκ νεότητός σου, καὶ ἀθανάτου ζωῆς ἀξιώσει σε· μεγάλη γάρ ἐστὶν ὡς ἀληθῶς ἡ πίστις τῶν χριστιανῶν.

Ὁ δὲ Γερόντιος κράξας φωνῇ μεγάλῃ εἶπεν· πιστεύω εἰς τὸν θεὸν τὸν ὀφθέντα μοι ἐν τῇ νυκτὶ ταύτῃ καὶ φωτίσαντά μου τὴν ψυχὴν εἰς τὴν ἐπίγνωσιν αὐτοῦ. Ὁ δὲ δούλος τοῦ Θεοῦ Γεώργιος, χαρᾶς μεγάλης πλησθεὶς, σπουδαίως ἀπῆλθεν ἐν τινι μοναστηρίῳ ἐπὶ τὸ καλέσαι ἀνδρας εὐλαβεῖς βαπτίσει τὸν πατέρα αὐτοῦ. Ἐλθόντων δὲ τῶν ὁσίων ἐκείνων καὶ εὐλαβῶν ἀνδρῶν καὶ ποτησάντων εὐχὴν ἐπ' αὐτόν, ἔασεν αὐτόν εὐθέως ὁ πυρετός. καὶ κατηχήσαντες αὐτόν, ἐβάπτισαν εἰς τὸ ὄνομα τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος. καὶ ἐμπλησθεὶς τῆς θείας καὶ ἁγίας κοινωνίας τοῦ παναγίου σώματος τοῦ Κυρίου καὶ Θεοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἐπέζησεν ἡμέρας ιβ'. καὶ οὕτως ἐτελειώθη ὁ μακάριος Γερόντιος ὁμολογήσας καὶ πιστεύσας εἰς τὸν ἀληθινὸν θεὸν καὶ Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν τὸν διδόντα²⁾ ζωὴν αἰώνιον πᾶσι τοῖς εἰς αὐτόν πιστεύουσι.

¹⁾ ΡΕΕ. τούτου. ²⁾ ΡΕΕ. διδόντα.

Καὶ κηδεύσαντες αὐτόν μετὰ πάσης εὐχῆς καὶ ὑμνωδίας, ἔδαψαν ἐντίμως κατὰ τὴν παραδοθεῖσαν παρὰ τῶν ἀγίων ἀποστόλων θεάρεστον¹⁾ τάξιν. Γεώργιος δέ, ὁ γενναῖος καὶ τέλειος δοῦλος τοῦ Χριστοῦ, ἐν τῇ θείᾳ φρονήσει ἐστηριγμένος ὢν, καὶ τῷ ἀγίῳ πνεύματι καταυγαζόμενος, σπουδαίως ἀπελθὼν ἐν τῷ ναῷ, ἐν ᾧ ἦσαν²⁾ τὰ εἰδῶλα τὰ τε χρυσᾶ καὶ τὰ ἀργυρᾶ, ἃ ἔστησεν ὁ πατὴρ αὐτοῦ Γερόντιος, κατέκλασεν αὐτὰ καὶ τὸν ναὸν κατέλυσεν, καὶ οὐ μόνον τοῦ πατρὸς αὐτοῦ, ἀλλὰ καὶ ὅπου ἐὰν ἴστατο ναὸς εἰδώλων κατέστρεφεν αὐτόν καὶ τὰ εἰδῶλα συνέτριβεν καὶ τοὺς ἱερεῖς ἀπέκτεινεν καὶ ἐποίηε ἐλεημοσύνας καὶ ἐντολάς πολλὰς εἰς χήρας καὶ ὀρφανούς καὶ πτωχοῦς.

Σχολαστικὸς δὲ εἰς ὄνοματι Σιλυανὸς Ἕλληνας ὑπάρχων τῇ θρησκείᾳ, ἰδὼν τὴν κατάλυσιν τῶν ἀναισθήτων καὶ ματαίων αὐτῶν θεῶν τὴν ὑπὸ τοῦ ἡγιασμένου παιδὸς Γεωργίου γενομένην, λυπηθεὶς σφόδρα, προσῆλθεν Οὐαρδανίῳ τῷ δουκὶ καὶ λέγει αὐτῷ· Δέομαι τῆς σῆς ὑπεροχῆς, Γεώργιος ὁ κόμης τοὺς ναοὺς ἡμῶν κατέστρεψε καὶ τοὺς θεοὺς κατέκλασε καὶ τοὺς ἱερεῖς ἀπέκτανεν. — Ὁ δὲ δοῦξ ἀκούσας ταῦτα ἀπέστειλε στρατιώτας ἱκανοὺς ἐπὶ τὸ συλληφθῆναι αὐτόν. ἔλθόντων δὲ τῶν στρατιωτῶν καὶ κρατησάντων αὐτόν, ἀπήγαγον πρὸς τὸν δοῦκα. ὁ δὲ Οὐαρδάνιος δοῦξ, καθίσας δημοσίᾳ, λέγει αὐτῷ· Γεώργιε, τί τοῦτο ἐποίησας; οὐκ οἶδας ὅτι προστάγματα ἐπέμψθησαν ἀπὸ τῶν βασιλέων κελεύοντα τοὺς χριστιανοὺς θύειν τοῖς θεοῖς καὶ μὴ ὑβρίζειν αὐτούς, εἰ δὲ μή γε ἔρχεσθαι αὐτούς εἰς κολάσεις μεγάλας; Θύσον οὖν αὐτοῖς, μὴ εἰς ψυχὴν κινδυνεύσης.

Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ τοῦ Χριστοῦ δοῦλος Γεώργιος λέγει αὐτῷ· Ἐγὼ θεοὺς μὲν πολλοὺς οὐκ οἶδα, ἓνα δὲ θεὸν ἀληθινόν καὶ βασιλέα ἐπουράνιον οἶδα, τὸν κύριόν μου Ἰησοῦν Χριστόν· στρατιώτης γὰρ αὐτοῦ εἰμί, καὶ σφραγισθεὶς παρ' αὐτοῦ, αὐτῷ μόνῳ λατρεύω. Ὁ δοῦξ λέγει· Γεώργιε, ὀρῶ σε ἐν τῇ πολυλογίᾳ σου πολλὴν σοφίαν ἔχοντα, ὅθεν προσελθὼν θύσον τοῖς θεοῖς, ἐπεὶ οὐδὲν σε ὀφελήσει ἐμμένων³⁾ ἐν τοῖς αὐτοῖς. Ὁ ἅγιος Γεώργιος εἶπεν· αὕτη ἡ σοφία, ᾧ δικαστά, οὐκ ἔστιν ἐξ ἐμοῦ, ἀλλ' ὁ θεὸς μου ἐχαρίσατό μοι αὐτήν, ὁ παρέχων τοῖς εὐθέσι τῇ καρδίᾳ καὶ τοῖς φυλάσσοуси τὰς ἐντολάς αὐτοῦ σοφίαν

1) Ркп. Деарістон. 2) Оставлено какъ въ ркп. ἦσαν. 3) Такъ въ ркп.

καὶ μετοχὴν ἀγαθῶν ἐκ τοῦ πλούτου αὐτοῦ. Οἱ γὰρ ἐκ καρπῶν ἀγαθῶν τὰς καλὰς ἀρετὰς κατορθώσαντες καὶ δόξης οὐρανοῦ μὴ ἐκπεσόντες, Χριστὸν τὸν κύριον σωτῆρα ἡμῶν τῇ πίστει καθοπλισάμενοι, ὡς κλάδους ἔχουσι εὐδαλεῖς τὴν σοφίαν προηγουμένην αὐτῶν, θεοσέβειαν καὶ πίστιν ὀρθήν. Οὗτοι γὰρ ζήλω μυστικῶ βαδίζοντες καὶ ὡς ἀγκυραν ἀσφαλῆ καὶ βεβαίαν τὴν τιμίαν πίστιν κατέχοντες, βασιλείαν Θεοῦ κληρονομήσουσι. Ὅθεν οὐ μόνον τοῦ θύειν αὐτοῖς καὶ προσκυνεῖν οὐκ ἀνεχόμεθα, ἀλλὰ καὶ τοῦ ὀνομάζειν θεοὺς παντελῶς ἀπαρνούμεθα.

Ταῦτα τοῦ ἀγίου Γεωργίου εἰρηκότος, ὁ δοῦξ περὶ τὰς δημοσίας προόδους ἀσχολούμενος ἔφη ἀπελθὼν· Γεώργιε, σκέψαι τὸ συμφέρον σοι, τὰς διατάξεις τοῦ βασιλέως εἰδώς, καὶ ὡς ἀδύνατόν ἐστιν ἀντιλέγειν τοῖς παρ' αὐτοῦ θεσπίσμασιν. Ὁ δὲ τοῦ Χριστοῦ γνήσιος θεράπων Γεώργιος ἀποκριθεὶς εἶπεν· τὸ συμφέρον ἡμῖν ὁ Κύριος μεριμνήσει.

Καὶ ταῦτα μὲν περὶ τῶν ἐν τῇ νεαζούσῃ ἡλικίᾳ πεπραγμένων τῶ ἡγιασμένῳ ὑπὸ τοῦ Θεοῦ Γεωργίῳ, τῶ γενναίῳ στρατιώτῃ τοῦ Χριστοῦ εἰρήσῳ παρ' ἡμῶν. Ὅθεν ἐπειδὴ ἐνεργέστερον (δεῖ) τὰ κατὰ τὸν ἀγιώτατον τοῦ Χριστοῦ στρατιώτην, λέγω δὴ τὸν ἀοίδημον Γεώργιον, διηγῆσασθαι χρὴ, τραπήσομαι λοιπὸν περὶ τὸ ἐνθεον αὐτοῦ μαρτύριον, ἧτοι ἀθλησὶν καὶ γενναίαν ὑπομονὴν καὶ καρτερίαν. Ἐφηβος γὰρ λοιπὸν τοῦ μαρτυρίου ἐνήρξατο, εἰκοστὸν ἔτος τῆς τοῦ σώματος ἡλικίας ἄγων ἧτοι φέρων.

Ἐγένετο τοίνυν κατ' ἐκείνον τὸν καιρὸν τῆς σατανικῆς εἰδωλολατρείας ἐπικρατούσης κατὰ τῶν ἀνθρώπων βασιλεῦσαι Διοκλητιανὸν τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀρχῆς.... (СЛ. СТР. 43).

(f. 122 γ.—124 ν.) Ὁ δὲ μακάριος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος λαβὼν τὴν ἀπόφασιν χαίρων ἔλεγεν· ὡς ἐμεγαλύνθη τὰ ἔργα σου, Κύριε, πάντα ἐν σοφίᾳ ἐποίησας¹⁾. Τότε ἀκούσασα ἡ μακαρία Πολυχρονία ἡ μήτηρ τοῦ ἀγίου Γεωργίου, ὅτι ἔλαβεν τὴν ἀπόφασιν ὁ υἱὸς αὐτῆς, εὐφράνθη τῶ πνεύματι πάνυ, καὶ ἀτενίσασα εἰς τὸν οὐρανὸν προσεύξατο πρὸς Κύριον λέγουσα· Κύριε ὁ θεὸς μου, εὐχαριστῶ σοι νῦν καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας, καὶ ὡσπερ προσεδέξω τὴν θυσίαν

¹⁾ Psalt. 103, 24.

τοῦ Ἀβραάμ, ὅτε τὸν υἱὸν αὐτοῦ προσήνεχέν σοι εἰς ὀλοκάρπωσιν, οὕτως πρόσδεξαι καὶ Γεώργιον, τὸν ἐμόν μὲν φίλτατον υἱόν, σοῦ δὲ θεράποντα γνήσιον, ἐν τῇ βασιλείᾳ σου τῇ αἰωνίᾳ καὶ μενούσῃ εἰς τοὺς αἰῶνας. Καὶ ταῦτα εὐξαμένη ἡ μακαρία Πολυχρονία, λέγει τῷ υἱῷ αὐτῆς· Τέκνον φίλτατον, μακάρια τὰ ἔργα τῆς πίστεώς σου, ὅτι ἠκολούθησας τοῖς διδάγμασι τοῦ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, οὕτως¹⁾ γάρ σε προσδέξεται ὡς τοῦ Ἄβελ τὰ δῶρα, καὶ ἀγαπήσει σε ὡς Νῶε τὸν εὐάρεστον αὐτοῦ, καὶ ἀπολήψῃ παρ' αὐτοῦ τὸν στέφανον τῆς νίκης μετὰ πάντων τῶν εὐαρεστησάντων αὐτῷ ἁγίων. καὶ ἐμόν δὲ τέκνον ἐπέυξαι, πρὸ γὰρ σοῦ τελειοῦμαι ἐν τῇ ὁμολογίᾳ καὶ τῇ πίστει Ἰησοῦ Χριστοῦ, τοῦ ἀληθινοῦ ἡμῶν θεοῦ.

Ὁ δὲ βασιλεὺς ἰδὼν αὐτὴν φθειρομένην καὶ προσομιλοῦσαν τὸν ἅγιον μάρτυρα τοῦ Χριστοῦ Γεώργιον προσκαλεσάμενος αὐτὴν λέγει· Γύναι, τί τὸ ὄνομά σου; Ἡ ἁγία λέγει· Πολυχρονία μὲν καλοῦμαι, χριστιανὴ δὲ εἰμι, καθάπερ καὶ ὁ υἱός μου Γεώργιος, ὃν ἐδόκεις μὲν τιμωρεῖν, στεφανοῦται δὲ σήμερον παρ' αὐτοῦ δεσπότου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ. Ὁ βασιλεὺς λέγει αὐτῇ· σὺ οὖν ἐδίδαξας αὐτὸν ἐνουβρίζειν²⁾ τοὺς μεγίστους θεούς, καὶ μὴ προσκυνεῖν μηδὲ θύειν αὐτοῖς. Ἡ δὲ ἀποκριθεῖσα λέγει αὐτῷ· Οὐκ ἐγώ, ἀλλ' ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ, ἡ φωτίζουσα πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον. ἡμεῖς γάρ, ὦ βασιλεῦ, ἐξ ἀρχῆς ἐδιδάχθημεν Θεόν ζῶντα λατρεύειν καὶ μὴ εἰδῶλα δαιμονίων ἀκάθαρτα σέβειν. Ὁ βασιλεὺς λέγει αὐτῇ· Πολυχρονία, παυσάμενη τῆς μωρολογίας τῶν λόγων τούτων, θύσον τοῖς θεοῖς, ἐπεὶ πικρῶς μέλλεις ἀποθνήσκειν. καὶ γὰρ καὶ ὁ ἀποννησμένος υἱός σου Γεώργιος, οὕτως ἀντιλέγων, τῷ ξίφει παρεδόθη εἰς θάνατον. Ἡ ἁγία Πολυχρονία λέγει· βασιλεῦ, ὡς ἤδη εἶπόν σοι, καὶ πάλιν σοὶ λέγω· χριστιανὴ εἰμί, καὶ δαίμοσιν οὐ πιστεύω, οὔτε εἰδώλοις θύω ποτέ. ἀλλὰ τὸ σῶμά μου προσφέρω τῷ θεῷ καὶ πατρὶ καὶ τῷ τούτου μονογενεῖ υἱῷ. Τότε ὁ βασιλεὺς ὀργισθεὶς σφόδρα ἐκέλευσεν ἐκταθεῖσαν αὐτὴν ἐπὶ τοῦ ἐδάφους τυφθῆναι βουνεύροις ὡμοῖς καὶ μετὰ ταῦτα κελεύει πάλιν κρεμασθῆναι αὐτὴν ἐν τῷ ξύλῳ, καὶ ζέσθαι αὐτῆς τὰς πλευράς, εἶδ' οὕτως λαμπάδας πυρός προσάπτεσθαι

1) Ркп. οὕτως. Но вѣрнѣе оѹтос. 2) Ркп. ἐνουβρίσειν.

αυτῆς τῶν μελῶν ἐκέλευσεν. Καί μετὰ ταῦτα προσέταξεν ὑποδήματα σιδηρᾶ πεπυρωμένα βληθῆναι εἰς τοὺς πόδας αὐτῆς. Τούτων δὲ πάντων ἐπ' αὐτῇ γεγονότων, ἡ μακαρία μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Πολυχρονία δεινῶς ἀλγοῦσα τῷ σώματι καὶ κάμνουσα ἐν ταῖς βασάνοις σφοδρῶς ἐπεκαλέσατο ἐκ βάθους ψυχῆς τὸν φιλόανθρωπον θεὸν λέγουσα· Κύριε Ἰησοῦ Χριστέ, υἱὲ τοῦ Θεοῦ τοῦ ζῶντος, πρόσδεξαι ἐν εἰρήνῃ τὴν ψυχὴν μου. Καὶ ταῦτα εἰπούσα ἀπέδωκεν τῷ Κυρίῳ ἐν χαρᾷ μεγίστη τὸ πνεῦμα αὐτῆς.

Τότε λαβόντες οἱ χριστιανοὶ τὸ λείψανον τῆς μακαρίας μάρτυρος τοῦ Χριστοῦ Πολυχρονίας λάθρα τῶν ἀσεβῶν ἐλλήνων ἔθαψαν αὐτὸ ἐντίμως μετὰ πάσης τιμῆς καὶ δοξολογίας εὐλογοῦντες καὶ δοξάζοντες τὸν Κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστόν.

Ὁ δὲ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος τελείως τὸν ἀγῶνα πληρώσας τοῦ μαρτυρίου καὶ τὴν πορείαν ἔχων πρὸς Κύριον δι' αὐτῆς ἀποφάσεως, καὶ πρὸς τὸν δεσπότην Χριστόν σπεύδων λοιπὸν ἀναδραμεῖν, ὄρων δὲ καὶ τὸν περιεστῶτα δῆμον ἀνδρῶν τε καὶ γυναικῶν, ἀτενίσας εἰς τὸν οὐρανόν, προσηύξατο πρὸς Κύριον λέγων οὕτως·

Κύριε ὁ θεὸς οὐρανοῦ τε καὶ γῆς, καὶ πάσης κτίσεως καὶ πνοῆς ἐξουσιαστά, πρόσδεξαι τῇ ὥρᾳ ταύτῃ τὴν φωνὴν τῆς δεήσεώς μου, καὶ εἰσακούσας δός μοι τὰ αἰτήματά μου τῇ σῇ ἀγαθότητι καὶ φιλοανθρωπία, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος ἐπικαλεσάμενος ἐν ἀνάγκῃ σὲ τὸν εὐσπλαγγνον θεὸν πατέρα καὶ τὸν μονογενῆ σου υἱὸν Ἰησοῦν Χριστόν τὸν Σωτῆρα καὶ Κύριον ἡμῶν, καὶ τὸ ἅγιον καὶ ζωοποιόν σου πνεῦμα ὄντα αὐτόν¹⁾ ἐν θλίψει ἢ ἐν ἀρρωστίᾳ, ἢ ἐν λιμῷ, ἢ ἐν λοιμῷ, ἢ ἐν φθόνῳ, ἢ ἐν κινδύνῳ θαλάσσης, ἢ ἐν δυσχεραίαις πραγμάτων, ἢ ἐν δικαστηρίῳ φοβερῷ, μνησθῇ δὲ καὶ ἐμοῦ τοῦ δούλου σου Γεωργίου καὶ τῆς ἀδλήσεώς μου, ῥῦσαι αὐτόν, δέσποτα, ἀπὸ πάσης ἀνάγκης καὶ θλίψεως, καὶ μὴ γένηται, Κύριε, Κύριε, ἐπ' αὐτόν ἀφορία καρπῶν ἀγαθῶν, μήτε μὴν πληγὴν τὴν ὅταν οὖν ἐπαγάγῃ ὁ πονηρὸς ἐπ' αὐτόν, ἀλλὰ σύντριψον αὐτόν ἐν τάχει, ὕψιστε, ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ. οἶδας γάρ, δέσποτα Κύριε, ὅτι πάντες

¹⁾ Ръч. ὄντα αὐτόν, независимо отъ πᾶς ἄνθρωπος. Сл. стр. 187, примѣч. 3.

ποίημα και ἔργα τῶν χειρῶν σου εἰσίν, και σοὶ μόνῳ πρέπει ἡ δόξα και τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

Και πληρώσαντος αὐτοῦ τὴν εὐχὴν και εἰπόντος τὸ ἀμήν, ἐγένετο πρὸς αὐτὸν φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· Γεώργιε, δοῦλε μου ἀγαπητὲ και πιστέ, τῆς φωνῆς σου ἤκουσα και τῆς δεήσεώς σου. δεῦρο λοιπὸν ἀπόλαβέ σου τὸν στέφανον και τὴν ἀνάπαυσιν εἰς αἰῶνας αἰώνων. Περι δὲ ὧν με ἠθήσω¹⁾), δόσω χάριν τῷ ὀνόματί σου και τῷ λειψάνῳ, ἵνα πᾶς ἄνθρωπος ὁ γεννηθείς ἢ γεννημένος ἐν οἴᾳ δὴ ποτε θλίψει ἢ περιστάσει και ἐπικαλέσῃται με, μνησθῆ δὲ και τοῦ ὀνόματός σου και τῆς ἀθλήσεως, ἐγὼ σώσω αὐτὸν ἀπὸ πάσης θλίψεως και πειρασμοῦ και κινδύνου.

Τότε ὁ ἅγιος μάρτυς τοῦ Χριστοῦ Γεώργιος ἀκούσας ταῦτα και χαρᾶς πολλῆς πλησθεὶς, ἐλθὼν ἐπὶ τὸν τῆς τελειώσεως τόπον, εἶπεν πρὸς τοὺς στρατιώτας· δέομαι ὑμῶν ἐκδέξασθαι με μικρὸν, ὅπως προσεύξωμαι. τῶν δὲ ἐνδόντων αὐτὸν, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν ὁ μάρτυς και τὰς χεῖρας ἀπλώσας και μέγα στενάξας εἶπεν οὕτως· Κύριε ὁ θεός μου, ὁ πρὸ τῶν αἰώνων ὑπάρχων, εἰς ὃν ἐγὼ κατέφυγον ἐκ νεότητός μου, ἢ καλὴ και ἀληθὴς τῶν χριστιανῶν προσδοκία και ἀψευδὴς τῶν δούλων σου ἐπαγγελία, ὁ πλοῦσιος και ἀνεξάληπτος θησαυρός, ὁ και πρὸ τῶν ἡμετέρων αἰτήσεων παρέχων τὰς δωρεὰς τοῖς ἀγαπῶσίν σε ἐν ἀληθείᾳ, ἐπάκουσον κάμου τοῦ δούλου σου, Κύριε, τῆ ὥρα ταύτη. ὁ δός μοι τὴν τῆς μαρτυρίας ὁμολογίαν και μέχρι τέλους ὑπομονήν, αὐτός και νῦν πρόσδεξαι ἐν εἰρήνῃ τὴν ψυχὴν μου, και ῥῦσαι αὐτὴν ἐκ τῶν ἀερίων και πολεμίων πνευμάτων τῆς πονηρίας, και μετὰ τῶν εὐαρεστησάντων σοι κατατάξον αὐτὴν, δέσποτα, συγχώρησον δέ, Κύριε, και τοῖς ἐθνεσιν, ὅσα διεπράξαντο εἰς ἐμέ και εἰς τοὺς δούλους σου τοὺς ἐπικαλουμένους τὸ πανάγιον ὄνομά σου, και φώτισον αὐτῶν τὸν νοῦν πρὸς ἐπίγνωσιν τῆς σῆς ἀληθείας και δικαιοσύνης, ὅτι πάντας θέλεις, Κύριε, σωθῆναι και εἰς ἐπίγνωσιν ἀληθείας ἐλθεῖν, και ἐξαπόστειλον βοήθειαν ἐξ ὑψους ἀγίου σου τοῖς ἐπικαλουμένοις τὸ ὄνομά σου, Κύριε, και δός αὐτοῖς τὸν φόβον τῆς εἰς τοὺς ἀγίους σου ἀγάπης·

¹⁾ Реп. ἠθήσω. Στο сюда не идетъ: можно бы ждать ἠξω.

ἵνα τὴν μνήμην αὐτῶν ποιούμενοι καὶ ἐπιτελοῦντες μιμῶνται καὶ τὴν πίστιν αὐτῶν, ὅπως ἀξιωθῶσιν μετ' αὐτῶν καὶ τῆς ἐπουρανίου σου ζωῆς καὶ βασιλείας, ὅτι σοῦ ἐστὶν ἡ βασιλεία καὶ ἡ δόξα τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ καὶ τῷ ἁγίῳ πνεύματι εἰς τοὺς αἰῶνας, ἀμήν.

Καὶ μετὰ ταύτην τὴν¹⁾ εὐχὴν, κλίνας τὰ γόνατα ἐξέτεινε τὸν ἑαυτοῦ τίμιον τράχηλον, καὶ κρουσθεὶς τῷ ἔξφι ἐπὶ τοῦ στρατιώτου, ἐτελειώθη ἐν Κυρίῳ ὁ ἅγιος τοῦ Χριστοῦ μάρτυς ὁ Γεώργιος μὴνὶ ἀπριλίῳ εἰκάδι τρίτῃ, ἡμέρα παρασκευῆ, ὥρα ἐβδόμη. Ἐγὼ Πασικράτης, δούλος γεγονώς τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου, ἀκολουθήσας τῷ ἐμῷ δεσπότη ἐπὶ πᾶσι, τὰ ὑπομνήματα αὐτοῦ τῆς ἀδλήσεως βεβαίως καὶ ἠκριβωμένως συνέγραψα εἰς δόξαν καὶ ἔπαινον τοῦ μεγάλου Θεοῦ καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος νῦν καὶ αἰεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. ἀμήν.

IV.

Начало житія св. Георгія по парижској рукописи № 1178 (olim 148).

Μαρτύριον τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου συγγραφέν παρὰ ἀνδρὸς φιλοπόνου καὶ πνευματικοῦ.

Διοκλητιανοῦ τοῦ τυράννου τῶν τῆς Ῥώμης σκήπτρων ἐπειλημμένου, καὶ τῆς Νικομήδους Μαξιμιανοῦ βασιλεύσαντος, Ναρσαῖος ἐκεῖνος, ὁ τῶν Περσῶν ἀρχηγός, συνεχῶς τοῖς τῆς Νικομηδείας ὀρίοις ἐπιστρατεύων καὶ τὴν τε Παλαιστίνην καὶ Ἀρμενίαν βαρεῖα χειρὶ ληϊζόμενος καὶ τὴν Καππαδοκίαν ἰσχυρῶς κατατρέχων, αὐδῆς σοβαρῶ τῷ φρονήματι πρὸς τὴν οἰκείαν ἐπανήει πατρίδα, ἀριστεύς γενναῖος ὑπὸ Περσῶν καὶ τροπαιοῦχος ἀήττητος κηρυττόμενος. Ἄπαξ οὖν καὶ δις συρραγείς αὐτῷ Μαξιμιανός καὶ μηδὲν πλέον δυναθεὶς ἐξανύσαι ἢ μόνον τὸ κατὰ κράτος ὑπ' αὐτοῦ νικηθῆναι, καὶ σὺν οὐδενὶ κόσμῳ τῆς μάχης ἀπαλλαγῆναι, ἀμηχανία δεινῆ συσχεθεὶς, καὶ ἀπορῶν

¹⁾ τὴν нами прибавлено.

ὅ τι καὶ δράσει, διέγνω τὸν ἑαυτοῦ κηδεστὴν ἀξιῶσαι Διοκλητιανόν, ὥστε Ῥωμαϊκὴν αὐτῷ δύναμιν εἰς ἐπικουρίαν ἐξαποστείλαι. Εὐθύς οὖν γράμματα τούτου κατὰ τὴν Ῥώμην ἐφόιτα τὸν τοῦ βασιλέως συναρτισμὸν¹⁾ ἐξαιτούμενα. Ὅς τοῦτο μὲν θεραπεύων τὸν Μαξιμιανόν, τοῦτο δὲ τῷ τῶν Ῥωμαίων κράτει ἐνακριβῶμενος, ὅτι πλείστον καὶ ῥωμαλέον ἀδροίσας ὀπλιτικόν, τῆς Ῥώμης ἀπαναστάς τὴν Νικομηθεΐαν καταλαμβάνει, συνεπαγόμενος καὶ τὴν ἑαυτοῦ σύζυγον — Ἀλεξανδρία τῇ γυναικὶ ὄνομα — ὡς ἂν ἀμφοτέροι τὴν ἑαυτῶν θυγατέρα θεάσωνται γαμετὴν ὑπάρχουσαν Μαξιμιανοῦ. Συνείποντο²⁾ τῷ δ' αὐτῷ καὶ οἱ τούτου ἀδελφίδοι Μαγνέντιος, Θεόγνις τε καὶ Δαδιανός, τοπάρχαι τυγχάνοντες ὁ μὲν Λιβύης, ὁ δὲ Ἀιγύπτου, καὶ Συρίας ὁ Δαδιανός. Τοιούτοις τοίνυν καὶ τοῖς ἑαυτοῦ στρατεύμασι Μαξιμιανόν ὀχυρώσας, ἐκπέμπει κατὰ Ναρσαίου, ὃς τῇ τῶν Περσῶν ἀδρόως προσβαλὼν χώρα, πᾶσαν μὲν αὐτὴν πορθεῖ τε καὶ καταστρέφεται, ἐγκρατὴς δὲ Ναρσαίου γενόμενος καὶ τοὺς περὶ αὐτὸν ἅπαντας χειρῶσάμενος, ἐν Διοσπόλει μετὰ πολλῆς ὄσης πρὸς Διοκλητιανόν ἐπάνεισιν³⁾ εὐθυμίας⁴⁾. Ἐκεῖσε γάρ τὸ τνηκαῦτα σὺν πλήθει παρῆν στρατίας Μαξιμιανῶν συμμαχήσων, εἴ γε δρασμὸν ἐκεῖνος καθυπομείνοι, νῶτα τοῖς ἐχθροῖς δεδωκώς. Δεξάμενος οὖν αὐτὸν μετὰ περιχαρείας ὁ τῶν δαιμόνων θεραπευτῆς, τῆς Παλαιστίνης ἀπαναστάς σὺν αὐτῷ πρὸς τὴν Νικομήδους ἐπάνεισι⁵⁾, καὶ τῇ τῶν ψευδωνύμων αὐτοῦ θεῶν ἐπικουρίᾳ τὰ τοιαῦτα τρόπαια ἐπιγράψας, θυσίαις μὲν πλείσταις ζῶων καὶ δημοτελέσι πανηγύρεσιν ἀμείβεσθαι τούτους διηγωνίζετο, φιλοτιμώτερον δὲ καὶ πέρα τοῦ μέτρου θεραπεύειν πειρώμενος. Ἐπειπερ ἦν ἤδη περὶ τῆς ἀμωμῆτου πίστεως ἀκηκῶς τῶν χριστιανῶν, βασκανίας κέντρῳ πληγείς, καὶ τοὺς ὁμοτρόπους αὐτοῦ, Μαξιμιανόν φημι καὶ οὖς ἤδη φθάσας ὁ λόγος ἐδήλωσε, μετακαλεσάμενος, ἐσχόπει σὺν αὐτοῖς, ὅπως ἂν ἡ μὲν τῶν χριστιανῶν ἐκ ποδῶν⁶⁾ γένηται λατρεία... (СМ. СТР. 37).

1) Р.к.п. συναρτισμὸν. 2) Р.к.п. — ον. 3) Р.к.п. ἐπανει. 4) Р.к.п. εὐθυμιάς. 5) Р.к.п. ἐπάνεισεν. 6) Р.к.п. ... δῶν.

V.

Чудо св. Γεωργία по греческой рукописи

Ambros. C. 92 sup. 1).

Ἔτερον θαῦμα τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου τὸ διὰ τῆς κόρης τοῦ βασιλέως θυγατρίου τὸ διὰ τοῦ δράκοντος. Δέσποτα εὐλόγησον.

Ἀπὸ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα ²⁾ ἐπανέλθωμεν τοῦ ἁγίου καὶ ἐνδόξου μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. τίς ἤκουσεν ἐξ αἰῶνος, τίς εἰώρακεν ποτὲ τοιοῦτον θαῦμα, ὃ ὁ παμμακάριστος μάρτυς Γεώργιος πεποίηκεν; εἰ μὴ γὰρ ἦν ὁ Θεὸς μετ' αὐτοῦ, οὐ τοσαῦτα σημεῖα ἐποίησεν. Ἐγένετο δὲ κατὰ τοῖς καιροῖς ἐκείνοις καὶ ἦν βασιλεύων ἐπ' αὐτοῖς Σάλβιος ὀνόματι καὶ αὐτὸς πονηρὸς καὶ εἰδωλολάτρης μὴ ἐλεῶν μηδὲ οἰκτεῖρων τοὺς εἰς Χριστὸν πιστεύοντας, κατὰ δὲ τὰ ἔργα αὐτῶν τὰ πονηρὰ ἀπέδωκεν αὐτοῖς ³⁾ ὁ Θεός. ἐγγὺς δὲ αὐτῆς ⁴⁾ τῆς πόλεως ὑπῆρχε λίμνη ἔχουσα ὕδωρ πολὺ, καὶ ἐν τῇ λίμνῃ αὐτῇ ἐγένετο δράκων πονηρὸς, καὶ καθ' ἑκάστην ἡμέραν ἐξερχόμενος ὁ δράκων κατέσθιεν ⁵⁾ τοὺς ἀνθρώπους. συνήγαγε δὲ ὁ βασιλεὺς πάντα τὰ στρατεύματα αὐτοῦ πρὸς τὸ πολεμήσαι τὸν δράκοντα καὶ ἀποκτανεῖν ⁶⁾. καὶ μὴ δυνηθέντες, οὗτος ὡς τὸ ἀπ' ἀρχῆς αὐτοὺς κατέσθιεν καὶ κατεπήγετο πικρῶς ⁷⁾. συνήχθη δὲ πᾶσα ἡ πόλις πρὸς τὸν βασιλέα λέγουσα· εἴ κατὰ κησιν τῆς πόλεως ταύτης καλὴ καὶ ἀγαθὴ καὶ ἡμεῖς κακῶς ἀπολλύμεθα· σὲ δὲ, βασιλεὺς ⁸⁾, οὐ μελήσει περὶ

1) Исправления въ текстѣ, равно какъ и его переводѣ, принадлежать проф. Дестунису.

2) Ркн. ἐπὶ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα.

3) αὐτοῖς по новогреч.

4) αὐτῆς по новогреч., хотя ниже: ταύτης.

5) Въ ркн. κατέσθιεν, по дальше κατέσθιεν.

6) Ркн. ἀποκτείνειν.

7) Въ ркн. πικρός.

8) Оставленомъ βασιλεύς, какъ въ ркн., хотя д. б. зват. надсѣхъ.

Другое чудо святаго великомученика Георгія о дѣвицѣ, дочери царя, и о драконѣ. Владыко благослови.

Отъ чудесъ къ чудесамъ возвратимся святаго и славнаго великомученика Георгія¹⁾. Кто слыхалъ отъ вѣка, кто видалъ когда либо такое чудо, какое всеблаженнѣйшій мученикъ Георгій сотворилъ? Ибо еслибы не былъ съ нимъ Богъ, то не сотворилъ бы столько чудесъ. Случилось же во времена оны, что былъ царемъ надъ ними Селвій по имени, злой и идолопоклонникъ, не жалѣвшій и не милловавшій вѣрующихъ во Христа; но по злымъ дѣламъ ихъ воздалъ имъ Богъ. А близъ того города находилось озеро, имѣющее много воды, а въ томъ озерѣ завелся злой драконъ, и каждый день выходя драконъ пожиралъ людей. И собралъ царь всѣ войска свои, чтобы воевать дракона и убить его; и такъ какъ они не могли (его одолѣть), то онъ, по прежнему ихъ пожиралъ и жестоко притѣснялъ. Собрался весь городъ къ царю и говоритъ: «Житье въ этомъ городѣ добро и красно, а мы жестоко погибаемъ: ты же, государь, ужели не озаботишься о

¹⁾ Сл. начало чуда въ сборникѣ гр. Уварова (Ф. № 349, л. 109 и слѣд., XVI в.): «Отъ чудесъ на чудеса придемъ». Г. Киричниковъ (I. с. стр. 58) заключаетъ изъ этихъ словъ, что чудо уваровскаго списка составляло часть какого-то обширнаго сочиненія. Чудо авросіанской рукописи, дѣйствительно, стоитъ въ ряду другихъ, приписанныхъ св. Георгію (чудо съ нафлаговскимъ мальчикомъ, чудо со змѣемъ, чудо съ крестьянникомъ Θεопистомъ), но, на сколько можно судить по выпискамъ у г. Киричникова, уваровскій текстъ значительно разнится по редакціи.

τούτου»¹⁾; — Καὶ εἶπεν ὁ βασιλεὺς· «δοτε ἀπογραφὰς ἕκαστος, καὶ δοτε τὰ νήπια ὑμῶν, καὶ ἔχω καὶ γὼ θυγατέραν²⁾ μονογενῆ καὶ δίδωμι αὐτὴν ὡς καὶ ἡμεῖς. καὶ μὴ ἐκριφώμεν³⁾ ἐκ τῆς πόλεως ἡμῶν»⁴⁾. — Καὶ ἤρρεσεν ὁ λόγος τοῦ βασιλέως τοῖς πᾶσιν. καὶ ἤρξατο ἕκαστος δίδη⁵⁾ τὰ νήπια αὐτῶν, ἕως οὐ εἰσῆλθεν ἕως τοῦ βασιλέως τὸ πρόσταγμα. ὁ δὲ βασιλεὺς ἐνέδυσσε τὴν θυγατέραν αὐτοῦ πορφύραν καὶ βύσσον⁶⁾, καὶ κατεκόσμησεν αὐτὴν ποθεινῶς⁷⁾ καὶ κατεφίλει αὐτὴν, τοιαῦτα ὀλοφυρόμενος καὶ λέγων μετὰ δακρύων· «Ἄπελθε, μονογενὲς καὶ γλυκύτετόν μου τέκνον, εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος. οἴμοι οἴμοι, γλυκύτετόν μου τέκνον, τὸ φῶς τῶν ἐμῶν ὀφθαλμῶν· τίνα, γλυκύτετόν μου τέκνον, περιβλέψομαι, ἵνα μικρὸν εὐφρανθῶ; οἴμοι, τέκνον, πότε γάμον ποιήσω; πότε παστὸν ποιήσω; πότε λαμπάδας ἀνάψω; πότε χοροστασίας εἶδω; πότε ὀργάνων μέλος κινήσω; πότε τοῖς πεινώσιν ἄρτον ποιήσω; πότε καρπὸν τῆς κοιλίας σου ὄψομαι; οἴμοι, οἴμοι, πορεύου, τέκνον, δίχα χεῖρ τοῦ⁸⁾ θανάτου ἀποχωρῖζει με»⁹⁾. τότε λέγει ὁ βασιλεὺς πρὸς πάντα τὸν λαὸν παρακλητικῶς¹⁰⁾· «Λάβετε ἀργύριον καὶ χρυσίον καὶ τὴν βασιλείαν ἡμῶν καὶ ἄφετε τὸ γλυκύτετόν μου τέκνον». καὶ οὐδεὶς συνεχώρησεν αὐτῷ. τότε ὁ βασιλεὺς ἀπέλυσεν αὐτὴν εἰς βρῶσιν τοῦ θηρίου. καὶ συνέδραμεν πᾶσα ἡ πόλις ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου αὐτῶν πρὸς θεωρίαν τῆς κόρης ἀπαγούσης¹¹⁾ εἰς τὸν δράκοντα. ὁ δὲ φιλάνθρωπος

1) τούτου» въ рен.; но это д. б. вопросъ.

2) θυγατέραν въ рен.

3) ἐκριφώμεν въ рен.

4) Въ рен. ὑμῶν.

5) Такъ въ рен.

6) Рен. βύσσον.

7) Рен. ποθεινός.

8) Рен. δίχα χῆρσιν. По догадкѣ нншемы: δίχα χεῖρ τοῦ.

9) Рен. ἀποχωρῖζαίμε.

10) Рен. παρακλητικός.

11) Оставленомъ ἀπαγούσης, какъ въ рен., хотя смыслъ требуетъ страд. форм. Не читать-ли: ὑπαγούσης въ смыслѣ новогреч., т. е. κλυ-κλυ?

томъ?» — А царь сказалъ: «Пусть каждый изъ васъ дастъ записку и дастъ дѣтей своихъ; а имѣю и я дочь единородную и даю ее, какъ и вы: да не будемъ мы извергнуты изъ нашего города». А понравилась рѣчь царя всѣмъ, и каждый сталъ давать своихъ дѣтей, пока дошелъ и до царя приказъ. И царь одѣлъ дочь свою въ порфиру и вуссонъ, и убралъ ее съ любовью и цаловалъ ее, такъ вопія и говоря со слезами: «Иди, единородное и сладчайшее чадо мое, на съѣденіе дракона. Горе мнѣ, горе мнѣ, сладчайшее чадо мое, свѣтъ моихъ очей! О комъ мнѣ озаботиться, сладчайшее мое чадо, чтобъ получить хоть малую радость? Увы мнѣ, чадо, когда устрою я бракъ? когда изготовлю брачное ложе? когда зажгу свѣчи? когда увижу хоры? когда подыму звуки на мусикійскихъ орудіяхъ? когда испеку хлѣбы для алчущихъ? когда узрю плодъ чрева твоего? Увы, увy, иди чадо, рука смерти разлучаетъ меня (съ тобою)». Тогда царь говорить ко всему народу умоляющимъ голосомъ: «Возьмите серебро и золото и царство наше и отпустите мое сладчайшее чадо». А никто не согласился съ нимъ. Тогда царь отпустилъ ее на пожраніе звѣрю. И сбѣжался весь градъ ихъ отъ мала до велика поглядѣть на дѣвушку, отводимую къ дракону. Но человекoлюбецъ

καὶ φιλάγαθος θεός, ὁ θέλων δεῖξαι σημεῖα διὰ τοῦ ἁγίου καὶ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου¹⁾ κατὰ τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἦν ὁ ἅγιος ἐν τῷ φροσάτῳ, ὡς ἔχων ἐξουσίαν κομενταρισίου, ἐγένετο ἀπολυθῆναι²⁾ τὸν στρατιώτην. ἤρχετο γοῦν ὁ μακάριος Γεώργιος ἐπὶ τὴν Καππαδόκων χώραν πρὸς τὴν ἰδίαν πατρίδα, καὶ κατ' οἰκονομίαν θεοῦ [καὶ ἐν τῷ τόπῳ ἐκεῖνῳ]³⁾ ἐξέλευσεν ἐν τῇ λίμνῃ ἐκεῖνη ποτίσαι τὸν ἵππον αὐτοῦ. καὶ εὕρισκει τὴν κόρην καθημένην καὶ κλαίουσαν. καὶ λέγει αὐτῇ⁴⁾· «Γύναι, τί κλαίεις, καὶ τί καθέζη ἐνθάδε»; — ἡ δὲ κόρη λέγει αὐτῷ· «Ὁρῶ σε, κύριε, ὠραῖον καὶ τῇ ἡλικίᾳ καὶ τῇ καταστάσει, καὶ τῇ ἀνδρείᾳ δόκιμον⁵⁾. καὶ ὡδε πῶς εἰσῆλθες; ἀνελθε, κύριέ μου, ἐπὶ τοῦ ἵππου καὶ ἀναχώρει ἐν τάχει». — Λέγει αὐτῇ⁶⁾ ὁ ἅγιος· «εἰπέ μοι, γύναι, [καὶ]⁷⁾ τίς εἶ σύ, καὶ τίς ὁ λαός ὁ καθήμενος καὶ κλαίων»; — καὶ λέγει αὐτῷ⁸⁾ ἡ κόρη· «πολλὴ ἡ ἀφήγησις τοῦ λόγου, κύριέ μου. ἀπελθε ἐν τάχει». — Λέγει αὐτῇ⁹⁾ ὁ ἅγιος· «εἰπέ μοι, κόρη, οὐ μὴ σε ἐγκαταλείπω, σὺν σοὶ ἀποθανοῦμαι. τότε λέγει αὐτῷ¹⁰⁾ ἡ κόρη· «κύριε, ἡ κατοίκησις τῆς πόλεως ταύτης καλὴ καὶ ἀγαθὴ, καὶ ἐν τῷ ὕδατι τούτῳ ὁ σὺ ὄρας δράκων δεινὸν θηρίον κατοικεῖ ἐν αὐτῷ¹¹⁾, καὶ κατεσθίει τὸν λαὸν τῆς πόλεως ταύτης· καὶ γὰρ ὑπάρχω βασιλέως θυγάτηρ μονογενῆς τοῦ πατρός μου. καὶ ἐξέδωτο δόγμα ὁ πατήρ μου καὶ ἔδωκαν πάντες τὰ νήπια αὐτῶν εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος, καὶ ἦλθε καὶ πρὸς τὸν πατέρα μου. καὶ ἀπέστειλέ με εἰς βρῶσιν τοῦ δράκοντος. νῦν ἰδοὺ εἶπόν σοι

1) После Γεωργίου смыслъ предложения прерванъ, почему я и поставилъ точки.

2) Ркп. ἀπολυθεῖσαι.

3) Слова, поставленные нами въ скобки, повидному, лишнія.

4) Ркп. αὐτήν.

5) Ркп. δόκιμος.

6) Ркп. αὐτήν.

7) καὶ въ ркп. тутъ находимъ лишнимъ.

8) Ркп. αὐτόν.

9) Ркп. αὐτήν.

10) Ркп. αὐτόν.

11) Ркп. ἐν ταύτῳ.

и благолюбець Богъ, желающій показать знаменія чрезъ свя-
таго и великомученика Георгія... Въ то время находился свя-
тый въ воинствѣ, имѣя званіе коментарісія¹⁾, (и) случилось, что
воинъ сей былъ въ отпуску. Итакъ шелъ блаженный Георгій
въ страну Каппадоковъ, въ свою родину, и по Божиему устрое-
нію вышелъ [въ томъ мѣстѣ] къ тому озеру напоить коня своего.
И находитъ дѣву сидящую и плачущую, и говоритъ ей: «Жена,
что ты плачешь, и зачѣмъ сидишь здѣсь?» А дѣва говоритъ ему:
«Вижу, господинъ, что ты въ порѣ и по возрасту и по осанкѣ,
да и мужествомъ отличаешься; и какъ ты сюда пришелъ? Сядь,
господинъ мой, на коня и поспѣшно уѣзжай». Говоритъ ей свя-
тый: «Скажи мнѣ, женщина, кто ты и что это за народъ сидитъ
и плачетъ?» Говоритъ ему дѣвица: «Долго рассказывать, госпо-
динъ мой: уходи поспѣшно». Говоритъ ей святой: «Скажи мнѣ
это, дѣвица: не оставлю я тебя, съ тобою умру». Тогда гово-
ритъ ему дѣвица: «Господинъ, населеніе сего города добро и
красно, а въ этой водѣ, что ты видишь, живетъ страшный звѣрь
драконъ и пожираетъ народъ этого города, а я дочь едиnorodная
царя отца моего; и издалъ отецъ мой указъ и всѣ отдали дѣтей
своихъ на пожраніе дракону, и дошло и до моего отца; и ото-
слалъ меня на пожраніе дракону. Теперь вотъ я все тебѣ сказала.

¹⁾ Въ чудѣ съ крестьянникомъ Теописомъ, изданномъ Болландистами по нашей рукописи (AAss. April. III, стр. XXXIII—V Прилож.), о Георгіи говорятъ его люди: Νέος Κόμης ἐστί. Λέγει αὐτοῖς ὁ Θεοπίστος: Ὁ Κόμης τοιαύτην παρρησίαν ἔχει; Ὁ δὲ πρὸς αὐτὸν ἀπεκρίνατο, ὅτι ὁ βασιλεὺς, ὡς χρήσιμον αὐτοῦ δοῦλον, οὐ μόνον τὴν κομμενταρίαν αὐτῷ ἐχαρίσατο, ἀλλὰ καὶ πάντα ἐπισκοπεῖν αὐτῷ δέδωκε. Κομμενταρία dici videtur praefectura super κομμενταρίσιους, замѣчаютъ Болландисты (сл. Ducange, Gloss. a. v. κομμενταρία и κομμενταρήσιος); въ нашемъ чудѣ самъ Георгій является коментарісіемъ.

πάντα. ἔξελθε τάχειον, κύριέ μου, μὴ κακῶς ἀποθάνῃς ἐνταῦθα¹⁾. — Ἀκούσας δὲ ταῦτα ὁ μακάριος Γεώργιος εἶπεν· «καὶ τίνα θεὸν σίβεται ὁ πατήρ σου καὶ οἱ μετ' αὐτοῦ»; — Καὶ ἡ κόρη λέγει· «Ἡρακλῆν²⁾ τε καὶ Ἀπόλλωνα³⁾ καὶ Σκάμανδρον⁴⁾ καὶ τὴν μεγάλην Ἄρτεμιν⁵⁾». — Καὶ ὁ ἅγιος Γεώργιος λέγει· «μὴ φοβοῦ, ἀλλὰ θάρσει». Καὶ ἦρεν⁶⁾ ὁ ἅγιος τὴν φωνὴν αὐτοῦ τοιαῦτα λέγων πρὸς τὸν θεόν· «ὁ θεός, ὁ καθήμενος ἐπὶ τῶν χερουβιμ καὶ ἐπιβλέπων ἀβύσσους, ὃν τρέμουσιν αἱ νοεραὶ πᾶσαι δυνάμεις τῶν ὑπὸ σοῦ κτισμάτων, ὁ ὢν καὶ μένων ἀληθινὸς θεός, αὐτὸς γινώσκεις, καρδιογνώστα, τοὺς λογισμοὺς τῶν ἀνθρώπων, ὅτι εἰσὶν μάταιοι, ὁ δεῖξας φρικτὰ σημεῖα τῷ θεράποντί σου Μωϋσῆ⁷⁾, δεῖξον καὶ μετ' ἐμοῦ τὰ ἑλέη σου καὶ ποίησον μετ' ἐμοῦ σημεῖον εἰς ἀγαθόν, καὶ ὑπόταξον τὸ δεινὸν θηρίον ὑπὸ τοὺς πόδας μου, ἵνα γνῶσιν ὅτι μετ' ἐμοῦ εἶ. Καὶ ἦλθεν αὐτῷ φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ λέγουσα· Γεώργιε, εἰσηκούσθη ἡ δεήσίς σου⁸⁾ εἰς τὰ ὦτα κυρίου. ποίει ὃ βούλει, ἐγὼ γὰρ εἰμὶ μετὰ σοῦ. Καὶ εὐθέως ἰβόθησεν ἡ κόρη· οἴμοι, κύριε, ἔξελθε ἐνταῦθα⁹⁾, ὁ πονηρὸς δράκων ἐξέρχεται ἐκ τῆς λίμνης. Ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος, δραμῶν εἰς ἀπάντησιν τοῦ δράκοντος, ἐποίησεν τὸν τύπον τοῦ τιμίου σταυροῦ εἰπών· «Κύριε ὁ θεός μου, μετάβαλε τὸ θηρίον τοῦτο εἰς ὑπακοὴν πίστεως τοῦ ἀπίστου λαοῦ τούτου». Καὶ τοῦτο εἰπών, τῆ συνεργείᾳ τοῦ θεοῦ ἔπεσεν ὁ δράκων ἐπὶ τοὺς πόδας αὐτοῦ, καὶ λέγει τῇ κόρῃ· «Λῦσον τὴν ζώνην σου καὶ τὸ σχοινίον τοῦ ἵππου μου καὶ ἀγάγέ μοι ὧδε». Καὶ λύσασα ἡ κόρη ἔδωκεν τὸν ἅγιον Γεώργιον καὶ ἔδησεν τὸν δράκοντα καὶ δέδωκεν αὐτὸν τῇ κόρῃ λέγων· «Ἀγωμεν ἐν τῇ πόλει». Καὶ λαβοῦσα ἡ κόρη τὸν δράκοντα,

1) ΡΗ. ἐντεύδα.

2) ΡΗ. ἡρακλῆν.

3) ΡΗ. ἀπόλλωνα.

4) ΡΗ. σκάμανδρον.

5) ΡΗ. ἀρτέμην.

6) ΡΗ. ἦρεν.

7) ΡΗ. μωσῆ.

8) ΡΗ. δεήσή σου.

9) ΡΗ. ἐνταῦθα. МОЖНО БЫ ЖДАТЬ ἐντεύδεν.

Уходи скорѣе, господиъ мой, чтобъ не умереть тебѣ здѣсь злою смертью». Услышавъ сіе блаженный Георгій сказалъ: «А какого бога почитаетъ отецъ твой и его люди?» И дѣвица говоритъ: «Иракла и Аполлона и Скамандра и великую Артемиду». А святыи Георгій говоритъ: «Не бойся, но бодрись». И святыи возвысилъ голосъ свой, такъ говоря къ Богу: «Богъ, воссѣдающій на херувимахъ и взирающій на бездны, котораго трепещуть всѣ умныя силы изъ сотворенныхъ тобою, сущій и пребывающій истинный Богъ, самъ вѣдающій, сердцевѣдче, помышленія людей, что они суетны, явившій страшныя знаменія рабу своему Моисею, яви и надо мною милости свои и сотвори надо мною¹⁾ знаменіе на благо, и покори подъ ноги свои ужаснаго звѣря, да вѣдаютъ что ты со мною». И пришелъ къ нему гласъ съ небеси, говорящій: Георгій, услышано моленіе твое ушами Господа: дѣлай, что хочешь, ибо я съ тобою. И тотчасъ воскликнула дѣвица: «Увы, господиъ, выходи отсюда; лукавый драконъ выходитъ изъ озера». Святыи же Георгій, побѣждавъ на встрѣчу дракону, сотворилъ знаменіе честнаго креста и сказалъ: «Господи Боже мой! Измѣни сего звѣря, да покорится вѣрѣ сей невѣрный народъ». И когда онъ это сказалъ, при содѣйствіи Божиемъ палъ драконъ къ его ногамъ, а онъ говоритъ дѣвицѣ: «Развяжи свой поясъ и привяжь коня моего и поведи мнѣ сюда». И дѣвица, развязавъ, отдала святому Георгію, и онъ связалъ дракона и отдалъ его дѣвушкѣ, говоря: «Поведемъ въ городъ». И взявъ дѣвица дракона,

¹⁾ Во всѣхъ трехъ случаяхъ по-греч. «со мною».

ἤρχετο ἐπὶ τὴν πόλιν. ἰδὼν δὲ πᾶς ὁ λαὸς τὸ παράδοξον θαῦμα, ἐφυγον ἅπαντες διὰ τὸν φόβον τοῦ δράκοντος. ὁ δὲ ἅγιος Γεώργιος ἐβόα λέγων· «Μὴ φοβείσθαι ὑμεῖς, ἀλλὰ στήκατε καὶ ὁράτε τὴν δύναμιν τοῦ Θεοῦ μου». Τότε λέγει ὁ ἅγιος· «Πιστεύετε εἰς τὸν Θεόν, ὃς ἐστὶν κύριος Ἰησοῦς Χριστός, καὶ ἀποκτενῶ τὸν δράκοντα». Τότε ἐβόησεν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ μεγιστάνες αὐτοῦ σὺν τῷ λαῷ· «Πιστεύσωμεν εἰς τὸν Θεόν σου, καὶ σῶσον ἡμᾶς». Τότε ὁ ἅγιος, προσκαλεσάμενος τὸν ἐπίσκοπον Ἀλέξανδρον, ἐβάπτισεν τὸν βασιλέα καὶ πᾶσαν τὴν πόλιν ἀπὸ μικροῦ ἕως μεγάλου αὐτῶν τὸν ἀριθμὸν τεσσαράκοντα¹⁾ χιλιάδας. καὶ ἐγένετο χαρὰ μεγάλη ἐν τῇ πόλει ἐκείνῃ. Τότε ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ ἄρχοντες ἤγειραν ναὸν εἰς ὄνομα τοῦ μεγαλομάρτυρος Γεωργίου. Τότε ὁ ἅγιος, εἰσελθὼν εἰς τὸν (αὐτοῦ) ναὸν τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ ἐσφράγισεν τὸ βῆμα, καὶ ἀνέβλυσεν πηγὴ ἀγιάσματος, καὶ ἐστὶν εἰς Ἰασιν ψυχῶν καὶ σωμάτων διὰ τῆς δωδείσης αὐτοῦ χάριτος. Τότε ὁ ἅγιος Γεώργιος ἀνεχώρησεν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν, δόξαν ἀναπέμπων Χριστῷ τῷ Θεῷ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος νῦν καὶ αἰεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων, ἀμήν.

¹⁾ Ркп. σσαράκοντα.

шла къ городу. Весь же городъ, увидавъ сіе неожиданное чудо, весь убѣжалъ отъ страха къ дракону. Святый же Георгій восклицалъ, говоря: «Не бойтесь, но остановитесь и взирайте на силу бога моего». Тогда говоритъ святый: «Вѣруйте въ бога, который есть Господь Іисусъ Христосъ, и я умерщвлю дракона». Тогда возгласилъ царь и вельможи его съ народомъ: «Увѣруемъ въ бога твоего и спаси насъ». Тогда святый, призвавъ епископа Александра, окрестилъ царя и весь городъ ихъ отъ мала до велика, числомъ сорокъ тысячъ, и произошла радость великая въ городѣ томъ. Тогда царь и волостели воздвигли храмъ во имя великомученика Георгія. Тогда святый, вошедъ въ свой храмъ, имени его, запечаталъ алтарь, и вышелъ источникъ освященія, и служить онъ во исцѣленіе душъ и тѣлесъ, чрезъ данную ему благодать. Тогда святый Георгій отправился въ собственную свою страну, возсылая славу Христу Богу нашему, которому слава и могущество нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ, аминь.

VI.

Чудо св. Георгия.

(По Cod. latinus monacensis 14473, s. XII.)

Incipit prologus in passionem S. Georgii. Cum sevissimorum principum Diocletiani et Maximiani in dei famulos inmanis tyrannitas deseiret, ut ubicunque terrarum christicole fuissent inuenti uel diis mortalibus libamina offerrent uel diuersis suppliciis macerati spiritum exhalarent, omnipotentis dei clementia suos famulos cunctis actibus corroborabat, ita ut nec minis possent terri, nec per diuersorum tormentorum genera ad deorum culturam compelli, sed coram regibus et tribunis assistentes intrepidi Christum dei filium deum uiuum et uerum asserebant, pro nobis passum, a perfidis iudeis crucifixum, mortuum et sepultum, et die tertia resurrexisse a mortuis non negabant, in cuius nomine signa et mirabilia facientes innumerabilem multitudinem paganorum ad christianam religionem in dies conuertebant.

Inter quos gloriosissimus martyr Christi Georgius inter cetera miracula que fecerat unum quidem famosissimum et admodum dignum memoria operatus est miraculum, quod caritati uestre, dilectissimi, non longinarrantibus nec sermonibus phalaratis, sed potius intelligibilibus compendiose studium est exarare. Erat itaque in provincia Cappadociae ciuitas quedam decora nimis et innumerosa populorum multitudine referta et tam edificiis quam ipsius loci natura munita, que nomine Lasia vocabatur. In hac uero ciuitate regnabat quidam rex nomine Seuius, qui deuota mente omnique deuotione cum suis subjectis ydolorum simulacris deseriebant et a Deo uiuo et uero penitus alieni; quorum delicta deus corrigens, ut castigatos per famulum suum Georgium ad sancte trinitatis agnitionem deduceret, inmisit pestem mortiferam a qua pene interficiebantur uniuersi.

Erat enim prope ciuitatem maris stagnum de quo immense magnitudinis draco exiens propinquos morsu uel amplexu caude, remotos uno solo afflatu intimebat. Contra quem pugnaturus rex cum omni exercitu singulis diebus exiens non prius abscedebat, quam amissis pluribus, et in fuga conversus, tamquam uictum intra murorum claustra cum paucis se reciperet. Videns autem populus quod minime aduersus draconis inmanitatem resistere possent, excogitauerunt deorum indignationem hostiis esse placandam. Tunc demum noscentes suis peccatis ad eos puniendum depremisissis pestiferum draconem a diis esse transmissum, currunt omnes ad regem lamentantes et dicentes: Ve nobis, qua mala morte perimus! nec est qui nos adjuuet atque ab inminente nos posset morte liberare. Habemus enim regem, qui cum cottidie nos ab ingenti dracone videat interfici, nec nobis consulit, nec subuenit civitati, sed paratus ad pugnam equi flectens habenas se intra urbis menia securum reponit. Ecce nunc cogimur inuiti patriam solum derelinquere et in alienis partibus peregrinari et cum ignotis et externis nostram ponere habitationem! Heu, heu, civitas amena, habitatio delectabilis, sedes quietis, bonis omnibus copiosa! huc usque populoso accessu frequentata, nunc autem a tuis civibus in solitudine deferenda! Quid faciemus, miseri? Cur unquam fuimus in tali sede locati? Utinam vilissimi cujusdam oppidi essemus alumpni, ne nos tam cito ejus destitutionis pigeret!

Ad hec rex terrore concussus et ingentis ire dolore commotus, surgens in medium, locum altiorem ascendit, et manu silentium indicens, capit consilium quod optimum pro tempore uidebatur. Facto uero silentio, ait: E duobus periculis instantibus alterum nobis eligendum est quod minus mali minusve afferat nocuenti. Sumus enim in tali articulo constituti, quod aut omnes nefandissime mortis periculo subjacemus, aut patriam in breui nos oportet destituere; ne id, quod deterius est, incurramus periculum, quod minus noxium est spontanea voluntate subigamus. Igitur nostro consilio prebeatissimum assensum, quod, quamuis videatur ama-

rum, poterit tamen miseratione deorum in melius evenire. Est equidem consilium nostrum, ut per dies singulos puer unus in egressum draconis exponatur in holocaustum, quem draco ueniens devoret, nec amplius querat quod manducet, et sic tota gens ab iniqua peste poterit illesa permanere. Melius est nos per diem unum puerum draconi tradere, quam nefaria nece simul omnes interire, aut ignotas regiones peragrare. Cumque omnes filii nostri fuerint expositi, et ego unicam filiam quam habeo exponam draconi ad deuorandum. De deorum misericordia confido qui sui numinis potentiam teste probari letantur, quod tam flebile principium melior fortuna sequatur. Placuit uerbum regis omnibus in tantum, ut ejus consilium adimpleri cupientes certatim proprium filium quilibet exponerent, quousque ad regiam filiam deuenerunt. Mox autem rex indignum reputans sententiae, quam dederat, obviare, jussit filiam suam quo cultu sponso esset tradenda preparari et ornata ditissimo praeparatam in sui presentiam adduci. Confestim qui regio lateri assistebant surgentes eam juxta regis preceptum auro multo gemmisque preciosis ornamenta suo conspectui presentabant. Quam rex intuens nequaquam se amplius a lacrimis potuit continere, sed in luctum prorumpens amarum exclamavit dicens: Hactenus ex te, filia mea dulcissima, sperabam nuptias celebres agere, sperabam te sponso stabili conjugio copulare, sperabam ex te filios concipere qui mihi in successionem regni succederent et mei regni gubernacula retinerent. Sed ecce nunc non gaudium, non letitiam prestas, sed luctum et merorem largiris amarum. Non nuptias, utpote sperabam, celebros, sed exequiis tristibus operam impendo. Non te viro copulo socio maritali, sed, quod miserrimum est, in escam monstro te trado nefando. Non me nepotum progenitorem facis, sed me infelicem derelinquis orbatum. Sic rex inenarrabiliter lamentabatur, nequibat tanto dolori moderari, nec suis questibus imponere finem. Ceterum inter sapientes nota referre uidetur esse superfluum, et prolixitas solet sepius lectori fastidium inferre, quam auditoris animum delectare; ideo utrumque rescan-

tes, regis lamenta breuiter percurrimus et ad rei finem peruenire properamus. Post haec autem conuertet se rex ad populum dicens: Auri sexcenta centena milia uobis largiar et etiam ipsum regnum pro unigenita filia mea conmutare non refugio, si eam permiseritis abire illesam. Ad hec una uoce populus uniuersus respondit: Nequaquam erit sic, sed ut nostri filii, ita et uestra deuoretur. Tunc uidens rex suam sententiam minime in irritum posse reuocari, precepit, licet unuitus, ut in egressum draconis filia ejus deponeretur. Et ipse cum omni populo e partibus remotis rei prestolabatur euentum. Sed pius et misericors dominus, qui non nult mortem peccatoris, sed ut conuertatur et uiuat, dignatus est sue mire potentie uirtutem ostendere, ut qui demonum supplices erant et deuoti, ad fidem deduceret christianam.

Contigit itaque ut adleta Christi egregius martyr Georgius inde iter faciens paululum a uia declinaret, uolebat enim equum adaquare; et intrans stagnum uidit regiam uirginem ibi sedentem, sicut superius diximus esse ornatam, a qua sciscitabatur, cur esset ibi destituta et quid populus longe positus exspectaret. Cui mox uirgo respondens ait: Domine mi, non possum tibi quesite cause ponere rationem, quia uite mee finis et vestre etiam, ni festinanter abieritis: supereminet qui me diu prohibet tecum fabulari. Sed hoc unum te deprecor, ut hinc quantocius abscedas, ne pessima morte moriaris: es equidem miles uenusto aspectu et facie nimis decora, quem uiuere conuenit et non mori, quem potius imperatoria decet majestas, de cuius morte inimicus etiam, si quis esset, doleret. A[d] quid huc uenisti mori, miles pulcherrime? miserere tui et meis dictis acquiescens hinc procul fuge uelociter, ne et tu ab insana fera capiaris. — Ad hoc Christi martyr Georgius respondit: O uirgo, noli ex me misericordiam habere, nec mei te pigeat interitus, sed indica mihi quare sis hic exposita et quid populus illic congregatus attendat. Tunc puella dixit ei: Domine mi, in hac aqua natus est draco inmanis, qui pene totum hujus ciuitatis populum interficiebat, unde factum est, ut omnes irruerent in regem et dicerent: Domine, salua nos,

1 8

perimus! Fecit rex edictum, ut sigillatim quilibet proprium filium draconi traderet, ultimo vero me, unicam filiam suam, se sponddit daturum; quod hilari animo executioni mandantes regis edictum adimpleuerunt. Postmodum uenerunt omnes ad regem reptentes ut me, pro ut promiserat, draconi mitteret ad deuorandum. Rex, ilico eorum petitionibus satisfaciens, huc me draconi direxit in escam, et ipse cum omni populo sedet procul, attendens quid de me sit draco malignus acturus. Ecce utriusque rei causam audisti; discede festinus, ne male similiter intereas!— Audiens hec sanctus Georgius dixit: Pater tuus quem adorat? quem colit? cui immolatur? Respondet puella: Pater meus et uniuersa ciuitas diis immortalibus Joui et Mercurio et Apollini grata offerunt libamina. Sanctus Georgius dixit: Isti non sunt dii, sed demones maligni qui ducunt homines ad interitum et nemini subuenire queunt. Tu enim in omnipotentis Dei gratia et misericordia confidens respue idola uana et simulacra muta et credas in Dominum Jesum Christum qui te hodie ab imminente morte liberabit. Et eleuatis oculis sursum in celum dixit: Domine deus qui sedes super Cherubin intuens abyssos, qui es uerus deus et homo ex uirgine natus, qui nosti omnia antequam fiant, qui uirgam Moisy famuli tui in draconem et uersa uice draconem in aridum lignum uertisti, digneris per me misericordiam tuam ostendere et fac mecum signum in bonum, ut uideant omnes et cognoscant quia tu es deus solus qui facis mirabilia, et non est alius preter te. Et subito factus est sonitus aquarum magnus et terrore puella conuersa uoce magna exclamauit dicens: Domine, fuge, quia ecce draco malignissimus adpropinquat. Tunc Sanctus Georgius sancto crucis signaclo se protegens iuit in occursum ejus et ait: Domine Jesu Christe, da mihi uirtutem tuam, ut hodie hujus draconis caput conteram, et sciant omnes quia tu mecum es et laudent nomen tuum benedictum in secula seculorum. Ad hanc uocem ueniens draco mitissimus, ut agnus, et omni ferocitate deposita in terram se ad pedes eius proiecit; et sanctus ait puelle: Solue comas tuas et prebe mihi cordas tricarum tuarum. Puella uero festinanter suis obtempe-

rans mandatis, dissolutis crinibus tradidit sancto que postulaauerat. Beatus Georgius acceptis comarum redimiclis ligauit draconem et tradidit puellae dicens: Accipe eum in nomine domini mansuetum et pium et humile[m] et perge segura. Puella autem omni formidine abjecta de manu sancti draconem accepit et abiit in ciuitatem suam gaudens. Uidens populus tantum ac tale miraculum terrore percussus fuge terga dederunt. Martyr autem Christi Georgius clamans post eos dixit: Viri, nolite timere, sed state confidenter, quia inuocato Trinitatis nomine uidebitis mirabilia dei. Ad hanc uocem populus conuersus steterunt omnes, intuentes eum. Quibus sanctus ait: Credite in deum patrem omnipotentem et in Jesum Christum filium ejus natum ex Maria uirgine, passum sub Pontio Pylato, crucifixum, mortuum et sepultum, tertia die resurrexisse a mortuis, et in Spiritum Sanctum, sanctam ecclesiam catholicam, sanctorum communionem, remissionem peccatorum, carnis resurrectionem, et ego occidam draconem istum et non amplius uobis erit nocuus.

Responderunt omnes uno ore dicentes: o miles fortissime! Credemus Deum patrem omnipotentem et Jesum Christum filium ejus et Spiritum Sanctum, tres personas et unum deum esse. Ad hec autem porrigens manus beatus Georgius pilo draconis fauces transfixit et euaginato gladio ejus caput amputauit. Tunc omnes unanimiter gaudio repleti cucurrerunt laudantes et benedicentes nomen uiuentis in secula, qui est benedictus et mirabilis in sanctis suis et dat uirtutem et fortitudinem credentibus in eum calcandi super serpentes et scorpiones, et non eis nocere possunt; et prosternentes se ad pedes Christi martyris dicebant: Sancte Georgie famule Dei, baptiza nos in nomen illius quem predicas. Et statim beatus Georgius aduocauit ad se Alexandrum episcopum, cum quo in XV dierum spacio baptizauit regem et optimates regni et alios viros numero quadraginta milia hominum. Qui ingenti gaudio repleti ad honorem domini nostri Jesu Christi et gloriosissimi martyris Georgii ecclesiam mirabili fabrica decoratam constituerant. Ad quam beatus Georgius ueniens, Spiritus

Sancti gratia cooperante, ibidem aliud operatus est miraculum. Nam cum paganorum multitudo ad eum confugerent et baptismatis gratiam instanti precii postularent, ante altare beatus Georgius ueniens factoque signaculo crucis in terram, largissime aque fontem uiuum eduxit, de quo in Spiritu[s] Sancti gratia renati sunt uniuersi. Cujus fontis aque in se uirtutem tantam habuerunt, ut quicumque in deum credens ex his haustum sumeret, fieret sanus a quacunque detineretur infirmitate. His ita in jam dicta ciuitate peractis, ut alias diuini uerbi semen diffunderet, sanctus ceperat ad propria remeare.

VII.

Cl commence la vie saint Iorge.

(По пм. СПб. Им. Пуб. Библ. Мss. Франц. Théologie, F. v. 4D.)

(f. 156. r. a.) Vraiment raconte la devine page que quant li saint home se penoient et esforcoient de acroistre et d'es-saucier la sainte loi nostre seignor Jesu Crist, si com vos auez oi, uns rois estoit em Perse qui Datyens estoit apelez. A celui roi entra li deables ou cors, qui riches estoit et puissanz; si manda et coumanda que tuit li prevost venissent a lui et li bailli qui estoient en son roiaume. Quant tuit furent assamble et venu, Datyens li empereres, qui plains estoit de grant des-verie, coumenca oiant touz a dire: Si ie truis en ceste cite crestien qui noz diex ne voillent aourer ne a aus faire sacre-fices, ie li ferai les ieux creuer et la teste couper et les mem-bres ardoir. Quant il ot ce dit et tuit cil qui la estoient se tai-soient, il coumanda que tuit li mestre feure de la vile venissent a lui, si feroient engiens por crestiens destruire et ocirre. Quant il furent venu devant lui, il lor coumanda qu'il feissent agues espees et tenailles de fer por denz tirer et rasoirs tranchanz a escorchier.

Et si coumanda quil feissent une roe de fer ou il eust broches de fer agues et espees tranchanz et autres plusors engins, que ie ne sai mie nomer. Et quant ce virent cil de la vile que li rois coumandoit a faire les mervoilles tiex et si granz, il n'i ot celui qui osast dire quil fust cretiens.

En cel ior et en cel tens estoit .l. home en la contree de Capadoee qui avoit non Iorges. Cil assambla molt d'or et s'apensa qu'il iroit en la cite de Militainne ou Datyens li empereres estoit. Quant il i vint on- (f. 156 r. b) ques ne daingna ydoles aourer, ainz coumenca a estre molt dolanz et si dit a lui meismes: Que me profitera ce, se ie trespasse de cest siecle a granz ricbece qui tost sont alees, et se ie sueffre en l'autre les painnes pardurables qui touz iorz durront? Quant il ot ce pense et dit, si prist l'or qu'il avoit assamble et avoc soi porte, si le departi et donna tout aus poures por l'amor nostre seignor, et puis vint a l'empereor Datyen et li dit. Rois datyens, ie te di por verite que ie suis crestiens, et si aour le dieu qui fist le ciel et la terre et la mer et toutes les choses qui enz sont, et si n'aour mie les ydoles ne les ymaiges qui sont sordes et mues, qui boches ont et pas ne parolent, et ont ieu ne n'en voient et oroilles ne n'oient, et narilles ont et neant n'en flairent ne ne sentent, et mains ont et nule chose n'atouchent, et pie, si n'en vont mie; et tuit cil qui les font et qui ont en eles fiance soient autretel com eles sont.

Quant li empereres Datyens oi ce, si fu molt corrociez et dit: Iorge que as tu? sez tu autre choses donc tu soies corrociez, ou as tu or mains de richesses que tu ne siaux avoir? Se tu viauz avoir seignorie ne dignite, ie la te donrai et bien saiches que ie en acomplirai toutes tes uolentez si que tu seras sires de sor moi en moy regne, mais que tu laisses cele mauuaise creance. Sainz Iorges li dit: Je ne quier ne ne voil aour ta seignorie ne ta dignite, car ele est tost trespassee et alee, mes ie te di por verite que ie aoure dieu et croi, qui nos racheta de la mort pardurable. Datyens li empereres li dit: Certes ie sui molt dolanz de ta grant biaute qui definnera par gries tormenz et par cruieux painnes. Sainz

Iorges li dit. N'aies mie dolor de moi, mes de toi meismes, et demainne duel et de ton aage et de ce que tu as perdue la lumiere, c'est ce que tu ne cognois nostre seignor Jesu Crist qui tout le monde forma et fist. Datyens li empereres li dit: Que paroles tu tant? fai mes volonte, et se tu ne les viauz faire et aemplir, je te iur par toz mes diex Gabeel et Apolin et Arrachel que ie te ferai tant de dolor souffrir, que tuit cil qui sont en terre i porront prendre exemple et avoir paor; et lors (f. 156 v. a) verrai se tes diex te porra deliurer de mes mains. Sainz iorges li respondi: Je croi tant en mon dieu qui me fist et forma, que il confondrat toi et tes fausses ymaiges. Donc coumanda Datyens li empereres que l'en le preist et menast a la roe quil avoit faite forgier et faire. Quant sainz Iorges uint a la roe et il la uit, si dit a lui meismes: Por quoi douteroie ie cez tormenz qui fin prendront et ne dureront mie pardurablement? Et lors coumenca a crier a haute voiz et a dire: Datyen, fai la volente dou deauble qui est tes peres; et puis si dit a lui meismes: Je sai bien que nostre sires Iesu Criz fu crucefiez entre les larrons por picheors deliurer de la mort pardurable. Et lors coumanda Datyens a lier le et a giter sor la roe et le fust accoller et a torner a grant force. Tantost com la roe fu escrolee a tornoier, ele trancha et parti le cors dou beneoit martyr en .x. pieces. Quant Datyens li empereres le uit, si li dit: Iorge ou est tes diex? vaigne auant, si t'ait et deliure de mes mains. Lors coumanda a prendre toutes les .x. pieces et a geter en .i. oscur puis desert et la bouche dou puis deseure a seeller d'une pierre. Quant ensi fu fait, li empereres s'en departi, si ala mengier, et tuit s'en departirent avoc l'empereor, que nus n'i demora. Et nostre sires Iesu Criz, qui piex est et misericors et n'oublie mie ses sers, uint deseure le puis a grant compaignie d'enges et d'archanges, et lors s'esmut la terre et trambla por l'auenement dou sauueor. Et lors apela nostre sires saint Michiel l'ange, si li dit quil descendist enz ou pui et si rasamblast les pieces et les membres de saint Iorge son serf et les meist devant lui. Et sainz Michiaux li archanges fist ensin com nostre sires li auoit

coumande. Et quant les pieces et li membre dou saint martyr furent devant nostre seigneur, il mist sa main deseure et si dit: Icel destre qui Adan le premier home fist et forma, cele meisme te resuscite. Et tantost li beneoiz martyrs se leua touz sains et touz haitiez, et adonc li dit nostre sires: George, ua t'en et si confort Datyen. Et lors s'en remonta nostre sires es ciaux avoc sa haute compaignie, et sainz Iorges sen reuint en la cite a grant ioie, si coumenca a haute voiz a crier et a dire (f. 156 v. b): Datyen, ou sont ti torment cruel et tes gries painnes? Je sui Georges que tu feis partir en .x. pieces, mes nostre sires Iesu Criz uint a moi, si me resuscita par sa grant misericorde. Quant Datyens li empereres le uit, si en ot grant paor et si dit a ceus qui entor lui estoient, que ce n'estoit mie Iorges, aincois iert li esperiz de lui; li autre disoient que non estoit, aincois iert .i. hom samblables a lui. Sainz Iorges respondi et si dit: Saiches por verite que ie sui Iorges qui fui depeciez en .x. pieces et enz ou puis gitez. Uns chevaliers qui la estoit Magnantiens auoit non et mestres des chevaliers. Quant il uit saint Iorge qui ensi s'estoit reuenuz par la uolente nostre signor, si crut en dieu le pere tout puissant par le haut miracle quil auoit apertement ueu, et s'atorna apres ce em petit de tens sa maisnie a uraie creance. Donc coumanda Datyens li empereres c'om preist saint Iorge, si le meist on et enclossist en la meson dune ueue fame qui pres d'il-luec mennoit. Quant il i fu uenuz, il dit a la bone fame: Bonne fame, doune moi .i. pou de pain. Ele respondi: Biau sire, ie rien ai point et le bien sachiez que ceanz n'a pain. Sainz Iorges li dit: Quel dieu aoures tu et croiz? La fame li dit: Apollin. Et sainz Iorges li dit: Por ce que tu aoures Apollin n'as tu point de pain. Et cele fame, a cui il parloit et en cui meson il mennoit et ou il estoit menez, auoit .i. fil qui clos estoit et sorz et muz, et ele dit au saint home: Se tu puez faire que mes filz soit garis de ses granz enfermetez, ie crerai en ton dieu.

Lors s'en torna sainz Iorges uers l'enfant, si li dit: Ou non nostre seigneur Iesu Crist puisses tu parler et veoir et oir. Et

tantost coumenca li enfes a parler et a veoir et a oir. Et la fame prist a proier monseignor saint Iorge et si li dit: Biau sire, ie te proi que tu le faces aler. Sainz Iorges respondi: Por ce qu'il est mes tesmoinz de la haute puissance nostre seignor qui en lui est demostree, soit ta uolentez aemplie. Et lors entra sainz Iorges en la meson et coumenca ses oroisons a faire a damedieu; et tout maintenant qu'il les ot finees, si crut uns granz arbres en mi la meson et (f. 157 r. a) tant se hausca, qu'il trespassa toute la hautesce de la meson XV coudes, et desouz cel arbre se reposa mes sires sainz Iorges et li enge li aparilloient et aministroient ce dont il auoit mestier.

Quant Datyens li empereres uit cel arbre, il se meruoilla molt que ce pooit estre. Et on li nonca et dit que cil arbres estoit nez et creuz en la meson ou Iorges estoit enclos. Et donc coumanda il que l'en veist que ce estoit. Quant li seriant i uindrent qui enuoie i estoient, si trouuerent une table que li enge i auoient mise et aparilliee. Quant il orent ce neu, si repairent et si distrent a lor seignor ce qu'il auoient uen. Lors coumanda li rois c'om alast tost et isnelement, si li amenast l'en deuant luj. Et quant il i fu amenez, on li demanda et dit: Iorge, di moi par quel mal engin tu destruis tout ce pueple? Sainz Iorges li respondi: Nostre sires mes diex en cuj ie croi et aoure fait partout sa volente. Dacyens li dit: Est tes diex plus granz que Appollins? Sainz Iorges li respondi: Nostre sires est cil diex qui fist le ciel et la terre et la mer et toutes les choses qui enz sont, mais Appollins que tu aoures est sorz et muiauz et aungles, et coment puet il estre diex, quant il est tiex que a lui ne a autrui ne puet aidier? Datyens li dit: Se cil est verais diex que tu preeches et anonces et tu viauz que ie le croie, je ai. XIII. sieges emperiaus en mon regne ouurez et entailiez de fust molt noblement: or proie ton dien qu'il soient desfait et si devaignent aubre aussis com il furent devant, et que cil qui fruit portoient soient chargie de fruit et cil qui point n'en portoient aussi. Se tu puez ce faire, donc verrons nos sa poeste que tu annonces. Sainz Iorges li dit: Je sai

que tantost com ie aurai nnee m' oroison, que nostre sires me donra ce que ie li requerrrai et que tu ni creras mie; mes nequedant por sa grant gloire demonstrer et sa grant puissance l'em proierai ie et ferai mes oroisons. Et lors s'agenoilla a terre et proia molt saintement nostre seignor. Et quant il ot s'oroison finnee, la terre crolla et trambila et trestuit li siege emperial se descheuillerent et desioindrent, si deindrent bel arbre et gent tuit chargie de (f. 157 r. b.) fruit et de fuelle si com il auoient devant este. Et touz li pueples-qui la estoit et ce veoit gloire-floit et gratioit nostre seigneur et disoient: Molt est granz diex li diex que Iorges croit et aoure. Mais por ce ne crut mie Datyens li empereres, ainz dit que quan qu'il faisoit estoit par enchanterie. Et sainz Iorges li dit: Je faz toutes cez choses que tu voiz ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit et non mie par mauues art si com tu croiz. Et Datyens li dit: Iorge, ie te proie et coumant que tu uaignes avoc moi et sacrefie aussi com ie ferai, et lors porras aler senrement la ou tu voudras. Et sainz Iorges li dit: A cui me coumandes tu que ie face sacrefices? Datyens li empereres li respondi: Je uoil que tu faces sacrefices a mes diex Appollin et Gabeel et Arachel. Saint Iorges li dit: Or fai que ti crieor assamblent toute la gent de ceste cite et ie sacrefierai a tes diex. Et quant Datyens oi ce, si fu meruilles liez, car il cuidoit uraiement qu'il deust uaintre le saint home. Et lors la ueue fame qui deuant est nomee, qui saint Iorge auoit hebergie, porta son fil deuant le saint home et si li dit: Sainz Iorge qui mon fil qui muiaux estoit feis parler, et auugles et le renluminas, et sorz et le feis oir, coment puet ce estre que tu viauz sacrefier aus mnes ymaiges et aus vaines ydoles? Et nostre sires meismes te resuscita de mort a uie. Sainz Iorges li dit: Met ius ton fil que tu portes. Quant ele l'ot mis ius, si dit sainz Iorges a l'enfant: El non nostre seignor qui te fist parler et oir et ueoir te lieue et si ua au temple Appollin, si li di que Iorges li sers dieu li mande qu'il uaigne a lui. Tantost li enfes se leua et coumanca a aler grant aleure et a loer nostre seignor, tant qu'il uint ou temple ou

les ydoles estoient, et lors prist a parler a Apollin et si dit: Iorges li sers dieu t'apele et si te mande que tu uaignes a lui. Et quant li deables l'oi, il n'osa arester, ainz encoumença tout maintenant a uenir deuant mon seignor saint Iorge. Et lors li dit li sainz hom: Appollins, tu ies rois des Sarrazins. Appollins li respondi: Je sui cil qui faz les homes errer et foruoier, si qu'il ne croient en dieu, et si lor fais aouer (f. 157 v. a.) les deables. Sainz Iorges li dit: Coument oses tu tant de mal faire deuant dieu et deuant ceus qui le seruent? Appollins li respondi: Je ce iure par cel feu qui m'atent ou ie serai mis pardurablement, que se ie poisse, ie t'eusse mene a ce que tu m'aourasses. Sainz Iorges li dit: Or quier contree ou tu uoises, car en ceste n'aresteras tu plus. Quant il ot ce dit, il feri som pie a terre, et ele aouuri, si que li abysmes aparut, et la dedenz enuoia il et plunia Apollin et toute sa force. Et maintenant que li deables fu en terre entrez, la terre reclost. Et li sainz hom entra en la meson ou les ydoles et les ymaiges estoient, si les coumenca toutes a depecier et a combrisier. Endementiers quil faisoit ce, il disoit: Diauue, fuiez de deuant moi, car ie sui sers nostre seigneur.

Quant li prestre dou temple uirent que lor ymaiges estoient si mal atornees et depeciees et defroissiees, il pristrent saint Iorge, si l'enmenerent deuant l'empereor, si li distrent a haute uoiz: Cist hom a toutes nos ymaiges defroissiees et Appollin nostre grant dieu a enuoie en abysme. Quant Datyens l'entendi, si fu moult corrociez et molt airiez, puis si dit au saint home: Iorge, pourquoi m'a tu menti? Tu disoies que tu sacrefieroies a mes diex et si les aoueroies. Sainz Iorges li respondi: A cui me coumandes tu a aouer? Daciens li dit: A Apollin nostre grant dieu. Sainz Iorges li dit: Ensaingiez le moi et le me mostrez. Datyens li dit: L'en me dit que tu l'as trebuchie et enclos en abysme. Li sainz hom a dit: Et pourquoi me coumandes tu sacrefier a lui quant il ne se deffendi mie? Quant ce oi li empereres, il fu molt corrociez et molt mantalentis, si coumanda que en li aportast .i. uaisel de terre tout plain de souffre et de poiz ensamble boulie,

et si coumanda qu'en li depecast touz les membres et les meist l'en en cel uaisseil boullir. Et tout maintenant que ce fû apparouillie, li enges nostre seignor descendi enz el feu tout ardent et si estaint toute la cholor. Et sainz Iorges remest touz sains et toz saus, si coumenca a loer nostre seigneur. Et donc li dit li enges: N'aies nule paor, car tu as ia uaincu ton ennemi et si as la corone que nostre sires diex t'a apparouillie. Et (f. 157 v. b) touz li pueples qui ueoit la mervuolle crurent en nostre seignor et si randirent graces et loanges a nostre seignor Iesu Crist, et si distrent: Li diex que Iorges aoure est diex et sires de toute creature.

Quant Alixandre la reine qui fame estoit a l'empereor uit ce que fait estoit et les granz miracles, si crut en nostre seignor et si osta la corone de son chies et toute sa roial uesteure et si dit a datyen: Rois, ie te di par uerite que ie sui crestienne et si croi fermement ou dieu que Iorges croit et aoure. Quant Dacyens oi ce, si fu plains de si grant forsenerie qu'il ne sot de lui nul consoil. Si dit a la reine Alixandre: Iorges t'a souduiz par ses enchantementz. Or me di, viauz tu de male mort morir? La reine respondi: Je croi tant ou dieu que Iorges aoure, que nus ne me partira de la charite nostre seignor Iesu Crist. Quant Datyens l'oi, si prist a plorer et grant duel a demener et si dit: Alixandre, je sui molt dolanz por ce que tu deguerpis mon regne et desconfortes et por ce que tu me lais et por ce que tu desirres plus la mort que la corone. La reine respondi: Je desire a auoir la vie qui est pardurable, non mie cele qui tost est trespassee et corrupue. Et por ce t'otroi ge mon cors a tormenter si com toi plect a ta volente. Datyens li dit: Dame reine, ne voilles mie tel chose faire ne deguerpir mon regne ne desconforter. Alixandre la reine respondi: Mes ie seroie deguerpie et desconfortee se ie faisoie ce que tu me requiers, car se ie me taing en ce que i'ai propose a faire, ie receurai le pardurable regne. Qui puet ore estre si fox qui n'entende que l'en puet conquerre les celestiaux choses por les terriennes et les pardurables por les temporiex?

Adonc fu Datyens li rois molt corrociez, si coumanda que en la preist et pendist par les tresces et batist de uerges molt durement. Ensi com en faisoit le coumandement le roi de la reine, ele regarda saint Iorge et li dit: Serianz dieu, proie por moi et si me donne baptesme, que ie puisse eschaper le diable. Lors tendi mes sires sainz Iorges ses mains vers nostre seignor et si dit: Biau (f. 158 r. a) sire, aide t'ancelle qui por l'amor de toi a deguerpi le terrien roiaume et si li donne le laument dou saint baptesme, si qu'ele soit reengenee a la foi de la sainte loi. Tantost com il ot ce dit, une nue toute charchiee de rousee descendi deuers le ciel, et sainz Iorges recut de l'aigue en ses mains, si en baptisa la reine ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit. Et quant il l'ot baptisiee, si dit: Va-t-en seurement ou celestial regne. Quant Datyens li rois vit ce, si coumanda qu'en la menast defors la cite et si li transchast on la teste. Li seriant cui il fu coumande en menerent la sainte reine au lieu ou ele deuoit recevoir martyre, et ele regarda mon seignor saint Iorge et si li dit: Sainz hom de Dieu, proie por moi nostre Seignor que ie soie digne de recevoir martyre por lui, et que li deables ne soit contre moi par aucune chose dont il me puisse empeechier. Sainz Iorges li respondi: N'aies nule paor, mes soies de ferm coraie, car nostre sires est ensamble o toi, car onques ne se departi ne ne deguerpi ses sers en nul peril. Quant la dame uint au lieu, si la decola on, et Dacyens li rois repaire en sa sale, si s'assist sor .i. haut siege, si coumanda qu'en li amenast saint Iorge. Et quant il fu uenez deuant lui, il parla au saint home, si li dit: Or as tu morte Alixandre la reine par tes enchanterresses arz, et encor ai ie une chose a demander a toi et a enquerre, se tu le me uiauz faire. Et sainz Iorges li dit: Que es ce que tu me demandes? Di le moi, nostre sires le t'otroiera a sauoir. Datyens li dist: Defors ceste cite a molt de fosses et de sepoutures ou moult de gent ont este enfoui, dont li os sont encore apparant, et nus de ceus de ceste contree ne sorent qui il furent. Et por ce te pri ge que tu proies a ton dieu qu'il soient resuscite, et nos crerons en lui.

Donc respondi sainz Iorges: Alez, si m'aportez les os des sepoutures. Lors se departirent li seriant l'empereor et uindrent aus sepoutures, si les descourirent et ourirent, si trouuerent les os qui tuit estoient en poudre menue par ce quil auoient en terre ieu. Et lors pristrent cele poudre et concoillirent, si la porterent deuant le saint home. Quant sainz Iorges les uit, si mist ses genox a terre et proia nostre (f. 158 r. b) seignor et si dit: Biau sire diex Iesu Criz, qui tant de miracles as daignie demoustrer par ton serf, or te proi ge, sire, que tu ta doucor et ta grant misericorde daignes demoustrer sor ceste poudre, si que cez genz puissent uoier et cognoistre que tu ies diex touz puissanz et qu'il n'est autre diex que tu. Maintenant qu'il ot s'oroison finee et il ot dit amen, la uoiz dou ciel li dit: Iorge, n'aies nule paor, car ie sui avoc toi, et quanque tu me demanderas, tu auras, et ie t'otroierai et donrai. Et tantost releuerent et resusciterent de cele poudre .n°. que homes que fames. Et lors randi graces a nostre seigneur mes sires sainz Iorges et si dit: Biau sire, or cognois ie bien et sai que tu ne t'esloignes mie de tes sers ne de cez qui t'apelent de uerai cuer et par bonne pensee. Lors prist sainz Iorges .i. de ceus qui estoient resuscite, si li dit et demanda: Coument as tu non? Cil respondi: J'ai a non Ioel. Sainz Iorges li dit: Com bien a il de tens que nos iestes mort? ie le uoil sauoir et que nos le me dites. Joel respondi: .n°. anz un mains, si n'en sui pas en doutance. Sainz Iorges li dit: Et quel dieu aouriez nos? Ioel li respondi: Nos aouriens et creiens en Apollin et ne sauieus neant de dieu, et por ce fusmes nos mene en dolereuses painnes ou nos auons este iusqu'a tant que nos resuscitames par tes proieres. Or te prions nos, sainz sers nostre seignor par cui oroisons nos somes resuscite, que tu nos baptises si que nos ne repariens mie es dolereus tormenz ou nos auons este. Lors coumanda mes sires sainz Iorges c'om li apportast de l'aigue, et nus ne s'en mut ne ne li aporta. Quant il uit ce, il fist le singne de la sainte croiz en terre, et maintenant en sailli une clere fontaigne, et de cele aigue les baptisa ou non dou pere et dou fil et dou saint esperit. Et

quant il les ot baptisiez, il lor dit: Or en allez deuant moi em paradis.

Quant il ot ce dit, si s'esuanirent de deuant touz cez qui la estoient, ne onques ne s'aparurent a nelui ne ne firent demoustrance. Li pueples qui la estoit assamblez et qui ce uirent, crurent tuit en nostre seignor et si distrent a haute voiz: Molt est granz diex et puissanz li diex des (f. 158 v. a) crestiens, et ce ne doit l'en se lui non aouer seulement, qui par les mains de Iorge son serf a fait tantes meruoilles. Donc coumencerent a dire a saint Iorge: Serianz dieu, proie por nos. Quant Sainz Iorges oi ce, si mist ses genox a terre et randi grace a nostre seigneur, et si coumenca ses oroisons a faire et a dire: Biau sire diex, tu ies beneoiz es siecles des siecles, car tu venis en terre par ta grant humilite, et encor i reuenras par ta grant gloire. Biau sire, ie te proi que tu demoustres tes granz miracles en ces homes qui en toi croient, car ie sai bien que mes termes et mes tens approche, et hui sont. VII. ans acompli que tu as maint signe et maint miracle au pueple demoustre par moi qui sui tes sers. Biauz douz sire Iesu Criz glorieus filz dieu, je te pri que tu daignes ton saint esperit enuoier en ces homes qui croient en ton saint non, si qu'il en soient reconforte ensin com l'enuoias sor tez sainz apostres qui conforte en furent. Et quant il ot ce dit et s'oroison finnee, la uoiz dou ciel li dit: Iorge, nostre sires Iesu Criz a ta uoiz et t'oroison oie et entendue. Et lors baptisa mes sires sainz Iorges el non dou pere et dou fil et dou saint esperit tout le pueple qui la estoit assamblez, et furent conuerti a nostre seignor Iesu Crist; et de ceus qui la furent baptisie .iiii. et XXXV. Quant Dacyens li rois uit ce, si ot grant paor et tele ire que sa cainture en rompi parmi, et s'agenoilla, et si genoil li tramblerent, et ses cors meismes crolla touz si que par pou qu'il ne chei. Et lors coumenca il a haute uoiz a crier et a dire: Las chaitis, que ferai ge? mes regnes est touz destruis et periz, Iorges m'a tout mon pueple rove et destruit et prae et donne a son dieu, et se il uit plus, il m'ardra et destruira, car hui a VII anz que il ne cessa de moi

tormenter, et touz tens li croist la force plus granz et sa vertuz. Et por ce coumant ie que l'en les maint fors de la cite la ou Alixandre la reine fu ocise, et si coumant que l'en le decole en ce meismes leu. Et tantost com il ot ce dit, li seriant qui de ce faire estoient apparouillie, pristrent le saint home, si l'en menerent au lieu que ie uos ai deuant deuisez, et (f. 158 v. b) molt de genz ensieuoient le saint home por ce quil requistrent de lui beneicon. Et quant il aprocha le lieu, si dit a ceus qui le deuoient martyrier: Je uos pri que uos souffrez .i. petit tant que ie aie faite m'oroison a nostre seigneur. Et lors tendi ses mains uers le ciel et dit: Biau sire pere vraiz diex omnipotens, receuez mon esperit et si demostrez uoz hautes miracles por moi apres ma mort aussi com uos auez fait a ma uie. Biau sire, ie te proi por ta sainte doucor que quiconques fera de moi memoire en terre au XXIII-sime ior d'auril, toutes enfermetez et toutes dolsors soient ostees de lui et de toute sa maisnie, ne tempeste ne famine ne ennemis ne puist aprochier la contree ou memoire en sera faite. Biau sire diex, encor te proi ge par ta grant misericorde que tuit cil qui en mer seront em peril ou en uoie ou en desert, se il en aide m'apelent et proient, qui sui tes sers, que tu lor uoilles aidier et secorre et conseillier. Tantost com il ot ce dit, uint la uoiz dou ciel qui li dit: Beneoiz hom et sainz, uien et si entre el pardurable repos de ton seignor que tu as serui, et bien saiches que li ciel sont aouuert et t'oroisons est oie de nostre seigneur. Et quiconques apelera ton non et proiera aide a Iesu Crist de chose droituriere, ele li sera otroicee. Et lors baissa le chief, si fu decolez et recut martyre por nostre seigneur, por la cui amor il auoit souffert maintes painnes, et li saint ange uindrent tout apertement, si pristrent son esperit et porterent es ciaux denant nostre seigneur. Je Eusebius¹⁾, qui ses sers estoie, fui avoc le saint martyr endementiers quil faisoit les miracles

¹⁾ Есеевѣи мученикъ помнается въ числѣ обращенныхъ св. Георгіемъ въ Менологіи Василія.

que ie uos ai contees, et si les ui a mes propres iauz, et si
escris sa uie et sa passion en la contree de Capadoce en la cite
de Militaine el tens que Dacyens li empereres regnoit. Et nostre
sires Ieesu Criz nos otroit estre parconniers des saintes proieres
au saint martyr a cui honors et gloire soit par touz les siecles
des siecles. Amen.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 3.

ДИССИДЕНТСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ ПЕРВОМ ПОЛОВИНѢ XVII СТОЛѢТІЯ.

И. А. Чистовича.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

(Вас. Остр., 9 лнн., № 12)

1880.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Ноябрь 1880 г.**

Непрямъный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ДИССИДЕНТСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПОЛЬШѢ

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII СТОЛѢТІЯ.

И. А. Чистовича.

Московскій договоръ съ Польшею 1686 года утвердилъ предварительное соглашеніе Андрусовскаго перемирія, по которому лѣвая (восточная) сторона Малороссіи, съ Кіевомъ, осталась за Россіею. Подъ Польскимъ владычествомъ оставались еще Бѣлоруссія, Вольнь, Подолія и Кіевская область, не говоря уже о Галицкой землѣ: но договоръ вѣчнаго мира имѣлъ то весьма важное значеніе, что предоставилъ Россіи право вмѣшательства въ отношенія Польши къ ея православнымъ подданнымъ и подчинялъ наблюденію Русскаго правительства положеніе и ходъ дѣлъ по такъ называемому диссидентскому вопросу, имѣвшему для Рѣчи Посполитой такое роковое значеніе.

Въ IX статьѣ этого договора сказано было: «великій государь, его королевское величество, церквамъ Божіимъ и епископіямъ Луцкой, Галицкой, Перемышльскою, Львовскою, Бѣлороссійскою, и при нихъ монастырямъ, архимандріямъ Виленскою, Минскою, Полоцкой, Оршанскою и инымъ игуменствамъ, братствамъ, въ которыхъ обрѣталось и нынѣ обрѣтается

употребленіе благочестивой грекороссійской вѣры, и всѣмъ тамо живущимъ людямъ въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, въ той же вѣрѣ оставающимся, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской и къ униі принужденія чинить не велить и быти то не имѣть; по по давнымъ правамъ во всякихъ свободахъ и вольностяхъ церковныхъ будетъ блюсти, и вышепомянутымъ епископамъ въ коронѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ пребывающимъ по духовному ихъ чину и обыкновенію довелось приняти благословеніе и рукоположеніе отъ Кіевскаго митрополита, и то никому изъ нихъ власти его королевскаго величества вредити не имѣть.»¹⁾ Такимъ образомъ 1) православному въ польской державѣ объявлялась полная свобода исповѣданія вѣры и отправленія богослуженія; 2) епископы православныхъ епархій въ польской коронѣ ставились въ духовную зависимость отъ Кіевскаго митрополита; вмѣстѣ съ этимъ, въ силу самаго договора 3) Русскому правительству предоставлялось право наблюденія за исполненіемъ его, слѣдовательно право заявленія ходатайства и даже требованія относительно нуждъ православныхъ, если бы они подверглись стѣсненіямъ. Въ связи съ этими обстоятельствами изъяснено было и Константинопольскимъ патріархомъ согласіе на подчиненіе Кіевской митрополіи власти Всероссійскаго (Московскаго) патріарха.

Понятно, что этотъ договоръ не могъ нравиться Полякамъ. Не говоря уже о религіозномъ фанатизмѣ, они не могли не видѣть въ немъ оскорбленія для своей народной гордости и вмѣшательства иностраннаго правительства въ ихъ внутреннія дѣла. Мы увидимъ, какая политика съ ихъ стороны развернулась въ отношенія къ этой статьѣ договора.

Первую интригу повелъ заинтересованный ближайшимъ образомъ въ этой перебѣнѣ дѣлъ администраторъ митрополіи, Львовскій епископъ, Іосифъ Шумлянскій. Желая сохранить за собою власть, ускользавшую изъ рукъ, и въ тоже время не желая подчиниться Московскому патріарху, онъ началъ возбуждать духо-

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, Историч. Извѣстіе объ униі стр. 142—143.

венство и шляхту къ отторженію отъ власти Московскаго патріарха и къ принятію уніи.

Пособникомъ его явился Перемышльскій епископъ Иннокентій Винницкій, бывшій одного съ нимъ образа мыслей и еще въ 1681 г. давшій тайно обязательство принять унію.

Въ 1692 году бывшій при Польскомъ дворѣ посланникъ, дьякъ Борисъ Михайловъ, доносилъ въ Посольскій приказъ, что «по подлинному его освѣдомленію, Перемышльскій епископъ Винницкій принялъ самовольно унію.» Послѣ того Кіевскій митрополитъ (Варлаамъ Ясинскій) доносилъ, что «Винницкій, учинясь уніатомъ, всѣмъ православнымъ священникамъ чинитъ насиліе и притуждаетъ съ собою въ унію.»

Въ тоже время посланникъ сообщалъ, со словъ благочестивыхъ людей греко-россійскаго исповѣданія, Львовскихъ жителей, что «епископъ Львовскій Шумлянскій призывалъ къ себѣ изъ тѣхъ благочестивыхъ людей первыхъ мѣщанъ и говорилъ, что будто король Польскій универсалъ свой выдать хочетъ, чтобъ ему, Шумлянскому, со всею его епископіею быть въ уніатствѣ, также какъ учинилъ Перемышльскій епископъ Винницкій, и они-де ему о томъ какъ совѣтуютъ, а онъ Шумлянскій противиться королю не вѣдаетъ какъ; и тѣмъ всѣхъ Львовскихъ жителей привелъ въ великую печаль». «Послѣ того, призвавъ къ себѣ благочестиваго шляхтича Юрья Попару, ¹⁾ говорилъ, что присланъ королевскій указъ, дабы онъ къ уніи самъ приступилъ и шляхту и мѣщанъ къ тому склонялъ, чтобъ быть въ уніи всѣмъ».

Посланникъ заявилъ объ этомъ протестъ польскому министерству: но оно отвѣчало, что «Винницкій и съ нимъ шляхта многая приступили къ римскому костелу добровольно сами, познавъ въ той вѣрѣ самую истину, и тому ихъ доброму намѣренію королевское величество и Рѣчь Посполитая воспретить не могутъ и правы польскіе не позволяютъ».

Въ 1693 г. посланникъ имѣлъ конференцію съ польскими

¹⁾ Юрій Попара былъ саршимъ бтратчикомъ Львовскаго ставропигіального братства въ 1690—1691 гг. Зубрицк. Лѣтоп. подъ 1690 г.

министрами о чинимыхъ въ Польшѣ и Литвѣ греко-россійскаго исповѣданія людямъ обидахъ и обращеніи въ унию. Сенаторы отвѣчали: «вѣра-де какъ ваша такъ и наша одна, и кто есть отщепенцы отъ главы, о томъ имъ съ нимъ, посланникомъ, спороватца не надлежитъ; только кто истину познаеть и къ добру главнѣйшему пристанеть, и тѣхъ отогнать отъ Бога не можно; а неволи-де отъ короля и ни отъ кого въ государствахъ ихъ нѣтъ, и говорить и вступатца въ такія дѣла и договорамъ въ нарушеніе вмѣнять не пристойно; да и зѣло удивительно, чтѣ-де вы у себя вздумаете и намѣрите, то бы такъ и было; а король и они сенаторы въ государствахъ Россійскихъ по своей волѣ ничего не желаютъ и говорить по своему изволу стыдятся и не смѣютъ. И что въ договорѣ описано о людяхъ греко-россійскаго исповѣданія, токмо объ одной королевизнѣ, а не о шляхетскихъ вѣчныхъ маестностяхъ; и кто изъ пановъ въ маестностяхъ своихъ отмѣнитъ что похочеть, указать никому не возможно». Сенаторы объяснили еще и то, что, въ противность договору, іезуитовъ «начальнѣйшихъ законниковъ» выслали изъ Москвы и что «въ римской вѣрѣ неволя и запрещеніе: однакожь они въ томъ не указываютъ».

Въ 1694 г., бывши на конференціи у гетмана коронаго Яблоновскаго, посланникъ настаивалъ, чтобы Перемышльскаго епископа Винницкаго выслать изъ епархіи вонъ и церкви и монастыри возвратитъ людямъ греко-россійскаго исповѣданія, а епископа избрать новаго, кого между собою они изберутъ. И они всѣ сказали, что того никогда не будетъ и «чтобъ посланникъ предлагалъ другія дѣла».

Въ 1696 г. 17 іюня скончался Янъ Собіескій. Знаменитый полководецъ, сдѣлавшійся королемъ, тяготился бременемъ правленія, которое было ему не подъ силу. Жена его, Марія Казимира д'Аркіенъ, француженка изъ фрейлинъ блестящаго двора королевы Луизы, вышедшая за короля вдовою послѣ брака съ Яномъ Замоискимъ, воеводою кievскимъ и сендомирскимъ, жила умомъ французскаго посланника Полиньяка, и сумѣла въ одно и тоже время внести раздоры въ семейную жизнь и отвратить

любовь Поляковъ отъ своихъ дѣтей. При избраніи новаго короля французская партія предлагала своего кандидата: но Поляки слишкомъ помнили Валуа, чтобы еще разъ подвергнуться подобному позору. Наконецъ выборъ упалъ на курфирста Саксонскаго Фридриха Августа II-го. Такъ началось въ Польшѣ *Саксонское правленіе*, продолжавшееся около 70-ти лѣтъ.

Августъ II былъ воспитанъ въ Лютеранской вѣрѣ; но послѣ, изъ политическихъ видовъ, принялъ католичество. Уже поэтому онъ не могъ быть фанатикомъ; напротивъ все располагало его къ справедливости въ отношеніи разновѣрныхъ подданныхъ. Но по польскимъ правамъ онъ не могъ ничего ни предпринять, ни сдѣлать безъ сейма, а на сеймахъ всё голоса были противъ схвматиковъ.

Ктому же послѣдовала открытая измѣна Галицкихъ епископовъ, оторвавшая отъ православной церкви цѣлую область съ двумя большими епархіями.

Въ 1700 г. прибылъ въ Варшаву Львовскій епископъ Шумлянскій и заявилъ предъ королемъ о своемъ желаніи принять унию. Прибывшіе изъ Львова православные, бывшіе у посланника Любима Судейкина, говорили, что «если Шумлянскій къ униі приступитъ, то и всё христіане, обрѣтающіеся въ Польскомъ государствѣ, принуждены будутъ къ тому же; и погибнетъ въ томъ не мало тысячъ душъ христіанскихъ. Однакожь они, сколько ихъ мочи будетъ, никогда добровольно въ униі быть не желаютъ». Бывшіе въ то же время въ Варшавѣ архимандритъ Діонисій Жабокрицкій, номинатъ епископіи Луцкой, да игумены Почаевского монастыря Іосифъ Исаевичъ и Бѣльскаго монастыря Сильвестръ Тронцевичъ, говорили посланнику, что «нынѣ благочестивымъ горше прежняго чинится гоненіе и ко униі принужденіе, а за нихъ-де кромѣ царскаго величества стоять инымъ не кому.»

Въ Троицынъ день состоялось присоединеніе Шумлянскаго къ униі. «Въ капуцинскомъ костелѣ, что построилъ бывший король, во время мши (обѣдни), которую отправлялъ кардиналъ Примасть,

Шумлянскій учинилъ предъ престоломъ присягу въ униатство, чтобъ благочестивыхъ греко-россійской вѣры людей въ Русскихъ краяхъ привести ему до униі: при которой его присягѣ были всѣ сенаторы и водили его убраннаго до олтаря въ мантіи бискупской; и по той явной присягѣ и отступленіи отъ благочестія, ради удовольствія его, подписался онъ, Шумлянскій, на престолѣ, на всѣ статьи, которыя до униі подлежатъ. И сенаторы всѣ ему Шумлянскому поздравляли; а потомъ онъ Шумлянскій, отступя отъ престола, сидѣлъ въ лавкѣ и слушалъ мшу. Прибывши въ Львовъ, Шумлянскій началъ насильно отбирать православныя церкви и принуждать благочестивыхъ въ унию. Коронный гетманъ Яблоновскій, каштелянъ Краковскій, придалъ ему на устрашеніе благочестивыхъ свою гвардію. Изъ Львова съ плачемъ писали объ этомъ къ Русскому посланнику. По настоянію посланника король далъ указъ Шумлянскому прекратить насилія и возвратить православнымъ отнятыя церкви; но бискупъ Перемышльскій, канцлеръ великій коронный, который былъ тогда номинатомъ бискупства Краковскаго, царю Шумлянскому, не приложилъ къ королевскому листу коронной печати, и такъ оный королевскій листъ за тѣмъ препятствіемъ въ дѣйство не произведенъ»¹⁾.

При началѣ великой Сѣверной войны, Петръ назначилъ въ Варшаву чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ князя Григорія Федоровича Долгорукова. Цѣль посольства была политическая — склонить короля Августа къ взаимнымъ дѣйствіямъ противъ Шведовъ. Но въ то же время Государь не упускалъ изъ виду православныхъ подданныхъ Рѣчи Посполитой, хотя трудности войны не позволяли ему дѣйствовать въ ихъ пользу съ большою настойчивостью. Притомъ же въ 1704 г. Шведскій король Карлъ XII, занявъ Варшаву, лишилъ Августа II-го короны и съ произволомъ побѣдителя возвелъ на Польскій престолъ Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Князь Долгоруковъ составилъ въ пользу Августа конфедерацію въ Сен-

¹⁾ Дѣло Арх. Св. Сии. 1783 № 268. Т. I. л. 782—788.

домирѣ, но въ этотъ разъ не могъ поддержать короля, противъ котораго вооружились его собственные подданные ¹⁾).

Во время военныхъ дѣйствій съ Шведами, Петръ I-й прибылъ въ іюлѣ 1705 г. въ Полоцкъ и посѣтилъ базильянской Софійскій монастырь. Тамошніе монахи-уніаты не только не отдали ему подобающей чести, но еще оскорбили своимъ дерзкимъ злогѣчіемъ, за что и получили достойное возмездіе ²⁾). Въ декабрѣ того же года въ Гроднѣ канцлеръ литовскій, князь Радзивилъ, подалъ государю меморіалъ о свободномъ отправленіи римской вѣры въ Россіи. Государь отвѣчалъ, что такъ какъ въ Россіи жители римскаго исповѣданія давно уже пользуются всѣми выгодами, то желательно, чтобы и живущимъ въ Польшѣ и Литвѣ православнымъ не было никакого притѣсненія.

При вступленіи Царя въ Польшу послѣ Полтавской побѣды, Меншиковъ писалъ ему отъ 26 сентября 1709 года: «при отъѣздѣ своемъ къ арміи не извольте забыть оставить господину Долгорукову надлежащіе пункты о превращеніи церквей изъ уніи въ благочестіе». «Учинить не запомнимъ» отвѣчалъ Петръ ³⁾).

Новый король Польши, Станиславъ Лещинскій, держался съ помощію шведскихъ войскъ. Но послѣ того, какъ Полтавская битва рѣшила судьбу Карла XII, Августъ опять возвратился на Польскій престолъ. Станиславъ Лещинскій удалился сперва въ Швецію, потомъ во Францію, гдѣ жилъ частнымъ человекомъ, получивъ отъ судьбы только то утѣшеніе, что дочь его Марія Лещинская сдѣлалась супругой французскаго короля Людовика XV.

Въ 1710 г. Царь отправилъ въ Могилевъ стольника Богу-

¹⁾ Князь Г. Ѳ. Долгоруковъ (род. 1666 г.), меньшей братъ знаменитаго сенатора Якова Ѳеодоровича Долгорукова, былъ чрезвычайнымъ посломъ въ Варшавѣ съ 1701 по 1708 г., потомъ въ 1710—1712 г. и наконецъ съ 1715 по 1721 г. Сконч. въ 1723 г.—Бантышъ-Каменскаго, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Ч. II. стр. 284—292. Сказанія о родѣ князей Долгорукихъ, стр. 81—87.

²⁾ Бант.-Кам. Истор. Изв. объ уніи стр. 156—158. Устрялова, Исторія Петра Великаго Т. IV Ч. I стр. 370—373.

³⁾ Устрялова, Исторія Петра Великаго, Т. IV, ч. I, стр. 373.

слава Шипневскаго, въ качествѣ комиссара, для охраненія православныхъ отъ обидъ и притѣсненій ¹⁾); а вслѣдъ за тѣмъ русскій посланникъ въ Варшавѣ, князь Долгорукій, получилъ приказаніе настоятельно домогаться у Рѣчи Посполитой, чтобы какъ на Львовскую, такъ и на прочія благочестивыя епископіи, никто изъ униатовъ допущенъ небылъ, а были бы посвящены изъ благочестивыхъ монаховъ ²⁾. Но эти домогательства не имѣли успѣха. Львовская епископская кафедра уже занята была открытымъ отступникомъ отъ православія, Шумлянскимъ. Перемышльскія епархія еще прежде обращена въ Униатскую. Наконецъ въ 1712 г. угасла православная епископія въ Луцкѣ. Съ паденіемъ ея осталась одна только православная Бѣлорусская епархія, которой суждено было дожить до паденія Рѣчи Посполитой.

Въ 1716 г. заключенъ былъ Петромъ I-мъ трактатъ съ Польшею. Король саксонецъ, доведши своихъ подданныхъ поборами на содержаніе саксонскихъ войскъ въ Польшѣ до возмущенія, принужденъ былъ обратиться къ посредничеству иностранныхъ державъ для своего примиренія съ Рѣчью Посполитою. Русскій посолъ князь Долгорукій предъявилъ при этомъ требованія о возвращеніи православнымъ захваченныхъ униатами епархій, но требованія эти не были уважены. Затѣмъ, по поводу вопроса о диссидентахъ—реформатахъ въ Мазовіи, постановлено было, чтобы церкви, построенныя вопреки конституціямъ, были уничтожены и чтобы тѣ, которые различнаго въ вѣрѣ мнѣнія, «во время настоящей Шведской войны», не имѣли никакихъ ни публичныхъ ни частныхъ собраній, не произносили неприличныхъ проповѣдей и не пѣли никакихъ вредныхъ пѣсней. Трактатъ этотъ имѣлъ для православныхъ въ Польшѣ и Литвѣ весьма вредныя послѣдствія. Конституція 3 ноября 1716 г., утвержденная въ ограниченномъ смыслѣ по отношенію къ Мазовецкимъ диссидентамъ, и при томъ на время войны, распространена на всѣхъ православныхъ Короны и Литвы и сдѣлалась, какъ впоследствии выяснѣлся

¹⁾ Бант.-Кам. Истор. Изв. объ униі, стр. 159.

²⁾ Соловьева, Ист. Россіи Т. XVI, стр. 65.

Петръ I-й, претекстомъ для оправданія постоянныхъ гоненій на нихъ ¹⁾).

Послѣдующіе 16 лѣтъ царствованія Августа II были бѣдственными для православныхъ. Желая устранить вмѣшательство Русскаго правительства въ религіозныя дѣла Польши, религіозный фанатизмъ Поляковъ, подстрекаемый и руководимый иезуитами, предпринялъ мѣры къ совершенному подавленію Русской народности въ Польшѣ и къ прямому соращенію православныхъ въ Латинство.

Въ 1717 году появился проектъ, представленный сейму и разосланный на сеймики, объ окончательномъ истребленіи Русской вѣры и народности въ Русскихъ областяхъ Польши, обрекая на это уничтоженіе не только православную, но и униатскую вѣру, которая все же была русскою. Проектъ предлагалъ не допускать русскихъ дворянъ ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, не заводить съ ними никакой дружбы, развѣ для своей выгоды; не допускать ихъ получать просвѣщеніе и оставляя въ невѣжествѣ доводить до нищеты и крайняго презрѣнія; позволять жидамъ селиться въ русскихъ городахъ, «ибо жида, по природной своей пронырливости, приберутъ въ свои руки всѣ доходы, и вытѣснятъ русскихъ изъ городовъ въ предмѣстья вышлютъ ихъ на барщину»; епископовъ назначать такихъ, которые находятся въ связяхъ съ фамиліями римскаго исповѣданія и недопускать къ засѣданію въ сенатѣ, а поповъ оставить безъ образованія и въ невѣжествѣ, дабы они сами не могли знать начала своихъ обрядовъ и не могли научать народъ, что эти обряды происходятъ отъ св. Отцевъ; лучшее средство для этого держать ихъ въ крайней бѣдности, изнурять всякими поборами, чтобы не могли записаться схизматическими книгами и стѣснить такъ, чтобы они не могли ни повышаться, ни думать, ни дѣлать, что пожелаютъ; тѣ и другіе должны быть подчинены ревизіи латинскихъ прелатовъ, дабы за непристойное поведеніе были публично наказываемы; сыновей поповъ не допускать до образованія и потомъ, какъ не

¹⁾ Бант.-Кам. Историч. Изв. объ униі стр. 163—240.

получившихъ образованія, обращать въ крестьянство ¹⁾; крестьянскимъ сыновьямъ запретить учиться въ школахъ; чтобы оправдать такой образъ дѣйствій, полезно собрать всѣ встрѣчающіяся въ схизматическихъ обрядахъ несообразности, оскорбительныя слова и дѣйствія противъ римлянъ, а если бы этого не было достаточно, — разглашать хорошо обдуманное противъ нихъ вымыслы; а еще полезнѣе секретно распространять отъ имени ихъ поповъ или же самихъ владыкъ русскія сочиненія, вредныя Рѣчи Посполитой, имени польскому и католической вѣрѣ. Всѣ эти мѣры нужно начать съ тѣхъ уголковъ страны, гдѣ больше католиковъ, чѣмъ русиновъ; въ случаѣ возмущенія, если трудно будетъ предавать смерти или усмирять бунтующихъ, не должно жалѣть отдавать ихъ въ рабство татарамъ, а оставшіяся край заселять народомъ польскимъ и мазовецкимъ ²⁾.

Неизвѣстно съ точностію, когда составленъ былъ этотъ проектъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ есть помѣтка — 1717 годъ. Но въ это ли время онъ составленъ, или раньше, или позже, во всякомъ случаѣ можно сказать безъ преувеличенія, что по крайней

¹⁾ Конституція въ этомъ смыслѣ состоялась на конвокаціонномъ сеймѣ въ 1764 г. Прошеніе русскаго духовенства 1766 г. объ отиженіи этой конституціи въ *Supplem. ad H. R. M.* стр. 226—230.

²⁾ Проектъ этотъ напечатанъ былъ нѣсколько разъ. Въ 1849 г. на польскомъ языкѣ въ *Supplementum ad Hist. Russiae monumenta*, № 81; откуда перепечатанъ, съ французскимъ переводомъ, въ Документахъ, объясняющихъ Исторію Западно-Русскаго края, № XXIII. СПб.; на Русскомъ — въ 1862 г. въ Дѣлѣ, № 17, и въ Вѣстникѣ Юго-западной и Западной Россіи, Июль. Въ Дѣлѣ 1862 г. № 20 — Замѣтки М. О. Колявича объ этомъ проектѣ. Эккель приводитъ этотъ проектъ въ своемъ сочиненіи: *Pohlens Staats-Veränderungen und letzte Verfassung*, Wien 1803, и называетъ его произведеніемъ фанатика. Зубрицкій по этому поводу замѣчаетъ: «нѣтъ, это было дѣло политика, польскаго патриота, который ошибся только въ томъ, что преждевременно объявилъ то, что до времени должно было составлять государственную тайну. Польское государство заключало въ себѣ около 16000 квадратныхъ миль и изъ нихъ три пятая части населены были народомъ, отличавшимся отъ поляковъ и языкомъ и вѣрою, которыхъ гораздо болѣе соединяли его съ возростающею монархіею Россійскою, нежели съ Польшею. Задача проекта заключалась въ томъ, чтобы переродить Русиновъ въ Поляковъ и установить нравственную силу Польской республики. Самая унія была болѣе требованіемъ политики, нежели слѣдствіемъ религіозной ревности, которою пылало одно только духовенство. Зубрицк. Дѣлоп. Львовск. братства подъ 1717 г.

мѣрѣ съ половины XVII и во все продолженіе XVIII вѣка онъ былъ для Поляковъ основою дѣйствій по отношенію къ православнымъ и іезуитамъ. Изложенныя въ немъ мысли вообще составляли систему политики іезуитовъ и Поляковъ. Въ проектѣ только прямо и открыто выражено было то, чему всегда, съ самаго появленія іезуитовъ въ Польшѣ и начала уніи, слѣдовало польское правительство.

Въ началѣ 1718 г. православные монастыри Литвы и Бѣлоруссін обратились къ Государю Петру I-му съ жалобою, что они терпятъ великое и нестерпимое гоненіе и Поляки всеконечно хотятъ истребить святое благочестіе, и если вскорѣ не получаютъ помощи, то православіе святое какъ въ королевствѣ Польскомъ истреблено, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ конецъ искоренится, и остающимся благочестивымъ въ различныя страны разбѣгнутися нужда будетъ. Государь послалъ къ Королю (отъ 9 Марта) грамоту, которою поставлялъ ему на видъ не только нарушеніе, чрезъ такія гоненія православныхъ, договоровъ вѣчнаго мира, но и всѣхъ правъ народныхъ и правъ совѣсти: «ибо совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлѣжитъ и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать». Въ то же время князю Долгорукову поручено было сдѣлать королю надлежащія представленія, а на будущемъ сеймѣ стараться, чтобы въ конституцію внесено и подтверждено было о свободномъ отправленіи православной вѣры и чтобы въ конституціи описаны были монастыри, принесшіе упомянутую жалобу, дабы они на унію насильно превращены не были.

Ближайшій сеймъ былъ въ томъ же году въ Гроднѣ. Неизвѣстно, были ли сдѣланы на ономъ представленія о православныхъ; но диссидентскій вопросъ вступилъ еще въ худшій фазисъ. Сеймъ требовалъ выступленія русскихъ войскъ изъ Польши. Посломъ отъ Виленскаго воеводства былъ Петровскій, реформатскаго исповѣданія. По поводу его заявленія въ интересахъ Россіи, сеймъ, въ противность постановленію 1661 года, лишилъ его голоса, какъ схизматика, и вмѣстѣ съ тѣмъ лишилъ диссидентовъ

права быть избираемыми на сеймъ послами. Съ отнятіемъ у нихъ этого права легко было издавать противъ диссидентовъ всякіе законы, потому что они не могли этому противиться.

Подобныя же жалобы были въ 1719 г. отъ старосты Гомельскаго Красинскаго и въ 1720 г. отъ Бѣлорусскаго епископа Сильвестра князя Четвертинскаго. «Необрѣтается подъ солнцемъ утѣшеніе, писалъ Бѣлорусскій епископъ, каковое отъ вѣковъ давнихъ распространяющаяся древняя вѣра грекороссійская въ странахъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго давно терпѣтъ. Постановленія, данныя въ пользу ея, не измѣняются ни въ одномъ пунктѣ, но день ото дня измышляются способы къ крайнему ея оскудѣнію и разоренію. На сеймѣ нынѣшнемъ прилежно смотрѣли, чтобъ не былъ кто посломъ изъ православныхъ. Видя благополучныя и счастливыя его царскаго величества поведенія, Римляне не смѣютъ насъ публично вдругъ искоренить: но однакожь, часто насъ гоня, устрашаютъ и въ судахъ частныхъ подводятъ подъ конституцію сейма варшавскаго объ аріанахъ и прочихъ еретикахъ». По этимъ жалобамъ Государь поручилъ бывшему въ Россіи посломъ отъ Рѣчи Посполитой, воеводѣ Мазовецкому Хоментовскому и Русскому послу въ Варшавѣ князю Долгорукову сдѣлать правительству надлежащія представленія. Въ этотъ разъ настойчивость Русскаго двора увѣчалась нѣкоторымъ успѣхомъ. 28 ноября 1720 г. король Августъ II издалъ привилегію въ защиту оставшейся еще Бѣлорусской епархіи и православныхъ церквей и монастырей въ воеводствахъ и повѣтахъ великаго княжества Литовскаго ¹⁾. Православные Польши и Литвы принесли канцлеру графу Головкину благодарность за такое о нихъ заступленіе, и выставя заслуги въ этомъ дѣлѣ бывшаго переводчикомъ при Русскомъ посольствѣ Игнатія Рудаковскаго, просили назначить его комиссаромъ или резидентомъ, дабы онъ могъ имѣть ближайшее наблюденіе за неприкосновенностью православныхъ церквей и монастырей въ Литвѣ и Польшѣ. Ходатайство ихъ

¹⁾ Бант.-Кам. стр. 188.

было уважено, но радость о дарованной привилегіи скоро прекратилась. Гоненія пошли еще съ большею силою.

Созванный въ томъ же 1720 г. уніатскимъ митрополитомъ Кишкою Соборъ въ Замостьѣ провозгласилъ унію единственной законною церковію греческаго обряда въ Рѣчи Посполитой. Всѣ захваченныя уніатами епархіи, монастыри и церкви, объявлены законно принадлежащими уніи; положено принять мѣры къ обращенію на унію остающихся еще внѣ оной епархіи церквей и монастырей.

Съ этихъ поръ преслѣдованія направляются главнымъ образомъ на послѣднюю оставшуюся въ православіи Бѣлорусскую епархію. Тяжкимъ оскорбленіямъ не одинъ разъ подвергался даже Бѣлорусскій епископъ князь Четвертинскій. Въ 1722 году онъ прибылъ въ Москву, гдѣ былъ въ то время Государь, и съ горькимъ чувствомъ изложилъ полученную имъ личную обиду. Виновникомъ ея былъ шляхтичъ Свяцкій, принуждавшій священника своей вотчины въ Оршанскомъ повѣтѣ къ уніи и подвергшій его ужасному истязанію нѣсколькими стами палочныхъ ударовъ. Епископъ, встрѣтившись съ Свяцкимъ на дорогѣ подлѣ Могилева, сталъ говорить ему объ обидахъ священника. Свяцкій бросился на Сильвестра съ саблею и нанесъ ему два удара и ранилъ въ руку. Государь приказалъ своему министру въ Варшавѣ, князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукову ¹⁾, послать въ Могилевъ комиссара Рудаковскаго и поручить ему изслѣдовать о всѣхъ обидахъ и гоненіяхъ для доказательствъ при Комиссіи или гдѣ потребно будетъ, а отъ Польскаго правительства требовать комиссаровъ для разобранія обидъ, наносимыхъ православнымъ. Въ помощь Рудаковскому приданъ изъ Московскаго Законо-

¹⁾ Князь Сергѣй Григорьевичъ Долгорукій назначенъ посланникомъ въ Варшаву, по отозваніи отца его, князя Григорья Федоровича, въ 1721 г. — Передъ кончиною Императора Петра II онъ вовлеченъ былъ братомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ участіе при составленіи подложнаго завѣщанія отъ имени сего Государя (Арсењева, Царствованіе Петра II-го, Спб. 1839 г. стр. 134) и въ 1739 г. лишенъ всѣхъ достоинствъ и 26 октября колесованъ въ Новгородѣ. (Русская Старина. 1879 г. кн. XI стр. 371).

спасскаго монастыря учитель іеромонахъ Іустинъ Рудинскій. Въ грамотѣ же королю и Рѣчи Посполитой, отъ 2 мая, Государь совѣтовалъ выслать и съ своей стороны на границу комиссаровъ. «Если же, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію удовлетворенія по силѣ договора не послѣдуетъ, то Мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». ¹⁾ Въ то же время канцлеру графу Головкину повелѣно было дать знать объ этихъ гоненіяхъ въ Римъ кардиналу Спиноли, для представленія о томъ Папѣ (Иннокентію XIII). «Его Величество, въ своей имперіи — говорилось въ этомъ сообщеніи — не допускаетъ чинить никакого препятствованія въ отправленіи духовнымъ римскаго исповѣданія, паче же имъ позволяеть всякую свободу и костелы. А ежели католики польскіе и литовскіе не престанутъ такое гоненіе чинить христіанамъ греческаго закона, принуждая ихъ съ такимъ непристойнымъ насиліемъ къ униі, то его величество принужденъ будетъ противъ своего намѣренія повелѣть, въ репрессалію онаго, духовнымъ латинскаго закона, въ Россіи обрѣтающимся, отправленіе того закона запретить» ²⁾.

Между тѣмъ обратился къ Императору Прусскій король съ ходатайствомъ за гонимыхъ въ Польшѣ протестантовъ. Взоры всѣхъ диссидентовъ Рѣчи Посполитой обращены были къ Русскому царю. Такимъ образомъ поднимался общій диссидентскій вопросъ и принималъ грозные размѣры.

Князь Долгорукій и Рудаковскій принялись за дѣло съ энергіей. Король принужденъ былъ издать декреты о возвращеніи нѣкоторыхъ церквей, отнятыхъ на унию. Но отъ назначенія комиссаровъ уклонился, говоря, что не можетъ сдѣлать этого безъ сейма. Настойчивыя и на первой порѣ успѣшныя дѣйствія Рудаковскаго еще болѣе возбудили фанатизмъ поляковъ и униатовъ. Особенно неистовствовалъ униатскій Смоленскій архіепископъ Лаврентій Друцкой-Соколинскій, жившій въ помѣстьяхъ своихъ въ Бѣлороссіи, такъ что Рудаковскій предлагалъ даже схватить

¹⁾ Баят.-Кам. стр. 207—211.

²⁾ Баят.-Кам. стр. 214.

этого свирѣпаго гонителя восточной церкви и увезти въ Россію подъ предлогомъ, что незаконно титулуется архіепископомъ Смоленскимъ и Сѣверскимъ.

Новому оскорбленію подвергся и Бѣлорусскій епископъ. Въ Мартѣ 1723 г. поѣхалъ онъ въ Кутеннскій монастырь, въ которомъ нѣкоторые изъ монаховъ волновались, заявляя о своей готовности принять унию. Епископъ пригласилъ съ собою комисара Рудаковского. Но какъ только они прибыли туда, шляхта, по наущенію монаха Михаила Кобрынца, устремилась на монастырь, выломала ворота и съ страшнымъ насилиемъ нападши на епископа и комисара била ихъ саблями плашмя, стрѣляла изъ пистолетовъ и изъ ружей, а слугъ кольями и каменьями на смерть била. Продержавъ епископа и Рудаковского подъ саблями 14-ть часовъ, потомъ привели къ нимъ до смерти изувѣченнаго священника, у котораго будто бы перехвачены письма ихъ въ Литву. Писемъ не нашли: онъ успѣлъ передать ихъ до своего задержанія; но епископа и комисара держали подъ стражею, откуда онъ и послалъ къ Государю слезную жалобу. «Тамъ быють, писалъ Бѣлорусскій епископъ въ донесеніи Государю, на другомъ мѣстѣ церкви отъемлются, слугъ увѣчать, лошадей, рухлядь, доходы грабятъ, а самаго меня въ заключеніи держать. Слезно прошу показать надъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ ихъ»¹⁾.

Такія жалобы на насилія шли одна за другою. Фанатическій шляхтичъ Соколинскій, архіепископъ Смоленскій, желая увеличить свою крайне малочисленную паству, нападалъ на православныя церкви и насильственно обращалъ ихъ на унию. Въ мартѣ 1723 г. онъ наѣхалъ вооруженною рукою на двѣ благочестивыя церкви въ Мстиславлѣ и тирански мучилъ православныхъ, защищавшихъ свою святыню. Рудаковский жаловался на это униатскому митрополиту Кишкѣ: и тотъ не одобрилъ буйныхъ поступковъ своего епископа. Насиліе измышляло всякія формы истязаній и насмѣшекъ. Въ Минскѣ униатскій архимандритъ

¹⁾ Бялт.-Кам. стр. 238.

Августинъ Любенецкій, поймавъ монаха благочестивой вѣры, который пришелъ въ униатскій монастырь получить плату за свою работу (рѣзную икону), остригъ ему волосы и вложивъ въ клубокъ выгналъ съ угрозою, что и всѣмъ монахамъ тоже сдѣлаетъ. Дерзкій фанатикъ кощунственно коснулся даже имени Государя. Прибывъ въ православный Минскій Петропавловскій монастырь, ругалъ православную вѣру, ставя ее хуже жидовской, настоятеля и монаховъ билъ, и потомъ сталъ поносить Государя: «Царь Московскій мужикъ, крестьянинъ, москаль. Я всю вашу проклятую схизму разорю и искореню». «Описать невозможно, доносилъ Рудаковскій, въ какой оный ксендзъ Любенецкій обрѣтается гордости и свирѣпости къ святому православію».

Въ 1724 г. Государь написалъ послѣднюю грамоту къ королю о диссидентахъ, въ которой, изъявляя сожалѣніе о претерпѣваемыхъ ими обидахъ, говорилъ, что продолженіе тѣхъ гоненій не иначе какъ къ многимъ неприятымъ слѣдованіямъ причину и поводъ подавать можетъ. Король отвѣчалъ уклончиво, что диссиденты въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой никакихъ обидъ и притѣсненій не терпятъ, а обиженные, еслибъ таковыя были, могутъ жаловаться и получить законное удовлетвореніе. Жалобы же на гоненіе людей греческаго исповѣданія приписывалъ злоумышленнымъ людямъ, которыя, завидуя доброму согласію обонхъ Государей, такія съ правдою несоглашающіяся разсѣваютъ вѣдомости.

По кончинѣ Императора Петра I-го Рудаковскій вызванъ былъ изъ Могилева въ С.-Петербургъ для обстоятельнаго донесенія о дѣлахъ. Въ августѣ 1726 года, по случаю открывшагося въ Гроднѣ съѣзда, посланъ туда генералъ П. И. Ягушинскій между прочимъ для требованія удовлетворенія въ обидахъ православнымъ. Но дѣло оставалось все въ томъ же печальномъ положеніи.

Въ 1728 году епископомъ-администраторомъ Бѣлорусской епархіи назначенъ былъ архимандритъ Межигорскаго монастыря Арсеній Берло. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ посвятилъ его въ епископа 30-го января 1730 года. 10-го марта Арсеній прибылъ въ Могилевъ, но принять былъ недоброхотно. Зачин-

щикою волненій былъ игуменъ Минскаго монастыря Гедeonъ Шишка. Появились пасквили на воротахъ архіерейскаго дома, при церквяхъ и колокольняхъ. Арсенія грозили убить. Все это дѣлалось по интригамъ Калиста Заленскаго, бывшаго при покойномъ епископѣ 20 лѣтъ администраторомъ епархіи и домогавшагося посвященія въ епископы. Между тѣмъ и король манифестомъ отъ 29-го іюля запретилъ признавать его за епискона «по той причинѣ, что онъ изъ незнатнаго дворянства». Императрица Анна прислала къ королю отъ 20-го августа двѣ грамоты, изъ которыхъ въ первой выразила непремѣнное желаніе, чтобы, по силѣ договоровъ вѣчнаго мира, всё отнятыя на унию епископіи, монастыри и церкви, возвращены были благочестивымъ, а вторую просила королевскаго утвержденія на избраніе Бѣлорусскаго епископа Арсенія. Но король даже не отвѣтилъ на эти грамоты. Находясь въ такомъ крайнемъ положеніи Арсеній 28-го сентября просилъ вызвать его въ Москву, а въ слѣдующемъ году 26-го декабря просилъ отпустить его на обѣщаніе. Наконецъ въ 1732 г. октября 25-го Новгородскій архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ объявилъ въ Синодѣ Высочайшій указъ Арсенію быть въ С.-Петербургѣ, «понеже ему отъ Бѣлорусской епархіи отказано». Въ январѣ слѣдующаго года онъ назначенъ на праздную Переяславскую епархію. Въ Бѣлорусскіе же епископы избранъ духовенствомъ и мірянами епархіи, «какъ съ Потоцкимъ въ Москвѣ на коронаціи положено было», игуменъ Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря Іосифъ Волчанскій.

Въ 1733 г. 1-го февраля скончался Августъ II. Враждебныя къ саксонской династіи Поляки образовали генеральную конфедерацію, на которой постановили избрать въ короли природнаго Поляка и въ то же время издали конституцію, по которой «всѣ стороннія и пришлыя вѣры (кромѣ католической и униатской) нетерпимы и ненавистны въ Рѣчи Посполитой. На избирательномъ сеймѣ были 12 диссидентовъ. Но ревнители католичества, воспользовавшись примѣромъ 1718 г., лишили ихъ права являться на сеймъ. Кандидатомъ на Польскій престолъ опять выступилъ

Лещинскій: но Россія и Австрія, не желавшія видѣть Поляка и тѣмъ болѣе Лещинскаго на Польскомъ престолѣ, содѣйствовали избранію на Польскій престолъ сына Августа II, курфирста саксонскаго Августа III. Въ томъ же (1733) году назначенъ полномочнымъ министромъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Варшаву д. с. с. баронъ Кейзерлингъ. Новый король на пактахъ конвентахъ (23-го мая) и на коронаціонномъ сеймѣ (17-го января 1734 г.) обѣщалъ и обязался сохранить всѣ привилегіи православныхъ. Въ слѣдующемъ 1735 г. 20-го декабря король подтвердилъ привилегію, выданную въ 1720 году отцомъ его въ защиту православной Бѣлорусской каеды и православныхъ монастырей въ великомъ княжествѣ Литовскомъ. Въ 1736 г. на пацификаціонномъ сеймѣ обѣщано было успокоеніе православнымъ и объявлено было, что для этого безотлагательно учреждена будетъ Коммисія. Но при слабомъ и недѣятельномъ королѣ привилегіи оставались мертвою буквою, а обѣщанія оставались безъ исполненія, и православные подвергались, какъ и прежде, постояннымъ преслѣдованіямъ.

Въ 1739 г. Волчанскій доносилъ святѣйшему Синоду, что «кромѣ тѣхъ церквей православныхъ, которыя при жизни покойнаго князя Четвертинскаго преосвященнаго Сильвестра и по смерти его между архіерействомъ насильно отняты на унию, въ недавнее время отобраны еще многія, а новыхъ строить не позволяютъ, отчего слѣдуетъ, что остатокъ той (Бѣлорусской) епархія весь отыдетъ на унию и епископа православнаго не къ чему и не на чемъ будетъ содержать въ недолгомъ времени». Не видя удовлетворенія своимъ просьбамъ и жалобамъ, Іосифъ писалъ Синоду отъ 27-го апрѣля 1740 года: «слезно прошу скорое и крѣпкое, какъ згѣ страждущимъ, подати защищеніе, или увольте мя отъ сего послушанія, понеже мнѣ, при моихъ не потому уже гѣтахъ и слабосильномъ здравія состояніи, отнюдь никакими мѣрами самому собою удержати ежечасно умаляющагося святаго православія невозможно»¹⁾.

¹⁾ Дѣло архива Св. Синода 1733 г. № 260 т. 1. стр. 29.

Въ іюлѣ того же года резидентъ Петръ Голембовскій писалъ объ обидахъ благочестивымъ къ обоимъ канцлерамъ литовскимъ, къ примасу и къ великому канцлеру коронному. Указавъ на отобранныя насильственно на унию церкви, по приказу Сапѣги, ловчаго великаго княжества Литовскаго, Голембовскій писалъ: «Я выразумѣть не могу, куда такія крайности клонятся. Весьма народу Польскому пріятнѣйшіе жида суть, народъ Богу и людямъ мерзкій: ибо какъ оныя при вольностяхъ и построенныхъ синагогахъ въ покоѣ содержатся, такъ, насупротивъ того, закону греко-россійскому Божіихъ церквей ни старыхъ починять, ниже новыхъ строить вольности не имѣется, а достальныя на унию насильственно отбираются. Поступки такіе натурально никогда добраго конца имѣть не могутъ, но не доброй консенвенціи за оными слѣдовать обыкновенно; и не надлежалобъ сіе легко разсуждать, но оныя злыя консенвенціи, которыя отъ такихъ проступковъ происходятъ могутъ, заблаговременно и безъ дальнѣйшаго отлагательства предупредить». На это коронный канцлеръ объявилъ, что «то дѣло только до литовскихъ министровъ касается», и прибавилъ, что резидентъ «изъ сего представленія нѣкоторые пассажи или статьи выпустить могъ (о жидлахъ и о министрахъ, якобы подающихъ тѣмъ продерзостямъ потачку)». «Республика, изъяснялъ онъ, есть вольная и каждый зажиточный шляхтичъ такого состоянія находится, что его такъ скоро къ отвѣтствованію принудить не можно, развѣ по достаточномъ и справедливомъ признаніи его преступленія, къ чему однакожь обождать потребно». Подканцлеръ литовскій, князь Чарторыйскій, отвѣчалъ, что онъ будетъ имѣть объясненіе съ Сапѣгою по поводу отнятыхъ на унию церквей и будетъ прилагать всякое стараніе, дабы тѣ церкви возвращены были. Великій канцлеръ литовскій Сапѣга писалъ отъ 9-го августа: «Понеже въ скорости нынѣ королевская бытность и предстоящій сеймъ наступаетъ, также и конференціи въ помянутыхъ интересахъ возстановлены быть имѣютъ, того ради вы малую въ томъ паціенцію имѣть извольте». О примасѣ резидентъ писалъ, что отъ него не получилъ отвѣта;

«да отъ него ничего иного ожидать не можно, ибо онъ къ римской католицкой вѣрѣ зѣло ревнителенъ и весь свѣтъ къ себѣ вѣрѣ привлечь хочетъ» ¹⁾.

Кейзерлингъ отъ 16-го ноября 1740 г. доносилъ: «какъ ни велико неудовольствіе короля и министровъ на насильственное отнятіе греческихъ церквей и другія преслѣдованія благочестивыхъ, однакожъ мало достаточныхъ способовъ, которыми можно было бы надѣяться пресѣчь такое внѣдрившееся зло; ибо ни власти королевской, ни министерства по здѣшнимъ государственнымъ уставамъ и зѣло великой силѣ духовенства къ тому не достаточно». Кейзерлингъ хотѣлъ на сеймѣ 1740 г. добиться назначенія комиссаровъ: но сеймъ «обыкновенное заключеніе возымѣлъ» т. е. не состоялся. По окончаніи сейма король тотчасъ же поспѣшилъ въ Саксонію «для своего викариатства въ Имперію». Такъ какъ туда же повелѣно было ѣхать канцлерамъ, то Кейзерлингъ обѣщалъ стараться, «дабы по меньшей мѣрѣ дальніе налоги и утѣсненія греческихъ единавѣрцевъ по возможности предупреждены были». «Примасъ регни, прибавлялъ онъ, хотя въ томъ много способствовать могъ бы, однакожъ его ревность къ вѣрѣ такъ велика, что у него для распространенія вѣры все дозволяется и за безгрѣшно поставляется» ²⁾.

Резидентъ Голембовскій въ донесеніи отъ 12-го февраля 1741 г. объяснивъ, что за несостояніемъ сейма и отъѣздомъ короля дѣла остались въ прежнемъ положеніи, писалъ: «все то, что въ пользу греко-россійской вѣры при такомъ состояніи учинить могу, въ томъ состоить, что я, по присылающимся ко мнѣ частнымъ жалобамъ, отчасти злыя слѣдствія, кои отъ утѣсненія сей вѣры въ свое время произойти могутъ, имѣющимъ въ томъ участіе людямъ представляю, отчасти же дружескимъ прошеніемъ ихъ на другія мысли привести стараюсь» ³⁾.

¹⁾ Дѣло арх. Св. Сн. 1733 № 260 т. I, 159 — 165. Примасомъ королевства, съ званіемъ Гвѣзненскаго архіепископа, съ конца 1738 г. былъ Христофоръ Шембекъ, прежде бывший Куявскимъ епископомъ.

²⁾ Тамъ же 1, 173.

³⁾ Тамъ же 1, 173.

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны оживились надежды православныхъ. Благопріятнымъ обстоятельствомъ казалось и то, что въ главѣ духовнаго правительства въ Россіи стоялъ человекъ, собственнымъ горькимъ и тяжелымъ опытомъ знавшій несчастное положеніе зарубежныхъ православныхъ. Это былъ Новгородскій архіепископъ Амвросій Юшкевичъ, бывший прежде (въ 1731—1734 гг.) настоятелемъ (Старшимъ) Виленскаго Святодуховскаго монастыря. Бѣлорусскимъ епископомъ на мѣсто Іосифа Волчанскаго, переведеннаго архіепископомъ въ Москву, назначенъ братъ его, бывший Старшимъ Виленскаго Святодуховскаго монастыря, Геронимъ Волчанскій.

До сихъ поръ дѣла о зарубежныхъ благочестивыхъ велись въ Кабинетѣ и Иностранной коллегіи. Святѣйшій Синодъ получалъ донесенія о обидахъ, вносилъ въ Кабинетъ или сообщалъ въ Коллегію, не имѣя свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ. Святѣйшій Синодъ донесъ объ этомъ Императрицѣ съ подробнымъ экстрактомъ изъ своихъ прежнихъ донесеній за послѣдніе десять лѣтъ, и съ ходатайствомъ за угнѣтаемыхъ православныхъ. Императрица приняла это дѣло подъ свое особое покровительство и поручила Коллегіи дать ему безотлагательное дѣйствіе. Въ этомъ смыслѣ 16-го августа 1742 г. посланъ былъ рескриптъ къ тайному совѣтнику фонъ-Кейзерлингу и Голембовскому. «Всѣ оныя насильства и угнѣсенія — сказано въ рескриптѣ — Намъ толь наипаче и особливо чувствительны быть имѣютъ, понеже оныя надъ людьми одного съ нами исповѣданія и для гоненія того самаго исповѣданія чинятся; слѣдовательно все, еже въ томъ происходитъ, въ то же время и до насъ касается и мы за оныхъ людей въ томъ стоять и сатисфакцію имъ и поправленіе исходатайствовать обязаны. Того ради Мы вамъ всѣ прежніе указы и наставленія чрезъ сіе подтверждаемъ, всемиловитѣйше и наикрѣпчайше вамъ повелѣваемъ, всѣ тѣ представленія наиприлежнѣйше и ревностнѣйше возобновить и въ томъ всякими потребными поступками и радѣтельными стараніями, сколько крайне возможно, ничего не упустить».

Мы сіе дѣло вамъ наиприлежнѣйше рекомендуемъ¹⁾. Въ то же время въ донесеніи своемъ Святѣйшему Синоду отъ 31-го августа 1742 г. Коллегія объясняла, что она получаетъ вѣдомости о сихъ дѣлахъ не отъ одного Св. Синода, но и изъ другихъ мѣстъ, и посылаетъ по онымъ указы министрамъ. «Изъ сего Св. Синодъ благоволяетъ усмотрѣть — присовокупляя Коллегія — что она по своей должности въ ономъ, толь важномъ и нужномъ дѣлѣ, усерднаго своего попеченія и старанія прилагать никогда не оставляетъ». Вмѣстѣ съ этимъ она объясняла, что «иногаго способа къ прекращенію тѣхъ обидъ она не находитъ. Но чтобъ, какъ Св. Синодъ ея императорскому величеству представляетъ, употребить въ защищеніе тѣмъ людямъ обидъ и разореній какую оборону, то Коллегія не можетъ предвидѣть и разсудить, какимъ бы образомъ въ чужомъ государствѣ какую онымъ оборону, напаче же при настоящихъ конъюнктурахъ, безъ крайней опасности Россійской Имперіи отважиться производить, кромѣ сильныхъ королю и чинамъ Рѣчи Посполитой представленій и пристойныхъ домогательствъ, яко въ вольномъ государствѣ возможно было»²⁾.

Съ этого времени Св. Синодъ становится центральнымъ и заправляющимъ мѣстомъ по дѣламъ объ обидахъ зарубежныхъ православныхъ, что постоянно подавало поводъ къ прерѣканіямъ между Синодомъ и Иностранною коллегіею. Такія же прерѣканія начались и въ Польшѣ между тамошнимъ православнымъ духовенствомъ и русскими министрами при Польско-саксонскомъ дворѣ.

Голембовскій на рескриптѣ отъ 16-го авг. доносилъ (отъ 11 (22) сент.), что «представленія его часто и весьма доброе дѣйствіе имѣли: но дабы отищеніе возвратить, особливо тѣхъ, которые не хотятъ слушать ни просьбъ, ни представленій, то оно на сеймѣ и въ конференціяхъ съ государственными чинами рѣшено быть имѣть; ибо инымъ способомъ что бы чинено ни было, однакожь сямъ жалобамъ конца не будетъ; понеже шляхетство, а

¹⁾ Дѣло архива Св. Синода 1733 г. № 230 т. I, стр. 154.

²⁾ Тамъ же стр. 147—149.

особливо которые высшаго достоинства суть, въ ихъ собственныхъ possessiяхъ, деревняхъ, и въ поставленіи церквей, никѣмъ возбраняемы быть не могутъ и никакого правила въ томъ принимать не хотятъ, и на мои представленія мнѣ отвѣчаютъ, что они въ своихъ деревняхъ и обрѣтающихся тамъ церквахъ господствуютъ и что имъ вольно есть такихъ духовныхъ персонъ опредѣлять, кои имъ угодны. «Старательства мои — писалъ онъ далѣе — какъ всему духовенству въ Литвѣ, такъ и обрѣтающемуся при немъ іеромонаху Сильвестру Коховскому ¹⁾ довольно извѣстны». «Относительно обидъ православныхъ потребно было бы опредѣлить Особую Коммисію, въ которой могли бы быть основательно изслѣдованы всѣ жалобы и обиды для представленія сейму; а инымъ способомъ и десять человекъ министровъ ничего въ томъ дѣлѣ поправить не возмогутъ, развѣ ихъ представленіямъ нѣсколько тысячъ человекъ войска силу подадутъ» ²⁾.

Вслѣдъ за тѣмъ и графъ Кейзерлингъ писалъ (отъ 14 (25) дек. 1742 г.): «я неусматриваю, какъ и какими образомъ отсюда сему злу предупредительныя мѣры взяты быть могутъ, ниже иной дороги и способа къ тому не нахожу, какъ того, что уже въ пактахъ конвентахъ дозволено и постановлено, а именно, чтобъ Коммисія учреждена была, которая благоосновательныя жалобы исповѣдающихъ греческую вѣру, по ихъ древнему праву, привилегіи и правосудіямъ, прекратить, и сіи такимъ образомъ право и сатисфакцію достигнуть могутъ» ³⁾.

Дипломатическія старанія и домогательства происходили сами собою, а обиды — сами собою. Мы не выписываемъ здѣсь всѣхъ обидъ и насилій, которыя продолжались непрестанно, а равно и всѣхъ жалобъ, которыя повторялись также непрестанно.

Русскимъ въ Польшѣ казалось, и можетъ быть не безъ основанія, что дѣйствія нашихъ министровъ при Польскомъ дворѣ не

¹⁾ Іеромонахъ Сильвестръ Коховскій находился при Россійской миссіи въ Варшавѣ съ 1719 г.

²⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I. стр. 198.

³⁾ Тамъ же стр. 223.

соотвѣтствуютъ той горячности, съ какою приняла это дѣло Императрица, и что они не употребляютъ надлежащихъ усилій къ тому, чтобы помочь православнымъ. Первый выразилъ это въ донесеніи Синоду, отъ 24-го окт. 1742 г., іеромонахъ Коховскій.

Прося увольненія отъ занимаемой имъ въ продолженіе 23 лѣтъ должности и объясняя трудности оной, Коховскій писалъ: «и силы уже мнѣ не стало труждающемуся въ дѣлахъ, къ вѣрѣ святой надлежащихъ, но безъ пользы общему добру нашему, понеже господа министры только пристойнымъ образомъ обыкли стараться, безъ представленія договоровъ, утвержденій и конституцій... Присовокупляю и мое дѣло, что хотя пресвѣтлѣйшаго ея императорскаго величества жалованье и получаю я отъ Св. Синода по триста рублей, но несправно до меня доходить, и великій убытокъ претерпѣваю на векселѣ, и весьма не могу съ тремя служащими и съ церковію содержать себя и церкви провизіи чинить, понеже приходу никакого не имѣю: что было людей грекороссійскаго исповѣданія, всѣ оныя на унию силою приведены. А ближняя здѣсь ихъ, министровъ, протекція ничего не помогаетъ, ибо господи́нь посолъ полномочный — евангеликъ, а господи́нь резидентъ — римской вѣры»¹⁾.

Св. Синодъ съ горячностію взялся за это донесеніе и представивъ оное Императрицѣ присовокупилъ, что «нечаятельно, чтобъ они (Кейзерлингъ и Голембовскій) истинное и ревностное по вѣрѣ нашей усердіе и тщаніе прилагали; да едвали можно Кейзерлингу, яко лотеранину, а Голембовскому папезскаго исповѣданія, противу своихъ единовѣрныхъ за благочестіе ревностно стараться и тѣмъ ихъ къ оскорбленію приводить... И какъ же бы означенный Голембовскій и Кейзерлингъ могли быть истинные за благочестіе ходатаи, и не единую только политику строящія, какъ то отчасти Синоду извѣстно, что на кого въ разореніи, поруганіи церковей благочестивыхъ и людей ея, къ Польскому двору и въ прочихъ тамо приличныхъ (кто изъ нихъ) протестуетъ, съ

¹⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1783 г. № 260 т. I. стр. 247.

тѣмъ, яко единовѣрнымъ ему, дружеское, какъ у себя въ домѣ, такъ и въ компаніяхъ имѣеть обхожденіе; напротивъ того къ нашимъ православнымъ, яко иновѣрнымъ предъ папезанами, весьма крайнюю неблагоклонность являетъ¹⁾.

Иностранная коллегія, какъ и слѣдовало ожидать, взяла ихъ подъ свою защиту, и въ донесеніи Св. Синоду писала, что она «въ тѣхъ дѣлахъ до нынѣ слабыхъ ихъ поступковъ ни малѣйше не усматриваетъ, и весьма нечаятельно, чтобъ они, по причинѣ разности въ законѣ съ греко-россійскимъ исповѣданіемъ, указы е. и. в. пренебрегали и прямого радѣнія и прилежанія въ томъ не имѣли; а особливо о графѣ Кейзерлингѣ, яко о лютеранинѣ, никакого сомнѣнія быть не можетъ, понеже лютеране съ римляны или папезцами, какъ всѣмъ извѣстно, никакого согласія въ вѣрѣ и законѣ не имѣютъ, но наипаче между ними въ томъ, времени, и распри не малыя случаются... А хотя Голембовскій и римскаго исповѣданія, однакожъ чрезъ сорокъ лѣтъ его службы никакого пристрастія не усмотрѣно и Коллегія не имѣла еще причины быть имъ недовольнымъ... Прежде нихъ при Польскомъ дворѣ послами были изъ знатныхъ русскихъ фамилій, яко князья Долгоруковы и другіе, но въ тѣхъ обидныхъ дѣлахъ не болѣе сихъ успѣха имѣли»²⁾.

Защищая министровъ, Коллегія завиняла напротивъ зарубежное духовенство, особенно игуменовъ монастырей, въ непорядочныхъ и непотребныхъ поступкахъ и что они сами нерѣдко служатъ причиною опустошенія монастырей и иныхъ самовольствъ, не имѣя надъ собою духовнаго правленія и никакихъ надзирателей, которые бы крѣпко смотрѣли житія и поступковъ ихъ. Коллегія собственно повторяла то, что нашла въ одномъ изъ приложенныхъ Голембовскимъ документовъ, именно въ письмѣ Пинскаго униатскаго епископа Булгака къ Голембовскому отъ 9-го марта 1743 года: «Уже при моемъ времени — писалъ Булгакъ — нѣсколько игуменовъ Пинскихъ, забравъ церковное серебро,

¹⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I. стр. 315.

²⁾ Тамъ же стр. 337.

деньги на починку церкви какъ въ здѣшнихъ краяхъ собранныя, такъ изъ Россіи присланныя, ушли въ путь свой, о которыхъ и по нынѣ не слышно. Откуда же сіе все происходитъ, откуда соблазны такіе являются и такія непристойности, ежели не отсюда, что не униатскаго закона духовные никакого въ здѣшнихъ краяхъ не имѣютъ надъ собою духовнаго правительства, не имѣютъ визитаторовъ, которые бы на крѣпко смотрѣли житія и поступковъ, приходовъ и расходовъ: отчего то происходитъ, что почтенныя игумены не знаютъ, что пріемлютъ; воспослѣдовавши же по нимъ не вѣдаютъ, что имъ оставлено» ¹⁾).

Обвинители, подобные Булгаку, не хотѣли знать, что они же сами были причиною этого, не допуская епископовъ и настоятелей до управленія епархіями и монастырями и что, напримѣръ, Бѣлорусскій епископъ управлялъ въ ту пору епархіею изъ Москвы, не получая въ теченіи двухъ лѣтъ королевской привилегіи на вступленіе въ епархію.

Увлечшись этимъ совѣтомъ Булгака, Голембовскій предложилъ Коллегіи, а Коллегія предложила Синоду употребить способъ, который «изобрѣтенъ былъ» Петромъ I-мъ въ 1722 г. при такихъ же обстоятельствахъ и тогда же Св. Синода главнымъ членамъ объявленъ, «чтобы избрать здѣсь или въ Кіевѣ изъ духовныхъ такую персону, который бы по латынѣ и по польски читать и писать искусенъ былъ, и какъ всѣ догматы церковныя, такъ и разности въ религіяхъ совершенно зналъ, и отправить бы онаго въ Польшу и Литву, яко Коммисара отъ стороны Ея Императорскаго Величества, съ потребнымъ отверстымъ кредитомъ, снабдя его инструкціею, дабы онъ всѣ монастыри и церкви греко-россійскаго исповѣданія надзиралъ и священнослужителей въ той св. вѣрѣ и въ порядочномъ житіи и въ добрыхъ и благочинныхъ поступкахъ наставлялъ и утверждалъ, а при томъ бы накрѣпко приключаемые имъ отъ римлянъ и униатовъ обиды и гоненія престерегалъ, и когда гдѣ такое произойдетъ, того же бы

¹⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 стр. 365.

времени, взявъ отъ обидимыхъ обстоятельныя о томъ описанія и документы, сперва въ надлежащихъ мѣстахъ жалобы приносили и сатисфакцію требовали, а ежели такой не одержать, то, собравъ доказательства, ѣхали съ оными въ Варшаву къ министрамъ российскимъ, и вмѣстѣ съ ними домогался резолюціи». Въ то время это «благоизобрѣтеніе» Петра I-го осуществлено небыло «за неизвѣстными въ Коллегіи причинами». Коллегія предлагала возобновить это дѣло теперь, для лучшей пользы людямъ греческаго исповѣданія въ Литвѣ и Польшѣ ¹⁾. Но Синодъ не увлекся этимъ представленіемъ и дѣло не имѣло продолженія.

Императрица выражала свою настойчивость съ возрастающею силою. Къ оскорбленіямъ православныхъ присоединилось и то, что Бѣлорусскому епископу Иерониму Волчанскому отказывали въ королевской привилегіи, откладывая дѣло объ оной, въ противность праву и обычаю, до сейма. Въ рескриптѣ къ Голембовскому отъ 16-го авг. 1743 г., исчисливъ утѣсненія благодетельныхъ, Императрица выражала: «толь великія и нестерпимыя монастырямъ, церквамъ и людямъ греко-россійскаго исповѣданія обиды, гоненія, ругательства, забойство и насильное превращеніе къ униі такъ самовластно и съ неслыханною суровостію производятъ, чего и турки въ своемъ государствѣ надъ христіанами греками не чинятъ; и тако оныя отъ римлянъ и униатовъ надъ единовѣрными нашими въ Польшѣ и Литвѣ поступки ни къ чему иному причестъ не возможно, токмо къ не содержанию и уничтоженію вмѣющагося съ нашею Имперіею трактата вѣчнаго мира и къ поруганію вѣры и закона греко-россійскаго исповѣданія, наипаче къ уничтоженію нашего за тѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ людей, по силѣ онаго трактата, заступленія, еже намъ не токмо чувствительно, но и несносно становится». Голембовскому приказано было подать Польскому правительству Меморіалъ ²⁾.

Въ октябрѣ того же года Кейзерлингъ представилъ меморіалъ, присовокупивъ къ нему вѣдомость монастырей и церквей,

¹⁾ Тамъ же стр. 335.

²⁾ Тамъ же I, — 341—342.

насильственно отнятыхъ на унию съ деревнями и подданными, и реестръ нѣкоторыхъ насильствъ, нанесенныхъ благочестивымъ въ разныхъ мѣстахъ. Въ этомъ меморіалѣ онъ показалъ, что на унию съ 1686 г. отнято въ одной Бѣлорусской епархіи 7 монастырей и 117 церквей.

Коронный канцлеръ, Хелминскій епископъ Залусскій, и подканцлеръ литовскій, князь Чарторьскій, отвѣчали, что эти требованія имѣютъ быть успокоены чрезъ комиссію по счастливомъ прибытіи его королевскаго величества; но присовокупили, что ни король, ни министры никакой по сіе время жалобы въ разсужденіи претендованныхъ униатскихъ притѣсненій не получали, и великому удивленію подлежитъ, что подданные его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой за границу жалобы свои произносятъ, хотя имъ здѣсь отъ справедливости никогда отказано не было. «Объ этомъ — прибавлялъ съ своей стороны Голембовскій — я уже нѣсколько лѣтъ государственной Коллегіи покорнѣйше доносилъ и здѣсь греко-россійскимъ духовнымъ многократно внушалъ, дабы они въ своихъ жалобахъ напередъ къ королю и министерству республики адресовались. Только продолжающійся донинѣ противный тому поступокъ главнѣйшею причиною есть, что здѣсь греко-россійская религія такимъ образомъ, а именно изъ года въ годъ, умалается и въ упадокъ приходитъ. Въ другихъ мѣстахъ только съ обрѣтающимися вокругъ монарховъ министрами или съ малымъ числомъ другихъ персонъ, кои къ тому опредѣляются, дѣло производится: а здѣсь въ Польшѣ, яко въ вольной республикѣ, напротивъ того стараться надлежитъ съ пристойною учтивостію всѣмъ себя пріятнымъ учинить, чтобы съ доброю терпѣливостію, ежели потребно, всякое противное слово сносить». Не странно слышать такіе совѣты изъ устъ поляка — Голембовскаго; но странно, что подающій такіе совѣты былъ представителемъ Русскаго правительства въ Польшѣ и защитникомъ интересовъ православныхъ.

Вслѣдствіе непрестанныхъ жалобъ, Императрица, рескриптомъ отъ 15-го ноября 1743 г., поручила Голембовскому сдѣ-

заявленіе, съ угрозою подкрѣпить оное силою. Выражая сожалѣніе, что «всѣ Наши старанія и справедливыя представленія въ томъ нынѣ, какъ и прежде, безъ всякаго дѣйствія остались и показанныя гоненія не токмо никакъ не престаи, ниже къ пресѣченію и поправленію оныхъ малѣйшія распоряженія учинены, но оныя паче отъ времени до времени наижесточайшимъ и не милосердѣйшимъ, да и прямо Богу противнымъ и ругательнымъ образомъ умножаются, и съ бѣдными людьми не иначе обходятся, равно какъ бы оныя весьма и христіанскому обществу не принадлежали и ихъ Божія служба преступленіемъ, а церкви и монастыри ихъ соблазнительными домами были», — Императрица выражала, что можно признавать то «не иначе, какъ явно показуемое Намъ самимъ озлобленіе», и поручила заявить, что «при должайшемъ безплодствіи и презрѣніи дружескихъ представленій и домогательствъ, иные сильнѣйшіе и серъйознѣйшіе способы употреблять на послѣди принуждены будемъ, и чрезъ оныя лучше предупредитъ толь наипаче надежду имѣть можемъ, понеже другія державы (которыя для своихъ, подъ именемъ диссидентовъ въ Польшѣ и Литвѣ разумѣющихся единовѣрцевъ, и ради утѣсненій оныхъ, въ томъ общія обязательства съ нами имѣютъ) къ нашимъ мѣрамъ въ томъ приступить и общее дѣло съ нами чинить весьма готовы. И тѣмъ случаемъ для збѣло многихъ причинъ охотно пользоваться будемъ. Однакожь таковыя крайности не иначе, какъ неприятыя слѣдствія и предосудительныя дальности произнести могутъ»¹⁾. Изъ дѣла не видно, чтобы содержаніе этого рескрипта сообщено было Польскому правительству.

Вслѣдъ за симъ, 24-го ноября 1743 г. Императрица послала къ Королю грамоту, требуя совершенной по трактатамъ сатисфакціи православнымъ и возвращенія отнятыхъ на унию монастырей и церквей съ ихъ имѣніями. Король (4-го января 1744 г.) отвѣчалъ, что если принесенныя Ея Величеству жалобы въ дѣлѣ праведны окажутся, то онъ повелитъ ихъ изслѣдовать

¹⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 Т. I, 347.

и пристойнымъ образомъ прекратить. И хотя съ вѣщимъ успѣхомъ это дѣло могло бы быть произведено по возвращеніи его въ королевство, однакожь, въ знакъ готово-охотѣвѣйшей склонности и дружбы къ любезной Сестрѣ, пріятельницѣ и сосѣдѣ, онъ писалъ къ великому канцлеру коронному о скоромъ облегченіи показанныхъ тягостей»¹⁾. На королевскій указъ оба канцлера и гетманы, примасъ королевства и униатскій митрополитъ, отвѣчали, что они ничего не знаютъ объ обидахъ неуниатовъ и жалобы ихъ считаютъ не основательными и единогласно челобитчиковъ осуждаютъ и почитаютъ преступниками права въ томъ, что, будучи польскими подданными, не приходятъ къ своему суду, но адресуются въ Россію; впрочемъ соглашались на учрежденіе Коммисіи для изслѣдованія сихъ жалобъ. Представляя объ этомъ, графъ Кейзерлингъ заявлялъ, что хотя такая коммисія и нужна, однакожь если при ней не будетъ человѣка, который бы за обиженныхъ умѣлъ говорить и всѣ хитрости и отговорки противной стороны обезсилить, то доброхотство папезской религіи можетъ преодолѣть справедливость»²⁾.

Св. Синодъ выразилъ сомнѣніе въ учрежденіи Коммисіи, считая обѣщаніе оной одною отговоркою, тѣмъ болѣе, что учрежденіе коммисіи отлагалось до сейма, а «состоянія сеймовъ давно уже не бывало». Указавъ затѣмъ на слова Голембовскаго, что «и десять человѣкъ министровъ ничего въ томъ дѣлѣ поправить невозможно, развѣ ихъ представленія не нѣсколько тысячъ человѣкъ войска силу подадутъ», Св. Синодъ заявилъ, что входить въ дальнѣйшіе разсужденія объ этомъ съ Коллегіею чрезъ письменныя сношенія неудобно и что къ лучшей пользѣ того дѣла было бы необходимо имѣть съ вице-канцлеромъ общепersonальное разсужденіе о томъ въ Св. Синодѣ»³⁾.

Коллегія, въ своемъ отвѣтѣ отъ 3-го іюня, главнымъ образомъ занялась сдѣланнымъ ей намекомъ на подкрѣпленіе россій-

¹⁾ Тамъ же I, 420.

²⁾ Донесеніе коллегіи Св. Синоду 9-го Апрѣля 1744 г. Тамъ же I, 427

³⁾ Жур. Св. Синода 25-го мая 1744 г. Тамъ же II, 495.

скихъ настояній въ Польшѣ нѣсколькими тысячами войска и заявила, что подобное выраженіе Голембовскій предъ нѣкоторымъ временемъ употребилъ польскимъ сенаторамъ, но сдѣлалъ это «не осмотрясь, безъ указа, собою, не разсуждая вдаль, что такой поступокъ съ интересами Россійской Имперіи сходенъ быть не можетъ», что «съ російской стороны употребляются за благочестивыхъ только пристойныя рекомендаціи и заступленія добродѣтельнымъ образомъ, и иногда по усмотрѣнію конъюнктуръ и съ крѣпкими представленіями, однакожъ безъ всякихъ угрозъ войсками, что, кромѣ огорченія Поляковъ и вящаго побужденія ихъ къ противностямъ, никакой бы пользы принести не могло». Въмѣстѣ съ тѣмъ Коллегія увѣдомляя, что въ Польшѣ назначенъ ординарный сеймъ и что положено начаться оному въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ Михайлова дня, настаивала, чтобы, въ виду обѣщанныхъ совѣщаній о нашихъ дѣлахъ предъ сеймомъ или во время сейма, послать туда способнаго человѣка, который бы могъ подробно представить о всѣхъ претерпѣваемыхъ православными обидахъ. Приглашеніе вице-канцлера на совѣщаніе Коллегія приняла не охотно и заявила, что «для убѣжанія напраснаго разглашенія» лучше бы оному видѣться съ однимъ или двумя главными членами Св. Синода ¹⁾. Синодъ отвѣчалъ, что то дѣло общее, а не двухъ членовъ, и 24-го іюня предписалъ Коллегіи указомъ, «дабы г. вице-канцлеръ съ прочими той Коллегіи, кого заблаго-разсудитъ, членами, для общаго съ Св. Синодомъ разсужденія, были бѣ въ Св. Правительствующій Синодъ сего іюня 25-го дня». Конференція въ назначенный день не состоялась.

23-го іюля Св. Синодъ возобновилъ свое настояніе объ отрѣшеніи російскихъ министровъ въ Польшѣ и замѣнѣ ихъ другими лицами. Указавъ на то, что православные постоянно утѣсняются разными обидами, а между тѣмъ польскіе магнаты и министры отзываются, что они о жалобахъ православныхъ ничего не знаютъ, и признавая не надежнымъ, чтобы графъ Кейзер-

¹⁾ Тамъ же II, 507.

лингъ лютеранской и Голембовскій папезжской вѣры со всеусерднейшею ревностію церковь нашу и въ ней гонимыхъ защищали, да и гонимымъ у таковыхъ противовѣрныхъ защищеніе просить небезъ прискорбности есть, — Св. Синодъ всеподданнѣйшимъ докладомъ просилъ Императрицу: означенныхъ министровъ, ради выше представленныхъ объ нихъ сумнительствъ, отъ означенныхъ до церкви нашей принадлежащихъ дѣлъ отрѣшить и опредѣлить бы къ такому дѣлу кого достойнаго изъ россійскихъ искуснаго и знающаго человека». Съ своей стороны Синодъ рекомендовалъ графа Михаила Петровича Бестужева-Рюмина, «довольно въ Польшѣ на резиденціи бывшаго и тамошняго поведенія знающаго»¹⁾.

Наконецъ 25-го августа состоялась конференція Св. Синода съ Иностранною коллегіею. На конференціи разсуждали о предстоящемъ сеймѣ и чего надлежитъ домогаться на ономъ въ пользу православной вѣры и православныхъ обитателей края²⁾. Въ тоже время положено было: находящемуся въ Варшавѣ іеромонаху Коховскому быть при посланникѣ Бестужевѣ, принимать жалобы отъ всѣхъ православныхъ и разсматривая представлять посланнику, донося о томъ по духовному начальству. Въ предполагавав-

¹⁾ Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, (род. 1688 г.) старшій братъ канцлера, находился въ Польшѣ чрезвычайнымъ посланникомъ съ 24-го мая 1726 по 8-е окт. 1730 г. Послѣ того былъ въ Берлинѣ, Стокгольмѣ; въ концѣ 1741 г. снова на короткое время былъ въ Варшавѣ, одновременно съ Кейзерлингомъ; въ февралѣ 1744 г. опредѣленъ посланникомъ въ Берлинъ, откуда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ переимѣненъ снова въ Польшу. Баян.-Кам. Словарь достоп. людей, I, стр. 153—162. Москва 1836.

²⁾ На конференціи читаны были экстракты проэктированныхъ со стороны Св. Синода требованій. По мнѣнію Синода слѣдовало домогаться: 1) возвращенія православныхъ епархій—Львовской, Перемышльской и Луцкой; 2) возвращенія церквей и монастырей, отнятыхъ послѣ 1686 года; 3) о изданіи постановленія отъ сейма на дѣлающихъ обиду и насильства церквамъ; 4) о наказаніи людей, неказывающихъ должной справедливости по жалобамъ; 5) о не принужденіи православныхъ къ уни и безпрепятственному построению и возобновленіи церквей; 6) о не отбираниіи церквей на унию по одноличной склонности духовныхъ; 7) объ испрошеніи у короля привилегіи Бѣлорусскому епископу Волчанскому безъ представленія на сеймъ, гдѣ тому быть не надлежитъ; 8) о вспомоствованіи посланнику въ разборѣ обидъ, дѣлаемыхъ православнымъ; 9) о изысканіи со стороны Коллегіи и. д. способовъ къ защищенію мирнаго трактата, буде никакое старательство не поможетъ. (Тамъ же II. 621—627).

шуюся комиссію назначень съ духовной стороны Слуцкій архимандритъ Оранскій, «яко онъ о многихъ показанныхъ съ Польской стороны ругательствахъ и безчеловѣчіяхъ ихъ укорять можетъ ¹⁾». Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ Синодъ сдѣлалъ уступку Коллегіи, не видя, съ своей стороны, пользы отъ Комиссіи и полагая, что всѣ тѣ дѣла нужно будетъ отдать въ полное разсужденіе посланнику.

Соглашеніе о Комиссіи состоялось на томъ, чтобы «домогаться учрежденія оной не для разобранія принесенныхъ толь не единократно жалобъ, (ибо ниже въ сумнительствѣ оныхъ что либо допускать съ польской стороны сходно), но для наказанія тѣхъ суетвѣрниковъ и своевольниковъ, кои о томъ случай подали, и для возвращенія взятаго у обидимыхъ». Коллегія, съ своей стороны, полагала испросить конституцію на сеймѣ, которая бы, подтверждая всѣ прежнія вольности и привилегіи греко-россійскаго исповѣданія, дала королю власть всѣ жалобы, на будущее время, удовлетворять не откладывая вновь до сейма. Сообщаемыя по сему предмету предположенія свои Коллегія рекомендовала къ строгому секрету, «тѣмъ наипаче, что такъ откровеннымъ образомъ посторонней коронованной главѣ собственныя ея преимущества и права толковать не иначе, но въ крайней конфиденціи можно».

Коллегія полагала, что для исполненія всѣхъ этихъ предположеній «нѣтъ способнѣйшаго времени, какъ нынѣ вскорѣ быть имѣющей сеймъ. Что же касается до способовъ, какіе можно употребить въ случаѣ безуспѣшности нашихъ домогательствъ, то разсужденіе, о дальнѣйшихъ мѣрахъ — писала Коллегія — въ единственномъ ея и. в. высочайшемъ соизволеніи состоитъ ²⁾. Св. Синодъ, съ своей стороны, возлагалъ надежду на графа Бестужева, «яко на истиннаго церкви святыя сына», и ожидалъ отъ его дѣйствій на предстоящемъ сеймѣ полнаго успѣха ³⁾.

¹⁾ Тамъ же II, 637.

²⁾ Тамъ же II, 653.

³⁾ Тамъ же II, 663.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

Слупскій архимандритъ Оранскій просилъ уволить его отъ комисіи, отзываясь тѣмъ, что ему своихъ монастырей поручить некому и что это назначеніе его еще болѣе увеличитъ озлобленіе противъ него Поляковъ. Но Св. Синодъ не уволилъ его и только придалъ ему въ помощь бывшаго Дятловницкаго игумена, жившаго въ Киевопечерскомъ монастырѣ, іеромонаха Гедеона Оньшкевича ¹⁾).

Наступилъ и прошелъ Гродненскій сеймъ, и 5-го декабря Коллегія доносила Синоду, что російскіе министры съ ревностію старались объ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія и «королевско-польскій дворъ наисильнѣйшія въ томъ обнадеживанія подавалъ и сперва при началіи сейма надежда къ тому являлась; но при продолженіи тамошнихъ посольскихъ совѣтовъ не точію видно было, что ничего не воспослѣдуетъ, но и наконецъ въ самомъ дѣлѣ оказалось, что оный въ Гроднѣ сеймъ по разнымъ проискамъ и по всегдашнему Поляковъ межъ собою несогласію безъ всякаго и для нихъ Поляковъ постановленія и заключенія, по прошествіи предопредѣленнаго шестинедѣльнаго срока, втунѣ пустыми спорами безъ разрыву самъ собою исчезъ». Но послѣ тамъ же въ Гроднѣ держанъ былъ сенатусъ-консиліумъ, на которомъ положено было продолжать начатія съ графомъ Бестужевымъ конференціи и о жалобахъ единовѣрныхъ учредить Коммисію ²⁾).

Учрежденіе комисіи не могло быть пріятно Полякамъ, и потому примасъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы затянуть дѣло, такъ что королю только наканунѣ отъѣзда его изъ Польши представленъ былъ къ подписанію рескриптъ. — Въ составъ комисіи назначены были два епископа, Плоцкій Дембовскій и Перемышльскій Сѣраковскій, три воеводы — Русскій, Померанскій и Лифляндскій, три кастеляна: Бѣльскій, Черскій и Брестскій, коронный секретарь, коронный рефрендарь и коадьюторъ Виленскій,

¹⁾ Тамъ же II, 715.

²⁾ Тамъ же II, 727.

надворный и коронный подскорбій и регентъ малой Литовской канцеляріи — всего 12 человекъ.

Въ 1745 г. 26-го янв. Сильвестръ доносилъ: «коммисія для разсмотрѣнія обидъ, намъ и благочестію православному учиненныхъ, уже назначена, а когда начнется—еще вѣдать не можно. По мнѣнію своему разсуждаю, что ждать того надобно нѣсколько лѣтъ и изъ того ничего не будетъ». «Коммисары у нихъ изъ знатныхъ лицъ назначены... А съ нашей стороны невѣдаю, кто бы имѣлъ быть. Ежели правда, что о. архимандритъ Слуцкій, Іосифъ Оранскій, куда и меня Св. Синодъ приобщаетъ, чему быть не можно, понеже будемъ мы предъ ними стоять, какъ слуги и челобитчики: но надлежало бы заграничныхъ съ нашей стороны прислать знатныхъ епископовъ или архіепископовъ двухъ, да свѣтскихъ человекъ три годныхъ и знающихъ юриспруденцію. О. Іосифъ Оранскій годенъ былъ бы къ таковой должности, но часто боленъ бываетъ, ибо недѣли съ двѣ тому назадъ, какъ онъ былъ здѣсь въ Варшавѣ по призыву графа Бестужева на оную коммисію, и заболѣвъ лежалъ у меня цѣлую недѣлю и отѣхалъ въ свой монастырь въ Слуцкъ въ отдаленіи отсюда въ осьмидесяти миляхъ; а мнѣ весьма надобно отказать отъ сей коммисіи, понеже не умѣю языка латинскаго и отнюдь я не способенъ. Прилагаю копію съ рескрипта королевскаго. Изъ него свободно усмотрить Св. Синодъ, что въ содержаніи онаго малая намъ имѣется надежда, понеже фундаціи не можемъ показать. Гдѣ монастыри и церкви мірскія на унію силою отняты, тамъ и архивъ остался, и свидѣтелей не можно ставить, ибо никто свидѣтелемъ не станеть, опасаясь отъ господъ своихъ за то наказанія»¹⁾).

Архимандритъ Оранскій писалъ также: «скудоумію моему мнится, что будущая коммисія весьма худую общаетъ пользѣ нашей надежду. Самыхъ главнѣйшихъ гонителей и обидителей римлянъ ниже упомянуто, уніатовъ токмо и насъ изображено; а рим-

¹⁾ Тамъ же II, 749.

лянь, чрезъ многія лѣта вѣры ради въ крови благочестивой руки умывающихъ, церкви насильно на унию превращающихъ, чистыми учинено. Уніаты точію инструменты, а римляне дѣйствительные обидители и разорители суть благочестія. Ктому же въ противниковъ власть отдано погодное время и удобное мѣсто для комисіи избирать: а наша сторона, яко овца на заколеніе поведется. Уніаты разбѣглися по трибуналахъ, королевскихъ метрикахъ, градахъ, проискуючи противъ насъ доводовъ, и сыщутъ, хотя и новописанные: отъ нашей же стороны вси спятъ, и хотя бы не спали и вѣдали гдѣ имѣются документы, но ничто же успѣютъ, ибо или до книгъ не допустятъ, или деньги отобравши покажутъ—искали, но нѣтъ въ здѣшнихъ книгахъ. Уніаты и ихъ единомысленники, какъ на генеральную баталію приготавлиаясь, повсѣхъ сенаторахъ бѣгають, просячи помощи и защищенія: мы же къ кому здѣсь прибѣгнемъ? Отъ ихъ стороны такъ великіе и сильныя господа на комисію назначены, которые при себѣ имѣютъ весьма сильныхъ въ приказномъ дѣлѣ капеллановъ іезуитовъ и юристовъ многихъ: отъ нашей же никого нѣтъ; какъ похотятъ противники, такъ и укоммиссаруютъ. А отъ нашей бы стороны мірскихъ знатныхъ персонъ хотя бы троихъ весьма надобно; ибо ежели не будутъ, то комисія никакой пользы не принесетъ. Ругатися и отрицати горѣ стануть, и будутъ послѣдняя горшая первыхъ. Прежде времени уже нѣкоторые противники отзываются, сказуя: будутъ де они до страшнаго суда испрошенную памятствовать комисію»¹⁾.

Опасенія и предсказанія Коховскаго подтвердились. Отсутствія короля было достаточно, чтобы затянуть дѣло и не открывать комисіи до его прибытія. «Всѣ такія—писалъ Бестужевъ—въ дѣлѣ должной единовѣрнымъ сатисфакціи и утѣшеніяхъ безпрестанно чинимыя новыя затрудненія и отлагательства довольно показываютъ, коль мало Поляки склонны въ томъ удовольственную дать сатисфакцію, и что по причинѣ примасовой и прочихъ

¹⁾ Тамъ же II, 838.

епископовъ о религіи своей великой ревности, а особливо же отъ езуитовъ, яко наиглавнѣйшихъ гонителей, ничего добраго ожидать не можно. Однакоже нынѣ уже по тѣхъ поръ терпѣніе имѣть должно, пока комиссія дѣйствительно начнется и будетъ ли оная какой добрый успѣхъ имѣть; а ежели и тогда никакая сатисфакція не воспослѣдуетъ, то уже въ такомъ случаѣ высочайшему ея и. в. разсмотрѣнію остается, какія инія мѣры предвоспріять»¹⁾).

Снова пошли обиды православнымъ и снова начались жалобы.

Въ 1745 г. Іеронимъ представилъ жалобу Кричевскаго протопопа Михаила Волги на гоненіе отъ ксендза плебана Кричевскаго, Регинальда Илича (или Ильинича), съ копіями хулительныхъ писемъ отъ плебана къ протопопу и къ нему Волчанскому.

Какъ нагло относились Поляки латиняне къ русскимъ священникамъ и даже къ русскому епископу, можно судить по этимъ письмамъ Илича къ Волгѣ. «Провозвѣстникъ антихристовъ и пріятель его! Слушай, гдѣ ты читалъ, дабы кто долженъ былъ обиды своей отыскивать воровскимъ способомъ, какъ ты учинилъ. Правда то, что у мужиковъ сей обычай хранится разбойническій, воровскій, которому ты послѣдовалъ. Только знай, что за это бываетъ нѣкоторая казнь ворами: тоже будетъ и твоимъ послушникамъ. Доброй совѣсти тебѣ желаю». Изъ другаго письма къ нему же: «Отче попе! Вѣдаетъ ваша милость, что я съ вашею милостию дружества и обхожденія никакого ближняго, какъ съ отщепенцемъ, не имѣлъ, и о святомъ Антоніи еретикѣ и схизматикѣ и рѣчь ласкательная никогда мнѣ не видится быть пріятна, какъ о непріятелѣ Христовѣ и предвозвѣстникѣ антихристовѣ. Но ежели надлежитъ что вашей милости, то слушай ты отщепенецъ, знай, что ты надъ собою увидишь, о чемъ тебѣ и во снѣ никогда не снилось. Помни себѣ, что ты не къ попу такъ дерзновенно пишешь».

Не останавливаясь на полдорогѣ, Иличъ рѣшился овладѣть всѣми православными церквами въ Кричевѣ и въ Кричевской

¹⁾ Тамъ же II, 354.

протопопѣ. Для этого, «выбравши изъ метрическихъ книгъ великаго княжества Литовскаго старыя привилегіи русскихъ церквей, онъ приписалъ въ нихъ новыя придачи, акибы они имѣли бытъ отъ основанія своего уніатскими». Съ помощію такихъ фальшивыхъ документовъ, онъ выпросилъ у короля привилегію на русскія церкви, и по прибытіи изъ Дрездена началъ свое апостольство тѣмъ, что запечаталъ всѣ церкви въ Кричевѣ; потомъ въ полночь напалъ на нихъ съ компанією сообщниковъ, какъ непріятель, выломалъ двери и приставилъ къ нимъ уніатскихъ поповъ, прогнавъ изъ нихъ разными боями православныхъ. Секретарь посольства, Ржичевскій писалъ объ этомъ князю Чарторыйскому, подканцлеру литовскому, указывая на незаконность выданной Илличу привилегіи и прося защитить православныхъ отъ его насильствъ. «Привилегія дана ему такъ властно, какъ бѣшеному челоуѣку мечъ въ руки, которымъ онъ надъ греко-неуіатами воюеть, и ругаясь ихъ вѣрою священниковъ публично на улицѣ бьетъ и увѣчить, и въ такой страхъ и ужасъ привелъ народъ, цѣлыя приходы къ принятію уніи принуждаетъ. Сія весьма хитрая выдумка происходитъ не отъ простаго челоуѣка къ искорененію греко-россійской религіи, ибо народъ, видя что такія привилегіи или конфирмаціи отъ министерства печатью укрѣплены, а князь-примасъ своими рекомендательными письмами оныя подкрѣпилъ, князь-староста съ своей стороны отказалъ въ протекціи просителямъ греко-россійской вѣры, приведенъ въ такое состояніе, что принужденъ, дабы не лишиться имущества, хотя по виду принять уніатскую вѣру». Но Чарторыйскій держалъ сторону Иллича ¹⁾.

¹⁾ Князь Чарторыйскій писалъ къ Ржичевскому отъ 25 февраля (6) марта 1752 года: «ксендзь Илличъ, плебанъ Кричевскій, никакого новаго права на Кричевскія церкви не получилъ, но токмо подтвержденіе давныхъ привилегій, которыхъ онъ либо самыя оригиналы, либо подлинныя экстракты изъ протоколовъ предъявилъ. Но ежели онъ въ ревности своей мѣру превосходитъ, то я какъ прежде къ бискупу Виленскому уже писалъ, такъ и нынѣ еще пишу, чтобы онъ такіе Иллича чрезвычайныя поступки и мнимую его въ томъ ревность сократить». Ржичевскій отвѣчалъ на это отъ 28 февр. (10) мар.: «я упо-

Въ самой каедрѣ преосвященный Іеронимъ терпѣлъ постоянныя оскорбленія отъ униатовъ и римлянъ. Въ Могилевѣ былъ плебанъ Казимиръ Волчокъ и жилъ около 30 лѣтъ въ мирѣ и согласіи съ благочестивыми мѣщанами Могилевскими и епископами Бѣлорусскими. Но переведенный на его мѣсто изъ Орши въ 1745 г. Симонъ Грыневичъ началъ непрестанно вымышлять на благочестивыхъ разныя нападки. «Хочу, говорилъ онъ, быть вторымъ Іосафатомъ. Я на то и опредѣленъ здѣсь и не престану, пока Могилевъ Витебскомъ не сдѣлаю и на унию не превращу».

«Плебанъ Могилевскій, писалъ Іеронимъ, непрестанно вымышляетъ и провозноситъ на меня и на весь народъ православный Могилевскій разныя въ свѣтѣ неслыханныя пореченія, напасти и пасквили, и оныя повсюду прописуетъ: манифесты, протестаціи въ книги градскія и трибунальскія позаписалъ и экстракты изъ оныхъ повывомалъ и публикуетъ, хотя всеконечно послѣднія вотчины архіерейскія разграбить».

Въ г. Борисовѣ неустанно преслѣдовалъ православныхъ староста князь Огинскій. Съ 1720 г. не допуская ни малѣйшей починки церкви и монастыря, онъ принуждалъ православныхъ неисповѣдимыми тяжестями и платежами къ униіи и многихъ принудилъ. Въ 1741 году, при смерти своей, онъ передалъ староство сыну своему Игнатію Огинскому, надворному маршалку великаго княжества Литовскаго, который не уступалъ отцу въ ревности къ вѣрѣ палезской и въ гоненіи православныхъ¹⁾. Преосвященный Іеронимъ послалъ къ нему два письма, прося милости для

ваю, что все, что только отъ него (Иллича) ни дѣлается въ Кричевѣ, чинится съ вѣдома самаго его бискупа Виленскаго; а потому хотя бы и до истязанія пришло, то ваше сіятельство вѣдаете и сами, какиимъ образомъ они духовныхъ своихъ наказываютъ, что развѣ бы только лисьимъ хвостомъ оному священнику погрозили, да и то издалека». Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. I, стр. 313.

¹⁾ Въ 1749 г. стронтель Борисовскаго монастыря Іоаннъ Тудоровичъ на присланныя изъ Москвы деньги купилъ было лѣсу для починки монастыря, но Огинскій сказалъ ему: «ежели ты, попе, сіе учинишь дерзнешь, то я съ оного жъ лѣсу висѣлицу тебѣ самому сдѣлать прикажу. Историч. Извѣстіе объ униіи. Бант-Кам. стр. 329.

благочестивыхъ, но не получилъ отвѣта. Послѣ того, по заявленію его, обратился къ Огинскому Голембовскій, и получилъ отвѣтъ въ высшей степени дерзкій и оскорбительный для преосвященнаго Іеронима. Огинскій укорялъ Голембовскаго въ неразумительности, съ какою онъ поддается сказкамъ Волчанскаго, а Іеронима называлъ строптивымъ пастыремъ, который уклонился отъ пути своихъ предшественниковъ, умѣвшихъ наблюдать умѣренность и спокойствіе, и стѣдить того, чтобы лишить его сана. «Они требуютъ, писалъ Іеронимъ, такой умѣренности и спокойности, чтобы я ничего не говорилъ, ниже писалъ, ожидая окончанія благочестія святаго, а просто сказать, чтобы я только бездѣльнымъ пастыремъ здѣсь былъ. Огинскіе всѣ, паче другихъ господъ, большіе здѣсь гонители на благочестіе»¹⁾).

Положеніе православныхъ съ каждымъ днемъ становилось хуже и печальнѣе. Амвросій Юшкевичъ умеръ 17-го мая 1745 г. Со смертію его не стало сильнаго голоса за угнѣтаемыхъ православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ. Случай съ Виленскимъ Старшимъ Богдановичемъ, «смѣло говорившимъ предъ Виленскимъ епископомъ» и по донесенію Голембовскаго получившимъ выговоръ, со внушеніемъ всему зарубежному духовенству, чтобы поступало «съ подобающею учтивостію»²⁾, показалъ, чего слѣдуетъ далѣе ожидать тамошнему духовенству. «Сію хитрость — писалъ по поводу этого внушенія Бѣлорусскій епископъ въ донесеніи Св. Синоду отъ 25-го ноября 1745 г. — всѣ римляне, бискупы, ксендзы и господа у любимыхъ друзей своихъ жидовъ приняли — на обиднаго отъ нихъ еще жаловаться и клеветать и такимъ образомъ покрывая свою не правду обыкли извиняться. И сіе весьма трудно, чтобы обидимые православные отъ соперниковъ своихъ надлежащую сатисфакцію въ обидахъ своихъ когда получить могли, которые единодушно во всѣхъ судахъ своихъ вмѣсто сатисфакціи публично ихъ ругаютъ, называютъ еретиками, схизматиками

¹⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260 т. III, стр. 428—531.

²⁾ Опред. Св. Синода 18-го сент. 1745 г. Тамъ же II, 969.

и отступниками и прочая, и на тое отъ папы вознагражденіе, индульгенцію простительную всѣхъ грѣховъ своихъ, имѣютъ. А буде же кто изъ римлянъ совѣстный защищать православныхъ будетъ, то вси онаго отступникомъ, еретикомъ называютъ. «Если — писалъ онъ — не воспослѣдуетъ отъ вашего святѣйшества скорое и сильное воспященіе онымъ отъ того злонамѣреннаго ихъ дѣла, то конечно здѣ благочестія не будетъ. Отъ всероссійскихъ министровъ, резидента Голембовскаго и полномочнаго посла Бестужева-Рюмина, никакое защищеніе благочестію святому не происходитъ» ¹⁾).

Коллегія обидѣлась столь сильнымъ заявленіемъ Волчанскаго. «Такое его, преосвященнаго епископа, генеральное на оныхъ доношеніе къ немалому удивленію служитъ; ибо ему надлежало о такомъ небезважномъ дѣлѣ обстоятельно изобразить, кому именно изъ благочестивыхъ и въ чемъ отъ оныхъ защищенія или заступленія не показано, дабы потомъ отъ нихъ, яко акредитованныхъ при Польскомъ дворѣ министровъ, надлежащія изъясненія взяты быть могли... Съ польской стороны — прибавляла Коллегія — по инымъ жалобамъ не безъ резона отвѣтствуютъ, что тамошніе благочестивые, яко польскіе подданные, къ надлежащимъ своимъ судамъ не приходятъ и, прямому пути въ томъ не слѣдуя, съ своими жалобами въ Россію адресуются; а на иныхъ, и на самихъ благочестивыхъ, о невоздержныхъ ихъ и непорядочныхъ поступкахъ и излишней пыхѣ или неумѣренности предъявляютъ, еже и въ присланныхъ въ Св. Синодъ отъ преосвященнаго епископа Бѣлорусскаго жалобахъ отчасти нѣчто усматривается». По поводу этихъ прерѣканій, Коллегія возобновила свое настояніе, чтобы Св. Синодъ опредѣлилъ отъ себя въ Польшѣ и Литвѣ изъ духовныхъ достойную персону, съ потребнымъ кредитовомъ, который бы, яко комиссаръ, всѣ причиняемыя православнымъ обиды пререгагъ и свидѣтельствовалъ, и о томъ не токмо своевременно представлягъ министрамъ, но и самъ по та-

¹⁾ Тамъ же II, 997.

мошнимъ обыкновеніямъ приносили жалобы и требовали удовлетворенія ¹⁾).

Коллегія сообщила объ этихъ обвиненіяхъ Голембовскому. Голембовскій, въ пространной реляціи отъ 19-го апр. 1746 г., оправдывался самъ, завинялъ русскихъ и въ главѣ ихъ Бѣлорускаго епископа. «Неоспоримо, писалъ онъ, что иногда исповѣдникамъ греко-россійской вѣры, по нѣкоторымъ мѣстамъ и много обиды чинится: но къ сожалѣнію есть, что они того сами или желаютъ» (этого только не доставало) «или же свою не пристойною горделивостію и угрозами сами на себя вредъ навлекаютъ; а чтобъ они такимъ образомъ, какъ жалоба приносится и прибавкою распложается, гонимы и утѣсняемы были, то неправда, и комиссія покажетъ, коль неосновательны тѣ многія жалобы, которыми ваше и. в. нынѣ толь часто утруждаютъ»... «Епископъ Бѣлорусскій самъ въ своемъ доношеніи позабываетъ тотъ респектъ, которымъ онъ вашему и. в. долженствуетъ, когда онъ о римско-католической религіи и о той вѣрѣ, которую король, его государь, исповѣдуетъ, такими непристойными экспрессіями и такимъ образомъ отзывается, что ему зѣло трудно было бы того доказать. И ежелибъ такой епископъ, который разумомъ и умѣренностію своею другимъ въ примѣръ быть имѣетъ, сіе письменно учинилъ, то чего бы не сдѣлали его отцы и подчиненные духовные, которые иногда ничего больше не разумѣютъ, какъ только то, къ чему ихъ страсть своя приводитъ» ²⁾).

Голембовскій чувствовалъ свою побѣду, такъ какъ Коллегія не была крайне заинтересована диссидентскимъ вопросомъ, а вожди этого дѣла въ Россіи — Амвросій и Московскій архіепископъ Іосифъ Волчанскіе — умерли.

Коллегія, препровождая эту реляцію въ Св. Синодъ, просила потребовать отъ Бѣлорускаго епископа объясненія по оной и, о чемъ потребно, снабдить его по своему разсужденію на-

¹⁾ Тамъ же II, 1055.

²⁾ Тамъ же II, 1065.

ставленіемъ ¹⁾. Но Синодъ имѣлъ великодушіе не потребовать отъ Бѣлорусскаго епископа объясненій, какъ отъ подсудимаго.

Между тѣмъ готовился сеймъ. Коллегія наставляла на учрежденіи обѣщанной Коммисіи и Бестужевъ подавъ о томъ королю меморіалъ; но Св. Синодъ, въ виду прежнихъ заявленій Бѣлорусскаго епископа и донесеній Коховскаго и архимандрита Оранскаго, не соглашался на назначеніе Коммисіи, «отъ которой кромѣ дальняго продолженія никакой пользы быть отнюдъ не уповается», и требовалъ, чтобы министрамъ предписано было имѣть стараніе объ удовлетвореніи православныхъ на основаніи пунктовъ, постановленныхъ въ 1744 г. на конференціи Синода съ иностранною Коллегією ²⁾.

Въ половинѣ сейма Бестужевъ писалъ къ Бѣлорусскому епископу и Слуцкому архимандриту, прося ихъ самихъ пріѣхать въ Варшаву на сеймъ. «Ибо я и о тѣхъ жалобахъ, которыя мнѣ донесены, иначе представить не могъ, какъ токмо, что я оныя отъ васъ получилъ; и за то еще болѣе гнѣваются, въ такомъ мнѣніи находясь, что вы тѣмъ изъ должнаго его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой подданчества себя свободить искали, понеже не сами, но чрезъ Россійскихъ министровъ о своихъ желаніяхъ доносите и сатисфакціи домогаетея, что не къ дѣлосостоянію вашему, но къ большому отъ времени до времени неудовольствію поводъ подаетъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось бы и о семъ доказывать, гдѣ бы вамъ по первому вашему представленію справедливость отказана была. По крайней мѣрѣ, когда бы вы сами здѣсь присутствовали, то лучше можно бы о всемъ подумать и на взаимныя ихъ предложенія обстоятельнѣе отвѣтствовать, какъ въ томъ и другіе Рѣчи Посполитой обыватели поступаютъ, кои здѣсь не малымъ числомъ свои интересы производятъ: а отъ васъ въ толь знатныхъ обѣдахъ никто и до сего времени еще не бывалъ, который бы съ вашей стороны къ королю или министрамъ въ томъ отозваться могъ». Сообщая Волчанскому копію съ подан-

¹⁾ Тамъ же II, 1063.

²⁾ Опред. Св. Синода 17-го ноября 1746 г. 16—II. 1117.

наго королю меморіала, Бэстужевъ писалъ: «желаю не токмо вашего преосвященства, но всей религій интересы подвинуть; однакожь и въ томъ, когда до дѣла дойдетъ, то необходимо надобно будетъ, чтобъ кто при тѣхъ жалобахъ, на которыхъ моя претензія основана, въ доказательствѣ былъ, ибо я токмо какъ чужестранный министръ ходатайственнымъ образомъ оныя поспѣшествую и о доставленіи справедливости вспоможеніе чиню, изъясненія же тѣхъ партикулярныхъ предложеній никоимъ образомъ угадать не могу» ¹⁾).

Волчанскій отозвался, что ему ѣхать не на что, «ибо изъ епархіи не доходы, но слезы получаю»; и не безопасно: «что я тамо одинъ учинить могу въ дѣлѣ всѣхъ отъ давнѣйшихъ временъ чинимыхъ религій утѣсненій, не имѣя въ томъ какъ дѣйствительнаго голоса, такъ и отъ Святѣйшаго Синода позволенія, безъ котораго я на такія публики никоимъ образомъ отважиться не могу; ибо кто о томъ вѣдать можетъ, что вмѣсто сатисфакціи воспогѣдуетъ». При томъ же «все основаніе единственно на томъ зависитъ, дабы греко-россійская религія, по силѣ публичныхъ съ Россійскою Монархією, а не съ одною Бѣлорусскою епископією, заключенныхъ трактатовъ, въ полномъ и цѣломъ отпращиваніи въ Польскихъ государствахъ вѣчно ненарушимо пребывала; и потому сей интересъ — всей Россіи, и произвожденіе онаго отъ васъ, яко отъ полномочныхъ ея и. в. министровъ, зависитъ, понеже, ежели оная генерально при всѣхъ древнихъ своихъ правахъ и вольностяхъ содержана будетъ, то и мы здѣсь въ покоѣ останемся». — Слуцкій архимандритъ не пріѣхалъ по нездоровью: «послѣ тяжелой горячки едва сталъ въ себя приходитъ и какъ малый ребенокъ ходить учиться началъ». — «Всѣ другихъ вѣръ исповѣдники — писалъ по этому поводу Голембовскій — во время сейма свой интересъ защищать стараются: здѣшніе же греко-россіяне одни, при всѣхъ ихъ утѣсненіяхъ, когда король и чины республики вмѣстѣ, да и время настощъ, въ которое ихъ жалобы

¹⁾ Тамъ же III, 4.

поправлены быть могли бы, совсѣмъ молчать, яко же и ни одной живой души ихъ здѣсь не появится»¹⁾.

Но и варшавскій сеймъ (окончившійся 3 ноября 1746 г.), «за несогласіемъ по нѣкоторымъ дѣламъ сеймовыхъ пословъ, до состоянія не пришелъ и разошелся бесплодно, какъ и прошлый сеймъ въ Гроднѣ». Король уѣхалъ въ Саксонію и всѣ дѣла остались на прежнемъ основаніи.

Доноса объ этомъ Императрицѣ, Голембовскій завинялъ духовенство, что «никто на сеймъ не приѣхалъ, кого бы, какъ самолично челобитчика, королю и министрамъ съ ихъ жалобами представить можно. Дѣло о вѣрѣ тотчасъ въ самомъ началѣ можно было бъ привести въ вящее движеніе: ибо хотя никакой конституціи, при несостоятельности сейма, къ возобновенію и охраненію ихъ правъ установить было не можно, однакожъ можно бы исходатайствовать въ ихъ пользу разныя статьи, ежели бъ изъ нихъ кто присутствовалъ и могъ, по требованію обстоятельствъ, представить нужныя изъясненія, тѣмъ болѣе, что съ униатской стороны бываетъ на сеймѣ много епископовъ и въ этотъ разъ было 4 епископа, разные архимандриты и игумены, которые всячески стараются опровергнуть приносимыя на нихъ съ нашей стороны жалобы. А министры, которые и безъ того о томъ досадуютъ, что русскійско-греческіе чины не къ королю и не къ нимъ, но прямо къ Русскому правительству адресуются, таковыми обстоятельствами пользуясь, равномерно оное дѣло вдаль отложить ищутъ». Вслѣдствіе этого Голембовскій просилъ, «чтобъ впредь, хотябъ ординарный или чрезвычайный сеймъ воспослѣдовалъ, по меньшей мѣрѣ двое искусныхъ, свои, да и польскія земскія права свѣдущихъ духовныхъ, сюда съ такими жалобами за-благовременно приѣзжали»²⁾.

Старанія и домогательства Бестужева имѣли одинъ результатъ, что король повелѣлъ возобновить *Коммисію*, назначенную

¹⁾ Тамъ же III, 92.

²⁾ Тамъ же III, 12.

въ Гроднѣ въ 1744 г., приказавъ начать оную при бытности его въ Варшавѣ, а потомъ перенести въ Литву, хотя въ Минскѣ, ежелибъ это оказалось необходимымъ.

Уже подписанъ былъ рескриптъ Коммисіи, какъ предсѣдатель и прочіе духовные члены оной отказались отъ коммисіи изъ за слѣдующаго, находившагося въ рескриптѣ, повелѣнія: «ежели гдѣ по слѣдствію доказано будетъ, что нѣкоторыя не униатскія церкви насильно отняты, то оныя по прежнему возвратитъ имъ». Но это затрудненіе устранено было по взаимному соглашенію между нашими министрами и комиссарами такимъ предложеніемъ, что король самъ имѣетъ возвратитъ тѣ церкви, по учиненіи сперва слѣдствія и по взятіи отъ коммисіи доношенія. Бестужевъ тѣмъ охотнѣе согласился на эту поправку, что «у короля въ дѣлѣ обратной отдачи отнятыхъ церквей скорѣе успѣхъ получить можно, нежели когда бъ это предоставлено было самой коммисіи, гдѣ примасть регни безъ сомнѣнія интриги производить и исполненію коммиссіонныхъ указовъ легко подъ всякими внушеніями препятствовать могъ бы». О предсѣдателѣ коммисіи, Плоцкомъ бискупѣ Дембовскомъ, Бестужевъ отзывался, что «онъ человекъ честный, совѣстный и любящій справедливость» ¹⁾).

Въ составъ Коммисіи съ польской стороны назначены королемъ большею частію тѣ же лица, которыя опредѣлены были въ 1744 году. Со стороны православныхъ также остались назначенные въ 1744 году: архимандритъ Іосифъ Оранскій, Дятловицкій игуменъ Гедеонъ Онышкевичъ и іеромонахъ Сильвестръ Коховскій ²⁾). Графъ Бестужевъ просилъ, чтобы Онышкевичу поручено было сопровождать инквизицію

¹⁾ Тамъ же III, 26—98.

²⁾ Ксховскій присылалъ въ Синодъ и въ Иностр. коллегію просьбу за просьбой дать ему хотя какое нибудь денежное пособіе, такъ какъ, живя въ Варшавѣ и занимая при томъ оффиціальное положеніе, онъ принимаетъ у себя всѣхъ пріѣзжающихъ туда по дѣламъ духовнымъ. «Едвазь — писалъ онъ 6 декабря 1746 г. въ Св. Синодъ — въ такое отчаяніе не приду, что все бросаю поиду въ свѣтъ, куда глаза меня повесутъ, понеже вы ни уволить меня, ни повышенія жалованья поправить нехотите». Тамъ же III, 53.

во всѣхъ монастыряхъ и приходахъ Бѣлоруссіи: «ибо по монастырямъ и церквамъ здѣсь такіе простые люди находятся, что хотя бы и правое дѣло имѣли, то права своего содержать не умѣютъ».

Коммисія, сдѣлавъ при бытности короля первое засѣданіе, полагала собраться въ апрѣлѣ 1747 года, но по просьбѣ Слупскаго архимандрита Оранскаго отложена до 6 ноября, чтобы имѣть время всѣ обиды православнымъ собрать на письмѣ. Коммисія разослала свои универсалы во всѣ мѣста Короны и в. к. Литовскаго, приглашая всѣхъ обиженныхъ приготовиться сдѣлать позывы къ защищенію своихъ правъ и приказавъ публиковать объ этомъ всенародно въ церквахъ на амвонахъ.

Министры доносили, что польское правительство сдѣлало все, что могло сдѣлать для успокоенія православныхъ и надѣялись, со вступленіемъ Коммисіи въ дѣйствіе, прекращенія всѣхъ неприятностей, если только само духовенство отнесется къ дѣлу разумно и не упуститъ представившагося случая къ упроченію своего положенія.

Препровождая въ министерство королевскій рескриптъ и универсалъ Коммисіи, Голембовскій писалъ: «Св. Синодъ обстоятельно усмотрѣть можетъ, коль далеко уже дѣло произведено, и что не токмо всѣ дальнія гоненія чрезъ сіе уничтожены быть имѣютъ, но и исканная сатисфакція за учиненныя обиды безъ сомнѣнія получитя, когда здѣшнія грекороссійскія духовныя и свѣтскія собратства то несогласіе, которое между ними самими донинѣ вредительно продолжается, на сторону отложить и совокупно въ согласіи и откровенности къ произведенію съ серіозностію ихъ дѣлъ способствовать не оставятъ» ¹⁾.

Но православныя духовныя власти отнеслись къ Коммисіи недоувѣрчиво и несочувственно. Оранскій и Коховскій открыто порочили Коммисію. Голембовскій жаловался, что они выставляютъ только претензіи, не заявляя во время своихъ желаній, что какъ

¹⁾ Тамъ же III, 58.

инструкція многократно была перемѣняема, такъ тѣмъ легче можно бы перемѣнить комиссаровъ и назначить другихъ, кого бы они взять пожелали, ибо нынѣ назначенные комиссары сами собою просили отъ сей комиссіи удалиться. Такими непостоянными и всегда перемѣнными жалобами и отговорками толь иначе конфузія причиняется, понеже осязательно оказывается, что сіи помянутыя двѣ духовныя персоны властно какъ всякую готовность на сторону откладываютъ, не помышляя о томъ, что они по ихъ прошеніямъ и жалобамъ правосудіе и удовольствіе получить могутъ и что они только всегда, да и нынѣ, самымъ несправедливѣйшимъ образомъ насъ обносятъ, хотя за нихъ все учинено, что только по человѣчеству возможно было»¹⁾.

«Королевскій комиссіонный рескриптъ, который Оранскій порочить — писалъ Голембовскій отъ 31 января 1747 г., — для исповѣдующихъ греко-россійскую вѣру такъ выгоденъ и такъ сильно сочиненъ, какъ того король, яко король Польскій, сильнѣе сдѣлать не могъ: ибо оный не токмо до греко-россіянъ и униатовъ, но и до римскихъ католиковъ, да еще безъ всякаго изъятія состоянія, чина и персонъ, простирается».

Бѣлорусскій епископъ Волчанскій, съ своей стороны, заявилъ, что онъ не только не ожидаетъ никакой пользы, напротивъ опасается крайняго вреда отъ этой Комиссіи. Волчанскій выставляя слѣдующіе резоны: 1) «что изъ россійскихъ министровъ никого на оную не опредѣлено, только всѣ съ Польской стороны, которые, сами суперники и суди, могутъ всѣ обиды наши вымышленнымъ ухищреніемъ своимъ не токмо поглумить, но еще и всѣ жалобы православныхъ въ противность поставить, какъ имъ сіе обыкновенно есть, какъ то недавніе на сіе два образца имѣются; 2) комиссія напечатала въ своихъ универсалахъ, дабы давнія королевскія привилегіи, фондуши о строеніи благочестивыхъ церквей, на унию отнятыхъ, и прочая достовѣрно для надлежащихъ доводовъ были представлены предъ судомъ комиссарскимъ.

¹⁾ Тамъ же III, 73.

Можно отсюда догадаться, въ какомъ намѣреніи комиссія требуетъ таковыхъ доводовъ; ибо она вѣдаетъ, что въ коронѣ Польской ни одна церковь обрѣтается благочестива, но вси уже на унию отъ немалого времени отняты съ епархіями, какъ то Перемышльскою, Львовскою, Галицкою и Луцкою; потому коронные обыватели никакихъ жалобъ и доводовъ представить не хотятъ, ниже сами на оной комисіи явиться могутъ, опасаясь, чтобы послѣ возвращенія къ вѣрѣ православной не возбудить противъ себя кроваваго преслѣдованія; 3) въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, при захватѣ церквей и монастырей на унию, захвачены и всѣ тѣхъ монастырей привилегіи, и потому показать ихъ на комисіи для доводу нельзя, такъ какъ они имѣются въ рукахъ униатовъ; 4) о нападеніяхъ на церкви и отнятіи грунтовъ и иныхъ ругательствахъ трудно поданнымъ на дѣдичныхъ господъ своихъ свидѣтельствовать, потому что это запрещено имъ военною угрозою; а теперь еще обучать ихъ сильнѣе показывать ко вреду православныхъ; 5) въ бытность въ Могилевѣ Іосифа Волчанскаго, Полоцскій униатскій оффиціалъ Ираклій Лисянскій объѣздилъ всѣ церкви Бѣлоруссіи, отнятыя въ разное время на унию, и какія нашель древнія фундушевыя записи, ставленныя грамоты, антимины отъ православныхъ архіереевъ освященные и православныя богослужебныя книги—все забралъ съ собою, дабы и память православія истребить, если бы случилось кому о томъ упомянуть; а униатскимъ попомъ по всей Бѣлоруссіи бороды побрилъ, и на головахъ волоса остригъ по римску, дабы и виду на нихъ грекороссійскаго закона не было; чаятельно, что и до присяги оныхъ принудилъ и росписки съ нихъ взялъ, дабы назадъ уже до благочестія не возвратилися; 6) во время непріятельской Шведской войны, въ Польшѣ многіе города, села и деревни, также церкви и монастыри благочестивые разграблены, а иные сожжены, какъ и городъ Могилевъ со всѣми церквами и катедрою въ то время отъ непріятели спаленъ и архивъ со всѣми документами сгорѣлъ; а уцѣлѣвшіе расхищены. Всѣ противники наши весьма радуются этой комисіи и прежде времени три-

умфують, говоря, что мы на большую бѣду себѣ выпросили эту комиссію, такъ какъ всѣ комиссары римскаго закона и должны за косціоломъ римскимъ потворствовать, а не за вами, и что мы-де большія противъ всѣхъ вашихъ обидъ поставитъ потрафимъ. Виленскій-де бискупъ всѣмъ ксендзамъ плебанамъ своей епархіи приказалъ противъ нашихъ обидъ большія обиды написать и въ комиссію представить. Мы-де и катедру и всѣ церкви Могилевскія теперь на унию отберемъ, понеже-де они прежде были униатскія; 1) 7) можно за времени [напередъ] чувствовать по такимъ намѣреніямъ, что комиссія благочестіе святое въ Польшѣ до конца истребить можетъ по представленію ложныхъ ихъ навѣтовъ, какъ они давно уже умышляютъ это и написали много ругательныхъ книгъ противъ нашей церкви; 8) отъ нашей стороны какъ для сильнаго представленія обидъ, такъ и для возраженія навѣтовъ, людей ученыхъ и способныхъ отнюдь не имѣемъ ни изъ духовныхъ, ни изъ мірскихъ. И такъ намъ немощнымъ противъ сильныхъ сопостатовъ нашихъ ополчаться весьма опасно, дабы еще за турбацію штрафы намъ платять не присудили вмѣсто сатисфакціи. Дѣло сіе общее и весьма великое; ежели на нынѣшней комиссіи будетъ упущено, то уже больше никакой надежды не останется; ибо сія комиссія по правамъ Польскимъ можетъ назначить отъ себя другую комиссію для слѣдствія представленныхъ обидъ, которая все нами показанное прямое можетъ сдѣлать ложнымъ, и таковыя комиссія могутъ продолжаться чрезъ долгое время; потомъ изъ тѣхъ обѣихъ комиссій будетъ на сеймъ отослано; 9) бискупамъ, сенаторамъ, министрамъ и великимъ господамъ, отъ которыхъ какія обиды въ разныя времена происходили, отъ нихъ ли самихъ или отъ губернаторовъ и администра-

1) Въ 1747 г. 28 ноября администраторъ униатской митрополіи, Полоцкій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій, писалъ къ Виленскому коадьютору Сапѣгѣ, что поднять вопросъ объ уничтоженіи православной Бѣлорусской епископіи и старался доказать ему, что эта дизунитская епархія возникла въ недавнее время *per subrepticia privilegia*, что существованіе ея причиняетъ гибель многихъ душъ и что потому необходимо уничтожить ее и присоединить либо къ униатской Митрополичьей епархія, либо къ Полоцкой архіепископіи.

торовъ ихъ, позовы на комисію подавать весьма опасно, чтобы въ большіе штрафы и отмщеніе не попасть; 10) комиссія эта требуетъ великаго кошту и иждивенія, ибо надобно на позовы, на подавіе оныхъ, на реляціи и записки въ городахъ польскихъ, на признаніе оныхъ и на вынятіе экстрактовъ съ печатями, на юристовъ и патроновъ и проч. : а на все это откуда взять, не имѣемъ ¹⁾).

Споры и прерѣканія длились до сентября, когда, по представленію Св. Синода, состоялось Высочайшее повелѣніе объ устраненіи Голембовскаго отъ тѣхъ дѣлъ и о предоставленіи полной свободы дѣйствій архимандриту Оранскому и іеромонаху Коховскому, или кого еще къ тому Бѣлорусскій епископъ опредѣлитъ. «Но если бы они стали въ поступкахъ своихъ при магнатахъ и министрахъ польскихъ у него Голембовскаго требовать разсужденія и совѣта, отъ того не отрицаться, но въ чемъ возможно имъ по своему искусству разсужденія свои на ихъ благоизобрѣтеніе подавалъ бы». При этомъ Коллегія донесла Св. Синоду, что «такого человѣка, кого бы къ тѣмъ дѣламъ вмѣсто Голембовскаго опредѣлить, знающаго польскій языкъ и польскія права и порядки и

¹⁾ Тамъ же III, 123 — 128. Для обжалованія надлежало взять изъ гроду или изъ замка бланкетъ (гербовый листъ) и на тѣхъ бланкетахъ писать обиды, о каждой матеріи на особомъ бланкетѣ, не самому обиженному, но чрезъ *патрона* т. е. особливо для того опредѣленнаго и въ правѣ польскомъ искуснаго присяжнаго человѣка, коихъ патроновъ въ каждомъ городѣ довольно число находится: та написанная обида называется *позывъ*. Позывъ чрезъ *созианю*, нарочно для таковыхъ дѣлъ опредѣленнаго, *генерала* надлежало отдать до гроду для записки въ книгу; послѣ чего какъ тотъ позывъ обратно, такъ по формѣ польскаго права написанный и руками городскихъ людей подписанный съ приложенною городскою печатью автентикъ тому возному отдавъ быть имѣеть, что возный принявъ, и съ того автентика копию написавъ и подписавъ своею рукою, долженъ отдать противной сторонѣ, на кого принесена жалоба; противъ чего должно отъ обѣихъ сторонъ, челобитчиковой и отвѣтчиковой, поставить въ комисію *присяжныхъ патроновъ* и при нихъ *плеинотетитовъ* (т. е. повѣренныхъ) къ суду, и изъ нихъ патроны должны говорить предъ судомъ о дѣлѣ имъ порученномъ и отстаивать съ подводомъ правъ, а плеинотетиты надсматривать, чтобы не учинилось какой при судѣ проронки. Русскимъ же православною вѣры самими, безъ патроновъ и возныхъ, производить таковыя жалобныя позовы по польскимъ правамъ запрещено. Тамъ же III, 74.

въ прочемъ способнаго, ни въ Польшѣ, ни здѣсь не имѣеть; а графъ Бестужевъ Рюминъ хотя по должности его надлежащее стараніе въ оныхъ имѣть и будетъ, но токмо онъ обрѣтается при королевскомъ дворѣ въ Саксоніи, а не въ Польшѣ, и въ Польшу ему оттуда отъ короля отлучаться отнюдь не возможно; и не безъизвѣстно Св. Синоду быть можетъ, что въ Саксоніи при королѣ изъ польскихъ министровъ бываетъ только по одному или иногда и по два человѣка, и тѣмъ временемъ отлучаются, а сіи дѣла болѣе касаются до сенаторей и министерства польскаго, которые обрѣтаются въ Польшѣ¹⁾. — «Голембовскій отъ 3 октября прислалъ оправданіе во взводимыхъ на него упущеніяхъ. Выставляя на видъ свои многочисленныя и постоянныя труды, онъ завинялъ во всемъ духовныхъ и во главѣ ихъ Бѣлорусскаго епископа. «Оригинальныя письма, которыя я отъ времени до времени въ Коллегію и. д. посылалъ; могутъ меня обстоятельно оправдать и при томъ доказать, съ какою ревностію и аттенціею я о дѣлахъ греко-россійской вѣры въ прежніе годы и нынѣ неотмѣнно Полякамъ представлялъ, и коимъ образомъ я, съ другой стороны, и грекороссійскимъ духовнымъ персонамъ ихъ плохіе поступки всегда изъяснялъ и что имъ для соблюденія безопасности и цѣлости ихъ вѣры дѣлать надлежало бѣ, всегда имъ необинуясь внушалъ. Я поступилъ бы противъ моей совѣсти, когда бѣ ихъ въ такомъ поступкѣ, которымъ они сами себѣ и ихъ вѣрѣ толь великій вредъ съ нѣкотораго времени причинили, угождая имъ еще болѣе ласкательствами подкрѣплялъ, и паче того не сказалъ, что по польскимъ правамъ къ ихъ поправленію и соблюденію грекороссійской вѣры и собственнаго ихъ интереса служить можетъ и полезно есть». «И понеже Св. Синодъ безъ сомнѣнія знаніе о польскихъ государственныхъ учрежденіяхъ имѣеть, то я чаю, что оный самъ напрасность тѣхъ жалобъ и внушеній, кои епископъ Бѣлорусскій противъ того чинить, потому усмотрѣть и ему указъ въ сильныхъ терминахъ послать изволить, дабы онъ

¹⁾ Тамъ же III, 371, 376.

по своему сану и съ вѣщшимъ разсужденіемъ поступагь, и ежели ему отъ кого либо обидѣ покажется, то бы онъ, вслѣдствіе тѣхъ правъ, подь которыми находится, правосудіа искагь, потому что нынѣ, когда такія его жалобы выслушиваются и ему въ томъ вѣра подается, онъ, на то полагааяся, здѣсь съ каждымъ грубо обходится и тако между знатными и подлыми, да и между греко-россійскими самими, по малу ненавистнымъ себя чинитъ». Въ депешѣ отъ 10 октября увѣдомляя, что имъ переданы всѣ дѣла архимандриту Оранскому, онъ писалъ: «только я благонадеженъ, что Ваше Величество и симъ довольны быть не изволите, ибо они сами не вѣдаютъ, о чемъ они жалуются и чего они хотятъ. Они и между собою не согласны, и одинъ на другаго многократно жалуются; при томъ же въ ихъ иску и желаніи никогда не постоянны и различныя предьявленія чинять» ¹⁾. Реляціею отъ 17 окт. Голембовскій доносилъ, что «отъ грекороссійскихъ духовныхъ здѣшнею стороною смѣлыя угрозы тамо происходятъ, что причиняетъ многое разсужденіе». Вслѣдствіе этого Коллегія просила Св. Синодъ «для побужденія тамошнихъ духовныхъ къ лучшему и согласному въ ихъ дѣлахъ старанію и къ воздержанію отъ предьявляемыхъ ими угрозъ» отписать отъ себя къ Бѣлорусскому епископу ²⁾).

Преосвященный Иеронимъ прислалъ свои объясненія на донесенія Голембовскаго. «Какою онъ перспективою въ такомъ дальнемъ разстояніи усмотрѣлъ во мнѣ грубость и непристойные по моему сану поступки, самъ уже будучи поврежденъ отъ немалаго времени параличемъ, и едва что дѣйствовать собою можетъ, какъ депутаты мои о немъ сказываютъ, что де два лакея едва свести съ постели и посадить могутъ, но секретарь вмѣсто него все дѣйствуетъ, котораго я съ молчаніемъ обхожу и впредь уже отрекаюся нетокмо изъяснять такія противныя реляціи, но ниже представлять болѣе жалобъ, какія бы они ни были: ибо лучше по волѣ Божіей въ сокрушеніи сердца страдать, нежели гнѣвъ и нена-

¹⁾ Тамъ же III, 421—424.

²⁾ Тамъ же III, 420.

висть на себя и на епархію мою наносить: Епархія моя порубежная близко Смоленской. Ежели Св. Синодъ соизволить, можетъ для достовѣрнаго извѣстія узазомъ приказать кому со стороны о обхожденіи моемъ и житіи болѣе старческомъ, нежели архіерейскомъ, провѣдать» ¹⁾).

Бѣлорусскій епископъ, отправивъ въ Варшаву съ документами своего намѣстника, самъ отказывался ѣхать, «потому что — писалъ онъ отъ 18 окт. — я больше въ болѣзни, нежели въ здравіи нахожуся, и немѣю въ чемъ и опасаяся о проѣздѣ, и тамъ пріѣхавши платье, шапку, по ихъ обыкновенію, надобно имѣть и пристойный поѣздъ архіерейскій и людей, а у меня того не имѣется».

Наконецъ приблизилось время назначенное для открытія засѣданій Коммисіи. Въ Варшаву прибыли архимандритъ Оранскій, Виленскій Святодуховскій игуменъ Мельхиседекъ Богдановичъ, іеромонахъ Кіевопечерскаго монастыря Іосифъ, назначенный въ помощь Оранскому вмѣсто умершаго Дятловицкаго игумена Оньшкевича, и делегаты отъ многихъ разныхъ православныхъ монастырей в. к. Литовскаго.

За нѣсколько дней до начала Коммисіи, секретарь Голембовскаго — такъ какъ самъ онъ устраненъ былъ отъ прямаго участія въ дѣлахъ Коммисіи — представилъ ихъ Плоцкому епископу. Епископъ принялъ ихъ со всякою учтивостію, но съ сожалѣніемъ въ отвѣтъ сказалъ, что онъ получилъ королевскій рескриптъ, которымъ ему повелѣно коммисію ту отсрочить до королевскаго пріѣзта въ Польшу. Такой нечаянный отвѣтъ и отсрочка коммисіи какъ нельзя болѣе совпадали съ видами и желаніемъ Бѣлорускаго епископа; однакожъ секретарь Голембовскаго притворяясь спросилъ: «какая тому причина и для чего о томъ по меньшей мѣрѣ не дано знать прежде, такъ какъ грекороссійскіе духовные предпріяли такой далекій путь для пріѣзда въ Варшаву и конечно считаютъ это новою въ правосудіи отсрочкою; по не-

¹⁾ Тамъ же III, 641.

имѣнію жъ средствъ имъ не возможно будетъ въ другой разъ пріѣхать въ Варшаву». Епископъ указалъ только на то, что изображено въ королевскомъ рескриптѣ, отказавшись, съ своей стороны, дать какія либо объясненія¹⁾. За обѣдомъ, на который резидентъ созвалъ всѣхъ членовъ комисіи, онъ еще разъ выразилъ сожалѣніе объ отсрочкѣ комисіи и о трудности для православныхъ защищать свое дѣло. — Бестужеву и Голембовскому предписано было стараться въ пользу православныхъ и о надлежащей сатисфакціи домогаться другимъ путемъ «безъ комисіи», къ чему открывалось тѣмъ болѣе свободы, что комисіа закрыта по ихъ противодѣйствию, «подъ предлогомъ отсрочки до прибытія королевскаго въ Польшу».

Въ слѣдующемъ году Голембовскій умеръ, а «для здѣшнихъ дѣлъ» въ Польшѣ назначенъ секретарь посольства Ржичевскій.

Въ Варшавѣ готовился сеймъ. — Бестужевъ снова повелъ рѣчь о Комисіи. «Хотя Комисіа отсрочена — писалъ онъ отъ 2 іюля 1748 г., однако тотъ плодъ принесла, что отъ прошлаго сейма по сіе время жалобы утихли и дальнѣйшія гоненія благочестивыхъ и насильственныя отнятія церквей остановила, и тѣхъ, кои бы на то поступить похотѣли, въ страхѣ содержать». — Архимандритъ Оранскій и іеромонахъ Коховскій, сначала согласившись на учрежденіе комисіи, потомъ «желали, чтобы она, яко предосудительная благочестію, вовсе уничтожена была, и другимъ, образомъ, котораго отъ нихъ не приложено, возвращеніе церквей и вольность благочестія имъ доставлены были». «Но я, писалъ Бестужевъ, кромѣ той комисіи никакого инаго къ тому лучшаго и полезнѣйшаго способа не нахожу: ибо на оной всѣ свои жалобы или сами они, или чрезъ искусныхъ и знающихъ здѣшнія права людей, произвестъ и выслушаны быть могутъ». Бестужевъ просилъ, чтобы ко времени сейма назначенныя въ комисію лица снова прибыли въ Варшаву съ документати для защиты своего дѣла²⁾.

¹⁾ Тамъ же III, 600.

²⁾ Тамъ же IV, 53.

Синодъ отвѣчалъ, что онъ другаго способа къ поправленію дѣлъ изобрѣсть не можетъ, кромѣ того, который объясненъ въ 1744 г. въ рескриптѣ къ графу Кейзерлингу т. е. чтобы всѣ привилегіи благочестивыхъ подтверждены были новою конституціею и чтобы комиссія учреждена была не для разбора безпорядковъ, но для возвращенія отнятаго у грекороссійскихъ обывателей Польши и Литвы ¹⁾.

Ко времени сейма Синодъ (18 іюля 1748 г.) предписалъ Кіевскому митрополиту послать въ Варшаву на мѣсто архим. Оранскаго (переведеннаго настоятелемъ въ Кіевопечерскій монастырь), Слуцкаго намѣстника, или другое лицо. Митрополитъ назначилъ Яблочинскаго игумена Спиридона Гриневецкаго. Бестужевъ просилъ прислать Бѣлорусскаго архіерея: но за случившимся въ Могилевѣ (19 мая) пожаромъ, при которомъ сгорѣли каедральная деревянная церковь св. Варвары и архіерейскій домъ, онъ отказался отъ поѣздки въ Варшаву, пославъ, вмѣсто себя, Буйницкаго игумена Викентія и учителя при катедрѣ іеромонаха Іакова Ильницкаго. Виленскій Старшій Богдановичъ пришелъ въ Кіевъ и просилъ перевести его въ какой нибудь монастырь архимандритомъ или игуменомъ. Митрополитъ Тимошей Щербацкій перевелъ было его въ Густынскій монастырь, но, получивши указъ изъ Синода, отправилъ его опять въ Варшаву. Всѣ эти лица должны были по прибытіи въ Варшаву явиться къ Бестужеву и представить ему всѣ собранные ими документы объ обидахъ благочестивымъ.

Между тѣмъ Польскіе паны, опасаясь комиссіи, употребляли всѣ усилія, чтобы недопустить ей состояться. На предсеймовыхъ сеймикахъ, отъ воеводствъ и повѣтовъ даны были посламъ инструкціи, въ которыхъ выставлялось на видъ, что комиссія составлена противъ правъ и уставовъ сеймовыхъ и что сею новостію католичкой вѣрѣ и чину шляхетскому великое дѣлается насиліе съ уменьшеніемъ полнаго ихъ въ собственныхъ добрахъ рас-

¹⁾ Тамъ же IV, 59.

пораженія. На основаніи этого посламя предписывалось, подъ разорваніемъ сейма, требовать уничтоженія этой комиссіи королевскимъ указомъ, съ тѣмъ, чтобы обиженные отыскивали свое право общимъ порядкомъ¹⁾. «Должны господа послы наши, возвратився отъ поздравленія его королевскаго величества, нашего всемилостивѣйшаго государя, удержатъ засѣданія и ни до какихъ предложеній не приступать, покамѣстъ вышереченный отставленія указъ подписанъ, запечатанъ и къ дѣламъ короны Польской и великаго княжества Литовскаго, такъ чтобъ вольно было всякому требующему экстракты выписывать, сообщенъ не будетъ».

Въ тоже время Бѣлорусскій епископъ получилъ королевскій мандатъ съ позывомъ на судъ въ Варшаву за неправыя жалобы на Сапѣговъ, Огинскихъ, Поцѣевъ и прочихъ вельможныхъ и благородныхъ господъ, къ коимъ онъ предъявилъ позы на комиссію, съ обвиненіемъ въ отнятіи униатскихъ церквей на схизму и съ требованіемъ, чтобъ каедрa неуніатская, при церкви Спасской Могилевской, яко униатской, обрѣтающаяся выведена была и чтобъ отдана была къ управленію каедрy Полоцкой униатской, и чтобы преосвященный за неправильное челобитство и тяжбу подвергнутъ былъ штрафу». Изъ чего Бѣлорусскій епископъ заключалъ, что «ненадежно, дабы на нынѣшнемъ сеймѣ надлежащая сатисфакція воспослѣдовать могла о обидахъ нашихъ: ибо вси сопротивницы въ томъ сильно настаютъ, дабы вѣру православную совсѣмъ и вовсе искоренить въ Польшѣ»²⁾.

Во время сейма Бестужевъ заболѣлъ и не могъ выѣзжать. Польскіе канцлеры и министры на поданный имъ меморіалъ не дали никакого отвѣта. Такъ какъ духовные проживали въ Варшавѣ безъ всякой пользы, то посолъ отпустилъ ихъ въ свои мѣста. Дѣло благочестивыхъ ни на шагъ не подвинулось впередъ.

Вслѣдствіе дальнѣйшаго настоянія посла объ отвѣтѣ на мемо-

¹⁾ Тамъ же IV, 117.

²⁾ Тамъ же IV, 106, 118.

ріалъ, польское министерство уже въ январѣ 1749 г. дало отзывъ, въ которомъ объясняло, что «неуніатамъ греческой вѣры правосудіе учинено будетъ, ежели они объ ономъ тамо просить стануть, гдѣ имъ надлежитъ. Но вмѣсто того, чтобъ имъ адресоваться, какъ того порядокъ требуетъ, въ судебныя мѣста, которыми они подчинены, къ статскимъ министрамъ Республики, и къ собственному ихъ королю и государю, они прямо жалобы свои Россійскому двору приносятъ. По большей части такія ихъ жалобы мало основательны и единственно только вымышленны были, для побужденія къ сожалѣнію о себѣ и полученія отъ безпредѣльнаго великодушія ея величества, Императрицы Всероссійской, какой либо для себя корысти». Но еще безцеремоннѣе объясненіе на счетъ Комисіи 1746 года: «воспослѣдовавшая смерть (уніатскаго) митрополита, которому надлежало потребныя извѣстія изъ архивовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію, выписать, и замедленіе папезской буллы изъ Рима его преемнику, дѣйство сей Комисіи до нынѣ продлило; но какъ сіе препятствіе уже отнято, то оная комиссія вскорѣ составлена быть можетъ»¹⁾.

Послѣ того дѣла пошли еще хуже. «Извѣстная комиссія королевская — доносилъ Бѣлорусскій епископъ Св. Синоду отъ 24 авг. 1749 г. — была не для сатисфакціи, какъ видно, но дабы противницы лучше провидѣли, кто оныя обиды доносилъ, дабы потомъ вѣщшее отмщеніе учинили. Гдѣ въ то время въ универсалахъ комиссарскихъ напечатано была, дабы всякъ обидимый обидчиковъ своихъ запозвалъ на оную комиссію съ надлежащими доводами: и по силѣ универсаловъ оныхъ всѣхъ таковыхъ епархій моея обидчиковъ запозвалъ было и я; но они, съ собою потомъ согласясь, сеймъ пропшли и комиссію разорвали и великое нынѣ отмщеніе дѣлаютъ, хотя православную вѣру въ конецъ въ Польшѣ скоренить, дабы не было уже кому скаржитъ»²⁾.

¹⁾ Тамъ же IV, 146.

²⁾ Тамъ же IV, 152.

Графъ Бестужевъ перемѣщенъ изъ Дрездена въ Вѣну ¹⁾. Полномочнымъ министромъ въ Варшаву назначенъ снова графъ Кейзерлингъ.

Между тѣмъ въ 1749 г. случилось обстоятельство, крайне огорчившее православныхъ Бѣлоруссін. Въ февралѣ этого года Бѣлорусскій епископъ позванъ былъ съ нѣкоторыми монашествовавшими въ Новогрудокъ на трибунальный судъ, по дѣлу пана Сбуржинскаго, инстигатора великаго княжества Литовскаго, по доносу пановъ Ключковскаго и Рудзевича. Епископъ не явился и протестовалъ противъ позва его въ трибуналъ, считая это дѣло подлежащимъ реляціонному суду; о чемъ заявилъ и графу Кейзерлингу. Польскіе судьи присудили его, за неявку въ трибуналъ, къ безчестию, каковое опредѣленіе и приказано было привести въ дѣйствіе чрезъ публичное объявленіе; а слугъ его истцовой сторонѣ дозволено было ловить, хватать и вязать, со взысканіемъ при томъ съ нихъ 10 т. польскихъ злотыхъ ²⁾. Бѣлорусскій епископъ жаловался Синоду, указывая на неправильный позывъ его въ трибунальный судъ. Но Кейзерлингъ, завинялъ епископа, какъ и вообще православное духовенство Короны и Княжества, что они требуютъ для себя изъятій изъ общаго права, и что «духовенство избѣжало бы многихъ затрудненій, еслибы точно разсматривало существо и прямое состояніе каждаго дѣла, слѣдало его съ государственными уставами и смотрѣло, къ какому судебному мѣсту въ томъ или другомъ случаѣ адресоваться. Но такъ какъ оно сію предосторожность пренебрегаетъ и напримѣръ въ такихъ дѣлахъ, кои касаются до духовныхъ мѣстностей, земель и правостей, въ которыхъ по государственнымъ правамъ имъ именно на королевскій реляціонный судъ адресоваться показано, они однакожь сами собою въ три-

¹⁾ Въ это время онъ подпалъ подъ гнѣвъ Императрицы, женившись на вдовѣ саксонскаго оберъ-шенка Гаугвицъ, при жизни первой жены, урожденной графини Головкиной, вдовѣ графа Ягушинскаго, влачившей печальную жизнь въ Сибири. Бант.-Кам. Словарь достоп. людей, I, стр. 161.

²⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1738 г. № 260 т. IV. стр. 152, 185—203.

буналь адресуются или себя въ оный позывать допускаютъ; а въ другихъ приключеніяхъ, безъ основанія, реляційнаго суда держаться стараются, отчего и происходятъ разные безпорядки и затрудненія». Иностранная коллегія стала на сторону посла и просила Св. Синодъ дать въ этомъ смыслѣ наставленіе епископу Волчанскому ¹⁾.

Въ 1751 г. папа обнаруживалъ въ Польшѣ и Литвѣ великій юбилей, съ прощеніемъ всѣхъ грѣховъ на сто лѣтъ. Это еще болѣе поощрило фанатиковъ къ насиліямъ надъ православными. «Хотя и прежде наступовали на насъ — доносили Бѣлорусскій епископъ Св. Синоду, — но не такъ сильно, какъ нынѣ. Прежде разнo по одной церкви господа свицкіе (свѣтскіе) отбирали; а нынѣ уже и духовные римскіе, и униатскіе, сильно наступаютъ разными гвалтами и хитростями». Иеронимъ писалъ, что уже послѣ комисіи въ епархіи его 20 церквей отнято, а съ прибытія его въ Могилевъ, съ 1745 г., 30 церквей отобрано ²⁾. «Ежели на близко наступающемъ сеймѣ не воспослѣдуетъ сильное защищеніе: то уже здѣ неуремѣнно весь православный народъ, для непрестанно дальшаго утѣсненія и разоренія, до униі преклонится, и я по заповѣди Христовой отсюда принужденъ бѣжать, аще Богъ жизни даруетъ ³⁾».

Въ 1752 г. графъ Кейзерлингъ перемѣщенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Вѣну ⁴⁾; а въ Варшаву назначенъ д. с. с. Гроссъ. Къ предстоящему сейму ⁵⁾ Русское правительство снова подтвердило своему посланнику сдѣлать сильное представленіе польскому министерству о прекращеніи гоненій на православныхъ. Въ слѣдствіе его настояній, оба канцлера «въ сильныхъ терминахъ» писали къ униатскому митрополиту, чтобы онъ безъ замедленія воз-

¹⁾ Тамъ же IV, 221, 257.

²⁾ Тамъ же IV, 326, 341—348.

³⁾ Донесеніе его же Св. Синоду отъ 30 мая 1752 г. Тамъ же IV, 327.

⁴⁾ Послѣ того онъ былъ еще разъ посломъ въ Варшавѣ въ 1762 г. Скончался 30 сент. 1764 г.

⁵⁾ Сеймъ 1752 г. происходилъ въ Гроднѣ и открытъ былъ 2 октября.

вратилъ православнымъ отнятыя у нихъ церкви, а «ежели онъ останется при прежнемъ своемъ упрямствѣ», то хотѣли рекомендовать литовскому хорунжему, князю Радзивилу, чтобы онъ способствовалъ этому «военными людьми»; но въ то же время канцлеры объясняли, что «по известной вольности въ семь королевствѣ, гдѣ каждый дворянинъ въ своихъ деревняхъ почти самодержавную власть имѣетъ, они ничего болѣе сдѣлать не въ состояніи» ¹⁾).

Въ 1753 г. Гроссъ подалъ королю меморіаль о преслѣдованіи православныхъ римскими епископами — Виленскимъ и Самогитскимъ. Король рескриптомъ поручилъ канцлеру литовскому, князю Чарторыйскому, войти въ разсмотрѣніе этого дѣла. Чарторыйскій отвѣчалъ, что «онъ инымъ образомъ съ бискупами поступать не можетъ, какъ только къ нимъ о томъ писать». «Сей канцлерскій отвѣтъ—писалъ Ржичевскій въ іюнѣ 1753 г.—подаетъ мнѣ мало надежды: ибо когда онъ къ епископамъ представленія свои по прежнему же порядку дѣлаетъ, а они отговорки свои на старомъ же основаніи продолжаютъ, то изъ всего того только пустая переписка, а въ самомъ дѣлѣ мало или же и ничего въ пользу російскихъ греческихъ исповѣдниковъ не будетъ» ²⁾).

Виленскій епископъ отвѣчалъ Чарторыйскому отъ 7 іюля, что «Русскій посланникъ не право себѣ толкуетъ и разсуждаетъ наши конституціи и трактаты»; что «мы съ нимъ не одного мнѣнія и никто насъ соединить не можетъ, какъ только собрать сеймъ Рѣчи Посполитой», а потому предлагалъ канцлеру посоветовать министерски посланнику и секретарю посольства, «чтобы они съ своими требованіями сейма дожидались, безъ опредѣленія котораго отъ меня ничего въ пользу себѣ получить не могутъ» ³⁾).

Дерзость и наглость латинскаго и униатскаго духовенства

¹⁾ Реляція Гросса отъ 30 августа 1752 г.

²⁾ Тамъ же IV, 522.

³⁾ Тамъ же IV, 533.

увеличивались съ каждымъ новымъ случаемъ ихъ насилія, остававшагося безнаказаннымъ. Королевскимъ рескриптомъ приказано было Виленскому епископу возвратить православнымъ церковь въ Заблудовѣ: но епископъ отказался исполнить королевское повелѣніе. Въ то же время, отказываясь дать позволеніе на постройку новыхъ и починку старыхъ благочестивыхъ церквей, онъ писалъ къ канцлеру князю Чарторыйскому: «понеже униаты уже почти совершенное отправление своей вѣры здѣсь имѣютъ, къ тому жъ находятся нынѣ Россійской державы войска, которыя по видимому и долго у насъ пробудутъ: то пускай уже они употребляютъ нынѣшнія свои обстоятельства къ уничтоженію нашихъ правъ, производя въ дѣйствіе свое предпріятіе».

Измученный несправедливостями и постоянными оскорбленіями Иеронимъ Волчанскій скончался 14 окт. 1754 г. Еще предъ избраніемъ его въ епископы поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи православной Бѣлорусской епархіи. Вопросъ этотъ опять поставленъ былъ съ новою силою въ 1747 г. при избраніи униатскаго митрополита, преемника Аванасію Шептицкому ¹⁾. Тѣ же происки униатовъ повторились послѣ смерти православнаго Бѣлорусскаго епископа Иеронима Волчанскаго. Папа Бенедиктъ XIV буллою отъ 27 февр. 1755 г. на имя короннаго канцлера, графа Малаховскаго, требовалъ отъ польскаго правительства, чтобы вдовствующій послѣ схизматическаго Русскаго епископа Могилевскій престолъ къ принятію католической вѣры возвращенъ былъ и чтобы управленъ былъ чрезъ своего Полоцкаго архіепископа ²⁾. Но происки эти не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1755 г. въ Бѣлорусскіе епископы посвященъ былъ ректоръ Кіевской академіи Георгій Конисскій.

Въ первые годы своего правленія онъ былъ не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ его предшественникъ, и посылалъ жалобу за жалобой на оскорбленія, которымъ постоянно подвергался. Но

¹⁾ Вилен. Археогр. Сб. т. VII, стр. 310.

²⁾ Бантышъ-Кам. Ист. Изв. объ Уніи стр. 342—345.

онъ имѣлъ свойства, какихъ не имѣлъ его предшественникъ. Кромѣ того, что онъ былъ еще молодъ (ему было 37 лѣтъ) и выносивъ, онъ былъ довольно гибокъ и подъ часъ уклончивъ, умѣлъ найтись во всякомъ затруднительномъ положеніи и не только не потеряться въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но еще подмѣтитъ и направить въ свою пользу слабыя стороны своихъ противниковъ. По складу его малороссійскаго ума самыя серьезныя донесенія его правительству блещутъ юморомъ и остроуміемъ. Иронія и острота пробиваются у него сквозь слезы. Грустно, невыносимо тяжело: а малороссійскій юморъ все-таки беретъ свое.

Новый епископъ доносилъ Св. Синоду, что какъ отъ Комисіи, такъ и отъ предлагаемаго Гроссомъ учрежденія особаго *Стряпача* или ходатая по дѣламъ нельзя ожидать пользы и что только изданіе конституціи или генеральнаго подтвержденія, съ жестокимъ на нарушителей онаго прещеніемъ, могло бы помочь дѣлу. Святѣйшій Синодъ сообщилъ о семъ на разсужденіе Иностранной коллегіи, прося Высочайшей грамоты о томъ къ Польскому королю: но Коллегія, не надѣясь испросить такую конституцію, обратила дѣло на обыкновенные дипломатическіе пути. «Король — писала она въ донесеніи Святѣйшему Синоду отъ 16 октября 1756 г. — сколько бы ни желалъ, съ своей стороны, показать ея императорскому величеству угодность, но, не имѣя тамъ совершенной власти, не можетъ собою въ томъ ничего сдѣлать безъ согласія чиновъ республики; а къ такому согласію оныхъ не токмо въ другое время, но и въ собраніи ихъ на сеймѣ привести, за ихъ вольностями и раздорами, весьма трудно; а между тѣмъ не сходно было бы съ достоинствомъ и честию Государыни, чтобы грамота ея величества въ недействіи тамъ осталась». Послѣ нанесенной обиды лично Бѣлорусскому епископу во время обозрѣнія епархіи въ г. Оршѣ, Святѣйшій Синодъ предлагалъ Иностранной коллегіи, не найдетъ ли она возможнымъ поручить защиту православныхъ нашимъ воинскимъ командамъ, тамъ находящимся? Но Коллегія отвѣчала, что по обстоятель-

ствамъ не признаеть этого удобнымъ и поручила генераль-поручику Воейкову ¹⁾ настоять дипломатическимъ путемъ, требуя въ ихъ пользу генеральной привилегіи. Воейковъ доносилъ, что выдачу такой привилегіи министерство отклоняеть, а построение церквей латинское духовенство затрудняеть разными отговорками. Воейковъ писалъ о томъ къ Виленскому епископу: но сколько, доносилъ онъ отъ 1 сентября 1759 года, изъ отвѣта его выразумѣть могъ, то кажется, что онъ недоброжелательствуя нашего закона людямъ, продолжаетъ только время откладывать до сейма; а какъ извѣстно, что сеймы Польскіе всегда разрываются или исчезаютъ, то ясно оказывается его недоброжелательство и пустыя отговорки ²⁾. «Впрочемъ — доносилъ онъ отъ 15 ноября — духовенство здѣсь въ Польшѣ великую имѣеть силу, отчего гордостію толико надменны, что не токмо на министровъ своихъ не взираютъ, но и королевскій повелѣній мало слушаютъ; особливо бискупъ Виленскій есть человекъ страннаго свойства, котораго поступками дворъ весьма недоволенъ» ³⁾.

Опять пошли жалобы на отнятіе церквей. «Не о приращеніи какъ бы надлежало, но объ умаленіи и приближеніи до конечнаго разоренія вѣры здѣшней благочестивой вашему святѣйшеству съ болѣзнію духа доношу» — писалъ Георгій отъ 10 апрѣля 1760 года ⁴⁾. Отъ 10 сентября того же года: «Не всѣ мои обиды, которыя съ людьми здѣшними благочестивыми грекороссійскаго исповѣданія претерпѣваю и не всегда вашему святѣйшеству доношу, но часто жду конца имъ, и когда уже того не вижу, тогда ваше святѣйшество утруждаю, какъ и нынѣ».

Георгій жаловался на нападенія со стороны могилевскихъ иезуитовъ и на новаго могилевскаго плебана ксендза Михаила Зеновича. Описавъ различныя козни его противъ православныхъ,

¹⁾ Воейковъ Федоръ Матвѣевичъ, генераль-поручикъ, былъ въ 1758 г. чрезвычайнымъ посланникомъ въ Варшавѣ и сохранилъ это званіе до смерти Императрицы Елизаветы Петровны.

²⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1733 г. № 260, т. V, стр. 280.

³⁾ Тамъ же V, 197.

⁴⁾ Тамъ же V, 212.

Георгій просилъ, чтобы Зеновича «Россійскою командою взять секретно въ Россію на спокойнѣйшее пребываніе, какимъ однимъ случаемъ все духовенство римское далече больше убоялось бы и воздержалось изобиденій, нежели многочисленными рескриптами королевскими, якожь они одного того боятся и вѣщуютъ часто на себе. Послѣдовательно же и мірскіе господа обижать и церкви отнимать перестали бы уповаю, понеже они, что ни дѣлаютъ въ обиду нашу, все дѣлаютъ съ поощренія духовенства своего. Резонъ случаю сему кажется быть справедливымъ и у двора его королевскаго величества пріятія достойный; понеже многочисленныя чрезъ многія лѣта Россійскими высокими министрами въ силу трактатовъ чинимыя домогательства хотя у его королевскаго высочества и пріемлются, однако у самовольцовъ, равно якъ и королевскія повелѣнія, никакого мѣста не имѣютъ». На случай, еслибы нельзя было этого сдѣлать, Георгій просилъ, чтобы изъ находящихся при границѣ армейскихъ полковъ, хотя баталіонъ какой занялъ зимнія квартиры въ Могилевѣ. Если же и это неудобно, то повелѣно бѣ было Русскому послу домогаться, дабы тотъ неспокойный плебанъ перемѣненъ былъ и замѣненъ другимъ спокойнѣйшимъ.

Къ довершенію бѣдъ, такъ сказать, постоянныхъ, явилась новая, случайная — отъ призванныхъ для обращенія Бѣлоруссін миссіонеровъ. Первою явилась партія Доминикановъ, подъ предводительствомъ Овлочинскаго.

Въ іюні 1759 г., при обзорѣніи епархін, Георгій въ г. Оршѣ натрафилъ на миссію Доминикановъ, которая, волочась по Бѣлой Россіи кругомъ Десны, на тотъ разъ находилась въ Оршѣ и разными обманами и насильно совращала православныхъ въ латинство. Георгій остановился въ Кутейнскомъ монастырѣ и сказалъ въ церкви поученіе къ народу, «оберегаючи отъ тѣхъ волковъ, безъ всякой, однакъ, вѣры ихъ и папежа укоризны; хотя они, напротивъ, въ казаніяхъ своихъ вѣру и благочестіе наше тысящѣ анаеомъ предають». На поученіи былъ подосланный отъ миссіонеровъ, переодѣтый въ мірскую одежду, съ нѣкотыры-

ми изъ своихъ учениковъ. Когда на другой день Георгій совершалъ служеніе въ Оршѣ, миссіонеры съ своими слугами сдѣлали нападеніе на церковь, били людей и ставили предъ епископомъ, «понасовывали на голову шапки» и кричали: попе хлопе, схизматіку, и произносили другія оскорбительныя слова. Георгій принужденъ былъ прекратить служеніе и выйти изъ церкви подъ угрозами фанатиковъ, преслѣдовавшихъ его съ оружіемъ въ рукахъ ¹⁾.

Послѣ того миссія не переставала работать надъ совращеніемъ православныхъ. «Волочась отъ города до города — доносили Георгій отъ 9 января 1761 г. — Овлочинскій, съ компаністами своими доминиканами, отправлялъ оное апостольство свое въ городъ Полоцкѣ; а нынѣ — въ Цикловѣ съ пять миль отъ Могилева. Прибывши въ городъ, съ помощію шляхты и уряду римской или униатской религіи, сгоняетъ людей съ селъ, какъ униатовъ, такъ и благочестивыхъ, а согнавши, купно съ мѣщанами благочестивыми жъ, по всякъ день яко овецъ до костеловъ гонитъ, и тамо заключая, въ первыхъ нѣсколько седмицахъ ласкаетъ словами и прельщаетъ ложными и смѣха достойными чудесами; тако жъ и примѣрами не лучшими, какъ-то: облекши пелгрима, которые обыкновенно съ бородами ходятъ, въ одежду поповскую, ставятъ среди костела и сказуетъ, якобы священникъ нашъ на унию присталъ, и многихъ не столько тѣми всѣмъ явными лжами, яко наипаче угроженіями въ заблужденіе свое преклоняетъ; въ послѣдней же седмицѣ, предъ закончаніемъ миссіи своей, которыхъ отъ благочестія святаго отторгнуть не можетъ, тѣхъ съ вѣрою грекороссійскою проклиняетъ и ругаетъ. Еще же и святыхъ Божіихъ, особливо Московскихъ чудотворцевъ и которые въ Россіи или почитаются съ великимъ усердіемъ или мощами почиваютъ, какъ-то Николая святаго Никулкою, а великомученицу Варвару Варваркою съ насмѣхомъ называя. Въ самомъ же заключеніи онаго

¹⁾ Донес. Св. Синоду отъ 12 іюля 1769 г. Дѣло арх. Св. Снн. 1733 г. № 260, т. V, стр. 166.

своего бѣснованія выводятъ изъ города на поле какъ униатовъ, такъ и нашихъ, нуждею жъ гоня. Новопрельщенніи униаты влекутъ съ собою большіе кресты на память, яко онъ учить, исшествія своего изъ Египта, сирѣчь изъ благочестія нашего. Другая униатовъ партія зъ лѣса превысокой изъ цѣлой сосны сдѣланный крестъ волокутъ и на опредѣленномъ мѣстѣ крестъ оный всѣ обществявляютъ; при чемъ онъ, Овлочинскій, на високомъ столѣ стоя и раздѣляя своихъ на десно и нашихъ на лѣво, судное позорище строятъ, и своихъ въ блаженство, а нашихъ въ муку отсылаетъ. Они жъ миссіонеріи обязуютъ господъ своихъ подъ клятвою папскою, дабы благочестивымъ нашимъ людямъ не допущали больше жить при благочестіи ни въ селахъ, ни въ городѣ, но или въ унию насильно принудили, или нехотящихъ изгоняли прочь». Кромѣ того Овлочинскій весьма злостно и дерзостно провозносилъ, при собраніи многихъ людей, ругательныя и язвительныя слова, касающіяся достоинства Императрицы. — Въ мартѣ миссія перенесла свое лжеапостольство въ Мстиславль. «Нашихъ людей — писалъ Георгій отъ 7 марта — множество сюда яко овецъ пригнано и сейчасъ, какъ пишу, до двухъ сотъ стоитъ у меня на монастырѣ, защищенія прося». Георгій посылалъ сказать миссіонерамъ, чтобы они опасались когда нибудь отъ Россійской Имперіи реваншу: «но они то въ одинъ смѣхъ обращаютъ». Конисскій просилъ послать грамоту къ королевскому двору съ рѣшительнымъ требованіемъ сатисфакціи и указывалъ на примѣръ короля Прусскаго, который подобною грамотою остановилъ притѣсненія диссидентовъ въ имѣніяхъ Нейбургскихъ. «Ежели такой скорой помощи не можно подать — писалъ Георгій — прошу учинити милость съ душею моею и снявши съ меня иго сіе епископское, мнѣ неудобноносимое, повелѣтъ въ какомъ нибудь монастырѣ въ Россіи жити въ чину монаховъ рядовыхъ безмолвно, дабы могъ и легшее испытаніе въ день судный улучшить, нежели какое ожидаетъ здѣшняго безпомощнаго, а потому совсѣмъ недѣйствительнаго епископа» ¹⁾).

¹⁾ Тамъ же V. 259.

Въ то же время Кіевскій митрополитъ представилъ жалобы Слуцкаго архимандрита Досмоєя о крайнихъ угнетеніяхъ тамошнему духовенству и народу отъ великаго гетмана Михаила Казимира. Архимандритъ просилъ гетмана о возвращеніи насильно отнятыхъ у монастыря имѣній; но тотъ при большомъ собраніи закричалъ: «хотя бы сама ваша Царица сюда пришла, то я того не сдѣлаю»¹⁾.

Въ половинѣ 1761 года при Высочайшемъ дворѣ составлена была конференція. Посланнику Воейкову поручено было потребовать отъ Польскаго правительства точнаго отвѣта: будетъ ли въ сихъ дѣлахъ надежное поправленіе, давая притомъ знать, что такое поведеніе своевольныхъ Поляковъ и отъ времени до времени безпрестанно чинимыя обиды и утѣсненія монастырямъ, церквамъ и обывателямъ греческаго исповѣданія, въ явное нарушеніе мирнаго трактата, здѣшней Имперіи не только безславны, но и весьма уже нестерпимы стали». Въмѣстѣ съ тѣмъ Воейкову поручено было домогаться у Польскаго двора, чтобы Овочинскій былъ наказанъ за свои дерзкія рѣчи и поступки. Литовскій канцлеръ, князь Чарторыйскій, отвѣчалъ на это обычнымъ упрекомъ, что находящіеся въ Польскихъ областяхъ не уніаты, въ противность правъ, обращаются съ своими обидами не къ своему, а къ чужому правительству, и обиды ихъ большею частію выдуманныя, или по меньшей мѣрѣ преувеличенныя. Князь Чарторыйскій сослался на письмо Виленскаго епископа къ коронному канцлеру Малаховскому, въ которомъ тотъ писалъ, что уніатскіе люди больше привыкли жаловаться, чѣмъ сколько терпятъ обидъ; что они жалуются на миссіонеровъ, а ничего того не сыщется, что они на нихъ показываютъ, исключая одного, что они со всякою горячностію обращаютъ народъ въ вѣру, не причиняя оному никакихъ наглостей, чего нельзя вмѣнить имъ въ преступленіе. При томъ же они отъ него не зависятъ, имѣя особливыхъ своихъ начальниковъ.

¹⁾ Тамъ же V, 261. Михаилъ Казимиръ, князь Радзивиль, великій гетманъ Литовскій — род. 1702 г. † 1769 г.

Не получивъ удовлетворенія этимъ путемъ, Иностранная коллегія поручила Военной, «чтобъ Овлочинскаго, когда случится быть въ близости самой границы, нарочно посланною небольшою командою безъ разглашенія захвата, отправить немедленно прямо сюда въ Тайную канцелярію» ¹⁾.

Въ 1762 году 28 іюня вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Георгій отправился въ Москву къ предстоящей коронаціи и въ трогательной рѣчи изобразилъ предъ Монархиней, какія притѣсненія и бѣдствія претерпѣваютъ православные въ Бѣлоруссіи подъ Польскимъ владычествомъ. Потомъ пространнѣе изложилъ тоже въ челобитной, поданной Императрицѣ 29 сентября. «Мягкія господъ посланниковъ и резидентовъ россійскихъ рѣчи до сихъ поръ, какъ всѣмъ вѣстимо, успѣха никакого не получили. Ктому жъ имъ, чаятельно, за другими дѣлами недосужно приложить надлежащее старательство въ заступленіи насъ; ибо не одно дѣло можно такое показать, которымъ можно было дѣйствительно доказать министрамъ Польскимъ и изобличить недѣльныя ихъ резолюціи: но, по несчастью нашему, оныя дѣла при гг. резидентахъ безъ окончанія остались». Георгій просилъ Императрицу о назначеніи особаго Коммиссара при Польскомъ дворѣ, который бы принималъ жалобы обидимыхъ, и въ силу привилегій и узаконеній отстаивалъ ихъ предъ Польскимъ правительствомъ, а въ случаѣ неполученія сатисфакціи представлялъ Ея Величеству для принятія другихъ средствъ противъ обидчиковъ и нарушителей вѣчнаго трактата ²⁾.

Въ Москву приходили къ нему вѣсти одна другой печальнѣе. Въ ноябрѣ 1762 года Консисторія доносила, что въ Бѣлоруссію прибыла новая партія миссіонеровъ-іезуитовъ. «Управитель крѣпости и всего Могилевскаго уѣзда, Бернардь Швыковский, призвавъ въ Могилевъ миссіонеровъ-іезуитовъ, приказалъ тамошнему магистрату, состоящему изъ исповѣдниковъ греко-россійской вѣры, дабы, когда помянутые миссіонеры начнутъ

¹⁾ Тамъ же V, 288.

²⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1762 г. № 203, л. 8.

ходы свои отъ костела до костела чинить, магистратъ оный со всѣми городовыми цехами при знаменахъ и барабанномъ боѣ церемоніально ихъ, миссіонеровъ, всегда провождалъ и во время лжеученія ихъ и хулятельныхъ на вѣру грекороссійскую проповѣдей присутствовалъ. Притомъ онъ же, Швыковский, разослалъ по всѣмъ селамъ уѣзда Могилевскаго по три солдата сгонять людей благочестиваго жъ исповѣданія въ Могилевъ къ реченымъ миссіонерамъ, подъ сугубымъ штрафомъ, ежели бѣ кто сопротивлялся, то есть взятъемъ десяти копѣ денегъ и стоударнымъ на тѣлѣ наказаніемъ. Миссіонеры начали свою миссію 29 сентября и, переходя отъ костела до костела, хотѣли забраться въ каедральный соборъ и Братскій монастырь; но когда ихъ туда не пустили, то они, поставя столы посреди базара, говорили свои лжеученія, въ которыхъ, называя благочестивыхъ еретиками, лгали, что у нихъ нѣтъ ни таинствъ истинныхъ, ни священства, ни писанія священнаго и ученія христіанскаго. При томъ, кромѣ хуленія на вѣру благочестивую, увѣщевали шляхетство, дабы всемѣрно грекороссійскихъ псповѣдшниковъ угнѣтали и въ конецъ искоренить вѣру старались¹⁾).

Отъ 5 декабря Георгій снова доносилъ Синоду о смятеніяхъ и насильствахъ православнымъ отъ іезуптскихъ миссіонеровъ. «По власти, данной имъ отъ вице-эконома Швыковского, миссіонеры велѣли всему народу дѣлать кресты въ мѣру возраста человѣческаго и съ оными ходить за ними, миссіонерами, въ процессіяхъ, въ копяхъ и сами миссіонеры, убравшись въ мѣхъ, босыми ногами ходя, крестъ большой носили; женскому жъ полу. вмѣсто крестовъ, велѣли накладывать на головы вѣнки съ сосны или елны сплетенныя, и обвязывать или возжами лычпыными или пеньковыми, и всѣмъ обще нѣтъ нѣсни отъ себя сочиненныя, что все и дѣлано по ихъ миссіонеровъ приказанію. При чемъ ястыли они миссіонеры простой народъ, что тѣ вѣнки и возжи надобно имъ сохранять, дабы яко чудодѣйственныя во время болѣзней

¹⁾ Дѣло арх. Св. Синода 1762 г. № 203, л. 3.

на головы накладывать и шею обвязывать, и противъ тучи громовой оныя выкладывать; такожь при разлученіи тяжкомъ души отъ тѣла оныя вѣнки и возжи употреблять и до гробу съ мертвыми класть». Не хотѣвшихъ принять уніи захватывали и сажали въ тюрьмы, угрожая сожженіемъ. Когда православные священники вступались за нихъ и указывали на конституцію, миссіонеры отвѣчали: «мы — де не смотримъ на конституціи и дипломы, а имѣемъ-де каноны папскіе, по которымъ, ежели не примуть уніи, казнены смертію и сожжены должны быть». Могилевскій плебанъ Зеновичъ вписалъ и самого Георгія въ трибуналѣ въ разбойничьи реестры, вымысливъ на него, будто онъ миссіонеровъ въ Могилевъ не допускалъ и яко бы римлянъ въ благочестивую вѣру приводить. «Между прочимъ и самага высочайшаго Ея Императорскаго Величества имени укорительно касались».

По выслушаніи этихъ жалобъ Георгія, Святѣйшій Синодъ, 13 декабря, разсуждая, что о всѣхъ утѣсненіяхъ православнымъ многократно сообщаемо было въ Иностранную коллегію и что никакого въ томъ успѣха и по нынѣ нѣтъ, положилъ поднести Ея Величеству отъ Синода докладъ о всѣхъ вышеписанныхъ происхожденіяхъ, и въ виду того, что настояніямъ Иностранной коллегіи у Польскаго двора никакого успѣха не было, да и впредь тому быть не уповательно, просить Ея Величество о зашищеніи означеннаго въ Польшѣ состоящаго православія таковое средство повелѣть употребить, которое бь съ желаемою пользою дѣйствіе свое получить могло.

Въ январѣ 1763 г. Швыковский пригласилъ въ Могилевъ новую шестинедельную миссію и заготовилъ для нея 7000 большихъ крестовъ, дабы оными, подъ видомъ церемоніи, разрушить православныя церкви въ Могилевѣ. На тотъ же конецъ заготовили 800 ружей и привезли въ Могилевъ мощи Іосафата «малонѣкакыхъ волосовъ рудыхъ, будто Іосафатовыхъ». А плебанъ Зеновичъ, вернувшись изъ Вильны, похвалялся въ ратушѣ: «поздравляйте — де меня благоползнейшимъ поведеніемъ, ибо —

де уже имѣю столецъ апостольскій» (привиллегію на учрежденіе уніатской епископіи въ Могилевѣ). «Спросивъ потомъ, скоро ли Георгій возвратится, и получивъ въ отвѣтъ, что якобы уже не возвратится, ино другой изъ Россіи на его мѣсто присланъ будетъ, плебанъ сказалъ: писалъ — де уже папезъ къ королю и къ канцлеру Литовскому, князю Чарторыйскому, чтобъ привиллегія впредь епископамъ благочестивымъ не дана была, а ежели — де дастъ король привиллегію, то папезъ сына королевскаго изъ кардинальства сброситъ; буде же настоящій епископъ возвратится, то мы-де его плетыми выженемъ».

Огорченный этими извѣстіями, Георгій просилъ уволить его отъ управленія Бѣлорусскою епархіею и опредѣлить на безмолвное житіе въ какой нибудь монастырь съ назначеніемъ какой нибудь милостыни для его пропитанія ¹⁾.

Святѣйшій Синодъ 15 февраля снова представилъ докладъ обо всемъ этомъ Императрицѣ, донося, что какъ Георгію, такъ и вмѣсто его другому, крайне опасно туда ѣхать, и прося защиты Ея Величества въ конецъ истребляемому тамъ православію.

Дѣло не получило еще никакого разъясненія, какъ «инъ вѣстникъ» прибылъ изъ Могилева» съ новыми печальными рапортами. «Священникамъ и монахамъ моимъ не даютъ нигдѣ пройти, бранятъ ихъ и бросаютъ грязью; по церквамъ окна кирпичами бьютъ. Уже конфедерація бунтовщическая учинилась, чтобы на городъ напасть и мѣщанъ, особливо же духовныхъ, и монастыри ограбить. Въ ожиданіи приѣзда Георгія по граничнымъ мѣстамъ поставлены шпіонъ». Поляки осыпали Георгія бранью и укоряли въ измѣнѣ за то, что, имѣя собственнаго Государя, поѣхалъ съ жалобою въ Москву. Православные, не видя среди себя владыки, поддавались искушенію ропота. Составленъ былъ планъ полного совращенія Бѣлорусской епархіи на унію. Полоцкій архіепископъ Сморгоржевскій разослалъ циркуляръ по епархіи, провозгласилъ Георгія измѣнникомъ республики.

¹⁾ Тамъ же стр. 40.

Въ іюнѣ 1763 года Дворъ переѣхалъ въ С. Петербургъ. Георгію приказано слѣдовать туда же.

Событія въ Польшѣ ускорили развязку дѣла. Въ 1763 году 5 октября скончался Августъ III. Русскія войска вступили въ Польшу. Георгій писалъ въ донесеніи Синоду 1 марта 1764 г.: «при слѣдующемъ въ Польшѣ новаго короля избраніи, послѣднее остается время учинить помощь единовѣрнымъ съ Россією тамошнимъ обывателямъ по силѣ трактатовъ, съ Польшею вѣчно заключенныхъ. Ежели при семъ случаѣ желаемая и ожидаемая не сдѣлается помощь, то противники, увидя тщетное въ такомъ случаѣ помощи ожиданіе, и слѣда благочестія тамо въ кратчайшемъ времени не оставятъ».

Политика Екатерины, совмѣстная съ видами Прусскаго короля, устранила отъ Польской короны Саксонскую династію и возвела на Польскій престолъ Пяста, стольника Литовскаго, графа Станислава Понятовскаго (7 сентября 1764 г.).

Въ ноябрѣ 1764 года Георгію вручена рекомендація къ новому королю Польскому; а въ январѣ 1765 г. онъ отпущенъ въ Бѣлорусскую епархію. Императрица, призвавъ его къ себѣ, изволила сказать, чтобъ онъ всѣмъ единовѣрнымъ объявилъ, что «Ея Императорское Величество начатой къ нимъ милости продолжать не оставитъ».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Экстрактъ предики миссіонерской, которую сказывали миссіонеры отъ г. Могилевъ, посреда базару на столпъ стоя и крестъ въ рукъ держа, 1762 году, октября 23 дня.

«Да будетъ похваленъ Исусъ Христосъ и Пречистая Богородица». Четыри разы то сказалъ на четыре стороны обращаясь, а римляне отвѣщевали: во вѣки вѣковъ, аминь. — «Запрашиваю васъ, благочестивые обыватели города Могилева, на ученіе Христово и Павла апостола, понеже Христосъ Господь обходилъ города и мѣстечки и проповѣдывалъ Евангеліе: и нынѣ идетъ Христосъ по городу Могилеву, а чрезъ мене, слугу Своего, ве-

лѣлъ проповѣдывать. Слушайте съ разсмотрѣніемъ, благочестивые обыватели. Сказуютъ, что много вѣръ на свѣтѣ, но неправда: едина вѣра истинная — римская. Не я буду говорить, но апостоль Павелъ сказуетъ. Выговорялъ бы я вамъ сіе на Русскомъ языкѣ, но никто мнѣ не далъ Библіи Русской. Просилъ я и въ катедрѣ, и у господина войта Коробаньки: но не дано. Теперь на Польскомъ языкѣ буду честь:....»

А другой миссіонеръ сталъ на другомъ стулѣ, держа Библію Польскую, и читалъ апостола Павла, сказую, что ни до кого не писалъ посланій апостола Павелъ, какъ только къ Римлянамъ: хотя съ вами веселитесь и радоваться, что вѣра ваша слышится по всемъ свѣтѣ. Нѣтъ и не сыщете, чтобъ гдѣ было написано до благочестивыхъ отъ Павла или отъ другаго апостола: то уже явно, что наша вѣра римская истинная и святая, а благочестивая есть заблуждающая, которую Могилевцы держать. Прочтите всѣ правовѣрніи католики за сихъ благочестивыхъ три раза: *Богородице Дѣво*, чтобъ даръ Духа Святаго приняли и вѣру римскую истинную познали. И читали въ голосъ всѣ римляне, а потомъ по Русску: «*Богородице Дѣво*» и «*Подъ твою милость*» три раза. Потомъ началъ говорить: слушайте жъ благочестивые: которую вѣру Господь Богъ любить, тую и распространяетъ. Вотъ вѣра наша римская гдѣ есть, изъясню вамъ: во Франціи, въ Гишпаніи, въ Португаліи, въ Цесаріи, въ Италиі, въ Римѣ, въ Индіи подземной. Ся есть вѣра истинная въ небесѣ и на землѣ и подъ землею. А благочестивая вѣра только въ семь окамененномъ городѣ Могилевѣ, гдѣ быть ей всѣ права и привилегіи польскія возбраняютъ. Да еще обрѣтается въ Москвѣ сія жъ заблуждающая вѣра. А посмотрите, что и тамъ, прежде ста и нѣсколько на десять лѣтъ, какая была вѣра, ежели не унія святая: понеже и филиповцы не откуду отторгнувшись, уразумѣвъ ихъ заблужденіе, вышли съ Москвы и нынѣ обрѣтаются въ Польшѣ. Какъ же то не заблужденіе, что когда крестятъ дѣтей благочестивые, говорятъ сію форму: во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Духа Святаго, аминь? А къ тому жъ читалъ я въ книгахъ Русскихъ въ Москвѣ

напечатанныхъ, что Петръ Святѣйшій крестилъ Пресвятую Дѣву Марію? О какое жь то заблужденіе, которое заблужденіе какъ небеса терпятъ! Помните, какъ въ то время былъ счастливъ городъ (т. е. Могилевъ) когда въ униі пребывалъ. Но какъ отобрано, заразъ явно сказнилъ Богъ цѣлый городъ и церкви. Вотъ-то явная была месть Божія на васъ: однако вы не разсуждаете, и того отступничества и заблужденія держитесь. Къ тому жь побуждаютъ меня королевскіе декреты—пресвѣтлѣйшаго Казимира Третьяго, короля Польскаго, и пресвѣтлѣйшаго Августа Втораго, короля Польскаго:.....» и читалъ тѣ декреты за Жигмунта, что не пустили св. Іозафата, епископа Полоцкаго, Мстиславскаго, Оршанскаго и Могилевскаго, въ мѣсто Могилевъ, браня, безчестя и убіеніемъ угрожая; насадили валы арматами и разнымъ ружьемъ, и не допустили св. Іозафата; что св. Іозафатъ, видя схизму проклятую, воротился назадъ, за что пресвѣтлѣйшій король, его величество, осудилъ такихъ бунтовщиковъ на смерть и комиссію опредѣлилъ, которой и понынѣ удовольствованія не послѣдовало. Такожъ Августъ Второй выдалъ декретъ Бѣлозору, архіепископу Полоцкому, во время владыки Полховского, воровскою привиллегією бывшаго, чтобъ схизматическихъ церквей, монастырей и епископій, не было, а въ послушаніе къ епископу Полоцкому надлежали бъ. А понеже сей окамененный городъ Могилевъ, въ вѣрѣ заблуждающій, не смотря на королевскіе декреты и по сіи времена, воровскими привиллегіями такъ владыка, яко и церкви защищаются: принуждены мы кучить его величеству и республикѣ, дабы тѣ декреты пришли въ свою силу; ибо которые имѣете фундуши и привиллегіи, всѣ суть выданы на унию святую. Прошу убо васъ, Могилевцы, покажите мнѣ хотя одну привиллегію на вашу вѣру данную; пуцай я повижу, что въ нихъ написано и кому наданы суть.

«Протестуюсь всенародно о ихъ заблужденіи, что имѣютъ столько церквей, монастырей, а проповѣдника ни единого не имѣютъ. А у насъ хоть убогіе костелы: іезуиты, кармелиты, бернардинны во всякомъ костелѣ всякой недѣли и всегда проповѣди

и ученія сказываютъ Христовы. А у благочестивыхъ не явня-
ли суть заблужденія! Облекшися мірской человекъ въ священ-
ническую одежду, поучаетъ всѣхъ людей и поповъ: а все Писаніе
возбраняетъ такого заблужденія. А сохрани жъ Боже, чтобъ у
насъ мірской человекъ имѣлъ быть на амбонѣ, облекшися въ свя-
щенническую одежду! — Пойдемъ къ попамъ и чернцамъ, какая
ихъ фамилія? Всѣ суть нищюки. А у насъ, въ истинной вѣрѣ,
сенаторы; королевичи въ монашествѣ суть. Не лучшая ль наша
вѣра, что въ нашей вѣрѣ всѣ сенаторы, господа, а въ вашей
вѣрѣ ни единого нѣтъ теперь; хотя нѣкоторые были вашей вѣры,
но просвѣщеніемъ Духа Святаго всѣ оставили сію злую вѣру,
на истинную римскую превратились. О подай и вамъ Боже даръ
сей Духа Святаго въ сердца ваши! Сами можете знать, благо-
честивые, что ни единого нынѣ господина не найдете, такъ въ
Польшѣ, яко и въ Коронѣ, въ сей заблужденной вѣрѣ пребы-
вающего: только одинъ сей городъ закаменелый пребываетъ въ
своемъ упрямствѣ. Не лучшая ль наша вѣра, что у насъ разные
суть законы и ксиондзы, а всякіи имѣютъ свою власть и провин-
цію: а у васъ только едны чернцы да попы. — Пойдемъ же до
Святыхъ: что и исчислить нельзя, всѣ у насъ суть. Ибо якъ вы
отступили отъ вѣры святыхъ униі, то, бросивши Грецію, пришли
къ намъ и по разнымъ городамъ опочиваютъ. Знаете Николая
Святаго: въ Барѣ лежитъ, отъ благочестивыхъ выпедши. Та-
кожъ Іоаннъ Златоустый, Василій Великій, почиваютъ въ Римѣ.
А у васъ которіи суть, то еще за унию стали святыми. Покажите
мнѣ: по отступничествѣ отъ вѣры святой, якъ много померло въ
городѣ Могилевѣ поповъ, чернцовъ, а ни единого Святаго не
имѣете? А у насъ во многихъ общежителствахъ и монастыряхъ
опочиваютъ Святіи. Вотъ много имѣете церквей, а ни единого
Святаго не имѣете. Тако жъ и Пресвятая Дѣва гдѣ больше чу-
десъ творить, ежели не въ нашихъ костелахъ и церквахъ, какъ-
то: Пресвятая Богородица Буйницкая, Хващевская, Ченстохов-
ская, Жировицкая, которыхъ и исчислить не могу, ибо Пре-
святая Богородица знаетъ, которая вѣра есть свята и пріятна

Богу, и въ той чудеса творить. Слышите, возлюбленнїи благочестивїи, что вамъ представлялъ, яко то Господь Богъ нашу вѣру любитъ и въ ней чудеса творить. Еще вамъ изъясню, любезнїи благочестивїи, заблужденїе вѣры вашей, которой Господь Богъ ненавидитъ. Пишетъ святой Игнатїй въ своей исторїи, оплакивая греческую столицу Царьградъ: понеже по седьмомъ соборѣ, какъ оторвались благочестивїи отъ вѣры нашей римской истинной предъ праздникомъ Сошествїя Духа Святаго, а на самый праздникъ Сошествїя Святаго Духа отдалъ Богъ Турчину нечестивому сію вѣру, которая Богу противна; и гдѣ были церкви благочестивыя, тамъ стали мечети турецкія, а гдѣ монастыри, тамъ стояла для лошадей. Видите ль, какъ Господь Богъ не любитъ вашей злой вѣры. Чему наша католическая вѣра, якъ лилія цвѣтетъ, въ Римѣ якъ солнце свѣтится, не только въ Римѣ, но и въ Швеціи, Англїи и Африкѣ, и такъ далѣе? Говорите жъ правовѣрнїи католики за сихъ жителей города сего, чтобъ просвѣщены были къ вѣрѣ нашей римской и къ униї святой. Молися за нихъ Пресвятая Богородица, молитесь за нихъ святїи Ангелы и Архангелы, молитесь за нихъ святїи мученицы и исповѣдницы Божїи, молитесь за нихъ святой Василїй, Іоаннъ Златоустый, святой Іозафате, святой Франтишку, святой Станиславъ Костка, святой Іоанне Непомуцене. Молюся и я за ними: Христе Распятый, обрати Свои очи на сей градъ, дабы познали вѣру святую истинную римскую и пришли до униї святой. О святой Іозафате, когдасъ бывшїй здѣшнїй епископъ! предстательствуй къ Богу за твоими когдасъ бывшими овцами, которыхъ ты былъ когдасъ пастыремъ, и поучалъ по здѣшнимъ церквамъ и ходилъ по семъ градѣ, сказуя ученїе Христово для удержаїя униї святой: вотъ нынѣ пребываютъ въ отступничествѣ и слѣпотѣ. Молитесь и вы ему жъ, возлюбленнїи благочестивїи, который есть чудотворца и нынѣ чудеса творить, дабы васъ Господь Богъ привратилъ до той вѣры святой, какой были ваши дѣды и прадѣды. Молитесь Богу, чтобъ вы дѣлали и вѣрили, якъ вѣрилъ святой Василїй Великій, святой Іоаннъ Златоустый, святой Григорїй

Названннъ, святнй Николай. Нынѣ болитъ мое сердце на васъ смотря и на ваши церкви, что къ заблужденнн пребываете. Просилъ я господина Коробаньку, чтобъ намъ дозволилъ проповѣдь сказать въ церкви Братской; хотѣлъ я изъяснить ученн Христово, но онъ не допустилъ. Благодарю, что здѣ свободно говорить мнѣ. Требовалъ я и просилъ по нѣсколько разъ, чтобы кто разговорился со мною о заблужденн ихъ, но никого не могъ сыскать какъ съ черицовъ, такъ и съ поповъ: всякъ стыдится свое заблужденн объявить. Запрашиваю васъ, любезннн благочестивнн, на пятюкъ, изъясню вамъ исхожденн Духа Святаго; а благодарю вамъ, что сюда пришли есте слышати ученн Христово, чтобъ сіе ученн было всегда вамъ въ памяти и въ сердцѣ вашемъ, что дай Боже. Аминь».

Экстрактъ предикн миссіонерской, за другимъ разомъ сказанной на базарѣ ксіендзомъ Зарембою, октября 25 дня.

«Да будетъ похваленъ Иисусъ Христось отъ васъ, католиковъ духовныхъ; да будетъ похваленъ Иисусъ Христось отъ васъ католиковъ сенаторовъ и господъ; да будетъ похваленъ Иисусъ Христось отъ васъ католиковъ разнаго состояннн людей; да будетъ похваленъ Иисусъ Христось отъ васъ благочестивыхъ людей. Вотъ, возлюбленннн благочестивнн, прихожу сюда въ другой разъ предлагать вамъ не мое, но Христово ученн. Не я говорю, но сей Христось Распятнй къ вамъ говорить. А нынѣ падите всѣ на колѣна, сказую: о Иисусе Избавителю нашъ, Распятнй, помилуй насъ и сихъ благочестивыхъ людей города сего, а дай имъ милость и просвѣщенн Духа Святаго въ сердца ихъ, дабы познали вѣру истинную римскую и превратилися къ ней; просите и чудотворную Богородицу Хвашевскую, дабы предстательствовала за ними къ Сыну Своему о обращенн ихъ къ вѣрѣ святой. Такожь и они имѣють Ангеловъ стражей и предстателей Святыихъ, которыхъ имена на себѣ имѣють: просите, чтобъ они предстательствовали за ними о обращенн ихъ къ вѣрѣ святой. Говорите жъ всѣ по Русску: «*Богородице Дѣво радуися*» и «*Подъ Твоею милостью прибѣгаемъ*». Три раза говорили всѣ католики въ

голосъ. «Вотъ городъ Могилевъ не имѣеть никакого Святого, никакого чудотворнаго образа: а у насъ, католиковъ, суть два чудотворные образы, одинъ у ксіендзовъ бернардиновъ святаго Антонія, котораго и сами чудеса дознаете, если что у кого пропадетъ; а другой—святаго Ксаверія у ксіендзовъ іезуитовъ, всѣ и сего чудеса дознають. Послушайте жъ, пожалуйста, не моего ученія, но Христова. Просидъ я Библии Русской, но никто мнѣ не хотѣлъ дать, и нынѣ прошу, дайте кто имѣеть, а я вамъ покажу въ Библии вашей. Сказываете вы, что такъ держимъ, якъ Священное Писаніе поучаетъ: но теперь у васъ не русское, но лютеранское ученіе, будто въ Библии нѣтъ постовъ нигдѣ, нѣтъ нигдѣ недѣли, но суббота, нѣтъ нигдѣ Святыихъ, но Церковь святая такъ установила; не имѣете Главы Церкви, не имѣете порядку, ибо вѣра святая католическая имѣеть единаго управителя, имѣеть и порядокъ, напримѣръ какъ городъ безъ войта или монастырь безъ игумена. Дайте жъ мѣсто правдѣ. Не имѣете Главы Церкви, говорите, что Христосъ есть глава: правда, что Христосъ есть главой не только Церкви, но и всѣхъ Святыихъ; однакъ и Петръ Святый есть главою Церкви, какъ написано у Матѳ. кн. 15 или 17: отвѣщавъ рече ко Іисусови etc. Почему ни одинъ не отвѣтствовалъ, только Петръ Святый? И далѣе сказуеть: Се то камень, на семъ камени созижду Церковь мою; и говорить Господь Іисусъ: ты еси камень и основаніе; чему не говорилъ до другихъ Апостоловъ? Сказуеть Господь Іисусъ: тебѣ дамъ ключи царствія Моего, и сказуеть: что разрѣшишь на землѣ, будетъ разрѣшено на небеси, и что свяжежъ на землѣ, будетъ связано и на небеси. Откуда явно, что Петръ Святый есть Главою Церкви святой. Правда, что Христосъ есть глава Церкви, но невидимая. Ахъ ради Бога, благочестивии, не имѣете Главы Церкви. У васъ кто Глава? Въ Москвѣ царь, или царица. Вспомнятуйте, пожалуйста, далъ ли Господь Іисусъ власть Церкви святой королю или царю? Нѣтъ, но Петру Святому, якъ я вамъ сказывалъ съ Священнаго Писанія. Ахъ, чтожъ я слыхалъ, что вашъ учитель распоряжалъ на смерть на Луполовѣ попадаю, и здѣ въ городѣ

нѣкоторой мѣщанки дщерь? Много жъ здѣ есть черицовъ, поповъ: однако никто не распоряжалъ, только мірской учитель, которому только школу распоряжать, а не духовныя вещи. Вспомните, пожалуйста, за кого молилъ Господь Иисусъ Отца Своего, какъ написано у Луки гл. 22: сказалъ Господь Иисусъ: утверди пожалуй братію свою. Сами смотрите въ Библии святой, ежели не Петръ Святой есть глава Церкви. Добре ли то, ежели бы вы не послушны были вашему войту? Такъ горше, что не послушны есте Риму святому. Вѣтъ же то покойная Императрица приказала мясо ѣсть въ постъ: то вы ее имѣете и за главу Церкви святой. Слыхалъ я самъ сіе, что владыка Смоленскій говорилъ: на что Пресвятую Дѣву просить о предстательство и ей молиться? Такъ ли то учили святые Отцы? Святой Василій Великій, святой Іоаннъ Златоустый, святой Григорій — ваши учителя, но нынѣ наши, понеже тѣлеса ихъ у насъ въ Римѣ нынѣ почиваютъ. Сказуютъ святіи Іоаннъ Златоустый и Григорій святыи, якъ Іеремія былъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ, такъ Петръ святыи по всемъ свѣтѣ есть возвышенный. Сказуетъ Августинъ святыи, что Петръ святыи есть пастыремъ чреды Христовой». И читалъ книгу Святаго Іоанна, дая многіе примѣры, что Петръ святыи есть главою Церкви. «Или то суть Отцы святіи лживіи, что такъ пишутъ? Вотъ у насъ суть таинства и жертвы святые, а у васъ что есть? О Святыи Иисусе! дай имъ такъ держать и вѣровать, якъ Отцы святіи. Держались ихъ Отцы святіи, что папа святыи есть глава Церкви. Молитесь за нихъ святіи Божіи учителя, дабы и они такъ вѣрили и держали, какъ и вы. Падите всѣ предъ симъ Распятымъ Иисусомъ, сказуютъ сіи слова: помилуй Господи сей градъ и отвори ихъ отъ вѣры сей заблужденной, приврати же ихъ къ вѣрѣ святой истинной, о чемъ всѣ Тебѣ Бога просимъ. Аминь».

Того жъ самаго дня, отправивши съ крестами процессію, пошли всѣ въ капяхъ съ крестами жъ до костела іезуитскаго, пойдя о страданіи Господнемъ, гдѣ ксіондзъ миссіонеръ, взойшовъ на амбонъ въ страшной капѣ, говорилъ къ людямъ сіи слова: «вотъ мы, любезніи католики, отправляемъ нынѣ покаяніе

святое, дабы чрезъ сіе покаяніе могли получить животъ вѣчный. Вотъ же и Христосъ Господь не только за наши грѣхи наказанъ, но и какъ есть умученъ и убитъ такъ жестокимъ мученіемъ! А кто жь его убилъ? Благочестивый ли, или Католикъ, или Калвинъ, или Лютеръ? Гдѣжъ тотъ разбойникъ? Гдѣ онъ крывается? Чиню здѣ предъ вами осмотръ за сего невиннаго убитаго Іисуса. Почто, какъ убьеть человѣкъ человѣка грѣшнаго, такого какъ и самъ, ищите виннаго, чтобъ понесъ казнь? Для чего за сего пресладкаго Іисуса никто о обидѣ не обстоитъ? Ахъ, гдѣ жь тотъ разбойникъ? Гдѣ онъ крывается? Ищите его всѣ. Никто мнѣ ничего не отвѣщеваеъ: однакъ я вѣдаю, что и въ семъ городѣ крывается тотъ, который невиннаго Іисуса убилъ такъ жестокимъ мученіемъ, что и выговорить не могу; а хотя и скажу, но мнѣ не поймете вѣры». — А ксіондзъ Бадовскій, префектъ іезуитскій, одѣвшись въ бѣлое одѣяніе, взойшелъ на сдѣланный посредѣ костела столъ, и вынявши вырѣзанный изъ древа образъ Христа, наподобіе плащаницы, умученнаго, говорилъ сіи слова: «Се пресладкій Іисусъ, который такъ немилостиво есть умученъ и убитъ безъ всякой вины; видите сами, что нѣтъ цѣлости въ тѣлесѣ, весь такъ жестоко умученъ». — Что якъ усмотрѣли люди, всѣ проразливымъ гласомъ, якъ кто могъ, закричали: О Іисусе, о Іисусе такъ умученный! И чрезъ немалое время пребывая въ томъ воплѣ и плачѣ, такой шумъ сдѣлали, что страшно было въ костелѣ стоять. А ксіондзъ-миссіонеръ, стоя на амбонѣ сказывалъ: «о дайте жь мнѣ разбойника, который невиннаго Іисуса такъ жестоко умучилъ; ищите жь его всѣ, я буду его судить за невинную кровь». А ксіондзъ Бадовскій, стоя на катафальку, сказывалъ: «я тотъ лотръ и разбойникъ, который Пресладкаго Іисуса предалъ и невинную кровь излилъ; теперъ мене судите, какъ хотите, рубайте мене за невинную кровь». — Миссіонеръ, стоя на амбонѣ, сказывалъ: «не ты, а я»; и ставъ миссіонеръ на катафальку, говорилъ: «се я тотъ разбойникъ пришелъ передъ васъ, созная на себѣ грѣхи; я Іисуса продалъ и умучилъ». И взявши на руки показалъ народу; народъ опять великій плачь и рыданье учинилъ. Положивши мяс-

сіонеръ образъ, пошелъ на амбонъ и говоритъ къ ксендзу Бадовскому: «ищи болѣе разбойниковъ»; а ксендзъ Бадовскій, взявъ книгу Библию, началъ честь у Исаиі пророка главу 53-ю: за беззаконія наша мученъ бысть и убитъ, и далѣе читая сказуетъ: явно отсюда есть, что за насъ есть умученъ, а не за Себе. Миссіонеръ, стоя на амбонѣ, сказывалъ: «вотъ же и всѣ такіе разбойники есте, какъ и я». И начали всѣ рыдать. Потомъ, поцѣловавши ноги, въ дома свои всѣ поотходили.

Пѣсня миссіонерская, которую пѣлъ народъ обучали.

Былись мы въ касціеліе, а вшистко то для Ціебіе
Щобъ мы были въ Ніебіе.

Боже Боже нашъ, Боже, Боже нашъ.

Слухались мы ніешпору, а вшистко то для Ціебіе
Аже бысь мы были въ Ніебіе.

Боже Боже нашъ, Боже, Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця вы Христа щира?

Любимъ Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця вы Прачистую щира?

Любимъ Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця вы Іосіпа щира?

Любимъ Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця вы Якіма щира?

Любимъ Боже, Боже нашъ, любимъ Боже, Боже нашъ.

Дзятки, ци любиця ви Ганну щира?

Любимъ Боже, Боже нашъ любимъ Боже, Боже нашъ. ¹⁾

¹⁾ Экстракты изъ предикъ и пѣсни съ польскаго перевелъ епископъ Бѣлорусскій Георгій.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 4.

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

—
СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
—

Академика Я. К. Грота.

—
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Выс. Остр., 9 л., № 13.)

1881.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрель 1881 года.**

Непреимный Секретарь, Академикъ К. Веселоскій.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

(Академика Я. К. Грота).

II.

Папы и Иезуиты.

Уцѣлѣвшія письма Гримма къ Екатеринѣ II доставляютъ новый источникъ пониманія и оцѣнки этой замѣчательной переписки. Всего болѣе писемъ Гримма сохранилось за первые 80-ые и первые же 90-ые годы прошлаго столѣтія. Стало-быть, со времени поѣздки Екатерины въ Бѣлоруссію мы имѣемъ возможность пользоваться этимъ новымъ матеріаломъ для поясненія темныхъ мѣстъ въ письмахъ императрицы, и будемъ приводить въ важныхъ случаяхъ наиболѣе интересныя выдержки изъ самыхъ писемъ Гримма.

Съ поѣздкой въ Бѣлоруссію тѣсно связаны отношенія Екатерины II къ ордену Иезуитовъ, который, какъ извѣстно, пользовался ея особымъ покровительствомъ. Это благоволеніе ея къ Иезуитамъ объясняется различно. Вотъ какъ рѣшается этотъ вопросъ по лучшимъ нашимъ историческимъ изслѣдованіямъ ¹⁾ въ сопоставленіи съ запиской одного Иезуита, изданной въ 1872 году въ Парижѣ ²⁾: Екатерина, присоединяя Бѣлоруссію, приобрѣ-

¹⁾ Морощкина, Самарина, гр. Толстого и друг.

²⁾ *La compagnie de Jésus, conservée en Russie après la suppression de 1772. Récit d'un Jésuite de la Russie Blanche.* Paris. 1872.

тала съ нею и значительную массу подданныхъ римско-католическаго исповѣданія, которыхъ іерархія всегда питала непріязнь ко всякой свѣтской власти и признавала надъ собою господство единственно римскаго первосвященника. Среди этого населенія уже прочно утвердились Іезуиты, у которыхъ, при значительныхъ имуществвахъ, были четыре коллегіи, двѣ резиденціи и нѣсколько миссій. Главная изъ коллегій была въ Полоцкѣ, впрочемъ въ Динабургѣ, Витебскѣ и Оршѣ. Школы іезуитскія славились своимъ серьезно научнымъ характеромъ, къ которому Екатерина всегда питала большое сочувствіе и довѣріе. Изгнать Іезуитовъ — значило приобрести себѣ въ Западномъ краѣ дѣятельныхъ враговъ; взять ихъ подъ свое покровительство, въ то время какъ они вездѣ подвергались гоненію, находившему одобреніе у самого папскаго престола, значило не только сдѣлать ихъ безвредными, но и заставить ихъ служить своимъ цѣлямъ. Такъ думала Екатерина и избрала послѣднее. Авторъ книги «*La compagnie de Jésus*» приводитъ, что будто на совѣтѣ государыни одинъ изъ противниковъ Іезуитовъ напомнилъ указъ Петра Великаго, по которому Іезуитамъ воспрещенъ былъ вѣздъ въ Россію. Екатерина спросила его, полагаетъ ли онъ, что власть ея такъ же велика, какъ власть Петра Великаго? Всѣ почти поклонились и она прибавила: «Петръ въ свое время конечно имѣлъ важныя причины, чтобъ издать такой законъ. Я же теперь имѣю не менѣ важныя, чтобъ его уничтожить. Іезуиты останутся. Если впоследствии они чѣмъ-нибудь провинятся, всегда можно будетъ удалить ихъ, и для этого не нужно будетъ ни пушекъ, ни большихъ армій». ¹⁾

Сохраняя въ Россіи орденъ Іезуитовъ, Екатерина была увѣрена, что съ нимъ справится. Для этой цѣли она ясно очерчиваетъ его кругъ дѣятельности, ограничивая ее воспитаніемъ, позволяетъ ему сохранить свои религіозныя уставы и порядки корпораціи, но отнимаетъ у него одно изъ главныхъ условий

¹⁾ *La compagnie de Jésus*, стр. 4.

слы — автономію. *Нравитъ съ прочими монашескими орденами* она подчиняетъ его власти епископа и мѣстнымъ законамъ страны, обѣщая Іезуитамъ такое же покровительство, какъ и всѣмъ другимъ подданнымъ, и сохраненіе всѣхъ ихъ правъ и имуществъ, но только *пока они сами вѣрноподданнической своей долгу и присягу сохранять будутъ*. Іезуиты съ радостью ухватились за такой благопріятный случай отстоять свое существованіе и спасти свое имущество отъ разграбленія. Они первые подали примѣръ присяги русскому правительству, увлекая за собой и весь бѣлорусскій народъ, и тѣмъ оказали большую услугу государынѣ. Ровно черезъ годъ, именно въ 1773 году, обнародована папская грамота (bref), совершенно уничтожающая Іезуитскій орденъ. Такимъ образомъ сама церковь, которой они были вѣрными органами и преданнѣйшими слугами, отвергла ихъ. Для Екатерины открылся самый блестящій случай заявить независимость своей мѣстной церкви отъ Рима. Она не впускаетъ папскую грамоту въ свои владѣнія, возобновляетъ Іезуитамъ обѣщаніе своего покровительства и даже дѣлаетъ распоряженіе о свободномъ пропускѣ черезъ свою границу тѣхъ изъ нихъ, которые вздумали бы искать убѣжища въ Россіи.

Но вѣрные своему характеру Іезуиты смиренно заявляютъ въ Петербургѣ, что по долгу послушанія они готовы подчиниться волѣ папы, чтобъ не производить соблазна между вѣрующими. На это государыня отвѣчаетъ, что она не хочетъ отклонять ихъ отъ обязанности послушанія и согласна, чтобъ они подчинились волѣ папы, какъ скоро его грамота будетъ обнародована въ Россіи. Что же касается ея обнародованія, то это уже дѣло императрицы, а по отношенію къ св. отцу она все беретъ на себя. ¹⁾

Этотъ отвѣтъ былъ достоинъ Екатерины. По выраженію покойнаго Морощкина, «едва ли когда-нибудь была на русскомъ престолѣ власть столь ревнивая къ своимъ правамъ, столь независимая въ своихъ дѣйствіяхъ, столь нетерпящая чужого вмѣ-

¹⁾ Comp. de Jésus, 36.

шательства въ домашнее хозяйство, называемое Русской Имперіей, какъ власть олицетворенная Екатериною Великою». Въ перепискѣ съ Гриммомъ она при разныхъ случаяхъ повторяетъ, что никогда не потерпитъ чужого вмѣшательства въ свои дѣла, и значеніе этихъ словъ она умѣетъ доказать на дѣлѣ, энергичски поддерживая въ Ватиканѣ свои требованія, какъ свидѣтельствуемъ та же самая записка Іезуита. ¹⁾

Но, несмотря на то, что Екатерина крѣпко держала въ рукахъ Іезуитовъ, они, не довольствуясь дарованными имъ милостями, не брезгали никакими косвенными средствами обдѣлывать свои дѣла черезъ сильныхъ міра сего: Захара Чернышева, Михельсона, Потемкина, что вовсе не скрывается въ запискѣ Іезуита. Тамъ подробно разсказано, какъ часто Іезуитамъ удавалось этими путями торжествовать въ борьбѣ съ нѣкоторыми епископами и даже съ самимъ Сестрэнцевичемъ. ²⁾

Съ другой стороны изъ этой же записки явствуетъ, что они не желали полного разрыва съ Римомъ, все надѣясь на лучшія времена. И вотъ когда на папскій престолъ вступилъ Пій VI, среди Іезуитовъ возродились надежды на возобновленіе ихъ ордена. Ихъ настоятель Черневичъ, черезъ посредство кардинала Іоанна Баптиста Реццонико, тотчасъ поспѣшилъ изъявить свою преданность новому папѣ, умоляя его, чтобъ онъ хотя какимъ-нибудь знакомъ поддержалъ въ братьяхъ увѣренность, что сохраненіе іезуитскаго ордена въ Россіи ему пріятно. ³⁾

Подобныя проски врядъ ли могли укрыться отъ зоркой наблюдательности Екатерины: они вызвали съ ея стороны шуточки и выраженіе: «мон бѣлорусскіе плуты». Но тѣмъ не менѣе Іезуиты служили ея дѣламъ. Какъ мы уже замѣтили, они первые присягнули на русское подданство; они становились ея орудіемъ для исполненія завѣтной мысли установить мѣстную католическую церковь, независимую отъ папы; они служили ей адвока-

¹⁾ Compagnie de Jésus, 76.

²⁾ Тамъ же 7, 81, 89, 90.

³⁾ Тамъ же 49.

тами въ борьбѣ съ папою. Отвергнутые царскимъ пресоломъ, отовсюду изгнанные, кромѣ схизматической Россіи, они убѣдительно доказывали законность дѣйствій Екатерины въ отношеніи къ латинской церкви въ Бѣлоруссіи и на эту тему писали цѣлыя разсужденія, внушали эти мысли латинскому духовенству Бѣлоруссіи, а черезъ него распространяли ихъ въ самой паствѣ. Наконецъ они устанавливали въ Западномъ краѣ твердую школу и основательное обученіе.

Послѣ всего сказаннаго интересно прослѣдить всѣ бѣглыя замѣтки о папахъ и Іезуитахъ, которыя въ разное время попадаютъ въ перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ, и особенно ея впечатлѣнія по личномъ знакомствѣ съ іезуитскимъ орденомъ, при посѣщеніи ею учрежденій его въ бѣлорусскую поѣздку.

Въ одномъ изъ самыхъ первыхъ ея писемъ говорится о смерти папы Климента XIV († 22 сентября 1774 г.) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Я очень сожалею о смерти братца Ганганелли: Sic transit gloria mundi» ¹⁾. По поводу избранія новаго папы она такъ шутитъ: «Кардиналамъ должно быть очень весело мерзнуть въ своихъ залахъ съ нищами въ Ватиканѣ, такъ какъ они до сихъ поръ не рѣшаются избрать папу; я подозреваю, что оппонирующіе Дворы хотятъ совершенно избавиться отъ всей священной коллегіи за разъ, такъ же какъ и отъ Іезуитовъ, задерживая ихъ такъ долго въ подобномъ мѣстѣ». ²⁾

Послѣ избранія Пія VI императрица пишетъ: «Скажите-ка однако, этотъ папаша Браски кажется мнѣ немножко Іезуитомъ. Я не буду жалѣть объ этомъ, потому что визнаете, какую привязанность я питаю къ этому драгоценному сѣмени, которое я соблюдаю, какъ самыхъ кроткихъ и разумныхъ гражданъ Бѣлоруссіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти плуты лучшіе люди въ мірѣ, и

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, стр. 10.

²⁾ Стр. 14—15.

нигдѣ еще не могли замѣнить ихъ школь, хотя разграбили для этого ихъ имущества» ¹⁾).

Что Гриммъ не раздѣлялъ расположенія государыни къ Иезуитамъ и часто задѣвалъ ихъ въ своихъ письмахъ, видно изъ слѣдующихъ отвѣтныхъ строкъ на его письмо еще въ 1775 году: «Знаете ли, что я пожалуй простила бы всё ваши выходки, еслибъ вы не вздумали въ концѣ своего письма пророчествовать на счетъ моихъ милыхъ плутовъ Бѣлоруссiи; но что бы вы тамъ ни говорили, вы не помѣшаете имъ строить прекрасный и обширный новиціатъ, который быстро воздвигается наперекоръ вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто имъ желаетъ зла» ²⁾. И въ другой разъ въ отвѣтъ на тѣ же нападки: «Развѣ вы не можете говорить мнѣ о развитiи вашего кредита у французскаго короля, не провознося брани на моихъ вѣрныхъ подданныхъ — этихъ бѣдныхъ плутовъ Бѣлоруссiи; затѣмъ вы называете ихъ еретическимъ сѣменемъ? Это — драгоценное сѣмя, достойное сохраненiя и такъ мало еретическое, что они только что выиграли процессъ противъ своего епископа ³⁾ (Сестренцевича), который ихъ притѣснялъ» ⁴⁾.

Когда Гриммъ направлялся изъ Женевы въ Италию, государыня опять писала ему: «Я не перестану нападать на ваше православiе (orthodoxie), пока вы не перестанете задѣвать моихъ милыхъ Иезуитовъ. Что эти бѣдняки вамъ сдѣлали и затѣмъ вы будете доносить на нихъ отцу Браски (папѣ Пію VI), который назоветъ ихъ еретиками противъ своего убѣжденiя? хорошо ли прiѣзжать изъ-за горъ, чтобъ насиловать совѣсть людей? Вотъ по-моему коварство демона и поведенiе погибшаго» ⁵⁾. Что императрица знала о замскиванiи Иезуитовъ у новаго папы, доказываютъ слѣдующiя строки: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо чтобъ его святѣйшество папа умеръ (сгѣве), и я не стану его огорчать, ни-

¹⁾ Стр. 22.

²⁾ Стр. 32.

³⁾ La comp. de Jesus 58.

⁴⁾ Св. И. О. XXIII, стр. 37.

⁵⁾ Стр. 38.

же мои завзятые бѣлорусскіе плуты, которые ему очень покорны и всегда хотятъ только того, чего онъ хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, я полагаю, что это вы доставляете кѣльнскому газетчику статьи, которыя онъ печатаетъ къ великому вреду теплицы. Итакъ вы находите, что я благотворю имъ, потому что это меня забавляетъ: надо сознаться, что вы мнѣ приписываете миленькія побужденія, тогда какъ у меня нѣтъ иной цѣли, какъ сдержатъ данное обѣщаніе, и кромѣ того я руководствуюсь въ этомъ сознаниемъ общественной пользы» ¹⁾).

Извѣстно, что французское и испанское правительства сильно поддерживали въ Римѣ уничтоженіе іезуитскаго ордена, и вѣроятно на это намекаетъ императрица, говоря: «Прошу васъ, поинтересуйтесь у кардинала Берни (французаго посла въ Римѣ), чтобъ онъ поменѣ вредилъ моимъ плутамъ. Эти бѣдняки совсѣмъ не умны и вполне безхитростны: пусть ихъ поживають спокойно. Они не принесутъ ни пользы, ни вреда; они похожи на безносаго Юпитера ²⁾). Я говорю вамъ это въ шутку: не вздумайте принять этого серіозно, потому что мнѣ вовсе не хочется возмущать грязную воду» ³⁾).

Не малой ироніей насчетъ безхитростности Іезуитовъ и ихъ прямодушія звучатъ всѣ отзывы императрицы о нихъ и послѣ ея личнаго знакомства съ ними. Къ письму изъ Пскова отъ 16-го мая присоединена приписка отъ 20-го мая изъ Полоцка.

«Записочка, писанная въ Полоцкѣ 20 мая 1780 г. при выходѣ отъ Іезуитовъ: Я была у нихъ сегодня утромъ; я тамъ слушала молебень и была въ ихъ домѣ. Здѣсь все ликуеть; я вчера была поражена, при вѣздѣ сюда, великолѣпіемъ ихъ представительности; всѣ другіе ордена свиньи передъ ними! Эти люди только что не танцуютъ; ихъ наѣхало къ намъ множество изо

¹⁾ Стр. 138.

²⁾ Статуя, которую предлагали тогда императрицѣ купить у сэра Гамильтона, и отъ которой она отказалась въ этомъ же письмѣ.

³⁾ Сб. И. О. XXIII, стр. 163. Намекъ на тяжкія обвиненія противъ Іезуитовъ.

всѣхъ странъ. Ужъ какіе же они разбивные! У нихъ здѣсь прекрасная церковь. Они наговорили мнѣ всевозможныхъ нѣжностей на всѣхъ существующихъ языкахъ, кромѣ тѣхъ, которые я понимаю. Ахъ, до чего нѣкоторые изъ нихъ смотрятъ плутами!»¹⁾ Эти строки, такъ живо и въ немногихъ словахъ обрисовавшія впечатлѣніе, произведенное на государыню Іезуитами, вызвали слѣдующій отвѣтъ Гримма, никогда не стѣснявшагося въ выраженіи своего мнѣнія о нихъ: «Какіе бы они ни были плуты, бьюсь объ закладъ, что они и не подозреваютъ, до какой степени ихъ августѣйшая и царственная Покровительница обладаетъ даромъ описанія. Однимъ движеніемъ кисти она показываетъ мнѣ безчисленное множество лицъ на гибкихъ и кривыхъ шеяхъ въ присутствіи той, чьи августѣйшія черты выражаютъ величіе и благородство и вовсе не теряютъ легкой улыбки, вызванной на устахъ ея тайными размышленіями, улыбкой, которую тщеславные плуты принимаютъ за улыбку удовольствія отъ ихъ прекрасныхъ привѣтствій. И вотъ картина нарисована»²⁾.

Въ другомъ мѣстѣ онъ такъ подшучиваетъ надъ представительностью Іезуитовъ, которую похвалила императрица: «Я очень сожалѣю, что мой *Carmen Saeculare* (партитура Филидора), столь великолѣпно оплаченный моею императрицей, не успѣлъ въ Россію, чтобъ быть исполненнымъ въ Могилевѣ въ присутствіи графа Фалькенштейна. Плуты ея императорскаго величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ весьма годились бы, чтобъ предсѣдательствовать на этомъ театральномъ праздникѣ и руководить имъ. Никто столько не смыслятъ въ религиозныхъ церемоніяхъ какъ они; это мастера на всякое театральное представленіе. Надо сознаться, что они были очень умны: жаль, что они такъ честолюбивы: въ отношеніи къ безграничному честолюбію умные люди ломаютъ себѣ шею чаще, чѣмъ люди ограниченные, потому что они слишкомъ натягиваютъ пружины»³⁾.

¹⁾ Стр. 181—182

²⁾ Письма Гримма къ императрицѣ Екатерицѣ II-й, 58.

³⁾ Тамъ же, стр. 70.

Черезъ недѣлю послѣ того, 26 мая, государыня пишетъ изъ Могилева: «Сегодня утромъ гр. Фалькенштейнъ и я присутствовали при католической обѣднѣ, справленной могилевскимъ епископомъ въ сослуженіи Іезуитовъ, Эксъ-іезуитовъ и множества орденовъ религіозныхъ и нерелигіозныхъ. Мы болѣе смѣялись и шутили, чѣмъ слушали. Онъ былъ монмъ чичероне, а я зѣвакой (badaud)» ¹⁾.

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Милордъ Гордонъ ²⁾ писалъ мнѣ изъ лондонской башни, чтобъ спросить у меня, правда ли, что императрица Греческая осквернила себя присутствіемъ при католической обѣднѣ? Я былъ поставленъ въ затруднительное положеніе и отвѣчалъ его лордству, что она была тамъ только въ качествѣ зѣваки. Этой отговорки его лордство не принимаетъ» ³⁾. И при другомъ случаѣ Гриммъ не преминулъ кольнуть государыню насчетъ ея присутствія при этой обѣднѣ. Посылая ей планисферу, поднесенную ей однимъ капуциномъ для обученія маленькаго внука ея — будущаго императора Александра, онъ пишетъ: «Ваше Величество приказали мнѣ оставить Васъ въ покоѣ съ капуцинами; но я ни къ чему не обязывался, потому что капуцины не обѣщали мнѣ оставить меня въ покоѣ. Они говорятъ: — такъ какъ императрица греческая ѣздитъ слушать латинскую миссу у покойныхъ Іезуитовъ, она должна имѣть слухъ и для ихъ лакеевъ-капуциновъ. Впрочемъ планисфера моего отца Хризолога назначена не для императрицы, а для г. Александра. Мой капуцинъ хочетъ, чтобъ этотъ августѣйшій молокососъ изучалъ по ней небо съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ знаменитая школьная учительница знакомитъ его съ землю; вотъ почему планисфера приспособлена къ широтѣ петербургской, и вотъ почему я не могъ отвергнуть приношенія капуцина, — естественное послѣдствіе успѣховъ полоцкихъ и могилевскихъ плутовъ во

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, стр. 181.

²⁾ Лордъ Гордонъ, посаженный незадолго передъ тѣмъ въ тюрьму въ слѣдствіе волненій, возбужденныхъ его оппозиціею въ парламентъ.

³⁾ Письма Гримма, стр. 46.

время приснопамятнаго путешествія Екатерины, не желающей, чтобъ её называли великой, вѣроятно потому, что не слѣдуетъ говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Впрочемъ, еслибъ августѣйшая учительница г. Александра позволила мнѣ подать ея именемъ милостыню въ пятьсотъ или шестьсотъ ливровъ преподобному отцу Хризологу, кѣльнскій газетчикъ столько же напумѣлъ бы объ этомъ, сколько о полоцкомъ новиціатѣ, и три монастыря парижскихъ капуциновъ отслужили бы молебень» ¹⁾.

Осенью, по возвращеніи въ Петербургъ, императрица спрашивала Гримма, о какомъ ея панегирикѣ, написанномъ Іезуитами, онъ упоминаетъ, при чемъ выразила слѣдующее сужденіе: «Я очень была бы рада, еслибы обо мнѣ запретили говорить, и рассказчиковъ и писакъ вездѣ облагали за это штрафомъ, какъ это было и есть во Франціи. Я не знаю, о какомъ похвальномъ словѣ вы говорите и какое сочиненіе этого рода напечатали бѣлорусскіе бездѣльники (шагоуфлес). Я не помню, чтобъ когда-нибудь объ этомъ слышала» ²⁾.

Когда Гриммъ, по поводу аудіенціи Рейфентштейна у папы, въ шутку назвалъ послѣдняго антихристомъ, то Екатерина отвѣчала ему такъ: «Мой вѣсъ и мѣра, въ разсужденіи папы, антихриста и дьявола, вотъ какіе: живите въ мирѣ и помогайте бѣднымъ» ³⁾. А говоря о самой аудіенціи, она мѣтко опредѣляетъ характеръ папства: «Папская аудіенція произвела на меня дѣйствию внушительное; однако оно обращается болѣе къ выгодѣ языческихъ боговъ нежели на пользу церкви христіанской, потому что первые имѣютъ болѣе прикосновенности къ художествамъ, чѣмъ послѣдняя, которая говоритъ: бѣдность и любовь» ⁴⁾. Въ другомъ письмѣ она отдаетъ отчетъ Гримму въ своей перепискѣ съ папою: «Знаете ли вы, что мы пишемъ другъ другу собственноручныя письма на такихъ языкахъ, которые получателю неиз-

¹⁾ Тамъ же, стр. 80.

²⁾ Св. И. О. XXIII — стр. 221.

³⁾ Стр. 191.

⁴⁾ Стр. 191.

вѣстны? Эти письма снабжены переводами опять-таки на языки, непонятные для получателя. Письма отца Браски ко мнѣ писаны по-итальянски и снабжены латинскимъ переводомъ, а отвѣты писаны по-русски и переведены на греческій языкъ. Вы найдете, что это странно, однако оно такъ» ¹⁾.

«Въ іюлѣ 1781 года государыня пишетъ: «Папаша Браски у меня въ долгу отвѣтомъ, который что-то долгонько заставляетъ себя ждать». А въ февралѣ 1782: «Мы съ Пиемъ VI пишемъ другъ другу прекрасныя письма и во всемъ совершенно согласны, на столько что онъ хочетъ одного, а я другого» ²⁾. Здѣсь очевидно рѣчь идетъ о перепискѣ, касавшейся возведенія Сестрэнцевича въ санъ архіепископа. Интересныя свѣдѣнія объ этой перепискѣ находимъ въ мемуарахъ Аркетти, папскаго нунція, посланнаго въ Петербургъ для посвященія Сестрэнцевича въ архіепископы въ 1784 году ³⁾. По поводу одного письма Гримма, гдѣ онъ упоминаетъ о монахахъ Кармелитскаго ордена, государыня отвѣчаетъ ему: «До вашихъ Кармовъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла, потому что моимъ запрещено сноситься съ другими Кармами, кромѣ находящихся въ странѣ. Мы становимся очень упрямы и желаемъ быть хозяевами у себя, а чужимъ носамъ нечего къ намъ соваться» ⁴⁾. Въ другой разъ она говоритъ: «Ужъ и вы тоже не становитесь ли въ ряды защитниковъ папы? Да кто же ему что сдѣлалъ? Вотъ большой шумъ изъ за того, что дюжиной или двумя десятками монастырей станетъ больше или меньше на свѣтѣ, какъ будто никогда не случалось обращать ихъ въ свѣтское владѣніе. Когда мнѣ хочется, чтобъ было монастыремъ меньше, я велю имъ сказать коротко и ясно:—идите въ другой,—и объ этомъ больше не говорятъ, и никто не развѣживается по этому поводу. Тьфу, скверно быть плаксою. Александръ не пла-

¹⁾ Стр. 199.

²⁾ Стр. 217 и 228.

³⁾ Un nonce du pape à la cour du Catherine II. Mémoires d'Archetti. Paris 1872.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, стр. 226.

четь и не пицять. Не знаю, получилъ ли папа прекрасный мѣхъ отъ графа Сѣвернаго ¹⁾; но я знаю, что готовлю ему великолѣпный, который отправлю ему, какъ скоро онъ пришлетъ палліумъ моему моголевскому архіепископу.... Если только онъ заслужитъ мою шубу, то я ужъ буду имъ довольна ²⁾. Но такъ какъ Пій VI все затягивалъ переговоры объ этомъ, то Екатерина писала: «Папа не хочетъ сдѣлать мнѣ ни малѣйшаго удовольствія, ниже самыхъ пустяковъ, о которыхъ я прошу, какъ палліумъ для моего моголевскаго архіепископа и посвященіе въ епископы in partibus его товарища. Признаюсь вамъ, что наконецъ Пій VI вынудитъ меня прибѣгнуть, чтобъ выйти изъ этого затрудненія, къ такимъ средствамъ, которыя неприятно будетъ употребить; мнѣ очень надоѣли эти отсрочки и дразги; ну ужъ если ему придется глотать змѣй, пусть пеняетъ на себя ³⁾. Наконецъ, въ сентябрѣ 1783 года, императрица, возвѣстивъ Гриму о проѣздѣ папскаго нунція въ Петербургъ, говоритъ: «Папскій посолъ долженъ дать палліумъ римскому архіепископу въ Моголевѣ, а потомъ онъ долженъ освятить церковь своего исповѣданія ⁴⁾ и посвятить епископа—помощника моголевскому архіепископу: вотъ и все. Я всего этого добила, потому что дала почувствовать, что если не достигну всего, то нисколько въ томъ не нуждаюсь и сумѣю принять другія мѣры ¹⁾. Тогда мнѣ живо отрядили этого посла ⁵⁾»).

Какъ тверда была императрица въ своихъ настояніяхъ по отношенію къ папскому престолу, свидѣтельствуется самъ Аркетти въ своихъ запискахъ, изъ которыхъ мы видимъ, что по поводу самой формулы присяги возникли недоразумѣнія и были пункты, на которые императрица рѣшительно не согласилась,

¹⁾ Подъ этимъ именемъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Европѣ въ 1782 году в. кн. Павелъ Петровичъ съ супругой.

²⁾ Сб. Н. О. XXIII, стр. 235.

³⁾ Стр. 259.

⁴⁾ Подробное описаніе всего этого въ сочиненіи: Un ponce etc. Mémoires d'Archetti.

⁵⁾ Сб. Н. О. XXIII, стр. 287.

такъ что потребовалось два мѣсяца для полученія отъ папы новыхъ инструкцій и, по словамъ Аркетти, Пій VI отвѣчалъ ему въ началѣ 1784 г.: «что надо сообразоваться съ временами и нельзя помѣшать Сестренцевичу произнести присягу въ предлагаемой формулѣ» ¹⁾.

О самомъ Аркетти императрица въ то же время писала Гримму: «Нашъ папскій посоль чрезвычайно добрый малый, и хорошо сдѣлаютъ, если его когда-нибудь самого изберутъ въ папы, и даже я полагаю, что будетъ полезно и нужно избрать его, потому что трудно найти лучшаго» ²⁾.

Оставшись вполне довольною имъ, императрица ходатайствовала о немъ передъ римскимъ первосвященникомъ, и онъ былъ возведенъ въ санъ кардинала. Нѣтъ сомнѣнйя, что при этомъ случай были возобновлены папами попытки о воссоединеніи церквей восточной и западной. Самъ Аркетти рассказываетъ, что во время своего пребыванія въ Петербургѣ, сблизившись съ архіепископомъ Новгородскимъ и Петербургскимъ, онъ имѣлъ съ нимъ длинныя бесѣды объ основныхъ пунктахъ раздѣленія церквей и будто даже въ день принятія въ новомъ католическомъ храмѣ Сестренцевичемъ паліума, при громадномъ стеченіи народа, онъ произнесъ воззваніе къ воссоединенію ³⁾. Это вѣроятно подало поводъ къ нѣкоторымъ толкамъ и надеждамъ на Западѣ, потому что императрица пишетъ Гримму: «Эти бѣлорусскіе плуты всегда готовы напечатать какую-нибудь ложь; кардиналъ Аркетти не сдѣлалъ никакого наброска, стало быть Буонакампаньѣ нечего будетъ оканчивать. Не вѣрьте ни единому слову объ этомъ мнимомъ соединеніи двухъ церквей; г. Аркетти ничего объ этомъ и не поминалъ. Первое изъ препятствій къ тому былъ бы самъ господинъ папа» ⁴⁾.

¹⁾ Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.

²⁾ Св. И. О. XXIII, стр. 300.

³⁾ Un nonce etc., Записки Аркетти, стр. 95.

⁴⁾ Св. И. О. XXIII, стр. 335.

Путешествіе въ Бѣлоруссію и свиданіе съ Іосифомъ II.

Какъ сказано было выше, императрица начала свое путешествіе 10-го мая и въ Нарвѣ встрѣчена была съ восторгомъ, о чемъ она упоминаетъ въ письмѣ къ Гримму изъ Пскова отъ 16 мая: «Я думала, что меня заѣдятъ ласками», и прибавляетъ шутя, что жители Нарвы никакъ не уступятъ жителямъ Риги. Приѣхавъ во Псковъ, императрица, постоянно заботливая о пробужденіи самостоятельныхъ жизненныхъ силъ государства, была поражена, что въ полосѣ, гдѣ по преимуществу воздѣлывается ленъ, не существовало фабрикъ льнянаго производства. Подъ этимъ впечатлѣніемъ она пишетъ къ Гримму изъ Пскова: «Этому городу, расположенному среди льна, недостаетъ промышленности; до сихъ поръ не догадались обратить ленъ въ дѣло. Приѣзжайте сюда, или привезите кому-нибудь вашъ талантъ развитія и пришлите его сюда: онъ можетъ-быть насадить здѣсь промышленность. Божественный Рейфенштейнъ очень хорошо сдѣлалъ бы, пославъ какого-нибудь ученика своего клиента Миллера въ Петербургъ, гдѣ мы, подготовивъ подмастерьевъ, употребили бы ихъ или здѣсь, или въ другомъ мѣстѣ, смотря по надобности; по крайней мѣрѣ пусть онъ намъ пришлетъ образцы самопрялокъ, которыя прядутъ и сучатъ въ одно время».

Это обращеніе къ Рейфенштейну выясняется изъ писемъ самого Гримма. Нѣкто — кавалеръ Миллеръ, — бывший, по словамъ Гримма, тосканскимъ государственнымъ министромъ и въ слѣдствіе непріятностей удалившійся изъ своего отечества въ Римъ подъ покровительство папы Пія VI (Браски), подготовлялъ учениковъ прядильнаго искусства королю Сардинскому, который былъ ими очень доволенъ. Одному изъ русскихъ магнатовъ, проѣздомъ черезъ Италію, вздумалось вербовать этихъ учениковъ въ Россію, о чемъ Рейфенштейнъ и писалъ императрицѣ. Кажется однако, что впослѣдствіи Екатерина, зная какъ дорого обходились ей услуги иностранцевъ, не настаивала на мысли выписать прядильныхъ мастеровъ изъ Италіи и даже какъ будто забыла объ

этомъ. По крайней мѣрѣ Гриммъ выражаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ удивленіе, что она не помнитъ собственныхъ словъ и приводитъ ей на память все то мѣсто письма изъ Пскова, которе онъ успѣшилъ конечно сообщить Рейфенштейну. Императрица отвѣчаетъ ему: «Перевода книги Миллера я буду ждать очень терпѣливо, такъ какъ я почти забыла, о чемъ рѣчь идетъ. А покамѣстъ я радуюсь съ нимъ, что онъ, совершенствуя свои прилки, учитъ прясть со всевозможнымъ успѣхомъ, какъ выучилъ прядильщиковъ короля Сардинскаго. Еслибъ было возможно, то я была бы очень рада не имѣть обо всемъ этомъ извѣстій до понаго усовершенствованія прядильнаго искусства; но такъ какъ это комментарий, и всякій авторъ долженъ итти впередъ не оглядываясь, то вы лучше сдѣлаете, если ничего не сообщите изъ этого письма божественному, чтобъ голова его могла итти рысью мирно и спокойно безъ всякихъ препятствій»¹⁾. Между тѣмъ заказанныя Рейфенштейномъ прялки были уже готовы и отправлены съ эскадрой адмирала Борисова, а вскорѣ затѣмъ и набранные прядильщики. Гриммъ предложилъ императрицѣ поставить во главѣ дѣла нѣкоего Гуттена, способнаго, по его отзыву, на самыя большія предпріятія. Императрица велѣла адресовать новопріѣзжихъ къ князю Безбородкѣ. При этомъ Гриммъ ходатайствовалъ для Миллера не только о хорошей платѣ за его прялки, но и о награжденіи какимъ-нибудь титуломъ, въ родѣ существовавшаго въ Германіи титула тайнаго совѣтника коммерціи. На это государыня дала такой отвѣтъ: «Что касается титуловъ, ничего не общайте, по крайней мѣрѣ до того времени какъ наши машины и прялки будутъ въ полномъ дѣйствиіи. Что до денегъ, — то пожалуй»²⁾.

По прибытіи въ Петербургъ прядильщики съ главнымъ мастеромъ, принятымъ на выгодныхъ условіяхъ, были помѣщены въ Софін, близъ Царскаго-Села, позади фермы, — нынѣшняго

1) Стр. 194 — 195.

2) Стр. 199.

адмиралтейства на большомъ озерѣ, — и тамъ началась ихъ дѣятельность. Впослѣдствіи не разъ упоминается о нихъ; но изъ отзывовъ императрицы видно, что дѣло, искусственно насажденное, не пошло на ладъ, и она жалуется на дурное поведеніе прядильщиковъ и прядильщицъ. Миллеръ же подавалъ какіе-то проекты, которые были отданы на разсмотрѣніе Безбородкѣ, а позже императрица дала небольшую сумму на напечатаніе его словаря въ сокращенномъ видѣ, и при этомъ такъ подшучивала надъ петербургскимъ экономическимъ обществомъ: «Этотъ словарь Миллера, по отзыву вашему, такая книга, что её слѣдовало бы рекомендовать Экономическому обществу въ Петербургѣ, которое все нищенствуетъ и даже воруетъ, если дать ему волю. Я уже велѣла спросить у него, это ли оно называется экономіей. Впослѣдствіи она велѣла отправить къ Гримму триста экю для содѣйствія къ напечатанію сокращеннаго Миллерова словаря, и требовала, чтобы Гриммъ увѣдомилъ ее, достаточно ли этой суммы на такое изданіе. ¹⁾

Изъ Пскова государыня направилась въ Полоцкъ. Съ этихъ поръ мы будемъ говорить о ея путевыхъ впечатлѣніяхъ и знакомствѣ съ Іосифомъ II собственными словами ея писемъ.

«Въ Полоцкѣ, 21 мая, день именинъ г. Константина съ необыкновенно умными глазками. Здѣсь большое стеченіе людей; я вижу изъ оконъ моихъ чужіе края, т. е. границу Польши, Двину, протекающую между моихъ домовъ и этой страной. Вотъ видите, какъ я близко къ вамъ; но это будетъ ненадолго, потому что я завтра уѣзжаю въ Могилевъ. Г-нъ Фалькенштейнъ приѣхалъ въ Кіевъ 14-го. Онъ долженъ выѣхать оттуда 18-го. Вы найдете здѣсь записочку, которую я вамъ написала вчера; она драгоценна по той минутѣ, въ которую писана, и горячая, совсѣмъ горячая». ²⁾ Это была вышеприведенная записка, писанная по выходѣ изъ дома Іезуитовъ, послѣ ихъ молебна и торжественнаго приема императрицы.

¹⁾ Стр. 682.

²⁾ Стр. 179.

«Изъ Могилева, сего 25 мая. Я вчера утромъ пріѣхала сюда и нашла г. Фалькенштейна расположившимся здѣсь уже двое сутокъ назадъ. Какъ только онъ узналъ, что я сократила на четыре дня свое путешествіе, чтобъ опередить его, онъ принялся скакать день и ночь и пріѣхалъ двумя днями ранѣе меня. Мы весь вчерашній день провели вмѣстѣ; казалось, что онъ не скучалъ. Я нашла, что онъ очень образованъ: онъ любитъ говорить и говоритъ хорошо. Вчера весь день легъ дождь, что принудило насъ провести вечеръ вмѣстѣ, какъ будто бы это былъ зимній вечеръ... Такъ какъ русская декларация навела васъ на нормальныя школы, я должна сказать вамъ, что эти школы были вчера однимъ изъ предметовъ нашего разговора, и по всему, что я слышала, эти нормальныя школы превосходное изобрѣтеніе; но намъ нужно будетъ нормальныхъ школьныхъ учителей. Я тутъ еще разъ нашла, что нерѣдко дѣти представляютъ противоположность съ отцомъ и матерью ¹⁾ Мы не кажемся очень набожны, а чтенія наши вовсе не таковы. Однако Эпохи (Бюффона) еще не попадались намъ подъ руку. Знаете ли, что когда видишь передѣтыхъ императоровъ, это кружить голову; подымаешь носъ и нюхаешь воздухъ, что, какъ вы конечно понимаете, мѣшаетъ отвѣчать съ должнымъ вниманіемъ на получаемыя письма.

«26 мая. Вчера вечеромъ мы были въ комической оперѣ и г. Фалькенштейнъ сообщилъ мнѣ въ разговорѣ вещи, достойныя быть напечатанными, глубоко обдуманныя и которыя конечно принесутъ ему безконечную честь, если онъ ихъ исполнитъ въ дѣйствительности. Я не смѣю разглашать ихъ, потому что онѣ были сказаны на ухо, и не изъ трусости, а по скромности; вотъ чего я также требую и отъ васъ по отношенію къ тѣмъ мѣстамъ моихъ писемъ, которыя вы находите достойными напечатанія золотыми буквами.

«27 мая, среда. Отсюда (изъ Могилева) мы ѣдемъ, графъ Фалькенштейнъ и я, въ шестимѣстной каретѣ другъ возлѣ друга

¹⁾ Иосифъ II съ Маріей Терезіей.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

въ Смоленскъ, до котораго двѣсти верстъ. Оттуда онъ поѣдетъ въ Москву и вернется черезъ Петербургъ, а я поѣду его тамъ дожидаться. Мы говоримъ обо всемъ на свѣтѣ, стало-быть и о васъ, а такъ какъ онъ все знаетъ, то знаетъ что вы были съ графами Румянцовыми въ Вѣнѣ.

«Петергофъ, 24 іюля 1780, день моего отъѣзда отсюда...
...Этотъ листокъ, начатый вчера въ Петергофѣ, я продолжаю сегодня, 25-го, въ Царскомъ Селѣ. Графъ Фалькенштейнъ уѣхалъ отсюда 10-го этого мѣсяца и долженъ быть недалеко отъ Вѣны. Я не кончила бы, еслибъ стала хвалить его. Это голова самая основательная, самая глубокая, самая просвѣщенная, какую я знаю. Ну ужъ кто его опередить, тому придется вставать рано. Мой высокій союзникъ велѣлъ отслужить панихиду за упокой души Вольтера; я же, считая его душу успокоенною, не послѣдую этому примѣру, потому что не люблю подражать другимъ; да и не надо оскорблять живыхъ изъ любви къ мертвымъ¹⁾»).

На эти строки о панихидѣ Вольтера Гриммъ отвѣчалъ слѣдующей шуточной выходкой: «Обезьяничать не въ ея вкусахъ. Я угадывалъ, что она не захочетъ раздѣлять честь и расходы службы за упокоеніе души патриарха и что ея высокій союзникъ будетъ вынужденъ отпѣть её фальсетомъ исключительно на свой счетъ, что, по точному исчисленію мнѣ присланному, стоило 42 эку и 8 грошей. Конечно, самая прекрасная уловка—сказать: я вѣрю въ полный покой его души!.. Но еслибъ каждый про себя возымѣлъ такое хорошее мнѣніе о своихъ друзьяхъ, родныхъ и близкихъ, отправляющихся на тотъ свѣтъ, плуты ея величества въ Полоцкѣ и Могилевѣ и множество другихъ купцовъ, живущихъ тою же продажей извѣстнаго противоядія, очень затруднились бы убрать свои лавочки какъ слѣдуетъ, въ то время какъ они должны принимать и привѣтствовать свою государыню. Впрочемъ высокій союзникъ не былъ такъ безумно восхищенъ этою

¹⁾ См. И. О. XXIII, 180, 181, 183.

идеей. Онъ подчинился ей немножко нехотя, по настояніямъ нѣкогого стараго дитяти ¹⁾, того самаго, который хотѣлъ освободить у вашего величества своихъ вѣтряныхъ соотечественниковъ, взятыхъ между канальей—польскими конфедератами. Вотъ почему расходъ службы ограничился фальсетомъ, тогда какъ ваше величество могли бы обезоружить всякаго чудеснѣйшей панихидой, сочиненной Паизіэлло и исполненной всей императорской театральной капеллой, привезенной въ Могилевъ. Когда я говорю: всякаго — это потому что я навѣрно не знаю и въ качествѣ православнаго лютеранина не обязанъ знать, кто прислуживаетъ въ чистпищѣ, дьяволы или ангелы. Надѣюсь, что одинъ изъ этихъ бѣлорусскихъ плутовъ захочетъ сказать мнѣ въ точности, какъ совершается эта служба». ²⁾

Восторженные отзывы императрицы о Іосифѣ II, какъ кажется, сердили Гримма. Онъ какъ будто питалъ недовѣріе къ искренности намѣреній и обѣщаній Іосифа и тонко подшучивалъ надъ этой новой дружбой, особливо надъ тайною совѣщаній, о которыхъ не хотѣли сообщать ему. Однако отзывы его о личности Іосифа, котораго онъ съ этой минуты называетъ «высокимъ союзникомъ», не были враждебны послѣднему, хотя онъ предлагалъ императрицѣ нѣкоторые вопросы, въ такомъ родѣ: «Просвѣтился ли графъ Фалькенштейнъ въ петербургской нормальной школѣ? Или онъ болѣе говорилъ, чѣмъ слушалъ? Онъ имѣетъ передъ своими товарищами то единственное преимущество, что много видѣлъ, много путешествовалъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ много знаетъ; но приведено ли это сколько-нибудь въ систему, или въ головѣ его все перемѣшано, какъ въ парижскихъ кабакахъ?» ³⁾ А въ другомъ мѣстѣ: «Я бы сказалъ моею августѣйшей государынѣ все, что она думаетъ о своемъ знатномъ гостѣ; но прежде чѣмъ пуститься въ эту опасную исповѣдь, я рискнулъ бы сдѣлать нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, какъ напри-

¹⁾ Вѣроятно Фридриха II.

²⁾ Письма Гримма 57, 58.

³⁾ Тамъ же, 43.

мѣръ: понимаетъ ли онъ языкъ треножника? сознаетъ ли благодѣтельное вліяніе сильнаго вѣтра или сильной головной боли? и много такихъ бездѣлицъ, которыя я наблюдаю прежде чѣмъ выскажусь о человѣкѣ. Послѣ этихъ предисловіи я бы высказался и развилъ все то, что императрица удержала про себя въ своемъ императорскомъ сердцѣ о намѣреніяхъ своихъ въ будущемъ и тому подобныхъ мелочахъ» ¹⁾. По этимъ словамъ можно видѣть, какъ интересовали Гримма политическія соображенія Екатерины и какъ тревожилъ Европу союзъ ея съ Іосифомъ II. Но такъ какъ императрица не переставала хвалить графа Фалькенштейна, то въ другомъ письмѣ Гриммъ говоритъ: «Я не могу усомниться въ немъ послѣ похвалъ, выраженныхъ Минервой его головѣ и уму; и по правдѣ сказать, одно это путешествіе, предпринятое и выполненное имъ нынѣшній годъ, достаточно, чтобъ подтвердить хвалу эту. Дюжинная голова не способна задумать и исполнить такое предпріятіе. Въ его положеніи дюжинная голова именно побоялась бы, что ее затмитъ блескъ, окружающій славнѣйшій изъ престоловъ Европы, и это глупое чувство уничтоженія было бы достаточно, чтобъ удалить его. И если, несмотря на санъ свой, онъ осмѣлился къ нему приблизиться, то значить, онъ чувствовалъ себя въ состояніи поддержать это свиданіе; такое благородное довѣріе, такъ же какъ и значеніе, какое онъ придавалъ этому свиданію, никогда не могли быть принадлежностью души обыкновенной» ²⁾.

По отъѣздѣ графа Фалькенштейна Гриммъ сообщаетъ императрицѣ, что князь Лобковичъ, желавшій по словамъ его быть въ свитѣ своего государя, хотя бы въ качествѣ конюха, писалъ ему изъ Брюсселя: «Вы должны были получить подробныя свѣдѣнія о появленіи моего государя въ Россіи. Не знаю, имѣлъ ли онъ успѣхъ; но за то знаю, что онъ въ восхищеніи отъ этой страны и очарованъ истинно великой Екатериной. Надо будетъ

¹⁾ Письма Гримма 55.

²⁾ Тамъ же, 53, 54.

сказать ему, что истинно великая Екатерина говорить о графѣ Фалькенштейнѣ. Многіе почтовые чиновники уже видѣли и записали это ранѣе его и меня, не потерявъ ни одной затяжки изъ своей трубки табаку» ¹⁾). Даже и по отъѣздѣ Іосифа II государыня не только часто вспоминаетъ пріятное свиданіе съ нимъ, но высказываетъ о немъ такіе отзывы: «О Боже! какъ вы не знаете этого человѣка! Если вамъ съ нимъ когда-нибудь случится разговаривать, онъ овладѣетъ всѣмъ вашимъ слухомъ и вы не наслушаетесь его; онъ обладаетъ великимъ краснорѣчіемъ и мысль и слово у него въ полномъ распоряженіи. Это человѣкъ, который необыкновенно сильно желаетъ добра, ищетъ его вездѣ, и когда найдетъ его, то хитеръ будетъ тотъ, кто его отъ этого добра отклонить». ²⁾

Наслѣдный принцъ Прусскій, князь де-Линъ, герцогъ Браганцскій, Марія I, королева Португальская.

Впечатлѣніе, произведенное на императрицу сближеніемъ ея съ Іосифомъ II, еще болѣе выиграло отъ противоположности, которую вскорѣ представило ей посѣщеніе наслѣднаго принца Прусскаго Фридриха Вильгельма — племянника Фридриха II, прибывшаго въ Петербургъ какъ разъ по отъѣздѣ Іосифа II, 26 іюля 1780 г. Онъ пробылъ до 2-го октября. Гриммъ писалъ о немъ Екатеринѣ: «Графа Фалькенштейна смѣняетъ г. маркизъ Бранденбургскій, иначе сказать г. принцъ Прусскій. По званію германскаго принца и по личнымъ своимъ качествамъ, онъ состоитъ, какъ извѣстно, подъ моимъ покровительствомъ: итакъ ваше величество должны говорить о немъ со мною осторожно, чтобъ я не подвергся искушенію поворотить влѣво. Ледяной министръ графъ Гѣрцъ имѣетъ прекраснѣйшій въ мірѣ случай оттаять: если онъ этимъ не воспользуется, я буду считать его положеніе отчаяннымъ» ³⁾.

¹⁾ Тамъ же, 56.

²⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 218.

³⁾ Письма Гримма 45, 46.

Но это предостереженіе нисколько не побудило императрицу стѣсняться въ откровенномъ выраженіи своего мнѣнія о принцѣ, сопоставляя его съ Иосифомъ, о которомъ она говоритъ: «Сынъ не похожъ на мать; сынъ, сынъ, сколько онъ надѣлагъ шуму! Онъ и еще болѣе на шумитъ; но наши *племянники* ¹⁾ что объ этомъ скажутъ и каково будутъ себя отъ того чувствовать? Что вы объ этомъ думаете, вы, которые любите какъ хлѣбъ все, что касается этихъ геніевъ, которыхъ вы руководили болѣе дюжины, хотя вы отрекаетесь отъ этой гнѣзной любви, какъ отъ преступления; скажите, исповѣдайте свое убѣжденіе; увы! это совершенная невозможность, это не вяжется съ моимъ разсудкомъ; вотъ младшій, такъ вполне младшій, система младшаго и голова младшаго» ²⁾. И далѣе: «мнѣ нечего учить графа Фалькенштейна», говоритъ она: «онъ совершенно выученъ и изъ него выйдетъ весьма умѣлый мастеръ; но глубоко почтительный ученикъ (наслѣдный принцъ Прусскій), который только что отсюда отбылъ, долженъ еще много пострадать, чтобъ изъ него вышелъ мастеръ. Совсе не узнаешь, что въ этомъ бѣдномъ человѣкѣ сидитъ: онъ очень сильно запинается, или ужъ его такъ строго держать на привязи, что изъ него никогда ничего не выйдетъ; онъ обладаетъ такою сильною сдержанностью, что становится совершенно непереваримъ для тѣхъ, кому приходится съ нимъ сталкиваться на дѣлѣ, въ сношеніяхъ или обхожденіи. Говорятъ, что онъ благомыслящъ. Можетъ-быть; но то же самое можно сказать и объ индѣйкѣ, а быть или казаться индѣйкой, это не во всякое время годится. «Потомъ императрица опять переходитъ къ графу Фалькенштейну: «Могилевскій смотръ былъ не только полнымъ, но и полнѣйшимъ, и разъ, когда мы часовъ пять къ ряду болтали и хохотали во все горло, я сказала ему: «Въ то время, какъ цѣлая Европа заинтересована, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь, смотрите пожалуйста. чему мы смѣемся?» Ему, ка-

¹⁾ Намекъ на прусскаго наслѣднаго принца, о которомъ сказано въ началѣ этой главы.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 184.

жется, здѣсь понравилось. Вначалѣ меня бросало въ жаръ, а подъ конецъ я привыкла. Онъ покинулъ насъ съ сожалѣніемъ и оставилъ здѣсь большое къ себѣ уваженіе. Но этотъ другой въ высшей степени тяжель. Боже, Боже! какая разница съ дядьями! Этотъ похожъ какъ двѣ капли воды на тѣхъ старинныхъ герцоговъ Бевеерскихъ, которые всѣ были колоссальныя фигуры. Ледяной министръ остался ледянымъ, и кажется, что они заморозили и вашего протеже. Если вы на его счетъ знаете болѣе нежели я могу вамъ сказать, сдѣлайте одолженіе, сообщите мнѣ, потому что всего этого я хорошенько не понимаю ¹⁾).

. . . . «Если возможно, то пусть не прїѣзжаютъ ко мнѣ подобные люди послѣ графа Фалькенштейна: онъ избаловалъ мой слухъ, а вашъ протеже отвратилъ меня отъ подобныхъ визитовъ; клянусь вамъ что онъ скукой, которую заставлялъ меня испытывать, въ сильной мѣрѣ увеличилъ бывшую у меня ревматическую боль въ рукѣ, и она стала уменьшаться съ тѣхъ поръ какъ его здѣсь нѣтъ. Когда имѣешь племянниковъ подобной тяжести, никогда не надо посылать ихъ послѣ такихъ лицъ, съ какими мы поѣхали знакомиться въ Могилевъ: вообразите, что мы въ перепискѣ и что я получила письмо слаще меду отъ маменьки тоже. Бѣлорусскіе политики, видя какъ мы постоянно другъ съ другомъ перешептывались, говорили, что мы скоро обвѣнчаемся» ²⁾).

На эту выходку государыни противъ наслѣднаго Прусскаго принца Гриммъ отвѣчаетъ: «Но, тысячу разъ ради Бога, что же наконецъ случилось съ моимъ протеже, что онъ удалился и даже прїобрѣлъ репутацію индѣйки? На этотъ разъ я воскликнулъ, обращаясь прямо къ нему: Вижу!

Твой удивленный геній дрожалъ передъ ея геніемъ;

И никогда ты не могъ стать твердо и увѣренно.

«Это конечно не бездѣлица, особливо когда въ то же время

¹⁾ Стр. 190.

²⁾ Стр. 192.

естественная механика устроена тяжеловѣсно и не гибко, и колеса не смазаны, чтобъ двигаться легко и свободно. Эта невзгода индѣйки напоминаетъ мнѣ разсказъ его дяди ¹⁾, что когда онъ въ первый разъ былъ приведенъ въ присутствіе государыни, то вынужденъ былъ упереться ногами изо всей силы, чтобъ устоять. И вотъ однако племянникъ не устоялъ, и я вижу съ соболѣзнованіемъ, что онъ не удержался и не всталъ опять на ноги» ²⁾.

По поводу этихъ сужденій императрицы о двухъ знаменитыхъ путешественникахъ, нельзя не привести одного замѣчательнаго мѣста изъ письма Гримма, въ которомъ онъ обнаруживаетъ свою задушевную, но не осуществившуюся мечту, чтобъ Людовикъ XVI также посѣтилъ Россію, отъ чего онъ ожидалъ большой пользы для Франціи. Онъ говоритъ въ письмѣ отъ 6 сентября 1780 года. «Ваше величество могли бы также вспомнить, кого я хотѣлъ еще прислать въ школу нашей коронованной учительницы нормальныхъ школъ. Это было не пророчество, а весьма сильное желаніе великаго блага. Этотъ пріѣхалъ бы не столь свѣдущимъ, какъ графъ Фалькенштейнъ, который по своему положенію имѣлъ единственное преимущество между подобными себѣ — путешествовать и узнать всю Европу въ такомъ возрастѣ, когда умъ достигъ уже полной зрѣлости; но мой путешественникъ прислушивался бы и, пріѣхавъ ребенкомъ, можетъ-быть уѣхалъ бы мужемъ. Вѣрно однако то, что надо бы имѣть въ Петербургѣ, вблизи Эрмитажа, гостиницу съ выѣской *Trezk королей* и учрежденіе, по которому всегда было бы ихъ двое или трое не съ востока, а съ запада. Послѣ мѣсячнаго пребыванія была бы устроена смѣна, потому что тотъ, чьи уши цѣлый мѣсяцъ слушали безуспѣшно, могъ бы преспокойно возвратиться съ дипломомъ нечувствительнаго слухового барабана; кто не оказался бы такимъ, собралъ бы достаточный запасъ, чтобъ долго пускать въ оборотъ добро, ему ввѣренное; и всѣ народы запада воздѣвали

¹⁾ Принца Генриха.

²⁾ Письма Гримма 98, 99.

бы къ небу признательныя руки и благословляли бы гостиницу *Трехъ королей*, близкую къ Эрмитажу; а ваше величество, чтобъ наградить меня за мысль такого учрежденія, даровали бы мнѣ мѣсто кельнера или оберъ-кельнера въ этой гостиницѣ. Возможно ли, чтобъ самыя лучшія учрежденія всегда оставались въ головахъ людей, вникогда не осуществлялись бы ко благу рода человѣческаго! Какъ бы я былъ счастливъ, Государыня, еслибъ могъ быть кельнеромъ въ этомъ единственномъ случаѣ, и прибавить еще и эту пуговку къ сертучку моего безсмертія» ¹⁾).

На это императрица отвѣчала: «Вы заставили бы меня бѣжать изъ моего Эрмитажа, еслибъ тамъ поставили вывѣску *Трехъ королей*. Даже ваше званіе оберъ-кельнера этой гостиницы не могло бы позолотить пилюли» ²⁾).

Одновременно съ принцемъ Прусскимъ прибылъ въ Петербургъ знаменитый князь де-Линь, котораго блестящій умъ и разнообразныя свѣдѣнія такъ очаровали императрицу и который впоследствии сопровождалъ ее въ крымскомъ путешествіи и навсегда сохранилъ ея благорасположеніе, выразившееся между прочимъ въ перепискѣ съ нимъ, отчасти уже извѣстной. О первомъ впечатлѣніи, имъ произведенномъ, императрица пишетъ: «Сюда еще прибылъ князь де-Линь, который принадлежитъ къ числу людей самыхъ веселыхъ и пріятныхъ въ обществѣ, какихъ я когда-либо видала; вотъ оригинальная голова, которая мыслить глубоко, а дурачится по-дѣтски. Въ такомъ обществѣ я уживусь легко. Онъ другъ моего герцога Браганцскаго». ³⁾ Последняго императрица очень жаловала и онъ также являлся путешественникомъ въ Россію. Онъ былъ двоюродный братъ Португальскаго короля Іосифа I; покинувъ родину, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ австрійскимъ волонтеромъ; потомъ поселился въ Вѣнѣ и много путешествовалъ, между прочимъ былъ и въ Россіи. Онъ отличался литературнымъ талантомъ и

¹⁾ Письма Гримма, 54—55.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 192.

³⁾ Тамъ же, стр. 185.

приятными формами; по возвращении дочери Иосифа Марии I вернулся в Португалию и основал в Лиссабоне академию наук. Императрица называла его прямым и честным рыцарем, а королеву Португальскую Марию *сестрицей Марией* и представляла её как ревностную католичку, всегда стоящую на коленях перед своим духовником, при чём, говоря о ней, выразила следующую шуточную, но верную мысль «Ханжество дѣлаетъ душу и умъ задхлыми (тифліф)» и прибавила: «берегитесь, вашъ умъ тоже сдѣлается задхлымъ, если вы слишкомъ будете заниматься однимъ предметомъ». ¹⁾

Гриммъ не утерпѣлъ, чтобъ не задѣть и де-Линя по поводу одного изданнаго имъ военнаго сочиненія. Онъ пишетъ: «Я не знаю, послалъ ли князь де-Линь свои военные предразсудки и фантазіи вашему императорскому величеству. Боюсь, что онъ не довольно наглотался атмосферы нормальной школы въ Петербургѣ. Говорятъ, что въ этомъ сочиненіи есть большія несообразности и даже плоскости. Я очень радъ, что ничего не читаю изъ появляющагося; я тоже доволенъ, что не всѣ безумцы въ одной Франціи: эта исключительная привилегія меня нѣсколько огорчила бы. У насъ довольно этого сѣмячка, чтобъ не завидовать когда оно процвѣтаетъ у сосѣдей. Я слышалъ чтеніе нѣкоторыхъ отрывковъ произведенія князя де-Линя, которые успокаиваютъ меня въ остальномъ. Напримѣръ, онъ поучаетъ своихъ читателей, и я не знаю предразсудокъ ли это или фантазія, что одинъ императоръ (Римскій) имѣетъ *народную армію*, съ которою ему можно будетъ идти, когда вздумается, въ Константинополь или въ Петербургъ, или въ вѣроятно въ Парижъ. Это открытіе, съ которымъ я поздравляю автора: я былъ до сихъ поръ довольно глушь, чтобъ думать, что если есть въ мірѣ народная армія, такъ это русская армія. Совсѣмъ нѣтъ. Я также познакомился со множествомъ національностей, подвластныхъ императору безъ моего вѣдома. Я правда подозреваю, что большая часть этихъ

¹⁾ См. И. О. XXIII, 76.

націй, перечисленіе которыхъ такъ великолѣпно, состоитъ изъ пяти-шести бѣдняковъ, разсѣянныхъ въ нѣсколькихъ хатахъ, именуемыхъ селами, и что одна изъ многочисленныхъ націй, обитающихъ подъ скипетромъ Греческой императрицы, сразу проглотила бы всѣ эти націи, созданныя княземъ де-Линемъ; и мнѣ еще сдается, что если Іосифъ со временемъ доведетъ населеніе Венгріи до степени, на которую оно способно стать, то у него будетъ болѣе подданныхъ и менѣе націй. И потомъ надо прибавить съ царемъ Соломономъ, что люди большіе дураки, но что не всѣ дурачества забавны». ¹⁾ Государыня отвѣчаетъ: «Я не знаю военныхъ предразсудковъ и фантазій принца де-Линя; но знаю, что голова его очень оригинальна». ²⁾

Во всякомъ случаѣ въ приведенной выпискѣ и мнѣніяхъ Гримма о народахъ Австріи замѣчательно обрисовался взглядъ на славянскій міръ кореннаго нѣмца и предчувствіе будущей австрийской политики, возвышающей Венгрію на счетъ славянскихъ народностей. Но тутъ же, хотя и въ формѣ лести Екатеринѣ, бѣзсознательно высказалось и убѣжденіе въ могуществѣ Россіи, обладающей единственною въ мірѣ *народной арміей*. И къ этому нельзя не прибавить, что, во всѣхъ политическихъ совѣтахъ своихъ Екатеринѣ, Гриммъ является искреннимъ радѣтелемъ о пользахъ ея и Россіи, что мы увидимъ во многихъ случаяхъ. Но Екатерину излишне было поучать въ этомъ. Она сама лучше всѣхъ сознавала духовную силу своего народа и умѣла на нее опираться, и въ этомъ болѣе всего заключалась тайна успѣха всѣхъ ея великихъ дѣлъ и начинаній.

Титуль Великой.

Ко времени бѣлорусскаго путешествія относится мысль о поднесеніи императрицѣ петербургскимъ сенатомъ титула Вели-

¹⁾ Письма Гримма 157, 158.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 208.

кой, и въ письмахъ Гримма за это время мы находимъ сначала намеки на то, а потомъ и разсужденія объ этомъ событіи. Онъ говоритъ: «Вотъ теперь и Петербуржцы, кичась своимъ новымъ управленіемъ, которымъ столица разрѣшилась въ отсутствіи своего генія-хранителя, тоже начинаютъ шумѣть какъ люди изъ Риги и Нарвы!»¹⁾ И въ другомъ письмѣ: «Правда ли, государыня, что сенатъ желаетъ, чтобъ мы звали императрицу Екатериной Великой? Зачѣмъ же такая перестановка? Всѣ привыкли говорить: великая Екатерина, а Вольтеръ говорилъ божественная Катò (Catau), что соответствуетъ Дивѣ, слову, которое Римляне прилагали къ императрицамъ. Наконецъ, какъ имъ угодно, а я скажу съ дономъ Іафетомъ армянскимъ: «Вовсе не важно, чтобъ Блезъ былъ впереди или Блезъ позади»²⁾. На это императрица отвѣчала: «Оставьте глупыя прозвища, которыми нѣкоторые мальчишки захотѣли украсить мою сѣдую голову, и за каковую вѣтреность имъ надавали щелчковъ, такъ какъ они еще не родились, когда всѣ эти глупости были торжественно отвергнуты на собраніи уполномоченныхъ отъ округовъ, которые отъ Риги до Камчатки входятъ въ составъ обширной земли русской».³⁾

Узнавъ объ этомъ отказѣ, Гриммъ пишетъ: «Но, тысячу разъ, зачѣмъ же, Бога ради, ваше императорское величество такъ рѣзко отпотчевали нашего храбраго и честнаго фельдмаршала Голицына, сенатъ и прочихъ новыхъ губернскихъ депутатовъ съ титуломъ великой Екатерины? Всѣ ко мнѣ пристають съ этимъ и говорятъ мнѣ прямо въ глаза: «ну, иногда она Богъ знаетъ какая странная голова. За что она сердится? Ей не предлагаютъ ничего другого, кромѣ ея настоящаго имени?» А я такъ предвидѣлъ, что случится съ этимъ добрымъ фельдмаршаломъ Голицынымъ, и его бѣдными триумфальными арками, и отвѣчалъ на это: «Чего же вы хотите? Вотъ какова она на самомъ дѣлѣ! Мы должны

1) Письма Гримма 17.

2) Тамъ же, стр. 27.

3) Сб. И. О. XXIII, 187.

уже примириться съ этимъ. Передѣлать её или исправить невозможно, и на это нечего надѣяться» ¹⁾.

Императрица отвѣчаетъ: «Такъ какъ триумфальныя арки князя Голицына и служба за упокой души Вольтера ничего не значать, то я отказалась отъ того и другого, а съ тѣхъ поръ какъ я знаю откуда произошла мысль о панихидахъ, я хвалюсь тѣмъ, что показала въ этомъ чутье» ²⁾.

Съ этихъ поръ Гриммъ хотя и употребляетъ иногда слово *великая* Екатерина, но чаще онъ шуточно говоритъ то Екатерина *коротко*, но не великая, то наша императрица *средняго роста* (von mittelmässiger Statur). Когда же онъ сталъ одно время называть ее Catherine le Grand (Екатерина *Великій*), то она не на шутку разсердилась и говоритъ:

«Прошу болѣе не называть меня или, лучше, не давать мнѣ насмѣшливаго прозвища Екатерины *Великаго*, потому что во-первыхъ я не люблю никакихъ прозвищъ, во-вторыхъ, потому что мое имя Екатерина II, въ-третьихъ я не хочу, чтобъ обо мнѣ говорили, какъ о Людовикѣ XV, находя его неудачно названнымъ и въ-четвертыхъ ростомъ я не велика и не мала: представьте кому слѣдуетъ, что я уступаю всѣ насмѣшливыя прозвища тому, кто ихъ заслуживаетъ, какъ Георгъ и Густавъ (Gegu) ³⁾ и компанія» ⁴⁾.

Народное образованіе и нормальныя школы.

Въ самомъ началѣ переписки императрицы Екатерины съ Гриммомъ являются слѣды ея постоянной заботливости о созданіи въ Россіи стройной системы народнаго образованія. Извѣстно, что при первомъ ея знакомствѣ съ Дидро и Гриммомъ, въ ней родилась мысль привлечь къ этому дѣлу обоихъ знаменитыхъ

¹⁾ Письма Гримма 56.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 192.

³⁾ Подъ этимъ общимъ именемъ императрица разумѣла Георга короля Англійскаго и Густава Шведскаго.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, 438.

ученыхъ, свѣдѣніями которыхъ она захотѣла воспользоваться, поручивъ каждому изъ нихъ составить для нея проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи. Уже ранѣе приведено было нами (стр. 28) ея обращеніе къ гг. философамъ «не составляющимъ секты», въ которомъ она не безъ ироніи къ ихъ бесплодной мечтательности указываетъ имъ болѣе практическое дѣло: точнѣе опредѣлить систему образованія и какъ должны слѣдовать одна за другою ступени школьнаго обученія. Она добивается того, чтобъ они выяснили ей, какая связь и зависимость должна существовать между первоначальной школой, гимназіей и университетомъ и не желаетъ полагаться въ этомъ на одно свое сужденіе.

Въ іюнѣ 1775 года государыня, получивъ записку Гримма, осталась ею очень довольна, какъ видно изъ этихъ словъ: «Искренно благодарю васъ за прекрасную записку о школахъ, которую я буду тщательно хранить, чтобъ воспользоваться ею только что работа, которая у меня на рукахъ, будетъ окончена, а это будетъ въ іюль»¹⁾). Екатерину занимало тогда ея извѣстное учрежденіе о губерніяхъ. Къ сожалѣнію, записка Гримма не отыскалась при его письмахъ, и потому мы не можемъ судить, насколько она была принята въ соображеніе императрицей. Вскорѣ и Дидро прислалъ свою записку подъ заглавіемъ: *Plan d'une Université pour le gouvernement de Russie, ou d'une éducation publique dans toutes les sciences*, при чемъ необходимо пояснить, что здѣсь слово *université* употреблено во французскомъ значеніи, какъ совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній. Императрица писала Гримму: «Я получила трактатъ Дидро объ училищахъ и чистосердечно благодарю васъ обоихъ. Какъ скоро меня оставить болѣзнь легисломаніи (такъ называла она свои законодательные труды), я займусь этой работой; до тѣхъ поръ да хранить Богъ г. Эрнести»²⁾). Послѣднія слова относились явно къ

¹⁾ Сб. И. О. XXXIII, 25.

²⁾ Тамъ же, 38.

мысли Гримма поручить управленіе будущими русскими училищами славившемуся въ то время германскому педагогу, профессору классической литературы, Эрнести, нѣкогда учителю Гримма въ Лейпцигскомъ университетѣ. Проектъ Дидро появился недавно въ послѣднемъ изданіи его сочиненій (1875 — 1877) и былъ пространно разобранъ (г. Каро) въ «Revue des deux mondes» за октябрь и ноябрь 1879, въ статьѣ подъ заглавіемъ «Diderot inédit». Сущность записки заключается въ нападкахъ на классическую школу, принятую въ Германіи и во всей Европѣ, которую Дидро предлагаетъ замѣнить тою реальной школой, о которой многіе мечтали въ наше время. Съ свойственнымъ этому писателю легкомысліемъ и парадоксальностью онъ силится доказать, что надо разорвать всякую связь съ прошедшимъ, и предлагаетъ оригинальнѣйшій планъ школы. Двери этой школы, называемой университетомъ, должны быть открыты дѣтямъ всей націи, и въ ней преподаватели, оплачиваемые государствомъ, должны передавать имъ *элементарныя* познанія во всѣхъ наукахъ. Школа эта не связана съ низшей никакимъ посредствующимъ звеномъ, и вотъ въ какомъ порядкѣ идетъ въ ней преподаваніе на основаніи принципа общности познаній, то-есть начиная съ наукъ, необходимыхъ для всѣхъ и cadaго, и кончая знаніями, которыя нужны только немногимъ. Курсъ раздѣленъ на восемь лѣтъ, и въ первомъ, самомъ младшемъ классѣ, преподаются арифметика, алгебра, теорія вѣроятностей и геометрія. Во второмъ: законы движенія и тяготѣнія тѣлъ, центробѣжная сила, механика и гидравлика. Въ третьемъ сферы и глобусы, астрономія съ ея вспомогательными науками. Въ четвертомъ естественная исторія, экспериментальная физика. Въ пятомъ химія и анатомія. Въ шестомъ логика, критика, общая сравнительная грамматика. Въ седьмомъ русскій и славянскій языки, краснорѣчіе и поэзія. Параллельно съ этимъ преподаваніемъ, рассчитаннымъ на восемь лѣтъ, развивается и продолжается тоже восемь лѣтъ другой курсъ ученія: первому классу соответствуетъ обученіе начальнымъ основаніямъ метафизики, нравственности, естествен-

ной религіи и откровенной. Второму: исторія и мифологія, географія и хронологія, первыя основанія экономіи политической и домашней и проч. «Не надо быть большимъ мудрецомъ», говоритъ авторъ разбора, «чтобъ замѣтить невообразимую смѣсь, безвыходную путаницу и полнѣйшую неопытность, которая обнаруживается въ этомъ планѣ». Чтобъ заманить императрицу Екатерину на выполненіе своего проекта, Дидро пускаетъ въ ходъ и нѣкоторую лесть, говоря: «Императрица болѣе чѣмъ какой-либо другой государь находится въ благопріятномъ положеніи для того, чтобъ создать нѣчто новое и великое; минута, въ которую она задумываетъ планъ университета, особенно благопріятна... Великое преимущество, когда все приходится создавать вновь. Почва Россіи свободна: не все ли во власти помазанницы, данной ей Богомъ для ихъ взаимной славы?». Но императрица Екатерина, уже въ бытность Дидро въ Петербургѣ имѣвшая случай убѣдиться въ парадоксальной наивности этого вполне революціоннаго ума, не воспользовалась ни одной изъ его утопій и отвела проекту его окончательное мѣсто въ архивахъ своей эрмитажной бібліотеки.

Отзывы ея о легкомысленной парадоксальности Дидро встрѣчаются часто въ перепискѣ съ Гриммомъ, какъ мы увидимъ позже по поводу напр. его критики Наказа. Иное впечатлѣніе произвела на Екатерину записка Гримма. Изъ писемъ государыни видно, что она уже въ первый пріѣздъ Гримма, оцѣнивъ его практической умъ и дѣльные взгляды на воспитаніе, уговаривала его остаться въ Россіи. Но во второй его пріѣздъ предложенія ея имѣли уже болѣе опредѣленную цѣль — поставить его во главѣ создаемаго въ Россіи просвѣщенія. Вотъ любопытное письмо ея, писанное 2-го февраля 1777 года, въ день Срѣтенія, и заключающее въ себѣ это предложеніе:

«Екатерина вторая и только вторая безо всякаго другого эпитета, со всею властью и доброй волей ей присущею, не можетъ создать въ Россіи многихъ полезныхъ вещей безъ помощниковъ: и именно школъ низшихъ, среднихъ и высшихъ.

«Приоавьте же, что къ этому затрудненію, причиненному или эя невѣжествомъ, или лѣнью, присоединяется другое, происходящее отъ деликатности: она опасается предложить единственному лицу, кажущемуся ей способнымъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ, оказать въ немъ содѣйствіе, или взять его на себя; и все это оттого что она боится стѣснить это лицо. А это лицо, я вамъ тонко и ловко намекаю на него,

— это вы.

«Уже два мѣсяца какъ ея умъ, который вы осмѣливаетесь называть просвѣщеннымъ, очищающимъ и животворящимъ, не знаетъ съ какой стороны подойти къ вамъ, чтобъ сказать это, и оттого дѣло ни на шагъ не подвигается. Когда я подумаю, что это предложеніе можетъ стѣснить васъ, и что вы пожалуй не захотите принять его, а отказать затруднитесь, то мнѣ лучше бы хотѣлось безъ всякихъ околичностей знать, что вы въ Парижѣ.

«Я желаю, чтобъ вы сказали коротко и ясно: хочу или не хочу, остаюсь или уѣзжаю, и была бы очень довольна, еслибъ отвѣтъ согласовался съ моими желаніями; но не менѣе буду уважать васъ, если вы будете отвѣчать мнѣ отрицательно.

«Я впрочемъ нѣсколько въ правѣ сдѣлать вамъ эти предложенія: вы не разъ говорили мнѣ: употребите меня на что-нибудь. Знаю, что политическое назначеніе въ какомъ-нибудь уголкѣ міра могло бы вамъ быть пріятнѣе; но, предпочитая болѣе полезное, я полагаю, что не заслуживаю порицанія.

«Итакъ жалобы и весь кортежъ галиматія сводятся къ двумъ вопросамъ: 1) хотите ли? 2) или не хотите?

«И еслибъ вы захотѣли, то я такъ мило устроила бы дѣло, что все необходимое весьма естественно стеклось бы къ вамъ подъ руку, а если не захотите, то объ этомъ болѣе не будетъ и рѣчи. Былъ бы еще средній способъ, еслибъ вамъ это нравилось: устроиться на извѣстное опредѣленное время, чтобъ ваши парижскіе друзья не приходили въ отчаяніе и вы также. Примете ли вы, или не примете предложеніе, посылаю вамъ пять тысячъ рублей, которые вамъ послужатъ на обратный путь или на первое

обзаведеніе здѣсь. Въ случаѣ, еслибъ вы остались, вашъ годовоі доходъ былъ бы опредѣленъ, все остальное пошло бы своимъ чередомъ и вы сказали бы, а съ вами и я, что вы сдѣлались весьма полезны имперіи, и только вы можете принести тутъ пользу и даже болѣе чѣмъ я, такъ какъ вы понимаете дѣло лучше меня. Вы сказали, что вамъ необходимо согласіе его свѣтлости герцога Готскаго; можетъ быть: говорите что хотите. Пора мнѣ одѣваться и идти къ обѣднѣ по случаю праздника Срѣтенія ¹⁾).

Мы знаемъ, что и на этотъ разъ предложеніе не было принято Гриммомъ. Кромѣ другихъ, можетъ-быть и личныхъ препятствій къ переселенію, онъ своимъ тонкимъ и проникательнымъ умомъ долженъ былъ понять, что человѣкъ, не знающій языка страны, будетъ плохимъ руководителемъ ея просвѣщенія. Однако этотъ отказъ нисколько не умалилъ расположенія къ нему Екатерины, и съ тѣхъ поръ она продолжала его употреблять своимъ совѣтникомъ и посредникомъ между нею и педагогическими знаменитостями Европы. Такъ въ іюнѣ 1778 года она сообщаетъ Гримму, что читаетъ книгу барона Карла Дальберга (*Betrachtung über das Universtum*) и хвалитъ ее, говоря что раздѣляетъ его мысли, а въ декабрѣ того же года она, получивъ черезъ Гримма записку барона Дальберга о школьномъ дѣлѣ, пишетъ: «Я спрятала нѣмецкую рукопись барона Дальберга тотчасъ по полученіи, еще не прочтя её, въ тотъ ящикъ, гдѣ покоится собираемая мною коллекція записокъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, я нетерпѣливо жду всего, что вы еще можете мнѣ прислать объ этомъ предметѣ по вашему обѣщанію, потому что во-время и при мѣстѣ это можетъ быть употреблено въ дѣло, особливо если Господь даруетъ мнѣ вѣкъ покойнаго слуги своего Мафусаила» ²⁾).

Передъ отъѣздомъ своимъ въ Бѣлоруссію въ февралѣ 1780 года, императрица опять говоритъ о планѣ учебныхъ заведеній.

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 696—697.

²⁾ 115.

Вѣроятно Гриммъ торопилъ её исполненіемъ задуманныхъ ею воспитательныхъ учрежденій, особенно напирая на планъ при- сланный Дальбергомъ. Но изъ замѣчательнаго ея отвѣта видно, какъ она не любила предпринимать ничего поспѣшно, какую чув- ствовала потребность уяснить себѣ самой все что создавала, и сообразить задуманное съ дѣйствительностью и своими наличными средствами. вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь видно также, какъ Екате- рина, такъ легко находившая сподвижниковъ для своихъ вели- кихъ дѣлъ въ войнѣ и въ гражданскомъ управленіи, глубоко со- знавала недостатокъ у себя дома помощниковъ въ дѣлѣ просвѣ- щенія.

«Вы кажется не знаете», говоритъ она, «что часто импера- трица желала бы заставить работать надъ иною частью и что не отъ недостатка въ доброй волѣ за нею не работаютъ, но от- того что силы, необходимыя для такой работы, не въ такомъ по- ложеніи, какого такая работа требуетъ. Та часть, для которой я желала вашего содѣйствія въ послѣдній пріѣздъ вашъ сюда, при- надлежитъ къ тому числу. Милостивый государь! яблоко никуда не годится пока не созрѣло, а я подобно Шаху-Багаму ¹⁾ себя хорошо понимаю. Но планъ г. Дальберга невозможенъ; а чтобъ понять и это и меня, которая себя понимаю, нуженъ бы длин- ный комментарий. . . . Передъ Богомъ тысяча лѣтъ какъ одинъ день; лишній годъ къ великому цѣлому государства есть ничто; надо чтобъ яблоко созрѣло. Правда, что это скучно; но нельзя сдѣлать иначе, потому что мнѣ самой нуженъ по крайней мѣрѣ годъ чтобъ изучить каждый предметъ.» ²⁾ Тѣ же мысли выражаетъ она и по поводу насажденія художествъ въ Россіи: «Если вѣрить первому параграфу письма божественнаго Рейфенштейна, можно бы вообразить, что стоить только приказать, и вкусъ къ художе- ствамъ и артистамъ родится какъ петрушка, которую поѣшь ;

¹⁾ Это часто упоминаемое лицо—индѣйскій султанъ въ сказкѣ Крепильюна младшаго «Le Sorha».

²⁾ Сб. Н. О. XXIII, 173.

но чтобъ это явилось, надо *хотѣть и жить долу*, и тогда получишь со временемъ и терпѣніемъ все, чего захочешь» ¹⁾.

Во время путешествія въ Бѣлоруссію и свиданія съ Іосифомъ II мысль о школахъ не покидала Екатерину, и какъ мы уже видѣли изъ выписки, приведенной выше, нормальныя школы были неоднократно предметомъ разговора между высокими собесѣдниками. Въ слѣдствіе того, по возвращеніи своемъ въ Петергофъ, императрица пишетъ Гримму: «Пожалуйста, дайте мнѣ знать, что баронъ Дальбергъ думаетъ объ австрійскихъ нормальныхъ школахъ; по хорошимъ отзывамъ о нихъ я завладѣла всѣми учебниками, которые въ нихъ приняты, и имѣю ихъ изъ собственныхъ рукъ гр. Фалькенштейна» ²⁾.

На это Гриммъ пишетъ: «Баронъ Дальбергъ не дожидаясь моего вопроса о вѣнскихъ нормальныхъ школахъ. Узнавъ, что этотъ предметъ былъ затронутъ въ Могилевѣ, онъ отвѣчалъ мнѣ: именно къ образованію нормальныхъ школьныхъ учителей направленъ былъ тотъ планъ, который я осмѣлился послать нормальной школьной учительницѣ. Самъ Дальбергъ былъ первый и настоящій радѣтель о нормальныхъ школахъ въ Германіи: онъ и другой слезскій прелатъ; а потомъ это перешло въ Вѣну, потомъ въ Мюнстеръ. А я позволилъ себѣ сказать моему императрицѣ, что ея августѣйшая сестрица Марія Терезія не знаетъ, что изъ этого выйдетъ великое благо: народы сдѣлаются просвѣщеннѣе, разумнѣе, разсудительнѣе; только большіе глупцы или презрѣнные плуты боятся такихъ народовъ; тѣ же, кто рожденъ повелѣвать, желаютъ повелѣвать людямъ, а не звѣрямъ. Что говоритъ объ этомъ гр. Фалькенштейнъ?» ³⁾.

Екатерина отвѣчала на это слѣдующими замѣчательными словами: «Никогда не заставятъ меня бояться просвѣщенныхъ народовъ. Но когда будутъ они просвѣщены? Когда между

¹⁾ Св. Н. О. XXIII, 119.

²⁾ Тамъ же, 188.

³⁾ Письма Гримма, 68—69.

людьми знающими перестанутъ являться люди безнравственные съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, люди способные болѣе портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать?»¹⁾ Эту же мысль, что не въ количествѣ школъ въ государствѣ, а въ ихъ доброкачественности заключается условіе истиннаго просвѣщенія, она высказываетъ и въ другомъ мѣстѣ, по случаю безпорядковъ въ Лондонѣ: «Четыре тысячи даровыхъ школъ еще не сдѣлаютъ людей умнѣе, да и проповѣдь нравственности тоже, вотъ что можно сказать»²⁾. Кажется, что приблизительно къ этому же времени относятся нѣкоторыя присланныя Гриммомъ объяснительныя записки объ учебномъ дѣлѣ, сохранившіяся при его письмахъ и не помѣченныя никакими числами. Онѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ его письмамъ. По интересу и важности ихъ для исторіи нашего образованія мы приводимъ ихъ цѣликомъ.

I.

«Мысли г. Шадена, какъ кажется мнѣ, обнаруживаютъ въ немъ человека разсудительнаго и достойнаго.

1.

«Мысль воспитывать въ школахъ не только учениковъ, но въ то же время людей, способныхъ учить другихъ и готовящихся къ разнообразному публичному преподаванію, кажется мнѣ прекрасною и вполне соответствующею видамъ ея императорскаго величества, которая, желая распространить школы въ своей имперіи, особенно нуждается въ людяхъ, способныхъ хорошо обучать юношество.

«Г. Шаденъ предлагаетъ для этого семинарію студентовъ, которые служили бы репетиторами и имѣли бы присмотръ за учениками внѣ класснаго времени въ ихъ комнатахъ и пр. Онъ составляетъ изъ нихъ корпорацію, которая въ случаѣ болѣзни

¹⁾ Св. И. О. ХХІІІ, 193.

²⁾ 187.

можетъ замѣнять профессоровъ и изъ которыхъ въ каникулярное время можно поволять отсутствующихъ и снабжать школы лицами способными и совершенно подготовленными.

Прибавлю, что можетъ-быть было бы согласно съ видами вашего величества, чтобъ лучшіе ученики старшаго класса были избираемы въ репетиторы въ младшихъ классахъ, черезъ которые сами прошли. Молодой человѣкъ, ученикъ въ своемъ классѣ и репетиторъ въ младшемъ, не только усвоилъ бы себѣ тверже то, что выучилъ, но и ознакомился бы съ преподаваніемъ, что чрезвычайно способствовало бы къ полученію ясныхъ и точныхъ понятій и легкости ихъ сообщенія. Надо бы присвоить особенное отличіе титулу и званію репетитора и давать его только такимъ ученикамъ, которые на общихъ испытаніяхъ превзошли своихъ товарищей, и только когда они позже, въ качествѣ репетиторовъ, покажутъ способность и прилежаніе. Надо также при всѣхъ общихъ упражненіяхъ давать имъ за эту заслугу почетныя награды. Извѣстно, что эти награды также должны быть идеальны, какъ награды взрослыхъ дѣтей, и что ученикъ можетъ быть болѣе будетъ гордиться кончикомъ своей взятой ленты, чѣмъ фельдмаршалъ своими лентами черезъ плечо».

2.

«Г. Шаденъ желаетъ, чтобъ въ школахъ былъ отдѣльный классъ, въ которомъ сообщались бы юношеству первыя понятія о природѣ, искусствѣ, нравственности и самыхъ общихъ и необходимыхъ законахъ, какъ естественныхъ, такъ и отечественныхъ, съ цѣлію образовать умъ и сердце учениковъ и воспитать не только ученыхъ, но и гражданъ».

3 и 4.

«Эти два параграфа касаются полиціи и инспекціи школы. Авторъ хотѣлъ, чтобъ инспекція московскихъ школъ была поручена профессорамъ по очереди и не была бы постоянной службой. Я нашелъ мнѣніе его по этому предмету весьма основатель-

нымъ, если только онъ обезпечитъ мнѣ постоянство общаго плана преподаванія, безъ чего я бы боялся, что всякій инспекторъ въ теченіе своего года, подъ предлогомъ улучшеній въ преподаваніи, будетъ дѣлать нововведенія для своего удовольствія и изъ славолюбія, а преемникъ его будетъ уничтожать ихъ, замѣняя новыми, которыя будутъ не лучше, изъ чего слѣдовали бы безпрерывныя переибы методы, весьма вредныя для учениковъ и способныя навлечь нареканія на профессоровъ.

«Въ протестантскихъ школахъ въ Германіи инспекторы называются школярами или эфорами и берутся изъ магистратуры, а имъ придаютъ обыкновенно суперъ-интендента, или начальника духовенства. Эти лица уважаются профессорами и пользуются большимъ почтеніемъ со стороны юношества.

«Я убѣжденъ, что будетъ согласно съ видами вашего императорскаго величества, чтобы профессоры школъ и университетовъ пользовались большимъ почетомъ, не за свой орденъ и титулы, но единственно по своему званію профессора, чтобы считалось высокою честью заниматься ремесломъ весьма труднымъ по своему существу. Конечно, для осуществленія этой мысли, губернаторъ или представитель ея величества въ губерніи долженъ считать своею обязанностью присутствовать при публичныхъ испытаніяхъ школъ, оказывать съ профессорамъ величайшій почетъ и платить имъ такія деньги, которыя, не истощая государственной казны, могли бы производить удивительное дѣйствіе, когда бы они раздавались съ разборомъ.

«Авторъ желалъ бы, чтобъ обучали въ школахъ первымъ элементарнымъ основаніямъ нашихъ наукъ и нашихъ дѣлъ. Онъ говоритъ, что для этого не надо особеннаго профессора, но что ректоръ или кто другой изъ преподавателей можетъ соединить этотъ предметъ съ своимъ, что производило бы разнообразіе стало-быть доставляло бы лишнее удовольствіе и ему и ученикамъ. Онъ желалъ бы также, чтобъ не посылали молодыхъ людей изъ школы въ университетъ безъ первоначальныхъ познаній въ исторіи литературы.

6.

«Онъ нападаетъ на существующее въ Москвѣ раздѣленіе на языки и реальныя науки. Онъ говоритъ, что есть разница между учителемъ языка и профессоромъ языка; что послѣдній не можетъ преподавать юношеству грамматику языка, не помышляя вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, чтобъ образовать сужденіе и даже сердце молодыхъ людей, тогда какъ учитель языка довольствуется тѣмъ, что наполнить имъ голову словами. Онъ говоритъ, что невозможно и вредно подчинить профессору преподаваніе въ продолженіе четырехъ часовъ сряду одного и того же, и я съ этимъ согласенъ.

7.

«Онъ желалъ бы, чтобъ въ школахъ былъ театръ и чтобъ ученики приучались играть трагедіи и комедіи, дабы приобрѣсти умѣнье держать себя непринужденно, выражаться свободно, имѣть грацію и проч. Несмотря на эти преимущества, которыми нельзя пренебречь, я нахожу, что не надо бы злоупотреблять этими драматическими представленіями, которымъ предшествуютъ долгія развлеченія, отрывающія отъ всядневнаго труда. Разъ или два въ годъ не болѣе».

II.

«Двѣ брошюры: одна о низшихъ и реальныхъ школахъ въ Майнцѣ, другая о латинскихъ школахъ въ той же странѣ, какъ кажется мнѣ, внушены прекраснымъ духомъ, и я полагаю, что трудно было бы сдѣлать лучший выборъ предметовъ изученія и найти болѣе умную методу преподаванія. Въ послѣдней брошюрѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ учрежденіи гимназій или среднихъ школъ, предписывается преподавать языки: русскій, латинскій, французскій и греческій и предоставить каждому учиться языку французскому у себя или въ особыхъ школахъ, которыя не нуждаются въ поддержкѣ правительства.

Въ концѣ брошюры о реальныхъ школахъ приложенъ списокъ классныхъ пособій, все замѣчательныхъ. Изъ нихъ я отмѣ-

тилѣ тѣ, которыя надо бы предпочтительно разсмотрѣть. Въ текстѣ приведены еще двѣ брошюры, заслуживающія большого вниманія: *Указаніе объ употребленіи азбуки*. Здѣсь, кажется, заключается метода, которую хотѣли принять за общую въ Майнцѣ и примѣнить ко всѣмъ предметамъ обученія. *Извѣстіе о томъ, какъ будутъ продолжаться занятія въ курфюршеской академіи школьныхъ учителей съ наступающимъ учебномъ 1773 году*. Кажется, что по этому заглавію въ Майнцѣ учредили академию для образованія школьныхъ учителей, и интересно было бы знать, какъ взялись за это.

ОПЫТЪ

УЧЕБНИКА ДЛЯ ДѢТЕЙ ПОСЕЛЯНЪ И ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНІЯ ВЪ СЕЛЬСКИХЪ ШКОЛАХЪ.

«Это сочиненіе назначено для образованія низшихъ гражданскихъ классовъ. Здѣсь религія занимаетъ часть книги. Въ остальной части сообщаются крестьянскимъ дѣтямъ вѣрныя и точныя понятія о предметахъ полезныхъ для ихъ просвѣщенія. Но этотъ опытъ не кажется мнѣ настолько удачнымъ, насколько могъ бы быть. Глава объ обществѣ и власти, о законахъ и солдатахъ показалась мнѣ одною изъ лучшихъ».

ДРУГЪ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

«Это переводъ съ французскаго, какого-то рапсодиста. *Другъ человека* Мирабо подалъ поводъ написать *Другъ женщины*, а потомъ и *Другъ молодыхъ людей*. Такъ слѣдуетъ по правилу. Но авторъ самъ ничего не обдумалъ, ничего не прочувствовалъ, ничѣмъ не проникнуть, и стало-быть въ немъ нѣтъ ни жизни, ни силы. Можетъ-быть чтеніе такихъ книгъ и пригодно для нѣкотораго разряда головъ; но тотъ, кто приноситъ съ собою собственное содержаніе, не можетъ питаться подобными произведеніями».

III.

«Филантропичъ, учрежденный въ Дессау.

«Въ послѣднемъ выводѣ это все-таки чувствительная реклама ко всѣмъ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли своимъ кошелькомъ заведенію, которое, по моему мнѣнію, задумано на основаніи слишкомъ неопредѣленномъ, хотя его исполненіе, какъ бы ни было несовершенно, должно произвести нѣсколько благотворныхъ переимѣнъ въ общемъ воспитаніи.

«Три брошюры, касающіяся учрежденія нормальныхъ и низшихъ школъ въ Австріи.

«Первая есть эдиктъ императрицы-королевы Апостольческой отъ 6-го декабря 1774, подъ заглавіемъ: — Общій училищный уставъ.

«Вторая: *Извѣстіе о настоящемъ состояніи нормальной школы и некоторыхъ другихъ нѣмецкихъ училищъ въ императорско-королевской резиденціи, городѣ Вѣнѣ, общія инструкціи для суперинтендента, директоровъ и преподавателей этихъ школъ.*

«Третья брошюра: *Начертанія для учрежденія нѣмецкихъ школъ* — самая значительная и замѣчательная изъ нихъ. Ее стоить прочесть со вниманіемъ, особливо тѣмъ, кто себя посвящаетъ обученію юношества.

«Метода, принятая въ этихъ школахъ, заключается въ таблицахъ, на которыхъ для каждаго предмета и каждой науки показана послѣдовательность и связь мыслей, какъ на генеалогическихъ таблицахъ послѣдовательность поколѣній. Я нахожу эту методу прекрасною, не только чтобъ связь идей, относящихся къ каждой наукѣ, запечатлѣлась въ памяти дѣтей прочно, но чтобъ они приучились также къ отчетливости, къ ясности и точности мышленія, безъ которыхъ лучше не приобретать познаній. Составленіе такихъ таблицъ можетъ быть только дѣломъ отличнаго ума, и я считаю безыменнаго автора этой брошюры способнымъ составить очень хорошія таблицы. Надо бы выписать ихъ изъ Вѣны. Я отмѣтилъ въ самой брошюрѣ нѣкоторыя мѣста, показавшіяся

мнѣ достойными вниманія. То, что авторъ называетъ методой складыванья и что должно облегчать ученикамъ затверживаніе наизусть, заключается въ слѣдующемъ приѣмѣ: на таблицѣ пишется заглавная буква каждаго слова рѣчи, которую они должны запомнить, прибавляя къ тому точки, запятыя и другіе знаки, служащіе для опредѣленія смысла словъ. Я понимаю, что такая метода можетъ чрезвычайно сократить трудъ заучиванья наизусть и что постоянное упражненіе должно много способствовать молодымъ людямъ къ усовершенствованію памяти. Вообще весь этотъ планъ обученія кажется мнѣ исполненнымъ здраваго смысла и прекраснымъ для соображеній и введенія при основаніи школъ».

Въ это же время оживленнаго обмѣна мыслей между императрицей и Гриммомъ по предмету основанія школъ, ее интересовалъ основанный Базедовомъ на новыхъ философскихъ началахъ (особливо Эмиля Руссо) космополитическій Филантропинъ въ Дессау (въ 1774 г.). Она долго добивалась мнѣнія о немъ Гримма, и когда получила приведенный выше отзывъ, что это заведеніе основано на началахъ довольно мечтательныхъ, что это болѣе чувствительная реклама къ благотворительнымъ сердцамъ, чтобъ они помогли заведенію своимъ кошелькомъ, нежели предпріятіе съ безкорыстной воспитательной цѣлью, она отвѣчала: «То, что вы мнѣ пишете о Филантропинѣ, неутѣшительно; я держусь нормальной формы, которая начинаетъ пріобрѣтать у насъ хорошую репутацію» ¹⁾.

Такимъ образомъ видно, что планъ системы народнаго образованія долго зрѣлъ въ головѣ Екатерины. Все современное было принято ею во вниманіе и германская система школъ въ общихъ чертахъ была по долгомъ размышленіи признана лучшею. Нормальныя же австрійскія школы, съ тѣми измѣненіями, какихъ требовали различныя условія быта и образованія въ обѣихъ странахъ, были взяты въ образецъ для первоначальныхъ училищъ, такъ какъ незадолго передъ тѣмъ австрійская учебная система,

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 306.

преобразованная Маріей Терезіей, получила превосходную организацию. Въ бесѣдахъ съ императоромъ Іосифомъ II Екатерина старалась основательно ознакомиться не только съ учебнымъ планомъ этихъ нормальныхъ школъ, но и со всѣми принятыми въ этихъ заведеніяхъ учебниками, которые она получила изъ рукъ самого Іосифа II ¹⁾). Наконецъ императоръ рекомендовалъ ей для исполненія занимавшихъ её плановъ славянина, своего подданнаго, серба Янковича де-Миріево, директора училищъ въ Темешварѣ, который передъ тѣмъ участвовалъ въ преобразованіи этого дѣла въ Австрійскихъ владѣніяхъ и вскорѣ дѣйствительно былъ вызванъ въ Россію. Въ ноябрѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Что касается до вашего пророчества, то я очень дорожу имъ. Учреждаемыя мною нормальныя школы такъ хорошо пошли, что здѣсь обучаются двадцать учителей, благодаря братцу Іосифу, который снабдилъ меня фактотумомъ, основавшимъ уже сто школъ. Онъ исповѣдуетъ греческую вѣру и говоритъ по-русски какъ я, или даже лучше меня. А книжка для чтенія въ будущихъ нормальныхъ школахъ будетъ списана изъ Александровой ручной библіотеки. Отдѣлъ естественной исторіи принадлежитъ профессору Палласу, математика — профессору Эпинусу, русская исторія — профессору исторіи при академіи. Такъ спиваемъ мы теперь школьныя книжки — великое предпріятіе, которое осуществится съ быстротою молніи, такъ какъ все это на очереди только съ 1-го сентября!» ²⁾). Тѣ же приемы ученія ввела государыня и въ Смольный монастырь, о чемъ въ 1783 году упоминаетъ такъ: «Я велѣла ввести и въ монастырь форму нормальную, которая ужасно не нравится невѣждамъ и о которой отъ досады «Нѣмецкая библіотека» въ Берлинѣ отзывалась какъ нельзя хуже» ³⁾). Въ 1784 императрица писала: «Знаете ли вы, или не знаете, что мы имѣемъ здѣсь въ Петербургѣ десять нормальныхъ школъ въ

¹⁾ *Св. И. О.* XXIII, 183.

²⁾ 254.

³⁾ 286.

одинъ годъ и въ этихъ десяти школахъ болѣе 1000 учениковъ?»¹⁾

Бюффонъ, Вольтеръ, Руссо, Корнелла.

Къ разрабатываемой эпохѣ принадлежатъ сношенія императрицы съ знаменитымъ естествоиспытателемъ того вѣка, Бюффономъ. Страстная къ чтенію всего, что могло питать ея ненасытную любознательность, Екатерина лѣтомъ 1779 г. проситъ Гримма прислать ей сочиненія Бюффона, говоря: «Кстати о сотвореніи міра, пришлите мнѣ пожалуйста книгу Бюффона, который говоритъ, что міръ существовалъ 74,000 лѣтъ и будетъ еще существовать 95,000 лѣтъ: я хочу знать причину этого». Чтеніе книги «Eroques de la Nature» произвело на императрицу сильное впечатлѣніе: «О, объ этомъ такъ можно говорить», пишетъ она Гримму: «это конечно стоить прочесть; по-моему его гипотеза (о выдѣленіи земли и другихъ планетъ изъ солнца) есть торжество человѣческаго ума, или, лучше сказать, генія. Ньютонъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ, а вотъ и другой. Да, милостивый государь, эта книга прибавила мнѣ мозгу. Ахъ! какъ бы я желала, чтобъ онъ все досказалъ; мнѣ кажется, что объ эпохѣ человѣка онъ не опросталъ своего мѣшка; правда, что если далѣе развить его мысль, то она станетъ довольно ясною. Да, да, берега Волги и даже Сибирь полны памятниковъ и заключаютъ въ себѣ работы всякаго рода; теперь запрещено подъ страхомъ смерти раскапывать ихъ, съ тѣхъ поръ какъ нѣсколько разъ извлекали оттуда чуму въ началѣ этого вѣка и въ концѣ прошедшаго. Ахъ, милостивый государь, гипотеза Бюффона шевелитъ и перевертываетъ головы: да, это что-то новое и все такъ удивительно хорошо ладится въ этой области»²⁾. Вскорѣ послѣ того государыня, продолжая размышлять о заинтересовавшемъ ее чтеніи, пишетъ Гримму: «Такъ какъ вы призваны быть хранителемъ моихъ меч-

¹⁾ 301.

²⁾ 166.

таній, то 1-го марта 1780 г. посылаю вамъ прилагаемые здѣсь вопросы.

Вопросы, пришедшіе въ голову несподру при чтеніи «Эпохи природы».

1) Когда матеріалъ, изъ котораго образовались планеты, выдѣлился изъ солнца, сдѣлалось ли отъ того солнце менѣе, потерявъ столько матеріи?

2) Не могутъ ли ежедневно случаться и еще такія же приключенія съ солнцемъ?

3) Отчего столько вѣковъ ничего подобнаго съ нимъ не приключалось?

4) Всякая комета уноситъ ли отъ солнца то что нужно, чтобъ образоватъ маленькій міръ?

Я не знаю графа де Бюффона; я не желала бы также предлагать ему вопросы столь маловажные, но я обращаюсь къ вамъ для того, чтобъ вы, которые навѣрное читали «Эпохи природы», сдѣлали одолженіе и отвѣчали мнѣ, разрѣшили мои сомнѣнія и сказали что вы объ этомъ знаете?»¹⁾ На эти вопросы Гриммъ заставилъ отвѣчать самого Бюффона, передавъ ихъ по назначенію. Послѣдній же отвѣчалъ на нихъ не однимъ только письмомъ къ императрицѣ, но и присылкою для нея къ Гримму большаго ящика со всѣми своими сочиненіями и множествомъ раскрашенныхъ гравюръ, которыя Гриммъ препроводилъ на голландскій корабль, нагружавшійся въ Руанѣ и везшій между прочимъ картины графа Строганова, при чемъ Гриммъ саркастически прибавляетъ: «Ужъ вѣрно столько же будетъ уваженъ ящикъ, прямо адресованный къ вашему величеству, какъ вещи одного изъ вашихъ сенаторовъ»²⁾. Черезъ годъ послѣ того, въ 1781 г., Гриммъ напоминаетъ императрицѣ, что она не можетъ не послать Бюффону какого-нибудь знака своего благоволенія, говоря:

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 175.

²⁾ Письма Гримма, 26.

«Г. Бюффонъ единственный избалованный литераторъ въ этой странѣ; онъ пользовался всегда особеннымъ отличіемъ при дворѣ. Я могу предполагать, не будучи волшебникомъ, что послѣ заискиванья въ немъ Минервы и послѣ приношенья, которое она дозволила ему возложить на свой жертвенникъ въ прошедшемъ году, онъ рассчитываетъ, что ему можно будетъ похвастать отличіемъ, котораго домогаются по всей землѣ — именно отличія, исходящаго отъ Екатерины» ¹⁾). Послѣ того онъ совѣтуетъ ей подарить Бюффону собраніе золотыхъ медалей, выбитыхъ въ ея царствованіе по случаю важнѣйшихъ событій, намекая на цѣнность подарка, сдѣланнаго самимъ Бюффономъ и прибавляя: «Зачѣмъ она настроила струны такъ высоко?» ²⁾ въ слѣдующемъ письмѣ онъ пишетъ: «Не скрою отъ вашего императорскаго величества, что камей (съ изображеніемъ головы Екатерины II), подобный тому, который возвратится ко мнѣ изъ Петербурга, вѣдланый въ богатую табакерку, вѣроятно произвелъ бы могучее впечатлѣніе на душу французскаго Плинія. Всѣ такъ привыкли къ щедротамъ вашего величества, что люди высшаго закала не увѣрены въ себѣ, т. е. въ своемъ гениі, пока они не получили какого-нибудь видимаго знака благоволенія Минервы-покровительницы, и какъ только они его получаютъ, они шумятъ о томъ по цѣлой Европѣ. Моя ли это вина, или виновата царскосельская Минерва? Я отдаюся на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Петербургѣ» ³⁾). . . . «Всего несчастяѣе для меня то, что это привлекаетъ ко мнѣ безчисленную толпу надоѣдалъ, которые далеко не Плиніи, не Софоклы и не Гомеры французскіе, а всѣ хотѣли бы докучать императрицѣ своими приношеніями. . . . Что касается до г. Бюффона, который нашелъ средство быть терпимымъ Сорбонной, невзирая на всѣ свои ереси, то я предупреждаю ваше величество, что у него есть единственный

¹⁾ Тамъ же, 167.

²⁾ Тамъ же, 168.

³⁾ Незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго.

сынъ, — офицеръ гвардіи, котораго отецъ заставитъ скорѣе путешествовать на сѣверъ нежели на югъ, какъ только онъ будетъ постарше, и все это затѣмъ, чтобъ получить черезъ него прямыя извѣстія о нѣкоемъ блестящемъ свѣтилѣ, постоянно видимомъ подъ шестидесятымъ градусомъ, вотъ уже лѣтъ двадцать» ¹⁾).

По полученіи письма Бюффона государыня пишетъ: «Я очень признательна за его отвѣты на вопросы. Четвертый заставилъ меня задумываться; я желала бы знать причину движенія кометъ. Я похожа на г. Александра (внука ея): мнѣ бы очень пріятно было знать причины причинъ». Императрица горячо приняла къ сердцу заботу о подаркахъ Бюффону, велѣла приготовить ему коллекцію медалей въ великолѣпной шкатулкѣ, и съ ними послала ему еще дорогихъ сибирскихъ мѣховъ и отвѣчала на письмо его въ январѣ 1782 г., спрашивая Гримма хорошо ли оно написано. Кромѣ того въ разное время послала ему черезъ Гримма же въ видѣ маленькаго вниманія сначала цѣпь, найденную на берегахъ Иртыша, а потомъ табакерку сдѣланную изъ камня, по словамъ ея, въ Петербургѣ очень обыкновеннаго, такъ какъ имъ устилали шоссе между Петербургомъ и Петергофомъ и который, по увѣренію генерала Бауэра, былъ лабрадоръ, камень безпрестанно мѣняющій цвѣтъ при обтесываніи и обдѣлкѣ. Императрица при этомъ спрашивала его мнѣнія объ этомъ камнѣ. О цѣпи же государыня пишетъ: «Посылаю вамъ для графа де Бюффона подарокъ, который, я полагаю, доставитъ ему удовольствіе. Это золотая цѣпь, найденная въ полѣ крестьянами, пахавшими на берегу Иртыша въ Сибири. Эта цѣпь была привезена въ Петербургъ купцами и попала въ руки нѣкоторыхъ дамъ, которыя сдѣлали изъ нея браслеты и цѣпочки для часовъ. Я завладѣла ими и послала часть въ академію, а остальное посылаю г. Бюффону. Крючечки сдѣланы здѣсь, но четыре части цѣпи, по мнѣнію лучшихъ здѣшнихъ мастеровъ, такой работы, что ни произвести подоб-

¹⁾ Письма Гримма 171, 172.

ной, ни поддѣлать они не въ состояніи, стало-быть она не нашего времени.»¹⁾)

Императрица пожелала также имѣть бюсть знаменитаго ученаго и заказала его черезъ Гримма Гудону, который уже дѣлалъ для нея бюсть Вольтера, — прибавивъ, что онъ долженъ быть изъ бѣлаго мрамора и что Бюффонъ занимаетъ въ ея мнѣніи весьма почетное мѣсто, ибо она считаетъ его первой головой своего вѣка въ области естествознанія. Объ обѣщанномъ приѣздѣ сына Бюффона императрица отозвалась, что очень будетъ рада оказать ему гостепрѣимство.

Въ іюлѣ 1782 года она приняла приѣзжаго молодого человека въ Царскомъ Селѣ и отписала Гримму: «Я видѣла сына г. Бюффона и приняла его какъ сына знаменитаго человека, то есть безъ всякой церемоніи: онъ со мною обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ; бюсть его отца поставленъ въ Эрмитажѣ. . . Вы можете сказать г. Бюффону, что я ничего не нахожу такого въ его сынѣ, чтобъ нужно было наставлять его, и стало-быть не думаю, чтобъ нашелся случай примѣнить право, которое онъ мнѣ даетъ бранить его; поблагодарите его также за присылку продолженія его сочиненій. Мнѣ было бы очень жаль, еслибъ исполнилось то, что мнѣ сказалъ сынъ его, — что онъ не хочетъ ничего болѣе писать; надѣюсь, что онъ измѣнитъ свое намѣреніе»²⁾).

Но къ сожалѣнію молодой Бюффонъ не оправдалъ добраго мнѣнія о немъ императрицы. Онъ уѣхалъ тою же осенью обратно во Францію, и уже по отъѣздѣ его она писала: «Здѣсь увѣряютъ, что этотъ молодой человекъ очень часто напивается пьянъ и что его видѣли пьянымъ въ обществахъ; надѣюсь, что это неправда. До сихъ поръ въ немъ нельзя замѣтить головы отца; но правда, что онъ еще ребенокъ»³⁾).

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 188.

¹⁾ Тамъ же, 204.

²⁾ 244—245.

³⁾ 260.

Уже прежде мы говорили, что книгопродавец Панкукъ передалъ право на изданіе сочиненій Вольтера Бомаршэ, котораго императрица не жаловала, и по этому поводу она писала: «Я отчаяваюсь, чтобъ когда-нибудь были напечатаны сочиненія Вольтера, потому что вовсе не вѣрю словамъ и обѣщаніямъ Фигаро» ¹⁾. Гриммъ писалъ ей, какъ пріѣзжалъ къ нему Бомаршэ съ разными предложеніями на счетъ подписки императрицы, заявляя, что онъ поставитъ во главѣ изданія: *Напечатано въ царско-сельскомъ дворцѣ*, что онъ велитъ оттиснуть одинъ экземпляръ на веленовой бумагѣ для государыни; но Гриммъ уклонился отъ всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, говоря, что передача Панкукомъ изданія перемѣняетъ всѣ условія и необходимо испроситъ у императрицы новыхъ инструкцій. Бомаршэ цѣлый годъ послѣ того не являлся къ Гримму, и когда тотъ встрѣтилъ его, то авторъ Фигаро жаловался, что подписка плохо идетъ. Гриммъ заключилъ изъ этого, что сочиненія Вольтера долго еще не появятся, и называя Бомаршэ человѣкомъ, который гонится не за однимъ зайцемъ, приписывалъ неуспѣхъ подписки недовѣрію къ задуманной имъ большой лотерей. Государыня благодарила Гримма за его осторожность и писала: «Я говорю аминь на ваши распоряженія, и спасибо, что вы предупредили всякій поводъ къ процессамъ, недоразумѣніямъ и какимъ бы ни было дѣламъ съ Фигаро — Севильскимъ цирюльникомъ, котораго я очень люблю въ представленіи, но съ которымъ знакомства надо избѣгать какъ можно долѣе» ²⁾. Пьеса же «Женитьба Фигаро» положительно не нравилась Екатеринѣ, и она высказала о ней слѣдующее мнѣніе. «Если я буду писать комедіи, то Женитьба Фигаро не можетъ служить мнѣ образцомъ, потому что послѣ прочтенія великаго Ионатана Вильда я никогда не находилась въ такомъ дурномъ обществѣ, какъ на этой знаменитой свадьбѣ. Вѣроятно подражаніе комедіямъ древнихъ вывело на сцену этотъ дурной вкусъ, кото-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 236.

²⁾ 140.

рый казался съ того времени очищеннымъ. Выраженія Мольера были свободны; но они исходили изъ неподдѣльно- возбужденной веселости и мысль его никогда не была порочна, тогда какъ въ этой, столь знаменитой пьесѣ безпрестанная двусмысленности никуда негодны, и это продолжается цѣлыхъ три съ половиною часа. Кромѣ того это сѣть интригъ, на которую потрачена продолжительная работа, и нѣтъ ни капли правдоподобія. Я ни разу не засмѣялась при чтеніи; можетъ-быть, игра актеровъ придаетъ цѣлому комизмъ» ¹⁾.

О лотереѣ Бомаршэ Екатерина писала: «Избѣгайте пожалуйста всякихъ дѣлъ съ этимъ человѣкомъ; я до смерти ненавижу лотерею: онѣ запрещены у меня, какъ туземныя, такъ и иностранныя. . . . Я не желаю его программы, не люблю ни его лотерей, ни безконечныхъ его претензій; книги желаю покупать у книгопродавцевъ и не хочу имѣть кошку въ карманѣ» ²⁾. При появленіи напечатанныхъ въ изданіи Бомаршэ писемъ Вольтера къ императрицѣ, она была очень недовольна и писала: «Послушайте, это дерзость со стороны Бомаршэ, что онъ безъ моего позволенія напечаталъ письма, мнѣ принадлежація; впрочемъ, если это только письма, написанныя ко мнѣ Вольтеромъ, то мнѣ все равно, лишь бы мои письма не были напечатаны: но если онъ напечаталъ и мои, то прошу васъ устроить, чтобъ они не появлялись; хотя въ нихъ конечно нѣтъ ничего, могущаго поразить непріятно; но онъ заслуживаетъ наказанія за то, что много себѣ позволилъ» ³⁾. Когда же оказалось невозможнымъ помѣшать напечатанію этихъ писемъ, то Екатерина потребовала, чтобъ по крайней мѣрѣ выпущены были мѣста, отиѣченныя по ея порученію Гриммомъ. Этотъ поступокъ Бомаршэ подалъ ей поводъ обратиться къ Гриму съ слѣдующими словами о разсматриваемой нами перепискѣ: «Послушайте, всѣ мы смертны: сожгите мои

¹⁾ 334.

²⁾ 177, 202.

³⁾ 421—422.

письма, чтобъ они не были напечатаны при моей жизни: они гораздо вольнѣе, чѣмъ письма мои къ Вольтеру и могли бы надѣлать дьявольскаго вреда; я требую, чтобъ вы ихъ сожгли, слышите ли? или положите ихъ въ такое вѣрное мѣсто, чтобъ сто лѣтъ никто не могъ откопать ихъ» ¹⁾).

Не замѣчательно ли, какъ точно исполнилось это желаніе императрицы?

Руссо также не пользовался ея сочувствіемъ. Почти никогда не говоритъ она о немъ въ своихъ письмахъ. Послѣ смерти его вырвалось у нея такое шуточное слово о немъ: «Вы съ вашими опасеніями на счетъ пропажи писемъ похожи на покойнаго Ж. Ж. Руссо, сомнительной памяти, который воображалъ, что цѣлая Европа занимается изобрѣтеніемъ козней противъ него, тогда какъ никто объ этомъ и не думалъ» ²⁾). Однакоже, и мы уже сказали это по поводу воспитанія великаго князя Александра Павловича, Екатерина безсознательно подчинилась вліянію нѣкоторыхъ взглядовъ Руссо, а мысль его быть погребеннымъ въ саду очень ей нравилась ³⁾). Въ 1791 году, въ разгаръ французской революціи, императрица дѣлаетъ слѣдующую замѣчательную собственноручную выписку изъ Руссо и присоединяетъ ее особой записочкой къ письму отъ 13-го мая: «Руссо въ своихъ *Разсужденіяхъ о польскомъ правительствѣ*, изданіе 1793 г., стр. 264, говоритъ: Гордая и святая свобода! Еслибъ эти бѣдные люди могли знать тебя, еслибъ они знали какою цѣною ты приобретаешься и сохраняешься, когда бы они чувствовали насколько законы твои суровѣе ига тирановъ, ихъ слабыя души — рабы страстей, которыя пришлось бы подавлять — убоились бы тебя во сто разъ болѣе нежели рабства; они съ ужасомъ бѣжали бы отъ тебя, какъ отъ ноши, которая грозитъ задавить ихъ. — Полезно прочесть и то, что предшествуетъ послѣдному воскли-

¹⁾ *Св. И. О.* XXIII, 422.

²⁾ 117.

³⁾ 187.

цавию: оно не менѣе сильно. Потрите-ка объ это курносые носы» ¹⁾).

Довольно часто упоминается въ перепискѣ имя Кориллы. Это была итальянка, прославившаяся своимъ поэтическимъ талантомъ, уроженка Пистойи — Марія Магдалина Морелли, въ 1771 году увѣнчанная въ Капитоліи вѣнцомъ, нѣкогда присужденнымъ Петраркѣ и Тассу. Она умерла во Флоренціи 8-го ноября 1800 года. Уже въ 1776 государыня упоминаетъ о ней; о пріязни къ ней графа Алексѣя Орлова и о ея необыкновенной поэтической организаціи она говоритъ: «Я уже имѣла очень высокое мнѣніе о Кориллѣ: эта женщина рождена быть Сибиллою; древній Римъ воздвигъ бы ей храмы, до того онъ умѣлъ чтить всякаго рода добродѣтели и таланты. Новый Римъ воздвигъ ихъ множество глупцамъ, которые обладали только духомъ партій; а когда одно это обоготворяется и чтится, то и добродѣтели являются только модныя; другіе же роды добродѣтелей остаются въ тѣни и теряютъ цѣну. Это, конечно—средство имѣть людей какихъ хочешь, но не способствуетъ появленію великаго» ²⁾). Въ 1778 году графъ Алексѣй Орловъ вызывалъ Кориллу въ Петербургъ, а въ маѣ 1779 государыня писала Гримму: «Что касается до Кориллы, то если ей хочется пріѣхать зябнуть съ нами, я ей въ томъ не препятствую, и вотъ проектъ о проводникѣ Дени Дидро почти принять; я напишу объ этомъ графу Алексѣю Орлову, черезъ котораго до меня дошло предложеніе этой дамы, и тогда проводникъ можетъ похвалиться, что сопровождалъ двѣ головы, самыя богатыя воображеніемъ, какія у насъ еще остаются» ³⁾). Но пріѣздъ Кориллы не состоялся. Изъ послѣдующей переписки видно, что она черезъ Гримма прислала длинное письмо со стихами (сонетомъ) и переводомъ къ нему, и императрица велѣла сказать ей, что еслибъ сама писала такъ же хорошо, то отвѣчала бы ей по-

¹⁾ Les nez Camus, намекъ на Камю, ясенница и депутата въ конституціонномъ собраніи и конвентѣ.

²⁾ 56.

³⁾ 140.

хвалой ея таланту. Ей назначена была маленькая пенсія, выдача которой была поручена Гримму, а позже послана медаль, которыхъ нѣсколько было роздано Гриммомъ по порученію императрицы за разныя литературныя и художественныя заслуги.

Графъ Калиостро, Масоны, графъ Карананъ, Геригутеры.

Очертивъ отношенія Екатерины къ просвѣщенію и замѣчательнымъ людямъ эпохи въ области литературы и мысли, коснемся теперь ея взглядовъ на тѣ мистическія секты, которыя въ то время занимали общество и имѣли на него вліяніе.

Въ іюнѣ 1781 года Гриммъ пишетъ: «Говорятъ, что у насъ здѣсь скоро будетъ графъ Калиостро, шарлатанъ, производящій много шума въ Страсбургѣ вотъ уже шесть мѣсяцевъ. Онъ творить чудеса, какъ всѣ ему подобныя, и однако отличается отъ своихъ товарищей тѣмъ, что ни за что въ мірѣ не заставитъ его принять денегъ; можно только даромъ получить здоровье отъ этого чудеснаго человѣка. Ваше величество можетъ-быть не знаете, что графъ Калиостро былъ очень друженъ съ августѣйшей Греческой императрицей; итакъ я могу спросить его, чтб ей дѣлать, чтобъ истребить остатки своего ревматизма. Онъ очень хвалится ея мплостями, но утверждаетъ, что первые доктора ея не были къ нему такъ добры, какъ ихъ государыня. Они имѣли несчастіе завидовать его наукѣ (бѣдный г. Рожерсонъ!), и императрица вынуждена была, — чтобы предохранить графа отъ козней своихъ докторовъ, — дать ему конвой до границы. Эта честь не всякому дастся, и я только не смѣлъ сказать, что его провожали, какъ другихъ выпроваживаютъ. Если онъ пріѣдетъ сюда, то будетъ въ своей настоящей сферѣ, потому что для шарлатановъ всякаго рода существуютъ только Парижъ и Лондонъ. Чѣмъ болѣе они глупы, тѣмъ болѣе могутъ быть увѣрены найти поклонниковъ въ этихъ двухъ клоакахъ глупости человѣческой»¹⁾).

¹⁾ Письма Гримма 186—187.

Императрица не безъ нѣкоторой досады на безстыдную ложь хвастливаго шарлатана отвѣчала на это слѣдующей картинкой, рисующей тогдашніе нравы и эпизодъ пребыванія Калиостро въ Петербургѣ: «Такъ какъ вы говорите мнѣ о шарлатанѣ Калиостро, то и я должна вамъ кое-что о немъ рассказать. Онъ пріѣхалъ сюда, выдавая себя за испанскаго пѣвчонка и испанца по происхожденію, давая знать, что онъ колдунъ, мастеръ волшебства, показываетъ духовъ и имѣетъ ихъ въ своемъ полномъ распоряженіи. Услышавъ это, я сказала: этотъ человекъ совершенно напрасно сюда пріѣхалъ; нигдѣ онъ не успѣетъ менѣе чѣмъ въ Россіи; здѣсь не сжигаютъ колдуновъ, и въ двадцать лѣтъ царствованія было всего только одно дѣло, въ которомъ утверждалось существованіе колдуновъ, и тогда сенатъ пожелалъ ихъ видѣть; когда же ихъ привели, то ихъ объявили глупыми и вполне невинными. Г. Калиостро однако пріѣхалъ въ весьма благоприятную для него минуту, въ минуту когда нѣсколько масонскихъ ложъ, напитанныхъ ученіемъ Сведенборга, непременно желали видѣть духовъ; итакъ они бросились къ Калиостро, который увѣрялъ, что обладаетъ всѣми тайнами доктора Фалька, задушевнаго друга графа Ришельё и который нѣкогда заставилъ его среди Вѣны принести въ жертву чернаго козла, но, къ несчастью для него, онъ не могъ удовлетворить любопытства тѣхъ, которые хотятъ все видѣть, все осизать, тамъ гдѣ видѣть и осизать нечего. Тогда г. Калиостро выпустилъ свои дивныя тайны исцѣленій: онъ выдумалъ извлекать ртуть изъ поги подагрика, и его поймали на томъ, что онъ влилъ ложечку ртути въ воду, въ которую велѣлъ посадить этого подагрика. Потомъ онъ изобрѣлъ краски, которыя ничего не окрашивали, и химическіе составы, которые ничего не произвели. Затѣмъ онъ имѣлъ долгую и щекотливую ссору съ уполномоченнымъ испанскимъ, оспаривавшимъ у него титулъ и качество испанца, послѣ чего мы открыли, что онъ едва умѣлъ читать и писать. Наконецъ, опутанный долгами, онъ спасся въ погребъ г. Елагина — смѣщен-

наго или свергнутого съ своей кафедры ¹⁾, гдѣ онъ пилъ столько шампанскаго и портера сколько могъ; вѣроятно, онъ когда-нибудь перешелъ обыкновенную мѣру, потому что, выходя изъ за стола, онъ зацѣпилъ за тупей домашняго секретаря. Тотъ далъ ему пощечину. Отъ пощечинъ дошли до кулаковъ. Г. Елагину надоѣлъ братецъ, игравшій роль крысы въ его погребу, а также слишкомъ большой расходъ вина и пива, жалобы секретаря, и онъ учтиво уговорилъ его отправиться въ кибиткѣ, но не по воздуху, какъ тотъ грозилъ улетѣть. И чтобъ кредиторы никакъ не воспрепятствовали проѣзду этого легкаго экипажа, онъ далъ ему стараго инвалида для сопровожденія его и графини до Митавы. Вотъ исторія Калиостро, въ которой является всякая всячина, кромѣ чудеснаго. Я никогда не видала его ни издали, ни вблизи, и не имѣю никакого желанія его видѣть, потому что вовсе не люблю шарлатановъ. Увѣряю васъ, что Рожерсонъ думалъ о Калиостро столько же, а можетъ-быть и менѣе, чѣмъ о Ноевомъ ковчегѣ. Князь Орловъ противъ своего обыкновенія не придавалъ Калиостро никакого значенія: онъ смѣялся даже надъ тѣми, которые изъ пустого любопытства старались его увидѣть, и не мало способствовалъ къ тому, чтобъ разбавить водой вино сторонниковъ этого бѣдняги; но такъ какъ шарлатаны, даже самые глупые и невѣжественные, имѣютъ право производить впечатлѣнiе въ большихъ городахъ, надо полагать что Калиостро будетъ на мѣстѣ въ Парижѣ ²⁾.

Когда же Калиостро, послѣ процесса съ кардиналомъ Роаномъ (по поводу знаменитаго ожерелья, купленнаго для Марш Антуанеты), былъ посаженъ въ тюрьму, то императрица писала: «Я очень одобряю приговоръ, по которому г. Калиостро и жена его подверглись тюремному заключенiю; давно уже эта чета того заслуживала; удивительно, какъ этотъ глупецъ Калиостро, не умѣющій ни читать, ни писать и невѣжественный до крайности,

¹⁾ Т. е. театральной дирекціи.

²⁾ Сб. И. О., XXIII 212.

могъ вводить людей въ обманъ и, право, загадочно какъ и чѣмъ, потому что его глупость и круглое невѣжество не могли не обнаруживаться съ первой минуты передъ самыми недалекими 1). Императрица полагала, что строгимъ отношеніемъ къ шарлатанству и обману вообще можно бы остановить вредъ ихъ, и говорить въ другомъ мѣстѣ: «Это остановило бы ярость къ таинственнымъ ученіямъ, которыми такъ заразились теперь въ Германіи и Швеціи и которыя и у насъ начали было приниматься, но мы приводимъ это въ порядокъ» 2). Однако парижскій парламентъ оправдалъ Каліостро послѣ десятилѣтняго заключенія. О кардиналѣ же Роанѣ по поводу этого дѣла государыня такъ выражалась: «Что же это значить, что уже третій Роанъ подозрѣвается въ мошенничествѣ и окруженъ плутами? Фи, какъ я не люблю, чтобъ грязнили почетныя имена... Этотъ человѣкъ рожденъ для того, чтобъ даваться въ обманъ, и дошелъ до совершеннаго безумія, хоть онъ и архіепископъ Страсбургскій и князь Священной Имперіи» 3).

Екатерина съ своимъ яснымъ, здравымъ и практическимъ умомъ конечно не могла сочувствовать никакимъ таинственнымъ ученіямъ, и еще ранѣе такъ отзывалась о мистицизмѣ и масонахъ: «Знаете ли, что одно изъ величайшихъ сумасбродствъ, бывшихъ когда-либо въ ходу среди рода человѣческаго, — это французское масонство. Я имѣла терпѣніе прочесть въ печати и рукописяхъ всѣ скучныя нелѣпости, которыми они занимаются, и видѣла съ возмущеніемъ, что какъ ни смѣйся двадцать разъ надъ людьми по поводу одной и той же ихъ слабости, они не становятся отъ того ни умнѣе, ни просвѣщеннѣе, ни осторожнѣе. Хороши всѣ эти вздоры, и возможно ли, чтобъ послѣ всеобщаго осмѣянія, разумное существо наконецъ не разувѣрилось? Исторія Адонирама такъ нелѣпа и столько повторялась, что хотѣлось бы ея распространителей отправить вмѣстѣ съ нимъ къ дьяволу; вотъ

1) 362.

2) 375.

3) 362, 366.

чѣмъ занимаются герои вѣка и этотъ принцъ Фердинандъ Брауншвейгскій во главѣ и столько другихъ, и Вольтера принимаютъ они въ среду свою; ну право, возможно ли все это, и какъ они не смѣются, встрѣтятся другъ съ другомъ»?.. 1).

«Надо вамъ сказать, что для удовлетворенія любопытства большого 2) я принялась читать всѣ глупости и нелѣпости масонскія, и такъ какъ это доставляло мнѣ множество матеріала, чтобъ подшучивать по крайней мѣрѣ надъ сотней лицъ въ день, господа члены братства поспѣшили просвѣтить меня поболѣе, полагая такимъ образомъ привлечь меня на свою сторону. Всѣ стряпуны принесли мнѣ самую свѣжую горчицу всѣхъ странъ и сектъ и между прочимъ новыя ребячества отъ васъ. Вотъ мой отвѣтъ, пока не пришло въ другой разъ еще больше:

Mettez pour légende
Inutiles petits moyens
Dont il ne résulte rien.

«Форма этого притворства, увеличивая конечный результатъ случасвь лицемѣрія въ этомъ мірѣ, совокупляетъ религіозные обряды съ дѣтской игрой; она носить на себѣ неопровержимую санкцію той страны, гдѣ зародилась, то-есть страны кишашей монастырями, конгрегаціями регулярными и иррегулярными, канониками, аббатствами и проч. и проч. Всѣ лица къ нимъ принадлежащія даютъ тамъ самыя превосходныя обѣты. Польза для человѣчества отъ этихъ учреждений, была однако такъ убѣдительно доказана въ странахъ самыхъ просвѣщенныхъ, что послѣдовательными усиліями старались уменьшить ихъ число; кто дѣлаетъ добро для добра, тому зачѣмъ обѣты, притворство съ переодѣваньемъ, столько же суетнымъ какъ и смѣшнымъ?»

«Когда стряпуны прочелъ это, то онъ возразилъ мнѣ: — «огласитесь однако, что то, что я далъ вамъ, лучше остального». —

1) Св. И. О. XXIII, 167.

2) И. И. Шувалова.

На это я отвѣчала: «Вижу, что трудно васъ исцѣлить, но если вы хотите знать, чтб я объ этомъ думаю, скажу вамъ, что по сравненію, это еще смѣшнѣе и нелѣпѣе всего другого, такъ какъ здѣсь соединеніе притворства съ ребячествомъ». . . Однимъ словомъ, всѣ стѣпуны плоски, уничтожены и даже прежній директоръ солнца въ оперѣ Нитетти (Елагинъ). Головѣ моей хотѣлось все это вамъ высказать. Никогда голова не работала съ такимъ прилежаніемъ какъ моя, и уже съ давняго времени¹⁾.

Въ числѣ шарлатановъ, имѣвшихъ успѣхъ въ высшихъ петербургскихъ кругахъ Екатерина въ письмахъ своихъ называетъ еще нѣкоего графа Карамана, мистика, вліянію котораго подпалъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Надъ этимъ часто подсмѣивается государыня и въ одномъ письмѣ говоритъ Гриму: «Скажите мнѣ пожалуйста, какая надобность вамъ присылать къ намъ скучныхъ людей? Здѣсь ихъ полдюжины, которыхъ вы могли бы сохранить тамъ у себя, и міръ ничего не потерялъ бы отъ этого. Вы скажете, что это въ отместку, потому что ежедневно получаете такихъ же отъ насъ: пожалуй, но какая надобность была напримѣръ присылать къ намъ графа Карамана, экономиста и безрукаго, чтобы вызвать и увеличить всѣ сердечныя и умственныя страданія оберъ-камергера—нерѣзительность, ревматизмы и всякія безцѣльныя стремленія? Вы уморите этого человѣка, и если г. Караманъ захочетъ, то онъ посадитъ его въ пузырь и заставить летать среди бѣла дня надъ нашими головами, такъ онъ имъ занятъ. Но всего лучше то, что оберъ-камергеръ воображаетъ, будто этотъ господинъ здѣсь подъ его руководствомъ, и Богъ знаетъ какія нелѣпыя предпріятія онъ затѣваетъ со своимъ безрукимъ, который, какъ говорятъ, человѣкъ самый обыкновенный; но склонность къ ханжеству заставляетъ святошу видѣть въ сынѣ другого святоши произведеніе живительной набожности, которая можетъ быть только исполнена благочестія, особливо

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 168—169.

когда оно таково, какъ намъ нужно, потому что ханжи никогда себя не забываютъ»¹⁾).

Удивительное знаніе человѣческаго сердца обнаруживаютъ эти замѣчательныя слова, такъ же какъ и всѣ сужденія Екатерины о томъ напускномъ благочестіи, которое выбираетъ изъ евангельскаго ученія только то, что ему сподручно, что согласуется съ свѣтской пустотою и требованіями житейской выгоды. О высокомъ уваженіи государыни къ духу истиннаго христіанства мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но и въ сужденіи ея о Гернгутерахъ есть замѣчательное мѣсто, свидѣтельствующее о ея уваженіи къ православной церкви: «Вы сами не знаете, что говорите», пишетъ она Гримму: «вы ненавидите полоцкихъ, шутовъ а любите г. Рѣнтгена²⁾), хотя сознаете, что эти Гернгутеры столько же Іезуиты, какъ и другіе: вотъ прекрасное сужденіе! Вы такъ же противорѣчите себѣ какъ и я. Ваши Гернгутеры развѣ не отвергнуты ревностными сторонниками Мартына, такъ же какъ другіе маркизомъ Петромъ (папою)? Но все это принимаетъ мать святая церковь греческая, которая во всѣхъ видитъ людей и ко всему безъ исключенія относится съ терпимостью... Если вы любите гернгутерскія формы, желаю вамъ за грѣхи ваши подругу такой формы внѣшней и внутренней, послѣ чего вы сообщите мнѣ свои впечатлѣнія. Я видѣла ихъ тридцать шесть въ прекрасный лѣтній день, когда всѣ бѣгали на нихъ смотрѣть, какъ на чудо безобразія, и всѣ возвращаясь клялись, что не видали ничего подобнаго этимъ образцамъ³⁾). Эти Гернгутеры умѣютъ узить умъ и кромѣ того обладаютъ въ высшей степени искусствомъ безобразить женщинъ. Между моими парадоксами существуетъ такой: что безобразіе человѣческаго тѣла женскаго или мужскаго есть недостатокъ воспитанія и если воспитаніе дѣй-

¹⁾ Св. Н. О. XXIII, 291.

²⁾ Столяръ гернгутеръ, привезшій въ Петербургъ разныя издѣлія на продажу.

³⁾ Св. Н. О. XXIII, 331.

ствительно хорошо, то красота души и тѣла должны идти рука объ руку, и одно должно быть послѣдствіемъ другого» ¹⁾.

Извѣстно, что Екатерина пробовала осмѣивать мистическія секты даже въ своихъ комедіяхъ. Такъ она въ началѣ 1786 г. пишетъ Гримму, что ея комедія *Обманщикъ* и другая *Обошеченный* «произвели большое впечатлѣніе и приостановили ревность тѣхъ и другихъ». На послѣдней изъ этихъ комедій, по словамъ ея, опять присутствовалъ св. синодъ «не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ полномъ составѣ, и горячо рукоплескалъ пьесѣ» ²⁾. Тутъ же сказано, что пишется еще комедія *Шаманъ Сибирскій*, которая и была играна осенью того же года. Этотъ шаманъ — лицо, прошедшее черезъ 140 различныхъ ступеней (масонскихъ) и достигшее той степени блаженства, на которой онъ уже не отвѣчаетъ тѣмъ, кто съ нимъ говоритъ, а вмѣсто того мяукаетъ кошкой, поѣтъ пѣтухомъ, лаетъ собакой и проч. и пр., но при этомъ остается все таки большимъ плутомъ и обманщикомъ ³⁾.

Общее положеніе Европы и внѣшняя политика съ 1780-го по 1787-й годъ.

Въ обзорѣ политическихъ событій Европы до 1780 года мы дошли до вооруженнаго нейтралитета — этого великаго акта государственной мудрости Екатерины, ограничившаго хотя на время деспотизмъ Англичанъ и ихъ захваты на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ частяхъ свѣта. Государыня писала объ этомъ осенью 1780 года: «Теперь еще нашъ нейтралитетъ на помочахъ, но скоро онъ выступитъ походкой большой и красивой дѣвушки» ⁴⁾. На основаніи этого нейтралитета Екатерина заняла въ рѣшеніяхъ Европы первенствующее мѣсто и нельзя нагляднѣе очертить это положеніе, какъ сдѣлавъ нѣсколько интересныхъ извлеченій изъ писемъ

¹⁾ 358.

²⁾ 374.

³⁾ 384.

⁴⁾ 194.

Гримма. Съ свойственнымъ ему остроуміемъ онъ очень мѣтко изображаетъ въ шуточномъ тонѣ взаимныя отношенія главныхъ европейскихъ державъ. При этомъ онъ съ явнымъ и искреннимъ расположеніемъ къ Россіи указываетъ, какое почетное и славное положеніе она можетъ занять среди всеобщей путаницы, произведенной въ Европѣ великою Сѣверо-Американской войной, при затруднительныхъ обстоятельствахъ Англии и слабости Франціи, опираясь на объявленный Екатериною вооруженный нейтралитетъ. Конечно при этомъ Гримму, какъ западному европейцу, трудно допустить мысль, что политика Россіи можетъ быть національною на собственную пользу, и онъ постоянно видитъ ея задачу только въ умиротвореніи Европы. Вотъ какими словами, хотя и не чуждыми нѣкоторой лести, изображаетъ Гриммъ осенью 1780 года то положеніе, которое Екатерина умѣла создать себѣ въ Европѣ своимъ твердымъ и мудрымъ образомъ дѣйствій, такъ неуклонно направленнымъ на благо Россіи: «Когда я вижу властелиновъ міра, суетящихся около ея (русской императрицы) школы; когда я вижу флагъ ея развѣвающимся на моряхъ, чтобъ заявить этой стихіи, покрытой морскими разбойниками, что настало царство правосудія; когда я вижу августѣйшее и священное имя, никогда не произносимое при мнѣ безъ особеннаго чувства, уважаемымъ и чтимымъ наперерывъ всѣми націями; когда я вижу прежнихъ ея хулителей или вынужденными публично отрекаться, или униженными до постыднаго молчанія, тогда сердце мое наполняется счастьемъ и отъ радости готово разорваться на тысячу кусковъ»¹⁾. . . Я увѣренъ, что рано или поздно (потому что минута опредѣлится безуміемъ или мудростью другихъ) наша августѣйшая государыня дастъ миръ Европѣ и Америкѣ, такъ какъ въ послѣдніе годы, можно сказать съ тѣхъ поръ какъ она царствуетъ, ничего прекраснаго, мудраго, великаго въ этомъ мірѣ не совершается безъ нея и ея счастливаго вліянія». . . «Трезубецъ гордой повелительницы, не довольствуясь владычествомъ на

¹⁾ Письма Гримма 47.

Каспійскомъ морѣ, Понтѣ Евксинскомъ и Балтикѣ, провозглашаетъ уставъ безпристрастія и справедливости на моряхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ варварствомъ и разбоями акулъ всякаго рода» ¹⁾.

Около того же времени Гриммъ сообщаетъ государынѣ мнѣніе Фридриха II о вооруженномъ нейтралитетѣ. «Мнѣ приносятъ письмо высокаго союзника вашего величества, гдѣ онъ говоритъ: — «Морской уставъ, о которомъ вы мнѣ пишете, есть великое твореніе генія и политики; онъ таковъ, какъ можно было ожидать его отъ нашей великой императрицы, которая на всякое дѣяніе свое кладетъ печать безсмертія». — И затѣмъ выражена надежда, что г. полковникъ (т. е. я), когда побѣдетъ въ Россію, не откажетъ при проѣздѣ здѣсь (въ Потсдамѣ) приостановиться для свиданія съ старымъ подполковникомъ русскимъ, который приметъ его съ удовольствіемъ.

«Закрывъ пакеть, я снова его раскрываю, чтобъ сказать моей августѣйшей государынѣ смиренно и правдиво, что я получилъ коммерческое письмо изъ Лиссабона, извѣщающее меня, что адмиралъ Борисовъ бросилъ тамъ якорь 8 сентября (1780) съ своей дивизіей изъ пяти кораблей и двухъ фрегатовъ и что кавалеръ Полибинъ побѣхалъ крейсировать со своими къ Канарскимъ островамъ. Боже храни флагъ всей Россіи!»

Эта эскадра была послана къ берегамъ Португаліи, чтобъ побудить королеву португальскую присоединиться къ вооруженному нейтралитету, какъ говорить объ этомъ сама государыня: «Очень рада узнать, что мой прежній союзникъ одобряетъ вооруженный нейтралитетъ; сестрица Донна Марія начинаетъ одумываться; адмиралъ Борисовъ возымѣлъ для нея неотразимую прелесть, или, лучше сказать, его десять кораблей» ²⁾.

Но всего забавнѣе изображаетъ Гриммъ положеніе Англіи и

¹⁾ Тамъ же 88, 129.

²⁾ Тамъ же 81—82.

³⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 194.

Франціи въ слѣдующей комической картинкѣ, которую называетъ сномъ наканунѣ Новаго года ¹⁾):

«Такъ какъ эта война, по словамъ вашего величества и по чутью всѣхъ честныхъ людей, самая глупая въ мірѣ, то императрица повелитъ морямъ успокоить свою ярость, морскимъ разбойникамъ прекратить свои разбои или, говоря безъ фигуръ, она остановитъ морскую войну, какъ остановила германскую. Это впрочемъ будетъ дѣломъ не одного вашего величества, хотя однако слава такого подвига будетъ приписана вамъ однѣмъ, тогда какъ вашему доброму братцу Георгу слѣдовало бы получить свою частичку этого пирога: вѣдь онъ поставилъ императрицу въ исключительную необходимость успокоить моря надежнѣйшимъ образомъ. Этотъ внезапный и надменный разрывъ съ Батавами (Голландцами) конечно гениальная выходка, не имѣющая другой цѣли, какъ учтиво вызвать императрицу показаться будущею же весною въ Ла-Маншѣ во главѣ пятидесяти или шестидесяти кораблей вооруженнаго нейтралитета. Такъ какъ она имѣетъ дѣло съ глухими, то правда, что она принуждена будетъ разговаривать съ ними нѣсколько вблизи; но это и будетъ единственное для нея усиліе; впрочемъ, все обойдется съ величайшею въ свѣтѣ любезностью и вѣжливостью. Прикрывъ Батавовъ своимъ заступничествомъ, она скажетъ Галламъ и Англиканамъ: Господа, долго ли вы будете еще безумствовать? Одни отвѣтятъ ей: государыня, право мы вовсе не закоренѣли въ своихъ глупостяхъ. Пусть насъ не трактуютъ какъ шалуновъ за то, что мы при могущественномъ Людовикѣ XV, управляемые великими гениями, были биты и на морѣ и на сушѣ: вотъ предѣлъ нашихъ нынѣшнихъ желаній, чтобъ насъ болѣе не били, ибо мы теперь управляемся людьми разумными. Въ сущности же, государыня, мы требуемъ того же, чего вы и сами требуете—законной свободы для всѣхъ. Мы не требуемъ смерти грѣшника. Если же онъ навлекъ на себя болѣзнь, мы въ томъ не виновны. Онъ очень

¹⁾ Письма Гримма 94, 95, 96.

долго забавлялся тѣмъ, что отсѣкалъ себѣ руки и ноги, а потомъ сталъ кричать: Мы ли тому причиной? Впрочемъ, мы видимъ по силѣ его голоса, что несмотря на отрубленные руки, этотъ шутъ еще очень живучъ и еще далеко пойдетъ, не взирая на свои глупости, только потому что предки его нѣкогда были очень мудры. Вотъ стало-быть, дѣла со стороны Галловъ устроены. Съ другой стороны отвѣтятъ: Государыня, какъ скоро вы на этотъ тонъ берете, примите, что мы ничего не сказали ни Батавамъ, ни еще менѣе вамъ, такъ какъ вы, обладая наружностью матери амуровъ, на дѣлѣ жестки какъ Юнона волоокая, которую самъ дьяволъ не отведетъ отъ мыслей, забравшихся разъ въ ея голову. Я еще не нахожусь въ такомъ горячечномъ состояніи, чтобъ не захотѣть сохранить ни одного друга на землѣ. Въ сущности я уподобился пьяницѣ, который съ успѣхомъ отбивается отъ рукъ людей посильнѣе его, но наконецъ упалъ бы отъ изнеможенія, еслибъ вы не были столь добры и не взяли меня за руку, чтобъ отвести въ постель, гдѣ мнѣ необходимо отдохнуть ото всѣхъ безумствъ, которыя я натворилъ. Что же касается до руки, отрубленной мною у себя съ такой ловкостью, я чувствую, государыня, что хотя вы и волшебница, вамъ никакъ не пришить ее къ моему плечу; итакъ не будемъ объ этомъ говорить. Избавьте меня только отъ сквернаго слова «независимость». Дайте мнѣ заключить съ москотильными торговцами Америки перемиріе, по которому они очутились бы ни рыбой ни мясомъ, ни зависимыми, ни независимыми, или, говоря яснѣе, по которому они станутъ независимы, но безъ этого титула, а я постараюсь привикнуть мало по малу къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ своей превосходной глупости. На это государыня скажетъ: Господа той и другой стороны, такъ какъ вы возвращаетесь къ здравому смыслу, что лучше поздно чѣмъ никогда, такъ поцѣлуйте же, пусть ваши дурачества кончатся и я болѣе о васъ никогда не хочу слышать; но вы, господинъ потребитель пунша, не думайте, что послѣдній припадокъ вашего безумія пройдетъ вамъ безнаказанно: такъ какъ вы перебили горшки мирныхъ и ней-

тральныхъ Батавовъ, вы за нихъ заплатите, и за всё, отъ перваго до послѣдняго, и до моего ухода: потому что я хочу, чтобъ правосудіе оказано было. И чтобъ подобныя низкія дѣла не совершались впредь, не угодно ли вамъ будетъ присѣсть немножко за азбуку; я хочу заставитьъ васъ повторить при всѣхъ свой катехизисъ, чтобъ узнать не забыли ли вы его. На это императрица вынетъ изъ кармана свой морской катехизисъ, заставитьъ повторить его громкимъ и внятнымъ голосомъ, статью за статьей, всѣхъ учениковъ, какой бы они ни были націи. Всякій подпишется подъ нимъ и объщаетъ болѣе не забывать его. Этотъ катехизисъ отдадутъ въ переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, съ надписью на корешкѣ: морской символъ безсмертной Екатерины, со всѣми его правами и дарующими блаженство догматами вѣры. Тогда императрица возвратится изъ Ла-Манша въ Финскій заливъ, среди благословеній и одобрительныхъ восклицаній народовъ. Вотъ, государыня, какой я видѣлъ сонъ эту ночь, наканунѣ греческаго новаго года. Когда я говорю, что видѣлъ ея пріѣздъ въ Ла-Маншъ, я не тѣлесно перемѣщаю ее, а разумѣю ея духъ, который разливается и распространяетъ свое могущественное вліяніе во всѣхъ извѣстныхъ концахъ земли для счастья человечества»¹⁾.

Императрицу очень позабавило это изображеніе; она благодаритъ Гримма за добрыя пожеланія и прибавляетъ: «Не знаю чѣмъ этотъ годъ себя покажетъ; онъ начался было маленькими переговорами; но они идутъ такъ вяло, что повидному ни къ чему не приведутъ. Мнѣ кажется, что только я одна желаю видѣть прекращеніе тревоги этой войны, и вы увидите также, что я менѣе всего извлеку выгодъ изъ моей доброй воли. Но оставимъ эти дѣла, которые распутаетъ время²⁾. И въ другомъ мѣстѣ встрѣчается возраженіе государыни, на желаніе Гримма втянуть ее въ европейскія распри: «О, не говорите мнѣ о посредничествѣ: ахъ, эти пачкуны такъ все портятъ, такъ путаютъ,

¹⁾ Письма Гримма 94, 95, 96.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 197, 198.

такъ безчестны, что я уже сыта по горло; желала бы послать всѣ эти дѣла къ дьяволу и когда вы ихъ отсылаете туда же, то я говорю аминь» ¹⁾).

Всегда мудро уклоняясь отъ вмѣшательства въ дѣла Европы, какъ скоро въ нихъ не были прямо замѣшаны интересы Россіи, Екатерина теперь менѣе чѣмъ когда-либо была расположена въ нихъ вступаться съ оружіемъ въ рукахъ, готовясь къ мирному присоединенію Крыма, которому такъ благопріятствовали обстоятельства.

Положеніе Франціи. Людовикъ XVI, Неккеръ, Сегюръ.

Мы уже ранѣе сказали, что при Людовикѣ XVI отношенія между Франціей и Россіей измѣнились къ лучшему. Гриммъ съ удовольствіемъ писалъ, что Парижъ наполненъ вивѣсками съ именемъ императрицы всероссійской, кофейнями, большими отелями подъ названіемъ «Россія» и даже магазинами платья подъ вивѣскою: «Русскій щеголь». Екатерина смѣялась тому, что вошла въ моду, находя, что это ей уже не по возрасту. «Какъ любопытно», говорила она, «что мода приходитъ съ Сѣвера; но еще любопытнѣе что Сѣверъ и особливо Россія въ модѣ во Франціи. Какъ? послѣ того, что объ насъ думали, говорили и писали такъ худо! По крайней мѣрѣ надо будетъ сознаться, что во всемъ этомъ нѣтъ послѣдовательности; надѣюсь, что по прибытіи этого письма чадъ пройдетъ» ²⁾. Она отчасти приписывала улучшеніе своихъ отношеній къ Франціи посланнику г. Жюинье и вспоминала о немъ такъ: «Скажите г. Жюинье, что мнѣ всегда пріятно слышать его имя, потому что онъ весьма честный человекъ и измѣнили тонъ, который имѣли его предшественники» ³⁾. По случаю рожденія дофина императрица, въ апрѣлѣ 1782 года, выражала свое удовольствіе и расположеніе къ Людовику XVI. Письмо

¹⁾ 200.

²⁾ 270.

³⁾ 200.

ея начинается такъ: «4 апрѣля, на другой день послѣ праздника въ честь маленькаго дофина, праздника, на которомъ я пробыла три часа, потому что онъ давался въ домѣ бывшаго вице-канцлера и меня интересуеъ первенецъ Людовика XVI по причинѣ добрыхъ поступковъ его чиновниковъ»¹⁾. Кроме того она послала Гриму фасонъ платья безъ швовъ своего внука Александра, для будущаго употребленія дофина.

Гриммъ не разъ хвалитъ счастливый выборъ государственныхъ людей въ началѣ царствованія Людовика: напр. Моренъ, Верженна, Неккера и Кастри. Послѣдняго онъ называетъ человѣкомъ непоколебимой честности, возвышеннаго образа мыслей, великаго характера и большой мудрости, и въ видѣ высшей похвалы ему выражаетъ мысль, что онъ былъ бы достоинъ служить Екатериной II. О расположеніи Верженна къ императрицѣ Гриммъ упоминаетъ не разъ, представляя его работавшимъ подъ начальствомъ Шуазёля, во вредъ Россіи, совершенно противъ своего убѣжденія, и теперь опрокинувшимъ министерскую репутацію послѣдняго, такъ что онъ никогда болѣе не возстановится. Мы видимъ изъ этой переписки, что Верженъ выручилъ ѣхавшую изъ Италіи моремъ картину Менгса Андромеду, купленную императрицей и попавшую въ руки корсаровъ, но не хотѣлъ ничего взять за выкупъ ея, потребовавъ отъ Гримма только 24 копейки русской монетой, будто бы за укладку и хлопоты.

При этомъ Гриммъ въ шутку жалуется, что хотя онъ и добрый Русскій, но не имѣетъ ни одной русской копейки подъ рукою и проситъ государыню выслать ему съ курьеромъ или эскадрой 24 хорошо отчеканенныя русскія копейки. Екатерина отблагодарила Верженна за такую любезность присылкой женѣ его дорогой шубы, давъ этому подарку такой шуточно деликатный оборотъ, какъ будто она нашла въ ящикѣ съ картиной чужую вещь, вѣроятно принадлежащую г-жѣ Верженнъ, и нечаянно въ немъ забытую.

¹⁾ *Св. И. О.* XXIII, 235.

При посылкѣ императрицѣ знаменитаго отчета Неккера въ началѣ 1781 года отъ имени самого автора, Гриммъ такъ опредѣляетъ характеръ этого государственнаго человѣка, говоря о его произведеніи: «Это сочиненіе произвело здѣсь сильное впечатлѣніе; но такъ какъ я постоянно замѣчалъ, что здѣшняя публика рано или поздно мститъ за восторгъ и увлеченіе, которыя внушены ей, то я никогда такъ не боялся за г. Неккера, какъ въ эти минуты, когда вижу его превознесеннымъ на верхъ славы. Его произведеніе конечно по всей Европѣ надѣляетъ шуму. Я не знаю, будете ли ваше величество имѣть время прочесть его и не оттолкнетъ ли васъ лабиринтъ французскихъ финансовъ, черезъ который надо пройти. Особенно характерно въ человѣкѣ, хотя всѣ могли замѣтить это такъ же какъ и онъ самъ, его собственное завѣреніе, что онъ постоянно лишаетъ себя наслажденія что-либо дѣлать во имя дружбы. Это неутѣшительно для тѣхъ, въ комъ онъ принимаетъ участіе. Конечно министръ прежде всего общественный человѣкъ, а потомъ уже другъ, а г. Неккеръ, иностранецъ и протестантъ, долженъ быть строже въ этомъ отношеніи, чѣмъ другой. Но дружба должна ли быть поводомъ къ устраненію, и когда общественное мѣропріятіе причинило вредъ кому-нибудь, въ комъ принимаешь участіе, надо ли бояться исправить это изъ опасенія, что насъ обвинять въ услугѣ, оказанной дружбѣ? Вотъ казуистическій вопросъ трудно разрѣшимый. Но вѣрно и всѣми замѣчено, что выгоднѣе быть врагомъ г. Неккера и считаться передъ нимъ виноватымъ, нежели быть его другомъ: потому что онъ никогда не сокращалъ и не бралъ ничего у тѣхъ, на кого онъ могъ жаловаться, чтобъ не заподозрѣли его въ увлеченіи страстью и мщеніемъ, и никогда онъ не хотѣлъ поправить зло, причиненное друзьямъ его распоряженіями, изъ опасенія, чтобъ его не сочли пристрастнымъ къ нимъ. Это можетъ-быть доказываетъ великій характеръ; но я не имѣю духу этому завидовать»¹⁾.

Здѣсь Гриммъ намекаетъ на то, что Неккеръ своимъ распо-

¹⁾ Письма Гримма 118, 119.

ряженіемъ объ уничтоженіи всѣхъ выдачъ съ откуповъ лишилъ пенсіи г-жу д'Эпинэ. Чтобъ пояснить это обстоятельство, не излишне будетъ сказать, что г-жа д'Эпинэ, больная и имѣвшая на рукахъ трехъ внучковъ, теряла такимъ образомъ свое единственное достояніе и находилась въ самомъ стѣсненномъ положеніи. По всегдашней своей добротѣ и великодушію императрица пришла къ ней на помощь покупкою у ней двухъ брильянтовъ, и даже вызывалась хлопотать о сохраненіи этой пенсіи, но Гриммъ удерживалъ её, боясь, чтобъ это не имѣло вида жалобы со стороны г-жи д'Эпинэ и еще болѣе ей не повредило. Но, несмотря на личную причину неудовольствія противъ Неккера, Гриммъ, по благородству характера, не только отдавалъ справедливость его талантамъ, но и извинялъ его поступокъ отчаяннымъ положеніемъ финансовъ во Франціи. Онъ говоритъ: «Императрица никогда не пойметъ, какимъ образомъ государь можетъ взять назадъ то, что разъ далъ, ничѣмъ того не замѣняя, и когда передъ нимъ ни въ чемъ не провинились, а тутъ рѣчь идетъ о пенсіи въ какія-нибудь полторы тысячи рублей; но ваше величество не можете имѣть яснаго понятія, что такое—запутавшееся въ долгахъ правительство, по неволѣ скарденое и всегда ищущее, гдѣ бы занять денегъ» ¹⁾.

Вотъ какъ отозвалась государыня о Неккерѣ по полученіи его отчета: «Поблагодарите отъ меня г. Неккера за его превосходное сочиненіе и скажите ему, что я въ высшей степени цѣню труды его и особливо его таланты. Я не сомнѣваюсь, что небо предназначило ему вывести Францію изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ онъ засталъ финансы этого королевства; но это работа не одного года, я знаю это по опыту» ²⁾.

Предчувствія Гримма о паденіи Неккера оправдались слишкомъ скоро. Уже въ июлѣ того же 1781 года Гриммъ писалъ о его увольненіи: «Ваше величество узнали въ свое время объ отставкѣ этого замѣчательнаго человѣка. Такое событіе должно

¹⁾ Письма Гримма 39.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 197.

было удивить издали и это можетъ быть единственное рѣшительное событіе глупой войны, которая такъ сердитъ ваше величество; но тѣ, кто видѣлъ дѣла вблизи, видѣли также приближеніе этого несчастія тихими шагами, и считали его неизбѣжнымъ задолго до его совершенія. Зато я дьявольски сердился на этого дьявола человѣка всю эту зиму; онъ доказалъ мнѣ, что когда головы разгорячатся, то чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ дѣлаетъ болѣе тяжелыя неловкости. Да здравствуютъ дураки, умѣющіе вести себя превосходно! Это истина, которою я проникнуть давно. Имъ не надо поручать поведенія другихъ, но въ своемъ собственномъ они безукоризненны. Г. Неккеръ прекрасно управлялъ финансами королевства; но за то, что онъ хотѣлъ итти слишкомъ быстро, итти съ большимъ шумомъ, и можетъ-быть не терпѣлъ возлѣ себя людей, не искавшихъ исторгнуть у него славы, — единственнаго его идола, — онъ сломалъ себѣ шею. Еслибъ онъ шелъ потише, то непременно достигъ бы цѣли своихъ стремленій; но между тѣмъ какъ никто не смѣлъ думать о томъ, чтобъ смѣстить его, онъ самъ спѣшилъ къ своей гибели и можетъ-быть увлекъ туда же Францію. Я считаю его человѣкомъ умершимъ; онъ не перенесетъ этой катастрофы; онъ рожденъ для великихъ дѣлъ, онъ только и былъ здоровъ съ тѣхъ поръ какъ былъ при мѣстѣ, и развѣ ему представится случай управлять имперіей, я не вижу для него спасенія. Ваше величество скажете мнѣ: ну, онъ немножко любилъ продавать товаръ лицомъ, громко зазывать въ свою лавку, привлекать всѣ взоры и можетъ-быть отводить ихъ ото всѣхъ другихъ, чтобъ исключительно наслаждаться шумомъ своей репутаціи: какая же въ томъ бѣда? Тѣмъ лучше, если находишь людей подъ рукою, которые полагаютъ все свое существованіе и видятъ всю награду въ этихъ игрушкахъ. Ваше величество говорите какъ вторая Екатерина, или какъ Екатерина вторая. При ней Неккеръ пришелъ бы къ безсмертію со всѣмъ громомъ, котораго онъ желалъ, а императрица сказала бы съ улыбкой: Боже мой, до чего люди—большія дѣти! Но когда при исполненіи должности, въ которой нельзя не нажать себѣ цѣлаго сонма вра-

говъ, имѣешь еще неловкость оскорблять гордость, можетъ-быть даже чувства тѣхъ, кого слѣдовало бы беречь, что можетъ тогда сдѣлать юный король среди столкновения страстей, воюющихъ вокругъ него? Онъ вынужденъ избрать изъ нѣсколькихъ золь то, которое ему представляютъ неизбѣжнымъ. Государственный человѣкъ сказалъ: Франція должна, быть очень крѣпка, чтобъ выдержать все это, особливо если будутъ продолжать войну съ энергіей предшествовавшихъ годовъ. Всего болѣе можно опасаться, что все войдетъ въ обычный порядокъ, то есть въ безпорядокъ, и что едва подавленные злоупотребленія всѣ незамѣтно возобновятся. Тогда г. Неккеръ увидитъ со скорбію, что его министерство прошло какъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ метеоровъ, которые на минуту ослѣпляютъ своимъ блескомъ, но которыхъ полѣтъ слишкомъ быстръ, чтобъ оставить прочное воспоминаніе и впечатлѣніе. Ваше величество совершенно правы, его трудъ не могъ быть дѣломъ одного года, только чрезъ десять или двадцать лѣтъ могли обнаружиться незгладимыя слѣды его, освещенные благословеніями народовъ» ¹⁾).

Впечатлѣніе, произведенное и на императрицу отставкою Неккера въ первую минуту, выразилось въ слѣдующихъ строкахъ:

«Г. Неккеръ потерялъ свое мѣсто; это былъ прекрасный сонъ, приснившійся Франціи, и большая побѣда для враговъ ея. Характеръ этого рѣдкаго человѣка заставляетъ удивляться ему въ двухъ его сочиненіяхъ, потому что «Записка» стѣбитъ вполне «Отчета». Король Франціи прикоснулся ногою къ великой славѣ. Ну, теперь не скоро что-нибудь подобное опять явится. Нужна была голова мастера, которая бы слѣдила за прыжками г. Неккера. Что же касается до слабости его предпочитать враговъ друзьямъ своимъ, то я понимаю, что голова навыворотъ, подобная его головѣ, могла считать великою доблестью охотнѣе дѣлать добро первымъ, и въ самомъ дѣлѣ не малая добро-

¹⁾ Письма Гримма 194, 195, 196.

дѣтель обходить друзей своихъ, чтобъ полагать преграду требованіямъ и показывать верхъ безпристрастія» ¹⁾).

Долго государыня не могла приняться за внимательное чтеніе отчета Неккера и писала: «Увы! чтобъ не солгать, я еще не читала книги г. Неккера; два раза я ее начинала, но столько являлось дѣлъ и препятствій, что я еще не прочла и двадцати страницъ» ²⁾). Одолевъ наконецъ вступленіе, она говорить: «Я прочла вступленіе книги г. Неккера; я только что его кончила. Такъ какъ онъ дорожитъ вниманіемъ къ себѣ, то увѣрьте его въ моемъ уваженіи; видно, что онъ былъ на мѣстѣ и исполнялъ свое дѣло страстно, и самъ онъ въ томъ признается. Я люблю эти слова: — «что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ бы и опять». — Такъ не говорятъ не добрые люди; надо имѣть много доброты, чтобъ не потерять изъ нея ничего послѣ столькихъ невзгодъ. Я прочту остальное и поговорю объ этомъ еще ранѣе, чѣмъ будетъ кончено это посланіе» ³⁾).

Когда же Неккеръ прислалъ ей свое большое сочиненіе о финансахъ, то она не очень желала за него приняться и объясняла это такъ: «Я думала, избавиться отъ этого чтенія, потому что французскіе финансы до меня не касаются, а также и потому что не думаю, чтобъ тамъ можно было чему-нибудь научиться для себя, развѣ только тому чтобъ избѣгать всего, являющагося камнемъ преткновенія, а я полагаю, что тутъ мы нѣсколько знаемъ, чего надо избѣгать. . . . Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія мелкихъ обложеній, которыя только истязаютъ людей, а приносятъ очень мало. Такъ какъ бюллетени говорятъ, что король французскій очень занятъ чтеніемъ книги г. Неккера, то я полагаю, что все неудовольствіе на него и его книгу не будетъ имѣть послѣдствій. Вѣдь не всякій же Людовикъ XV, котораго покровительство ни къ чему не служило» ⁴⁾).

¹⁾ Сл. И. О. XXIII, 214, 215.

²⁾ 359.

³⁾ 371.

⁴⁾ 334, 338.

Читая сочиненія Неккера и не будучи въ состояніи одолѣть ихъ, императрица писала: «Какая комиссія быть осужденной читать то, что до васъ не касается, что вамъ кажется скучнымъ, какова напр. отвратительная матерія финансовъ всехристианскаго короля. Я не поздравляю его, что у него будетъ 48 сборщиковъ вмѣсто 12-ти. Я думаю, что скоро его величество узнаетъ который изъ этихъ образчиковъ финансовъ приходился ему болѣе по вкусу, потому что онъ пощупалъ и Тюрга и Неккеровъ и настоящую путаницу. Всѣ они имѣли разные взгляды: Экономисты, философы, выжиматели кошельковъ; слава Богу, я всѣми очень довольна и все къ лучшему въ лучшемъ изъ міровъ, прощипаніе же кошелька тоже хорошо» ¹⁾).

Въ 1787 году Калоннъ также доставилъ Екатеринѣ свою записку, и она говоритъ: «Г. Калоннъ прислалъ мнѣ свой длинный списокъ проектовъ, который онъ выдаетъ за собственную работу короля; я еще этого не читала, и очень боюсь, чтобъ оно не было такъ же скучно, какъ три тома г. Неккера; желаю по крайней мѣрѣ, чтобъ это не было столько же мечтательно и бесполезно» ²⁾).

Полное же разочарованіе въ дѣятельности Неккера императрица выражаетъ уже послѣ революціи 89 года, въ 1790, когда вполнѣ обрисовались результаты этой дѣятельности: «Что касается г. Неккера, то я давно откланялась ему»—говоритъ она, «я думаю что для счастья Франціи, было бы лучше еслибъ онъ никогда не вмѣшивался въ ея дѣла» ³⁾).

Въ 1791 году государыня, возвращаясь къ Неккеру, говоритъ Гриму: «Вы были другомъ г. Неккера, сколько мнѣ помнится, до перваго его вступленія въ министерство: такъ отчего же не старались вы нашептывать ему то, что вы думали о его предпріятіяхъ? Но впрочемъ я знаю, что трудно образумить человѣка, если небо наказываетъ или надѣляетъ его гордостью; тогда всѣ органы его закрыты и онъ ничего слушать не хочетъ. Онъ одинъ

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 372.

²⁾ 403.

³⁾ 483.

видить, избобрѣтаетъ, обсуждаетъ, а все что говорятъ другіе, будь это лучшія вещи въ мірѣ, становится только оскорбленіемъ его гордости; гордый опьяненъ своею гордостью; я такихъ видѣла и списываю съ натуры».

Со времени перваго удаленія отъ дѣлъ Неккера и еще болшихъ затрудненій французскихъ финансовъ, государыня часто называетъ Людовика XVI: *бѣдные люди*, агше *Lente*, большею частію употребляя, когда говоритъ о немъ, нѣмецкій языкъ, и такъ выражается: «Бѣдные люди! Люди необутые въ сапоги не могутъ терпѣть обутыхъ (т. е. слабые твердыхъ). Они для нихъ слишкомъ дюжи, толсты, тяжелы, слишкомъ разсудительны, логичны, полнобѣсны: все это затрудняетъ. Болѣе дѣйствовать, мнѣ говорить вотъ способъ, которымъ часто достигалось болѣе, чѣмъ громкою болтовней о самомъ себѣ. Много есть людей на свѣтѣ, которымъ не всегда хочется видѣть свои творенія въ зеркалѣ. Ну, теперь онъ сидитъ и скучаетъ, и потому пишетъ; но къ чему же это послужитъ? кто же отыскиваетъ людей по картинкѣ? И гдѣ ихъ найти? Искусство въ томъ, чтобъ со всякими людьми заставлятъ итти дѣла какъ можно лучше и каждый день лучше»¹⁾. И въ другомъ мѣстѣ: «Но, Боже мой, бѣдные люди, что же они дѣлаютъ! Въ теченіе девяти лѣтъ они не могутъ выбрать основныхъ началъ, чтобъ знать желаютъ ли они имѣть откупщиковъ или не хотятъ откупа; свѣту это кажется опасно, легкомысленно и робко. Мнѣ очень жаль, что они мнѣ оказываютъ столько дружбы, такъ что я могла бы лопнуть отъ благодарности, еслибъ была воздушный шаръ; но такъ какъ Господь уберегъ меня отъ этого, то я иду своей дорогой, хоть и не безъ признательности, но не связывая себя»²⁾. Наконецъ, незадолго до революціи, уже въ 1787 году, Екатерина опять говоритъ: «Бѣдные люди! они хотятъ быть моими друзьями. Мнѣ право очень, очень жаль, что они внутренно и наружно такъ больны сердцемъ и слабы. Вы правду говорите, необходимо иногда разнообразить походку, чтобъ

¹⁾ 372.

²⁾ 272.

достигнуть успѣха въ этомъ мірѣ, и надо какъ можно менѣе выставки. Доказательство — отчетъ г. Неккера» ¹⁾).

Въ 1784 году французскимъ посланникомъ въ Россію назначенъ былъ Сегюръ. За это время письма Гримма не сохранились и мы не знаемъ, какъ онъ рекомендовалъ Сегюра Екатеринѣ, но въ началѣ 85 года: она пишетъ «Я не удивляюсь репутаціи г. Сегюра, но она мнѣ кажется заслуженною и навѣрное онъ лучше всего, что отъ васъ когда-либо пріѣзжало въ нашу страну. Остается узнать, будутъ ли глаза его ослѣплены предубѣжденіями, привычками, предписаніями и архивными свѣдѣніями, или онъ будетъ видѣть вещи ясно и не станетъ критиковать того, что у насъ не дѣлается, не думается, не говорится. Умны только мы одни: ²⁾ вотъ ужасная балаболка ³⁾, висящая на носу политиковъ нѣкоторыхъ государствъ, заставляющая ихъ закидывать голову назадъ, точно какъ отъ украшенія, висящаго между глазами турецкихъ и персидскихъ лошадей въ упряжи этихъ странъ, украшенія, которое совершенно отсутствуетъ въ англійской упряжи, потому что тамъ сочли бы его черезъ чуръ жестокимъ для лошади. Англичанинъ слишкомъ любитъ свое животное, чтобъ привѣсить ему такое безпокойное украшеніе передъ глазами. Не есть ли это блестящее сравненіе?» ⁴⁾

Вообще государыня хорошо понимала, какъ легкомысленно и невѣрно Французы всегда судили о насъ и что если когда-нибудь случалось имъ выказывать Россіи чувства дружбы, то это было только подъ вліяніемъ минутнаго интереса или случайной переходящей моды, а никакъ не въ слѣдствіе прочнаго расположенія, основаннаго на изученіи страны или на сочувствіи народному характеру. Такъ она говоритъ: «Я желала бы знать, кто вамъ сказалъ, что я не имѣю вѣрнаго понятія о Франціи; скорѣе же Французы вовсе не знаютъ Россіи, потому что ббольшая часть ихъ не-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 481.

²⁾ Т. е. Французъ вообще.

³⁾ Grandouille — слово, сочиненное государыней или гдѣ-нибудь ею выдуманное, но не находящееся ни въ одномъ словарѣ.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, 387.

вѣжественна, а другіе обмануты на нашъ счетъ или дѣйствуютъ подъ вліяніемъ страсти или по недостатку прозорливости, тогда какъ я всегда очень хорошо знала, чего можно отъ нихъ ожидать»¹⁾).

Извѣстно, что Сегюръ оказался самымъ пріятнымъ и веселымъ собесѣдникомъ въ глазахъ императрицы, не только на придворныхъ собраніяхъ, но и въ короткомъ обхожденіи и въ путешествіяхъ, на прогулкахъ и проч.: «Если Франція имѣтъ много головъ подобныхъ г. Сегюру», говоритъ государыня, «то я поздравляю её: къ достоинству, уму, талантамъ, знаніямъ онъ присоединяетъ благородство характера и любезность»²⁾. Къ этому она прибавляетъ: «онъ кажется любить и уважаетъ маркиза Лафайэта, и надѣется, что онъ пріѣдетъ сюда; если послѣдній стоить его, то это будетъ очень пріятное знакомство».

Германія.

Хотя о Фридрихѣ II въ перепискѣ вообще говорится рѣдко, но нельзя пройти молчаніемъ и немногія высказанныя о немъ сужденія Екатерины за послѣднее время его жизни. Въ началѣ 1781-го года Гриммъ писалъ: «Мнѣ неизвѣстно, государыня, послалъ ли земной союзникъ вашего величества, въ качествѣ петербургскаго академика, нашей августѣйшей покровительницѣ брошюру своего сочиненія о нѣмецкой литературѣ. Такъ какъ я по милости, или благодаря спеціальному беззаконію вашего величества, собрать по академіи этого августѣйшаго писателя, то онъ не преминулъ прислать мнѣ свое произведеніе, и я не могъ выразить ему за то своей благодарности, не войдя нѣсколько въ полемику. Эта книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ — одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ, — уже опровергли её со всѣмъ уваженіемъ, подобающимъ сѣдой и коронованной головѣ автора.

¹⁾ 251.

²⁾ 342.

Гёттингенская литературная газета также произнесла о ней свое мнѣніе. Ну конечно нельзя отрицать, что царственный авторъ не достаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судить о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о цвѣтахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію, и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозреваетъ, что его родной языкъ уже не тотъ, какимъ говорили и писали вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно онъ остается въ невѣдѣніи насчетъ всего, что писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ, насчетъ того, какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и головахъ германскихъ, и стало быть онъ не можетъ постичь, что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ, которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу ладовъ»¹⁾.

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Я ничего не получала и не читала о нѣмецкой литературѣ, но слышала, что объ этомъ отзывались также, какъ и вы объясняете; но что же вы хотите? Онъ принялъ извѣстный складъ, видитъ мало людей, а когда и видитъ, то онъ говоритъ, а другіе слушаютъ; никому нѣтъ выгоды ему противорѣчить, и его боятся. Этихъ причинъ достаточно, чтобы онъ не зналъ многого. Возрастъ тутъ также что-нибудь да значить. Въ 1740 году²⁾ мы были молоды, а теперь уже нѣтъ»³⁾.

Гриммъ отвѣчалъ: «То что вашему величеству угодно было сказать о старомъ господинѣ Беззаботномъ⁴⁾, то и Тацитъ сказалъ бы не лучше того: именно этотъ старый господинъ никогда не говорилъ никому изъ своихъ застольниковъ того, что импера-

1) Письма Гримма 129—130.

2) Годъ вступленія Фридриха II на престолъ.

3) *Св. И. О.* XXIII, 202.

4) Т. е. обитателѣ дворца Sans-souci.

трица, его высокая союзница, сказала однажды своему многострадальному: «знаете ли вы, что вы ужасно *отдѣлан* (*étrillé*) меня сегодня?» и это заставило названнаго многострадальнаго такъ расхотѣться въ присутствіи августѣйшей *отдѣланной*, что я не могу вспомнить о томъ безъ слезъ умиленія и печали, восклицая: какое это было время! какая бесѣда, что за невѣроятное сновидѣніе! но я нарочно хочу напечатать книгу, чтобъ доказать, что король, который избѣгаетъ быть ежедневно *отдѣлан* нымъ, стѣбитъ можетъ-быть не болѣе самой прекрасной сорочки, еслибъ её никогда не мыли»¹⁾.

Въ своихъ отзывкахъ о Фридрихѣ Екатерина приводитъ нѣкоторыя явныя доказательства его неблаговоленія къ себѣ. Такъ она упоминаетъ о его стараніяхъ посорить её съ принцемъ Генрихомъ, или, лучше, удалить её отъ него распространеніемъ слуховъ, что послѣдній сошелъ съ ума. Въ другомъ обстоятельстве—именно по поводу пребыванія молодаго Бобринскаго за границей, государыня сообщаетъ Гримму, что имѣетъ въ рукахъ доказательства, какъ происки и интриги Ирода и Герцберга (*le bou-toppé*) клонились къ тому, чтобъ создать въ головѣ молодаго челоуѣка призракъ какого-то воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ не былъ еще врагомъ никому»²⁾.

Наконецъ она подозрѣваетъ Фридриха въ томъ, что онъ постоянно занимается распространеніемъ слуховъ о ея болѣзни. «Кстати, я совершенно здорова», говоритъ она разъ Гримму, «и я не была больна съ прошедшаго іюля (письмо писано въ апрѣль 1785 г.) наперекоръ газетнымъ сочинителямъ и бюллетенямъ, нашептаннымъ делегатами Ирода, которые приписываютъ мнѣ собственныя свои болѣзни; а такъ какъ я здорова, то очень мало занимаюсь здоровьемъ другихъ». . . . «Иосифу лучше. Это Иродъ, самъ едва прозябая, распускаетъ слухи о плохомъ здоровьи другихъ»³⁾.

¹⁾ Письма Гримма, 212.

²⁾ См. И. О. XXIII, 376.

³⁾ 338, 361.

Кѣльнская газета въ 1783 г. распространила слухъ о смерти Екатерины, и по этому поводу государыня пишетъ Гримму: «Кѣльнскій газетчикъ говоритъ, что я умерла, и увѣряетъ, что это большое счастье для всего міра. Признаться, я не совсѣмъ раздѣляю его мнѣніе и надѣюсь разувѣрить его и въ томъ и въ другомъ»¹⁾. Тутъ кстати будетъ упомянуть еще объ одномъ подобномъ слухѣ во Франціи, и о забавномъ письмѣ, о которомъ Екатерина рассказываетъ Гримму: «На дняхъ я получила письмо съ слѣдующимъ адресомъ: *Ея Величеству Императрицѣ Россійской въ ея дворцѣ въ Петербургѣ*. Распечатавъ письмо, я увидѣла, что оно отъ пребывающаго въ Мецѣ, совѣтника французскаго короля. Этотъ человекъ говоритъ мнѣ, что испуганный молвою о томъ, что у меня ракъ въ груди и мнѣ собираются сдѣлать операцію, онъ посылаетъ мнѣ вѣрнѣйшее средство противъ этой болѣзни и присоединяетъ къ своему письму книжку, которой я конечно не прочла. И право, я не знаю, какое странное удовольствіе находятъ во Франціи распространять слухи о моей смерти, или о томъ, что я поражена какой-нибудь гадкой болѣзью, которой я никогда не имѣла: покойный Дюранъ, любезный Беранжа, остроумный Боссэ постоянно и съ такими точными перечисленіями подробностей приписывали мнѣ болѣзни, которыхъ я никогда не знала. И такъ прошу васъ увѣрить вашихъ знакомыхъ и господъ совѣтниковъ французскаго короля, что я жива, совершенно здорова и не страдаю ракомъ, да и никакой хронической болѣзью; хотя и освѣдомлялась въ Испаніи о какихъ-то ящерицахъ, которыми будто бы выгѣчиваютъ ракъ: это было изъ чистаго человеколюбія, на пользу госпиталей, основанныхъ здѣсь и въ другихъ городахъ; вѣроятно господа совѣтники короля и имъ подобные не предполагаютъ возможности о комъ-либо другомъ заботиться, кромѣ какъ о себѣ, и потому награждаютъ меня ракомъ»²⁾.

Въ послѣднюю болѣзнь Фридриха II Екатерина писала отъ

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 290.

²⁾ 301.

7-го іюля 1786 г.: «Циммерманъ поѣхалъ лѣчить короля прусскаго отъ его 74-хъ лѣтъ», и вскорѣ за тѣмъ отъ 23 іюля. «Циммерманъ не спасъ прусскаго короля: его нельзя было спасти» ¹⁾. Въ концѣ этого же письма прибавлено слѣдующее замѣчаніе: «Всего страннѣе въ судьбѣ Ирода то, что дома о немъ сожалѣла только одна жена, которой онъ не любилъ. Она въ самомъ дѣлѣ его оплакивала. Не удивительно ли? Ясно, что онъ не внушалъ большой нѣжности, но это была крупная пара рукавовъ (*une grande paire de manches*), когда онъ не являлся мелочнымъ и скупымъ» ²⁾. Переписка Фридриха II съ Гриммомъ вызываетъ слѣдующее замѣчаніе: «То, что вы мнѣ сообщаете о вашей перепискѣ съ покойнымъ королемъ прусскимъ, очень странно; я думаю, что вы въ глазахъ его были вдвойнѣ виноваты: были дружны съ принцемъ Генрихомъ и съ вашей покорнѣйшей службою, а онъ вѣдь не жаловалъ насъ» ³⁾.

Вотъ сужденія Екатерины о сочиненіяхъ умершаго Фридриха: «Творенія короля Прусскаго прибыли къ намъ давно; я прочла изъ нихъ только 30 страницъ, на которыхъ сдѣлала 27 письменныхъ замѣтокъ. У насъ говорятъ, что его величество лжетъ какъ зубной рвачъ ⁴⁾ въ безчисленныхъ мѣстахъ своей книги. Я еще не знаю, правда ли это, но въ томъ немногомъ, что я прочтала, мнѣ показалось, что и здѣсь блестящее красное словцо часто погрѣшаетъ противъ вѣрности факта; но есть и весьма хорошія вещи и ихъ нѣсколько. Братецъ Густавъ хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ принялъ ихъ къ свѣдѣнію. Но кто глупъ, тотъ ни изъ чего не извлечетъ пользы. Я не видала тѣхъ мѣстъ, которыя касаются принца Генриха и его пребыванія здѣсь; но вѣрно то, что король не всегда уважалъ правду, и онъ же разславилъ, что Генрихъ помѣшался въ ту зиму, какъ окончилась кампанія Тешенскимъ миромъ; этотъ фактъ я слышала отъ графа Панина, который увѣрялъ, что читалъ это мѣсто, написанное собственной рукой короля въ припискѣ (*post-scriptum*). Я часто

¹⁾ 380. ²⁾ 384. ³⁾ 391.

⁴⁾ *Comme un arracheur de dents.*

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

размышляла о томъ, что могло заставить его выдумать такую небывлицу, и предполагаю, не была ли причиной экономія, чтобъ помѣшать принцу прїѣхать сюда въ третій разъ; но пусть все это останется между нами. Оно ужъ ни къ чему болѣе не годится. Впрочемъ добрыя намѣренія, замѣченныя вами у принца (Генриха), мнѣ очень прїятны; не могу сказать того же о поведеніи господина племянника его, проникнутомъ двуличностью и полнѣйшимъ Маккиавелизмомъ¹⁾.

Въ июлѣ 1781 года Гриммъ увѣдомлялъ Екатерину, что императоръ Іосифъ II собирается провести три дня въ Трианонѣ съ королевой, своей сестрою, совершенно семейно и подалеже отъ взоровъ простыхъ смертныхъ. Самъ же Гриммъ предполагалъ ѣхать въ Спа, куда приглашалъ его принцъ Генрихъ Прусскій, обѣщая ему комнату въ своемъ домѣ. Это путешествіе Генриха въ Спа должно было особенно интересовать императрицу, нѣсколько съ нимъ разошедшуюся и слѣдившую внимательно за всѣмъ что происходило въ Европѣ, почему она и ожидала съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Гримма. Онъ написалъ ей изъ Спа длинное письмо, изъ котораго мы приведемъ здѣсь большое извлеченіе, прекрасно характеризующее личный характеръ Гримма и тонъ всей переписки. Въ этомъ письмѣ являются во всемъ блескѣ то игривое остроуміе, та ловкость, съ какими Гриммъ умѣлъ говорить своей царственной корреспонденткѣ самыя прїятныя вещи. Тутъ же обнаруживается и соединявшаяся съ его блестящимъ умомъ и образованіемъ большая доля тщеславія, которое питалось его сношеніями съ единственной повелительницей, единственнымъ *юсударемъ* Европы, какъ онъ часто называлъ Екатерину; они же доставляли ему почетное положеніе между представителями царствующихъ династій Европы. Это письмо и отвѣтъ на него Екатерины даютъ намъ также ключъ къ разъясненію охлажденія отношеній между Екатериной и принцемъ Генрихомъ, съ которымъ такъ сблизилась ее болѣзнь и смерть пер-

¹⁾ Царствующаго короля—Фридриха II Вильгельма, 470 и 471:

вой супруги Павла Петровича, причемъ онъ показалъ столько участія. «Итакъ я говорилъ вашему императорскому величеству 28-го іюня, то-есть въ годовщину благополучной революціи, что уѣзжаю въ Спа — Царицыно здѣшнихъ странъ, получивъ формальное приглашеніе отъ прусскаго героя, поддержавшаго имя Генриха во всемъ блескѣ, которымъ оно пользуется въ Европѣ съ самаго Наварра, столь мучимаго при жизни, столь возвеличеннаго по смерти. Это приглашеніе сдѣлапо было въ формѣ просьбы съ необыкновенной скромностью и деликатностью, и Генрихъ спрашивалъ у меня какъ милости позволенія удостоить меня этой любезности. Вотъ царскосельщина во всей чистотѣ и до жалости. Сколько разъ императрица выводила меня изъ терпѣнія такими приѣмами. Подумаешь, что я принесъ величайшую жертву, приѣхавъ въ Спа провести шесть недѣль съ однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей своего вѣка и провести ихъ самымъ интереснымъ и приятнымъ образомъ. Ну, при такихъ любезностяхъ невольно пожимаешь плечами. Если я, предпринимая это прелестное путешествіе, былъ чѣмъ-нибудь разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ, такъ только тѣмъ, что не во всѣ Царицыны ѣдутъ черезъ Петербургъ; моя дорога меня вела совершенно просто напросто черезъ Брюссель... Я былъ очень радъ очутиться у ногъ моего покровителя. Въ первую минуту разговоры наши были нѣсколько шумны, смутны и безпорядочны; это было весьма естественно послѣ четырехлѣтняго отсутствія и великихъ событій. Идеи мѣшались, сталкивались между собою, и я не отвѣчаю, если кое-гдѣ оказались контузія: ибо искусство говорить вдругъ и въ одно время о десяти предметахъ еще до нѣкоторой степени не выработано, а решето, черезъ которое приходилось процеживать разговоръ, было такъ часто, что я не знаю чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ имя Екатерины вдругъ не привело насъ въ согласіе послѣ перваго столкновенія. Я предоставляю ученымъ критикамъ въ потомствѣ рѣшить, кто изъ двухъ, герой или повѣренный его, первый произнесъ это августѣйшее имя, столько разъ произносившееся въ истекшія 19 лѣтъ; я полагаю однако, что

это былъ Генрихъ. Не безъ великаго смущенія узналъ я, что всякій обмѣнъ писемъ между императрицею Греческою и нимъ прекратился. Какъ сознаться ему, что я былъ счастливѣе его и сохранилъ это неоспѣненное преимущество? Онъ увѣрялъ меня, что сожалѣть о томъ что потерялъ его не какъ принцъ въ отношеніи къ императрицѣ, а я убѣждалъ его, что я это понимаю тѣмъ болѣе, что самъ огорчился бы такимъ несчастіемъ, не какъ многострадальный передъ императрицею, если ужъ мнѣ суждено отъ этого умереть. Но что дѣлать? прибавилъ я. Прежде, любимымъ препровожденіемъ времени для нея было царпать письма, нынче жъкъ этотъ прошелъ, потому что она удручена недугами. — Вы говорите вздоръ, любезный мой повѣренный, сказалъ мнѣ Генрихъ, иногда она не была такъ здорова. — Да, конечно, но это только съ зиду, отвѣчалъ я. Мнѣ извѣстно ея внутреннее состояніе: тамъ все въ очень жалкомъ положеніи: фоліанты и кварталы, юриспруденція и нормальныя школы, азбуки, учредительная манія и множество другихъ тяжкихъ недуговъ хозяйничаютъ въ императорской головѣ какъ полкъ казаковъ; это такое усложненіе болѣзней, среди котораго Роджерсоны, Кельхены и компанія теряютъ свою латынь, свой греческій, англійскій, нѣмецкій языкъ и ту небольшую долю русскаго, которою обладаютъ. Но развѣ нѣтъ никогда роздыха между этими припадками? спросилъ Генрихъ. Я полагаю что да, но вѣроятно гг. Александръ и Константинъ овладѣваютъ сколько могутъ этими промежутками, и въ концѣ концовъ отсутствующіе виноваты, говоритъ пословица. Если я не подпалъ всеобщей реформѣ, то обязанъ этимъ императорскому милосердію. — Ну, отвѣчаетъ Генрихъ, если вы меня увѣряете, что ея молчаніе происходитъ не отъ перемѣны чувствъ, я перестану жаловаться, и даже дамъ вамъ понюхать табачку изъ этой табакерки, точеной ея руками на эрмитажномъ ея станкѣ. — Она! перемѣниться! окончилъ я, цѣлуя эту драгоцѣнную святыню. Никогда, никогда! Скалы могутъ сокрушиться, башни могутъ рушиться, но сердце Екатерины никогда не можетъ сдѣлаться вѣроломнымъ и духъ ея не можетъ измѣниться: ибо хорошее —

хорошо и правое — право. Генрихъ согласился съ этой истиной и утѣшеніе наполнило его великое сердце.

«Пять или шесть дней послѣ моего пріѣзда явился другой странникъ, по имени Іосифъ, который, ни дать ни взять какъ Екатерина, претендуетъ быть вторымъ по своему имени. Іосифъ вступилъ въ Спа пѣшкомъ, слѣдуя въ этомъ обычаю нашего Господа Спасителя, но не по той же причинѣ, а оттого что одна изъ его почтовыхъ лошадей пала. Скоро онъ взялъ фіакръ, и влетѣлъ какъ бомба къ Генриху. Могу увѣрить ваше величество, что по момъ часамъ, которые идутъ не скорѣе всѣхъ другихъ, они пробыли два съ половиной часа взаперти съ глазу на глазъ. Іосифъ не скрылъ даже, что онъ замедлилъ свое путешествіе въ Спа нарочно, чтобъ встрѣтить тамъ Генриха. Въ этотъ день онъ обѣдалъ у князя Лихтенштейна. Какъ только онъ возвратился въ свою гостиницу, Генрихъ въ свою очередь ввалился къ нему какъ бомба; но на этотъ разъ я очутился въ его свитѣ, и могу сказать, что вовсе не по моей винѣ императрица въ одну секунду примѣшалась къ нашей болтовнѣ. Всеподданнѣйше прошу избавить меня отъ вопроса: не можете ли вы говорить о чемъ-нибудь другомъ? Іосифъ началъ съ похвалы графовъ Румянцовыхъ, вспомнивъ что видѣлъ меня съ ними въ Вѣнѣ, и, сдѣлавъ переходъ отъ подданныхъ къ государынѣ, спросилъ меня давно ли я имѣлъ отъ нея извѣстія. Это былъ самый деликатный способъ сказать мнѣ, что ему извѣстно какъ чрезмѣрны милости моей августѣйшей государыни къ скудельному сосуду ея созданія. Онъ меня увѣрялъ затѣмъ, что имѣеть извѣстія свѣжѣе моихъ. Мнѣ это показалось очень просто, потому что какъ ни тщеславится скудельный сосудъ, когда онъ твореніе императорское, онъ не лишень однако способности сужденія. Но когда Іосифъ сообщилъ мнѣ, что онъ обладаетъ катехизисомъ, составленнымъ для г. Александра, тогда, признаюсь, гнѣвъ зажегъ мнѣ кровь и глаза мои заблестали отъ ярости. Вотъ, воскликнулъ я, роковой ударъ, который судьба готовила мнѣ! Цѣлый вѣкъ я неотступно нищенствую, чтобъ исторгнуть этотъ катехизисъ, и вотъ надо графу Фалькенштейну

пріѣхать въ Спа, будто нарочно чтобъ сообщить мнѣ какъ можно получить этотъ катехизисъ помимо меня, такъ что я его и не понималъ: это ужъ черезъ-чуръ! Іосифъ расхваливалъ мнѣ его напропалую. Это ли было средство успокоить меня? Онъ увѣрялъ меня, что получилъ его на русскомъ языкѣ, и что велѣлъ перевести его на нѣмецкій у своего посланника. Хороша отговорка! сказалъ я. Развѣ около нея некому велѣтъ перевести его для меня по-нѣмецки? Развѣ она не можетъ сказать своему оберъ-кухмистеру фактотуму: «вели перевести это для моего многострадальнаго, и чтобъ я объ этомъ больше не слыхала»? При этомъ мы начали по косточкамъ разбирать Греческую императрицу съ ногъ до головы, и Богъ знаетъ, какъ ей досталось отъ Іосифа, Генриха и меня, разгнѣваннаго и пылавшаго яростію скудельнаго сосуда. Продержавъ её такимъ образомъ у купели крещенія почти полтора часа, Генрихъ, чтобъ успокоить меня, сказалъ: отправимся въ театръ. Іосифъ прибылъ вскорѣ въ ложу принца и сѣлъ между Генрихомъ и мною. Онъ назвался на другой день въ качествѣ графа Фалькенштейна обѣдать къ Генриху, который носитъ въ Спа имя графа д'Эльса и назначилъ къ приглашенію, независимо отъ своего спутника, генерала Терзи и особъ свиты принца — многострадальца греко-императорскаго и Рейналя, изгнаннаго по приговору Сегье, которому Генрихъ испросилъ у Іосифа самыя важныя милости, доставивъ ему убѣжище въ Брюсселѣ со всевозможными пріятностями. Эта же потребность великаго сердца внушать себѣ подобнымъ чувства благоволенія, которыя оно испытываетъ, вѣроятно побудила Генриха сдѣлать для меня то же, что сдѣлала императрица прошлаго года въ Могилевѣ и Петербургѣ; но такъ какъ меня не было при этомъ, то я и не могу привести тому доказательствъ вашему величеству. Итакъ мы на другой день очутились вокругъ стола въ семь приборовъ, какъ семь мудрецовъ, и недоставало только осьмого: Минервы гиперборейской. За этимъ столомъ оставались около двухъ съ половиною часовъ, Іосифъ направо отъ Генриха, а я направо отъ Іосифа; а вечеромъ въ комедіи, въ ложѣ принца, повтореніе того

же: пьесу же всего менѣ слышали, болтали о многомъ, а Могилевъ, Смоленскъ, Москва, Петербургъ, Царское Село упоминались вкривь и вкось. И зѣваки города Спа, глядя на ложу, бормотали втихомолку: ну ужъ, ей Богу, греко-императорскій многострадальный долженъ однако быть знатная тварь! На слѣдующій за тѣмъ день Юсифъ показывался у всѣхъ источниковъ; на главномъ были танцы. Онъ былъ со всѣми очень любезенъ; но наконецъ, поклонившись всему обществу и обнявъ Генриха, уѣхалъ въ десять часовъ въ Брюссель, откуда уже отправился на недѣлю въ Версаль. Если ваше величество жаловались на несносный звонъ, происходившій въ императорскомъ слуховомъ барабанѣ 19 и 20 юля, новаго стilia, это не мое дѣло. Я только подчпнялся зуду, который чувствовали Юсифъ и Генрихъ, и не мнѣ было сказать имъ: ну, наконецъ довольно, поговоримъ о другомъ. А что касается нашихъ уединенныхъ утреннихъ прогулокъ, то намъ очень въ тягость — великому Генриху и его смиренному повѣренному — что противъ нашей воли императрица примѣшиваетъ ко всякой нашей болтовнѣ, когда мы лазимъ по горамъ и сходимъ съ нихъ, тогда какъ мы могли бы исчерпать столько другихъ предметовъ. На первомъ вселенскомъ соборѣ я предложу, чтобъ для общаго спокойствія и удобства всѣхъ и каждаго, было запрещено говорить про Екатерину II, какъ про буллу о Тайной Вечерѣ, и чтобъ говорили только о Екатериинѣ Сиенской¹⁾.

На это письмо Екатерина отвѣчала: «Я получила сегодня вашъ № 55 изъ Спа отъ 12 августа. Да благословить Господь моего многострадального за это посланіе въ двадцать-четыре страницы. Я ожидала, что оно прибудетъ, но начинала терять терпѣніе, *какъ и всякій другой*, не имѣя ни слова собственной руки многострадального о свиданіи его съ Юсифами, Генрихами, о которыхъ протрубили всѣ газеты. Мнѣ кажется, что я вижу какъ за столомъ, въ театрѣ вы сидите и болтаете съ ними, а зѣваки города Спа любятъ на васъ». . . «Но зачѣмъ смѣть такъ много говорить

¹⁾ Письма Гримма 214—222.

обо мнѣ? Мнѣ самой кажется, что имя мое становится такъ старо, что никто болѣе не хочетъ слышать о немъ. Затѣмъ вы не говорили о чемъ-нибудь другомъ? По мнѣ, очень странно, что всякій желалъ бы заставить меня безпрестанно писать; отчего же я не жалуясь, когда ко мнѣ не пишутъ? Смотрите, многострадальный, я едва имѣю время въ нѣсколько мѣсяцевъ написать вамъ маленькое письмо въ 20 страницъ, для котораго я не дѣлаю впередъ черноваго и не сочиняю громкихъ фразъ, и хотять, чтобъ я мучилась надъ льстивыми оборотами, которые берутъ у меня время и до смерти скучны. Я только Вольтеру и вамъ писала, не кляня необходимости, а всѣ эти Гага и проч. и проч. отнимаютъ множество времени, тогда какъ у меня его остаются самыя крошечныя кончики, а еслибъ кромѣ того я сказала вамъ все что знаю, или полагала что знаю, вы не нашли бы ни одного слова въ возраженіе мнѣ и не стали бы ходатайствовать за своихъ протеже: могу ли я писать лицамъ, которыхъ постарались представить мнѣ не узнающими людей ихъ окружающихъ ни по имени и фамиліи, ни даже въ лицо¹⁾.

При отъѣздѣ принца Генриха изъ Spa Гриммъ писалъ о немъ: «Генрихъ уѣзжаетъ отсюда, унося сочувствіе и одобреніе различныхъ націй, составляющихъ пестрый, разнообразный и странный конгрессъ въ Spa и его шумную жизнь. Всѣ національности Европы, соединенныя здѣсь, и болѣе или менѣе перессорившіяся въ эту минуту, были единодушны въ своемъ мнѣніи о немъ и во вниманіи, которое ему оказывали. Ни на западѣ, ни на югѣ Европы мы не знаемъ въ высшихъ сферахъ таланта быть любезнымъ при такихъ отличныхъ качествахъ, ни такого соединенія самой высокой репутаціи съ простотою и вѣжливостію, столько же приносящими чести ихъ обладателю, сколько лестныхъ для того, на кого они обращены; особливо же было одѣнено его сочувствіе ко всякаго рода достоинствамъ. Это сочувствіе въ принцахъ и есть печать ихъ соб-

¹⁾ Опять намекъ на то, что принца Генриха изъ какихъ-то соображеній представляли ей сумасшедшимъ. *Св. И. О. XXIII, 219, 220.*

ственного достоинства; жаль что многіе забываютъ её, когда являются въ свѣтъ. Что касается до Юсіфа и до меня, мы нашли въ Парижѣ его орлиную голову такъ же, какъ привыкли ее знать; поэтому всѣ опасенія мои на счетъ его здоровья исчезли; притомъ здѣшнія воды навѣрно ему принесутъ пользу. Впечатлѣніе имъ произведенное сообщится этой весной въ Парижъ и Лондонъ, и нѣсколько прикроетъ прошлогоднее, оставленное въ Спа племянникомъ Гага (Густавомъ III) ¹⁾. О посланникѣ Гѣрцѣ отзывы императрицы были неизмѣнно одни и тѣ же: она постоянно возмущалась его ледяной холодностью и таинственностью и называла его: *la glace, le boutoné*.

Въ концѣ 1780 года скончалась императрица Марія Терезія, и на извѣщеніе Гримма, едва только оправившагося отъ болѣзни, государыня писала: «Но знаете ли вы, что пока вы были въ постели, а въ Вѣнѣ все было погружено въ трауръ, ваша покорная слуга ужасно страдала отъ ревматизма въ лѣвой рукѣ, который былъ излѣченъ только шпанскими мушками; но онѣ уничтожили сильныя боли, а движенія этой руки до сихъ поръ еще не вполне свободны, особливо во время бурь, весьма частыхъ въ этомъ году» ²⁾. Вскорѣ послѣ смерти Маріи Терезіи Гриммъ писалъ: «Когда графъ Фалькенштейнъ находился цѣлые часы съ глазу на глазъ съ нашей августѣйшей нормальной и морской учительницей, онъ вѣроятно не предполагалъ, какое повышение ожидаетъ его по возвращеніи и что мы такъ скоро увидимъ и его водичку въ котлѣ. Въ настоящую минуту все, что онъ говорилъ на ухо императрицѣ и что ваше величество съ такою жестокостью отказались повторить мнѣ, все это расгласится, и прежде конца этого начинающагося года я столько же узнаю обо всемъ этомъ, какъ будто бы я былъ регистраторомъ въ Могилевѣ и держалъ перо во время императорскихъ греко-римскихъ совѣщаній. Я охотно согласенъ, государыня, чтооъ не шумѣли болѣе о благодѣяніяхъ исторгнутыхъ младшимъ,

¹⁾ Письма Гримма, 225.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 197.

только съ тѣмъ уговоромъ, чтобъ этому не придавали важности и не ходили бы болѣе на охоту за этой дичью ни для младшаго, ни для племянниковъ. Я принадлежу къ греческой православной церкви; мы не любимъ государей-поповъ; эта одесда имъ не прѣстала; наша императрица не сдѣлаеть своего Константина поповичемъ. Германской конституціи не достаеть основного закона, который запрещалъ бы государямъ вступать въ капитулы и который предоставилъ бы дворянству приобрѣтать церковныя владѣнія, пока милосердому Богу не будетъ угодно въ одинъ прекрасный день секуляризовать всѣ епископства, всѣ аббатства, упразднивъ католическую апостольскую римскую церковь. Впрочемъ, если я вѣрно понимаю дѣло, бывшій графъ Фалькенштейнъ заявляетъ себя очень хорошо и миролюбиво, и если онъ будетъ слѣдовать ученіямъ Могилева, Эрмитажа и Царскаго Села, какъ оно кажется, то онъ менѣе чѣмъ въ 10 лѣтъ удвоить свое могущество, не проливъ ни капли крови»¹⁾. Здѣсь, на счетъ Австріи и ея таланта къ даровымъ приобрѣтеніямъ Гриммъ оказался дальновиднѣе самой императрицы, которая въ то же время заявляла ему, что по смерти Маріи Терезіи Іосифъ началъ смѣлѣе дѣйствовать, противъ притязаній папы: «Мнѣ кажется, что графъ Фалькенштейнъ начинаетъ подергивать за уши святого отца»²⁾. Гриммъ также замѣчаетъ это и говоритъ что Іосифъ хочетъ разбить окна у своего стараго панаша, прибавляя: «Но, ты сячу разъ Бога ради, что же за дѣла предпринимаетъ прошлогодній нормальный ученикъ Іосифъ съ милымъ своимъ папашей Браски? И что же говорить на это господа могилевскіе и полоцкіе плуты? Развѣ дѣнь страшнаго суда въ самомъ дѣлѣ у дверей, и развѣ Вавилонская блудница должна абсолютно восторжествовать? Эти обстоятельства меня крайне огорчаютъ, и я говорю съ гораздо болѣе печальнымъ взглядомъ, нежели дармштадтскій бургомистръ: да къ чему же это все клонится? Если Греческая императрица не сжалится надо мной и надъ папашей Браски, и не замолвить за насъ сво-

¹⁾ Письма Гримма 99.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 202.

его материнскаго словечка, то изъ этого можетъ выйти мерзость запустѣнія, потому что г. Юсифъ еще не высказалъ громко всего, что онъ шепталъ на ухо своей божественной нормальной школьной учительницѣ въ Могилевѣ. Ну, да поможетъ намъ Богъ!»¹⁾

«Совѣтую папашѣ Браски, пока еще не поздно, поставить свою переписку съ римскимъ императоромъ на ту же ногу, какъ и съ Греческой императрицей, то-есть чтобъ они переписывались на языкѣ обоюдно непонятномъ. Все зло въ этомъ мірѣ происходитъ отъ страсти къ объясненіямъ; пока не понимаютъ другъ друга, все идетъ наилучшимъ образомъ и остаются постоянно въ согласіи. Это одна изъ вѣчныхъ истинъ, которыхъ открытіе принадлежитъ мнѣ. Бьюсь объ закладъ, что никогда не произойдетъ неудовольствія изъ-за переписки главы греческой церкви со святымъ отцомъ латинскимъ; множество наушничества съ той и другой стороны— вотъ и все, тогда какъ если папаша Браски будетъ говорить со своимъ сыномъ въ Господѣ Юсифомъ II, какъ Пій (en ріе, какъ сорока—каламбуръ), и будетъ писать ему на языкѣ понятномъ для маленькихъ дѣтей, я боюсь что его возлюбленный сынъ выскажетъ ему гораздо болѣе, чѣмъ онъ желалъ бы. Къ счастью, все это не мое дѣло; я держусь своего лютеранизма и пою съ христіанской церковью въ тишинѣ: отъ ужасовъ Полоцка и Могилева и убійства папы сохрани насъ, милосердый Господи Боже!»²⁾

Говоря о томъ, какъ мало оплакивали Марію Терезію послѣ ея смерти, Екатерина хвалитъ Юсифа за то, что онъ любитъ выслушивать правду: «Ну ужъ если вы любите тѣхъ, кто ставитъ себя въ возможность быть отдѣлану (étrillé), знайте, что вышеупомянутый ежедневно ставитъ себя въ такое положеніе, и вотъ почему маменька забыта уже черезъ шесть мѣсяцевъ въ Вѣнѣ, хотя она царствовала 40 лѣтъ»³⁾. Чтобъ объяснить, что хотѣла она выразить словомъ étrillé, слѣдуетъ припомнить вышеприве-

¹⁾ Письма Гримма 157.

²⁾ Тамъ же 223, 224. Тутъ намекъ на приписываемое Іезуитамъ отравленіе папы, Климента XIV.

³⁾ Сб. И. О. XXIII, 218.

денныя слова Гримма о государяхъ, умѣющихъ выслушивать правду.

Надъ отношеніями Гримма къ мелкимъ нѣмецкимъ государямъ Екатерина попрежнему подсмѣивается. «Давно уже я знаю, что вы никогда не бываете такъ счастливы, какъ когда вы возгѣ, вблизи, рядомъ, или когда у васъ спереди или сзади какое-нибудь нѣмецкое высочество, и Богъ знаетъ откуда вы умѣете ихъ откапывать и откуда они падаютъ на васъ какъ обильный дождь. Эта принцесса Мекленбургъ-Шверинская чуть не сдѣлалась моею невѣсткой: она была третья по мѣсту, но признаюсь, такъ какъ я знаю ея отца и дядей, я вовсе этимъ не соблазнилась: вѣроятно она на нихъ не похожа, если вы находите еѣ любезной. Похвала королевы Шарлотты даетъ ей въ глазахъ моихъ репутацію доброй кумушки, вотъ и все; впрочемъ я вблизи видѣла вашихъ любезныхъ, какъ наследный Дармштадскій»¹⁾.

Англія, Швеція, Турція.

Мнѣніе Екатерины о Георгѣ III намъ уже извѣстно. Эпоха 80-хъ годовъ была самая неблагопріятная для Англіи. Кромѣ войны съ Сѣверной Америкой, въ Лондонѣ вспыхнуло возмущеніе по поводу билля въ пользу католичества, противъ котораго страстно протестовалъ лордъ Гордонъ. Объ этомъ событіи Гриммъ пишетъ въ іюлѣ 1780 года: «Пока ваше величество приковывали взоры Европы къ Могилеву, Лондонъ чуть не испыталъ катастрофы, и я бьюсь объ закладъ, что иноходецъ (Fahrgänger) не знаетъ, что это не есть дѣло сумасшедшаго Гордона, но лучшаго изъ гражданъ, какого сотворилъ Господь въ этомъ вѣкѣ»²⁾.

Подъ этимъ именемъ гражданина (bourgeois) Георгъ часто является и въ письмахъ самой Екатерины. О причинѣ же, вызвавшей лондонскіе беспорядки, Гриммъ говоритъ: «Когда я увидѣлъ съ какою мудростью прикасались къ этимъ старымъ законамъ противъ католиковъ, гораздо вѣрнѣе упраздненнымъ отъ

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 270.

²⁾ Письма Гримма 27, 28.

измѣненія нравовъ, нежели бы это могло быть произведено какимъ-либо закономъ, я взялъ свою квакерскую шляпу и сказалъ: другъ Георгъ, вотъ прекрасное средство заставить народъ твой ступить шагъ на полтора ста лѣтъ назадъ; тебѣ не поздоровится отъ этого, я тебѣ говорю. И вотъ милордъ Георгъ Гордонъ архибезумецъ взялся за исполненіе моего пророчества. Но другъ мой Георгъ никогда хорошенько не понималъ разницы между неловкимъ умомъ, какой былъ данъ ученицѣ г-жи Кардель, и неловкой поступью иноходца, который тридцать лѣтъ будетъ выступать одинаково и никогда не войдетъ въ тактъ. Весьма большое счастье для этихъ неловкихъ, что имъ нечего дѣлать съ нѣкоторыми неловкими умами, выскочившими изъ кухни госпожи Кардель: ужъ эти послѣдніе дали бы имъ знать; но по счастью они имѣютъ дѣло съ умами самыми прямыми, съ которыми они рискуютъ только покроемъ собственныхъ глупостей: эти прямые умы, какъ мнѣ кажется, желаютъ во что бы ни стало, чтобъ всѣ бѣдствія неловкихъ были единственно ихъ собственнымъ твореніемъ, и стало-быть ни въ чемъ имъ не помогаютъ, чтобъ толкнуть ихъ въ трясицу, куда они такъ остроумно сами забрались. Да благословитъ Богъ и прямыхъ и неловкихъ умомъ; они надѣли мнѣ всѣ, сколько ихъ ни есть. Я довольствуюсь своимъ жребіемъ—своею нормальной школьной учительницей. Это всегда доставляетъ вамъ честь и удовольствіе, и никогда васъ не огорчаетъ¹⁾.

Екатерина отвѣчаетъ на это: «Увы, еслибъ вы знали о лондонскомъ шумѣ то, что я знаю, вы бы очень удивились. Если такъ, узнайте же, что самый преступный изъ всѣхъ здѣсь въ тюрьмѣ въ Петербургѣ²⁾, а гораздо менѣе виновные были повѣшены; это были сумасброды, вотъ и все... Но... но... и это но остается. Четыре тысячи даровыхъ школъ не сдѣлаютъ людей умнѣе, проповѣди нравственности тоже: вотъ

¹⁾ Тамъ же, 46, 47.

²⁾ Для опредѣленія, кого именно разумѣла тутъ императрица, нѣтъ никакихъ данныхъ; вѣроятно, рѣчь идетъ о какомъ-нибудь тайномъ агентѣ, приѣхавшемъ въ Петербургъ для возбужденія смуты и у насъ, чему, какъ извѣстно, бывали прикѣры и позднѣе.

все что можно сказать. Прекрасная натура всегда и вездѣ о себѣ заявить, г. Бюффону принадлежитъ честь еѣ описывать»....¹⁾

«Послушайте, не восхищайтесь нынѣшнимъ вѣкомъ», говоритъ она въ другомъ ближайшемъ письмѣ, — «вѣкомъ которому вы боитесь причинить такой вредъ, скрывая отъ него мои письма: этотъ вѣкъ такъ же глупъ, какъ и многіе другіе; а послѣдующій вѣкъ будетъ безуменъ, если Господь не умудритъ его: ибо что такое просвѣщеніе, которое будетъ во всѣхъ родахъ сіять у васъ (во Франціи) и на всемъ югѣ? Все это—братцы Георгіи въ своемъ родѣ. О Боже мой, Боже мой! сколько братцевъ Георговъ вездѣ, вездѣ! Да благословитъ Богъ братцевъ Георговъ, добрыхъ гражданъ и посредственныхъ вноходцевъ, и потомъ восхищайтесь этимъ вѣкомъ и его произведеніями. Вѣдь въ этомъ вѣкѣ напились бездѣльники, которые захотѣли писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія: они думали, что для этого надо только красиво обдѣлывать фразу, или также вкривъ и вкось дерзко судить обо всемъ; когда я вижу это, я говорю: о Боже мой! это не то, не го. Не пишите сильно, когда не обладаете душою сильной, не пишите смѣло, когда не имѣете ни генія, ни пріятности! О, какъ они глупы, ваши бездѣльники и всѣ бездѣльники всѣхъ сортовъ... Этотъ вѣкъ есть предвѣстникъ того вѣка, который создадутъ братцы Георгіи»....²⁾

Въ разныхъ другихъ мѣстахъ своихъ писемъ Екатерина выражаетъ свое нерасположеніе къ личности и характеру Англійскаго короля, называя его самымъ фальшивымъ изъ людей, негодую на коварство англійской политики, прикрываемой религіознымъ лицемѣріемъ, о которомъ и Гриммъ отзывается такъ: «Когда я вычиталъ съ большимъ благоговѣніемъ въ послѣднихъ газетахъ, какіе ревностные христіане братецъ нашей императрицы Георгъ и его супруга и съ какимъ стѣсненнымъ сердцемъ и заплаканными глазами они отправляли своего второго сына, пастора Оснабрюкскаго, въ чужбину на богомолье, то я сказалъ:

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 187.

²⁾ 192, 193.

ну этакого честнаго гражданина и отца семейства не отыщется во всей лондонской Сити. Кто же могъ вообразить себѣ, что это тотъ самый человѣкъ, который даетъ предписанія морского разбоя и подписываетъ приказы грабежа, чтобъ обкрадывать своихъ мирныхъ сосѣдей? То, что именуется человѣческой природой, весьма загадочная вещь¹⁾.

О политикѣ Англіи въ Америкѣ Гриммъ отзывается такъ: «Моя каролинскіе москотильщики держатся очень хорошо: они всему научатся кромѣ дѣланія золота, потому что христіанамъ нейдетъ быть колдунами; но еслибъ имъ предложили порядочную сумму, я думаю, они давно убѣдили бы суконщиковъ, что ихъ надо оставить въ покоѣ. Большая странность со стороны папаша Жоржа полагать, что онъ можетъ возвратиться въ домъ своихъ дѣтей послѣ того какъ онъ шесть лѣтъ сряду жегъ его. Ну, вѣдь это же совершенная невозможность, говоритъ наша милостивая императрица, а дармштадтскій бургомистръ ударяетъ своими двумя пальцами по серебряной табакеркѣ и говоритъ: «Это будетъ трудновато, даже когда нашъ милостивѣйшій ландграфъ дастъ на то свой батальюнъ»²⁾.

Есть въ письмахъ Гримма еще другой характеристическій отзывъ объ англійской политикѣ, по поводу американскаго генерала Арнольда, измѣнника, перешедшаго на англійскую службу и на имя котораго вскорѣ помѣщена была большая сумма денегъ въ лондонскомъ банкѣ. Французы захватили англійскій пакетъ, отправлявшійся съ депешами отъ лондонскаго двора и между прочимъ съ отчетомъ банкира генералу Арнольду. Гриммъ, описывая этотъ случай, прибавляетъ: «Пусть платятъ за измѣну, пусть поощряютъ и награждаютъ измѣнниковъ; это конечно не-обходимое зло; но чтобъ измѣннику давали почетную одежду, военный мундиръ, чтобъ его ставили во главѣ экспедиціи и чтобъ британскіе офицеры соглашались служить подъ его начальствомъ, это ново въ лѣтописяхъ исторіи. Я хотѣлъ бы также знать, одоб-

¹⁾ Письма Гримма 97, 98.

²⁾ Тамъ же, 134.

рила ли бы императрица начальника своихъ морскихъ или сухопутныхъ силъ, который, послѣ завоеванія непріятельскаго острова, позволилъ бы тамъ развѣваться непріятельскому флагу, чтобъ заманивать всѣхъ тѣхъ, кто по незнанію попадетъ въ ловушку. Это конечно хитрость ловкихъ людей; но есть ли тутъ чѣмъ хвастаться въ депешѣ, официально напечатанной?» ¹⁾).

Послѣ пораженія Корнваллиса императрица пишетъ: «Мой братецъ суконщикъ испытывалъ тридцать-шесть несчастій арлекина». Наконецъ она не разъ проситъ Гримма не говорить ей о Георгѣ, котораго одно имя волнуетъ ей кровь. О принцѣ Вельскомъ, будущемъ королѣ Георгѣ IV, Гриммъ сообщаетъ слѣдующій слухъ изъ Спа: «Другой фактъ, который я къ великому моему удивленію узналъ здѣсь и съ которымъ согласны всѣ, и оппозиція и партія двора—это поведеніе принца Вельскаго, утопающаго въ распутствѣ и грязи, и погруженнаго въ нихъ по уши. Это должно быть очень тяжело господину папашѣ, гражданину и христіанину, и мнѣ доброму гражданину также огорчительно» ²⁾).

Густавъ въ 1780-мъ году путешествовалъ по Европѣ и пожелалъ посѣтить Францію, но приѣздъ его учтиво отклонили. Тогда онъ отправился на воды въ Спа, гдѣ праздновалъ день св. Александра Невскаго съ бывшими тамъ русскими кавалерами и дамами и гдѣ выигралъ въ «trente et quarante». Екатерина, узнавъ это, шуточно замѣчаетъ: «Графъ Гага (Haga) — подъ этимъ именемъ Густавъ путешествовалъ по Европѣ — выигралъ въ Спа чѣмъ заплатить за свое путешествіе: въ первый разъ подобный выигрышъ обратится въ пользу государства» ³⁾. Въ іюнѣ 1782 г. предполагалось свиданіе между Екатериной II и Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, но оно было отсрочено, и мы читаемъ въ письмѣ государыни отъ 7 іюня: «Вотъ мое Фридрихсгамское путешествіе разстроено или отложено, потому что шведскій герой по неловкости и оттого, что онъ плохой наѣздникъ,

¹⁾ Тамъ же, 184, 186.

²⁾ Тамъ же, 226.

³⁾ Сб. И. О. XXIII, 193.

упалъ съ лошади и переломилъ себѣ лѣвую руку накосъ между плечомъ и локтемъ; съ этимъ прекраснымъ извѣстіемъ онъ прислалъ мнѣ своего камеръ-юнкера. Я велѣла сказать ему, что обошлась бы безъ подобной новости; я люблю хорошія, а не дурныя вѣсти» ¹⁾).

Поездка въ Фридрихсгамъ состоялась однако недѣли черезъ двѣ, и государыня въ августѣ писала: «Кажется, я забыла сказать вамъ, что этимъ лѣтомъ я имѣла въ Фридрихсгамѣ свиданіе съ моимъ милымъ братцемъ, дономъ Густавомъ, который явился одѣтымъ по-испански, съ подвязанной рукой, потому что онъ вывихнулъ или сломалъ ее передъ тѣмъ въ своемъ лагерѣ, въ Тавастгусѣ. Болѣе всего казалось мнѣ странно — мнѣ, окруженной мундирами, — что изъ шведскаго лагеря наѣхало множество офицеровъ лучшихъ фамилій Швеціи, которые безпрестанно проходили подъ моими окнами, такъ какъ Фридрихсгамъ длиною не болѣе 260 сажень, и когда я спрашивала шведскаго короля: Что вы мнѣ ихъ не приведете? я бы желала видѣть ихъ поближе, онъ мнѣ отвѣчалъ: «У нихъ нѣтъ приличнаго платья, чтобъ предстать предъ вами». А подъ этимъ приличнымъ платьемъ разумѣлось то, чтобъ снять шведскій мундиръ и надѣть испанскій костюмъ, черный съ пунцовымъ. Мнѣ надоѣли эти фокусы и я поступила вотъ какъ: по мѣрѣ того какъ они проходили, я въ его присутствіи разговаривала съ ними изъ оконъ моихъ комнатъ, которыя были внизу. Я видѣла графа Крейца, пріѣхавшаго изъ Парижа прямо въ Финляндію; у этого не было кармана въ его испанскомъ камзолѣ, такъ что онъ принужденъ былъ класть въ шляпу то, что обыкновенно кладется въ карманы. Самимъ Шведамъ несносенъ этотъ испанскій нарядъ. NB Мои люди имѣли глупость взять со мною только мундирное платье, какое я всегда ношу въ путешествіяхъ; такимъ образомъ дворы россійскій и шведскій представляли полнѣйшую противоположность» ²⁾).

¹⁾ 280.

²⁾ 282, 283.

И́томъ 1784 года Густавъ опять разъѣзжалъ по Европѣ. «Вообразите», говоритъ государыня Гримму, «что пока Густавъ разъѣзжаетъ по Европѣ, не пропуская ни одного бала, въ странѣ его положительно голодъ и въ нѣсколькихъ провинціяхъ въ буквальномъ смыслѣ, множество людей умерло съ голода; наши сѣверныя области могли бы очутиться въ томъ же положеніи, еслибъ не было запасныхъ магазиновъ, которые прокормили весьма многихъ, такъ какъ прошлогодній урожай былъ очень плохъ на сѣверѣ до 56°... Чтожъ вамъ сказать о такомъ королѣ? Вы видите его лицомъ къ лицу; если хотите заставить его зѣвать; говорите съ нимъ о чемъ нибудь серьезномъ, выразите при немъ дѣльное сужденіе; но если хотите овладѣть имъ, станьте спиной къ зеркалу, и говорите съ нимъ о стишкахъ, пѣсенкахъ, о театрѣ и нарядахъ, и онъ, любуясь на себя въ зеркало, долго васъ не покинетъ. Если онъ вамъ станетъ говорить, что любить меня, ни вѣрьте ему: мы сходимся какъ кругъ и четырехугольникъ. Пиковый король разсѣянъ и льстивъ; онъ казался мнѣ не въ своей тарелкѣ и стѣсненъ съ дворомъ шведскимъ гораздо болѣе чѣмъ съ русскимъ»¹⁾). Когда же Гриммъ сообщаетъ государынѣ лестные отзывы о ней Густава, она отвѣчаетъ: «Вы можете быть увѣрены, что не смотря на все, что г. Гага можетъ сказать обо мнѣ, я для него прескучная особа, скучная до зѣвоты; только онъ не смѣетъ этого высказать, потому что мы имѣемъ слабость показывать, что цѣнимъ тѣхъ, кого другіе цѣнятъ, хотя въ глубинѣ души намъ это наскучаетъ и мы всего менѣе таковы, какими желаемъ казаться. Въ Фридрихсгамѣ мы ежедневно старались отъ 4-хъ до 6-ти часовъ сидѣть взаперти съ вашей покорнѣйшей слугою. И Богъ знаетъ зачѣмъ: чтобъ казаться быть запертымъ съ нею. Мы говорили, говорили, переливали изъ пустого въ порожнее и вашъ покорнѣйшій секретарь, видя его зѣвающимъ, чтобъ положить конецъ болтовнѣ, отворялъ дверь, какъ только чуялъ въ прихожей приближеніе челоуѣка, чтобъ

¹⁾ 305.

избавить ихъ величества шведское и русское отъ этихъ скучнѣйшихъ сидѣній съ глазу на глазъ; это заставляло меня погѣть до смерти и не мало способствовало тому, что я прошедшимъ лѣтомъ схватила насморкъ, который продолжался цѣлыхъ шесть дней... Со всѣхъ сторонъ намъ говорить, что шведскій король хочетъ завладѣть Норвегійю; если это безумное предприятие приведется въ исполненіе, Россія будетъ вынуждена утереть носъ дону Густаву» ¹⁾).

Такое полное неуваженіе къ личности Густава усиливалось еще свѣдѣніями Екатерины о томъ, что онъ получалъ деньги то отъ Франціи, то отъ Турціи и Англіи, чтобъ вредить Россіи по сосѣдству. Во время путешествія его по Европѣ въ 1785 году Екатерина писала Гримму: «Право, если г. Гага выловилъ въ какомъ-нибудь кошелькѣ средства къ покрытію издержекъ на свои путешествія, то только не въ моемъ, а если онъ это скажетъ, то передайте ему, что я говорю: — онъ лжетъ какъ зубной врачъ и не первый разъ я на дѣлѣ ловлю его во лжи» ²⁾).

Вообще государыня въ своихъ отзывкахъ часто соединяетъ Георга и Густава подъ однимъ именемъ Geger и относится съ глубокимъ презрѣніемъ къ ихъ политикѣ. Такъ въ 1784 году она говоритъ: «Извѣстно, что конторы братьевъ Г. понесли только потери; оттого мы и не смѣшиваемъ своихъ акцій съ акціями этихъ людей» ³⁾. О своемъ разочарованіи въ Англіи и ея государственныхъ людяхъ она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Со времени скандаловъ Жоржа Гордона я перехожу къ глубокому молчанію обо всемъ касающемся этойъ страны, которая была однимъ изъ моихъ коньковъ, какъ говорилъ покойный Тристрамъ Шанди; эти безумцы полагали, что они и у меня могутъ произвести великій скандалъ; кто бы могъ подумать, что у этихъ глубокихъ мыслителей случаются вещи, не имѣющія ни хвоста, ни головы?» ⁴⁾).

¹⁾ 312—314.

²⁾ 370.

³⁾ 297.

⁴⁾ 190, 191.

О современникѣ своемъ Донъ - Карлосѣ испанскомъ Екатерина была невысокаго мнѣнія и не разъ подшучивала надъ его неудачными военными дѣйствіями. Такъ отъ 10-го декабря 1782 г. она пишетъ: «Кто не знаетъ, что король испанскій гнѣвается на Іезуитовъ? его увѣрили, что они распространяютъ, будто онъ незаконнорожденный; но развѣ, онъ все-таки не испанскій король при этомъ? законный ли онъ, или незаконный, я утверждаю, что неправда будто онъ незаконный, потому что обыкновенно незаконныя дѣти лучше выдерживаютъ осады, чѣмъ онъ при Гибралтарѣ; они также бывають счастливѣе на войнѣ, нежели онъ былъ въ Африкѣ, противъ Алжира и пр. и пр. Сами дополняйте чего недостаетъ» ¹⁾).

По поводу взятія Англичанами Гибралтара, государыня говоритъ: «Поздравляю васъ съ блестящими побѣдами соединеннаго флота и удачной осадой Гибралтара. Я отъ природы не завистлива, однако завидую братцу Георгу, что онъ имѣетъ Роднея, Гова, и героя Элліота, а у васъ и у Испанцевъ я ничему не завидую» ²⁾).

Отношенія Россіи къ Турціи за этотъ періодъ времени опять начинаютъ быть натянутыми, и въ апрѣлѣ 1783 г. императрица пишетъ: «Господинъ Абдулъ-Гамидъ дѣлаетъ мнѣ непріятныя сюрпризы; онъ распорядился занять Кубань и островъ Тамань и объявилъ всѣхъ жителей своими подданными; это несноснѣйшее дѣло и противное всѣмъ союзамъ: невозможно, чтобъ я позволила у себя на носу такъ хозяйничать. Вы знаете, что никогда ни одинъ нѣмецъ этого не терпитъ и что болѣе всего онъ заботится о своемъ носѣ. Это поглощаетъ все мое вниманіе» ³⁾).

Англичане, раздраженные противъ Екатерины объявленіемъ вооруженнаго нейтралитета, дѣятельно подстрекали Порту противъ Россіи, такъ что слухи о войнѣ распространялись и въ Петербургѣ, какъ свидѣтельствуеетъ сама императрица: «Кстати,

¹⁾ 265.

²⁾ 261.

³⁾ 277.

въ городѣ то говорятъ что у насъ будетъ война съ Турками, то что ея не будетъ: я объ этомъ знаю не болѣе чѣмъ публика; будетъ что будетъ!»¹⁾

Гримма вѣроятно также тревожили эти слухи, но онъ ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ объ умиротвореніи Европы, и то серьезно, то шутя, всячески старался отклонить мысли государыни отъ новой войны съ Турціей. На его доводы и опасенія императрица отвѣчаетъ: «Ну, господинъ статскій совѣтникъ, за что же вы сердитесь? Совѣтуйте сколько угодно, я ничего противъ этого не имѣю. Но прежде всего я должна поговорить съ вами обстоятельно на счетъ вашего добраго друга и протеже сньюора Абдуль-Гамида, чтобъ вы по крайней мѣрѣ знали дѣло такъ же какъ и я. Онъ можетъ-быть и очень красивый малый, я противъ него не питаю никакой злобы, но вотъ въ чемъ дѣло. По миру въ Кайнарджи я уступила Крымъ и пр. съ условіемъ, чтобъ онъ былъ свободенъ и независимъ. Съ 1774 по 1779 г. Порта не переставала возбуждать волненія въ Крыму и постоянно нарушала эту независимость; доказательство тому конвенція въ Али-Кавакѣ, окончившая въ 1779 г. весь шумъ и вооруженія, которыя при этомъ происходили. Эта конвенція осталась неприкосновенною, за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣненій, которыя мы не станемъ перечислять, потому что они того не стоять; въ 1782 году Порта послала въ Суджакъ, — гдѣ никогда не было паша, — подстрекателя о трехъ бунчукахъ. Черезъ три дня послѣ его прибытія, вдругъ двое братьевъ хана, получивъ разрѣшеніе этого подстрекателя, садятся на коней и поднимаютъ знамя возстанія противъ своего брата. Паша, увидѣвъ ихъ на такомъ прекрасномъ пути, посылаетъ тогда на Кубань къ Черкесамъ, въ Тамань объявить всѣмъ этимъ племенамъ, что они впредь будутъ принадлежать султану, его высокому повелителю; въ Тамани онъ приказалъ отрубить голову ханскому агѣ, который былъ посланъ попросить у него объясненія насчетъ всѣхъ

¹⁾ 280.

этихъ дѣяній. Кажется, невозможно требовать, чтобъ Россія осталась равнодушной зрительницей подвиговъ высокой Порты; надо было каждую минуту вооружаться по прихоти божественнаго властелина суджакскаго паша¹⁾; Россія пожертвовала Крымомъ и всѣми своими завоеваніями желанію мира; но такое состояніе не есть миръ. Повесенныя издержки не преувеличиваются, когда ихъ оцѣниваютъ въ двѣнадцать милліоновъ; итакъ надо было дать дѣламъ этимъ другой оборотъ; если боятся Россіи, то не надо постоянно интриговать противъ всего, что она предпринимаетъ. Этимъ торговымъ союзомъ насъ старались умаслить, тогда какъ пашѣ суджакскому давали полную волю, такъ хорошо снабдивъ его деньгами и оружіемъ, что едва братья хана выступили въ походъ, турецкія деньги нашлись въ изобиліи, — дѣло невиданное съ самаго заключенія мира, а обезоруженные Татары очутились вооруженными. Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ; я никогда не обѣщала давать себя въ обманъ; можетъ-быть, Абдулъ-Гамиду неизвѣстны интриги дивана и компаніи²⁾, но меня не проведутъ. Отъ высокой Порты зависить вполне окончатъ все безъ шума, если это ей не по вкусу... Маленькая дура и большая смотрятъ съ великимъ спокойствіемъ на то, будетъ ли миръ или война, только у васъ кричатъ, потому что у васъ не Христіане, а Турки. Бѣдные люди! надо думать что они очень счастливы съ этимъ большимъ другомъ; еслибъ я была на ихъ мѣстѣ, я знаю, что бы сдѣлала; я осталась бы христіанкою и получила бы отъ того выгоды; я часто видѣла какъ въ политикѣ, да и во многомъ другомъ, олицетворяется басня собаки и тѣни³⁾.

Послѣ пріѣзда въ Россію графа Сегюра императрица шутила такъ: «Если г. Сегюръ будетъ болѣе любить великаго Турка нежели меня, онъ будетъ совсѣмъ не правъ, потому что я въ самомъ дѣлѣ гораздо любезнѣе этого человѣка; вотъ и теперь, пока этотъ неучъ дюжинами снимаетъ головы, посмотрите какія

1) Т. е. султана.

2) Т. е. пруски европейской дипломатіи.

3) 287, 288.

я хорошенькія сочиняю газеты; прочтите-ка мои извѣстія, и тогда рѣшайте между Абдуль-Гамидомъ и мною. Не правда ли я заслуживаю предпочтенія, хотя бы только за это» ¹⁾. «Я очень рада что вы довольны моими деклараціями. Я всегда стараюсь избѣжать двухъ вещей: первое, сказать слишкомъ много, второе, сказать сухо, что всѣмъ не нравится и стало-быть не располагаетъ въ мою пользу. Впрочемъ, истинная правда, что призраки, созданные въ насмѣшку и въ воображеніи, должны исчезнуть и хорошо бы было не слишкомъ обращать на это вниманіе. Я очень довольна, что Марабу со своею рѣзней внушили вамъ къ себѣ большое отвращеніе и я тоже его чувствую и требую чтобъ вы любили меня больше нежели ихъ» ²⁾. На шуточный же совѣтъ Гримма съѣздить въ Константинополь государыня говоритъ въ концѣ 1785 г.: «Въ Херсонъ я надѣюсь ѣхать въ концѣ 1786 г., но о путешествіи въ Константинополь можно ли думать? Туда надо итти въ хорошей и многочисленной компаніи. Одна мысль объ этомъ, какъ неисполнима она ни должна бы казаться, поднимаетъ однако желчь вашихъ политиковъ, отчаянно влюбленныхъ въ Марабу и дружески преданныхъ покровительству имъ. Эти Марабу такъ имъ близки и дороги, что нѣтъ случая, при которомъ они не сообщали бы мнѣ устно и письменно, что они всячески будутъ охранять цѣлость этихъ прелестныхъ Марабу. Думаютъ ли они внушить мнѣ этимъ страхъ, думаютъ ли помѣшать мнѣ дѣлать то, чего требуетъ польза моей имперіи? Что они этимъ производятъ? Они только удаляютъ отъ себя мою душу, и пусть будетъ, что будетъ! И чего могу я ожидать отъ людей, которые безпрестанно твердятъ мнѣ: естественные враги вашего государства—наши самые дорогіе друзья и благопріятели, которыхъ мы обожаемъ, поддерживаемъ. Я на это могу отвѣчать: друзья моихъ естественныхъ враговъ не могутъ быть моими друзьями и я имъ низко откланиваюсь» ³⁾.

¹⁾ 346.

²⁾ 359.

³⁾ 370, 371.

Не заключается ли въ этихъ замѣчательныхъ выдержкахъ и въ знаменательныхъ словахъ Екатерины все прошедшее, настоящее и будущее нашего положенія относительно Европы по вопросу о Турціи и Христіанахъ Балканскаго полуострова? «Я не знаю въ чемъ я не соблюла трактатовъ, я никогда не общала давать себя въ обманъ и меня не проведутъ»: вотъ отвѣтъ Екатерины на интриги европейской дипломатіи въ восточномъ вопросѣ, и мирное присоединеніе Крыма доказываетъ, что не твердая, самостоятельная политика вызываетъ войну и заставляетъ проливать потоки крови.

Отставная независимое положеніе Россіи на всѣхъ совѣтахъ Европы, Екатерина обращала не менѣе зоркое вниманіе и на всѣ враждебныя выходки противъ Россіи въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ и часто отражала ихъ въ письмахъ къ Гримму, зная конечно, что такимъ образомъ мнѣнія ея всего вѣрнѣе будутъ узнаны и произведутъ должное впечатлѣніе. Такъ напримѣръ, выписывая черезъ Гримма Живописное путешествіе по Греціи, она, по полученіи нѣсколькихъ выпусковъ его въ 1780 г., пишетъ: «Въ этомъ сочиненіи на каждомъ шагу видно враждебное настроеніе Шуаззля и компаніи противъ Россіи. Малѣйшее и невиннѣйшее обстоятельство тотчасъ подаетъ поводъ къ эпиграммамъ и разнымъ нападкамъ, напоминающимъ тѣ сто тысячъ пасквилей, которые противъ насъ печатаютъ и которые однако не помѣшали намъ совершить все то, что мы совершили. Но поднимать глупости значитъ увеличивать ихъ число; надо ихъ презирать. Необходимо только замѣчать изъ нихъ каково настроеніе умовъ, особливо же какова ненависть къ русскому имени»¹⁾.

Мы уже ранѣе говорили, что императрица, составляя исторію Россіи для внуковъ своихъ, говорила, что это будетъ служить противодіемъ тѣмъ негодникамъ, которые унижаютъ Россію. Великая монархиня умѣла относиться къ исторіи и судьбамъ своего народа съ тою же горячей любовью, которая вдохновляла

¹⁾ 180.

позже нашего незабвеннаго историографа въ его безсмертномъ трудѣ.

Когда Гриммъ въ 1780 году доставилъ императрицѣ одно политическое посланіе изъ Америки, то она отвѣчала:

«Что касается до вашихъ американскихъ грамотъ, избавляю васъ отъ труда посылать мнѣ ихъ, потому что я ихъ присоединяю къ числу тѣхъ 365 листовъ исполненныхъ лжи и клеветъ, которые еженедѣльно издаются въ Европѣ....

«Благодарю г. Мятлева и васъ за американскую грамоту, исполненную весьма неразумныхъ декларацій и слишкомъ большой и неумѣстной смѣлости; я разъ навсегда знаю чего держаться и не притронусь къ ней; притомъ у меня менѣе чѣмъ когда-либо времени на чтенія почти бесполезныя»¹⁾.

Гриммъ отвѣчалъ такъ: «Ваше величество, не въ укоръ будь сказано, позволяете себѣ нѣсколько неуважительное отношеніе къ моимъ американскимъ грамотамъ. Вотъ благодарность человеку за то, что онъ, изъ одной чести употребивъ немножко чернилъ и перо, желаетъ сдѣлать въ другомъ полушаріи что-нибудь могущее привлечь взоры Минервы посѣщаемой! Если такъ, то Минерва упрямая не получитъ ничего, ни журнала осады Чарлстоуна, ни другихъ прекрасныхъ вещей, изъ которыхъ могла бы извлечь наслажденіе. Правда, Чарлстоунъ былъ взятъ, и журналъ осады является горчицей послѣ ужина, но дорогая мать родина²⁾, кажется нисколько не подвинулась впередъ съ своими непокорными дочерьми. Среди 365 тысячъ живыхъ слуховъ, распространяемыхъ въ Европѣ и Америкѣ, у многострадальнаго въ головѣ есть нѣсколько вѣчныхъ истинъ, которымъ онъ не измѣнитъ. Напримеръ: процессъ между маменькой и непокорными дочерьми непоправимъ, и маменька вполне заслужила его своей рѣдкой и удивительной глупостью. Если бъ у нея оставалась хоть одна крошка мудрости, она сказала бы: Дѣти мои, мы не должны жить вмѣстѣ. Ваша мать поражена была ослѣпленіемъ и ей есть что

¹⁾ 183.

²⁾ Англія.

оплакивать во всю остальную жизнь свою, но забудьте прошедшее, и посмотрим не можем ли мы — послѣ того, что разстроили свое хозяйство съ отвратительнымъ скандаломъ — быть сосѣдами и жить согласно. Другая истина того же многострадальнаго: что умпротвореніе Европы невозможно безъ приглашенія всемогущей и пресвѣтлѣйшей профессорши вооруженнаго нейтралитета явиться со своимъ морскимъ уставомъ подъ мышкой, открыть его, перелистовать и указать, какимъ способомъ, по ея мнѣнію, могутъ быть впоследствии ограждены права рода человеческого. Но, кстати, вотъ русское купеческое судно задержано и взято англійскимъ флотомъ, и стало-быть вооруженный нейтралитетъ уничтоженъ. Если онъ воскреснетъ, то не изъ своего пепла, потому что меня увѣряютъ, что русскій корабль уже возвращенъ. Правда, наша императрица, говорятъ люди изъ Риги и изъ Нарвы, самая учтивая женщина на свѣтѣ. Она пальцемъ своимъ вяжетъ для церкви, но никогда никому не грозитъ. Онъ всегда у нея прямо подъ носомъ. Я думаю — чтобъ хорошо кончить на этомъ свѣтѣ, надо держать палецъ прямо, а умъ вкось. Что думаетъ объ этомъ графъ Фалькенштейнъ? ¹⁾

Въ началѣ 1781 года Гриммъ опять прислалъ императрицѣ слѣдующее сообщеніе изъ Америки, доказывающее какое обаяніе соединялось съ именемъ Екатерины во всѣхъ концахъ міра, и какъ она умѣла привлечь къ себѣ всѣ взоры:

«Я хотѣлъ закончить подвигомъ покаянія и поручить себя императорскому милосердію; но вотъ вдругъ приходитъ посланіе изъ Америки, и еще вполне свѣжее, такъ какъ всего только мѣсяцевъ семь, какъ оно въ дорогѣ. О, на этотъ разъ ваше величество не ускользаете отъ него. Этотъ флоридельскій корреспондентъ, которымъ я обязанъ единственно своей августѣйшей государынѣ, каждую минуту душитъ меня толстыми пакетами, заключающими журналы конгресса и всего, что случается въ этой странѣ, не считая кучи американскихъ газетъ. Я глотаю

¹⁾ Письма Гримма 66, 67.

все это, пакетъ за пакетомъ, не говоря о томъ ни одного слова вашему величеству; но послѣднее выходитъ изъ границъ смѣха; это не бюллетень, не газета: это грамота. О, императрица пусть попробуетъ этого, хотя только для того, чтобъ дать ему мѣсто въ каминѣ — моемъ архивѣ. Однако это весьма забавная вещь — встрѣтить человѣка не надбющагося никогда сдѣлаться извѣстнымъ вашему величеству и которому я никогда не пишу, думая тѣмъ отвратить его, а между тѣмъ онъ не находитъ большаго счастья въ Филадельфiи какъ извѣщать императрицу объ американскихъ дѣлахъ, о которыхъ она, въ свою очередь, ничего не знаетъ. И не странно ли, что американскія амазонки въ порывѣ патриотизма, сославшись на библію, говорятъ между собою, чтобъ подогрѣть себя, о Фалестрисѣ, Елисаветѣ и Екатеринѣ? ¹⁾

Въ іюнѣ 1781 года Екатерина возвѣстила Гриму о поѣздкѣ великаго князя Павла Петровича и великой княгини Маріи Феодоровны за границу въ слѣдующихъ словахъ, писанныхъ изъ Царскаго Села: «Вотъ я вернулась сюда и останусь здѣсь долго, чтобъ привить въ сентябрѣ оспу своимъ внукамъ (великимъ князьямъ Александру и Константину), послѣ чего отецъ ихъ и мать, выразившіе мнѣ большое желаніе путешествовать, съ дозволенія моего поѣдутъ черезъ Москву и Кіевъ въ Вѣну, оттуда въ Италію, потомъ направятся въ Монбельяръ и возвратятся черезъ Дрезденъ кратчайшимъ путемъ въ Ригу... ²⁾ Прошу васъ сказать аббату Галиани и Рейфенштейну, что они увидятъ въ Неаполѣ и Римѣ графа и графиню Сѣверныхъ (Du Nord). Великій князь и великая княгиня выѣзжаютъ отсюда 16 или 17 (сентября) въ Вѣну, а оттуда поѣдутъ въ Италію» ³⁾.

Они выѣхали однако только 27 сентября. Когда они направлялись въ Италію, императрица писала: послѣднія письма отъ графа и графини Сѣверныхъ были изъ Болоньи; они ѣхали въ Римъ, а оттуда въ Неаполь. Смотрите пожалуйста, куда сѣвер-

¹⁾ Тамъ же, 178, 179.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 214.

³⁾ 219.

ные люди собираются; я полагаю, что они для своего удобства нигдѣ не обѣдаютъ и не ужинаютъ: въ нашемъ семействѣ не любятъ длинныхъ обѣдовъ и ночныхъ бдѣній; за то мы очень раннія птицы» ¹⁾).

Въ мартѣ 1782 г. Екатерина пишетъ: «Праздники въ Венеціи, данные графу и графинѣ Сѣвернымъ были великолѣпны. Вотъ уже полгода какъ они гуляютъ; но они будутъ очень удивлены по возвращеніи своемъ замѣчательными успѣхами Александра» ²⁾). Какъ государыня наслаждалась своими внучками въ отсутствіи ихъ родителей и съ какой нѣжной заботливостью входила во всѣ мельчайшія подробности ихъ воспитанія — уже приведено нами годъ за годъ. Рейфенштейнъ оказался боленъ припадкомъ подагры во время пребыванія августѣйшей четы въ Римѣ, и Екатерина выражаетъ сожалѣніе, что онъ не могъ ходить съ ними на колокольни и соборы папской столицы. Въ Парижѣ графъ и графиня, по словамъ Гримма, имѣли большой успѣхъ и государыня отвѣчаетъ на это: «Признаюсь вамъ безъ обиняковъ, то что вы мнѣ писали о ихъ успѣхѣ превзошло мои ожиданія; благодарю васъ за сообщаемыя вами подробности, онѣ доставили мнѣ большое удовольствіе. Правда, что графиня пишетъ, что нашла васъ очень пополнѣвшимъ. Я думаю, и вы бы могли ей отвѣтить тѣмъ же... Очень рада, что вы довольны приемомъ, который они оказали вашей милой Эмили» ³⁾).

Въ присутствіи великаго князя Павла Петровича и его супруги было въ Парижѣ засѣданіе Французской академіи. Въ немъ Лагарпъ (критикъ), котораго Екатерина считала бездарнымъ, прочелъ свое посланіе (*épître à M. le comte du Nord*), называя въ немъ своего высокаго гостя Петровичемъ, а аббатъ Арно читалъ характеристику Юлія Кесаря (*le portrait de César*). Вотъ какъ отозвалась объ этихъ чтеніяхъ императрица. «Вы хорошо выразились, что *потерлись* о безсмертіе на ака-

¹⁾ 228.

²⁾ 281.

³⁾ 241; 242, 247.

демпическомъ собраніи, открывшемся стихами г. Лагарпа; а онъ *потеря* о гармоническіе стихи, изъ которыхъ ни одного не запомнишь. Ахъ, мой учитель, мой учитель! ¹⁾ Тебя заучивали противъ воли, и запоминался ты и приводился и переписывался даже тѣми, кто бы не раздѣлялъ твоихъ мнѣній. Вотъ что значить плѣнять умы, побуждать мнѣнія! А портретъ Кесаря въ прозѣ — это самый жалкій остовъ, какой я когда-либо читала; позволительно ли унижать душу, которую не понимаешь? Мой учитель возбудилъ бы восторгъ къ великимъ и славнымъ дѣяніямъ и извлекъ бы, высосалъ бы добродѣтель изъ самого порока, а этотъ изображаетъ порочными дѣяніи славныя и высокія; это глупо и плохое средство возвышать и окрылять душу; оно напротивъ способно низвести ее ниже посредственности: я не только не чувствую состраданія къ такимъ людямъ, но умъ мой негодуетъ, что подобные головы являются ораторами, тогда какъ они только риторы. Я бы наговорила имъ дерзостей, еслибъ меня не удерживало размышленіе, что этимъ не образумишь никого. Не эгоистамъ изображать характеры великихъ людей; Кесарь не былъ эгоистомъ; онъ былъ вырванъ изъ узкой сферы себялюбія своимъ гениемъ и мужествомъ. Онъ стремился къ славѣ, не смотря ни на что и поклонялся только этому идолу, а себя не оберегалъ, тогда какъ эгоистъ всегда себя оберегаетъ ²⁾. 20 ноября 1782 года императрица извѣщала Гримма о возвращеніи путешественниковъ.

Дѣла внутренняго управленія.

Дѣятельность Екатерины по законодательству и дѣламъ внутренняго управленія съ годами приобрѣтала все болѣшую силу и поглощала все болѣе времени, что иногда отражалось и на перепискѣ ея съ Гриммомъ. Не только письма становились все сжатѣе по выраженію мыслей, но они писались постепенно, иногда

¹⁾ Вольтеръ.

²⁾ 248.

только по нѣскольку строкъ въ день и отсылались уже тогда, когда накоплялось достаточно интереснаго матеріала. Случилось разъ, что государыня цѣлыхъ три мѣсяца не писала Гриму, а онъ въ то время былъ очень серьезно боленъ и послѣ болѣзни писалъ ей слѣдующія строки, которыя кстати привести здѣсь, такъ какъ онѣ чрезвычайно хорошо характеризуютъ тонъ переписки: «Надо теперь отдать отчетъ вашему величеству въ томъ, какъ я прожилъ послѣдніе шесть мѣсяцевъ истекшаго года. По полученіи той императорской грамоты, которая начата была во Псковѣ, продолжалась въ Полоцкѣ и окончена была въ Могилевѣ, и которую я опять таки не вваче могу назвать какъ прелестной, небесной и незабвенной, я конечно исполнился слишкомъ большой гордости, блаженства и тщеславія. Милосердый Богъ не хочетъ, чтобъ дѣти его плавали въ благополучіи. Среди вседневныхъ огорченій, которыми небесная благодѣтельность заботливо управляетъ жизнь мою, я обременилъ свою августѣйшую благодѣтельница множествомъ посланій, докладовъ и другихъ пустяковъ. Не видя отвѣта на свои пошлости, я сначала жилъ всѣмъ запасомъ философій, который имѣлъ въ своей сумкѣ. Я сказалъ себѣ: послѣ урожайнаго года наступаетъ голодный годъ; это очень просто; надо переносить это съ покорностью и мужествомъ, пока императорскому провидѣнію угодно будетъ оживить тебя благодѣтельнымъ взглядомъ. Она хорошо знаетъ, что можетъ располагать по волѣ своей жизнью и смертью своего многострадальнаго. Я былъ тогда далекъ отъ мысли, что императрица почти каждый день занимается тѣмъ, что пишетъ ко мнѣ страничку или двѣ, и что ея благотворительность изготавляетъ мнѣ новую незабвенную грамоту, бессмертное произведеніе, обнимающее болѣе шести недѣль, и которое одинъ изъ курьеровъ долженъ былъ привезти мнѣ. Не будучи въ состояніи ни предвидѣть, ни предположить такую невѣроятную вещь, я все жилъ своимъ запасомъ философій, который отъ одного почтоваго дня до другого замѣтно истощался. Когда я остался ни при чемъ, я сказалъ себѣ: ты бѣдный цвѣточекъ долженъ теперь увянуть, по-

тому что твоя небесная садовница тебя забыла. Ко мнѣ привязалась лихорадка, я слегъ и надѣялся окончить свое поприще, благословляя ее. Мой старый гувернеръ Тиръ чуть не доконалъ меня. Онъ явился передо мною неожиданно. Я тогда еще недостаточно поправился, чтобъ кого-нибудь принимать, и люди мои отослали его, не предупредивъ меня. Когда я узналъ это, я велѣлъ бѣжать за нимъ, вернуть его. Имя его меня оживило. Я сказалъ себѣ: вотъ роса небесная, сошедшая освѣжить увядающій цвѣтокъ; рука императрицы съ нимъ... Ничуть не бывало; мой гувернеръ Тиръ пріѣхалъ изъ Штутгарда и Монбельяра, куда графъ Панинь послалъ его по особому порученію, и съ нимъ не было ни небесной росы, ни императорской руки. Тогда я опять склонилъ голову и сказалъ себѣ: ну, теперь ты долженъ увянуть. Но та, которой благодѣтельный геній поддерживаетъ и пробуждаетъ жизнь величайшаго изъ существующихъ государствъ, сказала тогда: ну ибѣтъ, ты не увянешь. И ея небесный и императорскій ангель, по имени Принчипати (потому что ангель значитъ вѣстникъ), вошелъ ко мнѣ, и при видѣ грамоты непомерной толщины я былъ возвращенъ къ жизни. Всего менѣе удивительно то, что садовникъ Троншень приписывалъ себѣ это чудо, сдѣлавъ мнѣ внезапно, ночью, кровопусканіе изъ ноги, хотя онъ величайшій противникъ кровопусканій, какого я когда-либо зналъ. Я не хотѣлъ вывести его изъ этого пріятнаго заблужденія, ни сообщить ему, что еслибъ вѣстникъ Принчипати не появился передо мною на другой день и не оживилъ меня, показавъ моему слабѣющему взору буквы августѣйшаго письма, передъ которымъ я простираюсь ницъ двадцать разъ въ день, чудо садовника Троншена никакъ не достигло бы своей цѣли ¹⁾.

Получивъ эту іереміаду отъ Гримма, императрица объясняетъ ему, почему она рѣже пишетъ, говоря что зато пишетъ ему не письма, а цѣлыя тетради и при томъ такъ много занимается законодательствомъ, что перо не выходитъ у нея изъ рукъ. Тогда

¹⁾ Письма Гримма 90, 91, 92.

Гриммъ, убѣдившись въ истинѣ ея словъ, отвѣчаетъ: «А пока мѣсть я съ тоскующей душой обращаюсь направо и налево и ищу кого-нибудь, кто могъ бы дать мнѣ извѣстіе о той, которой одинъ взглядъ можетъ осчастливить судьбу мою, я съ утѣшеніемъ слышу отовсюду: императрица въ превосходномъ здравіи; она работаетъ съ ббольшимъ прилежаніемъ и рвеніемъ, чѣмъ когда-либо, ничто не можетъ ни остановить, ни замедлить эту неистощимую ревность къ славѣ и благоденствію имперіи. Да, это мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, потому что я всегда зналъ ее за упрямую голову, и гдѣ она разъ закуситъ, тамъ ужъ и продолжаетъ»¹⁾).

Мы уже ранѣе упоминали, что государыня постоянно сообщала Гримму о ходѣ своихъ законодательныхъ работъ и приготовленіи къ нимъ и рассказала ему, какъ она занемогла, по ея выраженію, «отъ законодательной маніи». Не разъ говоритъ она также, что изученіе датскихъ законовъ изсушило ей мозгъ. Но уже въ самомъ началѣ переписки замѣтно, что англійское законодательство болѣе другихъ увлекало Екатерину. Особенно часто называетъ она писателя Блекстона²⁾ своимъ вдохновителемъ и неисчерпаемымъ источникомъ свѣдѣній и мыслей, прибавляя впрочемъ, что ничего не беретъ изъ него готоваго, а только тянетъ оттуда свою нить, которую разматываетъ по своему³⁾. Осенью 1779 г. она пишетъ, что въ извѣстныя времена года у нея усиливается законодательная манія и въ этотъ годъ упорнѣе чѣмъ когда-либо. «Императрица чрезвычайно удивляется съ нѣкоторыхъ поръ», говоритъ она о себѣ. «Она не имѣетъ ни минуты свободной. Она суетится, не двигаясь съ мѣста; двадцать-четыре часа для нея слишкомъ коротки. Она много пишетъ и читаетъ, никуда не послѣдуетъ, работаетъ безъ усталы, однако менѣе чѣмъ ждала бы. Громадное количество бумажнаго хлама занимаетъ

1) 188.

2) William Blackstone профессоръ въ Оксфордѣ по кафедрѣ гражданскаго и политическаго права, началъ въ 1765 г. свои лекціи подъ заглавіемъ Записокъ объ англійскихъ законахъ. Это сочиненіе впоследствии много разъ издавалось съ дополненіями и до сихъ поръ пользуется уваженіемъ.

3) Св. Н. О. XXIII, 52.

три полки, ничто не готово, многое переписано, другое только на половину, одна матерія переплетается съ другою, обширныя матеріалы собраны со всѣхъ сторонъ и готовы пойти въ дѣло» ¹⁾).

По возвращеніи изъ Бѣлоруссіи осенью 1780 г. государыня пишетъ, что покинула для этого письма толстый фоліантъ, изъ котораго дѣлаетъ выписки: «Не во гнѣвъ вамъ будь сказано, этихъ выписокъ сдѣлано уже восемьдесятъ страницъ. Не думайте спрашивать, къ чему эти выписки, потому что тогда я должна буду сказать вамъ: для того чтобъ выписывать, а потомъ употребить это на другую большую работу. О, зато я работаю какъ осель и вотъ три, четыре, пять, шесть лѣтъ какъ это такъ продолжается, а что изъ этого выйдетъ, не знаю» ²⁾). Въ началѣ 1781 года она опять жалуется, что дѣла законодательныя оставляютъ ей мало свободнаго времени, и Богъ знаетъ какъ еще у нея разрываютъ это время. «Теперь, когда большое дѣло приходитъ къ концу, подробности подробностей принимаютъ такой объемъ, что едва силъ хватаетъ, но я не жалею; я надѣюсь, что все это будетъ хорошо, полезно, разумно и мудро» ³⁾. А покамѣстъ Эмилія (Belzunce) и выдаете балы, на которыхъ всѣ Русскіе и даже княгиня Дашкова присутствуютъ, знайте что я, какъ истый бука, все съ перомъ въ рукѣ, составляю томы, и испуганная толщиной этихъ томовъ, иногда порываюсь бросить ихъ въ огонь; но, правда, это было бы жаль, потому что оно и хорошо и очень обдуманно. Вѣроятно, это не можетъ быть короче» ⁴⁾).

Плодомъ такихъ приготовительныхъ работъ были многія важныя узаконенія этого времени. Въ маѣ того же года государыня извѣщаетъ Гримма, что въ этомъ мѣсяцѣ она издастъ три законоположенія, изъ которыхъ одно подписано, другое переписывается, а третье проходитъ черезъ очищающій огонь ея секретарей. Подъ этими узаконеніями надо, кажется, разумѣть: новое

¹⁾ 186.

²⁾ 185.

³⁾ 196, 197.

⁴⁾ 201.

Сборникъ II Отд. Н. А. Н.

расписаніе губерній (іюля 13-го), уставъ о соли (іюля 16) и уставъ купческаго судоходства (іюля 25). При этомъ государыня хвалится, что узаконенія ея прививаются такъ хорошо, что когда законъ принялъ форму и вошелъ въ жизнь, никто болѣе не говоритъ о немъ, всякому кажется, что оно такъ и должно быть и не можетъ быть иначе, потому что законъ никого не тѣснить, не тяготитъ. Около этого же времени Гриммъ напоминалъ ей о приближеніи двадцатилѣтія ея царствованія. Онъ даже заранѣе прислалъ ей къ такому празднеству музыку извѣстнаго Филидора (партитура *Carmen Saeculare*) и совѣтовалъ выбрать день восшествія на престолъ для этого торжества, прибавляя: «Если столѣтнія игры будутъ праздноваться нынѣшній годъ, онѣ ознаменуютъ двадцатый годъ волшебнаго царствованія; если онѣ будутъ отложены до будущаго года, ими будетъ заключенъ этотъ двадцатый годъ; какимъ бы образомъ ихъ ни праздновали, это будетъ празднество не безъ значенія и характера. И если императрица счастливо и славно процарствовала два десятилѣтія, не почувствовавъ даже на четверть часа скуки (что однако есть одна изъ самыхъ обыкновенныхъ царственныхъ болѣзней), неужели она не захочетъ устроить праздника Божественному Провидѣнію¹⁾? Императрица отвѣчала на это: «Я не думаю праздновать двадцатилѣтіе моего царствованія болѣе, чѣмъ какой-либо другой годъ: праздники, мнѣ въ тягость, если они не происходятъ по какому нибудь особенно выдающемуся случаю, и я вовсе не люблю себя праздновать. Когда я издамъ какой-нибудь *хорошій законъ*, то вотъ мой праздникъ и я ему радуюсь. Какъ хотите вы чтобъ я скучала? Я всегда занята, только праздники для меня скучны²⁾. Наше двадцатилѣтнее царствованіе отпразднуется только благодарственными молитвами, и вотъ какъ надо праздновать такіе дни; это милосердый даръ еще одного года, и больше ничего»³⁾. Своимъ двадцатитрехлѣтнее царствованіе государыня помянула слѣдую-

¹⁾ Письма Гримма 142.

²⁾ 206.

³⁾ 253.

щими словами, писанными изъ Петергофа: «Вотъ двадцать-три года царствованія исполнились. Однако я сегодня встала двумя часами позже чѣмъ въ этотъ день (28 іюня) двадцать-три года назадъ, потому что я тогда выѣхала отсюда въ шесть часовъ утра»¹⁾.

Вотъ какъ изображаетъ она распредѣленіе своего дня: «Отъ 6-ти часовъ утра до 7-и законодательство, потомъ до 11-ти текущія дѣла. Въ 11 являются Александръ и Константинъ. За полчаса до обѣда и полчаса послѣ обѣда мы пишемъ для упомянутыхъ господъ азбучки, сказки, повѣсти; потомъ два часа полного отдыха и потомъ полтора часа, чтобъ царанать письма и проч., послѣ чего упомянутые господа приходятъ шумѣть до восьми. Потомъ приходитъ кто хочетъ, до десяти. Итакъ я утверждаю, что вотъ день хорошо употребленный и искусень будетъ тотъ, кто найдетъ средство придумывать на него комментарий»²⁾. . . «Привычка сдѣлала съ нами то, что мы отдыхаемъ только когда голова уже окончателно на подушкѣ, и тутъ еще во снѣ приходятъ намъ на мысль все, что надо было бы сказать, написать или сдѣлать»³⁾.

Мудрено ли, что при такомъ изумительномъ трудолюбіи, при такой неутомимой ревности на пользу своего народа, Екатерина съ нѣкоторой гордостью могла сообщить Гримму перечень своихъ дѣлъ за 19 лѣтъ царствованія, составленный гр. Безбородкой въ 1781, съ тѣмъ чтобы впредь каждый годъ пополнять этотъ списокъ:

Губерній, устроенныхъ по новому образцу	29
Городовъ построено	144
Конвенцій и трактатовъ заключено	30
Побѣдъ одержано	78
Замѣчательныхъ указовъ законодательныхъ и учредительныхъ издано	88
Указовъ для облегченія народа	123
Итого	492

1) 314.

2) 231.

3) 311.

«Все это дѣла государственныя, никакое частное дѣло не попало въ этотъ списокъ, какъ вы видите. Ну, милостивый государь, какъ-то вы довольны нами? Были ли мы лѣнны?»¹⁾ Въ юлѣ 1782 года государыня такъ изображаетъ свое времяпрепровожденіе: «Если хотите знать, что она дѣлаетъ, съ чѣмъ обращается, о чемъ думаетъ, то я вотъ что скажу вамъ. Она создаетъ теперь полицейскія и экономическія учрежденія, а время отъ времени занимается заключеніемъ мирныхъ и торговыхъ сдѣлокъ, а потомъ играетъ съ маленькими дѣтьми (внучками) и вытаскиваетъ ихъ (*drückt aus sie*) и увеличиваетъ число честныхъ людей; она раскрываетъ ихъ пониманіе и направляетъ ихъ сердце на благотворительность, на любовь къ ближнему и человѣчность. Вотъ все что она дѣлаетъ, а потомъ мучитъ своего садовника: онъ долженъ сажать деревья, цвѣты, гдѣ хочетъ и гдѣ не хочетъ»²⁾.

Въ концѣ того же года Екатерина опять упоминаетъ о своемъ полицейскомъ уставѣ, который Гриммъ проситъ ея прислать ему, но она въ томъ отказывается, говоря, что напрасно ей приписываютъ какое-то великое предпріятіе, что уставъ этотъ очень простъ и не мудренъ (*flecht und recht*). До какой степени государыня сама изучала каждое новое учрежденіе, вносимое ею въ государственную жизнь, какъ часто она сама прилагала руку къ законоположеніямъ, всего лучше можно прослѣдить въ этой перепискѣ, гдѣ она подъ первымъ впечатлѣніемъ сообщаетъ Гримму всякую новую мысль, новое дѣло. Этими письмами потомство какъ бы вводится въ самую лабораторію ея неустанной дѣятельности. Въ одномъ изъ писемъ вырывается у нея признаніе, что она всю жизнь свою писала только для другихъ и «даже для перваго иноходца»³⁾, который болѣе чѣмъ кто-либо другой умѣлъ наряжаться въ павлинья перья»⁴⁾.

1) 216.

2) 240.

3) Въ перепискѣ съ Гриммомъ государыня часто называетъ такъ въ насмѣшку государственныхъ людей вообще. Здѣсь подъ именемъ *перваго иноходца* она разумѣетъ графа Н. И. Панина.

4) *Св. И. О.* XXIII, 311.

Въ 1785 году Екатерина посылаетъ Гримму уставъ о дворянствѣ и городское положеніе и спрашиваетъ его, зачѣмъ ему все это и кто же читаетъ такія скучныя матеріи какъ законоположенія, но впрочемъ желаетъ узнать не только его мнѣніе, но и все, что говорится объ этомъ предметѣ по бѣлу свѣту (de par le monde)¹⁾. Въ томъ же году она пишетъ Гримму, что случайно отыскала въ каталогѣ бібліотеки Дидро (уже послѣ его смерти) тетрадь, озаглавленную: *Замѣчанія на наказъ ея величества депутатамъ о составленіи законовъ*. «Эта статья», говоритъ она, «сухая болтовня, въ которой не видно ни знанія дѣла, ни осторожности, не предусмотрительности; еслибъ мой наказъ былъ во вкусѣ Дидро, онъ повернулъ бы все вверхъ дномъ. А я утверждаю, что мой *наказъ* былъ не только хорошъ, но прекрасенъ и хорошо соображенъ съ обстоятельствами, потому что вотъ 18 лѣтъ, какъ онъ существуетъ и не только не повредилъ ни въ одномъ пунктѣ, но еще и все добро, имъ произведенное и всѣми признанное, исходитъ изъ началъ, установленныхъ этимъ наказомъ. Критиковать легко, а создавать трудно, вотъ что можно сказать, читая эти замѣчанія философа, который, кажется, во всю жизнь былъ настолько основателемъ, что нуждался въ опекѣ; должно быть, онъ написалъ это по возвращеніи отсюда, потому что не говорилъ мнѣ никогда объ этомъ»²⁾.

Весьма замѣчательно собственное сужденіе государыни о созванномъ ею въ началѣ царствованія собраніи депутатовъ. По поводу химерическихъ финансовъ проектовъ Калонна и Неккера, она говоритъ: «Мысль о депутатахъ была превосходна; мое собраніе депутатовъ вышло удачнымъ, оттого что я сказала имъ: — *Знайте, вотъ каковы мои начала*. Теперь вы выскажите свои жалобы. Гдѣ башмакъ жметъ вамъ ногу? Мы постараемся поправить это. У меня нѣтъ системы; я желаю только общаго блага; оно вмѣстѣ съ тѣмъ и мое собственное. Итакъ работайте, соби-

1) 363.

2) 372, 373.

райте матеріалы, создавайте проекты; узнайте чего вы хотите. И они принялись разтѣзжать, собирать матеріалы, разсуждать, мечтать, спорить, а ваша покорнѣйшая слуга слушала и была очень равнодушна ко всему, что не составляло общей пользы и общаго блага»¹⁾).

И позже, по поводу французской революціи, она много разъ, какъ мы увидимъ, выражала то же сужденіе Гриму, который отвѣчалъ ей въ томъ же смыслѣ, что раскатать машину легко, но надо хорошо знать, сумѣешь ли съ нею справиться.

По поводу дѣлъ въ Польшѣ Гриммъ извѣщалъ государыню какіе толки идутъ на этотъ счетъ въ западной Европѣ, гдѣ всегда особенно любили заниматься польскимъ вопросомъ. Пребываніе въ Парижѣ одной знатной польки давало пищу этимъ толкамъ и разсужденіямъ въ тамошнихъ гостинныхъ и Гриммъ пишетъ объ этомъ: «Мы имѣемъ здѣсь съ начала послѣдней зимы молодую польку, Годскую по-имени, разведенную съ княземъ Сангушко, и которая вышла замужъ въ прошедшемъ году за принца Нассаускаго, поселившагося во Франціи и не признаваемого въ Германіи. Я видѣлъ эту молодую принцессу въ эпоху ея перваго брака, въ Варшавѣ. Она здѣсь заискивала во мнѣ съ необыкновеннымъ стараніемъ. Я нѣсколько мѣсяцевъ разыгрывалъ жестокаго, и наконецъ она меня таки покорила. Пріятно слышать, какъ она говоритъ объ императрицѣ, и заставляетъ умолкнуть жужжанье жуковъ, которые позволяютъ себѣ толковать на примѣръ о дѣлахъ Польши, не имѣя о нихъ самыхъ первоначальныхъ свѣдѣній. Надо видѣть съ какой легкостью она разгоняетъ, смущаетъ и уничтожаетъ всѣхъ этихъ вралей. Я знаю, что по поводу важныхъ обстоятельствъ, касающихся событій въ Польшѣ, она исправляла свѣдѣнія лицъ, которые по своему положенію должны бы знать дѣло лучше. Она иногда напоминаетъ мнѣ Спасителя, сидящаго въ 12-ти лѣтнемъ возрастѣ среди учителей во храмѣ. Она вдвое старѣе своего Спасителя;

¹⁾ Св. Н. О. XXIII, 403.

но всегда интересно видѣть, какъ молодость и грація даетъ уроки мудрости бородачамъ. Итакъ я не могъ отъ нея отдѣлаться, и несмотря на суровость моего уединенія, я долженъ хотя разъ въ недѣлю, а иногда и два, посѣщать её, чтобъ слышать ея бесѣду объ императрицѣ и самому говорить о ней. Она намерена, при довольно многочисленномъ кружкѣ, характеризовала духъ правительствъ въ трехъ часткахъ Польши. Замѣтивъ, что почва Бѣлоруссiи худшая изъ всѣхъ трехъ, она сказала: «Еслибъ у меня были земли въ прусскомъ участкѣ, я сочла бы за счастье потерять половину для того, чтобъ перенести другую въ Бѣлоруссiю, а еслибъ мои земли были въ австрiйскомъ участкѣ, я охотно уступила бы три четверти за одну четверть въ Бѣлоруссiи. Потомъ она подробно развила намъ причину этого желанія и его степеней съ такою же ясностью, какъ и краснорѣчiемъ. Увы! что до меня касается, то она проповѣдывала обращенному. Кто лучше меня и рижскихъ обывателей знаетъ, какъ сладко жить подъ владычествомъ Россiи бѣлой, красной или зеленой, малой или великой, какого бы она ни была цвѣта и величины» ¹⁾).

На это послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ государыни: «По случаю того, что вы говорите мнѣ о вашей странствующей рыцаршѣ, проповѣдующей раскаянiе по поводу ложныхъ взглядовъ, укоренившихся на счетъ стараго польскаго вопроса, я должна сказать вамъ любимую поговорку Лифляндевъ, что съ тѣхъ поръ какъ они находятся подъ владычествомъ Россiи, въ областяхъ ихъ болѣе денегъ и серебра нежели прежде было мѣди, а Бѣлоруссiя въ томъ же положенiи: земли ея гораздо лучше обрабатываются и повысились въ цѣнѣ. Тотъ, у кого не было хижины, строится теперь, а у кого она была, тотъ улучшаетъ её» ²⁾).

По объявленiи вооруженнаго нейтралитета флотъ сдѣлался предметомъ особенной заботливости Екатерины, и для созданiя

¹⁾ Письма Гримма 151.

²⁾ Сб. Н. О. XXIII, 207.

и улучшения его она развернула изумительную деятельность: сама присутствовала при спускѣ кораблей, посѣщая петербургскія и кронштадскія верфи и укрѣпленія и подымая тѣмъ духъ и усердіе трудившихся надъ этимъ дѣломъ, какъ объясняетъ одно изъ ея писемъ: «Я сама спустилась съ гѣсовъ на корабль Побѣдославъ, чтобъ показать морякамъ, какъ глазъ нашъ слѣдитъ за ихъ работой и цѣнить еѣ»¹⁾. Еще въ 1780 году она писала Гримму: «Ваше желаніе, видѣть русскій флагъ развѣвающимся не въ одной только сторонѣ, будетъ удовлетворено. Вотъ четыре эскадры и болѣе отправляются въ плаваніе. Остальное будетъ или не будетъ: торговля моя, какъ и города, на бумагѣ и въ воображеніи, но не полагайтесь на это: все это выростетъ какъ грибы, когда менѣе всего будутъ ожидать того»²⁾. Въ другой разъ она говоритъ: «Что мѣшаютъ вамъ мои корабли? развѣ не такъ же необходимо стрѣить ихъ, какъ имѣть ногти на пальцахъ?»³⁾.

25 іюня 1782 года, пріѣхавъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, чтобъ оттуда отправиться въ Петергофъ, государыня пишетъ: «Сегодня я обѣдала въ Эрмитажѣ, а завтра въ своемъ присутствіи очищаю адмиралтейскія верфи; это значить, что будутъ спускать военный 74-хъ-пушечный корабль, послѣ чего я бѣгу тотчасъ въ Петергофъ». Подробности объ этомъ сообщаются уже изъ Петергофа отъ 22 іюня: «Хотите знать, что я дѣлала въ день пріѣзда сюда? Я рыскала по-цыгански (сонтше ип баске), именно: въ одиннадцать часовъ утра, такъ какъ это было воскресенье, я была у обѣдни, потомъ принимала въ аудіенціи г. де-ла-Торре, съ которымъ говорила о своихъ старыхъ знакомыхъ, а именно о г. де-ла-Геррейра и о графѣ Ласси; потомъ принимала саксонскаго министра, потомъ пробѣжалась за своимъ обѣдомъ пѣшкомъ вдоль сада и набережной къ г. Бецкому. Послѣ обѣда я съѣздила въ лодчкѣ въ адмиралтейство: тамъ я полила

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 259.

²⁾ 177.

³⁾ 226.

легтемъ и ударила три раза молоткомъ каждый изъ трехъ новыхъ стопушечныхъ кораблей, которые велѣла построить; оттуда я перешла на 74 пушечный корабль, который по приказанію моему спущенъ на воду; пока я сама находилась на немъ, онъ довезъ насъ до невскаго моста: тамъ бросили якорь и мы сошли съ него и на лодкѣ возвратились въ адмиралтейство, черезъ которое прошли пѣшкомъ, чтобъ сѣсть въ карету и проѣхать отсюда на дачу оберъ-штаймейстера (Нарышкина), гдѣ, исходявъ вдоль и поперекъ его рощи и гулянья, мы поужинали и въ 12^{1/2} часовъ приѣхали сюда. Ну, что вы скажете о такомъ днѣ? не былъ ли онъ превосходно наполненъ? Увѣрю васъ, что кромѣ меня всѣ выбились изъ силъ»¹⁾.

Петергофъ, 5-го іюля въ 7 часовъ утра. «Я ѣду отсюда завтра и одна изъ причинъ, почему я не люблю этого мѣста, то что я здѣсь сплю какъ сурокъ и не имѣю ни времени, ни охоты писать: я пишу здѣсь только письма императорскія, королевскія и полукоролевскія. Зато я знатно услаждаю свою лѣнь, пока нахожусь здѣсь; три дня тому назадъ, я ѣздила въ Кронштадтъ противъ вѣтра, что заставляло господъ моряковъ предполагать, что я не доѣхавъ возвращусь; но я упорно продолжала путь и мы черезъ четыре часа вошли въ гавань: мы обошли её пѣшкомъ вдоль доковъ до верфей, построенныхъ въ видѣ креста въ началѣ канала; мимоходомъ произвели мы закладку еще одного стопушечнаго корабля, послѣ чего ходили взглянуть на огнечерпательную машину и потомъ опять также пѣшкомъ пошли пить чай къ адмиралу Грейгу. Чтобы просвѣтить васъ, прибавлю, хотя это мнѣ интересно для васъ, чѣмъ для этого порта, — что мы одѣваемъ его внутри и снаружи гранитными плитами, — работа эта начнется въ нынѣшнемъ году и это интересное дѣло насъ очень и очень занимаетъ»²⁾. Я рассказывала вамъ всѣ мои подвиги этого лѣта, чтобъ доказать вамъ какимъ хорошимъ здоровьемъ я поль-

¹⁾ 242, 243.

²⁾ 245, 246.

зуюсь и какъ и судра» ¹⁾. «Что вамъ за дѣло до кронштадтскихъ верфей?» пишетъ государыня въ 1785 году: «развѣ г. Густавъ не построилъ на французскія деньги въ четыре года двадцать кораблей? Я стрѣю на собственныя деньги» ²⁾.

Не меньшую заботливость и вниманіе государыни привлекаетъ черноморскій флотъ. Во время путешествія своего въ Крымъ въ 1787 году она пишетъ изъ Херсона отъ 15 мая: «Сегодня мы спустили на воду три военныхъ корабля; это седьмой, восьмой и девятый, построенные здѣсь» ³⁾.

Потомъ изъ Севастополя: «Я нашла здѣсь, гдѣ за три года еще ничего не было, довольно хорошенькій городокъ и небольшую, но довольно проворную и ловкую флотилію. Гавань, якорная стоянка и пристань естественно хороши и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ во всемъ этомъ показалъ большую дѣятельность и смѣтливость» ⁴⁾.

Весьма знаменательно, что Гриммъ, по поводу случившагося въ 1780 году сильнаго пожара въ Кронштадтѣ, какъ разъ по объявленіи вооруженнаго нейтралитета, писалъ Екатеринѣ: «Уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ меня увѣрили, что благонамѣренные (т. е. Англичане) попробовали устроить фейерверкъ изъ кронштадтскаго флота, котораго флагъ такъ развертывается ко всеобщему удовольствію. Я увѣренъ, что это вниманіе со стороны благонамѣренныхъ не будетъ потеряно для императрицы: въ нѣкоторыхъ случаяхъ добрая воля равняется факту» ⁵⁾.

Екатерина отвѣчала на это: «То, что вамъ рассказали о поджогѣ Кронштадта, чистѣйшая выдумка; это просто напросто случайность. Я полагаю, что не надо придавать вещамъ ббльшаго значенія, чѣмъ какое онѣ имѣютъ» ⁶⁾.

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 261.

²⁾ 838.

³⁾ 410.

⁴⁾ 412.

⁵⁾ Письма Гримма 423.

⁶⁾ Св. И. О. XXIII, 191.

Въ другой разъ (въ 1782 г.) по поводу большого пожара въ гостиномъ дворѣ, который тоже приписывали поджогу, государыня пишетъ: «Пожаръ въ рядахъ произвелъ именно то, что вы говорите: я велѣла пренебречь предразсудкомъ и давней привычкой; будетъ десять рынковъ вмѣсто одного и каждому торговцу дозволено имѣть лавку у себя; на все это представляли много затрудненій; но я настояла, и все устроилось безпрекословно. Меня взяло нетерпѣніе и я сама отправилась посмотрѣть, отчего огонь не прекращается, и скоро съ нимъ справились. Убытокъ гораздо менѣе значителенъ чѣмъ сначала думали; ни одна бездѣлица не вздорожала, а все, что было въ большихъ каменныхъ рядахъ, уцѣлѣло» ¹⁾).

О разныхъ другихъ сооруженіяхъ по предмету улучшенія городскихъ построекъ и путей сообщенія также безпрестанно встрѣчаются упоминанія въ родѣ слѣдующаго: «Невозможно всякій разъ сообщать вамъ о разныхъ пустякахъ, которые мы дѣлаемъ, потому что все это идетъ своимъ чередомъ и послѣ объ этомъ забывается: такъ мы копаемъ каналы, устраняемъ большія дороги и тридцать-шесть гранитныхъ мостовъ между Москвою и Петербургомъ» ²⁾). Мы уже упоминали, какъ заботилась Екатерина о народномъ продовольствіи и предупрежденіи голода въ Россіи, для чего она учредила запасные магазины, о которыхъ говоритъ по поводу голода въ Швеціи. Другимъ предметомъ ея заботливости было удаленіе кладбищъ отъ жилыхъ мѣстъ въ городахъ и селеніяхъ, о чемъ она такъ упоминаетъ: «У насъ хоронятъ на кладбищахъ, устроенныхъ внѣ городовъ и селъ для пользы живыхъ, какъ и умершихъ» ³⁾).

Мы ранѣе говорили ужъ о постройкахъ, способствовавшихъ къ украшенію Петербурга и въ которыхъ самое дѣятельное участіе принималъ архитекторъ Кваренги. Въ 1782 году государыня говоритъ Гримму, что многихъ мѣстъ онъ вовсе не узналъ бы,

¹⁾ 350.

²⁾ 390, 391.

³⁾ 362.

какъ на примѣръ окрестностей Фонтанки, которыя чистятся, а набережныя обкладываются гранитными плитами»¹⁾.

Къ началу 1783 года относится основаніе Георгіевскаго капитула въ Чесмѣ, которую за годъ до того государыня такъ изображаетъ Гриму: «Вчера я была въ Чесмѣ, но эта Чесма, какъ вы можете разсудить, не та, гдѣ дана была морская битва, а та, что построена въ память этого событія и гдѣ есть церковь во имя Св. Іоанна Крестителя, которой первый камень былъ положенъ Густавомъ III, королемъ Шведскимъ и Готскимъ, а на освященіи этой церкви присутствовалъ самолично Іосифъ II, императоръ Римскій (24 іюня 1780), что написано крупными золотыми буквами на мраморной доскѣ у дверей церкви. Не сомнѣваюсь, что разсказъ этотъ очень васъ утѣшитъ, потому что Нѣмцы любятъ надписи этого рода; но такъ какъ вы еще не знаете, гдѣ находится эта новооснованная Чесма, то имѣю честь извѣстить васъ, что она въ Лягушечницѣ»²⁾. Такъ переводитъ императрица прежнее финское названіе этого мѣста Кекерекескиненъ — имя которое, какъ тогда объясняли, значитъ лягушечье болото»³⁾. Объ открытіи самаго ордена разсказано такъ: «Петербургъ, 19 апрѣля 1783 г., въ семь часовъ утра того дня, когда увезли всѣ мои бумаги, потому что я уѣзжаю въ Царское Село; по дорогѣ я открываю Георгіевскій капитулъ въ Чесмѣ въ присутствіи славной черныльницы, отъ которой у васъ нѣкогда столько разъ было душень»⁴⁾. «Царское Село, 20 апрѣля, въ 7 часовъ утра. Капитулъ Св. Георгія вчера началъ свое хозяйство съ капиталомъ въ двѣсти шестьдесятъ тысячъ рублей, которые господинъ великій магистръ постарался собрать независимо отъ доходовъ ордена»⁵⁾.

По поводу учрежденія ордена св. Владимира, основаннаго въ 1782 г., государыня пишетъ въ 1783: «Что касается до монаховъ святыхъ, я отыскиваю ихъ въ своемъ календарѣ, и когда одинъ изъ

1) Сб. И. О. XXIII, 261.

2) 242.

3) См. Геогр. словарь Максимовича и Щекатова подъ словомъ Чесма.

4) Сб. И. О. XXIII, 273.

5) 274.

нихъ мнѣ понадобится, то я ищу между ними такихъ, которые послужили бы государству или роду человѣческому; иногда мнѣ трудно найти ихъ, и тогда я просто беру звучное имя, вотъ и все. Господь новыхъ кавалеровъ Владиміра я выбрала изъ первыхъ и лучшихъ слугъ государства; и въ этомъ качествѣ они пойдутъ въ рай, если будутъ достойны, но ни въ какомъ другомъ случаѣ. Ужъ если вы меня очень разсердите, то я объявлю вамъ, что св. Владиміръ былъ предокъ королевы Французской, что онъ былъ зять Романа, императора Константинопольскаго; одна изъ дочерей его была замужемъ за Стефаномъ, королемъ Венгерскимъ; по этому вы видите, что онъ былъ государь съ хорошимъ родствомъ и, несмотря на то, вы смѣете у меня спрашивать, откуда я его взяла; къ чему же послѣ того быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ небомъ и землею, если все-таки остаешься неизвѣстнымъ 900 лѣтъ спустя»¹⁾).

Въ 1786-мъ году и Гримму былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра второй степени, о чемъ государыня извѣщала его: «Такъ какъ мой многострадальный — самый аккуратный человѣкъ въ исполненіи моихъ порученій, то статуты ордена св. Владиміра дозволяютъ и требуютъ, чтобъ онъ былъ принятъ въ число ихъ кавалеровъ, и по этой причинѣ я посылаю вамъ орденъ второй степени, который вы надѣнете на шею и будете носить на груди, и звѣзду, которую вы прикрѣпите прямо на сердце. Да благословитъ васъ Господь»²⁾). Первый отвѣтъ Гримма на эту милость не сохранился между его письмами. Но отъ 10-го сентября 1786 г. онъ пишетъ: «Государыня, я все ожидаю манифеста, который бы объяснилъ причины, побудившія ваше величество задуть вашего многострадальнаго видимымъ знакомъ вашего благоволенія, какъ будто онъ недоволенъ подавленъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ бременемъ вашихъ благодѣяній. Я просилъ этого манифеста у графа Безбородки, который въ своемъ качествѣ императорскаго

¹⁾ 271.

²⁾ 378.

фактотума могъ имѣть участіе въ этомъ неожиданномъ проявленіи императорскаго могущества; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ чувствовать великую тягость на своей совѣсти; я также просилъ въ томъ отчета у маршала князя Потемкина, моего благодѣтеля по части музыки. Они оба, по близости своей къ престолу, конечно не допустятъ подозрѣнія, что та, которая занимаетъ его 24 года недурно, сдѣлаеть что бы то ни было безъ причины; а мнѣ очень выгодно знать эти причины, потому что онѣ мнѣ откроютъ множество прекрасныхъ вещей, которыя я творилъ, самъ того не зная, и за которыя ваше величество мнѣ обязаны. Я замѣчу только, что очень важно напечатать этотъ манифестъ, чтобы предупредить войну на перьяхъ, которая пожалуй надѣлала бы столько же шуму, сколько и война господъ Геммингенъ и Домъ, и возникла бы между людьми Гриммы и фактотумами вашего императорскаго величества. Да отвратитъ милосердіе всемогущаго Бога это зло, и да сохранитъ Онъ отъ споровъ и раздора всѣхъ слугъ нашей великой государыни, будь они дѣлатели на всѣ руки или много-страдальныя. Аминь»¹⁾.

Осенью 1782 г. послѣдовало открытіе памятника Петра Великаго. Извѣстно, что первая отливка статуи была неудачна. Еще въ 1775 г. упоминается въ одномъ изъ писемъ: «Статуя Петра Великаго при отливкѣ не удалась. Голова императора, его правая рука и голова лошади должны быть передѣланы»²⁾. Объ отношеніяхъ императрицы къ художнику Фалконету было ужъ говорено ранѣе. Въ декабрѣ 1782 г. она пишетъ по поводу открытія памятника: «Вы кажется желаете, чтобъ я вступила въ разговоръ съ Петромъ Великимъ и его статуей; но знайте, что я этого не сдѣлаю по недостатку времени». И на другой день: «Петръ Великій, увидѣвъ себя на вольномъ воздухѣ, показался намъ съ виду столь же смѣлымъ, какъ и величественнымъ; какъ будто бы онъ былъ доволенъ своимъ твореніемъ; долго я не мо-

¹⁾ Письма Гримма 239, 240.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 35.

гла на него смотрѣть. Я чувствовала себя растроганною, и когда взглянула вокругъ себя, я увидѣла, что у всѣхъ слезы на глазахъ. Лицо его было обращено въ сторону противоположную Черному морю; но движеніе головы показывало, что онъ не лишень зрѣнія ни съ какой стороны (il n'avait la vue d'aucun côté). Онъ слишкомъ далеко стоялъ отъ меня, чтобы говорить со мною, но казался довольнымъ, что сообщилось и мнѣ, и поощряетъ меня стараться въ будущемъ дѣйствовать, если могу, еще лучше¹⁾.

На письмо Гримма 1783 г. (къ сожалѣнію не сохранившееся) Екатерина писала: «Критикуйте слова: — Петру первому Екатерина вторая. — Я сама захотѣла, чтобъ это такъ было, желая чтобъ знали, что я, а не жена его, воздвигла ему памятникъ»²⁾. Но вотъ какъ великая Монархиня отзывалась въ то же время на льстивую мысль современниковъ о сооруженіи памятника ей самой. Разсуждая о памятникахъ вообще, она говоритъ:

«Но скажите мнѣ пожалуйста, кому же сооружать статуи,obelisks, если не людямъ отличившимся заслугами? Если же воздвигать ихъ людямъ безъ заслугъ, тогда на памятники стануть смотрѣть какъ на украшеніе города, а не на награду. . . . Вы конечно понимаете, что я себѣ не сооружу памятника, оттого что это было бы слишкомъ смѣшно.... Не знаю, будутъ ли Екатерины падать на Россію какъ дождь, но вѣрно то, что если эти берега должны производить только статуи въ честь мою, то я къ этому буду очень равнодушна и охотно откажусь отъ нихъ въ пользу Александра»³⁾. «Я не хочу памятника, и если божественный (т. е. Рейфенштейнъ) мечтаетъ о томъ, то я ему въ этомъ удовольствіи не завидую; съ моего вѣдома конечно это не будетъ исполнено: всѣ петербургскія площади заняты»⁴⁾.

¹⁾ 264, 265.

²⁾ 272.

³⁾ Желаніе императрицы сбылось: памятникъ Александру Благословенному явился многими годами ранѣе ея памятника, 264.

⁴⁾ 264.

Загородныя дворцы и постройки, усовершенствованное путешествіе по каналамъ и въ Москву.

Царское Село оставалось любимымъ мѣстопребываніемъ Екатерины, для котораго она болѣе всего поработала, среди котораго развернулся весь ея гений и изящество вкуса. Она восхищалась и справедливо гордилась имъ, какъ своимъ созданіемъ. Она наслаждалась полной жизнью среди его величественныхъ парковъ и пышной растительности, какъ сама даетъ намъ о томъ знать многими живыми описаніями, встрѣчающимися въ перепискѣ и которыя мы приведемъ здѣсь: «Царскосельскій садъ, по словамъ Англичанъ, разныхъ путешественниковъ изъ всѣхъ странъ и нашихъ, побывавшихъ въ чужихъ краяхъ, становится единственнымъ въ своемъ родѣ. Не говорю о комнатахъ; но Кваренги увѣряетъ, что онѣ столь же прекрасны, какъ и своеобразны, и что кто не видалъ ихъ, тотъ не можетъ составить себѣ о нихъ понятія. Напримѣръ, я пишу вамъ въ кабинетѣ изъ массивнаго серебра, отчеканеннаго съ узоромъ изъ красныхъ листьевъ; четыре колонны съ тѣмъ же узоромъ поддерживаютъ зеркало, служащее балдахинномъ дивану, обитому яркой зеленой матеріей съ серебромъ московскаго издѣлія; стѣны состоятъ изъ зеркалъ, которымъ серебряныя плиастры съ красными же листьями служатъ рамами. Балконъ выходитъ въ садъ; дверь образуетъ два зеркала, такъ что она всегда кажется раскрытою, хотя бы была затворена. Этотъ кабинетъ очень роскошенъ, блестящъ, веселъ, не обремененъ тяжелыми украшеніями и очень пріятенъ. У меня есть другой, на которомъ, какъ на табакеркѣ, соединены бѣлый и голубой цвѣтъ съ бронзою; бѣлое и голубое — стекло, а узоръ по нимъ — изъ арабесковъ» ¹⁾).

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 239. Все это — описаніе комнатъ Екатерининскаго «лигея», пристроеннаго къ старому дворцу Елисаветы Петровны и примыкающаго къ знаменитой колоннадѣ.

..... «Всѣ согласны, что Царское Село нынѣшнюю весною — рай: съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, у насъ прелестнѣйшая погода и я гуляю сколько могу¹⁾..... Статуя Волтера, слѣпанная (в-донномъ, вынута и поставлена въ Утреннемъ залѣ²⁾); тамъ она окружена Антиномъ, Аполлономъ Бельведерскимъ и множествомъ другихъ статуй, которыхъ формы привезены изъ Рима, а отлиты онѣ здѣсь. Когда входилъ въ эту залу, то, право, духъ захватываетъ и — о чудо! — статуя Волтера нисколько не теряетъ ото всего ея окружающаго. Волтеръ прекрасно стоитъ тамъ; онъ любитъ на лучшія статуи античныя и современныя. Господинъ многострадальный долженъ помнить, что эта зала имѣетъ дверь, выходящую на озеро, другая выходитъ на очень густую аллею; съ тѣхъ поръ какъ тамъ стоитъ Волтеръ, смотрѣть Утреннюю залу ходятъ караванами. Другая новость: сэръ Томъ Андерсонъ окопѣлъ эту зиму и зарылъ подъ плитою съ надписью позади гранитной пирамиды. Я еще не имѣла духу побывать тамъ, и до сегодня не объявляла о его смерти. Онъ дожилъ до 16 лѣтъ³⁾. Черезъ годъ за сэромъ Томомъ послѣдовала Зембра — другая особенно любимая собачка императрицы, которая зарыта тамъ же и которой Сегюръ сочинилъ извѣстную эпитафію въ стихахъ, приложенную императрицей къ одному изъ писемъ къ Гримму: «Ici mourut Zémire, et les grâces en deuil» и проч.⁴⁾

Въ 1786 году государыня возвратилась уже въ июлѣ въ Царское Село изъ Петергофа, который она вообще не любила. «Дожди выгнали меня изъ Петергофа на прошедшей недѣлѣ», пишетъ она: «какъ только я вернулась сюда, начались жары. Вчера здѣсь играли комедію; послѣ театра вся дипломатическая клика гуляла и ужинала со мной; г. Кюстинъ былъ тоже, и всѣ въ такомъ настроеніи, что находили все прелестнымъ, восхитительнымъ. Чтобъ подразнить васъ, я должна сказать,

1) 279.

2) Бесѣдка въ Царскомъ Селѣ обращенная къ озеру.

3) 318, 314.

4) 357.

г. кавалеръ, что вы меня здѣсь не легко найдете послѣ обѣда, потому что кромѣ семи комнатъ, украшенныхъ яшмою, агатомъ, настоящимъ и поддѣльнымъ мраморомъ, кромѣ сада, прямо прилегающаго къ моимъ покоямъ, я обладаю громадною колоннадой, которая примыкаетъ къ тому же саду и оканчивается лѣстницей, ведущей прямо къ озеру. И послѣ того ищите меня, если хотите; еслибъ вы когда-нибудь сюда прѣехали, то развѣ только ладъ Томасовъ укажетъ вамъ путь, по которому я направляюсь, а иногда лепетъ пяти малютокъ (внучатъ), которые прилипаютъ ко мнѣ какъ репы и надо мнѣ стряхнуться, чтобъ отогнать ихъ, потому что они никогда бы со мной не разстались» ¹⁾.

Гораздо позже, въ 1791 году, государыня опять такъ описываетъ колоннаду: «14 мая, въ 7-мъ часовъ утра, сидя на паркосельской колоннадѣ, откуда я вижу предъ собой Пеллу, хотя отсюда до нея по крайней мѣрѣ 35 верстъ, и кромѣ Пеллы мнѣ видно около ста верстъ вокругъ». Эта колоннада тѣмъ особенно пріятна, что въ холодъ у нея есть всегда одна сторона, гдѣ онъ менѣе чувствителенъ. Срединна моей колоннады, стеклянная, имѣетъ 39 сажень длины; внизу и возлѣ — цвѣточный садъ; низъ моей колоннады занятъ приближенными мнѣ дамами, которыя тамъ какъ нимфы среди цвѣтовъ. На моей колоннадѣ стоятъ бронзовые бюсты величайшихъ людей древности, какъ то Гомера, Демосфена, Платона и проч. Есть нѣсколько другихъ статуй. Геркулесъ Фарнезскій и Флора украшаютъ лѣстницу колоннады, ведущую отъ террасы къ озеру» ²⁾. Пишу вамъ это передъ стеклянной дверью, ведущей изъ моихъ комнатъ въ цвѣточный садъ, сего 3-го іюня послѣ обѣда; вы должны еще знать, что трое изъ Томасовъ лежатъ вокругъ меня на зеленомъ сафьянномъ диванѣ, стоящемъ на воздухѣ. Св. Николай ³⁾ вамъ скажетъ, если вы любопытны, что этотъ диванъ находится въ полуоткрытыхъ сѣн-

¹⁾ 379.

²⁾ 540, 541.

³⁾ Н. П. Румянцовъ.

цахъ противъ сада и что я здѣсь какъ Крымскій ханъ въ своемъ кіоскѣ, или попугай въ своей клѣткѣ. Вы не имѣете понятія, что такое Царское Село, когда стоитъ теплая и ясная погода!» 1).

16-го августа 1792 г. «Я возвращаюсь съ колоннады, гдѣ я гуляла между бронзовыми бюстами, тамъ стоящими, и если вы попытаетесь знать, кто эти честные господа, вотъ вамъ списокъ, который я сдѣлала для васъ, гуляя. Вы не можете себѣ представить, какія прекрасныя мысли внушаетъ подобная компанія; мнѣ нравится быть въ этомъ обществѣ: Юлій Кесарь, Ахиллъ, Цицеронъ, Фоксъ, Демосеенъ, Сенека, Овидій, Софокль, Теокрытъ, Геродотъ, Геркулесъ, Карнеадъ, Лизій, Теофрастъ, Питтакъ, Сафо и Фаонъ, Аполлонъ, Гомеръ, Платонъ 2). Все это бронзовые бюсты, находящіеся въ настоящее время на царскосельской колоннадѣ. Со временемъ ихъ будетъ 82» 3).

По смерти Ланского императрица Екатерина, преслѣдуемая въ Царскомъ Селѣ грустными воспоминаніями, какъ будто искала новаго загороднаго мѣста, которое могла бы полюбить, и купила (у сенатора Неплюева) землю по шлюссельбургской дорогѣ, предполагая тамъ построить дворецъ и развести англійскій садъ. Это загородное мѣсто называлось Пеллой и скоро тамъ былъ заложенъ богатый увеселительный дворецъ придворными архитекторами Старовымъ и Козловымъ. Онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ вмѣстѣ аркадами, галереями, колоннадами, и въ главномъ зданіи находилась огромная зала для торжествъ на подобіе залъ въ римскихъ баняхъ, а между зданіями были дворы и сады. Постройки въ Пеллѣ нѣсколько разъ задерживались войнами, и наконецъ это мѣсто было окончательно брошено императоромъ Павломъ.

Въ апрѣлѣ 1785 года государыня пишетъ: «Я поѣду въ Херсонъ, но не нынѣшнимъ лѣтомъ; въ маѣ мѣсяцѣ я съѣзжу въ Боровичи, чтобы осмотрѣть каналы, по которымъ идетъ под-

1) 546, 547.

2) Этотъ списокъ написанъ карандашомъ на особомъ листкѣ.

3) 576.

возъ всего къ Петербургу, и вернусь сюда водою. На землѣ, которую я купила, недостаетъ только дома для житія; тотъ, который тамъ теперь—отвратителенъ. Земля эта лежитъ между Шлюссельбургомъ и Петербургомъ, какъ разъ на жалкихъ незскихъ порогахъ; эта рѣка образуетъ тамъ родъ залива, въ который, саженьхъ во ста отъ дома, впадаетъ Тосна, тоже судоходная рѣка. Мѣстоположеніе прелестное, виды чрезвычайно разнообразны, и будетъ очень удобно украсить все англійскимъ паркомъ» ¹⁾. Приѣхавъ въ Пеллу 18-го іюля 1785, государыня т. лѣ её описываетъ: вотъ я прибыла сюда, въ такое мѣсто, о которомъ вы не имѣете понятія; я нахожусь въ 26-ти верстахъ отъ Шлюссельбурга, въ 32-хъ отъ Петербурга, въ 35-ти отъ Царскаго Села, на изгибѣ Невы, ниже здѣшнихъ пороговъ. Въ настоящую минуту эти пороги отъ меня вправо, и на такомъ же разстояніи влево я вижу изъ окна своего впаденіе въ Неву рѣчки Тосны. Отъ пороговъ до устья Тосны материкъ образуетъ большой полумѣсяцъ, въ серединѣ котораго находится Пелла. Рѣка Нева, пройдя пороги и образовавъ губу, при которой я нахожусь, изволить продолжать свое теченіе противъ самыхъ моихъ оконъ, къ Петербургу. Такимъ образомъ фасадъ Пеллы вовсе не на сѣверъ, а какъ разъ въ сторону рѣки на западъ, надворный же фасадъ на востокъ. По ту сторону противъ Пеллы находится мысокъ, надъ которымъ виднѣются деревни, лѣса и дома, расположенные по обоимъ берегамъ Невы. Черезъ четыре года у меня будетъ прекрасный домъ на этой землѣ; основаніе его уже заложено, а пока я живу въ деревянномъ домѣ прежняго владѣльца, строеніи, которое скорѣй огромно чѣмъ красиво. Нева на этомъ мѣстѣ имѣетъ видъ большого озера; множество судовъ, короче, весь торговый грузъ и строительный матеріалъ Петербурга проходятъ мимо моихъ оконъ, и все въ эту минуту въ движеніи на водѣ и на берегу» ²⁾. Осенью того же года: «По выходѣ

¹⁾ 339.

²⁾ 346, 347.

изъ Эрмитажа я имѣла долгое совѣщаніе съ синьйоромъ Кваренги, которому сегодня въ четыре часа пополудни я поручила заказать, для помѣщенія въ паркѣ Пеллы, три колонны бѣлаго мрамора, единственный и замѣчательный остатокъ храма Юпитера Громовержца. Вотъ прихоть, которая овладѣла мною вдругъ въ послѣдніе три дня: у меня явилось какое-то лихорадочное желаніе имѣть эти три колонны, выполненныя въ настоящую величину и во всей ихъ красѣ. Что вы скажете объ этомъ? Если я разсержусь, то изъ этихъ трехъ можетъ выйти больше, но для опыта довольно и трехъ» ¹⁾.

Имя Пеллы государыня объясняетъ съ финскаго, говоря, что въ переводѣ это значитъ пыль. Она даже послала Гримму карту окрестностей Петербурга въ 1786 году, прибавляя: «Ищите Пеллу въ верховья рѣки; противъ Пеллы вы найдете Островки дачу, или, лучше сказать, имѣніе князя Потемкина, мѣстечко прелестное и вблизи Пеллы Петрушкино, имѣніе оберъ-шталмейстера Нарышкина. Когда же я приѣзжаю въ Пеллу, то въ обоихъ этихъ мѣстечкахъ происходитъ большая суматоха, такъ какъ они находятся противъ самыхъ пороговъ Невы. Когда же вы прочтете на картѣ «Софія», то знайте, что этотъ новый городъ находится противъ царскосельскаго парка, или лучше сказать противъ озера; а чтобъ вамъ все это было яснѣе, я дарю вамъ планъ Царскаго Села и даже два. Но всѣ мои загородныя дворцы только хижины въ сравненіи съ Пеллой, которая воздвигается какъ Фениксъ» ²⁾.

Каждое гѣто мы видимъ государыню предпринимающею поѣздки по окрестностямъ Петербурга. То возвращается она неожиданно въ городъ, то ѣдетъ въ Кронштадтъ, въ Петергофъ, въ Пеллу, въ Сюстербекъ, то осматриваетъ водяныя сообщенія, то обѣдаетъ на дачахъ у своихъ царедворцевъ; то предпринимаетъ экспромтомъ путешествіе въ Москву. Этой любовью къ независимости, этимъ стремленіемъ освободиться отъ всякой ру-

¹⁾ 364, 365.

²⁾ 365.

тины, отъ стѣснительнаго дворскаго этикета, и освѣжать себя впечатлѣніями общечеловѣческими Екатерина истинно возвышалась надъ обыкновеннымъ уровнемъ. Никогда не подчинялась она мысли, чтобъ отсутствіе внѣшней торжественности и церемоніальности могло отнять что-нибудь отъ ея царственнаго величія. При ея подвижности и частыхъ лѣтнихъ переѣздахъ, ей случалось останавливаться и даже проживать цѣлыя недѣли и мѣсяцы въ самыхъ скромныхъ помѣщеніяхъ. Тогда, какъ будто еще горячѣе пробуждались ея поэтическое чувство, ея любовь къ природѣ и та веселость, свѣжесть души и впечатлительность, которыхъ она не утратила до конца жизни.

«Я возвратилась въ городъ вчера,» пишетъ она 20 августа 1785 г. изъ Петербурга, «такъ же какъ и въ прошломъ году неожиданно. Я нахожу это прелестнымъ: никто меня не провожаетъ, никто не принимаетъ. Я проскальзываю какъ котъ, такъ что никто и не замѣтитъ меня, а когда я уже приѣду, то цѣлые сутки всѣ повторяютъ: она приѣхала неожиданно! — И вотъ пустые мечтатели и политиканы отыскиваютъ на это причины, до того тонкія и скрытыя, что ихъ можно продѣть сквозь игольное ушко. А ваша покорная слуга покамѣстъ бѣгаетъ по Эрмитажу, осматриваетъ картины, играетъ со своей обезьяной, любитъся на своихъ голубей, своихъ попугаевъ, своихъ американскихъ пташекъ голубаго, краснаго и желтаго цвѣта и предоставляетъ всякому свободно толковать, подобно городу Москвѣ»¹⁾).

Послѣ поѣздки въ Сюстербекъ, о которой она извѣщаетъ Гримма, онъ спрашиваетъ её, что это еще за новое для него мѣсто. Она отвѣчаетъ: «Сюстербекская фабрика — это заводъ оружія и другихъ желѣзныхъ издѣлій, какъ наприм. рѣшетокъ, кроватей и проч. Онъ находится на новой выборгской дорогѣ по ту сторону рѣки; чтобъ приблизить Выборгъ къ Петербургу мы строимъ на Невѣ второй мостъ на плашкоутахъ, выше литейнаго завода. Инспекторъ этого завода, всегда зависѣвшаго отъ артил-

¹⁾ 360.

лерійскаго вѣдомства, — генераль Мюллеръ, командующій артиллеріей. Младшій сынъ покойнаго Эйлера — его директоръ» ¹⁾.

Вотъ еще очеркъ своего образа жизни, который императрица даетъ Гримму: «Хотя я нынѣшнимъ лѣтомъ много странствовала по большимъ дорогамъ, но и осень эту я еще очень подвижна, потому что со дня возвращенія моего въ городъ я ежедневно встаю утромъ въ шесть часовъ, пью чашку кофе, а потомъ бѣгу въ Эрмитажъ и тамъ отъ 6-ти до 9-ти верчу и переворачиваю виноградь, который называю извлеченіями. Затѣмъ является фактотумъ (Безбородко) и всѣ фактотумы; въ одиннадцать я возвращаюсь въ свои комнаты одѣваться и играть съ толпою своихъ внучковъ и внучекъ; одѣвшись, иду обѣдать въ Эрмитажъ. Послѣ обѣда я опять ухожу въ свои покои а оттуда опять въ Эрмитажъ, гдѣ прежде всего кормлю орѣхами бѣленькую векшу, которую сама приручила; потомъ играю нѣсколько партій въ бильярдъ. Затѣмъ я иду разсматривать свои рѣзные камни или какіе-нибудь эстампы, или брожу среди картинъ; послѣ чаю дѣлаю визитъ прелестной своей обезьянкѣ, которую никогда не могу видѣть бѣзъ смѣху, до того она забавна. Въ четыре я возвращаюсь въ свои комнаты, до шести читаю и пишу, въ шесть выхожу для приемовъ, съ которыми теперь помирилась ²⁾; въ восемь я поднимаюсь на свои антресоли, куда собирается ко мнѣ болѣе избранное общество, въ одиннадцать ложусь спать. Теперь вы можете прослѣдить за мною шагъ за шагомъ всю зиму, если пожелаете» ³⁾.

Не въ этомъ ли строгомъ распредѣленіи дня, въ которомъ трудъ такъ умно и гармонически чередовался съ удовольствіемъ, съ семейными и общественными обязанностями надо искать тайну той ясности и послѣдовательности мысли, чуждой всякой односторонности, той бодрости духа и никогда не слабѣвшей дѣятельности, которыя отличали Екатерину?

24 мая 1785 года государыня съ большою свитой выѣхала

¹⁾ 365, 366.

²⁾ Послѣ уединенія, вызваннаго смертью Ланскаго.

³⁾ 367, 368.

изъ Петербурга на каналы и 1-го іюня писала Гриму изъ Твери: «Я отправилась осматривать водяныя сообщенія, доставляющія Петербургу съѣстные припасы и товары. Посолъ императорскій, посланники французскій и англійскій, пожелавшіе участвовать въ этой поѣздкѣ, находились въ моей свитѣ. Мы ѣхали по большой московской дорогѣ очень весело и въ наилучшемъ здоровьи, направляясь въ Боровичи, гдѣ предполагали пересѣсть на суда. Когда мы доѣхали до Вышняго Волочка, вдругъ пріѣзжаетъ къ намъ изъ Москвы графъ Брюсъ и начинаетъ уговаривать насъ ѣхать дальше и навѣстить его въ Москвѣ; никто его не слушаетъ, а онъ все толкуетъ свое. Какое дурачество! какъ въ Москву?— Да, въ Москву. — Да, гдѣ же взять лошадей? — Это ужъ мое дѣло. — Но мы хотимъ обѣдать; ужинать, говорятъ путешественники. — Вы все это найдете, — отвѣчаютъ имъ. Начинаютъ свѣкаться съ этой мыслью, начинаютъ увлекаться ею; всѣ находятъ, что это будетъ прелестно и поддаются соблазну; графъ Брюсъ кидается въ карету и летитъ какъ молнія. Мы слѣдуемъ за нимъ, и вотъ мы въ Твери, въ чудную погоду, среди мѣстности, представляющей самыя живописныя ландшафты. Посолъ и посланники французскій и англійскій ѣдутъ въ моей шестимѣстной каретѣ; они всѣ трое очень уживчивы, очень образованы, НВ. очень веселы; князь Потемкинъ, графъ Чернышовъ, оберъ-камергеръ, оберъ-штабмейстеръ, графъ Ангальтъ и нѣкоторыя другія лица, всего шеснацать человекъ, сопровождаютъ меня и наперерывъ стараются развеселить общество. Мы ѣдемъ сегодня послѣ обѣдни въ Москву; мы останемся тамъ два или три дня и вернемся, чтобъ опять сѣсть на суда въ Боровичахъ и плыть къ Петербургу. Что скажете вы объ этой шалости и что скажутъ газеты и застегнутые, которые продолжаютъ утверждать, что я при смерти?»

14 іюня: «Вотъ я вернулась изъ Москвы и уже двое сутокъ какъ плыву на судахъ по рѣкѣ Мстѣ, которая должна завтра или послѣзавтра привести насъ въ Новгородъ, по озеру Ильмену, откуда мы войдемъ въ рѣку Волховъ, а эта принесетъ насъ въ

Ладожскій каналъ; потомъ войдемъ въ Неву и высадимся въ Петербургъ. О настроеніи общества, будущаго со мною, вы можете судить по прилагаемому здѣсь прекрасному литературному произведенію, которое написано подъ вліяніемъ этого настроенія. Надо отдать справедливость г. Сегюру: трудно быть любезнѣе и имѣть умъ пріятнѣе; ему, кажется, пріятно быть съ нами и онъ веселъ, какъ зябликъ. Онъ сочинялъ намъ стихи и пѣсни, а мы отвѣчали ему плохой прозой. Князь Потемкинъ морить насъ со смѣху во всю дорогу, да и всѣ другіе, кажется, лѣзутъ изъ кожи помогать ему. Погода превосходная и мы любуемся прелестными видами».

20 іюня, изъ Петергофа. «Третьяго дня доплыли мы по Невѣ до Петербурга, а вчера я сухимъ путемъ прибыла сюда. Посолъ и посланники англійскій и французскій были доставлены каждый до своего дома въ городъ; ей ей, они бы согласились ѣхать со мною на край свѣта, еслибъ я того пожелада» ¹⁾ Здѣсь государыня высказываетъ похвалу Сегюру, нами уже приведенную, и продолжаетъ: «Замѣтьте пожалуйста, что англійскаго посла мы увезли больного; онъ передъ тѣмъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не ѣлъ и не пилъ; боялись даже, чтобъ онъ не впалъ въ мрачную меланхолію, а назадъ мы его привезли выздоровѣвшимъ; онъ ѣстъ, пьетъ, хохочетъ и смѣшитъ другихъ; у него возвратился хорошій цвѣтъ лица и онъ пополнѣлъ. Сообщите мнѣ пожалуйста, какіе до васъ дойдутъ слухи о самомъ веселомъ путешествіи, какое, какъ я думаю, когда-либо предпринималось. По вашему приказанію вотъ вамъ второй курьеръ за три мѣсяца.

«Надо еще вамъ сказать, что въ теченіе всего моего путешествія, около тысячи двухсотъ верстъ сухимъ путемъ и шестисотъ верстъ водою, я нашла удивительную переиѣну во всемъ краѣ, который отчасти видѣла прежде. Тамъ, гдѣ были убогія деревушки, нашла я прекрасные города, отлично отстроенные

¹⁾ 341, 342,

изъ кирпича и камня; гдѣ не было и деревушекъ, тамъ большія села, и вообще благосостояніе и торговое движеніе превзошли мои ожиданія. Мнѣ говорятъ, что это послѣдствіе моихъ распоряженій, которыя уже десять лѣтъ исполняются буквально, а я, глядя на все это, отвѣчала: Очень рада. Это не особенно остроумно, но зато сущая правда» ¹⁾).

Такъ какъ прусскій посланникъ не участвовалъ въ путешествіи, то о немъ высказанъ слѣдующій отзывъ: «Я думаю, что это путешествіе приводитъ въ бѣшенство застегнутыхъ (*les boutons*), доказывая какъ дважды два четыре ихъ лживость и черноту ихъ желчныхъ изліяній» ²⁾).

Особенно подвижна была государыня въ это лѣто 1785 г., и 4-го іюля писала изъ Царскаго Села: «Наконецъ я вернулась сюда вчера вечеромъ, прорыскавъ шесть недѣль безъ одного дня; изъ Петергофа я ѣздила въ городъ, оттуда отправилась ночевать въ Осиновой рошцѣ, оттуда поскакала въ Сюстербекъ и опять вернулась въ городъ; вчера я обѣдала и ужинала съ моими карманными министрами, посломъ императорскимъ, посланниками французскимъ и англійскимъ, у братьевъ Нарышкиныхъ, откуда пріѣхала сюда Въ четвергъ я отправлюсь въ Пеллу съ моими тремя карманными министрами, а возвращусь въ понедѣльникъ ко дню Маріи Магдалины» ³⁾).

Въ Царскомъ Селѣ, 21 іюля. «Вчера въ эрмитажѣ распросалась я со всей своей путевой компаніей, а при переѣздѣ водою изъ Пеллы въ Петербургъ, мы произвели посла въ короли, а графиню Браницкую въ королевы, потому что они сидѣли рядомъ на одномъ креслѣ. Они представляли короля Дагобера и королеву Берту, а потомъ изъ этого вышли безконечныя дурачества и хохотня, которыя продолжались до самой высадки на берегъ. Что вы объ этомъ скажете?..... Г. Кельхенъ увѣрялъ

¹⁾ 343.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ 346.

насъ въ пути, что нельзя умереть отъ смѣха; я вѣрю этому, потому что никто не умеръ, хотя всѣ хохотали съ утра до вечера ¹⁾).

Къ этому живому и полному веселости описанію путешествія приложены были разныя шуточныя дополненія: описаніе путешествія въ формѣ пародіи, во вкусѣ извѣстій распространявшихся объ императрицѣ и Россіи иностранными газетчиками, также стихи Сегюра, который, какъ извѣстно, имѣлъ даръ сочинять экспромтомъ, и между ними «эпитафія Земирѣ». Пародія же изображаетъ пріѣздъ въ Москву и происшедшій тамъ будто бы заговоръ и бунтъ, въ которомъ участвуютъ не только высшія сословія, но и самъ митрополитъ московскій. Окруженная опасностями, государыня спасается изъ одного дворца въ другой, и наконецъ въ загородные дворцы: Коломенское, Царицыно и вездѣ искусно и ловко ускользаетъ въ минуту опасности. Обратное путешествіе въ Петербургъ, гдѣ также готовится возстаніе, исполнено затрудненій всякаго рода: общество терпигъ, нужду въ припасахъ, которыхъ никто не дастъ, при чемъ приведено имя тверского помѣщика Полторацкаго во французскомъ переводѣ: «Un et demi». Наконецъ путешественниковъ ожидаютъ опасности на водяномъ пути, обилующемъ разбойниками и пр. Министрамъ и посланникамъ отведены при этомъ каждому своя роль, и шутка продолжается еще на петергофскомъ праздникѣ 29 іюня. Такія шутки и аллегоріи видимо очень нравились императрицѣ и ихъ въ перепискѣ встрѣчается нѣсколько по разнымъ поводамъ. Но всего заботливѣе старается Екатерина поразить ими завистниковъ Россіи и ея славы. Нѣтъ сомнѣнія, что для главы государства такое ясное сознаніе неустанной, направленной противъ Россіи вражды и происковъ иностранцевъ было чрезвычайно важно и вызывало ту твердую политику, которая была залогомъ достоинства и безопасности Россіи.

¹⁾ 347.

Ланскіе, Лагарпъ, графъ Бобринскій, Зельмира.

Въ 1781 году въ первый разъ упоминается имя Ланского въ слѣдующемъ обращеніи къ Гримму: «Царское Село, 31 августа 1781 г. Такъ какъ камергеръ Ланской ¹⁾ посылаетъ своего двоюроднаго брата, подполковника Ланского, въ Парижъ съ курьерскимъ пашпортомъ, то я кончаю это письмо, поручая ему передать вамъ его въ собственныя руки. Рекомендую вамъ этого подполковника и прошу васъ быть ему полезнымъ, давать ему совѣты и изъ моихъ денегъ, которыми вы располагаете, выдать ему до трехъ тысячъ червонцевъ. Вы этимъ одолжите почтенное семейство, которое теперь въ тяжкомъ горѣ, причиненномъ вѣтренностью юноши, испорченнаго и увезеннаго негодяемъ; это братъ камергера Ланского, уѣхавшій изъ Дрездена въ Парижъ, говорятъ, безъ позволенія родителей. Съ нимъ отправился Фонтанъ, приѣхавшій сюда съ герцогинею Кингстонъ. За молодымъ человѣкомъ посланъ подполковникъ Ланской, съ тѣмъ чтобы привезти его обратно, или помѣстить его въ науку къ какому-нибудь профессору въ Лозаннѣ или Болоньѣ, и вотъ причина этого путешествія. Прошу васъ, помогите ему подъ рукою въ его поискахъ, и конечно такъ, чтобъ дѣло это производило какъ можно менѣе шуму; нашему повѣсѣ всего только 17 или 18 лѣтъ. Еслибъ вы рекомендовали намъ въ Лозаннѣ или Болоньѣ какой-нибудь хорошій домъ, который согласился бы принять молодого человѣка на свое попеченіе, то премного бы насъ одолжили, и когда я сказала, что направлю курьера къ г. Гримму, то лицо брата просіяло удовольствіемъ, что доказываетъ въ какомъ почетѣ г. Гриммъ многострадальный у всѣхъ моихъ приближенныхъ» ²⁾.

Весьма характеренъ по поводу этой исторіи отзывъ Екате-

¹⁾ Камергеръ Ланской, Александръ Дмитріевичъ, является въ слѣдующихъ письмахъ подъ именемъ генерала Ланского. Двоюродный братъ его, Василій Сергѣевичъ, упоминается ниже подъ именемъ Вазилъ. Юноша, о которомъ идетъ рѣчь, единственный братъ Александра Дмитріевича—Яковъ.

²⁾ 218, 219.

рины о тѣхъ иностранныхъ проходимцахъ, которые тогда уже наводняли Россію и, безъ всякаго разбору, съ улицы принимались въ лучшіе дома въ качествѣ воспитателей юношества: «Еще разъ прошу у васъ прощенія, что надѣлала вамъ хлопотъ письмомъ, котораго податель былъ подполковникъ Ланской. Генералъ Ланской самъ выразить вамъ благодарность, которую живо почувствуетъ; онъ очень раскаивается, что отправилъ своего брата въ Дрезденъ; но вѣдь не онъ придумалъ это путешествіе, не онъ откопалъ Фонтэна, но тѣ самые, кто теперь умываетъ себѣ руки въ этихъ событіяхъ, и которые однако были ихъ и первой и второстепенной причиною. Но что же дѣлать? Какъ ни кричи противъ того довѣрія, какое у насъ имѣютъ къ искателямъ приключеній всякаго рода, у насъ это до того вошло въ привычку, что её не выживешь, и развѣ только будущее поколѣніе отъ нея освободится. Вся эта исторія и поведеніе проходимца съ молодымъ человѣкомъ, къ которому онъ былъ приставленъ, должны возбудить ужасъ по отношенію къ подобнымъ людямъ. Опасности которымъ подвергался юноша, легко могутъ имѣть вліяніе на всю его жизнь»¹⁾. Вслѣдъ за этимъ государыня даетъ совѣты Гримму, какъ освободить молодого человѣка отъ преслѣдованій его Дульциней (какой-то Ленхенъ изъ Дрездена) и возвратитъ его въ повиновеніе родителямъ; предлагая для этого поѣздку въ Италію подъ руководствомъ двоюроднаго брата, который кроткимъ вліяніемъ долженъ былъ стараться обратить юношу на путь истинный. Гримму почему-то показалось что бракъ между этою особой и молодымъ Яковомъ Ланскимъ можетъ состояться, но императрица поспѣшила разувѣрить его въ этомъ и послѣ не разъ возвращалась къ тому же предмету съ живымъ участіемъ въ судьбѣ запутавшагося юноши. Но всего замѣчательнѣе этотъ эпизодъ тѣмъ, что привелъ въ Россію Лагарпа, будущаго воспитателя императора Александра I-го, выбраннаго по указанію Гримма сопровождать молодого Ланского въ этомъ путешествіи. Вотъ

¹⁾ 223.

какъ впервые является въ этой перепискѣ челоуѣкъ, который долженъ былъ впоследствии имѣть не малое вліяніе на судьбы Россіи: «Хорошая нравственность, благоразуміе и здравый смыслъ г. Лагарпа такъ плѣнили присутствующихъ и отсутствующихъ, онъ такъ хорошо направилъ все дѣло, что оно идетъ совершенно согласно съ нашими желаніями, и онъ приобрѣлъ репутацію и благодарность заинтересованныхъ. Итакъ мы не только одобряемъ, что другъ Лагарпъ направился въ Италію съ двоюродными братьями, но мы желаемъ, чтобъ послѣ поѣздки въ Италію, вмѣсто того чтобъ ѣхать въ Штутгардъ, котораго подробныя описанія насъ совсѣмъ разочаровали, они всѣ трое проѣхали бы черезъ Триестъ, оттуда въ Вѣну, потомъ въ Подолію и Кіевъ и наконецъ потихоньку выѣхали бы на петербургскую дорогу. Будьте такъ добры и выдайте имъ изъ моихъ денегъ до Вѣны тысячу дукатовъ болѣе, чѣмъ я прежде назначила. Тамъ же, если имъ не хватитъ средствъ, князь Голицынъ снабдитъ ихъ»¹⁾. И, въ этомъ же письмѣ прибавлено послѣ: «охотно устроимъ мы Лагарпу приличное положеніе»²⁾. Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ два мѣсяца спустя, сообщается развязка этой исторіи: «Вы знаете или еще не знаете, что вашъ блудный и обрѣтенный сынъ, возвратится прямо сюда послѣ поѣздки своей по Италіи, и стало быть надо надѣяться, что дѣятельная жизнь, которую ему устроили, убережетъ его отъ женщины-змѣи, находящейся подъ вашимъ храненіемъ; вы поймете также, что весьма дурно поступили бы, еслибъ прислали ее къ намъ въ тюкъ, потому что здѣсь семейство потребовало бы ея отсылки, опасаясь болѣе всего на свѣтѣ брака двухъ влюбленныхъ. Этотъ г. Лагарпъ, не похожій на другого, — хорошая голова»³⁾. «Мы держимъ г. Лагарпа про запасъ; а покаместъ онъ гуляетъ»⁴⁾, говорится въ маѣ 1784 г.

Признательность за спасеніе брата сблизила Александра

1) 229.

2) 230.

3) 231, 232.

4) 307.

Дмитріевича Ланского съ Гриммомъ и подала поводъ къ дружескимъ отношеніямъ и перепискѣ между ними. Извѣстно какія заботы положила Екатерина на образованіе ума и расширеніе познаній своего любимца, и вотъ какъ откровенно она сама говоритъ объ этомъ Гримму: «Чтобы вы знали, что́ это за молодой человекъ, надо вамъ передать слова князя Орлова, сказанныя о немъ одному изъ друзей: «О, вы увидите какого онъ изъ него сдѣлаетъ человекъ! онъ все такъ и поглощаетъ». Началъ онъ съ того, что въ одну зиму поглощалъ поэтовъ и поэмы; въ другую — нѣкоторыхъ историковъ; романы наводятъ на насъ скуку, и мы черпаемъ вкусъ у Альгаротти ¹⁾ и товарищей. Не пройдя серьезной науки, мы приобретаемъ безчисленные познанія и намъ нравится только общество лучшихъ и образованнѣйшихъ людей; кромѣ того мы строимъ и сажаемъ, мы благотворительны, веселы, любезны и исполнены кротости» ²⁾. Говоря о красотѣ Ланского, государыня употребила выраженіе: онъ весь огонь, и душа такъ и искрится изъ глазъ его ³⁾. Изъ отзывовъ о немъ разсѣянныхъ въ перепискѣ видно, что въ немъ былъ сильно пробужденъ вкусъ къ художествамъ: онъ разыскивалъ каменъ, картины и по его желанію приобрѣтенъ былъ кабинетъ картинъ Бодуэна: «Каждое утро», говорится въ одномъ изъ писемъ, «генералъ Ланской шляется по всевозможнымъ мастерскимъ и у него есть свои многострадальные, которыхъ онъ заставляетъ работать какъ каторжниковъ» ⁴⁾. Онъ умѣлъ искусно дѣлать силуэты и доставлялъ нѣкоторые Гримму, заказывалъ для него хорошія копія съ портретовъ императрицы и ея внучатъ и разными знаками вниманія старался доказывать ему свою признательность. Государыня разсказывала Гримму, что Ланской съ дѣтской радостью получаетъ его письма и потомъ хвастаетъ ими, прибавляя, что вотъ два друга, взаимно

1) Извѣстный итальянскій писатель и одинъ изъ величайшихъ знатоковъ своего времени въ художествахъ и архитектурѣ.

²⁾ 244, 245.

³⁾ 299.

⁴⁾ 274.

нѣжно привязанные и не знающіе однако одинъ другого въ лицо. «Я передала генералу Ланскому», говорится въ одномъ письмѣ, «что вы желали бы, чтобъ васъ судьба почаще сталкивала съ кѣмъ-нибудь изъ Ланскихъ; онъ отвѣчалъ мнѣ, что очень радъ, если вы находите ихъ людьми умѣющими исполнять долгъ свой. Я же повторяю ежедневно, что это хорошее племя, но онъ перлъ изъ всѣхъ, потому что ни одинъ, даже Базиль, не стѣнеть своего двоюроднаго брата» ¹⁾).

Два раза жизнь Ланского была въ опасности: одинъ разъ отъ болѣзни, другой разъ отъ паденія съ лошади. Въ ноябрѣ 1782 г. говорится: «Генералъ Ланской порядочно напугалъ насъ: у него сдѣлалась воспалительная лихорадка, но слава Богу, онъ внѣ опасности и теперь ужъ храбро разъѣзжаетъ въ саняхъ» ²⁾). Въ августѣ же 1783 сообщено слѣдующее извѣстіе: «Когда генералъ Ланской узналъ, что отъ васъ ускользнула коллекція камеевъ и вы не купили ея, то онъ чуть не упалъ въ обморокъ и не задохнулся; онъ узналъ объ этомъ черезъ нѣсколько дней послѣ ужаснаго паденія вмѣстѣ съ лошадыю, которое уложило его на нѣсколько дней въ постель; однако теперь онъ совсѣмъ поправился, хотя сильно помялъ себѣ грудь и харкалъ кровью, но, благодаря своему прекрасному сложенію, онъ повидимому не чувствуетъ отъ того послѣдствій» ³⁾).

Въ 1784 году письма къ Гримму являются, ради шутки, часто съ подписью Ланского, какъ будто онъ бралъ государыню себѣ въ секретари и заставлялъ писать подъ диктовку. Въ этихъ письмахъ, полныхъ веселости, мы видимъ безпрестанные переходы отъ порученій и интересовъ Ланского къ ея собственнымъ дѣламъ и порученіямъ.

Письмо изъ Царскаго Села отъ 7-го іюня 1784, поразительное своимъ переходомъ отъ самой безпечной веселости къ безгра-

¹⁾ 286.

²⁾ 258.

³⁾ 282.

ничной горести, такъ замѣчательно, что нельзя не привести его здѣсь цѣликомъ:

«Я встала въ половинѣ седьмого и написала и занесла въ одну записку, которую веду подъ именемъ матеріаловъ, слѣдующее: — монастыри и общины — плохіе наследники: они управляютъ либо дурно, либо ужъ черезъ-чуръ хорошо, такъ что становятся несправедливы. Это прекрасное разсужденіе пробудило во мнѣ внезапное желаніе писать вамъ и сообщить, что я вчера слышала во второй разъ пѣніе удивительной Тоди ¹⁾ и что эта пѣвица, по-моему единственная въ своемъ родѣ, необыкновенно взбудоражила мнѣ голову: она мнѣ доказываетъ, что совершенство имѣетъ свои неоспоримыя права и что права совершенства таковы, что они способны увлечь души и ученыхъ и невѣждъ. Сказавъ вамъ это, попрошу васъ объяснить мнѣ, какъ и почему первая и вторая мысль могли идти рука объ руку и послѣдовать одна за другою въ моей головѣ, такъ какъ я не вижу между ними никакого сродства, развѣ только желаніе сообщить ихъ вамъ могло ихъ связать.

2 іюля. «Когда я начинала это письмо я была въ счастьи и радости, и дни мои летѣли такъ быстро, что я не знала куда они дѣваются. Теперь не то: я погружена въ глубочайшую скорбь и счастье мое отлетѣло: я думала, что сама не переживу невознаградимую потерю лучшаго друга, постигшую меня недѣлю тому назадъ. Я надѣялась, что онъ будетъ опорой моей старости: онъ усердно трудился надъ своимъ образованіемъ, оказывалъ услуги, принялъ всѣ мои вкусы; это былъ мой воспитанникъ, — благодарный, кроткій и добросовѣстный, раздѣлявшій мои огорченія, когда они случались, и радовавшійся моимъ радостямъ; однимъ словомъ, рыдая, объявляю вамъ свое несчастье: генерала Ланского нѣтъ болѣе на свѣтѣ! Злокачественная горячка, соединенная съ жабой, въ пять сутокъ унесла его въ могилу, и комната

¹⁾ Пѣвица, пріѣхавшая въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Гримма.

моя, гдѣ мнѣ прежде было такъ пріятно, сдѣлалась для меня пустынной пещерой, въ которой я едва двигаюсь какъ тѣнь; и я схватила горловую боль съ жесточайшей лихорадкой наканунѣ его смерти; однако со вчерашняго дня я встала съ постели; но я такъ слаба и болѣзненно поражена, что въ настоящую минуту не могу видѣть человѣческаго лица безъ того, чтобъ рыданія не заглушали словъ monkъ; я не могу ни спать, ни ѣсть; чтение нагоняетъ на меня тоску, а писать я не въ силахъ; не знаю, что будетъ со мною, знаю только, что я никогда не была такъ несчастлива какъ теперь, когда лучший и дорогой другъ мой меня покинулъ. Я открыла ящикъ и нашла этотъ начатый листокъ, написала эти строки, и вотъ силы покидаютъ меня» ¹⁾).

Нужны ли какіе-нибудь комментаріи къ выраженію такой глубоко-человѣчной печали и той чувствительности женскаго сердца, въ которой многіе отказывали Екатеринѣ, считая это свойство несоединимымъ съ ея твердымъ мужественнымъ умомъ и геніальностью.

Такъ какъ письма Гримма отъ 1781 до 1784, за цѣлые три года, не сохранились, то мы и не можемъ привести его отвѣта на это скорбное письмо. Послѣ него переписка прерывается болѣе чѣмъ на два съ половиной мѣсяца, и вотъ какъ государыня сама изображаетъ свое состояніе за первыя недѣли послѣ смерти Ланского:

«Петербургъ, 9 сентября 1784 г.

Мнѣ слѣдуетъ отвѣчать на три письма ваши, изъ которыхъ послѣднее отъ 11 (22) августа требуетъ скорого отвѣта.

Признаюсь, все это время я не въ состояніи была вамъ писать, потому что знала, что это заставитъ страдать насъ обоихъ. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ я написала вамъ іюльское письмо, пришли ко мнѣ графъ Федоръ Орловъ и князь Потемкинъ. До тѣхъ поръ я не могла выносить человѣческаго лица; но эти сумѣли взяться за дѣло: они принялись жить со мною, и я почув-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 316, 317.

ствовала при нихъ облегченіе, но надо было итти далѣе, а возбужденная чувствительность сдѣлала меня нечувствительной ко всему, кромѣ одной скорби. Эта скорбь росла и питалась на каждомъ шагу, съ каждымъ словомъ. Но впрочемъ не подумайте, что при такомъ ужасномъ состояніи я пренебрегала малѣйшимъ дѣломъ, къ которому требовалось мое вниманіе: въ самыя тяжкія минуты ко мнѣ приходили за всѣми приказаніями и я давала ихъ аккуратно и сознательно: это особенно поражало генерала Салтыкова. Богѣ двухъ мѣсяцевъ прошло безъ малѣйшаго облегченія; наконецъ наступили пережки въ нѣсколько часовъ спокойствія, потомъ и цѣлые дни. Осень надвигалась, становилось сыро, понадобилось топить царскосельскіе покои; въ моихъ комнатахъ начало дымить, и такъ сильно, что 5 сентября вечеромъ, не зная куда дѣваться, я взяла карету и невзначай пріѣхала сюда въ городъ, когда никто не ждалъ меня, и прямо въ эрмитажъ. Вчера я въ первый разъ была у обѣдни, и стало-быть въ первый разъ я опять свидѣлась со всѣми, и всѣ меня видѣли; но право, это было такое великое усиліе надъ собою, что возвратясь въ свою комнату, я почувствовала совершенный упадокъ силъ. Другая на моемъ мѣстѣ упала бы въ обморокъ, что со мной никогда въ жизни не случалось». ¹⁾

«14 сентября 1784.

Мнѣ надо писать вамъ, надо бы перечестъ ваши послѣдніе письма, но право я не могу; вы не услышите отъ меня ничего веселаго, потому что я стала существо весьма скучное, говорю только полусловами. Однако мнѣ теперь нѣсколько лучше нежели было, потому что я выхожу и могу выносить человѣческія лица. Посылаю вамъ двѣ тетради Русской исторіи ²⁾, переведенныя на нѣмецкій языкъ по вашему желанію. Голкондская царица пріѣхала, и все хорошо и прекрасно. Но. все печалитъ меня. ³⁾ А я никогда не любила внушать состраданіе. Видно, отъ подобнаго

¹⁾ 317, 318.

²⁾ Екатерина сама писала Русскую исторію для своихъ внучать.

³⁾ Оба ряда точекъ и въ подлинномъ письмѣ.

состоянія не умирають, потому что я жива и была въ постели только шесть дней. Изъ всѣхъ, окружавшихъ больного во время этой злокачественной пятнистой горячки, которая началась съ горловой боли въ среду 19 июня въ три часа пополудни, только я одна заразилась горловою болью и чуть не умерла отъ нея¹⁾.

За этимъ слѣдуетъ подробный рассказъ о всемъ ходѣ болѣзни, о консилиумѣ и усиліяхъ докторовъ спасти больного, наконецъ о его послѣднихъ минутахъ. При этомъ случаѣ былъ призванъ новоприбывшій докторъ Вейкардъ, принятый на русскую службу по рекомендаціи Циммермана. Изъ письма императрицы видно, что, чуждый всякой дворской политики, онъ прямо объявилъ императрицѣ, что у Ланского злокачественная горячка и что онъ долженъ умереть. Когда это предсказаніе сбылось, Вейкардъ успѣвши удалиться отъ двора²⁾.

Въ томъ же письмѣ сказано: «Вы знаете, что Лагарпъ опредѣленъ къ Александру. Это швейцарецъ Лагарпъ, который путешествовалъ съ двумя Ланскими и Базилемъ. Онъ находитъ своего ученика Александра даровитымъ».

21 сентября: «Скажу вамъ: что касается до дѣлъ общественныхъ, они пойдутъ своимъ чередомъ попрежнему; но что до меня лично, — я была очень счастлива и теперь лишилась этого счастья; я стараюсь утопить себя въ чтеніи и нисѣмѣ, вотъ и все; во мнѣ осталась только крайняя чувствительность къ вознагражденной утратѣ, которую я испытала»³⁾.

26 сентября: «Получила я вашу № 76, въ которомъ вы спрашиваете о моемъ здоровьи; на это отвѣчу вамъ, что я не больна и не была больна послѣ письма моего отъ 2-го іюля, но чрезвычайно огорчена; да, мнѣ невозможно общать вамъ писать каждую недѣлю, потому что я буду забывать объ этомъ; да я и никогда не умѣла подчинить себя подобному этикету, и потомъ, за-

¹⁾ Сб. Н. О. XXIII, 319.

²⁾ Ср. изданная докторомъ Вейкардомъ записки: *Denkwürdigkeiten aus der Lebensgeschichte etc. Stuttgart und Leipzig. 1802.*

³⁾ 320, 321.

чѣмъ такъ акуратно посвящать во все почтовыхъ чиновниковъ? Насчетъ рѣзныхъ камней, говорите тѣмъ, кто будетъ вамъ ихъ предлагать, что я ихъ никогда не покупала для себя, потому что не знаю въ нихъ толку и вовсе не стану покупать ихъ ¹⁾. Если хотите имѣть вѣрное понятіе о моемъ положеніи, то скажу, что вчера исполнилось три мѣсяца, какъ я неутѣшно оплакиваю невознаградимую потерю, постигшую меня, и единственное замѣтное улучшение то, что я опять начинаю привыкать къ человѣческимъ лицамъ, однакоже сердце все еще исходитъ кровью, какъ и въ первую минуту. Я исполняю долгъ свой и стараюсь дѣйствовать хорошо, но моя скорбь чрезмѣрна и никогда еще я такой не испытывала; и вотъ уже три мѣсяца какъ я въ такомъ положеніи и адски страдаю» ²⁾.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти Ланского, въ іюнѣ 1785 года, императрица вспоминаетъ и еще разъ изображаетъ свое нравственное состояніе послѣ этой потери. Извѣстно, что послѣ того, какъ первая ѣдкая скорбь ея нѣсколько ослабѣла, она болѣе чѣмъ когда-нибудь углубилась въ умственные и особенно филологическія занятія, о которыхъ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ. Вѣроятно, Гриммъ упрекалъ ее, что она слишкомъ много сидитъ взаперти, и на это она отвѣчаетъ: «Но послушайте, чего вы такъ кричите противъ моего маленькаго кабинета въ десять сажень и моего лексикона на двухстахъ языкахъ? Знаете ли вы, что я никогда не могу видѣть этого маленькаго кабинета, чтобъ не пожелать въ немъ остаться, и что эта зала изъ всѣхъ комнатъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится еще и теперь? Не проходитъ дня, чтобъ я, не взирая на вѣтеръ и ненастье, не проходила тамъ нѣсколько часовъ, когда я въ городѣ.... Вы находите, что я задыхаюсь подъ своимъ словаремъ, но это не совсѣмъ такъ въ дѣйствительности. Прошедшаго года въ этотъ день я

¹⁾ Изъ этого видно, что вкусъ къ рѣзнымъ камнямъ первоначально явился у Ланского, Мамоновымъ же былъ заимствованъ вѣроятно въ угожденіе императрицѣ, такъ какъ воскрешалъ для нея драгоценныя воспоминанія.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 322.

была больна при смерти и почти безнадежна. После того, что я две недѣли была между жизнью и смертью, являются къ намъ друзья на помощь: князь Потемкинъ изъ Крыма и графъ Федоръ Орловъ изъ Москвы. Это помогло, но сначала я не могла переносить этой помощи: ни одинъ человекъ не былъ въ состояніи сказать слово или выразить мысль, которая была бы намъ по душѣ. Я была печальна, они желали видѣть меня опять веселой по привычкѣ, и все выходило не то. Надо было подвигаться тихо, шагъ за шагомъ, и на каждомъ шагу выдерживать битвы изъ которыхъ одна проигрывалась, другая была выиграна. Время однако не стояло: оно текло, хотя казалось безконечно долгимъ и все было вяло, скучно. Но князь (Потемкинъ) былъ очень хитеръ: онъ ходилъ вокругъ, какъ котъ. Если одно обстоятельство было не подходящее, онъ повертывался въ сторону и являлся съ новымъ предложеніемъ. Наконецъ я стала немножко повеселѣе. Это понравилось господину утѣшителю: тогда онъ принялся еще болѣе развешивать насъ и такъ пробудилъ меня отъ сна смерти» ¹⁾.

Вѣдомъ этихъ усилій Потемкина разсѣять грусть государыни и было путешествіе по каналамъ и поѣздка экспромтомъ въ Москву, такъ живо ею описанныя.

Заботы Екатерины II о воспитаніи графа Алексѣя Бобринскаго извѣстны. Любопытно однако прослѣдить въ перепискѣ ея съ Гриммомъ, какъ она характеризовала юношу, за судьбой котораго внимательно слѣдила, и какія принимала мѣры, чтобъ выводить его изъ затрудненій и спасти его отъ послѣдствій юношескаго легкомыслія. Раннее дѣтство свое Бобринскій провелъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ поступилъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, котораго главнымъ начальникомъ былъ Бецкій. Окончивъ свое воспитаніе 20-ти лѣтъ, онъ отправился въ путешествіе, сначала по Россіи, потомъ за границу въ сопровожденіи полковника Бушуева, академика Озерецковскаго и трехъ

¹⁾ *См. И. О. XXIII, 844.*

товарищей по корпусу: Болотникова, Свѣчина и Борисова. Но какъ скоро Бобринскій попалъ въ Парижъ, онъ уже не захотѣлъ выѣхать оттуда и спутники его были отозваны обратно въ Россію. Освободившись отъ всякой опеки, онъ поселился въ Парижѣ и своею расточительностью навлекъ на себя нѣсколько неприятныхъ исторій. Всѣ приписывали его образъ жизни дурному влиянію бывшаго при немъ съ ранней юности полковника де-Рибаса ¹⁾, приближеннаго къ нему Бецкимъ.

Въ апрѣлѣ 1786 г. государыня спрашиваетъ Гримма: «Что такое это дѣло Бобринскаго? Онъ остался и такъ-сказать основался въ Парижѣ. Этотъ молодой человекъ необыкновенно безпечень, но я не считаю его ни злымъ, ни безчестнымъ. Онъ молодъ и можетъ быть вовлечень въ дурныя общества. Онъ оттолкнулъ отъ себя тѣхъ, кто находился при немъ ²⁾: однимъ словомъ, ему захотѣлось пожить на волѣ и эту волю ему дали. Впрочемъ онъ весьма въ состояніи платить: у него тридцать тысячъ годоваго дохода и ему посылаютъ деньги по востребованію. Еслибъ вы могли поразвѣдать о положеніи его дѣлъ въ Парижѣ, вы очень одолжили бы меня. Получаетъ ли онъ деньги, или не получаетъ? ³⁾ Есть ли у него долги? Постарайтесь, если можете, предупредить исторію подобныя той, какую сообщилъ вамъ Жюинье. Не худо было бы, еслибъ кто-нибудь наблюдалъ за нимъ, но если онъ это замѣтитъ, то я опасаюсь, что недовѣрчивость заставить его надѣлать новыхъ промаховъ. Онъ немного своеобразная голова, по крайней мѣрѣ такъ говорятъ. Но онъ не лишенъ ума, знаній и даже дарованій» ⁴⁾.

21 апрѣля 1786 г., «Я пользуюсь конвертомъ Бахуса Глуто-

¹⁾ Замѣчательно письмо, въ которомъ самъ де-Рибасъ оправдывается передъ молодымъ Бобринскимъ отъ клеветъ, будто бы возведенныхъ на него врагами и вслѣдствіе которыхъ онъ не былъ избранъ сопровождать его въ новое путешествіе. (См. Русск. Арх. 1876, ч. III, стр. 24).

²⁾ Полковника Алексѣя Михайловича Бушуева.

³⁾ Этотъ вопросъ явно доказываетъ, что до императрицы доходили слухи о расчетахъ его съ де-Рибасомъ и недобросовѣстности Бецкаго.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, 332, 333.

новича ¹⁾), чтобъ сказать вамъ, что третьяго дня уѣхалъ курьеръ, везущій вамъ мою громадную депешу, а я съ тѣхъ поръ поразмыслила и узнала кое-какія маленькія обстоятельство, которыя были мнѣ неизвѣстны насчетъ молодого человѣка, протеже г-на Жюинье. Изъ письма вами присланнаго видно, какъ этотъ послѣдній показалъ ему участіе. Никогда бы вы не отгадали, что это интрига Ирода. Однакоже доказательства у меня въ рукахъ. Итакъ прошу васъ написать г-ну Б. (графу Алексію Бобринскому), что вы по моему приказанію сообщаете ему: что банкиръ Сутерландъ откроетъ ему ежегодный кредитъ въ тридцать тысячъ и что онъ Б. вполне воленъ оставаться тамъ, гдѣ ему всего лучше понравится, воленъ также и возвратиться. Надо сказать, что вышеупомянутая проклятая шайка застегнутаго породела въ головѣ Б. призракъ воображаемаго врага, хотя этотъ мнимый врагъ никогда ничѣмъ врагомъ не былъ ²⁾). Вы еще лучше сдѣлаете, если зазовете его къ себѣ и сами поговорите съ нимъ. Посовѣтуйте ему обращаться къ вамъ. Вы увидите, что онъ не глупъ, но очень трудно пріобрѣсти его довѣріе. Прошу извиненія, что утруждаю васъ и предоставляю вамъ дѣйствовать по усмотрѣнію, только бы онъ зналъ, что будетъ получать свой чистый доходъ ежегодно ³⁾).

Царское Село, 22 іюля 1786: «Все, что вы мнѣ говорите объ извѣстномъ молодомъ человѣкѣ, не удивляетъ меня, потому что онъ принадлежитъ къ роду людей весьма своеобразныхъ, отъ которыхъ многое наследовалъ, но онъ никакъ не долженъ умирать съ голоду изъ-за прихоти постороннихъ людей, не имѣющихъ никакихъ правъ на него ⁴⁾). Онъ совершенно воленъ остать-

¹⁾ Не легко догадаться, кого именно императрица и Гриммъ разумѣютъ подъ этимъ именемъ: судя однакожъ по свойствамъ, которыя Екатерина въ одномъ письмѣ приписываетъ банкиру Сутерланду, мы заключаемъ, что именно онъ и есть Бахусъ Глутоновичъ. (См. *Сб. И. О.* XXIII, 586).

²⁾ Мы уже упоминали, что германская политика пыталась воздвигнуть Екатерининъ врага въ лицѣ Бобринскаго.

³⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 376.

⁴⁾ Ясно, что государыня разумѣетъ тутъ Бецкаго.

ся или возвратиться, и на что бы онъ ни рѣшился, деньги его будутъ ему доставлены. Его годовой доходъ превышаетъ 37,000 рублей; капиталъ положенъ въ воспитательный домъ. Не понимаю, какимъ образомъ случилось, что онъ этого не знаетъ, такъ какъ въ 1782 году я написала ему собственноручное письмо, чтобъ сообщить ему, какъ великъ его капиталъ и доходы. Его разсужденія о Бецкомъ весьма справедливы и разумны; не понимаю, зачѣмъ бы этому послѣднему впередъ вѣтшиваться въ егдѣла, потому что воспитательный домъ долженъ платить проценты съ капитала ему, молодому человѣку, или его повѣреннымъ. Посылаю вамъ при этомъ счетъ всего капитала и копию съ моего распоряженія по этому предмету. Прилагаемая при семъ записка Бецкаго доказываетъ, что онъ опять желалъ къ нему придраты. Я положительно остановила это, написавъ ему, чтобъ проценты были посланы безъ придирокъ и что всякій другой образъ дѣйствій былъ бы несправедливъ и не заслужилъ бы моего одобренія» ¹⁾).

Вотъ записка Бецкаго: «По повелѣнiю вашего величества, Су-терланду будетъ уплачено, и это было бы уже сдѣлано, еслибъ онъ намъ представилъ квитанцiи гг. Бобринскаго и Бушуева, чтобъ окончить старые счеты по первому векселю и узнать достоверно, съ какаго числа начать считать 10,000 по третямъ, тѣмъ болѣе что г. Бобринскiй, по первымъ приказанiямъ вашего величества, получалъ со всей суммы своихъ капиталовъ 37,645 р. дохода и имѣетъ въ своихъ рукахъ расписку совѣта, которую придется уничтожить, пославъ ему другую въ 30,000 ²⁾). Смѣю, наипокорнѣйше представить вашему величеству, что г. Бобринскiй, по вышеупомянутому свидѣтельству имѣетъ право получать свои доходывсякимъ другимъ путемъ, какой ему заблагоразсудится.

И. Бецкiй.

«19 iюля 1786. Простите великодушно, государыня, мой дрожащiй почеркъ».

¹⁾ Сб. И. О. XVIII, 380.

²⁾ Здѣсь Бецкiй иронически даетъ почувствовать императрицѣ, что доходъ Бобринскаго значительнѣе, чѣмъ она полагала: что она забыла собственное распоряженiе. Это было также средство выставить на видъ свою честность.

На другой сторонѣ записки Бецкаго собственной рукою императрицы написаны слѣдующія строки:

«На эту записку Бецкаго, въ отвѣтъ на письмо мое отъ 13 іюля, я отвѣчала, что 43,645 рублей должны быть ему доставлены и что всякія крючки возбуждять мое негодованіе»¹⁾.

Въ концѣ того же письма отъ 23 іюля сказано:

«Молодой человекъ совершенно свободенъ располагать своей судьбою. Такъ какъ въ настоящую минуту военнымъ у насъ не предстоитъ никакого дѣла, то онъ можетъ оставаться, вернуться, дѣлать что ему нравится; еслибъ гдѣ-либо открылась нойна, ему можно бы посовѣтовать идти волонтеромъ. Если захочетъ видѣть Англію, и это ему дозволено. Если онъ возвратится, онъ будетъ отправлять службу, пока подойдетъ его очередь выйти въ армію»²⁾.

Во время путешествія своего по южной Россіи государыня пишетъ коротенькое писмецо изъ Кіева отъ 16 февраля 1787 года: «Я получила здѣсь два письма Бецкаго, къ которымъ были приложены два другія отъ молодого Бобринскаго изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января, гдѣ онъ жалуется, что терпитъ нужду, и проситъ денегъ у перваго, тогда какъ тотъ увѣряетъ, что годовые проценты переданы были Сутерланду банкиру. Прошу васъ не оставлять безъ денегъ молодого Бобринскаго и устроить такъ, чтобъ онъ сосчиталъ или поручилъ сосчитать что онъ получилъ и чего не дополучилъ и что ему слѣдуетъ получить; онъ можетъ рассчитывать на тридцать семь или тридцать восемь тысячъ рублей въ годъ, которые принадлежать ему и составляютъ его состояніе и которыми никто не долженъ и не можетъ располагать, кромѣ него»³⁾.

Въ апрѣлѣ того же года государыня говоритъ: «Какъ мнѣ при-

1) Сб. И. О. XXIII, 380, 381.

2) 383.

3) 405.

скорбно, что Бобринскій входитъ въ долги; онъ знаетъ свой доходъ, который весьма изряденъ; но за тѣмъ у него нѣтъ ничего. Вы пишете, что этотъ господинъ проигралъ свой доходъ за два года и даже болѣе. Ну чтожь! надо войти въ соглашеніе съ его кредиторами, чтобъ долги его были заплачены, и вотъ какимъ образомъ: ему извѣстно сколько у него годового дохода; пусть они (кредиторы) оставлятъ ему тысячу червонцевъ въ годъ, а онъ пускай выдастъ имъ обязательство отдавать имъ доходъ до полнаго погашенія долга. Странно, что такой скряга, какъ онъ, увлекся до подобной растраты своего бюджета. Я могла бы послать кого-нибудь, чтобъ выручить этого господина, но онъ такой дикарь и скрытничекъ, что пожалуй встрѣтитъ это съ недовѣріемъ: скажется больнымъ и увернется. Я думаю, всего бы лучше вамъ зазвать его къ себѣ и сказать ему, что я вамъ поручила посовѣтовать ему привести въ порядокъ свои дѣла, да не играть и не биться объ закладъ на такія суммы, которыя превышаютъ его доходъ, а расплатиться съ долгами указаннымъ выше способомъ. Вы тогда услышите, что онъ скажетъ; потребуйте отъ него откровеннаго признанія, и если онъ покается, то заставьте его изложить письменно, какъ онъ желаетъ распутаться. Если же онъ напротивъ станетъ скрытничать и будетъ стараться ускользнуть, представьте ему послѣдствія. Скажите ему, что, предвидя его увлеченія, его сначала поручили г. Бушуеву, что ему захотѣлось затѣмъ полной независимости, и ему дали волю. Но послѣдствіемъ этого было то, что въ его рукахъ не хватило огромной суммы, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если впредь станетъ лучше и осмотрительнѣе распорядиться своими деньгами, а впрочемъ, если хочетъ разориться, то это его дѣло. Чтобъ выручить его изъ Парижа, я думаю, надо бы ему посовѣтовать ѣхать въ Англію: тамъ найдутся русскіе корабли, на которыхъ онъ, если захочетъ, можетъ сдѣлать морскую кампанію, такъ какъ не предстоитъ сухопутной. Если вы увидите, что онъ неотложно нуждается въ средствахъ къ отъѣзду, вы можете выдать ему на перехватъ до тысячи червонцевъ, но ни копейки сверхъ этого,

потому что, я полагаю, ему будетъ полезно испытать хоть немножко такого рода нужду. Вы должны знать, что при большомъ умѣ и даже отвагѣ, нашъ молодой человѣкъ слыветъ завзятымъ лѣнтяемъ, и умѣлъ пріобрѣсти репутацію рѣдкой распущенности, но ко всѣмъ этимъ недостаткамъ, которые могутъ со дня на день измѣниться къ лучшему, не надо относиться строго: можетъ-быть нужда его исправить, потому что основа у него хорошая, но мы не на мѣстѣ. Впрочемъ Сутерландъ давалъ ему займы подъ его доходы, и если предоставить, какъ я выше говорила, доходы его кредиторамъ, то я полагаю, что они будутъ довольны»¹⁾.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1787 года, по возвращеніи своемъ изъ путешествія, императрица писала изъ Коломенскаго: «Остановиваюсь единственно на бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находится молодой человѣкъ вслѣдствіе надѣланныхъ имъ глупостей, и чтобъ не имѣть никакого дѣла съ его прежнимъ любезнымъ опекуномъ и съ несносными каверзами, которыя происходятъ отъ старческой дряхлости, упрямства и недостатка доброй воли, я приказала фактотуму прислать вамъ 23,000 рублей, въ которыхъ молодой человѣкъ имѣетъ такую крайнюю нужду. Они взяты изъ запаснаго его капитала, о которомъ онъ ничего не знаетъ и не долженъ знать; итакъ вы можете дать этому какой-хотите оборотъ, лишь бы вы уплатили или велѣли уплатить то, что необходимо»²⁾.

Вскорѣ послѣ того государыня опять справляется о положеніи Бобринскаго и говоритъ: «Надѣюсь, что молодой человѣкъ выпутался изъ бѣды, потому что кромѣ 23,000 ему посланныхъ, я приказала письмомъ г. Бецкому послать ему 51,426 рублей, которые онъ просилъ и которыми тотъ увеличилъ его капиталъ. Итакъ вотъ у него въ рукахъ $51,426 + 23,000 = 74,426$ рублей, кромѣ третнихъ денегъ. Коли онъ не хочетъ разориться, то

¹⁾ Сл. И. О. XXIII, 401, 402.

²⁾ 412, 418.

хорошо сдѣлаетъ, если не часто будетъ предаваться подобнымъ кутежамъ, которые не принесутъ ему ни чести, ни радости»¹⁾).

Въ октябрѣ 1787 года: «Скажите или напишите молодому человѣку, что рѣшено не принимать никакихъ волонтеровъ въ армію, ни своихъ, ни чужихъ, и стало-быть онъ можетъ оставаться въ отпуску тамъ, гдѣ находится, заплатить свои долги и тратить свой доходъ. Премного благодарю васъ за ваши старанія устроить дѣла его. Не захочетъ ли онъ сѣсть въ Англію на одинъ изъ нашихъ кораблей, отправляющихся въ Средиземное море?»²⁾).

Въ ноябрѣ того же года: «Благодарю васъ за всѣ хлопоты ваши по дѣламъ молодого человѣка. Не правда ли, что это голова, которая постоянно страшится, чтобъ кто-нибудь не присвоилъ себѣ право руководить еѣ, и изъ боязни чтобъ ея не направили вправо, беретъ всегда влѣво, а потомъ говоритъ про себя: — О! я таки никому не позволилъ распоряжаться собою; мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть. Слава Богу, что онъ заплатилъ долги и вы съ этимъ покончили. Я полагаю, что вы хорошо сдѣлаете, если уплатите остальные 15 тысячъ ливровъ, и отошлете мнѣ расписки, какъ предлагаете. Чтò при этомъ всего страннѣе въ молодомъ человѣкѣ, такъ это то, что онъ въ сущности очень скупъ. Вы будете имѣть насчетъ этого дѣла особое утвержденіе. Но какъ хотите вы, чтобъ я подобнаго мота (raviger persé) поставила во главѣ полка? У него нѣтъ еще ни опытности, ни даже простого здраваго смысла»³⁾).

Вотъ общіяиное официальное утвержденіе израсходованныхъ для расплаты за Бобринскаго суммъ:

«Господинъ баронъ Гриммъ! Одобривъ употребленіе, сдѣланное вами изъ переданныхъ вамъ до сего числа суммъ насчетъ гвардіи капитанъ-лейтенанта Бобринскаго, пишѹ къ вамъ это

¹⁾ 415.

²⁾ 418, 419.

³⁾ 424, 425.

письмо, чтобъ оно служило вамъ общею квитанціею во всехъ сказанныхъ суммахъ. Затѣмъ молю Всевышняго, дабы Онъ сохранилъ васъ подъ святымъ Своимъ покровомъ. Екатерина» ¹⁾).

Гриммъ дѣйствительно выпроводилъ Бобринскаго въ Англію, куда писалъ ему письма, предостерегая отъ новыхъ опасныхъ связей, которыя въ Англіи еще губительнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Затѣмъ онъ передавалъ Бобринскому желаніе императрицы, чтобъ онъ ѣхалъ въ Средиземное море, говоря что она особенно цѣнитъ морскую службу, такъ какъ ей принадлежитъ слава возрожденія мореходства, созданнаго въ имперіи Петромъ Великимъ ²⁾).

Надо полагать, что дѣла Бобринскаго дали поводъ къ разнымъ сплетнямъ и пересудамъ, особливо за границей, такъ какъ государыня въ апрѣлѣ 1788 г. пишетъ Гримму: «Императрица ни изъ какихъ другихъ источниковъ не платила долговъ повѣсы, какъ только изъ доходовъ съ имѣнія, которымъ онъ здѣсь владѣеть» ³⁾).

Тогда, вѣроятно чтобъ прекратить всѣ толки, она рѣшилась выписать его въ Россію и, чтобъ окончательно распутать его дѣла и спасти его отъ разоренія, назначила къ нему опекуномъ Завадовскаго, о чемъ извѣстила Гримма: «Молодой человекъ пріѣхалъ въ Ригу, откуда я его отправила въ Ревель. Туда же поѣхалъ его опекунъ, чтобъ съ нимъ уладить его дѣла и вывести все на чистую воду; теперь мы сдаемся на капитуляцію. Онъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе что разорился; я сказала, что если у него осталось столько, что ему есть съ чѣмъ ѣхать въ армію, пусть ѣдетъ» ⁴⁾).

Замѣчательное по силѣ, твердости и правдивости письмо Екатерины къ Бобринскому, выражающее вмѣстѣ съ тѣмъ и ту истинную вѣжность, которая хочетъ прежде всего душевной пользы и исправленія любимаго существа, и отвѣтъ полный раскаянія

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 485.

²⁾ См. Рус. Арх. 1876, III, стр. 82.

³⁾ Сб. И. О. XXIII, 447.

⁴⁾ 448.

заблудшаго юноши напечатаны были вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами Бобринскаго въ *Русскомъ Архивѣ*¹⁾. Гриммъ, зная слабость человѣческаго сердца, конечно думалъ быть пріятнымъ императрицѣ, ходатайствуя, чтобъ Бобринскому данъ былъ полкъ. Честный же и энергическій отвѣтъ Екатерины доказываетъ, что она ни на минуту не забывала своей царственной отвѣтственности и умѣла, гдѣ нужно, ставить пользы своего государства выше своихъ частныхъ интересовъ.

Екатерина выдержала свой характеръ и скоро въ Бобринскомъ добрыя наклонности взяли верхъ надъ увлеченіями. Благодаря стараніямъ графа Завадовскаго, дѣла его были распутаны и онъ купилъ себѣ имѣніе Оберъ-Паленъ, а потомъ женился на женщинѣ высокихъ качествъ, баронессѣ Унгернъ-Штернбергъ, но кажется, оставался въ Эстляндіи до конца жизни Екатерины. Послѣ смерти ея онъ былъ внезапно взысканъ милостіями императора Павла Петровича и вызванъ въ Петербургъ.

Замѣтную роль въ перепискѣ съ Гриммомъ играетъ родственная молодая чета: братъ великой княгини Маріи Феодоровны Фридрихъ, впослѣдствіи король Виртембергскій, женившійся на Августѣ, принцессѣ Брауншвейгской, которая является въ письмахъ подъ вымышленнымъ именемъ Зельмиры.

Уже въ началѣ ихъ брака и пребыванія въ Россіи возникли между супругами семейные раздоры. Въ распространеніи слуховъ о томъ императрица подозрѣвала прусскаго посланника Гѣрца и не становилась сначала ни на ту, ни на другую сторону; но, по свойственному душамъ благороднымъ и высокимъ безпристрастію, относилась къ обоимъ супругамъ безъ предубѣжденій, стараясь найти хорошія и примиряющія качества въ обоихъ. Такъ въ іюлѣ 1782 года государыня пишетъ изъ Царскаго Села: «Я охотно становлюсь на сторону Зельмиры, потому что возможно ли наконецъ вмѣнять человѣку въ преступленіе, если онъ не находитъ любезнымъ то, что ему таковымъ не кажется? Но я хочу пого-

¹⁾ *Рус. Арх.* 1876, III, стр. 13, 14.

ворить съ вами о мужѣ Зельмиры, въ пользу котораго я вовсе не предупреждена, но котораго, мнѣ кажется, оклеветали несправедливо. Мы нашли его здѣсь: толстая масса и ничего больше. Мы далеки были отъ того, чтобъ считать его жестокимъ, подозрѣвать его въ жестокомъ и безчеловѣчномъ обращеніи. Мы видѣли его въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ онъ обнаруживалъ сострадательность, большое благодушіе и даже благородство въ образѣ мыслей. Онъ два раза былъ въ ссорѣ со своимъ зятемъ¹⁾ изъ-за пустяковъ и вышелъ изъ этого положенія съ достоинствомъ. Разъ, заставъ женщину своей сестры въ слезахъ, онъ упрекалъ её зачѣмъ она бранитъ ихъ, и много было такихъ случаевъ, которые говорятъ болѣе въ его пользу нежели противъ него. Но, сознаюсъ вамъ откровенно, что я сильно подозрѣваю ледянаго и застегну-таго, не пролилось ли тутъ его желчи, такъ какъ онъ часто лжетъ изъ любви къ ремеслу. Мнѣ случалось видѣть въ свѣтѣ, какъ часто выставка высокыхъ чувствъ и доброты сердечной прикрываютъ злобу и самую жестокую клевету: фальшивость надѣваетъ всякія маски, а когда ей нечѣмъ прикраситься, то называетъ свои козни и происки политикою и ловкостью. Это — обыкновенная уловка эгонистовъ, на которыхъ я болѣе чѣмъ когда-либо сердита съ тѣхъ поръ какъ они признали эгонистомъ Кесаря, который былъ менѣе всего эгонистомъ. И это оттого, что такіе господа никакъ не могутъ выйти изъ узкаго маленькаго кружка своего я, который онъ себѣ создали, и имъ хочется захватить въ этотъ кругъ Кесаря. Это называется глупостью въ полномъ смыслѣ слова²⁾.

О принцессѣ Августѣ государыня отзывается такъ: «Зельмира пріѣхала и ведетъ себя очень хорошо; я даже тщательно старалась разобрать, кто изъ двухъ, мужъ или жена, болѣе виновень, и мнѣ кажется что мужъ могъ бы имѣть обхожденіе менѣе грубое; однако теперь говорятъ, что семейныя отношенія улучшились противъ

¹⁾ Великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

²⁾ См. И. О. XXIII, 249. Юлій Кесарь былъ любимымъ герцемъ Екатерины II.

прежняго»¹⁾. «Такъ какъ Зельмира лежитъ, то очень трудно сказать, что она такое: она рта не раскрываетъ. Я все на свѣтѣ дѣлала, чтобъ она почувствовала себя со мною не стѣсненною, но мнѣ это не удалось; посмотримъ, не будетъ ли она сообщительнѣе лѣтомъ»²⁾. «Видите ли: по правдѣ сказать, у насъ Зельмира слыветъ не очень умной, но такъ какъ мнѣ удастся разсмѣшить ея до упаду и она любить всѣ живыя упражненія, то я не могу согласиться съ большинствомъ. Но я полагаю, что ея бука внушилъ ей такой страхъ, еще поддерживаемый золовкою³⁾ въ отсутствіи буки, который въ Херсонѣ съ мая мѣсяца (NB онъ вернулся⁴⁾), что Зельмира боится говорить; впрочемъ она очень молода и никого не знаетъ; я подозреваю, что мать⁵⁾ не такого орлинаго ума, какъ отецъ. Зельмира не такъ выработана, какъ можно бы ожидать: у насъ ее не находятъ ни умной, ни любезной, потому что она все мечтаетъ и молчитъ»⁶⁾.

Два года спустя, въ апрѣлѣ 1785: «Вы мнѣ пишете о Зельмирѣ и поручаете мнѣ ея отъ имени родителей. Я должна прежде всего сказать вамъ, что она ведетъ себя превосходно и что ея рѣшительно не въ чемъ упрекнуть; но бездѣльникъ мужъ ея—человѣкъ совершенно невозможный, который такъ грубо и неуважительно съ нею обходится, что онъ уморитъ съ горя эту бѣдняжку, и я даже не могу сказать, безопасны ли съ нимъ ея жизнь и здоровье. У нихъ произошла на прошедшей недѣлѣ возмутительная сцена, о которой всѣ знаютъ: онъ билъ ея, таскалъ за волосы и потомъ заперъ ея на ключъ въ своемъ домѣ. Родная сестра, зять, всѣ рѣшительно на сторонѣ жены. Какъ только я узнала объ этомъ, то, шадя жену и тѣхъ кто въ ней принимаетъ участіе, я, чтобъ

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 288.

²⁾ 271.

³⁾ Великой княгиней Маріей Феодоровной.

⁴⁾ Приписано послѣ.

⁵⁾ Августа, дочь принца Фридриха Вельскаго.

⁶⁾ Св. И. О. XXIII, 289, 290.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

не огласить дѣла, выслала мужа въ его губернію ¹⁾ подѣ предлогомъ спѣшнаго порученія; при отъѣздѣ они слегка помирились, но надо предвидѣть, что миръ не будетъ проченъ; она побѣдетъ со мной на дачу, куда я переѣзжаю послѣ-завтра: господинъ супругъ ежечасно повторяетъ ей, что онъ еѣ терпѣть не можетъ; это самое нѣжное привѣтствіе, какое ей приходится слышать отъ него. Я полагаю, полезно было бы для бѣдняжки чтобъ родители ея знали, въ какомъ она несчастномъ положеніи, и безъ малѣйшей вины съ ея стороны; но надо бы внушить имъ, чтобъ они не оглашали этого. Она вовсе не знаетъ, что я вамъ объ этомъ пишу, а пишу я потому, что предвижу, что рано или поздно придется развести ихъ, если не захотятъ уморить еѣ. Вы сдѣлаете изъ всего этого такое употребленіе, какое вамъ покажется лучшимъ. Если будетъ возможно, мы постараемся отворачивать всякій случай, который могъ бы нарушить миръ, но съ такимъ бѣшеннымъ человѣкомъ это будетъ трудненько ²⁾.

Черезъ два мѣсяца послѣ того государыня пишетъ Гримму: «Послушайте же, вѣдь я ужъ писала вамъ о Зельмиръ и ея несчастномъ положеніи; я держала ея сердитаго мужа цѣлыхъ два мѣсяца вдали отъ нея; теперь я не имѣю на это болѣе приличнаго предлога: онъ вернулся сюда; сестра и зять опасаются возобновленія сценъ. Эта бѣдная женщина замѣтно таетъ; передали ли вы отцу Зельмиры, какъ я васъ о томъ просила, о несчастномъ положеніи его дочери? Если вы этого еще не сдѣлали, прошу васъ довести до свѣдѣнія ея родителей то, что я вамъ сообщила и, кромѣ того, что для спокойствія сестры и зятя я вынуждена буду скоро выслать бездѣльника домой. Что же тогда станетъ съ бѣдной, невинной Зельмирой? Какъ послѣдовать за такимъ человѣкомъ, отъ котораго она можетъ ожидать только жестокаго обращенія? Я бы желала, чтобъ отецъ Зельмиры согласился сговориться со мной, какъ облегчить судьбу этой несчастной женщины.

¹⁾ Онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 340.

Отецъ погрозилъ, что онъ запретъ её, если она вздумаетъ покинуть мужа, но не хочетъ ли папаша самъ попробовать пожить съ этимъ неучемъ? Онъ увидѣлъ бы, что отъ него можно ждать только брани, да побоевъ. Я думаю, что Зельмира недолго протянетъ съ этимъ дуралеемъ; даже дѣти его, какъ они ни малы, смертельно его боятся. По-моему, надо выбрать и предпринять три способа помочь дѣлу, если оно дойдетъ до развязки, то-есть если этотъ уродъ будетъ высланъ отсюда, гдѣ всѣ его ненавидятъ и питаютъ къ нему отвращеніе какъ къ гадинѣ: 1) чтобъ Зельмира возвратилась спокойно къ своимъ родителямъ; 2) если родители на это несогласны, пусть она останется здѣсь, или ѣдетъ и поселится въ другомъ мѣстѣ; 3) чтобъ дѣти не были отданы отцу, а сыновья были поручены виртембергскому правительству, дочери же были бы оставлены у матери, которая безукоризненнаго поведенія. Короче, повторяю въ сотый разъ, я общалась Зельмирѣ свое покровительство: я ей дала слово, что не покину ея; я очень желаю, чтобъ отецъ и мать знали это, и не допущу, чтобъ она тѣмъ или другимъ способомъ сдѣлалась еще несчастнѣе. Я хочу, чтобъ въ случаѣ, если ей нельзя будетъ оставаться съ грубьяномъ, она имѣла спокойное убѣжище, и объявляю вамъ начистоту, что я не позволю Зельмирѣ покинуть Россію, пока не удостовѣрюсь надлежащимъ и вѣрнымъ образомъ, что она будетъ въ полнѣйшей безопасности. Слышите ли? Ясно ли вамъ все это и поговорите ли вы объ этомъ, какъ слѣдуетъ, съ папашей, или нѣтъ? И если вы не можете говорить съ нимъ объ этомъ, я заставляю говорить другихъ; но такъ какъ онъ васъ употребилъ, чтобъ поручить мнѣ свою дочь, то я полагаю, что вы бы и могли сказать ему все, что я вамъ говорю для блага его дочери»¹⁾.

Въ концѣ этого же письма прибавлено: «Бука немножко лучше обращается съ Зельмирой; зять и сестра читаютъ ему мораль»²⁾.

Въ сентябрѣ 1785: «Зельмира уѣхала со своимъ букой въ

¹⁾ 344, 345.

²⁾ 347.

Финляндію ¹⁾, гдѣ дѣтямъ ихъ привили оспу; письма отца и матери у меня; я передамъ ихъ ей только въ случаѣ надобности. Она пишетъ золовкѣ, что они хороши между собой, и если онъ будетъ продолжать съ ней такъ же хорошо обращаться, то она будетъ довольна. Онъ, кажется, намѣренъ возвратиться во-свои будущую весною; его терпѣть не могутъ какъ гадину въ его-губерніи и, по мнѣнію зятя и сестры, ни минуты нельзя рассчитывать на это примиреніе ²⁾.

Въ ноябрѣ 1785 г. императрица пишетъ о Гэрцѣ и женѣ его: «Около мѣсяца, какъ старый брюзга (Stirpenbeißer ³⁾) убрался отъ насъ. Право, этотъ человѣкъ олицетворенная жолчь; онъ служилъ своему господину не ревностно только, а бѣшено; онъ задавался задачей быть злымъ; если это называется быть пріятнымъ при дворѣ, право нѣтъ награды, которой бы онъ не заслуживалъ; не наговорилъ ли онъ мнѣ самой ужасовъ о бѣдной Зельмирѣ? Надобно думать, что жена его зла не менѣе его, потому что она всѣми возможными способами старалась повредить бѣдняжкѣ въ мнѣніи свекрови и ужъ мой сынъ и моя невѣстка отличили эту гадкую женщину и удалили ее отъ Зельмиры. . . .

«Зельмира и мужъ ея возвратились изъ Выборга; она увѣряетъ, что это лѣто нельзя было на него жаловаться; вотъ ужъ три недѣли какъ они здѣсь. Сегодня она у меня обѣдала. Я не отдала ей писемъ ея родителей и отдамъ ихъ только, когда сочту нужнымъ. Зельмира молода, неопытна и, кажется мнѣ, слабохарактерна: и она не столько застѣнчива, сколько подавлена горемъ. Такъ какъ они въ ладахъ, то я не хочу разбудить задремавшаго звѣря; но если несогласіе возникнетъ опять, я пушу въ ходъ письма, и родители могутъ быть увѣрены, что я не покину ея, пока она будетъ находиться въ моихъ владѣніяхъ. Она была въ Царскомъ Селѣ этимъ лѣтомъ безъ мужа, и осенью она ѣз-

¹⁾ Въ Выборгъ.

²⁾ См. Н. О. XXIII, 363.

³⁾ Въ собственномъ смыслѣ Stirpenbeißer означаетъ лошадь, нѣбующую привычку грызть ясли; въ переносномъ — злого и свирливаго человѣка.

шла къ нему на шесть педѣль въ Выборгъ по собственному желанію, чтобъ привѣтъ ослу дѣтямъ... Мнѣ было очень пріятно узнать изъ письма министра Зельмирна родителя, что палочная расправа прирожденна въ семействѣ супруга; это мнѣ подтвердило мою догадку: именно, что всѣ они очень дурно воспитаны: своимъ пристрастіемъ къ палкѣ они хотятъ выказать себя превосходными военными; оттого я всѣхъ ихъ считаю отпѣтыми капралами. Если братъ его Людвигъ не перестанетъ колотить свою Польку ¹⁾, я полагаю, что она не проживетъ съ нимъ долго. Женщины этой страны не очень-то выносливы, и онъ останется безъ жены и богатства, какъ братъ его датчанинъ, остался безъ слугъ послѣ франкфуртской палочной расправы. Не старый брюзга очернилъ Зельмиру передъ отцомъ, а старая вѣдьма (*Kirpenbeibetin*), потому что эта злая женщина, съ паклей вмѣсто волосъ, то и дѣло всѣмъ нашептывала на ухо о Зельмирѣ самыя ужасныя вещи, такъ что, какъ я ужъ прежде сказала, зять и золовка были до того возмущены, что вмѣстѣ съ свекровью стали на сторону Зельмиры ²⁾.

Виюнѣ угадала императрица, что миръ между супругами прѣдлется недолго, и вотъ что читаемъ въ письмѣ отъ 17 декабря 1786 года: «Дѣла Зельмиры дошли до послѣдней крайности и по видимому мнѣ придется дня черезъ два обратиться прямо къ отцу. У меня, вотъ ужъ недѣля, дѣлается родъ лихорадки, когда я о ней думаю. Говорите же послѣ того, если можете, что я не принимаю участія въ чужой судьбѣ»... И далѣе, отъ 26 декабря: «У насъ въ Эрмитажѣ дней десять какъ обрѣтается заколдованная принцесса. Зельмира укрылась у меня, находясь въ смертельной опасности у своего негодяя супруга. Нѣтъ такой жестокости и такого позора, которыхъ бы она не испытала и не могла ожидать; я воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, и велѣла сказать бѣснующемуся негоднику, чтобъ онъ убирался отсюда. Онъ на-

¹⁾ Урожденная княжна Радзивиллъ.

²⁾ Св. И. О. XXIII. 367, 368, 369.

писалъ мнѣ бѣшеное письмо, но долженъ былъ однако уложить свои пожитки и въ самомъ дѣлѣ уѣхать въ прошедшій вторникъ. Онъ объявилъ, что ѣдетъ прямо къ тестю, и Зельмира дрожитъ, чтобъ онъ не очернилъ ея въ глазахъ родителей. Все общество возстановлено противъ негодея. Самые близкіе ¹⁾ его не оправдываютъ, но недовольны, зачѣмъ она не къ нимъ обратилась; а она, сказать по совѣсти, не могла къ нимъ обратиться. — Я думаю, на меня тоже дуются, но сами будутъ имѣть двойной трудъ посердиться и перестать сердиться (*se fâcher et se défâcher*). Мое положительное и точное намѣреніе — отправить Зельмиру обратно къ родителямъ, и во всей этой исторіи я поступала, поступаю и буду поступать такъ, какъ велитъ долгъ. Я не могу дожидаться здѣсь отвѣта родителей, такъ какъ ѣду 2-го января ²⁾. Не могу отправить Зельмиру на авось; а отсюда увезу её, такъ какъ оставаться здѣсь ей тоже нельзя. Въ эту минуту не могу сказать вамъ опредѣленно, въ какомъ мѣстѣ она будетъ ждать рѣшенія своей участи, потому что это будетъ зависѣть отъ помѣщенія, и я теперь разослала по разнымъ мѣстамъ поискать ей удобное и приличное убѣжище; зачѣмъ я дала ей слово, что безъ ея воли и не убѣдившись, что судьба ея улучшится противъ теперешняго грустнаго положенія, её не заставятъ покинуть уединенія или временнаго пріюта, гдѣ мы пока устроимъ её. Мнѣ кажется, что все это по-человѣчески и прилично; сколько было возможно, я постаралась прикрыть молчаніемъ всѣ ужасы, а на другой день послала курьера и написала отцу Зельмиры, прося его войти со мною въ дружелюбное соглашеніе. Я нахожу, что Зельмира далеко не глупа; въ ней довольно мужества и твердости духа, и она надѣется, что я её не оставляю. И конечно я этого не сдѣлаю. Она желала бы остаться въ Петербургѣ и именно у меня, но этому кажется не бывать, потому что у насъ очень рады будутъ забыть всю эту неприятную исторію. Надо сознаться, что роду Зельми-

¹⁾ Т. е. В. К. Павелъ Петровичъ и В. К. Марія Феодоровна.

²⁾ Въ знаменитое крымское путешествіе.

рину не посчастливилось въ Россіи: вотъ осьмая или девятая особа страдаетъ здѣсь ¹⁾). Сообщите мнѣ, что вы узнаете о чувствахъ Зельмирина отца: доволенъ ли онъ мною, или недоволенъ? Не могу допустить, чтобъ негоднику удалось заставить его забыть, какъ онъ золъ; я слишкомъ хорошаго мнѣнія объ умѣ одного изъ героевъ вѣка. А негодникъ — герой злости. Говорятъ, что онъ поселится въ Швейцаріи. Онъ самъ сказалъ Зельмиру, что онъ врагъ безпощадный и не понимаетъ, какъ можно прощать; не правда ли, какой милый характеръ?» ²⁾).

О дальнѣйшей судьбѣ Зельмиры говорится: «Никогда котель такъ не кипѣлъ, какъ эти двѣ, три недѣли: прилагаемое письмо познакомитъ васъ со всѣми неприятностями по поводу Зельмиры; и я должна была посвятить этому дѣлу не пол-вниманія, а полтора. Золовка ребячится; всего ей нельзя сказать, она такова, какова есть, и въ ней нѣтъ того, чего нѣтъ; вотъ почему всего разумнѣе и осторожнѣе было поступить такъ, какъ я поступила. Но все это для васъ однихъ» ³⁾).

И въ путешествіи, среди новыхъ впечатлѣній Екатерина не забывала несчастной страдальцы и переписывалась съ ней и объ ней, не уступая ея мучителю и не переставая защищать её и заботиться о ея участи. Изъ Кіева государыня писала въ февралѣ: «Я въ разумныхъ переговорахъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ; онъ прислалъ мнѣ курьера, а я ему вчера обратила другого. Я выдамъ мою принцессу только тогда, когда увѣрюсь, что всѣ злобныя внушенія ея мужа не повредили ей въ глазахъ родителей, чего она очень боится; когда я кому покровительствую, то дѣлаю это различными способами и хочу чтобъ моей принцессѣ послѣ столькихъ страданій и оскорбленій было въ будущемъ обезпечено тихое и спокойное существованіе. И вотъ, до тѣхъ поръ она будетъ жить

¹⁾ Тутъ конечно императрица припоминаетъ несчастное семейство Антона Ульриха и Анны Леопольдовны Брауншвейгскихъ.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 387, 388, 389.

³⁾ 390.

въ своемъ убѣжищѣ. Это должно быть такъ, а не иначе и я это написала папенькѣ. Такъ какъ я писала мужу съ перваго же дня, что не буду судьей въ его дѣлѣ, то и стою на этомъ. Но если онъ будетъ очень заноситься, мы будемъ защищаться, я надѣюсь, и тогда посмотримъ кто будетъ доволенъ¹⁾. Отъ 1 апрѣля 1787 г. «Я получила письмо отъ Зельмиры, въ которомъ было вложено письмо отъ отца, доказывающее, что несмотря на его обѣщанія, рѣчи бѣшеннаго супруга возымѣли на него дѣйствіе. Этотъ бѣшенный по крайней мѣрѣ столько же разбѣшенъ на меня, сколько на жену, за то что я ей оказала покровительство. Хорошо бѣшенному, что я укрываю его мерзости, но если онъ меня выведетъ изъ терпѣнія, я въ свою очередь заговорю, и тогда увидать, кто изъ насъ двухъ правъ. Я очень хорошо вижу по послѣднему письму, написанному мнѣ отцомъ Зельмиры, что онъ, кажется, болѣе скрываетъ со мною, нежели вначалѣ; я это приписывала первому движенію послѣ шестичасоваго разговора съ зятемъ, но письмо, написанное имъ дочери, доказываетъ что этотъ разговоръ пускаетъ корни. Зельмира въ смертельномъ страхѣ, чтобъ ея не возвратили къ мужу; я не могу этому повѣрить; зная дѣло какъ я его знаю, я нахожу, что это была бы страшная жестокость. Я буду молчать пока смогу, и никогда не заставлю Зельмиру покинуть убѣжище, гдѣ она и безопасна и свободна, развѣ сама она будетъ внутренно убѣждена и успокоена, что судьба ея улучшится и что ей болѣе нечего бояться. Послушайте, я говорю съ кашей во рту, потому что скажу свое слово только тогда, когда увижу, что необходимо его сказать. Сдѣлайте изъ всего этого по отношенію къ отцу такое употребленіе, какое заблагоразсудится; я буду очень довольна, если меня не вынудятъ говорить»²⁾).

«Я нахожу въ вашемъ донесеніи отъ 12 декабря, что вы говорите о мнимомъ спокойствіи въ домѣ Зельмиры, потому что въ моей большой депешѣ, посланной съ Кашкинѣмъ, упоминается

¹⁾ Св. И. О. ХХІІІ, 394.

²⁾ 394, 395.

только вначалѣ о нѣкоторыхъ неистовыхъ сценахъ. Во-первыхъ невозможно же требовать, чтобъ я постоянно записывала всѣ сцены, которыя происходили между Зельмирою и мужемъ къ великому соблазну всего Пегербурга и Финляндіи, когда они тамъ жили. Во-вторыхъ было много такихъ сценъ, о которыхъ я узнавала уже по прошествіи нѣкотораго времени. Въ-третьихъ я не всегда и упоминала о нихъ, потому что это мнѣ надоѣло и я вовсе не подражалась вести имъ списокъ. Но это замѣчаніе съ вашей стороны тѣмъ болѣе поражаетъ меня въ настоящую минуту, что и отецъ говоритъ дочери, будто до ея переѣзда отъ мужа ко мнѣ тишина и спокойствіе царствовали въ ея домѣ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; но это пахнетъ упрекомъ и дочь этимъ очень огорчилась. На самомъ же дѣлѣ Зельмира клялась мнѣ, что въ теченіе семи лѣтъ брачной жизни она среднимъ числомъ никогда не имѣла и шести недѣль спокойствія; да и тутъ еще двѣ недѣли прибавила я, а она увѣряла, что не наберется и четырехъ. Въ Финляндіи, къ великому соблазну цѣлаго края, было множество сценъ за столомъ въ присутствіи мѣстныхъ служащихъ, такъ что приглашеній на ихъ обѣды боялись какъ чумы. Я не покину Зельмиры, но она опасается что папаша выдастъ еѣ тирану. Впрочемъ все, что сдѣлаютъ въ пользу Зельмиры, очень порадуетъ меня, потому что я принимаю искреннее участіе въ несчастной молодой женщинѣ, которой участь могла бы быть совершенно иною, еслибъ еѣ не выдали за этого полоумнаго, у котораго жолчь, кажется, помрачаетъ разумъ, потому что онъ злится на весь родъ человѣческій безъ исключенія. Я не могу прямо вмѣшаться въ разводъ, потому что съ перваго же дня заявила бѣшеному супругу, что я не судья его, и счастье его, что это такъ. Этотъ же отвѣтъ свой я сообщила герцогу Брауншвейгскому; но если онъ, или владѣтельный герцогъ Виртембергскій пожелали бы моего добраго содѣйствія, то графъ Румянцовъ во Франкфуртѣ уполномоченъ оказать имъ таковое. Итакъ я покамѣстъ ограничиваюсь тѣмъ, что стараюсь быть какъ можно болѣе полезной Зельмирѣ, которая въ уединеніи переноситъ свое горе съ твердостью и му-

жествомъ философа, и оказалась гораздо умнѣ чѣмъ я думала, когда она была запугана. Желаю, чтобъ молодая вдовица, которую вамъ не удалось выдать замужъ года полтора тому назадъ, была счастливѣе, чѣмъ жены двухъ старшихъ братьевъ¹⁾. Зельмира говоритъ мнѣ: «они всѣ большіе охотники жениться». Мнѣ конечно понятна причина: это бѣдность. Такъ какъ вы увѣряете меня, что мать не ослѣплена насчетъ кого бы то ни было изъ дѣтей, то когда увидите её, постарайтесь вывѣдать, извѣстны ли ей подвиги старшаго сына и тотъ позоръ и огорченія, которыя онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ причинялъ сестрѣ, и какое онъ, несмотря на то, имѣетъ вліяніе на сестру; она конечно боится его болѣе вблизи чѣмъ издали; но однако я отнюдь не требую, чтобъ вы дѣлали всѣ эти разоблаченія въ ущербъ ея зарождающемуся благоволенію къ вамъ. Ея наивное признаніе, что она питала къ вамъ большое отвращеніе, полагая что вы у меня въ милости, неотдѣненно»²⁾.

Во все время своего путешествія императрица энергически переписывалась объ интересахъ Зельмиры: «Вы правы», говоритъ она Гриму, «что дѣло Зельмиры интересуетъ меня не половину, а въ полтора раза. Я особенно занята ея судьбой. Я не разъ чувствовала искушеніе исписать отцу ея цѣлыя тетради насчетъ ея положенія, но удержалась только потому, что сказала себѣ: «но развѣ ты забыла, что объявила сама, что не желаешь быть судьей въ этомъ дѣлѣ? или ты хочешь записаться въ адвокаты и впутаться въ это болѣе чѣмъ слѣдуетъ?» Во мнѣ не произошло никакой перемены по отношенію къ дѣлу Зельмиры. Но Зельмирѣ кажется, что такая перемена произошла въ умѣ свѣтлѣйшаго родителя, что послѣдній поддался убѣжденіямъ бѣшенаго мужа, чтобъ ему выдали её, и вотъ Зельмира такъ поражена, что нельзя и выразить. Полагаю, что если отецъ дастъ мнѣ честное

¹⁾ Виртембергскій принцъ Людвигъ, братъ Фридриха, женатъ былъ на дочери князя Адама Чарторыскаго Маріи, съ которою онъ развелся въ 1792 году, а въ 1797 онъ женился на Нассауской принцессѣ Генріеттѣ.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 397, 398.

слово не принуждать нисколько Зельмиру съѣхаться съ мужемъ, отъ котораго она всего можетъ опасаться, то я легко могла бы убѣдить ея возвратиться къ родителямъ, и, сообразивъ все, я назначаю срокомъ къ тому время моего возвращенія въ Петербургъ, полагая, что къ той порѣ отецъ и мужъ успѣютъ сговориться насчетъ ея содержанія. Еслибъ ему обѣщали дочь, то это могло бы быть приманкой, но я вижу что у нихъ эта статья уже улажена. Изъ пунктовъ или статей соглашенія, предложеннаго мужемъ отцу, я вижу что онъ ей предлагаетъ 7000 флориновъ ежегодно; но конечно они будутъ плохо выплачиваться, потому что петербургскіе кредиторы свидѣтельствуютъ, что почтенный супругъ никогда не платитъ. А если вы хотите знать чистый доходъ Зельмиры, самое вѣрное — это доходъ съ дома, который я ей подарила въ Петербургѣ, да и то надо стараться его продать, потому что мужъ запустилъ его страшно, такъ какъ онъ не ему принадлежалъ, и онъ никогда не хотѣлъ ни гроша истратитъ на его поддержку»¹⁾).

Между тѣмъ Зельмира нашла тихій пріютъ въ небольшомъ имѣніи Лодѣ, принадлежавшемъ императрицѣ въ Эстляндіи, и проживала тамъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Жизнь ея тамъ изображается въ одномъ изъ писемъ: «Зельмира пишетъ мнѣ изъ своего убѣжища, что въ жизнь свою она не была такъ спокойна и счастлива; она видѣтся только съ добрыми и честными людьми, которыхъ я при ней поставила; она читаетъ, работаетъ, гуляетъ, занимается музыкой и кажется здорова. Она кротка, показываетъ твердость духа, и я сдѣлалась ея идоломъ; и вправду я ни за что ея не покину. Мужъ ея употребляетъ всевозможныя усилія, чтобъ вездѣ чернить ея: и въ самомъ дѣлѣ она ужасно виновата, что не обожаетъ изверга»²⁾).

Но и отецъ продолжалъ сурово относиться къ дочери; государыня пишетъ съ галеры на Днѣпрѣ: «Послушайте же: отчего это брауншвейгскій папаша наводитъ такой страхъ на свою дочку?

¹⁾ 404.

²⁾ 406.

эта бѣдная женщина пишетъ мнѣ изъ своего имѣнія Лоде въ Эстляндію, будто она видитъ изъ писемъ отца, что онъ очень на нее сердится; за что, скажите этотъ гнѣвъ? Развѣ за то на нее дуются и сердятся, что она не могла выдержать жестокаго обхожденія мужа? Такъ зачѣмъ же ей не дали лучшаго? Если хотять имѣть её у себя, не надо показывать ей гнѣва, потому что иначе невозможно будетъ выпнать её изъ Лоде, гдѣ она живетъ очень уединенно. Ей хочется возвратиться въ Петербургъ, но это не входитъ въ мои планы; когда я вернусь, то надѣюсь, что дѣла ея успѣютъ уладиться, и тогда я бы желала даже её отправить; иначе чтб будетъ она дѣлать у меня? Но если мнѣ возвратятъ её запуганною и предубѣжденною, какъ могу я устроить ея отъѣздъ по доброй волѣ, а право безъ ея доброй воли и увѣренности, что участь ея обезпечена спокойствіемъ, я не могу совѣтовать ей отважиться на такое путешествіе. Итакъ моя крошка (*ma petite*), у которой я одна и есть на свѣтѣ и которая держится за меня такъ же крѣпко какъ репей, не такъ виновата и въ томъ, что она предпочитаетъ замокъ Лоде, гдѣ она спокойна, разнымъ другимъ неприятностямъ. Мнѣ также кажется, что папенька на меня немножко дуется, потому что о немъ что-то не слышно съ февраля; все это происходитъ отъ того, что я не разболтала все что знала, и что я дѣйствовала съ рѣдкой мудростью, до того, что сама себя удивляюсь; это можетъ-быть развязываетъ языкъ ея отвратительному мужу, который кажется овладѣлъ ушкомъ папеньки и шепчетъ въ него не вѣсть что. Но еслибъ я рѣшилась пустить въ ходъ свой товаръ, то подуло бы противнымъ вѣтромъ на мужа, котораго подвиги я предала забвенію, объявивъ что я ему не судья. NB. NB. NB. Вотъ чему подвергаешься, когда говоришь оракуломъ и дѣйствуешь съ удивительной осторожностью и мудростью. Мужья прячутся, папеньки дуются, а бѣдняжки (*les petites*) не могутъ добиться спокойной жизни. Ну, чтожь, дѣйствуйте же наконецъ! Вы, съ вашимъ высокимъ даромъ развитія, дѣйствуйте и направьте это на такой путь, чтобъ всѣ были довольны; тогда и мы будемъ довольны я, и моя маленькая протеежъ. . . .

Въ томъ же письмѣ нѣсколько дней спустя писано изъ Бахчисарая: «Дни два три тому назадъ, я получила письмо отъ папаши изъ Брауншвейга съ копией окончательныхъ условій, которыхъ подлинникъ, по словамъ его, посланъ дочери для подписанія. Она проситъ меня совѣтовать ей въ этомъ духѣ; но когда все рѣшено и посылаютъ условія на подписаніе, чего же еще совѣтовать? Я—въ Крыму, Зельмира—въ Лодѣ; нуженъ по крайней мѣрѣ еще мѣсяць, чтобъ сговориться; я теперь буду ожидать, чтобъ она чистосердечно сказала мнѣ, что думаетъ обо всемъ этомъ, и тогда мнѣ легче будетъ дать ей совѣтъ. Но, по теоріи вѣроятностей, я предвижу, что мужъ не дастъ ей ни копейки, несмотря на свои обѣщанія, и что если папаша ей ничего не дастъ, то у нея ничего и не будетъ. Остается узнать, будетъ ли моя протеже довольна ничѣмъ, когда она теперь имѣетъ вполне обеспеченное содержаніе. Если она мнѣ это скажетъ, то я не буду знать, что ей отвѣтить, развѣ папаша обѣщаетъ намъ, что если мужъ не будетъ платить, то папенька вмѣсто него заплатитъ за наше содержаніе, потому что умереть съ голоду, когда не удалось умереть съ горя—это участь слишкомъ печальная и непріятная, и я бы не удивилась, еслибъ одна перспектива такой будущности положила въ постель мою протеже, тѣмъ болѣе что она мнѣ всегда казалась чакоточною»¹⁾.

Наконецъ, доведенная до крайности бездушнымъ отношеніемъ родителей къ страдалицѣ дочери, императрица пишетъ на обратномъ пути изъ Москвы слѣдующее энергическое и полное негодованія письмо:

«Отецъ Зельмиры²⁾ находится въ настоящую минуту въ странѣ и во главѣ дѣлъ, въ которыя я бы никакъ не желала, чтобъ сказали, что я малѣйшимъ образомъ вмѣшиваюсь; потому я не захожу приличнымъ, чтобъ мои курьеры разѣзжали туда и оттуда, и лучше выскажу *самъ* все, что касается Зельмириныхъ дѣлъ.

|| ¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 409, 10, 11, 12.

²⁾ Король Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгскій, съ 1778 г. находившійся на службѣ въ прусской арміи и умершій 1806 отъ раны, полученной при Ауэрштадтѣ.

Она, несмотря на всѣ мои убѣжденія, не показываетъ ни малѣйшаго желанія возвратиться на родину. Она говоритъ во-первыхъ, что не можетъ ожидать тамъ ничего кромѣ горя и притѣсненій, и такъ какъ содержаніе ея должно зависѣть отъ мужа, то считаетъ несомнѣннымъ, что онъ не станетъ ей давать ничего, что она будетъ только въ тягость своимъ родителямъ, они же будутъ ежедневно приставать къ ней съ совѣтомъ возвратиться къ мужу, а это значитъ не имѣть даже простой безопасности. Изъ этого слѣдуетъ, что она предпочитаетъ оставаться тамъ, гдѣ она укрыта отъ всякихъ напастей, и хотя живетъ очень скромно, но вполне спокойно. Если вы хотите знать настоящую суть этого дѣла, я вамъ объясню его и скажу свое мнѣніе. Зельмира уѣхала отсюда въ маленькое имѣніе, мнѣ принадлежащее въ Эстляндіи, которое называется Лоде. Это было за три или четыре дня до моего отъѣзда въ Кіевъ, въ концѣ прошедшаго года, и она твердо намѣрилась ждать тамъ окончательнаго устройства своего дѣла, предоставленнаго, по ея и моему желанію, благоусмотрѣнію ея отца, къ которому я послала курьера. Родитель ея нашелъ нужнымъ по пріѣздѣ послѣдняго имѣть нѣсколько свиданій съ супругомъ Зельмиры. Странно конечно, что отецъ оскорбленной и несчастной дочери имѣетъ свиданія съ бѣшеннымъ мужемъ и допускаетъ отводить себѣ глаза, а Зельмира заключаетъ изъ этого и убѣждается окончательно, что отецъ ея даетъ полную вѣру всему, что любезному муженьку угодно будетъ наговорить на нее. Правда, что письма ея отца и особливо прибытіе нѣкоего г. Шрѣдера, находящагося въ настоящую минуту на службѣ у мужа и присланнаго отъ самого папеньки съ письмомъ къ дочери въ Лоде, во время моего отсутствія, достаточно доказываютъ, что папенька не дѣйствуетъ тутъ съ благородствомъ, свойственнымъ великому характеру, какимъ я себѣ его до сихъ поръ представляла. Мнѣ слѣдовало бы жаловаться на недостатокъ искренности со мною герцога; я дала ему это почувствовать и онъ довольно неловко выпутался изъ обвиненія, почти обойдя этотъ пунктъ моего письма. Вообразите, что пока отецъ посылаетъ этого Шрѣдера съ

грозымъ письмомъ къ дочери и *приказываетъ* ей подписать въ присутствіи Шрёдера условія, для нея весьма невыгодныя, мнѣ онъ пишетъ письмо въ Кіевъ, по которому просить меня ей совѣтовать. По-моему, это значить смѣяться надъ людьми. Онъ приказываетъ дочери *подписывать* въ Лоде, тогда какъ я за тысячу и болѣе верстъ, а меня просятъ *совѣтовать*! Ясно, что или она подпишетъ безъ моего совѣта, или, не послушавъ отца, обратится за совѣтомъ ко мнѣ, а я, ничего не зная о приказаніяхъ ея полученныхъ, изволь давать совѣты! Но коса нашла на камень. Шрёдеръ не видалъ Зельмиры. Другъ мой г. Польманъ, завѣдующій маленькимъ хозяйствомъ Зельмиры, очень учтиво спровадилъ посланнаго отъ супруга и папаша, и сказалъ ему, что безъ моего особаго приказанія никто не можетъ быть принятъ въ аудіенціи у Зельмиры. Тогда Шрёдеръ вытащилъ письмо папеньки и оно было передано Зельмирѣ. Это громозное посланіе привело бѣднуюжку въ отчаяніе: она заболѣла и слегла въ постель. Между тѣмъ я возвратилась сюда, и такъ какъ я была извѣщена о ея горестномъ положеніи, то обмѣнялась съ нею нѣсколькими письмами и, высказавъ ей все что я находила разумнымъ, чтобъ убѣдить её возвратиться къ родителямъ, я однако почувствовала къ ней такую жалость, что, вы можете быть увѣрены, я не сдѣлаю болѣе ни одного шага въ этомъ направленіи какъ относительно Зельмиры, такъ и господина ея бѣтющки. Зельмира останется въ Лоде сколько ей заблагоразсудится, и возвратится къ родителямъ тоже когда ей захочется, и такъ какъ она рада остаться въ Эстляндіи, я тоже довольна. А если папенькѣ угодно слушать рѣчи изверга мужа, и если тотъ внушаетъ ему болѣе довѣрія чѣмъ Зельмира и я, пусть его слушаетъ и питается его рѣчами, толстѣя или худѣя отъ нихъ на здоровье. Такъ какъ у Зельмиры только я одна на свѣтѣ, клянусь вамъ какъ свидѣтелю, что не покину её. Она кротка какъ агнецъ въ Лоде, и её обожаютъ тѣ немногіе, которыми она окружена. Польманъ сдѣлался ея другомъ; госпожа Вильде тоже; люди ея души въ ней не чаютъ. Она читаетъ, или работаетъ, или занимается музыкой, или гуляетъ и

3 5 *

при этомъ съ мужественной твердостію переносить свое положеніе»¹⁾.

Въ ноябрѣ того же 1787 г. государыня такъ дополняетъ это письмо: «Вы должны теперь уже знать все, что я сообщила по поводу Зельмиры. Совершенно вѣрно, что Донъ-Ферось-де-Монбельяръ²⁾ донесъ мнѣ что по страстной любви къ російскому оружію онъ желаетъ служить, и я отвѣчала, что обстоятельства, вызывавшія его удаленіе отсюда остались неизмѣнны, а потому я и не могу согласиться на его желаніе; на это онъ объявилъ мнѣ, что подаетъ въ отставку, и я распорядилась выключить его изъ службы имперіи. Что касается Зельмиры, то она будетъ проводить лѣто въ Лоде, въ своей деревнѣ³⁾, а зиму въ Ревелѣ⁴⁾. И въ другомъ мѣстѣ: «Моя Зельмира совершенно рѣшилась остаться въ Эстляндіи и дѣлаетъ очень хорошо; я получила письмо отъ нея — и она кажется совершенно спокойной и довольной. Донъ-Ферось хотѣлъ вернуться и служить въ арміи, а я сказала: него — не хочу. Когда же его жена узнала, что таково было его намѣреніе и что ему было отказано, она сказала, что за сто миль отъ нея онъ будетъ всегда казаться ей еще слишкомъ близкимъ»⁵⁾.

«Что касается вашего свиданія въ Делисъ (aux Délices) съ Дономъ-Феросомъ-де-Монбельяромъ, я очень тому смѣялась. Это была сцена, достойная кисти художника. Но каковъ сплетникъ тесть! Онъ выболталъ зятю то, что поручалъ вамъ сказать мнѣ по отношенію къ дочери. Право, кто бы подумалъ, что они подружатся въ Берлинѣ, что стануть повѣрять другъ другу все, что до тѣхъ поръ тщательно другъ отъ друга скрывали! Если хотите узнать правду, то скажу что я была лучшаго мнѣнія о свѣтлѣишемъ тестѣ, тѣмъ какое теперь вынесла о немъ изъ всего этого дѣла: онъ фальшивъ и безсердеченъ. Какъ рѣшился бы человекъ

1) *Св. И. О.* XXIII, 416, 417.

2) Мужъ Зельмиры.

3) По тому, что государыня называетъ иногда Лоде имѣніемъ Зельмиры, надо думать, что оно было подарено ей.

4) *Св. И. О.* XXIII, 422.

5) 431.

съ сердцемъ обращаться съ мучителемъ своей дочери, какъ съ ближайшимъ другомъ? А со мною онъ дѣйствовалъ съ такимъ двоедушiемъ, какого я никакъ не могла ожидать. Замѣтите, что мнѣ всегда казалось, что дочь весьма мало вѣритъ въ правдивость папаша, и часто она говорила: о, онъ обманываетъ мою мать, но собственно это не такъ. Но объ этомъ пожалуйста никому не слова, чтобъ не поставить ихъ на ножи» ¹⁾).

Очень любопытно было бы прослѣдить по письмамъ Гримма какую роль онъ игралъ среди всей этой исторiи, но, какъ мы уже говорили, переписка его за эти годы не отыскалась. Однако въ одномъ изъ писемъ императрицы мы читаемъ: «Я очень рада, что вы довольны всѣмъ, что я сдѣлала для Зельмиры, и что другъ мой Польманъ, котораго осторожность вамъ извѣстна, разрушилъ замыслы папаша и супруга» ²⁾).

«Поведенiе родителей Зельмиры съ нею и со мною», вспоминаетъ государыня въ одномъ письмѣ два года спустя, «было и очень фальшиво и очень необдуманно. Мать всегда говорила ей нѣжности, совѣтовала ей ко мнѣ обращаться, часто казалась несогласна съ мужемъ и разоблачала его тайны; а потомъ критиковала и не одобряла образъ дѣйствiй дочери; папенка дѣйствовалъ заодно съ мужемъ, а мнѣ говорилъ, что полагается на мои совѣты Зельмирѣ. Но Зельмира боялась возвращенiя, боялась выпустить кусокъ въ виду тѣни. Она была достаточно умна и тверда, и у нея была своя хозяйка-головка; она совершенно рѣшилась жить независимо, и въ Лодѣ завоевала любовь всѣхъ окружавшихъ ее» ³⁾).

Несчастная Зельмира скончалась въ Лодѣ и императрица такъ описываетъ смерть ея, отъ 24 января 1790 года: «Повидимому г. Феронсу ⁴⁾ любопытно узнать, что я вамъ писала о смерти Зель-

¹⁾ 428.

²⁾ 440.

³⁾ 472, 473, 480.

⁴⁾ Первый министръ герцога Брауншвейгскаго.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

миры: но что могу я сказать, кромѣ того что Зельмира умерла? Я послала ея отцу копію съ письма, которое мнѣ написалъ Польманъ. «Г. Феронсъ проситъ фактотума сообщить мнѣніе докторовъ или описаніе ея смерти. Прежде всего фактотумъ обратился въ Лодѣ. Докторъ сообщилъ, что Зельмира посылала за нимъ нѣсколько разъ, чтобъ совѣтоваться съ нимъ о своемъ здоровьи, что онъ ей прописывалъ лѣкарство отъ болѣзни, которая унесла её, а въ минуту смерти ея онъ былъ въ отсутствіи: за нимъ послали, но когда онъ пріѣхалъ, она уже скончалась, такъ какъ она была больна всего нѣсколько часовъ. Теперь папенька хорошо бы сдѣлалъ, еслибъ постарался сохранить для внучатъ то немногое, что осталось послѣ Зельмиры, т. е. сорокъ или пятьдесятъ тысячъ рублей и брильянты. Грубьянъ требуетъ, чтобъ все отдали ему, а тогда дѣтямъ не видать ни порошинки, если все ему попадетъ въ руки, потому что это дырявый мѣшокъ и онъ по уши въ долгахъ»¹⁾).

Объ отцѣ Зельмиры государыня въ послѣдній разъ упоминаетъ въ концѣ того же года: «Говорятъ, что отецъ Зельмиры въ эту минуту принялъ бразды правленія надъ головой своего двоюроднаго братца». Его поведеніе въ дѣлѣ Зельмиры открыло мнѣ вполнѣ чтó онъ такое, и я увидѣла въ немъ гораздо болѣе коварства чѣмъ простодушія»²⁾).

Приближенные Екатерины.

Среди богатаго матеріала для исторіи Екатерины II и ея времени, представляемаго ея перепиской съ Гриммомъ, всего замѣчательнѣе набросанныя ею самою характеристики лицъ, окружавшихъ её: часто нѣсколькими мѣткими словами она опредѣляла ихъ свойства и значеніе съ такою выразительностью, что они какъ живые встаютъ предъ нами. Особенно краснорѣчивы тѣ

¹⁾ 479, 480.

²⁾ 495.

страницы, гдѣ она, послѣ потери нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ сподвижниковъ, очерчиваетъ ихъ мастерской рукою, и конечно, чѣмъ болѣе дѣятельность ихъ была отмѣчена рѣзкими чертами энергіи и величія, подходившими къ характеру самой государыни, тѣмъ портреты выходятъ удачнѣе.

О смерти Бибикова императрица упоминаетъ только вскользь, на самыхъ первыхъ страницахъ переписки: «Оренбургъ освобожденъ, но меня постигла весьма чувствительная утрата: генераль Бибиковъ умеръ на тринадцатый день отъ желчной горячки, за сто верстъ отъ Оренбурга» ¹⁾).

Отзывы Екатерины о гр. Румянцовѣ, о его побѣдахъ, щедрыхъ наградахъ ему пожалованныхъ, рѣчи къ нему митрополита Платона были уже приведены нами въ самомъ началѣ этого очерка.

По возвышеніи Потемкина въ 1775 году князь Григорій Орловъ предпринялъ путешествіе за границу, и императрица писала Гримму: «Появленіе князя Орлова въ Парижѣ вѣроятно было вамъ пріятно, потому что вы, какъ кажется, принимаете участіе въ людяхъ, которые къ вамъ пріѣзжаютъ отъ насъ. Если вы еще увидите его въ Парижѣ, скажите ему пожалуйста, что герцогъ Браганцскій поѣхалъ въ Константинополь, чтобъ видѣть тамъ аудіенціи и пріемъ князя Репнина» ²⁾. Я читала, какъ князь Орловъ описываетъ Парижъ; онъ очень похваляется сдѣланнымъ ему пріемомъ, и я полагаю, что онъ туда вернется» ³⁾.

Черезъ недѣлю послѣ того говорится: «Князь Орловъ, покинувъ васъ, (т. е. Парижъ) чуть не утонулъ подъ Кѣльномъ въ Рейнѣ. Одно описаніе этого происшествія приводитъ въ содроганіе» ⁴⁾).

По возвращеніи своемъ въ Россію Орловъ привезъ съ собою отзывъ экономистовъ о Екатерининскомъ наказѣ, и вотъ какъ государыня приняла это: «Что бы тамъ ни было, ужъ конечно не эконо-

¹⁾ 2.

²⁾ 33.

³⁾ 35.

⁴⁾ 36.

мѣсты будутъ руководить мною; я безъ ума полюбила французскій парламентъ со времени безсмысленныхъ преній, на которыхъ толковали, надо ли ихъ считать сектою, или сектою *средною для юсударства* ¹⁾. Здравый смыслъ, по-моему, заключался въ трехъ подчеркнутыхъ словахъ. Еслибъ вы знали, какъ эти дураки бомбардируютъ меня книгами! Они комментировали мой наказъ такимъ образомъ обработанный прислали мнѣ его черезъ князя Орлова, вѣроятно, чтобъ придать ему вѣсу, но я его читать не стану ²⁾.

О вліяніи Орлова на Екатерину она сама дѣлаетъ такое признаніе по поводу сужденія, высказаннаго Гриммомъ о людяхъ гениальныхъ: «Вы говорите мнѣ о великомъ Гюберѣ (живописцѣ) эти замѣчательныя слова: *Онъ, какъ и остъ гениальные люди — дитя, которое надо водить на помочахъ, но никогда не давая ему этого почувствовать. Безъ такой предосторожности дитя потеряется и не будетъ знать куда идти.* Знаете ли вы, какое дѣйствіе произвели на меня эти слова? Мнѣ бы хотѣлось, прочитавъ ихъ, счесть себя гениемъ: отчего? Оттого что я всегда чувствовала въ себѣ большую склонность отдаваться въ руководство людямъ, знающимъ болѣе нежели я, подъ условіемъ однако, чтобъ они не давали мнѣ чувствовать, что имѣютъ желаніе и претензію быть моими руководителями, потому что тогда я убѣгаю отъ нихъ со всѣхъ ногъ. Изъ всѣхъ людей, способныхъ приходить на помощь этой моей склонности, я не знаю никого, кто бы такъ отвѣчалъ ей, какъ князь Орловъ; голова его естественна и идетъ своимъ ходомъ, а моя слѣдуетъ за нею; это для меня тотъ же Блэкстонъ, разматывающій мою нить» ³⁾.

Въ одномъ мѣстѣ переписки государыня передаетъ Гримму мнѣніе Орлова о королѣ неаполитанскомъ ⁴⁾: «По словамъ князя

¹⁾ Тогдашніе выдающіеся представители ученія экономистовъ, принявшаго политическій оттѣнокъ, были Тюрго и Мирабо.

²⁾ 44.

³⁾ 56, 57.

⁴⁾ Фердинандъ IV, изъ дома испанскихъ Бурбоновъ, род. въ 1761, вступившій въ 1812 король обѣихъ Сицилій († 1826).

Орлова—NB, котораго онъ такъ полюбилъ, что предложилъ играть съ нимъ въ шары—онъ не дуракъ, а шаль¹⁾, а это по-русски значитъ человѣка, который попускаетъ себя такъ таки потихоньку, да понемножку дѣлать все то, что приходитъ ему на умъ, не принимая въ соображеніе ничего другого, кромѣ удовольстворенія своихъ желаній»²⁾).

Что Орловъ по возвращеніи своемъ въ Россію продолжалъ оставаться близкимъ къ государынѣ, доказываютъ многія мѣста ея писемъ. Такъ напримѣръ въ 1778 году, когда Гриммъ разъ прислалъ императрицѣ по обыкновенію разные маленькіе подарочки, она шуточно отвѣчаетъ: «Сколько подарковъ: спаржа изъ Тура, она очень хороша, я занимаюсь ея истребленіемъ; леденцы Морé: такъ какъ это специфическое средство противъ кашля, котораго у меня нѣтъ, то Леди (собачка) его употребляетъ; я нахожу что у нея катарръ. Пара чулокъ изъ кроличьей шерсти валяется на столѣ; князь Орловъ хотѣлъ завладѣть ими и только разсужденіе, что они будутъ ему коротки и узки, удержало его отъ этого»³⁾. Въ иныхъ письмахъ она сообщаетъ, что Орловъ, такъ же какъ и Потемкинъ, хвалитъ записку о ея царствованіи, ея самою написанную; въ другихъ приводитъ отзывы Орлова о маленькомъ внучкѣ ея Александрѣ Павловичѣ (въ 1779), о Ланскомъ (1782) и проч.

Въ 1780 году Орловъ ѣздилъ на воды въ Спа, городъ, который тогда былъ самымъ моднымъ сборнымъ мѣстомъ для путешественниковъ всѣхъ странъ, и Гриммъ такъ характеризуетъ его: «Въ этой общей европейской кофейнѣ всѣ живутъ братьями и пріятно видѣтъ дамъ изъ Парижа, Лондона, Дублина, Амстердама, Гаги, танцующихъ вальсъ и обнимающихся какъ сестры»⁴⁾).

Шведскій король, прибывши изъ Спа въ Парижъ, сообщалъ

¹⁾ Слово *шалъ*, нынѣ забытое, было очень употребительно въ 18 вѣкѣ. Значеніе его близко къ слову *шалюбой*.

²⁾ 60.

³⁾ 74.

⁴⁾ Письма Гримма 283.

Гримму, что онъ служилъ какъ будто русскимъ посланникомъ при князѣ и княгинѣ Орловыхъ, знакомя ихъ съ парижскими дамами. Вслѣдъ за этимъ Гриммъ пишетъ: «Я, Государыня, очень недоволенъ всѣмъ, что узнаю о князѣ Орловѣ. Говорятъ, что онъ отдался въ руки англійскаго доктора, живущаго въ Брюсселѣ, шарлатана, никому неизвѣстнаго. Этотъ человѣкъ даетъ ему лѣкарства, способныя умертвить лошадь. Онъ ихъ употребляетъ, чувствуетъ себя отъ нихъ все хуже, и продолжаетъ. Къ чему же послужило ему пройти школу Екатерины II, если онъ въ ней не научился, что медицина послѣ теологін самая бесполезная изъ наукъ, и что надо быть безумнымъ, чтобъ отдать свое тѣло на шарлатанскіе опыты? Говорятъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ очень измѣнился, и я о томъ сожалею. Умоляю ваше величество приказать ему какъ можно скорѣе приѣхать ко мнѣ на поклонъ въ Парижъ, чтобъ я могъ побранить его и передать его на руки Троншена, который можетъ быть и не выгнать, но навѣрное не уморитъ его. Маркизь де Кастри провелъ четыре или пять дней въ Спа, и только двѣ недѣли какъ вернулся оттуда, когда сдѣланъ былъ министромъ. Военный объѣздъ для осмотра полковъ, стоящихъ на границѣ, привелъ его въ Спа, гдѣ были знакомыя ему дамы, и онъ посѣтилъ ихъ. По возвращеніи онъ много говорилъ со мною о князѣ Орловѣ, такъ какъ друзья мои знаютъ, что меня ничѣмъ нельзя такъ осчастливить и обласкать, какъ разговоромъ о Россіи»¹⁾. Государыня около того же времени даетъ слѣдующее порученіе Гримму: «Если увидите князя Орлова въ Парижѣ, кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что прелестная табакерка, которую онъ мнѣ прислалъ изъ Спа, постоянно у меня на столѣ вмѣстѣ съ его античными барельефами»²⁾.

Въ январѣ 1781 года Гриммъ опять сообщаетъ слѣдующія извѣстія объ Орловѣ: «У насъ нѣсколько дней гостилъ здѣсь князь Орловъ, который поѣхалъ провести лѣто въ южныя провинціи. Онъ

¹⁾ Письма Гримма 87.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 198.

по обычаю и обязанности сдѣлалъ только два визита: первый Дидероту, второй мнѣ. Онъ былъ у меня въ самый день появленія ангела Принчипати¹⁾; я былъ еще очень боленъ, но императорская грамота находилась въ моемъ карманѣ. Я далъ ему выписку того мѣста, которое касалось его табакерки, и очень возгордился тѣмъ, что исполнилъ приказаніе августѣйшей моей покровительницы относительно князя генераль-фельдцейхмейстера. Я нашелъ, что здоровье его лучше, чѣмъ я полагалъ; напротивъ, княгиня жалуется, что очень больна, хотя этого и не замѣтно. Я думаю, что еслибъ они оба захотѣли отказаться отъ лѣкарствъ и шарлатановъ, то были бы здоровы; но княгиня воображаетъ, что лѣкарства помогутъ ей произвести на свѣтъ маленькаго князя Орлова. Князь обѣщаль мнѣ пріѣхать опять будущимъ лѣтомъ, повидавшись съ лѣкаремъ-крестьяниномъ, швейцарцемъ Мишелемъ. Я спросилъ его, какъ не стыдно путешествовать отъ шарлатана къ шарлатану²⁾.

«Если князь Орловъ въ Парижѣ», отвѣчала государыня, «то поклонитесь ему отъ меня и скажите, чтобъ онъ по возвращеніи сюда привезъ маленькаго князя Орлова видимаго или невидимаго; по газетамъ, докторъ его Мишель умеръ³⁾».

Въ июль того же года Гриммъ пишетъ: «Если князь Орловъ не зналъ графа Калиостро въ Россіи, я смѣлъ бы почти льститься надеждою видѣть его въ Парижѣ въ погонѣ за графомъ, какъ за неутомимымъ охотникомъ до шарлатановъ. До сихъ поръ, насколько я знаю, князь или, лучше, княгиня бѣгаютъ за здоровьемъ и плодородіемъ по Швейцаріи, и въ этомъ вѣкѣ безвѣрія, — отребьи всѣхъ вѣковъ, — уже не вѣроу въ разныя священныя и мірскія чудеса пріобрѣтается потомство; это обыкновенно случается, когда о томъ не думаютъ, и безпрестанно объ этомъ думать есть весьма худое средство достигнуть желаемаго⁴⁾».

На это Екатерина отвѣчаетъ приведеннымъ ранѣе мѣстомъ:

1) Одинъ изъ курьеровъ.

2) Письма Гримма 100, 101.

3) Сб. И. О. XXIII, 198.

4) Письма Гримма 187.

что князь Орловъ, противъ своего обыкновенія, вовсе не былъ почитателемъ Калиостро (см. стр. 56), и въ этомъ же письмѣ она освѣдомляется о здоровьи князя: «Если вамъ что-нибудь извѣстно о здоровьи князя или княгини, прошу васъ написать мнѣ объ этомъ: графъ Алексѣй и старшій братъ его поѣхали въ Лозанну и здѣсь увѣряютъ, будто онъ очень боленъ»¹⁾. Въ августѣ того же 1781 г. Гриммъ сообщаетъ: «Узнаю, что князь Орловъ послѣ своего несчастія²⁾ направился въ Петербургъ, а графы Иванъ и Алексѣй выѣхали ему навстрѣчу»³⁾. Въ сентябрѣ государыня извѣщаетъ о ихъ возвращеніи въ Петербургъ.

Черезъ годъ, въ ноябрѣ 1782 года, государыня писала: «Кромѣ всѣхъ трудовъ я еще до смерти огорчена состояніемъ князя Орлова. Онъ ѣздилъ на царицынскія воды⁴⁾ и только что началъ употреблять ихъ, какъ у него обнаружились припадки умственного расстройства; послѣ лѣченія водами онъ вернулся въ Москву. Тамъ онъ нашелъ способъ ускользнуть отъ надзора своихъ братьевъ; они успѣли обогнать его лишь на нѣсколько часовъ: онъ пріѣхалъ сюда и я видѣлась съ нимъ три раза. Онъ кротокъ и тихъ, но слабъ, и мысли у него не вяжутся, сохранилась только непоколебимая привязанность ко мнѣ. Представьте себѣ все что я вынесла, увидѣвъ его въ этомъ положеніи; теперь онъ въ постели, и полагаютъ, что его расстройство есть слѣдствіе удара, и, стало-быть, не остается никакой надежды на выздоровленіе»⁵⁾.

Январь 1783: «Князю Орлову все хуже и онъ ужъ подъ опекою своихъ братьевъ»⁶⁾. 20-е апрѣля того же года, изъ Царскаго Села: «Пріѣхавъ сюда, я узнала прискорбное извѣстіе о смерти князя Орлова, скончавшагося въ Москвѣ ночью съ 12-го

1) *Св. И. О.* XXIII, 211.

2) Смерти жены.

3) Письма Гримма 283.

4) Царицынскія воды были въ большой модѣ при Екатеринѣ; она сама собиралась не разъ туда ѣхать и старалась видимо поднятіемъ этого мѣста для лѣченія противоудѣствовать стремленію Русскихъ на заграничныя воды.

5) *Св. И. О.* XXIII, 252.

6) 267.

на 13-е этого мѣсяца. Хотя я и очень была подготовлена къ этому горестному для меня событію, увѣряю васъ, что я испытываю живѣйшую печаль; я теряю въ немъ друга и человѣка, которому обязана величайшей признательностью, такъ какъ онъ оказалъ мнѣ самыя существенныя услуги. Что бы мнѣ ни говорили и что бы я сама ни говорила себѣ въ подобномъ случаѣ, одни рыданія мои служатъ отвѣтомъ на все это, и я жестоко страдаю съ той минуты, какъ пришло это роковое извѣстіе; только работа развлекаетъ меня, а такъ какъ со мною нѣтъ еще моихъ бумагъ, то я пишу вамъ, чтобъ облегчить себя. Генералъ Ланской выбивается изъ силъ, чтобъ помогать мнѣ переносить это горе, но это меня только еще болѣе растрогиваетъ. Есть что-то странное въ этой смерти князя Орлова: именно, что графъ Панинъ умеръ недѣли двѣ ранѣе его¹⁾, и что одинъ не зналъ, а другой не могъ знать о смерти другого. Эти два человѣка, постоянно противоположныхъ мнѣній, не любившіе другъ друга, очень удивятся, свидясь на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь не столько представляютъ различія, сколько эти люди. Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ, каждый свое, и однако дѣла шли и шли большимъ ходомъ. За то, часто была я вынуждена поступать, какъ Александръ — съ Гордіевымъ узломъ, и тогда мнѣнія приходили къ соглашенію. Смѣлость ума одного и умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга выступающая курцъ-галопомъ между ними придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности. Вы скажете мнѣ: — какъ теперь быть? — На это я вамъ отвѣчу: какъ сможемъ. — Всякая страна способна доставлять людей, необходимыхъ для дѣла, и такъ какъ все на этомъ свѣтѣ есть дѣло человеческое, то люди, стало-быть, могутъ и съ этимъ управиться. Геній князя Орлова былъ очень обширенъ; его мужество было верхомъ мужества. Въ минуту самую рѣшительную ему приходило въ голову именно то, что могло направить

¹⁾ 31 марта 1788 г.

дѣлю въ ту сторону, куда онъ хотѣлъ его обратить, и въ эту минуту онъ проявлялъ такую силу краснорѣчія, противъ которой никто не могъ устоять, потому что оно озадачивало умы, и только онъ одинъ никогда не терялся. Но при этихъ великихъ качествахъ, ему недоставало послѣдовательности въ томъ, что ему казалось не стоящимъ вниманія, а онъ только немногіе предметы удостоивалъ своего вниманія или, лучше сказать, труда, потому что вниманіе было для него трудомъ; отъ этого онъ часто казался небрежнымъ и презрительнымъ, гораздо болѣе чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и, на все, что не мгновенно приходило ему въ голову, онъ былъ лѣнивъ. Графъ Панинъ былъ отъ природы лѣнивъ, и обладалъ искусствомъ выдавать эту лѣнность за обдуманную осторожность; отъ природы онъ не былъ ни такъ добръ, ни такъ прямодушенъ какъ князь Орловъ; но онъ больше жилъ между людьми и лучше умѣлъ скрывать свои недостатки и свои пороки, а они у него были великіе¹⁾.

Въ іюнѣ того же года государыня писала изъ Царскаго же Села: «Мнѣ очень нуженъ былъ отдыхъ послѣ всѣхъ горестей, которыя я испытала отъ понесенныхъ потерь²⁾: съ 14 октября я не имѣла ни минуты покоя, и потеря князя Орлова уложила меня въ постель съ такою сильной лихорадкой и такимъ бредомъ ночью, что мнѣ должны были пустить кровь 1-го мая въ двѣнадцать часовъ. Я не говорю съ вами о вашей потерѣ³⁾, потому что не надо читать грустныхъ мыслей и безпрестанно возвращаться къ нимъ. Будьте увѣрены, что я раздѣляла ваше горе, такъ же какъ я убѣждена, что вы раздѣляли мое. Каково здоровье Эмилиі? Гдѣ она? Баста⁴⁾».

21 сентября: «Не только не нахожу что возразить противъ вашего царпанья, но меня очень радуеть ваше довѣріе ко мнѣ,

¹⁾ 274, 275.

²⁾ Князя Орлова и генерала Бауера, еще за годъ слишкомъ до смерти Ланскаго.

³⁾ Госпожи д'Эпине.

⁴⁾ 279.

и я искренно раздѣляю вашу горестъ, такъ же какъ и вы раздѣляли мою по поводу невознаградимыхъ утратъ князя Орлова и генерала Бауэра, мною понесенныхъ. Я не могу вспомнить о нихъ, чтобъ не залиться слезами. Я сдѣлала уговоръ съ королемъ шведскимъ, еще до отъѣзда въ Фридрихсгамъ, чтобъ онъ со мною не говорилъ о нихъ»¹⁾.

Года три спустя, государыня хлопочетъ о томъ, чтобъ получить изъ рукъ родственниковъ Орлова хорошій портретъ его и пишетъ Гримму: «Но гдѣ же я достану этотъ портретъ князя Орлова, съ котораго вы имѣете копію; онъ можетъ быть только въ рукахъ его братьевъ, но у котораго? Кто-то изъ нихъ живетъ въ окрестностяхъ Саратова. Вещи въ Москвѣ подъ ключемъ; какъ достать ихъ? Это возьметъ время. Надо будетъ здѣсь снять съ него копію. Вообразите, какія хлопоты!»²⁾.

О братьяхъ Орловыхъ, Алексѣѣ и Федорѣ, упоминается нѣсколько разъ только вскользь. Эти мѣста уже были приведены нами: о первомъ по поводу его дружбы съ Кориллой, а о второмъ по случаю участія, выказаннаго имъ къ горести императрицы послѣ смерти Ланского. Объ участіи его и многихъ другихъ приближенныхъ при этомъ случаѣ государыня говоритъ такъ: «Какъ вы видите, я не умерла, что бы тамъ ни говорили газеты. Не осталось и никакихъ слѣдовъ моей болѣзни, только я до сихъ поръ была существомъ неодушевленнымъ, прозябавшимъ, неподвижнымъ; но въ это время я увидѣла и узнала, сколько у меня истинныхъ друзей и часто ихъ дружба была мнѣ въ тягость. Однако многое сумѣли они обратить мнѣ на пользу, и, право, это ужъ не малая заслуга. Баста: вотъ все, что я хотѣла вамъ сказать»³⁾.

Генералъ-инженеръ Федоръ Васильевичъ Бауэръ (1731—1783 г.), умершій почти въ одно время съ княземъ Орловымъ, служилъ въ арміи Фридриха Великаго, въ 1769 г. былъ пригла-

1) 285.

2) 380.

3) 326.

шенъ Екатериною II въ русскую службу и въ званіи генералъ-квартирмейстера со славою участвовалъ въ первой Турецкой войнѣ. По заключеніи мира онъ занимался устройствомъ водяныхъ сообщеній въ С.-Петербургской и смежныхъ губерніяхъ, и ему Москва обязана Мытищенской водой. Онъ же строилъ въ Петербургѣ Большой театръ, открытый въ 1783 году, и государыня говоритъ въ ноябрѣ 1782. «Бауэръ окончилъ Большой театръ и готовился дать ему видъ и форму, которые были бы по вкусу и мнѣ и публикѣ; вмѣсто того онъ въ постели вотъ ужъ три мѣсяца, и Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ»¹⁾. Какъ высоко она цѣнила его, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ переписки по поводу его болѣзни. 15 ноября 1782: «Многострадальный, надо чтобъ ты зналъ мои радости, такъ же какъ и печали: сегодня утромъ я получила извѣстіе, что графъ и графиня Сѣверные пріѣхали 12-го этого мѣсяца въ Ригу; только что я прочла ихъ письмо, какъ мнѣ приносятъ письмо генерала Бауэра, больного и очень больного здѣсь, съ начала августа мѣсяца. Вчера, почитая себя умирающимъ, онъ написалъ мнѣ письмо до того трогательное, что кажется камень прослезился бы, и вотъ я плачу и рыдаю отъ страха потерять этого вѣрнаго слугу. Онъ одаренъ гениальными способностями и я за него охотно отдала бы болѣе десятка глупцовъ, лишь бы не мнѣ пришлось выбирать ихъ. Является Роджерсонъ и докладываетъ мнѣ, что ему не такъ худо. О! онъ пришелъ кстати: я сказала ему, что ни одинъ докторъ не умѣетъ вылѣчить даже отъ укушенія клопа, и жестоко отдѣлала весь факультетъ, который не въ состояніи никого вылѣчить, хотя они по три мѣсяца держатъ людей въ постели. Я успокоилась только, когда онъ сознался, что онъ и вся его братія невѣжды, никого не умѣющие вылѣчить. Смягчившись отъ этой истины, я сказала: — довольно, идите! и принялась писать многострадальному, чтобъ облегчить себя. Между-прочимъ имѣю вамъ сказать, чтобъ вы не умирали, чтобъ вы были здоровы, потому что почти ужъ мѣсяцъ,

¹⁾ 256.

какъ я мучусь бѣдами и болѣзнями людей, въ которыхъ принимаю участіе»¹⁾). Въ тетради писемъ къ Гримму сохранился и списокъ со слѣдующаго собственноручнаго письма императрицы къ Бауэру, писаннаго въ тотъ же день, какъ она получила его письмо:

«Господинъ генералъ Бауэръ! я утвердила распоряженія, которыя вы, какъ добрый мужъ и добрый отецъ, сочли нужнымъ сдѣлать. Отъ всей души желаю, чтобъ это осталось только предосторожностью; молю Небо насколько можно удалить и отодвинуть эту минуту. Мнѣ было бы въ высшей степени горестно лишиться такъ рано вашей вѣрной службы, которую я цѣню вмѣстѣ съ вашими дарованіями такъ высоко, какъ только можетъ внушить истинное достоинство. Будьте увѣрены, что я сочту счастливой минутой ту, когда увижу васъ въ совершенномъ здоровьи; не сомнѣвайтесь, что я во всякомъ случаѣ оправдаю довѣріе, которое вы мнѣ всегда оказывали. Екатерина. Сего 15 ноября 1782 г.»²⁾).

Въ январѣ 1783: «Генералъ Бауэръ плохо поправляется, а я обременена работой и разстроена болѣзнями людей, которыхъ люблю и уважаю. Итакъ не надо хворать; кто имѣетъ уши, пусть слышитъ. Слышите ли вы?»³⁾

Незадолго до смерти Бауэра, императрица написала ему еще письмо, копію съ котораго Гриммъ пожелалъ имѣть, и генералъ Ланской долго отыскивалъ его въ бумагахъ императрицы. Оно также сохранилось между письмами ея къ Гримму. Вотъ оно: «Господинъ генералъ Бауэръ. Я только что получила ваше письмо и сочиненіе о дорогахъ, присланное вами. Предоставляю себѣ подробнѣе отвѣчать вамъ, когда прочту сочиненіе. Но меня удивляетъ, что вы работаете такъ усидчиво, выдержавъ такую сильную болѣзнь. Вы знаете, какое я принимаю участіе въ вашемъ здоровьи, и весьма серьезно прошу васъ беречь себя, чтобъ

1) 263.

2) Тамъ же.

3) 267.

вполнѣ поправиться. Признаюсь, что я очень обрадовалась, увидѣвъ вашу подпись. Желаю имѣть удовольствіе видѣть васъ совершенно выздоровѣвшимъ. Прощайте. Въ 5 часовъ сего 18 января». Но Бауэръ вскорѣ послѣ того скончался и въ мартѣ государыня пишетъ: «Я была очень опечалена смертью генерала Бауэра. Я прокливаю докторовъ, хирурговъ и весь факультетъ. Они еще уморили мнѣ одного человѣка, который былъ при мнѣ тридцать-три года ¹⁾; наконецъ я не кончила бы, еслибъ рассказала вамъ, сколько горя они причинили мнѣ въ этомъ году».

Свое нерасположеніе къ докторамъ государыня вскорѣ опять высказывала такъ: «Но послушайте, не надо быть больнымъ, а ужъ если заболѣли, то вы хорошо дѣлаете, когда стараетесь освободиться отъ болѣзни, какъ я, не прибавляя къ ней еще другого зла, то есть доктора. Зло и — докторъ у меня сдѣлались синонимами. Эти жалкіе люди много разъ морили меня, но никого не выгнѣвали. У меня, два мѣсяца тому назадъ, чуть не сдѣлалась горячка. Недѣлю я пролежала въ постели, но ни одинъ эскулапъ не переступилъ моего порога» ²⁾).

Уже и ранѣ этого, съ самаго начала переписки, разсѣльны разныя выходки противъ докторовъ, которыхъ Екатерина вообще весьма не жаловала; такъ напр. она говоритъ въ одномъ мѣстѣ: «Доктора, какъ и авгуры должны бы при всякой встрѣчѣ другъ съ другомъ смѣяться надъ своимъ невѣжествомъ и надъ легковѣріемъ людскимъ» ³⁾).

20 сентября 1783: «Мнѣ очень прискорбно, что этотъ годъ былъ для васъ такимъ же роковымъ, какъ и для меня. У меня были

¹⁾ 268. Это сказано вѣроятно по поводу смерти камердинера императрицы Брозинскаго, про котораго она позже пишетъ Гриму: «Потеря Брозинскаго незамѣнима; это былъ умный и достойный человѣкъ; когда я бывало прочитаю хорошую книгу, то ему даю прочесть ее; никогда никто мнѣ такъ не служилъ, какъ этотъ человѣкъ; потому я считала потерю его — одною изъ самыхъ тяжкихъ. Но мнѣ не нравится то, что вы мнѣ говорите по этому поводу; и потому избавьте меня отъ труда отвѣчать на это». См. стр. 383.

²⁾ 276.

³⁾ 165.

то болѣзни, то горести попеременно; всѣ, къ кому я чувствовала расположеніе, не разъ доставляли мнѣ безпокойство. Среди лѣтней жары я сама схватила такой кашель, что чуть не впала въ чахотку. Князь Потемкинъ былъ при смерти, генераль Ланской чуть не сломилъ себѣ шею. При такихъ прекрасныхъ предзнаменованіяхъ родилась Александра Павловна. . . . Еще угрожаетъ мнѣ потеря фельдмаршала князя Голицына, котораго состояніе здоровья мнѣ вовсе не нравится. Онъ хорошій, честный человекъ, и я къ нему привыкла, я его люблю и уважаю» ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ ровно черезъ мѣсяць мы читаемъ: «Фельдмаршалъ, князь (Александръ Михайловичъ) Голицынъ, скончался вчера; вотъ еще новая потеря, очень для меня чувствительная» . . . ²⁾.

Въ томъ же 1783 году умерли оба знаменитые ученые, Эйлеръ и Миллеръ: первый 7 сентября, а второй 4 октября, и о нихъ упоминается такъ: «Мы только что потеряли великаго Эйлера; историографъ Мюллеръ тоже умеръ» ³⁾. Такимъ образомъ съ полнымъ правомъ императрица называла этотъ годъ роковымъ для себя и говорила: «Пока дѣла Тавриды ⁴⁾ устроивались, я очень принимала къ сердцу ваши огорченія. 1783 годъ, если взять его въ цѣлости, былъ и для меня и для васъ несчастливымъ годомъ. Вообще я замѣтила, что величайшія горести являлись у меня рядомъ съ событіями радостными и славными. Госпожа Таврида стояла мнѣ много слезъ тѣми утратами, которыя я претерпѣла или которыя мнѣ угрожали» ⁵⁾. Это было сказано ровно за годъ до смерти Ланского.

Вскорѣ послѣ смерти Бауэра государыня, извѣщая Гримма о приѣздѣ доктора Вейкарда, прибавляетъ: «Я видѣла также другаго новоприѣзжаго родственника, друга и школьнаго товарища покойнаго генерала Бауэра. Его имя — Канкренусъ. Мы искусно

¹⁾ 283.

²⁾ 289.

³⁾ 288.

⁴⁾ Присоединеніе Крыма.

⁵⁾ 302.

похитили этого — для наших соляныхъ копей, изъ стороны Ан-шпаха. Ахъ, сколько въ Германіи въ эту минуту людей замѣчательныхъ, и какъ хорошо оттуда черпать!»¹⁾ Этотъ Канкренусъ былъ отецъ знаменитаго впоследствии министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкринна. Изъ этого отзыва видно, что не только высокіе и безпристрастные умы и выдающіеся таланты въ Европѣ пользовались признаніемъ и горячимъ сочувствіемъ Екатерины, которая имъ благотворила, но она не пренебрегала иногда вызывать и въ Россію иностранцевъ, подобныхъ генералу Бауэру, вышеупомянутому Канкренусу, Ангальту и пр., ставя имъ однако въ первую обязанность безкорыстно и вѣрно служить своему новому отечеству. Даже, говоря о самой себѣ какъ государынѣ иностраннаго происхожденія, она въ предисловіи своемъ къ «Запискамъ» о русской исторіи выражаетъ слѣдующую замѣчательную мысль: *„Собиратель силъ записокъ не въ число змѣй вскормленныхъ за пазухой“*.

Мнѣніе государыни объ оберъ-камергерѣ И. И. Шуваловѣ мы уже приводили, говоря о художествахъ. Его нерѣшительный характеръ совсѣмъ не подходилъ къ свойствамъ и вкусамъ императрицы, отчего она всегда говорила о немъ съ нѣкоторой ироніей и часто надъ нимъ подсмѣивалась, хотя Шуваловъ видимо старался угождать ей и быть пріятнымъ. Такъ по возвращеніи его изъ за границы, въ 1777 году, государыня пишетъ: «Знаете ли, что я совсѣмъ возгордилась съ тѣхъ поръ какъ Шуваловъ, вернувшись изъ чужихъ краевъ, сказалъ мнѣ, что итальянскіе художники вовсе не затруднены дѣлать мой профиль, что они просто берутъ бюстъ, медальонъ или медаль Александра (Македонскаго) и производятъ изображеніе весьма на меня похожее; есть камей, сдѣланный такимъ образомъ, который всѣ охотники до моей фізіономіи хотятъ скопировать. Этотъ случай заставляетъ меня пріосаняться»²⁾.

¹⁾ 800.

²⁾ 70.

Въ другой разъ императрица пишетъ, что Шуваловъ хвалитъ записку о ея царствованіи и находитъ, что это вещь академическая. Но это не мѣшало ей находить его медлительнымъ и лишенымъ вкуса въ художествахъ, а позже преданнымъ ханжеству подъ вліяніемъ святоши — иностранца графа Карамана.

О его безвкусицѣ государыня говоритъ такъ: «Это оберъ-камергеръ распускаетъ слухи, что Рейфенштейнъ будто все покупаетъ дорого, потому что онъ, оберъ-камергеръ, никогда ничего не покупаетъ кромѣ дряни, но за то дешево. И эту дрянъ онъ пробовалъ выдавать намъ за превосходныя вещи. Удивительно впрочемъ, какъ, проведя столько лѣтъ въ Римѣ, онъ такъ мало образовалъ свой вкусъ и пониманіе. Знайте, что онъ въ дружбѣ съ тремя, четырьмя старыми герцогинями, которымъ онъ рассказываетъ эти жалкія вещи»¹⁾).

О ханжествѣ его мы приводили выписки и прежде. Вотъ еще подобныя же отзывы: 1 іюля 1779 г. изъ Петергофа: «Г. оберъ-камергеръ поѣхалъ въ Москву, а по дорогѣ заѣзжалъ на всѣ богомолья. Онъ молился день и ночь до истощенія силъ; онъ блѣденъ и изнеможенъ, непонятно отчего, а при этомъ ему хочется поддержать прежнюю репутацію любезности и еще Богъ знаетъ чего, а втихомолку онъ себя въ этомъ упрекаетъ. Все это заставляетъ вздыхать и дѣлаетъ насъ болѣе чѣмъ когда-нибудь нерѣшительными. Право, страдаешь за него, когда его видишь»²⁾. «Если хотите, рядомъ съ той кафедрой, которую вы мнѣ совѣтуете создать, я хочу основать кафедру науки нерѣшительности, гораздо болѣе мнѣ свойственной чѣмъ думаютъ, а первымъ профессоромъ ея по справедливости будетъ оберъ-камергеръ»³⁾.... Онъ заказываетъ въ Римѣ вкривь и вкось, тогда какъ его самого здѣсь нѣтъ и онъ пасетъ гусей въ одномъ изъ имѣній сестры въ Калужской губерніи за двѣсти верстъ отъ Москвы по дорогѣ въ Украину»⁴⁾

¹⁾ 209.

²⁾ 146.

³⁾ 158.

⁴⁾ 162.

Вскорѣ послѣ того, въ январѣ, государыня возвѣщаетъ его возвращеніе: «Г. оберъ-камергеръ вернулся по этому холоду изъ Москвы блаженнымъ и несчастнымъ и являлся ко мнѣ съ комедіями г-жи Жанлисъ подъ мышкой: это было ужъ совершенно противоположно Тартюфу» ¹⁾).

Генералъ-прокуроръ, князь А. А. Вяземскій, какъ управлявшій государственнымъ доходами, былъ для Екатерины источникомъ тѣхъ средствъ, которыя требовались для заказовъ и различныхъ порученій Гриму. Поэтому онъ очень часто упоминается въ перепискѣ и, замышляя о какомъ-нибудь новомъ приобрѣтеніи, государыня подшучиваетъ насчетъ впечатлѣнія, которое этотъ сюрпризъ произведетъ на генералъ-прокурора. «Я очень соблазняюсь рѣзными камнями балъ де-Бретѣля. . . Я подстерегу добрую минутку у Олсуфьева или генералъ-прокурора, чтобъ предложить имъ эту покупку. Напримѣръ, первому я предложу ее къ моимъ именинамъ, когда онъ мнѣ покупаетъ всегда какую-нибудь дрянную тряпку» ²⁾).

На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Какъ только князь Барятинскій уѣдетъ, я примусь за переговоры о кабинетѣ рѣзныхъ камней балъ де-Бретѣля, который только что возвратился съ водъ. Я полагаю, что генералъ-прокуроръ или г. Олсуфьевъ не прочь купить маленькій букетъ императрицѣ ко дню ея именинъ. Она заслуживаетъ хоть время отъ времени маленькаго подарочка и при этомъ нельзя сказать: у меня нѣтъ денегъ; а надо знать сначала, стоить ли подарокъ тѣхъ денегъ» ³⁾. «Я совершенно покоенъ, что г. Олсуфьевъ и г. генералъ-прокуроръ настроены такъ же какъ и я, и весьма расположены поднести императрицѣ на ея деньги подарки, ею заслуженные» ⁴⁾.

Когда итальянскій банкиръ Сантини дѣлаетъ выдачи Рейфен-

¹⁾ Св. Н. О. XXIII, 167.

²⁾ 178.

³⁾ Письма Грима 42.

⁴⁾ Тамъ же 60, 61.

штейну на покупки, она велитъ ему адресовать всѣ счета къ князю Вяземскому или Безбородкѣ, прибавляя, что эти господа лучшіе плательщики какихъ она знаетъ и дѣлая замѣчаніе, что князь Вяземскій любитъ во всѣмъ опредѣленность¹⁾.

Въ 1782 г. государыня пишетъ къ Гримму: «Генераль-прокуроръ только что открылъ вамъ новый кредитъ на 25 тысячъ рублей и въ первый разъ, какъ я его увижу, я предложу ему, чтобъ онъ вамъ открылъ кредитъ неограниченный. Но это слово навѣрно будетъ ему стоить припадка удушья, и несмотря на все мое вліяніе на него, мнѣ не добиться этого безъ особаго моего повелѣнія; у него же сдѣлается біеніе сердца, которое, какъ я опасаюсь, увеличитъ его начинающуюся одышку, а вы согласны со мною, что необходимо беречь здоровье человѣка, который, кромѣ другихъ своихъ хорошихъ и почтенныхъ качествъ, имѣетъ еще и то, что у него всегда находятся готовые деньгіи на всевозможныя непредвидѣнные случаи, да еще для такого поглотителя и мота какъ я»²⁾. Въ апрѣлѣ 1783 г.: «Г. генераль-прокуроръ будетъ менѣ чѣмъ когда-либо страдать удушьемъ, потому что я ему доставлю на этихъ дняхъ маленькое денежное подкрѣпленіе, противъ своей обыкновенной привычки давать глотать эти послѣднія 8 лѣтъ одни слабительныя»³⁾. Въ октябрѣ 1785: «Что касается до г. генераль-прокурора, то онъ не жалуется теперь ни на какія выдачи: онъ такъ привыкъ къ нимъ, что въ настоящую минуту даетъ самымъ любезнымъ образомъ и часто самъ подаетъ проекты, могущіе способствовать опустошенію его кассъ. Но на это есть маленькая причина — та, что средства его увеличились немножечко, а затрудненія уменьшились, потому что мы склонны считать себя чрезвычайно благоразумными и всѣ царапины злорѣчиваго пера многострадальнаго несколько не задѣваютъ и не огорчаютъ насъ. Надо давать ему

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 194, 200.

²⁾ 236, 237.

³⁾ 277.

свободу говорить и выражать свое мѣнѣе, какъ городу Москвѣ, и пусть такъ онъ идетъ своей дорогою¹⁾.

Это не мѣшаетъ однако Екатеринѣ, дѣлая свои заказы Гриму, не разъ повторять ему: «постарайтесь купить какъ можно дешевле, чтобъ не увеличить удѣлы князя Вяземскаго»²⁾.

Хотя мы не можемъ знать, какой именно выходкой Гримма было вызвано замѣчаніе государыни о его злорѣчивомъ перѣ, потому что письма его за этотъ годъ не сохранились, но можно привести здѣсь другое мѣсто по поводу ея заграничныхъ покупокъ, которое доказываетъ, что Гриммъ любилъ иногда пересыпать свои шутки довольно грубоватой солью, перетѣшивая еѣ и съ тонкой лестью, чтобъ смягчить впечатлѣніе.

«Со всѣми добрыми и вѣрными слугами вашего величества радуюсь отъ глубины души мужественной рѣшимости, принятой императрицею болѣе ничего не покупать. Когда я увидѣлъ, что она отказывается отъ Корреджіо, я сказалъ: о, на сей разъ это ужъ вѣрно; немедленно я сталъ на колѣни, чтобъ благодарить Небо, я три раза перекрестился, и воскликнулъ: Боже, поддержи Свою Помазанницу въ такихъ назидательныхъ, христіанскихъ чувствахъ, и это сдѣлаетъ Тебѣ великую честь. Правда, что я былъ немножко сконфуженъ, замѣтивъ между первыми и послѣдними листками божественной грамоты, то есть менѣе нежели въ мѣсяцъ, большую разницу, потому что, послѣ рѣшительныхъ словъ: Я болѣе ничего не покупаю, — съ нѣкоторымъ удивленіемъ читаешь: — Надо, чтобъ божественный скорѣе прислалъ то и другое, — и затѣмъ слѣдуетъ нескончаемый списокъ. И я еще простерся и сказалъ: Господи, Робинъ помни твою дудку; подумай, что рѣшенія Твоей Помазанницы шатки, и это не сдѣлаетъ тебѣ большой чести»³⁾. Что до меня, бѣдняка, мое дѣло только повиноваться. Если я не напишу тотчасъ божественному, если онъ

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 365.

²⁾ 396.

³⁾ Читатель долженъ помнить, что эта легкомысленная шутка выходитъ изъ устъ энциклопедиста XVIII вѣка.

не послѣшнть притти на помощь къ Твоей помазанницѣ, она будетъ упрекать меня, что я подвергъ опасности дни ея, что я не захотѣлъ спасти ей жизнь, и разумное мое противодѣйствіе сдѣлаетъ меня пугаломъ для всего моего вѣка. Да, Господи, это слишкомъ дорого обойдется. Ты хвалишься круглый годъ, что держишь сердца королей и императрицъ въ рукѣ Своей; это Твое дѣло, выпутывайся изъ этого какъ Тебѣ угодно; я умываю себѣ въ томъ руки. Послѣ этой набожной и усердной молитвы, я скажу вашему величеству, что бесполезно, взявъ доброе и твердое намѣреніе, кричать во всю мочь:—я болѣе ничего не покупаю.— Это слишкомъ похоже на трусовъ, которые поютъ ночью на улицахъ, чтобъ доказать, что они не боятся, или лучше изъ боязни, что струсятъ. Слѣдуетъ только сказать положительно и искренно: многострадальный, охота покупать у меня прошла; я забавляюсь только тѣмъ, что царствую, дѣлаю свои народы счастливыми и воспитываю имъ маленькаго Александра въ хлопоткахъ для той же цѣли; итакъ мнѣ ничего не нужно. А я на это отвѣчаю: вотъ тутъ-то лучшая минута, чтобъ дѣлать предложенія императрицѣ, потому что она наотрѣзъ откажется и мы одержимъ побѣду: г. генералъ-прокуроръ, мудрость и я, и императрица будутъ намъ за то безконечно благодарна, потому что послѣ побѣды она скажетъ: однако я сама не поддаюсь искушенію; я героиня, не только когда ношу императорскую корону на головѣ: я остаюсь такова и въ шлафрокѣ и это очень граціозно; и тотъ кто сказалъ, что никто не герой для своего камердинера, солгалъ. Стало-бытъ, чтобъ доставить вашему величеству такое постоянное довольство собою и славу мнѣ отказывать, я всегда буду дѣлать вамъ кой-какія маленькія предложенія»¹⁾.

Знатные Русскіе, пребывавшіе въ Парижѣ, не только были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Гриммомъ, но въ торжественные дни рожденія, тезоименитства и восшествія на престолъ государыни онъ приглашалъ къ себѣ ихъ молодежь, сверстниковъ Эмилии Бель-

¹⁾ Письма Гримма 189, 190, 191.

зѣнсь, удостоенной отъ государыни Фрейлинскаго шифра, и такъ описывалъ эти празднества: «Мы празднуемъ всѣ праздники императрицы. Всѣ маленькія удовольствія, даже всѣ забавы относимъ мы къ императрицѣ. Былъ прелестный балъ въ домѣ многострадальнаго. И вся русская молодѣжь блистала на немъ. Шуваловы, Строгоновы, Салтыковы, Чернышевы, и къ концу бала явилась княгиня Дашкова въ сопровожденіи своего сына и дочери»¹⁾.

Въ апрѣлѣ того же 1781 года ко дню рожденія государыни Гриммъ пишетъ: «Если эта грамота придетъ въ должную минуту, она напомнитъ вашему императорскому величеству, что въ то время, когда пожеланія цѣлой Россіи раздаются на улицахъ, въ воздухѣ, въ императорскомъ дворцѣ, — лачуга многострадальнаго вся перевернута вверхъ дномъ; всѣ дѣвчонки засуетились по поводу торжественнаго дня. Всѣ эти дѣвчонки съ каждымъ годомъ понемножку перестаютъ быть дѣвчонками; онѣ выходятъ замужъ одна за другой подъ носомъ многострадальнаго; но это не отнимаетъ у нихъ охоту чествовать ту, имя которой чтится отъ береговъ Невы за предѣлы теченія рѣки Амазонской: это только налагаетъ на нихъ долгъ произвести другихъ дѣвчонокъ, чтобъ передать имъ обычай праздновать 2-е мая изъ рода въ родъ. Зная, какой шумъ онѣ произведутъ у меня, я желалъ бы очутиться за восемьсотъ лѣтъ отсюда, какъ напримѣръ въ Петербургѣ въ свитѣ г. Александра, въ качествѣ носителя его верхняго платья, или носителя *шлейфа*, когда онъ въ парадной формѣ пойдетъ привѣтствовать императрицу. Вотъ съ чѣмъ я на худой конецъ весьма охотно бы примирился; но г. Александръ говоритъ, что онъ пойдетъ къ императрицѣ и безъ носителя верхняго платья, и отсылаетъ меня стеречь верхнее платье моихъ дѣвчонокъ»²⁾.

Въ іюнѣ того же года Гриммъ собирается праздновать въ Спа восшествіе на престолъ, и пишетъ: «Мы не на шутку те-

¹⁾ Письма Гримма 125, 126.

²⁾ Тамъ же 186, 187.

прямъ все племя Шуваловыхъ: они возвращаются прямо въ Петербургъ. Совѣтую вашему величеству имѣть большое уваженіе къ своему многострадальному. Это единственный человѣкъ во Франціи, къ которому княгиня Дашкова удостоила взять рекомендательное письмо изъ Англіи. Правда, она надѣется, что я скажу много хорошаго о ея дѣтяхъ передъ царскимъ треножникомъ, и въ самомъ дѣлѣ ея дѣти заслужили всеобщее одобреніе. Ея сынъ, кажется, очень воспользовался своимъ долгимъ пребываніемъ въ Шотландіи, и я всегда очень радъ, когда могу сказать что-нибудь хорошее о комъ-либо изъ подданныхъ вашего величества»¹⁾.

На это государыня отвѣчаетъ: «Я очень довольна, что вы хорошо отзываетесь о сынѣ княгини Дашковой; я всегда интересовалась этимъ ребенкомъ, потому что мнѣ казалось, что в него очень доброе сердце»²⁾.

Замѣчательно еще одно мѣсто изъ писемъ Гримма, касающееся русскихъ путешественниковъ въ Парижѣ и той репутація, которую они приобрѣли за границей вслѣдствіе своихъ займовъ и неаккуратныхъ платежей своимъ кредиторамъ:

«Мнѣ стоить большаго усилія надъ собой начать съ вашимъ величествомъ разговоръ объ одномъ щекотливожъ дѣлѣ, которое вовсе меня лично не касается. Но послѣ того, что я 18 мѣсяцевъ избѣгалъ вмѣшательства въ него, я расчелъ, что сами заинтересованныя стороны будутъ мнѣ благодарны, если я доведу это дѣло до свѣдѣнія вашего величества, что гораздо лучше, нежели допустить, чтобы оно дошло до васъ посредствомъ мемуара, который хотѣли представить по этому случаю г-ну Верженну. Только увидѣвъ, что такое рѣшеніе близко къ исполненію, я остановилъ его, сказавъ, что беру на себя это дѣло. Ваше величество знаете, можетъ-быть, съ какою заботливостью и даже съ какими издержками 84 лѣтній маршалъ герцогъ Биронъ принимаетъ иностран-

¹⁾ Тамъ же 213.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 218.

цевъ всѣхъ націй, а особливо Русскихъ. Графъ Петръ Разумовскій и его супруга были постояннымъ предметомъ его вниманія во время ихъ пребыванія во Франціи, и они никогда не могли бы покинуть Парижа безъ отмѣнной услуги, которую онъ имъ оказалъ. Онъ имъ повѣрилъ на слово 52 тысячи французскихъ ливровъ, чтобы дать имъ возможность заплатить свои долги и благополучно достигнуть отечества. Подобную же услугу онъ оказалъ адмиралу Роднею, долги котораго безъ помощи маршала задержали бы его во Франціи на все время войны, а это для него конечно не могло быть безразлично. Маршалъ за такія услуги никогда не получаетъ ни росписокъ, ни благодарности; выходитъ, что это долгъ чести еще болѣе священный. Черезъ нѣсколько времени по возвращеніи графа Петра г. маршалъ Разумовскій письмомъ выразилъ маршалу Бирону благодарность за отмѣнную услугу, оказанную его сыну, безъ которой онъ никогда не вырвался бы изъ Парижа, и обѣщалъ заплатить долгъ тотчасъ по возвращеніи въ Петербургъ. Шестъ лѣтъ прошло съ той поры и маршалъ не получилъ обратно своего капитала, что не помѣшало ему давать другимъ русскимъ путешественникамъ денежныя ссуды, правда менѣе значительныя, но также невозвращенныя. Маршалъ говоритъ, что въ его годы нельзя и не надо ждать долге, и полагаетъ, что какъ только императрицѣ будетъ сдѣлано это сообщеніе, онъ тотчасъ получитъ свои деньги; а я этого желаю изъ привязанности къ русскому имени: мнѣ каждый разъ вонзаютъ кинжалъ въ сердце, когда рассказываютъ исторіи такого рода. Я кончаю этотъ листъ, присоединяя къ нему письмо добраго Ваньера, которое я не хочу оставить безъ отправки, и приношу къ подножію вашего императорскаго величества выраженіе моего величайшаго благоговѣнія¹⁾.

Въ 1782 г. княгиня Дашкова возвратилась въ Россію и государыня, говоря съ Гриммомъ объ аббатѣ Рейналѣ, прибавляетъ: «Онъ долженъ былъ производить превосходный эффектъ между

¹⁾ Письма Гримма 236, 237, 238.

княгиней Дашковой, которая возвратилась къ намъ на дняхъ, и графомъ Сакеномъ ¹⁾: этотъ, сказать мимоходомъ, всегда былъ для меня противнымъ существомъ, котораго я избѣгала ²⁾).

«Кто такая эта госпожа княгиня, которая не желаетъ, чтобъ изъ за нея страдали?» восклицаетъ государыня въ другомъ письмѣ: «Ахъ, какъ она добра! Тѣфу пропасть, да я думаю, что это моя директриса! (т. е. княгиня Дашкова) клянусь, что она не называла своего имени съ тѣхъ поръ, какъ у нея Академія въ умѣ и передъ глазами» ³⁾).

Въ началѣ 1783 г. государыня извѣщала Гримма о томъ, что въ Петербургѣ началъ выходить журналъ *Собесѣдникъ*, который издавала княгиня Дашкова, говоря что этотъ журналъ есть смѣсь весьма забавныхъ вещей и что она помѣстила тамъ первую эпоху написанной ею для внуковъ исторіи Россіи. Кромѣ того она помѣщала тамъ свои Были и Небылицы, — сатирическія замѣтки, въ которыхъ задѣвала смѣшныя стороны современнаго общества и лицъ ей близко извѣстныхъ. Въ концѣ же года она сообщаетъ что «авторы поссорились съ издателями» ⁴⁾, то есть заявляетъ о прекращеніи своего участія въ журналѣ, по крайней мѣрѣ въ сатирической его части, вслѣдствіе того, что княгиня Дашкова обидѣлась помѣщенной государынею статьей «Общества незнающихъ ежедневная записка». Это была пародія на засѣданія Россійской академіи, приписанная государыней Л. А. Нарышкину. Княгиня Дашкова, какъ президентъ академіи, серьезно оскорбилась и возникли недоразумѣнія. Вотъ какъ рассказываетъ про этотъ случай сама императрица: «Чтобъ развеселить васъ, я желала бы прислать вамъ нѣсколько шуточныхъ переводовъ изъ этого ералашнаго журнала. Между прочимъ тамъ есть «общество незнающихъ», раздѣленное на двѣ палаты; первая съ

¹⁾ Вѣроятно, баронъ Іоаннъ Густавъ, бывший долгое время саксонскимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

²⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 247.

³⁾ 277.

⁴⁾ 291.

чутьемъ, вторая безъ чутья. Эти двѣ палаты судять обо всемъ вкривъ и вкось, вторая однако судить по здравому смыслу, а первая доставляетъ ей матеріяль. И все это такъ серьезно, такъ правдоподобно, что читатель помираетъ со смѣху, и есть черты, которыя обратятся въ пословицы. Но, видно, это было слишкомъ хорошо, потому что авторы поссорились съ издателями; и послѣдніе только потеряютъ при этомъ, потому что это составляло восторгъ и города и двора»¹⁾.

Графъ и графиня Брюсъ часто упоминаются въ перепискѣ и всегда тономъ благоволенія, особливо первый: сначала при встрѣчѣ въ Римѣ молодой четы графа и графини Сѣверныхъ, потомъ при свиданіи императрицы съ Густавомъ III въ Фридрихсгамѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ войскъ тамъ расположенныхъ, и наконецъ во время неожиданнаго путешествія въ Москву при посѣщеніи каналовъ, когда онъ былъ уже московскимъ генералъ-губернаторомъ. Позже, во время путешествія въ Крымъ, государыня пишетъ Гримму, что она три раза въ недѣлю «отдаетъ отчетъ въ своемъ поведеніи графу Брюсу, чтобъ и его вызвать на то же, что впрочемъ онъ всегда и исполняетъ»²⁾. О смерти графини Брюсъ, урожденной Румянцовой, — сестры Задунайскаго, она такъ сообщаетъ въ апрѣлѣ 1785 г.: «Семейство Румянцовыхъ понесло весьма чувствительную потерю въ лицѣ графини Брюсъ, скончавшейся въ Москвѣ на прошедшей недѣлѣ. Невозможно не сожалѣть о ней тому, кто хорошо зналъ еѣ, потому что она была очень любезна. Лѣтъ шесть, семь тому назадъ это меня еще болѣе огорчило бы, но съ тѣхъ поръ мы противъ прежняго нѣсколько удалились другъ отъ друга и были разлучены»³⁾.

Но всѣхъ чаще и при всякомъ почти случаѣ, касающемся приказовъ, расплатъ, выписки художниковъ, при сообщеніяхъ государыни о ея дѣятельности законодательной и учредительной, является имя ея *фактотума*, графа Безбородки. Въ 1779-мъ

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 291.

²⁾ 408.

³⁾ 330.

году онъ представилъ Екатеринѣ записку о 17-ти лѣтнемъ ея царствованіи и вотъ какъ она отзывается объ этомъ: «Г. Безбородко вздумалъ составить списокъ событій и достопамятныхъ общественныхъ дѣлъ за послѣднія семнадцать лѣтъ; онъ принесть намъ все это въ первый день нашего восемнадцатаго года. Этотъ списокъ довольно объемистъ; но я удивилась, что въ немъ далеко не все, и чтобъ убѣдиться что нѣтъ опущеній, я велѣла каждому вѣдомству представить то, чего недоставало: напримѣръ, тамъ не было упомянуто о работахъ на Двинѣ въ Ригѣ, которыя однако не настолько маловажны, чтобъ не могли занять уголокъ въ спискѣ» ¹⁾).

Черезъ два года Безбородко составилъ списокъ за 19 лѣтъ царствованія, уже приведенный нами, который онъ ежегодно долженъ былъ дополнять, а государыня перевела этотъ списокъ на нѣмецкій языкъ для Гримма.

Въ томъ же 1779 году государыня проситъ препроводить къ Безбородкѣ контракты съ архитекторами Тромбарой и Кваренги, а позже и самихъ архитекторовъ, такъ же какъ и выписанныхъ прядильщиковъ Миллера велитъ адресовать къ нему же ²⁾).

Всѣ счета по расплатамъ Гримма, всѣ пожалованья, подарки, патенты иностраннымъ знаменитостямъ проходили черезъ его руки. Наконецъ ему же переданы были и суммы на особыя издержки государыни ³⁾), такъ что она проситъ Гримма сообщать банкиру Сантини, чтобъ онъ всѣ свои счета, по сдѣланнымъ за нея уплатамъ, адресовалъ или прямо къ генералъ-прокурору Вяземскому, или къ Безбородкѣ, потому что они лучшіе плательщики въ мірѣ. Въ 1783 г. государыня писала, что Ланской, признательный за спасеніе брата, желая одолжить Гримма, готовить ему копію ея портрета не съ Бромптона, а съ прекраснаго портрета русскаго художника Левицкаго, сдѣланнаго для фактотума

¹⁾ 148.

²⁾ 163.

³⁾ 186.

(Безбородки), который онъ ставитъ гораздо выше перваго. Этотъ знаменитый портретъ воспѣлъ Державинъ въ одѣ «Видѣніе мурзы». Копія съ него находится въ Императорской публичной библіотекѣ.

О Бецкомъ и его отношеніяхъ къ Бобринскому уже было говорено выше, но о немъ еще упоминается въ письмахъ какъ о чтецѣ. Такъ въ 1779 году онъ читаетъ государынѣ комедію французскаго писателя Седэна и она пишетъ объ этомъ: Бецкій не знаетъ ни откуда эта пьеса, ни чья она. Онъ равнодушно прочиталъ первое дѣйствіе, послѣ чего напелъ, что у Реймона мало соображенія, и что онъ могъ сказать, что получилъ пьесу по почтѣ; я давала ему говорить. Г. Гаводанъ ему понравился, но замѣтилъ онъ, — вѣдь это значитъ давать уроки государямъ. — Кто же можетъ это взять на себя? Я молчала, онъ продолжалъ и прочелъ въ этотъ день только три дѣйствія. Онъ ворчалъ сквозь зубы: — Это оскорбительно для многихъ. — Я притворилась что не обращаю вниманія на его замѣчаніе; онъ же принималъ живое участіе въ томъ, что читалъ: ни одного слова не ускользало отъ него, что не бываетъ съ нимъ, когда онъ читаетъ то, что ему кажется скучнымъ. На другой день онъ успѣшилъ возвратиться къ чтенію и кончить его; время отъ времени онъ сердился читая, а по окончаніи объявилъ: эту пьесу поставить нельзя, потому что она задѣнетъ слишкомъ многихъ; я ему замѣтила, что она написана сильно, что это прекрасная пьеса. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что комедія должна веселить и забавлять зрителей, а такое представленіе при дворѣ было бы неприятно для присутствующихъ и наибольшей играетъ въ ней роль слишкомъ мало почетную. Я отвѣчала ему: — я хотѣла бы, чтобъ ее сыграли, хотя бы для того, чтобъ показать, что я пользуюсь у себя бѣльшимъ авторитетомъ чѣмъ Реймонъ. — Онъ возразилъ мнѣ: — хорошо, но приятно ли вамъ будетъ въ кругу людей, гдѣ каждый будетъ чувствовать себя оскорбленнымъ? На это я должна была замолчать. . . Эта пьеса заставляетъ задуматься¹⁾.

Въ томъ же 1779 году государыня помышляла замѣнить Бец-

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 129.

каго, какъ чтеца, Ваньеромъ, секретаремъ Вольтера, и говорила: Бецкій старѣеть и начинаетъ читать очень невнятно и читаетъ лѣниво. Но Ваньеръ, долго прохворавъ въ Петербургѣ, не остался въ Россіи. По поводу разныхъ дѣлъ въ Академіи художествъ и желаній нѣкоторыхъ иностранцевъ напр. Клериссо, Седэна быть принятыми въ ея члены, государыня обращаетъ Гримма къ Бецкому, такъ же какъ и по случаю исторіи нѣкоего француза Жилля, служившаго въ Академіи и получавшаго оттуда пенсію по переселеніи своемъ въ Парижъ. По ходатайству Гримма государыня пожаловала этому Жиллю шесть тысячъ ливровъ, а случай съ нимъ или, лучше, исторію его съ Академіей Гриммъ рассказываетъ такъ:

«Добродушный Жилля приходилъ ко мнѣ поплакать, когда я ему сказалъ, что императрица обѣщала мнѣ прислать шесть тысячъ ливровъ для него. Это пролило бальзамъ на рану, сдѣланную собственной его вѣтреностію. Я не знаю, по какому случаю императорская Академія распорядилась уплатить ему здѣсь пенсію два раза, черезъ двухъ различныхъ банкировъ, на растояніи немногихъ мѣсяцевъ. Добрякъ подписалъ обѣ расписки, поданныя ему банкирами, не поглядѣвъ ихъ, и принялъ деньги, полагая, что ему платятъ за два года вмѣсто одного. Когда эти двѣ расписки прибыли въ Петербургъ, замѣтили, что онъ получилъ два раза за тотъ же годъ, разгнѣвались, вспыхнули и отняли у него пенсію, чтобъ научить его впредь не обманывать. Но еслибъ онъ имѣлъ намѣреніе обманывать, то своею дважды повторенною подписью онъ самъ доставилъ бы доказательство своего обмана, и эта двукратная подпись напротивъ очевидно доказываетъ его невинность. Гораздо труднѣе объясняется, какимъ образомъ могли ему сдѣлать двойной платежъ по тому же предмету, чрезъ двухъ различныхъ банкировъ. Впрочемъ, бѣднякъ вышелъ теперь ходатаевъ за себя у г. Бецкаго и ожидаетъ отъ его правосудія, что онъ возвратитъ ему пенсію немедленно. Не надо даже, чтобъ императрица знала объ этомъ, ни чтобъ она въ это вмѣшивалась, развѣ захотятъ ей представить Жилля плутомъ, который беретъ обѣими

руками. Я вовсе не оставилъ ему надежды насчетъ шести тысячъ ливровъ, о которыхъ онъ черезъ меня ходатайствовалъ. Его радость и признательность тѣмъ болѣе были велики, что кромѣ непріятностей по двойной распискѣ, банкиръ, которому онъ повѣрилъ половину своего состоянія, обанкрутился. Сколько ваше величество заставляете проливать слезъ благодарности во всѣхъ уголкахъ земли! ¹⁾

О графѣ Панинѣ, котораго государыня такъ живо изобразила, сопоставляя его съ Орловымъ, она прибавляетъ въ одномъ письмѣ слѣдующую характеристическую черту: «Я очень рада», говоритъ она, «что у васъ приходится натывать публику носомъ на самыя интересныя вещи, иначе она бы ихъ не замѣтила. Никто не зналъ этого искусства лучше графа Панина: въ одну минуту онъ умѣлъ украсить свое платье чужими перьями, и тѣмъ менѣе оно ему принадлежало, тѣмъ болѣе онъ восхвалялъ его, чтобъ повѣрили его отеческой иѣжности къ ребенку, тогда какъ ребенокъ былъ чужой» ²⁾.

Литературные труды Екатерины. Исторія и политическая мудрость.

Упомянувъ объ изданіи Собесѣдника, въ которомъ дѣятельное участіе принимала сама Екатерина, мы постараемся прослѣдить по ея письмамъ и другія ея литературныя занятія, которыми она отводила столько времени среди трудовъ правленія. Между ними, кромѣ дѣтской литературы, являющейся въ перепискѣ подъ именемъ библиотеки Александрo-Константиновской, первое мѣсто принадлежитъ Исторіи Россіи подъ заглавіемъ: «Записки касательно Россійской исторіи». Онѣ занимаютъ почти половину журнала Собесѣдникъ и изданы потомъ отдѣльно въ 6-ти

¹⁾ Письма Гримма, стр. 41.

²⁾ Св. И. О. XXIII, 330.

частяхъ, съ именемъ императрицы. Эта исторія выдержала три изданія, послѣднее было напечатано въ 1801 году въ Собесѣдникѣ. «Записки» доведены до 1224 г., въ отдѣльномъ же изданіи продолжены до 1276 года. Этотъ трудъ былъ начатъ ею для внуковъ, о воспитаніи которыхъ она такъ много заботилась, а позже она имѣла въ виду и потребности создаваемыхъ ею нормальныхъ школъ. О первоначальной мысли, побудившей ее заняться русской исторіей, свидѣтельствуетъ слѣдующее мѣсто одного письма 1782 года: «Кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, вотъ г. Александръ требуетъ у меня одного чтенія за другимъ. На дняхъ онъ познакомился съ Александромъ Великимъ. Онъ попросилъ, чтобъ я его лично съ нимъ познакомила и ужасно былъ пораженъ, когда узналъ, что тотъ умеръ. Онъ очень о немъ сожалѣлъ»¹⁾).

Естественно, что начавъ съ внучкомъ бесѣды о предметахъ историческихъ, Екатерина должна была чувствовать, что для него всего важнѣе знакомство съ судьбами своего родного края, а такъ какъ никакихъ популярныхъ и учебныхъ книгъ по этой части еще не было, то императрица и рѣшилась сама заняться этимъ дѣломъ. Она поручила разнымъ лицамъ, между-прочимъ Мусину-Пушкину²⁾, а въ Москвѣ профессорамъ Чеботареву и Барсову, дѣлать для нея выписки изъ лѣтописей и доставлять эти матеріалы прямо къ ней. Уже самая мысль составить исторію изъ свода лѣтописей — для того времени замѣчательна. Собрать же и объединить эти лѣтописи, облечь ихъ въ общедоступную форму историческаго разсказа, дать имъ воспитательное значеніе, какъ для своихъ внуковъ, такъ и для всего общества — этотъ трудъ Екатерина взяла на себя и выполнила съ истинною и не лицемѣрною любовью къ своему народу и его исторіи. Но это не было еще единственною цѣлью государыни. Она вмѣстѣ съ тѣмъ

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 252.

²⁾ Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, извѣстный любитель древностей, род. въ 1774 † 1817.

стремилась уронить тотъ укоренившійся на Западѣ высокоумѣрный взглядъ на нашу исторію, который утверждалъ, что собственно исторіи въ нравственномъ смыслѣ слова у русскаго народа нѣтъ, что русская исторія есть какое-то сдѣленіе случайныхъ и часто дикихъ фактовъ безъ всякаго внутренняго значенія. Мнѣніе это еще не такъ давно смѣло повторялось иностранцами, призывавшимся къ воспитанію нашего русскаго юношества въ высшихъ сферахъ общества и даже нашло отголосокъ въ нѣкоторыхъ серьезныхъ сочиненіяхъ нашего времени.

Въ противоположность этому взгляду, Екатерина, прилежно занявшись изученіемъ русской исторіи по выпискамъ изъ лѣтописей, старалась отыскать въ ея событіяхъ тотъ нравственный смыслъ, въ которомъ иностранные историки имъ отказывали. По выраженію Добролюбова¹⁾ она умѣла «набросить на всѣ темныя явленія русской жизни и исторіи какой-то свѣтлый, даже отраднѣй колоритъ».

Мы уже приводили слова негодованія, которыми государыня встрѣтила исторію Леклерка, француза, долгое время прожившаго въ Россіи и возымѣвшаго желаніе познакомить иностранцевъ съ русской жизнью. Множество невѣрностей, искаженій и завѣдомой лжи были отличительными чертами этого многотомнаго сочиненія. Оно произвело самое тяжелое впечатлѣніе на русскихъ читателей, и членъ Россійской академіи Болтинъ написалъ на эту исторію обширныя примѣчанія. Вотъ какой отвѣтъ даетъ подобнымъ хулителямъ Россіи Екатерина въ предисловіи къ своему труду.

«Сія записка касательно Россійской исторіи сочинена для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ исторіи Россійской, кои скорѣй именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служить, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено,

¹⁾ См. изслѣдованіе его «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» въ Современникѣ 1856 года за августъ.

но къ онымъ не стыдился прибавить злобные толки. Писатели тѣ, хотя сказываютъ, что имѣли Россійскихъ лѣтописцевъ и историковъ передъ глазами, но или оныхъ не читали, или языкъ русской худо знали, или же перо ихъ слѣпою страстью водимо было. Безиристрастный читатель да возьметъ трудъ сравнить эпоху Россійской Исторіи съ исторіями современниковъ великихъ князей каждаго вѣка¹⁾, усмотритъ ясно умоначертанія всякаго вѣка и что родъ человѣческой вездѣ и по вселенной одинакія имѣлъ страсти, желанія, намѣренія и къ достиженію употреблялъ не рѣдко одинакіе способы. Всѣ европейскіе народы до святаго крещенія, бывъ погружены въ суевѣріе, въ идолопоклонство, имѣли правила и права иныя; получивъ просвѣщеніе евангельское, получили правила до того имъ неизвѣстныя, кои не иначе могли перемѣнить обычай, мнѣніе и мысли людей старинной занята, какъ мало по малу».

Не менѣ замѣчательна и выноска къ этому предисловію: «Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской Исторіи не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой; онъ вѣкъ свой тщился исполнить долгъ благодарнаго сердца. Онъ думаетъ, что похвальное не останется безъ хвалы, непохвальное безъ опороченія, добраго же умалять доброту или порочнаго умножать дурноту и тѣмъ подобиться неискусному врачу, либо невѣжествомъ наполненному дѣтскому учителю, не есть дѣло его».

Изъ послѣднихъ словъ видна благородная, патріотическая цѣль государыни заставить русское юношество, искалѣченное иностраннымъ воспитаніемъ, полюбить свою родную исторію и высоко цѣнить ея изученіе и знаніе.

Мы сочли нужнымъ для ясности пониманія предпослать это вступленіе тѣмъ выпискамъ, которыя будутъ слѣдовать.

9 марта 1783 государыня пишетъ Гримму, что она для него должна была бросить на своемъ столѣ вторую эпоху русской

¹⁾ Для такого сравненія въ концѣ исторіи каждаго князя приложена таблица современныхъ ему государей европейскихъ и нѣкоторыхъ азіатскихъ и африканскихъ.

Сборникъ II Озд. Н. А. Н.

исторіи для употребленія гг. Александра и Константина. Радуюсь что ея трудъ заслужилъ одобреніе такихъ взыскательныхъ судей какъ: князь Потемкинъ, княгиня Дашкова, г. фактотумъ и многіе другіе, она прибавляетъ: «А это одобреніе подстрекаетъ насъ къ продолженію любимаго труда и мы уже довершили жизнь и дѣянія св. Владимира, который на зло вамъ и басурманамъ, былъ человекъ не дюжинный. А! г. многострадальный, не правда ли, что это заставляетъ васъ подымать носъ, чтобъ пронохать какъ бы достать переводъ? Надѣйтесь, но не такъ скоро, потому что я убѣждаюсь въ совершенствѣ изображенія одной эпохи, только по мѣрѣ того, какъ подвигаюсь въ другіхъ» ¹⁾.

«Я пишу Исторію, раздѣливъ ее на пять частей и начавъ ее съ 480 г. Итакъ вотъ тысячу триста лѣтъ предстоитъ обозрѣть. Дай Богъ хорошихъ желудковъ ребятамъ, которымъ придется это переваривать; теперь мы на 988 году; остается почти столько же» ²⁾.

Пославъ Гриму первую эпоху своей Исторіи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ лѣтомъ 1783 года, государыня спрашиваетъ его: «Что скажете вы о первой эпохѣ Русской Исторіи? Прислать ли вамъ остальное? Или она показалась вамъ скучною?... Я пишу исторію древняго періода и дошла до 1137 года. У меня въ головѣ шевелится мысль, что исторія всѣхъ современниковъ по вѣкамъ могла бы бросить большой свѣтъ на событія, какъ они происходили, и особливо на древнюю исторію» ³⁾.

«Я сунула первую эпоху Русской Исторіи въ журналъ (*Собесѣдникъ*) и ею кажется изрядно довольны. НВ. Такъ говорится по скромности, потому что успѣхъ кажется полный» ⁴⁾. «Я пишу исторію въ свободные часы, а когда должна писать письма, то откладываю въ сторону исторію; это очень просто, не правда ли? Эта Исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который не

¹⁾ Св. Н. О. XXIII, 269.

²⁾ 268.

³⁾ 280.

⁴⁾ 281.

ударить лицомъ въ грязь и выходить каждый мѣсяць. Столько-то царствованій въ мѣсяць — это ее даетъ въ руки каждому, и я не могу отрицать, что она имѣетъ успѣхъ: ее находятъ самую сносною изъ сущствующихъ до сихъ поръ и оцѣнивають въ ней искреннюю ревность къ отечеству, которая согрѣваетъ чувство»¹⁾. «Не кричите; надѣюсь прислать вамъ часть второй эпохи Русской Исторіи въ компаніи съ этимъ письмомъ»²⁾.

«Я могла бы написать вамъ цѣлый томъ о всѣхъ открытіяхъ, которыя ежедневно дѣлаю, когда пишу и порчу вторую эпоху Русской Исторіи; но я помѣщу большую часть своихъ размышлений въ нѣкотораго рода обзорѣніи, которое будетъ заключеніемъ, и послѣ этого обзорѣнія окончу свой трудъ, потому что въ Москвѣ, въ архивѣ, уполномоченные покойнаго Мюллера пишутъ для нормальныхъ школъ Русскую Исторію гораздо лучше моей; можетъ-быть я послѣ къ каждой эпохѣ возьму на себя трудъ сдѣлать обзорѣніе въ своемъ вкусѣ: что вы объ этомъ скажете? Вѣроятно, вы не скажете ничего, потому что еслибъ я вздумала составить списокъ всего о чемъ я васъ спрашивала и на что вы не отвѣчали, то списокъ вышелъ бы длинный. Мнѣ кажется, я отсюда вижу какъ вы на это возражаете, что я напрасно васъ обвиняю; но все это бесполезно, потому что вамъ уже давно прощено, что вы не отвѣчали на всѣ жалкіе вопросы, которые я вамъ часто задавала. . . . Знаете ли что, несмотря на господина Леклерка, который по-моему не имѣетъ здраваго смысла, исторія Россіи болѣе наполнена фактами и движеніемъ, чѣмъ какая либо другая исторія въ мірѣ. Вотъ въ главныхъ чертахъ планъ обзорѣнія, который я приму для второй эпохи:

- 1) Замѣчательные перевороты.
- 2) Постепенное измѣненіе въ порядкѣ вещей.
- 3) О народонаселеніи и финансахъ.
- 4) Трактаты и документы.

¹⁾ 286.

²⁾ 289.

5) Примѣры ревности или небрежности государей и ихъ послѣдствія.

6) Примѣчанія о томъ, чего можно было избѣжать.

7) Примѣры мужества и выдающихся добродѣтелей.

8) Примѣры пороковъ, каковы жестокость, неблагодарность, невоздержность и ихъ послѣдствія» ¹⁾).

«Мнѣ сказали, что Гарди уѣзжаетъ», пишетъ государыня въ мартѣ 1784 г., «онъ будетъ подателемъ этой депеши и нѣмецкой тетради Русской Исторіи. У г. Фрид. Николаи въ Берлинѣ ея еще нѣтъ. Итакъ вотъ вы опередили его и не имѣете повода ворчать» ²⁾).

«Вы говорите что я по природѣ проныра, а я вамъ объявляю, что я сдѣлалась настоящей архивной крысой» ³⁾

«Мы собираемъ по годамъ доблестные подвиги Славянъ изъ всѣхъ возможныхъ исторій» ⁴⁾).

«Такъ какъ ея величество получила ободреніе отъ г. много-страдальнаго на полное составленіе Россійской Исторіи, то весьма возможно, что окончивъ заключеніе второй эпохи и сокращенный обзоръ, параллельно съ каждымъ царствованіемъ, современныхъ ему царствованій, она примется за третью эпоху. Это для нея трудъ любезный и вполне увлекательный, тѣмъ болѣе, что она употребляетъ на него часы досуга, и я полагаю, что трудно полезнѣе для государства употреблять свой досугъ, какъ распутывая и разрабатывая его исторію. Но кстати, ты долженъ знать, г. многострадальный, что господа Московскаго архива употребляютъ въ дѣло наши тетради не хуже чѣмъ всякія другія. При этомъ ваше превосходительство найдете приложенною еще толстую тетрадь, которою можете позабавиться или оставить ее въ покоѣ, какъ вамъ заблагоразсудится, потому что лишь бы мы писали, намъ все равно, прочтутъ ли насъ или нѣтъ; но когда

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 291, 292.

²⁾ 297. Фридрихъ Николаи, берлинскій книгопродавецъ и писатель, котораго Екатерина удостоивала многихъ порученій учено-литературнаго характера.

³⁾ 303.

⁴⁾ 294.

человѣкъ какъ вы удостоиваетъ насъ чести прочтенія, и говоритъ еще, что это хорошо и исполнено силы и сочности (*Kraft und Saft*), тогда, о тогда — мы приосаниваемся. Съ нѣмецкаго не трудно будетъ велѣть перевести на французскій. Фридрихъ Николай только что напечаталъ всю библіотеку Александро-Константиновскую въ двухъ маленькихъ томкахъ»¹⁾.

«Кстати, вы должны узнать, что ея императорское величество любезнѣйшая императрица вчера изобразила всю первую эпоху своего царствованія въ медаляхъ, и что генералъ Ланской, увидѣвъ ея набросокъ, нашелъ, что это прехорошенькая работа, потому что генералъ этотъ становится викаріемъ многострадальнаго, то есть когда хотятъ чѣмъ-нибудь похвастаться, то называютъ это генералу-викарію»²⁾.

Ровно черезъ четыре мѣсяца послѣ того, въ сентябрѣ 1784 г., то есть уже послѣ смерти Ланского, государыня пишетъ изъ Петербурга: «Я слаба и Богъ знаетъ сколько разныхъ горячекъ я вынесла въ эти два съ половиной мѣсяца. А покаместъ я прочтала съ подложкины русскіхъ лѣтописей и три тома *Monde primitif* (Первобытнѣйшій міръ»³⁾). Это было знаменитое въ ученѣмъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе Куръ де Жебеленя, о которомъ государыня отзывалась такъ: «Я смотрю на эту всемірную грамматику какъ на одно изъ лучшихъ сочиненій, появившихся въ этомъ вѣкѣ»⁴⁾.

Какъ внимательно Екатерина читала и съ какимъ умѣніемъ дѣлала выписки изъ всего что поражало её, тому доказательства видимъ мы на каждомъ шагу въ ея перепискѣ. Мы приведемъ одну замѣчательную выписку ея изъ сочиненія Куръ де Жебеленя. Эти строки живо рисуютъ намъ, какое вдохновеніе обхватывало Екатерину всякій разъ, когда она нападала на какую-нибудь возвышенную мысль или чувство. И тотчасъ относилась она её къ славѣ и судьбамъ Россіи, тотчасъ примѣняла её къ характеру

1) 305.

2) 312.

3) 318.

4) 321.

или исторіи своего народа, которыхъ смыслъ и сущность она такъ хорошо постигла. Отъ 22 апрѣля 1785 года она пишетъ:

«Знайте, милостивый государь, знайте что никогда Россійская имперія не будетъ разрушена. Вотъ что говоритъ авторъ «Первобытнаго міра»:

«Всякая исторія имѣла свою причину, какъ всякое слово свое основаніе.

«Возвышеніе, долговѣчность, слава или паденіе государствъ не зависятъ отъ страстей или отъ мѣстныхъ и преходящихъ случаевъ. Такія событія всегда были необходимыми и поддающимся расчету послѣдствіемъ хорошаго или дурного примѣненія великихъ началъ всякаго общества; мелкія страсти или обстоятельства только пользовались состояніемъ дѣлъ но никогда не производили этого состоянія. Бури конечно могутъ опрокинуть зданіе, поставленное на зыбкомъ основаніи. *Но то, которое поставлено твердо, смѣется изъ усміянь.* Какъ! люди, соединенные въ общества, государства, имперіи будто бы не могутъ рассчитывать на свою долговѣчность, не могутъ утвердить свое благосостояніе, не могутъ сдѣлаться такъ же устойчивы, какъ почва подъ ихъ ногами! И потому что мы видѣли царства, исчезавшія какъ паръ, разносимый вѣтромъ, воображать что такая же судьба неизбѣжно ожидаетъ всякое государство, всякую имперію! Нѣтъ! Ничто не происходитъ безъ причины, безъ повода, безъ неизмѣннаго закона: есть одна такая причина, которая навсегда упрочиваетъ благоденствіе народовъ и царствъ: это исполненіе своего долга. Есть точно такъ же только одна, которая можетъ привести ихъ къ паденію! Это нарушеніе долга, извращеніе тѣхъ началъ, которыми эти народы и царства были обязаны своимъ возвышеніемъ и счастіемъ. Всѣ націи, пользовавшіяся благоденствіемъ, дошли до процвѣтанія только тѣмъ, что были внимательны къ голосу порядка и подчинялись его требованіямъ. Законодатель былъ поистинѣ великъ и полезенъ своимъ современникамъ и міру лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ усвоивалъ себѣ порядокъ, и законы свои умѣлъ сообразовать съ нимъ. Имперіи

начинають клониться къ упадку какъ скоро онѣ заводятъ, такъ сказать, деревни въ городахъ, а города въ одной обширной, громадной столицѣ, пучинѣ государственныхъ богатствъ и могилѣ поколѣній настоящихъ и грядущихъ. Истинное величіе государства заключается въ томъ, чтобъ быть великимъ и могущественнымъ не въ одномъ только мѣстѣ, но вездѣ и вездѣ проявлять силу, энергію и порядокъ».

«Все имѣетъ свою неизмѣнную и вѣчную причину; царства, какъ и малѣйшее хлѣбное зернышко: общества стоятъ на однихъ или другихъ началахъ: изъ этого вытекають тѣ или другія права, тѣ или другія обязанности. Будуть эти права соблюдаемы, эти обязанности исполняемы, и общества будутъ процвѣтать, а имперіи будутъ навсегда незыблемы въ своихъ основаніяхъ и порядокъ будетъ постоянно въ нихъ царствовать. Я переписала вамъ все это мѣсто по причинѣ его отмѣнной красоты; скажите, что вы объ этомъ не сожалеете».

«Сего 25 апрѣля. Итакъ Россійское государство не можетъ пасть, потому что мы добиваемся порядка, находимъ и утверждаемъ его. Онъ пускаетъ корни и пусть попробуютъ сокрушить его, и надо сознаться, что это государство стоитъ твердо»¹⁾.

Отвѣтъ Гримма на это письмо не сохранился, но, по тому, что государыня пишетъ ему въ августѣ того же года, можно заключить, что онъ отнесся скептически къ этой выпискѣ, сомнѣваясь, точно ли въ «*Monde primitif*» государыня прочла это мѣсто. Вотъ отвѣтъ ея: «То, что я привела вамъ изъ «Первобытнаго міра», и чѣмъ вы восхищаетесь такъ же какъ и я, найдете вы въ 8-мъ томѣ, на LVIII страницѣ *Общая взгляда*; на двѣнадцатой строкѣ начинается мѣсто, вынисанное вашей покорнѣйшей слугою, которая не во снѣ видитъ, какъ покойный Дидро и не читаетъ въ книгахъ иного, какъ то, что въ нихъ есть. Многотомная книга Куръ де Жебеленя наполнена такими мѣстами и многимъ другимъ любопытнымъ и драгоценнымъ, чего ни у кого иного не встрѣ-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 335, 336.

тишь... Извѣстности сочинителя помѣшало, я полагаю, то, что не всякій въ силахъ одолѣть 9-ть томовъ in-quarto, но никогда Франція не имѣла человѣка столь основательно-ученаго. Его всеобщая грамматика есть совершенство въ своемъ родѣ; кромѣ того авторъ имѣетъ особенную способность вызывать движеніе въ головахъ своихъ читателей¹⁾).

Государыня такъ увлекалась своими историческими работами, что сознавалась лѣтомъ 1786 года, что Русская Исторія довела её до кашля, точно такъ же какъ три года ранѣе она схватила кашель отъ многописанія, а отъ усиленныхъ законодательныхъ работъ чувствовала разстройство всего организма. Что занятія русской исторіей не были только преходящимъ увлеченіемъ Екатерины, видимъ мы изъ того, что она продолжаетъ ихъ до конца жизни. Въ 1793 году она пишетъ: «Я погружена въ исторію, или, лучше сказать, въ лѣтописи русскія, которыя люблю до безумія»... «У меня одинъ уголъ стола занятъ вашими письмами, требующими отвѣта, и чтобъ не забыть этого, я положила старую ливонскую лѣтопись на эти письма. Но я не имѣю времени отвѣчать вамъ, потому что составляю вторую часть генеалогіи къ русской исторіи, NB: всѣ, кто прикасался къ русской исторіи, впадали изъ ошибки въ ошибку, потому что не имѣли этой родословной таблицы, которую мы теперь имъ составимъ. Первый томъ уже напечатанъ и получилъ репутацію книги классической, съ которою долженъ справиться на всякомъ шагу тотъ, кто занимается русской исторіей; томъ этотъ оканчивается 1224 годомъ, а затѣмъ начинается второй, который продолжается до настоящаго времени. О, какъ эта номенклатура прелестна! это работа въ самомъ дѣлѣ для лѣниваго ума, не имѣющаго ни одной мысли. Г. Елагинъ²⁾, который изображалъ русскую исторію въ стилѣ восклицательномъ, потому что онъ краснорѣчивъ и сучень, чинить

1) См. И. О. XXIII, 359.

2) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, оберъ-гофмейстеръ, родился въ 1725 г. Сочиненіе о которомъ здѣсь говорится, озаглавлено: *Опытъ политическiя о Россiи*; оно доведено только до 1389 года.

теперь свою исторію по нашей генеалогіи. Я же нахожу въ этой генеалогіи все, что относится до исторіи, точно также какъ Вестрисъ видѣлъ истинное благополучіе Франціи въ менуэтѣ тогдашняго дофина ¹⁾.

12 января 1794: «Небо, кажется, опредѣлило этотъ день на то, чтобъ я принесла вамъ свои поздравленія съ новымъ годомъ, такъ какъ до сихъ поръ я не находила для этого ни минуты, благодаря дѣламъ и старымъ лѣтописямъ. Дошедъ до 1321 года, я приостановилась и дала переписать почти восемьсотъ страницъ царпанья. Вообразите, какая ярая страсть писать о старыхъ событіяхъ, которыми никто не интересуется; и читать ихъ, я увѣрена, никто не станетъ кромѣ двухъ педантовъ: одного, по имени Фолькнера, моего переводчика, другого—Буссе, академическаго библіотекаря; этотъ тщится хвалить мою аккуратность и проч. въ такихъ журналахъ, которые не будутъ прочитаны даже четырьмя лицами въ Европѣ, а я довольна, что привела въ порядокъ все, что можетъ служить пособіемъ къ исторіи, лучше нежели это было до сихъ поръ сдѣлано. Подумаешь, мнѣ за это платять, столько я вношу сюда старанія, труда, пониманія и мудрости, и когда окончу страницу, то восклицаю: «ахъ, какъ это прекрасно, восхитительно!» но я остерегаюсь сказать это какой-нибудь живой душѣ, кромѣ васъ, потому что надо мною смѣялись бы, какъ вы можете понять. Но многострадальный повѣренный: все это не отвѣтъ на ваши грамоты, скажете вы. Сознаюсь въ томъ, но историческая блажь увлекла перо мое . . . Что касается Елагина, то онъ умеръ, и исторія его вѣроятно останется не конченою» ²⁾.

«Я читаю только лѣтописи за 500 лѣтъ тому назадъ, но, со времени прибытія вашихъ грамотъ, я ихъ отложила въ сторону. Понимаете ли великость этой жертвы? Я такъ же влюблена въ лѣтописи, какъ нѣкій джентльменъ въ нѣмецкихъ принцевъ», го-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 584, 585, 586.

²⁾ 539. Показаніе митрополита Евгенія и Бантышъ-Каменскаго, что Елагинъ умеръ въ 1796 году оказывается невѣрнымъ.

ворить государыня въ другомъ письмѣ.... «Ахъ мои милыя гѣтопися, вы спокойно отдыхаете. Когда-то я опять начну тормошить васъ? Я дошла до 1368 и 1369 года»¹⁾.

Въ 1794 году государыня говоритъ Гриму, что Фолькнеръ старъ и переводитъ тихо, и прибавляетъ: «Пятый томъ Записокъ весь состоитъ изъ генеалогіи, а шестой доходитъ до жизни Св. Александра включительно. Седьмой уже въ работѣ, и я полагаю, что онъ дойдетъ до Дмитрія Ивановича, прозваннаго Донскимъ по причинѣ побѣды его надъ Татарами при рѣкѣ Донѣ, иначе Танаисѣ; этотъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Ни одна исторія не представляетъ лучшихъ и болѣе великихъ мужей, какъ наша; я люблю эту исторію до безумія»²⁾.

Въ 1795 году государыня, задѣтая сужденіями Герцберга о принадлежности Западнаго края къ Польшѣ, пишетъ: «Этотъ дуракъ Герцбергъ заслуживаетъ, чтобъ его порядкомъ поколотили: у него столько же познаній въ исторіи, сколько у моего пугая. Онъ смѣетъ говорить, что Россія не могла доказать своихъ правъ, присоединяя Полоцкъ; онъ могъ бы сказать, что Россія не придаетъ никакого значенія устарѣлымъ доказательствамъ, потому что Полоцкъ былъ отданъ Владиміромъ I старшему сыну его Изяславу. А послѣдній былъ старшій изъ двѣнадцати сыновей Владиміра I, между которыми отецъ раздѣлилъ свои владѣнія, когда женился на Аннѣ, дочери Греческаго императора, и, принявъ крещеніе, отослалъ своихъ шестерыхъ женъ и ихъ дѣтей въ назначенныя имъ владѣнія. А замѣьте, что отъ этого старшаго сына Владимірова произошли князья Полоцкіе. Позже Владиміръ I, какъ великій князь литовскій, далъ Литву своему сыну Святославу, не имѣвшему потомства. Пятый сынъ Ольгерда Ягеллонъ или Яковъ, въ 1386 г., сдѣлался королемъ Польскимъ, и принялъ латинство подъ именемъ Владислава, женившись на Ядвига, королевѣ и наследницѣ Польши. Итакъ онъ соединилъ Литву съ

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 598, 604.

²⁾ 609.

Польшею; но глупый, невѣжественный министръ вовсе этого не знаетъ; высокомеріе доводитъ его до того, что онъ невѣжественъ, глупъ и грубъ, какъ померанскій быкъ. Неоткормленный (покойный король морилъ его съ голоду, по собственному его признанію) не знаетъ, что не одинъ Полоцкъ, но и вся Литва во всѣхъ округахъ до 17-го вѣка производила всѣ дѣла свои на русскомъ языкѣ, что въ литовскихъ архивахъ всѣ акты написаны на русскомъ языкѣ и русскими буквами, что лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра велось по нашему церковному обычаю, и что даже греческіе церковные индикты всякій разъ при этомъ обозначены. Что же это доказываетъ? что до 17-го вѣка греческое исповѣданіе не только въ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ было господствующимъ и между князьями и великими князьями, что даже всѣ церкви, особливо соборы, строились съ алтаремъ на востокъ, по обычаю Восточной церкви; если вамъ надобны еще доказательства, можете требовать: правду доказать не трудно. Кромѣ того, Полоцкъ и Литва разъ двадцать переходили изъ рукъ въ руки, и ни одного договора не было заключено безъ того, чтобъ та или другая сторона не требовала или одной части, или цѣлаго, смотря по обстоятельствамъ. Глупый государственный министръ можетъ быть еще сильнѣе побить при случаѣ за свое незнаніе народовъ, приписываемыхъ имъ къ владѣніямъ его глупаго господина. Оселъ! Вы видите, что въ этомъ разсужденіи учтивость уступила желанію васъ посмѣшить; впрочемъ споры педантовъ не всегда учтивы: когда гнѣвъ или ревность увлекаютъ ихъ, какъ вы это очень хорошо знаете, а я ужъ навострилась во всемъ этомъ, перебирая архивы и лѣтописи, какъ это вамъ тоже не безызвѣстно¹⁾).

Въ 1795 году къ іюльскому письму присоединена собственноручная записка императрицы слѣдующаго содержанія. «Изъ *напечатаннаго въ Академіи* я нашла только это, и скажу вамъ что это такое: не смѣя включить мои догадки о Рюрикѣ въ исторію, потому что онѣ были основаны только на нѣкоторыхъ тѣмныхъ

¹⁾ 620, 621.

словахъ Нестора въ его хроникѣ и на одной выдержкѣ изъ Далина въ его исторіи Швеціи, и читая тогда Шекспира по-нѣмецки, мнѣ пришло въ голову въ 1786 году выразить въ драмѣ мои догадки. и её напечатали ¹⁾. Никто не обратилъ вниманія на это странное произведеніе, которое никогда не было играно, и я поѣхала въ Крымъ. Въ 1792 году покойный Болтинъ ²⁾, черезъ Пушкина, синодальнаго прокурора ³⁾, прислалъ мнѣ свою критику на князя Щербатова и его Исторію Россіи, и такъ какъ они много занимались русской исторіей, я очень была рада подвергнуть суровой критикѣ Болтина то, что я царапала по исторіи. Я разъ сказала Пушкину, что эта драма заключаетъ въ себѣ мои догадки, но никто не обратилъ на нихъ вниманія, и оказалось что ни Болтинъ, ни Пушкинъ никогда этого не читали и не видали. Когда эта драма попала въ руки Болтина, онъ началъ ее объяснять и просилъ меня позволить напечатать съ его комментариемъ, что и сдѣлалъ; слова же Нестора ⁴⁾ говорятъ, что Гостомысль, князь славянскій, княжившій въ Новгородѣ, завѣщалъ умирая призвать на его мѣсто князей, покрывшихся славою въ прошедшихъ войнахъ: Рюрика, Синеуса и Трувора. Это были его внуки по старшей дочери.

«Далинъ говоритъ, что на Сѣверѣ считалось встарину стыдомъ не только для князей, но и для всякаго человѣка знатнаго рода не служить на морѣ. Стало-быть, надо искать въ седьмомъ вѣкѣ, когда были главнѣйшія морскія войны, нашихъ трехъ князей, легко занявшихъ здѣсь видное мѣсто».... Вотъ вамъ жизнеописаніе Св. Александра, написанное Туманскимъ. Но оно не самое лучшее. Жизнь Св. Александра, напечатанная, но можетъ быть еще не переведенная, въ шестомъ томѣ моего сборника, который

¹⁾ Подъ заглавіемъ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика, подражаніе Шекспиру».

²⁾ Ив. Никитичъ Болтинъ, членъ Росс. Академіи, родился въ 1735 г., умеръ 6-го октября 1792 г.

³⁾ Извѣстный любитель древностей графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ Пушкинъ.

⁴⁾ Не Нестора, но Іоакимовской лѣтописи.

г. Буссе озаглавилъ *Записками* (Aufschreibungen), потому что онъ такъ названъ по-русски, далеко оставляетъ назади первое изъ нихъ, и въ самомъ дѣлѣ, попробуйте найти здѣсь болѣе чѣмъ тамъ о немъ сказано»¹⁾).

Прослѣдивъ въ перепискѣ историческія занятія Екатерины, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые, высказанные ею по разнымъ поводамъ, общіе взгляды на этнографію, исторію и будущность русскаго народа. Такъ, получивъ еще въ 1777 году черезъ Шувалова сочиненіе Неккера о торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ, она говоритъ Гриму, что включила это сочиненіе въ число своихъ классическихъ книгъ, удостоивая его чести отмѣтокъ краснымъ карандашемъ, и прибавляетъ: «Я очень люблю главу, начинающуюся на стр. 136, особливо то, что онъ говоритъ о сѣверѣ; не могу только съ нимъ согласиться. Не бывъ никогда на сѣверѣ, онъ не довольно знаетъ его особенности, судитъ слишкомъ рѣзко и обобщаетъ слишкомъ неопредѣленно. Еслибъ я знала Неккера, я въ иномъ вступила бы съ нимъ въ споръ. Напримѣръ, я бы сказала ему: сѣверныя страны имѣютъ и южныя провинціи, самыя плодородныя и ни въ чемъ не похожія на берега Ледовитаго моря. Если эти берега мало населены, знайте что въ другихъ мѣстахъ земли не хватаетъ. Терпѣніе: черезъ нѣсколько лѣтъ вы увидите карты Россіи, которыя дадутъ о ней вѣрное понятіе; много такихъ ошибокъ происходитъ отъ того, что столицы построены подъ непривѣтливими небесами»²⁾.... «Я люблю страны еще невоздѣланныя», говоритъ она въ другомъ мѣстѣ: «вѣрьте мнѣ, это лучшія страны. Я вамъ повторяла тысячу разъ: я годна только въ Россіи, помните это. — Въ другихъ странахъ уже не найдешь священной природы (sancta natura); все столько же искажено, сколько чопорно»³⁾).

Во время волненій въ Крыму, вызванныхъ подстрекательствомъ западныхъ державъ, особливо Франціи, и при заключеніи

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 639.

²⁾ 66.

³⁾ 70.

Тешенскаго мира Екатерина писала въ 1779 году: «Вы согласитесь со мной, что въ вознѣ съ Марабу у меня будетъ болѣе работы чѣмъ когда-либо. На Россію угрожаетъ свалиться весьма толстый in-quarto ¹⁾, наполненный тысячами вещей о которыхъ слѣдовало бы забыть, чтобъ машина могла идти сама, силою ей даннаго толчка столько же въ головахъ какъ и въ книгахъ; это такъ и будетъ, когда дѣло будетъ устроено просто и естественно, такимъ образомъ чтобъ всякій предметъ стоялъ именно тамъ гдѣ надо, не мѣшая другому. Вотъ развитіе сотворенія міра, которое не можетъ быть разстроено однимъ толчкомъ» ²⁾.... «Надо сознаться, что у васъ иногда странныя мысли», писала государыня Гриму въ 1782 году: «Вотъ вы мнѣ пишете диссертацию, чтобъ сдвинуть меня съ сѣвера, Богъ знаетъ куда. Да кто же занимаетъ сѣверъ, если не мы, которые отъ Риги до Камчатки составляемъ поясъ вокругъ сѣвернаго полюса? Мои сосѣди Китайцы называютъ себя *Серединной Имперіей*; я ни о чемъ не спорю, я ихъ тамъ оставляю, но зачѣмъ же мой многострадальный хлопочетъ о томъ, чтобъ перемѣстить меня? Кого же онъ поставитъ на мое мѣсто? И зачѣмъ говорить сѣвернымъ людямъ о востокѣ, который до нихъ не касается» ³⁾? Вскорѣ послѣ того государыня пишетъ: «Такъ какъ вы мнѣ столько твердите о границахъ имперіи, я должна съ вами поговорить о восьмидесяти и болѣе народахъ, обитающихъ въ этой имперіи. Только что вышла по этому предмету книга одного профессора академіи, по имени Георги ⁴⁾, самая любопытная въ мірѣ, потому что въ ней описаны всѣ жилища отъ Мраморнаго дворца до пещеры, и точно такъ же соединены въ ней всѣ вѣрованія и секты, такъ что вамъ стоитъ только пріѣхать къ намъ, чтобъ узнать о постройкахъ, языкахъ и вѣрова-

¹⁾ Намекъ на акты Тешенскаго мира.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 139.

³⁾ 246.

⁴⁾ Иоаннъ Готлибъ Георги, профессоръ естественной исторіи и химіи въ Академіи наукъ, напечаталъ въ 1782 году второе изданіе своего сочиненія *Beschreibung sämtlicher Rußland bewohnender Völkerschaften*. Эта книга была издава также въ переводахъ русскомъ и французскомъ.

нѣхъ все что вамъ только пожелается: вы все тамъ отыщете. Но такъ какъ вы руководите востокомъ и сѣверомъ, съ вашимъ прекраснымъ способомъ доказательствъ, вы Богъ знаетъ что докажете. Но госпожа Сибилла вина не пьетъ» ¹⁾).

Въ 1791 году, говоря о Мирабо и его чудовищности, какъ человѣка, государыня высказываетъ такое сужденіе: «Надо бы перелистовать страницы исторіи, чтобъ увидѣть, была ли какая-нибудь страна спасена кѣмъ-либо инымъ, какъ человѣкомъ истинно великимъ, и смотря по этому открытію, я предсказала бы что будетъ съ Франціей. Вотъ Персія болѣе пятидесяти лѣтъ разрушается, и такой спаситель еще не являлся. Россія, при пресѣченіи рода Рюрикова, была спасена отъ сорокалѣтняго междоусобія тремя людьми: однимъ богатымъ, другимъ мужественнымъ, третьимъ искуснымъ политикомъ, и эти трое обладали всѣми нужными качествами, чтобъ имѣть успѣхъ въ свое время. Только что первый князь изъ дома Романовыхъ вступилъ на престолъ, все кончилось, потому что не о чемъ было и ссориться, мѣсто было занято. Этому князю было только 16 лѣтъ, и отецъ его патриархъ управлялъ за него; такимъ искуснымъ для своего времени политикомъ былъ онъ» ²⁾).

18 сентября 1785 г.: «Я совершенно согласна съ мнѣніемъ шотландскаго пѣра на счетъ Петербурга. По ходу русской исторіи обладатели сѣверной имперіи легко становились повелителями юга имперіи. Владѣтели же южные, безъ сѣвера, всегда были слабы и немощны въ своемъ могуществѣ. Но сѣверъ очень хорошо обходился безъ юга или южныхъ провинцій. Итакъ столица этой имперіи, по моему разумѣнію еще не найдена, и вѣроятно не мнѣ найти её. Но еслибъ во время шведской войны я не была здѣсь, намъ надо бы болѣе шестидесяти тысячъ человѣкъ лишняго войска, чтобъ защититься отъ этого стремительнаго нападенія. Аналогія бычачьей кожи имѣетъ нѣсколько истолкованій:

¹⁾ Об. И. О. XXIII, 261.

²⁾ 520, 521.

мое — вот какое: когда восточный властелинъ сѣлъ въ седлигѣ, то всѣ четыре конца кожи поднялись разомъ»¹⁾).

Финансовыя взгляды Екатерины отличались простотою и видимымъ желаніемъ оградить Россію отъ европейской спекуляціи и установить въ ней кредитъ самостоятельный, сообразный съ ея гораздо менѣ сложными формами жизни, чѣмъ на западѣ Европы. Она не любила также никакихъ внутреннихъ стѣсненій торговли, никакихъ мелкихъ фискальныхъ пошлинъ, монополій и особливо никакой эксплуатаціи русскихъ богатствъ иностранцами. Однако пользу нѣкоторыхъ пошлинъ, установленныхъ съ цѣлями благотѣльными для страны, она признавала, и жалѣла напримѣръ объ уничтоженіи городского акциза при Елисаветѣ, о чемъ писала Гримму еще въ 1776 г.: «Я не расположена къ стѣсненіямъ, однако полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ были установлены во избѣжаніе важныхъ неудобствъ, и весьма неосторожно и дерзко къ нимъ прикасаться. У насъ, напримѣръ, городскіе акцизы были уничтожены въ царствованіе покойной императрицы Елисаветы, и изъ этого вышло, что все равно стало жить въ деревнѣ или въ городѣ по отношенію къ дороговизнѣ» Это привлекло множество народа въ города, дороговизна оттого увеличилась, но никто не хотѣлъ возвратиться въ деревню, вхолили въ долги и разорялись, а деревни опустѣли, и дѣло было уже непоправимо. Вы знаете что можетъ произвести неограниченная свобода въ вывозѣ хлѣба и проч. Я вамъ привожу только факты и не хочу входить въ умозаключенія»²⁾). Когда въ 1778 году Гриммъ совѣтовалъ дать какую-то исключительную торговую привилегію одной голландской компаніи въ Россіи, государыня отвѣчала: «Я не особенно люблю предпріятія этого рода. Русскія гавани открыты для всѣхъ, кому желательно въ нихъ торговать, вотъ и все. Я страшно боюсь монополій, не люблю все регламентировать, а еще менѣ стѣснять. Предпріятія такого рода рискованы, съ подоб-

¹⁾ Сб. Н. О. XXIII, 648, 649.

²⁾ 44.

ными компаніями всегда много возни. Я какъ Базиліо въ «Севильскомъ цирюльничкѣ»: у меня есть кое-какія маленькія правила которыхъ я держусь и которыя прилагаю съ извѣстнымъ разнообразіемъ¹⁾. Ваши финансовыя дѣла — это искусство, котораго я не понимаю. У насъ всякая община платитъ свои подати два раза въ годъ въ уѣздное казначейство. У насъ только водка на откупъ. Я учредила казенныя палаты (*chambres de finances*) въ каждой губерніи. Казначей имъ подчинены, и до всего этого, само собою разумѣется, что архіепископу нѣтъ никакого дѣла»²⁾. 1779-го года: «Я не читала записки о торговлѣ, потому что насъ душатъ подобными произведеніями люди, которые понятія не имѣютъ о мѣстныхъ условіяхъ, а мое правило таково, чтобъ всякая торговля развивалась свободно, какъ она сама можетъ, только бы эту торговлю, какъ и все другое, не подшибать подъ ноги. Въ свидѣтели призываю послѣдствія такихъ подшибовъ, заключающіяся въ новыхъ, присланныхъ мнѣ Панкукомъ, тетрадяхъ. Я отдала предпочтеніе рецепту противъ полевыхъ мышей, потому что онъ по крайней мѣрѣ коротокъ и разуменъ, но у насъ все это считается слишкомъ мелкимъ, благодаря размѣрамъ и различію произведеній и климатовъ. Записка о Китаѣ говоритъ, что маленькая Европа и понятія не имѣетъ о неизмѣримости Китая и всего, что онъ въ себѣ вмѣщаетъ. Ну, и мы въ томъ же точно положеніи относительно васъ»³⁾. «Я вовсе не люблю фискальнаго духа, ни изобрѣтенія ничтожныхъ источниковъ дохода, которые только надоѣдаютъ людямъ, а приносятъ очень мало»⁴⁾.

Лотерей государыня не любила и не допускала у себя. Мы говорили по поводу предпріятія Бомаршэ, что она объявляла Гримму, какъ она ненавидитъ лотереи столько же внутреннія, сколько и иностранныя. О проектахъ и прожектерахъ она замѣчала при чтеніи книги Неккера, что она не любитъ ни тѣхъ, ни

1) 94.

2) 100, 101.

3) 188.

4) 338

другихъ и что изъ ста проектовъ рѣдко найдешь одинъ годный и приложимый къ дѣлу ¹⁾).

Гриммъ однако очень часто давалъ императрицѣ финансовыя совѣты. Такъ банкиръ Сантини, дѣлавшій за нее расплаты въ Италіи, сообщалъ черезъ Гримма мысль объ установленіи прямыхъ торговыхъ сношеній между Россіей и Италіей по плану, имъ предложенному, и Гриммъ прибавлялъ: «Предметъ обширенъ и стоить вниманія, независимо отъ сбереженій, которыя мы сдѣлаемъ императрицѣ на векселя и размѣнъ; это можетъ со временемъ способствовать расширенію торговли на Черномъ морѣ. Стоить только вначалѣ итти потихоньку. Маленькій удачный опытъ вызываетъ другихъ на то же, и вотъ какъ былъ созданъ міръ ²⁾». Въ 1781 году, по случаю паденія нашего курса за границей, онъ писалъ: «Я знаю, что конечно не покупки вашего величества, можетъ-быть и не огромное количество русскихъ путешественниковъ вліяютъ на положеніе курса; во всемъ виною эта смѣшная и гадкая война, разоряющая купеческое мореходство почти всѣхъ странъ Европы, и вынуждающая ихъ сокращать или вовсе прекращать свои обороты до заключенія мира. Чортъ побери вопивствующихъ! . . . Но пока осуществится это благое дѣло, многострадальный мечтаетъ въ своей мурѣ о способахъ поднять курсъ, не дожидаясь мира. Я уже видѣлъ съ удовольствіемъ, что ваше величество дозволили вывозъ поташу: чѣмъ болѣе откроется источниковъ вывоза, тѣмъ ближе будутъ къ лѣкарству. Графъ Шуваловъ утверждаетъ, что вывозъ мѣди не представитъ никакого неудобства, а напротивъ, большія выгоды. Такъ какъ повѣтріе подбивать суда мѣдью сдѣлалось общимъ въ королевскихъ и военныхъ флотахъ, то навѣрное эта отрасль торговли должна имѣть значительное примѣненіе. Я, въ качествѣ мухи императорской кареты, желалъ бы сдѣлать заемъ въ Голландіи и можетъ-быть въ Генуѣ, не имѣя другой цѣли, какъ предупредить паденіе курса;

¹⁾ 372.

²⁾ Письма Гримма 80.

а такъ какъ при заключеніи мира этотъ курсъ непремѣнно высится пропорціонально своему паденію, я выбралъ бы эту минуту для возвращенія капиталовъ. Императрица можетъ-быть скажетъ мнѣ: «Многострадальный, кто просилъ тебя нести вздоръ о курсѣ и надоѣдать мнѣ твоимъ вздоромъ»? Кто мнѣ это позволилъ, государыня? Развѣ я даромъ коллежскій совѣтникъ, и не въ самомъ ли существѣ совѣтника давать совѣты вкривь и вкось?»¹⁾ Этому италіянскому банкиру Сантини, о которомъ упоминалось выше, Рейфенштейнъ черезъ Гримма старался выхлопотать титулъ консула, или банкира ея императорскаго величества. Государыня отвѣчала: «О, объ этихъ титулахъ банкира и консула лучше не говорите мнѣ. Мы имѣемъ дѣла съ цѣлой Европой и наши титулы будутъ похожи на тѣ, которые жалуется курфирсть Кельнскій то есть люди станутъ бѣгать отъ тѣхъ, кто ихъ носить»²⁾. Гриммъ не переставалъ однако заботиться о нашемъ курсѣ и писалъ: «Я все мучусь въ своемъ кабинетѣ, какъ бы поднять курсъ, но мои мученія на него нисколько не дѣйствуютъ. Графъ Шуваловъ говорить, что ваше величество могли бы и должны бы послать часть мѣди изъ вашего банка въ Голландію. Я этого хорошенько не разумѣю, потому что не понимаю, или не понимаю хорошенько, потому что не разумѣю. Но я, который не вижу далѣе своего носа въ этихъ дѣлахъ, желалъ бы, чтобъ императрица имѣла кассу и кассира въ Амстердамѣ. Пока размѣнъ въ Россіи былъ бы въ хорошемъ состояннн, кассиръ размѣнивалъ бы капиталы своей кассы на хорошія бумаги, которыя давали бы проценты; но только что курсъ вздумалъ бы опуститься, онъ продалъ бы свои бумаги и сталъ бы на стражѣ, чтобъ помѣшать паденію. Я полагаю, что человѣкъ умный и свѣдущій въ денежной стряпнѣ предотвратилъ бы этимъ способомъ всякое чувствительное и невыгодное измѣненіе курса, и доставилъ бы другимъ мѣрамъ, къ которымъ бы мудрость вашего величества прибѣгла, время необходимое,

¹⁾ Тамъ же, 116, 117.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 209.

чтобъ произвести свое дѣйствіе. Эта касса могла бы составиться сначала изъ открытыхъ займовъ, потому что, слава Богу, мы имѣемъ болѣе кредита, чѣмъ нуждъ: вотъ рѣшенія слѣпого, судящаго о цвѣтахъ. Я тоже узналъ недавно, что Франція въ состояніи доставить Россіи піастры дешевле чѣмъ Голландія» ¹⁾.

«Оставьте курсъ въ покоѣ», отвѣчала государыня: «Нельзя всегда быть въ барышахъ. Г. Шуваловъ кричитъ о курсѣ, не имѣя другого предмета, на что излить свою желчь. Когда курсъ достаточно упадетъ, то онъ опять поднимется. Всѣ эти люди сами все на свѣтѣ дѣлаютъ, чтобъ уронить его, а потомъ кричатъ: курсъ упалъ» ²⁾.

Мы уже по поводу французскихъ финансовъ приводили замѣчаніе государыни, что поправленіе финансовой системы не есть дѣло одного года. Гриммъ хорошо понималъ, какую вредную роль въ финансахъ играютъ жидаы, и потому писалъ о нихъ: «Это люди такого закала, о которомъ нельзя даже дать и приблизительнаго понятія нашей государынѣ, такъ какъ въ Россіи нѣтъ настоящихъ финансистовъ, ибо жидаы, могущіе представлять ихъ образъ, нетерпимы въ ней» ³⁾.

Въ 1787 году Екатерина заключила торговый союзъ съ Франціей и такъ извѣщала о томъ Гримма: «Сего 2-го апрѣля. Я пишу вамъ тѣмъ самымъ перомъ, которымъ подписала ратификацію торговаго союза съ Франціей» ⁴⁾. О вѣщшихъ займахъ государыня всегда отзывалась неблагопріятно, даже когда говорила о чужихъ министрахъ финансовъ, напр. Калоннѣ: «Мнѣ никогда не приходился по вкусу г. Калоннѣ: одни его займы должны возбуждать къ нему ненависть» ⁵⁾. Мы приведемъ еще выдержку, доказывающую какъ государыня понимала, что къ намъ ни въ чемъ нельзя прилагать мѣрку европейскую, и отклоняла пред-

¹⁾ Письма Гримма 204.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 216, 217

³⁾ Письма Гримма 241.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, 395.

⁵⁾ 415.

ложенія иностранныхъ услугъ для поднятія у насъ земледѣлія, не довѣряя опытамъ, обыкновенно не приводившимъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ на нашихъ громадныхъ пространствахъ. 13-го мая 1796 года: «Боже мой, Боже мой! Когда бы вы знали какое отвращеніе я питаю къ агрономамъ и хлѣбопашцамъ, никогда не имѣвшимъ сохи въ рукахъ, что вы бы ни говорили мнѣ о г. Янишѣ и о г. Финдлэтерѣ. Вдобавокъ и русскіе крестьяне еще болѣе ихъ ненавидятъ нежели я, и не безъ причины. То, что можетъ быть пригодно на клочкѣ земли величиною съ мою комнату, не можетъ быть хорошо для громадныхъ пространствъ: у насъ привыкли имѣть безъ большихъ усилій все что нужно, и мы снабжаемъ лошадьми и скотомъ многія страны. Мы ужъ видѣли такихъ хлѣбопашцевъ изъ Англичанъ; но никто и не подумалъ подражать имъ: ни обстоятельства, ни климатъ не одинаковы. Знаете, что случилось бы съ такъ называемымъ хлѣбопашцемъ Янишемъ, еслибъ онъ сдѣлался управляющимъ казенными землями? Крестьяне убили бы его съ его хваленой агрономіей, вотъ и все: предоставьте насъ самимъ себѣ: мы болѣе воздѣлываемъ и продаемъ хлѣба, чѣмъ вся остальная Европа вмѣстѣ, и какъ хотите вы, чтобъ обработка земли маленькой Англіи была для насъ пригодна? Это бы значило надѣть платье карлика на великана. Кромѣ того, нигдѣ народонаселеніе такъ не увеличивается въ деревняхъ и городахъ, какъ у насъ. Я не смѣю утверждать того, но вѣрно, что оно удвоилось въ мое царствованіе; у насъ умираютъ отъ объяденія, а никогда отъ голода. У насъ вовсе не видно людей худыхъ и ни одного въ ломотяхъ, а если есть нищія то по большей части это лѣннивцы: Это говорятъ сами крестьяне, которые впрочемъ гостепріимны какъ нигдѣ»¹⁾).

Въ этой выпискѣ ясно выразилось не только сознаніе, что всякое развитіе и улучшеніе должно исходить у каждаго народа изъ него самого, изъ собственныхъ его потребностей, усилій и

¹⁾ 676.

опытовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нежеланіе отдавать русскаго чело-
вѣка въ школу иностранныхъ проходивцевъ, которые, за рѣдкими
исключеніями, болѣе радѣютъ о своемъ карманѣ, чѣмъ объ успѣхѣ
дѣла въ странѣ для нихъ чуждой.

Отъ историческихъ и финансовыхъ взглядовъ государыни мы
перейдемъ къ обще-государственнымъ. Вотъ какъ судила она о
прогрессѣ, когда онъ выражается не въ улучшеніи уже суще-
ствующаго, а во всеобщей ломкѣ, въ стремленіи молодыхъ по-
колѣній превзойти своихъ предшественниковъ чѣмъ-нибудь совер-
шенно новымъ, что такъ обуяло Францію конца 18-го вѣка и
было предвѣстникомъ губительной для нея революціи: «Всѣ млад-
шія головы въ Европѣ», говоритъ государыня, «соединились въ
одну партію, такъ же какъ и головы старшія. Духъ партій млад-
шихъ головъ заключается въ томъ, чтобъ быть парадоксальнымъ
въ отношеніи къ своимъ старшимъ, по той же причинѣ, которая
часто заставляетъ дѣтей принять образъ дѣйствій совершенно
противоположный тому, какого держатся родители: хотятъ дѣлать
лучше, но на самомъ дѣлѣ *могутъ* дѣлать лучше только тѣ, кото-
рые имѣютъ въ себѣ средства сдѣлать лучшее, а дѣлаютъ хуже
всѣ тѣ, которые, вмѣсто того чтобъ подражать хорошему, хотятъ
превзойти другихъ самыми крайними парадоксами»¹⁾. Здѣсь кстати
будетъ припомнить вѣрное сужденіе Екатерины о духѣ партій,
приведенное нами по поводу Кориллы. Сожалѣя, что новый Римъ
воздвигъ множество памятниковъ глупцамъ, обладавшимъ только
духомъ партій, она говоритъ, что этотъ духъ производитъ и до-
бродѣтели только модныя, а настоящія добродѣтели остаются въ
тѣни и теряютъ цѣну. «Это конечно средство имѣть людей *какихъ
хочемъ*, но никакъ не способствуютъ къ проявленію *великаго*»,
Прибавляетъ государыня²⁾.

Вотъ мнѣніе государыни о системахъ и страсти къ доктринамъ:
«Тотъ, кто создаетъ системы, старается включить въ нихъ и то,
что хорошо сходится, и то, что вовсе не сходится, а потомъ са-

¹⁾ См. И. О. XXIII, 127.

²⁾ 56.

молюбіе переходитъ въ любовь къ системѣ, что порождаетъ упрямство, нетерпимость, преслѣдованіе, всю дрянь, отъ которой мой учитель (Вольтеръ) совѣтуетъ воздерживаться»¹⁾.

Взглядъ Екатерины на восемнадцатый вѣкъ мы уже привели, такъ же какъ и ея мнѣніе, что подражатели великихъ людей почти всегда искажаютъ ихъ мысли и что во Франціи желавшіе писать какъ Вольтеръ, не имѣя его генія, думали, что достаточно красиво обдѣлывать фразу и вкривъ и вкось дерзко судить обо всемъ. «Не пишите сильно», восклицаетъ она, «когда не имѣете духа силы, не пишите смѣло, когда не обладаете ни геніемъ, ни пріятностью»²⁾. «Да», говоритъ она, въ другомъ мѣстѣ, «много дурныхъ дѣлъ, а между прочимъ и святая инквизиція запачкала 18-й вѣкъ. Но что дѣлать, міръ ужъ таковъ, что онъ немногаго стѣбитъ; покойный пасторъ Вагнеръ говорилъ: — «На половину — все наслѣдственный грѣхъ! —»³⁾ Послушайте: я нахожу, что свѣтъ становится гораздо менѣе чувствителенъ къ достоинству вообще и даже къ великому достоинству, и мнѣ кажется, что всѣ дрянные писатели, принимающіе фразу за дѣло, злость за остроуміе и отвлеченныя умствованія за геніальность, не мало способствовали такому упадку»⁴⁾.

Мы уже говорили какъ Екатерина сожалѣла, что подъ личиною просвѣщенія люди съ кривымъ и превратнымъ умомъ бросаютъ среди общества ложные взгляды и понятія и болѣе портятъ чѣмъ просвѣщаютъ. (См. выше стр. 37).

Но особенно разочаровалась она въ своемъ вѣкѣ послѣ ужасовъ французской революціи: «Я вчера вспомнила», говоритъ она въ 1794 г., «что вы мнѣ говорили не разъ: — этотъ вѣкъ есть вѣкъ приготовлений. А я прибавлю, что приготовления эти состояли въ томъ, чтобъ приготовить грязь и грязныхъ людей разнаго рода, которые производятъ, производили и будутъ производить безконечныя несчастія и безчисленное множество не-

¹⁾ 217.

²⁾ 124.

³⁾ 198.

⁴⁾ 221, 222.

счастливых»¹⁾. О второй половинѣ 18 вѣка говорится, что это царство Сатаны на землѣ... «Половина изъ всѣхъ оставшихся на землѣ людей — сумасшедшіе или бѣшеные. Живите-ка съ этими людьми, если можете»²⁾! Объ упадкѣ французской литературы государыня соболѣзновала не разъ и писала въ 1782 году: «Бѣдные люди (т. е. Людовикъ XVI)! У нихъ нѣтъ ни одной книжки, на которую можно бы указать, съ тѣхъ поръ какъ умеръ мой учитель. Жалкія, спутанныя головы и мудрые пустомели съ мастерами на всѣ руки, ничему не учившимися основательно и однако выдающими свои разнообразныя ребячества за послѣднее слово мудрости, — вотъ эти-то у него во множествѣ! Право чудный вздоръ былъ у нихъ читанъ на публичныхъ, ученыхъ собраніяхъ въ маѣ или началѣ іюня. Благослови Боже этихъ несравненныхъ мастеровъ! У насъ былъ два года тому назадъ бравый и честный человекъ, который падалъ въ обморокъ, когда ему читали глубоко-мысленно ученый вздоръ, казавшійся ему непереваримымъ»³⁾.

Вотъ какъ Екатерина въ 1791 году взглянула на готовившуюся французскую конституцію, которую считали способною уврачевать всѣ раны и умротворить возбужденныя народныя страсти: «Лучшая изъ конституцій не стовитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ счастливыхъ, что прямыя и честныя люди отъ нея страдаютъ и только для злодѣевъ она выгодна, такъ какъ имъ наполняютъ карманы и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагается къ подражанію цѣлой Европѣ; но прежде она, кажется, должна сойти съ ума. Да извинять меня французскіе демократы, но ими овладѣло безуміе»⁴⁾. Всѣ эти слова получаютъ еще болѣшій вѣсъ въ устахъ государыни, которая во дни своей молодости сама вѣровала въ силу и справедливость началъ, приведшихъ Францію къ прискорбнымъ крайностямъ. Не менѣе заслуживаетъ вниманія мнѣніе Екатерины объ адвокатахъ, — учрежденіи, которому она

¹⁾ *Св. И. О.* XXIII, 601.

²⁾ 516.

³⁾ 247.

⁴⁾ 539.

приписывала бѣдствія французской революціи. Вотъ что она говоритъ о нихъ въ 1790 году: «Противъ ябедниковъ во всѣхъ странахъ придумываютъ законы, и даже очень строгіе, а во Франціи эти шавки возведены въ роль законодателей. Эта сволочь похожа на маркиза Пугачева, про котораго я всегда говорила, что никто лучше его самого не знаетъ какой онъ злодѣй. Эти адвокаты, соображаясь съ тѣмъ когда и какъ имъ заплатили, поддерживаютъ то правду, то ложь, то справедливое, то несправедливое. Я бы прежде всего удалила этихъ людей и не стала бы бороться по частичкамъ съ тѣмъ, что они натворили или творять; это пришло бы послѣ, но говорятъ, что хозяину¹⁾ нравится эта буржуазія. Жаль Государства и людей здравомыслящихъ! Что до толпы и ея мнѣній, то имъ нельзя предавать большаго значенія²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, рассказывая Гримму, какъ щедро она награждаетъ заслуги отечеству, Государыня прибавляетъ: «Главная тому причина, что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуютъ, и никогда законодателями не будутъ, пока я жива, а послѣ меня будутъ слѣдовать моимъ начальамъ»³⁾. О юстиціи государыня говорила, что она любитъ только ту, «въ которой каждый поставленъ судьей»⁴⁾, то есть прямо сознавала необходимость гласнаго суда.

Въ 1793 году, когда Гриммъ, уже удрученный несчастіями, конечно самъ сознавалъ, что легкомысленныя ученія философовъ 18 вѣка были одною изъ главныхъ причинъ бѣдствій Франціи, государыня, вѣроятно желая мысленно защитить Вольтера, отвѣчала ему: «Послушайте! на первыя двѣ страницы вашего № 65 я скажу вамъ, что французскіе философы, которыхъ обвиняютъ, что они подготовили французскую революцію, впади только въ одну ошибку. Они полагали, что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей, а вмѣсто того прокуроры, адвокаты и

¹⁾ Людовику XVI.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 489.

³⁾ 497.

⁴⁾ 382.

всѣ злодѣи, прикрываясь ихъ принципами, и подъ этимъ плащомъ, который они впрочемъ скоро сбросили, производили все, что только возмутительнѣйшее нечестіе могло придумать самаго неистоваго. И эта парижская сволочь, поработенная самыми звѣрскими преступленіями, смѣетъ называть себя свободною, тогда какъ она никогда не испытывала болѣе жестокой и безсмысленной тирании»¹⁾).

«Вы правы», говоритъ государыня Гримму въ 1794 году, разсуждая о свободѣ и власти, «вы правы, что никогда не хотѣли быть причтены къ иллюминатамъ, мечтателямъ и философамъ, потому что у нихъ всѣхъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль — разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ власти и все-таки лучше для него временное неразуміе *одною*, чѣмъ безуміе *множествомъ*, приводящее двадцать миллионовъ людей въ ярость за одно слово *свобода*, которой они не имѣютъ и тѣни и за которою эти безумцы бѣгутъ, никогда ее не достигая»²⁾).

О постоянномъ и всеобщемъ мирѣ Екатерина высказываетъ слѣдующее сужденіе: планъ постоянного мира — это прекрасная мечта, способная опомъ водою не одну посредственную голову, но кто же, будучи хозяиномъ у себя, и имѣя свою собственную шапку, потерпитъ, чтобъ ему воткнули голову въ шапку, куда всунуто ужъ нѣсколько головъ, которыя всѣ сталкиваются и вѣчно будутъ сталкиваться?»³⁾).

Въ прекрасныхъ строкахъ вылился взглядъ ея на силу нравственнаго вліянія и на истинную славу: «Въ жизни моея я не полагала славы въ дѣствіяхъ всего болѣе превозносимыхъ. Всякій превозносятъ или не превозносятъ, смотря по собственному интересу. Но не здѣсь правда! Мнѣ нравится та слава, которая часто менѣе всего превозносится. Это та слава, которая

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 587.

²⁾ 598.

³⁾ 514.

не только въ настоящемъ производитъ благо, но создаетъ въ будущемъ безчисленныя поколѣнія добрыхъ! Эта слава посѣвается иногда однимъ словомъ, одной строчкой, прибавленной или убавленной. Это та слава, которой самые ученые люди иногда ищутъ съ фонаремъ въ рукѣ, и, наткнувшись на нее носомъ, ничего не понимаютъ въ ней, если у нихъ недостаетъ генія, способнаго къ развитію. Ахъ, милостивый государь, одна капля такой славы затмеваетъ въ глазахъ моихъ всѣ маленькія славы, о которыхъ говорятъ мнѣ» ¹⁾).

Размышляя о дѣлахъ, вокругъ нея происходившихъ, Екатерина говорить: «На свѣтѣ все идетъ постарому, будетъ итти какъ шло, а шло такъ же какъ идетъ теперь» ²⁾. Еслибъ вы мнѣ объяснили, что такое этотъ міръ, вы бы очень меня одолжили. Г. Александръ спрашивалъ меня о томъ, уже не разъ» ³⁾. О загадочности самого человѣка у нея вырывается слѣдующее размышленіе: «Я часто опускаю голову на все что дѣлаю, потому что человѣкъ — существо, на дѣянія котораго не стоить слишкомъ обращать вниманія, такъ какъ мы сами не очень хорошо понимаемъ, что мы такое» ⁴⁾.

О значеніи верховной власти въ выборѣ государственныхъ людей, призванныхъ окружать престолъ, также высказаны замѣчательныя мысли: «Скажите мнѣ, многострадальный, выбрали ли какой другой государь своихъ министровъ и прочихъ чиновниковъ болѣе съ голоса общества, чѣмъ Людовикъ XVI? А мы видѣли, что случилось. По-моему ни одна страна не имѣетъ недостатка въ людяхъ: дѣло не въ томъ, чтобъ ихъ искать, а въ томъ, чтобъ умѣть употреблять тѣхъ, кто подъ рукою. Про насъ постоянно говорили, что у насъ недостатокъ въ людяхъ: несмотря на это, все дѣлалось. У Петра Великаго были такіе сподвижники, которые не умѣли ни читать, ни писать. И развѣ дѣла шли дурно? Стало-быть, нѣтъ недостатка въ людяхъ: ихъ множество, но надо

¹⁾ 165, 166.

²⁾ 184

³⁾ 241.

⁴⁾ 160.

умѣть управлять ими. Все пойдетъ, когда будетъ та сила, которая двигаетъ. Какъ поступаетъ твой кучеръ, многострадальный, когда ты засядешь въ карету? ¹⁾. . . Конечно, людей съ достоинствомъ довольно во всякое время, потому что люди совершаютъ дѣла, а дѣла образуютъ людей. Я никогда не искала и всегда находила подъ рукою людей, которые мнѣ служили и по большей части служили хорошо. Кромѣ того я въ иное время люблю людей новыхъ. Они очень пригодны *смыслятъ* съ самыми старыми и *возлаз* на нихъ: Это новые собесѣдники, которые, когда кстатн брошены на сцену, только оживляютъ дѣйствіе и мѣшаютъ ржавчинѣ останавливать колеса. Это также шпоры для иноходцевъ ²⁾. . . Еще гораздо ранѣе, въ 1782 году, Екатерина открываетъ намъ тайну того счастливаго выбора людей, который прославилъ ея царствованіе: «Сильно ошибаются тѣ, которые думаютъ, что чье-нибудь достоинство можетъ испугать меня. Напротивъ, я бы желала имѣть вокругъ себя однихъ героевъ, и я все на свѣтѣ употребляла, чтобъ сдѣлать героями тѣхъ, въ комъ я видѣла малѣйшее къ тому призваніе» ³⁾. . . «Я люблю, когда достоинство получаетъ доброе, хорошее мѣсто, такъ какъ Богъ намъ свидѣтель, что мы, круглые невѣжды, не имѣемъ никакой особенной склонности къ дуракамъ на высокихъ мѣстахъ, а ихъ много на этомъ свѣтѣ, и мнѣ кажется, что число ихъ увеличивается» ⁴⁾.

Вотъ какъ она разсуждаетъ о счастьи и несчастьи по поводу гибели французскаго короля, который, по ея мнѣнію, самъ способствовалъ торжеству порока, злобы и всѣхъ ужасовъ, которые ихъ сопровождаютъ: «Каковы средства, таковъ и результатъ. Счастье и несчастье каждаго въ характерѣ человѣка. Этотъ характеръ заключается въ правилахъ имъ принятыхъ. Успѣхъ же — въ выборѣ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; если человѣкъ колеблется въ своихъ правилахъ, если онъ оши-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 607, 608.

²⁾ 624.

³⁾ 255.

⁴⁾ 409.

бается въ средствахъ имъ избранныхъ, то въ планахъ его ужъ не можетъ быть послѣдовательности. Путь же людей порочныхъ долженъ быть гораздо труднѣе, такъ какъ имъ, кромѣ труда, положеннаго на предпріятіе, необходима еще маска, чтобъ прикрыть его... Но я начинаю чувствовать, что я похожа на Шаха-Багама, который всегда оканчивалъ свои разсужденія словами:—не моя вина, если вы меня не понимаете, а я самъ себя очень хорошо понимаю»¹⁾. О людяхъ, дѣйствующихъ интригой черезъ другихъ, искусно скрываясь за ними, Екатерина говорила, что она ихъ очень хорошо понимаетъ, и разъ полученное ею впечатлѣніе никогда не сглаживалось: «Вы вполне правы, что у меня голова не податливая», говоритъ она: «когда какая-нибудь личность меня поразила, то, будь ихъ хоть тридцать того же имени, я приписываю всѣ ихъ дѣянія, если они не ясно обрисовываются, тому, кто ударилъ по наковальнѣ»²⁾

Какъ твердая и энергическая представительница верховной власти, Екатерина не любила слабости и безначалія, и приводитъ Гримму слѣдующую пословицу въ поученіе: «Коть изъ дому, мыши расплясались по столамъ и стульямъ; котъ домой, и мыши попрятались въ норы», и другую поговорку: «Часто надо только ногой топнуть, и все придетъ въ порядокъ»³⁾.

Правило государыни сохранять присутствіе духа и не унывать ни въ какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ выражено ею такъ: «Древніе полагали высшее мужество въ томъ, чтобъ переносить и исправлять несчастія; тутъ-то обнаруживали они истинное величіе души и сильный закалъ своего ума и характера. Современные герои должны бы имъ подражать, они должны бы питать душу чтеніемъ древнихъ. Это бы ихъ укрѣпляло и поддерживало въ нихъ необходимыя качества для великихъ дѣлъ»⁴⁾.

Отзывы императрицы объ усердіи русскаго народа, его послушаніи голосу порядка, его покорности Промыслу, о храбрости

¹⁾ 595, 596.

²⁾ 163.

³⁾ 596.

⁴⁾ 496.

и стойкости русской армии приведены будутъ нами въ послѣдней части нашего труда по поводу войнъ шведской и второй турецкой. Здѣсь же въ заключеніе очертимъ взглядъ императрицы на русскую православную Церковь.

Несмотря на вліяніе французскихъ философовъ, особливо въ молодые годы, государыня во всей своей перепискѣ является искренно вѣрующею. На циническія выходки Гримма противъ религіи она отвѣчаетъ почти всегда глубокимъ молчаніемъ. Духъ христіанства она понимаетъ во всей его чистотѣ, какъ ученіе любви къ ближнему по преимуществу, о чемъ свидѣлствуетъ весь характеръ ея отношеній къ людямъ и то, какую цѣну она придаетъ добротѣ сердечной. Христіанство — это «бѣдность и любовь», опредѣляетъ она его, говоря о пышности папскаго двора. Въ нашей русской церкви она оуждаетъ только суевѣріе, характеръ праздности въ монастыряхъ и ихъ управленіе: то черезъ чуръ плохое, то слишкомъ хорошее въ смыслѣ эгоистическомъ и мало христіанскомъ. По веселости своего характера она иногда шутитъ надъ нѣкоторыми черезъ чуръ первобытными сторонами въ нравахъ духовенства, напримѣръ надъ тѣмъ, что архіерейскіе дома рѣдко провѣтриваются. Во время посѣщенія Воскресенскаго монастыря, иначе Новаго Іерусалима около Москвы, императрица писала въ 1775 году: «Пишу вамъ, сидя на диванѣ настоятеля этого монастыря, то есть, выражаясь учтиво — празднаго чловѣка. Я подозреваю, что это мѣсто никакого вліянія на воображеніе не имѣетъ, и вотъ мое доказательство: этотъ монастырь до сихъ поръ не славился ни явленіями, ни особенными чудесами. Онъ довольствуется прекрасными зданіями и совершеннымъ сходствомъ своимъ съ храмомъ Св. Гроба Господня въ Іерусалимѣ; по этой причинѣ большое количество любопытныхъ посѣщаетъ его, и такъ какъ монахамъ есть что показать, то они только и дѣлаютъ что рассказываютъ. Можетъ-быть вы полюбопытствуете узнать, милостивый государь, отчего я вамъ пишу: тому причиною праздность, такъ какъ у меня рѣшительно нѣтъ съ собою ни одной бумаги и никакого дѣла, и все для того, чтобъ я могла на-

слаждаться полнымъ бездѣльемъ. Но, увидѣвъ у себя на столѣ хорошее перо, очень чистенькую чернильницу и бѣлую бумагу, я поддалась демонскому искушенію, потому что пословица гласитъ: «случай создаетъ вора»¹⁾.

Вообще императрица не очень жаловала монастыри, особливо католическіе, и нельзя упустить изъ виду, что въ эту эпоху наши монастыри поднали нѣсколько подъ вліяніе католическаго духа стяжанія и мало по малу уклонились отъ своего первоначальнаго характера — строгаго смиренія и подвижничества. Мы уже приводили одно мѣсто ея письма, гдѣ она объясняетъ Гримму, какъ высоко цѣнить въ архипастырѣ доброту сердечную, но въ другомъ мѣстѣ она еще поясняетъ эту мысль: «люди съ добрымъ сердцемъ и обширнымъ умомъ скорѣе принимали истину христіанскую, нежели глупцы и злые люди: причину тому я ищу въ нравственномъ ученіи о любви къ ближнему»²⁾. Обряды церкви Екатерины исполняла съ усердіемъ и когда Гриммъ позволялъ себѣ издѣваться надъ ними, она горячо ихъ отстаивала, исправляла его предубѣжденія и лжетолкованія. Но къ ханжеству и лицемерію Екатерина чувствовала искреннее отвращеніе и боролась всѣми силами съ ханжами и обманщиками, употреблявшими набожность орудіемъ для достиженія цѣлей человѣческихъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ ея отзывы о гр. Караманѣ, объ Ив. Ив. Шуваловѣ, ея споры съ масонами и духовидцами, наконецъ ея рѣшимость перенести эту борьбу на театрѣ, чтобъ изобразить ее нагляднѣе. Присутствованіе св. Синода на этихъ представленіяхъ не можетъ быть предметомъ соблазна, когда мы вспомнимъ, что Екатерина была движима высокою мыслию защиты правовѣрія отъ всякихъ западныхъ лжеученій, врывавшихся къ намъ изъ просвѣщенной и всегда неблаговолившей къ намъ Европы и на которыя наше такъ называемое образованное общество всегда было такъ падко. Мы уже приводили поразительно вѣрныя мысли

¹⁾ См. И. О. XXIII, 34.

²⁾ 272.

ея, что *ханжество дѣлаетъ душу задхлою* и что *ханжи никогда себя не забываютъ*. Передъ чистотою же православнаго ученія, которое она признавала истинно апостольскимъ и не искаженнымъ страстями и ошибками человѣческими, Екатерина глубоко преклонялась. Такъ у нея невольно вырвалось въ одномъ изъ наиболѣе задушевныхъ писемъ къ Гримму: «Вы хорошо дѣлаете, что любите греческое исповѣданіе. Оно первое въ мірѣ! Перейдите въ греческую церковь». О широкой терпимости православнаго ученія она говорила, что мать Святая Греческая Церковь во всѣхъ видитъ людей и всѣхъ принимаетъ въ свое лоно (см. выше II, стр. 60). Въ концѣ же своего царствованія, утомленная зрѣлищемъ продолжительныхъ европейскихъ войнъ и коварства, отличавшаго взаимную политику государствъ, Екатерина опять восклицаетъ: «Предлагаю всѣмъ протестантамъ присоединиться къ Греческой Церкви, чтобъ предохранить себя отъ языческаго безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, враждебнаго Богу и престоламъ. Наша церковь одна апостольская и истинно христіанская. Это дубъ съ глубокими корнями»¹⁾).

Филологія, словари, пословицы.

Въ связи съ историческими трудами Екатерины является въ ней интересъ къ филологическимъ занятіямъ, обнаруживающій не только изумительную многосторонность, но и проникательность ея ума, такъ какъ она своими филологическими трудами, хотя слабыми въ научномъ отношеніи, выдвинула однако впередъ вѣрную мысль о важности сравнительнаго языкоученія, что признавали заграничные ученые критики, отнесшіеся къ ея предпріятію серьезно и безпристрастно. Подробная оцѣнка этихъ трудовъ Екатерины сдѣлана нами въ статьѣ: «Филологическія занятія Екатерины II»²⁾; здѣсь мы напомнимъ только сущность этого изслѣдованія.

¹⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 597.

²⁾ *Русскій Архивъ* 1877 г., кн. IV.

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ пробудился въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была великой княгиней, конечно болѣе всего при изученіи русскаго языка. Уже тогда она приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, опытъ, который и явился подъ заглавіемъ *Comparative vocabulary of the Eastern languages*, но къ сожалѣнію нигдѣ не сохранился, потому что вѣроятно былъ изданъ въ маломъ количествѣ экземпляровъ. Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенной живостью возобновилась въ умѣ императрицы въ эпоху потери Ланскаго, лѣтомъ 1784 года, когда печаль заставила её искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Незадолго до того прислано было государынѣ знаменитое въ ученomъ мѣрѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 году Куръ-де-Жебеленя. Особенно заинтересовала императрицу смѣлая мысль этого ученаго, что всѣ языки могутъ быть выведены изъ одного кореннаго. Ей показались славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за кельтскія, и, предполагая во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ обширномъ русскомъ царствѣ и отчасти только въ немъ, она захотѣла познакомить ученыхъ съ такими языками, которые были имъ еще неизвѣстны. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что-нибудь такое, что далеко превышало бы средства частнаго человѣка. Подъ влияніемъ этихъ размышленій государыня начинаетъ сама составлять словарь всѣхъ извѣстныхъ языковъ и осенью 1784 г. пишетъ Гримму: «Я велѣла доставить себѣ столько лексиконовъ различныхъ языковъ, сколько можно было отыскать ихъ, между прочимъ: финскій, черемисскій, вотяцкій, и всѣ мои столы ими завалены; кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ Славянахъ, и скоро буду въ состояніи доказать, что они дали имена большому числу рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и мѣстностей Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странъ»¹⁾.

¹⁾ 318.

Что впрочемъ государынѣ еще ранѣе смерти Ланского приходило на мысль заниматься филологіей, какъ наукой соприкасавшейся съ ея историческими и гѣтописными разысканіями, видно изъ слѣдующихъ строкъ, писанныхъ еще весною того же года: «Такъ какъ вы придаете большое значеніе моимъ способностямъ къ этимологіи, вы получите этимологическій рагу, который чего-нибудь да стоить, но только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ онъ едва явился на русскомъ языкѣ, а переводъ возьметъ время»¹⁾. Даже въ концѣ 1783 г. мы уже видимъ первые слѣды занятій ея корнесловіемъ и попытки объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ собственныхъ именъ на различныхъ языкахъ.

Но со смертью Ланского потребность, по собственному выраженію императрицы, *утолить* свое горе въ умственныхъ занятіяхъ, заставила еѣ усидчиво заниматься приготовительными работами къ задуманному словарю. До чего разнообразны и часто серьезны были ея чтенія, тому свидѣтельство находимъ мы на каждомъ шагу. Такъ въ ту же осень 1784 года она пишетъ: «Прошу васъ взглянуть на приложенные листки: они были написаны послѣ прочтенія исторіи астрономіи г. Балля; онъ много говоритъ въ этомъ сочиненіи о первобытномъ народѣ, который будто бы существовалъ въ Сибири. Книга его произвела то, что мы начинаемъ дѣлать разысканія, которыя могли бы пролить свѣтъ на его предположеніе, одинаковое съ мнѣніемъ г. Бюффона. Если тотъ и другой заинтересуются тѣмъ, что заключается въ этихъ листкахъ, вы можете сообщить имъ эти слабые опыты. Если эти господа пожелаютъ прислать намъ свои вопросы, доставьте ихъ мнѣ. Но вотъ это для васъ однихъ, потому что оно можетъ-быть не довольно основательно: — Салийцы и законъ Салической, Хильперикъ I, Кловисъ и весь родъ Меровинговъ были Славяне, точно такъ же какъ и всѣ вандалскіе короли Испаніи; ихъ имена обличаютъ ихъ и ихъ движеніе тоже. Величайшіе враги Славянъ были

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 305.

итальянскіе монахи; они были ихъ врагами по причинѣ язычества и различія христіанскаго исповѣданія. Итакъ не удивляйтесь, если французскіе короли присягаютъ на славянскомъ евангеліи при своемъ коронованіи въ Реймсѣ ¹⁾. Хильперикъ I былъ лишень престола за свое желаніе, чтобъ Галлы, принявшіе римскую азбуку, прибавили къ ней три буквы греко-славянскія, именно Th или Ч, X, которое произносится херь, и Ѡ, которое произносится пси.

«Еслибъ Куръ-де-Жебелень зналъ по-русски или по-славянски, онъ еще болѣе сдѣлалъ бы интересныхъ открытій» ²⁾.

Вслѣдъ за тѣмъ государыня пишетъ Гримуу на трехъ, четырехъ страницахъ цѣлую этимологическую диссертацию, перемежанную съ историческими замѣчаніями насчетъ переселенія и движенія Славянъ, связывая все это съ исторіей, особенно норманскихъ походовъ. Она говоритъ о Славянахъ, что «вездѣ куда они только приходили, они строили деревни, села и города. Стало-быть, это былъ народъ не пастушескій, не кочевой? Славяне были народъ свободный и любили свободу. Рабами были у нихъ только военнопленныя» ³⁾. Точно такъ же государыня видитъ Славянъ и въ воинственныхъ Норманнахъ, потомкахъ Одина, пришедшаго съ Дона, или Танаиса. Но совершенно вѣрно помѣщаетъ она ихъ въ Саксонію, въ Лужицѣ и въ Пруссію, и съ занальчивостью говоритъ о Герцбергѣ: «Онъ тщится задуть историческія истины, доказывая что Славянъ въ земляхъ его короля и господина никогда не было, тогда какъ всѣ ихъ города и села носятъ имена славянскія, такъ же какъ ихъ рѣки, озера и горы» ⁴⁾. Для насъ всего драгоцѣннѣе въ этомъ

¹⁾ Такъ называемое Реймское Евангеліе, найденное первоначально въ Сазаво-эмаусскомъ монастырѣ въ Прагѣ. Въ царствованіе императора Николая оно было напечатано въ Парижѣ на счетъ русскаго правительства. Подлинникъ находится нынѣ въ библиотекѣ г. Реймса.

²⁾ 321.

³⁾ 325.

⁴⁾ 331.

историко-филологическомъ увлеченіи государыни не учена за-слуга ея, но горячая любовь къ своему народу. Она вѣрила въ высокія судьбы и способности славянскаго племени, которому Европа, гордая своей цивилизаціей, отказывала въ правахъ на самостоятельное существованіе, прикрывая этотъ взглядъ обвиненіемъ ихъ въ варварствѣ и неспособности къ европейской культурѣ. Никто изъ русскихъ государей такъ ревностно и сознательно не отстаивалъ правъ Россіи на независимое отъ Европы развитіе и существованіе; никто такъ не поработалъ для этой идеи какъ Екатерина, и однимъ этимъ она уже заслужила безпредѣльную признательность Россіи и имя великой. Конечно филологическія и этимологическія догадки Екатерины были во вкусъ любимыхъ пріемовъ тогдашней филологини, и основывались на чисто внѣшнихъ признакахъ, но Екатерина и не придавала имъ значенія непреложныхъ истинъ. Она замѣчательно трезво судила о своей неподготовленности къ такимъ ученымъ трудамъ и даже о непригодности слишкомъ сухой научной работы для женскаго ума. Такъ у нея невольно вырывается слѣдующее признаніе: «Первобытный міръ, первобытные словари двухсотъ нарѣчій превратили меня въ существо до крайности скучное; я хотѣла свою тоску потопить въ этомъ хламѣ, а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и скучною»¹⁾. Въ своемъ незнаніи грамматики государыня откровенно сознается Гриму и часто шутитъ сама надъ собою. Когда онъ однажды позволилъ себѣ замѣтить, что у нея свой собственный языкъ, она отвѣчаетъ: «Знаете ли, откуда происходитъ языкъ Катó? Оттуда, — что она не знаетъ правильно ни одного языка»²⁾. Послушайте: не подумайте, что я, занявшись языками и грамматиками, въ дѣйствительности сдѣлалась отъ этого ученѣе. Нѣтъ, я сохранила свое невѣжество непочатымъ»³⁾.

«Неотступно прошу васъ оставить мое невѣжество неприкосновеннымъ. Шталмейстеръ Нарышкинъ и я, мы невѣжды по реме-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 326.

²⁾ 329, 330.

³⁾ 346.

слу и своимъ невѣжествомъ приводимъ въ бѣшенство оберъ-камергера Шувалова и графа Строганова, который членъ 24-хъ академій по крайней мѣрѣ и, вдобавокъ, Россійской академіи: Отчасти, чтобъ ихъ подразнить и показать имъ, что они должны сообразовать свой русскій словарь съ мнѣніемъ невѣждъ, мы собрали словарь Богъ знаетъ во сколько языковъ, и этотъ трудъ есть трудъ невѣжественнѣйшихъ ребятъ (*ignorantissimi bambinelli*)¹⁾. Въ этомъ трудѣ Екатеринѣ помогать сначала иностранный ученый, берлинскій книгопродавецъ и писатель Николаи, котораго она просила составить для нея обзорѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій, что и было исполнено. Еще въ 1785 году Николаи прислалъ составленный имъ толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ «*Tableau général de toutes les langues du monde etc. fait par ordre d. S. M. l'Impératrice de toutes les Russies*» («Общее обзорѣніе всѣхъ языковъ міра и пр. Составлено по повелѣнію Ея В. Всероссийской Императрицы»). Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ²⁾, а потомъ онъ вмѣстѣ со всѣмъ, что она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Для окончанія задуманнаго словаря Екатерина избрала Палласа, какъ человѣка съ громкимъ европейскимъ именемъ, и отчасти лингвиста. Знаменитый путешественникъ уже давно собиралъ лингвистическіе матеріалы для извѣстнаго петербургскаго бібліографа Лудвига Бакмейстера (издателя *Russische Bibliothek*), предпринявшаго трудъ однородный съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериной. Бакмейстеръ составилъ планъ собранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земного шара, но трудность дѣла и другія занятія не позволили ему исполнить это предпріятіе. Палласъ же воспользовался всѣми собранными имъ для Бакмейстера матеріалами, когда ему пришлось

1) 367. Извѣстно, что Екатерина въ своихъ «Быляхъ и Небылицахъ» въ шутку называетъ членовъ общества незнающихъ: *ignoranti bambinelli*.

2) Главное собраніе черновыхъ работъ Екатерины по словарю хранится въ Императорской Публичной бібліотекѣ.

быть исполнителемъ плана Екатерины. Онъ не могъ отказаться отъ этого почетнаго порученія, хотя оно не вязалось съ главнымъ его предметомъ, и вотъ что онъ самъ писалъ Аделунгу, въ послѣдній годъ своей жизни: «Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобъ не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи».

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ 1-мъ томѣ, а 155 во второмъ. Каждое русское слово поставлено въ видѣ заглавія, подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ (при каждомъ переводѣ означено названіе языка), которые слѣдуютъ одинъ за другимъ произвольно безъ особенной системы.

Отовсюду государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гриму, что маркизь Лафайетъ уже прислалъ ей часть своего вклада. Черезъ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго она посылала въ его копорскія деревни записывать слова у тѣхъ мужиковъ, «кои себя варягами называли»; черезъ графа Безбородко отправила списокъ русскихъ словъ къ нашему посланнику въ Константинополь Я. И. Булгакову, чтобъ онъ «черезъ посредство патріарховъ Антиохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ на абиссинскій и эфіопскій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только литерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и русскими и латинскими буквами, для показанія, какъ которое читать или произносить должно».

Когда же государыня передала трудъ Палласу, то онъ 22 мая 1785 г. успѣшилъ издать на французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ. Въ этомъ замѣчательномъ объявленіи, которое выражаетъ конечно мысли самой государыни, развитыя и изложенныя знаменитымъ ученымъ, Пал-

ласъ говорить, что остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ достойныхъ ученыхъ и историковъ того вѣка придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукъ (филологіи), которая умамъ поверхностнымъ казалась до тѣхъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною, и что, просматривая книгу Куръ-де-Жебеленя изумляешься блестящимъ выводамъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Но тутъ же выражается сожалѣніе, что онъ не могъ примѣнить своей методы ко всѣмъ языкамъ міра и указывается на значеніе Россіи въ отношеніи къ новымъ открытіямъ еще болѣе интереснымъ, къ громадному количеству языковъ и нарѣчій, которые заключаетъ въ себѣ эта держава не только въ европейской части своей, но также на Кавказѣ, въ Сибири, Камчаткѣ и пр. Говоря о томъ, что никто до сихъ поръ не обнималъ совокупности языковъ, онъ объявляетъ что это обширное предпріятіе, которое можетъ привести къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка, было предоставлено 18-му вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы своего досуга на подготовленіе начала *всеобщаго сравнительнаго глоссарія* всѣхъ языковъ. «Ея Императорское Величество», сказано далѣе «сама составила списокъ словъ наиболее необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ мало образованныхъ народовъ... По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго Русскаго царства; потомъ еще большее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода»..

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами (*Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues*). Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности русской имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, съ просьбою доставить, въ самомъ скоромъ времени, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были

отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Въ слѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частію оффиціальными переводчиками и были посылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. И посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились. Изъ Лондона, Гаги, Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію. Замѣчательно отнесся къ этому король испанскій, что и приводитъ въ одномъ изъ писемъ своихъ Екатерина. «Странная ревность короля католическаго велѣла отказать мнѣ въ словаряхъ Мексики и Перу. Они отвѣчали, что эти языки государственная тайна»¹⁾. И тутъ же она прибавляетъ: «Нѣтъ ни одного человѣка, противъ кого бы его такъ возстановили, какъ противъ меня, и нѣтъ страны, въ которой онъ такъ много расходовалъ бы на шпионовъ какъ здѣсь; предоставляю вамъ судить, какъ много отъ этого пользы. Всѣ эти люди служатъ для того, чтобъ предупреждать во-время; но, честное слово, ни король католическій и никто другой не можетъ помѣшать тому, что намъ покажется нужнымъ»²⁾. Въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученымъ, лицамъ собиравшимся въ экспедиціи, всѣмъ были розданы списки для собиранія матеріаловъ, и собранное со всѣхъ сторонъ передано было Палласу для редакціи на первый случай отдѣла европейскихъ и азіатскихъ языковъ, который долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Тогда государыня писала Гриму: «Вотъ мой милый словарь скоро будетъ напечатанъ. Это можетъ-быть трудъ самый полезный, какой когда-либо совершаемъ былъ для всѣхъ языковъ и для всѣхъ словарей, и особливо для русскаго языка, для котораго Россійская ака-

¹⁾ Св. И. О. ХХІІІ, 333.

²⁾ 333.

демя предприняла было словарь: но на это, по правдѣ сказать, у нея не хватило знаній. А мой трудъ—это яркій свѣтильникъ и про него-то можно сказать: кто имѣеть уши чтобъ слышать и глаза чтобъ видѣть, будетъ слышать и видѣть. А кто рожденъ слѣпымъ и глухимъ, тотъ такимъ и останется.... Когда вы будете имѣть мой словарь всѣхъ языковъ, то сдѣлаете много новыхъ открытій; сто словъ уже напечатаны на двухстахъ языкахъ; когда ихъ будетъ стопятьдесятъ, то выйдетъ первый томъ въ четвертку (in quarto)¹⁾. Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 января 1787 года, и тотчасъ за тѣмъ вышелъ подъ заглавiемъ: «Сравнительные Словари всѣхъ языковъ и нарѣчiй, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Часть первая. Въ С.-Петербургѣ печатано въ типографіи Шнора 1787 года». Это же заглавіе повторено и въ книгѣ на латинскомъ языкѣ. Равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ не умолчано о личномъ участіи императрицы въ трудѣ, написано и по-русски и по-латыни. Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи. Только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было отослано въ даръ по ея повелѣнію иностраннымъ дворамъ и ученымъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Онъ былъ составленъ поспѣшно, безъ всякихъ научныхъ приѣмовъ, и для выполненія такого обширнаго труда нужно бы не только гораздо болѣе свѣдущихъ сотрудниковъ, но, по мнѣнію французскаго критика Вольея, нужна была бы цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила бы на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ. Но, несмотря на всѣ его недостатки, отно-

¹⁾ 344, 382.

сительное достоинство и польза этого словаря, замѣтно оживившаго успѣхи сравнительнаго языкоученія, были признаны даже строгими его критиками, и онъ остается однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремлений 18-го вѣка.

Второе изданіе Словаря, усовершенствованное и пополненное недостававшими языками Африки и Америки, поручено было извѣстному Янковичу де Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ, и вѣроятно объ этомъ-то словарѣ второго изданія упоминаетъ Екатерина въ одномъ письмѣ къ Гримму отъ іюня 1792 года: «Я бы охотно послала вамъ словарь коренныхъ словъ на нѣхъ языкахъ для библіотеки короля, еслибъ книгамъ этой библіотеки не угрожала судьба быть разграбленными и обращенными въ бумагу для ассигнацій. Но чтобъ показать вамъ въ какомъ видѣ существуетъ этотъ словарь, посылаю вамъ два тома перваго и четыре тома второго изданія»¹⁾.

При такомъ внимательномъ изученіи языка и исторіи своего народа Екатерина конечно не упустила изъ виду богатаго запаса народной мудрости, заключенной въ его пословицахъ. Она даже примѣнила ихъ къ педагогическимъ цѣлямъ, такъ какъ въ библіотекѣ Александро-Константиновской являются *Выборныя русскія пословицы*, какъ воспитательный матеріалъ, знакомящій учащагося съ народнымъ языкомъ и народнымъ духомъ. Но кромѣ того, по порученію императрицы были собраны и напечатаны Богдановичемъ всѣ русскія пословицы отдѣльной книгой. Часть ихъ она велѣла перевести и послала въ назиданіе Гримма, такъ какъ постоянно старалась знакомить его, а черезъ него и Европу, со всѣмъ что дѣлалось въ Россіи. Въ одномъ изъ писемъ она говоритъ ему: «Увѣряю васъ, что не только эти пословицы для васъ переведенныя, которыя я вамъ послала, существовали первоначально по-русски, но всѣ онѣ безъ исключенія извлечены

¹⁾ *Св. И. О.* XXIII, 568, 569.

изъ книгѣ написанной по русски, въ которой ихъ заключается четыре тысячи съ нѣсколькими сотнями. Стало-быть, тамъ еще очень много такихъ же прекрасныхъ»¹⁾. Очень часто въ своихъ письмахъ, желая доказать какую-нибудь истину, государыня опирается на русскія пословицы, напр. по поводу Германской политики она высказываетъ разсужденія, въ подкрѣпленіе которыхъ приводитъ нѣкоторыя пословицы, и прибавляетъ: «Еслибъ покойный Санхо Панса зналъ русскій языкъ, онъ нашелъ бы въ немъ столько пословицъ, что прибавилось бы еще нѣсколько книжекъ къ тѣмъ шести, въ которыхъ заключается жизнеописаніе знаменитаго Донъ-Кихота и его конюшаго Санхо Пансы»²⁾.

Театръ и педагогика.

Всѣ, занимавшіеся изученіемъ литературныхъ занятій Екатерины, приходили къ одному заключенію: что историческіе и драматическіе труды были предпринимаемы ею съ цѣлью воспитательною, и нельзя отрицать, что для тогдашняго общества они дѣйствительно имѣли просвѣтительное значеніе. «Знаете ли», говоритъ она Гримму, «что мы дѣлаемъ много хорошаго и идемъ быстрымъ ходомъ къ разлитію просвѣщенія»³⁾? Изъ этихъ словъ видно, что государыня задавалась мыслию направлять развитіе молодого русскаго общества и, то стараясь исправлять сатирой темныя стороны его нравовъ, то возвышая его любовь къ родинѣ знакомствомъ съ отечественной исторіей, устремляла его къ лучшему и болѣе разумному порядку вещей. Такъ она нападала на невѣжество и грубость, прикрытыя лоскомъ французскаго образованія, на безотчетную привязанность ко всему чужеземному, соединенную съ такимъ же презрѣніемъ ко всему русскому, на иностранныхъ учителей, взятыхъ изъ поваровъ или скороходовъ

1) 276.

2) 596.

3) 301.

въ качествѣ воспитателей и разыгрывавшихъ послѣ роль шутовъ въ семействахъ своихъ воспитанниковъ, на то униженное положеніе, какое выпадало вообще на долю домашняго учителя, на ханжество, развившееся подъ вліяніемъ чуждыхъ нашей церкви ученій и прикрывавшее часто разные пороки и даже самое нехристіанское отношеніе къ ближнему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не менѣе подвергается осмѣянію и закоренѣлую превратность нѣкоторыхъ сторонъ русскаго воспитанія, встарину переходившую у насъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Она осмѣиваетъ суевѣріе, невѣжество, грубость и часто жестокость, отличавшія женщину-хозяйку въ ея домашнемъ быту, излишнюю приверженность къ старинѣ, проявлявшуюся въ космѣніи, неподвижности и безусловномъ осужденіи всякой новизны. Не менѣе остроумно надѣвается она и надъ модной страстью къ путешествіямъ въ чужіе края, исходящую не изъ любознательности, а изъ желанія не отстать отъ другихъ, покутить и помотать на свободѣ и вывезти къ себѣ домой новыя покроя платья и обуви, умѣнье завить кудри по послѣдней модѣ, также новыя карточныя игры, въ которыхъ поудобнѣе было бы обыграть другихъ. Самыя имена ея лицъ: Промотаевы, Ханжаковы, Вѣстниковы, Чудихины, Ворчалкины, Потачкины, по господствовавшему тогда обычаю, часто указываютъ на ихъ отличительный характеръ. Комедіи Екатерины, не имѣя серьезнаго художественнаго значенія, отличаются однако веселостью и замѣчательною для того времени легкостью языка, который совершенно близокъ къ разговорному. Приблизить къ живой рѣчи тяжелый и неуклюжій въ то время письменный языкъ было также одною изъ задачъ гениальной государыни. Кромѣ того, легко и быстро набросанныя въ часы досуга театральныя пьесы ея удовлетворяли той врожденной веселости, которая была господствующею чертою ея характера. Вотъ какъ она сама опредѣляетъ Гриму цѣль своихъ драматическихъ упражненій, которымъ предавалась съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ занятіями исторіей и филологіей: «Если вы меня спросите, зачѣмъ я пишу столько комедій, я отвѣчу вамъ, какъ и Пинсэ (Pinsé):

по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что это меня забываетъ; во-вторыхъ, потому что я желала бы поднять національный театръ, который за невниманіемъ новыхъ пьесъ находится въ нѣкоторомъ пренебреженіи; въ-третьихъ, потому что слѣдовало хорошенько потормозить духовидцевъ, которые начинаютъ подымать носъ. Теперь они опять нырнули, покрытые стыдомъ. *Обманщикъ* и *Оболганный* имѣли громаднѣйшій успѣхъ: московская публика въ концѣ масленицы не хотѣла видѣть другихъ пьесъ, и когда объявляли другую, то громко требовала одну изъ вышеупомянутыхъ. Всего забавнѣе было то, что на первомъ представленіи вызвали автора, который у насъ сохранялъ строжайшій инкогнито, несмотря на свой огромный успѣхъ. Каждая изъ этихъ пьесъ принесла въ Москвѣ предпринимателю десять тысячъ въ три представленія»¹⁾).

Еще заслуживаетъ быть упомянутымъ по поводу комедіи *Обманщикъ* одинъ эпизодъ, рассказанный Гримму о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ въ томъ же письмѣ отъ 18 марта 1785 г., стало-быть, когда ему только что минуло 8 лѣтъ: «Надо вамъ дать отчетъ въ томъ, что совершилъ сегодня г. Александръ. Сдѣлавъ себѣ изъ куска ваты круглый парикъ, и пока мы съ генераломъ Салтыковымъ любовались тѣмъ, что его хорошенькое личико не было вовсе обезображено такимъ нарядомъ, онъ объявилъ намъ:—Прошу васъ менѣе обращать вниманія на мой парикъ, чѣмъ на то, что я буду дѣлать. — Вотъ онъ беретъ комедію *Обманщикъ*, лежавшую на столѣ, и начинаетъ разыгрывать сцены изъ трехъ лицъ, представляя всѣхъ троихъ одинъ и давая каждому тонъ и мимику, свойственные характеру лица. Никогда ни Калифальгерстонъ, ни Самблинъ, ни его дворецкій не были представлены естественнѣе и правдивѣе и вдобавокъ съ тою граціей, которую этотъ удивительный ребенокъ обнаруживаетъ во всемъ, за что ни возьмется. Мы были поражены тѣмъ что онъ производилъ, и притомъ хохотали до упаду. Никогда никто не училъ его

¹⁾ См. И. О. XXIII, 328.

играть на сценѣ. Но эту зиму онъ какъ-то пристрастился къ моему эрмитажному театру. Онъ очень часто посѣщалъ его и слушалъ съ большимъ вниманіемъ и охотно прочитывалъ, или заставлялъ себя прочитывать пьесу до представленія. Увѣряю васъ, что я была поражена дарованіями, которыя этотъ мальчуганъ обнаруживаетъ. Я побьюсь объ закладъ, что этотъ — будетъ удаченъ; онъ идетъ самъ собою, да еще какъ¹⁾!

Какъ и всѣ прочія произведенія государыни, комедіи ея переводились по-нѣмецки, и она посылала ихъ Гримму; вѣроятно онъ хвалилъ нѣкоторыя изъ нихъ, потому что государыня отвѣчаетъ ему: «Ахъ, и вы прочли *Обманщика* отъ начала до конца, и хорошо о немъ отзываетесь. Вы скрѣпите драматическій талантъ автора. Я не премину угостить этимъ свое самолюбіе²⁾»...

«Для развлеченія нѣтъ ничего лучше какъ писать комедіи; съ марта мѣсяца я ихъ написала двѣ, но онѣ навѣрно не скоро появятся на театрѣ, потому что слишкомъ хороши. Что вы не пишете комедій? Это бы васъ развеселяло. Я читаю свои двумъ-тремъ лицамъ, а потомъ прячу ихъ въ свой портфель; онъ такъ же наполненъ комедіями, какъ и законами. Публика съ ума сошла бы отъ двухъ послѣднихъ, — но она ихъ не получитъ³⁾».

«Комедіи *Обманщикъ* и *Облаженный*», говоритъ государыня въ февралѣ 1786 года, «имѣли необыкновенный успѣхъ и то хорошее дѣйствіе, что удержали и остановили прыгъ обманщиковъ и обманутыхъ. Въ дѣлѣ находится еще комедія *Февей* комическая опера, и *Шаманъ Сибирскій*, комедія. Все это будетъ весело до нельзя: Шаманъ — это теозофъ (богомудрый), который продѣлываетъ всѣ шарлатанства собратій Парацельса. Посмотрите на статью *Теозофъ* въ Энциклопедіи; и вы получите секретъ нашихъ комедій, масонства и модныхъ сектъ. Св. Синодъ былъ на послѣднемъ представленіи и не въ одиночку, а во всемъ составѣ

¹⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 327.

²⁾ 332.

³⁾ 361.

они смѣялись до упаду и хлопали до безумія... Мы теперь работаемъ за седьмой пьесой въ теченіе года»¹⁾...

Лѣтомъ 1786 года государыня пишетъ: «На нашемъ столѣ разложена 9-я пьеса для театра, и мы такъ хорошо подали тонъ и согрѣли стряпню, что теперь дождемъ падаютъ пьесы со всѣхъ сторонъ; надо только желать, чтобъ дождь не былъ такъ холоденъ какъ сегодня, когда только три градуса тепла... Циммерманъ съ ума сходитъ отъ *Обманщика*; я подозреваю, что онъ далъ разыграть эту пьесу въ Гамбургѣ»²⁾. . . Въ годъ девять пьесъ, что вы скажете объ этой драматической причудѣ? Отвѣчайте же, вы, который по страсти къ многописанію никогда не отвѣчаете на то, что у васъ спрашиваютъ»³⁾. «Я написала десять комедій, пишу одиннадцатую, но это не называется работать... Эти сочинители комедій теперь пишутъ историческія пьесы въ подражаніе Шекспиру, котораго мы прочли по нѣмецки въ переводѣ Эшенбурга: девять томовъ уже поглощены. Одна изъ такихъ пьесъ скоро послѣдуетъ за *Шаманомъ*, котораго играютъ сегодня вечеромъ. А эти подражанія Шекспиру очень удобны, потому что, не будучи ни комедіями, ни трагедіями и не имѣя другихъ правилъ, кромѣ чувства сноснаго для зрителя, я считаю ихъ ко всему подходящими. Надо только избѣгать скучнаго и сухаго; наши пьесы будутъ имѣть историческую достоверность, насколько она не будетъ поражать непріятно; много для зрѣлища, прекрасныя души съ возвышенными чувствами, когда онѣ будутъ кстати, какъ можно менѣе выставки ума со стороны самого писателя, величавые сюжеты и положенія лицъ какъ можно болѣе интересныя. О первой изъ этихъ пьесъ тѣ, кто читалъ еѣ и видѣлъ ея репетиціи, говорятъ уже, что ее примутъ какъ родственную каждому, такъ она интересна. Это очень странно. Вы мнѣ скажете:— Чортъ побери проклятую страсть сочинять комедіи!—Но меня оно забавляетъ, что бы вы тамъ ни говорили,

¹⁾ 374, 375.

²⁾ 377.

³⁾ 379.

а вѣдь это изъ всего самое лучшее» ¹⁾. «Ну, скажите же, скажите, что наши комедіи плохи; право, никто за это не станетъ сердиться. Однако многія изъ нихъ произвели то дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали» ²⁾. «Находите ли вы, что *Шаманъ Сибирскій* съ братіей хороши или дурны, какъ драматическія произведенія? Ожидаю категорическаго отвѣта» ³⁾.

По возвращеніи своемъ изъ крымскаго путешествія въ Москву, государыня пишетъ Гримму, что князь де-Линь посылаетъ ему *пословицу* на половину своего, на половину же ея сочиненія. «Пьесы эти льются у насъ какъ дождь, и это единственное средство установить на театрѣ хорошую комедію» ⁴⁾. Гриммъ, какъ кажется, критиковалъ нѣкоторыя изъ театральныхъ пьесъ Екатерины, такъ какъ она пишетъ ему: «Ну вотъ драматическія произведенія истолчены въ порошокъ, неправда ли? Совсѣмъ нѣтъ, я утверждаю что они всё-таки довольно хороши тамъ, гдѣ нѣтъ лучшихъ, и такъ какъ ихъ всѣ бѣгали смотрѣть и хохотали, и такъ какъ они приостановили сектаторское возбужденіе, — значитъ, это такія пьесы, которыя, несмотря на свои недостатки, имѣли успѣхъ самый желанный. Пусть напишетъ кто можетъ лучше, и когда тотъ человѣкъ отыщется, мы болѣе не будемъ писать, но будемъ забавляться его пьесами» ⁵⁾. И въ другомъ письмѣ: «Что касается до моихъ бѣдныхъ драматическихъ произведеній, которыя вы поставили такъ низко, и такъ сильно презираете, хотя публика бѣгаетъ ихъ смотрѣть, а дирекція получила на нихъ въ эту зиму отъ десяти до двѣнадцати тысячъ чистаго барыша, то чтобъ побѣсить васъ, посылаю вамъ послѣднюю пьесу, отъ которой публика была безъ ума: она переведена на нѣмецкій языкъ и, несмотря на вашу критику, я утверждаю что она хороша, даже очень хороша» ⁶⁾.

Весною 1791 года государыня писала: «Знайте, что эта зима была вообще зима хоровъ, музыки и танцевъ и что съ 8 сентября до 1-го мая, когда я бѣжала изъ города, только и дѣлали

¹⁾ 383, 384.

⁴⁾ 418.

²⁾ 391.

⁵⁾ 432.

³⁾ 403.

⁶⁾ 439.

что танцовали, да пѣли хоромъ. Историческая пьеса Олега подала къ тому сигналъ: хоры Олега въ высшей степени прекрасны и большею частію композиціи Сарти; всѣ греческія мелодіи соединены въ нихъ. Послѣ этого не слѣдовало бы говорить объѣдномъ маленькомъ дивертисментѣ, данномъ въ эрмитажѣ, и который имѣлъ самый рѣшительный успѣхъ на городскомъ театрѣ: это *Федуль*, въ комическихъ хорахъ; милостивому государю прислана будетъ музыка обоихъ, какъ скоро она явится, и я надѣюсь, что она будетъ сопровождать эту грамоту. Слова въ *Федуль* — это старыя русскія пѣсни и пословицы, сшитыя вмѣстѣ авторомъ *Олега*. *Олегъ* же составленъ изъ подлинныхъ словъ исторіи; пришиты только хоры и сцена изъ Еврипида, хоры послѣдняго дѣйствія взяты изъ оды Ломоносова; въ третьемъ же актѣ они составлены изъ старинныхъ русскихъ пѣсень»¹⁾).

На историческіе сюжеты въ комедіяхъ императрица конечно наведена была своими занятіями по исторіи, и здѣсь замѣчательно то же чувство любви къ русской исторіи, которое она проявила сознательнѣе и горячѣе, нежели кто либо изъ ея подданныхъ и вообще изъ ея современниковъ.

Понятія свои о театрѣ и игрѣ актеровъ императрица выражаетъ въ слѣдующихъ напримѣръ строкахъ, по поводу игры знаменитаго тогда французскаго актера Офрена (*Aufresne*). Изъ трагедій Корнеля она болѣе всего любила *Цинну*, и послѣ представленія его съ участіемъ этого знаменитаго актера въ Царскомъ Селѣ, въ августѣ 1785 года пишетъ: «Передъ отъѣздомъ изъ Царскаго я видѣла какъ игралъ Офрень. Онъ играетъ съ благородной простотой и помнитъ, когда играетъ въ *Циннѣ*, что онъ Августъ: по-моему это прекрасный актеръ. Но товарищи его метались какъ угорѣлые, и ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ понятія о томъ, что такое Римлянинъ время Августу. Надо было бы ежеминутно подсказывать Циннѣ, что онъ внукъ Помпея. Я думаю, по правдѣ сказать: для того, чтобъ хорошо играть ту или

1) 525, 526.

другую роль въ трагедіи, надо бы читать исторію и никогда не подражать жестамъ другихъ актеровъ; когда чувство вѣрно, мнѣ кажется, что и мимика дѣлается тоже вѣрна. Я въ жизнь свою не видала болѣе вѣрной мимики, болѣе естественной и граціозной, какъ у г. Александра: онъ отъ природы большой мимикъ¹⁾.

Изъ французскихъ современныхъ авторовъ комедій Екатерина особенно любила Седэна, и заказывала ему пьесы для эрмитажнаго театра. Лѣтомъ 1779 года она писала: «Скажите Седэну, что если онъ напишетъ вмѣсто одной двѣ или три пьесы, сто пьесъ, я всё ихъ прочту съ жадностью. Вы знаете, что послѣ пера патріарха, нѣтъ другого, за которымъ бы я такъ любила слѣдить какъ за Седэномъ; когда я говорю «слѣдить», это значитъ, что въ чтеніи какъ и въ представленіи я люблю слѣдить за ходомъ мыслей автора; но вы не говорите этого Седэну, изъ опасенія чтобъ это не заставило его вдумываться въ ходъ своихъ мыслей и не повредило его естественности; а она-то именно и драгоценна. Въ комедіяхъ фернейскаго патріарха я такъ люблю слѣдить за этой работой головы: въ его пьесахъ есть сто тысячъ вещей, которыя ускользаютъ отъ множества умныхъ и образованныхъ людей, и остаются незамѣченными. Еслибъ мнѣ когда-нибудь пришлось очутиться возлѣ васъ во время представленія одной изъ такихъ пьесъ, я вступила бы съ вами въ разсужденія, которыя помѣшали бы вамъ слушать пьесу и слѣдить за ней, но вы согласились бы что я права... Дайте Седэну двѣнадцать тысячъ ливровъ изъ суммъ, имѣющихся въ Парижѣ и которыми я могу располагать; его пьеса вовсе не упала: она очень хороша, но не была представлена изъ предосторожности, чтобъ помѣшать воркунамъ ворчать²⁾; это учтивость, вотъ и все, но пьеса хороша, и очень хороша. Пусть онъ вамъ даетъ все что родитъ его голова: я увѣрена, что это доставитъ удовольствіе и мнѣ и дру-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 360.

²⁾ Подъ воркуномъ императрица разумѣетъ Бецкаго, читавшаго ей вслухъ комедію Седэна.

гимъ»¹⁾. «Дайте же намъ поскорѣ Седэна, Седэна веселаго, потому что я не люблю печальнаго»²⁾.

Въ апрѣлѣ 1781 года Седэнъ прислалъ государынѣ одну изъ своихъ пьесъ и она пишетъ: «Комедія г. Седэна очень хороша и ее сейчасъ же разыграютъ на театрѣ въ Царскомъ Селѣ, куда я хочу переѣхать будущее воскресенье; я читала ее съ величайшимъ удовольствіемъ, и авторъ сдѣлаетъ мнѣ подарокъ, если пришлетъ свою трагедію въ прозѣ: *Спасенный Парижъ*, и если онъ желаетъ, я тоже велю сейчасъ разыграть еѣ, съ рискомъ не избѣгнуть посвященія»³⁾.

«30 апрѣля. Комедія г. Седэна была играна третьяго дня здѣсь (въ Ц. С.) и ей апплодировали безъ конца, но всего забавнѣе, что городъ, не издавшій комедіи, говоритъ, что она написана мною»⁴⁾.

«Комедію Седэна играли безконечно и меня обвиняли, что я еѣ написала!.. Вы можете сказать г. Седэну, что его пьесу играли и повторяли и требовали еще и еще, и представленія ея были очень посѣщаемы. Я получила его трагедію, которую прочту прежде всего; письмо еѣ сопровождающее прелестно»⁵⁾.

Когда Гриммъ прислалъ государынѣ драматическіе досуги нѣкоего Троншеня, то она писала: «Что касается драматическихъ досуговъ г. Троншеня изъ Делись, который не докторъ⁶⁾, увы! я не могу читать ихъ, по причинѣ, которую я высказала вамъ на третьей и четвертой страницѣ длиннаго произведенія, озаглавленнаго письмомъ, начатымъ 7 декабря 1779 г. Я вамъ сказала: Люблю Корнея: онъ мнѣ всегда возвышалъ душу, и не терплю, чтобъ кто-нибудь прикасался къ твореніямъ людей геніальныхъ. Это я пишу очень маленькими буквами, чтобъ оно оставалось между вами и мною. Пусть вслкій самъ дѣлаетъ какъ знаетъ, но только автору принадлежитъ право исправлять свои творенія. Итакъ я присѣдаю г. Троншеню, и если онъ можетъ,

¹⁾ Письма Гримма, 146, 147. ²⁾ 150. ³⁾ 201. ⁴⁾ 204. ⁵⁾ 206, 215.

⁶⁾ Былъ въ Парижѣ извѣстный докторъ Троншень, распространявшій оспопрививаніе во Франціи. Онъ былъ и домашнимъ докторомъ Гримма.

то пусть дастъ намъ что-нибудь свое, и мы будемъ его читать»¹⁾).

Въ числѣ педагогическихъ сочиненій Екатерины видное мѣсто занимаетъ ея инструкция князю Салтыкову по воспитанію императора Александра I-го. Многочисленныя упоминанія о самыхъ разнообразныхъ и непрерывныхъ чтеніяхъ, разсѣяныя во всей перепискѣ, свидѣлствуютъ что не только государыня прилежно изучала всѣ замѣчательнѣйшія произведенія мысли, но и была знакома съ лучшими педагогическими сочиненіями и взглядами того времени. Приведенныя нами выше выписки о дѣтствѣ Александра Павловича служатъ краснорѣчивымъ тому подтвержденіемъ. Всѣ умственные свѣтила не только того времени, но и прежнихъ временъ (напр. Плутархъ) были ея постоянными собесѣдниками; въ чтеніяхъ она не останавливалась на пустомъ и посредственномъ, но никогда не забывала ничего истинно замѣчательнаго и тотчасъ опредѣляла ему цѣну. Зорко слѣдя за современнымъ умственнымъ движеніемъ и обращеніемъ новыхъ идей въ воспитаніи, она изучала Монтеня, Локка, Руссо, Базедова и критически отнеслась къ крайнимъ увлеченіямъ, слишкомъ рѣзко противорѣчившимъ основнымъ началамъ общественной жизни; но въ то же время она приняла за основаніе своей инструкции мысли первыхъ двухъ педагоговъ, сильно вооружившихся противъ небрежности въ воспитаніи дѣтей и мертвящаго формализма въ обученіи. Основными положеніями ея инструкции были: *свобода развитія*, избѣгающая всякихъ сильныхъ принудительныхъ мѣръ, и *самостоятельное образованіе посредствомъ упражненія*, другими словами *самодѣятельность*. Воспитатель долженъ явиться только помощникомъ и руководителемъ воспитанника, облегчающимъ эту самодѣятельность, указывающимъ ему цѣль для стремленій и путь къ ея достиженію. Цѣль же эта есть чисто нравственная: «наклоненіе къ добру». При этомъ конечно нельзя упустить изъ виду то, что здѣсь рѣчь идетъ о частномъ, домашнемъ воспитаніи, гдѣ

¹⁾ Письма Грима, 167.

воспитатель можетъ быть вполне знакомъ съ духовной природой своего воспитанника, и что такое отношеніе къ каждому отдѣльному субъекту конечно трудно осуществимо въ воспитаніи общественномъ, гдѣ общія правила, общая дисциплина всегда будутъ неизбѣжны, какъ бы ни были различны характеры и способности воспитывающихся.

Понятно, какъ новы были, особливо для нашего общества, такіе взгляды императрицы на воспитаніе и какъ она въ этомъ стояла выше своего вѣка. Локкъ, изучившій медицину, сильно выдвинулъ впередъ мысль о физическомъ воспитаніи и укрѣпленіи тѣла, и эту мысль Екатерина также приняла въ своей инструкціи. Но по тому, какъ она отзывалась о непрактичной мечтательности Руссо и Дидро, о неудачномъ опытѣ Базедова, болѣе всего обнаруживается самостоятельность ея сужденія, не позволявшая ей отдавать свое сочувствіе рѣзкимъ крайностямъ, способнымъ потрясти нравственныя основанія въ обществахъ и бѣдственно отразиться на молодыхъ поколѣніяхъ. «Здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру» составляютъ все воспитаніе, сказано во введеніи къ ея инструкціи. Умственное же образованіе государыня считаетъ только приложеніемъ къ воспитанію нравственному: «ученіе же или знаніе да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію». Что такимъ образомъ нравственное воспитаніе ставилось Екатериной выше всего остального, доказываетъ и слѣдующая мысль, высказанная ею въ одномъ изъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ *Запискахъ первой части*, гдѣ опредѣляются обязанности родителей и воспитателей: «Должность ихъ исправлять, указывать, учить, остерегать и показывать дѣткамъ, какъ имъ быть должно, дабы какъ выростутъ велики и имѣвъ неравно пороки, не могли пенять: вы насъ не исправляли, вы насъ не учили, вы насъ не остерегали, вы намъ не указывали путь, по которому идти»¹⁾. Не менѣ замѣчательна

¹⁾ Соч. Екатерины II. Т. III, стр. 158.

еще одна мысль государыни, высказанная в инструкции, что воспитание должно сообразоваться с назначением и кругом действия тех, кому оно дается, что общечеловѣческое воспитание, в томъ широкомъ значеніи какъ понималъ его Руссо, есть непримѣнимая утопія. «Во-первыхъ мыслимъ мы», сказано в инструкции, «что всякое доброе воспитание учреждено быть должно, смотря на того, кому оно дается»... Такое убѣжденіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что находится въ противорѣчій съ пущенными тогда въ ходъ идеями Эммы Руссо въ пользу общечеловѣческаго воспитанія, которое пытался практически осуществить Базедовъ въ своемъ Филантропінѣ. Общій же духъ инструкции Екатерины дышитъ кротостью, любовью къ дѣтямъ, сохраненіемъ въ нихъ веселости и свободнаго самообладанія. Изъ воспитанія изгнаны всѣ деспотическіе приемы, способные сломить волю ребенка, но не направить еѣ къ добру. Напротивъ, широкое мѣсто отведено нравственному вліянію, привлеченію дѣтей къ сознанію своихъ проступковъ и раскаянію, хотя вездѣ поддерживается мысль о необходимости послушанія въ дѣтяхъ, о твердости и послѣдовательности въ образѣ дѣйствій воспитателя, какъ главномъ условіи его авторитета.

Что касается собственно обученія, то и здѣсь государыня высказываетъ многія замѣчательныя мысли: для дѣтскаго возраста она не допускала слишкомъ однообразныхъ и строго опредѣленныхъ приемовъ, ни строго опредѣленныхъ часовъ. Занятія должны отличаться живостью, свѣжестью и разнообразіемъ, согласно съ характеромъ дѣтской природы. Предписывалось «отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ», стало-быть познаніе Россіи выдвинуто на первый планъ, какъ средоточіе для занятій великихъ князей, и это правило проведено въ преподаваніе географіи, гражданскихъ законовъ и наконецъ русской исторіи, для которой сама императрица столько потрудилась. Первое мѣсто въ ряду предметовъ обученія занимаетъ Законъ Божій *„какъ первая добродѣтель“*. Приставникамъ внушается говорить съ должнымъ почтеніемъ о религіи, и самое ихъ обращеніе и отношенія ихъ къ вос-

питаннику должны быть приведены въ связь съ уроками Закона Божія. Такъ смотрѣла развившаяся въ свободомысліи писателей 18-го вѣка Екатерина на важность религіознаго воспитанія. Кромѣ языковъ живыхъ: нѣмецкаго и французскаго, великихъ князей обучали и языкамъ латинскому и греческому. Послѣдній изъ этихъ языковъ, по объясненію императрицы, долженъ былъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, которые ихъ высоchestвамъ полезны быть могутъ. Причины тому приведены въ самой инструкціи: — во-первыхъ, неудовлетворительность переводовъ, въ которыхъ всегда болѣе или менѣе утрачивается красота подлинниковъ. Во-вторыхъ, изъ греческаго языка заимствованы общепринятые техническія слова для наукъ и художествъ, указывающія на существо самой вещи. Въ-третьихъ, языкъ этотъ отличается пріятною гармоніей, игрою мысли и изобиліемъ¹⁾. Во всей инструкціи повторяется наставленіе отнюдь не обременять память воспитанниковъ заучиваніемъ наизусть. Изъ дѣтскихъ книгъ и руководствъ, написанныхъ самою Екатериною для внуковъ, мы уже упоминали кромѣ азбучекъ и первыхъ книжекъ для чтенія: *Сказки о царевичѣ Хлорѣ и царевичѣ Февелѣ*, *Выборныя російскія пословицы*, *Гражданское начальное ученіе*, *Продолженіе начальнаго ученія* и *Записки первой части*. Мы уже сказали, что въ мартѣ 1785 года государыня извѣстила Гримма, что ея внуки перешли въ мужскія руки и въ воспитаніи ихъ установлены «неизмѣнныя правила». Здѣсь именно и разумѣется инструкція. Изъ предметовъ обученія музыка была исключена какъ занятіе, отнимающее слишкомъ много времени, и государыня говорила въ письмѣ къ Гримму, кажется предлагавшему покупку инструментовъ: «Не надо фортепіанъ. Господа Александръ и Константинъ не будутъ учиться музыкѣ; они будутъ скрипѣть или играть, если хотять, самоучкой»²⁾. Въ письмѣ отъ 22 апрѣля 1789 г. государыня говоритъ: «господа Александръ и

¹⁾ См. превосходную статью «О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой», соч. Николая Лавровскаго, Харьковъ. 1866 года.

²⁾ Сб. И. О. XXIII, 284.

Константинъ переданы на руки генерала Салтыкова, который, такъ же какъ и прочіе окружающіе, слѣдуетъ во всемъ пунктахъ своимъ началамъ и предписаніямъ, и въ самомъ дѣлѣ они восхитительно хороши собою, рослы, сильны, здоровы, разумны и послушны; видѣть ихъ — наслажденіе. Я увѣрена, что Александромъ будутъ всегда отменно довольны: онъ обладаетъ удивительною ровностію духа, соединенною съ пріятливостію, рѣдкою въ его возрастъ; лицо у него открытое, веселое и полное благоволенія; воля его всегда хороша: онъ стремится къ успѣху и успѣваетъ во всемъ не по возрасту; онъ учится ѣздить верхомъ, читаетъ и пишетъ на трехъ языкахъ; рисуетъ и его ни къ чему не принуждаютъ. Онъ пишетъ или изъ исторіи, или изъ географіи, или избранныя поученія или что-нибудь веселое; сердце у него предоброе¹⁾ . . .

«По поводу вашего подарка, бронзоваго Геркулеса, господамъ Александру и Константину, скажу вамъ, что не проходитъ дня, чтобъ Александръ не занимался разсматриваніемъ эстамповъ, особливо когда ему сколько-нибудь не здоровится: тогда онъ обложитъ себя ими кругомъ и, пока онъ забавляется разсматриваніемъ ихъ, проситъ чтобъ кто-нибудь изъ окружающихъ взялъ книгу и громко читалъ ему, такъ какъ мы хотимъ быть постоянно заняты по вкусу и наклонности. Что вы объ этомъ скажете²⁾?»

Въ августѣ 1785 года: «Господа Александръ и Константинъ въ эту минуту очень заняты бѣленіемъ снаружи царскосельскаго дворца подъ руководствомъ двухъ шотландскихъ штукатуровъ, и Богъ знаетъ какими мастерствами они не занимались³⁾».

Въ маѣ 1786 года: «Я сегодня утромъ пріѣхала сюда изъ Царскаго Села съ моими двумя внуками; одна комната отдѣляетъ меня отъ нихъ; стало-быть они живутъ у меня и шумятъ ужасно: я должна была ихъ прогнать, чтобъ имѣть хоть минуту покоя; и они ушли, нагбвая оперный маршъ и ведя каждый за ланку свою

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 336, 337.

²⁾ 338, 339.

³⁾ 358.

собачку, вмѣсто принцессы. Вы можете по этому судить, какой мы беремъ тонъ; эти мальчуганы прелестны. Но конецъ бабушкинымъ сказкамъ»¹⁾.

О характерѣ великаго князя Константина Павловича государыня часто отзывается, что у него умъ и голова своеобразныя и надо давать ему свободу развиваться по-своему, и находить въ чертахъ лица его сходство съ Петромъ Великимъ²⁾. Она успокоиваетъ Гримма, что при великомъ князѣ нѣтъ никакихъ греческихъ кадетовъ и тутъ нечего пронохивать, что все это злая ложь Фридриха II, котораго она при этомъ называетъ старымъ хитрымъ котомъ (*der alte, tückische Kater*³⁾).

Извѣщая Гримма лѣтомъ 1783 года о рожденіи первой великой княжны, Александры Павловны, государыня объявляетъ, что она гораздо болѣе любитъ мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Въ это лѣто Екатерина сильно простудилась и схватила упорный кашель; многіе изъ ея любимыхъ приближенныхъ были также серьезно больны, и она, сообщая Гримму свои тревоги, говоритъ: «Вотъ прекрасныя предзнаменованія, при которыхъ родилась Александра Павловна. Все это не имѣетъ никакого смысла»⁴⁾. Тою же осенью она пишетъ: «Дѣвица Александра Павловна существо очень некрасивое, особливо по сравненію съ своими братьями»⁵⁾.

Елена Павловна родилась въ декабрѣ 1784 года, въ то самое время, когда государыня, подавленная горемъ — потерей Ланского, — на цѣлые полгода прервала переписку съ Гриммомъ. Въ первомъ же письмѣ послѣ того, отъ марта 1785 года, она говоритъ: «Прекрасная Елена названа удачно, потому что она необыкновенно красива, и вотъ почему я назвала её Еленой». И далѣе: «Прекрасная Елена процвѣтаетъ и въ шесть мѣсяцевъ, увѣрю васъ, показываетъ болѣе смысла и живости, чѣмъ старшая, которой на будущей недѣлѣ минетъ два года»⁶⁾. Марія Павловна родилась въ началѣ февраля 1786 года. Го-

1) 377.

2) 313.

3) 254.

4) 288.

5) 288.

6) 326, 346.

сударыня извѣщаетъ Гримма о ея рожденіи нисѣмомъ отъ 4-го февраля. Невѣстка моя вчера родила дочь, которую назвали Маріей. Она не хороша, но очень велика»¹⁾. Лѣтомъ 1786 года государыня уже наслаждается всѣми пятью внучками въ своихъ царскосельскихъ садахъ и говоритъ Гримму, что отыскать её тамъ можно развѣ только по лаю Томасовъ и щебетанью пяти малютокъ, которыя «прилипаютъ къ ней какъ репш»²⁾.

Въ апрѣлѣ 1787 г. она пишетъ изъ путешествія въ южный край: «Александръ и прекрасная Елена въ отсутствіи моемъ были больны корью, такъ же какъ всѣ сестрицы и братцы, да еще тотчасъ послѣ вѣтреной оспы, и такъ какъ надо опасаться, чтобъ они не схватили натуральной оспы (то есть дѣвочки, потому что мальчикамъ она была привита), то теперь же привьютъ её прекрасной Еленѣ и ея сестрамъ»³⁾.

Палласъ и экспедиція Виллингса. Галиани, Рейналь, Валье. Смерть Дидро и д'Аламбера. Аэрометры. Разныя мелкія замѣтки и происшествія.

Имя Палласа встрѣчается въ переноскѣ не только по поводу словаря всѣхъ нарѣчій, но и по разнымъ другимъ случаямъ. Такъ въ 1779 году государыня пишетъ Гримму: «Ваше письмо къ г. Палласу было доставлено Безбородкой по назначенію. Господинъ герцогъ-географъ для меня слишкомъ ученъ, и я полагаю, что ни г. Палласъ и никто здѣсь не можетъ сказать ему, что находится между Алеутскими островами и Америкой, такъ какъ у насъ никто не плавалъ далѣе этихъ острововъ и не причаливалъ къ Америкѣ. Алеуты говорятъ, что есть на значительномъ разстояніи отъ нихъ большая земля, вотъ и все»⁴⁾.

Въ 1782 году мы видимъ, что Палласъ участвуетъ въ составленіи учебниковъ для нормальныхъ школъ, создаваемыхъ въ

1) Св. И. О. XXIII, 374.

2) 379.

3) 399.

4) 141.

Россіи. Въ 1785 Екатерина посылаетъ Гриму его «Россійскую флору» (Flora Rossica) и черезъ нѣсколько времени послѣ того пишетъ: «Г. Палласъ удержалъ изрядное количество экземпляровъ для охотниковъ до Россійской флоры, но я сомнѣваюсь, чтобъ они пошли въ продажу» ¹⁾. Въ томъ же году, подъ предсѣдательствомъ Палласа, составлена была комиссія для снаряженія географической и астрономической экспедиціи въ сѣверныя моря, которая надѣлала въ Европѣ много преувеличеннаго шума, вслѣдствіе чего государыня писала Гриму: «Когда васъ станутъ спрашивать о мнѣномъ двѣнадцатитысячномъ отрядѣ съ академиками, философами, натуралистами и проч. и проч., вы можете отвѣчать, что все это ограничивается очень немногимъ и когда у васъ говорили, что они уже уѣхали отсюда, еще не было назначено ни одного человѣка, кромѣ офицера, командующаго судномъ и ѣдущаго съ цѣлью открытій, или, вѣрнѣе сказать, провѣрки рагѣ сдѣланныхъ открытій. Этотъ планъ составленъ Палласомъ и его собратьями. Офицеръ этотъ (Биллингсъ) служилъ на кораблѣ Кука, и между ихъ наблюденіями и нашими есть нѣкоторое различіе; эта экспедиція и рѣшитъ тяжбу»...²⁾ «По газетамъ г. де-Лаперузъ не уѣхалъ, ни сэръ Биллингсъ тоже. Послѣдній еще ѣдетъ въ Камчатку, чтобъ тамъ сѣсть на корабль» ³⁾.

Въ слѣдующемъ же 1786 году говорится: «Г. Ледіардъ ⁴⁾ хорошо сдѣлаетъ, если возьметъ другой путь нежели черезъ Камчатку, потому что такимъ образомъ нѣтъ возможности догнать экспедицію. Впрочемъ все напечатанное объ этой экспедиціи — совершенная ложь и пустое мечтаніе. Никакого нѣтъ десантнаго отряда, и все ограничивается экспедиціей капитана Биллинг-

¹⁾ 391.²⁾ 390.³⁾ 399.

⁴⁾ Ледіардъ былъ американецъ, задумавшій, по увѣренію Кастеры, проникнуть пѣшкомъ къ Чукчамъ, чтобъ съ ними перейти Беринговъ проливъ и дойти до англійскихъ поселеній въ Гудзоновомъ заливѣ, и по подозрѣнію въ шпіонствѣ, захваченный въ Якутскѣ и отправленный черезъ прусскую границу обратно въ Англію. О высылкѣ этой говорится и въ *Дневникѣ* Храповицкаго, стр. 58.

са и экипажа, выбраннаго имъ и Палласомъ»¹⁾. Этой экспедиціи сопутствовалъ членъ академіи наукъ, гидрографъ Сарычевъ, который въ 1802 году напечаталъ описаніе своего путешествія и сверхъ того издалъ извлеченіе изъ Биллингсовыхъ записокъ, съ словаремъ двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ.

Въ 1794 году государыня пишетъ, что Палласъ собирается переѣхать на житье въ Крымъ.

Сношенія Екатерины съ неаполитанскимъ аббатомъ Галіани и отзывы о немъ безпрестанно встрѣчаются въ ея письмахъ. Этотъ Галіани былъ авторомъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ. Въ качествѣ секретаря неаполитанскаго посольства онъ долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами, особливо съ Гриммомъ и Дидро. Онъ также былъ замѣчательнымъ антикваріемъ и одинъ изъ первыхъ началъ разрабатывать археологическія богатства Геркуланума. Еще въ 1776 году Екатерина пожелала имѣть его изданія и писала: «Я велѣла послать въ Ливорно Ганнибалу (адмиралу) 5,750 французскихъ ливровъ на книги аббата Галіани. Перешлите мнѣ ихъ пожалуйста и примите мою благодарность за предложеніе»²⁾. Когда Гриммъ переслалъ къ ней одно изъ писемъ Галіани, она пишетъ: «Письмо аббата Галіани прелестно. Присылка его книгъ доставитъ мнѣ большое удовольствіе, потому что я безъ ума люблю книги по архитектурѣ. Вся комната моя наполнена ими, и мнѣ все еще мало»...³⁾ «Еслибъ вы черезъ аббата Галіани или кого-нибудь другого могли достать мнѣ изображеніе Везувія, Помпей и Геркуланума и все, что неаполитанскій дворъ издалъ по этимъ предметамъ, вы бы доставили мнѣ истинное блаженство»⁴⁾. Получивъ всѣ эти изданія государыня пишетъ: «Библіотека Галіани очень часто утѣшаетъ меня; за часъ до обѣда я иду посѣтить ее и какъ маленькія дѣти рассматриваю тамъ ея эстампы, чтобъ вынести оттуда меду въ свой улей. На переплеты я никогда не

¹⁾ Об. И. О. XXIII, 378.

²⁾ 47.

³⁾ 58.

⁴⁾ 67.

смотрю: мнѣ до нихъ нѣтъ нужды. Я пошлю аббату Галиани медаль (бронзовую), которая будетъ служить ему портретомъ¹⁾. Послѣ того государыня спрашиваетъ Гримма, что дѣлаетъ аббатъ Галиани и опять благодаритъ его за присылку другого его прелестнаго письма. Когда же Галиани, вѣроятно, по полученіи медали, написалъ письмо самой императрицѣ, то она нашла его слишкомъ официальнымъ. «Оно отзывается тѣмъ, что сочинено для священнаго величества. Скажите ему, что ея священное величество получила его письмо и благодаритъ его, что она очень любитъ людей достойныхъ, а онъ къ этому качеству присоединяетъ еще репутацію большого ума; также—что я очень высоко цѣню его Разговоръ о хлѣбѣ²⁾ что я никогда не читала Горація и вѣроятно прочту его только, когда онъ напишетъ къ нему объясненія, и тогда, ужь во что бы ни стало, у насъ онъ будетъ переведенъ, что книга его о Монетѣ³⁾ уже теперь возбуждаетъ мое любопытство, что я у него не выпрашиваю ее, а постараюсь овладѣть ею, только что она будетъ напечатана⁴⁾».

Екатерина чрезвычайно высоко цѣнила умъ и способности Галиани и говорила о немъ: «Какъ жалко, что голова этого человека безъ пользы пропадаетъ въ Неаполѣ, что тамъ даже не знаютъ его сочиненій и издають указы въ старинномъ вкусѣ, не пользуясь имъ, ни его умными мыслями. Этотъ тоже не на мѣстѣ...⁵⁾. «Объ аббатѣ Галиани можно сказать, что отечество его не одѣнило»....⁶⁾. Его пророчество о Casa Santa въ Фернеѣ очень мнѣ по вкусу, не потому чтобъ я любила обманъ и толстыя свѣчи (*les gros cierges*); но потому что пророчество, высказанное людьми геніальными, какъ будто по вдохновенію, обыкновенно оказывается результатомъ очень глубокихъ соображеній,

¹⁾ 70.

²⁾ «Dialogue sur le Commerce des blés» (1770) замѣчательное произведеніе Галиани.

³⁾ Книга Галиани «*Sur la monnaie*» была напечатана въ Неаполѣ въ 1769 году, а комментарий на Горація былъ имъ оставленъ въ рукописи и напечатанъ въ Парижѣ въ 1770 году.

⁴⁾ *Сб. И. О.* XXIII, 241.

⁵⁾ 118, 114.

⁶⁾ 118.

давно ужь сдѣланныхъ. Это — итоги, которые подводитъ геній къ прежнимъ разысканіямъ ума, здраваго смысла, опытности и проч... Но какія печали его удручаютъ? Я полагаю, что въ Неаполѣ, въ лучшемъ изъ климатовъ Европы, онѣ чувствуются меньше, потому что на меня воздухъ всегда дѣйствуетъ развеселяющимъ образомъ. Но, видно, къ нему слишкомъ тамъ привыкли, чтобъ цѣнить его такъ, какъ мы его цѣнимъ!...¹⁾ Въ концѣ того же письма прибавлено: «А сколько Галиани вамъ сообщаетъ превосходныхъ вещей, которыя должны произойти въ Неаполѣ: Чудныя большія дороги. Флотъ. Уничтоженіе пошлннъ. Основаніе академій наукъ и литературы. Что касается флота, то онъ очень былъ бы нуженъ имъ, хотя бы для защиты отъ Алжирцевъ, которые въ виду самаго города похищаютъ у нихъ гражданъ»²⁾. Не любя посвященій, государыня говоритъ: «Сожалѣю, что карта Сициліи и гора Этна должны пройти черезъ операцию посвященія»³⁾.

Въ маѣ 1780 года, купивъ музыкальную партитуру Флидора, написанную для большого торжества, государыня поручаетъ Гриму: «Закажите аббату Галиани составить программу къ этому празднеству, и когда это будетъ сдѣлано, ужь мы найдемъ куда это пристроить»⁴⁾. За эту программу государыня послала Галиани двѣ золотыя медали. «Еслибъ я имѣла досугъ, я написала бы вамъ цѣлый комментарий на черновое письмо аббата Галиани. Начиная съ того, что вѣроятно онъ пользовался нѣкоторою репутаціей прежде чѣмъ я его узнала, если его имя изъ отдаленной Италіи дошло до Россіи; стало-быть не я, но самъ онъ составилъ себѣ славу»⁵⁾. О поѣздкѣ въ Италію великаго князя Павла Петровича съ супругой государыня просила Гримма извѣстять аббата Галиани и Рейфенштейна. Въ декабрѣ 1787 года она спрашиваетъ: «Правда ли, что аббатъ Галиани умеръ? Здѣсь говорятъ объ этомъ»⁶⁾. И черезъ два мѣсяца послѣ того: «Моя

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 132, 133.

⁴⁾ 177.

²⁾ 134.

⁵⁾ 230.

³⁾ 133.

⁶⁾ 437.

табакерки не приносятъ счастья. Аббать Галиани умеръ вскорѣ послѣ полученія той, которую я ему послала....¹⁾ «Духовное завѣщаніе аббата Галиани очень странно, но до сихъ поръ я ничего не слыхала о томъ, что мнѣ завѣщано»²⁾.

Совсѣмъ иначе относилась Екатерина къ другому писателю, аббату же—Рейналю. Въ 1775 году, послѣ появленія его Исторіи индѣйской торговли, она поручила директору канцеляріи таможенныхъ сборовъ графу Эрнесту Миниху прочитать въ этой книгѣ статью о Россіи и сдѣлать на нее письменныя примѣчанія. Въ 1782 году государыня говоритъ, что, несмотря на напрасныя разглагольствія противъ нея аббата Рейналя, она погружена въ законодательство. «Мы все-таки законодательствуемъ», говоритъ она въ другомъ письмѣ, «несмотря на то, что аббать Рейналь противъ насъ квакаетъ и лжетъ. Среди всей этой лжи онъ говоритъ, что мнѣ ничего не удавалось изо всего, что я принимала. Вѣдь это же очень грубая ложь, противъ которой доказательство у дѣлаго свѣта передъ глазами»³⁾... «Что касается апостола Рейналя», сказано въ другомъ письмѣ, «я избавляю васъ отъ скуки разбирать его, потому что онъ того не стоить и если вы его вовсе не прочтете, то останетесь тѣмъ же, чѣмъ были бы, еслибъ и прочли его, ни толще, ни худѣе»⁴⁾.

Съ сочиненіями Бальи государыня ознакомилась въ 1784 году, около времени своихъ историческихъ и филологическихъ разысканій. Мы уже говорили, что по прочтеніи его исторіи астрономія, доставившей ему большую извѣстность, и по поводу его предположенія о существованіи въ Сибири первобытнаго народа, исчезнувашаго съ лица земли, государыня послала ему и Бюффону нѣкоторыя свои догадки по этому предмету, очень еѣ занимавшему. Но за этимъ вслѣдъ она писала: «Я одумалась не показывать этихъ тетрадей ни Бальи, ни Бюффону; это ни ихъ ящикъ (т. е. Россія), хотя они и первые указали на существованіе народа, который однако не интересуются открыть; впро

1) 439.

2) 445.

3) 235.

4) 247.

чемъ дѣлайте какъ знаете, это не охладить жара моихъ изысканій»¹⁾. Въ 1785 году государыня просила Гримма доставить ей всѣ сочиненія Бальи, а въ 1787 пишетъ: «Произведенія г. Бальи встрѣчены мною съ радостью; я еще не имѣла времени ихъ раскрыть и даже не читала его письма, но исполню свой долгъ въ отношеніи къ нему, только что будетъ возможно»²⁾. Черезъ годъ послѣ того: «Вы просили у меня медали для г. Бальи; теперь же кажется, что вы желаете табакерку: пусть будетъ такъ, вы ее получите»³⁾. И тутъ-то государыня прибавляетъ, что съ ея табакеркой не посчастливилось покойному Галиани, который вскорѣ умеръ. Въ одномъ изъ писемъ того же года государыня такъ отзывается о Бальи: «Мнѣ сдается, что я уже сказала вамъ много и очень много о г. Бальи; казалось мнѣ также, что я вамъ послала и подарокъ для него; но если я забыла, прошу васъ передать ему, что я чрезвычайно высоко цѣню его произведенія, и если у васъ есть еще мои деньги, то пошлите ему отъ меня приличную табакерку»⁴⁾.

Но еще менѣе счастья принесъ этотъ подарокъ Бальи чѣмъ Галиани. Увлеченный на политическое поприще, онъ попалъ въ водоворотъ революціи, и вотъ, до тѣхъ поръ счастливый въ своемъ призваніи, писатель сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ готовившейся кровавой драмы. Онъ предсѣдательствовалъ на томъ самомъ собраніи (*séance du Jeu de Paume*), гдѣ депутаты поклялись не расходиться, пока не дадутъ Франціи конституцію. Затѣмъ 16-го іюля 1789 онъ былъ назначенъ меромъ Парижа, а въ іюнѣ 1790 Екатерина пишетъ Гримму: «Такъ же мало пристало меру Парижа, уничтожившему монархію во Франціи, (*qui a démonarchisé la France*) имѣть портретъ императрицы самой аристократической въ Европѣ, какъ и ей посылать свой портретъ меру-антимонархисту. Это значило бы поставить и мера-антимонархиста и наиболѣе аристократическую императрицу въ полное противорѣчіе другъ съ другомъ и съ ихъ обязанностями, бывшими, настоящими и будущими»⁵⁾.

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 322.

²⁾ 399.

³⁾ 439.

⁴⁾ 447.

⁵⁾ 482, 483.

Вынужденный, послѣ побѣга и ареста Людовика XVI, силой разгонять угрожающія сборища, образовавшіяся на Марсовомъ полѣ, чтобъ требовать низложенія короля, несчастный Бальи вдругъ потерялъ свою популярность и, отказавшись отъ должности мера, покинулъ столицу; но въ 1793 году онъ былъ узнавъ въ Меланъ, привлеченъ въ Парижъ, осужденъ на смертную казнь и съ утонченною жестокостью казненъ 11 ноября того же года.

О послѣдней, предсмертной болѣзни Дидро упоминается въ перепискѣ нѣсколько разъ, и государыня принимаетъ въ страданіяхъ больного искреннее участіе. По смерти его она поручаетъ Гримму дать вдовѣ его тысячу рублей пенсін впередъ за пять лѣтъ, считая по 200 руб въ годъ ¹⁾. Она хвалитъ письмо, написанное къ ней его дочерью, и проситъ купить для себя всѣ его сочиненія, говоря: «Вы заплатите за нихъ сколько потребуютъ. Конечно они не выйдутъ изъ моихъ рукъ и никому вреда не принесутъ. Пришлите ихъ съ бібліотекой Дидро» ²⁾. О погребеніи его сказано: «На меня очень пріятно подѣйствовало поведеніе священника церкви Сентъ-Рока при погребеніи Дидро» ³⁾. Общіе бѣглые отзывы и шуточки объ этомъ писателѣ показываютъ, что Екатерина считала его въ высшей степени непрактическимъ, разсѣяннымъ и неосновательнымъ, но тѣмъ не менѣе любила къ нему его добродушіе, благородный образъ мыслей и выставляла прекрасное свойство его души: благодарность за добро ему сдѣланное, говоря при этомъ, что Дидро во всемъ не похожъ на другихъ людей.

О смерти другого энциклопедиста д'Аламбера она пишетъ въ 1784 году: «Очень прискорбно, что д'Аламберъ умеръ, не увидѣвъ и не прочитавъ нашего оправданія по крымскому дѣлу; по крайней мѣрѣ слѣдовало выслушать обѣ стороны и потомъ прозносить свое сужденіе; а вмѣсто того онъ говорилъ намъ дерзости. Я очень объ этомъ сожалѣю, такъ же какъ и о малоду-

1) 318.

2) 327.

3) 362.

шия, которое онъ выказалъ въ своей болѣзни. Тѣлесныя силы, вѣроятно, взяли перевѣсъ надъ духовными. Впрочемъ эти люди думали часто совсѣмъ не такъ, какъ они проповѣдывали. Давно уже я была въ немилости, и знаете ли, что насъ Вольтеръ поссорилъ? ¹⁾... Я никогда не сомнѣвалась, что письмо д'Аламбера по поводу французскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Краковѣ, было продиктовано ему тогдашнимъ министромъ (d'Aiguillon): очень рада узнать, что я не ошиблась ²⁾.

О перепискѣ умершаго въ 1786 году Фридриха II съ д'Аламберомъ государыня замѣчаетъ: «Я увѣрена, что письма покойнаго Прусскаго короля къ д'Аламберу, если ихъ печатаютъ въ Берлинѣ, будутъ очень искажены, потому что сочиненія его *испорекаютъ*». Самъ Бюшингъ сознается въ этомъ на страницѣ 263 своей книги «Характеръ Фридриха II». Это было написано въ 1788 году, незадолго до революціи, и государыня тутъ же прибавляетъ о своихъ письмахъ къ Гримму: «Впрочемъ, отъ писемъ, которыя я вамъ пишу, у меня не остается копій и нѣтъ черновыхъ; могу увѣрить васъ, что говорю вамъ сухую правду, возобновляя при этомъ просьбу, чтобъ вы ихъ бросили въ огонь, потому что, несмотря на все мое довѣріе къ г. Кастри, не зная кто его наслѣдники, я буду всегда опасаться, чтобъ эти письма не попали въ публичную продажу, или къ какому-нибудь Фигаро, который ихъ напечатаетъ, что, какъ вы конечно согласитесь, вовсе не нужно. Но о трудѣ, вами предпринимаемомъ для переписки этихъ писемъ, я сожалею, хотя примѣчанія, которыми вы собираетесь ихъ снабдить, знаю заранее, будутъ интереснѣе всего остальнаго» ³⁾.

Въ 1795 году государыня высказываетъ слѣдующее замѣчаніе о д'Аламберѣ и энциклопедистахъ: «Я безропотно буду ждать благоприятной минуты, когда вамъ будетъ угодно оправдать въ моемъ мнѣніи философвъ и ихъ прислужниковъ въ томъ, что они участвовали въ революціи, особливо же въ Энциклопедіи, ибо

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 308.

²⁾ 303.

³⁾ 441, 442.

Гельвецій и д'Аламберъ оба сознались покойному Прусскому королю, что эта книга имѣла только двѣ цѣли: первую, уничтожить христіанскую религію, вторую—уничтожить королевскую власть! Объ этомъ говорили уже въ 1777 году. На петергофской лѣстницѣ маски говорили объ этомъ между собою на ухо 29 іюня¹⁾.

О Циммерманѣ, медикѣ и философѣ, написавшемъ книгу «Объ уединеніи» (Von der Einsamkeit) государыня упоминаетъ не только по поводу своей комедіи «Обманщикъ» (которая такъ ему понравилась, что онъ схлопоталъ ея постановку на сценѣ въ Гамбургѣ), но и по поводу чтенія ея въ 1785 году извѣстнаго его сочиненія. «Надо сообщить вамъ», писала она Гримму, «если вы этого уже не узнали, что я въ настоящую зиму прочла книгу «Объ уединеніи», которая вполне исцѣлила меня отъ этого недуга и дала мнѣ такое хорошее мнѣніе о писателѣ, что я недавно вошла съ нимъ въ переписку, не затѣвъ, чтобы совѣтоваться съ нимъ по случаю болѣзни или здоровья, но чтобы поговорить о разумномъ и о дурачествахъ; и онъ, буквально, пишетъ мнѣ письма и безумныя и разумныя; это тоже голова, которая идетъ не зная куда, но всегда далѣе чѣмъ обыкновенно водится. Я желала, чтобы онъ сюда пріѣхалъ. Онъ тоже этого желалъ, но когда ужъ совсѣмъ рѣшился, я его отговорила, потому что у него болѣзнь, не позволяющая путешествій, и, несмотря на то, онъ собирался. Но я не хочу, чтобы онъ умеръ²⁾». Циммерманъ былъ вызванъ въ Берлинъ во время предсмертной болѣзни Фридриха II, «но», говоритъ государыня, «не спасъ его, потому что спасти было нельзя».

Замѣчательнъ отзывъ государыни о русскомъ докторѣ, нѣкоемъ Самойловичѣ, котораго Гриммъ взялъ подъ свое покровительство, а государыня обличаетъ во лжи и неправдоподобныхъ разсказахъ, говоря: «Вмѣсто того, чтобы хорошо принять Самойловича, какъ рекомендованнаго намъ многострадальнымъ, мы всѣ порядочно и какъ слѣдуетъ его выбрали и вымыли ему го-

1) 622.

2) 348.

лову, а болѣе всѣхъ генералъ, пользующійся благорасположеніемъ многострадальнаго (Ланской), за то что упомянутый Самойловичъ смѣло и безстыдно лгалъ на словахъ, на письмѣ и въ печати, будто онъ, Самойловичъ, привилъ чуму, ч. знаетъ сколькоиъ лицамъ, — ложь, которую онъ не станетъ поддерживать въ Россіи, ибо гдѣ нашелъ бы онъ такихъ отверженныхъ Богомъ, которые добровольно пожелади бы заразиться чумою; и какъ позволили бы ее распространять, тогда какъ все на свѣтѣ употребляли чтобъ ее уничтожить»¹⁾?

О магнетизмѣ Екатерина отзывается такъ: «Я очень рада, что вы со мной одинакаго мнѣнія: я всегда говорила, что этотъ магнетизмъ, который никого не выльчиваетъ, не можетъ точно такъ же никого и убить»²⁾.

Надъ новымъ изобрѣтеніемъ воздушныхъ шаровъ въ Парижѣ встрѣчается въ перепискѣ много шутокъ: «Кстати, поздравляю васъ», говорится въ 1783 году, «съ летучими колесницами, порхающими вокругъ вашихъ головъ: когда ихъ усовершенствуютъ, очень пріятно будетъ въ три дня долетѣть отсюда до Парижа»... «Ваши аэростаты, повидимому, оказали услугу государству: они заставили забыть ошибки въ финансовыхъ расчетахъ»³⁾.

Въ слѣдующемъ письмѣ государыня благодаритъ за присылку ей раскрашенныхъ изображеній воздушнаго шара и прибавляетъ: «О Небо, дай имъ скорѣе крылья, чтобъ никакой экспертъ не могъ сломать себѣ шею, падая съ такой высоты. . . Хотя здѣсь и менѣе нежели въ Парижѣ занимаются этими воздушными путешествіями, однако все, что до нихъ касается, принято съ тѣмъ участіемъ, какого заслуживаетъ такое любопытное открытіе»⁴⁾... Но впрочемъ государыня сознается, что запретила у себя опыты съ воздушными шарами изъ опасенія пожаровъ въ страгѣ, гдѣ множество деревянныхъ строеній и крышъ тесовыхъ и соломенныхъ⁵⁾. Говоря о томъ, что она никогда не поѣдетъ въ Парижъ, государыня прибавляетъ, что развѣ полетитъ туда въ аэростатѣ,

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 306.

²⁾ 327.

³⁾ 290, 292.

⁴⁾ 293.

⁵⁾ 301.

приглашая Гримма въ такомъ же экипажѣ приѣхать въ Петербургъ ¹⁾).

Въ 1781 году былъ большой пожаръ парижской оперы, и государыня писала о томъ: «Хотите узнать свои новости отъ насъ? Парижская опера сгорѣла со всеми актерами, танцовщиками и танцовщицами. Это заставило насъ удвоить вниманіе въ своихъ театрахъ, и я надѣюсь, что это намъ доставитъ лѣсницы къ окнамъ» ²⁾. Между тѣмъ Гриммъ самъ извѣщалъ ее объ этомъ пожарѣ слѣдующимъ образомъ:

«Ваше величество вѣроятно слышали о пожарѣ нашей оперной залы. Подумаешь, что у насъ затѣмъ пожары въ Парижѣ, чтобъ доставить нашимъ вѣстовщикамъ и газетчикамъ случай распытаться въ пышныхъ похвалахъ пожарной командѣ. Послушаешь ихъ — такъ это сонмъ героевъ, которые даютъ изумительныя доказательства дѣятельности, сообразительности, храбрости, но тогда уже, когда все сгорѣло. Въ имперскихъ городахъ Германіи у насъ нѣтъ ни героевъ, ни панегиристовъ, у насъ есть только предписанія, которыя исполняются, и пожары оканчиваются прежде чѣмъ успѣютъ о нихъ заговорить. Итакъ вотъ опера уничтожена и самые дивные таланты въ танцевальномъ искусствѣ божественная Гейнель, слава Германіи, Теодоръ, легкая какъ птичка, Доберваль, Нивелонъ — всѣ безъ занятій, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ. Богъ танцевъ — Вестрисъ и сынъ его Огюсть въ это время приводили Лондонъ въ восторгъ» ³⁾).

На это государыня отвѣчала: «Кстати о пожарѣ, истребившемъ до тла парижскую оперу. Вы мнѣ говорили о тѣхъ, кто не сгорѣлъ, но остерегайтесь говорить о тѣхъ кто сгорѣлъ и кого ваша удивительная пожарная команда не спасла» ⁴⁾).

Когда Гриммъ однажды извѣщалъ Екатерину о пожарѣ въ нѣсколькихъ австрійскихъ городахъ, то она отвѣчала: «Вы хотите, чтобъ я способствовала отстройкѣ сгорѣвшихъ герман-

¹⁾ 312. ²⁾ 209.

³⁾ Письма Гримма, стр. 203.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, 216.

скихъ городовъ; я сама строю у себя болѣе сотни городовъ. Я не должна вторгаться въ область моего любезнѣйшаго брата Юсифа II¹⁾). На это Гриммъ отвѣчаетъ: «Я очень хорошо помню, что сказалъ вашему величеству, какъ несправедливо способствовать отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ городовъ Святой имперіи, потому что еслибъ всѣ города Россійской имперіи сгорѣли, Святая Римская имперія не дала бы ни полушки на ихъ отстройку; а мнѣ за это говорятъ: «вы хотите, чтобъ я способствовала къ отстройкѣ всѣхъ сгорѣвшихъ въ Германіи городовъ», тогда какъ я хочу совершенно противоположнаго. О, изо всѣхъ строителей архитекторельница! О постройтельница ста-трехъ городовъ! Гдѣ же справедливость? Другая ересь: «я не должна несправедливо вступать на почву моего милаго брата Юсифа II». Мы, принадлежащіе къ Россійской имперіи, мы составляемъ почву нашей драгоценной монархини Екатерины II; но мы, принадлежащіе къ Римской имперіи, мы вовсе не собственность нашего дорогого Юсифа II; наша собственность, сгорѣвшая или не сгорѣвшая, ему не принадлежитъ. И это большая разница, которую правосудный Юсифъ приметъ конечно въ расчетъ; я на это надѣюсь²⁾»).

Но это не помѣшало Гримму однако вскорѣ послѣ того тонкимъ образомъ испрашивать пособія нѣмецкому городу Герѣ и быть посредникомъ между графомъ Рейсомъ и императрицею:

«Р. S. Съ городомъ Гера случилось жестокое несчастье: онъ сгорѣлъ до основанія, приблизительно три, четыре мѣсяца тому назадъ; не уцѣлѣло ни одного дома. Этотъ городъ, расположенный близъ границъ Саксоніи, былъ необыкновенно промышленный и торговый, слѣдовательно полонъ славы Екатерины. Графъ Алексѣй Орловъ, отправляясь изъ Петербурга въ Средиземное море, или возвращаясь оттуда, останавливался въ немъ постоянно и заказывалъ тамъ работы для императрицы. Не знаю, почему графъ Рейсъ, которому принадлежалъ этотъ несчастный

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 198.

²⁾ Письма Гримма стр. 201, 202.

городъ, выбираетъ меня, чтобъ повергнуть его прошеніе къ стопамъ вашего величества. Я предварительно отвѣтилъ вопросомъ: «Думаете ли вы, спросилъ я, что еслибъ какой-нибудь городъ Россійской имперіи испыталъ на себѣ несчастіе, случившееся съ городомъ Гера, онъ могъ бы рассчитывать на большія пособія и дѣйствительную помощь отъ Нѣмецкой имперіи? Отвѣта не было. Тогда я сказалъ: вы вѣроятно хотите отнять у меня мое званіе многострадальнаго, и желаете, чтобъ императрица назвала меня своимъ надоѣдалою» ¹⁾).

Мы уже говорили, что Гриммъ любилъ посылать государынѣ маленькіе подарки, между которыми однажды прислалъ ей нѣсколько баночекъ румянъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ въ Парижѣ. Онъ получилъ въ отвѣтъ на это слѣдующія строки: «Благодарю за банки съ румянами, которыми вы желали раскрасить мою физиономію (*illuminer ma face*). Но когда я захотѣла испробовать ихъ, я нашла, что они такъ темны, что придадутъ мнѣ видъ фуріи. Итакъ вы меня извините, если, несмотря на то, что я въ модѣ тамъ, гдѣ вы находитесь, мнѣ нельзя будетъ подражать этой модѣ и принять её. Русскія дамы должны быть польщены почестями и вниманіемъ, которыми ихъ осыпаютъ въ Версали. Мнѣ ихъ избалуютъ, и когда онѣ возвратятся, то будутъ дамы съ претензіями» ²⁾). Когда же государыня въ 1782 году издала указъ объ упрощеніи придворнаго туалета съ цѣлью ввести большую простоту и умѣренность, «къ сбереженію собственнаго ихъ достатка на лучшее и полезнѣйшее и къ отвращенію разорительной роскоши», то этотъ указъ былъ замѣченъ въ Парижѣ. По этому поводу государыня писала: «Итакъ мой указъ о реформѣ въ уборахъ и украшеніяхъ, заставившій забыть даже миръ, пришелъ очень кстати, когда кошельки были пусты, а счета значительны, и произвелъ только философское разсужденіе. Увѣряю васъ, я этого не ожидала: я такъ привыкла, что у васъ

¹⁾ Тамъ же, 218, 214.

²⁾ *Сб. Н. О.* XXIII, 269.

обо мнѣ и о моей странѣ говорятъ дурно, что не могла предположить, чтобъ могли думать иначе» ¹⁾).

Въ 1784 году государыня сообщала Гримму объ отъѣздѣ композитора Паизиелло, котораго талантомъ такъ восхищались. «Паизиелло покидаетъ насъ: онъ поссорился съ новой дирекціей, или она съ нимъ» ²⁾. Пѣвица же Тоди, пріѣхавшая въ Петербургъ въ томъ же году, и по обѣщанію, данному императрицей Гримму, особенно отрекомендованная ею Олсуфьеву ³⁾, пѣла въ первый разъ въ высочайшемъ присутствіи 30-го мая въ Царскомъ Селѣ и получила отъ государыни пару великолѣпныхъ браслетъ, осыпанныхъ брильянтами ⁴⁾. Подъ этимъ впечатлѣніемъ и писала государыня, что правѣ таланта неотъемлемы. (Въ этомъ самомъ письмѣ и произошелъ перерывъ, вызванный смертью Ланского).

Черезъ годъ послѣ пріѣзда Тоди государыня пишетъ весною, что эта пѣвица ѣздила въ Москву и тамъ собрала много денегъ, которыя мужъ ея проигралъ въ карты, а въ августѣ того же года она писала изъ Царскаго Села: «Тоди здѣсь и разгуливаетъ сколько можетъ съ своимъ милымъ супругомъ. Часто мы встрѣчаемся носъ къ носу, но однако не сталкиваясь. Я говорю ей: «Здравствуйте, госпожа Тоди, какъ ваше здоровье?» Она мнѣ цѣлуетъ руку, а я ее въ щеку; собачки наши обнюхиваются. Она беретъ свою на руки, а я зову свою, и каждая изъ насъ идетъ своей дорогой. Когда она поетъ, я слушаю и аплодирую и мы обѣ говоримъ, что находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ между собой.... Тоди и Маркезини до истерики восхищаются любителей и знатоковъ» ⁵⁾).

Въ 1787 году государыня пишетъ съ дороги изъ Кричева, имѣнія князя Потемкина, въ 130 верстахъ отъ Смоленска: «Именно вчера вечеромъ, пріѣхавъ въ Мстиславль, за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту отъ 4 де-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 271.

²⁾ 295.

³⁾ Олсуфьевъ замѣнилъ въ директорствѣ театровъ Бибикова.

⁴⁾ Сб. И. О. XXIII, 316.

⁵⁾ 360, 383.

кабря, съ прибавленіемъ длиннѣйшаго письма г-жи Тоди, изъ котораго я ничего, или очень мало поняла. Отъ госпожи Тоди вполне зависитъ остаться или уѣхать, отъ дирекціи удержать ее или отпустить. Директоръ также очень хорошо дѣлаетъ, что не обременяетъ своего бюджета большими расходами, потому что у нихъ долгъ въ 80,000 рублей, которыхъ я не заплачу ни ради директора, ни ради дирекціи, а ея условія получать отъ публики плату, не показываясь публикѣ, также невозможны. Въ Петербургѣ говорили, что Тоди ѣдетъ въ Берлинъ, гдѣ теперь поистинѣ поля Елисейскія; и прекрасно, потому что я одного мнѣнія съ докторомъ Панглоссомъ, что все къ лучшему въ этомъ наилучшемъ изъ міровъ» ¹⁾).

Крымское путешествіе. Спутники.

Путешествіе Екатерины въ Крымъ было задумано княземъ Потемкинымъ осенью 1784 года, вскорѣ послѣ смерти Ланского. Потому надо полагать, что не одни политическія соображенія и желаніе показать государынѣ новопріобрѣтенный край въ наилучшемъ видѣ могли породить въ немъ эту мысль, но и забота о ея развлеченіи отъ печали и уединенныхъ научныхъ занятій, въ которыя она слишкомъ погрузилась. Въ мартѣ 1785 года она говоритъ: «Я глубоко убѣждена, что у меня много истинныхъ друзей. Самый могущественный, самый дѣятельный, самый проницательный, безспорно фельдмаршалъ князь Потемкинъ. О, какъ онъ меня мучилъ, какъ я его бранила, какъ я на него сердилась! Но онъ не переставалъ вертѣться и все перевертывать вокругъ меня, пока не извлекъ меня изъ маленькаго моего кабинета въ десять сажень, которымъ я завладѣла въ Эрмитажѣ, и надо отдать ему справедливость, что онъ умнѣе меня, и все что онъ дѣлалъ было глубоко обдуманно» ²⁾. Это было писано уже въ виду

¹⁾ 392, 393.

²⁾ 326.

перваго путешествія на каналы и въ Москву, которое такъ благодѣтельно подѣйствовало на состояніе духа императрицы. Задумавъ вскорѣ и второе путешествіе, требовавшее большихъ приготовленій, Потемкинъ изыскивалъ разныя средства увеселенія государыни во время пути, вѣроятно обращался и къ Гримму, потому что вскорѣ послѣ того государыня пишетъ послѣднему: «Если вы хотите посѣтить Херсонъ, надо будетъ пріѣхать туда въ апрѣлѣ 1787 года. Можетъ-быть мнѣ удастся прислать вамъ жеру Сарти, сочиненную на тему, которой пункты намѣчены княземъ Потемкинымъ. Опера, которую вы задумали, вѣроятно не будетъ играна въ Тавридѣ, потому что вопреки всему, что пишется въ газетахъ, я поѣду туда безъ всякой пышности»¹⁾.

Отъ 2-го марта 1786 года Екатерина извѣщаетъ Гримма, что она въ это утро утвердила всѣ приготовленія къ поѣздкѣ своей въ Крымъ, назначенной на первыя числа января 1787 г.²⁾ За двѣ недѣли до путешествія она предупреждала Гримма, что когда онъ получитъ эти строки, то она будетъ уже очень близко отъ Кіева. Въ письмѣ отъ 1-го января 1787 года сказано: «Завтра я ѣду отсюда въ Царское Село, а оттуда 7-го января выѣзжаю въ Кіевъ. Столъ мой уже пусть и вполне очищенъ. Остается только вамъ отвѣчать. Со мною поѣдутъ мои три карманные министра (посланники: англійскій — Фитцъ-Гербертъ, французскій — Сегюръ и австрійскій — Кобенцель)... Графъ Ангальтъ возвратился изъ своихъ поѣздокъ и ѣдетъ со мною»³⁾.

Графъ Ангальтъ⁴⁾ вызванъ былъ въ 1783 году на службу въ Россію, куда привлекла его слава царствованія великой Екатерины. Она такъ говоритъ о его вызовѣ: «Когда я велѣла про-

¹⁾ Сж. И. О. XXIII, 393.

²⁾ 374.

³⁾ 390, 391.

⁴⁾ Фридрихъ Ангальтъ, въ Россіи Федоръ Евстафьевичъ, былъ сынъ наслѣднаго принца Ангальтъ Дессаускаго Вильгельма (род. 1782†1794). Потерявъ отца на 15 году, онъ 17-ти лѣтъ вступилъ въ прусскую службу, былъ флагель-адъютантомъ Фридриха Великаго, участвовалъ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ Семилѣтней войны, а потомъ перешелъ на службу въ саксонскую армию и во время войны за наслѣдство баварскаго престола командовалъ всѣми саксонскими войсками.

снѣ Саксонскаго курфюрста позволить графу Ангальту вступить въ мою службу, онъ мнѣ наотрѣзъ отказалъ. Но графъ Ангальтъ, узнавъ это, потребовалъ отставки, которой онъ и безъ того желалъ, и когда онъ освободился отъ саксонской службы, я взяла его къ себѣ. Итакъ, многострадальный, имѣя еще одного друга здѣсь, ты стало-быть имѣешь и еще причину, чтобъ . . . Но нѣтъ, не надо слишкомъ настаивать, потому что многострадальный долженъ поступать какъ хочетъ и какъ можетъ»¹⁾). И въ слѣдующемъ письмѣ: «Я на этихъ дняхъ имѣла удовольствіе бесѣдовать о васъ, милостивый государь, съ графомъ Ангальтомъ. Онъ поручилъ мнѣ вамъ кланяться. Ея Величество предсказываетъ, что онъ будетъ здѣсь любимъ и уважаемъ. Онъ былъ принятъ со всѣми отличіями, подобающими его достоинствамъ»²⁾). И дѣйствительно, государыня угадала. Благородная дѣятельность графа Ангальта на пользу Россіи, которую онъ тотчасъ принялся изучать, предпринявъ отдаленныя путешествія, внимательно останавливаясь на всемъ интересномъ въ ея природѣ, земледѣліи, торговлѣ и промышленности, его преданность своему новому отечеству, теплое отношеніе его къ воспитанію юношества во время начальствованія его первымъ кадетскимъ корпусомъ, все это заставляетъ насъ признать его однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ людей Екатерининскаго времени. Геніальная государыня умѣла создать и изъ иностранца самаго горячаго и преданнаго русскаго патріота. «Нашъ добрый графъ Ангальтъ здѣсь, въ Царскомъ Селѣ», пишетъ она въ маѣ 1784 года: «онъ можетъ быть увѣренъ, что пользуется здѣсь всеобщей, особенной любовью и уваженіемъ. Я сама лично, кажется, нашла въ немъ ревностнаго сторонника и не сомнѣваюсь, что время сдѣлаетъ насъ искренними друзьями»³⁾). Во время продолжительнаго путешествія графа Ангальта по Россіи и на Кавказъ государыня писала: «Клянусь вамъ, что я не знаю, что случилось съ графомъ Ангальтомъ. Фактотумъ хранить у себя ваши письма къ нему, но онъ не

1) Сб. И. О. XXIII, 293.

2) 295.

3) 304.

болѣ меня знаетъ, куда тотъ дѣвался. Онъ вѣроятно перебрался черезъ Кавказскія горы и находится въ Грузіи, при дворѣ короля Ираклія. Я не отвѣчаю, чтобъ онъ не соблазнился подобнымъ исканіемъ приключеній и въ настоящую минуту не былъ окруженъ самыми красивыми грузинками¹⁾.

Вернувшись изъ этой поѣздки, графъ Ангальтъ былъ приглашенъ сопутствовать государынѣ въ полуденный край, гдѣ ѣхалъ всю дорогу за ея экипажемъ, въ одной каретѣ съ англійскимъ и французскимъ посланниками и графомъ Ив. Гр. Чернышевымъ.

Изъ замѣчательныхъ лицъ, сопровождавшихъ государыню въ путешествіи, кромѣ поименованныхъ посланниковъ и графа Ангальта, были: графъ Безбородко, графъ Чернышевъ и графъ Дмитріевъ-Мамоновъ, который тутъ является подъ именемъ *Краснаго кафтана* (Habit rouge). Съ Кіева, кромѣ Потемкина, присоединился къ путешественникамъ и князь де-Линь. Екатерина очень сожалѣла, что не могла взять съ собою своихъ внучковъ, и часто о нихъ вспоминала. Въ Кіевъ наѣхало еще множество знатныхъ иностранцевъ: Дильонъ, Ламетъ, принцъ Нассау-Зигенъ, незадолго передъ этимъ вступившій въ русскую службу; изъ Русскихъ: Суворовъ, Каменскій, графъ Штакельбергъ и др. О графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ упоминается въ перепискѣ въ первый разъ лѣтомъ 1786 года. Вотъ какъ изображенъ тамъ портретъ его: «Подъ этимъ краснымъ кафтаномъ скрывается превосходнѣйшее сердце, соединенное съ большимъ запасомъ честности; умны мы за четверыхъ, обладаемъ неистощимой веселостью, замѣчательной оригинальностью во взглядѣ на вещи и въ способѣ выраженія, удивительною благовоспитанностью, и знаемъ тайну всего того, что придаетъ блескъ уму. Мы скрываемъ какъ преступленіе свою склонность къ поэзіи; мы страстно любимъ музыку; способность все схватывать—у насъ рѣдка. Богъ знаетъ, чего только мы не знаемъ наизусть; мы декламируемъ, болтаемъ, имѣемъ

¹⁾ 368.

тонъ лучшаго общества, чрезвычайно учтивы, пишемъ по-русски и по-французски какъ рѣдко кто-нибудь у насъ пишетъ и по слогу и по почерку. Наружность наша совершенно соотвѣтствуетъ внутреннему достоинству: черты лица правильны, — у насъ чудные черные глаза съ тонко вырисованными бровями, ростъ нѣсколько выше средняго, осанка благородная, поступь свободная; однимъ словомъ, мы столько же основательны по характеру, сколько отличаемся ловкостью, силой и блестящей наружностью. Я увѣрена что, встрѣтивъ этотъ Красный кафтанъ, вы спросили бы его имя, еслибъ не тотчасъ угадали его»¹⁾).

Изъ Царскаго Села выѣхали 6-го января. Въ дорогѣ Екатерина не переставала во время остановокъ заниматься дѣлами съ графомъ Безбородкой, Храповицкимъ и другими. Сегюръ и князь де-Линь сообщаютъ много любопытныхъ подробностей о томъ, какъ во все время путешествія общество будто бы не покидало Эрмитажа или Царскаго Села. Точно такъ же продолжались обычныя оживленныя бесѣды о литературѣ и искусствахъ, объ исторіи, философіи, статистикѣ, земледѣліи и промышленности. Онѣ смѣнялись шутками и играми: задавали другъ другу шарады, представляли живыя картины, сочиняли *bouts-rimés*, въ чемъ особенно отличался Сегюръ, тогда какъ императрица, при всемъ стараніи постигнуть тайну версификаціи, не могла написать ни одного правильнаго стиха. Государыня сообщаетъ Гримму въ подлинникѣ многія изъ этихъ стихотворныхъ состязаній. Придворный этикетъ былъ устраненъ, отчего можно было наслаждаться прелестью свободной бесѣды, которой впрочемъ не совсѣмъ была чужда и политика. Готовившіяся во Франціи печальныя событія, натянутыя отношенія съ Оттоманскою Портою и желаніе Пруссіи вмѣшиваться во всѣ европейскія дѣла давали обильную пищу дипломатическимъ разговорамъ, которыми Екатерина руководила съ обычной своей ловкостью и тактомъ. Постоянно обнаруживала она заботу показать съ выгодной стороны

¹⁾ 387, 388.

иностранцамъ, такъ неблагопріятно судившимъ о Россіи, всё ея хорошія и видныя стороны: плодородіе ея почвы, обиліе ея непочатыхъ богатствъ, ея неистощимые рыбныя промыслы, ея просторъ и ширь, сулившіе такую блестящую будущность ея населеніямъ. Все это смѣнялось торжественными приѣмами въ городахъ, балами, представленіями всевозможныхъ депутацій, привѣтственными рѣчами и проч.

Изъ писемъ, писанныхъ во время путешествія, мы будемъ преимущественно выписывать все то, что собственно къ нему относится, а также нѣкоторыя мелкія замѣланія о политикѣ.

Первое письмо съ дороги въ формѣ журнала, писаннаго по степени всякій разъ какъ государыня находила для того свободную минуту, предназначалось для отправки съ курьеромъ. Оно начато было въ Кричевѣ, имѣніи князя Потемкина и, какъ сама государыня прибавляетъ, «въ 130 верстахъ отъ Смоленска, между этимъ городомъ и Кіевомъ, въ Могилевской губерніи», отъ 19 января 1787 года.

«Вчера вечеромъ, приѣхавъ въ Мстиславль за 100 верстъ отъ Смоленска, получила я вашу музыкальную грамоту¹⁾, отъ 4 декабря... Вы видите по числу, выставленному на этомъ письмѣ, что на зло амстердамскимъ газетчикамъ я въ дорогѣ; карманные министры со мною, и все идетъ какъ нельзя лучше. Правда, что въ Смоленскѣ Красный кафтанъ слегъ въ постель съ страшнымъ жаромъ и сильной горловой болью. Но Роджерсонъ угостилъ его джемскими порошками и шпанской мушкой, которые его вполне возстановили. Въ теченіе четырехъ дней, проведенныхъ мною въ Смоленскѣ, по причинѣ сильнаго вѣтра, дувшаго всю дорогу прямо въ лицо прислугѣ, большая часть этихъ людей страдали глазами. Но мое пребываніе въ этомъ городѣ всёхъ поправило. Всѣ мои спутники очень веселы и оживлены; мы здѣсь въ восьми-стахъ верстахъ отъ Петербурга и семи-стахъ отъ Кіева, подъ 54 градусомъ, но все еще холодно.

¹⁾ О претензіи пѣвицы Тоди. Начало этого письма уже приведено выше по другому поводу.

«Вчера получила я письмо отъ князя Потемкина отъ 8 января, изъ Крыма, и онъ увѣряетъ, что тамъ уже зелень. Богъ знаетъ, откуда пойдетъ это письмо, по крайней мѣрѣ вы будете знать, что оно начато здѣсь. Прощайте на сегодня.

«Въ Новгородѣ Сѣверскѣ, 23 января. Я пріѣхала сюда въ добромъ здоровьи и сегодня давала здѣсь балъ, такъ же какъ и въ Смоленскѣ: вотъ какъ мы путешествуемъ. Завтра я буду обѣдать въ имѣніи фельдмаршала Румянцова. Этотъ городъ главный въ одной изъ трехъ губерній, на которыя я раздѣлила Малороссію. Завтра я пріѣзжаю въ Черниговъ, гдѣ на другой день дамъ балъ, а въ концѣ недѣли прибуду въ Кіевъ. Мы здѣсь подъ 52 градусомъ, и небо совершенно весеннее.

«Въ Черниговѣ, 26 января.

«Пріѣхавъ сюда вчера, я сегодня даю здѣсь балъ, а завтра ѣду. Въ пятницу мы прибудемъ въ Кіевъ, а сегодня вторникъ. Мои карманные министры веселы и здоровы».

«Въ Кіевѣ, 8 февраля.

«Я пріѣхала сюда 29 января въ добромъ здравіи, при 20 градусахъ мороза; несмотря на то, не было ни носовъ, ни ушей отмороженныхъ; мы провели всѣ эти дни въ балахъ, празднествахъ, маскарадахъ, а сегодня, въ понедѣльникъ, слава Богу, начался постъ и положилъ конецъ всему этому шуму; половина Польши здѣсь. Сюда пріѣхали: принцъ Нассаускій, испанскій грандъ и еще одинъ испанецъ, по имени Миранда. Когда они всѣ уѣдутъ, то скажутъ, что не стоило сюда пріѣзжать. Странный это городъ: въ немъ только крѣпость, да предмѣстья, и я все еще отыскиваю городъ, который, по всѣмъ примѣтамъ, въ древности былъ по крайней мѣрѣ такъ же великъ, какъ Москва. . . .

«Кіевъ, 16 февраля (отдѣльнымъ письмомъ):

«Я получила здѣсь два письма отъ г. Бецкаго и два другіе отъ молодого Бобринскаго, писанныя изъ Парижа: одно отъ 28 декабря, другое отъ 11 января... Готовлю вамъ длинную грамоту, которую пошлю съ курьеромъ; вотъ уже двѣ недѣли какъ я здѣсь. Сюда стеклось множество людей, и всѣ здоровы, между

прочимъ и принцъ Нассаускій, который совершилъ путешествіе вокругъ свѣта. Прощайте, будьте здоровы»¹⁾).

«Кіевъ, 26 февраля.

«Господи́нь многострада́льный, усердно прошу васъ прислать мнѣ полное собраніе сочиненій графа Бюффона, въ самомъ лучшемъ изданіи, именно въ большомъ in-quarto съ картинками. Это для Краснаго кафтана, который ежедневно мучитъ меня этимъ. А покажѣсть онъ и мои карманные министры ужасно шумятъ: каждый хочетъ перещегоолять другого въ шуткахъ и дурачествахъ. Господа эти совершенно не стѣсняются. Они спорятъ, говорятъ и смѣются всѣ въ одинъ голосъ, а я слушаю и смотрю и сижу очень смиренно въ уголкѣ. Да, вотъ такъ жизнь! И однакоже они называютъ это очень тихой жизнью; безумные люди!»²⁾).

«Кіевъ, 2 марта (отдѣльнымъ письмомъ). Я здѣсь ужъ съ 29 января и совсѣмъ здорова; жду вскрытія Днѣпра, которое наступитъ, говорятъ, въ концѣ этого мѣсяца, и тогда вѣроятно намъ можно будетъ сѣсть на суда въ половинѣ нашего апрѣля»³⁾).

«Кіевъ, 2 апрѣля.

«Вотъ я добралась до вашего № 82, который начинается длинной диссертацией о добрыхъ гражданахъ⁴⁾. О, сколько зла добрые граждане причинили нѣкоторымъ странамъ! Я видѣла прекрасныхъ гражданъ, потерявшихъ пятнадцать провинцій. Фитцъ Гербертъ увѣряетъ, что это—истинное счастье для Англіи: да избавитъ Господь всякаго честнаго человѣка отъ такого счастья! Вотъ еще прекраснѣйшій гражданинъ, умершій безо всякой репутаціи, бѣднякъ. Слава несправедлива; я начинаю думать, что она влюблена только въ глупцовъ. Господь да сохранитъ насъ нынѣ отъ государей-гражданъ. Плохая хвала тѣмъ, кого хвалятъ только въ надгробныхъ рѣчахъ: немногіе ихъ слушаютъ, и никто ихъ не читаетъ. Кстати о принцѣ Генрихѣ: говорятъ, что онъ отправляется на жительство въ Женеву; повидимому

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 405.

²⁾ 394.

³⁾ 406.

⁴⁾ О Георгѣ III.

хваленый Фридрихъ Вильгельмъ не довольно съ нимъ совѣтуется; да и въ самомъ дѣлѣ пренесенно имѣтъ дядошекъ, которые желаютъ чтобъ съ ними совѣтовались, и уѣзжаютъ, когда съ ними не совѣтуются. Что сынъ покойнаго герцога Орлеанскаго принялъ, еще при жизни своего отца, образъ дѣйствій совершенно противоположный отцовскому, точно такъ же какъ и сынъ Фридриха Вильгельма — это совершенно въ порядкѣ вещей и вовсе меня не удивляетъ. Арлекинъ въ комедіи сказалъ бы: «Это точь въ точь какъ у насъ». Я однако не совѣмъ это говорю, но надѣюсь, что такъ будетъ. . . Вы угадали, мой духовникъ со мною, но не поѣдетъ въ Крымъ. Храмъ Діаны принадлежитъ князю де-Линю, который здѣсь, и ѣдетъ съ нами на полуостровъ, куда г. Абдуль Гамидъ не подумаетъ притти; еще менѣе сдѣлается онъ христіаниномъ. Онъ слишкомъ занятъ заботой снимать головы со своихъ пашей, ему некогда заниматься нами путешественниками»¹⁾...

«Вотъ я дошла до грамоты № 90. Эти пресловутые революціонеры изъ Гриммы — повидимому республиканцы; по болтовнѣ ихъ и злорѣчію они походятъ на Голландцевъ, которые вновь путаютъ свою конституцію (сего 3 апрѣля), вѣроятно, чтобъ составить *ничто* Европы; это имя болѣе пристало имъ, чѣмъ вамъ; и такъ не смѣйте похищать его. Катó останется Катó; вотъ и все; отдастъ ей справедливость тотъ, кто можетъ; возможно, что справедливость, особливо такого рода, не дается каждому, да и для того, чтобъ отдать полную справедливость, надо, какъ говорится, видѣть, слышать и понимать. Для того же, чтобъ видѣть, слышать и понимать, надо стоять въ уровень; а уровень этотъ зависить отъ хорошаго зрѣнія, слуха и пониманія, и пр. и пр.»²⁾

«4 апрѣля послѣ обѣда.

«Ратификаціи торговаго договора (съ Франціей) были обмѣнены вчера. Князь де-Линъ здѣсь, и поѣдетъ со мною въ Крымъ, какъ я сказала выше. Кавалеръ Ламетъ сегодня простился; я

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 395, 396.

²⁾ 396, 397.

полагаю, что онъ и всѣ иностранцы сюда пріѣхавшіе, не разъ уже раскаялись, что были здѣсь, потому что во-первыхъ городъ дрянной: они едва были подъ крышею въ скверныхъ лачугахъ; кромѣ того, многіе пріѣхали вѣроятно, чтобъ быть въ моемъ обществѣ, тогда какъ они увѣрили, что пріѣхали только чтобъ увидѣть меня, и когда они поняли, что не достигли своей цѣли, то уѣхали ни съ чѣмъ; но что за толпа! Никогда я ничего подобнаго не видала.

«Что до вашего собранія нотаблей, хотъ оно и дѣлаетъ честь добрымъ намѣреніямъ короля, но до сихъ поръ у насъ не имѣютъ о немъ высокаго мнѣнія. Князь Потемкинъ въ восторгѣ отъ славянскаго Евангелія, на которомъ присягаютъ французскіе короли при коронованіи.

«Вы видите изъ этой грамоты, что г. многострадальный тоже не забыть въ путешествіи; я сама очень сожалѣю, что Александръ и Константинъ не сопровождаютъ меня въ этой поѣздкѣ, и сами они были этимъ также очень огорчены. Изъ королей же я только увижу Польскаго, при проѣздѣ моемъ черезъ Каневъ; что касается императора, очень сомнительно, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Херсонъ; я боюсь что рожа, которою онъ заболѣлъ, помѣшаетъ ему пріѣхать. Кстати, я должна передать вамъ поклонъ отъ имени великаго князя Владиміра, котораго мощи находятся здѣсь, въ Печерскомъ монастырѣ.

«5-го апрѣля. Вчера, въ ту минуту какъ этотъ пакетъ, сложенный и запечатанный, былъ готовъ къ отъѣзду, дверь моя открывается и мнѣ привозятъ въ 4 часа послѣ обѣда всю ношу навьюченнаго Трипольскаго¹⁾. И вотъ я занялась прочтеніемъ грамотъ до шести часовъ вечера; но по мѣрѣ того, какъ я читала, грамоты все удлинялись. Тутъ пришелъ князь Потемкинъ, а вслѣдъ за нимъ Красный кафтанъ, и говорятъ мнѣ: но одѣвайтесь же, вѣдь у насъ куртагъ. Я встаю, одѣваюсь, иду на этотъ куртагъ, играю

¹⁾ Этотъ курьеръ привезъ нѣсколько писемъ отъ Гримма и государыня отвѣчаетъ послѣдовательно на каждый номеръ.

въ карты, потомъ прощаюсь съ депутатами отъ Крымскихъ Тартаръ, выѣхавшими ко мнѣ на встрѣчу, чтобъ просить меня побывать у нихъ; затѣмъ возвращаюсь въ свою комнату, опять беру ваши грамоты»¹⁾...

Въ этомъ самомъ письмѣ, озаглавленномъ: «Съ опечаленнымъ сердцемъ написанная грамота», былъ рассказъ о несчастныхъ похиженіяхъ молодого Бобринскаго и государыня также выражается объ этомъ въ письмѣ: «въ самомъ дѣлѣ, это самая непріятная грамота, какую я отъ васъ когда-либо получала».

«Вотъ я дошла до № 91. Я не оспариваю двухъ первыхъ пунктовъ этой грамоты: перваго, что Кіевъ, (Kіov, non Kіovіe) ближе къ остальной Европѣ, нежели Петербургъ; втораго, что когда я уѣхала изъ этого послѣдняго города, то не съ удовольствіемъ его покинула»....

«Вы не можете представить себѣ, какъ я люблю, чтобъ мнѣ говорили: *ты*. Я хотѣла бы, чтобъ во всей Европѣ говорили *ты*».

Уже ранѣ Екатерина писала Гриму, что когда у насъ проповѣдникъ или ораторъ хотятъ быть истинно краснорѣчивыми, то употребляютъ обращеніе: *ты*.

«Лафатеръ въ Цюрихѣ старается доказать, что у королевы Христіны фізіономія была несравненно лучше, нежели у меня, и что я далеко не то, что обо мнѣ говорятъ; однимъ словомъ, что я недостойна развязать шнурки ея обуви и что въ лицѣ моемъ есть что-то дѣтское и необдуманное. Итакъ оставьте наши бѣдные носы, мой носъ и носъ оберъ-шенка, въ покоѣ. Не лучше ли будетъ не привязываться къ нимъ, а заняться носомъ королевы Христіны, — Александра Швеціи, и по этому поводу обратитъ свои проповѣди къ Густаву Антонину, ея преемнику, который теперь въ Упсалѣ изучаетъ досконально всѣ науки; особливо же самую полезную для него науку дѣлать золото. Мнѣ оно не нужно: я даю займы только бумажки, но за то, не занимаю болѣе»²⁾.

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 400. 401.

²⁾ 402 403.

6 апрѣля: «Князь Вяземскій уѣхалъ пять Саратовскія воды отъ своего удушья; онъ очень давно задыхается и очень не въ духѣ... Я поклонюсь отъ васъ королю Польскому, когда увижу его; онъ въ Каневѣ на Днѣпрѣ, и когда я переѣду Днѣпръ на лодкѣ, онъ посѣтитъ меня и мы отобѣдаемъ вмѣстѣ. Я велѣла отдать графу Сегюру письмо его жены въ ту жь минуту»¹⁾....

За этимъ длиннымъ посланіемъ, писавшимся постепенно отъ 19 января до первыхъ чиселъ апрѣля, слѣдуетъ письмоцо, которое государыня называетъ листкомъ забвенія, собиравъ включить въ него забытое въ предыдущемъ письмѣ. Почти весь этотъ листокъ наполненъ стихами (bouts-rimés) графа Сегюра на всевозможные случаи и темы, и она такъ заключаетъ его: «Когда я вчера сказала графу Сегюру, какая я неблагодарная, потому что не могу отвѣчать ему въ стихахъ, никогда не написавъ ни одного стиха, (я знаю что вы завѣряли, что похитили у меня четыре, но они были не мои: я измѣнила только одно или два слова), онъ отвѣчалъ, что сообщитъ мнѣ всю тайну ихъ на полустраничкѣ. Итакъ, если онъ сдержитъ слово, ожидайте, при первомъ случаѣ, получить отъ меня посланіе въ стихахъ. Прощайте»²⁾.

Продолжительность зимы и позднее вскрытіе Днѣпра замедлили отъѣздъ изъ Кіева. Выѣхали только 22 апрѣля на галерахъ, построенныхъ въ римскомъ вкусѣ и богато убранныхъ. Но тяжесть и неповоротливость этихъ судовъ были причиной многихъ затрудненій и приключеній, такъ что разъ буря произвела среди флотиліи серьезное смятеніе. И на галерахъ образъ жизни государыни не измѣнился: общество ее окружавшее соединялось по-прежнему, въ живописныхъ мѣстахъ останавливались для осмотра береговъ, гдѣ почти всегда толпился народъ. Государыня наслаждалась благораствореннымъ весеннимъ воздухомъ юга, сожалѣла, что не тутъ на берегахъ Днѣпра построенъ Петербургъ и вспоминала о временахъ Владиміра, когда эти страны кипѣли жизнью и обитателями. Переписка съ Гриммомъ

¹⁾ 404, 405.

²⁾ 407, 408.

также не была забыта, и вотъ какъ изображены самой государыней путевыя впечатлѣнія во время плаванія по Днѣпру, свиданіе въ Каневѣ съ королемъ Польскимъ, пребываніе въ Кременчугѣ, встрѣча съ Іосифомъ II, прибытіе въ Херсонъ, наконецъ поѣздка въ Крымъ и посѣщеніе Бахчисарая и Севастополя:

«Съ галеры моей *Днипръ*, между Кіевомъ и Каневомъ, 24 апрѣля 1787.

«Я выѣхала 22 этого мѣсяца изъ Кіева и вотъ уже три дня какъ мы плывемъ на веслахъ по Бористену; всѣ, слава Богу, здоровы. Новаго ничего не могу вамъ сказать, кромѣ того, что изъ всѣхъ моихъ плаваній это кажется самое затруднительное, потому что рѣка такъ извилиста, на ней столько острововъ и островковъ, столько мелей, что до сихъ поръ еще мы вовсе не употребляли въ дѣло парусовъ; она гораздо быстрее Невы. Теперь мы между двумя берегами, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Польшѣ: этотъ—очень гористъ; русскій же берегъ совершенно низменный. Богъ знаетъ, откуда поѣдетъ это письмо. Надѣюсь завтра или послѣзавтра видѣть на своей галерѣ короля Польскаго.

«26 апрѣля. Король Польскій вчера провелъ у меня на галерѣ девять часовъ. Мы вмѣстѣ обѣдали; я не видала его почти тридцать лѣтъ: можете судить, какую перемѣну мы должны были найти другъ въ другѣ. Сегодня на разсвѣтѣ мы пустились изъ Канева и проплыли верстъ тридцать; послѣ полудня насъ застигла порядочная буря, и вотъ мы стоимъ, и пока моя галера покачивается на якорѣ, а весло бездѣйствуетъ, какъ больной¹⁾, я забавляюсь писаньемъ къ вамъ, отписавъ уже къ графу Брюсу, которому отдаю отчетъ въ моемъ поведеніи два, три раза въ нѣдѣлю, чтобъ вызвать его на то же, чего впрочемъ онъ никогда не забываетъ.

«Мы сегодня получили извѣстіе объ удаленіи Калонна; что же сдѣлають съ нотаблями? Я именно читала его записки и рѣчь, и

¹⁾ Тутъ попытка сказать въ рифму на двухъ языкахъ: «pendant que ma galère dandine sur son ancre, und dass das Ruder stehet wie ein Kranker».

говорила: — вот еще выставка фразъ, но дѣйствительныя средства найти трудно, а паркетъ скользокъ, такъ какъ всѣ скользятъ. Чудный планъ, великій планъ; гдѣ же сидитъ онъ, гдѣ башмакъ жметъ? Широко онъ, или узко? И то и другое заставляетъ спотыкаться. Да благословитъ Богъ бѣдныхъ людей. Аминь.

«3 мая, на галерѣ, въ четырехъ верстахъ за Кременчугомъ, гдѣ я провела три дня въ большомъ, красивомъ и прелестномъ домѣ, выстроенномъ княземъ Потемкинымъ вблизи чуднаго дубоваго лѣса и сада, гдѣ есть грушевыя деревья такой вышины и обхвата, какъ я въ жизнь не видывала, и притомъ всѣ въ цвѣту. Безспорно, здѣсь, по моему мнѣнію, лучшій климатъ Россійской имперіи; однако жалуются, что нынѣшній годъ весна опоздала здѣсь на три недѣли. Кременчугъ самое веселое мѣсто, какое я когда-либо видала на своемъ вѣку; все здѣсь пріятно. Мы нашли здѣсь 15 тысячъ самаго отборнаго войска, стоявшаго лагеремъ; я давала балъ, на которомъ было по крайней мѣрѣ 800 человекъ. Сегодня поутру мы отсюда выѣхали, но вѣтеръ намъ столько же досаждаетъ, сколько проекты финансовыхъ контролеровъ на христіаннѣйшему королю. Еслибъ вы знали все, что говорится и творится ежедневно на моей галерѣ, вы помирились бы со смѣху. Всѣ эти люди, путешествующіе со мною, такъ ко мнѣ привыкли, что чувствуютъ себя какъ дома.

«Херсонъ, 15 мая. 7 числа этого мѣсяца я узнала на своей галерѣ, проѣхавъ Кайдаки, что графъ Фалькенштейнъ скачетъ во весь опоръ ко мнѣ на встрѣчу; тотчасъ и я вышла на берегъ, чтобъ съ своей стороны поскакать на встрѣчу къ нему, и вотъ мы оба такъ хорошо скакали, что встрѣтились среди поля носъ къ носу. Первое слово имъ сказанное мнѣ: Вотъ теперь всѣ политики сбиты съ толку, никто не увидитъ нашего свиданія. — Онъ былъ съ своимъ посланникомъ, а я съ княземъ де-Линемъ, Краснымъ кафтаномъ и графиней Браницкой. Величества сѣли въ одну карету и проскакали тридцать верстъ до Кайдаковъ. Но пока мы рыскали по полю, мы рассчитывали — одинъ изъ насъ (Иосифъ II)

на мой обѣдъ, а другая на обѣдъ князя Потемкина, который, готовясь къ основанію новаго города, чтобъ выиграть время постылся, и хотя мы нашли его вернувшимся изъ своей экспедиціи, но обѣда не было. Однакоже нужда изобрѣтательна: князь Потемкинъ вздумалъ самъ обратиться въ кухмистра, принцъ Нассаускій въ поваренка, великій генералъ Браницкій въ пирожника, и вотъ съ самаго корованія обоихъ величествъ они еще никогда не были такъ почетно и вмѣстѣ такъ дурно угощаемы; несмотря на то, всѣ ѣли, смѣялись и довольствовались кое-какимъ обѣдомъ. На другой день пообѣдали лучше, а на слѣдующій день поѣхали въ Екатериноградъ¹⁾, гдѣ былъ положенъ первый камень. Оттуда мы пробыли въ дорогѣ досюда (до Херсона) три дня и уже четыре дни находимся здѣсь; сегодня мы спустили на воду три военные корабли; это уже седьмой, восьмой и девятый изъ построенныхъ здѣсь: но что сказать вамъ обо всемъ, что мы здѣсь дѣлаемъ и видимъ?

«Херсонъ нѣтъ еще и восьми лѣтъ, а онъ можетъ уже считаться однимъ изъ красивѣйшихъ военныхъ и купеческихъ городовъ имперіи. Всѣ дома изъ тесанаго камня; городъ имѣетъ по крайней мѣрѣ шесть верстъ длины; его мѣстоположеніе, почва, климатъ превосходны. Здѣсь по меньшей мѣрѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ жителей всѣхъ націй: можно встрѣтить что угодно, какъ въ Петербургѣ. Наконецъ, стараніями князя Потемкина этотъ городъ, какъ и страна его окружающая, гдѣ при заключеніи мира не было ни лачуги, сдѣлались цвѣтущими, и конечно годъ отъ году еще будутъ улучшаться.

Послѣзавтра мы направимся въ Крымъ съ графомъ Фалькенштейномъ; я, изъ любопытства, пошлю это письмо изъ Севастополя. Черезъ двѣ недѣли мы вернемся. Всѣ здоровы и особенно графъ Сегюръ; вы можете увѣрить въ томъ его семейство. Здѣсь утверждаютъ, что отецъ г. Сегюра и г. Кастри уже уво-

¹⁾ Такъ первоначально думали назвать Екатеринославъ, при основаніи этого города.

лены: вотъ что называется устроить домъ свой заново, или лучше, очистить свой домъ.

«Въ Бахчисараѣ, древней резиденціи хановъ, и ихъ домѣ, гдѣ помѣщена вся свита (расотилле) обоихъ величествъ, 21 мая 1787. Мы переѣхали третьяго дня линіи Перекопа, а вчера, около шести часовъ послѣ обѣда, прибыли сюда всѣ въ добромъ здоровіи и самомъ веселомъ расположеніи духа; во всю дорогу насъ сопровождали Татары¹⁾ а за нѣсколько верстъ отсюда, прибывъ верхами, мы увидѣли все лучшее, что только есть въ Крыму. Это было превосходное зрѣлище: такимъ образомъ, окруженные спереди, съ боковъ и сзади, въ открытой каретѣ²⁾, въ которой сидѣло восемь человекъ, мы въѣхали въ Бахчисарай и вышли прямо въ домъ хановъ; тамъ мы помѣщены между минаретами и мечетями, гдѣ кричатъ, молятся, поютъ и вертятся на одной ножкѣ пять разъ въ двадцать четыре часа. Мы всё это слышимъ изъ своихъ оконъ, и такъ какъ сегодня праздникъ Константина и Елены, то будемъ слушать обѣдню на открытомъ воздухѣ, въ палаткѣ, для того приготовленной. О! какое странное явленіе—наше пребываніе здѣсь! Кто? гдѣ? Князь де-Линь говорить, что это не путешествіе, а непрерывная цѣль празднествъ до того разнообразныхъ, что нигдѣ не видано, да и нельзя видѣть подобныхъ. Онъ льститъ, этотъ князь де-Линь, скажутъ можетъ-быть, пожалуй что это и правда. Завтра мы ѣдемъ отсюда въ Севастополь. Г. фактотумъ перемѣнилъ распоряженіе. Кажется, онъ посылаетъ курьера отсюда, а не изъ Севастополя.

«Севастополь, 23 мая 1788. Я ошиблась. Г. фактотумъ не послалъ курьера, а отправилъ его отсюда, куда мы прибыли вчера;

¹⁾ Иосифъ нѣсколько безпокоился, или по крайней мѣрѣ удивлялся смѣлости императрицы, не видѣвшей никакой опасности въ такомъ конвоѣ. (Castera II, 12).

²⁾ Близъ Бахчисарая императрица подверглась въ некоторой опасности. На скатѣ горъ въ ущельи, черезъ которое вела дорога къ столицѣ татарскихъ хановъ, лошади не могли удержать тяжелый экипажъ; только усиліями Татаръ, окружавшихъ карету, ее остановили и тѣмъ предотвратили несчастіе. (См. статью объ этомъ путешествіи г. Брикнера въ *Журналъ Мин. Нар. Просв.* июль 1872 года).

право, все это до того похоже на сказку Тысячи одной ночи, что не знаешь, находишься ли на яву, или во снѣ. Я нашла здѣсь, гдѣ три года тому назадъ ничего не было, довольно хорошенкій городъ и маленькую весьма проворную и молодецкую флотилію: портъ и якорная стоянка довольно хороши, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что онъ выказалъ при этомъ большую дѣятельность и смѣлливость. Турецкій флотъ, который въ шести-стахъ верстахъ отсюда, или около того, ещене показывался; посмотримъ, сдѣлаетъ ли онъ здѣсь высадку, чтобъ выгнать насъ отсюда, какъ возвѣщаютъ о томъ газеты. Графъ Фалькенштейнъ, кажется, очень доволенъ всѣмъ, что видитъ, а князь де-Линь говорить, что это непрерывный праздникъ. Прощайте¹⁾).

Обратный путь изъ Крыма продолжался болѣе мѣсяца черезъ Харьковъ, Кременчугъ, Полтаву, Курскъ, Орелъ, Тулу, Москву. Князь Потемкинъ былъ удостоенъ прозванія Таврическаго. Первое письмо, написанное послѣ того изъ Коломенскаго, было отъ 25 іюня. Вотъ оно:

«Приѣхавъ третьяго дня въ Коломенское, въ десяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ я нашла своихъ внуковъ, уже расположившихся здѣсь съ начала этого мѣсяца, вчера, на другой день послѣ своего приѣзда, я получила вашъ № 86, который, по словамъ фактотума, прибылъ черезъ Бахуса Глутоновича. Не вхожу въ разборъ всей галиматіи, которую вы мнѣ пишете, не имѣя на то времени, такъ какъ мои оба внучка страшно шумятъ у меня въ комнатѣ, а вѣдь жестоко было бы прогнать ихъ, когда мы шесть мѣсяцевъ не видались.... Прощайте, я въ совершенномъ здоровьи вернулась изъ своего путешествія, которымъ имѣю право быть вполнѣ довольною; черезъ недѣлю надѣюсь ѣхать отсюда въ Петербургъ. Всѣ меня окружающіе здоровы какъ я, особенно графъ Сегюръ и князь де-Линь, которые весело шумятъ съ Краснымъ кафтаномъ и еще болѣе съ моими внуками; не знаю, какъ я могла и это написать».

¹⁾ 408, 409, 410, 411, 412.

«Москва, 29 іюня 1787.

«Я прїѣхала сюда третьяго дня, а вчера курьеръ привезъ № 92 и доклады 87 и 88. Сажусь отвѣчать на нихъ, потому что дѣло спѣшное; буду отвѣчать вамъ несмотря на праздники и сутолоку московскихъ пировъ, которые удваиваютъ сумятицу и не оставляютъ мнѣ ни минуты времени, ни отдыха во весь день».

«Слава Богу, путешествіе окончено досюда, и двадцатипятилѣтіе царствованія тоже. О назначеніи барона Дальберга на Майнцское коадьюторство, я вамъ уже высказала свои привѣтствія; такъ особаго посланія не будетъ. Не знаю, будетъ ли молебень отслуженъ тамъ, гдѣ вы предлагаете; но навѣрное, если это случится, Платонъ отслужитъ его съ удовольствіемъ; онъ вчера самъ мнѣ это сказалъ.

«Вы можете быть покойны, что по моимъ извѣстіямъ нѣтъ ничего достовѣрнѣе плана избрать второго сына Прусскаго короля въ коадьюторы въ Майнцъ; герцога Веймарскій склонилъ къ тому короля; нѣкто баронъ Штейнъ былъ употребленъ въ этомъ дѣлѣ. Герцбергъ и главные дѣльцы въ томъ не сознаются: да переговоры и шли помимо ихъ, но Фридрихъ-Густавъ согласился на это въ томъ же родѣ, какъ Людовикъ XV, помимо дѣльцовъ. NB. Видите, это сокращенное изложеніе ясно, и вы можете знать кому вамъ кланяться; теперь вы давно должны были получить рассказъ о свиданіяхъ и путешествіи; не знаю, отчего объ этомъ путешествіи моемъ такъ шумятъ; право, не о чемъ.

«Убирайтесь съ вашими нотаблями: не знаешь право, на что можно у васъ рассчитывать. Вы и вашъ г. Колоннъ и никто изъ вашихъ меня не соблазняетъ; такъ берегите ихъ для себя; всѣ эти знаютъ въ десять разъ болѣе меня, а дѣйствуютъ въ десять разъ хуже меня и моихъ чиновниковъ, у которыхъ менѣе красивыхъ фразъ. Не вѣрьте тому, что газеты болтаютъ о моихъ путевыхъ расходахъ: они сдѣлали изъ графини Браницкой мою поставщицу и рассказываютъ, что она въ Кіевѣ ежедневно полу-

чала 5000 рублей на мой столъ, и продавала мнѣ яйца по полтинѣ за штуку; все это чистѣйшая и полнѣйшая выдумка, но это дало намъ поводъ много поддразнивать вышеупомянутую графиню, которая смѣялась вмѣстѣ съ нами

«Я сегодня кинула Кваренги въ лицо планы Бахчисарая, прежняго мѣстопробыванія хана; Бахчисарай представляетъ любопытную внутренность турецкаго серала и комнатъ, жалкимъ образомъ убранныхъ барономъ Тоттомъ; странно, что произведенія этого человѣка понемногу, одни за другими, попадаютъ въ мои руки. Премного благодарю г. Монморена за чудное успокоеніе, о которомъ онъ для меня мечтаетъ; пусть оставятъ насъ въ покоѣ дѣйствовать какъ знаемъ: каждый найдетъ въ этомъ для себя выгоду, и болѣе реальную выгоду, чѣмъ ихъ мечтательныя идеи, между тѣмъ какъ у нихъ нѣтъ ни копейки; тогда бы мы сдѣлались большими и наилучшими друзьями и болѣе чѣмъ когда-нибудь; если же нѣтъ, то пусть все пойдетъ какъ Богъ велитъ» ¹⁾).

Очевидно, что здѣсь государыня говоритъ о предлагаемомъ ей союзѣ съ Франціей, на случай ожидаемаго столкновенія съ Турціей.

«Сего 30 іюня, послѣ обѣда. Вашъ другъ коадьюторъ Майнцскій конечно обезсмертитъ себя, если потрудится обратиться въ ничто всѣ эти отвратительно враждебныя расположенія, которыя столько вздорныхъ людей стараются питать въ виду собственныхъ выгодъ

«Князь Потемкинъ остался въ своихъ губерніяхъ, пока ему вздумается къ намъ возвратиться

«Надѣюсь быть въ Петербургѣ около 10-го іюля стараго стilia Еслибъ Фальконетъ скончался, возвратите мнѣ портретъ мой, которымъ онъ владѣлъ, или оставьте его у себя. Прощайте; одолѣвъ всѣ ваши депеши, желаю вамъ добраго здо-

¹⁾ Сб. И. О. XXIII, 412, 413, 414.

ровья и болѣе спокойствія, чѣмъ то, какимъ я пользуюсь въ Москвѣ, откуда ѣду 4-го іюля стар. стилѣ¹⁾).

Первое письмо изъ Петербурга, слѣдующее за этимъ, помѣчено 18 сентября 1787 года.

¹⁾ Св. И. О. XXIII, 415, 416.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 5.

ФРИУЛЬСКІЕ СЛАВЯНЕ.

И. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12).

1881.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1861 года.**

Непрежанный Секретарь, Академикъ К. Весселовскій.

ФРИУЛЬСКІЕ СЛАВЯНЕ.

Два новыхъ труда г. Бодуэна о Резьянахъ *) обращаютъ вниманіе филологовъ на особенное отвѣтвленіе нарѣчія Хорутанскихъ Словенцевъ, любопытное и по внутреннимъ особенностямъ, и по внѣшней обособленности и вмѣстѣ съ тѣмъ по малоизвѣстности. Къ тому же изслѣдованія г. Бодуэна привели его къ такому этнографическому выводу, который и самъ по себѣ любопытенъ.

Считая не бесполезнымъ остановиться на этихъ трудахъ почтеннаго изслѣдователя, нахожу нужнымъ представить нѣсколько данныхъ о народѣ.

Чтобы обозначить мѣстность, въ которой живутъ Резьяне и ихъ южные сосѣди, загорные Словины, позволю себѣ припомнить, что близъ границы Италіи и Австріи на сѣверъ отъ Адриатическаго моря, по землѣ, принадлежащей Австріи, изъ Карнитійскихъ горъ въ море течетъ довольно значительная и вмѣстѣ живописная горная рѣка Соча или Изонцо, въ которую, какъ съ востока такъ и съ запада втекаютъ горные потоки. Выше этихъ потоковъ на западъ идутъ пограничныя горы. За этими горами на западѣ воды стекаютъ въ другія ложа, въ долины и полуговья Венеціанской области. На этихъ то западныхъ скловахъ горъ, издавна принадлежавшихъ Венеціи, живутъ Словины, отдѣленные отъ своихъ восточныхъ соплеменниковъ не только горами, но и управленіемъ и строемъ общественной образованности. До 1796 года земли ихъ постоянно входили въ черту Венеціанскихъ владѣній. Отъ

*) «Опытъ Фонетики Резьянскихъ говоровъ» и «Резьянскій катихизисъ» 1875 г.

мира Кампо-Формійскаго до 1805 г. и за тѣмъ отъ паденія Наполеона I до присоединенія Венеціи къ Итальянскому королевству онѣ были подъ властію Австріи; но это ни сколько не помѣшало имъ остаться при прежнемъ устройствѣ.

Изъ путешественниковъ, занимавшихся Славянами, мнѣ прежде другихъ случилось проникнуть въ этотъ затаенный уголокъ Славянства и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, что кромѣ Резіанъ, занимающихъ одну изъ извѣстныхъ долинъ этого уголка, живутъ на югъ отъ нихъ и другіе ихъ соплеменники. Посѣтивъ эти погорья, я собралъ на мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о народѣ и языкѣ его. Позже были тамъ и другіе путешественники, но не многіе и сообщили немного. Думая по этому, что и теперь не совершенно излишни будутъ свѣдѣнія, мною собранныя, представляю ихъ въ томъ видѣ, какъ я ихъ записалъ скоро послѣ посѣщенія края. Къ даннымъ, мною собраннымъ, прибавлено кое-что подъ строкою, кое-что въ приложеніяхъ—по замѣчаніямъ И. А. Бодуэна и частію, по другимъ сообщеніямъ. Считаю особенно важными прибавленія И. А. Бодуэна, которыя не только добавляютъ новыми любопытными данными мои замѣтки, но и исправляютъ ихъ. Подстрочныя прибавленія всѣ сдѣланы имъ.

РЕЗИЯНЕ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Дуньа. Жаръ, пыль; нельзя думать, что еще апрѣль. Въ Тархисѣ я нанялъ извозчика до Резіуты, которая своимъ названіемъ напоминаетъ мнѣ Резію: одна отъ другой не должна быть далеко, хотя на всѣ мои распросы никто не могъ до сихъ поръ отвѣчать ничего для меня утѣшительнаго. Пускаюсь на авось. Хотя мнѣ и говорятъ, что Фурланы иногда довольно своевольно поступаютъ съ одинокими путниками, но я что то плохо этому вѣрю. Во всякомъ случаѣ Резія не далеко, ни какъ не да-

лѣе 6—7 часовъ пути, и смѣшно было бы воротиться. Въ *Слованихъ* Добровскаго такъ мало о Резіи, что надобно кому-нибудь узнать ее ближе. — Дорога изъ Тарфиса въ Понтеббу и оттуда далѣе идетъ по узкой долинѣ; въ глубинѣ ея широкое каменистое сухое ложе потока, у потока искусно продѣлана дорога; зелени мало, и та сѣра подъ густою дорожною пылью, а горы почти всюду голы. Въ Понтеббѣ начинается Итальянская архитектура: крыши плоскія, самые бѣдные домики въ 2—3 яруса, а около домиковъ деревья, которыхъ вѣтви прибиты плотно къ стѣнѣ, и надъ крыльцами хворостяные пологи, по которымъ начинается разстилаться зелень винограда. Въ Дуњи я остановился обѣдать. Хозяинъ гостинницы Фурланъ, но говорить нѣсколько словъ по Нѣмецки. Я спросилъ его о Резіи, — и онъ отвѣчалъ, что эта долина въ 1½ часа ходьбы отъ Резіуты, и что проводника достать можно легко. «Да и на что вамъ проводникъ» — прибавилъ онъ, и, показавши на молодого человѣка въ черномъ длинномъ сюртукѣ, сидѣвшаго съ другимъ за салатомъ и виномъ, спросилъ меня: «Вы его знаете? — Я тутъ съ роду въ первый разъ». — «Аа! ну съ, это капелланъ изъ Резіи». Въ восторгѣ радости, я бросился къ синьору капеллану, и наскочилъ ему разной дичи, какъ умѣлъ, по Нѣмецки. Веселое, полное, красивое лицо синьора капелана мѣсяцомъ глядѣло на меня, слушало меня со всѣмъ вниманіемъ равнодушія, и потомъ сказало такъ-же равнодушно: «non carisco» (не понимаю). Что было дѣлать: языкомъ Гольдони я еще не говорилъ никогда. Къ счастью капелланъ понималъ Хорутанское нарѣчіе, и мѣшая Итальянскій съ Хорутанскимъ, я объяснилъ кое-какъ капеллану, что мнѣ нужно. «Прекрасно, прекрасно!» — отвѣчалъ мнѣ капелланъ, пожимая мою руку. Я буду въ Резіутѣ не болѣе какъ черезъ три часа. Мы тамъ встрѣтимся, и пойдемъ въ долину вмѣстѣ». Облобызавши меня, капелланъ доѣлъ свой салатъ, допилъ вино и отправился. А я жду, пока мой конь выѣстъ свой овесъ и напьется воды. Пишу, слушая болтанье Фурлановъ, вой нищихъ, крикъ продавцевъ и покушниковъ, фурмановъ и гостей; и отъ радости нѣтъ охоты ни писать, ни слушать.

Резія. Вотъ я и тутъ. Резіута маленькое мѣстечко, лежащее у горъ на большой Миланской дорогѣ. Я нашелъ тутъ капеллана въ гостинницѣ. Нанявши провожатаго для переноски моей сумки, я пошелъ съ капелланомъ въ долину въ верхъ по теченію Рези по дорогѣ, хоть и узкой, но покойной для самыхъ тяжелыхъ воевъ. За три года была тутъ тропинка, очень узкая. Долина мало по малу расширилась; показались деревеньки, а потомъ и всѣ сѣрыя горы, между которыми долина кажется дномъ котла или городища. По дорогѣ я спрашивалъ названія деревень, горъ, растений. . . Съ нами шла женщина изъ деревни Нивы, и глядя на меня беспрестанно смѣялась... «Что же это смѣешься ты, такъ странно оглядывая синьора Русса?» — «Да какъ же? — отвѣчала она простодушно: «вы говорите, что синьоръ живеть за 800 что ли миль отъ насъ, а пришелъ поглядѣть на насъ, и говорить такъ что все понимаешь, какъ будто родился въ Коружкой (Каринтін). Мнѣ и вѣрится и невѣрится, и смѣшно!» И она опять начинала смѣяться. Въ Бѣлѣ мы зашли въ одинъ изъ дворовъ отдохнуть и освѣжиться виномъ. Старушка встрѣтившая насъ, вынесла намъ треножникъ и стулъ, и подала по кружкѣ вина; я хотѣлъ было ей заплатить, но она оттолкнула руку мою и отвѣчала: «Вотъ-на! я не продаю вина, а для добрыхъ знакомыхъ у меня есть его довольно. Пейте на здоровье, синьоръ». Черезъ четыре часа, мы были въ боргѣ Равенцѣ у приходской церкви. Сумку я оставилъ въ гостинницѣ, а самъ съ капелланомъ, пошелъ къ плебану (приходскому священнику), въ садъ. Патеръ Одорико Буттоло, добрый старикъ (ему уже 73 года), всѣмъ сердцемъ обрадовался моему приходу. «Резія и Русія одно и то же»: это его любимая поговорка, и онъ началъ ею. Онъ говоритъ по Нѣмецки, по Французски, по Латыни. Мы заговорили было по Нѣмецки; но старикъ скоро очнулся: «Мы Русскіе; для чего же будемъ говорить по Нѣмецки?» Вечерѣло. Опираясь на мою руку (старикъ уже очень слабъ на ноги), онъ повелъ меня къ своему домику, и усадилъ себя и меня на широкой каменной скамейкѣ передъ домомъ, проти ву липъ, которыя стоятъ на площадкѣ рядомъ съ моею

гостинницей, у самага спуска въ глубь долины. Тутъ разговоръ нашъ тянулся довольно долго. Плебанъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что Резія должна быть извѣстна въ Россіи. Графъ Потодкій, проѣздомъ изъ Италіи, остановился однажды въ Резіутѣ. Резіянки случились тамъ съ виноградомъ, и обратились къ нему съ вопросомъ: *купите вина?* Славянскій вопросъ изумилъ графа; онъ сталъ спрашивать ихъ, откуда онѣ, велѣлъ себя провести въ долину, провелъ въ ней ночь и записалъ «Отче нашъ». Солдаты Русскіе заходили также въ Резію, и говорили съ жителями по Русски. Позже мы перешли со старикомъ въ кухню: огонь въ ней раскладывается на полу, надъ огнемъ виситъ котелъ, въ которомъ варится полента, надъ котломъ широкая труба, спускающаяся къ низу все шире, къ стѣнамъ; близъ огня горшки и вертелъ для жаренья мяса. По стѣнамъ скамьи для сидѣнья. Передъ этою частію кухни другая часть, гораздо больше, гдѣ развѣшена и разставлена посуда. Расположившись у огня, я записалъ нѣсколько пословиць, словъ и пѣсенку, которую плебанъ позволилъ пропѣть только изъ уваженія къ Русскому моему любопытству. «Пѣть впрочемъ негодится — замѣтилъ онъ: мы должны не пѣть, а молиться Богу». На ужинъ подали *бръжолу* (печеные кусочки мяса) и *суну*. Потомъ я пошелъ въ гостинницу. Комната моя не велика; на одномъ столѣ приготовлена мнѣ постель; на другомъ лежитъ мой портфель; одинъ соломенный стулъ поломанъ, и на немъ сумка, на другомъ могу сѣсть. Окно въ долину; полумѣсяцъ освѣщаетъ дикую сѣрпну и серебрится по снѣговымъ коврамъ, которыми глубоко покрыты горы почти до половины; огня уже нигдѣ не видно; Резія гремитъ.

На другой день. Цѣлый день ходилъ по долинкѣ. утромъ одинъ (потому что и плебанъ и капелланъ были въ училищѣ), послѣ обѣда съ капелланомъ. Деревни почти пусты: все на поляхъ, кто копаетъ груды, кто срѣзываетъ молодыя листья съ липъ, кто таскаетъ камень; другія, сидя у работающихъ на нивахъ, прядутъ или шьютъ. Все тихо. Нѣсколько старушекъ, которыхъ заставляли мы дома, рассказывали намъ какъ умѣли объ обычаяхъ. Вечеръ

опять съ плебаномъ. — Завтра иду дагѣе. Проводника изъ Резіанъ, выбраннаго плебаномъ, я взялъ до самой Горлицы (Gorizia, Görz), платя въ день по два цванцигера (двугривенный): «Онъ вѣрный человекъ, и бываеъ въ тѣхъ мѣстахъ», сказалъ мнѣ плебанъ. Завтра онъ долженъ придти чуть свѣтъ; капелланъ обѣщался меня разбудить.

Проѣзжая по большой Вѣно-Миланской дорогѣ изъ Дуньо черезъ Кьюзо въ Бѣлу-Резіуту (Resiuta), видишь въ лѣво надъ собою стремнины горъ: за этими горами долина Резіанская = Val di Resia. У Бѣлы-Резіуты горы раздвоятся, давая проходъ рѣчкѣ Рези, впадающей тутъ въ Ключку воду ¹⁾ (Fela = Бѣла? она втекаетъ съ лѣва въ Тальяменто). Здѣсь надъ каменнымъ ложемъ рѣчки по отлогости горъ съ лѣва продѣлана за три года передъ этимъ довольно покойная шоссеиная дорога въ долину. Идя этой дорогой четверти три часа, встрѣчаешь крестъ съ образомъ Богоматери: святая дѣва изображена сидящею на облакахъ, поддерживаемыхъ двумя ангелами, а два другіе сверху вѣнчаютъ ее короной. Подъ образомъ подписано: «S. madonna e protettrice del commune di Resia». Тутъ граница собственно долины Резіанской.

Дорога идетъ дагѣе черезъ деревню Бѣлу (tā на Bili) ²⁾ и черезъ борго Липовець (Ljipowec), и оканчивается на серединѣ долины въ борго Равенцѣ (tā на Rawanci), иначе называемомъ Prato della madonna ³⁾. Около небольшой площади стоятъ тутъ приходская церковь Успенія = di S. Maria Assunta di Resia, домъ приходскаго священника, приходское училище, три гостинницы

¹⁾ Названія «Ключка вода» мнѣ не удалось слышать.

²⁾ Теперь «та на Bili» употребляютъ Резьяне для названія фурманской мѣстности Резіуты (Resiutta), первую же со входа въ долину Резіанскую деревню (по Итальян. S. Giorgio) они зовутъ «tā u Bili» или «tò u Bili», смотря по говорамъ.

³⁾ Теперь просто «Sul Prato».

(osterie), и двѣ липы, священныя въ преданіи Резьянъ¹⁾. Гостиница у липъ лучшая; тутъ путникъ можетъ получить довольно покойную комнату съ видомъ въ долину.

Лучше впрочемъ оглядѣть долину съ колокольни Успенской церкви. Въ длину она не болѣе 6 верстѣ, въ ширину въ самомъ широкомъ мѣстѣ не болѣе 2-хъ верстѣ. Горы, изъ которыхъ нѣкоторыя до іюня покрыты снѣгомъ, поднимаются стремнинами со всѣхъ сторонъ. (Вотъ названія этихъ вершинъ, начиная отъ входа въ границы общины: подъ пограничнымъ крестомъ поднимается Ruštja, далѣе слѣдуютъ Zaháta, H'slá, Pÿsty hözd, Särt, Tianin, а противъ нихъ съ другой стороны долины идутъ къ границѣ: Baba, Kÿla, P'rwalo, Muzac = Muzy²⁾, Škarbina). Всѣ онѣ составляютъ высокій валъ, кое-гдѣ болѣе поднявшійся, кое-гдѣ нѣсколько залегшій, повсюду въ вершинѣ своей голо-каменистый и утесистый. Между вершинами Тианномъ и Бабой беретъ начало свое Резія и искривленнымъ полукругомъ съ востока къ юго-западу³⁾ течетъ вдоль по долинѣ. Въ трехъ верстахъ отъ ея истока спадаетъ въ нее Потокъ (Potók), не много ниже другой потокъ Бермень⁴⁾ (Bägmän) и верстахъ въ двухъ ниже его Черный потокъ (Čärny potók), всѣ три съ лѣва. Меньшіе потоки горные текутъ въ Резію съ обѣихъ сторонъ, межъ камнями и зеленью, примѣтные только по журчанію. Каменистыя дикія побережья Резіи и потоковъ, въ нее впадающихъ, какъ и вообще всѣхъ водъ въ этихъ мѣстахъ, разъ въ десять шире самаго ложа. Отъ побережья поднимаются зеленистые наклоны (brjehi), потомъ выше — равнины (gawnice), во всей долинѣ одинаково возвышенныя надъ водою, далѣе поднимаются полонины (planine), плодоносныя отлогости, покрытыя травой или лѣсомъ (hözd), а за ними начинаются утесы горъ (klanci, rōbu), кое-гдѣ поросшіе рѣдкимъ лѣсомъ, а болѣе

¹⁾ Въ настоящее время съ этими липами не связано никакое преданіе, и онѣ просто только липы (лура).

²⁾ *Muzac* есть названіе Резьянское, Monte de' Musi — Итальянское.

³⁾ Скорѣе къ сѣверо-западу.

⁴⁾ Лучше, можетъ быть, было бы назвать его по-русски *Барманъ* или же *Борманъ*.

голые. Жилища большею частію помѣщены на равнинахъ, окруженныя полями и деревьями, изъ которыхъ прежде всего бросаются въ глаза липы, поднимающіяся въ верхъ какъ тополи высоко столбами (боковыя вѣтви ихъ подрѣзываютъ для корма коровамъ, и отъ этого онѣ растутъ въ верхъ). Все вмѣстѣ представляетъ картину прекрасную, но и пустынную, дикую; сѣраго цвѣта камня въ двое болѣе нежели зелени, а вода блеститъ едва замѣтно.

Русскій войдетъ въ эту долину не какъ чужой: его поймутъ хотя сколько нибудь, его примутъ ласково, радушно. Правда, что почти никто въ Резіи не слышалъ о Россіи ¹⁾, но многіе съ родственнымъ чувствомъ услышатъ Русскіе звуки.

Жителей въ Резіи, по схиматизму 1841 года, 2767. Каждо-годно рождается отъ 70 до 90, умираетъ отъ 60 до 70, браковъ бываетъ около 10—12 ²⁾.

Народъ большею частію средняго роста, хорошо сложенный, довольно красивый, впрочемъ безъ особенной характеристики фizioгноміи; крѣпкій, здоровый. Зобастыхъ и кретиновъ, которыхъ такъ много въ сосѣднихъ Нѣмецкихъ горахъ, тутъ вовсе нѣтъ.

Люди веселые, добрые, безъ сильныхъ страстей. Местъ была когда-то подчинена особенному закону, но теперь и этотъ законъ и она сама остаются только въ преданіи: мѣсто мести заняла теперь любовь помогать другъ другу, и всѣ жители долины кажутся какъ бы однимъ большимъ семействомъ.

Всѣ они свободны, платя обычную подать. Въ церковномъ отношеніи они составляютъ одинъ приходъ. Кромѣ главныхъ четырехъ деревень (tā na Solbici, tā w Oseani, tā na Njiwi, tā na Bili) есть еще въ долинѣ четыре борга (tā na Rawanci, tā u Ljipowci, tā na Kuryte, tā w Učji) и нѣсколько малыхъ поселеній (ta na Kružacich, ta za Mlyn, Holištje, Martin na Lazu, Hözd,

¹⁾ Теперь всѣ Резіане знаютъ о Россіи.

²⁾ По народной переписи 31 декабря 1871 г., всѣхъ Резіанъ оказалось 3,275 (изъ нихъ 2,537 было на лицѣ въ Резіанской долинѣ, остальные же, 738, ушли за заработкомъ въ разныя мѣста Италіи, Австріи и Германіи. Въ 1872 году родилось въ Резіи 113, умерло же 100 человекъ.

Ljištjaca, Stary mlyn, na Čarným potoci, u Čarným potoci, pod Ruštju, na Hospodnŷci). Изъ этихъ поселеній замѣчательно Успенское (на Hospodnŷci): оно близъ пограничнаго креста; жители сохраняютъ о немъ преданіе, что тутъ жилъ ихъ общій предокъ, пришедшій изъ какой-то «Руссiи»; дѣти его поселились въ Бѣлу и построили церковь во имя св. Юрія, который до сихъ поръ остается народнымъ патрономъ всей долины.

Постройка домиковъ (khjiša) и домашнее устройство почти какъ и всюду во Фриулѣ. Всѣ домики выстроены изъ камня (rõtj) и покрыты черепицей (črepica). Бѣдные довольно бѣдны: прямо съ надворья входишь въ избу (ispa), совершенно закоптѣлую; кругомъ лавки (mize, deske), надъ лавками полки съ посудой (počjice za posodbo); въ серединѣ или въ сторонѣ каменный помостъ (ohnjištje), на которомъ раскладывается огонь, а надъ нимъ виситъ котель (štanjeda), въ которомъ готовится полента. Утромъ и вечеромъ изба наполняется дымомъ, такъ что невозможно войти. Рядомъ съ этой избой, тоже прямо съ надворья, другая небольшая, съ постелью, безъ печи (kružica čumnata). Подлѣ домика стоитъ хлѣвъ (chljiwc) для коровы и свиней, обваленный хворостомъ для топленья. Впрочемъ только у бѣдныхъ такія жилища. У зажиточныхъ домикъ строится въ три яруса: внизу чуланы и кухня съ огнищемъ; въ серединѣ жилые покои (chrambe) со стульями (stóli) и столами (mize)¹⁾, инья съ печью (farni); сверху горнище, служащее и вмѣсто чулана (chljiw); хлѣвъ съ боку; дворикъ обнесенъ каменною стѣною, съ воротами, нерѣдко очень красивыми, съ внутреннимъ замкомъ (kjučanica); иной добрый хозяинъ имѣетъ и цистерну съ водой (peč). Улички (stähnice)²⁾ между домами такъ тѣсны, что не только возомъ, но и лошадю повернуться было-бы негдѣ. Садовыя деревья — яблоки, груши, вишни, черешни — около жилищъ; за ними нивы (njiwe).

1) *Miza* означаетъ по резьявски *скамя*, столъ же они зовутъ *tàvola*.

2) Слова *stähnice* я вовсе не слышалъ; узенькія же улички позади домовъ извѣстны, если не ошибаюсь, подъ названіемъ *jindrince*.

Каждое семейство (*kučja*) ¹⁾ живет отдельно. Немногие имѣют прислугу, и то изъ бѣдныхъ родственниковъ и сиротъ. Работаютъ всѣ все, безъ различія пола: мужчины и женщины вмѣстѣ—и обдѣлываютъ гряды для посѣва, и косать, и жнуть, и собираютъ виноградъ, и варятъ кушанье, и ткнуть, и прядуть, и строятъ дома. Бѣдность долины заставляетъ впрочемъ многихъ изъ мужчинъ уходить изъ долины въ Кранну, Карингю, даже въ Вѣну, и заниматься тамъ продажей плодовъ и т. п., или поденщицать. Въ Вѣнѣ Резянинъ не рѣдкость: по аллеямъ гласиса они продаютъ апельсины, орѣшки, разные сласти; въ Краннѣ ихъ можно видѣть съ ихъ крозмами (*krózno*) — ящичками, наполненными разнымъ мелкимъ товаромъ: Резянинъ носитъ его на плечахъ, какъ Словакъ, заходящій къ намъ изъ Турца, свою аптечку. Женщины — или продаютъ въ окрестностяхъ домашнія мелкія издѣлія, или даже и просятъ милостыни у сосѣднихъ Краннцевъ. Дома никогда не бываетъ болѣе $\frac{3}{4}$ жителей.

Земледѣіе въ бѣдномъ состояніи. Нивъ очень мало, да и тѣ очень дурны, каменисты, и сколько ни уваживаютъ, даютъ очень малый прибытокъ, недостаточный для прокорму жителей. Сѣется болѣе всего пшеничка (*fromentin*) и картофель (*kartjufe*) ²⁾, кромѣ того немного ржи и пшеницы, горохъ, бобы, огородная зелень и ленъ (*njil*) ³⁾. Гряды (*šigaci*) для посѣва—настоящія огородныя гряды, обдѣлываются руками съ помощью лопатъ, мотыкъ, молотовъ (*pála* ⁴⁾, *motjka*, *kjač*), такъ что ни плуга или сохи, ни лошади, ни вола нѣтъ въ цѣлой долинѣ. Садовъ (*wàrti*) нѣтъ почти; лучшіе принадлежатъ священнику. Виноградники (*ghrazdowniki*) даютъ вино довольно порядочное, но мало ⁵⁾. Охота бѣдная: кое-

¹⁾ Слово *kučja* мнѣ совершенно неизвѣстно.

²⁾ Слова *fromentin* для названія пшенички я не слышалъ; картофель же зовутъ Резяне *krampir*.

³⁾ Теперь *ленъ* зовутъ *lan*, а не *njil*.

⁴⁾ Лопата по Резянки *lapáta*, а не *pála*.

⁵⁾ Теперь Резяне вовсе не получаютъ вина изъ своихъ виноградниковъ. Виноградъ здѣсь не можетъ созрѣть, вслѣдствіе того, что Резянская долина закрыта съ юга громадными горами (*Monte de' Musi* и т. д.), и солнце видно въ ней далеко не цѣлый день, а только извѣстную часть его.

когда попадется заяцъ, а уловить серну — праздникъ для цѣлой долины¹⁾. Скотоводство то-же бѣдное: счастливо семейство, имѣющее десятка полтора ягнятъ, козъ и свиней, да корову или двѣ; а быкъ всегда есть общее имущество нѣсколькихъ семей. Нѣкоторые жители разводятъ пчелъ (*beſule*), но и имъ тутъ не житье, не приволье: хозяинъ долженъ лелѣять ихъ больше родныхъ дѣтей. — Холстъ (*pärt*) бѣлый, черный и цвѣтной, сукно (*sukno*) больше бѣлое, и полусукно сѣраго цвѣта (*tjumažat*)²⁾ жители приготавливаютъ сами, и довольно искусно, дѣлаютъ посуду и проч. Дѣятельность всюду, но не много проку отъ этой дѣятельности.

Главная пища — полента (*polenta*, Волошская мамалыга). Ее приготавливаютъ каждый день утромъ и вечеромъ: кусокъ поленты съ солью и зеленью, кусокъ сыра (*syŕ*), яичница съ кусочкомъ хлѣба да стаканъ вина, — и Резіанецъ сытъ. Мясная похлебка (*minještra*) и мясо, изъ котораго они приготавливаютъ боржолю (*b'ržola-Rostbraten*) — праздничная вещь. Природа приучила Резіанъ къ умѣренности такъ, что и получая въ двое, въ трое доходу противъ обычнаго, онъ остается при полентѣ, яйцахъ и винѣ, и улыбается разрѣзывая кусокъ мяса. Полента и бѣлый хлѣбъ (*chljibac*) приготавливаются какъ и во всей сѣверной Италіи и нравиться могутъ только привыкшему къ такой пицѣ. Резіанамъ извѣстны и водка (*žganje*), пиво (*ul*), медъ (*stärt*); но лакомиться могутъ по немногу только послѣднимъ.

Мужчины одѣты по-Фурлански и по-Нѣмецки: куртка или полуфракъ (*köböñj*) на жилетѣ (*pet*), узкое исподнее платье (*chlače*)³⁾, сапоги (*skögnice*) или башмаки кожаные (*čriwje*) или деревянные (*sokline*) и шляпа (*klöbük*) или шапка (*bageta*), — вотъ и весь нарядъ. Женщины надѣваютъ на короткую рубашку (*srak'ca*) корсетъ (*pet*) съ пуговками подъ шею, сверхъ него черное платье безъ

¹⁾ Не такъ давно водились въ Резіи медвѣди, про охоту на которыхъ существуетъ много занимательныхъ разсказовъ.

²⁾ Слово *tjumažat*, сколько мнѣ извѣстно, обозначаетъ не полусукно сѣраго свѣта, но извѣстную часть женскаго платья.

³⁾ Слово *köböñj* мнѣ не извѣстно. Брюки же они зовутъ *barhese*, между тѣмъ слово *chlače* служить у нихъ исключительно для обозначенія чулковъ.

рукавовъ (tjumažát), растегнутое на груди и со складкой у колытъ, перепоясанное чернымъ поясомъ (pas); на головѣ или цвѣтной платокъ (facolet) или бѣлый платокъ (rétja), красиво повязываемый длиннымъ узломъ съ боку, такъ что концы висятъ и лобъ до половины закрыть¹⁾, а правое ухо и затылокъ открыты; на ногахъ бѣлые чулки (škufony) и башмаки (čriwje). Въ ненастное время сверхъ «стюмажата» надѣвается короткая кофта (suknja), суконная цвѣтная съ рукавами. Иныя носятъ на груди платочки, но это не народная украса. Въ ухахъ серьги (reťjine). Перстень (pärstän) носятъ только замужнія²⁾. Волоса заплетаютъ на затылкѣ вѣнцомъ. Въ старину нарядъ невѣсты отличался вѣнцомъ узкимъ изъ зеленого бархата обвитого золотою ниткой (wjinс) и съзади прикалывалась къ нему кисейная фата (reťjina) длинная, широкая, такъ что можно было огорнуться ею какъ плащомъ; это ужъ вышло изъ обычая.

Резяне (всѣ римо-католики) очень религіозны. Кромѣ главной церкви Успенія есть еще четыре въ каждой изъ главныхъ деревень. Вліяніе священника чрезвычайно сильно. Всѣ называютъ его своимъ господиномъ (paš ghošpód), и всякое слово его считаютъ закономъ³⁾.

На 1-е мая въ день освященія главной приходской Успенской церкви, бываетъ у Резянь праздникъ — Майникъ (Majnyk). Въ прежнее время совершались въ этотъ день особенные обряды; но они мало-по-малу вліяніемъ священниковъ вытѣснены, такъ что теперь не позволены въ этотъ день, по крайней мѣрѣ въ Равенцѣ, ни танцы, ни музыка, ни пѣнье. Въ каждой изъ четырехъ

¹⁾ Къ теперешнему костюму Резянокъ принадлежитъ не цвѣтной или бѣлый, но черный шелковый платокъ, такъ что Резянка должна быть одѣта съ ногъ до головы въ черномъ.

²⁾ Кольца (paŕstan) носятъ теперь не только замужнія, но и многія дѣвушки.

³⁾ Въ настоящее время вліяніе священниковъ гораздо меньше «Своимъ господиномъ» ихъ теперь вовсе не называютъ. Общее названіе для всѣхъ священниковъ есть *jeŕgo* или *sego* (въ нѣкоторыхъ деревняхъ на югѣ отъ Резья *jeŕgo*), и затѣмъ отличаютъ плебана, капеллана и т. п. Слово *göšrut* или *fe hšrut* произносится въ Резьянскихъ говорахъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

деревень бываетъ свой храмовой праздникъ, въ дни св. Юрья, Флоріяна, Вита и Карла. Особенно празднуютъ дни Витовъ и Юрьевъ. Вечеромъ бываютъ танцы и пѣсни, что впрочемъ скрываютъ отъ священника. Резяне ждутъ съ нетерпѣніемъ этихъ дней. Въ старину въ день Юрьевъ деревянный ликъ этого святаго носился на высококомъ шестѣ, украшенномъ бумажными цвѣтами и лентами, по всѣмъ деревнямъ. Изъ Бѣлы, гдѣ празднуется этотъ день, послѣ обѣдни, его несли въ Ниву, и тамъ ставили на полѣ въ серединѣ между столами, за которыми всѣ собравшіеся вмѣстѣ обѣдали; потомъ въ Осеанъ и Солбицу, жители которыхъ должны были потчевать всѣхъ виномъ. Въ Солбицѣ ликъ ставился въ церковь, а народъ пилъ, пѣлъ пѣсни, плясалъ до вечера; вечеромъ же при свѣтѣ зажженныхъ хворостинъ ворочались всѣ съ ликомъ св. Юрія въ Бѣлу, и снова пили, пѣли, плясали — до полуночи. Съ ударомъ полуночнаго колокола пѣлась всѣми духовная пѣснь св. Юрью, и потомъ расходились по домамъ. Въ день Витовъ (15 іюня) было то-же что-то подобное, между прочимъ вили вѣнки изъ плюща (*tarputuka*). Теперь все это запрещено, — и въ памяти осталось, вмѣстѣ съ свѣтлымъ образомъ народнаго праздника, сожалѣніе объ утраченныхъ радостяхъ. На канунѣ Иванова дня по горамъ раскладываются огни (*kres*), молодежь сходитесь смотрѣть на огонь, болтать; ни обрядовъ, ни даже пѣсенъ и пляски уже нѣтъ. Передъ праздникомъ Рожества Христова (*Winachtu*) празднуется коляда (*koljida*), но безъ особенныхъ обрядовъ.

При рожденіи, свадьбѣ и похоронахъ бывали прежде также обряды, но теперь почти ничего не осталось кромѣ печенія бѣлой булки — «погача» (*rogacha*).

Священники старались заставить народъ разлюбить и пѣные пѣсенъ, и успѣли. Пѣсни народныя почти всѣ забыты, а вмѣсто нихъ поютъ Фурланскія. Немногія оставшіяся имѣютъ странныя мелодіи въ родѣ южно-Русскихъ обрядныхъ и свадебныхъ ¹⁾.

¹⁾ Теперь Резяне поютъ значительное количество пѣсенъ; но у нихъ есть для этого только два напѣва: одинъ меланхолическій, заунывный, другой же веселенькій, напоминающій собою Хорватское коло Венгерскій *чардаш*, Га-

Музыкальные инструменты — гусли ('oslje) въ родѣ цитры и флейта. Была прежде и вольнка (dudy), теперь остается только одна въ цѣлой долинѣ у одного нищаго старика въ Осени ¹⁾.

Пляска Резянокъ (Rezianka) оригинальна и прекрасна. Танцующіе становятся въ два ряда шагахъ въ 10-ти рядъ отъ ряда, мужчины противъ женщины, тѣ подбоченясь, а эти сложа руки на груди и опустивши голову; рядъ подходитъ къ ряду два раза; сошедшись въ третій разъ пары кружатся на одномъ мѣстѣ; потомъ снова расходятся, но уже такъ, что въ правой каждый мужчина держитъ женщину, и каждая пара подаетъ руки двумъ другимъ. Составивши кругъ, идутъ кругомъ сначала направо, потомъ налево; потомъ пары распускаются и идутъ шагомъ одна за другою, напѣвая пѣсню. Пройдя круга два-три, мужчины опять отдѣляются отъ женщины, становясь одни противъ другихъ рядомъ, — и танецъ начинается снова.

Священники, имѣя сильное вліяніе вообще на народную старину Резянокъ, не могли оставить и суевѣрій; а истребляя ихъ, истребили съ тѣмъ вмѣстѣ изъ памяти народной и много добраго, что считало суевѣріемъ ихъ собственное суевѣріе. Немногое осталось у старухъ, но и тѣ стараются забыть, что знаютъ. Такъ медицина народная совершенно исчезла; а капелланы, принимающіе на себя должность гѣкарей, далеко не могутъ замѣнить ее своимъ незнаніемъ.

лицкую коломижку, Польскаго краковяка и т. д. Подъ этотъ послѣдній напѣвъ Резяне танцуютъ свою народную пляску: — священники теперь не запрещаютъ Резянкамъ ни пѣть, ни танцевать, и еслибъ даже запрещали, то никто бы ихъ не слушался. — Другое дѣло ихъ южные Словинскіе сосѣди, которые вполнѣ подавлены деспотическимъ авторитетомъ священниковъ, и которые, подъ благотворнымъ вліяніемъ этихъ послѣднихъ, забыли во многихъ мѣстностяхъ и народную пляску и народныя пѣсни.

¹⁾ Названій 'oslje и dudy я не слышалъ. Теперь употребительны въ Резяніи сѣрга (скрипка), búpkalica (віолончелла? басъ) и gimónika (гармонія?)

СЛОВИНЫ.

— Куда-же пойдете отъ насъ? — Какъ-то спросилъ меня добрый священникъ Резианскій, когда мы сидѣли съ нимъ на камнѣ передъ его домикомъ, и любовались видомъ горъ, поднимающихся огромнымъ утесистымъ валомъ на югъ отъ долины Резианской. — Мнѣ-бы хотѣлось — отвѣчалъ я — пробраться къ *Словинамъ*; въ Каринтіи слышалъ я, что гдѣ-то во Фриулѣ есть какіе-то Словины. — Какъ-же. Вонъ видите — старикъ указалъ на гору Музецъ — съ права отъ горы тропинка вьется въ верхъ по зелени, мимо лѣска, еще выше межъ скалъ, и потомъ по снѣгу. Идучи по ней, нашъ братъ Резианецъ въ три часа¹⁾ ходьбы приходитъ къ этимъ Словинамъ. Только теперь она опасна, гдѣ скользка, гдѣ и завалилась сѣвѣжимъ снѣгомъ. Если пойдете и на обходъ, то все-таки за день будете по ту сторону Муцца. — И потомъ старикъ рассказалъ мнѣ, что слышалъ о Словинахъ; самъ онъ не былъ у нихъ никогда: — Да, побывайте у нихъ — говорилъ онъ мнѣ — у нихъ, забытыхъ всѣми, будто ихъ и нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ.

30 Апрѣля (1841) я вышелъ изъ долины Резианской тою-же дорогой, какою пришолъ, и изъ Бѣлы-Резіуты повернулъ на лѣво по дорогѣ въ Чивидаль, съ тѣмъ чтобы съ нея свернуть, гдѣ будетъ лучше, въ горы и пришолъ на ночь въ Терчетъ (Tarcento).

Кто ѣздилъ по дорогѣ изъ Вѣны въ Миланъ, тотъ, можетъ быть, вспомнить и рѣку Tagliamento или, какъ тамъ называютъ, Tajaento-Tajo, на теченье которой можно было полюбоваться съ холмовъ Венцонскихъ, какъ она, вырвавшись на волю изъ горъ Фриульскихъ, по которымъ собирала свои воды, красиво и вольно разливается по Фриульской приморской долинкѣ. На этой долинкѣ, по лѣвую сторону Тая лежатъ города Видемъ (Udine) и Чивидаль (Cividale). За ними далѣе на западъ поднимаются горы: съ Миланской дороги можно видѣть ихъ вершины, изъ которыхъ инныя и въ июнѣ покрыты еще снѣгомъ. Эти горы идутъ съ сѣвера на

¹⁾ Три часа слишкомъ мало; нужно по настоящему 4—5.

югъ между водами Сочн (Isonzo) и Тера (Togge) къ Градишкѣ (Gradisca), и далѣе, гдѣ онѣ сливаются въ одно русло. Въ этихъ-то горахъ живутъ Словинны, или Штяви (Schiavi), какъ ихъ называютъ ихъ западные сосѣди. Часть ихъ принадлежитъ къ графству Горицкому (Gorizia-Götz), а часть къ Фриулю. На сѣверѣ они поднимаются къ горѣ Музцу (Muzas-Muzy), на югъ за Чивидаль. На западѣ, гдѣ только начинается долина, Словинновъ уже нѣтъ. Такъ нѣтъ ихъ во все на право отъ дороги, идущей изъ Жемоны (Gemona) въ Чивидаль; нѣтъ кое-гдѣ и на лѣво отъ этой дороги, гдѣ только горы образуютъ пологіе склоны: всѣ мѣста, болѣе другіякъ привольныя, заняты Фурланами.

Въ горы Словинновъ легче всего прійти изъ Чивидала, поднявшись къ св. Петру (S. Pietro) и далѣе въ верхъ по потоку Надижѣ (Natisone), выходящему изъ высокихъ горъ Серпеницы и отдѣляющему своимъ теченіемъ сѣверныхъ Словинновъ отъ южныхъ ¹⁾. Я впрочемъ, идучи съ сѣвера, изъ долины Резіанской, долженъ былъ выбрать другую дорогу. Начавши съ вершинъ Тера, я прошолъ горы Словинскія по направленію на югъ къ Надижѣ и св. Петру, и въ Чивидаль уже отдыхалъ отъ горной прогулки. — По всему этому пути моимъ проводникомъ былъ Тоне Бобецъ, Резіанецъ, не разъ уже проходившій эти горы. Какъ человѣкъ бывалый, онъ легко понялъ, чего ищу я, и знакомъ будучи довольно хорошо съ бытомъ народа, знакомилъ и меня съ нимъ. Тѣмъ важнѣе была мнѣ его помощь, что я не могъ надѣяться найдти много образованныхъ «домородцевъ» (патріотовъ) въ краю, гдѣ Итальянцы и Фурланы прибрали къ рукамъ всю власть, оставя

¹⁾ Потокъ Серпеница беретъ свое начало не изъ высокихъ горъ Серпеницы, но довольно далеко отъ этой мѣстности, на юго-западъ отъ нея, воегѣ деревни *Brièlje* (Montemaggiore), почти на границѣ Италіи и Австріи, но еще въ Италіи. Затѣмъ, онъ течетъ на юго-востокъ, съ начала отдѣляя Италію отъ Австріи, а въ послѣдствіи прорѣзываетъ Австрійскія владѣнія. Послѣ двухъ изгибовъ, одного подъ Лугонъ (Lonsch) къ сѣверо-востоку и, затѣмъ, подъ Кредою (Creda) рѣшительно къ югу, онъ промежъ горъ Мен (M. Mia) и Матаюра (M. Matajur) рѣзывается въ св. Петровскій уѣздъ Италіи, раздѣляя его на двѣ половины, западную (меньшую) и восточную (гораздо болѣе значительную). Сѣверныхъ Словинновъ отъ южныхъ онъ вовсе не отдѣляетъ.

за Словинами только тягости сельскаго быта безъ надеждъ и часто безъ возможности помочь себѣ въ самыхъ необходимыхъ нуждахъ. Только въ селеніяхъ Теръ (*Lusevera*) и Нимисъ (*Nimis*) есть священники изъ природныхъ Словиновъ¹⁾. Имъ-то и особенно Себастіану Адами, священнику Нимисскому, обязанъ я за свѣдѣнія о Словинахъ, дополнивъ ихъ только тѣмъ, что могъ самъ видѣть или что было мнѣ замѣчено моимъ проводникомъ.

Одна только нужда могла заставить людей привыкнуть къ этимъ дикимъ погорьямъ. Каменистыя громады опускаются тамъ однѣ на другія то крутымъ скатомъ, едва прикрытымъ зеленью или лѣсомъ, то голой стѣною. Между ними прорыли себѣ и все глубже прорываютъ ложе гремячіе потоки, рѣдко выходя изъ неприступныхъ скалистыхъ береговъ. Кое-гдѣ образовались въ вѣнцѣ горъ долины, но и онѣ покрыты грядами высокихъ холмовъ, каменистыхъ и крутыхъ, скатывающихся въ глубокіе увалы. Долинъ, какъ мы ихъ привыкли себѣ рисовать, вовсе нѣтъ. Человѣку негдѣ вольно разложиться со своимъ хозяйствомъ; онъ долженъ занять или крутую покатость холма, или прижаться къ утесу, или забиться въ труппобу, и часто своими руками обдѣлывать свою бѣдную ниву, будто грядку цвѣтовъ. Въ иномъ мѣстѣ онъ едва держится на ногахъ, вспахивая крутизну холма, и радъ еще, если эта крутизна можетъ быть удобрена сажень на 15 или на 20-ть въ длину. Онъ долженъ дорожить каждымъ шагомъ, и часто стоитъ въ раздумьи у остатка лѣска, въ оврагѣ, самъ не зная, имъ-ли пожертвовать для нивы, или остаться безъ хлѣба. Съ каждымъ годомъ его положеніе можетъ переиѣниться: весенняя вода можетъ его довольно плодородную ниву покрыть горами каменьева, взрыть пластъ чернозему, переломать до деревца всю его бѣдненькую рощу, или прикрыть его каменистое поле слоемъ земли, которая взроститъ хлѣбное зерно тамъ, гдѣ прежде не

¹⁾ *Lusevera* зовутъ Славяне не Теръ но Бардо (*Bardo*), Теръ (*Ter*) же служить не Славянскимъ названіемъ для мѣстности, извѣстной подъ официальнымъ именемъ *Gradielis*. Въ «Нимисъ» (*Nimis*, по слав. *Niemes*) Славянъ нѣтъ и, кажется, никогда ихъ не было; но они есть немножко по выше въ Романдолѣ (*Romandolo*), Чернеѣ (*Sergnen*) и т. д.

Сборникъ II Отд. II. А. В.

было и моха, запасти его цѣлой скирдой топлива, нанести на его землю обломковъ деревьевъ, или отвести въ другую сторону русло потока, на которомъ стояла мельница, его питавшая, разрушить его хижину, лишитъ его послѣдней пары овецъ. Глядя на эти погорья и даже не зная о бѣдствіяхъ, которымъ въ нихъ подвергается селянинъ, подумаешь невольно, что только одна неволя, одна нужда укрыться отъ непріятеля, пріютиться хоть въ неприюты, могла завести сюда человѣка и заставить его свыкнуться съ природой.

Всѣхъ Словиновъ въ этихъ погорьяхъ во Фриулѣ можно считать около 19,000: приходу св. Петра Терчетскаго принадлежить около 7,200; къ приходу Нимисскому—3,700; къ приходу св. Петра Словинскаго (S. Pietra dei Schiavi) — 7,400; кромѣ того къ приходу св. Леонарда около 500 и къ приходу города Чивидала около 200. Каждогодно рождается около 30—32 на 1000, и умираетъ изъ 1000 около 22—25.¹⁾

Народъ болѣе, чѣмъ средняго роста, такъ что есть много и очень высокыхъ. Лица вообще по размѣру роста малы. Физиогномія выражаетъ какую-то смѣлость, самоувѣренность, но вмѣстѣ и доброту. Привыкнувъ переносить тяжкіе труды, Словины равнодушны и къ болѣзнямъ. Зобастыхъ и кретиновъ между ними нѣтъ: думая, что это принадлежность Нѣмца, они и самому зобу на горлѣ дали имя «нѣмчика» (njémčk).

Словиновъ нельзя назвать людьми простодушными: они ласковы, радушно гостепримны; однако и осторожны, недоувѣрчивы, привыкли глядѣть на жизнь съ ея черной стороны, и можетъ быть

¹⁾ По народной переписи 31 декабря 1871 г. всѣхъ Славянъ въ сѣверной Италіи (за исключеніемъ Резьянъ) было около 27,000: изъ нихъ 15,588 въ уѣздѣ св. Петра (S. Pietro degli Schiavi); остальные же въ уѣздахъ Cividale, Tarcento и Gemona. Точныхъ данныхъ о численности этихъ послѣднихъ я не въ состояніи сообщить теперь, такъ какъ у меня нѣтъ подъ рукою подходящихъ матеріаловъ; но число ихъ будетъ во всякомъ случаѣ не меньше 10,000 и не больше 12,000. Равнымъ образомъ мнѣ трудно было бы сообщить численное распредѣленіе Славянъ не св. Петровскаго уѣзда, по всѣмъ общинамъ и приходамъ; ибо только нѣкоторые изъ нихъ чисто-славянскіе, другіе же — смѣшанные, состоящіе изъ Словянъ и Фурановъ.

отъ этого кажутся злопамятными. Притомъ они горделивы, на-смѣшливы и нерѣдко буйны. Нѣтъ случая, чтобы Словинъ убилъ Словина; но убитый Фурланъ въ горахъ Словинскихъ не большая рѣдкость¹⁾. Словинъ смотритъ на Фурлана и Итальянца, какъ на существо, которому хотя и помогаетъ счастье (sgitja), но которое тѣмъ не менѣе какъ будто не вовсе человѣкъ, и убиваетъ его безъ угрызенія совѣсти, убиваетъ и не за важную обиду, всегда оставя при немъ кошелекъ и все, что при немъ было. Такая жалкая судьба постигаетъ иногда управителей, особенно если они забываютъ быть уважительными къ нравственности дѣвушекъ или къ старикамъ. И потомъ, если бы было въ убійствѣ и десять свидѣтелей или участниковъ, нѣтъ средства узнать ихъ: «Найдень трупъ», «убійца долженъ быть Словинъ», этимъ и оканчивается слѣдствіе. Словинъ даже и не донесетъ о трупѣ: онъ пройдетъ мимо, не дотронувшись до него, и никому и не намекнетъ, что видѣлъ его. Не мудрено, что находятъ уже однѣ кости. — Словинъ терпѣливъ и настойчивъ, мало промышленъ и не бережливъ, а несчастье переноситъ съ твердостью, никогда не унывая. Никакія злоупотребленія не изумляютъ его: онъ ко всякимъ привыкъ подъ Венеціанскимъ правленіемъ, и многія считаетъ въ порядкѣ вещей, впрочемъ не для себя, самъ строго храня правила старой нравственности.

Платя узаконенную подать, Словинны живутъ деревнями, боргами и хуторами, раздѣляясь на общины (comuni). (Вотъ названія нѣкоторыхъ изъ деревень: Флайпанъ (Flairano), Чижирья (Ciseris), Седила (Sedilis), Самарденкья (Samardenchia), Тернъ (Stella), Заверхъ (Zawarch, Villanova), Берегъ (Brjég, Pers), Подбердо (Podbardo, Cesariis), Теръ (Ter, Pradielis), Музецъ (Muzac, Muzi), Бердо (Bardo, Lusevera), Мякота (Mekota, Micottis), Вескурша (Wiškurša, Monteperto), Карнахта (Karnachta, Cornappo),

¹⁾ Теперь ничего подобнаго не случается. Убійства очень рѣдки, и вообще безъ отгѣика международной вражды. — Кажется, что свидѣнія сообщенныя на этотъ счетъ священникомъ Нимскимъ были, и для того времени ужасно преувеличены и обязаны своимъ происхожденіемъ слишкомъ опрометчивому обобщенію единичныхъ и очень, очень рѣдкихъ фактовъ.

Дебелиши (Debelis), Тайпано (Taipano), Брезье (Brĕzia, Monte maggiore), Платища (Platistis), Просникъ (Proznik, Prosenico), Субидъ (Subit), Малина (Malina, Fogame), Чернея (Čarneja, Černjeu), Корниче (Kârniče, Monte di Prato), Визонтъ (Wizont, Chialminis), Лугъ (Lôh, Lonch), Баргинъ (Bârhîn, Bergogna), Сѣдло (Sedlo, Sedulla), Подбѣла (Podbiella), Бурьяна (Boreana), Креда (Creda), Старое сѣдло (Staro Sedlo), Каборидъ (Kaborid, Caroretto), Лучка (Lučka, Lugian), Дрека (Dreka, Drenchia) ¹). Многія изъ этихъ названій принадлежатъ и горамъ у которыхъ деревни лежатъ).

Домики (khiše) изъ камня, бѣднѣе нежели у Резіянъ, но того же устройства. Богатъ мужикъ, если у него кромѣ кухни (khiša za 'honj) есть еще отдѣльная изба (комога, čimnata) или спальня (tjamega za spat) и чуланъ (zachljêwk, kljêt). Иной домикъ украшенъ галереей или ходомъ (rojow); а въ дворѣ всегда есть хлѣвы (chljêw za žiwino). Дворъ очень часто не отгороженъ отъ двора сосѣда ничѣмъ, кромѣ кучи навоза; настоящіе заборы (hraje) рѣдки. Въ лабиринтѣ тропинокъ, идущихъ по деревнѣ черезъ дворы, можно запутаться, — и мнѣ нерѣдко случалось просить, чтобы меня вывели на тропинку, ведущую въ то или другое село, на ту или другую гору. Дорогъ вовсе нѣтъ; улочки похожи на проходы. «Охъ ужъ эти мнѣ Штяви! живутъ какъ воры, ни входа къ нимъ ни выхода»: такъ мнѣ обрисовалъ одинъ Фурланъ бѣдныхъ Словинновъ, не зная, что и они, въ долинѣ, жили такъ же еще недавно.

Большія семейства часто живутъ не дѣлясь съ отцомъ или матерью по нѣскольку женатыхъ сыновей или замужнихъ дочерей. Работаютъ, какъ и въ Резіи, всё все безъ исключенія, лишь-бы силы достало. Такъ на одной горѣ случилось мнѣ видѣть дѣву-

¹) Лугъ, Баргинъ, Сѣдло, Подбѣла, Бурьяна, Креда, Старое Сѣдло, Каборидъ и Лучка (?), лежатъ въ Горницкой землѣ въ Австріи, и тоже по отношенію къ языку не представляютъ ничего общаго съ другими рядомъ съ ними исчисленными деревнями. — Что же касается Дреки (Drenchia), такъ это есть единственная названная въ этой записи деревня св. Петровскаго уѣзда, между тѣмъ какъ населенныхъ мѣстностей въ св. Петровскомъ уѣздѣ около ста (100).

шекъ, топорами вырубавшихъ изъ земли и камней пень дерева; онѣ же должны были сами спустить его съ горы въ низъ и дотащить до дому: дружно, весело, напѣвая пѣсни, онѣ трудились, облитыя пѣтомъ, подыались на минуту, чтобы указать намъ дорогу, и потомъ, пожелавши намъ добраго пути, опять согнулись надъ пнемъ. Въ св. Петрѣ видѣлъ я, какъ женщины сами складывали дугу свода подъ крыльцо дома, какъ добрые домострой. Не рѣдкость застать и мужичку за стряпней или за льномъ. — Не смотря на бѣдность, нищихъ очень мало, можетъ быть по тому, что по старинному обычаю самый далекий родственникъ будетъ принять какъ близкій родной въ домъ, если не имѣетъ своего. Словинъ какъ будто стыдится просить милостыню: это не то, что Фурланы, у которыхъ все отъ мала до велика радо богарадничать безъ всякой нужды.

Нивы и земледѣліе въ бѣдномъ состояніи. Пшеничка главное продовольствіе; а тамъ, гдѣ она не растетъ, сѣется рожь, просо или еще чаще одинъ овесъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе счастливыхъ мѣстахъ Словинны могутъ свои нивы пахать плугомъ (plug) и боронить бороною (heba), запрягая въ нихъ, кто лошадей или муловъ, кто и вола съ коровой. Нивы льна (lanu) обдѣлываются съ большимъ прилежаніемъ. Есть огороды (zahraje) съ зеленью, есть и садики (wàrti) близъ деревень съ каштанами, фигами, яблонями, грушами, черешнями; а виноградъ (weníka) даетъ въ иныхъ мѣстахъ хорошее вино. — Охота въ горахъ довольно прибыльна: еще не перевелись ни волки, ни лисицы, ни олени и серны. Особеннаго рода сѣтью (strjètka) ловятъ лисицъ и женщины; выступать же противъ оленя или серны онѣ не имѣютъ права, если-бы даже имѣли случай убить его безъ всякой опасности. Стада Словинновъ состоятъ большею частію изъ овецъ и козъ. Не всякое впрочемъ семейство въ силахъ имѣть ихъ. У инаго корова и молоко даетъ, и пашеть, и везетъ на рынокъ возъ. — Приготовление холста (pàrt), сукна (sukno) и полусукна (medželana) отлагается болѣе на зиму; лѣтомъ готовятъ деревянную и глиняную посуду (posoda), шьютъ платье и т. п.; осенью многіе заняты

дѣланьемъ возовъ (wozk) и горныхъ салазокъ (rásanje). Какъ ни легко смастерить эти салазки, женщины однако запрещаютъ это обычай, хоть и не запрещаютъ скатываться на нихъ съ горъ. — Иные ходятъ добывать работу на фабрикахъ; впрочемъ немногимъ это нравится. Трудолюбие Словинновъ стоитъ подражанія: случалось видѣть, какъ женщина, идучи по полю за коровой, тянущей борону, и кормить дитя, привязанное къ груди полотенцемъ, и тутъ же прядеть, заткнувши прялку за поясъ; или какъ пастухъ и наблюдаетъ за своими овцами или козами, и вяжетъ себѣ чулокъ или что-нибудь шьетъ, не забывая и пѣсни.

Пища Словинновъ не замысловата, какъ и весь бытъ ихъ. Кромѣ поленты (polenta, Волошская мамалыга) или за неимѣньемъ ея, Словинны приготавливаютъ толстыя лепешки (mjěčike) изъ овсяныхъ или гречневыхъ крупъ; особенно ихъ любятъ пастухи. Мясо жарятъ на вертелѣ (gaželj) или въ золѣ. Золяное жаркое (porjěw-čka) приготавливаютъ они очень искусно, особенно птицъ. Въмѣсто похлебки ѣдятъ какія нибудь разваренныя крупы, заправленныя масломъ и сыромъ. Горные пастухи приготавливаютъ еще особеннаго рода зеленое масло (шаз) изъ козьего молока: оно горьковато, но со ржанымъ хлѣбомъ довольно пріятно.

Одежда мужская почти таже, что и у Фурлановъ: сверхъ рубашки (zrajsa), подвязанной по шеѣ платкомъ (gubač), они носятъ на ногахъ довольно узкіе брюки (br'heše), чулки (chlače) или онучи (p'rtiče), надѣвая на нихъ сапоги (kačjanke) или башмаки (škarpe), а въ горахъ и деревянные башмаки (žlekule); на станѣ коротенькій камзолъ (kamžol) безъ рукавовъ, и куртку (džjakela) тоже безъ рукавовъ, или короткую свитку (zobón) съ рукавами, а зимою или въ непогоду плащъ (plaštj) или кожухъ (kožuš); на головѣ шляпа (klabók), или мѣховая шапка, похожая на Южнорусскую (mejchača). У пастуховъ есть еще плащъ изъ зеленой цыновки (drahelj). Усы и бороду брѣютъ, волосы стригутъ, шпы впрочемъ только съ переди, оставляя съзади очень длинныя волосы. — Женщина поверхъ рубашки (zrajsa) съ вышитыми рукавами и воротомъ (ròkawu činjenu, wratk činjenu), носятъ

черную полусуконную юбку (medželana) на помочахъ (pardinke), или юбку съ лифомъ (čimezot), съ переди на пуговкахъ, повязывающаяся бѣлымъ широкимъ поясомъ (čimosa), висящимъ съ переди; вѣны носятъ темную кофточку (jolajšk = džaketa) или бѣлую суконовую кофту (krožat), а зимою суконовый плащъ (chalja); на ногахъ чулки и башмаки (peše); на головѣ косы (kosnice) связываются съзади большою иглою (jehwa) и затыкаются подъ гребень (čegjenk), — дѣвушки привязываютъ къ косѣ ленту (kordela), а женщины носятъ особенную бѣлую повязку (pàrtja = orjèčk) или цвѣточный платокъ (fačolet), въ ушахъ серьги (rečjine), на шеѣ монисто (wéz), на пальцахъ перстни (p'rstán), на рукѣ выше кисти наручье (zlatíca).

Словинны всѣ Римско-католики и довольно религіозны. Священниковъ (plowop) считаютъ они своими господами, но довѣрія къ нимъ нѣтъ, можетъ быть потому, что они всѣ, исключая двухъ, Фурланъ ¹⁾. Иногда и священники пропадаютъ безъ вѣсти, сами на себя накликающая бѣду слишкомъ свободнымъ поведеніемъ. Въ главныхъ деревняхъ находятся приходскія, въ менѣе важныхъ филиальныя церкви; во многихъ, не говоря уже о боргахъ и хуторахъ, нѣтъ не только церквей но и часовень. Иной Словинъ полгода и болѣе не бываетъ въ церкви, моляся подорожному кресту.

Нѣкоторые старинныя обычаи соблюдаются Словинами довольно твердо, не смотря на все стараніе священниковъ и самихъ управителей мѣшать ихъ исполненію. — Самый важный народный праздникъ Словинновъ — Юрьевъ день: въ этотъ день встрѣчаютъ они весну, и молятся Богу объ урожаѣ. Передъ этимъ въ масляницу (rust) они провожаютъ зиму. За Юрьевымъ днемъ слѣдуетъ майникъ (majnik) — 1-го мая: въ этотъ день дѣвушки приходятъ въ церковь въ цвѣточныхъ вѣнкахъ, а женщины съ цвѣткомъ на головѣ. На канунѣ Иванова дня празднуется «крестъ»

¹⁾ Это могло относиться только къ Словинамъ, живущимъ въ уѣздахъ Тарчентскомъ и Джеммонскомъ; потому что въ приходы уѣздовъ св. Петровскаго и Чидадскаго всегда назначались и назначаются только священники Славянскаго происхожденія.

(krjes); особенно торжественно празднуютъ его у Мякоты, гдѣ есть прекрасное поле: на немъ раскладывается костеръ, около костра пляшутъ, взявшись за руки кружкомъ, и поютъ пѣсни; огни раскладываются и по горамъ. Передъ началомъ зимы есть еще въ горахъ праздникъ, называемый «оленицей» (jelenica), для котораго каждый юноша долженъ приготовить для себя красное знамя (kногоj). Зимой передъ новымъ годомъ (powe ljêto) бываетъ тоже крестъ съ огнемъ, но только въ далекихъ горахъ, потому что онъ строго запрещенъ.

Пѣсень народныхъ немало, но Словинны не охотно вѣрняютъ ихъ чужеземцамъ, поютъ сами про себя. Поютъ почти однѣ женщины. Напѣвы похожи на Краинскіе; впрочемъ напѣвы обрядныхъ пѣсней совершенно другаго характера, почти тѣже что и у Сербовъ. Между пѣснями должны быть и историческія, по крайней мѣрѣ мнѣ удалось слышать о пѣснѣ, въ которой воспѣваются дѣла какагото «Видемскаго воеводы», родомъ Словина. Какъ бы важно было собрать эти пѣсни: онѣ были бы единственными источникомъ для исторіи Словинновъ, и можетъ быть раскрыли бы если не причины, то по крайней мѣрѣ обстоятельства выхода Словинновъ изъ долины Фриульской, съ береговъ Тая въ горы.

Можетъ быть есть объ этомъ хоть что-нибудь и въ ихъ сказкахъ и домашнихъ преданіяхъ, особенно въ памяти горныхъ пастуховъ, но слышать такіе рассказы еще труднѣе, чѣмъ пѣсни.

Пляска Словинновъ (tã dowhi ples=kolo), извѣстная у Фурлановъ подъ именемъ «штявы» (la schiava), очень похожа на Русскій хороводъ или на Сербское «коло»: взявшись за руки кругомъ, ходятъ то въ право то въ лѣво и припѣваютъ. Есть еще пляска, въ которой мужчины ловятъ женщинъ (tã ženskilow): женщинъ должно быть въ двое меньше нежели мужчинъ, и онѣ составляютъ малый кругъ внутри большаго мужскаго; и тѣ и другіе ходятъ кругомъ въ право и въ лѣво; вдругъ женщины разрываются, и каждая старается пробиться изъ подъ рукъ мужчинъ, но не можетъ, — двѣ руки всегда готовы ее словить; когда же всѣ женщины переловлены, идутъ по трое — женщина по серединѣ, а двое мужчинъ

по бокамъ, мужчины подпрыгивая и напѣвая веселую пѣсню, женщины повѣся голову и напѣвая другую, печальную пѣсню, которая впрочемъ совершенно гармонируетъ съ веселою. Этотъ танецъ особенно пляшется на свадьбахъ.

Музыкальные инструменты: флейта (pištjalka) и «гусли» (gòslje), подъ именемъ которыхъ иногда понимаютъ скрипку, иногда родъ мандолины. Вольнка (dudy) и свирѣль (žweglica) только у пастуховъ въ горахъ. Есть и органы (brunda). Другіе обыкновенные инструменты заносятся къ Словинамъ бродячими музыкантами.

Народная наука Словиновъ оцвѣчена многими суевѣріями, какъ и всюду; тѣмъ не менѣе въ ней многое есть, на что бы должна была обратить вниманіе и ученость. Пастухи искусно угадываютъ погоду по воздушнымъ явленіямъ, изъ стариковъ и особенно старухъ есть многіе, знающіе лѣкарственную и ядную силу множества травъ и нѣкоторыхъ минераловъ; другіе умѣютъ нашептывать, магнетизировать, живить водою. Эти тайныя знанія, правда, общи всѣмъ Хорутанскимъ Словенцамъ: впрочемъ нельзя не предположить, что Словины — знаютъ все это если не лучше, то сколько нибудь иначе: ихъ знахари и знахарки (žagownik, žagownica) считаются искусными у всѣхъ сосѣдей, и не объ одномъ и одной рассказываютъ, что они могутъ сдѣлать все, чтобы ни захотѣли, и знаютъ, что дѣлается на всѣхъ четырехъ странахъ свѣта.

А между тѣмъ — грустно глядѣть на Словиновъ. Отчужденнымъ отъ своихъ одноплеменниковъ, ненавидимымъ или презираемымъ своими господами и сосѣдами — Фурланами, имъ тяжело сохранять свой обычай, свою народность; а народъ, не сохраняющій народности своей, едва ли можетъ остаться при своихъ правилахъ нравственности... Фурлянизмъ все болѣе вторгается въ Словинскія погорья, съ нимъ вмѣстѣ, какъ слѣдствіе боренія двухъ народностей; является и равнодушіе ко многому, что прежде было святымъ и возбуждало въ душѣ святое чувство.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ.

Послѣ посѣщенія Фриульскихъ Славянъ я незамедлительно сообщитъ нѣкоторые свѣдѣнія о нихъ въ письмахъ тѣмъ изъ ученыхъ, которымъ они могли быть занимательны, между прочимъ Ганкѣ и Шафарыку. Письмомъ моимъ Шафарыкъ воспользовался (какъ самъ указалъ) въ своей статьѣ о Фриульскихъ Славянахъ (Дѣнница. 1842. 109.); а Ганка напечаталъ письмо мое цѣликомъ въ *Časopisu Českého muzeum.* (XV: III: 341—345). Позволяю себѣ повторить прежде всего это письмо, а потомъ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ письма Шафарыку.

I.

Письмо къ Ганкѣ.

W Starém městě (Oviđale) 2 máje 1841.

O mých cestách po Kraině i po Korytanech potom, a nyní napjší Wám, nezapomenutelný W. W., aspoň několik řádek o wlaských Slowanech. Několik řádek gen, protože sem wčera večer nenašel pokogného kauta negen k psanj, ale ani k spanj: gá nyní pjsi w kawjrně, pokud můg průwodce zděluge se s lähwičkau wjna. Dále půgdu w Goricu i k Idrianům, a newjm geště, kde nagdu pokogný kautek k psanj. I tak několik řádek. Z Tarsisu, kam sem si zašel mimochodem ze Zilské doliny, gel sem w Bělau (Resiuta) i na půl cesty, w Pontebbe, byl sem již we Wlašch. Tu gest vše giné: giná stawba ploskokrytá, giné obličgege, mnoho černých a ohniwých očj, giné wlasy, mnoho černých i krásných, giné hostince s ohništi na podlaze, giný chléb — polenta — i bjly twrdokamenný chléb, giný gazyk — ni slowa po německu — vše po furlansku. Abych nezapomněl o furlanském gazyku: krásný, sladozwučný, bohatý gazyk; wlaským žargonem ho hřjch nazývati, protože w něm gest mnoho starých forem sbližugjčjch geg wjce se španielským i francauzským. Gestit' užjwán negen we Friaule ale i w Gorici i do samého Trsta. Nedáwno se začalo též mysliti o friaulské (furlanské) literatuře, i

přeložili giž po furlansku celau Eneidu, něco z Tassa, wydali něco básnj, několik kalendářůw, ano našli i několik zlomkůw z dáwnjch časůw. Buďto gak bud' však gá furlansky nerozumjm, i mně se tu wedlo dosti zle. W Dulji sem obědwal; zde na štěstj hospodář rosuměl německy. W odpověď na mé otázky začal mi powjdati, gak se mohu dostati w Rezianskau dolinu. «Ano co gá! tuhle gest kaplan z Rezie» prawil on, přetrhuge sám sobě a ukazuge na mladého černopunčošnjka, zapjwagjicjho wjnem polentu. Gá k němu po německu. «No capisco! Ma signore parla italiano?» To byla uloha, do té doby sem nikdy nemluwil wlasky. «Ma, wy gospóne, wy goworite po rezianski? odpověďel sem mu otáskau. «Un po»,—a šlo to lépe: mjchage wlaské s resianským (t. g. on s rezianským a gá, sám newjm s gakým slowanským nářečjm), rozuměli sme druh druhu a shodli sme se. Opauštěge zewrubnosti, powjm, še sme byli za tři hodiny w Rezii. Cesta z Bělé w Reziu gest pokógna (udělána gest teprw před třemi lety) a hostincůw w městečku Rawenci wšech tři, a geden welmi pěkný. Ostatek dne sem stráwil s kaplanem i s farářem, pociwým starcem 73 letým. Dwa dni byli mně skoro dostatečni ku poznánj netoliko wšeho hlawnjho tykagjicjho se nářečj i obyčegůw rezianských, ale i obegiti celé audolj: farář mi wyprawowal o starožitnostech (gestiř rodem z Rezie) a kaplan mne wodil po wsech i po sedlácjch. Audolj neweliké as mjli dlauhé a něco přes čtwrt široké, a obywatelů dwa tisjce sedmset šedesat sedm dušj, bydlegjt we 4 wsech: w Bělé, Niwě, Oseani i Solbici (taě po Bjilě, taě na Njiwě, taě v Oseaně, taě v Solbicě); we čtyrech městečkách: w Rawenci, w Lipowci, w Kurytise i Učeji (taě na Ravancě, taě u Lipowen, taě v Kurytisu, taě na Učeě), a kromě toho w rozličných dworech (taě Kryžecych, taě za Mlynom, taě u Kolyštji, taě u Martina na Lazu, taě u Hōzdi, taě u Lištjacě, taě na Starym mlynu, taě na Černym potocij; taě u Černym potocij; taě pod Ruštji, taě na Gospodnici. Zwlašt to gest pamětihodno o poslednjm dworu, že zde, gak powěst hlásá, žil společnj předeck rezianský, přišedšj z «Rušie» t. g. z Rusie, gak

to vykládá reverendissimus dominus Odorico Buttolo. «I patron gest gak zde tak u wás gedon swatý Giřj», připogil on, opakuge mně podanj o Rušii, když sem se chtěl zewrubněgi o něm do-wěděti. W Rawenci gest hlawnj chrám, a w každé wsi gest také kostel. Wše to obywatelstwo člowěčj nacházj se we střednjch pruzjch lože audolnjho: dole sau kamenité luhy bez ljsťka zeleno-sti, i po kamenj teče Rezia i tri potoky w ni padagjcj, a nahore gsau holé, diwé sotwa přjstupné strminy. Chudoba a nic giného, lid ostatně promyslem sobě pomáhá gak může: mužšťj chodj w Krainako i dále nádeničit, ženšťiny prodáwagj w sausedstwu práce rukau swých aneb prosj. Dmky gsau wše wlské stawby i mnobé welmi pěkný w dwoge i troge poschodj, se stukaturau, objleny, ohrazeny zdj, často wystrogeny wnitř. Uličky gsau úzky gako stezky; ano nenj proč, aby širšj byly: w celém audolj nenj ni gednoho wozu, ni gednoho koně, ni gednoho wola; chodjt pěšky, a pole gsau tak špatná i malá, že gich rukama wzděláwati třeba. Gsau zahrady, gsau i winohrady. Hlawnj potrawa obywatelům gest polenta, sýr, wegce, zelenina; wepřowé i howězj maso gest řjdkost. Oděw mužský gest německo furlanský, ženské nosj tu-mažát černý se skladdkau u kolen, podpásaný černým pásem i ba-rewný facelek aneb bjlaw pétu na hlawě: oděw prostý ale přjgem-ný, zwláště se mi ljbj péta výborně podwázaná na stranu, tak že leb polokryge a po odkryté prawé straně hlawy wisj široké konce petle, přidáwát obljčegi gakausi lehkost i smělost. Reziané gsau lid weselý a byliby geště weselegěj, kdyby gim nedotjrali, že we-selost nenj kwět tohoto swěta. Hlawnj slawnost gest «Majnik» prwnjho máge, w Rawenci u farnjho kostela, a proto bez pjsnj a tance; ale za to druhé (Wjta, Giřj, Karla i Floriàna) a wšbec wšecky neděle bez tance i pjsnj se neswětj. Rezianka gest krásnj tanec, mužšťj se stawj řadem proti ženskému řadu, řad s řadem se scházj i rozcházj, potom páry tancugj na gednom mjstě, a pak se sestawuge kolo a točj se okolo sebe wprawo i wlewo, na konec páry gdau za sebau gako w polonězu i zpjwá se pjseň; takt gest ¾. U wás w Praze gest mnoho milownjkůw a milownic rozličnjch

slowanských tancůw, ať přigman také i Rezianku w čjslo obljbenných tancůw; ona za to stogj, a wašj české polce gest přjbnuzna aspoň w taktu. Pjsně pěj rozličné ano i mnoho furlanských. Z domácjch gest neyobljbenějšj o krásné ručičce.

- 1) Da ljipa moja rokica
 Jáz si tc rudy ¹⁾ ljipila
 Kako ty si mi zabyła
 Na to dobro ke si ty 'tyl ²⁾
 Da dobry vyčjir, dobro nuť
 Zaspet se vydijť druho nuť
- 2) Bã jáz by byla vydãla .
 Da ina taka ty maš byt,
 Ja ty bou rajši te vstralyt
 A nikoj s tãbó romonyt ³⁾
 Da dobry vyčjir a t. d.

A hle gak se modlj Rezianec: «Otja naš, ky ste tã v nebe, svétó bodé vaše ime: pride kh nãn vaša krajuska, bodé zdjilana vaša sveta volontãt takoj v nébe pa tã na zãmjê; dajte nãn vsakidanji króch; odpóstitute nãn naše grjiche (doljche), kakoj my odpúštjívamo našin dužnikãn, nezapejíte nãs tã u tentacióh, ma wybrãnitate nãs od khudegha krivêgha. I tako to bodé».

Welmi litugi, že nemám při sobě Slawjna Dobrowského, mohlbych to srownati co gest tam powéděno o Rezianech, i porownati s tjm co sem sám widěl. Mûg průwodce gest Rezianec i hotow odpowéděti na každau otázku o Rezii. A hle giž gest osm hodin, a mûg Tona sedj před prázdnuu lãhwicj. Budu psãti, kam přigdem, dále, a teď na cestu. S Bohem!

W Gorici 3. máge.

W Gorici giž nenj gako we Wlašjch (t. g. w těch kde sem gã byl): geště všeccko wlaské t. g. furlanské, sám gazyk panugjcej gest furlanský; než hostince gsau po německu, i w pokoji nachãzjš

¹⁾ wždycky; ²⁾ chtěl; ³⁾ mluwiti.

stolici i stál. S Tonau sem se rozlaučil, on šel se mnau od Rezie do Gorice, a teđ šel domů neykratšj cestau přes Flič čili Uoc, gak ho domácj nazýwagj. Z Fliče se obrátil w lewo po horské stezce do hor, a přes horu Babu spustj se we swé audolj. Hory tam gsau zawaleny geště sněhem, ale stezka gest prodělana, protože Reziané obyčegně po nj chodj w Kraínu. Štátnau cestu, Tonu Bobcu, a gá se posadjm napsat wám geště několic slow o Slowinech či Štáwech, gak ge Furlané gmenugj. Z Rezie sem šel do Wencone, w Džemonu, Tračento i z Tračenta obrátil sem se w lewo w hory. Stezička šla do wrchu po potoku Teru po horách, po kameňj welmi trapliwá ač i romantická. Za dvě hodiny chodby ustaneš tak, gakobys šel celý den. My sme šli, šli i sedli, sedjme a šwástáme: tam gde horál, wede kráwu. «Laudato sei'l nome di Christol!» «Sei laudato» odpowjm gemu i ptám se: «A vy nejste truden?» Horál se zastawj, wywalil oči, ani slowa w odpowéd. «Odkod pa ste, gospone?» — «Sym brater vaš Slavin». — «Jz Rezii»; doložil Toni. «Ahá! a kam grjete?» — «W Ter». Ale nicméně našemu horálu těžko bylo k sobě přigjti, gak se podiwil, a že gá nemluwjm furlansky, nechtěl nikterakž wěřiti. Furlanismus tu panuge w takowé moci, že Slowini se i modlj, i poučugj kázanjm, i učj se we školách wšecker furlansky, čili wlsky. Za dvě hodiny přišel sem potom w Ter (po furl. Lozéwar), kde sem se nadál nalézti kaplana rozeného Slowína. Přigdu k němu, a on se podiwil neméně onoho horála, uhostil mne gak mohl, i wyprawowal o swých kraganech wše co znal i wše co zpomněl. Dále po horách šel sem na gehu radu i po gehu maršrutě. Druhého Slowina sem našel w duchownjm w Nimise, i netoliko Slowina, ale i Slowence, ze wšj duše rmutjcyho se nad tjm, že oni Slowini gsau odděleni od swých illyrských bratrj, a že se musegj wje a wjece furlančiti. Toliko tito dwa duchownj gsau zde ze Slowinůw, ostatnj wšickni gsau Furlani, a ani slowa nerozuměj slowansky. Slowinůw žigjcyh w zdegšjch horách možno počjtati neméně 19,000. Země chudá, chudi i oni. Domky gako u Rezianůw z kamene, na wzor furlanský, špatněgi a ne tak čisty. Strawa ta samá, oděw

skoro ten samý: mužštyj po furlansku, ale chudě, a ženské nosj čimezot podobný tjumažatu rezianskému, podpásaný čimózó, bjlym širokým pásem, a na hlavě fačolét čili opječó, skoro gako Čěšky. Jurjew den gest neyznamenitěgšj národnj slawnost: w ten den Slowini potkávawj garo (Wesnu) a modlj se Bohu za aurodu. Před tjm w «púst» podobným způsobem se národ weselj, prowážeze zimu. Druhé národnj slawnosti gsau gako u Rezianůw i druhých Slowan. Národnj tanec «táe douhi ples» ginač se nazýwá «kolo»; a Furlani ho gmenugj «la schjava», w způsobu ruského chorowoda: wzawše se ruce, w kruh chodj w prawo i w lewo, i zpjwaj. Podlé Mekoty gest překrásné pole, w «kres» (w kupadla, den sw. Jana křtitele) shromáždj se sem množstwj lidu, sestawuge se kolo osmdesáti pářůw, i pleše okolo ohně přizpěwuge pjseň:

P'ršou krjes, p'ršou krjes!

P'ršou krjes, kos oves.

hori drvo, hori ljes! tridlalaj laj
dalaj la da la hori ljes!

hori trava, hori vez! tridladlai
etc.

Zde máte slowinský Otčenáš
2) gak se ho modlj na gihu:

1) gak se ho modlj na seweru a

1) Otja naš ke ste na nebó-
sach. Santifikano bodi vaše ime,
pridi nan vaš reń; storina bodi
vaša wolóntád na nébe koj na zo-
mji; dajte nan sakdášuji kruch,
perdonajte naše douhe, tej ke mij
perdonáwamo našin doužnikan,
nenaájte nan spasti to u tenta-
ciôn, ma liberajte nas od slabaa.

2) Otča nač, kjer ste na ne-
besach. Posvječeno bodi tvoje
ime, pridi nan tvoje kryljestwo;
sgodi se tvoja volja na neběsu
koj na zemji: daj nan sakydajnji
krúch, odpusti nan naši duhé,
kekor mi odpuščamo našin duž-
nikan, nas nevpeljji v skušnjawo,
ma odrješi nas od slabaga.

Ljipawa (Wippach) 4 máge.

Furlaoský gazyk i właskau stawbu i zde geště slyšet a widět. Psalbych i wjce, ale ustal sem. Odpusťte že sem tak špatně psal, mnohé sem wypustil; w listu k Šafařkowi doplnjm nač se geště upamatugi. S Bohem, bud'te zdráv a pozdrawugte wšecky i nezapomjneyte na swého

II.

Изъ письма И. И. Шафарыку.

.... Со мною была къ сожалѣнью одна ландкарта Иллирин Вейланда, по которой наведены этнографическія краски съ Вашей. Касательно Фурланскаго куска Славянъ она неправильна ¹⁾... Изъ Резіуты я пошелъ на Вендоне и Джемону, а далѣе на Маньянъ и Тарченто. На лѣво отъ дороги поднимаются горы все выше и выше: въ этихъ горахъ живутъ ббльшею частію Словинны (какъ они сами себя называютъ). Въ Тарчентѣ (по Словински Трчетъ, сколько мнѣ помнится) я встрѣтился съ первымъ Словинномъ и спрашивалъ его какъ идти въ горы. Онъ былъ пьянъ и могъ мнѣ сказать мало добраго, мѣшая беспрестанно Фурланскія слова и проклятія въ свой Словинскій разговоръ. Одно только я понялъ, а хозяинъ трактира и мой проводникъ Резіанецъ подтвердили его слова: то, что на западъ отъ Трчета нѣтъ Словинновъ, а все Фурланы. Въ самомъ Трчетѣ и около его болѣе Фурлановъ. Другіе, понявши, чего я хочу, совѣтовали мнѣ идти въ Ложеваро (Сл. Теръ)... мы пошли на востокъ лѣсомъ все выше въ горы... Далѣе тропинка пошла между скалами и по скаламъ, по пологорѣ, а въ низу глубоко гремѣлъ потокъ Теръ... Въ Терѣ я нашелъ капеллана Словина, — и вотъ списокъ именъ весей, который онъ мнѣ сообщалъ какъ маршрутъ для пути (?) ²⁾... Изъ Тера по горамъ я пришелъ въ Нвмисъ, гдѣ опять нашелъ священника Словина, сказавшаго мнѣ между прочимъ, что на сѣверъ, востокъ и югъ, на югъ далеко, живутъ все Словинны такіе же какъ и у Нвмиса... Далѣе я спустился въ долину между горъ... и затѣмъ еще ниже на западъ къ Чивидале. Изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, я могъ себѣ составить такое понятіе о западной границѣ Словинской: на западъ отъ черты между Тарченто, Федисомъ и Чивидале нѣтъ Словинновъ; а на востокъ отъ нея, хотя и есть Фурланы, но мало, выше же все Словинны... Ихъ можно полагать до 19,000 ³⁾.

¹⁾ На ней отмѣчена Славянскимъ цвѣтомъ только Резіанская долина

²⁾ Онъ приведенъ выше.

³⁾ Сравни выше.

ОТЧЕТЪ О ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

И. А. Бодуэна-де-Куртене.

I.

Опытъ фонетики резьянскихъ говоровъ. 1875.

II.

Резьянскій катихизисъ, какъ приложение къ „Опыту фонетики Резьянскихъ говоровъ“, съ примѣчаніями и словаремъ.

Задача исторіи языка по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени опредѣлена. Отъ исторіи каждаго языка — ожидается: а) разъясненіе происхожденія этого языка отъ другаго, какъ первоначальнаго его обособленія, внутренняго по свойствамъ и внѣшняго по народу, которому онъ принадлежитъ; б) показанія дальнѣйшаго развитія его свойства какъ въ звучности и въ грамматическомъ строѣ, такъ и въ составѣ, особенно по его выразительности въ отношеніи къ подробностямъ быта, нравовъ и дѣятельности ума, развитія, какъ самостоятельнаго, такъ и въ слѣдствіе внѣшнихъ обстоятельствъ, между прочимъ, и вліянія другихъ языковъ; в) показанія развѣтвленій его на мѣстные нарѣчія и говоры съ объясненіемъ по возможности причинъ внутреннихъ и внѣшнихъ; г) показанія распространенія или же и паденія языка въ народѣ и въ письменности и его вліянія на другіе, языка общенароднаго, общественнаго и литературнаго и т. д. Рѣшеніе этихъ и подобныхъ вопросовъ возможно только въ слѣдствіе

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

8

разнообразных изслѣдованій и соображеній. Собственно изслѣдованія вызываются потребностью добывать и пробѣрять данныя изъ источниковъ. Неоспорима важность источниковъ, дающихъ данныя о языкѣ нѣтъ современномъ, разнаго времени послѣдовательно, начиная съ древнѣйшаго; но и для исторіи языковъ, богатыхъ такими источниками, нельзя довольствоваться такими показаніями, какъ прямо относящимися ко времени, къ которому они сами относятся. Каждый памятникъ даетъ показанія и о языкѣ времени предъидущаго; важность каждаго опредѣляется преимущественно значеніемъ показаній этого рода. Какъ бы то ни было, при исторіи только немногихъ языковъ есть такіе разновременные памятники. По Славянскому языку они есть только на нѣкоторыхъ изъ нарѣчій. Всѣ другіе, какъ и вообще большую часть языковъ, надобно исторически изучать по ихъ современному положенію, выдѣляя — путемъ сравненія со сродными нарѣчіями и языками и явленій его самого взаимно — черты, относящіяся и къ древнѣйшему времени и къ послѣдующимъ, какъ показывающія ходъ и обстоятельства обособленія. Для всякой работы по исторіи языка прежде всего и болѣе всего необходимъ подборъ данныхъ въ возможно большемъ количествѣ, чтобъ ихъ было достаточно для рѣшенія всякаго изъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію, и несомнѣнно вѣрныхъ. По исторіи Славянскаго языка и его нарѣчій и сдѣлано еще мало, и дѣателей было мало. Каждый новыи трудомъ надобно дорожить, и особенно такими трудами, которые потребовали отъ изслѣдователя разработки памятниковъ и живого говора народа и отчетливости взгляда на кругъ и содержаніе изслѣдуемой области. Не лишнимъ будетъ при этомъ замѣтить что, ограничиваясь въ наблюденіяхъ одними главными нарѣчіями, изслѣдователь едва ли можетъ не опустить многихъ замѣчательныхъ явленій жизни языка: сомнѣніе навело лучшихъ изслѣдователей на правило не опускать изъ виду никакихъ мѣстныхъ нарѣчій, какъ бы ни мало важными казались онѣ сравнительно съ главными. Необходима внимательность и умѣнье въ постановкѣ вопросовъ и выводовъ изъ наблюденныхъ данныхъ и т. д. Не говорю уже объ общей научной подготовкѣ изслѣдователя.

Изслѣдователь, которому Славянское языковеденіе обязано двумя трудами по Резіанскому говору, занялъ уже за нѣсколько лѣтъ передъ симъ видное мѣсто между труженниками филологической науки, разрабатывающими преимущественно вопросы по исторіи языка, и приобрѣлъ себѣ уваженіе за тщательность наблюденій и осторожность вы-

водовъ. Изъ числа разныхъ его трудовъ особенно замѣчательнъ трудъ «о древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія» (Лейпц. 1870): это—внимательный пересмотръ всѣхъ древнѣйшихъ Польско-латинскихъ памятниковъ съ извлеченіемъ всѣхъ данныхъ по строю и составу Польскаго языка и сводъ этихъ данныхъ, показывающій основныя черты древняго Польскаго языка не только вообще но и его мѣстныхъ видоизмѣненій. Задача состояла въ доказательномъ раскрытіи древняго строя Польскаго языка, дотолѣ неизвѣстнаго большинству изслѣдователей,—и она рѣшена на сколько было возможно полно и ясно. Приемы, употребленные изслѣдователемъ для рѣшенія имъ избранной задачи явились въ его книгѣ не въ первый разъ; но этимъ приемамъ ни для одного нарѣчія никѣмъ не сдѣлано было такого подробнаго и тщательнаго разысканія какое находимъ въ его книгѣ по древнему Польскому. Это, безспорно, одно изъ необходимѣйшихъ пособій не только для того, кто желаетъ узнать исторію Польскаго языка, но и для всякаго славяниста.

Не менѣе замѣчательнъ трудъ г. Бодуэна и по Резіанскимъ говорамъ, такъ названнымъ по имени долины *val di Resia* и ея жителей. Эта долина лежитъ въ сѣверовосточномъ углу Фриуля, въ Мужацкомъ округѣ (*distretto di Moggio*) Удинской провинціи (*provincia di Udine*). Управляемая вмѣстѣ со всѣмъ Фриулемъ и во время Австрійскаго господства совершенно отдѣльно отъ сосѣднихъ Славянскихъ странъ Австрійской имперіи, отдѣленная отъ нихъ вмѣстѣ съ другими долинами восточнаго Фриуля, населенными Славянами, не только этимъ, но и горами, ни чѣмъ особеннымъ непривлекательная, она оставалась и остается почти неизвѣстною по своей природѣ и по обычаямъ и языку жителей. Изъ славянистовъ заходили въ нее только нѣкоторые, почти всѣ случайно привлеченные ея неизвѣстностью и ни одинъ доселѣ не оставался въ ней на столько времени, чтобы можно было собрать по языку въ ней употребляемому сколько нибудь достаточный запасъ данныхъ. Въ какой степени это справедливо, видно будетъ изъ слѣдующаго обзорѣнія свѣдѣній о Резіанскихъ Славянахъ, изданныхъ до 1875 г.

До 1841 г., когда случилось пишущему эти строки быть въ Резіанской долинѣ, о Резіанахъ извѣстно было только то, что отмѣтилъ графъ *И. Потоцкій* (см. его статью въ *Vaterländische Blätter für den Oesterreich. Kaiserstaat*. 1816. 176 — 180: *Die Slaven im Thale Resia*) и *А. Пишелли*, сообщавшій свои замѣтки аб. Добровскому (см. ихъ въ сборникѣ *Slavin* — по 2-му изд. стр. 118 —

124: Ueber die Slaven im Thale Resia). Въ этихъ статьяхъ находится нѣсколько этнографическихъ извѣстій и небольшое собраніе словъ.

Весною 1841 года посѣтилъ я Резіанскую долину съ цѣлю этнографико-лингвистической, и въ короткое время моей остановки въ ней и на дальнѣйшемъ пути отъ Резіанца, бывшаго мнѣ проводникомъ, собралъ кое какія свѣдѣнія о бытѣ и языкѣ Резіанъ: онѣ сообщены были въ письмѣ къ В. В. Ганкѣ (Сар. Сес. пис. 1841: 341—344), въ статьѣ о Словенскихъ нарѣчіяхъ (Журн. мин. нар. просвѣщенія. 1841: XXXI: 11: 153) и въ статьѣ о Фриульскихъ Славянахъ (Москвитиниѣ. 1844: IX: 207 — 234). Въ томъ же 1841 году въ слѣдъ за мною посѣтилъ Резію Хорватскій поэтъ *Станко Вразъ* и собралъ нѣсколько свѣдѣній о нарѣчій: онѣ сообщены имъ въ письмѣ къ Л. Гаю (Danica Hirska. 1841: л. 29).

Позже появились одиѣ за другими статьи, представляющія — по выраженію И. А. Бодуэна — извлечения и компіляціи изъ только что названныхъ: — *I. Берманна* Das Thal Resia und die Resianer in Frioul (Jahrbücher der Literatur. B. CXXI. 1848. Anzeige-Blatt: стр. 46 — 50); его же Das Slavische Resia-Thal. (Archiv für Kunde österreich. Geschichtsquellen. 1849. B. III.: 55 — 56), *Б. Бионделли* въ Prospetto topographico-statistico delle colonie straniere d'Italia (Studi linguistici. Mil. 1857: 55—56), *Дж. Асколи* (въ Studi critici. Gorizia. 1861: 46—57). Къ этому же разряду статей принадлежит и статья *П. Шафарика* о Резіанцахъ и Фурланскихъ Славянахъ (Денница, литер. газета. 1842: 109 — 113).

Изъ самостоятельныхъ трудовъ о Резіанцахъ, исполненныхъ послѣ 1841 года до 1875 г. вышли только записки: *С. Коціанчича* и *С. Валента*. Коціанчичу принадлежатъ двѣ очень небольшія этнографическія статьи: одна о Венеціанскихъ Славянахъ въ Odgovorah na vprašanja družtva za jugoslav. povestnicu (Arkiv za povestnicu jugosl. 1854. III: 306 — 309), другая собственно о Резіанцахъ (Cvetnik, berilo za slovensko mladino A. Янежича 1867: стр. 66; Slovenisches Sprach-und Uebungsbuch für Anfänger того же А. Янежича. 1872: 237 — 238). С. Валентъ составилъ записку sul linguaggio Slavo della valle di Resia in Friuli (Giornale di Udine. 1868: № 293).

Къ этимъ источникамъ о Резіанцахъ можно прибавить еще только два оффиціальныя: во первыхъ тѣ схематизмы, которые издаются духовенствомъ о приходахъ и ихъ населеніи (которые пользуются и г. статистики), и во вторыхъ географическія карты, изъ которыхъ самая замѣчательная есть трудъ Австрій-

скаго генеральнаго штаба: Topographische Karte des Lombardisch-Venetianischen Königreiches.

Всего менѣ сдѣлано о Резіанахъ по отношенію къ ихъ нарѣчію. Все сдѣланное въ этомъ отношеніи ограничивалось вышѣскою нѣкоторыхъ особенностей выговора и нѣкоторыхъ словъ.

Такъ между прочимъ отмѣчено было, что Резіане по своему языку принадлежатъ къ тому Славянскому народу, который самъ себя называетъ Словнями, а въ наукѣ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Хорутанъ и который населяетъ южныя части Каринтіи и Штирії, всю Краину, Горницкую землю, Триестское поморье и кромѣ того небольшую часть Венгріи по границѣ Штирії. Въ ряду тѣхъ особенностей языка которыми обусловлено народное единство этихъ Славянъ вмѣстѣ съ Резіянами, замѣтны: употребленіе *j* вмѣсто старослав. *жд*, происшедшаго изъ *đ* (какъ на пр. въ словахъ *межа* — межда, *гојеніса* — рожденица и пр.), употребленіе *o* вмѣсто Старославян. *ж* (какъ на пр. въ словахъ *dob* — джбъ, *гоко* — ржжъ и пр.), употребленіе двойственнаго числа въ именахъ и глаголахъ (на пр. *два brata sta pr'šla* — два брата кста пришъла), давно забытаго дружнаго Славянами за исключеніемъ далекихъ отъ туда Сербовъ-Лужичанъ, и пр.

Отдѣленные горами отъ своихъ близкихъ соплеменниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обліженныя управленіемъ съ Итальянцами, Резіане должны были обособить свой языкъ. Любопытны для изслѣдователя такія обособленія и сами по себѣ, какъ мѣстныя видоизмѣненія языка, происходящія подъ вліяніемъ естественной измѣняемости и внѣшнихъ причинъ, и по возможности найдти въ нихъ такіе остатки старины и древности, какихъ нѣтъ въ другихъ краяхъ.

Съ такою цѣлію внести данныя по Резіанскимъ говорамъ въ исторію Словняскаго нарѣчія и въ общую исторію Славянскаго языка долженъ былъ предпринять и г. Бодуэнъ въ Резіанской долинѣ свои наблюденія, и при своей стойкости въ трудѣ и тщательности въ работѣ не могъ не достигнуть цѣли, оставшійся для этого между Резіянами значительное время. Обѣ книги его, главная и добавочная, заключаютъ въ себѣ очень богатый подборъ и сводъ наблюденій — не только по разнымъ частнымъ вопросамъ, но и по болѣе общимъ, важнымъ для исторіи языка.

Въ одной изъ этихъ книгъ, въ главной, находится подробный разборъ всѣхъ свойствъ Резіанскихъ говоровъ съ фонетической точки зрѣнія во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, на основаніи

обширнаго запаса личныхъ наблюдений изслѣдователя. Въ другой, дополнительной книгѣ изданъ единственный письменный памятникъ Резіанскаго нарѣчія по очень рѣдкой рукописи, в изданъ какъ только можно желать—вѣрно по подлиннику, съ приложеніемъ описанія рукописи, грамматическихъ примѣчаній, служащихъ дополненіемъ тому, что отмѣчено въ первой книгѣ, и отчетливаго словаря. Разсматривая эту вторую книгу какъ дополнительную, считаю долгомъ остановиться преимущественно на первой, какъ дающей главный и очень значительный и тщательно обработанный матеріалъ для одной изъ очень любопытныхъ и менѣе другихъ извѣстныхъ частей исторіи Славянскаго языка.

Пользуясь данными, помѣщенными въ этой книгѣ, можно сдѣлать полную характеристику Резіанскихъ говоровъ.

По количеству звуковъ эти говоры принадлежатъ къ числу богатыхъ. Вслушиваясь въ произношеніе слоговъ въ отношеніи къ собственнымъ звукамъ, т. е. къ тѣмъ ихъ долямъ, которыя въ написаніи называются согласными буквами, замѣчаемъ, что нѣкоторые звуки произносятся различно: такъ по звучности своей выдѣляются какъ отличныя не только *g* и *h*, но и *w* и *v*, *š* (: ч) и *h* (ч*), *č* (дж) и *h* (дж*); кромѣ того многіе другіе звуки въ определенныхъ случаяхъ произносятся то болѣе твердо, то замѣтно смягчаясь. Смягчаются губныя: *p*, *b*, *v*, носовыя *m*, *n*, язычныя *g*, *l*, свистящее *š*, гортанное *k* — передъ *i*, передъ *u* и передъ *j*: *p*ise, *p*iga (перья), *p*isak, *p*jan, *b*ili, *b*iži, *b*juvat, *v*idet, *v*iže, *d*vī, *v*jat (бросать), *m*isac, *sa sm*iže (смѣется), *m*iša (обѣдня), *n*iwa, *mañi* (менѣе), *ogèn* = *ohòn*, *r*ūdce (постоянно), *l*ip, *l*is (лѣсъ, дрова), *š*trak (кукуруза), *beš*ida, *š*uhö (сухо), *sik*iğa, *k*iro (которую), *k*jáč (молоть).

Изъ согласныхъ немягкихъ по выговору замѣчательно еще и *h*, употребляемое кое-гдѣ вмѣсто *g*, а кое-гдѣ вмѣсто обще-Славянскаго *x*, который собственнымъ своимъ звукомъ нигдѣ въ Резіи не слышится.

Кромѣ означенныхъ мягкихъ согласныхъ еще особенно замѣчательны: *h* (чь), *h* (дж) и *j*. Звукъ *h* (чь) есть мягкое *h*—*š* (щ): *sv*iha: свѣща, *m*öhan: мощьнъ, *sih*: сѣщи, косить. Звукъ *h* (дж) есть мягкое *d*—*žd* (жд), *h*at: дѣти (положить), *o*hät: отгдѣти (отворить). Звукъ *j*, кромѣ общаго Славянскаго употребленія, еще слышится, какъ и вообще въ Словинскихъ нарѣчіяхъ, вмѣсто *dj* = *žd*: (жд), *pa*réjat: нарядати, *m*láj: младъ (новолуніе), *ra*jše: радьше (скорѣе), и кромѣ того вмѣсто мягкаго *l*: *ka*j: краль, *pa*ndjak: понедѣлькъ, *ju*de: люди. Собственно твердыхъ согласныхъ нѣтъ, а есть средніе, выговари-

ваемые сжато, какъ и во многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчiяхъ. Наиболѣе выдающійся твердый звукъ *л*ъ тоже сдѣлался среднимъ, замѣняясь тѣмъ *л*, который Велико-Руссамъ и Полякамъ извѣстенъ только изъ иностранныхъ языковъ, но кое-гдѣ напоминаетъ о своемъ прежнемъ произношенiи своимъ превращенiемъ въ неопредѣленное дыханiе сопровождаемое гласнымъ *о* или *u*: *dołg* и *duh*: длѣгъ, *tólsto* и *tústo*: тлѣсто, *súnce*: слѣнце, *bral* и *brau*: бралъ, *dal* и *dau*: даль.

Въ соотвѣтствiи съ особеннымъ разнообразiемъ согласныхъ звуковъ разнообразны и гласные растворы: кромѣ общихъ всюду *a, o, u, e, i* (*a, o, u, e, э, и*), только сжато произносимыхъ, есть и еще особенные сжатые: *ö* и *oe* (первое въ родѣ французскаго *eu*, второе болѣе похоже на *e*), *ü* (въ родѣ французскаго *u*, нѣмецкаго *ü*), *y* (въ родѣ малорусскаго *ы*, только еще болѣе сжатаго) и наконецъ тотъ неопредѣленный растворъ, который въ древней Славянской азбукѣ обозначался знакомъ *з*, но сжатый. Только два послѣднiе раствора *y* = *ы* и *з*, который въ Латинскомъ правописанiи по неволѣ надобно выражать какимъ-нибудь условнымъ знакомъ, на пр. знакомъ апострофа (*'*), употребляются, хотя и очень непослѣдовательно (въ обще-Славянскомъ смыслѣ) тамъ, гдѣ ихъ можетъ ожидать Славянiнъ неутратившiй ихъ древняго употребленiя. Такъ *y* слышится въ словахъ: *mú* = мы, *vú* = вы, *sún* = сынъ, *zúbat*: зыбати (качать дитя), *súgöwö*: сырово (сыро), *vútöe*: вѣма и др., хотя тоже *y* слышится и въ словахъ: *búly* = били, *lúra* = липа, *slúwa* = слива, *lysúca* = лисца, *bulúca* = бѣлица (бѣлая сосна), *wýsalica* = висѣлица и др., а *i* въ словахъ: *múšica*: мышца, *kobila*: кобыла, *sit* = сытъ и пр.

Глухое *з* слышится кое-гдѣ въ нѣкоторыхъ словахъ съ согласнымъ *p* передъ нимъ, какъ *b'ido*: брьдо, *č'gnišica*: чрънишца (черника), *d'gzi*: дръжить, *sm'rdý*: смръдить, *h'rmý*: гръмить, *se p'ed-d'glo*: са прѣдрьло, *ör'rtö*: отъпрьто, *ta na w'rsöe*: на врсѣ, и др., а также въ словахъ: *prtakne*: притькнеть, *pršal*: пршль. Что касается трехъ другихъ сжатыхъ растворовъ *ö, œ, ü*, то они суть явленiе новое, видное не во всѣхъ Словянскихъ говорахъ: *ö* употребляется вмѣсто *o*, *œ* вмѣсто *e* и *ě*, *ü* вмѣсто *u* большею частiю въ опредѣленныхъ случаяхъ, какъ на пр. въ словахъ: *bölan*: больнъ, *döbry*: добръ, *hgömy*: хромьи, *köpörje*: конопля, *joèzoerö*: кзеро, *joèsoen*: ксень, *vöesoely*: весельи, *doèsat*: десять, *coèsta*: пѣста (дорога), *döelat*: дѣлати, *hloèb*: хлѣбъ, *moèra*: мѣра, *stroèha*: стрѣха, *voèvoeric*: веверица, *mroèža*: мрѣжа, *düh*: дѣхъ, *trüdan*: трѣднъ (утомленъ), *küsišhe*: косице (косовище) и пр.

Составъ звуковъ, употребляемыхъ въ Резіанскихъ говорахъ самъ по себѣ уже даетъ знать о значительныхъ отклоненіяхъ этихъ говоровъ отъ общихъ требованій Славянскаго языка въ отношеніи къ звучности. Сравненіе ихъ съ древнимъ Старославянскимъ указываетъ на объемъ и содержаніе этихъ отклоненій многими любопытными данными.

Изъ гласныхъ общее Славянское *a* болѣе многихъ другихъ удержалось на своихъ мѣстахъ, но и то съ исключеніемъ, каковы, на пр. *zdrǫu* вмѣстѣ съ *zdrǫu* (здравъ), *prǫu* вмѣстѣ съ *prǫu* (правъ), *zdolaća* вмѣстѣ съ *daleko*, *sto bila* вмѣстѣ съ *sta bila*; *dwǫjsti* вмѣстѣ съ *dwǫjsti*; *mě*, *mete* вмѣстѣ съ *ma*, *mate* (имѣеть, имѣете), *mela* и *malá* (малая), *mest* и *mast* (масть, масло), *sem* и *som* (самъ), *neše* и *naša*, *brenilo* и *branilo*, *sprehe* и *srahe*: спаннѣ, *mledi* и *mlade* (младѣи).

Гласное *e*, сохраняясь иногда въ нѣкоторыхъ говорахъ, обыкновенно замѣняется посредствомъ *æ* или *i* или же *a* и *ej*: *roèroel* = *roèroeu* (пепелъ), *voèsoely*, *jesoep*, *døsat*, *zøloèen*, *lfd* (ледъ), *žinit* (женить), *rčínica* (пшеница), *wčíga* = *wčega*, — *vačérja* (вечеря), *tata* (тета, тетка), *zastrà* (сестра), *žanà* (жена), *jaščarica* (ящерица), *platanac* (плетенецъ, корзина плетеная), *šéjst* (шесть) и пр.

Гласное *i* удержалось почти всюду, гдѣ его можно ожидать — за исключеніемъ того, что согласный звукъ объ него опирающийся, нерѣдко произносится твердо, почему и само *i* походить на *y* (*y*): *zŷma* (зима), *rŷøe* = *rŷe* (пишетъ), *prŷdoe* = *pride* (придетъ), *hŷŷ* = *hŷi* (дочь), *trŷ* = *trŷ*, *bŷjoe* (бьетъ), *bŷly* (близи), *lŷra* = *lira*, *sŷwa* = *sliva*, *ubŷla* (убила), *dølyna* = *dulŷna* (должна). Кромѣ того есть случаи когда вмѣсто *i* произносится *e*: *nèt* = *nít* (нить), *bèt* = *bit* (бить), *lèt* = *lit* (лить), *pèt* = *pit* (пить), *velèk* = *vilèk* = *vilik* (великъ) и пр.

Къ стати здѣсь же отмѣтить, что и то *y*, которое могло бы быть ожидаемо всюду тамъ, гдѣ по обще-Славянскому требованію стоитъ *ы*, нерѣдко замѣняется посредствомъ *i*: *sa diši* (дышется: пахнетъ), *kri* (кры = кровь), *tí* = *tŷ*, *ví* = *vŷ*, *sín* = *syn*, *mišica* (мышца, мышка), *sa skrŷla* (скрылася), *kobŷla* (кобыла) и пр.

Гласное *o* только въ немногихъ случаяхъ осталось при своемъ древнемъ обще-Славянскомъ произношеніи: оно перемѣнилось или въ *ø* или въ *u* или въ *ŷ*: *dnø* (дно), *bølan* (болень), *drøbnø* (дробно, мелко), *røzdø* (поздно), *øbadwá* (оба), *øbidvi* (обѣ), *døbry* (добрый, хорошій), *øblak* (облако, туча), *røtøk* (потокъ), *visøk* (высокъ), *køpørje* (конопля), и пр.; *stu* (сто), *búk* = *bùh* (богъ), *dùm* (домъ), *mùst*

(мостъ), nûs (нось), zwûn (звонъ, колоколъ), и пр.;—kôkus (кокошь, курица), kôkûšy (кокоши, курицы, множ.), hösput = göspot (господинъ), hösprüdy (господа), püslüšala (послышала, услышала). Есть еще случаи произношенія *a* вмѣсто *o*: damou (домови).

Гласное *u*, сохранилось на своемъ мѣстѣ сравнительно въ немногихъ случаяхъ и то болѣе въ нѣкоторыхъ говорахъ; а въ большинства случаевъ передѣлалось или въ *ü* или же въ *ô*: trüdan (трудень, утомленъ), trüdna, püsti (пустой), sühi (сухой), klübük (клобукъ, шляпа), lüč (лучь: свѣча), düh (духъ), — çòt = çût (чуть, слышать), kròh = krùh (крухъ: хлѣбъ), kožòf = kužùh (кожухъ: шуба), ubòt = ubùt (обуть) и пр.

Гласное *ъ* передѣлалось или въ *oe* или въ *i*: doèd (дѣдъ), doèlat (дѣлать) loètö (лѣто), sòемое (сѣмя), broèza (береза), broèтое (бремя), mroèža (мережа); öboèd (обѣдъ), çlövòek, köloènö (колѣно), žoeloèzö (желѣзо), çil (цѣль), lis (лѣсъ), bìli (бѣль), lîr (лѣпъ, крапивь), grîh = hrîh (грѣхъ).

Гласное *ä* выговаривается очень часто какъ *e*, иногда какъ *i* или же какъ *a*: pèt (пять), spèt (опять), wzèt (взять), svèt (святъ), plèsat (плясать), glèdat (глядѣть), prèslica (пряслица), sèžen (сажень), misu (мясо), mîhko (мягко), míta (мята), vâh (вяще, болѣе) = vèh = vîh, zat (зять), žât (жать), spràst (спрясть), jazik (языкъ), mísac (мѣсяць), doèsat (десять), natahúwat (натягивать), и пр. Очень рѣдко за гласной слѣдуетъ еще *n*, какъ въ словѣ vînci = ващій, больший.

Гласное *ж* въ большинства случаевъ выговаривается какъ *o*: dôb (дѣбъ), kôs (кѣсъ), pôt (пѣтъ), hóba (гѣба, грибъ), storâ (стѣпа), и пр. Есть однако случаи, когда вмѣсто *o* слышится *u*: kuha (кѣща), muž (мѣжь), mučnik (мѣчъникъ: мучная похлебка) и пр., а иногда и *ö*: ömòžen (омѣженъ: женатъ), ömòžoena (омѣжена: за мужемъ).

Краткія гласныя *ъ* и *ь*, исчезнувъ во многихъ случаяхъ такъ же какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, во многихъ другихъ выговариваются какъ *a*, *e*, *i*, *o*, *u*: dàska = dèska = dîska (дѣска: доска), ràž = rèž = rož (рожь), ràs = rès = ris (пестъ), vàs = vès (весь, деревня), ovàs (овесь), konàc (конецъ), ovàn = ovèn (овень, баранъ), dàn = dèn = dîn = dòn (день), tînkî (тонкій), šâl = šèl = šil = šòu (шелъ), kotèl = kotil = kotòu (котелъ), mahlà (мгла), taknòt (тѣкнуть), tèžak (тяжкъ), doèlavac (дѣлавць: работникъ), bôlan, láčan (лачънь, ачънь, голоденъ), hàrlo = horlo (грѣло: уста), zahàrlit (загрѣлти: прикрыть), tórh = térg (трѣгъ: городъ), pòrst = pèrst (прѣсть), sârce = sérce (сердце), čârni = čèrni = čirni (черный), wàrh = wòrh = wùrh (врѣхъ), dólga = dòlha = dúha (долгая), tu pulkó (скользко),

mišat (молчать), dūre (двери) и пр. Очень рѣдко при *r* удержался древнѣйшій выговоръ: bŕdo=baŕdo=beŕdo (брьдо: холмъ, гора), d'gŕi=darŕi (держать), sm'rdŭ=smardŭ (смердитъ), h'gmŭ=haŕgmŭ=gegmŭ (гремитъ), se prėdrlo (передралось, лопнуло).

Нерѣдки случаи исчезновенія гласныхъ.

Согласныя, вообще говоря, болѣе гласныхъ сохранились на своихъ мѣстахъ и въ своемъ древнемъ видѣ. Замѣчательныя отклоненія отъ древности въ этомъ отношеніи суть:

— древнее *v* выговаривается различно: какъ *v* (voèdet, člivoèk, poevòesta — невѣстка и пр.), какъ *w* (wòda, za wozèt — ѣхать, pawala — обычай, kŕowa — корова и пр.), какъ *u* въ концѣ слога (brau — животное, ср. бравъ = боровъ, sŕou — сырой, ròuno — ровно, гладко, гошпѹпа), а иногда и въ особ. случаяхъ (čŕiuje = чрѣвикъ, салогн, zubù = зубовъ, kotlù = котловъ, čaŕu = чрвь и т. п.); кромѣ того кое-когда какъ *b* передъ *d*, *z*, *ž*, *l*, *n* (za bdogi — ударится, za bdáŕila — ударилась, tù b dúle — въ долѣ, въ долигѣ, nút ub dwár, vzaòe — возьметъ, bzet — взять, bzel — взялъ, tù b loncè — въ лонцѣ: въ горшкѣ, tu b lŭstje — въ листѣ, tu b nohè — въ ночь), или какъ *p* передъ *t*, *h*, *c*, *č*, *s* (tà p te vír — въ тотъ колодезь, tù p tédne — въ тѣднь: въ недѣлю, tù p hánibi — въ комнатѣ, tá up sírkou — въ церковь, ôrsa — овца, ta up čérni wùrh — въ черный верхъ, pšera — вчера, pstát — встать, psoc — все, peè — всѣ), или какъ *f* передъ *s* (uf sŕido — въ среду, tò u fsaŕin loètoe) или же какъ *m* передъ *n* (imnà — овна, барана, gamno — ровно, точно).

— древнее *g* (*g*), сохраняясь въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ другихъ перешло въ легкое *h* (gõra = hòra, gòsto = hòsto, jagudica = jáhudica = áhudica — ягодица: земляника, nõga = nõha),

— древнее *ž* въ разныхъ формахъ глагола *можи-мож* и въ частицѣ *же* измѣняется въ *g* (mògoe — можетъ, mògamò — можемъ, morit = morèt — мочь, и пр., dàr du — даже, до),

— древнее *l*, вообще потерявъ твердость, нерѣдко въ нѣкоторыхъ говорахъ переходитъ въ *u* (brau = bral — бралъ, обирагъ, dau = dal — далъ, moeu = moel — имѣлъ и пр.) или же въ *j*: mǎji = mali = mèli — малый, mǎja = mala = mēja — малая и пр.). Мягкое *l* и само по себѣ и въ соединеніи съ губнымъ переходитъ постоянно въ *j*: jùde — люди, kraj — край, krajica — кралица, rǔjoe — поле, kašej — кашель, kǎrje — каплетъ, bjuwát — блевать, šhǎwja — щавель,

— древнее *m*, неопираясь на гласную, кромѣ коренныхъ окончаній слова, (какъ *dīm* = *dēm* — дымъ, *dūm* — домъ, родина, *sām* = *vēm* — самъ, *ūm* — гнѣвъ и пр.), переходитъ въ *n*: (*z bōhon* — съ богомъ, *tī dōbrin žanān* — тѣмъ добрымъ женамъ, на *mālen* — на маломъ, *maŋ* = *mēn* = *moŋ* — нмамъ: нмѣю, *jīn* — ѣмъ, *oedoēhoen* — ѣдѣхомъ, я ѣлъ, *voēdan* — семь, *ōvan* — восемь, *tan* — тамъ, *kan* = *kēn* — куда).

— древнее *χ* перешло въ такое же *h*, какимъ замѣнилось *g*, или же и совсѣмъ исчезло (*huŋa* = *hiŋa* — хнжа, *mūha* — муха, *grah* — городъ).

Данныя объ особенностяхъ Резіанскихъ говоровъ, извлеченныя мною изъ книги г. Бодуэна, по вопросамъ, мною придуманнымъ, даютъ знать только о нѣкоторой части огромнаго запаса свѣдѣній, въ ней собранныхъ, и выводовъ, къ которымъ она приводитъ. Не могъ я воспользоваться ни множествомъ подробностей о Резіанскихъ говорахъ, ни ихъ сравненіями со свойствами другихъ нарѣчій, ни тѣмъ менѣе словарнымъ запасомъ, очень обширнымъ и любопытнымъ во многихъ отношеніяхъ. Не могъ я воспользоваться и разнообразными соображеніями г. Бодуэна, которыя придаютъ его книгѣ особенное самостоятельное значеніе и упрочиваютъ за нимъ уваженіе въ кругу языковѣдѣвателей.

Чтобы хоть сколько нибудь ознакомить не близко знакомыхъ съ книгою г. Бодуэна, остановлюсь на нѣкоторыхъ указаніяхъ, объясняющихъ приемы изслѣдователя и выводы имъ достигнутые.

Книга г. Бодуэна раздѣлена на три части: 1) описаніе звуковъ; 2) этимологическія отношенія звуковъ; 3) общія замѣчанія и выводы. Первая часть въ сокращенномъ видѣ передана выше; изъ второй взято выше очень немногое и то въ иномъ видѣ; изъ третьей ничего. Я долженъ слѣдовательно остановиться на двухъ послѣднихъ частяхъ.

Разсмотрѣніе этимологическихъ отношеній звуковъ въ Резіанскихъ говорахъ представляетъ въ себѣ подробности: 1) о согласныхъ, ихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, о замѣнахъ, сочетаніяхъ и случаяхъ ихъ исчезновенія; 2) о гласныхъ, ихъ видоизмѣненіяхъ и замѣнахъ, удареніяхъ, продленіяхъ и сокращеніяхъ, сочетаніяхъ; 3) о взаимныхъ отношеніяхъ между гласными и согласными и явленіяхъ съ ними сродныхъ; 4) о разныхъ обстоятельствахъ смѣшенія звуковъ. Все это разсмотрѣніе подчинено слѣдующимъ правиламъ: 1) необходимо внимательно вслушиваться въ

народное произношеніе и вѣрно его изображать знаками; 2) необходимо слѣдить за каждымъ явленіемъ сколько можно подробнѣе, чтобы не только не смѣшать его съ какимъ нибудь другимъ, но и опредѣлять его признаки; 3) необходимо слѣдить за всякими отличіями говоромъ одного отъ другого; 4) необходимо уяснить себѣ и другимъ все что можно посредствомъ сравненій съ древнимъ Славянскимъ церковнымъ, и съ живыми Югославянскими нарѣчіями. Нелишнимъ считаю представить нѣсколько объясненій по каждому изъ этихъ правилъ. Передавая знаками народное произношеніе, изслѣдователь ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ себѣ подчинять написаніе какимъ бы то ни было требованіямъ или ожиданіямъ этимологій, и потому пишетъ *dör*—дѣръ, *mras*—мразъ, *mûš*—мѣшь, *brik*—брѣкъ, *mlat*—младъ и пр. Употребляя Латинскую азбуку, онъ пользуется ею такъ-же какъ западные Славяне въ такъ называемомъ аналогическомъ правописаніи, ставя надъ буквами знаки, точно отличающіе каждое ея произношеніе (надъ согласными знакъ [˘] для выраженія мягкаго выговора, знакъ [˘] для выраженія шепеляваго выговора, въ *ž* для *ж*, въ *š* для *ш* и въ *ř* для *р*, надъ гласными знакъ [˘] для выраженія тонкаго средняго выговора въ *ö* и въ *ü*, какъ въ Нѣмецкомъ правописаніи, знакъ [˘] для краткаго ударенія, знакъ [˘] для долгаго ударенія, знакъ [˘] для ударенія безразличнаго). Въ Латинскую азбуку онъ внесъ только два знака ей чуждыхъ, принятыхъ въ Сербскомъ кирилловскомъ правописаніи: *ǐ* для выраженія мягкаго *ѣ* и *ǒ* для выраженія мягкаго *ѣ* = *ѣ*. — Употребивъ эти средства для выраженія всѣхъ отгѣнковъ звучности Резіанскихъ говоромъ, изслѣдователь воспользовался ими съ полною внимательностью для уясненія случаевъ и условій употребленія каждаго звука и сочетанія звуковъ. Такъ, разсматривая согласныя, онъ разсмотрѣлъ обстоятельно кругъ употребленія каждой въ первичномъ неизмѣненномъ видѣ и въ ея видоизмѣненіяхъ тамъ, гдѣ она находится и сама по себѣ и въ сочетаніяхъ съ другими, какъ давнихъ, первичныхъ и вторичныхъ, явившихся при образованіи словъ, такъ и при случайныхъ соединеніяхъ словъ, не опустивъ изъ виду и многообразныхъ случаевъ исчезновенія согласныхъ. При разсмотрѣніи гласныхъ, обративъ вниманіе на такія же обстоятельства ихъ положеній въ средѣ звуковъ, изслѣдователь постоянно имѣлъ въ виду обозначеніе силы каждаго слога, выражающей простымъ ли напряженіемъ произношенія гласной или ея продленіемъ. Эта часть изслѣдованія потребовала отъ изслѣдователя особенной осмотрительности и провѣдательности, особеннаго старанія въ под-

борѣ данныхъ и въ правильномъ ихъ расположеніи. Нельзя при этомъ не отмѣтить общаго приѣма, который онъ прилагалъ постоянно къ дѣлу. Система условій употребленія разнаго рода удареній, наиболѣе годная для сравненія съ такими же явленіями въ Резіанскихъ говорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе разработанная, есть Сербо-Хорватская. Имѣя постоянно въ виду эти условія, онъ постоянно примѣнялъ ихъ къ явленіямъ имъ наблюдаемыхъ говоровъ, видимо искалъ данныхъ для сравненія, прискивалъ ихъ сколько можно болѣе, и только уже послѣ этой кропотливой работы, сводилъ сравненія свои къ выводамъ. Работа во всѣхъ отношеніяхъ превосходная, важная не только въ отношеніи къ разсматриваемому предмету, но и вообще какъ образцовая, поднимающая уровень требованій для всѣхъ однородныхъ изслѣдованій.

Всюду отмѣчая условными знаками изъ какого говора заимствованы какія данныя, изслѣдователь не преминулъ и свести къ общимъ выводамъ свои наблюденія объ отличіяхъ говоровъ и раздѣлил ихъ на три особенныя «группы», какъ онъ выразился: 1) говоръ Бѣльскій, 2) говоры Нивскій, Столбицкій и Раванцскій, 3) говоры Осойскій и Учейскій, опредѣлил особенныя черты каждой и употребилъ ихъ какъ доказательства своему домыслу о разноплеменности Резіанъ. Отмѣчая разноплеменность трехъ частей Резіанскаго народа, соотвѣтствующихъ тремъ «группамъ» говоровъ, изслѣдователь выразилъ догадку, что каждая изъ этихъ частей народа пришла въ Резіанскую долину не только изъ особенной мѣстности, но и въ особое время, т. е. совершенно отдѣльно, и что отличія между ними въ началѣ ихъ совмѣстнаго переселенія были даже рѣзче, чѣмъ онѣ представляются теперь, когда и сожителство въ одной мѣстности, и постоянныя связи, и подчиненіе одинакимъ условіямъ, вліянія иноплеменниковъ должны были наконецъ сблизить ихъ въ одинъ народецъ.

Ведя къ этимъ выводамъ себя и читателя, изслѣдователь не могъ не обращать вниманія на другія Славянскія нарѣчія и особенно на древнее Славянское церковное, на Сербо-Хорватское и на Словинское; сравнивалъ ихъ не только съ Резіанскими говорами, но и между собою; и этимъ путемъ успѣлъ объяснить нѣкоторыя темныя мѣста ихъ сходства и отличія.

Этимъ путемъ онъ пришелъ и къ нѣкоторымъ любопытнымъ общимъ домысламъ изъ круга лингвистическихъ изслѣдованій, высказанныхъ имъ въ видѣ положеній. Для примѣра беру одно изъ этихъ положеній:

«При разборѣ взаимныхъ отношеній между родственными языками, т. е. при ихъ генетической классификаціи, почти совершенно упускались до сихъ поръ изъ виду слѣдующія, по моему, очень важныя обстоятельства:

1) Возможность діалектическихъ скрещеній во время переселенія народовъ. Такъ на пр. родственныя группы говоровъ А, В, С, D... могли состоять когда то, А изъ говоровъ а, а', а'' а'''..., В изъ b, b', b''..., С изъ с, с', с''... и т. д.; но за тѣмъ, въ слѣдствіе исторической необходимости, носители этихъ говоровъ, т. е. говорящіи на нихъ племена, должны были перемѣнить свое мѣстопробываніе, при чемъ произошло отчужденіе прежнихъ ближайшихъ родственниковъ, такъ что на пр. части а и а'' группы А (или хотя бы даже только части этихъ частей) могли быть отторжены отъ прочихъ частей (а', а'''...) той же группы и поставлены въ ближайшую географическую связь на пр., съ частями b' и b'' группы В, которая опять таки не осталась цѣльною, но должна была распасться, на пр. на три группы (b, — b' и b'', — b'' и b'''...). Такимъ образомъ, пришедшіе въ взаимное соприкосновеніе говоры а и а'' съ одной стороны и b' и b'' съ другой развивались съ тѣхъ поръ сообща, подвергаясь тождественнымъ или почти тождественнымъ измѣненіямъ, тогда какъ ихъ прежніе ближайшіе родственники, съ одной стороны а' и а''', а съ другой b и b'''..., находясь въ совершенно другихъ условіяхъ и соприкасаясь съ другими говорами, должны были совершать тоже и различное внутреннее развитіе.

2) Необходимое взаимное вліяніе географически сближенныхъ, хотя бы даже различныхъ по происхожденію, языковъ, придающее всѣмъ имъ одинъ общій отпечатокъ, при чемъ однакоже каждый изъ нихъ сохраняетъ свои индивидуальныя, отъ прежнихъ временъ унаслѣдованныя особенности, конечно, только до тѣхъ поръ, пока наконецъ не произойдетъ полное смѣшеніе въ пользу сильнѣйшаго изъ нихъ.

3) Возможность вліянія иноплеменныхъ языковъ и нарѣчій, переставшихъ существовать и поглощенныхъ даннымъ языкомъ, но все-таки завѣщавшихъ ему нѣкоторыя части своего достоянія, или другими словами, возможность отраженія погибшихъ языковъ не только въ запасѣ словъ, но тоже и въ нѣкоторыхъ фонетическихъ и вообще грамматическихъ особенностяхъ нынѣ существующихъ нарѣчій и говоровъ».

Ко всему сказанному выше считаю долгомъ прибавить, что — сколько мнѣ извѣстно—до сихъ поръ ни по одному изъ мѣстныхъ нарѣчій не сдѣлано того, что сдѣлано г. Бодуэномъ по Резіанскимъ говорамъ, и что—опять повторю: сколько знаю—нигдѣ еще не указана такъ доказательно важность научныхъ изслѣдованій мѣстныхъ нарѣчій.

Считая трудъ г. Бодуэна по Резіанскимъ нарѣчіямъ очень замѣчательнымъ вкладомъ въ лингвистическую литературу, осмѣливаюсь думать, что изслѣдователь, обогатившій ее этимъ трудомъ, вполне достоинъ Уваровской награды.

III.

Резія и Резьяно.

(Слав. Сборникъ 1876 г., стр. 223—371).

Новый трудъ И. А. Бодуена-де-Куртене, вызывая къ предмету его тщательныхъ лингвистическихъ изслѣдованій вниманіе всѣхъ образованныхъ читателей, вноситъ не маловажный вкладъ и въ Славянскую часть народознавія Европы.

Обозначивъ положеніе Резіи между окрестностями, отмѣтивъ между прочимъ и нѣкоторыя данныя, по которымъ можно догадываться, что Славяне прежде населяли и такія мѣстности, гдѣ ихъ теперь вовсе нѣтъ, пѣслѣдователь - описатель остановился на Резіи и сообщилъ подробности о ней и долинахъ собственно Резіанской и Учейской (Волчьской, Волчьей), возвышенностяхъ ихъ окружающихъ и на водостокахъ, питающихъ рѣчку Резію. При этомъ онъ не напрасно счелъ нужнымъ отмѣтить слѣдующее: По горамъ, принадлежащимъ Резіи, всюду, гдѣ только простирается болѣе или менѣе обширная равнина, покрытая травомъ и вообще зеленью, взбирается Резіанинъ и превращаетъ этотъ скудный подарокъ природы-мачихи въ луга и пастбища. Эти горныя пастбища называются *полонинами* (plapina; plapupa, множ.: plapine, plapupe). На полонинахъ построены хижины, въ которыхъ лѣтомъ живутъ пастухи и пастушки до тѣхъ поръ, пока холодъ и желтѣющая трава не заставляютъ ихъ возвращаться въ долину вмѣстѣ со своимъ скотомъ.... Въ слѣдствіе постоянного увеличенія населенія, нѣкоторые изъ жителей деревень выселились и построили постоянныя жилища тамъ, гдѣ прежде были только полонны или даже просто лѣса. Не напрасно это отмѣчено, потому что «нѣкоторые ученые путешественники приняли иныя изъ полоннъ за деревни» хотя въ нихъ и нѣтъ постоянныхъ жителей.

Въ слѣдъ за физико-топографическимъ обзорѣніемъ дано мѣсто обзорѣнію населенныхъ мѣстностей. Изъ Фурианской деревни Резьюты въ долину Резіанскую проведена шоссеиная дорога, «начиная съ того мѣста, гдѣ узкій проходъ въ Резіанскую долину принимаетъ уже полуворонкообразную форму, у подножья полонины Руци, появляются въ нѣсколькихъ мѣстахъ или отдѣльныя хаты или же и по нѣскольку хатъ вмѣстѣ... Идя все по той же шоссеиной дорогѣ, мы входимъ, наконецъ, въ первую Резіанскую деревню—Бѣлую или св. Георгія, которая по преимуществу называется деревнею, весью (тѣ u Wasé) названіемъ, которое присвоивается еще одной только деревнѣ Столбицѣ, и то не всей, а только части ея. Въ верстѣ съ небольшимъ далѣе по шоссеиной дорогѣ лежатъ три небольшія селенія: Липовець (Lipaves, Lyravas, Lipovaz), Равенпа (Ravanpa: Sul Prato), и Крижаца (Križasa). Въ Равенцѣ главная приходская церковь, волостное управленіе (municipio) всей Резіанской волости, и конецъ шоссеиной дороги. На той же правой, т. е. сѣверной сторонѣ р. Резы, подымаясь все выше и выше, минуемъ нѣсколько незначительныхъ селеній и доходимъ до деревни Столбицы, позади которой начинаются крутыя отлогости горъ. На лѣвомъ, т. е. южномъ берегу Резіи лежатъ двѣ большія деревни—Нива и Осояне и причисляющіяся къ Нивѣ еще двѣ: Гоздь Гвоздь (Hözd. Gost) и Лищеца (Listjaca; Lisciaza). Кромѣ этихъ значительныхъ сельбищъ есть довольно много малыхъ, по два по три двора въ близи первыхъ или же и довольно далеко, между прочимъ и на полонинахъ. Замѣчательно, что не только каждый изъ этихъ особенныхъ поселковъ, но и разныя части большихъ сельбищъ носятъ отдѣльныя названія и что подобными названіями отличены и нѣкоторыя изъ урочищъ, теперь ненаселенныхъ.

О жилищахъ Резіанъ замѣчено, что они вообще не тѣсны внутри, но не отличаются чистотою. Постройки деревянныя строятся только на полонинахъ, а въ деревняхъ все изъ камня и аспіда въ два яруса; въ верхнемъ спальня, въ нижнемъ кухня съ очагомъ, дымъ котораго выходитъ въ двери и въ окна. Близость отхожихъ мѣстъ никого не беспокоитъ. Чистотѣ жилищъ мѣшаетъ и скученность построекъ, между которыми или вовсе нѣтъ проходовъ или они (jindrine) очень узки. Улички такъ же очень узки.

«Въ политическомъ отношеніи Резія принадлежитъ Италіи и находится на самой восточной ея границѣ (на сѣверѣ). Она вся составляетъ одну волость (comune), принадлежащую къ Мужецкому уѣзду и округу (distretto e circondario di Moggio) Фриульской или

Удинской провинціи (provincia del Friuli, p. Udinese)... Въ административномъ отношеніи во главѣ волости стоитъ старшина (šindik: vindaco), выбираемый каждые три года, и предсѣдательствующій въ собраніи волостныхъ выборныхъ или совѣтниковъ; но настоящая власть и здѣсь, какъ во всякой итальянской волости сосредоточивается въ рукахъ волостного писаря. Что касается взаимныхъ отношеній жителей волости, платимыхъ ими податей и другихъ повинностей, Резианская волость дѣлится на четыре участка (frascjuni: frazioni): Бѣлая: С. Джорджио, Нива, Осояне, Столбца. Къ каждому принадлежатъ разные поселки выселенцевъ изъ главной деревни. Главною деревнею остается Равенца, какъ мѣстопребываніе гражданскихъ и церковныхъ властей: здѣсь канцелярія волостного правленія, здѣсь таможня, здѣсь живутъ всѣ священники (jođgivi), приходскій (plaván) и два капеллана (karaláni), здѣсь оба училища мужское и женское, здѣсь, наконецъ, значительное количество трактировъ и постоялыхъ дворовъ.

Общее число жителей въ Резианской волости въ началѣ 1872 г. было: на лицѣ 2,537 (муж. 1,037 и жен. 1,500) и въ отсутствіи 738, всего вмѣстѣ 3,275. Изъ наличныхъ:

до 1 года было мужч.	41,	жен.	46 =	87
Отъ 1— 6 лѣтъ	»	»	219, »	200 = 419
» 7—18	»	»	314, »	378 = 692
» 19—87	»	»	463, »	876 = 1,339
			<hr/>	
			1,037, »	1,500 = 2,537

Рѣзкій перевѣсъ женской доли населенія объясняется отсутствіемъ значительнаго числа мужской доли, которая, конечно, составляетъ главную часть въ общемъ количествѣ отсутствующихъ.

Изъ подробныхъ перечней видно, что стариковъ 60 — 87 лѣтъ было 255 (муж. 110, а жен. 145). Семейныхъ нарѣ должно бы было быть по числу замужнихъ женщинъ 478, но наличныхъ мужей было только 279.

Всѣ Резьяне вѣроисповѣданія римско-католическаго и состоятъ въ вѣдѣніи Удинскаго архіепископа. Приходскаго священника выбираютъ себѣ сами большинствомъ голосовъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ.

Покровителемъ Резьи считается св. Георгій (Svėti šan Džorė), церковь котораго находится въ деревнѣ Бѣлой; тѣмъ не менѣе

главная приходская церковь—есть Богородицкая въ Равенцѣ (cirku od Marije vérdjine). Кромѣ этихъ двухъ есть еще три церкви: въ Нивѣ, въ Осоянахъ и въ Столбицѣ, церковца на полонинѣ Карипцѣ. За каждою церковью надсматриваетъ особенный церковникъ (tšpnih). Собираніемъ пожертвованій для содержанія и украшенія церкви занимается камераръ (tšamaar: samegarig); впрочемъ, обычай этотъ сохранился только на Нивѣ. Органъ есть только въ Равенцѣ, но и тотъ безмолвствуетъ за неизмѣнимъ органиста.

Выше замѣчено, что въ Равенцѣ есть два училища: мужское и женское; въ одномъ учитель, въ другомъ—учительница. Учащихся очень немного.

Да и вообще грамотныхъ очень немного. Изъ таблицы, приведенной г. Бодуеномъ, сводящейся въ общему итогу 2031 душъ обо-его пола, могшихъ быть грамотными (съ 7 лѣтняго возраста) видимъ, что изъ 777 лицъ муж. пола грамотныхъ было 177 (въ томъ числѣ дѣтей до 12 лѣтъ — 26), а изъ 1254 лицъ жен. пола грамотныхъ было только 28 (въ томъ числѣ дѣтей — 7); слѣдовательно всего на все грамотныхъ 205 изъ 2031, т. е. 1 изъ 10; а по поламъ изъ лицъ муж. пола менѣе $\frac{1}{5}$ доли, а изъ лицъ женскаго пола немного менѣе $\frac{1}{4}$ доли. Пользуясь цифрами вышеозначенной таблицы, можемъ вывести любопытное сравненіе грамотности двухъ возрастовъ: юнаго до 25 лѣтъ и не юныхъ съ 25 л.: грамотныхъ муж. пола юныхъ 80 изъ 395, т. е. 1 изъ 5, а не юныхъ 97 изъ 385, т. е. 1 изъ 4; грамотныхъ женскаго пола юныхъ 17 изъ 547, т. е. 1 изъ 32, а не юныхъ 11 изъ 707 т. е. 1 изъ 64. Значитъ въ мужской долѣ населенія уменьшилось противъ прежняго на $\frac{1}{5}$ долю, а въ женской долѣ увеличилось въ двое.

Поднятію уровня общей образованности Резіянъ способствуетъ сильно то, что многіе изъ нихъ ходятъ въ странствія и на житье въ чужіе края, какъ промышленники. Изъ общаго числа 3275-ти жителей Резіанской волости въ началѣ 1872 г. было въ отсутствіи 738, безъ малаго четвертая доля всего населенія. Изъ уходящихъ одни дѣлаются тряпичниками, занимаясь и чиненьемъ посуды, луженьсмъ и т. п., другіе — дровосѣками, иные ремесленниками, особенно каменщиками; а многіе и торговцами не только мелочными но и оптовыми, особенно фруктовыми, ведущими дѣла съ торговыми домами разныхъ областей Австрійской Имперіи и переписку на нѣсколькихъ языкахъ... Особенное положеніе значительной доли мужскаго населенія Резія обусловилось характеромъ ея мѣстности. Плодородной земли у Резіянъ очень мало, да и обработка годныхъ

для этого участковъ стоитъ имъ «ужаснаго тяжелаго труда», все воздѣлывается здѣсь руками съ помощью заступа, лопаты, мотыки и т. п. орудій, такъ что въ Резіанскихъ говорахъ нѣтъ и названій для плуга или сохи. Воздѣлывается болѣе всего кукуруза, картофель, бобы, а пшеница менѣе. Плодовыхъ деревьевъ очень мало. Виноградъ, за недостаткомъ полуденнаго солнца, не дозрѣваетъ. Бѣдность земледѣлія замѣщается нѣсколькимъ скотоводствомъ, дающимъ молоко, сыръ, масло, говядину, баранину и т. д. Скотоводство также не можетъ идти съ успѣхомъ: лѣтомъ еще есть зелень на полонинахъ; на зиму же скошенное тамъ сѣно по невозможности свозить надобно сносить въ деревни на плечахъ, сносить изъ далека и потому въ очень ограниченномъ размѣрѣ. И эти труды лежать болѣе всего на женщинахъ.

Въ замѣткахъ И. А. Бодуена приведено нѣсколько рассказовъ Резіанъ, чѣмъ когда они занимаются. Вотъ два изъ нихъ. «Весною — сказывала одна молодая Резіанка — мы начинаемъ копать, сѣять картофель, жито. Потомъ мы косимъ. Потомъ, когда окончимъ работу съ сѣномъ, должны косить отаву. Потомъ собираемъ фрукты (sád), а затѣмъ колосья кукурузы (panúle ut sírka), картофель (krom-
pir), гречиху (éjde), рожь (gáž), рѣпу (roèra). Собирается тоже по огородамъ (tù u wèrtih) сѣмя цикорія (soctoe od ludyka), салата (ot saláte)». Одинъ изъ Осоянъ рассказалъ о своихъ работахъ такъ: Вставши утромъ, онъ идетъ на полонину. Пришедши устраиваетъ тамъ свои дѣла. Потомъ идетъ на гору, чтобы приготовить себѣ кое-какую связку сѣна, если успѣетъ до ночи. И за тѣмъ онъ опять возвращается домой къ своему хлѣву (tá h náha hlíwu), туда гдѣ у него есть своя полонина. Устроивъ всѣ свои дѣла, онъ уходитъ (изъ Резіи) и старается что нибудь заработать. Заработавъ кое-что и думая что этого довольно, ворочается на родню. Живетъ на роднѣ опять до тѣхъ поръ, пока не устроитъ своихъ дѣлъ. Потомъ опять уходитъ попытаться, не можетъ ли чего заработать. Онъ пробуетъ всѣ ремесла, и которое лучше удастся, того и держится. Заработокъ старается беречь. Когда же у него есть капиталъ, онъ можетъ добывать хорошія деньги. Такой человѣкъ есть подлинно человѣкъ (muž).

Само собою разумѣется, Резіане и Резіанки, кромѣ заботъ по домашнему и полевому обиходу, заняты и производствомъ разныхъ издѣлій необходимыхъ для жизни, орудій и разныхъ вещей, кожъ и тканей, одежды и обуви и т. д. Къ сожальнію въ свое новое сочиненіе И. А. Бодуенъ не внесъ подробностей объ этомъ.

О пищѣ Резіанской замѣтилъ опъ слѣдующее: «Вообще они питаются точно тѣмъ же, чѣмъ и ихъ сосѣда. Утромъ — кофе, который, накрошивъ прежде въ него хлѣба, ѣдятъ изъ мисочки. У кого нѣтъ кофе, тотъ довольствуется молокомъ или же кипяткомъ, въ которомъ разбавлено муки или очень немного (что и называется просто кипяткомъ — krop) или поболѣе (что называется мучнымъ супомъ — mûcnik). Обѣдъ и ужинъ, по мѣрѣ возможности, составляется почти всегда изъ салата, особенно цикорнаго, яицъ (одного или двухъ на человѣка) и поленты, тѣста изъ кукурузной муки, мамалыки, — jid, joest. У тѣхъ же кто побогаче, бываетъ кромѣ того густой супъ (miněstra), приготовляемый преимущественно изъ риса, а иногда, напр. по праздникамъ, варятъ курицу или что нибудь въ этомъ родѣ. Хлѣбомъ (krdh) могутъ запастись далеко не всѣ: его замѣняетъ полента. Хлѣбъ пекутъ только пшеничный; ржаной вовсе не въ употребленіи. Пастухи на полянахъ питаются полентой и сывороткою. Самое любимое блюдо Резіанъ — сыръ, приженный въ маслѣ на сковородѣ или въ кострюлѣ. Мясо употребляется очень рѣдко».

О питіяхъ Резіанъ замѣтокъ нѣтъ; а есть о табакѣ: курятъ табакъ очень немногіе, нюхаютъ почти всѣ, даже дѣти.

Относительно одежды Резіанъ замѣчено, что для мужчинъ нѣтъ особенныхъ обычаевъ: носить каждый, что считаетъ лучше или что можетъ. Женщины — и то уже не всѣ — держатся стараго навыка. Молодые и старыя одѣваются одинаково. Цвѣтъ одежды исключительно черныи безъ всякой примѣси другого. Сдѣлано же платье Резіанки должно быть все изъ шелковыхъ тканей; только по нуждѣ шелкъ замѣняется чѣмъ нибудь другимъ. На короткую рубашку (srákica) Резіанки надѣвается корсетъ (ret) съ пуговками подъ шею и съ рукавами, а по верхъ корсета платье безъ рукавовъ (djamažot), перепосясываемое широкимъ поясомъ (râs), и въ нижней части (юбка, что называется kótula) сшитое изъ двухъ поперечныхъ полосъ (шевъ приходится почти у колѣня). Голова незатѣйливо повязывается чернымъ шелковымъ платкомъ (facöloet). На ногахъ чулки (hlacë škofone) и башмаки (čriwje). Сверхъ платья, особенно въ холодное и ненастное время, надѣвается короткая кофта (džura, süknja). — Изъ украшеній отмѣчены только серьги (rintjinavi). Серьги въ одномъ ухѣ носятъ и многіе мужчины, особенно старшаго поколѣнія.

О нравахъ Резіанъ есть вѣсколько любопытныхъ замѣчаній. Замѣчено, что Резіане вообще очень обходительны и общительны —

нетолько между собою взаимно, но и съ чужими. Вѣжливость отношеній выражается между прочимъ употребленіемъ мѣстоименія «вы» въ бесѣдѣ со всякимъ не очень близкимъ, такъ что «ты» говорится только дѣтямъ и вообще юнымъ и ими взаимно, а «вы» господствуетъ и въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу и ко всѣмъ святымъ. Замѣчено добродушное гостепрѣимство Резіянъ даже нуждающихся. Замѣчено также, «что уваженіе къ чужой собственности развито въ Резіянахъ въ высокой степени: кражи или же поврежденія посѣвовъ и вообще полей случаются очень рѣдко». Незабыто то особенное положеніе женщины сравнительно съ мужчиною, въ силу котораго, не смотря на общее равенство половъ, и на вѣжливое обхожденіе молодыхъ людей къ дѣвушкамъ на праздникахъ, женщина не должна позволять себѣ «свое сужденіе имѣть» и даже подавать голосъ, когда ее не спрашиваютъ. «Если во время мужского разговора присутствующая при немъ женщина дерзнетъ высказать свое мнѣніе или вообще только отозваться, то почти всегда найдется какой нибудь блюститель порядка, считающій своимъ долгомъ въ довольно безцеремонныхъ выраженіяхъ напомнить женщинѣ о разстояніи, отдѣляющемъ ее отъ тѣхъ, кто имѣетъ право и думать и разсуждать и высказывать свое мнѣніе». Очень любопытно замѣчаніе, что «нигдѣ нельзя найти *прислуги* изъ Резіянъ, что «Резіяннѣ зарабатываетъ на свое содержаніе только свободными ремеслами или хотя бы даже самымъ ничтожнымъ промысломъ, но *служить* не умѣетъ», что въ самой Резіи по переписи 1871 г., было въ прислугѣ только 11 женщинъ и 1 мальчикъ. Не менѣе любопытно замѣчаніе о вѣротерпимости Резіянъ, позволяющей имъ уважительно смотрѣть на всякую религію, хотя и считать христіанскою вѣрой одно только римско-католическое исповѣданіе, а всѣ другія исповѣданія за одно съ Еврейскою вѣрой — не христіанскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ отзываться о нѣкоторыхъ обычаяхъ своей вѣры очень свободно, далеко не одобрительно, даже враждебно въ отношеніи къ духовенству. Отмѣчено еще, что Резіяне признаютъ свое родство съ другими Славянами, всего болѣе разумѣется съ тѣми Хорутанскими Словенцами, къ народности которыхъ сами принадлежатъ, и этому сознанію подчиняютъ свои народныя симпатіи и антипатіи. Это впрочемъ не мѣшаетъ тому, что они и по неволѣ и по безотчетному, все болѣе усиливающемуся наряду подчиняются вліянію Итальянскаго или вѣрнѣе сказать Фріульскаго языка и обычая.

Съ особеннымъ вниманіемъ остановился И. А. Бодуенъ на на-

родной словесности Резіянъ; въ Резіи собиралъ онъ сказки, преданія, пѣсни, поговорки и загадки и привелъ не малое число ихъ въ своемъ очеркѣ. Это — научная новинка, любопытная и для слаvistas и для изслѣдователей народной словесности, хотя, по отзыву самого г. Бодуена, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ Резіянъ «нѣтъ ничего особеннаго». Приведено шесть сказокъ — о лисцѣ и другихъ звѣряхъ, три сказки о чудесныхъ приключеніяхъ съ людьми, двѣ о вѣдьмахъ, 14 загадокъ, 9 пѣсенныхъ отрывковъ и только эти въ подлинникѣ и въ переводѣ. О пѣсняхъ замѣчено, что онѣ (Wizé, úže, въ ед. wjža: wjža: uža) «по большей части безсодержательны», и что всѣ поются на одинъ изъ двухъ напѣвовъ: одинъ веселый, употребляемый и для пляски, а другой — грустный, какъ кажется очень рѣдко употребляемый (саμου г. Бодуену не удалось его услышать ни разу).

Приведено еще нѣсколько преданій, Богъ знаетъ какъ породившихся, о Русскомъ происхожденіи Резіянъ, и представлено нѣсколько доказательствъ тому, что основныя черты Резіянскихъ говоровъ и Русскаго языка совершенно различны. Затѣмъ, не отвергая родственной связи этихъ говоровъ съ другими говорами Хорутанскихъ Словенцевъ, г. Бодуенъ вошелъ въ подробное изложеніе своего убѣжденія, высказаннаго и въ «Опытѣ фонетики Резіянскихъ говоровъ, что «Резіяне представляютъ смѣсь Славянъ съ какими то отирыскомъ Туранскаго племени (или по крайней мѣрѣ съ чѣмъ то подобнымъ), точнѣе говоря: они произошли изъ смѣси Славянъ съ ославянившимися Туранцами», а потомъ въ разныя подробности о самихъ говорахъ. Къ тому, что уже подробно разсмотрѣно въ означенной книгѣ, здѣсь прибавлено нѣчто новое между прочимъ, слѣдующее:

— Цвѣта: зеленый, синій, голубой, въ Резіанскихъ говорахъ не отмѣчены; всѣ идутъ за одинъ зеленый (zoelóeny).

— числа: 1. dan, dna: na, dnö: nö, 2. dwa, dvi, 3. triji: tryju, сж. tri, try, 4. štiri, 5. pet, 6. šest: šest, 7. soëdan, 8. ösan, 9. doévat, 10. doesat, 11. dánaist: dánijst, 12. dvaniјst и пр., 20. dwájsti: dwújsti, 21. dwujsti nu dan (20 и 1), 29. dwujsti nu doévat, 30. tristi: triste 40. štrèdi: štréde (вм. štiri rédi: четыре ряда), 50. paterdu (пять рядовъ), 60. trikrat dwájsti (три раза двадцать), 70. trikrat dwájsti nu doésat (три раза 20 и 10), 72. trikrat dwájsti nu dwánijsti (3 раза 20 и 12), 80. štirkrat dwújste (4 раза 20), 90. štirkrat dwújste nu doésaet, 100. stu: čantanar. 1000. mijar.

— Священникъ по Резіянски: joërb: oërb — иерей, ιερεις.

— Глаголъ безличнѣй въ един. числѣ средняго рода, употребляется вм. личнаго: *koj to ga urjánílo*: когда его опьянило: вм. опьянили, *ánu to ělb*: и то шло: вмѣсто пошли, ушли.

— Будущее составляется съ помощію глагола хотѣть: *хочу* (*tjon*, *tjoes*, *tjoe*, *tjoemö*, *tjata*: *tjoétoè*, *tjejo*, двойств.: ч.: *tjowá*, *tjata*, *tjata*): *ja tjon te ubuèet*: я хочу тебя убить: т. е. я тебя убью.

— Кромѣ обыкновеннаго разговорнаго языка есть у Резіанъ еще тайный, никому постороннему непонятный. Г. Бодуену «удалось слышать только нѣсколько фразъ этого языка, состоящихъ главнымъ образомъ изъ обыкновенныхъ Резіанскихъ словъ въ иносказательномъ переносномъ смыслѣ».

Въ своемъ очеркѣ г. Бодуенъ не забылъ дать мѣсто и свѣдѣніямъ о прошедшемъ Резіи и Резіанъ. Главное заключается въ грамотахъ и другихъ подобныхъ запискахъ, относящихся къ XIV — XVIII в. (къ XIV вѣку относятся только двѣ или три грамоты): онѣ всѣ перечислены и изъ нѣкоторыхъ сдѣланы нѣкоторыя отмѣтки. Кромѣ этого означено нѣсколько преданій народныхъ. Все это подобрано очевидно очень тщательно и не безъ большихъ хлопотъ; но, къ сожалѣнію, не могло привести ни къ какимъ общимъ итогамъ.

Последнія страницы очерка заняты перечнемъ всего, что доселѣ было писано о Резіи и Резіанъ. Здѣсь, между прочимъ, кромѣ вышеуказанныхъ статей, выбраны изъ книги П. *Валентинелло* (*Bibliografia del Friuli. Venezia. 1861.*) и другихъ указанія на слѣдующія изданія: *H. Partenopes* *Descrittione... del Friuli. Udine 1604.* — *P. Fistulario* *Della geografia antica del Friuli. Udine. 1775; Stampa di Pontiola, Dogno, Chiusa, Resia... 1795;* — (*Viviani*) *Gli ospiti di Resia. Udine. 1827;* *P. Valussi* *Rapporto della camera di commercio e d'industria... del Friuli. Udine. 1853.* — *G. Marinelli* *Nomi propri orografici. Alpi Carniche e Giulie. Udine. 1872.*

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 6.

ДОПОЛНЕНІЕ

къ

БѢЛОРУССКОМУ СЛОВАРЮ.

И. И. Носовича.

Слова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія Бѣлорусскихъ пѣсень и сказокъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9-я лин., № 12).

1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Январь 1881 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ДОПОЛНЕНИЕ

къ

БѢЛОРУССКОМУ СЛОВАРЮ

И. И. Носовича.

лова, извлеченныя изъ составленнаго имъ рукописнаго собранія БѢлорусскихъ пѣсень и сказокъ.

А.

А-А, выговаривается протяжно, межд. 1) Удивленія. Вотъ какъ! А-а! ты гетакъ дзѣлаешъ. 2) Убаюкиванія. А-а, а-а, малое, покуль будзѣць другое. *Изъ колыб. пѣсни.*

АКУРАТНЫЙ, прил. кач. Исправный. Ёнъ акуратный дзѣцина, господарь. Ёнъ акуратвѣй за цебо.

АКУРАЦІКЪ, а, с. м. уменш. слова Акурать съ его значеніемъ. Хлопѣць акурацикъ, усѣ дзѣлаецъ такъ, якъ скажешъ.

Б.

БАВѢНКА, и, с. ж. смягч. слова Баба. Вообще женщина. Ёна бабѣнка хорошая.

БЕЗОТМѢННО, нар. Непремѣнно. Безотмѣнно ѣдзъ.

БЕРЕЗНИКЪ, а, с. м. Березовая роща. Кладбище въ березнику.

БЕРЕЗНИЧЕКЪ, -чка, с. м. уменш. слова Березникъ. Молодой березовый лѣсокъ.

Не чутно за ельничкомъ,

За бѣлымъ березничкомъ. *Изъ свад. пѣсни.*

БЕРЕЗНЯКЪ, а, умен. **БЕРЕЗНЯЧОКЪ**, -чка, с. м. Заросль березовая. Усѣ будзешъ ѣхаць березнякомъ, березнячкомъ.

БЛАГОЧЭСЛИВЫЙ, прил. Благочестивый, православный. Наши и дзѣды были благочѣсливые.

БЛІЖШІЙ, срав. скл. ст. отъ прил. Блізкій. Болѣе близкій. Тута ближшая дорога.

БЛІЖѢЙШІЙ, прев. ст. отъ прил. Блізкій. Ближайшій. Гета ближѣйшая дорога.

БЛИЗИРЪ, у, с. м. Видъ, образецъ, особенно подъ рукою близкій. Память его давай тобѣ для близиру, штобъ и ты такъ здѣлать.

БОГОМОЛЕННИ, я, с. ср. 1) Молитвословіе. Заставъ татусю за богомоленнемъ. 2) Обученіе молитвамъ. За богомоленнемъ дѣцей часъ поцерила.

БОГОМОЛЕННЫЙ, прил. Молитвенный. Богомольная книжка.

БУРЧНИКЪ, а, с. м. Лошадка бурой масти.

Свичникъ-бурчникъ, стань передо мною. *Изъ сказки.*

В.

ВВѢДѢННІЙ, я, с. ср. Тоже, что Введзенне. Праздникъ Введенія. Завтра святое Введзеннѣ.

ВДОВѢЛЬ, нар. Достаточно. Намъ вдоволь будзѣць хлѣба на зиму.

ВЕЧѢРІНА, н, с. ж. Вечернее время. Цѣлую вечерину ты тамъ просѣдѣла.

ВЕЧѢРІНКА, н, с. ж. умен. слова Вечѣрина. 1) Время при закатѣ солнца. День бить дождливый, а вечеринку Богъ давай хорошую.

2) Вечернее собраніе гостей съ угощеніемъ и даже съ игрою на скрипкѣ; бесѣда. Просишь себе тата къ собѣ на вечеринку.

ВЕЧѢРІНОЧКА, н, с. ж. умен. слова Вечѣринка въ 1-мъ значеніи.

Вечерь, вечерь, вечериночка,

А хто ѣдзѣць? Горениночка. *Изъ пѣсн.*

ВЕЧЕРНИЦА, н, с. ж. Тоже, что Вечѣринка во 2-мъ значеніи (употр. въ Гродненской и Минской губ.). Да й на вечерницѣ ўсѣ чаровницы.

ВЗВЕСѢЛИЦЬЦА, сов. гл. возвр. Веселицьца. Возрадоваться. Мы ўси взвеселились, якъ ты пріѣхавъ.

ВЗДЫХАННЕ, я, сущ. ср. Воздыханіе. Собирайцеса тучки въ кучки,

Да нехай дожджикъ будзе,

Господарѣмъ на вадыханне,

А намъ на отдыханне.

ВЗРѢСТѢКЪ, -тка, с. м. Возрастный дѣтина. Твой смнъ взростокъ, женнць пора.

ВИННѢЙШІЙ, прев. ст. отъ прил. Винный. Богѣ другихъ заслуживающей наказаніе. Виннѣйшему вдвое треба даць въ хвостъ.

ВОЗОЧЬКЪ, -чка, с. м. умен. слова Возокъ. 1) Санки.

Зимомъ въ возочку, весной въ човночку. *Изъ пѣсн.*

2) Возикъ. Привѣзь возочки два сѣна.

ВОЛЫНОЧКА, н, с. ж. 1) Уроженка изъ Волины.

Узявъ удовку Волиночку. *Изъ пѣсн.*

2) умен. сл. Волинь. Была ўдованька на Волиночдѣ. *Изъ пѣсн.*

ВОРКОВАЦІ, -кюу, гл. ср. Ворковать, свойственно голубямъ.

Люли, люли, люли,

Прилецѣли гули,
Стали ёны ворковаці. *Изъ колыб. пѣсни.*

ГОДИКЪ, -ка, с. м. умен. слова Вѣротъ. Воротничекъ, переносно шея. Мужиковы поровѣ на воропикахъ висяць. *Изъ крест. пѣсни.*

СТРУХА, и, с. ж. 1) Острое какое либо орудіе. Сѣкера, коса твоя воструха. 2) Завосчивая, бранчивая женщина. Во! ёна воструха, не дотай муха коло вуха. *Поюв.*

ПРАВДУ, нар. Дѣйствительно, не шутя. Вправду вѣселлѣ будзѣць.

ВУЖАЌСЦЬ, и, с. ж. 1) Ужасъ. Вужаѣць берець, што тутъ дзѣлось. 2) въ знач. безл. гл. Ужасно. Вужаѣць, якая бура на дворѣ.

ВЫБАВЛЯЦЬЦА, сов. Вѣбавицьца, гл. возвр. Освободжателься. Выбавляцьца отъ бѣдъ.

ВЫРОДОКЪ, -дка, с. м. умен. слова Вѣродъ съ его значеніемъ.

ВЫСПРАШИВАЦЬ, сов. Вѣспросиць, гл. ср. Выштытывать. Якъ ни выспрашивали у его, не выспросили правды.

ВЫЦЬ, межд. употребляемое при выговѣ откуда либо свиньи. Выць вонъ!

Г.

ГДАНЬ, я, собств. с. м. Городъ Данцигъ.

Прийѣхали приданки зъ Гданя,

Попросили у Тацянки снѣданья. *Изъ свад. пѣсни.*

ГИНДРИКЪ, а, умен. **ГИНДРИЧЕКЪ**, -чка, с. м. отъ Нѣмецкаго Kind, Kindchen. 1) Дитя. Поглядзи, якъ гиндрики, гиндрички скачудь. 2) Танецъ цыганскій. Поскачъ гиндрика, копѣйку дамъ.

ГОДОЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Годокъ. Годочекъ. Дзѣцѣнку мойму два годочки.

ГОЛУВОЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Голубъ. голубчикъ, голубочекъ. Лециць голубка къ голубочку. *Изъ пѣсни.*

ГОРЕНИНОЧКА, и, с. ж. умен. неуотр. слова Горевіна. Горюнья. А хто ѣдзѣць? Горениночка. *Изъ пѣсни.*

ГОРОЖЕННЕ, я, с. ср. Гороженъ, городьба. Гороженне твое дурное, што свинни скрозъ плецень лазюць.

ГОСЦЕКЪ, -цька, с. м. умен. слова Госць. гостикъ, гостенекъ. Ты у мене, тата, дорогій госцекъ. *Изъ повѣсти.*

ГОСЦІКА, и, с. ж. умен. слова Гѣсця. Тоже, что Гѣсцейка. Матуся моя гѣсцика дорогая.

ГОСЦЯ, и, с. ж. Гѣсця. «Чему жъ ты не выгнала свинни?» — А я жъ гѣсця! «А! ты гѣсця! такъ я тебе почестую вѣемъ». *Изъ повѣсти.*

ГРОЗИЦЬ, -жѣ, грѣзиць, сов. Згрѣзиць, гл. ср. Угрожать. Чимъ ты мнѣ грѣзиць? Не боюся я цѣбе.

ГРОЗИЦЬЦА, -жѣся. грѣзицься, сов. Погрѣзицьца, гл. общ. Угрожать

наказаніемъ. Богъ грозница на насъ. Погрозися на дѣлѣй. не-
хай не сваволюць.

ГУРБА, и, с. ж. Толпа. Гурба народу.

ГУРБОЧКА, и, с. ж. Небольшая толпа. Гурбочка госцей.

ГУСОУБЪ, а, с. ж. Гусь-самецъ. На гето лихо ни пѣвѣнь не пѣвъ, ни
гусауь не кричавъ. *Иль мѣси.*

ГУСОУБЧА, и, с. ж. умен. слова Гусь. Тоже, что Гусѣнька. Гусочка
ланку отморожила.

ГУСОУБИЯ, и, с. ж. Гусиная самка.

ГУСОУБИНА, и, с. ж. Гусиное мясо.

Д

ДВОРѢЦКІЙ, прил. 1) Ко дворуд княжескому, или какого либо магната
принадлежащій, какъ и дворѣвнй. Дворецкіе люди. 2) Главнй над-
зиратель за господскимъ домоу. Спроси ч вѣщепцаго, чи даць
овса госциниимъ коуимъ.

ДВОРѢЦЕ, а, с. ср. Пустое мѣсто передъ домоу. Паньское дворѢце
еще не обгорожено.

ДЗВІВІОУБЪ, а, с. м. Лѣкарственное растеніе. отвадомъ корня котораго
пользуются.

ДЗВІВІЦІОУЯ, -вѣбся, -вншся, гл. общ. Тоже, что Дзвѣвѣцѣца.

Люди будудъ дзвѣвѣцѣся,

Што старнй хоче женнцѣся. *Иль мѣси.*

ДЗВІЙ, я, мн. Дзѣи, с. м. 1) Дивное происшествіе. Чи чувъ ты, якій дзѣй
здѣлался у паньскомъ дворѣ? Корова рогомъ нашей пани животъ
распорола. 2) Во множ. Событія, факты. Старннне дзѣи.

ДЗѢЦЮЧОУБЪ, -чкѣ, с. м. умен. слова Дзѣвѣцѣкъ. Мальчншка. Пошли
якого дзѢвѣцѣка къ ѣму.

ДОБЫВАЦЪ, сов. Добѣиць, гл. д. 1) Доставать, приобрѣтать. Добываць
збожжа, сѣна, грошей. 2) Вытаскивать. Зъ гдѣбокаго колодебса
трудно добываць воду. 3) гл. ср. Проживать до извѣстнаго времени.

Добывай, добудъ у насъ до зимы, до коладъ.

ДОЖДЕЖЪ, -у и -ѣ, с. м. Дождь. Снѣгъ зъ дожджомъ. Дожджу, дожджа нема.

ДОЖДАЦѢЦА, сов. Дѣждѣцѣца, гл. общ. Ожидать. Дождѣаемся пана,
да не вѣдаѣмъ, чи дожджемся.

ДОКА, и, с. общ. Знаюць. Енъ дока у насъ на гето дзѣло. Дока баба,
ее не подмавѣшъ.

ДОСТКА, и, умен. **ДОСТОУЧКА**, и, с. ж. (уотр. въ Мнѣской и Гроднен-
ской губ.). Тоже, что Дѣшка. Положи достку черезъ ручей.

На досточкѣ у мамка,

На березку у ставка,

Прама платте дѣвчнна. *Иль мѣси.*

ДУКАТЬ, а, с. м. Червонецъ. Не дуката зарооишь, не дуката поцераёшь. *Посл.* Панъ дукатами такъ и сыплѣць.

ДУВАЦІЕЪ, а, с. м. умен. слова Дукатъ. Не пожалѣй намъ даць дуваница за гето дзѣло.

ДУЛА, и, с. ж. 1) Большая продолговатая груша (плодъ). Дули поспѣлы. 2) Грушевое дерево. Вецерь дулю зломавъ.

ДУРНОТА, ѣ, с. ж. 1) Глупость. По дурноцѣ своей отдавъ жиду гроши. 2) Тощота. Дурнота на серцу.

ДЫМИЦЬ, -млю, дѣмишь, сов. Надымиць, гл. д. Наполнять дымомъ, напускать дымъ. Печка дымиць. Лучица надымила повну хату.

ДЫСЦИПЛИНА, ы, умен. **ДЫСЦИПЛИНКА**, и, с. ж. Плеть, плетка (отъ лат. disciplina — наука). Перен. Строгое наказаніе. Бацька за гето дасць ему хорoшую дысципину.

Е.

ЕЛЕ, нар. 1) Едва, чуть. Еле живѣ остався. 2) Насилу. Еле-еле вприсивь его.

ЕЛІНОЧКА, и, с. ж. умен. сл. Елѣнка. Елочка, елка. На горѣ елиночка одзинокая стоиць.

Ж.

ЖАДАЁЦА, сов. Жадалось, гл. безл. Страстно желается. Тобѣ жадаецца, жадалось монхъ слезъ, моей криви.

ЖАРЕНОЕ, -агò, въ знач. с. ср. Жаркое. Не жареное, не знюхаёшь. *Посл.*

ЖВЁЦЬ, жву, жвешь, гл. д. Жевать.

ЖЕРСТВИЦА, ы, с. ж. умен. слова Жерства. Дресва. Жерствицею вышоруй посуду.

З.

ЗАВИРАЁЦЬ, сов. Забрало, гл. безл. Схватываетъ; ярость, ознобъ или болѣзнь какая либо забираетъ. Чего тебе забираецъ за животь?

ЗАВЕДЗЕННЕ, я, с. ср. 1) Учрежденіе. Заведзенне порядку. 2) Заводъ. Заведзенне пчоль. 3) Принятое обыкновение. У насъ такое заведзенне, што отъ хлѣба соли не фдуць госци.

ЗАВИДЗЬЦЬ, сов. гл. д. Видзѣць. Увидѣть со стороны, какъ бы нечаянно. Якъ ёнь завидзѣвъ тута насъ.

ЗАВИРАЁЦА, гл. общ. Скрываться какъ бы въ глубинѣ вира, водоворота. Невѣдомо што завираецца въ гетомъ хлопцѣ.

ЗАВЧОРА, нар. Завчера.

ЗАГОРѢЛОСЯ, гл. безл. сов. в. Сильно хочется, непремѣнно захотѣлось какъ бы по крайней необходимости. Тобѣ загорѣлося туды фхаць.

ЗАДЗИВЛЕННЕ, я, с. ср. Тоже, что и Задзівѣнне. Удивленіе.

ЗАДЧЭВЪ, -чкà, с. м. умен. слова Задокъ. 1) Крестецъ, позвонокъ у

дитати. Дзвѣнокъ задочекъ отомкъ, уважни. 2) Задная часть телѣта
Посадили ў передочку,

Сами жь сѣли у задочку. *Изъ мысли.*

ЗАЖАРНИЦЪ, сов. гл. д. Жарица (сѣчь). 1) Порадочно наказать тѣлесно. Зажарь-ка ему туя. 2) Сжарить. Зажарица гуся.

ЗАКОЖЮШКА, и, с. ж. 1) Запонка, крѣпочъ для застегиванья.

Отдай мое два пероцѣнки, трѣцю закожюшку,

Коли мене ти не любишь, полюби-жь лягушку. *Изъ мысли.*

2) Задача (переносно). Задава мнѣ пань ладную закожюшку.

ЗАРѢЧЧИ, а, с. ср. 1) Слобода за рѣкою. Живецъ на зарѣччу. 2) Зарѣчная сторона. Коли ходишь на зарѣччу.

ЗАСЛАНЬИЙ, смягч. **ЗАСЛАННИКЪИЙ**, прич. стр. отъ д. гл. Заслани.

Покритый скатертью, убрусомъ, застланный. Столи заслание.

Охъ вы, століки мое, вы, засланенькіе. *Изъ гресн. мысли.*

ЗАСОВЪ, а, с. м. Задвижка. Запри дзвери на засовъ.

ЗАСИПАЦЪ, гл. ср. Начинать предаваться сну. Засниай тутъ снѣло.

ЗАХРОПЪ, сов. гл. ср. Хропѣць, прош. вр. вѣсто Захропѣць

ЗВѢЧОРА, нар. Свечера. А ўчора звѣчора перенѣбла злецьга. *Изъ св. мысли.*

ЗГРЕБНИЙ, прил. Взятый съ гребня. Згребиме гроши (т. е. отъ вряки пошлинны).

ЗѢЛНИКО, а, с. ср. умен. слова зѣле. Слав. Зеліе. трава сушена. въ родѣ гѣкарства. Зелника оттопи и дай дзвѣнку.

ЗЛѢГКА, нар. 1) Потѣше. Злѣгка смѣць. 2) Снисходительно. Пань его злѣгка поваравъ.

ЗЛОТОПѢРА, и, с. ж. Имѣющая золотистыя перья (у рыбы), крылья. Рыбка злотопѣра. *Изъ сказки.*

ЗЛУБАВИЦЪ, см. здѣсь же Лукѣвицъ.

ЗМИЛОСѢРДОВАЦЦА, сов. неупотр. гл. Милосѣрдовацца. Умилюститъся. Змилосердуйся пань надо мною, дай на прокормъ якого збожа.

ЗМИТРѢЖЕННИ, а, с. ср. 1) Возмущеніе. Змитрѣженне въ народѣ.

2) Помѣшательство, боль. Змитрѣженне въ головѣ, въ книжкахъ.

ЗНИМОЖЕННИ, а, с. ср. 1) Истощеніе силами, ослабленіе. Знеможенне напало на его, не можець ходиць. 2) Лишеніе. Знеможенне перннѣ, не можемъ разжицьца.

ЗНИЧОГО, въ знач. нар. 1) Безъ всякой причины. Зничого зазлуавъ.

2) Изъ ничего. Зничого ничого не зробишь. *Посл.*

И.

ИВНА, и, с. ж. Ива, новое дерево. Ивна на жердзь згоднаца.

ИВѢНЬКА, и, с. ж. умен. сл. Ивина. Ивушка. Ивѣнька зазелѣлась.

ИГРИЩНИКЪ, а, с. м. Участвующій въ деревенскомъ колядномъ гульбищѣ. Хозяинъ хочецъ затушиць лучину, а игрищники не ўси еще вышли съ хаты.

ИГРУША, и, с. ж. Грушевое дерево. Вѣдѣрь злѣмавъ игрушу.

ИГРУШКА, и, с. ж. Грушка (плодъ). Игрушекъ повную лубку принѣсь, добре на квасъ будзѣць.

ИСПОДЪ, а, с. м. Нижняя часть какого либо сосуда. Въ исподзѣ скривни мыши проточили дзирку. Берн кубель съ исподу.

Б.

БАВАУРЧИКЪ, сокращ. слово отъ Калавурчикъ.

БАЛАВУРЧИКЪ, а, с. м. умен. отъ Калавурчикъ. Мальчишка постоянно стоящій на караулѣ. Балавурчикъ спережець саду. Слово Калавурчикъ употребляется только въ сказкѣ. Сивчикъ-бурчикъ, вѣчный кавурчикъ, стань передо мною, ажъ листъ передъ травю. Сивчикъ-бурчикъ бѣжиць, ажъ зѣмля дрижиць.

БЛАДЪ, и, с. ж. Перекладина. Шаткая кладъ положена черезъ рѣчку
БЛАДЪ, а, с. м. Складъ, особенно денегъ, зарытыхъ въ землю. Кладъ нашовъ, таць и забогацѣвъ.

БЛѢТОЧКА, и, с. ж. умен. сл. Клѣтка, отъ Клѣць. 1) Маленькая кладовая для склада съѣстныхъ припасовъ. Клѣточка полная усякого запасу. 2) Клѣтка для птицъ.

БЛЯССА, и, с. ж. Классъ въ училищѣ. Паничь нашъ перешовъ до другой классы.

БОВАСНИКЪ, а, с. м. 1) Колбасникъ, дѣлающій и продающій колбасы. 2) Насмѣшливое названіе Нѣмцевъ.

БОМОРНИЦЕЙ, прил. Къ землемѣрству относящійся. Коморницѣй ланцугъ.

БОНѢЧНЕ, нар. Непремѣнно. Конѣчне придзи.

БОНѢЧНО, нар. Тоже, что Конѣчне. Дѣйствительно. Конечно таць.

БОПЯЕЪ, а, умен. **БОПЯЧОЕЪ**, -чка, с. м. Земляная насыпь; бугоръ насыпной земли.

БОРОДѢВНА, и, с. ж. бувъ. Королевская дочь, перен. Богатая, знатная и красивая дѣвица. Узявъ королеву,
Да собѣ не ровну. *Изъ пѣсни.*

БОСЭНЬКА, и, с. ж. Косица. Кто мою косэньку расплѣцець? *Изъ св. пѣсни.*

БОТОЧЕЪ, -чка, с. м. умен. слова Кѣтокъ. 1) Колесо. Коточки маленькіе для дзѣцивиэй повозочки. 2) Котикъ, животное.

Коточекъ пошовъ у лѣсочекъ,

Принесець малому поясочекъ. *Изъ колѣб. пѣсни.*

3) Рядъ, рядочекъ. Ложницеъ дзѣтки въ коточекъ.

КРАСЦЪ, -ду, сов. Украсць, гл. д. Воровать. Ты часто крадзѣшь у мене гроши.

КРАСОЧКА, и, с. ж. умен. слова Крѣска. Цвѣтокъ, перен. къ женщинѣ Красочка. Красочка моя чѣго ты плачѣшь?

КРИШТА́ЛКА, и, умен. **КРИШТА́ЛОЧКА**, и, с. ж. Хрустальный сосудъ, сосудецъ. Кришталку, кришталочку паньскую разбивъ.

КУМА́, ѓ, умен. **КУМОЧКА**, и, с. ж. Кума, кумушка. Не важи готовъ никому, кумочка моя.

КУМЪ, а, с. м. множ. Кумы. Восприемникъ отъ крещенія. Куми вой хали дѣйствна крещица. Аѣ кумъ кумъ радъ,

Повесть куму въ виноградъ. *Изъ крест. твстн.*

КУПЛЯ́ННЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Купить. Покупанный.

Не тутъ то купляна,

Купляна въ городѣ,

Прислана молодѣ. *Изъ свад. твстн.*

КУ́РМО, нар. Динно. Курно въ хацѣ.

КУСТО́БЪ, -тѣа, умен. **КУСТО́ЧКЪ**, -чка, с. м. Бустигъ, кусточекъ. Садимъ тутъ подъ кустомъ. Кусточка цбули пожегѣла.

Л.

ЛАДНЬКА, и, с. ж. 1) Тоже, что Ладочка. Оладѣйка. Ладнѣйка горячая.

2) Во мн. Ладоши. А ладнѣки, ладки! А йдѣ были?—У бабки. *Изъ дитской твстн.*

ЛЕБѢ́ДКА, и, с. ж. умен. слова Лебѣдка. Нѣжное названіе женщины. Лебѣдочка моя, сестрица.

ЛИХОДѢ́Й, я, с. м. Зложелатель. Лиходѣямъ на забздросць, а намъ на доброе здорověе. *Пос.*

ЛИХОДѢ́ЙКА, и, с. ж. Зломислящая женщина. Ёна лиходѣйка моя.

ЛУКА́ВНИЦЪ, -влю, -вишь, сов. Злукавица, гл. ср. Злоухищрять. Я съ тобою по правдѣ живу, а ти со мною лукавишь, злукавишь.

ЛУ́ПОВОКІЙ, спр. ок. Луповокъ, прич. 1) Тоже, что Лупатый. См. въ Словарѣ. 2) Имѣющій навнѣ хлопать часто глазами вѣками. См. въ Словарѣ Лупаць. Эхъ ти луповокій, прослѣпнѣ.

ЛЮГА́НКА, и, умен. **ЛЮГА́НКАЧКА**, и, с. ж. Дагушка. Люганка вкочѣць.

ЛЯ́ДРО, а, с. ср. Стегно, лядвѣя у лошади и вола. Вода въ рѣцѣ по сама лядры коню. Слечи Облѣдры въ Словарѣ.

ЛЯ́КРОТЬ, а, с. м. Лакъ. Паньскіе столы подъ лякромъ.

ЛЯ́ЛКИ, -лѣкъ, с. ж. см. во мн. ч. Зрачки глазъ. Ляльки еховалися ужо у ёго. Перен. Глаза. Протри свое ляльки, дакъ и ўвидиши.

М.

МАМУ́ЛЯ и **МАМУ́ЛЕНЬКА**, и, с. ж. Ласк. слова Мама. Маменька. Мамулю мою прошу благословица мене ѣхадъ къ вѣнку. Мамуленька моя, не покидай же мене.

МИГА́ЦЪ, однокр. Мигнуць, гл. ср. Давать знать бистрымъ движеніемъ глазъ или лица. Што ти ёму мигаешъ. Чортъ чорту сповѣдався: однинъ мигнувъ, другій догадався. *Поса.*

МІГОМЪ, нар. Мгновенно, быстро. Мигомъ збѣгавъ.

МИГУНЬ, межд. 1) Вдругъ, въ одно мгновеніе. Мигунь и-збѣгавъ.

2) Быстрый знакъ глазами, или лицомъ, мигъ. Мигунь на его, штобы ёнъ догадався.

МИНУЮЧИ, дѣепр. въ знач. предл. Кромѣ. Минуючи тое, скажу....

МУСИЦЪ ВЪЩЪ, гл. безл. Должно быть. Мусицъ быцъ панъ прѣхавъ.

Н.

НАГОНЪ, у, с. м. Нагнаніе; пригонъ. Нагонъ скота, коней на торгъ.

НАДО, гл. безл. сокр. отъ Надобно. Нужно. Кого тобѣ надо?

НАДОБНЫЙ, прил. Нужный. Ёнъ мнѣ надобный человекъ.

НАДРЫВАЦЪ, сов. Надорвацъ, гл. д. Раздирать. Ты своимъ упорствомъ сердце мое надрываёшь, надорвавъ.

НАДРЫВАЦЬЦА, сов. Надорвацьца, гл. возвр. Рваться, раздираться. Сердце мое надрываёцца, глѣдзучи на его хворобу. Надорвалася я, плачучи.

НАЖИВА, и, умен. **НАЖИВОЦА**, и, с. ж. Доходъ со стороны. Хорошую Богъ намъ давъ наживку, наживочку.

НАЖИНЪ, а, с. м. Количество нажатого. Слѣта нажину нема, хопъ онъ умолотъ бывъ хорошъ.

НАЙСОБЛИВШІЙ, прев. ст. прил. Особливый. Особеннѣйшій, отличнѣйшій. Найсоблившій мой пріацель.

НАЙЯСНѢЙШІЙ, прев. ст. прил. Ясный. Сіятельнѣйшій. Найяснѣйшій князю.

НАПУЩИВАЦЪ, сов. Напусцицъ, -щѹ, -сцишь, гл. д. Напускивать, спускать во множествѣ. Идзи съ паньскихъ покоевъ, а то ти тутъ блохъ напущиваёшь, напусцишь. Напушываль. напусцицъ па кого собакъ.

НАѢДНЫЙ, прил. Сытный. Не важная потрава бываёць наѣдная.

НАѢДОКЪ, -дку, с. м. Сытная ѣда. Отъ яблокъ и гурковъ наѣдку нѣма.

НАѢДЪ, у, с. м. Тоже, что Наѣдокъ.

НЕ БАВНО, нар. Не забавляясь, не промедливая. Не бавно вы госцили ў насъ.

НЕДОѢДОКЪ, -дка, с. м. Остатокъ пищи, недоѣденный кусочекъ. Недоѣдокъ свой покинуть. Собери со стола недоѣдки.

НЕ ДУЖО, нар. Не очень. Не дужо я цебе боюся.

НЕ МАЗАНЫЙ, прич. въ зн. прил. Не смазанный. Такой, сыкій, сухой, не мазанный. *Посл.*

НЕ МИНУЧІЙ, прич. Тоже, что въ Словарѣ Неминуцій.

НЕКЛІ, нар. Едва ли когда было, чтобы. Неклі собака блины пѣкъ. Ёнъ усѣгды дѣстомъ ѣсць. *Послов.* Неклі ти правду говоривъ! ти ўжо давно зневѣрився.

НОРОВИСТЫЙ, прил. Упрямый. Норовистый хлопецъ, конь.

НУТРИНЬИЙ, прил. 1) Внутренній. Нутреное сало. 2) Изнутри заш-
раемый. Нутреный замокъ.

О.

ОВМЕЩИЦА, и, с. ж. Мука съ пескомъ, обметенная вокругъ мельнич-
наго камня. Мельникъ себе овмещицею накорниць, да гладки зу-
бовъ не поломай. *Изъ послови.*

ОВРАЗИНА, и, с. общ. Безобразный лицомъ. Першій разъ образину
такого вижу. Образина, а не человекъ!

ОБУВЪ, а, с. м. Обувь. Одзинъ обувъ што коштѹецъ. У его хорошаго
обува нѣма.

ОБУЦЦЕ, а, с. ср. 1) Тоже, что и Обувъ. На хозяйскомъ обуцци на-
являся. 2) Обуваніе. Боты еще годзацца на обуцце.

ОБШАВОЛИНЬИЙ, прич. стр. отъ д. гл. Обшаволиць. Обкраденный. Се-
геночн кѣць наша обшаволена.

ОБШАВОЛИВАЦЪ, сов. Обшаволиць, гл. д. Обкрадивать, обшаривать
воровски. Ой, ты часто обшаволиваешъ мою кошению. На ночлезѣ
обшаволивъ мене нѣхтѣ.

ОБЩЕПЛИВАЦЪ, сов. Общепиць, гл. д. Обнимать ерѣвко. Ты мене по
прицельски общепливаешъ, да не по прицельски поступаешъ со
мною. Общепи мене дѣцятко.

ОБЩЕПЛИВАЦЫЦА, сов. Общепицьца, гл. взаимн. Обниматься ерѣвко.
Общепливающца, общепились, якъ прицели, а грызущца якъ собаки.

ОЛЕЙКЪ, -йка, с. м. Лѣкарственныя масляныя капли. Олейкомъ при-
класць къ порѣзу.

ОПУСЦЯСЯ, дѣпр. прош. вр. гл. возвр. Опускацьца. Опустившись.
Крылками опускася. *Изъ нѣсмн.*

ОСОБНЯКОМЪ, нар. Порожня, по одиночѣ. Особнякомъ поѣхалп.

ОСТРОЖКА, и, с. ж. Шпора. Боты съ острожками.

ОСЫПАЦЫЦА, сов. Осыпацьца, гл. возвр. Линять. Говорится о птицахъ.
Крылками опускася,

Перьякомъ осыпѣся. *Изъ нѣсмн.*

ОСЪВАЦЫЦА, сов. Осѣкцся, гл. возвр. Обрѣзываются въ словѣ или по-
ступкѣ, ошибаться. Ты часто осѣваешся. А што? Осѣся языкъ твой.

ОТЖЕНАЦЪ, сов. Отженуць, гл. д. Отгонять.

Поглядай, сынку, моей шшовочкн,

Отжений, отжени перепѣлочкн. *Изъ свад. нѣсмн.*

ОТХАВЕНЬИЙ, прич. стр. отъ д. гл. Отхавиць. Возвращенный къ жизни.
Отхаенный утопленникъ.

ОТЩЕПЛЕНЬИЙ, прич. стр. отъ д. гл. Отщепиць. Отпиртый. На што ты
кинувь отщепеную кѣць? свиини ѹлѣзуць и шкоду здѣлаюць.

ОТЩЕПЛЯЦЪ, сов. Отщепиць, гл. д. 1) Отпирать запертое. Отще-

плѣй вокны. Отщени комору. 2) Откалывать. Отщепляць осколочки на подтопу.

ОТЪѢЗДНОЕ, -аго, въ знач. сущ. Тоже, что Отъѣзднимъ. См. въ Словарѣ.

ОФІЦІ́ЙНА, м, с. ж. простонар. **ОЖВИЦЫ́НА**. Флигель при господскомъ домѣ для должностныхъ по экономіи лицъ (отъ officium). Икономъ живецъ у офицнѣй.

ОФІЦІ́ЙКА, и, и **ОЖВИЦЫ́КА**, с. ж. умен. слова Офицїна. Небольшой флигель. Цѣпленъкая офицнїка.

ОШУКА́НЕЦЪ, -нца, с. м. Обманщикъ. Жиды ўси ошуканцы, нїколи не живуць правдою.

II.

НА́СИГЪ, а, с. м. умен. слова Пасъ. Поясокъ. Подперезишь пасникомъ.

НА́СТЧЫ́Й, прил. Къ пчеловодству относящїйся. Пастъчний ножикъ.

ПАХО́ЛОЧЕКЪ, -чка, с. м. умен. слова Пахолокъ. Тоже, что Пахолокъ. См. въ Словарѣ.

ПЕНЬ, пня и пеня, с. м. Пенъ, перен. Глупецъ. Пеня гетого ничому не вѣўчишь.

ПЕРЕД́ОГЪ, -дка, умен. **ПЕРЕД́ОЧЬЕЪ**, -чка, с. м. Передняя часть телѣги. Сядзь въ передку. Самн сѣли у задочку,

А мене посадили въ передочку. *Изъ рекр. п.*

ПѢ́РЬКОМЪ, нар. Поперегъ. Перекомъ костка въ горлѣ сѣла.

ПѢ́РОМЪ-ЗЕМЛЯ. Выраженіе желанїя покойнику, чтобы ему легка была земля.

ПѢ́РЬКО, а, с. ср. собир. умен. слова Пѣрье. Перья. Прибери перьяко къ мѣсту.

ПІ́РОВНИКЪ, а, с. м. Собутыльникъ. Собралися въ карчму пировники, да й пируюць.

ПОВЛІ́ЖШЫЙ, ср. скл. ст. отъ прил. Близкій. Который поближе. Поближшая дорога.

ПОВѢ́У, въ знач. нар. Полвѣка.

ПОВЫ́ЧЕСТОВАНЫ́Й, прил. отъ г. г. Повычестоваць. Употчиванный гостямъ. Уся горѣлка повычестована толочанамъ.

ПОВЫ́ЧЕСТОВАЦЪ, сов. гл. д. Честоваць. Употчивать при угощенїи многихъ. Усю горѣлку повычестовавъ, ни капельки не оставивъ къ завтрему.

ПОВЯ́АЦЪ, сов. гл. д. Вязать. Связать. Назадъ руки повязали. *Изъ рекр. п.*

ПОГЛЯ́ДЗѢ́ННЕ, я, с. ср. Взглядъ. Дзѣвка на поглядзѣнне хороша.

ПОГЛЯ́ДЗѢ́ЦА, -жўся, гл. возвр. сов. в. Посмотрѣться. Поглядзися въ воду, яковъ ты.

ПОГОРЖА́ЦЪ, гл. ср. Пренебрегать. Ты погоржаешъ моимъ подаркомъ, моею ласкою.

ПОДВО́РЬЕ, я, умен. **ПОДВО́РЬКО**, а, с. ср. Пространство, мѣсто

пустое подлѣ двора. Подворье, подворьико таткино треба ровноваць.

Изъ свад. писем.

ПОДГОДОВА́НИЕ, я, с. ср. воспитаніе. Подгодованне сиротини.

ПОДОТРА́ШНИЦА, а, с. ср. Мѣсто подѣ стрѣкою или водѣ крышею. Под-
стрѣшнице наше процекаецъ.

ПОВѢ́ЩЕНОЕ, -аго, въ знач. с. Взносъ денегъ на звонокъ за умершаго

Нехай тобѣ на повѣщное, што ты мнѣ скрудишь.

ПОКИВА́ЦЦА, сов. гл. возвр. Кивацьца. Поработать довольно, часто
наглася. Покивался я за дзень, рубючи дровы.

ПОКРА́ДЗЕННЫ́Й, прич. стр. отъ дѣйст. гл. Покрасць. Уворованный.

Браццы! покрадзены яйцы: было четыре, стало шесть. *Літог.*

ПОКРА́СОЦЬ, сов. гл. д. Красиць. Перен. Сдѣлать честь.

Наталка наша покраса,

Покрасила два двори. *Изъ свад. писем.*

ПОКРА́СОЦЬ, сов. гл. д. Красць. Поворовать.

Боровайниці псицы

Сѣдзяць, якъ лисицы,

Усѣ дѣсто покрали,

По кншениахъ поховали. *Изъ свад. писем.*

ПОЛІВА́ЦЬ, -любю, гл. ср. Охотиться, ѣздя по полямъ. Паннич, полю-
ючи, потоптали збожже.

ПОЛИТОВА́ННЕ, я, с. ср. Милосердіе. Икономъ безъ политования бѣць
нась.

ПОМІ́МО ТОГО, нар. Крімѣ того.

ПОМО́ЧНИ, -чей, с. ж. употр. во множ. ч. Подтяжки. Паничовы штоники
на помочахъ

ПОМѢ́РНЫ́Й, прил. Умѣренный. Морозъ помѣрный. Урожай помѣрный

ПОПѢ́СЕННЫ́Й, прич. стр. отъ д. гл. Попѣсѣвиць. Тоже, что Попѣсѣе-
ный. См. въ Словарѣ.

ПОПѢ́ЩИННА, м, с. ж. Священническая земля. Поповщину засьвао.

ПОПОСТЫ́ЛИЦЬ, сов. гл. д. Постылиць. Привести въ омерзение; гово-
рится о многихъ. Усихъ дзѣцей ты мнѣ попостылишь, пріучивши къ
сваволѣ

ПОПОСТЫ́ЛИЦЦА, сов. гл. возвр. Постылицьца. Омерзѣть; говорится
о многихъ. За тобою уси дзѣди попостылилися мнѣ.

ПОРЯ́ДОЧКЕ́Ъ, -чка, с. м. умен. слова Порядокъ. Правильное распо-
ряженіе, порядокъ. Не отдавай мене, таточка, за ўдовца,

Отдай мене таточка у семью.

Тамъ ёсьць порядочекъ усему. *Изъ свад. писем.*

ПОРЯ́ДЧИННЕ, я, с. ср. Управленіе, установленіе порядка въ работѣ.

Твое порядчинне нигуды не годно.

ПОСТЫ́ЛЕННЕ, я, с. ср. Неприязнь. Межъ нами давно постыленне
зайшло.

ПОСТЫЛЫЙ, прил. 1) Мерзкій, неприязненный. Постылиа ты человекъ со своею доукою. 2) Ничтожный, презрѣнный. Усѣ милое пошло за постылое. *Посл.*

ПОСЫВАННЕ, я, с. ср. Порывъ. Посыванне бидца.

ПОСЫВАЦЬ, сов. Посывудцъ, гл. д. Выставлять впередъ. И ты тутъ посывайшь свой носъ!

ПОХОЖДАЦЬ, гл. ср. Похаживать. По постацѣ походяе,

Своихъ жнеекъ приговяе. *Изъ жинн. н.*

ПОХОЖДАТИ, гл. ср. Тоже, что Походяць, употребляется въ нѣкоторыхъ частяхъ Минской и Гродненской губ. Панъ по лугу походяе,

Якъ ми косимъ поглядае:

ПОЦЕРНИЦЬ, -плю, гл. д. сов. в. въ знач. сред. отъ гл. Цертиць. Претерпѣть. Я много поцернивъ черезъ тебе.

ПОВЪЖАННЕ, я, с. ср. 1) Частая ѣзда. Коней поморивъ своимъ повѣжаннемъ до своей коханки. 2) Насиліе чьей либо воли. Я тобѣ не позволю повѣджання на моей шин.

ПРАННИЧКЕЪ, -чка, с. м. умен. слова Пранныкъ. Валекъ для битья на рѣкѣ бѣлыя. Праннычекъ твой лѣгенькій и зрученькій.

ПРЕЗНАЧАЦЬ, сов. Презвачиць, гл. д. Предназначать, предопредѣлять. Богъ кожному человеку назначаць долю. Чего Богъ не назначаць, того не будзешъ церпѣць.

ПРЕЗНАЧЕННЕ, я, с. ср. Предназначеніе. Ему такое назначенне отъ Бога.

ПРЕЗНАЧОНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Презвачиць. предназначенный. Ему такая доля, смерть назначена.

ПРИВОЛЬНЫЙ, прил., срав. скл. ст. **ПРИВОЛЬШИЙ**. Отличающийся хозяйственными выгодами. Наше привольное жидцѣ, усѣ подъ рукою. Наша дзережня привольшиа маць выгоды, чимъ си ваша.

ПРИГАНКА, н, с. ж. Охулка. Якую ты даси приганку мойму коню?

ПРИГНАИВАЦЬ, сов. Пригноиць, гл. д. Допускать гнѣеніе, гнилость въ чемъ; прогноть. На што ты въ коняхъ пригнаивашъ сѣно? якъ пригноишь, кони ѣсць нѣ будутъ.

ПРИГОЖЕСТВО, а, с. ср. Красота. Дзѣвка пригожествомъ хороша, да не рукодзѣльница.

ПРИКРУЦІЛО, гл. безл. сов. в. Принесло какъ бы крутящимся вихремъ. Уже его прикруцило къ намъ.

ПРИПОЗЫЧИЦЬ, сов. гл. д. Позычиць. Взять въ долгъ къ имѣющемуся на исходѣ запасу; признать. Жита свойго не стало на сѣвбу, такъ троху припозычивъ.

ПРИХОЖАЛЫЙ, прил. Часто приходщій. Гето не госци, а прихожалне къ намъ люди.

ПРИЧАСНЕНЕЪ и **ПРИЧАСТЕНЕЪ**, а, с. м. 1) Причащающійся тѣла

и крови Господней. Сегодня причастниковъ дуго много въ церкви.

2) Участникъ въ какомъ либо дѣлѣ. Я гетому дѣлу не причастникъ.

ПРОВИВА́ЦЬЦА, сов. Пробѣйца, гл. возвр. Въ бѣдности находить способы къ прожитію. Прожилъ черезъ зиму, будземъ пробивацда, пробьемся якъ небудь и черезъ весну.

ПРОВУЖА́ЦЬ, гл. д. Пробуждать. Одзинъ другого пробужайце. *Изъ св. н.*

ПРОВУЖА́ЦЬЦА, гл. возвр. Пробуждаться. Завтра раненько пробужайцеса.

ПРОВИ́ЗЫЯ, и, с. ж. (отъ Лат. provideo). Пожизненное назначеніе хлѣбнаго продовольствія. Старуха у пана заслужбная, побираецдъ у пана провизію до поживоцда.

ПРОВИ́НКА, и, с. ж. Небольшая погрѣшность. За гету провинуку купи горѣлки.

ПРОСѢЖИВА́ЦЬ, сов. Просѣдциъ, гл. д. Просиживать. До повночи просѣживаемъ за кудзелею, и не углѣдимъ, якъ просѣдимъ.

ПРУ́ДНИЧНЫЙ, прил. Мельничной. Прудничной камень.

ПРУДО́БЪ, -дѣа, с. м. умен. слова Прудъ. Небольшая мельница. Не великой прудокъ, а за его рата великая.

ПРУТО́ЧЬЕЪ, -чка, с. м. умен. слова Прутокъ съ его значеніемъ. Пруточкомъ протгни дзирочку.

ПРУ́ХЛЫЙ, прил. Истлѣвшій. Прухлый сыръ.

ПРЯДЗѢ́ЛЬНИЦА, и, с. ж. Прадильница. Много было дзѣвницъ прядзельницъ на посѣдѣнкахъ.

ПРЯ́ЖА, и, с. ж. Тоже, что Прядзельница.

Говорили людзи, што Тацянка ни пража, ни ткажа;

Ажио Тацянка и тонко прjala и звонко ткала. *Изъ свад. пѣсни.*

Р.

РАЗВИВА́ЦЬЦА, сов. Развѣйца, гл. возвр. Распускаться. Говорится о почкахъ деревьевъ. Развивайся сырой дубе, заразъ морозъ будзе. *Изъ пѣсни.*

Наша калинка добре развилаъ и по кошулѣ разлилася. *Изъ свад. пѣсни.*

РАЗГУ́ЖИВАННЕ, я, с. ср. Возраженіе противъ добраго совѣта. Разгуживаннемъ своимъ отбивъ у мене невѣсту.

РАЗИ́НА, и, с. ж. Случай бывшій однажды. Разину тольки бывъ у насъ.

РАЗИ́НКА, **РАЗИ́НОЧКА**, и, с. ж. умен. сл. Разина, съ его значеніемъ.

Разинки, разиночки ты не нашовъ побываць у насъ.

РАЗЛАЙДАЧИ́ЦЬЦА, гл. общ. сов. в. Сдѣлаться плутомъ. Хлопецъ хорошій бывъ, да цеперь разлайдачився.

РАЗЛИВА́ННЫЙ, прил. 1) Разливанной, обильной. Разливанное море. 2) Проливаемой. Усякій дзень разливанья слезы.

РАЗЛИВА́ЦЬ, сов. Разлиць, гл. д. Проливать. Разливаць, разлиць слѣзы.

РАЗЖВА́ЦЬ, -жвѣу, сов. гл. д. Жваць. Разжевать, перен. Хорошо, здраво

разсудить. Старый гмира, не разсказъ Вожяго слова до шира.
Изъ разказа.

РАЗЪОЧКЪ, -чка, с. м. умен. слова Разънѣ.

Ойченька мой милый ружовый кѣдце,

Побудзь же у насъ хоць разочекъ въ глѣдѣ. *Изъ пѣсн.*

РАЗЪУМНИКЪ, а, с. м. Умный мужчина. Съ разумникомъ поговорить, зума набрацьца.

РАЗЪУМНИЦА, н, с. ж. Умная женщина. Ой! ты у насъ разумница.

РАННИЙ, прил. 1) Утренний. Раннимъ морозникомъ хорошо будзѣць бѣхць. 2) Рано встающийъ отъ сна. Ранная птушечка носитьъ черебнць, а позная вочен процирабць.

РАСПУЖАЦЬ, сов. гл. д. Пужць. Распудить, спугнуть. Цецерюковъ распужавъ.

РАСТРАВЛЯЦЬ, сов. Растравць, гл. д. Разстронвать, отравлять. Ты сердце мое растравлябшь, растравивъ своимъ упорствомъ.

РЕЦІВЫЙ, прил., срав. скл. ст. **РЕЦІВІШЫЙ**. Усердный, ревностный. Твой коникъ рецывый, рецившій отъ мойго.

РОДЗИНОЧКА, н, с. ж. умен. слова Родзйна. Родина, родивка. Отдалилася я отъ своей родзиночки.

РОЛОЧКЪ, -чка, умен. сл. Родъ. Родичи.

А напишемъ по листочку,

Да до нашего родочку. *Изъ пѣсн.*

РОБВЫЙ, прил. Къ рову относящійся. Робвое мѣсто. Робваа мѣтка.

РОБЪ, въ знач. нар. 1) Гурьбою. Водни робѣць, лецьца за колами.

2) Толпою. Жиди робѣць оступили возъ зъ рибой, такъ и хопанць.

РОБЧКЪ, -чка, с. м. умен. сл. Рой. Маленькій рой ичель. Робчка два посадивъ. Собрався робчѣкъ, да ў дѣнный кусточекъ. *Изъ сад. пѣсн.*

РУКАВІЦЬ, -вца, с. м. Рукавъ, мѣшечекъ сдѣланный въ родѣ рукава. Бѣлаа Зосечка до бѣнца,

Спнала золото зъ рукавца. *Изъ сад. пѣсн.*

РУКАВОКЪ, -вкѣ, с. м. умен. сл. Рукавъ. Рукавчикъ. Рукавки адѣланн короткіе.

РУКОДѢЛЬНИКЪ, а, с. м. Мастеръ ручныхъ надѣлій. Твой сынъ на ўсѣ рукодѣльникъ.

РУКОДѢЛЬНИЦА, н, с. ж. Мастерница всѣхъ домашнихъ ручныхъ надѣлій. Дѣвка рукодѣльница, розными манерами умѣць тѣць.

РУКОМЫЙНИЦА, н, с. ж. Рукомойникъ. Мийся надъ рукомыйницею.

РУЧНИКЪ, а, с. м. Тоже, что Рушникъ, см. въ Словарѣ.

РУШНИЧОКЪ, -чкѣ, с. м. умен. слова Рушникъ. 1) Полотенце для утиранья. Рушничокъ вышитый заболоццю. 2) Полотенце подѣвичное.

Не твоя я, мамочка, не твоя,

А того князя молодого,

Съ нимъ на рушничку стояла,

Кому крестъ дѣловала. *Изъ сад. пѣсн.*

РЫБАЛОЧКА, и, с. м. Умен. сл. Рыбалка съ его значеніемъ.

Поймаюць тебе рыбёнку

Рыбалочки молодце. *Изъ мѣсти.*

РЫБОНЬКА, и, с. ж. Ласкат. отъ слова Рыба. Рыбочка.

РЫСОКА, и, с. ж. Названіе кошки (сибирской) дымчатого цвѣта.

РЫТВИНА, и, с. ж. Веритое мѣсто. Въ саду свинни много ритвинъ понадылали.

С.

САДНИНА, и, с. ж. Ссадина. Ковъ объ отосу саднину нацерь собъ.

САТОКЪ, -тѣа, с. м. умен. слова Свать съ его значеніемъ. Нашъ сватокъ руки побѣкъ. *Посо.*

САТОЧЬЕЪ, -чѣа, с. м. Ласкат. отъ слова Сватокъ.

Возми сваточѣъ добрый луть,

Да гони придавокъ — сучекъ въ куть. *Изъ свад. мѣсти.*

САХНА, и, с. ж. Сватья. Говорится какъ бы укоризненно. Свахна наша заспалася.

САЦПРОХНА, и, с. ж. Тоже, что Свахна.

СВОЯВОЛКА, и, с. ж. 1) Шалуныя. Дзѣвка свояволка подманна мене.

2) Ходящая по своей волѣ, трогающая все безъ позволенія старшихъ. Отвучи ты гету свояволку збродоваць.

СВОЯВОЛЪ, а, с. м. Трогающій что безъ позволенія старшихъ. По рукавъ би гетого своявола, кабъ ѣнъ не ласовавъ.

СВОЯВОЛЬНИКЪ, а, умен. **СВОЯВОЛЬНИЧЕЪ**, -чѣа, с. м. Тоже, что Свавѣльникъ, Свавѣльничекъ.

СВУЖЕННЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Свѣзичъ. Служенный. Свѣтка свуженая.

СВѢЗИЦЪ, сов. гл. д. Вѣзичъ. Сдѣлать уже противъ надлежащаго. Свѣтку мою свѣзичъ крѣвецъ.

СВУЗЪЦЪ, сов. гл. ср. Вузѣцъ. Сдѣлаться уже. Рѣка наша свузѣла.

СВѢТОЧЬЕЪ, -чѣа, с. м. умен. слова Свѣтокъ. Разсвѣтъ, свѣтъ предъ восходомъ солнца. Чудъ свѣточекъ выѣхали.

СВѢЧЕЧКА, -чѣи, с. ж. умен. слова Свѣчка, съ его значеніемъ.

Запаля свѣчку,

Погляжу въ печечку,

Ажъ пороса, ажъ пороса. *Изъ мѣсти.*

СИВЧИКЪ, а, с. м. Гнѣдая лошадь. Подаруй мнѣ свойго сивчика.

СИПАЙЛА, и, с. общ. Сиплый. Гетого сипайлу не дочуешъ, што ѣнъ сипиць.

СИТНИКЪ, а, умен. **СИТНИЧЬЕЪ**, -чѣа, с. м. Тростникъ, тростничекъ; растеніе произрастающее на влажныхъ мѣстахъ.

СКАЛОЧКА, и, с. ж. умен. слова Скалка. 1) Кременекъ. Скалочка до пистолета згодзица. 2) Осколочекъ отъ чего либо твердаго. Скалочка сахару.

СКОЛЫЖНУЦЬЦА, сов. однокр. в. глагола Коляхацьца. Поколебаться.

Човенъ сколыхнувся.

СКРЫТНО, нар. 1) Тайно, скрывая. Скрытно дзѣлаець нѣшто. 2) Неоткровенно. Скрытно зъ нами поступаець, живець.

СКРЫТНЫЙ, прил. 1) Тайный. Скрытныи неприацель. 2) Неоткровенный. Ёнъ скрытныи чловѣкъ, нікому не скажець правды.

СКРЫТО, нар. Тоже, что Скрытно.

СКУПАГА, и, с. общ. Скупой. Твой мужикъ скупяга, не дужо раскинецца купиць горѣлки и почествоваць свойго прияцля.

СЛОВѢЧКО, а, с. ср. Слово. Ни словѣчка не сказаць на гето.

Не мовъ же мнѣ ни словѣчка,

Нехай будзе гречка. *Изъ пѣсни.*

СЛОВЭНЬКО, а, с. ср. Тоже, что Слово. Хоць бы ёнъ словэнько мнѣ промовиць.

СМАЗЛИВЫЙ, прил. Красивый лицомъ. Дзѣвка смазливая, да не работливая.

СОБОЛЬ, я, с. м. Соболь, соболий мѣхъ.

Буни, риси, соболи на вороцникахъ висяць,

Мужиковы воровы да не влечкагахъ лежаць. *Изъ крест. пѣсни.*

СОЧИВКА, и, умен. **СОЧИВОЧКА**, и, с. ж. Чечевича.

Сочивку, сочивочку пора косиць.

СПОЦЕРЯЦЬ, гл. д. сов. в. Истратить.

Мы твою нивку зжынали,

Свою силу сподерали. *Изъ жинк. пѣсни.*

СПРАВЖЭННЕ, я, с. ср. Выполненіе обѣщанія. На справженне свойго слова, я привѣзъ тобѣ то, што обѣцаць.

СПРАВЛЭННЕ, я, с. ср. 1) Отправленіе, совершеніе. Справлэнне веселя дорого обѣйшлося. 2) Снаряженіе. Справлэнне одзежи.

СПРАВУНКА, и, умен. **СПРАВУНОЧКА**, и, с. ж. Порученіе въ исполненію. Павъ мнѣ справунку, справуночку давъ.

СПЫРСКИВАЦЬ, сов. Спырскнуць и Спырсуць, гл. д. 1) Спырскивать. Спырскиваць, спырскнуць сукно. 2) Наказывать тѣлесно. Цебе тыи часто спырскиваць, да ты не боишся хоць и хороменько спырскнуць.

СПЫРСКНУТЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Спырскнуць. Спырскнутый. Спырскнутое сукно.

СПЫРСКНУЦЬ. См. Спырскиваць.

СТАРЫЙ ЗАВОНЪ, -аго -я, въ знач. сущ. Въжлиное названіе Еврея.

«Здоровъ будзе, музицокъ!» — А здоровъ, здоровъ, сталый законъ.

Што тобѣ треба?

СТОЛЭВЪ, а, с. м. умен. слова Столъ.

Ой вы столики мое, вы цисовенькіе,

Да чому жъ вы стоице незасланенькіе. *Изъ пѣсни.*

СТОЛЧЕКЪ, -чка, с. м. Стульчикъ. Подай пану столчекъ, нѣхай сядѣць.
СТОЛЪ, а, с. м. перен. Поминовеніе объ умершемъ съ угощеніемъ. От-
правиць по тату столъ. Остатній столъ.

СТОРОННЬКА, и, с. ж. умен. слова Сторона. Сторонушка. Своя сторо-
ннѣшка, якъ родная matka.

Видна моя головнѣшка,

Што чужая стороннѣшка. *Изъ рекр. мѣст.*

СТРѢЛЬБОЧКА, и, с. ж. умен. слова Стрѣльба. Ружьецо. Дѣгенская
стрѣльбочка.

СТУЖА, и, с. ж. Холодъ. Не стой на стужѣ.

СУСѢДКИ, -дзей, с. ж. Сосѣдство, проживаниеъ въ чужомъ домѣ. Пущи
мене въ сусѣдѣ къ собѣ. Не маемъ своей хатки; усѣ въ сусѣдѣхъ
трѣмса.

СУСѢДНИ, нар. По сосѣднему, свойственно сосѣду. Не сусѣдѣки ты
съ нами живешъ: усякій разъ шкочу отъ цѣбѣ цѣрнимъ.

СУСѢДКА, и, умен. **СУСѢДОЧКА**, и, и **СУСѢДНЬКА**, и, с. ж. Со-
сѣдка, сосѣдочка. Хороша твоя сусѣдка, у ее и води не вынѣшъ.
Не покидайце мене сусѣдочки, сусѣднѣки мод!

СУТУЙ, сираг. окону. Суть, прил. (Совѣтній). 1) Сугубій. Сутую собѣ
узавъ дзѣлѣнку. 2) Очень довольный, достаточный. У вашей дзе-
ревнѣ усѣ сутые мужучки.

СХОДНИЦЬЦА, сов. Смицѣся, -дуса, гл. взаимн. 1) Стегаться виѣсть.
Давъ рѣки тутъ сходящца виѣсто. 2) Соглашаться въ условіяхъ.
Ну сходящесея, будѣмъ бариши ниць. Смицѣся не довго, коли
только обоимъ было выгодно.

САГНѢ, сѣгна, с. м. Шагъ. Сѣгна нѣ чѣтырѣ сусѣдъ закосивъ у мене
сѣновосу.

Т.

ТАЛѢРОЧКА, и, с. ж. умен. слова Талѣра. Тарелочка. Давъ куклѣ, да
й на талеротцѣ (на ладони).

ТАЙКОМЪ, нар. Потаенно. Тайкомъ отъ бацьки паненка вынѣла за мужъ.

ТАНДѢЦНЬКЪ, а, с. м. умен. слова Тандѣтъ. Вещь не прочная, кунлен-
ная дешево. Гето мнѣ конавса тандѣцнѣкъ.

ТОРГОВНЬКЪ, прил. Ярмарочный. Завтра торговнѣ дзень.

ТОРЖОКЪ, -жка, с. м. умен. сл. Торгъ. Небольшая ярмарка.

Пѣшовъ воцкѣ на торжокъ,

Купивъ дзѣдату пирожокъ. *Изъ колѣб. мѣст.*

ТРАПЛИВЫЙ, прил. 1) Ловко попадающій въ цѣль. Твоя стрѣльба
траплива, не хибидъ. 2) Не ошибающійся въ пути. Конь мой трап-
ливъ: ци разъ проѣхавъ якою дорогою, не треба въ другій разъ
пытатьца дороги.

ТРЕБУШНИНА, и, с. ж. (насмѣшнво). Тѣло, толстое брюхо. Повер-
ника ты свою требушину.

ТРИВАЛЬСІЙ, прил., срав. сл. ст. **ТРИВАЛЬШИИ**. Тоже, что Тривальнй въ
Словарѣ.

ТРИВАЦЬ, гл. ср. Долго пребывать, быть въ употребленіи. Хѣмуть ге-
тмй довго ў себѣ триваць.

ТРУБОЧКА, и, с. ж. умен. слова Труока съ его 2-мъ значеніемъ.

Двѣ трубочки тонкаго жужельнаго полотна дала дочцѣ на кошули.

ТРУДНОСЦЬ, и, с. ср. Затрудненіе. Тутъ труднѣси нема ни ѡкей;
только треба мѣць розумъ и гладѣць, якъ тутъ дѣлаецца.

ТРУДОВЫЙ, прил. 1) Требующій труда. Трудовая работа. 2) Трудами
заработанный. Трудовая копейка.

ТУРЬ, а, с. м. Дикій быкъ, буйволъ. Паны на охотѣ тура забили.

ТУШЕННЕ, я, с. ср. Угашиваніе. Тушенне огня, пожару.

ТЫМЧАСОВЫЙ, прил. Сдѣланный, исполненный въ небольшой проме-
жутокъ времени. Гето тимчасовая работа.

ТЫЧНИНА, и, с. ж. Тонкая жерль, втыкаемая въ землю. При волѣ-
тахъ двора войта стонць тычина. Тычину нѣкто зломавъ.

ТЫЧИНКА и **ТЫЧИНОЧКА**, и, с. ж. умен. слова Тычйна. Жердочка,
жердеа для хмѣля или другаго вьющагося растенія. Тычинками
цѣлую граду усадили.

Тонкая хмѣлинѣчка вьецца,

Ажъ отъ хмѣлю тычинѣчка гнецца. *Изъ пѣснн.*

У.

УВѢГИ, -овъ, с. м. склон. во множ. ч. Слишкомъ великое ухаживанье,
уходы. Даремные твои увѣги; я не пойду за тебе.

УГОДНОСЦЬ, и, с. ж. 1) Угожденіе. Для ўгодности тати пойду за его.

2) Соизволеніе. По ўгодности твоей ѡсѣ дѣлано будзѣць.

УДВОЕ, нар. Вдвое. Удвое отдамъ, только позичъ.

УДОВѢНЬКА, и, с. ж. Вдовушка. На Волмноцѣ была ўдовѣнька. *Изъ пѣснн.*

УЗВѢОЦЬ, кромѣ показаннаго въ Словарѣ значенія сов. гл. ср. Узво-
дзѣць, въ знач. д. Взвестъ ложь. Ты ўзвела на мене неправду; я
не дѣлала гетого.

УЗВѢДЫВАЦЬЦА, сов. Узвѣдацьца, гл. общ. Навѣщать. Узвѣдывай-
цеса мене дѣтки. Треба узвѣдацьца тати.

УЗВѢДЖАЦЬ, сов. Узвѣхаць, гл. ср. Взвѣзжати, взбираться. Узвѣджай
на гору, на дворъ. У святнаго двора крутая гора

Ни узмйци, ни узвѣхаць. *Изъ пѣснн.*

УЗВѢЗДВИЦЬЦА, гл. общ. сов. в. 1) Начать ѣздить часто. Знаць не
даромъ ты узвѣзднися къ намъ. 2) Часто переползати съ одного
мѣста на другое (говорится о дѣтахъ). Чего ты узвѣзднися, не
посѣднись цихненько.

УЗЪЗЪДЪ, а, с. м. Възъздъ. Тутъ узъздъ труднѣй.

УЗЪЗЪДАЦЪ, см. Узъзъждацъ.

УПАДАНИЕ, я, с. ср. 1) Тоже, что Упадиванне (см. въ Словарѣ).

2) Суетливость, заботливость. Господарство любницъ упаданне коло его.

УПАДАЦЪ, сов. Упасцъ, гл. ср. кромѣ извѣстнаго значенія 1) Впадать.

Ты не накрыла горячкы, нехай мухи ўпадаюць ў молоко, а чашомъ я павуку упадзець. Миншъ унала ў капусту, ў пасадуку. 2) Тоже, что Упадиваць въ обонхъ знач. (смотри въ Словарѣ), но съ дѣйствиємъ, не переходящимъ на другое время. Даремно упадаешъ коло мене, тобѣ я не достаюся. Не упадай такъ за богатствомъ, коли Богъ дастъ, то ѣ безъ упаданія твоего дастъ.

УПЛИЦЕННЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Уплетаць. Сплетенный. Косынка моя уплецена.

УПОВАГА, и, с. ж. уваженіе. Дѣвци не даюць уповаги ойцу свойму.

На ўповагу заслужиць. Уповагу подерабшъ.

УПРАВЛЯЦЬЦА, сов. Управидьца, гл. общ. Поспѣшать съ работою.

Управляйцѣся въ лѣсѣ; управидься, то раньше къ двору прїѣдзѣць зъ возами.

УПРАВНОСЦЪ, и, с. ж. Успѣхъ въ работѣ. Дни теперь магне, управносни нема.

УРВАНЮКЪ, прил. Хищническій, воровскій. Твоя урванская ухвѣтка, натура. Тутъ треба быць осторожному, якъ на урванской вулицѣ. *Поюс.*

УСКРУЦЬЦЪ, сов. гл. д. Круциць (см. въ Словарѣ 3-е знач.). Какъ бы крутаниса вихремъ поднять. Дихо васъ ускруцило такъ рано.

УСКРУЧИВАЦЬЦА, сов. Ускруцицьца, гл. возвр. Круто приниматься за дѣло. Чѣго вы ускручиваецѣся, ускруцилися такъ рано ѣцаць.

УСТРЕХАЦЪ, сов. Устрехнѣць, гл. д. Встрахивать. Устрехаючи, устрехнувши устресешъ.

УСТРЕХАЦЬЦА, сов. Устрехнѣцьца, гл. возвр. Встрахиваться. Чего ты ўстрехаешся, ўстрехнувся. Цм ты чѣго спужався?

УСТРЕХАЦЪ, сов. Устрѣхнѣць, гл. ср. Встрѣчать. Устрекайце, устреньце молодыхъ.

УСТРЕХАЦЬЦА, сов. Устрѣхнѣцьца, гл. взаимн. Встрѣчаться. Мы часто ўстрѣхаемса межъ собою. Хиба на томъ свѣцѣ ўстрѣхниса. *Поюс.*

УСТРѢЧКА. и. с. ж. Встрѣча. Запали матухна свѣчку,

Да выйдзи дѣвцимъ на ўстрѣчку. *Изъ свад. п.*

УСТЫРКИВАЦЪ, сов. Устыркинѣць, гл. д. Насаживать, насовивать. Устыркивайце споловь по частоколу, нехай просохнѣць.

(Дѣвци) выдрали у дружка чуприну,

Устыркинули на тычину. *Изъ свад. писм.*

УСТЫРКУТЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Устыркинѣць. Насажонный.

Устыркутне спони на чѣстокогѣ пора знаць.

УСТЫРКУЦЪ, см. Устыркиваць.

- УСКОПНУЦЬЦА**, однокр. гл. общ. Ускопывавьца. Вдругъ подняться, схватиться. Вѣдерьъ ускопнулся.
- УЩЕРНЪ**, нар. Сколько вытерпѣть можно. Вода усчернъ горяча. Ему не ўсчернъ пришло, закричавъ, заплакавъ.
- УТРАТА**, и, с. ж. Потеря. Утрата часу. Пошло на ўтрату.
- УТРЕСАЦЪ**, сов. Утрѣсць, гл. д. Утрясывать. Утресаць збожже можно, а орѣховъ и гороху не утресешъ.
- УТРЕСАЦЬЦА**, сов. Утрѣсцьца, гл. возвр. Утрясываться. Овѣсъ много утрѣсацьца, а пшеница мало. Вози дорогою утреслися.
- УТРЕСЕННЫЙ**, прич. стр. отъ д. гл. Утрѣсць. Утрясенный. Овѣсъ купляюць утресеною мѣрою.
- УТРЕСКА**, и, с. ж. Утряска. Овѣсъ съ утрѣскою продаюць, коли мѣрюць.
- УТРЕСЦЪ**, см. Утресаць.
- УТРЕСЦЬЦА**, см. Утресацьца.
- УТРОЕ**, нар. Втрое. Утрое отдамъ тобѣ коли нѣбудь.
- УЧНУЦЪ**, однокр. гл. ср. Учиняць. Рѣшительно приступить къ чему. Учнувъ свояволицъ.
- УЧТЬ**, у, с. м. 1) Почтеніе. Учту ни якого не здѣлавъ передъ паномъ. 2) Угощеніе. Не великій бивъ учть на веселю.
- УДАЦЬЦА**, сов. Уѣсцьца, гл. общ. 1) См. въ Словарѣ. 2) Надоѣдать, досаждать. Уѣдаешся, уѣвся ты мнѣ своимъ дурнымъ поровомъ.
- УДЪДЪ**, я, с. ср. Довольство въ нищѣ. Было мнѣ у тебе уѣддѣ! часто не вечеривши снаць ложився.

ѳ.

- ФАРВОНКИ**, -нокъ, с. ж. употр. во множ. ч. (отъ фарба — краска). Оборки, воланы, вышитые красною кумачною ниткою. Рукавы въ кошулѣ съ фарбонками.
- ФИГУРОЧКА**, и, с. ж. Вещица красиво сдѣланная. Маленькая фигурочка, да дорого коштуецъ.
- ФОРТУНА**, и, умен. **ФОРТУНЕА**, и, с. ж. Игѣніе, помѣстье, помѣстьице. Ни фортуны купишь, ни фортуны подеряешь. Шляхциць фортунку собѣ купишь.

Х.

- ХЛОПЧИНЕА**, и, с. м. умен. слова Хлопчина. Дѣтина. Выбрала сооз хорошаго хлопчинку въ женихи.
- ХЛѢБЕЦЪ**, -бца, с. м. Хлѣбушко. А ци хлѣбѣцъ мой пушбѣць? *Изъ крест. п.*
- ХОМА**, ѣ, с. м. Имя отъ крещевія Хома.
- Што Хома, што Ёрема, то родиме брацця. *Изъ тѣст.*
- ХОМЕА**, и, **ХОМѢЧКА**, и, с. м. умен. слова Хома. Хомеа, Хомушка. Здоровъ Хома, ци здорова жонка, дѣвтиа ци гудуць? *Поюг.*

ХРІСТА, м, с. общ. Тоже, что въ Словарѣ Расхрѣста. Ай ти хрѣста
внѣоли не засягнѣшся.

ХРОМЪ, межд. выражающее хожденіе хромага. Хромъ, хромъ! што
было бъ трѣмъ, то одѣнъ зъѣсць. *Посл.*

ХУСТЭНЬКА, и, с. ж. Платочекъ. Хустэньку нѣв подаривъ свѣжоръ.

ХУТВО, нар. Охотно. Хутво принимайся за работу.

Ц

ЦИСОВИНЬКІЙ, прил. смягч. отъ слова Цисовий. См. Цисовий.

ЦИСОВЫЙ, прил. Изъ тѣса сдѣланный, тисовый. Цисовое дерево.

Ахъ вы столики мое, вы цисовенькіе. *Изъ крест. пѣсм.*

ЦЯНАЦЬ, гл. ср. 1) Смотри въ словарь Цянаць. 2) Рубить лѣнво.

Цянашъ, якъ не своими руками.

ЦЯПЪ-ЛЯПЪ, отгг. частица, означающая скорую, исполненную безъ вни-
манія работу. Не цяпъ-ляпъ! гетой работы нѣ здѣлашъ такъ скоро,

Ч

ЧАСТОВАЛЬ, а, с. м. Ограда изъ часто вбитыхъ въ землю и связан-
ныхъ между собою кольевъ. Развѣсь бѣлизну на чѣстоколѣ.

ЧЕРЕДОВАНИЕ, я, с. ср. Чередъ, посѣщеніе по очереди, или раздача
чего по очереди. Начинай чередованне горѣлкою съ кута.

ЧЕРЕДОВАНЫЙ, прич. стр. отъ д. гл. Чередоваць. Посѣщенный, угощен-
ный по очереди, чередовой. На гетомъ боку стола чередованы ѱси.

ЧИНОВНЫЙ, прил. въ зн. сущ. Чиновникъ. Спроси ѱ чиновнаго.

ЧМЫРА, и, с. ж. Тоже, что Чмурѣла (см. въ Словарѣ). Балагуръ (въ
Гродненской и Минской губ.).

Ахъ ты старшій чмыра!

Не разожвавъ Божяго слова до шыра.

ЧУЙКА, и, с. ж. Шинель. Въ чуйку убрался, якъ паничъ лѣій.

ЧУЙНО, нар. Чутко, осторожно. Чуйно спице на ночлезѣ.

ЧУТОКЪ, сур. ок. прил. Чуткій (см. въ Словарѣ). На гето ты чутокъ.

Ш

ШКОДЭНЬКА, и, с. ж. умен. слова Шкода (см. въ Словарѣ). 1) Небольшая
обѣда. Шкодэньку маю отъ дебе. 2) Въ знач. безг. глагола. Жалко-
вато. Шкодэнька хлопца.

ШКОДЭННЕ, я, с. ср. Наказаніе. Дзѣци школення нѣ любюць, да треба
ихъ цвициць.

ШМЫНДАННЕ, я, с. ср. Бродяжничество. Не приведзець къ добру твоѣ
шмынданне безъ дзѣла пѣ сѣлу.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 7.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1879 ГОДЪ,

ЧИТАННЫЙ

ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ СОБРАНІИ 29-ГО ДЕКАБРЯ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

М. И. СУХОМЛИНОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Императорской Академіи Наукъ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

1881.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 г.
Непрѣмѣнный Секретарь, Академикъ *Л. Веселовскій*.**

ОТЧЕТЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1879 годъ,

составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ, 29-го декабря 1879 года.

Отдѣленіе русскаго языка и словесности продолжаетъ дѣятельность свою въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны учредительнымъ актомъ, слившимъ въ одно цѣлое два самостоятельныя учрежденія: Академію наукъ и Россійскую академію. Многія черты этого акта сближаютъ его съ началами и требованіями, усвоенными Россійскою академію и переходившими какъ преданіе отъ поколѣнія къ поколѣнію.

При самомъ учрежденіи Россійской академіи главными предметами ея занятій признаны отечественный языкъ и словесность; сверхъ того выражена увѣренность, что академики обратятъ вниманіе и на отечественную исторію — на изученіе памятниковъ минувшаго быта, разсѣянныхъ по всему пространству Россіи.

По вступленіи на престолъ императора Александра I, въ эпоху преобразованій, ознаменовавшихъ начало царствованія этого государя, дошла очередь и до Россійской академіи. Для преобразованія ея призваны были представители науки и литературы, и въ составленномъ ими проектѣ указаны для академіи въ сущности тѣ же задачи, которыя намѣчены и при ея основаніи. Въ проектѣ сказано: да посвятитъ академія труды свои усовершенствованію русской словесности, постановленію правилъ

языка и вкуса, и тщательному изслѣдованію достопамятныхъ произшествій и древностей отечества. Обнимая весь кругъ словесности, академія должна стремиться къ тому, чтобы возбуждать литературную дѣятельность вѣрною оцѣнкою произведеній и какъ бы предугадываніемъ общественнаго мнѣнія — «предчувствованіемъ общаго мнѣнія».

Проектъ академическаго устава, выработанный въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, такъ и остался проектомъ. Силу закона получилъ другой уставъ, написанный уже во второй періодъ царствованія императора Александра I. На основаніи этого устава, первая обязанность академіи заключалась въ попеченіи о языкѣ, вторая — въ содѣйствіи успѣхамъ словесности; вмѣстѣ съ тѣмъ академія должна была заботиться, и притомъ съ особенною ревностію, объ изданіи: словаря русскаго языка, русскоѣ грамматикѣ и свода славянскихъ нарѣчій, а равно и объ изданіи произведеній знаменитыхъ писателей съ біографическими очерками и съ примѣчаніями, полезными для языка и словесности. Заботы о языкѣ должны были состоять въ охраненіи его «нравственности, цѣломудрія и чистоты». Съ понятіемъ о цѣломудріи тѣсно связано понятіе о неприкосновенности, о недоступности для посторонняго вліянія. Поэтому для сохраненія цѣломудрія въ литературѣ необходимо было, по мнѣнію составителей устава, оградить ее отъ вмѣшательства цензуры. Вотъ подлинныя слова устава: «Академія, яко сообщество, избранное изъ духовныхъ и свѣтскихъ благонаравіемъ и трудами своими извѣстныхъ особъ, и яко сословіе, учрежденное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, сохраняетъ данное ей право издавать книги свои безъ всякой иной цензуры, кромѣ своей собственной». Независимость отъ посторонней цензуры была существеннымъ правомъ для ученаго учрежденія не только въ то время, но и впоследствии. Довольно вспомнить обвиненія, взведенныя въ былое время на двухъ членовъ академіи наукъ: Кеппена и Гамеля. Академикъ Кеппенъ напечаталъ небольшую статью подъ названіемъ «Почтоваго сообщенія»: въ статьѣ этой увидѣли непростительную смѣ-

стѣ касаться дѣйствій почтоваго вѣдомства, а слова Кеппена: «ступается и для насъ время развитія силъ народныхъ» признали крайне либеральными и опасными для общественнаго спокойствія. Случайная замѣтка о томъ, что технологическій институтъ въ Петербургѣ основанъ по мысли академика Гамеля послужила поводомъ къ самымъ серьезнымъ пререканіямъ между министромъ финансовъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, находя, что подобныя замѣтки, развивающія тщеславіе и самохвалство авторовъ, подрываютъ довѣріе публики къ министерству финансовъ и ослабляютъ уваженіе къ правительственной власти, требовалъ, чтобы министръ народнаго просвѣщенія принялъ энергическія мѣры. Министръ народнаго просвѣщенія отвѣчалъ, что онъ не находитъ рѣшительно ничего предосудительнаго въ замѣткѣ, а если она невѣрна, то всего лучше опровергнуть ее печатно на основаніи вполне достовѣрныхъ фактовъ. Канкринъ былъ оскорбленъ подобнымъ предложеніемъ, обвинялъ министра народнаго просвѣщенія въ бездѣйствіи власти, и самъ придумалъ мѣру; обо всемъ этомъ довелъ до свѣдѣнія высшаго правительства.

Въ 1841 году послѣдовало преобразование Россійской академіи въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности. Судя по многимъ даннымъ, Россійская академія присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ Отдѣленія по личной волѣ императора Николая и не совершенно согласно съ докладомъ министра народнаго просвѣщенія. Министръ, С. С. Уваровъ, предлагалъ подъ общимъ названіемъ: «Императорскія соединенныя академіи» открыть три учрежденія:

- 1) Академію наукъ,
- 2) Академію русской словесности, и
- 3) Академію исторіи и филологіи.

Въ случаѣ утвержденія этого проэкта Уваровъ ходатайствовалъ о принятіи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, званія канцлера соединенныхъ академій. Императоръ Николай не изъявилъ согласія ни на учре-

жденіе званія канцлера, ни на открытіе соединенныхъ академій, и повелѣлъ изъ російской академіи образовать второе отдѣленіе академіи наукъ. Въ кругъ занятій второго отдѣленія — говорится въ его уставѣ — входятъ:

1) Основательное изслѣдованіе свойствъ русскаго языка; начертаніе сколь можно простѣйшихъ и вразумительнѣйшихъ правилъ употребленія его и изданіе полнаго словаря.

2) Изученіе славянскихъ нарѣчій въ ихъ составѣ и грамматическихкихъ формахъ относительно къ языку русскому и составленіе сравнительнаго и общаго словопроизводнаго ихъ словаря.

3) Славянорусская филологія вообще и въ особенности исторія русской словесности. Впрочемъ, при такомъ главномъ направленіи трудовъ отдѣленія, ему не чуждо будетъ все, входящее въ область изящной словесности и русской исторіи.

Первыми членами новаго отдѣленія академіи наукъ — отдѣленія русскаго языка и словесности — были такія свѣтила русской литературы, какъ Жуковскій, Крыловъ и князь Вяземскій, и такіе ученые, какъ Востоковъ — безспорно, одинъ изъ первостепенныхъ филологовъ Европы девятнадцатаго столѣтія. Въ члены отдѣленія избраны и два духовныя лица, два знаменитые проповѣдника того времени: митрополитъ Филаретъ и епископъ Иннокентій, подобно тому, какъ при учрежденіи російской академіи въ члены ея избранъ митрополитъ Гавріилъ, представитель всего русскаго духовенства въ законодательной комиссіи, созданной Екатериною II для составленія проекта новаго уложенія.

Къ славнымъ именамъ Гавріила, Филарета, Иннокентія, присоединилось впоследствии имя достойнаго ихъ преемника — епископа, нынѣ митрополита, Макарія, ученые труды котораго составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ сокровищницу русской науки. Въ нынѣшнемъ году высокопреосвященный Макарій получилъ новое назначеніе — возведенъ въ санъ митрополита московскаго и коломенскаго. Въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ помѣщены слова и рѣчи, произнесенныя митрополитомъ Макаріемъ

въ его новой епархіи ¹⁾. Въ словѣ надъ гробомъ своего сочлена по Академіи наукъ и по миссіонерскому обществу, Сергѣя Михайловича Соловьева, ораторъ указалъ яркими и вѣрными чертами значеніе труженической жизни покойнаго и его заслуги передъ наукою и передъ Россією. Сочувствіе преосвященнаго къ подвигамъ науки выражается не только словомъ, но и дѣломъ. Не можемъ умолчать о предпріятіи, которому суждено занять высокое мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки, и душою котораго является почтенный сочленъ нашъ, митрополитъ Макарій. По мысли митрополита-академика снова предпринимается начатое незабвеннымъ Горскимъ описаніе рукописей московской синодальной библіотеки, и къ веденію этого дѣла призваны такія научныя силы, которыми по справедливости могло бы гордиться любое изъ европейскихъ ученыхъ обществъ. Къ описанію рукописей приглашены профессора московскаго университета: А. С. Павловъ, пріобрѣвшій такую громкую и вполне заслуженную извѣстность своими излѣдованіями и открытіями въ области церковнаго права, и В. О. Ключевскій, котораго самъ Соловьевъ избралъ своимъ преемникомъ по кафедрѣ русской исторіи. Представленіе преосвященнаго Макарія касательно описанія рукописей синодальной библіотеки уже внесено въ святѣйшій правитель-

¹⁾ Въ 1879 году митрополитомъ Макаріемъ произнесены, и явились въ печати слѣдующія слова и рѣчи: 1) При вступленіи на кафедру московской епархіи, 10-го мая. 2) Въ годичномъ собраніи православнаго миссіонерскаго общества, 13-го мая. 3) При первомъ посѣщеніи троицко-сергіевой лавры, 18-го мая. 4) При первомъ священнослуженіи въ московской духовной академіи, 21-го мая. 5) въ день владимірской чудотворной иконы Богородицы, 23-го іюня. 6) въ день равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля. 7) Въ день успенія пресв. Богородицы. 15-го августа. 8) Въ день свящ. вѣнчанія и миропомазанія Государя, 26-го августа. 9) По освященіи храма въ московской центральной тюрьмѣ, 23-го сентября. 10) При отпѣваніи С. М. Соловьева, 7-го октября. 11) Въ годичномъ засѣданіи комиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Москвѣ, 12-го октября. 12) Въ годичномъ собраніи общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, 22-го октября. 13) При освященіи храма въ лицѣ цесаревича Николая, 16-го ноября. 14) По вступленіи Его Величества въ Успенскій соборъ, 20-го ноября.

ствующій синодъ, отъ котораго и зависить окончательное рѣшеніе дѣла.

Въ истекающемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности старѣйшаго изъ членовъ нашего Отдѣленія, ординарнаго академика Измаила Ивановича Срезневскаго, имя котораго извѣстно во всѣхъ концахъ славянскаго міра. И. И. Срезневскій началъ свою ученую дѣятельность въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ преподавалъ статистику. Но съ самой ранней молодости его влекло къ себѣ изученіе славянства — области совершенно новой, непочатой, но сулившей богатую жатву для дѣлателей. Срезневскій прошелъ превосходную, живую школу въ изученіи славянства. Участь и уча въ харьковскомъ университетѣ, онъ собиралъ памятники народнаго языка и словесности: грѣсни, пословицы, преданья, повѣрья, образцы говорровъ и т. п. Путешествуя по славянскимъ землямъ, онъ обращался преимущественно къ живымъ источникамъ — жилъ среди народа, изучалъ его языкъ, бытъ, его нравы и обычаи, имѣя въ виду, что живое знакомство съ народомъ можетъ доставить неистощимо-богатый матеріалъ для филологическихъ и этнографическихъ выводовъ и соображеній. Возвратившись въ отечество съ превосходнымъ знаніемъ славянскихъ языковъ и быта славянскихъ народовъ, И. И. Срезневскій обратился съ свойственною ему энергіею къ изученію письменныхъ и вещественныхъ памятниковъ старины и древности; къ изслѣдованіямъ по филологіи и словесности постепенно присоединялъ онъ и розысканія въ области археологій. Обнимая такимъ образомъ различныя стороны народной жизни, простирая свою пытливость и на живое слово и на безмолвные остатки и затаенные слѣды исчезнувшаго быта, И. И. Срезневскій расширялъ все болѣе и болѣе кругъ своихъ изысканій, все сильнѣе и сильнѣе возбуждалъ любовь къ наукѣ въ молодыхъ поколѣніяхъ, получавшихъ научное образованіе подъ его истинно-ученымъ руководствомъ. Въ истекшій полулѣтній періодъ своего служенія наукѣ, И. И. Срезневскій обогатилъ русскую и славянскую литературу множествомъ изслѣдованій, пролившихъ

свѣтъ на труднѣйшіе вопросы въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ языковъ, русской и славянской литературы и образованности. Въ вышедшемъ ко дню пятидесятилѣтія ученой дѣятельности И. И. Срезневскаго библиографическомъ спискѣ его сочиненій и изданій названо 340 трудовъ. Къ этому огромному количеству нашъ неутомимый изслѣдователь присоединилъ въ этомъ году еще слѣдующіе труды:

1) Продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. Отпечатана часть третьяго тома этого труда, заключающая въ себѣ, въ ряду другихъ памятниковъ, сборникъ древнихъ болгарскихъ грамотъ и другихъ записей, составленный преимущественно по подлинникамъ и фотографическимъ снимкамъ.

2) Записка о сборникѣ пятнадцатаго вѣка, принадлежащемъ московскому архиву иностранныхъ дѣлъ. И. И. Срезневскій представилъ обзоръ всего сборника по частямъ, преимущественно въ отношеніи къ языку, и пришелъ къ заключенію, что этотъ сборникъ есть одинъ изъ хронографовъ русской работы, составленный по разнымъ источникамъ, и что эта работа можетъ быть отнесена къ тринадцатому вѣку; занимался же ею, по всей вѣроятности, кто-либо въ западной Руси, на Волыни, или гдѣ-нибудь недалеко отъ литовскихъ поселковъ.

3) Обзоръ древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка. Обзоръ это, составляющее новое, переработанное изданіе замѣчательнаго труда нашего сочлена, въ настоящее время печатается.

Ординарный академикъ Я. К. Гротъ продолжалъ печатать біографію Державина, отдѣлывая въ то же время и дополняя рукописный текстъ ея. Съ этою цѣлью, по ходатайству Отдѣленія, испрошено академику Высочайшее разрѣшеніе извлечь нужныя ему свѣдѣнія изъ архивовъ: кабинета Его Императорскаго Величества и комитета министровъ. Въ настоящее время напечатано сорокъ восемь листовъ біографіи, и изложеніе ея въ печати доведено до конца царствованія Павла Петровича. Нынѣ авторъ

занимается окончательнымъ просмотромъ эпохи Александра I. Приложенія къ біографіи составятъ девятый и послѣдній томъ изданія.

Сверхъ того академикъ Я. К. Гротъ предпринялъ два новые труда:

1) Изданіе, по порученію Отдѣленія, сочиненій и переписки П. А. Плетнева на основаніи хронологическаго списка всѣхъ трудовъ покойнаго, давно уже составленнаго нашимъ сочленомъ и провѣреннаго по такому же списку, составленному С. И. Пономаревымъ. Въ это изданіе предполагается включить также найденныя въ бумагахъ Плетнева письма многихъ писателей, бывшихъ съ нимъ въ перепискѣ, какъ-то: Пушкина, Жуковского, Гоголя, князя Вяземскаго и другихъ, а также письма самого Плетнева къ разнымъ лицамъ.

2) Изданіе, по порученію Русскаго Историческаго общества, писемъ энциклопедиста Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II. Письма Екатерины II къ этому писателю, составившія объемистый томъ и дающія весьма любопытные и важные матеріалы для характеристики гениальной женщины, изданы были трудами академика въ прошломъ году. Письма Гримма къ ней сохранились далеко не въ той полнотѣ, въ какой дошли до насъ письма императрицы. Только нѣкоторыя изъ писемъ Гримма — писемъ пятьдесятъ съ небольшимъ — найдены частію въ Государственномъ архивѣ, частію въ архивѣ князя Воронцова; но и то, что найдено, составитъ весьма цѣнное дополненіе къ перепискѣ Екатерины II.

Въ послѣднее время академикъ Гротъ разсматривалъ пре-
провожденный въ Отдѣленіе г. президентомъ Академіи наукъ трудъ сенатора Сергѣя Ивановича Заруднаго: «Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ главою X Наказа Екатерины II и современными русскими законами». Поводомъ къ передачѣ этой книги въ Отдѣленіе было стараніе переводчика замѣнить иностранныя слова чисто русскими, вопреки обычаю большинства нашихъ современныхъ писателей. Представивъ свой

трудъ, г. Зарудный выразилъ желаніе, чтобы Академія дала свой отзывъ объ этой сторонѣ его изданія.

Сущность миѣнія, выраженаго академикомъ Гротомъ и одобреннаго Отдѣленіемъ, заключается въ томъ, что составитель представленной книги безусловно заслуживаетъ благодарность за энергическое противодѣйствіе недостатку, замѣчаемому въ нашемъ литературномъ языкѣ. Конечно между иностранными словами, такъ обильно употребляемыми у насъ, необходимо отличать давно укоренившіяся и притомъ приобрѣтшія право гражданства во всѣхъ европейскихъ языкахъ, отъ тѣхъ нововведеній, какія позволяютъ себѣ писатели безъ надобности, по той именно лѣности ума, которою переводчикъ Беккариі объясняетъ осуждаемое имъ злоупотребленіе. Предпочтеніе многихъ иностранныхъ словъ основывается просто на томъ, что они, сдѣлавшись обще-европейскими, привычнѣ намъ и сподручнѣ неупотребительныхъ собственныхъ, каковы напр. слова: лагерь, дуэль, монахъ, литература, танцовать, которыя, по крайней мѣрѣ въ извѣстной сферѣ употребленія языка, совершенно вытѣснили русскія слова: станъ, поединокъ, инокъ, словесность, плясать. Можно поспорить съ переводчикомъ Беккариі, когда онъ въ числѣ иностранныхъ словъ, возбуждающихъ досаду въ читателѣ, приводитъ слѣдующія: характеризовать, категория, социальный, догматическій, безъ которыхъ ни одинъ европейскій языкъ не умѣлъ обойтись. Трудно не согласиться съ Як. Гриммомъ, что взаимный обмѣнъ словами, какъ и предметами, служитъ къ обогащенію народовъ, и потому совершенно изгнать изъ языка чужія слова значило бы обдѣнить его. Этого впрочемъ и не требуетъ г. Зарудный. Нельзя не отдать ему справедливости въ томъ способѣ, какимъ онъ приводитъ въ исполненіе свою мысль, употребляя, смотря по отгѣнку значенія, то одно, то другое русское слово для передачи одного и того же иностраннаго. Переводчикъ совершенно правъ, когда онъ говоритъ напримѣръ: «Если мы будемъ оставлять иностранный терминъ «республика», то собьемъ съ толку читателя, ибо этотъ терминъ употребляется писателями въ смыслѣ и обще-

ства и правительства и государства; удерживать въ переводѣ слово «республика» можно въ такомъ только случаѣ, когда оно употребляется въ особенномъ, исключительномъ, видовомъ его значеніи, напримѣръ: «французская республика». Такимъ образомъ надобно признать, что С. И. Зарудный въ отношеніи къ языку счастливо выполнилъ задачу, которую предположилъ себѣ, и попытка его должна служить для русскихъ писателей если не въ полномъ смыслѣ примѣромъ, то по крайней мѣрѣ побужденіемъ — въ употребленіи иностранныхъ словъ соблюдать большію обдуманность и разборчивость.

Академикъ Я. К. Гротъ занимался также подготовленіемъ нѣкоторыхъ главъ составляемой имъ русской грамматики. Изслѣдованія нашего сочлена, имѣющія такое важное научное значеніе, принесли всѣстѣ съ тѣмъ прямую и неотрицаемую пользу для преподаванія отечественнаго языка. Доказательствомъ этому служатъ довольно значительное количество учебниковъ, заимствовавшихъ и многія подробности, и — что всего важнѣе — основныя положенія изъ «Филологическихъ разысканій» Я. К. Грота. Трудомъ его воспользовался и корифей нашей грамматической литературы Ф. И. Буслаевъ въ послѣднемъ изданіи своей учебной грамматики. Для вѣрной оцѣнки изслѣдованій Я. К. Грота, изданныхъ имъ подъ названіемъ «Филологическихъ разысканій», необходимо имѣть въ виду, какихъ усилій и какихъ обширныхъ научныхъ средствъ требуетъ разъясненіе многихъ, съ виду самыхъ простыхъ явленій въ языкѣ, и въ какомъ состояніи находились многіе вопросы до тѣхъ поръ, пока за рѣшеніе ихъ принялся авторъ «Филологическихъ разысканій». Тысячи причинъ внесли въ нашу грамматику вообще и въ правописаніе въ особенности столько путаницы, такую массу правилъ, схоластическихъ тонкостей и столько произвола, что для того, чтобы разобратся въ этомъ хаосѣ, требуется и критическій взглядъ, и настойчивость труда, и обширная филологическая ученость. а вмѣстѣ съ тѣмъ и чутье языка.

Во Франціи судьба буквъ рѣшалась иногда парламентомъ; у

насъ бывали случаи, что рѣшеніе спорныхъ вопросовъ правописанія принимала на себя администрація. Въ вопросахъ объ употребленіи той или другой буквы, о значеніи того или другого слова или оборота и т. п. считали себя вполне компетентными судьями: и литераторы различныхъ партій и различной степени образованности, и канцелярскіе чиновники, и члены окружнаго суда, и т. д.

Правила объ употребленіи буквы ѣ, изданныя Россійскою академіею, подняли страшную бурю. Одинъ изъ литераторовъ, занимавшій видное мѣсто въ канцеляріи министра, считалъ себя обязаннымъ по службѣ не употреблять буквы ѣ въ словахъ: бѣлена и апрѣль, усматривая въ изданіи книжекъ съ неправильнымъ употребленіемъ буквы ѣ орудіе для распространенія въ обществѣ заблужденій. Протестъ свой онъ прислалъ на имя президента академіи Шишкова. Посовѣщавшись съ своими сочленами, Шишковъ постановилъ: всѣ мнѣнія, какъ за букву ѣ, такъ и противъ нея, препроводить къ высшему начальству.

Буква ѳ произвела нѣкоторый расколъ въ самомъ мирномъ уголку человѣческаго общества, именно въ кругу математиковъ. Одни изъ нихъ называли себя, какъ называютъ и теперь, математиками, а науку свою — математикою; другіе же, слѣдуя давнему обычаю, называли себя не иначе, какъ маѳематиками, и свою науку — маѳематикою. Разногласіе исчезло въ маѣ 1818 года, вслѣдствіе распоряженія президента академіи наукъ С. С. Уварова, который предложилъ конференціи, чтобы въ началѣ каждаго тома академическихъ актовъ помѣщать краткое историческое извѣстіе академіи, какъ это дѣлается во французскихъ актахъ и чтобы вмѣсто слова: маѳематика вездѣ употреблять слово математика, принятое уже Ломоносовымъ.

Буква ѳ выдержала упорную борьбу за существованіе. Гоненіе на злосчастную букву и защита ея образуютъ цѣлую литературу, въ которой принимали участіе и академикъ Тредьяковскій, и профессоръ Барсовъ, и президентъ (директоръ) академіи наукъ Домашневъ, и баронъ Александръ Гумбольдтъ и другіе

ученые и писатели; по поводу этой буквы объявляемы были высочайшія повелѣнія.

О Домашневѣ находимъ слѣдующее, довольно характерное замѣчаніе въ первомъ опытѣ исторіи русской литературы: «въ словесности русской извѣстенъ онъ особенно гоненіемъ на букву ъ».

Во время пребыванія своего въ Россіи Гумбольдтъ желалъ хотя сколько-нибудь ознакомиться съ русскимъ языкомъ, и при первомъ же знакомствѣ буква ъ показалась ему и неуклюжею на видъ и бесполезною. Одинъ изъ русскихъ собесѣдниковъ Гумбольдта прислалъ ему будто бы отъ самой буквы ъ письмо, въ которомъ защищалъ ее и преклонностию ея лѣтъ, т. е. давности употребленія, и пригодностию ея для избѣжанія двусмыслія; безъ нея слова: обѣдать и объѣдать писались бы совершенно одинаково. Гумбольдтъ заключилъ мировую съ буквою ъ, а отзывъ свой объ ея наружности оправдывалъ тѣмъ, что онъ, какъ натуралистъ, привыкъ обращать вниманіе на формы и по нимъ дѣлать заключеніе о предметахъ.

Первый министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій былъ ревностнымъ защитникомъ буквы ъ. Императоръ Александръ I также признавалъ ее необходимою и запрещалъ изгонять ее изъ печати. Императору Александру I представлено было въ рукописи переведенное Языковымъ, неупотреблявшимъ буквы ъ, сочиненіе Шлецера о лѣтописи Нестора. Государь повелѣлъ: русскій переводъ Языкова напечатать на счетъ Кабинета, но съ тѣмъ, чтобы въ печатномъ изданіи непремѣнно употреблена была буква ъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ея недостаетъ въ рукописи. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I одинъ польскій литераторъ поднесъ ему оду «Богъ» Державина въ польскомъ переводѣ, напечатанномъ съ русскимъ подлинникомъ, въ которомъ не употреблялась буква з. Императоръ приказалъ препроводить поднесенную ему брошюру къ министру народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ мѣры къ запрещенію подобнаго печатанія безъ буквы з.

Много изобрѣтательности потратили авторы грамматикъ на придумываніе различныхъ тонкостей въ правописаніи. Постановляя правила употребленія прописныхъ буквъ, очевидно, желали величину буквъ привести какъ бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ высотой общественнаго положенія лицъ. Вслѣдствіе этого въ грамматикахъ явилось правило: прописныя буквы ставятся въ началѣ званія высокихъ особъ и ихъ достоинствъ и въ именахъ почтенныхъ чиновъ, какъ напримѣръ: Митрополитъ, Фельдмаршалъ, Генералъ, Князь, Графъ и т. п. Авторы болѣе либеральныя въ число почтенныхъ чиновъ включали и капитана и титулярнаго совѣтника и губернскаго секретаря. Только четыре лица навсегда лишены были права писаться большими буквами: солдатъ, матросъ, дьячокъ и пономарь. Чтобы выйдти изъ области бюрократіи и придать вопросу грамматическую окраску, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ авторовъ придумалъ такое правило: чины, титула, ученія и другія званія требуютъ прописной буквы; но эти же самыя слова, не означая собственно титула или чина, начинаются строчными буквами. Слово: члены въ смыслѣ членовъ комиссіи, комитета и т. п. слѣдуетъ начинать прописною буквою; но если съ этимъ названіемъ не соединено никакихъ служебныхъ преимуществъ, то право на прописную букву теряется, напримѣръ: «у него боль во всѣхъ членахъ» и т. п.

Право гражданства не только лицъ въ государствѣ, но и словъ въ языкѣ, опредѣлялось у насъ различными вѣдомствами. Приведу любопытный примѣръ изъ «Филологическихъ разысканій» Я. К. Грота: «Удочерять, удочеренье—терминъ, принятый, въ параллель выраженіямъ: усыновлять, усыновленіе, въ министерствѣ юстиціи и въ вѣдомствѣ опекунскаго совѣта, но не допущенный въ законодательство государственнымъ совѣтомъ. Съ филологической точки зрѣнія слово удочеренье такъ же хорошо, какъ слово замужство въ отличіе отъ женитьбы. Для непринятія словъ: удочерить, удочеренье нѣтъ другого основанія, кромѣ того, что въ латинскомъ и новѣйшихъ западныхъ языкахъ существуютъ для этого понятія только выраженія: adoptare, adoptio. Еслибы ру-

ководствоваться только примѣромъ другихъ языковъ, то конечно надобно бы отказаться и отъ одного изъ выраженій — отъ женитьбы или отъ замужства, ибо во французскомъ и нѣмецкомъ есть только *le mariage, die heirath*. Едва ли мы будемъ правы, если станемъ отказываться отъ своихъ богатствъ потому, что другіе бѣдны.

Шаткость и неопредѣленность многихъ грамматическихъ правилъ, невѣрная постановка вопросовъ, разнообразіе мнѣній и господство укоренившихся привычекъ представляли чрезвычайныя трудности для филологическихъ изслѣдованій, для отысканія законовъ, которые должны замѣнять правила и мнѣнія. Сочленъ нашъ доискивался законовъ языка и подвергалъ критической оцѣнкѣ каждое правило, устраняя все произвольное, все несогласное съ духомъ и законами языка. Разбирая основы нашего правописанія, онъ обращался и къ языку писателей, и къ говору народа, и къ постановкѣ орфографическаго вопроса у другихъ народовъ: у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ, у итальянцевъ, у испанцевъ, у датчанъ и т. д. При такомъ строго-научномъ направленіи филологическихъ работъ Я. К. Грота нельзя сомнѣваться въ томъ сочувствіи, съ которымъ будетъ встрѣчена составляемая имъ русская грамматика.

Ординарнымъ академикомъ Бычковымъ окончены въ этомъ году печатаніемъ два труда: библиологическій словарь П. М. Строева — по матеріаламъ, завѣщаннымъ имъ Академіи наукъ, и второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ императорской публичной библіотекѣ.

Библиологическій словарь, при составленіи котораго имѣлось въ виду собрать воедино весь разбросанный по разнымъ нашимъ библіотекамъ рукописный матеріалъ и расположить его по именамъ сочинителей и переводчиковъ и по разрядамъ анонимныхъ сочиненій, къ сожалѣнію, не былъ доведенъ Строевымъ до конца и сохранился въ наброскахъ и замѣткахъ. Но тѣмъ не менѣе, онъ даже въ томъ видѣ, въ какомъ теперь является, заслуживаетъ полнаго вниманія какъ по мысли, которая легла въ его

основаніе — дать занимающемуся указаніе, въ какихъ библіотекахъ онъ можетъ найти то или другое сочиненіе, такъ и по многимъ любопытнымъ даннымъ, которыя въ немъ заключаются.

Во второмъ выпускѣ описанія рукописныхъ сборниковъ Публичной библіотеки представлено содержаніе до тридцати сборниковъ самаго разнообразнаго состава. Академикомъ Бычковымъ, при описаніи сборниковъ, открыто нѣсколько неизвѣстныхъ сочиненій и между прочимъ историческая пѣсня, на бѣлорусскомъ нарѣчій, о взятіи Смоленска въ 1654 году.

Сверхъ того академикъ Бычковъ принималъ дѣятельное участіе, по званію предсѣдателя, въ трудахъ комиссіи, Высочайше учрежденной для описанія дѣлъ синодальнаго архива, и въ вышедшей первой части второго тома ему принадлежитъ описаніе около двухъ сотъ дѣлъ.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ этомъ году въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности нѣсколько своихъ мемуаровъ, частью напечатанныхъ, частью рукописныхъ. Изслѣдованія академика Веселовскаго, какъ глубокаго знатока средневѣковыхъ литературъ романскихъ и германскихъ народовъ, вносятъ много свѣта въ одну изъ самыхъ загадочныхъ для науки областей русской древней словесности. Въ трудахъ нашего сочлена вопросъ объ отношеніи устной словесности къ памятникамъ словесности письменной, русской и иностранной, поставленъ на реальную почву. Авторъ съ чрезвычайною внимательностію слѣдитъ за каждою чертою, каждымъ намекомъ, каждымъ варіантомъ, и указываетъ связь основы содержанія, мотивовъ и подробностей русскихъ произведеній съ произведеніями византійскаго и западно-европейскаго эпоса.

Въ одномъ изъ собраній Отдѣленія А. Н. Веселовскій сообщилъ весьма любопытное новое свидѣтельство, касающееся Ильи Муромца.

Тотъ же академикъ читалъ въ собраніяхъ академіи изслѣдованіе свое подъ названіемъ: Св. Георгій въ легендѣ и обрядѣ.

Только-что отпечатано начало обширнаго труда А. Н. Веселовскаго

ловскаго: «Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ». Отпечатанная часть труда заключаетъ въ себѣ самое тщательное разсмотрѣніе греческаго апокрифа о св. Θεодорѣ.

Въ этомъ году Отдѣленіе понесло тяжелую, невознагражденную потерю. 4-го октября скончался въ Москвѣ ординарный академикъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности, знаменитый историкъ Россіи Сергій Михайловичъ Соловьевъ. Извѣстіе о его кончинѣ было печальною, горестною вѣстію для Академіи наукъ, для всѣхъ русскихъ университетовъ, для всѣхъ просвѣщенныхъ людей русской земли. Не стало великаго труженика русской науки, не стало одного изъ замѣчательныхъ русскихъ людей девятнадцатаго столѣтія. Покойный трудился для науки и для Россіи съ изумительнымъ постоянствомъ и силою воли; его неустанная работа, его закаленное трудолюбіе служить блестящимъ опроверженіемъ того огульнаго обвиненія въ неспособности русскихъ къ упорному труду, которое съ такимъ удовольствіемъ повторяютъ на разные лады наши явные и тайные недоброжелатели. Соловьевъ, человѣкъ въ полномъ смыслѣ русскій, русскій по крови и по духу, русскій до мозга костей, добровольно налагаетъ на себя и безропотно, съ внутреннею радостью, несетъ до гробовой доски то святое бремя труда, въ которомъ другой русскій человѣкъ, Петръ Великій, видѣлъ лучшій удѣлъ и лучшее счастье человѣческой жизни.

Научная дѣятельность Соловьева началась весьма рано — не только съ студенческой, но даже съ гимназической скамьи. При переходѣ изъ гимназіи въ университетъ онъ написалъ вещь до того умную, что ее признали нужнымъ напечатать тогда же, а нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя сочувственно отзывались о ней наши извѣстные ученые. Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, Соловьевъ приобрѣлъ громкую извѣстность двумя капитальными историческими трудами: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ» и «Исторія отношеній между князьями Рюрика дома».

Въ 1851 году Соловьевъ издалъ первый томъ своей «Исторіи Россіи», и затѣмъ ежегодно выходилъ новый томъ исторіи,

до конца жизни покойнаго. Всѣхъ томовъ вышло двадцать восемь; они обнимаютъ собою исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ до семидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Подобно Карамзину, Соловьевъ весь отдался своему великому дѣлу, своимъ историческимъ работамъ, трудился безъ усталы, безъ отдыха, съ полнымъ самоотверженіемъ. Когда со всѣхъ концовъ Россіи стали приходить къ нему сочувственные привѣты, онъ отвѣчалъ, что онъ тѣмъ болѣе дорожить ими, что ему некогда было искать сочувствія.

На страницахъ «Исторіи Россіи» находится безчисленное множество данныхъ, впервые извлеченныхъ изъ архивовъ и представляющихъ рядъ открытій въ области русской исторіи. И вся эта масса матеріаловъ связана въ стройное цѣлое, одушевлена разумною мыслію, при свѣтѣ которой раскрываются передъ читателемъ основныя черты и движеніе исторической жизни нашего отечества. Обязанностью своею, какъ историка, Соловьевъ считалъ слѣдить за взаимною связью явленій и стараться объяснять каждое изъ нихъ причинами внутренними, прежде чѣмъ выдѣлать изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію. Многое, что въ историографіи нашей являлось прежде отрывочнымъ и случайнымъ, получило свой смыслъ и свое историческое значеніе. «Благодаря Соловьеву — говоритъ одинъ изъ современныхъ нашихъ историковъ — раскрытъ былъ смыслъ величайшаго изъ нашихъ всенародныхъ движеній въ смутную эпоху; мракъ, скрывавшій отъ насъ знаменательную эпоху отъ смерти великаго преобразователя до вступленія на престолъ Екатерины II, разсѣялся; участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ перестало казаться намъ случайнымъ, дѣломъ личныхъ отношеній, и явилось событіемъ, вызваннымъ нудящею необходимостью сократить силы скоропостижнаго короля» и т. д. Величайшее событіе русской исторіи — преобразование Россіи Петромъ Великимъ изложено Соловьевымъ вполне исторически, съ объясненіемъ внутренней связи эпохи преобразования съ предшествующимъ ходомъ русской жизни и ея дальнѣйшимъ движеніемъ, и т. д.

Любовь къ наукѣ сливалась въ Соловьевѣ въ одно нераздѣльное цѣлое съ любовью къ Россіи, съ вѣрою въ русскій народъ. Безъ этой любви и вѣры, безъ внутренней, живой связи съ Россіей и съ русскимъ народомъ, невозможно вѣрное пониманіе русской жизни, ни прошедшей, ни настоящей. Любовь къ Россіи не есть что либо придуманное, условное: она является невольно, сама собою, и въ произведеніяхъ русскихъ писателей, и въ трудахъ русскихъ ученыхъ. Соловьевъ принадлежалъ къ тому поколѣнію русскихъ ученыхъ и писателей сороковыхъ годовъ, которое завѣщало своимъ преемникамъ столько благородныхъ идей и стремленій. Даже писатель, изображавшій преимущественно земныя стороны русской жизни и совершенно чуждый патріотическихъ увлеченій, говорилъ, обращаясь къ Россіи и русскому народу:

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
 За мною по пятамъ бѣжалъ,
 Не небесамъ чужой отчизны—
 Я пѣсни родниѣ слагалъ!
 Какъ ни тепло чужое море,
 Какъ ни красна чужая даль,
 Не ей поправитъ наше горе,
 Размыкать русскую печаль...
 Народъ—герой! въ борьбѣ суровой
 Ты не шатнулся до конца,
 Свѣтлѣе твой вѣнецъ терновый
 Побѣдоноснаго вѣнца...

При всей любви къ Россіи Соловьевъ не приносилъ въ жертву этому чувству своей великой обязанности какъ историка — быть правдивымъ и безпристрастнымъ изслѣдователемъ, не преувеличивая свѣтлыхъ явленій и не умалчивая о темныхъ. И онъ свято исполнилъ эту обязанность. Его выводы — плодъ долгаго, фактическаго изученія и глубокой, безпристрастной думы. На основаніи добросовѣстно изученныхъ и критически пробѣренныхъ фактовъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что «ни одинъ вѣкъ нашей древней исторіи не можетъ быть представленъ вѣкомъ коснѣнія:

въ каждомъ заключается сильное движеніе и преуспѣяніе». Движущая сила состояла въ сознаниі окружающаго зла, въ нежеланіи мириться съ нимъ и въ стремленіи къ лучшему. «Наука — говоритъ онъ — представляетъ предковъ нашихъ не только не варварами, но борцами за цивилизацію, людьми, сохранившими высокую способность не мириться со зломъ, неутомимо и побѣдоносно съ нимъ боровавшимися. Древнихъ русскихъ людей можно назвать передовымъ отрядомъ европейско-христіанскихъ народовъ, отрядомъ, выставленнымъ на самое опасное, самое трудное мѣсто. Когда, по совершеніи труднаго подвига, эти передовые люди возвратились, чтобъ занять заслуженное ими почетное мѣсто, неужели вмѣсто удивленія къ ихъ подвигамъ мы станемъ укорять ихъ за то, что они явились передъ нами въ непривлекательномъ видѣ, израненные, покрытые пылью и кровью?»

Передъ судомъ исторіи истиннымъ представителемъ русскаго народа, по убѣжденію нашего историка, является Петръ Великій. Въ дѣятельности Петра Великаго раскрывается живая связь древней Россіи съ новою и живая вѣра его въ русскій народъ. Уже въ древней Россіи замѣчалось движеніе отъ востока къ западу, отъ Азіи къ Европѣ, отъ степи къ морю: въ новой Россіи, во времена Петра, движеніе это проявилось съ особенною, неудержимою силою, подготовленною въ предшествующіе вѣка. Какъ истый русскій человѣкъ, Петръ Великій и сознательно и инстинктивно оберегалъ народное достоинство. Когда заведены были новые порядки, понадобились и новые люди: и для войска, и для администраціи, и для дипломатическихъ сношеній. Всего проще, казалось бы, пригласить свѣдущихъ иностранцевъ да и отдать подъ ихъ команду русскихъ неучей: такъ думали нѣкоторые изъ маленькихъ великихъ людей. Но не такъ думалъ истинно великій и истинно русскій человѣкъ. Петръ призвалъ къ дѣятельности русскія силы; ввѣрилъ различныя отрасли управленія природнымъ русскимъ. Они были неопытны, могли надѣлать ошибокъ; но ошибки и неудачи имѣютъ и свою выгодную сторону: заставляютъ быть осторожниѣе, научаютъ уму-разуму, образуютъ ха-

рактерь и волю челоуѣка. Притомъ же отдать власть иностранцамъ значило бы принизить достоинство народа и въ сущности затормозить умственное и общественное развитіе Россіи. «У Петра — говорить Соловьевъ — было правило: во главѣ управленія ставить русскаго челоуѣка; второе по немъ мѣсто могъ занимать иностранецъ; вслѣдствіе чего, при кончинѣ Петра, судьбы Россіи оставались въ однихъ русскихъ рукахъ». При Петрѣ Великомъ на главнѣйшихъ дипломатическихъ мѣстахъ были природные русскіе; въ сенатъ безусловно не допускались иностранцы; въ коллегіяхъ они могли служить, но не иначе какъ на мѣстахъ второстепенныхъ

Слѣдя за ходомъ исторической жизни, Соловьевъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на тѣхъ эпохахъ и событіяхъ, когда Россіи суждено было выдерживать борьбу съ многочисленными невзгодами и бѣдствіями, и русскій народъ долженъ былъ, такъ сказать, помѣряться силами съ враждебною ему судьбою.

Страшная гроза собралась надъ Россіею въ началѣ семнадцатаго вѣка: земля замутилась; государство было на краю гибели; отовсюду сыпались на него удары за ударами; лучшіе люди пали жертвами безурядицы; толпы, враждебныя государству, брали явно верхъ. Въ это смутное и страшное время проявились во всей своей непобѣдимой силѣ единство вѣры и вошедшая въ кровь и плоть любовь къ родной землѣ. Русскіе люди соединились «духовно, внутренне, руководствуясь привычнымъ стремленіемъ къ единству религіозному и государственному. Земля собралась, и очистила государство; народъ, по современному выраженію, всталъ какъ одинъ челоуѣкъ для ея очищенія.

Роковое испытаніе выдержала Россія въ длинный, нескончаемо-длинный для переживавшихъ его, періодъ со времени кончины Петра Великаго до воцаренія Екатерины II. «Люди западной Европы — говорить Соловьевъ — смотря на удивительныя явленія, происходившія въ первой четверти восемнадцатаго вѣка въ Европѣ восточной, говорили, что всѣ эти преобразованія суть слѣдствіе одной личной воли царя, со смертію котораго все вве-

денное имъ рушится, и возстановится старый порядокъ вещей. Теперь преобразователь былъ во гробѣ, и наступило время повѣрки, проченъ ли установленный имъ порядокъ. Желѣзной руки, сдерживавшей враговъ преобразования, не было болѣе; русскіе люди могли теперь свободно распорядиться, свободно рѣшить вопросъ, нуженъ ли имъ новый порядокъ, и испровергнуть его въ случаѣ рѣшенія отрицательнаго. Но этого не случилось: новый порядокъ остался и развивался, и мы должны принять знаменитый переворотъ со всѣми его послѣдствіями, какъ необходимо вытекшій изъ условій предшествовавшаго положенія русскаго народа. Время отъ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II обыкновенно разсматривалось какъ время печальное, непривлекательное, время малоспособныхъ правителей, дворцовыхъ переворотовъ, недостойныхъ любимцевъ. Но мы не можемъ раздѣлять этихъ взглядовъ. Названное время имѣетъ высокій интересъ для историка именно потому, что здѣсь русскіе люди были предоставлены самимъ себѣ въ виду громаднаго матеріала, даннаго преобразованіемъ. Какъ они распорядятся этимъ матеріаломъ? Идеи и люди екатерининскаго царствованія явились ли по мановенію знаменитой императрицы или были приготовлены прежде, состоятъ въ необходимой связи съ движеніемъ, совершившимся въ тридцать пять лѣтъ, протекшихъ отъ кончины Петра Великаго».

На рѣшеніи этого историческаго вопроса, въ самой постановкѣ котораго слышится сила ума, на повѣствованіи о временахъ Екатерины прерывается правдивый рассказъ историка-мыслителя. Многого онъ не доказалъ, многое унесено имъ въ могилу. Но ключъ къ недосказанному находится въ появившихся въ свѣтъ томахъ исторіи и въ другихъ произведеніяхъ ея автора.

Труды знаменитаго историка и вѣрнаго сына Россіи заключаютъ въ себѣ такую дѣльную картину минувшей судьбы нашего отечества, такое здоровое разумѣніе исторической жизни Россіи, что останутся навсегда памятникомъ не только ума, таланта и учености автора, но и народнаго самосознанія, какъ проявилось

оно въ убѣжденіяхъ лучшихъ, просвѣщеннѣйшихъ людей современнаго намъ общества.

Произведенія, въ которыхъ выразилось народное самосознаніе, составляютъ литературную святыню народа. Къ нимъ обращаются мыслящіе люди для выясненія вопросовъ общественныхъ и государственныхъ, для знакомства съ прошедшимъ и для разумной оцѣнки настоящаго; въ нихъ ищутъ спасительнаго указанія въ минуты повидимому безвыходнаго положенія, когда сердце сжимается при мысли о будущемъ. Воля Провидѣнія открывается въ исторической судьбѣ народа. Исторія представляетъ несомнѣныя, неопровержимыя доказательства, что русскіе люди, представленныя самимъ себѣ, не погибаютъ, и что въ минуту тяжкихъ народныхъ испытаній нѣтъ болѣе вѣрныхъ союзниковъ, болѣе мудрыхъ руководящихъ началъ, какъ искренняя, не знающая колебаній любовь къ Россіи и живая, несокрушимая вѣра въ русскій народъ.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXI, № 8.

НѢСКОЛЬКО ПРИПОМИНАНІЙ

0

НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Е. ВИКТОРОВА.

АКАДЕМИКА Н. И. Срезневскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГЕОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вос. Оогр., 9-я лѣт., № 12).

1881.

**Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1881 года.**

Непримѣнный Секретарь, Академикъ *К. Весслоескій*

НѢСКОЛЬКО ПРИПОМИНАНІЙ О НАУЧНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Е. ВИКТОРОВА.

(Академика И. И. Срезневскаго.)

При разсмотрѣніи Русскаго историческаго сборника XV вѣка Московскаго главнаго архива минист. иностр. дѣлъ (Свѣд. и Зам. LXXXIV) я не могъ оставить въ сторонѣ тѣ карандашныя замѣтки, которыми испещрена почти вся рукопись и которыя указываютъ на первые или ближайшіе источники содержанія рукописи, такъ подробно и такъ тщательно, какъ только можно желать. Въ соотвѣтствіи съ этими замѣтками находятся замѣтки въ Архивскомъ экземплярѣ Боннскаго изданія хроники Іоанна Малалы и въ хронографѣ (№ 280) Московской Синодальной библіотеки. Эти замѣтки — всѣ одного почерка, почерка знакомаго теперь многимъ изслѣдователямъ и любителямъ Русской древности и старины, между прочимъ и посѣтителямъ рукописнаго отдѣленія Московскаго публичнаго музея, сблизавшимся съ хранителемъ этого отдѣленія, А. Е. Викторовымъ.

Трудъ А. Е. Викторова въ означенномъ сборникѣ относится къ годамъ молодости этого, теперь очень замѣчательнаго, дѣятеля, и будучи важенъ самъ по себѣ, не менѣе важенъ какъ указаніе, чего можно было ожидать отъ дѣятеля, такъ начинающаго.

Чего можно было ожидать отъ такъ начавшаго дѣятеля, выразилось недолго спустя, хотя тоже въ трудѣ, вышедшемъ безъ имени. На этотъ трудъ А. Е. Викторовъ вызванъ былъ дѣятелемъ также замѣчательнымъ, равнѣ другихъ появившимъ какими силами знанія и стойкости онъ владѣеть. Въ 1855 г. вышло первое изданіе «Указателя для обозрѣнія Московской Патріаршей,

ныя Синодальной, ризницы и библіотеки», составленнаго синодальнымъ ризничимъ, архим. Саввою, съ полнымъ вниманіемъ къ любознательности посѣтителей, обзрѣвающихъ ризницу и библіотеку, но вообще очень короткаго, особенно въ отношеніи къ библіотекѣ. Зная, что людямъ науки, особенно изслѣдующимъ рукописи, нуженъ указатель другаго рода, указатель возможно болѣе полный въ отношеніи къ содержанію рукописей, въ которомъ, по неудовлетворительности описей библіотеки, чувствовалась настоятельная нужда, архим. Савва не замедлилъ взяться за это новое дѣло, — и въ 1858 г. издалъ Указатель для обзрѣнія Московской Патриаршей, или Синодальной библіотеки. Книга вышла какъ «изданіе второе, значительно дополненное», но кромѣ вводныхъ статей, оставшихся почти въ прежнемъ видѣ, въ ней, сравнительно съ прежнею, все ново и по цѣли и по изложенію. Главное мѣсто въ книгѣ, на этотъ разъ толстой, заняли и по внутреннему значенію и по объему алфавитные указатели рукописей: одинъ — рукописей Греческихъ (152 стран.), другой — Славянскихъ (128 стр.). Къ составленію этого втораго указателя приглашенъ былъ А. Е. Викторовъ. Общія правила исполненія дѣла, какъ видно, были приняты одинаковыя въ обоихъ указателяхъ; но указателемъ къ Греческимъ рукописямъ я почти не пользовался и потому не могу выразить никакого мнѣнія о его полнотѣ. Что же касается указателя къ Славянскимъ рукописямъ, то, пользуясь имъ издавна, я все болѣе цѣнилъ его надобность, и въ послѣднее время самъ осматривая всѣ Славянскія рукописи Синодальной библіотеки съ цѣлію составить ихъ опись, для меня пригодную, и очень часто при этомъ обращаясь къ указателю, я вполне ознакомился съ его достоинствами. А. Е. Викторовъ выполнилъ свое дѣло съ такимъ умѣньемъ и стараніемъ, что этотъ указатель остается и можетъ быть еще долго останется незамѣнимымъ, единственнымъ пособіемъ для всѣхъ, обращающихся къ рукописямъ Синодальной библіотеки. Его указатель составленъ очевидно въ слѣдствіе ближайшаго ознакомленія со всѣми рукописями и съ каждою отдѣльно, и потому каждая описана библиогра-

фически. Рукописи единичнаго, нераздѣлимаго содержанія, какъ напр. Алфавитъ, Евангеліе, Ирмологій, Лѣтопись, Миней, Опись, Патерикъ, Прологъ, Синодикъ, Требникъ, Хронографъ и т. п., означены подъ общими ихъ названіями, съ распредѣленіемъ по ихъ отличіямъ въ отношеніи къ содержанію. Изъ рукописей сложнаго содержанія, каковы особенно сборники, кромѣ того, что онѣ заняли свое мѣсто и описаны отдѣльно каждая тѣмъ подробнѣе, чѣмъ важнѣе ея содержаніе, выдѣлены особенно важныя статьи и каждая помѣчена въ Указателѣ отдѣльно по своему особенному названію съ библиографическими указаніями. Произведенія замѣчательныхъ писателей отмѣчены въ Указателѣ большею частью два раза: по ихъ названіямъ и по именамъ писателей. Въ Указателѣ не вошли указанія почти исключительно только статей небольшого объема, кромѣ того такихъ житій и особенныхъ произведеній писателей, которыя вписаны въ Миней Четъи и т. п. Главною причиною невнесенія такихъ статей въ Указатель было, вѣроятнѣе всего, нежеланіе издателя дать Указателю слишкомъ большой объемъ. Относительно Макарьевскихъ Миней-Четей это можно было допустить тѣмъ легче, что въ той же Синодальной бібліотекѣ есть въ двухъ спискахъ ихъ оглавленіе, составленное извѣстнымъ іеромонахомъ Евѣиміемъ и напечатанное Ундольскимъ въ Читеніяхъ Общества исторіи и древностей (1847, № IV, Смѣсь, стр. 1—78).

Въ 1861 году совершилось перенесеніе Румянцовскаго музея изъ Петербурга въ Москву и основаніе Московскаго Публичнаго музея. Рукописи и старопечатныя книги, въ началѣ исключительно тѣ, которыя собраны были графомъ Румянцовымъ для музея, образовали въ новомъ музеѣ особое отдѣленіе, и хранителемъ этого отдѣленія избранъ А. Е. Викторовъ. Имъ онъ остается и до сихъ поръ. Какія работы и какъ исполнялъ ихъ онъ по этой должности, видно изъ Отчетовъ по Московскому Публичному музею: первый изъ нихъ относится къ первымъ годамъ его бытія, отъ времени основанія въ 1861 г. до 1 января 1864 г.; второй—изданъ за 1864 г., третій—за 1865 г., четвертый—за 1867—

1869 г., пятый—за 1870—1872, шестой за 1873—1875 г.; седьмой, теперь печатаемый— за 1876—1878 гг. Въ каждомъ изъ нихъ значительную долю содержанія занимаютъ свѣдѣнія о приращеніяхъ по отдѣленію рукописей и старопечатныхъ книгъ и о приведеніи ихъ въ порядокъ, съ сообщеніемъ подробностей о болѣе важныхъ памятникахъ. Что всѣ заботы объ устройствѣ и поддержаніи порядка въ отдѣленіи рукописей и старопечатныхъ книгъ, равно какъ и написаніе всего, что должно было войти въ каждый изъ отчетовъ по этому отдѣленію, было въ обязанности А. Е. Викторова, это само собою разумѣется; но этимъ не ограничивалось его усердіе къ пользамъ музея. Съ каждымъ годомъ болѣе, иногда и не безъ боренія съ разными внѣшними обстоятельствами, онъ входилъ въ сношенія съ тѣми, отъ кого можно было ожидать приращенія музейскаго богатства, и съ тѣми, кто могъ этому такъ или иначе содѣйствовать. Кое что изъ круга этихъ дѣйствій А. Е. Викторова я знаю, какъ личный свидѣтель; другое видно изъ общаго хода дѣлъ. Заявляя это, я нисколько не желаю оставить въ тѣни участіе самохотныхъ жертвователей и лицъ, содѣйствовавшихъ инымъ образомъ обогащенію музея; желаю только не оставить въ тѣни и усерднаго отношенія А. Е. Викторова къ пользамъ музея.

Какъ бы то ни было, обогащеніе Московскаго Публичнаго музея представляегь явленіе необычайное. Въ 1861 г. изъ Петербурга было привезено рукописей около 800 МЖ-овъ; теперь же общее количество рукописей музея восходитъ до 5000. Точно также церковно-печатныхъ книгъ въ Румянцовскомъ музеѣ было до 200; теперь же такихъ книгъ въ музеѣ едва ли не въ десять разъ больше ¹⁾.

¹⁾ Считаю не лишнимъ обозначить главныя приобрѣтенія Музея въ по-временномъ порядкѣ ихъ поступления въ Музей.

Въ 1861—1863 гг. поступило:

— Собраніе масонскихъ рукописей и книгъ (357), принадлежавшихъ покойному графу С. О. Ламскому: оно приобрѣтено покупкою «необыкновенно выгодно» при содѣйствіи профессора Ешевскаго (подробное описаніе собранія см. въ Отчетѣ до 1 янв. 1864 г., стр. 32—39).

Все приобретаемое музеемъ по этому отдѣленію было внимательно осматриваемо А. Е. Викторовымъ, большею частію предварительно, вносимо имъ въ описи, болѣе замѣчательное осматриваемо и описываемо подробнѣе. Что касается старопечатныхъ книгъ (до 1725 г.), то онъ, по обязанности, отмѣчая чего не достаетъ музею, старался отыскивать это недостающее и домогался приобрести съ цѣлю сдѣлать это собраніе образцовымъ по полнотѣ и по достоинству оттисковъ. «Около трети этого собранія приобретены безъ всякихъ затратъ, въ слѣдствіе поѣздокъ А. Е. Викторова по монастырямъ». Имѣя въ виду стремленіе А. Е. Викторова довести музейное собраніе старопечатныхъ книгъ до возможной полноты и, какъ необходимое для этого пособіе, составить возможно полный списокъ всѣхъ старопечатныхъ книгъ, нельзя отстраниться отъ желанія и надежды, что А. Е. Викторъ приготовитъ такой списокъ для печати. Вышедшій въ 1871 г.

— Собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ при библиотекѣ А. С. Норова, приобретенной по Высочайшему соизволенію за 17.000 руб. изъ суммъ государственнаго казначейства.

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей (210), приобретенное послѣ смерти Т. Ѳ. Большакова (обозрѣніе въ Отчетѣ, стр. 40—46).

— Собраніе Славянскихъ рукописей (56), пожертвованныхъ архим. Амфилозіемъ, продолжавшимъ жертвовать рукописи въ Музей и въ слѣдующіе годы (Отч., стр. 46—47).

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей (46), принесенное въ даръ Музею купцомъ С. Т. Большаковымъ и «составляющее отличное дополненіе» къ означенному выше собранію Большакова-отца (Отч., стр. 47—48).

— Собраніе 128 фотографическихъ снимковъ съ Аеонскихъ рукописей и грамотъ, пожертвованное П. И. Севастьяновымъ.

Кромѣ того принято въ Музей на правахъ пользованія Собраніе Греческихъ и Славянскихъ рукописей и Славянскихъ старопечатныхъ книгъ П. И. Севастьянова (Отч., стр. 51—57)

Въ 1864 г.

— Дополнительное собраніе Славяно-Русскихъ рукописей Т. Ѳ. Большакова (всего вмѣстѣ 370 рукописей), разнообразное и богатое замѣчательными произведеніями письменности (Подробн. обозрѣніе въ Отчетѣ 1864 г., стр. 2—8).

— Собраніе рукописей 1-й Московской гимназіи, большею частію историческаго содержанія (Отч., стр. 8—9).

— Подборъ Славянскихъ старопечатныхъ книгъ изъ дублетовъ Императорской Публичной бібліотеки.

«Очеркъ Славяно-Русской библиографіи» В. М. Ундольскаго, съ дополненіями А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова, намекаетъ на сознаваемую нужду списка, а подручная книжка А. Е. Викторова, куда внесены всѣ описанныя книги и вносятся неописанныя, книжка, съ которою мнѣ случилось познакомиться и поразившая меня обиліемъ отиѣтокъ, не даетъ возможности сомнѣваться, что желаемый списокъ будетъ составленъ. Что А. Е. Викторовъ съ такимъ же тщаніемъ занимался и рукописями, это свидѣтельствуяютъ, кромѣ отчетовъ Музея, отдѣльно изданныя обзорія нѣкоторыхъ изъ болѣе важныхъ собраній. Особенно замѣчательны три:

— Очеркъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго, въ полномъ составѣ вышедшій какъ приложение къ книгѣ имъ же изданной: «Славяно-Русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя имъ самимъ», и отдѣльно въ 1870 г. Въ опись Ундольскаго

Въ 1865 г.

— Собраніе масонскихъ рукописей и книгъ, принадлежавшихъ прежде графу С. С. Ланскому, а потомъ профессору С. В. Емесскому (Отчетъ 1865 г., стр. 1—9).

— Собраніе подлинныхъ древне Русскихъ грамотъ и актовъ историческаго и юридическаго содержанія, принесенное музею въ даръ д. т. с. П. А. Мушановымъ (Отчетъ 1865 г., стр. 9—10).

Въ 1866 г.

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей В. М. Ундольскаго, очень обширное (1422 рукописи), разнообразное и искусно подобранное; приобрѣтено при помощи А. И. Кошелева (Отчетъ 1867—1869 гг., стр. 1—2).

— Собраніе Славянскихъ церковно-печатныхъ книгъ В. М. Ундольскаго; приобрѣтено при помощи Московской городской думы и потомъ почет. гражд. К. А. Попова (Отчетъ, стр. 3).

Въ 1867—1869 гг.

— Собраніе первыхъ Русскихъ вѣдомостей С. Д. Полторацкаго, за годы 1708 — 1726; приобрѣтено по Высочайшему соизволенію при пособіи правительства (Отчетъ 1867—1869 гг., стр. 4—8).

— Дополненіе къ прежде полученнымъ рукописямъ А. С. Норова (Отч., стр. 9—12).

— Выборъ изъ собранія Славяно-Русскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, оставшихся послѣ Д. В. Пискарева (208 рук. и 16 старопеч. книгъ); въ числѣ рукописей многія замѣчательны по своему историческому содержанію (Отчетъ, стр. 12—23).

вошло только 579 рукописей, между тѣмъ какъ всѣхъ рукописей собранія Ундольскаго, поступившихъ въ Музей, 1348. Очеркъ А. Е. Викторова сдѣланъ въ слѣдствіе осмотра всего собранія и распредѣленія ихъ на отдѣлы по содержанію.

— Каталогъ Славяно-Русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ послѣ Д. В. Пискарева, 1868 г. Рукописи расположены въ систематическомъ порядкѣ по содержанію; въ описаніи рукописей сложнаго содержанія отмѣчены или главныя или и всѣ статьи, въ нихъ вошедшія; въ концѣ книги указатель.

— Собраніе рукописей В. И. Григоровича, 1879. Почти что не медля послѣ кончины нашего знаменитаго слависта, А. Е. Викторова, задавшись надеждою пріобрѣсти для Музея всѣ оставшіяся послѣ него рукописи, книги и бумаги, отправился въ Елисаветградъ, успѣлъ подобрать все, что могъ, привелъ въ порядокъ, и такимъ образомъ, удостовѣрясь въ цѣнности собранія,

— Собраніе Южно-Славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ; даръ А. Н. Хитрова (Отч., стр. 30—31).

— Собраніе крюковыхъ и другихъ подобныхъ рукописей и книгъ; даръ по завѣщанію, вмѣстѣ съ библіотекой, кв. В. Θ. Одоевскаго (Отч., стр. 31—33).

— Два собранія автографовъ, вмѣстѣ съ собраніемъ разныхъ рукописей и бумагъ; даръ И. Е. Бецаго (Отч., стр. 33—36).

Собраніе собственноручныхъ работъ и бумагъ И. П. Сахарова съ нѣсколькими старинными рукописями; даръ А. Н. Неустроева (Отч., стр. 36—38).

Разныя масонскія бумаги; даръ А. Н. Неустроева и Гр. В. Есипова (Отч., стр. 40—43).

Разныя рукописи, грамоты и пр. (Отч., стр. 43—55).

Въ 1870—1872 гг.

— Библіотека И. Я. Лукашевича: 1. Собраніе книгъ церковной печати (болѣе 800); 2. Собраніе Славянскихъ рукописей (164); 3. Архивъ Малороссійскихъ актовъ съ присоединеніемъ пергаментныхъ Молдовахійскихъ грамотъ, собранныхъ истор. Маркевичемъ (Подробное обозрѣніе см. въ Отчетѣ 1870—1872 гг., стр. 8—35).

— Собраніе церковно-печатныхъ книгъ изъ дублетовъ библіотеки Синодальнаго архива (Отч., стр. 35—37).

— Собраніе Славянскихъ старопечатныхъ книгъ изъ дублетовъ Новгородскаго Софійскаго собора (Отч., стр. 37—39).

— Собраніе Славяно-Русскихъ рукописей (77), преимущественно раскольничьихъ (60), Н. И. Попова (Отч., стр. 39—45).

могъ смѣлѣе взяться за хлопоты о приобрѣтеніи его для Музея на сколько онѣ отъ него завѣсли.

Собраніе рукописей Григоровича приобрѣтено Музеемъ и подробно описано въ означенномъ трудѣ. Славянскія и Русскія рукописи, числомъ 60, описаны отдѣльно въ систематическомъ порядкѣ; отдѣльно отмѣчены рукописи Греческія и Румынскія (8) и Славянскія старопечатныя книги (33). Въ концѣ дано довольно обстоятельное обзорѣніе «Ученыхъ работъ и бумагъ В. И. Григоровича», особенно любопытное для того, кто займется подробностями его жизнеописанія.

Къ трудамъ А. Е. Викторова по Музею надобно отнести еще одинъ, сравнительно съ другими, особаго рода и не менѣ замѣчательный, но, къ сожалѣнію, остановившійся на началѣ. Это фотографическіе снимки съ миниатюръ Греческихъ рукописей, находящихся въ Москвѣ (См. Отчетъ Музея 1864 г., стр. 133—195).

— Бумаги Н. В. Сушкова: 1. Собственноручныя бумаги, письма, указы, литературныя произведенія императрицы Екатерины II; 2. Собственноручныя бумаги братьевъ Храповицкихъ; 3. Собственныя бумаги, сочиненія и переписка Н. В. Сушкова (Отч., стр. 45—52).

— Массонскіе документы и рукописи (Отч., стр. 52—57).

— Рукописи Славянскія, Русскія и иностранныя, принесенныя въ даръ (Отч., стр. 61—71).

— Славянскія книги церковной печати (Отч., стр. 73—74).

Въ 1873—1875 гт.

— Собраніе рукописей, снимковъ и книгъ П. И. Севастьянова, дотогѣ хранившееся въ Музеѣ на правахъ пользованія, драгоценное и по огромности и по важности многихъ памятниковъ (Подробное обзорѣніе главныхъ см. въ Отчетѣ 1873—1875 гт., стр. 3—14).

— Собраніе рукописей и актовъ проф. *И. Д. Баласа* (173), важное въ историческомъ отношеніи (Отч., стр. 15—25).

— Славянскія старопечатныя книги изъ дублетовъ (48) Императорской Публичной бібліотеки (Отч., стр. 25—30).

— Славянскія старопечатныя книги (126) изъ дублетовъ С.-Петербургской Духовной Академіи (Отч., стр. 30—34).

— Книги церковной печати (256) изъ Московской епархіальной бібліотеки (Отч., стр. 34—39).

— Собраніе рукописей Китайскихъ и Манчжурскихъ К. А. Скачкова (256), даръ *А. Л. Родіонова* (Отч., стр. 40—41).

А. Е. Викторовъ предпринялъ это изданіе отъ имени Музея и подъ покровительствомъ его начальства съ обычнымъ усердіемъ и съ надеждою, что «Русская фотографія» купца Аласина, взявшая на себя приготовленіе снимковъ, будетъ продолжать участіе; но на дѣлѣ оказалось иначе. Въ 1862—1865 г. вышли три выпуска: 1-й—Акаѳистъ Божіей матери XIV вѣка съ 26 листами снимковъ, 2-й—Житія святыхъ XI в. съ 30 листами снимковъ, 3-й—Слова Григорія Богослова X в. и Новый Завѣтъ съ Псалтирью XII в. съ 26 листами снимковъ. Въ каждомъ выпускѣ, кромѣ снимковъ, помѣщено подробное описаніе рукописи, съ которой даны снимки. Изданіе должно было быть явленіемъ очень важнымъ, у насъ необычайнымъ, и вѣроятно по этому остановившемся на началѣ. Оно выразило готовность и приготовленность А. Е. Викторова къ дѣлу, и только. Оно, конечно, можетъ и возобновиться; но это потребуетъ такихъ же, если не большихъ, усилій.

Постоянно и усердно занятый всѣмъ, что такъ или иначе соприкасается къ Музею, А. Е. Викторовъ находилъ время и для другихъ трудовъ, — съ цѣлію сдѣлать извѣстными памятники неизвѣстные. Такъ, въ 1865 г., въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ издано имъ, по неизвѣстнымъ спискамъ, нѣсколько памятниковъ, относящихся къ братьямъ первоучителямъ Славянскимъ; въ 1872 г. въ Рус. Архивѣ собственноручныя письма импер. Екатерины II къ А. В. Храповицкому; въ 1873 тамъ же два памятника Русскаго монастырскаго быта XVII в.; въ Вѣстникѣ Общества Древне-Русскаго искусства 1874—75 г. обзорѣніе старинныхъ описей Патріаршей ризницы и опись Патріаршей ризницы 1631 г.; въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей 1877 г. опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Московскаго Кремля, Китая города и Бѣлаго

— Нѣсколько небольшихъ собраній Славянскихъ и Русскихъ рукописей (Отч., стр. 41—46).

— Собраніе автографовъ (Отч., стр. 46—50).

— Разныя рукописи старыя и новыя, снимки, акты, автографы (Отч., стр. 51—59).

— Разныя старопечатныя книги (Отч., стр. 60—61).

города, 1667 г. Значительнѣе всѣхъ этихъ трудовъ и по обширности, и по внимательности, необходимой для приданія дѣлу научнаго значенія — Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ 1584—1725 г. Въ первый томъ (376 стр., въ б. 8-у) вошли описанія Казеннаго приказа, Государевой мастерской палаты и Царицыной мастерской палаты; въ составъ 2-го тома войдутъ: Описанія записныхъ книгъ Оружейной палаты, Государева кабинета и другихъ дворцовыхъ учреждений, Приказа тайныхъ дѣлъ и переписныхъ книгъ дворцовыхъ соборовъ и церквей. Это изданіе — драгоценный вкладъ въ сокровищницу источниковъ для подробнаго изученія Русской старины XVI—XVII в. Изъ многихъ записныхъ книгъ даны обширныя извлеченія о всѣхъ разнообразныхъ предметахъ царскаго быта и обихода.

Не считая этого важнаго труда оконченнымъ, пока не вышielъ въ свѣтъ второй томъ съ обѣщанными указателями къ обоимъ, можно припомнить, что — какъ указано было выше — послѣ выхода 1-го тома изданы А. Е. Викторовымъ другіе труды, хотя и меньшаго размѣра, но въ своемъ родѣ замѣчательные, и что до выхода этого 1-го тома «Описанія» начаты имъ нѣкоторые особые труды большаго размѣра. Говоря это я имѣю въ виду отмѣтить въ А. Е. Викторовѣ ту черту, которою рѣзко отличаются дѣйствительные дѣятели въ наукѣ, отъ тѣхъ, которые могутъ только казаться такими. Лежатъ и въ его ящикахъ и въ чужихъ помѣщеніяхъ не только значительные запасы извлеченій, замѣтокъ, сводовъ, но и цѣльные, оконченные или почти оконченные труды. Издавъ какой бы то ни было трудъ, онъ не можетъ остаться безъ дѣла: у него уже есть чтò дѣлать и о чемъ заботиться. Одна помѣха: за окончательную обдѣлку многаго труда нельзя братья, ограничиваясь только собраннымъ запасомъ.

Все, о чемъ доселѣ мнѣ случилось упомянуть относительно научной дѣятельности А. Е. Викторова, входитъ въ опредѣленный кругъ занятій изслѣдователя памятниковъ, ищущаго не выводовъ, а данныхъ, безъ которыхъ дѣльные выводы невозможны.

Нельзя не быть признательнымъ къ этой дѣятельности, не возможной безъ самоотверженія; но нельзя отстранить и сожалѣнія, если эта дѣятельность своею неокончателъностью удалила дѣятеля отъ другихъ работъ, не менѣе важныхъ, но требующихъ не столько самоотверженія въ трудѣ, сколько силъ ума, разумѣется оснащенного знаніями. Эти силы выказалъ А. Е. Викторовъ въ нѣсколькихъ произведеніяхъ, изданныхъ имъ въ 60-хъ годахъ. Таковы:

— Историческая дѣятельность Московской Синодальной типографіи. Первое отдѣленіе этого произведенія, очень замѣчательнаго по доказательности защищаемыхъ положеній, вышло въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1859 г., №№ 285, 288, 291; второе — въ Нашемъ Времени 1860 г., №№ 5, 8, 10, 12.

— Последнее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ (1858 г.): въ Лѣтописяхъ Русск. литературы и древностяхъ Н. С. Тихонравова, томъ II-й и III-й. Это изслѣдованіе, очень значительное по объему, ясно свидѣтельствующее о полной подготовленности изслѣдователя къ разбору мнѣній ученыхъ о глаголицѣ, отличается полнымъ отсутствіемъ пристрастія въ пользу какого бы то ни было мнѣнія и такую увлекательностью изложенія, что едва ли во всей литературѣ о глаголицѣ есть произведеніе, которое можетъ быть поставлено съ нимъ въ рядъ въ этомъ отношеніи.

— Кирилль и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ апостоловъ; напечатано въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ 1865 г., сгр. 343—440, и отдѣльно. Критическій обзоръ и разборъ новыхъ данныхъ и мнѣній 40-хъ и 50-хъ годовъ (написанный еще въ 1858 г. и пролежавшій у сочинителя почти девять лѣтъ безъ движенія), почти такой же покойный, какъ и прежде отмѣченное изслѣдованіе, и изложенный не менѣе увлекательно.

Задачь, такихъ же вѣскихъ въ наукѣ и такъ же близкихъ уму и знанію А. Е. Викторова, не мало; но увлекавшійся все болѣе трудами другаго рода, онъ все болѣе удалялся отъ нихъ, какъ изслѣдователь, слѣдя за ними только, какъ образованный

читатель и высказывая о них свои соображенія только въ устныхъ бесѣдахъ.воротится-ли онъ къ нимъ когда нибудь, или уже никогда, этого теперь, вѣроятно, не рѣшитъ онъ самъ.

Какъ бы ни случилось, мы имѣемъ въ немъ замѣчательнаго научнаго дѣятеля, какихъ у насъ и было и есть не много.

I.

Списокъ библиографическихъ и другихъ работъ А. Е. Викторова.

а) Работы напечатанныя.

I. по библиографіи рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ.

1) Алфавитный указатель Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библиотеки. Москва, 1858 г. Безъ означенія имени автора. Этотъ указатель входитъ также въ составъ «Указателя для обозрѣнія Патриаршей ризницы и библиотеки» архим. Саввы. М. 1858 г., II, 153—274. Подстрочныя примѣчанія въ Алфавитномъ указателѣ принадлежать издателю.

2) Фотографическіе снимки съ миниатюръ Греч. рукописей, находящихся въ Москвѣ. Изданіе Моск. Публ. Музея. Вып. I—III. Москва, 1863 — 1865 г. Въ 1-мъ выпускѣ: Синод. рукоп. Акаѣстъ Божіей Матери, XIV в., № 429, 4 и 16 стр. текста и 26 таблицъ снимковъ. Во 2-мъ: Синод. рукоп. Житій святыхъ, XI в., № 183, 13-ть стр. текста и 30-ть табл. Въ 3-мъ: Синод. рукописи: Слова Грег. Богослова, X в., № 61, и Новый Заветъ съ Псалтирю, XII в., № 407, 18-ть стр. текста и 26-ть таблицъ со снимками. Имени автора текста и редактора изданія не означено.

3) Замѣчательное открытіе въ Древне-Русскомъ книжномъ мірѣ. Первая книга, напечатанная докт. Фр. Скориной (Псалтирь).

Въ Бесѣдѣ Обществѣ люб. Рос. слов. Вып. I. М. 1867 г., отд. I, стр. 1—27, в отдѣльно.

4) Собрание Славянскихъ книгъ церковной печати *И. Я. Лукашевича*. Въ газетѣ: Москва 1868 г., № 50, съ подписью: Л. П.

5) Славяно-Русскія рукописи *В. М. Ундольскаго*, описанныя имъ самимъ (№№ 1—579). Изд. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. М. 1870 г.

6) Собрание рукописей *В. М. Ундольскаго* въ полномъ составѣ. Библиографическій очеркъ. М. 1870. Отдѣльный оттискъ изъ предыд. изданія, гдѣ составляетъ приложение.

7) Очеркъ Славяно-Русской библиографіи *В. М. Ундольскаго*, съ дополненіями *А. Ѳ. Бѣжкова* и *А. Е. Викторова*. Изд. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. М. 1871.

8) Каталогъ Славяно-Русс. рукописей *Д. Пискарева*. М. 1871 г. Составляетъ приложение къ Отчету Моск. Публ. и Рум. Музеевъ за 1867—1869 гг.

9) Бумаги *Н. В. Суикова*. Моск. Вѣд. 1872 г., № 107, и въ отд. оттискѣ.

10) Обзорѣніе старинныхъ описей патриаршей ризницы. Въ Вѣстникѣ Общества Древне-Русс. искусства на 1874—1876 г., и въ отдѣльномъ оттискѣ.

11) Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ, 1584—1725 г., хранящихся въ архивѣ Оружейной палаты. Вып. I. М. 1877.

12) Описаніе рукописей и бумагъ *В. И. Григоревича*. Отд. оттискъ изъ Отчета Моск. Публ. и Румянц. Музеевъ за 1876—1878 гг. М. 1879.

13) Описаніе рукописей, старопеч. книгъ, актовъ, автографовъ и проч., поступившихъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музей, съ 1862 по 1878 г., въ отчетахъ по отдѣленію рукописей Музеевъ. Входитъ въ составъ общихъ отчетовъ по Музеямъ, именно: въ отчетъ до 1-го генв. 1864 г. стр. 12—33, 39—61 и 132—135; въ отч. за 1864 г. стр. 1—16; въ отч. за 1865 г. стр. 1—14; въ отч. за 1867—1869 г. стр. I—

IV и 1—83; въ отч. за 1870—1872 г. стр. 1—31, 34—38 и 45—86; въ отч. за 1873—1875 г. стр. 1—68; въ отч. за 1876—1878 г. стр. 1—112.

II. КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ И ИССЛѢДОВАНІЯ.

1) Библіотека и историческая дѣятельность Моск. Синод. типографіи (по поводу статьи *П. А. Безсонова*: «Типографская библіотека въ Москвѣ»). Москов. Вѣд. 1859 г., №№ 285, 288 и 291, и въ отд. оттискѣ.

2) Историческая дѣятельность Моск. Синод. типографіи. Продолженіе предыдущей статьи. Газета: Наше Время 1860 года, №№ 5, 8, 10 и 12.

3) Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolismus). Въ Лѣтоп. Русс. лѣт. и древн. *Н. Тихомирова*, Т. II и III, 1859—61, и въ видѣ отдѣльнаго оттиска.

4) Рецензія на изданіе епископа Саввы: Палеографическіе снимки съ рукописей Моск. Синод. библіотеки. Въ Русс. Арх. 1863 г., №№ 5 и 6, стр. 487—492.

5) По поводу замѣтки г. *Веселовскаго* о томъ же изданіи. Въ Спб. Вѣд. 1863 г., № 191, съ подписью: Любитель палеографіи.

6) Кирилль и Мееодій. Новые источники и ученые труды для исторіи Славянскихъ Апостоловъ. Писано въ 1858 г., напеч. въ Кирилло-Мееод. Сборникѣ *М. П. Погодина*. М. 1865 г., стр. 343—440, и въ отд. оттискѣ.

7) Не было ли въ Москвѣ, опытовъ книгопечатанія прежде 1564 г.? Въ Трудахъ 3-го (Кіевскаго) археол. съѣзда. Кіевъ, 1878 года, II, стр. 211—220.

III. ИЗДАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ.

1) Апологъ отъ нравоученія Кирилла Александрійскаго по рукописи Ростовскаго Яковлевскаго монастыря. Въ Лѣтописяхъ Русс. литературы, IV, 1862 г.

2) Опись библіотеки іеромонаха Евевмія. Въ Лѣтописяхъ Рус. литературы, V, 1863 г.

3) Похвала Кириллу и Меѳодію по рукописи Севастьянова XIV в.; «Слово на принесеніе мощемъ преславнаго Климента, историческую имуще бесѣду», по Макар. Четъ-Мин., и такъ наз. Итальянская легенда о Кириллѣ и Меѳодіи, въ новомъ переводѣ, по Румянц. рукописи № 151. Напеч. въ Кирилло-Меѳ. Сборникѣ, М. 1865 г., стр. 309—312 и 318—342.

4) Кіево-Печерскій Патерикъ по Румянц. рукописи XV в. № 305, въ переводѣ на Русс. языкъ Маріи Викторовой, съ предисл., подписаннымъ буквами: А. В. Кіевъ, 1870 г.

5) Собственноручныя письма Императрицы Екатерины II къ А. В. Храповицкому. Въ Русс. Арх. 1872 г., № XI, стр. 2062—2097, и въ отд. оттискѣ.

6) Два памятника Русскаго монастырскаго быта XVII вѣка: Письмо Нектарія, архіеп. Сибирскаго († 1665), и Колязинская челобитная, съ предисловіемъ, подписаннымъ буквами: Л. П. Въ Русс. Арх. 1873 г., № 9, стр. 1770—1782.

7) Опись патріаршей ризницы 1631 г. Въ Вѣстникѣ Общ. Древне-Рус. искусства на 1874—1876 г., и въ отд. оттискѣ.

8) Опись ветхостей въ башняхъ и стѣнахъ Моск. Кремля, Китая города и Бѣлаго города, 1667 года, по рукописи Моск. Публ. Муз. № 1390. Въ Чт. Общ. ист. и древн. 1877 г., кн. II, Смѣсь, стр. 1—16.

9) Стефанитъ и Ихниатъ по тремъ древнѣйшимъ спискамъ: Севастьяновскому и Синодальному XV в. и по списку *Григоровича* (въ отрывкахъ) XIII—XIV в. Изданіе Общ. любит. древней письменности. Выйдетъ въ свѣтъ въ концѣ текущаго, или въ началѣ слѣдующаго года.

IV. смѣсь.

1) Описаніе этногр. музея *Густ. Клемма*. Перев. съ Нѣм., напеч. въ Москвит. 1853 г., № 16, стр. 169—184 (въ письмѣ Погодина изъ-за границы). Безъ подписи.

2) Великая княгиня Евонія, основательница Вознесенскаго женскаго монастыря, что въ Московскомъ Кремлѣ. М. 1857 г. Безъ означенія имени автора.

3) Рецензія на книгу: Протоіерей Ф. А. Голубинскій. Москвит. 1855 г., № 7, стр. 145—149. Безъ подписи.

4) Епархіальная Публичная бібліотека для Моск. духовенства. Моск. Вѣд. 1862 г., №№ 172, 173 и 181.

5) Извлеченіе изъ статьи В. Ундольскаго: «Объ открытіи и изданіи твореній Климента, еп. словенска». Бесѣды въ Общ. любителей Росс. слов. М. 1867 г., I, стр. 31—38. съ подписью подъ примѣчаніемъ: «Редакція».

6) Объ изданіяхъ Московскаго Публич. и Румянц. Музеевъ по отдѣленію рукописей и Славянскихъ старопечатныхъ книгъ. Въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1867 г. іюль, стр. 243—256. Безъ имени автора.

7) Предположеніе объ устройствѣ въ С.-Петербургѣ женскаго университета. Газета Погодина: Русскій 1868 г., №№ 4, 25 и 26.

8) Историческая объяснительная записка къ проекту новаго устава и штата Моск. Публ. и Рум. Музеевъ. Напеч. въ 1872 г., безъ ozn. года, въ л., на 74 стр., въ видѣ рукописи, и въ свѣтъ не была выпущена.

б) Библиографическія и другія работы ненапечатанныя.

1) Работы (въ теченіе 1852—1855 гг.) по сличенію Славянскаго перевода Хроники Іоанна Малалы съ Греческимъ подлинникомъ. Результаты этихъ работъ отмѣчены на поляхъ извѣстнаго Архивскаго сборника XV в. и Синод. Хронографа № 280, а также на поляхъ Архивскаго экземпляра греч. Боннскаго изданія Малалы.

2) Описаніе Макарьевскихъ Четъ-Миней по обомъ синодальнымъ спискамъ, въ сличеніи со спискомъ Новг. Софійскаго собора (нынѣ Спб. Дух. Ак.) и съ хранящимися въ разныхъ

библіотекахъ Четь-Минееми старшихъ и позднѣйшихъ редакцій. При этомъ, какъ пособіе для указанія подлинниковъ житій Греческихъ святыхъ, алфавитный указатель Греческихъ житій и похвальныхъ словъ, входящихъ въ составъ Греческихъ Четь-Миней Моск. Синод. библіотеки, составленный по самымъ рукописямъ. Названная работа произведена въ 1855—1860 гг. и потому, по разнымъ причинамъ, прекращена. Въ настоящее время предполагается обратить ее въ Сводный Алфавитъ Славянскихъ житій, вошедшихъ въ составъ Славянскихъ Четь-Миней всѣхъ редакцій, съ указаніемъ при житіяхъ Восточной церкви Греческихъ подлинниковъ, извѣстныхъ по каталогамъ Греческихъ рукописей Европейскихъ библіотекъ и имѣющихся въ Моск. Синодальной библіотекѣ, а также вошедшихъ въ составъ Acta SS. и другихъ изданій. Въ результатѣ этой работы ожидаются, между прочимъ, данныя для рѣшенія вопроса: какія изъ житій Греческихъ святыхъ сохранились только въ Славянскихъ переводахъ.

3) Описаніе рукописей и актовъ, хранящихся въ государственномъ древлехранилищѣ въ термахъ большаго Кремлевскаго дворца, составленное по порученію Московской Дворцовой Конторы, *въ 1873 г.* Работа оконченная и готовая къ печати. Подлинникъ ея въ дѣлахъ Московской Дворцовой Конторы; копія—въ Московскомъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Ссылки на это описаніе и выписки изъ него находятся въ предисловіи къ новой перепечаткѣ (М. 1879 г.) изданія Калайдовича и Строева: Законы Іоанна III и Судебникъ Іоанна IV.

4) Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ Дворцовыхъ Приказовъ. Выпускъ II и послѣдній, въ составъ котораго входятъ записныя книги и документы: Приказа Оружейной палаты, Серебряной и Золотой палаты, Приказа Государевыхъ тайныхъ дѣлъ и Государева (Петра I) кабинета; также описи дворцовыхъ церквей, остатки царскаго книгохранилища и проч.

5) Описаніе Греческихъ и Славянскихъ рукописей и фотографическихъ снимковъ съ Афонскихъ рукописей и актовъ *П. И. Севастьянова*, хранящихся въ Моск. Публичномъ Музеѣ.

6) Описание рукописей и важнѣйшихъ историческихъ и юридическихъ актовъ, приобретенныхъ Московскимъ Публичнымъ Музеемъ послѣ проф. *И. Д. Вьясова*.

Два послѣднія описанія въ томъ объемѣ и характерѣ, какъ и описаніе рукописей *Григоровича*, управлениемъ Музея предложено напечатать къ 50-ти лѣтнему юбилею Румянцовскаго Музея.

7) Краткое описаніе (въ родѣ Указателя Славянскихъ рукописей Моск. Синод. библіотеки) замѣчательнѣйшихъ рукописей сѣверныхъ библіотекъ:

I. Архангельской духовной семинаріи (до 308 рукоп.).

II. Анзерскаго и Голгоескаго скитовъ (въ Солов. мон., — 69-ть рукоп.).

III. Антоніева Сійскаго монастыря (до 250 рукописей).

IV. Петрозаводскаго архіерейскаго дома, Петрозаводскаго собора и музея (до 100 рукописей).

V. Александро-Свирскаго монастыря (до 80-ти рукописей).

Названныя собранія были осмотрѣны составителемъ описанія ихъ въ двѣ поѣздки на сѣверъ *въ 1876 и 1877 гг.*, но, по краткости времени, хранящіяся въ этихъ собраніяхъ рукописи описаны не всѣ, а только болѣе замѣчательныя, именно памятники литературнаго содержанія; изъ богослужебныхъ же рукописей только тѣ, которыя не моложе XVI в., или же замѣчательны въ другихъ отношеніяхъ. Работа эта предназначена къ напечатанію въ Лѣтописяхъ занятій Археографической Комиссіи.

8) Систематическій каталогъ Славянскихъ церковнопечатныхъ книгъ, по экземплярамъ осмотрѣннымъ въ разныхъ библіотекахъ лично, по документамъ Московскаго типогр. архива и проч., съ показаніемъ, при исчисленіи изданій одного и того же памятника, приблизительнаго отношенія текста послѣдующаго изданія къ предыдущему, съ означеніемъ теперешняго мѣста храненія болѣе рѣдкихъ книгъ, и проч. Въ видѣ введенія къ каталогу будетъ предпослано обзорѣніе болѣе замѣчательныхъ собраній старопечатныхъ книгъ и важнѣйшихъ библіографическихъ пособій. Работа неконченная.

9) Книгопечатаніе въ Россіи въ XVI вѣкѣ, прежде и около времени изданія Иваномъ Ѳедоровымъ Апостола 1564 г. Книги, напечатанныя безъ означ. мѣста и года печатанія въ Москвѣ, Вильнѣ и въ другихъ мѣстахъ, съ приложеніемъ снимковъ. Извлечение изъ этой статьи было читано авторомъ на Кіевскомъ Археол. съѣздѣ и напеч. въ Трудахъ этого съѣзда (см. выше).

II.

Выписки изъ частныхъ писемъ и записокъ А. Е. Викторова къ Н. И. Срезневскому.

. Проведенные мною четыре года въ Академіи (1846—1850 г.) не имѣють ни малѣйшей связи съ послѣдующими моими занятіями и нисколько не подготовили меня къ нимъ, по крайней мѣрѣ не дали рѣшительно никакихъ подготовительныхъ знаній. Изъ Академіи, благодаря господствовавшему въ ней въ то время обычаю писать большія сочиненія на заданныя темы, не стѣсняясь сроками, я вынесъ только логическую выправку и умѣнье самостоятельно работать въ какой бы то ни было области; по практическимъ же знаніямъ—знакомство съ модною въ то время Гегелевскою и вообще Германскою философіей и потомъ съ новою Русскою литературой. Въ послѣдствіи не разъ и мнѣ и моимъ товарищамъ приходилось жалѣть, что и богословскими-то знаніями не снабдили насъ какъ слѣдуетъ. Отчета въ лекціяхъ въ то время съ студентовъ не спрашивали; а имъ то и на руку: сидятъ себѣ и упитываются статьями Бѣлинскаго, или роются въ Латинскихъ фолиантахъ, отыскивая матеріалы на заданныя темы. Что же до меня, то, на бѣду, въ послѣдніе два года академическаго курса я почти все время проболѣлъ, и по этому не могъ заручиться даже тѣми знаніями, которыми могли заpastись мои товарищи. Горскаго мнѣ пришлось слушать очень не много, и то по всеобщей исторіи церкви. Но тѣмъ не менѣе лекціи его возбудили во мнѣ интересъ къ церковной исторіи, и я, бывши студентомъ, про-

челъ нѣсколько томовъ Неандера. При томъ же по этому предмету Горскій читалъ только около 10-ти лекцій, не больше. Вообще, при выходѣ изъ Академіи, и я, и многіе изъ моихъ товарищей ясно сознавали, что мы оставляемъ свою *Alma mater* почти что съ тѣми же фактическими знаніями, съ какими вышли изъ семинаріи, съ тою лишь разницею, что многое изъ прежняго позабыли и выучились обо всемъ толковать свысока.

. Въ 1861 г., благодаря рекомендаціи Ф. И. Буслаева, я переселился на службу въ бібліотеку Моск. Университета на должность помощника бібліотекаря, а потомъ въ 1862 г., благодаря также рекомендаціи Буслаева, перешелъ на мѣсто настоящей моей службы въ Музей.

Но добрѣйшій Федоръ Ивановичъ занимаетъ въ моей жизни роль несравненно большую. Я всегда чтилъ его, чту и буду чтить какъ истиннаго своего воспитателя, учителя и руководителя. И если, принявшись за рукописи безъ всякой подготовки и занимаюсь ими ошупью, въ послѣдствіи я сталъ немножко понимать въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многомъ другомъ, толкъ: то этимъ обязанъ именно Федору Ивановичу, съ которымъ находился въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ 1855 г. Знакомство съ Буслаевымъ, какъ и съ Шевыревымъ и Бодянскимъ, было сведено мною у Саввы, когда они (въ 1854 г.) работали надъ Синодальными рукописями для изготвленія извѣстнаго юбилейнаго изданія. Такъ какъ въ теченіе 1852 — 1858 г. я бывалъ у Саввы если не каждый день, то непременно черезъ день, и послѣ обѣда, или вечерняго чая, обыкновенно уходилъ въ кабинетъ работать надъ рукописями, гдѣ обыкновенно работали и университетскіе профессора, то знакомство съ ними было совершенно естественно Съ Буслаевымъ у меня съ самаго перваго знакомства начались сношенія самыя дружественныя, которыя потомъ утвер-

дидись окончательно съ 1856 года, когда, по его приглашенію, я поступилъ учителемъ Русскаго языка и словесности въ Маріинско-Ермоловское женское заведеніе, гдѣ Буслаевъ съ 1855 года былъ инспекторомъ преподаванія

Какъ вы знаете, Буслаевъ въ то время съ жаромъ пропагандировалъ изученіе въ нашихъ школахъ Славянскаго языка и Древне-Русской литературы, и мнѣ именно, по инструкціи данной Буслаевымъ, пришлось едва ли не первому приложить эту пропаганду къ дѣлу. Согласно съ давной мнѣ Буслаевымъ ~~инструкціей~~ инструкціей, я долженъ былъ преподавать: 1) грамматику Русскаго языка сравнительно съ Церковно-Славянскимъ; 2) исторію Древне-Русской и новой литературы по памятникамъ; 3) по памятникамъ же знакомить своихъ слушательницъ съ главнѣйшими представителями литературы Греческой, Римской и Итальянской. Для большаго удобства, всѣ эти предметы были распределены начиная съ низшихъ классовъ, на примѣръ: въ маленькихъ классахъ я читалъ съ воспитанницами Гомера, Русскія былинны, многое изъ Пушкина и Жуковскаго; въ среднихъ — оды Пиндара, Горація (конечно въ переводѣ), Данта . . . ; въ высшихъ — Греческихъ трагиковъ, Греческихъ и Римскихъ историковъ . . . и Древне-Русскихъ писателей, — а затѣмъ уже передавалъ теоретическія понятія, какъ выводъ изъ пржеде прочитаннаго. Опытъ удался какъ нельзя лучше; экзамены производились у меня по такой широкой программѣ, какая въ то время не практиковалась ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни мужскихъ, ни тѣмъ болѣе женскихъ

Считаю лишнимъ упоминать, что добрѣйшій Федоръ Ивановичъ постоянно руководствовалъ меня въ этомъ дѣлѣ совѣтами и снабжалъ книгами, и всегда поощрялъ и одушевлялъ меня въ моихъ занятіяхъ. Вообще попавши въ школу къ Буслаеву, я истинно прозрѣлъ и нѣкоторымъ образомъ прошелъ подъ его руководствомъ университетскій курсъ.

..... Въ наше время Голубинскій, какъ профессоръ философіи, преслѣдуемый со стороны Филарета подозрѣніями во всѣхъ возможныхъ ересяхъ, читалъ собственно Христіанскую философію въ одинъ тонъ съ Баадеромъ. По этому лекціи его намъ казались скучными и мы очень лѣниво слушали ихъ. Но за то Голубинскій былъ чрезвычайно интересенъ въ домашнихъ, частныхъ бесѣдахъ. Я сблизился съ нимъ по тому поводу, что около года работалъ надъ сочиненіемъ на заданную имъ тему: «Правда ли, что первый человѣкъ находился на степеніи животности, и потомъ мало по малу достигалъ образованія?» По этому поводу, согласно рекомендаціи Голубинскаго, я перечиталъ всѣхъ философовъ исторіи и прогрессистовъ, начиная съ Вико до Гегеля включительно. Но у Гегеля многаго я конечно не могъ понять, а потому и обращался за толкованіями къ Голубинскому же.

И вотъ тутъ то я и имѣлъ случай убѣдиться въ обширныхъ его свѣдѣніяхъ по философіи. Случалось, что онъ просиживалъ со мною надъ Гегелемъ часа по четыре къ ряду, и однако жъ за это время мы прочитывали только по нѣскольку страницъ. Это потому, что Голубинскій постоянно прерывалъ историко-философскими толкованіями. Бывало остановится на какомъ нибудь Гегелевскомъ тезисѣ и начнеть рассказывать исторію его, начиная съ Платона и Аристотеля. Вотъ почему я очень высоко ставилъ Голубинскаго, не смотря на сухость читанныхъ имъ намъ лекцій.

..... Тихонравову я очень благодаренъ за многое и многое, и прежде всего за то, что съ перваго же нашего знакомства (въ 1855-хъ годахъ) онъ относился ко мнѣ какъ равный къ равному, что для поддержки моего забытаго академическаго сознанія было очень важно. Но, собственно говоря, по занятіямъ въ то время, да и послѣ мы были товарищами. Онъ бывало дѣлился со мною своими

свѣдѣніями, я своимъ. Больше всего мы сходились въ методѣ преподаванія Русской словесности, такъ какъ оба находились подъ руководствомъ одного и того же наставника, т. е. Буслаева. Но потомъ мѣнялись своимъ свѣдѣніями и по части рукописей.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЬ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ ХХІ ТОМЪ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ номеръ статьи; остальные же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

Абдуль-Гамидъ. Неприязненные дѣйствія по отношенію къ Россіи **4.** 100—102. **4.** 289.

Абхазцы. Культъ св. Георгія. **2.** 59.

Августъ II, король Польскій. Отношеніе къ разновѣрнымъ подданнымъ **3.** 5. Привилегія въ защиту бѣлорусской епархіи. **3.** 12. Декреты о возвращеніи православныхъ церквей. **3.** 14.

Августъ III, король Польскій. Обѣщанія въ пользу православныхъ. **3.** 18. Отвѣтъ Елизаветѣ Петровнѣ на грамоту 1743 г. **3.** 29—30.

Авлита святой. Чествованіе у Сванетовъ и Грузинъ. **2.** 59.

Агрикъ антиохійскій. Чудо св. Николая съ его сыномъ. **2.** 17.

Академія Россійская. По вопросу о преобразованіи ея. **7.** 1—6.

Александра Павловна, вел. княжна. Екатерина II о ней. **4.** 265.

Александръ, императоръ, запрещаетъ изгонять изъ печати букву ъ, **7.** 14.

Александръ Павловичъ, вел. князь. Эпизодъ по поводу комедіи «Обманщикъ». **4.** 253—254. О его воспитаніи. **4.** 263—264.

Альмидоръ, король Марокко. Козни противъ св. Георгія. **2.** 110—111.

Анагита. Культъ ея. **2.** 69.

Сборникъ II Отд. II. А. Н.

1

- Ангальтъ Фридрихъ**, графъ. Екатерина II о немъ. 4. 282—284.
- Антиохія**. Приуроченіе къ ней Марини и Георгія. 2. 80—81.
- Антонинъ** изъ Плячницы, путешественникъ. Упоминаеть о Діоснолѣ, какъ мѣстѣ погребенія св. Георгія. 2. 30.
- Аркадій**, архіепископъ Кипрскій. Его слово. 2. 23.
- Аскетти**, напскій нунцій. Екатерина II въ его запискахъ. 4. 12—13.
- Аркульфъ**, епископъ. Рассказы изъ путешествія по святымъ мѣстамъ: 2. 33. О чудесахъ Георгія. 2. 34.
- Арнаутъ**. Чествованіе его въ Грузіи. 2. 68.
- Ацхури**, деревня. Празднованіе Георгію. 2. 62—63. Значеніе празднованія. 2. 64—65.
- Афанасьевъ**. О празднованіи Лазаря и обрядахъ на Ильинъ день. 2. 156—157.
- В. Александръ**. Его книга по изслѣдованію раскола. 1. 1.
- Васедовъ**. Мнѣніе Гримма о его филантропійѣ. 4. 43.
- Вальи**. Отанъ Екатерины II о его сочиненіяхъ, подарокъ ему и судьба Вальи. 4. 271—273.
- Барсовъ Е. В.** Его труды по изслѣдованію раскольничьей литературы. 1. 2.
- Барсовъ Н. Н.**, профессоръ. Благодарность Отдѣленія за трудъ его надъ рукописями Павскаго IV.
- Бауеръ**, Федоръ Васильевичъ, инженеръ. Свѣдѣнія о его жизни, участіе къ нему Екатерины II. 4. 187—190.
- Бахчисарай**, въ письмахъ Екатерины II. 4. 296, 299.
- Безбородко**, графъ. Отношеніе къ нему Екатерины II. 4. 202—203.
- Бенедиктъ XIV**, папа. Булла на имя короннаго канцлера, графа Малаховскаго. 3. 62.
- Берло Арсеній**, епископъ-администраторъ Вѣлорусскій. Интриги противъ него и судьба. 3. 17.
- Бестужевъ-Рюминъ**, Михаилъ Петровичъ, чрезвычайный посланникъ въ Польшѣ. Надежды на него Синода 3. 32—33. Письма къ Волчанскому и Слудскому архимандриту 3. 43—44 Наставляетъ на открытіи комиссіи. 3. 55.
- Бецкій**. Отношеніе его къ Бобринскому Алексію 4. 150—157. Какъ чтець Екатерины II. 4. 204—205.
- Бечойское ущелье**. Сказаніе о св. Георгіи. 2. 54.
- Библиологическій** словарь Строева. 7. 16—17.
- Биллингсъ**, начальникъ экспедиціи. 4. 267—268.
- Биронъ**, маршалъ. Выручаетъ русскихъ путешественниковъ 4. 199—200.

Бобринскій Алексѣй, графъ. Отзывъ о немъ Екатерины II и участіе къ нему. 4. 150—159.

Богдановичъ, Ип. собиратель русскихъ пословицъ. 4. 250.

Богумица-коровай. Дѣйствія надъ богумицей въ день Θεодора сятаго. 2. 7, въ Юрьевъ день. 2. 153—154.

Бодуэнъ, И. А., профессоръ. О Резянахъ. Значеніе изслѣдованія. 5. 1—2. О Резяневскихъ говорахъ. 5. 85—47.

Бой съ змѣею св. Георгія. 2. 109—114.

Болгаре. Народные обычаи въ день св. Θεодора. 2. 7—8. Обычай въ день св. Димитрія 2. 7. Гаданія на Георгія 2. 8. Обряды на день св. Георгія. 2. 153.

Болландисты о житіи св. Георгія. 2. 13. О св. Маркѣ. 2. 76—77.

Бонаршэ. Нерасположеніе къ нему Екатерины II. 4. 50—52.

Браганскій герцогъ. Отношеніе къ нему Екатерины II. 4. 25—26.

Брагинъ, ханъ. Егорій Храбрый убиваетъ его. 2. 185—186.

Браницкая, графиня. Екатерина о ней. 4. 298—299.

Брауншвейгская принцесса Августа. См. Зальшира.

Брауншвейгскій герцогъ. Перениска съ нимъ Екатерины II о принцессѣ и мнѣніе о немъ императрицы. 4. 167—178.

Брюсъ, графъ. Благоволеніе Екатерины II. 4. 202.

Буковина. Обычай накунуть Юрьева дня. 2. 152—153.

Булгакъ, Пинскій униатскій епископъ Обвиняетъ правосл. духовенство въ непотребныхъ поступкахъ. 3. 25—26.

Буслаевъ, Ф. И. О значеніи его въ жизни Викторова. 8. 20—21.

Бычковъ А. Ф., академикъ. Отзывъ о тетрадяхъ Бѣдорусскихъ пѣсенъ Шейна I. Заявилъ о просьбѣ профессора Калужскаго по изслѣдованію о патриархѣ Евфиміи IV. Просматривалъ рукопись Сцелуро VI. Представилъ сборникъ образцовъ болгарскаго народнаго языка VI. Представилъ отзывъ о ипщесномъ словарѣ VII. Напечаталъ словарь Строева и второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ. 7. 16—17. Принималъ участіе въ комиссіи для описанія дѣлъ синодальнаго архива. 7. 17.

Вѣлый Георгій, см. Анхури.

Бюффонъ. Сношеніе съ нимъ Екатерины II, мысли ея по поводу его книги и отвѣтъ Бюффона на вопросъ. 4. 45—46.

Варданъ, дукъ. Отношеніе къ св. Георгію 2. 43.

Васильевскій, В. Г., профессоръ. Мнѣніе о писателѣ слова Аркадія Кипрскаго 2. 23.

Верженъ. Отношеніе къ Екатерины II. 4. 68.

Веселовскій А. Н., академикъ. Прочелъ отрывки изъ рукописей Пинна о «Старообрядческомъ Синодѣ» IV. Доложилъ о желаніи Сирку по составленію описанія болгарскихъ апокрифическихъ сказаній V. Заявилъ о своихъ трудахъ по изслѣдованію рус. духов. стиховъ V. Определеніе Отдѣленія о трудахъ его V. Представилъ рукописный трудъ проф. Дестуниса VII. Прочелъ конспектъ своего изслѣдованія о Соловьѣ Вудимировичѣ VIII. Представилъ два рукописныя изслѣдованія свои и общенную Барсовымъ былинку IX. Ученые труды его XX—XXII. Избранъ экстраординарнымъ академикомъ XXI. О книгѣ Кириччинова «Свѣтой Георгій и Егорій Храбрый» 2. 1—2. О критическихъ приемахъ Кириччинова 2. 3. Объ изслѣдованіяхъ Кириччиновымъ текстовъ житія Георгіева 2. 19. Значеніе ученой дѣятельности Веселовскаго 7. 17.

Видинская каза. Обряды въ Юрьевъ день 2. 154.

Викторовъ А. Е. Значеніе его указателя для обзорнія Московской Патриаршей, или синодальной бібліотеки 3. 2—3. Способствуетъ обогащенію Московскаго Публичнаго музея 3. 4—5. Обзорнія замѣчательныхъ рукописей 3. 6—8. Фотографическіе снимки съ миниатюръ ученыхъ рукописей 3. 8—9. Другіе труды Викторова 3. 9—12. Воспоминанія его о жизни въ Академіи 3. 19. О роли въ его жизни Буслаева 3. 20—21, Голубинскаго и Тихонова 3. 22.

Виллибальдъ, свѣтой. Рассказываетъ о культѣ св. Георгія 2. 35.

Войковъ, русскій посланникъ при Польскомъ дворѣ. Порученія русскаго правительства 3. 68.

Волчанскій Іеронимъ, еп. Вѣлорусскій. Католики отказываютъ ему въ королевской привилегіи 3. 27. Жалобы его на нападки отъ епископа 3. 39. Обиды отъ Огнскихъ 3. 39—40. Письмо въ коллегію на русскихъ министровъ при польскомъ дворѣ 3. 40—41. Пререканія съ Голембовскимъ 3. 42. Отвѣтное письмо Бестужеву на приглашеніе пріѣхать въ сеймъ 3. 44. Опасенія вреда отъ Комиссіи 3. 48—51. Объясненія на донесенія Голембовскаго 3. 53—54. Потребованъ въ Варшаву на судъ за неправыя жалобы 3. 57. Судъ надъ нимъ 3. 59. Жалобы на насилія надъ православными 3. 60.

Волчанскій Іосифъ, епископъ Вѣлорусскій 3. 17. Донесенія Синоду о притѣсненіяхъ православнымъ 3. 18.

Вольтеръ, Екатерина II о немъ 4. 109. О подражателяхъ его 4. 231—232.

Володигринъ. Оближеніе сказанія съ Георгіемъ 2. 10, 123—124.

Вяземскій князь, генераль-прокуроръ. Екатерина II о немъ 4. 194—196, 4. 292.

Галіани, аббатъ, Екатерина II високо цѣнитъ его и желаетъ получить его изданія **4.** 268—270.

Навъ, сближеніе имени 2. 99—100.

Ганушъ, объясняетъ образъ гремящаго Петра 2. 95—96.

Георихъ Прусскій, наследный принцъ. Отъѣздъ Екатерины II 4. 22. Слухъ о его сумасшествіи **4.** 79, 81—82. Разъясненіе охлажденія между принцемъ и Екатериною II **4.** 88—88.

Георги, профессоръ. Екатерина II о его книгѣ 4. 222—223.

Георгианцы-секта въ Осетіи. Образование ея 2. 57—58.

Георгій, витязъ въ румынской сказкѣ 2. 114—118.

Георгій, святой. Отношеніе Георгія къ Θεодору Стратилату и Дмитрію Солунскому 2. 5, 19, 158. Покровительственное отношеніе къ животнымъ **2.** 6. Народные обичаи въ день Георгія **2.** 7—8. Повѣрья на Георгія **2.** 8. Георгій побѣдитель **2.** 9—10. Чудо Георгія съ змѣемъ. **2.** 12, 50, 70—71. **2.** 138—139, **2.** 143—144. Чудо съ мальчишкой **2.** 17. Славянскіе тексты о Георгіи **2.** 23. Мѣсторожденіе **2.** 27—28. Отношеніе къ Θεодору Сиксенту **2.** 31—32. О смерти Георгія **2.** 33. Смѣшеніе Георгія великомученика съ Георгіемъ исповѣдникомъ **2.** 34. Храмы Георгію **2.** 48—49. Изображенія его чудеса **2.** 53—54. Чествованіе у Осетинъ Уастырджи **2.** 55. Названія Георгія у Грузинъ **2.** 60. Время чествованія Георгія у кавказскихъ горцевъ **2.** 65. Смѣшеніе съ Ильею пророкомъ **2.** 86—87. Георгій поражаетъ чудовище **2.** 88—89. Является спасителемъ царевны **2.** 89—91. Пересказы чуда Георгія **2.** 104—107. Чествованіе въ Англіи **2.** 108—109. Отношеніе къ Сабрѣ **2.** 109—112. Георгій въ авг. балладѣ **2.** 112—113. Чудесное рожденіе Георгія **2.** 113—114, 122. Духовные стихи о чудѣ съ змѣемъ **2.** 125. Отношеніе къ лунѣ **2.** 133. Сближеніе стиха о чудѣ съ змѣемъ съ стихомъ о св. Θεодорѣ **2.** 134—136. Встрѣча его съ сестрами, съ змѣемъ и птицей **2.** 144—145. Отождествленіе Георгія съ Егоріемъ **2.** 151—152.

Георгъ, принцъ Вельскій. Отъѣздъ о немъ Гримма 4. 96.

Гера городъ. По поводу его пожара 4. 278.

Герингутеры. Мнѣніе Екатерины II 4. 60.

Геронтіи, отецъ Георгія. Отношенія къ сыну 2. 26, 43. Представляется мученикомъ **2.** 47. Объясненіе имени **2.** 122.

Глутоновичъ, Бахусъ, см. Сутерландъ, банкиръ.

Годская, поляка, см. Нассауская принцесса.

Голембовскій, Петръ, русскій резидентъ при польскомъ дворѣ. Письма объ обидахъ православнымъ 3. 19—20. Донесеніе на рескриптѣ **3.** 22—23. Недовольство дѣйствіями Голембовскаго **3.** 24. Совѣтъ его

православному духовенству **З.** 28. Обвиненія прав. духовенства **З.** 42, 44—45, 47—48. Оправданіе во взводимыхъ на него оупущеніяхъ **З.** 52.

Головкинъ, канцлеръ, сообщаетъ намъ о гоненіяхъ на православную церковь со стороны католиковъ **З.** 14.

Голубинскій, какъ профессоръ философіи, по воспоминаніямъ Виктора **З.** 22.

Готт. Сближеніе имени **2.** 99—100.

Греція. Празднованіе на Юрьевъ день **2.** 156—157.

Григорій Великій, напс. Его отношеніе къ Траяну **2.** 74—75.

Гриммъ. Не раздѣляетъ расположенія Екатерины II къ Іезуитамъ **4.** 6—10. Ходатайствуетъ за прадильщиковъ **4.** 15. Письмо отвѣтное о паныхидѣ Вольтера **4.** 18—19. Недовѣріе къ искренности намѣреній Іосифа II **4.** 19—20. О наследномъ принцѣ Прусскомъ **4.** 21, 23—24. Мечта о посѣщеніи Россіи Людовикомъ XVI **4.** 24. О князѣ де Линѣ **4.** 26—27. Общая характеристика его писемъ къ Екатеринѣ **4.** 27. Письма по поводу титула Великой **4.** 27—29. Записки о школахъ **4.** 30, 32. Предложеніе Екатерины II **4.** 32—34. О баронѣ Дальбергѣ **4.** 36. Мнѣніе о Филантропінѣ Базедова **4.** 43. О Бюффонѣ **4.** 46—48. По поводу издавія сочиненій Вольтера **4.** 50—52. О графѣ Валюстро **4.** 54. О политическомъ положеніи Екатерины II **4.** 62—63. О вооруженномъ нейтралитетѣ **4.** 63. Изображаетъ положеніе Португаліи, Англіи, Франціи **4.** 63—66. Отзывъ о государственныхъ людяхъ Людовика XVI **4.** 68—72. О сочиненіяхъ Фридриха II **4.** 77—79. Личный характеръ Гримма и тонъ его переписки **4.** 82—87, 110—111, 196—197. Отзывъ о принцѣ Генрихѣ **4.** 88, объ Іосифѣ **4.** 85—91, о Георгѣ III **4.** 92—95. Объ англійской политикѣ **4.** 95. О принцѣ Вельскомъ **4.** 96. Старается отклонить Екатерину отъ войны съ Турціей. **4.** 101. Посланіе къ Екатеринѣ изъ Америки. **4.** 105—107. По поводу празднованія двадцатилѣтія царствованія Екатерины. **4.** 114. Сообщаетъ заграничныя толки о дѣлахъ въ Польшѣ. **4.** 118. По поводу пожара въ Кронштадтѣ. **4.** 122. Пожалованъ орденомъ св. Владиміра. **4.** 125—126. Гриммъ въ перепискѣ съ Ланскимъ. **4.** 143—144. По поводу Бобринскаго Алексѣя. **4.** 150—159. О молодой четѣ (Виртембергской). **4.** 159—178. Гриммъ объ Орловѣ Григоріи. **4.** 181—184. Описываетъ заграничныя празднества въ честь имп. Екатерины. **4.** 197—198. О репутаціи русскихъ путешественниковъ. **4.** 199—200. О французѣ Жиллѣ. **4.** 205. Заботится о русскомъ курсѣ. **4.** 226—228. Желаетъ перенести съ комментаріями письма Екатерины. **4.** 274. Извѣщаетъ о пожарѣ Парижской оперы. **4.** 277. По поводу пожара въ австрійскихъ городахъ. **4.** 277—278. Посылаетъ государныя подарки. **4.** 279.

Гродно, см. Земля въ Гродно.

Гроссъ чрезвычайный посолъ при польскомъ дворѣ. Меморіальъ королю о преслѣдованіи православныхъ. **3.** 61.

Гротъ Я. К., академикъ. Заявилъ о трудахъ своихъ надъ языкомъ Державина I. Читалъ выдержки изъ статьи о языкѣ Державина III. Мнѣніе его о рукописи В. И. Срезневскаго по составленію словаря къ баснямъ Крылова. III. Доложилъ о надобности просмотра для біографіи Державина журналовъ Комитета Министровъ. IV, **7.** 9. Разсматривалъ трудъ Заруднаго. IV. Доложилъ о рукописныхъ томахъ «Матеріаловъ для русскаго корнеслова» Павскаго. IV. Представилъ рукописные матеріалы Павскаго V. Прочелъ письмо проф. Ягича о согласіи его на избраніе въ члены Отдѣленія. V. Заявилъ о грамматическихъ статьяхъ учителя Дмитревскаго VI. Доложилъ, что писатель Островскій занимается составленіемъ матеріаловъ для словаря руск. народнаго языка. VII. Составилъ записку объ ученыхъ трудахъ Ягича. XI—XIX, объ ученыхъ трудахъ А. Н. Веселовскаго. XX—XXII. Издаетъ сочиненія и переписку Плетнева. **7.** 10, письма Гримма къ Екатеринѣ II. **7.** 10. Сущность мнѣнія его о трудѣ Заруднаго. **7.** 11—12. Значеніе его «Филологическихъ разысканій». **7.** 12, 16; составляетъ русскую грамматику. **7.** 12.

Грузія, Распространенность культа св. Георгія. **2.** 51—53, **2.** 153. Названія Георгія. **2.** 60.

Грыневичъ, Симонъ, плебанъ Могилевскій. Нападки на православныхъ. **3.** 39.

Гумбольдтъ Александръ, натуралистъ, противникъ буквы ъ. **7.** 13—14.

Гурійскія церкви. Изображеніе Георгія. **2.** 54.

Густавъ III. На водахъ въ Спа. **4.** 96. Въ Фридрихсгамтѣ. **4.** 97.

Герцъ, прусскій посланникъ. Нерасположеніе къ нему Екатерины II. **4.** 159, 164.

Huon de Bordeaux, содержаніе эпизода пролога. **2.** 105 — 107. Сходство съ церковнымъ преданіемъ о Георгіи. **2.** 122.

Д'Аламберъ. Отзывъ о немъ п энциклопедистахъ Екатерины II. **4.** 273—274.

Дадіанъ, топархъ, мучитель Георгія. **2.** 22, 43—46, **2.** 139, **2.** 141.

Дадьянъ объясняетъ Демьянище русскихъ духовныхъ стиховъ. **2.** 15.

Дальбергъ, баронъ. Записка о школьномъ дѣлѣ. **4.** 34.

Даничичъ. Значеніе редактируемаго имъ словаря хорватскаго нарѣчія VI. **1.**

Даціанъ könig, keiser, мучитель Георгія. **2.** 45.

Дашкова княгиня, президентъ академіи. Столкованіе съ Екатериной II. 4. 201—202.

Де-Линь князь. Екатерина II о немъ 4. 25, 4. 296. Сопровождаеть Екатерину въ путешествіи. 4. 284, 289, 297.

Декушинъ, профессоръ. Определеніе Отдѣленія о рукописномъ трудѣ его греческой билины. VII. Исправилъ чтеніе и толкованіе палиндроста 2. 22.

Дигенисъ-Акрить, эпически герой Киппадокии. 2. 50. Битва съ дракономъ и сближеніе съ Георгіемъ. 2. 107.

Дигеріа. Сказаніе о св. Георгіи. 2. 55—56.

Дидро, прозекъ о народномъ образованіи въ Россіи. 4. 80—82. О наказѣ 4. 117. Участіе въ его семейству Екатерины II. 4. 278.

Димитрій Солунскій. Отношеніе его къ Егорію. 25. Покровительственное отношеніе къ животнымъ. 26. Повѣрья на Димитріа. 2. 8.

Диоклетіанъ мучитель св. Георгія. 2. 35, 37, 44—46, 2. 139. Объединеніе съ змѣемъ. 2. 137.

Диоскель-Лидда, мѣсто мученія св. Георгія. Культъ его въ Диоскель 2. 29—30, 35, 37.

Диоскельскій храмъ св. Георгію. Мѣстоположеніе его. 2. 30, 32, 35.

Дмитревскій, учитель. Заявленіе академика Грота о грамматическихъ статьяхъ его VI.

Дмитріевъ-Мамоновъ, графъ. Екатерина о немъ. 4. 284 — 285, 4. 297.

Добрыня Никитичъ. Связь билины съ легендами о змѣборцахъ. 2. 159—160.

Долгорукій Сергѣй, русскій посланникъ въ Варшавѣ. Порученія Петра наслѣдовать объ обѣдахъ православнымъ. 3, 13—14.

Долгоруковъ князь, посланникъ при Варшавскомъ дворѣ. Цѣль посольства. 36. Домогательства въ пользу православныхъ. 3. 8. Представленія о свободномъ отправленіи православнаго богослуженія. 3. 11. Порученія Петра. 3. 12.

Домашневъ, президентъ академіи наукъ. Гоненія его на букву з 7. 13—14.

Доминиканцы. Оскорбленіе Коинскаго, ихъ миссіонерская дѣятельность. 3. 65—67.

Донатъ святой. Связь его съ Георгіемъ. 2. 12.

Донъ-Карлосъ испанскій. Екатерина II о немъ. 4. 100.

Донъ-Феросъ де-Монбельяръ, см. Фридрихъ Виртембергскій.

Драконъ-змій, какъ символъ діавола. 2. 70.

Друцкій-Соколинскій Лаврентій, униатскій архієпископъ. Насилія православнымъ. **3.** 14—15.

Дѣлежъ земли между святыми. **2.** 89—90.

Д'Эпине. Сочувствіе Екатерины II. **4.** 70.

Дюмарескъ, пасторъ, составитель общесравнительнаго словаря. **4.** 241.

Егорій Храбрый спасаетъ свою мать. **2.** 135—136.

Екатерина II. Отношеніе къ Іезуитамъ. **4.** 1—4. Замѣтки о напакахъ и Іезуитахъ по письмамъ **4.** 5—6. О нихъ по личнымъ впечатлѣніямъ **4.** 7—9. Характеръ папства. **4.** 10. По поводу возведенія Сестреничича въ санъ архіерея. **4.** 11—12. По поводу словаря Миллера. **4.** 15—16. Объ Іосифѣ II. **4.** 21. О наслѣдномъ принцѣ Прусскомъ. **4.** 22, о князѣ де-Линѣ. **4.** 25, о королевѣ Португальской. **4.** 26. По поводу титула Вединой. **4.** 27—29. Заботы о народномъ образованіи. **4.** 29—30, 34, 44—45. Отзывъ о Дидро. **4.** 32. Предложеніе Гримму. **4.** 32—34. Мысли объ условіи истиннаго просвѣщенія. **4.** 36—37. О Бюффонѣ. **4.** 45—46. Подарки ему. **4.** 48. По поводу подарковъ. **4.** 48. О сынѣ Бюффона. **4.** 49. О Бомаршѣ. **4.** 50—52. О Руссо. **4.** 52. Объ итальянкѣ Кориллѣ. **4.** 53. графѣ Калиостро. **4.** 55—57, о массонахъ. **4.** 57—59. Комедіи Екатерины. **4.** 61. Уклоняется отъ вмѣшательства въ дѣла Европы. **4.** 66—67. Отношеніе къ Людовику XVI. **4.** 67—68, 75. Благодарность Верженну. **4.** 68. О Неккерѣ. **4.** 70—74. **4.** 221, Сегюрѣ. **4.** 76—77. О Фридрихѣ II. **4.** 78—81. По поводу слуховъ о смерти ея. **4.** 80. Объ Іосифѣ II-мъ. **4.** 91. Нерасположеніе къ Георгу III и англійской политикѣ. **4.** 92, 94, 96, 99. По поводу свиданія съ Густавомъ III. **4.** 96—99. О Донъ Карлосѣ. **4.** 100. Султанѣ. **4.** 100. По поводу слуховъ о войнѣ съ Турціей. **4.** 101—102. Дѣйствія ея противъ враждебныхъ Россіи выходовъ. **4.** 104. На политическое посланіе изъ Америки. **4.** 105. По поводу путешествія Павла Петровича. **4.** 107—109. О ходѣ своихъ законодательныхъ работъ. **4.** 112—114. По поводу празднованія двадцатилѣтія царствованія. **4.** 114—115. Распредѣленіе времени. **4.** 115—116, 135. Перечень дѣлъ за 19 лѣтъ царствованія. **4.** 115. По поводу замѣчаній Дидро о наказѣ. **4.** 117. О собраніи депутатовъ. **4.** 117—118. О Нассауской прин. **4.** 119. Заботы о флотѣ. **4.** 119—122. По случаю пожара въ Кронштадтѣ и гостиномъ дворѣ. **4.** 122—123. О городскихъ постройкахъ и путяхъ сообщенія. **4.** 123. Объ основаніи Георгіевскаго капитула. **4.** 124. Объ учрежденіи ордена св. Владиміра. **4.** 124—125. По поводу открытія памятника Петру. **4.** 126—127. Описаніе комнатъ Екатерининскаго флигеля въ Царскомъ селѣ. **4.** 128—129. Описаніе колоннады. **4.** 130—131. Лѣтнія поѣздки. **4.** 133—134, 136—138. Путеше-

ствіе по каналамъ. 4. 136—139. Объ иностранныхъ проходившихъ. 4. 141. О Лагарпѣ. 4. 108—109, 4. 142—143. О генералѣ Ланскомъ. 4. 143—144, 4. 145—150. О Бобринскомъ Алексѣѣ. 4. 150—159. О молодой четвѣ (Виртембергской). 4. 159—178. Герцогу Брауншвейгскому о томъ же. 4. 167. Мнѣніе о немъ. 4. 168—178. Объ экономистахъ. 4. 179—180. О Григоріи Орловѣ. 4. 179—187. Участіе къ Бауеру. 4. 187—190. Нерасположеніе къ докторамъ. 4. 188, 190. О Шуваловѣ Ив. Ив. 4. 59, 192—194. О кн. Вяземскомъ. 4. 194—196. О Собесѣдникѣ. 4. 201—202. О Брюсѣ. 4. 202, Безбородко. 4. 202—203, Бецкомъ. 4. 204—205. Занятія по исторіи Россіи. 4. 206—213, 216—221. О Георгѣ. 4. 222—223. Мнѣніе насчетъ Петербурга. 4. 223. Понатія о финансахъ и торговлѣ. 4. 224—225. О земледѣліи. 4. 229, прогрессѣ. 4. 230, страсти къ доктринѣ. 4. 230—231. Сужденія о 18 вѣкѣ. 4. 231—232, о конституціи. 4. 232—234, объ адвокатахъ. 4. 233. Взглядъ на истинную славу. 4. 234—235. О значеніи верховной власти въ выборѣ государственныхъ людей. 4. 235—236, о безначаліи и слабости. 4. 237. Взглядъ на православную церковь, монастыри, ханжество. 4. 238—240. Филологическія занятія. 4. 240—250. Этимологическія догадки. 4. 242—243. О движеніи славянъ. 4. 243. Составляетъ общесравнительный словарь. 4. 245. Собираетъ матеріалы для словаря. 4. 246—248. Мнѣніе ея о словарѣ. 4. 248—249. Собираетъ пословицы. 4. 250—251. Значеніе литературныхъ занятій Екатерины. 4. 251—253. По поводу своихъ драматическихъ произведеній. 4. 253—257. Объ игрѣ актеровъ. 4. 257—258. По поводу пьесъ Седэна, Троншени. 4. 258—259. Педагогическія понятія Екатерины. 4. 260—262. О музыкѣ. 4. 263. Объ Александрѣ и Константінѣ Павл. 4. 264—265. О внучкахъ. 4. 265—266. Объ экспедиціи Бидлингса. 4. 267—268. О Галіани. 4. 268—270, Рейналѣ. 4. 271, Балъи. 4. 271—273, д'Аламберѣ. 4. 273—274. По поводу желанія Гримма переписать ея письма. 4. 274. О Самойловичѣ. 4. 275—276. Объ аэростатахъ. 4. 276. По поводу пожара парижской оперы и австрійскихъ городовъ. 4. 277—278. По поводу румынъ. 4. 279, указа объ упрощеніи придворнаго этикета. 4. 279 Гриму впечатлѣнія во время плаванія по Днѣпру. 4. 293, во время пребыванія въ Кременчугѣ. 4. 294, по поводу свиданія съ Іосифомъ II. 4. 294—295, съ Польскимъ королемъ. 4. 293. О Херсонѣ. 4. 295, Бахчисараѣ. 4. 296, Севастополѣ. 4. 296—297.

Елена Павловна, вел. княжна. Екатерина II. о ней. 4. 265.

Елизавета Петровна, императрица. Дѣйствіе въ пользу зарубежныхъ православныхъ. 3. 21. Рескрипты Голембовскому. 3. 27—28. Грамота къ королю. 3. 29.

Елизавета святая. Объединеніе ея съ Георгіємъ **2.** 83—84. Стихи о чудѣ Георгія съ именемъ Елизаветы. **2.** 134.

Жамши, село. Иконы св. Георгія **2.** 53.

Женитьба Фигаро. Мнѣніе Екатерины II **4.** 50—51.

Завадовскій, министръ народн. просвѣщ., защитникъ буквы Ъ **7.** 14.

Загари, село. Изображеніе св. Георгія **2.** 55.

Залевкъ. Приуроченіе къ нему разсказа о царѣ праведномъ **2.** 73.

Замостье см. **Соборъ** въ Замостьѣ.

Зарудный, С. И., сенаторъ. Его желаніе о переведенномъ пмъ сочиненіи Беккарія IV.

Зельмира. Участіе къ ней Екатерины II. **4.** 159—177. Смерть ея **4.** 177—178.

Зеновичъ Михаилъ, плебанъ. Просьбы Конисскаго объ удаленіи его **3.** 64—65. Дѣйствія противъ Конисскаго **3.** 71—72.

Змѣя Марья. Объясненіе названія **2.** 102—103.

Изображенія чудесъ св. Георгія **2.** 53—54.

Иларіонъ монахъ разсказываетъ о чудѣ св. Георгія **2.** 13.

Иличъ, ксенцъзъ Кричевскій. Наглое отношеніе его къ правосл. духовенству **3.** 37—38.

Илья пророкъ. Народныя вѣрованія **2.** 85—86. Смѣшеніе съ георгіемъ **2.** 86—87. Илья наказываетъ грѣшниковъ **2.** 90.

Имеретія. Народныя гаданія въ день св. Θεодора **2.** 7.

Инокентій Винницкій, еп. Перемышльскій, сторонникъ униі **3.** 3, 6.

Инструкція Салтыкову, см. **Салтыковъ**.

Ипарское общество въ Грузіи. Культъ Георгія **2.** 52—53.

Иезуиты-миссіонеры въ Бѣлоруссіи **3.** 69—70. Отношеніе къ нимъ Екатерины Вт. **4.** 1—4. Они служатъ цѣлямъ Екатерины **4.** 3—5.

Иосифъ II, императоръ. Участіе его въ народномъ образованіи въ Россіи. **4.** 44. Иосифъ въ письмахъ Гримма къ Екатерины II. **4.** 85—91, **4.** 294—295.

Йованъ-Йоргованъ см. **Marienescu**.

Кадаги-вѣщунъ. Отношеніе св. Георгія **2.** 57—58.

Калуб волшебница. Дѣйствія по отношенію къ св. Георгію **2.** 113—114.

Калонья, Екатерина II о немъ **4.** 293—294, **4.** 298.

Калужняцкій, профессоръ. Проситъ о доставленіи извѣстій Отдѣленія IV.

Кальское общество въ Сванетіи. Культъ св. Георгія **2.** 52.

Канкренусъ, докторъ. Екатерина о немъ **4.** 191—192.

Канкринъ, министръ. Пререканія его съ мин. народн. просв. по поводу замѣтки акад. Гамеля **7.** 4—5.

Канадскія, гісторыя св. Георгія 2. 27. Значенне для апокрыфа Георгія 2. 28. Культ Георгія 2. 49.

Каранатъ графъ, мистикъ. Екатерина II о немъ 2. 59.

Качановскій Владыпіръ. Составилъ сборникъ образцовъ болгарскаго народнаго языка VI.

Квирникъ, святой. Чествованне у Сванетовъ и Грузинъ 2. 59.

Кейзерлингъ, русскій чрезвычайный посланникъ въ Варшавѣ 3. 18, 59. Его донесенія 1740 г. 3. 20. Рескриптъ 3. 21. Донесенія 1742 г. 3. 23. Недовольства дѣйствіями Кейзерлинга 3. 24. Обвиняетъ прав. духовенство въ неправыхъ дѣйствіяхъ 3. 59—60.

Кенішевъ, академикъ. Обвиненія по поводу его статьи «Почтовныя сообщенія» 7. 4—5.

Кириичниковъ. Значенне его книги о св. Георгіи и Егоріи Храбромъ 2. 1. Какое значенне придаетъ хронологіи рукописи и количественному отношенію варьянтовъ 2. 2—3. Отношенне къ рукописнымъ даннымъ житія Георгія 2. 4—5. Взглядъ на ноуму Рейнбота 2. 5. Исслѣдованне текстовъ житія Георгіева 2. 19. Предположенне о смерти Георгія 2. 33. О чудѣ Георгія съ змѣемъ 2. 70—73.

Ключевскій, профессоръ, принимаетъ участіе въ описаніи рукописей 7. 7.

Коллегія иностранная. Отношенне къ Синоду по дѣламъ объ обидахъ православнымъ зарубѣжнымъ 3. 21—22. Защищаетъ слабый образъ дѣйствій русскихъ министровъ при польскомъ дворѣ 3. 25. Обвиняетъ прав. духовенство въ ненотребныхъ поступкахъ 3. 25—26. Предлагаетъ комиссара 3. 26—27. Препирательства съ Синодомъ о рус. министрахъ при польскомъ дворѣ 3. 31—32.

Комиссаръ. Обязанности его по отношенію къ зарубѣжнымъ православнымъ 3. 26—27, 3. 69.

Комиссія. Вопросъ объ образованіи ея для исслѣдованія жалобъ прав. зарубѣжнаго духовенства 3. 23, 30—34, 48, 46—47. Слабыя надежды на комиссію 3. 35. Отсрочка засѣданія комиссіи 3. 54—55. Требования объ уничтоженіи ея 3. 56—57.

Комисскій Георгій. Черты характера 3. 62—63. Донесенія Синоду на притѣсенія православныхъ 3. 63—65. Столкновенне съ Доминиканами 3. 65—67. Проситъ заступничества у Екатерины II 3. 69. Доноситъ Синоду о насильствахъ православнымъ отъ іезуитовъ 3. 70. Козни противъ него поляковъ 3. 72.

Константиновъ Павловичъ, вел. князь. Екатерина о его характерѣ 4. 265.

- Консервенція** св. Синода съ Иностранною Коллегіею **З.** 31—33.
- Корнела**, итальянка. Мнѣніе Екатерины II о духѣ партій **4.** 53, 230.
- Коховскій**, Сильвестръ, іеромонахъ. Донесенія Синода на слабость дѣйствія русскихъ министровъ при польскомъ дворѣ **З.** 23—24. Порученія ему Синода **З.** 32. Слабыя надежды на комиссію **З.** 35—36. Предоставленія ему полной свободы дѣйствія **З.** 51.
- Красный кафтаниъ**, см. Дмитріевъ-Мамошовъ.
- Кременчугъ**. Екатерина передаетъ впечатлѣнія **4.** 294.
- Кресты надгробныя** у Черкесовъ. Значеніе ихъ по отношенію къ св. Георгію. **2.** 66—67.
- Куръ-де-Жобелень**. Екатерина II о его филологическомъ сочиненіи **4.** 213—215, **4.** 241.
- Лагаргъ**. Екатерина II о немъ. **4.** 108—109. **4.** 142—143. **4.** 148.
- Лазы**. Культъ св. Георгія. **2.** 51.
- Ламія**, мненческое существо. Значеніе его въ миеологіи грековъ и болгаръ. **2.** 11. 146.
- Ланскіе**. Участіе Екатерины II въ судьбѣ Якова Ланскаго. **4.** 140—141. О генералѣ Ланскомъ Екатерина II. **4.** 143—144. по случаю его смерти. **4.** 145—150. Генералъ Ланской старается утѣшить Екатерину. **4.** 185.
- Ласія**, **Лассія**, **Ласія** — глав. городъ Каппадокіи, къ которому приурочивается чудо съ змѣею Георгія. **2.** 72. 83.
- Латинъ**, царь. Чудо св. Георгія. **2.** 74—75. Варіанты пѣсенъ о Латинѣ. **2.** 88.
- Лафатеръ** объ Екатерины II и Христинѣ королеви. **4.** 291.
- Легенска земля** см. *Новоковча*.
- Леля-Ляля**. Празднованіе ей малоруссами. **2.** 156.
- Лисянскій** Ираклій, Полоцкій униатскій офиціалъ. Дѣйствія противъ прав. духовенства. **З.** 49.
- Лобковичъ**, князь. По поводу свиданія Іосифа II съ Екатериною **4.** 20—21.
- Лоде**, мнѣніе Екатерины II. Жизнь и смерть Зельмиры въ Лодѣ. **4.** 171—178.
- Локкъ** о воспитаніи. **4.** 261.
- Луна**. Связь лунъ съ Юріемъ. **2.** 132. Отношеніе Георгія къ лунѣ. **2.** 133.
- Любенекскій** Августинъ, униатскій архимандритъ. Истязанія и насмѣшки надъ православіемъ. **З.** 15—16.
- Людовикъ XVI**. Отношеніе къ Россіи. **4.** 67—68.
- Ма** см. *Мену*.

Макарій, митрополитъ. Слова и рѣчи его. 7. 6—7. Сочувствіе къ наукѣ. 7. 7.

Макрина святая. Народныя примѣты. 2. 91.

Максимианъ. Отношеніе къ Діоклетіану. 2. 37.

Малоруссы, Празднованіе наканунѣ Юрьева дня. 2. 156.

Маннгардтъ. Объясняетъ заговорныя формулы. 2. 93—94.

Мара (Марена). Сжиганіе Марн. 2. 49.

Маргарита святая, см. *Марина*.

Marievessa. Отношеніе румынской баллады къ русскому стиху о Георгіи. 2. 147—149.

Марина святая. Календарныя приуроченія. 2. 76—77. 85, 91. Апокрифъ. 2. 79—80. Объясненіе имени. 2. 77—78. 87. Мисеологическое сближеніе имени. 2. 92—95. Покровительница женской плодности. 2. 100—101.

Марія Казимира д'Аркіенъ, жена Яна Собіесскаго. Участіе ея въ избраніи новаго короля. 3. 4—5.

Марія, королева Португальская. Отъѣзды о ней Екатерины II. 4. 26. 63.

Марія огненная. Объясненіе этого эпитета. 2. 87—88.

Марія Павловна, вел. княжна. Екатерина о ея рожденіи. 4. 266.

Марія святая, зѣмборица. 2. 75—76. Обличительница грѣшниковъ. 2. 89—90. Народныя примѣты. 2. 91. Марія ключница въ пѣсняхъ. 2. 96. Марія въ русскомъ духовномъ стихѣ. 2. 135. Въ быліи. 2. 159.

Марія Феодоровна, вел. княгиня. Путешествіе во Европѣ. 4. 107—109.

Меморіалъ представленный Польскому правительству 1748 г. 3. 27—28. Отвѣтъ на меморіалъ. 3. 57—58.

Мону или **Малн**, богиня. Празднованіе ей. 2. 64.

Меншиковъ. Письмо Петру I о православныхъ Рѣчи Посполитой. 3. 7.

Миллеръ, кавалеръ, подготавлиетъ прядильщиковъ. Письма Гримма о немъ къ Екатерины II. 4. 15—16.

Мингрельцы. Празднованіе чуда св. Георгія. 2. 61.

Михаилъ Казиміръ, великій гетманъ. Угнетенія православныхъ. 3. 68.

Михайловъ, посланникъ при Польскомъ дворѣ, протестуетъ противъ сторонниковъ уніи. 3. 3—4.

Monde primitif, см. Куръ-де Жебелень.

Морена въ славянскихъ пѣсняхъ ключница. 2. 97—98. Смерть Морены. 2. 99.

Морошкинъ. Объясняетъ причину благоволенія Екатерины II къ Иезуитамъ. **1.** 1. 3—4.

Московский договоръ съ Польшею. Значеніе его для Россіи и Польши. **3.** 1—2.

Нассауская принцесса. Ея заграничныя толки о дѣлахъ въ Бѣлорусіи. **4.** 118—119.

Нейтралитетъ вооруженный. Значеніе его для Россіи. **4.** 61.

Неккеръ. Мнѣніе о немъ Гримма и Екатерины II. **4.** 69—74, **4.** 221.

Νικήτας ὁ ἄγιος. Сказаніе о немъ **2.** 12. Связь его съ житіемъ Георгія. **2.** 14—15, 18. О мѣстѣ погребенія и чудесахъ. **2.** 15. Взглядъ русскаго народа на Никиту. **2.** 18.

Николай, ученый, помогаетъ Екатерину II въ ея филологическихъ занятіяхъ. **4.** 245.

Николай, императоръ. Преобразование Россійской академіи **7.** 5—6.

Николай святой. Осетинская сказка о немъ **2.** 56.

Никомедія какъ мѣсто мученія Георгія **2.** 37, 42.

Нина. Святая, просвѣтительница Грузіи. Отношеніе къ Георгію. Жптія Нины **2.** 28.

Новаконвчъ выясняетъ значеніе Легенской земли **2.** 90.

Оберонъ. Связь св. Георгіемъ **2.** 10.

Обманщикъ, комедія Екатерины II. Успѣхъ ея **4.** 253.

Овлочинскій, см. Доминиканы.

Огнискіе князья. Гонители православія **3.** 39—40.

Олеъ истор. пьеса. Екатерина о ней **4.** 257.

Оранскій, архим. Назначеніе въ комиссію **3.** 33—34. Слабыя надежды на комиссію **3.** 35, 47—48. Предоставленіе ему полной свободы дѣйствія **3.** 51.

Орловъ Григорій, князь. О вліяніи его на Екатерину II. **4.** 180—181.

Орловъ въ Спа **4.** 181—182. Характеристика его **4.** 185—186.

Орловъ Ѳ., старается развеселить Екатерину II. **4.** 146, 150.

Осетины. Чествованіе Георгія **2.** 55—58.

Островскій А. Н., писатель. Занимается составленіемъ матеріаловъ для словаря русскаго народнаго языка и опредѣленіе Отдѣленія VII.

Павель Любопытный. Словарь его по изслѣдованію раскола **1.** 1.

Павель Петровичъ, вел. князь. Путешествіе по Европѣ **4.** 107—109.

Павловъ, профессоръ, принимаетъ участіе въ описаніи рукописей **7.** 7.

Павскій, академикъ. О рукописныхъ томахъ его «Матеріаловъ для русскаго Корнеслова» IV. Опредѣленіе Отдѣленія о рукописныхъ «Матеріалахъ» V.

Надпись, академикъ, издаетъ общесравнительный словарь Екатерины II. 4. 245—246. Отзывъ о трудѣ Екатерины 4. 247. Участвуетъ въ составленіи учебниковъ, составляетъ планъ экспедиціи 4. 266—267.

Наннъ, Н. И., графъ. Характеристика его 4. 185—186, 4. 206.

Наволагонія. Культъ св. Георгія 2. 49.

Нелла Загородное мѣсто, по описанію Екатерины II. 4. 131—133.

Неллія святая уравнивается св. Марціемъ 2. 78—79.

Нелю. Св. Георгій въ его балладѣ 2. 112—113.

Нелъ I. Заботы о православныхъ Рѣчи Посполитой 3. 6—7. Грамота къ королю 1718 г. въ защиту православныхъ 3. 11. Порученіе рус. послу 3. 12. Грамота къ королю 1722 г. 3. 14. Грамота къ королю 1724 г. 3. 16.

Нелъ святой, гремѣщій. Оближеніе въ мѣнахъ съ Ильей 2. 95—96.

Нѣ VI. Надежды Іезуитовъ 4. 4, 6.

Нелтъ рассказываетъ греческую легенду о Георгіи 2. 11.

Неллеронія и

Неллехронія, мать Георгія. Предположеніе Кириничникова и Веселовскаго 2. 26—27, 43. Объясненіе имени 2. 122, 141.

Нелленикъ, Нелление см. Синодикъ.

Нелонкинъ, князь, старается развеселить Екатерину II. 4. 136, 4. 146, 4. 150, 4. 281—282.

Нелокъ 1717 г. объ окончательномъ истребленіи Русской вѣры и народности въ Польшѣ 3. 9—11.

Нелонинъ, А. Н. Опредѣленіе Отдѣленія о «Старообрядческомъ Синодикѣ», о запискѣ по снаряженію ученой экспедиціи въ Болгарію IV.

Неллія святая. Отношеніе ея житія къ житію Марини 2. 78.

Нелія, Резіане. Путевныя впечатлѣнія ак. Срезневскаго 5. 2—8. Численность, черты характера 5. 8. Жилища 5. 9. 49. Занятія 5. 10—11, 52. Пища, одежда 5. 11. 53. Религіозность и праздники 5. 12—13, 50—51. Обряды, пляска, суевѣрія 5. 13—14. Нравы 5. 53—54. Топографическое положеніе 5. 48. Населенныя мѣстности 5. 49 Происхожденіе Резіанъ 5. 55. Прошлое Резіи 5. 56. Писатели о Резіанцахъ 5. 35—37. Резіанскіе говоры 5. 37—47, 5. 55—56.

Неліанъ, аббатъ. Отзывъ Екатерины о его сочиненіи 4. 271

Неліботъ, авторъ нѣмецкой поэмы о Егоріи 2. 4—5. Эпизодъ о рожденіи Георгія 2. 118—120.

Нелсъ, графъ, проситъ Гримма о ходатайствѣ передъ Екатериной II 4. 278—279.

Нелчардъ-Джонсонъ. Св. Георгій въ его романѣ 2. 108 и дальше.

Рудаковский Игнатій, переводчикъ при Русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ. Заслуги его въ пользу православныхъ **З.** 12- -14.

Румыны. Празднованіе Лелѣ **2.** 156.

Русско-Нищенскій Словарь, составленный изъ разговора нищихъ Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, мѣстечка Семежова XXIII—XXXII.

Руссо. Ж. Ж. Отношеніе къ нему Екатерины II **4.** 52.

Сабра, дочь царя Птолемея. Приуроченіе эпизодовъ изъ жизни св. Георгія **2.** 109—112.

Савва, архимандритъ, какъ издатель увазателя для обозрѣнія Московской Патріаршей, или Синодальной библіотеки **З.** 2.

Салтыковъ, князь. Основныя положенія инструкціи **4.** 260—264.

Самойловичъ, докторъ. Отзывъ Екатерины II о немъ **4.** 275—276.

Самѣга, великій канцлеръ литовскій. Отвѣтное письмо русскому резиденту **З.** 19.

Сванетія. Распространенность культа св. Георгія. **2.** 52, 59, 71.

Свяцкіі, шляхтичъ. Оскорбленія нанесенныя имъ священнику и епископу **З.** 13.

Севастополь. Екатерина II о немъ **4.** 297.

Selvius, Σελεύσιος, Селевій, имя царя, дочь котораго спасаетъ Георгій отъ змѣя. Приуроченіе къ нему разсказа о праведномъ судіи **2.** 72—73.

Сегюръ. Франц. посланникъ при Русскомъ дворѣ. Отзывъ Екатерины II **4.** 76—77, **4.** 137. О путешествіи Екатерины въ Крымъ **4.** 285, **4.** 292. **4.** 297.

Седмиградіе. Обряды наканунѣ Юрьева дня **2.** 153.

Седэпъ, авторъ комедій. Екатерина объ его комедіяхъ **4.** 258—259.

Сеймъ въ Гроднѣ 1718 г. Постановленіе противъ диссидентовъ **З.** 11—12, Сеймъ 1744 г. **З.** 34, 46, сеймъ въ Варшавѣ 1748. г. **З.** 56.

Сербы. Обычай въ Юрьевъ день **2.** 155—156.

Sigfriedmärchen. Черты сходства съ румынской сказкой о Георгіи **2.** 120—121.

Синодикъ старообрядческій. Церковно-историческое значеніе его **1.** 3—4. Описаніе рукописи **1.** 4. Историко-литературное значеніе **1.** 4—5.

Синодъ святѣйшій. Отношеніе къ Иностранной коллегіи по дѣламъ объ обѣдахъ зарубежнымъ православнымъ **З.** 21—22. Выражаетъ недоверіе къ русскимъ министрамъ при Польскомъ дворѣ **З.** 24—25, 31—32. Докладъ Екатерины о притѣсненіяхъ православнымъ **З.** 71—72.

Скорпія чудовище. Битва св. Георгія съ чудовищемъ **2.** 115—116.

Словарь Екатерины. Значеніе его **4.** 249—250.

Словныи. Топографическое положеніе и свѣдѣнія о нихъ, у путешественниковъ **Б.** 1—2, **Б.** 15—16. Характеръ страны **Б.** 17—18. Числен-

ность, черты характера **Б.** 18—19. Жилища **Б.** 20. Образъ жизни, занятія **Б.** 21—22. Пища, одежда **Б.** 22. Религіозность, праздники народныя **Б.** 23. Пѣсни, пляска, музыкальные инструменты **Б.** 24—25. Науки **Б.** 25.

Соборъ въ Замостьѣ 1720 г. Постановленія противъ православныхъ **З.** 13.

Соловьевъ, академикъ. Научная дѣятельность его и значеніе ея **7.** 18—24.

Сонъ сказочный. Значеніе его въ духовныхъ стихахъ о Григоріи **2.** 127—131.

Софія, мать Георгія. Предположенія Кириичникова и Веселовскаго **2.** 26—27. Софія въ русскихъ духов. стихахъ **2.** 134, 141.

Соча, рѣка. Теченіе ея **Б.** 1.

Сна. Путешествіе принца Генриха **4.** 82—88. Характеристика Сна **4.** 181.

Срезневскій, И. И., академикъ. Заявилъ признательность акад. Вычкову по пересмотру древнихъ памятниковъ русскаго письма и представилъ свой трудъ для изданія III. Представилъ рукопись словаря В. И. Срезневскаго къ баснямъ Крылова III. Предложеніе Отдѣленія семейству Срезневскаго относительно печатанія словаря древнерусскаго языка VIII. О филологическихъ изслѣдованіяхъ Бодуэна **Б.** 1—2, 35. О говорахъ Резіанъ **Б.** 37—47. Значеніе пятидесятилѣтней научной дѣятельности его **7.** 8—9.

Станиславъ Лещинскій, король Польскій. Положеніе на Польскомъ престолѣ **З.** 7.

Стефанъ, святой. Церковь его въ Палестинѣ по опредѣленію путешественника Антонина **2.** 30.

Стояновъ сообщил о легендахъ и иконографіи Георгія **2.** 53.

Суджуна, деревня. Обычай въ день св. Георгія **2.** 62.

Суни, селеніе. Изображеніе св. Георгія **2.** 53.

Сутерландъ, банкиръ. Его дѣла съ Бобринскимъ Алексѣемъ **4.** 152—156.

Сухомлиновъ, М. И. Записка о составленіи словарей къ отдѣльнымъ писателямъ II. Изложилъ планъ труда надъ языкомъ Жуковскаго III. Заявилъ о надобности пользоваться Архивами Государственнаго Совѣта и Комитета Министерства при составленіи Исторіи Россійской Академіи и опредѣленіе отдѣленія VII. Представилъ пятый выпускъ Исторіи Россійской Академіи IX.

Сценуръ, священникъ. О рукописи его Русско-нищенскаго словаря VI.

Сырку, румынъ. Предлагаєть составити описаніе болгарскихъ апокрифическихъ сказаній V. Сообщилъ вариантъ болгарской пѣсни 2. 88.

Сюстербекъ по описанію Екатерины II 4. 134—135.

Тактиконъ Никона Черногорца въ спискѣ 1397 г., рукопись Срезневскаго. Определеніе Отдѣленія VIII.

Тихомировъ Н. С. сообщилъ русскіе пересказы о мученіяхъ Никиты. 2. 14. Значеніе въ жизни Викторова. 3. 22.

Тоди, пѣвица. Екатерина II о ней. 4. 280—281.

Тодоръ см. *Теодоръ* святой.

Трактатъ 1716 г. Петра I съ Польшою. Значеніе его для православныхъ въ Польшѣ. 3. 8.

Траянъ императоръ, какъ типъ праведнаго суди въ средніе вѣка. 2. 73—75.

Троемскіе христіане, см. *Троянскіе*.

Трошневъ, драм. писатель. Екатерина о немъ. 4. 259.

Трояно-градъ. Приуроченіе къ нему чуда св. Георгія. 2. 74—75 88—89. Въ сербскихъ пѣсняхъ городъ Троянъ. 2. 89.

Троянскій король. Приуроченіе къ нему чуда св. Георгія. 2. 88—89.

Троянскіе христіане. Варианты пѣсень о нихъ. 2. 88.

Тудорова недѣля, см. *Тудорица*.

Тудорица, праздникъ *Теодору Тирону*. Обычай болгаръ въ этотъ день. 2. 6—7.

Уастырджи см. *Георгій*.

Уваровъ, министръ нар. просвѣщ. Проектъ преобразования Россійской академіи. 7. 5—6. Распоряженіе его о буквѣ е. 7. 13.

Узеверь объ имени святой *Марии*. 2. 77—78.

Фалькенштейнъ, графъ. Отъѣзды о немъ въ письмахъ Екатерины II. 4. 9. 16—23, въ письмахъ Гримма. 4. 89—90. О немъ же. 4. 294.

Федулъ, дивертисментъ Екатерины. Императрица о немъ. 4. 251.

Филантропинъ, см. *Базедовъ*.

Фолькнеръ переводчикъ «Записокъ касательно исторіи Россійской». 4. 217—218.

Фридрихъ II. Мнѣніе о вооруженномъ нейтралитетѣ. 4. 63. Старанія его поссорить Екатерину II съ принцемъ. 4. 79. Распространяетъ слухъ о сумасшествіи принца. 4. 79, 81—82.

Фридрихъ-Вильгельмъ, наслѣдный принцъ Пруссійскій. Гриммъ о немъ Екатерины II. 4. 21.

Фридрихъ Виртембергскій. Нерасположеніе къ нему Екатерины II. 4. 160.

Фридрихсгамъ. Свиданіе Екатерины II съ Густавомъ III. 4. 97.

Хевсурь. Чествованіе св. Георгія. 2. 60.

Херсонь, по описанію Екатерины II. 4. 295.

Хоментовскій, воевода Мазовецкій. Порученія Петра въ пользу православныхъ. 3. 12.

Храмы св. Георгія. 2. 48—49.

Царское Село. Значеніе въ жизни Екатерины II. Описаніе комнатъ 4. 128—129. Колоннада 4. 130—131.

Циммерманъ, философъ. Екатерина II о немъ 4. 275.

Цинна, трагедія Корнеля. Екатерина II по поводу ея представленія 4. 257.

Четвертинскій Силвестръ, еп. Бѣлорусскій. Жалобы Петру на притѣсненія православныхъ 3. 12. Оскорбленія отъ шляхтичей 3. 18, 15. Жалобы на насилія 3. 15.

Чартермійскій князь, канцлеръ литовскій. Отвѣтъ на рескриптъ короля по вопросу о преслѣдованіи православныхъ римскими епископами 3. 61. Отвѣтъ на порученія Воейкова 3. 68.

Чесна. Основаніе Георгіевскаго капитула 4. 124.

Чораковъ сообщаетъ пѣсню о св. Георгіи 2. 122—123.

Шадевъ. Мысли объ учебномъ дѣлѣ 4. 37—40.

Шарна — мѣта обѣта 2. 63

Швыковскій Бернарды, управитель Могилевскаго уѣзда. Распоряженія его о миссіи іезуитовъ 3. 69—71.

Шейтъ, П. В. Письмо къ акад. Гроту о доставленныхъ въ Отдѣленіе Бѣлорусскихъ пѣсняхъ. Отзывъ о его тетрадахъ I. Сборникъ духовныхъ стиховъ IX.

Шинковъ, президентъ академіи. Постановленіе о буквѣ Ъ 7. 13.

Шоны. Жертвоприношеніе въ Юрьевъ день 2. 153—154.

Шуваловъ, Иванъ Ивановичъ, мистикъ. Екатерина II о немъ 4. 59, 4. 192—194.

Шумлянскій Іосифъ, еп. Львовскій. Возбуждаетъ духовенство къ отторженію отъ Московскаго патріарха 3. 2—6. Присоединеніе къ униі 3. 5.

Эвхлантъ, мѣсто погребенія Θεодора Стратилата и Тирона 2. 50.

Юрій святой, божій ключникъ 2. 97. Праздникъ его у Резьянъ 5. 13.

Юшкевичъ Амвросій, новгородскій архіепископъ. Защитникъ зарубежныхъ православныхъ 3. 21, 40.

Юшкевичъ И. В. Письмо къ Гроту IX.

Ягичъ, И. В., акад. Письмо его къ акад. Гроту V. Заявилъ о своемъ предположеніи издать въ русскомъ переводѣ нѣкоторыя свои филологическія изслѣдованія VI. Представилъ труды VII. Доложилъ о двухъ рукописяхъ

Срезневскаго VII. Изъявить готовность наблюдать за печатаніемъ словаря Срезневскаго VII. Прочеть записку о словарѣ славян. языковъ IX. Биографическія свѣдѣнія и ученне труды XI.

Ялобачъ деревня. Приуроченіе къ ней св. Марини 2. 80.

Яковичъ де-Миріево, сербъ. Участіе его въ народномъ образованіи въ Россіи. 4. 44. Издастъ Словарь Екатерины 4. 250.

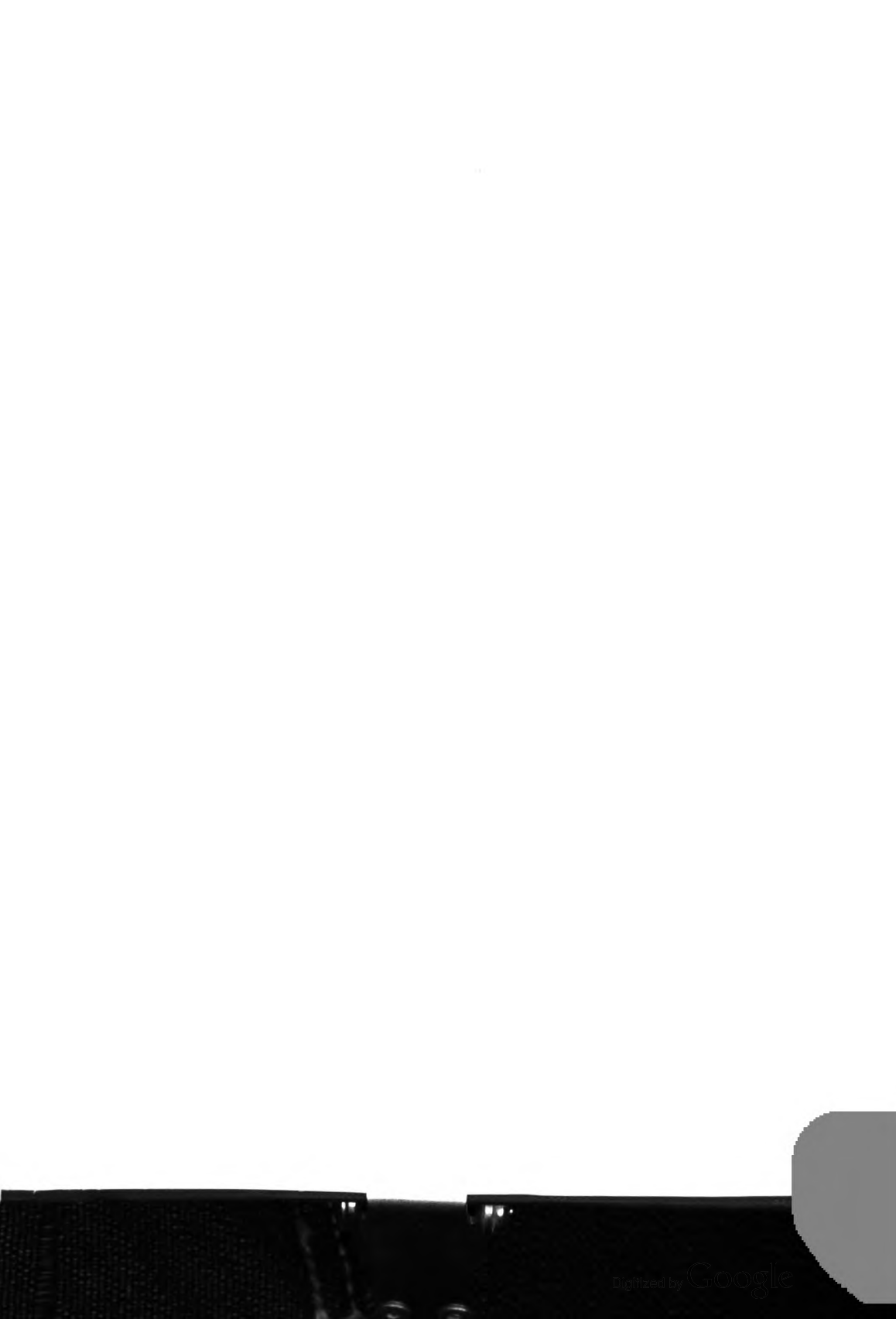
Феодорова недѣля, см. Тудорица.

Феодоръ святой. Отношеніе его къ Егорію 2. 5. Покровительственное отношеніе къ животнымъ 2. 6. Народные обичаи въ день памяти его 2. 6—7. Смѣшеніе актовъ Феодора Тирона и Стратилата 2. 7. Связь его чуда съ чудомъ св. Георгія 2. 18, 2. 50, 2. 135—136, 158.

Феодоръ Сикестъ. Житіе его 2. 31. Путешествіе къ святымъ мѣстамъ 2. 32.

Феодосій, отецъ святой Марини Маргариты 2. 79. Календарное приуроченіе Феодосія 2. 142.

**THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE
STAMPED BELOW**

**BOOKS REQUESTED BY ANOTHER BORROWER
ARE SUBJECT TO RECALL AFTER ONE WEEK.
RENEWED BOOKS ARE SUBJECT TO
IMMEDIATE RECALL**

LIBRARY, UNIVERSITY OF CALIFORNIA, DAVIS

Book Slip—Series 458

1155880

PG
2013
A65
v. 21

**Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo yazyka i slo-
vestnosti.**

Сборник. т. 1-101; 1867-1928. Ленинград (Петроград,
Санктпетербургъ)

101 в. Шпа., plates, ports, maps. 24-27 cm. Irregular.

Title varies: v. 1-7, Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи
русскаго языка и словесности.

Includes the proceedings, annual reports and monographs with
special title pages and separate paging, most of them containing bio-
graphies and bibliographies of members and men of letters, etc.

"О Второмъ отдѣленіи Академіи наукъ. Академика Я. К.
Грота": в. 1, no. 5.

"Исторія Россійской академіи. Академика И. И. Сухомятова":
v. 11, 14, 16, 19, 22, 31, 37, 43.

Title repeated in journal.

